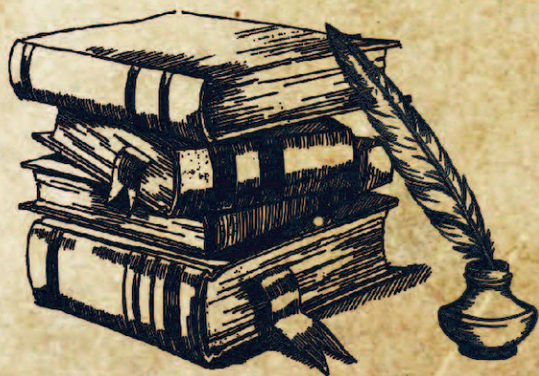

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
*Всероссийской научно-практической
конференции, приуроченной к 250-летию
со дня рождения выдающегося государственного
деятеля, реформатора и учёного
М.М. Сперанского*

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
Ордена Трудового Красного Знамени
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт государства и права Российской академии наук

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной
к 250-летию со дня рождения выдающегося государственного
деятели, реформатора и учёного М.М. Сперанского

Белгород 2022

УДК 34.0
ББК 67.0
А 43

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом юридического института НИУ «БелГУ» (протокол № 6 от 23.03.2022)

Рецензенты:

В.П. Беляев, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»;

С.Ю. Суменков, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Государственно-правовые дисциплины» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

А 43 **Актуальные проблемы государственно-правовых преобразований в России: история и современность: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 250-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля, реформатора и учёного М.М. Сперанского / под ред. Е.Е. Тонкова и В.Ю. Туранина.** – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. – 716 с.

ISBN 978-5-9571-3220-2

В сборнике представлены материалы докладов участников Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы государственно-правовых преобразований в России: история и современность», приуроченной к 250-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля, реформатора и учёного М.М. Сперанского, состоявшейся 28 января 2022 года в Белгородском государственном национальном исследовательском университете.

Конференция была проведена в рамках государственного задания FZWG-2020-0008, тема проекта: «Национальные интересы: особенности правовой институционализации и механизм обеспечения реализации в современной России».

Сборник адресован научным и практическим работникам, а также всем тем, кто интересуется вопросами государственно-правовых преобразований в России.

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 34.0
ББК 67.0

ISBN 978-5-9571-3220-2

© НИУ «БелГУ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Бабурин С.Н. Смысл и формы совершенствования государственного права России: М.М. Сперанский и современный конституционализм	14
Тонков Е.Е. М.М. Сперанский и современные преграды на пути формирования государства созидającego	20
Васильев А.А. Н.М. Карамзин как оппонент М.М. Сперанского: политико-правовые сюжеты	24
Мархгейм М.В. «Ценз знаний» М.М. Сперанского: судьба идей в государственном строительстве России	27
Туранин В.Ю. Правовое обеспечение национальных интересов в современной России	32
Беляева Г.С. К вопросу о структуре механизма обеспечения реализации национальных интересов в современной России	38
Давыдова М.Л. Экспериментальный правовой режим как новое явление в правовом регулировании	41
Овчинников А.И. Правовая теология и христианское правопонимание: основные идеи в XXI веке	44
Саидов З.А., Бидова Б.Б. Концептуальные основы теории национального интереса	49
Репьев А.Г. Учение М.М. Сперанского о правовом положении личности	56
Биюшкина Н.И., Балдин А.К. Развитие русского конституционализма как элемент политической философии М.М. Сперанского ...	59
Ярычев Н.У., Вахаева Х.Ш. Правовое обеспечение национальных интересов России в контексте генезиса	61
Хаяли Р.И. Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (1922–1955 гг.)	69
Кабанов П.А. Инновации антикоррупционного образования в России: проблемы и перспективы	71
Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Юридическая природа образовательного права	76
Бешукова З.М. Легальное понятие экстремистской деятельности (экстремизма): в поисках оптимальной модели	79
Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Качество Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективы его повышения	84
Кокоулин В.Г. Сталинская Конституция и сталинский режим в исторической памяти постсоветской России	87

Новикова Е.А., Шумилин С.Ф., Шумилина О.С. М.М. Сперанский – богослов по образованию, юрист по призванию	91
Макогон Б.В., Дудин В.А. Периодизация развития понятия «город» в законодательстве Российской империи (XVIII – начало XX в.)	97
РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	
Панченко А.В. На путях конституционализма: от проектов М.М. Сперанского к конституционной реформе 2020 г.	100
Косых А.А. Понимание разума в политико-правовых идеях М.М. Сперанского	105
Кутько В.В., Нестеренко В.В. Роль Уполномоченных по правам человека в обеспечении избирательных прав граждан и их защите	107
Готовкина М.С. Вклад М.М. Сперанского в развитие отечественной науки XIX века	111
Демина Т.А. К 230-летию Ясского мирного договора и вхождению междуречья Южного Буга и Днестра в состав Российской империи	113
Бидова Б.Б. Правовые формы реализации национальных интересов	116
Бидова Б.Б. Реализация национальных интересов как основание национальной безопасности	120
Багдасарян И.А., Морозов Н.В. Проблема признания несовершеннолетних участниками цифровых правоотношений в Российской Федерации	125
Шкаревский Д.Н. Специфика деятельности лагерных судов во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.	130
Виноградова Д.Ю. Развитие налогового права Бессарабии в составе Российской империи	132
Костюнина О.В. Критерии экспертной оценки муниципальных нормативных правовых актов в рамках правовой экспертизы в области противодействия коррупции	137
Кротов А.В. Концепция «социальной легитимности»: понятие и содержание	142
Оганесян А.К. Идеи теократического правопонимания в сочинениях Н.А. Захарова	146
Ерыгина В.И. Учение М.М. Сперанского о народном представительстве	148
Шабалина Е.И. Правовая регламентация рабочего контроля	153
Васильев П.В. Употребление словоформ «автоматический» и «автоматизированный» при описании порядка наступления правовых последствий	158

Латышев С.Н. Стратегия государственной национальной политики России как инструмент противодействия историческим фальсификациям	162
Левенец Е.В., Боброва О.Г. Правовая охрана служебной тайны в области обороны и безопасности государства	164
Зайцева О.В., Бакулова Д.А. Стимулирование молодежи к участию в деятельности добровольных объединений правоохранительной направленности: правовой аспект	168
Ганаева Е.Э., Вахаева Х.Ш. Понятие и сущность национальных интересов России в процессе их развития	171
Желдыбина Т.А. Отражение государственно-правовых преобразований в российской теории «возрожденного естественного права» (последняя четверть XIX – начало XX вв.)	176
Иванченко Е.А., Битус Д.А. Обеспечение органами прокуратуры реализации конституционного права на жилище	179
Червяковский А.В. Источники официального опубликования нормативных правовых актов как средства правовой коммуникации между государством и обществом	183
Козлова М.Ю. Влияние цифровизации на профессиональные компетенции юриста	186
Грудинин Н.С. Институт необходимой обороны в российском уголовном праве	191
Тихонова С.С. Доказанность наличия проблем уголовно-правового регулирования в концепциях вторичных (текущих) российских уголовных законов: современное состояние и перспективы	196
Никонова Л.И. Государственный Совет Российской Федерации: традиции и новации	201
Логвинец Е.А., Каторгина Н.П. Основы международного сотрудничества в области криминалистической деятельности на примере международной организации уголовной полиции – Интерпол	205
Долженко Н.И., Пищулина А.С., Чу Куинь-Чи Проблемы и перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность	207
Юдин Е.В. Право на информированное добровольное согласие при оказании медицинской помощи с использованием генетических технологий: выбор оптимальной правовой модели	209
Орехова Н.Л., Цечоева Л.Б. Исторические аспекты развития российской правовой системы: формирование и особенности	215
Подольский А.В. Адресность льготных правовых режимов	218
Дядюн К.В. Эволюция регламентации уголовной ответственности за изнасилование: проблемы и перспективы совершенствования	221
Зыков Д.В. Роль юриста в правовом регулировании (размышления по поводу)	224

Редько К.С., Бредихин А.Л. Развитие советского уголовного права во второй половине 1950–1960 гг.	227
Мельникова О.В. Правовое сознание молодежи в условиях пандемии: проблемы и пути решения	230
Слеженков В.В. «Умное регулирование» и партиципаторная демократия: проблемы и перспективы концептуальной взаимосвязи	234
Твердохлебова А.С., Пасенов А.Н. История развития прокуратуры в России и за рубежом	237
Алейникова В.А., Пасенов А.Н. Международно-правовое регулирование информационного пространства: история развития и современное состояние	240
Пономарева М. А. Конституционализация как концепт правового дискурса: к вопросу об уточнении научно-понятийного аппарата юридических исследований	243
Исакова Л.В. Методологические особенности использования сравнительного правоведения для изучения сущности историко-правовых явлений	248
Колесник Е.С. Особенности участия прокурора в рассмотрении административных дел	251
Домнина А.В. Судебный конституционный контроль за поправками к Конституции Российской Федерации	253
Шишкин В.В. Правовое регулирование морской войны в законодательстве Российской империи в свете международных договоров, на примере морской блокады	255
Морозов В.Е. Административная регламентация функционирования в системе федеральной исполнительной власти	257
Дубровин М.А. Цикл форм территориального устройства российского государства: интеграционный подход	259
Семенов И.А., Веселова А.Р. Категории этики: «честь» и «справедливость» на примере уголовно-исполнительной системы	264
Нгатею А.Ш.П. К вопросу о бремени доказывания правила исчерпания внутренних средств правовой защиты в практике Африканского суда по правам человека и народов	266
Кандаурова И.А., Шеенко В.Б. Деятельность советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны (на примере тыловых районов): сравнительный подход	269
Киреева А.А. Особенности расследования и раскрытия преступлений против собственности с использованием сети Интернет и сотовой связи	271
Алева-Герман Е.А.А. К вопросу о статусе специального закона о прокуратуре Российской Федерации	273
Ислентьев С.О. Вклад М.М. Сперанского в развитие идей прав и свобод личности	277

Шарафиева Л.М. Правовые аспекты взаимодействия власти и гражданского общества в контексте самоактуализированной личности	281
Кравец К.В., Николаева В.С. Б.Н. Чичерин о соотношении права и нравственности	284
Олишевская Н.В. Государственный суверенитет в эпоху глобализации	286
Чуева И.А. Особенности организационно-правового регулирования всесоюзных ударных комсомольских строек «Белгородской Магнитки»	288
Чабаненко Л.В. Цифровизация процесса отправления правосудия в Российской Федерации на примере арбитражного судопроизводства	291
Меграбян С. А. Некоторые проблемы соблюдения судами принципа равноправия сторон в исковом производстве ...	294
Волокитина Л.М. Проблема языка права и «роботизации» юридического нормотворчества: теоретико-правовой аспект	296
Хаяли Б.Р. Правотворческая деятельность городской думы Карасубазара Таврической губернии по улучшению санитарного состояния города	300
Василишина П.Ю. Последствия появления внепроверочных форм налогового контроля как результат цифровизации налоговой сферы	303
Липич Д.В. Духовно-мировоззренческие основания формирования правовых взглядов Б.П. Вышеславцева	307
Мальцева А.М. Представление о конституционном праве на судебную защиту в условиях государственно-правовых преобразований в России	310
Насиров Э.З. Миграция в Европейском союзе: глобальные проблемы современности	313
Рассолов В.Ю., Бакирова Д.М. К вопросу объективации юридического факта	317
Хрони Н.Н. Роль феномена «приоритетная обязанность» в обеспечении национальной безопасности	321
Федорова А.С. Роль органов прокуратуры Российской Федерации в обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних	324
Юлдашева Е. А. Рекомендации по формированию стратегии социального развития города	328
Бакулин М.А. Риски цифровизации законодательства	335
Елсакова В.В. Применение к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия	340

Гаджиев Гаджи-Мурад Багомедович Дискреционные полномочия налоговых органов по истребованию доказательств (информации) вне рамок налоговой проверки	343
Сафонова А.В. Историко-правовые предпосылки становления налогового контроля	346
Теряева Д.Д. Цифровизация системы социальной защиты населения России	348
Павлов К.В. Основания для войны в международном праве XVI в.: трактовки Франческо Гвиччардини и Андрея Курбского	351
Андропова О.И. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции при реализации национальных проектов	355
Тихомиров П.Ю. Память о М.М. Сперанском в практике коммеморации конца XX – начала XXI вв.	358
Беднякова М.А. Исторические перспективы России в труде Н.Я. Данилевского «Россия и Европа»	362
Савченко Д.Г. Органы прокуратуры Российской Федерации и Республики Беларусь в системе обеспечения информационной безопасности	366
Евстропов А.М. К вопросу о проблемах коррупции в современной России	369
Вольвач А.Д. Злоупотребление должностными полномочиями в России и за рубежом	373
Дощатов А.А. Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти «Открытость 2.0»	376
Макарова Ю.А. Общественный экологический контроль в России: проблемы и перспективы	381
Алиева А. Э. Место Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов государственной власти	384
Симоганов С.С. Некоторые аспекты реализации положений Конституции Российской Федерации в сфере равенства прав мужчин и женщин	387
Макаров К.К. Проблемы цифровизации российского права	389
Соломин В.С. Референдум как институт непосредственной демократии в России: теория и проблемы реализации	392
Волкова А.С. Оформление процесса укрепления вертикали власти в России: 2000–2020 гг. (особенности конституционно-правовой реформы)	395
Киреева Е.Д. К вопросу о проблемах правового регулирования процесса цифровизации	397
Гаврилова В.Д. Механизм управления в системе публичной власти: тенденции становления	399

Мошкин М.В. Безопасность государственной территории: единство, целостность, неотчуждаемость	402
Сикач А.С. Роль прокуратуры как субъекта в механизме противодействия коррупции	406
Пазяк Д.А. Социальная защита пострадавших от актов террористической деятельности	409
Протопопов Л.А., Сторожилов Д.С., Деничева Д.С. Сравнительный анализ прокуратуры России в момент создания и в настоящие дни	418
Муртазаева А.А. Жилищные права беженцев и вынужденных переселенцев	422
Лаврова И. Г. Цензурная политика Николая I	424
Буравов И.С. Предварительный конституционный контроль: вопросы дальнейшего развития после поправок в Конституцию	427
Хомутова Е.А. Проблемы цифровизации российского права	431
Ермолин А.Д. Разумный консерватизм – результативная и возможная идеология Российской Федерации	434
Стуров В.А. Условия лишения избирательных прав по конституциям РСФСР 1918 и 1925 годов	437
Чамова А. В. Роль прокуратуры в защите прав и свобод человека и гражданина	441
Попов К. А. Декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности как способ обеспечения конституционного права на свободу предпринимательской деятельности, улучшения делового климата в Российской Федерации и увеличения ее экономического роста	445
Спирида А.Д. История флотской префектуры и её место в системе римского командования	449
Ильина Д.И. Проблемы цифровизации российского права	455
Воробьева К.А., Гаврикова А.Ю. Международные стандарты социальных прав человека	457
Волкова А.А. Комплексная отрасль права: развитие экологического права в России	461
Чубина А.Е. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов органами прокуратуры	465
Кецмур Ю.О. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств в борьбе с международной преступностью	470
Герасимова В.А. Международно-правовые проблемы борьбы с пиратством	474
Вдовенко А.С. Проблема международной правосубъектности физических лиц	476

Жиляева А.Ю. Международный уголовный суд: современное состояние и проблемы организационно-правовой деятельности	478
Кумарова А.А., Айжарова Р.В. Процесс цифровизации правосудия как направление развития гражданского процесса	480
Кинос И.Д., Лупандина И.Ю. Особенности контроля налоговых органов за деятельностью некоммерческих организаций	482
Айт А.С., Волкова Я.И. Запрет определённых действий как мера пресечения	486
Мартынов А.В. К вопросу об аудиторском финансовом контроле, осуществляемом в Российской Федерации	488
Исаков А.А. Роль особого мнения судьи Конституционного Суда в государственном праве	490
Солодкая А.А. Психологические особенности личности преступников-женщин	496
Путинцева Т.А., Плысенко А.Д. Проблемы и пути развития антикоррупционного правосознания государственных гражданских служащих	499
Савельев А.В. Проведение следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи	501
Морылева А.И. Некоторые аспекты добровольного исполнения актов судебных приставов	504
Хрущёва М.А., Полтавец В.В. Уголовная ответственность за нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ	506
Брыткина А.И. Декриминализация насилия в семьях в отношении женщин	508
Шевнина П.С. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних	510
Омельченко М.Т. Проблемы квалификации преступлений, связанных с доведением до самоубийства	512
Фокеева М.И. Проблемы ограниченной вменяемости в российском уголовном праве	513
Качук М.А. Проблемы уголовной ответственности за трансплантацию органов и (или) тканей	517
Ермишина К.А. Доведение до самоубийства: уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации	520
Ермишина К.А. Россия в системе современной международной безопасности	521
Галанина Д.С. Статистический анализ судимости по осужденным за убийство и покушение на убийство	523
Миненок А. С. Цифровизация в праве и ее влияние на отдельные правовые сферы	526

Азарова А.С. Актуальное состояние института крайней необходимости в административном праве	530
Доброквашина К.А. Проблемы определения функций прокуратуры Российской Федерации	532
Спиридонова Д.В. О роли органов прокуратуры в защите конституционных прав и свобод человека и гражданина (на примере Владимирской области)	535
Герасименко Е.Д. Несанкционированные митинги: административные и уголовно-правовые последствия	539
Файзрахманова И.Р. К вопросу о необходимости международного сотрудничества государств в сфере информационной безопасности	542
Кусакин А.А. К вопросу о юридической природе постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в системе источников уголовного права России	544
Куликова А.В. Дискуссионные вопросы установления минимального возраста субъекта преступления в Российской Федерации	549
Агафонова Т.С. Кодификация и развитие международного права	552
Соловьева О.Ю. Благотворительная деятельность: понятие, роль и значение в современном российском обществе. Благотворительные организации	554
Сергеева Е.С. Особенности регулирования труда фармацевтических работников в Российской Федерации в условиях цифровизации фармацевтической деятельности	557
Незнамова У.Д. Незаконная охота: пробелы законодательства и пути решения	561
Шипилов И.А. Эволюция международного права Древней Руси	562
Лукина Д.А. Незаконное воспрепятствование адвокатской деятельности в уголовном законодательстве Российской Федерации. Проблемы и перспективы	566
Скворцова М.А. История становления и развития органов прокуратуры в России	569
Штыхлин М.П. Некоторые пути совершенствования состава преступления, предусмотренного статьей 205.2 УК РФ	573
Шматко Д.А. Процессуальная активность суда и степень ее проявления в сравнительно-правовом аспекте	578
РАЗДЕЛ II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	
Летута Т.В. Деликтная ответственность владельцев источников повышенной опасности: история и современность	582

Тибец И.С. Проблемы международного усыновления	586
Гончарова Л.Н. Состояние и перспективы кодификации законодательства о нотариате и нотариальной деятельности	588
Раянова Э.Т., Маковская А.С. К вопросу об изменениях законодательства Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве)	592
Зинковский М.А. Цифровые признаки российской экономики в гражданском праве	597
Мусалов М.А. Особенности осуществления закупок по закону № 44-ФЗ с учётом мер борьбы с распространением пандемии коронавируса	600
Мусалов М.А. Государственная политика в области социальной защиты инвалидов: проблемы реализации конституционных прав	603
Картамышева Н. В., Галигузов В. И. Страхование дело в Российской Империи: становление и развитие	605
Гусакова Ю.С. Правовые основы социального обеспечения в период распространения COVID-19 в Российской Федерации	608
Лиликова О.С. Государственное регулирование инвестиционной деятельности в России	610
Островская Н.Б. Об отдельных направлениях защиты прав и законных интересов неквалифицированных инвесторов – физических лиц	613
Усольцев Е.Ю. Особенности правового положения участников потребительских отношений	616
Ильинская Н.И. Нормативные основы определения понятия «частная жизнь»	619
Бочинин И.П. Развитие института государственных и муниципальных преференций в конкурентном праве России	623
Камин А.В. К вопросу о секундарности корпоративных прав	625
Сахно Ю. А. Особенности реализации права на жилище военнослужащими	628
Кулабухов В.С. Особенности обеспечения служебным жильем медицинских работников	632
Ситников М.С. М.М. Сперанский и зачатки российского договорного права	638
Терезанов А.О. Принцип свободы договора в современном российском праве	640
Воробьева А.Н. Прекращение и расторжение договора финансовой аренды (лизинга) при банкротстве	643

Михеева К.А. Каршеринг как новый институт гражданского права	647
Козин Д.А. Антисоциальная сделка: проблемы «конфискационного» состава недействительности сделок и его места в Гражданском кодексе РФ	649
Фадеева А.Е. Понятие гражданского правоотношения	655
Ключникова Э.Д. Актуальные проблемы защиты авторских и смежных прав. Пути их решения	661
Рахматуллин С.С. Анализ исследования заболеваемости субъектов гражданских правоотношений	664
Савкина А.Д. Правовое регулирование краудфандинга в России и за рубежом	670
Авличева И.С. Категория «контролирующее лицо» в российском праве: понятие, проблемы ответственности	673
Бенько Ю.А. Цифровые произведения искусства, созданные системами искусственного интеллекта и проблемы их правового регулирования с позиции права интеллектуальной собственности	679
Трибулкина Е.А. Проблемы правового положения иностранных предпринимателей и предприятий с участием иностранного капитала	682
Воронкова О.А. Правовые аспекты заключения договоров в сфере крионики	686
Кротов М.С. Институт оспаривания сделок должника в деле о банкротстве: исторический аспект	692
Несмелова А.В. Актуальные проблемы авторского права в международном частном праве	694
Неброева А.А., Савельев Е.Д. Становление и развитие законодательства о недвижимом имуществе в России	697
Лаврентович К.С., Утова Б.К. Наука международного частного права и перспективы её развития	701
Завалишина И.В. Условие об арендной плате в договорах аренды недвижимого имущества: спорные вопросы, влияние пандемии COVID-19 и перспективы развития законодательства	702
Краснов Н.А., Шарудинова Л.Т. Компенсация морального вреда в современных эпидемиологических реалиях и проблемы ее взыскания в Российской Федерации	707
Козлова М.А. Правовое регулирование профессиональной деятельности сотрудников кредитной организации (банка)	711
Жигулина Д.М. Исторический аспект регулирования правоотношений, возникающих из кредитных обязательств	713

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Бабурин С.Н.

СМЫСЛ И ФОРМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА РОССИИ: М.М. СПЕРАНСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

Аннотация: Целью статьи является рассмотрение влияния правовых идей М.М. Сперанского на российский конституционализм, в том числе их воплощение в ряде норм конституционной реформы 2020 г. в России. Аргументируется вывод, что современный российский конституционализм сохранил все указанные ещё Сперанским причины конституционных реформ. Рассматривается развитие отечественного конституционализма в течение минувшего столетия, когда эволюционные формы совершенствования государства Российского чередовались с механизмами его революционного слома.

Ключевые слова: Сперанский, конституционализм, нравственное государство, культурно-исторические особенности России, разделение властей.

Любая оценка смысла и форм совершенствования Российского государства начинается с анализа основ государственного строя, закрепляющих принципы взаимоотношения общества и государства, личности и государства. В силу современной моды на демократию государственно-правовое развитие общества изучается конституционным и муниципальным правом, между тем, комплексный подход был бы более уместен, что требует возвращения в теорию и практику понятия «государственное право». Распространение конституционных учреждений, являющееся эпилогом великих революционных драм, ещё А.Д. Градовский рассматривал как развитие государственного права [15, с. 716]. Однако, конституционализм выступает лишь основной современной формой государственно-правовых реформ, наиболее привлекательной их внешней оболочкой.

Выступив в 2020 г. с предложением глубинного исправления Конституции РФ, Президент РФ В.В. Путин отметил, что Россия может быть и оставаться Россией только как суверенное государство. Суверенитет нашего народа должен быть безусловным. Многие сделано для этого: восстановлено единство страны, покончено с ситуацией, когда некоторые государственные властные функции были узурпированы фактически олигархическими кланами. Россия вернулась в международную политику как страна, с мнением которой нельзя не считаться. Президент РФ подчеркнул, что пришло время внести в Основной закон страны некоторые изменения, которые прямо гарантируют приоритет Конституции России в нашем правовом пространстве [22]. Конституционная поправка 2020 г. была направлена на совершенствование Российского государства институционально и духовно-нравственно, что серьёзно затронуло социальную основу общества и даже, как обоснованно подчеркивает С.А. Авакьян, заставляет по-новому взглянуть на тенденции в общественно-социальных процессах в нашей стране [1, с. 33].

Именно о формах и смысле государственных реформ возникает потребность размышлять в юбилей М.М. Сперанского, выдающегося российского юриста и реформатора. Этот великий человек не просто осуществил кодификацию отечественного законодательства и заложил основы российской юридической науки, он на столетия задал вектор развития российскому конституционализму, предложил критерии смыслов совершенствования государства и права.

Ценность и смысл всегда взаимосвязаны. В понятии смысла выражается субъективное приращение ценности какому-либо явлению, сиюминутное установление его места в общей системе бытия. Смысл не принадлежит самому явлению, он привносится в него человеком и лишь субъективно отражает необходимость самого явления. Смысл и формы совершенствования государства всегда определяются культурно-историческими (цивилизационными) особенностями соответствующего общества. Цивилизационные особенности совершенствования Российского государства отмечал ещё М.В. Ломоносов, когда писал, сравнивая Российскую империю и империю Римскую о сходстве «самодержавства» римского и российского, о том, что «гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные города, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначальство кесарей представляю согласным самодержавству государей московских. Одно примечаю несходство, что Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения;

самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времён умножилась, укрепилась, прославилась. Благонадёжное имеем уверение о благосостоянии нашего отечества, видя в единоначальном владении залог нашего блаженства, доказанного толь многими и толь великими примерами» [18, с. 161].

Если в течение XX в. российская (советская) юридическая наука не придерживалась оценок Ломоносова, ссылаясь на конкретно-историческую ограниченность его вывода, то рубеж XX и XXI вв., перевернув многие былые представления, сделав многие очевидности неочевидными, заставляет всё чаще возвращаться к социальным наблюдениям великого русского учёного. Внутренняя противоречивость российского конституционализма за последние 100 лет как ярко подтверждает ломоносовский анализ, так и заставляет нас возвращаться к теоретико-правовым позициям М.М. Сперанского.

Следуя сравнительно-историческому методу, М.М. Сперанский видел в государственно-правовых закономерностях отражение духа власти («духа правительства») той или иной эпохи, позволяющего высшей государственной власти править, а природе постепенно образовывать народ [28, с. 324–325]. Сравнивая хронологически близкие ему трансформации Российского государства, М.М. Сперанский отмечал, что при царствовании Екатерины II самовластие происходило от степени невежества и основано было на народных нравах, а идеи о свободе – от книжного просвещения и иностранных вкусах. «Дух правительства во времена Павла I совершенно изменился, – писал Сперанский. – Все частные управления подверглись страху суда и отчёта. Самовластие со всей поверхности России перенесено к её средоточию. Провинции управлялись по-европейски, но высшее управление было совершенно азиатское. Менее было притеснений в народе, но не менее было его в России» [28, с. 325]. Выгоды нового правления, по его мнению, состояли в том, что оно дало новую цену понятиям свободы и обратило внимание на сосредоточение власти наверху, отучило сильных от гласных притеснений и научило слабых жаловаться. «Оно открыло сим последним весьма важную тайну, что они могут искать защиты» [28, с. 325].

М.М. Сперанский, оценивая дух власти эпохи Александра I, сформулировал основные причины государственных перемен, которые положил впоследствии в основу своих преобразований, и которые сохраняют своё значение при конституционном реформировании современных государств, в том числе, для оценки и планирования дальнейших трансформаций российского конституционализма. Подчёркивая важность взять всё лучшее из предыдущих царств – свободные идеи в центре и определённую на поверхности – он характеризовал причины неизбежности реформ как неудобства. И называет четыре таких «неудобства»:

1) не имеющая политического основания власть не может иметь прочности, кроме той, что происходит от навыка и общего мнения, а для твердости последних нужны десятилетия. Если царство застало частные управления без правил и уставов, то в нём всё подвергается частным разрешениям.

2) неудобство вследствие недостатка плана.

3) недостаток доброй организации.

4) неудобство из-за смешения начал законодательных с упражнениями исполнительными, когда одни и те же органы власти составляют уставы и наблюдают за их исполнением [См.: 286 с. 327].

Современный российский конституционализм сохранил все указанные Сперанским «неудобства».

Во-первых, центральной проблемой публичной власти современных государств остается её легитимность. Легитимацией власти, обоснованно подчёркивает В.Н. Плигин, является такое её имманентное свойство как социальная одобряемость на основе соответствия традиционным представлениям. Легитимность существует лишь при том условии, что власть отвечает ценностным установкам индивида, стимулируя его признать её и оказать ей поддержку [20, с. 101, 102]. Лишь соответствие определённым правилам превращает политическую власть в легитимную, а нарушение этих требований является причиной нелегитимности, или иллегитимности власти. Лишь умение учитывать не только существующие писанные и неписанные правила, но и интересы разнообразных социальных слоёв и групп, умение убеждать их в своей справедливости даёт власти стабильность [20, с. 102]. В настоящую эпоху отсутствие легитимности, на которое в качестве «неудобства» указывал М.М. Сперанский, устраняется конституционализмом и народными голосованиями на выборах или по проектам законов, в том числе проекту конституцион-

ного реформирования. «Частное управление без правил и уставов» свойственное любым смутным временам, в Российской Федерации изжито совершенствованием конституционного регулирования и прямым действием Конституции РФ (ст. Конституции РФ).

Во-вторых, недостаток планирования социального развития, присущий эйфории первоначального вхождения в 90-е гг. в «свободный рынок», давно трансформирован в стратегическое планирование и стратегическую экспертизу значимых инициатив в рамках национальных и федеральных программ развития, вплоть до законодательного закрепления принципов и самой системы стратегического планирования [30].

В-третьих, стремление устранить такое «неудобство» как недостаток «доброй организации» государственной власти, привело в конце 90-х - начале 90-х гг. к системным поправкам в Конституцию СССР и Конституцию РСФСР 1978 г., к принятию Конституции РФ 1993 г., к реформе Конституции РФ в 2020 г. Институциональная сторона конституционных изменений 2020 г. охватила все ветви государственной власти и в корне изменила многие стороны отношений между ними. Насколько продуманно и удачно – покажет будущее.

Наконец, четвертое «неудобство» власти, отмеченное М.М. Сперанским, касается недостаточной эффективности разделения полномочий между законодательными и исполнительными органами государственной власти. Уже в п. 13 Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной властей был провозглашен как основа правового государства в РСФСР, 21 апреля 1992 г. этот принцип был закреплен в Основном законе России (ст.3 Конституции РФ), в 1993 г. он лишь «перекочевал» в новую Конституцию РФ.

Даже голосуя за конституирование принципа разделения властей на Съездах народных депутатов РСФСР в 1990 и 1992 гг. я не скрывал своего скептического к нему отношения, полагая, что трехчленное разделение властей технологически устарело и не охватывает всей полноты публичной власти. Сегодня, на мой взгляд, очевидно, что государственную власть помимо органов, указанных в ст. 10 Конституции РФ, фактически осуществляют такие конституционные органы, как, например, Генеральная прокуратура РФ, пусть и записанная в раздел судебной власти, но к этой власти не относящаяся, Центральный банк России или Центральная избирательная комиссия РФ со всей вертикалью избирательных комиссий, определяющая итоги любых выборов и референдумов. Так что вопрос к «чистоте» принципа, как говорится, имеется.

Согласно Конституции РФ Президент России как глава государства стоит над классической структурой из трех ветвей власти, выполняя функцию верховного арбитра, обеспечивающего, с учётом конституционной поправки 2020 г., согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ). Современная модель вполне отвечает взглядам М.М. Сперанского, видевшего Императора носителем державной власти, разделяющейся на три «отношения» - законодательное, исполнительное и силу судную [28, с. 339]. Истоки такого подхода, конечно, не только в идее сильной центральной власти, осуществлявшейся Царем Московского царства, как считает Ю.М. Батуриным [8, с. 578], но в унаследованной Русской державой византийской традиции Божественного предопределения государства, когда императоры Римской державы не только отождествляли высшую светскую власть, но и созывали все Вселенские Соборы, утверждая их акты своей подписью, после чего те получали статус государственного закона [11, с. 82-99]. Возникновение же императорской власти в Риме, как власти высшей, стало способом обеспечения управляемости огромной территории, вышедшей далеко за пределы Апеннинского полуострова, когда потребовалась фигура стоящего над всеми единоличного правителя, который бы мог обеспечить справедливость и законность [13, с. 445; 3, с. 231-237].

Не лишним будет здесь и вопрос о формах совершенствования государства Российского, о причудливости пути российского конституционализма, чередовавшего эволюционные механизмы с революционными сломами. В феврале 1917 г., свергнув в результате военно-промышленного заговора Царя Николая II, отринув Основные законы Российской империи 1906 г., организаторы перемен попытались перелицевать Россию на европейский манер, сделать из неё через конституционализацию буржуазных свобод и европейской модели парламентаризма некое сугубо «европейское» государство. Не получилось. Народ не поддержал. Рухнул не только русский фронт первой Мировой войны, не только монархия Романовых, но и Российское государство (Российская империя была вообще отменена росчерком пера А.Ф. Керенского в сентябре 1917 г.).

Пришли большевики, левые эсеры и анархисты, подобрали валяющуюся под ногами власть и попытались построить справедливое общество без государства, без права и религии, без семьи и нравственности, что нашло своё отражение в уникальной Конституции РСФСР 1918 г. Не получилось. Народ тоже не поддержал, отказал в легитимации Кронштадтским и нараставшими параллельно с ним крестьянскими восстаниями. Большевики вовремя почувствовали надвигающийся крах, перешли к новой экономической политике и строительству революционного государства, что было закреплено Конституцией СССР 1924 г. и Конституцией РСФСР 1925 г. Получилось. Советская власть продержалась более 70 лет, преобразив аграрную страну с великой культурой, но безграмотным населением в мировую сверхдержаву с великой культурой и самым читающим народом в мире.

Конституционная реформа СССР в 1977-1978 гг. попыталась исправить имевшиеся несовершенства, избавиться от указанных М.С. Сперанским «неудобств», но не затронула глубинных пороков социализма – отказа от признания роли религии и заблуждений с монополией государственной собственности – не смогла предотвратить системного кризиса советского общества.

Смысл перестройки всех сторон жизни советского общества, начавшейся в 1987 г., заключался для основной части нации именно в совершенствовании государственных механизмов и устранении недостатков в идеологии, политике, экономике. Планировалось вернуть в общество традиционные духовно-нравственные ценности, избавиться от догматической монополии марксистско-ленинской идеологии и изменить решение вопроса о собственности. Не получилось. Советский социализм ушёл в прошлое. Слишком поздно общество убедилось, что у некоторой части партийно-хозяйственной номенклатуры цель перестройки была иной – уничтожить социализм, союз социалистических государств и сам СССР. Народ оказался бессилён. Объективно говоря, состоялся реванш духовных наследников «февралистов» 1917 г., историческую Россию рассыпали на «суверенные» государства, а самый большой её осколок – Российскую Федерацию – через Конституцию РФ 1993 г. уложили в «прокрустово ложе» западных ценностей и институтов, пытаясь хирургически превратить в «европейскую державу».

Но не случайно Гегель рассматривал государственный строй как развитую и осуществлённую разумность, взаимопроникающее единство всеобщности и единичности, а государство как таковое – в качестве опосредования удовлетворения субъективных целей граждан [14, с. 291]. «Европейскость» в России за 30 лет так и не прижилась, сказывается влияние евразийских национальных архетипов. Национальные особенности всегда играли, играют и будут играть решающую роль в функционировании государства как системы [Подробнее см.: 27, с. 14-15, 37-59].

Конституционная реформа РФ 2020 г. тем и судьбоносна для российского общества, что она восстановила духовно-нравственный каркас Конституции РФ, вернула нас к осознанию особенностей русского культурно-исторического типа. Как признал в октябре 2021 г. Президент РФ В.В. Путин, в современном хрупком мире значительно возрастает важность твердой опоры, моральной, этической, ценностной, а ценности – «это продукт культурно-исторического развития каждой нации, и продукт уникальный». Чуждое все равно будет отторгнуто, возможно даже в резкой форме. Попытки ценностного диктата в условиях сегодняшних неопределённых и непредсказуемых перспектив ещё больше осложняют и без того острую ситуацию, влекут обычно обратную реакцию и обратный ожидаемому результат. Мы будем руководствоваться идеологией здорового консерватизма, опираться на традиционные ценности, заверил Президент РФ [23]. Надеюсь, что действительно пришло время консерватизма, в основании которого лежат силы, которые, как подчеркивал Б.Н. Чичерин, коренятся глубоко в свойствах человеческого духа и управляют развитием человеческого общества [29, с. 440]. Отсюда поиск новых смыслов и новых форм государственного строительства [см., напр.: 10]. Отсюда важность целеполагания российского конституционализма, необходимость продолжения конституционной реформы России вплоть до принятия новой конституции. Надеюсь, что это будет уже Конституция нового союзного государства – Российского Союза [см.: 4, с. 73-86; 7].

К.Н. Победоносцев считал теорию парламентаризма великой ложью нашего времени, отвергал идею власти, основанной на воле народа, потому, что видел, что на практике народовластие превращается в миф, выборы ни в коем случае не выражают воли избирателей, а представители народные не стесняются нисколько взглядами и мнениями избирателей, но руководствуются собственным произвольным усмотрением или расчетом [21, с. 284, 285]. При этом Победоносцев соотносил своё мнение со Сперанским, который пытался реализовать в своих трудах

идею участия народа в управлении при сохранении самодержавия Императора. Более того, принцип разделения властей был ключевым в работе М.М. Сперанского «Введении к Уложению государственных законов» 1809 г. [28, с. 339] С полным на то основанием планы Сперанского считаются одним из первых подступов к конституционной монархии [см., напр.: 8, с. 578].

Смысл реформирования Российского государства – в наполнении жизни общества справедливостью и свободой, в создании государственно-правовых условий для созидательного свободного труда и построения через это нового, более справедливого общества реальной свободы [см.: 6, с. 337-338]. Свобода есть власть над самим собою, она есть неволя разума и признание необходимости нравственной, победа необходимости нравственной над необходимостью физической, утверждал М.М. Сперанский [28, с. 180]. Не случайно А.Д. Градовский считал свободу необходимым правом каждой развивающейся личности, каждого сознающего себя духа [16, с. 63]. Свобода политическая существует тогда, когда «народ управляется законом, общею волей принятым или охраняемым», в отличие от рабства политического, существующего «когда воля одного или многих составляет закон всех» [16, с. 269]. Это основоположник утилитаризма И. Бентам убедил Европу, что верховными властителями людей являются страдание и удовольствие [9, с. 1]. В системе духовно-нравственной культуры первенство всегда за духовными идеалами, среди которых важное место занимают Божественное соработничество, отвергающее рабство духа, идеи нравственного самосовершенствования и социального служения [12, с. 381-407, 486-487, 663-669].

Человеческое общество существует благодаря сохраняющейся его нравственной первооснове, которая складывалась в ходе формирования человека как разумного социального существа [см.: 25, с. 31]. Люди верующие уверены в Богоустановленности нравственности, опирающейся на Божьи заповеди [см.: 24]. Люди не верующие, но мыслящие, помнят жесткий императив Платона, что, если какой-либо законодатель или какое-то государство, отринув приоритет души, оценит наиболее высоко достаток, «он совершит дело и негосударственное, и нечестивое» [19, с. 169]. Лишь нравственное общество будет хотеть и радеть о сильном государстве [см.: 17], не опасаясь узурпации государством всей социальной власти. Будет ошибкой выводить из возможного нравственного характера государства отрицание государственного принуждения, как это делает И.М. Рагимов [26, с. 110]. Напротив, нравственная основа требует неотвратимости возмездия, справедливости, защищенной механизмами государства.

В Российской Федерации после конституционной реформы 2020 г. начали формироваться условия для перехода к нравственному государству, что является центральной задачей современного конституционализма [см.: 2, с. 14-20; 6].

Список цитируемой литературы:

1. Авакьян С.А. Гражданское общество и религиозные организации: перспективные ожидания // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы. Материалы XII Международной научной конференции / Под ред. С.Н. Бабурина и А.М. Осавелюка. М.: Книжный мир, 2021. С. 32–39.
2. Бабурин С.Н. Нравственное государство как политико-правовая идея, время которой пришло // Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 1. С. 14-20.
3. Бабурин С.Н. О роли социального выбора, проблемах реализации Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. и интеграционном конституционализме // Правоприменение. Т. 5. 2021. № 2. С. 231-237. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).231-237
4. Бабурин С.Н. Предотвратить эвтанизию человечества: нравственность и интеграционный конституционализм как основа трансформации современного права // Государство и право. 2021. № 6. С. 73-86. DOI: 10.31857/S102694520015033-7
5. Бабурин С.Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 3-6.
6. Бабурин С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М.: Норма, 2020. – 536 с.
7. Бабурин С.Н. Интеграционный конституционализм. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 264 с.
8. Батури Ю.М. Поиск российской схемы разделения властей в конституционных проектах (от Екатерины Великой до Конституции 1993 года) // История науки и техники:

импровизации в стиле jazz. Сборник научных докладов, статей, выступлений и интервью директора ИИЕТ РАН. 2010-2015. М.: Изд-во «РТСофт»-«Космоскоп», 2016. С. 578-581.

9. Бентам И. Избранные сочинения. Т. 1. /пер. с англ. С предисл. Ю.Г. Жуковского. СПб.: Изд. «Русской книжной торговли», 1867. – 678 с.

10. Братищев И.М., Крашенинников С.Н. В поисках «наилучших форм» государства: от умеренных древнегреческих демократий к подлинному народовластию // Сильное государство – выбор России. Угрозы, ценности, приоритеты: монография / под науч. ред. И.М. Братищева. М.: Изд.-торг. Корпорация «Дашков и К^о», 2019.

11. Величко А.М. Царство и священство. М.: Вече, 2020. – 640 с.

12. Величко А.М. Церковь и политический идеал. М.: Вече, 2020. – 688 с.

13. Величко А.М. Божественный лик Византии. М.: Вече, 2020. – 640 с.

14. Гегель Г.Ф.В. Философия права / пер. с нем.: ред. И сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990.

15. Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. Т. 1. Часть историческая. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1886. – 774 с.

16. Градовский А.Д. Сочинения. СПб.: Наука, 2001. – 512 с.

17. Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного развития. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.

18. Ломоносов М.В. Государство Российское. М.: Де'Либри, 2015. – 720 с.

19. Платон. Законы // Соч. в 3 т. Т. 3 (2). М.: Мысль, 1972. С. 83-478.

20. Плигин В.Н. Легитимность государства и права: теоретико-правовое исследование. М.: Проспект, 2021. – 376 с.

21. Победоносцев К.П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996. – 510 с.

22. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию, 15 января 2020 года URL:<https://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения 23.01.2022).

23. Путин В.В. Выступление на заседании клуба «Валдай», 21 октября 2021 г. URL:<http://tass.ru/politika/12727931> (обращение 23.01.2022 г.)

24. Рагимов И.М. Религия и наказание. Предисл. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр-Академия, 2020. – 217 с.

25. Рагимов И.М. О нравственности наказания. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2016. – 224 с.

26. Рагимов И.М. Современная диалектика государства и нравственности. С.Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2020. № 12. С. 106-111. DOI: 10.31857.S102694520012822-5

27. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик и др. СПб.: Юридический центр-Академия, 2019. – 344 с.

28. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. – 680 с.

29. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. – 656 с.

30. Федеральный закон РФ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Российская газета. 2014, 3 июля. № 146.

Сведения об авторе:

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник – научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН; профессор Московского университета им. С.Ю. Витте; профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, президент Ассоциации юридических вузов; 1357343@mail.ru

Тонков Е.Е.

М.М. СПЕРАНСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕГРАДЫ НА ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА СОЗИДАЮЩЕГО

Аннотация: в статье отмечается выдающийся вклад М.М. Сперанского в разработку законодательных основ реформирования российской государственности, анализируется его взвешенный и тщательный подход к обоснованию предлагаемых изменений государственного устройства. Автор считает целесообразным учитывать опыт М.М. Сперанского и его последователей в современном правотворчестве и осуществлении преобразований, направленных на очевидное усиление воздействия государства на общество, его фактическую диффузию в структуры общественного самоуправления, что может способствовать формированию авторитарного уклада в организации власти. Вопрос о характере взаимоотношений государства и гражданского общества в России приобретает в последнее время ключевое значение, что объясняется осложнением отношений с Западом и неизбежными в связи с этим трансформациями во внутренней политике. В качестве вектора развития современной России автор рассматривает государство созидающее и определяет основные принципы его функционирования. Одной из приоритетных задач государства созидающего является адаптация политической, социально-экономической и правовой систем к новой ситуации.

Ключевые слова: государство созидающее, авторитария, общество, управление, реформы, право, политика, правотворчество, правовое регулирование, модернизация, функция.

*Не правительство рождает силы народные, но народ составляет силы его.
Правительство всемогуще, когда народ быть таковым ему подпускает.*

М.М. Сперанский [1, с. 138]

Противостояние России и так называемого «западного» мира постепенно приближается к точке бифуркации, что вполне закономерно влечет за собой изменение как характера осуществления государственной власти, так и способов правового регулирования. Государственная власть в нашей стране и ранее отличалась особым, повышенным по сравнению с европейскими странами статусом и присущими ему византийскими атрибутами. В современных условиях кризиса основных политических и социально-экономических институтов расширение диапазона государственного влияния на все сферы жизни общества декларируется руководством страны как вынужденная оборонительная мера и фактор обеспечения макроэкономической стабильности. Модернизация законодательного ресурса, отношений между властью и обществом в России сопровождается очевидным усилением государственной власти.

Вместе с тем, современным реформаторам было бы полезно вспомнить предостережение М.М. Сперанского о том, что «всякая перемена без нужды и без видимой пользы есть вредна, так как все почти легкие средства в делах государственных по большей части суть средства ненадежные» [1, с. 138]. Нестабильная экономическая обстановка, вызванная выходом России из зоны кратковременного политического комфорта и последовавшими экономическими санкциями со стороны западных стран, нарушила привычную атмосферу всеобщего благоденствия. При этом государственные органы оказались недостаточно готовы к формированию востребованных временем эталонов поведения и защите исповедуемых принципов, навязанных рыночным хаосом 90-х годов XX века. События последних лет, отягощенные пандемией новой коронавирусной инфекции, отчетливо показали, что институциональная система государства буквально пронизана дефектами, а уроки из прошлого большинством представителей региональных и федеральных структур так и не извлечены.

Созданная при социализме и до настоящего времени активно эксплуатируемая в юриспруденции теория правового регулирования не в состоянии объяснить происходящие перемены в геополитической и правовой системе. Нашу страну подстерегает опасность трансформации в авторитарное государство, в котором фактически нет гражданского общества, а все его декорации находятся под жестким государственным контролем. При такой расстановке сил по-настоящему социальное государство функционировать не может.

В.А. Томсинов справедливо называет реформаторскую деятельность М.М. Сперанского «чрезвычайно объемной и многогранной», а мысли великого реформатора о состоянии русской государственности и о том, каким образом должны проводиться преобразования, «методикой или технологией проведения государственных преобразований» [2, с. 3].

По его мнению, «составленные М.М. Сперанским проекты государственных реформ были предназначены для решения множества проблем, с которыми столкнулась в то время Россия, но если все эти проблемы суммировать, то можно сказать, что Сперанский разрабатывал план модернизации государственного строя Российской империи» [2, с. 13].

Термин «модернизация» достаточно быстро проник во все области человеческого бытия, включая и наше мышление, вследствие чего подтвердил свое общеполитическое значение. Очевидно, что принятый курс на преодоление последствий санкций западных стран путем интенсификации использования внутренних ресурсов в ближайшие годы будет не только отражаться непосредственным образом на отечественной экономике, но и определять наши приоритеты в развитии общественных отношений и их модернизации.

В этих условиях противостоять угрозе авторитарной перспективы развития страны может только государство созидательное [3], которое, используя баланс институтов гражданского общества и публичной власти, способно выполнить роль мощного активатора общественной жизни, организовать эффективное управление, обеспечить реализацию социальных обязательств, создание стимулов для развития частного сектора и повышения деловой активности. Основным смыслом государства созидательного, понятие и принципы функционирования которого разрабатывается нами в последние годы, его рациональное зерно заключается в том, что в таком государстве функции управления фактически, а не на словах принадлежат не только ему, но и всему обществу.

От них ни государство, ни общество не вправе отказаться, но обязано осуществить во имя достижения поставленной цели. Не включенное в функционал государства, не может называться его функцией, так как это именно та деятельность, без которой государство на данном этапе своего исторического развития не может обойтись, а общество - не может игнорировать.

На необходимость существенного расширения возможностей участия общества в делах государственного управления обращал внимание М.М. Сперанский, работая над проектом Гражданского уложения Российской империи. Рассматривая данный документ в конституционном аспекте, М.М. Сперанский подчеркивал, что «в правлении самовластным не может быть Уложение, ибо, где нет прав, там не может быть и постоянных меж собою отношений» [4, с. 21].

Для корректной в научном смысле трактовки данного вопроса следует четко понимать философское значение категорий «форма» «содержание» и «деятельность». Задачи и функции государственной деятельности реализуются в конкретных действиях органов и должностных лиц, ее осуществляющих. Эти действия находят внешнее выражение в определенных формах государственной деятельности. Следовательно, форма есть объективированное выражение сущности деятельности органов и должностных лиц, которые осуществляют государственную деятельность. Так как посредством форм практически реализуются задачи и функции государства, то от использования тех или иных форм в значительной мере зависит успех государственной деятельности. Формы призваны обеспечивать наиболее целесообразное выполнение функций государства.

Многообразие задач и функций государства обуславливает существование различных форм государственной деятельности, которые предусматриваются законами и иными правовыми актами. Созидательная деятельность государства является одновременно насущной потребностью и содержательной характеристикой всей правовой системы общества. В конце XX века мы наблюдали разрушение монополии государственной собственности и сопровождение этого процессом полулегальной приватизации, ухудшение общего экономического положения страны, в результате чего произошло снижение уровня жизни значительной части населения. Сегодня вновь активно осуществляется перераспределение прав собственности при очевидном государственном вмешательстве в этот процесс.

Вопрос о характере взаимоотношений государства и гражданского общества в России приобретает в последнее время ключевое значение, что объясняется осложнением отношений с Западом и неизбежными в связи с этим трансформациями во внутренней политике. Рассуждая о генезисе диалога между государством и гражданским обществом, следует подчеркнуть, что причинами очевидного рассогласования стали обстоятельства как объективного, так и субъективного порядка.

Вероятно, к объективным причинам можно отнести самые различные факторы, начиная от внешнеполитической ситуации и заканчивая конкретными условиями жизни индивидуума, ощущающего все большее давление государственного аппарата. Не секрет, что в число субъективных причин входят и индивидуально-психологические особенности граждан, и их взаимоотношения, в том числе, актуальное состояние правосознания отдельных лиц, пытающихся добиться справедливости, которую каждый из нас понимает по-своему.

М.М. Сперанский также достаточно часто размышлял о несовершенстве государственного устройства и причинах неэффективности осуществляемых изменений. Он полагал, что «все они делаются по большей части отрывками и без общего начертания. Нетерпеливость, людям столь естественная, обольщение разума видами народного счастья и скорейшего улучшения, чаяние, что поправив одну часть, дела пойдут лучше, все сие вводит нередко самые благоразумнейшие правительства в частные организации и не дает, так сказать, созреть общему плану» [1, с. 111].

Способы осуществления отдельных видов государственной деятельности выражают не структурные, а функциональные различия между государственными органами. Хотя проблема совершенствования государственной деятельности имеет специальный характер, но ее разрешение, тем более, в современных нестабильных условиях, требует выхода на общеметодологический уровень научного ее освоения для выработки общей концепции системы правового регулирования.

Это может стать некоторой гарантией того, чтобы право в случае политической целесообразности не сочеталось с произволом, как бывало неоднократно в нашей истории. По словам Ф. Ницше, которое, очевидно, разделяют некоторые современные политики, «произвольное право необходимо... у всех у нас нет уже традиционного правового чувства, поэтому мы должны помириться с произвольными правами, которые суть выражения необходимости права вообще» [5, с. 431].

Политика в отличие от формальной определенности права рассматривается как сфера фактических взаимоотношений и взаимодействий личности, социальных общностей, политических институтов, создающая структуры, нормы, отношения, политическую среду, в пределах которых определяются стратегия и тактика развития общества и государства. С безусловным пониманием этого, мы поддерживаем мысль английского юриста М. Шоу о том что «право и политика не должны разделяться. Они пребывают в постоянном тесном взаимодействии. Ни одна из них не может принизить значение другой» [6, с. 57].

Политика «материализуется» в нормативном компоненте в системе государственных институтов и форм, но и, разумеется, политических, экономических, социальных и других структурах, участвующих в процессе управления государством. При этом мы не склонны преувеличивать возможности государственной деятельности. Она в цивилизованном государстве в любом случае формируется и осуществляется в рамках и под влиянием абсолютных общечеловеческих ценностей (свободы, равенства, справедливости), т.е. в пределах и границах правового контекста этих ценностей, а также соответствующих им других институтов и форм.

Избыточная политизация различных сторон жизни деструктурирует, дестабилизирует общество. Для государства и права это особенно опасно. Исторический опыт убедительно демонстрирует, что сравнительно легкое манипулирование основами государственности в угоду политическим амбициям и узкоэгоистическим интересам, в конечном счете, неизменно оборачивается болезненным и длительным возвращением к истокам - стабильности и равновесию в жизни общества и государства. Вот почему для политики исходными являются фактор преемственности и юридические пределы.

Жизнь гражданского общества не существует вне государства. Однако при фактической диффузии государства в российские общественные структуры становится все более иллюзорной граница, разделяющая государство и общество. В результате этого облик мифа приобретает и само гражданское общество. Государство созидательное инициирует предпосылки для формирования новых отношений, преодоления кризиса и стабилизации экономического положения. Трансформация природы отношений собственности неизбежно влечет за собой видоизменение отношений правового регулирования. Государственная деятельность в условиях рыночной экономики не может осуществляться в тех же юридических формах и пределах, что и прежде.

Поэтому одной из задач созидательного государства является адаптация политической, социально-экономической и правовой систем к новой ситуации. Совершенствование государственной деятельности должно придать необходимый динамизм и результативность действиям органов власти по преодолению кризиса, стать одним из определяющих факторов развития демократии, становления гражданского общества, построения правового государства.

Решающее значение имеет переосмысление фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права. Устаревшие идеологические стереотипы до настоящего времени преобладают в общественном правосознании, что не способствует современному пониманию юридических форм государственной деятельности как способа обеспечения приоритета прав человека в сфере публичной власти. Хотя активных дискуссий по этой проблеме в научных кругах сегодня практически нет, единое мнение так и не сложилось, что дает нам

основания на собственное представление о ней. Особое значение имеют новые подходы к оценке и формированию государственной деятельности. В любом государстве, как и в любой науке, должен существовать ведущий методологический подход, национальная идея, которая сегодня в России утрачена.

С.С. Алексеева беспокоила мысль о том, в России происходит «суровое явление – это крушение права в его общецивилизационном, высоком значении. И это должно быть большой тревогой для общества. Потому что крушение права означает, что общество теряет одну из важнейших ценностей цивилизации, которая может вывести его на новые ступени прогресса» [7, с. 16].

На этом тревожном фоне приходится с сожалением констатировать неэффективность современной государственной деятельности. Попытки политического руководства страны начать активную работу по ее совершенствованию успешно блокируются бизнес-бюрократией, узурпировавшей власть в ряде регионов и федеральных ведомств России.

Подобная ситуация возможна там, где имеются управленческие просчёты, так называемые «глухие» места властной вертикали, где «сила права» ничего не может поделать с «правом силы», с всеподавляющим господством административного ресурса. Ведущим стратегическим направлением становления государства созидающего является формирование системы активного воздействия граждан на государство через институты гражданского общества. Граждане видят результат своей деятельности в преобразованных предметах и правовых явлениях (тех или иных юридических фактах), удовлетворении персональных притязаний, а для государства эти результаты имеют качественно другую ценность, выступая в виде частных показателей эффективности процесса правового регулирования. Прямая зависимость правового регулирования от характера его цели проявляется при любом масштабе государственной деятельности (абстрактная ли это цель – правовой идеал, или же – конкретная правоприменительная практика).

Современные (весьма противоречивые) тенденции в различных сферах жизни российского общества не могут не найти своего отражения в праве, которое является универсальной системой нормативного регулирования социальных процессов, вследствие чего противоречия пронизывают сегодня все уровни системы отечественного законодательства. Потребности, цели, интересы и мотивы участников процесса правового регулирования, как правило, находятся в противоречии, но в то же время они взаимно обусловлены.

Нет сомнений, что цель правового регулирования фактически опосредована множеством целей и интересов субъектов правоотношений, зависит от них. Вот почему государство созидающее должно стремиться не только консолидировать их и привести в соответствие с общественными потребностями, но и поддержать, обеспечив правовым инструментарием реализации. В значительной степени нас убеждает в этом и переживший века вывод М.М. Сперанского, который считал, что «мнение народное есть первая стихия, первая деятельная сила конституции» [4, с. 21].

Соответствие целей государственной деятельности общественному идеалу целей, потребностей, интересов, мотивов участников общественных отношений, урегулированных нормами права, представляет собой важнейшую особенность процесса правового регулирования.

Именно в этом, как нам представляется, видел задачу государства М.М. Сперанский, когда писал: «Каким образом коренные законы государства сделать столько неподвижными и непременимыми, чтоб никакая власть преступить их не могла и чтоб сила, в монархии вседействующая, нам ними единственно никакого действия не имела?» [8, с. 29].

Цели участников правоотношений в государстве созидающем приближаются по своей общественной характеристике к целям государственной деятельности. Чем адекватнее это соответствие, тем более эффективным является процесс правового регулирования, тем более справедливым и оправдывающим свое предназначение оказывается и само государство.

Список цитируемой литературы:

1. Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Проекты и записки / под ред. С.Н. Валка. – М., Л., 1961. – 245 с.
2. Томсинов В.А. М.М. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований. URL: http://tomsinov.com/Great_Reforms/tomsinov_v.a-m-speranskij_o_tekhnologii_proveden.pdf (дата обращения 12.01.2022)
3. Тонков Е.Е. Государство созидающее как вектор развития современной России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 392 с.
4. Сперанский М.М. Отрывок о Комиссии Уложения // Проекты и записки / под ред. С.Н. Валка. – М., Л., 1961. – 245 с.

5. Ницше Ф. Соч. в 2-х т. Т. 1. – М., 1990. – 830 с.
6. Shaw M.N. International Law. Third Edition. Cambridge, 1991. P. 57.
7. Алексеев С.С. Право - одно из самых высоких достижений человеческой цивилизации // Закон. 2009. – № 7. – С. 16.
8. Сперанский М.М. О коренных законах государства // Проекты и записки / под ред. С.Н. Валка. – М., Л., 1961. – 245 с.

Сведения об авторе:

Тонков Евгений Евгеньевич – директор юридического института НИУ «БелГУ», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Васильев А.А.

Н.М. КАРАМЗИН КАК ОППОНЕНТ М.М. СПЕРАНСКОГО: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ СЮЖЕТЫ

***Аннотация:** Статья посвящена политико-правовым взглядам Н.М. Карамзина, выступившего одним из идейных оппонентов М.М. Сперанского. В работе анализируются концепция самодержавия Н.М. Карамзина как института стабильности и мира в политической жизни России. Н.М. Карамзин видит в самодержавии мощный инструмент организации социально и политически значимых дел, палладиум России. Любые попытки ограничения власти императора чреватые дестабилизацией и переходом власти в руки узкого круга олигархов.*

***Ключевые слова:** самодержавие, власть, стабильность, консерватизм, охранительство, традиции, власть как служение.*

Николай Михайлович Карамзин (1766 – 1826) родился близ Симбирска в семье дворянина, происходившего от крымского мурзы Кара-Мурзы. Он получил домашнее образование, а позднее учился в пансионе Шадена и посещал лекции в университете. В 1783 г. он поступил на службу в петербургский гвардейский полк, который вскоре оставил. Некоторое время он жил в Петербурге, где познакомился с П.И. Новиковым и даже вступил в масонскую ложу. В 1790-е гг. он совершил поездку по Европе, побывал в революционной Франции. Свои впечатления он отразил в сделавших его знаменитыми «Письмах русского путешественника». В своих первых литературных трудах он показал себя в качестве сторонника европейского просвещения и науки. В литературном мире он занял сторону сентиментализма.

В 1803 г. император Александр назначил его официальным историографом – первым и единственным в истории России. С этого времени он начинает заниматься русской историей, вылившейся в его многотомное издание «Истории государства Российского», ставшей историческим и литературным памятником русской мысли XIX в. Как указал А.С. Пушкин Н.М. Карамзин был последним русским летописцем. Его труд оказал громадное значение на русскую историческую науку, литературы, культуру. Под влиянием Н.М. Карамзина А.С. Пушкин написал «Бориса Годунова». Одним из первых Н.М. Карамзин резко осудил опричный террор Ивана Грозного, властолюбие Бориса Годунова.

Н.М. Карамзин повлиял на развитие русского литературного языка, отказавшись от церковнославянской основы в русской письменной речи. Свой язык он построил на широком заимствовании иностранных слов, по поводу чего он вступил в спор с А.С. Шишковым, отстаивавшим самобытность русского языка, за что и получил прозвище «славянофил». Широко известен Н.М. Карамзин в качестве писателя – автора «Бедной Лизы» и других произведений романтического характера.

В меньшей степени широкому кругу исследователей истории русской мысли известен Н.М. Карамзин в качестве консервативного мыслителя. В годы занятия русской историей Н.М. Карамзин постепенно обращается от западного либерализма к консервативной традиции. Начало XIX в. и нового правления было ознаменовано либеральными проектами Александра I, которые разрабатывались М.М. Сперанским. Идеи перехода к конституционной монархии грозили разрушением эволюционного хода развития русского государственного строя, стоявшего на непоколебимом основании – самодержавии. Н.М. Карамзин, изучая русскую историю, пришел к выводу, что исключительно самодержавие может обеспечить сохранение российской культуры, веры и государственной независимости.

В 1811 г. он подает записку императору Александру I «О древней и новой России», в которой упреждает новаторские идеи М.М. Сперанского, не боясь царского гнева. Что удивительно, записка Н.М. Карамзина привела к повороту в политике Александра I от либерализма к традиционализму.

М.М. Сперанский на 9 лет был отправлен в ссылку в Пермь, а Н.М. Карамзин был приближен к императору. Александр I хотел назначить его министром просвещения, но, вероятно, в силу независимости и правдолюбия Карамзина, должность была отдана Шишкову. Очевидно, что консервативные идеалы Н.М. Карамзина во вторую половину царствования Александра I стали непосредственной основой государственной политики Российской Империи, а главное, удержали царя от реформы государственного строя России. Попытки принятия конституции были развенчаны Н.М. Карамзиным как опасные для стабильности и порядка общественной жизни. Именно благодаря Н.М. Карамзину и внешним обстоятельствам – войной с Францией, Россия осталась монархической державой в начале XIX в.

На основе исторических фактов Н.М. Карамзин пытался доказать императору, что самодержавие – спасительный якорь России, средство ее безопасности и процветания. Россия неизбежно, чтобы быть самостоятельным государством, должна быть самодержавной по форме правления. При этом царь не может решать вопрос о форме правления в России. Будучи безграничным в полномочиях властителем, он все-таки не имеет нравственного права ограничить свою власть. Н.М. Карамзин пишет: «Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменой государственного устава она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия? Если бы Александр, вдохновенный великодушною ненавистью к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе иных законов, кроме божиих и совести, то истинный добродетельный гражданин российский дерзнул бы остановить его руку и сказать: «Государь! Ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями, Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала, да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание твоей власти: можешь все, но не можешь законно ограничить ее!» [1, с. 1004].

Н.М. Карамзин выработал своего рода закон политической жизни в России. Слабость верховной власти, ограничение самодержавие ведут к потере независимости, угрозе завоевания, произволу олигархии и аристократии, падению культуры и нравов. Татарское иго, Смутное Время, правление самозванцев и аристократии (семибоярщина), попытки ограничения власти при Екатерине, Анне Иоанновне, Екатерине II приводили к политическому кризису, угрозе распада государства, сползанием в анархию. И только восстановление самодержавия обеспечивало внутренний порядок, мир и стабильность. В записке «О Древней и Новой России» он отмечает: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием» [1, с. 994]. По слова Н.М. Карамзина «самодержавие – есть палладиум России: целость его необходима для счастья».

В русской монархии Н.М. Карамзин подмечает патриархальные начала: «В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не боятся государя – не боятся и закона! В монархе Российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола: так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести» [1, с. 1012]. Здесь Карамзин показывает, что управление в России должно строиться не на одних формальных установлениях, а на законах человеческой совести, неформализованных социальных регуляторах.

Н.М. Карамзин одним из первых в истории русской мысли заложил основы рациональной доктрины охранительства. Резко критикуя реформы Александра I, он считал, что государственное управление должно быть органическим, естественным, охранительным. Царь должен быть не новатором, а охранителем старинных порядков в обществе – в вере, культуре, государственном механизме. Новаторство ведет к нарушению постепенности в эволюции общественной жизни. Причем Карамзин не говорил о возврате к старой России или консервации отживающих традиций, а имел в виду необходимость сохранения ценных и проверенных историей общественных и государственных институтов России. Охранительные взгляды Н.М. Карамзина выражены в следующих словах: «Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового, а новому добру как-то не верится. Перемены сделанные не ручаются за пользу будущих: ожидают их более со страхом, нежели с надеждою, ибо к древним зданиям прикасаться опасно. Россия же существует около 1000 лет – и не в образе дикой орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто мы недавно вышли из темных лесов американских! Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой... Оставив прежние формы, но двигая, так сказать, оные постоянным духом ревности к общему добру, он скорее мог бы достигнуть сей цели и затруднил бы для наследников отступление от законного порядка. Гораздо легче отменить новое, нежели старое;

гораздо легче придать важности сенату, нежели дать возможность нынешнему Совету в глазах будущего преемника Александра; новости идут к новостям и благоприятствуют необузданности произвола» [1, с. 1009].

В этом отношении принимая необходимость ряда реформ Петра I, Н.М. Карамзин все-таки видел в политике первого русского императора отрицание российских традиций, насилие над душевным складом русского народа. По мысли Карамзина, такая политика влекла за собой при всех внешних успехах в экономике, просвещении, постепенную нравственную деградацию России. В «Записке о Древней и Новой России» он писал: «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государство, подобное физическому, нужное для твердости. Сей дух и вера спасли Россию во время самозванства: но есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству... Два государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Пусть сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им уставы есть насилие, незаконное и для монарха самодержавного. Народ в первоначальном завете с венценосцами сказал им: «Блюдите нашу безопасность вне и внутри, наказывайте злодеев, жертвуйте частию для спасения целого», - но не сказал: «Противоборствуйте нашим невинным склонностям и вкусам в домашней жизни». В сем отношении государь по справедливости может действовать только примером, а не указом» [1, с. 997].

По мнению Н.М. Карамзина иные формы правления в России не могут прижиться и приведут к разрушению государства. Аристократия и олигархия выльются в сепаратизм и феодальные войны. Народоуправство с помощью вечевых форм самоуправления недопустимо в условиях постоянной внешней агрессии и полиэтничного состава Российской Империи. Самодержавие – единственный гарант безопасности и стабильности России. Н.М. Карамзин отмечал: «История наша представляет доказательство двух истин: 1) для твердого самодержавия необходимо государственное могущество; 2) рабство политическое несовместимо с гражданской вольностью» [1, с. 993].

Русская история доказала жизнеспособность самодержавия, выдержавшего войны, социальные конфликты, голод, стихийные бедствия. Сам русский народ своей психологией свыкся с самодержавной формой правления. Любая попытка ограничения царской власти обернется социальной катастрофой и распадом государства. Власть в России может единоличной, патриархальной и юридически неограниченной.

В трудах Н.М. Карамзина прозвучали все традиционные черты самодержавного правления:

- единоличность;
- юридическая неограниченность власти в сочетании с ограниченностью ее совестью и ответственностью монарха перед Богом;
- патриархальность отношений между царем и народом;
- самодержавие – средство консолидации, примирения разрозненных частей государства, социальных и национальных интересов;
- самодержавие – есть средство охранения русского православия, культуры и независимости от внешних врагов и внутренних угроз.

По вопросу о соотношении церковной и государственной властей Н.М. Карамзин стоял на традиционной позиции о необходимости симфонии властей. Причем в петровских реформах, превративших церковь в институт государства, он видел отступление от идеала симфонии. Он верно заметил, что в России никогда власть церковной иерархии не претендовала на светское могущество и доминирование. Церковь и государство находили возможности для совместной, гармоничной работы по укреплению духовных основ общества. Н.М. Карамзин указывает: «наше духовенство никогда не противоборствовало мирской власти, ни княжеской, ни царской: служило ей полезным орудием в делах государственных и совестью в ее случайных уклонениях от добродетели. Перво-святытели у нас одно право: вещать истину государям, не действовать, не мятежничать, - право благословенное не только для народа, но и для монарха, коего счастье состоит в справедливости... с ослаблением веры государь лишается способа владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных, где нужно все забыть, все оставить для отечества и где пастырь душ может обещать в награду один венец мученический. Власть духовная должна иметь особенный круг действия вне гражданской власти, но действовать в тесном союзе с нею. Говорю о законе, о праве. Умный монарх в делах государственной пользы всегда найдет способ согласить волю митрополита с волей верховной; но лучше, если сие согласие имеет вид свободы и внутреннего убеждения, а не всеподданнической покорности» [1, с. 999].

Н.М. Карамзин резко критиковал мероприятия Александра I:

- фискальный характер налоговой политики, ограничивающий развитие хозяйства;
- безответственность министров;
- ошибки во внешней политике, когда можно было предотвратить войну с Наполеоном еще на этапе переговоров;
- бюрократизация деятельности государственного аппарата;
- превращение сената в судебный орган вместо формы правления мудрых и преданных отечеству дворян.

По поводу бюрократизации России он отмечал: «Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности: от того – изобретение разных министерств, учреждение Совета и прочее... Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны... Итак, первое наше доброе пожелание есть, да способствует Бог Александру в счастливом избрании людей!» [1, с. 1011].

В государственном управлении Карамзин считал безнравственным и тлетворным движением по службе по мотивам получения богатства и обеспечения праздности: «1) за деньги не делается ничего великого; 2) изобилие располагает человека к праздной неге, противной всему великому» [1, с. 1013]. Служение отечеству может быть основана на идее чести, гарантирующей самоотверженность и искренность служения.

На взгляд Н.М. Карамзина для охранения России нужно царю обязательно следовать ряду принципов:

- идее ранга и предоставления исключительно дворянам права государственной службы;
- обеспечение независимости духовенства и его веса в государственных делах вплоть до восстановления патриаршества;
- образование духовенства;
- идее консервативного правления – следования традициям и обычаям России;
- искоренение бюрократии и забота о людях, а не формах, процедурах, регламентах.

Список цитируемой литературы:

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: Эксмо, 2010. – 1024 с.

Сведения об авторе:

Васильев Антон Александрович – директор юридического института, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

Мархгейм М.В.

«ЦЕНЗ ЗНАНИЙ» М.М. СПЕРАНСКОГО: СУДЬБА ИДЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

***Аннотация:** В статье акцентировала роль знаний в судьбе самого М.М. Сперанского, в его преобразовательных обоснованиях мотивации к получению знаний и «доставления» способов к просвещению, в аргументации доступа к чинам по преимуществу знаний, а не по преимуществу рождения, в заботе о развитии высшего юридического образования в России. Сделан вывод о не спадающей актуальности вопросов, поднятых великим российским реформатором более двух веков назад.*

***Ключевые слова:** Сперанский М.М., ценз знаний, государственное строительство, юридическое образование.*

Памятные научные мероприятия, которые ежегодно проводятся кафедрой конституционного и международного права юридического института НИУ «БелГУ» в память о выдающихся ученых-юристах Н.В. Витруке и Г.В. Мальцеве, с которыми мы были лично знакомы и в 20, и в 21 веке, – это всегда и ответственно, и трепетно.

Но оказалось, что научное волнение может возникать при знакомстве с личностями, жившими и творившими века назад, по их трудам, по воспоминаниям их современников, по выводам наших современников, по нюансам увековечения имени.

В такой мотивированный научно-познавательный процесс, наполненный интересными фактами, юридическими документами, свидетельствами о судьбоносных событиях, несомненными противоречиями и личностными открытиями погрузился, полагаю, каждый, кто готовился к памяtnому мероприятию, посвященному 250-летию со дня рождения М.М. Сперанского – выдающегося

государственного деятеля, реформатора и ученого. Он, как известно, признан человеком «замечательным»: ему посвящена проникновенная биографическая статья в издании «Биографическая библиотека Ф. Павленкова: Жизнь замечательных людей» [1].

Первый авторский подступ к пополнению знаний о М.М. Сперанском, который, по запоминающемуся выражению П.В. Крашенинникова, «скорее «бренд», оставшийся после великого гражданина и вмещающий в себя различные качества (все – с подразумеваемым эпитетом «великий»:...» [3, с. 7], связан с оценкой потомками и увековечением ими его вклада в государственное строительство России. Наряду с памятниками, установленными в Белгороде и Старом Осколе, в Перми и Иркутске, есть и другое – присвоение имени М.М. Сперанского. И оказалось, что его имя носят Средняя общеобразовательная школа № 49 во Владимире, Юридическая гимназия № 9 в Ростове-на-Дону, Юридический факультет РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Юридический институт Владимирского государственного университета, Институт законодательства и правовой информации в Иркутске, аудитория имени М.М. Сперанского в юридическом институте Белгородского государственного национального исследовательского университета. Что объединяет все названное по сути? А то, что все эти учреждения служат знаниям. И это исходный аргумент в пользу фиксации «ценза знаний».

Применению именно «ценза знаний» послужило и иное. Так, опираясь на формализованные источники, работы самого М.М. Сперанского и его биографов, воспоминания о нем и соответствующие научные материалы сквозь призму знаний получилось представить «ценз знаний» М.М. Сперанского в четырех взаимовлияющих плоскостях: в его собственной судьбе; в обосновании им мотивации к получению знаний и «доставления» способов к просвещению; в аргументации доступа кчинам по преимуществу знаний, а не по преимуществу рождения; в заботе о развитии высшего юридического образования в России. Рассмотрим их.

Итак. Предпочтение «ценза знаний» «цензу образования», который более традиционен и привычен современнику, обусловлено тем, что тяга к знаниям и обнаруженные способности сказались, как свидетельствуют, на выборе фамилии «Сперанский», т.е. подающий надежды и именно в учении, поскольку под фамилией этой он был записан в епархиальной семинарии [9, с. 27]. Тяга к познанию и отличные результаты учебы в семинарии, Духовной академии, равно как и преподавание в ней математики, физики, красноречия, философии были существенным вкладом в почву его предстоящего проектирования, реформирования, организации и осуществления дел государственных.

Пользе дел государственных послужило и преподавание «основ правовередения наследнику престола, будущему Александру II» [1, с. 525]. С октября 1835 г. по апрель 1837 г., как отмечает П.В. Крашенинников, «Сперанский прочитал Александру полный курс правовередения, который включал в себя познания о государстве, сословиях, о государственных и гражданских законах, о состояниях, дворянах, городских и сельских обывателях. Отдельно ... рассказывал о политической экономии... и о повинностях» [3, с. 190]. По оценке М.А. Корфа, приведенной В.А. Томсиновым, М.М. Сперанский как преподаватель «вложил в это дело всю свою душу, все благороднейшие свои стремления... Для его знаний, для его мыслей, для истинных, задушевных его движений был такой простор, какой никогда, может быть, не открывался ему на служебном поприще. Здесь он мог и должен был говорить откровенно, свободно, смело, мог быть настоящим Сперанским» [9, с. 441].

Знания и незаурядные способности «делали Сперанского необходимым, и потому его карьера была обеспечена без обычного в то время искательства и угодливости. Сперанский ... умел сохранять нравственную независимость для того времени очень значительную» [1, с. 517]. По признанию самого М.М. Сперанского, «перейти из духовного звания в светское и поступить на службу в государственное управление заставила его жажда учения» [9, с. 457].

Даже при неоднозначных оценках поступков, интерпретациях заметок и записок М.М. Сперанского непременно отмечался его блестящий ум и познания. Император в Сперанском «нашел человека, горячо преданного тем же преобразовательным идеям, но гораздо лучше вооруженного – и по широкому философскому образованию, и по большому знакомству с русской действительностью» [1, с. 518-519].

В донесении о якобы принадлежности М.М. Сперанского к секте Ж. де Местр указывал «Этот государственный секретарь, господин Сперанский – одно из случайных явлений, возможное только в этой стране. Он попович, т. е. самого низкого происхождения. Он умен, с головою, с познаниями и особенно хорошо знает свой язык, что здесь не очень обыкновенно» [9, с. 200-201].

По выражению В.О. Ключевского, «Со времен Ордина-Нащокина у русского престола не становился другой такой сильный ум: после Сперанского, не знаю, появится ли третий» [11].

В критическом отклике на работу М.М. Сперанского «Правила высшего красноречия» В.Г. Белинский подчеркнул, что такие правила «важны еще и как доказательство, что сильный ум сохраняет свою состоятельность, даже следуя по избитой дороге, и умеет сказать что-нибудь даже о предмете, всеми ложно понимаемом в его время» [7].

Представляется, что уже по таким штрихам можно судить о роли «ценза знаний» М.М. Сперанского, определившего, по сути, и его «сквозьсословное» движение до графа, и получение высочайших государственных должностей. В современном выражении это можно назвать возносящим «социальным лифтом», который по отношению к М.М. Сперанскому, увы, проявил себя и как низвергающий.

Второй, тесно связанной с предыдущей, является плоскость рассмотрения доводов М.М. Сперанского о роли «ценза знаний» в народном просвещении. В так называемой Записке к указам 1809 г. («Об усовершенствовании общего народного воспитания» [6]) он привел обоснования мотивации к получению знаний и «доставления» способов к просвещению. Им выделены два главных правительственных средства воздействия на воспитание народное: «доставление» способов к просвещению, включая «устройство училищ, библиотек и тому подобных публичных заведений» (в России давно принято и «в настоящее царствование нарочито усилено... никакое правительство не употребляло в сей части ни более щедрости, ни усилий»); побуждение и «некоторая моральная необходимость общего образования». В этой части, по М.М. Сперанскому, «правительство ограничивало себя частными поощрениями, отличиями, напоминаниями. Но учение никогда еще не было у нас поставляемо условием необходимым и обязанностию непременною для вступления в службу и занятия гражданских мест». Судя по вводной части Указа 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Ассессоры и Статские Советники» [14], предполагалось, что «все свободные состояния и особенно сословие Дворянское с поревнованием воспользуются открытием Университетов, Гимназий и Училищ в округах, Губерниях и уездах, со знатным иждивением казны и нарочитыми пожертвованиями самого Дворянства устроенных, и везде уже большей частью существующих, и что отечественные сии установления предпочтены будут способам учения иностранным, недостаточным и ненадежным».

Исходя из вышеуказанной Записки, М.М. Сперанский обращал внимание на три существовавших в России рода гражданского учения: учение домашнее («обыкновенно употребляется в домах дворян богатых, имеющих способы нанять учителей и гувернера»), учение в частных пансионах («есть удел дворян средних»), учение в казенных училищах («большую частью оставляется людям бедным свободных состояний»).

Домашний способ учения, как подчеркивал М.М. Сперанский, для государства «очевидно неудобен», поскольку, с одной стороны, «для великого числа людей нельзя найти довольно хороших учителей. Отсюда все те странности и укоризны, коим выбор иностранных учителей издавна и не без основания у нас толико оглашен»; с другой – «он не оставляет правительству средств наблюдать за духом воспитания и приводить юношество к некоторому единообразию общественных правил».

Учение в частных пансионах, по идее М.М. Сперанского, «в меньшей степени, но те же представляет неудобства». Учение в казенных училищах было всех предпочтительнее.

При этом у всех трех «способов учения» М.М. Сперанский выделял «главное неудобство» – ограничение «только начатками словесности», они «считают воспитание конченным, как скоро приобретено некоторое познание в иностранных языках, в арифметике и тому подобных стихийных науках, т.е. считают его поконченным там именно, где оно действительно начинается».

В качестве «значительных» оценены успехи М.М. Сперанского в сфере образования и за то, что он «разработал и осуществил программу совершенствования духовного образования в России, в соответствии с которой создавалась стройная система духовных учебных заведений, а учебные программы духовных академий были приближены к университетским учебным планам» [4, с. 41].

Совершенной преградой «учению основательному, требующему времени и некоторой зрелости», М.М. Сперанский полагал укоренившуюся практику получения чинов «большую частью по летам службы» и давал в Записках яркую этому следующую иллюстрацию «Отсюда сей общий и ясный расчет отца, желающего пристроить обыкновенным порядком судьбу детей своих. Он состоит в следующем: порядочное гражданское воспитание не может совершаться, как по крайней мере в 21-й год возраста. Студент, окончивший в сие время учение, получает по закону чин коллежского регистратора, между тем как другой, вступивший в службу прежде окончания наук или и совсем без учения, в то же самое время выходит уже по летам службы в титулярные советники. Здесь начинается разность, весьма уже приметная: между тем как ученый достигает чина коллежского ассессора, неученый с некоторым навыком и с небольшим покровительством выйдет уже в статские советники; следовательно, лучше кажется отцу скорее ввести детей в службу, нежели продолжать их науки» [7].

В Указе 24 января 1803 г. «О устройении училищ» [12] (в Указе от 6 августа 1809 г. он поименован как «правила Народного Просвещения») предписывалось «Чтоб ни в какой Губернии, спустя 5 лет по устройении в округе, к которому она принадлежит, на основании общих правил училищной части, не определять к Гражданской должности, требующей юридических и других познаний, людей, не окончивших учения в общественном или частном Училище. Разум сего постановления состоял в том, чтобы разным частям Гражданской службы доставить способных и учением образованных чиновников, чтобы трудом и успехам в науках открыть пути к деятельности, предпочтению и наградам, со службой сопряженным».

Таким образом, идеи М.М. Сперанского относительно народного «учения» были тесно связаны с его представлениями об отборе на чин по знаниям, чем подчеркивается наша идея о «цензе знаний».

Третья плоскость исследования «ценза знаний» связана с задачами доступа к чинам и открытия быстрой карьеры «образованному молодому меньшинству» «по преимуществу знаний, а не по преимуществу рождения» [1, с. 520].

Идея преимущества «ценза знаний» была формализована в ранее упоминаемых указах 1809 г.: от 3 апреля – Указ «О неприсвоении званиям Камергеров и Камер-Юнкеров никакого чина ни военного ни гражданского, и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжать оную по установленному порядку, с первоначальных чинов» [13] (указ о придворных званиях) и от 6 августа – Указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Асессоры и Статские Советники» [14] (указ об экзаменах на чины).

В порядке аргументации доступа к чинам по преимуществу знаний, а не по преимуществу рождения, приводятся следующие идеи М.М. Сперанского: «учение никогда еще не было у нас поставлено условием необходимым и обязанностию непременною для вступления в службу и занятия гражданских мест в формировании образовательных учреждений» [9, с. 183].

Все чиновники должны получить установленные набор знаний, подтвержденный свидетельством о сдаче экзамена. Предусматривались два варианта получения свидетельств: по окончании курса в одном из русских университетов; после сдачи в университете экзамена по установленной программе, которая и была приложена к указу от 6 августа 1809 г. По ней претенденты на чины коллежского асессора или статского советника требовалось «знание русского языка и одного из иностранных, знание прав естественного, римского и гражданского, государственной экономии и уголовных законов, основательное знакомство с отечественной историей и элементарные сведения в истории всеобщей, в статистике Русского государства, в географии, даже в математике и физике» [15].

Были установлены и требования, предъявляемые к служащим в правительственных учреждениях. Так, указы требовали исполнителей «опытом и постепенным прохождением службы приуроченных, минутными побуждениями не развлекаемых» (от 3 апреля 1809 г.) «сведущих, обладающих твердым и отечественным образованием» (указ от 6 августа 1809 г.).

По словам С.Я. Бугаевой, «Знаменитый указ 6 августа 1809 г. ... вводил образовательный барьер» [2].

Идея М.М. Сперанского, которую мы поименовали «цензом знаний» при назначении на чины, для государственного строительства России была «и справедливой, и полезной», но оказалась проблематичной для него самого, поскольку в противовес этому создались «целые легионы сильных и озлобленных врагов. Многочисленное чиновничество, с одной стороны, а с другой – вельможная аристократия, дети которой затруднялись в своей карьере» [1, с. 520]. И М.М. Сперанскому выпала доля «претерпеть неблагоприятные последствия» за свои новаторства – озвучиваемые, описываемые и воплощаемые.

Пожалуй, меньше всего претензий адресовалось М.М. Сперанскому за его идеи по развитию в России высшего юридического образования, хотя и было это в контексте указной задачи: «все части государственного служения требуют сведущих исполнителей». В порядке уточнения отметим, что это был уже «ценз специальных знаний».

Вероятно, именно с юридическим образованием он связывал реализацию «любимой своей и драгоценнейшей идеи законности», в борьбе за которую он «потерпел крушение» [10]. Не отказавшись от самой идеи, М.М. Сперанский «сузил арену своей деятельности, направил все свои усилия против одной из нескольких причин господства беззакония, – отсутствия Свода и вытекавшего отсюда поголовного невежества юридического» [10]. В ходе работы над систематизацией российского законодательства в качестве официального и доверенного юрисконсульта русского правительства пришло полное понимание масштаба потребности в обучении «молодых людей законоведению

(правоведению) для применения на практике правовых норм, для дальнейшего совершенствования законоположений» [3, с. 183].

Как отмечается в литературе, в Российской империи «даже не преподавали российское право» [3, с. 183], «в университетах юридические факультеты были очень плохо поставлены, русское правоведение не преподавалось, вернее, его не существовало» [1, с. 525]. После обнародования Свода законов, по словам Ф.Л. Морозкина, приведенным П.В. Крашенинниковым, «начинается полное догматическое изучение российского законодательства и новейшей его истории» [3, с. 184], в том числе в рамках созданных по предложению М.М. Сперанского Царскосельского лицея и Училища правоведения в Петербурге. Последнее явило миру не только великих юристов. Многие его выпускники нашли себя в других сферах, оставшись при этом юристами по образованию.

Во изменение ситуации в России с высшим юридическим образованием М.М. Сперанский инициировал отбор из лучших студентов духовных академий и университетов «около десятка молодых людей» для направления их в Германию «в лучшие юридические факультеты для теоретической подготовки к правоведению с тем, чтобы потом стать основателями и пионерами русского правоведения» [1, с. 525]. Этими мерами внесен неоценимый вклад в создание в России «системы профессионального юридического образования» [8, с. 41].

Рассмотрев «ценз знаний» М.М. Сперанского в исходно заданных плоскостях и опираясь при этом на источники, современные ему и нам, складывается устойчивое впечатление о не спадающей актуальности поднятых великим российским реформатором вопросов. Постановку проблем и аргументацию в необходимости их разрешения, предлагавшиеся М.М. Сперанским более двух веков назад, можно отнести к столь давно минувшим временам не по исчерпанности вопросов, а только по «не сегодняшней» стилистике и словоупотреблению. Невольно возникают, удерживаются и спорят мысли о том, что государственное строительство России опирается либо на ложные идеи, либо на недолжные механизмы. Возможно, здесь стоит прислушаться к выводу М.М. Сперанского «Сколько бедствий, сколько крови можно было бы сберечь, если бы правители держав, точнее наблюдая движение общественного духа, сообразовывались ему в началах политических систем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа» [5, с. 19].

Список цитируемой литературы:

1. Биографическая библиотека Ф. Павленкова: Жизнь замечательных людей: В 3-х т. Т.2: XVII-XVIII вв. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 800 с.
2. Бугаева С.Я. Образование и образовательный ценз в российском праве XIX в. // <https://elar.ufrfu.ru/bitstream/10995/2741/1/pristr-02-07.pdf>
3. Крашенинников П.В. Семь жизней графа Сперанского. – М.: Издательство «Эксмо», 2021. 216 с.
4. Осипов И.Д. Истинная монархия графа М.М. Сперанского // Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 3-42.
5. Планъ государственнаго преобразования графа М.М. Сперанскаго. – М.: Издание «Русской мысли», 1905. 363 с.
6. Об усовершеннии общего народного воспитания // Русская старина. 1907. № 12. С. 730-735.
7. Сперанский М.М. Об усовершеннии общего народного воспитания // http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_ob_usovershenii.html
8. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. 680 с.
9. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии : Исторический портрет М.М. Сперанского. – М.: Молодая гвардия, 1991. 336 с. С. 27.
10. <http://deduhova.ru/statesman/mihail-mihajlovich-speranskij/>
11. <http://mnemosyne.ru/library/kljuhevskij-2.html>
12. <https://base.garant.ru/58101823/>
13. <https://base.garant.ru/58101905/>
14. <https://base.garant.ru/58101907/>
15. https://vuzlit.ru/665039/ukaz_pridvornyh_zvaniyah

Сведения об авторе:

Мархгейм Марина Васильевна – заведующий кафедрой конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», доктор юридических наук, профессор, markheim@bsu.edu.ru

Туранин В.Ю.
**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ**

***Аннотация:** В статье анализируется правовая основа национальных интересов. Автор обращает внимание, что в настоящее время Россия, как и в начале XIX века, остро нуждается в защите собственных, национальных интересов. Делается вывод о том, что на современном этапе существует достаточно много нормативных правовых актов, закрепляющих национальные интересы в различных сферах (национальная безопасность, информационная безопасность, продовольственная безопасность, цифровая экономика, рынок ценных бумаг, приграничная безопасность и др.). При этом в некоторых случаях национальные интересы, определённые в том или ином источнике, пересекаются и даже дублируются, да и само ключевое понятие дефинируется по-разному. В этой связи, вносится предложение о систематизации нормативных правовых актов, закрепляющих национальные интересы, и унификации соответствующих правовых норм.*

***Ключевые слова:** национальные интересы, национальная безопасность, защита, правовое обеспечение, систематизация.*

Оценивая вклад М.М. Сперанского в процесс преобразования нашей страны, нельзя не обратить внимание на его твёрдую позицию по отстаиванию государственных интересов. Следует отметить, что в настоящее время Россия, как и в начале XIX века, остро нуждается в защите собственных, национальных интересов.

Национальные интересы – это симбиоз внутренних и внешних интересов народа России, направленных на поступательное развитие в социальной, экономической, политической и духовной сферах, а также на предотвращение существующих угроз национальной безопасности, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности страны, формирование лидирующих позиций в мире, поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений с другими странами [19, с.6].

Правовое обеспечение национальных интересов России состоит из целого комплекса правовых актов различной юридической силы. В этой связи, с нашей точки зрения, важным является «высветить» основные источники, наглядно показать те ключевые положения, позволяющие раскрыть сущность национальных интересов, сфокусировать внимание на особенностях их правового регулирования.

Отметим, что правовое обеспечение национальных интересов Российской Федерации осуществляется как с помощью законодательных, так и подзаконных актов. В основе правового регулирования национальных интересов нашей страны лежат нормы действующей Конституции Российской Федерации. Правда, в её тексте нет отдельной главы с соответствующим названием (хотя, возможно, она там и нужна), но, как справедливо отмечает Н.Н. Комарова, «Конституция РФ содержит принципы и нормы, отражающие, в том числе, национальные интересы» [16, с. 11].

В контексте исследования законодательной основы механизма обеспечения национальных интересов, можно привести пример из Федерального закона от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», в статье 32 которого определяются меры, затрагивающие внешнюю торговлю товарами и вводимые исходя из национальных интересов страны. В ней устанавливается, в частности, что в определённых законом случаях, в соответствии с международными договорами Российской Федерации и федеральными законами исходя из национальных интересов могут вводиться меры, не носящие экономического характера и затрагивающие внешнюю торговлю товарами [1].

Особое значение имеет недавно принятая новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400, в которой национальные интересы Российской Федерации определяются как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии» [11]. Кроме этого, в тексте данной Стратегии содержится раздел III «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты», в котором закреплён перечень национальных интересов, определённый с учётом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире.

Прежде всего, и это главное, в качестве единого национального интереса воспринимается сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и

благополучия граждан. В настоящее время достаточно много говорят об этом, но закрепление этих, на первый взгляд, очевидных постулатов в нормативном тексте является крайне важным и актуальным в настоящее время. Отметим, что в ранее действовавшей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 [14], сбережение народа России и развитие человеческого потенциала в качестве национального интереса не выделялось.

Обладает несомненной важностью и такой первостепенный национальный интерес, как укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России. Полагаем, что без сбережения национальных духовно-нравственных ценностей, сохранения культурного и исторического наследия не может быть и сбережения народа России. Особую роль в данном случае играет институт семьи. Отметим, что в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утверждённой распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р в качестве одной из важнейших задач выделяется повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании. Для этого необходимо развитие семейных традиций, направленных на укрепление семейной идентичности и сплоченности, сохранение и поддержание взаимосвязи и преемственности между поколениями в семье, проведение в средствах массовой информации на постоянной основе целенаправленной пропаганды в поддержку традиционных ценностей семьи и брака, морали и нравственности [13].

Ещё одним стержневым национальным интересом является поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений. Вопросы стратегической стабильности и безопасности в настоящее время выходят на передний план. Сохранение необходимого баланса в международных отношениях, мира, предотвращение возможностей для начала войн и конфликтов – это сейчас задача «номер один» не только для России, но и для любой другой страны, проводящей ответственную внешнюю политику.

Отметим, что различные аспекты механизма обеспечения национальных интересов находят своё отражение и в других нормативных правовых актах.

Отдельное внимание следует уделить информационной безопасности. Одним из сегментов правового обеспечения национальных интересов в данной сфере является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 [3].

В развитие основных положений, определённых Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (как ранее действовавшей, так и новой), в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации закрепляется перечень национальных интересов в информационной сфере.

Приоритетным здесь является обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, обеспечение информационной поддержки демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а также применение информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации.

В России и в мире стремительно развивается цифровая экономика. Всё больше участников рынка уходит в глобальное Интернет-пространство, находя там свои ниши, развивая предпринимательскую деятельность новой формации. Упорядочиванию данных процессов, с точки зрения нормативно-правового регулирования, способствует Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 [8]. В ней определён перечень национальных интересов в области цифровой экономики.

Прежде всего, это формирование новых рынков, основанных на использовании информационных и коммуникационных технологий, и обеспечение лидерства на этих рынках за счёт эффективного применения знаний, развития российской экосистемы цифровой экономики.

Кроме того, укрепление российской экономики, в том числе, тех её отраслей, в которых развитие бизнеса с использованием информационных и коммуникационных технологий преодолит конкурентные преимущества российским организациям, обеспечит эффективность производства и рост производительности труда.

Крайне важна и защита интересов российских граждан, обеспечение их занятости. Очевидно, что развитие цифровой экономики не должно ущемлять интересы граждан. Конечно, без новых технологий в настоящее время прожить достаточно трудно. Но, тем не менее, необходимо уважать все возрастные группы населения, думать о каждом человеке в отдельности. В этой связи, важно сохранение существующих в традиционных отраслях экономики технологий и способов производства товаров и оказания услуг, а также обеспечение защиты интересов российских организаций, реализующих свою продукцию на традиционных (неэлектронных) рынках.

В контексте анализа правового обеспечения национальных интересов в сфере цифровой экономики нельзя не обратить внимание на проблему регулирования криптовалют (а точнее, отсутствия их полноценного регулирования). М.А. Егорова и А.В. Белицкая справедливо отмечают, что «стремительное развитие цифровой экономики приносит с собой не только новые возможности, но и новые риски. Отсутствие виртуальных границ, простота, с которой цифровые технологии позволяют проводить сделки между инвесторами различных государств, и сложность в идентификации лиц, заключающих такие сделки, создают угрозу национальной безопасности, что обуславливает потребность в публично-правовом регулировании цифрового пространства» [15, с.2]. В этой связи, полагаем, что в перечень национальных интересов в области цифровой экономики, закреплённый в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации необходимо добавить ещё один пункт: защита потребителей финансовых услуг от рисков использования криптовалют.

Современные жизненные реалии показывают, что все большую значимость приобретают вопросы продовольственной безопасности. В данном случае, в качестве ещё одного необходимого «кирпичика» нормативно-правовой основы механизма обеспечения национальных интересов, выступает Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20. В ней, в частности, содержится раздел II «Национальные интересы в сфере продовольственной безопасности», в котором закреплено, что «продовольственная безопасность является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны в долгосрочном периоде, фактором сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей социально-экономической политики, а также необходимым условием реализации стратегического национального приоритета - повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения» [4].

Важнейшую роль в развитии современных экономико-правовых отношений играет рынок ценных бумаг. При этом справедливо отмечается, что «процесс развития отечественного рынка ценных бумаг многосложен, тернист и одновременно не достиг своей высшей степени. Развитие рынка ценных бумаг связано с поиском своего пути развития, а также с апробированием посредством метода проб и ошибок зарубежных технологий» [18]. Соответственно, важно было в данном случае также определить перечень национальных интересов, и закрепить его официально. Это было сделано в Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 01.07.1996 г. № 1008. В ней национальные интересы России трактуются как «комплекс макроэкономических и макрополитических задач государства применительно к рынку капиталов» [5]. Соответственно, национальными интересами в сфере рынка ценных бумаг являются: восстановление процесса расширенного воспроизводства и повышение его эффективности на основе мобилизации внутренних и внешних инвестиционных ресурсов; усиление социальной ориентированности экономики и повышение стабильности общества; укрепление экономического суверенитета страны; повышение капитализации российских компаний и обеспечение устойчивой ценовой динамики на российском рынке ценных бумаг; обеспечение информационной безопасности России. При этом, к примеру, с точки зрения информационной безопасности уместно сделать отсылку к ранее рассмотренной Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (скорее всего, в данном случае наблюдается определённое дублирование).

В условиях нарастающей политической нестабильности в мире особую значимость приобретают вопросы пограничной безопасности, защиты национальных интересов России в приграничном пространстве. Ключевым нормативно-правовым источником в данной сфере являются Основы государственной пограничной политики Российской Федерации, утверждённые Указом Президента Российской Федерации от 25.04.2018 г. № 174. В них, в частности, закреплено что

«состояние защиты национальных интересов в пограничном пространстве определяется эффективностью функционирования системы обеспечения национальной безопасности, неотъемлемой частью которой являются защита и охрана государственной границы» [6].

Немаловажным в настоящее время является и укрепление и защита национальных интересов Российской Федерации в Арктике. Так, в Указе Президента РФ от 25.08.2020 г. № 526 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Арктике» закреплено, что данная комиссия образована в целях выполнения возложенных на Совет Безопасности Российской Федерации задач по выработке мер, направленных на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в Арктике и социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации, а также по координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, других государственных органов, органов местного самоуправления и организаций [2].

Серьёзной экологической проблемой, негативно влияющей на формирование благоприятной среды проживания граждан являются выбросы парниковых газов. В этой связи, в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 29.10.2021 г. № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» закреплено, что «целевой (интенсивный) сценарий обеспечивает взаимную увязку целей международной климатической повестки по снижению выбросов парниковых газов, экономических возможностей страны по переходу на технологии с низким уровнем выбросов парниковых газов и обеспечение национальных интересов социально-экономического развития» [12].

Особую актуальность вопросы защиты национальных интересов приобрели в период пандемии и активной борьбы с распространением коронавирусной инфекции. В контексте анализа нормативно-правовой основы механизма обеспечения национальных интересов обратим внимание на Положение о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам создания национальной системы защиты от новых инфекций, утверждённое Указом Президента Российской Федерации от 12.10.2020 г. № 620, в тексте которого, в частности, закреплено, что одной из основных функций, возложенных на данную комиссию является «анализ эффективности работы органов и организаций по выполнению решений Совета Безопасности, направленных на обеспечение национальных интересов Российской Федерации в области противодействия распространению инфекционных заболеваний и антимикробной резистентности» [7].

Отметим, что это далеко не все нормативные правовые акты, в которых, так или иначе, определяются национальные интересы и способы их защиты. Мы подвергли анализу лишь своеобразный нормативный «костяк», основу, формирующую магистральные направления реализации национальных интересов в различных сферах общественных отношений.

Национальные интересы непосредственно соприкасаются с вопросами национальной безопасности, они взаимосвязаны и взаимозависимы. Выше мы привели краткие выдержки из Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (в разрезе национальных интересов). Однако в данной сфере применяется ещё целый комплекс правовых актов, на который также следует обратить внимание.

К примеру, в статье 1360 ГК РФ определяются особенности использования изобретения, полезной модели или промышленного образца в интересах национальной безопасности: «1. Правительство Российской Федерации имеет право в случае крайней необходимости, связанной с обеспечением обороны и безопасности государства, охраной жизни и здоровья граждан, принять решение об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации».

В Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 06.06.2019 г. № 254 определены угрозы национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан [9]. Это высокий уровень распространенности неинфекционных заболеваний (сердечно-сосудистых, онкологических, эндокринных, нейродегенеративных и др.); отток высококвалифицированных медицинских работников из государственных медицинских организаций; достаточно высокий уровень распространенности наркомании и алкоголизма, ВИЧ-инфекции, вирусных гепатитов В и С, туберкулеза, увели-

чение количества случаев травматизма и отравлений и др. В связи с распространением коронавирусной инфекции в России и в мире, конечно же, её также следует добавить в список угроз национальной безопасности.

В Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года определяются также и наиболее значимые вызовы национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан: старение населения; неудовлетворенность граждан доступностью и качеством медицинской помощи; замещение бесплатных медицинских услуг, предоставляемых в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, медицинскими услугами, предоставляемыми на платной основе, что влечет за собой нарастание социальной напряженности в обществе; рост числа детей-инвалидов.

В контексте исследования угроз национальной безопасности отдельное внимание необходимо обратить на вопросы борьбы с наркоманией и государственной антинаркотической политики. Магистральным нормативным правовым актом в данной сфере является Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 23.11.2020 г. № 733 [10]. В ней обозначается целый ряд угроз национальной безопасности в сфере оборота наркотиков, а также в области противодействия их незаконному обороту. Выделим некоторые из них.

Прежде всего, это попытки дестабилизации международной системы контроля за оборотом наркотиков в части, касающейся ее либерализации и легализации наркотиков в нарушение международных нормативных правовых актов о наркотических средствах и психотропных веществах и противодействии их незаконному обороту. Отметим, что проблема легализации наркотиков в настоящее время характеризуется особой остротой. К примеру, в Канаде и Грузии в последнее время начался процесс легализации марихуаны (каннабиса), что вызвало широкую общественную дискуссию. И это помимо тех стран, где так называемые «лёгкие наркотики» уже легализованы (некоторые штаты США, Уругвай, Ямайка и др.). В этой связи, И.Д. Мальцагов справедливо отмечает, что в России «общество, в целом, настроено отрицательно по данному вопросу, учитывая печальный опыт 90-х годов ...» [17, с.59]. Поэтому для нашей страны данный опыт неприемлем, и его распространение – это прямая угроза и национальным интересам, и национальной безопасности.

Угрозу национальной безопасности представляет и деятельность организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотиков, масштабное использование сети «Интернет» для пропаганды незаконного потребления наркотиков, увеличение количества случаев потребления лекарственных препаратов с психоактивным действием без назначения врача, разработка и сбыт в целях незаконного потребления новых потенциально опасных психоактивных веществ синтетического происхождения, а также тенденция к распространению полинаркомании и др.

В заключение отметим, что предпринятая попытка правового обеспечения национальных интересов (именно, основы, базиса) послужила предпосылкой для вывода о достаточно полном и объёмном, но вместе с тем, несколько «разбросанном» правовом регулировании национальных интересов России. В настоящее время действует и применяется достаточно много нормативных правовых актов, определяющих национальные интересы в различных сферах (национальная безопасность, информационная безопасность, продовольственная безопасность, цифровая экономика, рынок ценных бумаг, приграничная безопасность и др.). При этом, как мы можем заметить из их текстов, в некоторых случаях выделенные национальные интересы пересекаются и даже дублируются, да и само ключевое понятие определяется по-разному.

В этой связи, полагаем, что в текущий момент приобретает особую актуальность процесс систематизации нормативных правовых актов, определяющих национальные интересы и устанавливающих различные способы их защиты. Соответственно, необходимо принятие отдельного федерального закона «О национальных интересах Российской Федерации», в котором можно было бы сформулировать базовую дефиницию понятия «национальные интересы», выстроить их чёткую и упорядоченную систему, раскрыть особенности симбиоза внутренних и внешних интересов народа России, индивидуализировать способы и механизмы их защиты.

Список цитируемой литературы:

1. Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 25.08.2020 г. № 526 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Арктике» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Концепция развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 01.07.1996 г. № 1008 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Основы государственной пограничной политики Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 25.04.2018 г. № 174 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Положение о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам создания национальной системы защиты от новых инфекций, утв. Указом Президента Российской Федерации от 12.10.2020 г. № 620 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Стратегия развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Указом Российской Федерации от 06.06.2019 г. № 254 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утв. Указом Президента Российской Федерации от 23.11.2020 г. № 733 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.10.2021 г. № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р // СПС «КонсультантПлюс».
14. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 (утратила силу) // СПС «КонсультантПлюс».
15. Егорова М.А., Белицкая А.В. Публичное регулирование криптовалютных отношений в контексте риска национальной безопасности // Юрист. – 2021, № 1. - С. 2-10.
16. Комарова Н.Н. Конституция Российской Федерации и национальные интересы: современный взгляд и тенденции развития // Вестник Челябинского государственного университета. - 2008, № 22. – С. 9-14.
17. Мальцагов И.Д. Легализация лёгких наркотиков: путь в никуда? // Закон и право. – 2018, № 11. – С. 59-62.
18. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / А.В. Белицкая, В.С. Белых, О.А. Беляева и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. 376 с. // Цит. по СПС «КонсультантПлюс».
19. Туранин В.Ю. Национальные интересы: подходы к определению понятия // Российская юстиция. – 2021, № 1. – С. 2-7.

Сведения об авторе:

Туранин Владислав Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Беляева Г.С.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Аннотация:** В статье представлен авторский подход относительно структуры механизма обеспечения реализации национальных интересов с современной России. С точки зрения его структуры, анализируемый механизм можно определить, как взятую в единстве совокупность правовых средств (способов и методов правового регулирования), направленных на создание условий для реального воплощения жизненно важных потребностей личности, общества и государства.*

***Ключевые слова:** национальные интересы, механизм, правовое обеспечение, реализация, структура.*

Механизм правового обеспечения реализации национальных интересов является наиболее общей категорией, охватывающей их правовое закрепление, претворение в жизнь и защиту в случае нарушения. В этой связи следует определить, какие элементы необходимо включить в данное системное образование для обеспечения эффективности всех этих процессов.

Попробуем ответить на этот вопрос, опираясь на имеющиеся в юридической литературе работы.

К сожалению, в юридической литературе имеются лишь единичные примеры трудов, посвященных правовому регулированию национальных интересов, поэтому вынуждены обратиться к трудам, где учеными анализируются близкие к нашему исследованию явления и процессы.

Так, согласно энциклопедическому определению, механизм обеспечения национальной безопасности воплощает в себе «единство организационно оформленных государством специальных органов, которые в соответствии с интересами человека, общества и государства решают задачи обеспечения безопасности страны и в этих целях осуществляют в строго определенных формах государственное руководство и практически реализуют в своей деятельности функции обеспечения национальной безопасности» [1, с. 176]. Полагаем, что данное определение возможно взять за основу при дефинировании механизма обеспечения реализации национальных интересов, однако же в данном случае абсолютизируется институциональная основа механизма в лице государства и государственных органов в ущерб не только иных субъектов, вовлеченных в процесс, но и выделению иных элементов механизма – нормативно-правовой основы, а также форм и методов деятельности субъектов права.

С позиции В.П. Беляева и С.Ю. Чапчикова, «механизм обеспечения национальной безопасности можно определить как взятую в единстве, нормативно организованную систему государственно-властных институтов и правовых инструментов (средств, методов, способов, приемов), эффективное функционирование которых гарантирует реализацию конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственную и территориальную целостность, устойчивое социально-экономическое развитие государства» [2, с. 121]. Данное определение, безусловно, более развернутое, ориентирует на выявление сущностных и содержательных элементов механизма обеспечения национальной безопасности. И в этом, несмотря на некоторые методологические погрешности (например, отождествление механизма обеспечения и системы институтов и инструментов) его исследовательская ценность.

Что же касается понимания механизма реализации, то относительно данного вопроса, в юридической науке также наблюдается дискуссионность авторских подходов. Так, В.Ф. Акименко определяет механизм реализации субъективных прав, как «... совокупность взаимосвязанных объективных и субъективных элементов, позволяющих субъекту правовой жизни по своему усмотрению и с учетом интересов других лиц преобразовать принадлежащие ему юридически закрепленные возможности в фактическое поведение для удовлетворения личных потребностей и интересов» [3, с. 156]. Полагаем, что в данном определении в сжатом виде следовало бы уточнить, как объективные и субъективные элементы имеются в виду автором.

Обратим внимание на то, что существуют разработки, содержащие попытки определить инструментальную основу механизма реализации национальных интересов. К сожалению, данные труды, в большей степени, являются политологическими, однако не представить их результаты для полной картины исследования мы не можем. Так, в частности, Р.С. Мухаметовым выделяются тра-

диционные и конвергенционные средства реализации национальных интересов [4, с. 9]. В данном случае, еще раз подчеркнем, квалификация правовых средств реализации национальных интересов не носит правового окраса. Однако суждение имеет значение для определения субъектного состава механизма реализации национальных интересов на межнациональном и национальном уровнях.

Также имеют место исследования, раскрывающие основные направления реализации национальных интересов, что, применительно к механизму реализации национальных интересов позволяет говорить о его функциях. Например, по мнению Р.О. Очкина, «направления реализации национально-государственного интереса обуславливаются целями концепции национальных интересов, а также структурой национально-государственного интереса и заключаются в следующем: 1) повышение качества жизни населения; 2) экономический рост; 3) наука, технологии, образование, здравоохранение и культура; 4) экология живых систем и рациональное природопользование; 5) стратегическая стабильность» [5, с. 86]. Следует признать, что при достаточно обширном перечислении направлений реализации национальных интересов, здесь, в большей степени, говорится не о направлениях, а об ориентирах, ибо направления необходимо конкретизировать более четко.

Таким образом, механизм обеспечения реализации национальных можно определить, как взятую в единстве совокупность правовых средств (способов и методов правового регулирования), направленных на создание условий для реального воплощения жизненно важных потребностей личности, общества и государства.

Относительно структуры правового механизма обеспечения реализации национальных интересов поясним следующее. Юридическая наука выработала достаточно четкое представление, какие именно правовые средства должны включаться в правовые механизмы.

Приведем лишь некоторые из них. Так, А.С. Мордовец применительно к структуре механизма социально-правовой защиты прав и свобод личности называет такие его элементы, как: «общественные нормы; правомерную деятельность субъектов прав человека и гражданина; гласность; общественное мнение; гарантии: общие, специальные (юридические) и организационные; процедуры; ответственность; контроль, включая международный» [6, с. 275]. Полагаем, что такой широкий подход к структурному составу не позволяет в конечном итоге идентифицировать тот объект, внутреннюю организацию которого мы определяем. В этой связи принципы и гарантии должны быть вынесены за пределы внутреннего строения любого механизма, ибо механизм, исходя из его сущности, - это, прежде всего, набор инструментов, функционирующих определенным образом и приводящих к достижению запрограммированной цели. Все же, что обеспечивает данное функционирование – общие положения, начала (принципы) и условия, способствующие этому (гарантии), к внутреннему строению механизма относиться не могут.

По мнению коллектива авторов, «... правовой механизм защиты прав и свобод граждан в самом общем виде можно представить как совокупность правовых норм, правовых учреждений и юридических процедур, при помощи которых осуществляется охрана и восстановление прав и свобод гражданина» [7, с. 69]. Представляется, что в данном определении реализован системный подход к определению правового механизма – содержится указание на его основные признаки (выделенные нами ранее) применительно к объекту исследования. Речь идет о нормативно-правовой основе, организационно-правовой составляющей и процедурах, реализуемых субъектами, в целях удовлетворения жизненно важных потребностей [8, с. 2-4].

М.В. Пучкова, в свою очередь, выделяет три составляющие механизм реализации права чести: «1) механизм обеспечения, являющийся предпосылкой осуществления конституционных прав; 2) механизм непосредственной реализации – фактического претворения этих прав в жизнь; 3) механизм защиты, вступающий в действие при нарушении основных прав и направленный на их восстановление и устранение причин и условий нарушений» [9, С. 123]. Полагаем, что данный подход, в целом, верен, ибо без правового закрепления того или иного права, его невозможно реализовать, как и бесспорен тот факт, что при реализации права нередко возникают ситуации его нарушения, и тогда необходимо включение возможности защитить нарушенное право.

Суммируя сказанное выше, в механизме обеспечения реализации национальных интересов представляется обоснованным выделять такие подсистемы, как: а) нормативно-правовую основу (взаимосвязанную, внутрисогласованную, непротиворечивую систему нормативно-правовых актов, на основе которых происходит юридическое признание путем формального закрепления, реализация и защита национальных интересов личности, общества и государства); -

организационно-правовую (институциональную) основу - определение целей, задач, перечня и полномочий публичных органов власти и институтов гражданского общества, связанных с обеспечением реализации национальных интересов, а также принципов, лежащих в основе данной деятельности (по словарному определению, «институционализм – это одно из направлений государственоведения XX века, рассматривающее политическую организацию общества как комплекс различных объединений граждан – «институций»; квалифицирует государство также как одну из «институций» [10, 11]); - инструментальную основу – совокупность форм и методов обеспечения реализации национальных интересов.

Вместе с тем, обратим внимание на тот факт, что данные подсистемы выделены нами с определенной степенью условности, ибо провести четкую грань своеобразный «водораздел» между ними на практике невозможно [12, с. 1170]. Данным разграничением мы лишь стремимся подчеркнуть комплексный характер механизма обеспечения реализации национальных интересов и определить те элементы, которые призваны обеспечивать его функционирование.

Список цитируемой литературы:

1. Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: краткая энциклопедия. – Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1997. – 202 с.
2. Беляев В. П., Чапчиков С. Ю. Понятие и структура механизма обеспечения национальной безопасности: теоретический аспект // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2017. – № 5 (84). – С. 19-23.
3. Акименко В. Ф. Понятие и структура механизма реализации конституционных прав и свобод неграждан в России // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 10. – С. 55-58.
4. Мухаметов Р. С. Национальные интересы России на постсоветском пространстве: сущность и основные средства реализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2009. – 20 с.
5. Очкин Р.О. Формирование национально-государственного экономического интереса в концепции национальных интересов России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 6 (101). – С. 83-87.
6. Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина: дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 1997. – 384 с.
7. Беляев В. П., Беляева Г. С., Антонова Ж. Д. Правовое сознание в механизме защиты прав и свобод граждан: общетеоретический подход: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 154 с.
8. Туранин В.Ю. Три причины трудности понимания текста закона // Российская юстиция. – 2010. – № 1. – С. 2-4.
9. Пучкова М. В. Нормативные акты Совета Министров союзной республики в механизме реализации конституционных прав граждан // Советское государство и право. – 1985. – № 3. – С. 123-125.
10. Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая рос. энцикл. : Рипол Классик, 2000. - 1455 с.
11. Gorodnova O.N., Turanin V.Yu., Semenov A.A., Rumyantsev M.B., Boltenkova Yu.V. Institutionalization of law-making principles as a way to transform scientific categories into the law-making solutions // Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values. – 2019. – Т. 6. – № S3.
12. Беляев В.П., Беляева Г.С. Принципы и гарантии процессуально-правового режима юридической деятельности // Lex russica (Русский закон). – 2014. – Т. 96. – № 10. – С. 1169-1176.

Сведения об авторе:

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Давыдова М.Л.
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КАК НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

***Аннотация:** В статье на примере формирования нормативно-правовой базы для эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств раскрывается многоэтапный путь становления в отечественной правовой системе института регулятивных песочниц (экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций). Показаны отличия их от общепринятого понятия правового эксперимента, а также недостатки существующего правового регулирования.*

***Ключевые слова:** экспериментальный правовой режим, цифровые инновации, регулятивная песочница, беспилотный транспорт, правовой эксперимент.*

Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 20-011-00583 А «Экспериментальные правовые режимы (regulatory sandboxes): зарубежный опыт и перспективы внедрения в современной России»

С февраля 2022 года в России планируется начать использование беспилотных такси [2]. Проект предполагает автономное движение таких такси на территории г. Сколково и в Иннополисе (Татарстан), а также движение с водителем-испытателем на переднем пассажирском сидении в пределах 18 московских улиц и в центре «Сириус» (Краснодарский край). О разработке этого проекта было объявлено в 2016 году [18]. В 2017 был показан прототип беспилотного автомобиля и анонсировано начало его испытаний на улицах Москвы в течение года [19]. Тем не менее подготовительный процесс занял четыре года, что объясняется не только техническими, но и юридическими сложностями. Необходима была нормативная база, допускающая, пусть даже в экспериментальном порядке, эксплуатацию беспилотного транспорта в условиях реального дорожного движения.

Формирование такой базы началось сразу, но на первых этапах не повлекло существенного эффекта. Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования, утвержденная постановлением правительства РФ от 25.03.2020 N 724-р, затрагивала лишь подготовительную стадию, предшествующую допуску к эксплуатации беспилотных автомобилей на дорогах общего пользования (аудит процесса разработки и виртуальные испытания; тестирование на автополигонах; тестирование в реальных дорожных условиях). Принятое в 2018 году постановление правительства [6] такую эксплуатацию допускало, но, будучи подзаконным актом, полноценно применяться не могло, т.к. с действующим административным, страховым и пр. законодательством подобный эксперимент был абсолютно несовместим. Необходимо было закрепление правил экспериментального регулирования на законодательном уровне.

В 2018 году паспортом национальной программы «Цифровая экономика» [5] было предусмотрено принятие федерального закона, регулирующего вопросы создания и функционирования особых правовых режимов в условиях цифровой экономики ("регуляторных песочниц"). В апреле 2019 года Министерством экономического развития Российской Федерации подготовлен проект Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», который был принят Государственной Думой РФ [17] 31.07.2020 и вступил в действие в начале 2021 года. Помимо закона был разработан пакет подзаконных актов, развивающих каждое его положение и отдельно регламентирующих все этапы процедуры создания и функционирования регулятивных песочниц (форму и содержание документов, необходимых для инициирования нового экспериментального режима, порядок подачи и рассмотрения заявки на присоединение к уже существующему режиму, порядок уведомления лица о принятом по его заявке решении, правила ведения реестра существующих режимов и реестра лиц, вступивших в правоотношения с субъектом конкретного режима, порядок рассмотрения жалоб со стороны контрагентов, порядок предоставления отчетов субъектами экспериментальных режимов, правила мониторинга, приостановления или прекращения статуса субъекта режима и самого режима в целом).

Данными нормативно-правовыми актами установлен общий порядок проведения эксперимента, связанного с использованием новых технологий. Этот порядок подразумевает подачу заявки инициатором, ее согласование регулирующим органом, разработку и утверждение программы конкретного экспериментального правового режима, устанавливающей территорию, период, круг лиц,

на которых он распространяется, а также те обязательные требования, от соблюдения которых освобождаются участники эксперимента.

Положительно оценивая факт своевременной и подробной разработки всех процедур, необходимых для установления экспериментального режима, стоит отметить два спорных момента.

Во-первых, описание соответствующих процедур содержится не в одной объемной инструкции, а в более, чем 20 нормативно-правовых актах, принятых Минэкономразвития и Правительством РФ. Вероятно, замысел был в том, что удобнее не создавать один громоздкий текст, а «разложить по полочкам» всю последовательность действий. Но теория свидетельствует об обратном. Одним из принципов «лучшего регулирования», направленного на совершенствование и упрощение регулятивной среды, принято считать кодификацию существующих текстов [20]. Подразумевается, что гораздо удобнее соблюдать правила, изложенные в одном, а не во множестве документов. На это же указывает зарубежный опыт создания регулятивных песочниц [4, с.110].

Во-вторых, сомнения вызывает преобладание в вопросе создания экспериментальных правовых режимов подзаконного регулирования. С одной стороны, у этого есть объективные основания, обусловленные спецификой цифровых инноваций, требующих гибкого и оперативного взаимодействия с государственными органами в процессе апробации и внедрения новых технологий [3, с. 68]. С другой стороны, возможность на подзаконном уровне решить вопрос о действии или недействии законодательных правил, безусловно, вызывает сомнения, с точки зрения корректности юридической модели.

Вероятно, осознавая эту проблему, законодатель в середине 2021 года уточняет порядок, установленный федеральным законом «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций», добавляя в процедуру рассмотрения инициативного предложения необходимость проинформировать о нем Совет Федерации, а также учесть позицию законодательного органа власти субъекта РФ [10].

Помимо этого, нужно было согласовать новые правила с действующим законодательством, «встроить» институт экспериментальных правовых режимов в существующую систему нормативно-правовых актов. С этой целью тем же федеральным законом от 02.07.2021 N 331-ФЗ [10] изменения, допускающие возможность установления экспериментального правового режима, внесены в девять законов, шесть из которых касаются транспорта (законы о безопасности дорожного движения, ОСАГО, о техническом осмотре транспортных средств и др.).

На этом формирование нормативно-правовой базы регулятивных песочниц в сфере беспилотного транспорта можно считать завершённым. Начинается правоприменительный этап реализации этого проекта. В конце августа 2021 года ООО «Яндекс.Испытания» вносит в Минэкономразвития инициативное предложение об установлении экспериментального правового режима по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств двух категорий: осуществляющих движение с водителем-испытателем на переднем пассажирском сидении и без водителя в салоне при удаленной маршрутизации и диспетчеризации со стороны оператора [9]. В сентябре проект программы соответствующего экспериментального режима размещается на портале regulation.gov.ru [8]. И лишь в январе 2022 в СМИ появилась информация о том, что имеющиеся разногласия устранены, и документ в ближайшее время будет подписан Правительством РФ.

Описанная последовательность показывает сложный путь формирования правовой базы проведения конкретного технологического эксперимента. Аналогичным образом в настоящее время происходит согласование экспериментального правового режима в сфере телемедицины [7], применение которой давно назрело, но сталкивается с рядом серьезных юридических препятствий.

Стоит отметить, что при проведении правовых экспериментов (довольно активно используемых в последние годы в избирательном праве [11, 12, 16], трудовом [13], налоговом [15], экологическом [14] и других отраслях) российский законодатель, как правило, не уделяет столько внимания подготовке соответствующей нормативной базы, чаще всего ограничиваясь принятием одного закона, в котором устанавливаются параметры конкретного эксперимента. Как представляется, это можно объяснить различной природой и целями правового эксперимента, с одной стороны, и экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций – с другой.

Суть классического правового эксперимента состоит в апробации юридического решения некой проблемы. Экспериментальные правила вводятся именно для того, чтобы оценить, способны ли они оптимальным путем решить эту проблему. Применение экспериментальных норм, таким образом, составляет основное содержание правового эксперимента, а оценка их потенциальной эффективности – его цель.

Для экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций изменение правового регулирования не является основной задачей. Смысл проведения эксперимента в данном случае лежит вне сферы юридического и заключается в тестировании и апробации технологического решения. Изменение, точнее временное «блокирование» некоторых правовых нормативов необходимо здесь как внешнее условие для проведения эксперимента технологического. Неслучайно и использование термина «песочница», заимствованного из профессионального языка программистов, которые так называют механизм защиты, включённый в состав многих программных систем, - специально выделенную изолированную от остальной системы среду, ограничивающую доступ и использование ресурсов, в которой можно спокойно тестировать программное обеспечение перед поставкой его потребителю либо проверять поведение потенциально опасных полученных из Сети программ [1]. Проблема выделения подобной изолированной среды внутри правовой системы, где все отношения взаимосвязаны и просто не может оставаться «белых пятен», находящихся за пределами правового регулирования, стала для законодателя новой задачей. На данный момент решена она лишь теоретически, т.к. необходимые нормативно-правовые акты приняты, но практика функционирования созданных на основе этих актов экспериментальных правовых режимов отсутствует.

Думается, 2022 год должен стать определяющим для оценки эффективности модели, установленной российским законодательством: период ознакомления с ней потенциальных инициаторов и регулирующих органов прошел, ряд инициативных предложений о создании регулятивных песочниц находятся в стадии согласования. Если установленные для экспериментальных правовых режимов «правила игры» жизнеспособны, то в 2022 году можно прогнозировать существенный рост числа таких режимов, реализуемых в Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. Англо-русский толковый словарь терминов и сокращений по ВТ, Интернету и программированию // Академик. dic.academic.ru (Дата обращения 14.01.2022) https://computers_en_ru.academic.ru/12673
2. Беспилотные такси начнут ездить по Москве в феврале // Ведомости, 10.01.2021. <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2022/01/10/904183-bespilotnie-taksi> (дата доступа 14.01.2021)
3. Давыдова М.Л. Регулятивные песочницы и особенности их имплементации в российское законодательство // Хозяйство и право. – 2021. – № 7(534). – С. 60-70.
4. Макаров В.О. Регулятивные песочницы: сравнительно-правовое исследование института экспериментальных правовых режимов в Российской Федерации и регуляторных лабораторий в Грузии // Юридические исследования. – 2021. – № 10. – С. 102 - 113.
5. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г.)
6. Постановление Правительства РФ от 26.11.2018 N 1415 (ред. от 22.02.2020) «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» (вместе с «Положением о проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств»)
7. Проект Постановления Правительства РФ «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по применению телемедицинских технологий» (ID проекта 01/01/10-21/00121390). <https://regulation.gov.ru/Projects/List?type=Grid#npa=121390> (дата доступа 16.01.2021)
8. Проект постановления правительства РФ «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств» (ID проекта 01/01/09-21/00119869) <https://regulation.gov.ru/projects#npa=119869> (дата доступа 14.01.2021)
9. Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций // Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт. https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/ (дата обращения 14.01.2021)

10. Федеральный закон от 02.07.2021 N 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»
11. Федеральный закон от 23.05.2020 N 151-ФЗ «О продлении на 2020 год эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации»
12. Федеральный закон от 23.05.2020 N 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве»
13. Федеральный закон от 24.04.2020 N 122-ФЗ (ред. от 24.03.2021) «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой»
14. Федеральный закон от 26.07.2019 N 195-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха»
15. Федеральный закон от 27.11.2018 N 422-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"»
16. Федеральный закон от 29.05.2019 N 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»
17. Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»
18. «Яндекс» и КАМАЗ решили запустить сервис беспилотников в Москве // РБК, 20.09.2016. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/57e09a1d9a79470e9cf5a31c> (дата доступа 14.01.2021)
19. Etherington D., Yandex's on-demand taxi service debuts its self-driving car project // Join TechCrunch+, 30.05.2017. <https://techcrunch.com/2017/05/30/yandexs-on-demand-taxi-service-debuts-its-self-driving-car-project/> (дата доступа 14.01.2021)
20. Interim report from the commission to the Stockholm European Council – Improving and simplifying the regulatory environment. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52001DC0130> (дата обращения 14.01.2021)

Сведения об авторе:

Давыдова Марина Леонидовна – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доктор юридических наук, профессор, davidovavlg@gmail.com

Овчинников А.И.

ПРАВОВАЯ ТЕОЛОГИЯ И ХРИСТИАНСКОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ: ОСНОВНЫЕ ИДЕИ В XXI ВЕКЕ

***Аннотация:** В статье рассматривается значение нового междисциплинарного направления в исследовании права и правопонимания – правовой теологии. Автор приводит аргументы в пользу признания ценности теологического измерения права и правосознания для современного постсекулярного мира. Обосновывается и практическое значение правовой теологии для формирования правовой культуры и правовой идеологии современного российского государства с учетом достижений дореволюционной русской философии права и зарубежной философско-правовой мысли.*

***Ключевые слова:** Правовая теология, правопонимание, философия права, правовая культура, постсекуляризм, правовая идеология, правовые ценности.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность»

Правовая теология как одно из направлений развития современного правового мышления важна по следующим причинам. В условиях постмодернистского методологического кризиса в социальных науках в целом, в правовом мышлении, в частности, вызванного, прежде всего, длитель-

ным мировоззренческим отрицанием своих базисных оснований, а также отказом европейской философии и теории права от своей христианской цивилизационной идентичности в пользу секулярных неолиберальных стандартов, вопрос о государственно-правовой идентичности России приобретает особую значимость для юридической науки. Многие авторы признают неудачу проекта вестернизации постсоветской Российской государственности и правовой системы, но значимых концептуальных альтернатив пока нет. Это значит, что существует необходимость дальнейшего обсуждения проблемы цивилизационной идентичности, политической и правовой самобытности российской государственности и права.

Если классическую европейскую культуру и цивилизацию понимать как результат синтеза античных и христианских идеалов и ценностей, то российская правовая культура является также европейской, в основе которой лежит христианский образ мысли. Следовательно, Россию необходимо воспринимать как Европу, особенно учитывая ее византийское преемство, политико-правовое наследие, полученное от Восточной римской империи, основой которого является православная вера. Однако здесь необходимо сделать одну оговорку: самобытность русской правовой культуры и особенности нашей государственности обусловлены целям рядом особенностей православного мировоззрения по сравнению с католико-протестантским мировосприятием. Для исследователей русской национальной философии права данное обстоятельство вряд ли вызовет возражение.

Несмотря на то, что активных верующих в современной Российской Федерации не так много, по разным данным от 73 до 78 % населения исповедуют православие, оно сохраняет свое влияние. Это влияние транслируется через архетипы, язык, кинематограф, ценности, символы, смыслы национальной русской культуры. Впрочем, даже социологические исследования показывают значимость религиозных ценностей православного вероисповедания: по данным Института социологии РАН, удельный вес православного населения в России давно превышает общепринятые показатели моноконфессиональности, что позволяет З.И. Пейковой сделать вывод о том, что Россия в полной мере является православной страной. Автор, рассматривая материалы Института социологии РАН, приводит следующие данные: если задать вопрос «К какому вероисповеданию Вы принадлежите?» (методика Института социологии РАН), то ни к какому вероисповеданию себя не относит менее 1%. Остальные респонденты в подавляющем своем большинстве относят себя к православию — 89,7%. Из остальных религий на втором месте стоит ислам, к которому себя относят 5,3% населения, 1,0% относят себя к католицизму, 0,4% — к буддизму, 0,2% — к баптизму, столько же к иудаизму. Ко всем оставшимся вероисповеданиям относят себя 2,5% населения России [8]. Так что роль духовно-нравственных ценностей, ценностно-рациональной легитимности права сохраняется и на уровне общественного сознания, и на уровне философии права.

Далее отметим, что европейский конституционализм, в том числе и российский, является, как известно, в определенном смысле результатом секуляризации христианского общества, сохраняя ряд институтов, имеющих религиозное когда-то происхождение: среди них - правовая категория «свободы личности», идеи абсолютного достоинства каждой личности, равенства, прав человека. Это было очевидно задолго до того, как К. Шмитт показал теологические корни основных понятий науки о государстве, которые возникли вследствие секуляризации, и указал, что большинство, если не все государствоведческие теории имеют в своей основе парадигмальный теологический элемент — мыслительные конструкции, разработанные теологией и перенесенные в науку о государстве [14]. Примерно тоже самое можно утверждать и о правопонимании.

Для правового мышления важно учитывать, что вера является его неотъемлемой компонентой. Иррациональность неявно присутствует в самой идее конституции, имеющей естественно-правовые корни. Нельзя не согласиться с высказыванием В. Н. Синюкова о том, что Конституция, будучи правовым актом, претендует еще на роль политико-идеологического, морально-этического регулятора, к тому же взыскующего отношение к себе как к сакральному тексту, своеобразной «правовой Библии» [10, с.167]. Конституция сменила Библию в процессе секуляризации в эпоху модерна и теперь, в эпоху постмодерна и постсекуляризма вновь может сосуществовать с Библией. В конце концов, вера в народный суверенитет и общественный договор — тоже вера. Как справедливо отмечает А. Н. Кокотов: «Конституция в ее идеальном предназначении есть канон гражданской или мирской (не религиозной) веры, предметом которой выступают названный порядок и возможность его достижения» [5, с.6.].

Именно в христианской культуре были заданы основные контуры европейского правопонимания, прежде всего, человекоцентричного естественного права, субъективного права, правового персонализма, отталкивающегося от понятий «права личности», «достоинство человека». Идея об-

ществленного договора, естественных прав человека, достоинства личности и равноправия распространились по всему миру благодаря христианству, точнее, благодаря универсализму христианства, в основе которого лежит признание и уважение любого человека независимо от веры, пола, этноса, социального статуса: как известно для Бога нет «ни эллина, ни иудея».

В Древнем мире достоинством обладали только представители элиты, а равенство предполагалось с учетом этноконфессиональной принадлежности: бесправие низших слоев населения были «естественным законом» практически для всех народов древности, как и рабовладение. Идея достоинства личности стала известна человечеству благодаря христианской проповеди с ее идеей богоподобия сотворенного человека благодаря Новому Завету, библейской философии права. В древнем мире, за исключением Древнего Израиля с его Пятикнижием Моисея, неравенство по социальному, экономическому, родственному, этническому, религиозному и иным признакам было единственно возможным и естественным. Ни в одном древнем памятнике права мы не встретим норм, обязывающих не взирать в суде на происхождение, социальный статус или веру, кроме норм библейского права, где человек понимается как «образ Божий». В Новом Завете речь идет уже о том, что сам Сын Божий принял на себя человеческую природу, обожествив ее: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом». В Ветхом завете мы имеем дело с имаджионистской («Богообразной») концепцией достоинства личности, а в Новом уже с теозистической («обожествляющей»). Таким образом, права человека, достоинство личности, политический и правовой гуманизм являются плодом христианского просвещения, нравственной проповеди и Откровения.

Без веры в естественное право юридическая сила общественного договора, которым обосновывается исходная легитимность любой конституции, теряет убедительную мотивацию. Что такое юридическая сила и какова основа легитимности Основного закона? В том, что этот Основной закон объединил людей, имеющих не только общий интерес (Цицерон), но и право на достижение этого интереса, признавая друг у друга обладание врожденной правосубъектностью. Признать равенство и достоинство каждого человека и его правосубъектность независимо от его личных качеств, здоровья, пола, этноса, взглядов, убеждений, веры и многого другого в реализации и достижении своих прав невозможно вне религиозных, метафизических идей и представлений. Логика здесь такова: без идеи Бога, создавшего человека, вряд ли возможно обосновывать и право на жизнь. Только Творец может наделять неотъемлемым правом на жизнь и естественно-правовой правосубъектностью. Никакого стремления к общежитию (*appetitus societatis*), присущего некоей метафизической субстанции под названием «человеческая природа» не достаточно, чтобы обосновать право на жизнь и достоинство новорожденного человека: это показал «кровавый» XX век и показывает «эпидемия» абортотворения.

Бог и Священное Писание были законодателем в Средние века, казалось бы, Разум и Конституция пришли им на смену в эпоху модерна: в Новое время и Просвещение. Однако разум продолжал развивать архетипы религиозной культуры. «Английские сектанты, основывавшие американские штаты, действительно строили свое новое государство по библейским образцам. В новой европейской истории политические идеи Ветхого завета были огромной деятельной силой, значение которой, как мы убеждены, до сих пор недостаточно оценивается» - подчеркивал в свое время Н.Н. Алексеев [2, с.28]. В секулярном пространстве модерна конституция является светским эквивалентом Священного Писания, сменив его, так как Библия была в условиях теократии средних веков основным законом. А светский вариант Завета — «общественный договор» нового типа: «В ветхозаветной теократии общественная власть устанавливалась, в сущности говоря, в результате «общественного договора», сторонами которого являлись Егова, его пророки и народ» [2, с.27]. Однако XX век разрушил легитимность разума как законодателя и сегодня светский закон нуждается не только в формально-рациональной легитимности: для этого и нужны идеи естественного права, народного суверенитета, общественного договора. Именно поэтому упоминание Бога в Основных законах, конституциях европейских стран придает им легитимность: оно выглядит вполне логичным с точки зрения естественного права.

Роль религии в становлении отечественного государства и права огромна: культурообразующая роль православия для русского народа трудно очевидна. Отечественная государственность строилась традиционно вокруг идеи симфонии властей, единства светской и духовной власти, духовно-нравственных и правовых ценностей в их единстве. Если в Византии эта идея стала новым обоснованием имперской государственности Рима, а в русской земле заложила основу государства благодаря крещению Руси князем св. Владимиром и в период расцвета Российской Империи сформулировала ее идейную основу через формулу «Православие. Самодержавие. Народность», то в Советский период истории нашего государства симфония властей и ее архетипы послужили основой

идеократии коммунистического строительства. Именно разрушение образа идеи-правительницы и разочарование в коммунистической идеологии стали катализатором разрушения СССР. И сегодня многие ученые связывают отсутствие успехов в государственном строительстве, в деле построения национальной экономики, эффективной правовой политики, правовой системы с деидеологизацией государства. Так что для России отказ от традиционных духовно-нравственных ценностей приводит к разрушению фундамента государства.

Говоря о значении правовой теологии в изучении современного права стоит обратить внимание на правосознание и психологическую теорию права, которые в определенном смысле обретают логическую стройность благодаря теологическому правопониманию. Иррационалистические концепции права, апеллирующие к некоей метафизической врожденности правового чувства, присущего всякому человеку, до сих пор оставались без ответа на вопрос: обладает ли сходством правовое чувство в разных концах планеты. Вопрос об универсальности правового чувства, интуитивного предчувствия правды, справедливости, правосудности, которые не поддаются рациональному определению, находит свое разрешение в рамках теологической парадигмы правового мышления и христианского понимания правосознания. С этой точки зрения право может и должно быть рассмотрено и определено не только как данная Творцом система норм, внешне расположенная по отношению к человеческой личности в Священном Писании. Такой подход крайне ошибочен в восприятии христианского правопонимания. В границах последнего право мыслится как исходный для каждого человека ценностный код коммуникации с другими людьми, в процессе которой невозможно обойтись без признания инобытия Другого, без уважения к иной человеческой личности.

Основные принципы отношения к ближнему формируют совесть и зависят от естественного закона, написанного в сердцах (Иер.31:33). Интуиция правоты, правосознание составляют, таким образом, важный элемент сознания личности, присущий естеству человека как образу Божию, составляя как бы «ориентир» в общественной жизни личности. Но чаще всего этот ориентир заслонен человеческим эгоизмом. Именно в этом смысле законы естественного права людям становятся известны сами по себе. «Обнародование естественного закона происходит посредством того, что Бог всевает его в человеческий разум так, что он становится известным человеку естественным образом» - пишет Фома Аквинский [13]. Еще ранее об этом говорил Апостол Павел: «ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» Рим.2:15 [9]. Иными словами, правовые и нравственные интуиции имеют универсальную и общечеловеческую природу потому, что они известны человеку от рождения, их законы «написаны в сердцах». Отсюда и универсализм «золотого правила нравственности», а также всеобщность формулы абстрактного правопонимания Гегеля: «будь лицом и уважай других в качестве лиц» [3, с.98].

Уважение к естественной правосубъектности каждой личности является квинтэссенцией европейской культуры, активная дехристианизация которой постепенно ведет к пересмотру этой максимы: например, право на свободу мнений агрессивно отрицается различными меньшинствами. Тюремный срок возможен даже за пост в интернете и цитирование Библии. Так, в апреле 2021 года член Парламента Финляндии, бывший министр правительства, была формально обвинена в языке ненависти к гомосексуалистам на основании ее позиции по трем пунктам. Рясянен будут судить из-за цитирования Библии по отношению к гомосексуализму в соцсетях в 2019, через авторство буклета о браке, опубликованного в 2004, и по причине ее позиции в ток-шоу касательно христианской веры и гомосексуализма [11]. Таких примеров, свидетельствующих о подмене традиционных представлений о правах человека идеями трансгуманизма достаточно много и приведут они к печальному итогу: расчеловечиванию человека и исчезновению народов Европы. Цифровизация общества и государства, по всей видимости, этому будут активно способствовать.

Таким образом, современное право в условиях постсекулярности должно изучаться и в рамках религиозного контекста, что особенно становится важным в условиях дехристианизации Европы: последнее может привести к полному искажению первоначальных смыслов правопонимания. И сегодня перед юриспруденцией стоит важная задача сохранения базовых правовых ценностей. Это актуализирует развитие правовой теологии как раздела философии права.

Правовая теология представляет собой междисциплинарное направление в исследовании представлений и сущностных характеристик государства и права, а также религиозно-правовых систем. В современной ситуации постсекулярного мира представления о природе права с точки зрения теологии в целом, христианской теологии, в частности, не могут не претерпевать изменений, особенно в связи с многочисленными дискуссиями о соотношении права и религии, государственной

власти и духовной власти, закона и веры в новых условиях сосуществования и взаимного уважения веры и знания, а также ввиду новых достижений теологической и богословской науки. Не менее важным и значимым обладает философско-правовой и юридический анализ религиозных систем, неизбежно определяющих правопонимание, правовую культуру, правосознание и правовые ценности в том или ином государстве.

В зарубежной литературе теология права или правовая теология давно развивается в качестве самостоятельного направления на стыке юриспруденции и теологии. Например, за рубежом исследования в данной сфере активно ведутся, издается даже «Журнал права и религии» издательством «Cambridge University Press, в котором, кстати, сравнительно недавно была опубликована статья Марка Хилла «Правовая теология», посвященная рассмотрению проблем данной междисциплинарной области знаний и предметности теолого-правовой мысли [1]. Юридическое богословие он рассматривает как раздел экклезиологии (от греч. *ekklêsia* «народное собрание, Церковь» и *logos* «слово, учение»). Многие ученые называют церковное право прикладной экклезиологией, и при этом они говорят о «богословии церковного права» и «богословии в церковном праве». Исследователи христианской правовой теологии отмечают необходимость изучения христианского права. Если ранее внимание было приковано к исламскому праву, ввиду очевидности и общеизвестности христианского правопонимания, то сегодня стоит ради сохранения прав и достоинства человека, ради «добра и справедливости» изучать и христианское право, которое становится постепенно экзотикой для европейских народов: упоминание некоторых библейских норм в ряде случаев уже под запретом.

В современной российской философии права и юридической науке представления о религиозных идеалах в деле построения государства и его правовой системы, о христианском взгляде на природу государства и права практически полностью построены на взглядах представителей дореволюционной государственно-правовой и богословской мысли. Однако уже тогда произошло разделение на сторонников и противников теократического понимания права и государства, восточного и западного понимания взаимоотношений духовной и светской власти (симфонии властей), духовно-нравственных оснований права. Однако важно отметить, что практически все без исключения русские правоведы отмечали ценность религиозно-философского анализа права, правосознания и правовой культуры. В сочинениях классиков русской философии права содержится большой потенциал для исследования правовой теологии, имеющей важное значение для постсекулярного мира.

Список цитируемой литературы:

1. Hill M. Legal theology // *Journal of Law and Religion*. V. 32, Issue 1, March 2017. Pp. 59–63 doi: <https://doi.org/10.1017/jlr.2017.20>
2. Алексеев Н.Н. Идея «земного града» в христианском вероучении // *Русский народ и государство*. М., 1998. С.28.
3. Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. – М.: Мысль, 1990. С.98.
4. Кашаева М.В. Пирогова О.В. Религиозные ориентации студенческой молодежи провинциального центра (на примере Барнаула): от теории к практике. 2019. № 2. С. 112;
5. Кокотов А.Н. Конституция России 1993 года как правовая основа выбора страной цивилизационного пути // *Конституционное и муниципальное право*. 2018. № 12. С. 5–9.
6. Кублицкая Е.А. Развитие процесса десекуляризации в мегаполисе (мониторинговые исследования) // *Социология религии в обществе Позднего Модерна: сборник статей по материалам четвертой Международной научной конференции*. НИУ «БелГУ», 12 сентября 2014 / отв. ред. С.Д. Лебедев. Белгород: ИД «Белгород»; НИУ «БелГУ», 2014. С. 171—175
7. Лагунов А.А. О результатах социологического опроса «религия и я» // *Пространство и время*. № 4. 2012. С. 126.
8. Пейкова З.И. О православной идентичности российских старшеклассников в конце XX века // URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=6016> (дата обращения: 12.04.2017)
9. Послание Святого Апостола Павла к Римлянам // https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_63/2
10. Синюков В.Н. *Российская правовая система: введение в общую теорию*. Саратов: Полиграфист, 1994. С. 367;
11. Следствие против Пяйви Рясänen может привести к ограничению религиозной свободы в Европе <https://www.raulilehtonen.com/ru/2021/09/17/>

12. Тихомиров Д.А. Особенности религиозности московских студентов//Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 177—191.
13. Фома Аквинский. Сумма теологии. Том VI. Трактат о законе. Вопрос 90. О сущности закона <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-6/1>
14. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете [1934] // Шмитт К. Политическая теология: Сб. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 57–79.

Сведения об авторе:

Овчинников Алексей Игоревич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, профессор кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХ и ГС при Президенте. Эл.почта: k_fr3@mail.ru тел. 89282793628

Саидов З.А., Бидова Б.Б.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА

***Аннотация:** анализ основывается на системном и комплексном теоретико-правовом исследовании правового обеспечения национальных интересов. Проведено изучении его концептуальных основ в диалектическом единстве и взаимосвязи всех аспектов этого правового феномена. Определены концептуальные теоретические основы правового обеспечения национальных интересов, включающие генезис, природу, понятие, признаки, сущность и содержание национальных интересов, их классификацию и соотношение с правом, рассмотрена и охарактеризована модель правового обеспечения национальных интересов, включающая в себя стадии их осознания, формулирования, согласования, формирования и реализации соответствующими механизмами, направления его совершенствования.*

***Ключевые слова:** право, интерес, нация, национальный интерес, правовое обеспечение, реализация.*

Категория интереса имеет длительную историю и наполнена широким смысловым содержанием: вначале интерес определяется, как движущая сила человека (Гельвеций), рассматриваемого во взаимосвязи с практическим разумом (И. Кант), как момент субъективной единичности и ее деятельности (Гегель), в качестве основного фактора правообразования (Иеринг). В дальнейшем, была выявлена взаимосвязь права и интересов (В.С. Соловьев, Н.М. Коркунов и другие), а также интересов и потребностей (Д.А. Кикнадзе, В.П. Грибанов, Р.Е. Гукасян и другие).

Научные подходы к установлению природы и понятия интереса свидетельствуют о том, что, наряду с другими: мотивация, побуждение, намерение и т.д., наиболее определяющим, фактически – главным, началом интереса выступают потребности. Вследствие этого интерес всегда прочно, диалектически связан с потребностью, ею обусловлен, и в этом заключается его природа – интерес «проистекает» из потребности, ею «рождается». [1,с.153]

Природа интереса представляет собой некую характеристику внутреннего или внешнего отношения субъекта к условиям его бытия, главным из которых выступают потребности. Внешне интерес отражается в поступках, деяниях, поведении, средствах для удовлетворения потребностей субъекта. Однако знак равенства между понятиями интереса и потребности ставить нельзя; они автономны, и на первый план выходят все же потребности.

Таким образом, интересы и потребности характеризуются диалектической взаимосвязью и взаимообусловленностью; основной составляющей в понимании интереса, сущностной и содержательной характеристике его природы выступает неразрывное соотношение с потребностями, также определяемыми, как нужды, блага и т.д.

Отечественная доктрина национального интереса в юридической науке разрабатывается и складывается с начала 1990-х годов. Однако дискуссии о сущности, содержании и т.д. данного понятия не прекращаются, высказываются неоднозначные точки зрения. Сложившееся положение объясняется различием научных направлений, теоретико-методологическим плюрализмом, наличием широкого спектра мнений и подходов к его трактовке, требующего для своего уяснения не только знаний общеправовой теории, но и других юридических наук, а также философии, политологии, социологии, психологии и т.д. [2,с.172]

Аналитический обзор научно-методологических подходов в юриспруденции к определению понятий интереса вообще, а также законных, публичных, частных и других интересов свидетельствует о том, что национальные интересы – это автономное понятие, устоявшееся в науке и на практике, и, одновременно, целевая правовая категория, отражающая субъективное осмысление человеком, обществом и государством реальных и объективных потребностей, получивших оформление и закрепление в нормативно-правовых основах, опосредованных и обеспеченных правом. [3,с.38]

Национальные интересы, как правовая категория, тесным образом связаны с понятием и содержанием другой аналогичной категории – национальной безопасностью, обеспечение которой детерминировано успешной реализацией национальных интересов путем нейтрализации опасностей и угроз личности, обществу и государству – национальным интересам.

Национальные интересы следует определять, как охраняемую законом совокупность объективных, целесообразных потребностей личности, общества и государства с внутренне присущими национальными ценностями, исторически сложившейся, сплоченной, благодаря социально-межкультурным коммуникациям, и сформированной в государство социальной общности.

Исторический ход эволюции права и государства определяется динамикой развития их потребностей и интересов. Право при этом следует рассматривать, как систему юридически обеспеченных, защищенных государственным принуждением интересов (Р. Иеринг); именно интересы, получившие свое оформление (закрепление) в правовых нормах, дают возможность установить регулятивный характер права. Право и национальные интересы тесно и неразрывно связаны, они взаимообусловлены и диалектически взаимозависимы, поскольку объективированная в праве воля различных интересов представляет ни что иное, как их выражение вовне. Создание правовых норм находится в опосредованной связи с национальными интересами, ими обусловлено; национальные интересы, в свою очередь, через правовые цели влияют на содержание этих норм. Национальные интересы служат формированию правовых целей, подбору соответствующих правовых средств, форм, методов и способов для их правового обеспечения, в основе которого находится право, как стержневое начало, выразитель всех видов национальных интересов – отсюда вытекает их соотношение: взаимосвязь, взаимозависимость и взаимообусловленность.

Право порождает национальные интересы, которые, в свою очередь, воплощаясь в праве, формируют порядок, правила и т.д. правового регулирования общественных отношений; эти правоотношения входят в предмет правового регулирования, обусловленного и опосредованного национальными интересами. Поскольку правовое регулирование, вне зависимости от того, в контексте какого подхода к правопониманию оно рассматривается, представляет собой специфический процесс – целенаправленное волевое воздействие права на поведение людей, постольку логично под его механизмом понимать и соответствующую деятельность, обеспечивающую получение того результата, который является целью правового регулирования. В этом плане процесс правового регулирования вполне соотносится с процессом правового обеспечения национальных интересов.

Одновременно правовое регулирование, как применение норм права и других юридических средств в целях упорядочения общественных отношений, является важнейшей составляющей правового обеспечения национальных интересов, что выражается в реализации заданных правом целей в направлении претворения их в жизнь. Право «сопровождает» различные интересы на всех этапах правового развития общества в процессе правового регулирования общественных отношений.

Для установления сущности национальных интересов следует использовать методологический прием, согласно которому сущность любого явления, категории, образования и т.д. устанавливается, определяется посредством выявления и характеристики сущностных признаков. Поэтому в систему таких признаков национальных интересов должны быть включены: обусловленность правом (нормативность), предметная обусловленность, производный характер, объективность, системность, комплексность, причинная обусловленность, осознанность, интегративность, историчность и некоторые другие. Среди названных признаков ведущее место занимает их правовое начало, обусловленность правом – нормативность; другим важным сущностным признаком национальных интересов выступает их предметная обусловленность, что выражается в том, что интерес всегда направлен на совершение определенных действий, связанных с тем или иным, но конкретным предметом, который способен, может и т.д. удовлетворить возникшую потребность, реализовать интерес. Сущностные признаки национальных интересов свидетельствуют о том, что национальные интересы представляют собой нормативно-определенную, комплексную и упорядоченную систему всех их видов тесно взаимосвязанных между собой и взаимодействующих.

Под сущностью национальных интересов предлагается понимать обусловленную правом комплексную совокупность (систему) таких признаков, применение которых позволяет в полной

мере и успешно обеспечить оптимальное удовлетворение объективных потребностей личности, общества и государства во всех сферах жизнедеятельности социума.

В научном подходе к пониманию содержания вообще и содержанию национальных интересов – конкретно, следует исходить из того, что этим понятием охватывается совокупность элементов, частей и их системные взаимосвязи. Последнее обстоятельство позволяет говорить и о структуре исследуемого явления, как о совокупности элементов. Основное содержание национальных интересов составляют такие блоковые понятия, как: интересы личности (индивидуальные, частные), интересы общества (общественные, групповые, корпоративные) и интересы государства (государственные интересы), как наиболее полно отражающие объективные потребности всего общества и государства.

Интересы личности - это не все и конкретные интересы того или иного индивидуума, а лишь общие, причем, правомерные интересы, которые имеют общественную и государственную значимость. В правовом государстве приоритет получают интересы личности – их соблюдение, охрана и защита. Но их существование в отрыве от других видов национальных интересов невозможно. Они всегда взаимосвязаны, взаимообусловлены и взаимозависимы.

Также в содержание национальных интересов входят согласованные общественные интересы, включая и интересы различных социальных групп; национальные интересы должны отражать компромисс между ними.

Кроме того, в содержание национальных интересов включаются причинно-обусловленные, структурно-функциональные и системные взаимосвязи, а также способы, средства и методы их правового обеспечения посредством соответствующих механизмов.

Обосновывается вывод, что классификация интересов вообще должна базироваться на следующих основаниях: а) объекты (мировые, континентальные, региональные, государственные); б) субъекты (личные (индивидуальные), групповые (общественные), государственные); в) направленность (внутриполитические, внешнеполитические); г) сферы жизнедеятельности общества (политические, экономические, социальные, культурные, духовные, правовые, военные, экологические и т.д.); д) продолжительность (долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные); е) сущностные черты (конфронтационные, расходящиеся, параллельные); ж) социальная важность: главные (приоритетные) и второстепенные; з) возможность обеспечения (реальные, мнимые); и) принадлежность к социальному развитию (прогрессивные, реакционные, консервативные); к) достоверность (истинные, ложные).

В свою очередь, видовая классификация национальных интересов должна проводиться с учетом следующих оснований и структурно выглядеть так: а) в зависимости от уровня, на котором интересы реализуются – внутригосударственные и международные (внутренние и внешние); б) исходя из масштабности того или иного интереса выделяются: главные (существенные, жизненно важные) и второстепенные; в) в зависимости от долгосрочности (временных рамок) интересов они подразделяются на постоянные и временные (преходящие), а также текущие и перспективные, долгосрочные и краткосрочные; г) с учетом территории, с которой связаны интересы, следует различать глобальные, региональные и локальные национальные интересы; д) в зависимости от значимости для мира в целом и отдельных государств – национальными и интернациональными; е) по сферам жизни социума, к которой относятся национальные интересы – экономические, политические, социальные, информационные и т.д. ж) с учетом взаимоотношений между участвующими в реализации национальных интересов сторон (субъектов) следует различать конфронтационные, расходящиеся, параллельные, совместные интересы. [4,с.71]

Аргументируется авторский подход к методологии изучения правового обеспечения национальных интересов, в соответствии с которым правовая охрана и правовая защита включаются в понятие правового обеспечения национальных интересов, что позволяет в полной мере охватить широкоформатность и многогранность этого процесса, который представлен как теоретическая правовая модель, включающая в себя совокупность определенных стадий, функционирующих на основе и во исполнение права.

Под правовым обеспечением национальных интересов следует понимать опосредованный правом в формах правообразования и правореализации процесс их осознания, формулирования, согласования, формирования и реализации, включая охрану и защиту таковых, позволяющий добиваться успешного осуществления, претворения, воплощения в жизнь всех видов национальных интересов.

Цели правового обеспечения национальных интересов достигаются в результате воздействия права на те социальные отношения, которые возникают, изменяются и прекращаются в ходе

и по результатам процесса правового обеспечения национальных интересов, эффективность которого определяется соотношением его целей и полученных результатов – полномасштабной реализацией таковых. Поэтому главная цель правового обеспечения национальных интересов – достижение их эффективной реализации, претворение в жизнь. Наряду с ней, постоянное внимание должно уделяться и текущим, промежуточным целям. Недостаточное внимание к ним может повлечь несогласованность и даже противоречивость, что негативным образом скажется на правовом обеспечении национальных интересов.

Следовательно, понятие целей в правовом обеспечении национальных интересов можно интерпретировать, как обоснованное научным прогнозированием получение, достижение искомого результата вследствие их осознания, формулирования, согласования, формирования и реализации. Эти цели должны быть реалистичными, соответствовать современным реалиям развития социума, а также потребностям правотворческой и правоприменительной практики.

Формулируется и обосновывается положение, согласно которому при изучении особенностей и эволюции генезиса правового обеспечения национальных интересов, становится аксиоматичным понимание наличия тесной взаимосвязи безопасности, национальной безопасности и национальных интересов: изучение соответствующих источников свидетельствует о том, что во многих случаях нормативно-правовые акты и другие официальные документы этого плана едины и неразрывны, их правовая сущность одинакова. Задачи обеспечения национальной безопасности и правового обеспечения национальных интересов формулируются, начиная с момента основания государства, обуславливая самые важные условия его существования и нормального функционирования в процессе эволюции.

Периодизация правового обеспечения национальных интересов включает в себя семь ключевых периодов (этапов) с учетом следующих оснований: а) временные рамки, обусловленные теми значимыми, знаковыми событиями, которые происходили в государстве и праве и были характерны для того или иного исторического периода (временные основания); б) пространственные пределы, включающие в себя историю государства и права (с их особенностями), на определенной территории государства (Киевская Русь, Московское государство и другие); в) качественные изменения в ходе эволюции государства и права, включая и закрепление в нормативно-правовых и иных официальных документах необходимости законодательного обеспечения формирования и реализации национальных интересов, в совокупности с обеспечением безопасности государства (правовые основания). Одновременно приняты во внимание наиболее знаковые, важные, стратегического характера и т.д. нормативно-правовые акты и официальные документы, относящиеся к правовому обеспечению национальных интересов.

Нормативно-правовая основа правового обеспечения национальных интересов отличается многообразием источников, к числу которых относятся: Конституция Российской Федерации; федеральные законы; указы и распоряжения Президента Российской Федерации; постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации; акты федеральных органов исполнительной власти; конституции и уставы субъектов Российской Федерации; законы субъектов Российской Федерации; акты глав субъектов Российской Федерации; акты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации; акты органов местного самоуправления. Особую группу источников нормативно-правового обеспечения национальных интересов составляют акты высших судебных органов РФ, а также международные договоры.

На сегодняшний день нормативно-правовая основа, в основном, создана, и она способствует успешному правовому обеспечению национальных интересов. Приняты законы, подзаконные акты и другие официальные документы (стратегии, доктрины, программы, концепции и т.д.), регулирующие в той или иной степени осознание и формулирование, согласование, формирование и реализацию национальных интересов во всех сферах жизнедеятельности социума.

В то же время, нельзя считать процесс создания необходимой нормативно-правовой основы обеспечения национальных интересов завершенным; нужны дополнительные меры по ее совершенствованию и дальнейшему развитию. Стержневым началом в ходе правового обеспечения национальных интересов в целом и, конкретно, - в их осознании, формулировании, согласовании, формировании и реализации, является право; отсюда – его роль и значение в правовом обеспечении национальных интересов: правопонимание, уяснение и применение принципа определенности права играют ведущую роль.

В процессе правового обеспечения национальных интересов осознание и формулирование национальных интересов выступают его начальными стадиями: поскольку, прежде, чем согласовать и сформулировать национальные интересы, надо их осознать, а затем и сформулировать, дать им

смысловое наполнение, определение и т.д. Под формулированием национальных интересов следует понимать способность точно выразить (отразить) осознанные национальные интересы, и с учетом их видовой принадлежности придать им определенную словесно-грамматическую форму.

Осознание и формулирование национальных интересов логично и неразрывно связаны со стадией согласования национальных интересов, в которой именно право выступает их основным регулятором, средством. Социальное назначение права находит свое выражение в его направленности на согласование национальных интересов, их упорядочение, гармонизацию и т.д.: право оказывает непосредственное регулирование, воздействие на общественные отношения, сердцевиной которых являются интересы личности, общества и государства. Благодаря праву, разнонаправленные, а нередко и противоречивые указанные интересы согласовываются, гармонизируются, чем достигается их баланс; причем, согласуются только наиболее значимые и типичные, объективного характера интересы.

Согласование национальных интересов – это процессуально-процедурная деятельность управомоченных субъектов, направленная на достижение с помощью правовых средств, а также компромисса и консенсуса, консолидированного и гармоничного баланса интересов, что позволяет успешно сформировать, оформить национальные интересы в целях их дальнейшей реализации. Механизм согласования национальных интересов представляет собой правовой комплекс, включающий в свой состав правовые средства, формы, методы, способы, а также деятельность управомоченных субъектов в их системно-структурной взаимосвязи, позволяющий достигать баланс интересов личности, общества и государства. [5, с. 33]

Формирование национальных интересов – это их юридическое оформление, придание им нормативно-правовой, другой официальной формы; процесс, который базируется на нормах права, возникающих, исходя из сущности и видов национальных интересов, в ходе и по результатам правообразования. Одновременно формирование национальных интересов – это деятельность управомоченных субъектов по оформлению, приданию нормативно-правовой и другой официальной формы объективно значимым, осознанным, сформулированным и согласованным интересам личности, общества и государства в целях их дальнейшей реализации. Механизм формирования национальных интересов – это правовой комплекс, включающий в себя нормативный, институциональный и деятельностно-инструментальный компоненты, посредством которых осуществляется оформление, формирование национальных интересов, отраженных и получивших свое закрепление в законах, других нормативно-правовых актах и иных официальных документах.

Учитывая, что в качестве основных форм реализации права выступают: а) соблюдение; б) исполнение; в) использование, все они обуславливают правовую реализацию национальных интересов. Особой формой реализации права выступает его применение, и существенный потенциал в достижении дифференцированного влияния права на реализацию национальных интересов заключен именно в правоприменении. Правовая реализация национальных интересов, как заключительная стадия процесса правового обеспечения национальных интересов, представляет собой целесообразную правореализационную деятельность управомоченных субъектов, по результатам которой осуществляется претворение в жизнь интересов всего социума.

Научные позиции в отношении права, механизмов вообще, а также правовых механизмов послужили методологическим основанием для изучения правового механизма национальных интересов. Установлено, что любой правовой механизм – это правовой комплекс, правовое образование, правовой конфигурант и т.п., включающий в себя определенные элементы, которые взаимодействуют друг с другом, находятся в системных связях – ими и обусловлены. Эти связи находятся в равной зависимости по отношению друг к другу, образуя совокупную общность, коррелированную систему, и важнейшим элементом этой системы выступают правовые средства, составляющие сердцевину данного механизма

Вместе с тем, правовому инструментарию, несмотря на всю его значимость не следует отводить главное место в структуре механизма реализации национальных интересов. Сопряженную и определяющую роль в нем играет механизм государства, предоставляющий организационно-функциональную и институционально-функциональную основу, базу обеспечения всей деятельности государства в направлении реализации национальных интересов; в этом заключается оригинальность механизма реализации национальных интересов, его научно-практический функционал.

Успешное функционирование механизма реализации национальных интересов предполагает использование не только правовых средств, но и соответствующих методов, способов, приемов и т.д., которые входят в структуру (состав) названного механизма в качестве его компонентов, а также их системные взаимосвязи.

Механизм реализации национальных интересов характеризуется как статикой, так и динамикой; последняя из них выражается в наличии и прохождении стадий. Стадия механизма реализации национальных интересов – это обособленный промежуточными задачами и пространственно-временными границами этап осуществления управомоченными субъектами процессуально-процедурных действий с применением правовых средств, методов и способов для достижения итогового результата, обусловленного конечной целью указанного механизма.

В механизм реализации национальных интересов входят следующие стадии: а) рассмотрение и изучение фактических обстоятельств жизненной ситуации, юридического дела, правового спора и т.д., включающих потребности и интересы; б) исследование юридических обстоятельств дела для выбора и анализа нормы права, правового предписания, подлежащих применению в данном конкретном случае; в) подготовка и принятие итогового решения и его процессуальное оформление, изложенное в соответствующем акте - документе. В качестве факультативной, выходящей за рамки модели правового обеспечения национальных интересов, отмечается и контрольно-надзорная стадия.

Для реализации национальных интересов посредством соответствующего механизма важное значение должно отводиться и так называемой организационно-обеспечительной форме. Она содержит в себе такие ее подвиды, как организационно-регламентирующая, организационно-хозяйственная, финансовая, кадровая и т.д., способствуя успешной реализации жизненно-важных интересов личности, общества и государства.

Принципы механизма реализации национальных интересов – это исходные начала, определяющие идеи, основные, базовые положения, создающие, устанавливающие целеполагание, направленность и процедурно-процессуальный порядок деятельности управомоченных субъектов для создания и обеспечения необходимых условий в целях удовлетворения объективно значимых потребностей, их защищенности и перспективного устойчивого развития интересов личности, общества и государства, их успешной реализации. Своеобразие, оригинальность механизма реализации национальных интересов заключается в том, что его функционирование осуществляется на основе принципов права, правовых принципов, а также с учетом принципов механизма государства и принципов государственного механизма. В систему принципов механизма реализации национальных интересов входят: во-первых, общие принципы (общеправовые) как наиболее главные, базовые положения, ведущие начала этого механизма; во-вторых, специальные принципы, представленные тремя основными уровнями (блоками) – межотраслевым, отраслевым и институциональным, исходя их принятого в теории права подхода к классификации принципов права. Наряду с названными, определенное место в этой системе должно быть отведено так называемым «международным принципам».

Функции права в статике и динамике опосредуют механизм реализации национальных интересов, определяют его функционал, и решающее значение для него имеют главные, определяющие функции общего характера: правоустанавливающая, правореализующая и правоохранительная; все они производны от магистральной функции – функции правового регулирования общественных отношений. Кроме того, в соответствии с целями, стоящими перед механизмом реализации национальных интересов, следует учитывать и другие целевые функции.

Гарантии механизма реализации национальных интересов – это правовые средства, создающие необходимые условия для удовлетворения объективно-значимых потребностей личности, общества и государства, направленные на успешную реализацию национальных интересов, на устранение возможных причин и препятствий, а также их охрану и защиту от внутренних и внешних угроз. Функционирование механизма реализации национальных интересов, наряду с правовыми, требует организационных гарантий.

В конечном итоге, под механизмом реализации национальных интересов предлагается понимать правовой комплекс, включающий в себя совокупность правовых средств, способов и методов, а также стадийную процедурно-процессуальную деятельность соответствующих субъектов в их системно-структурной взаимосвязи, функционирование которого на основе определенных принципов и функций обеспечивает реальное и гарантированное осуществление интересов личности, общества и государства – успешную реализацию национальных интересов.

В совершенствовании правового обеспечения национальных интересов как оптимизация, так и эффективность права нацелены на позитивный конечный результат – повышение результативности. Эффективность правового обеспечения национальных интересов должна быть интерпретирована как соотношение между поставленной целью и полученным результатом; его результативностью, способностью решать необходимые задачи и обеспечить достижение поставленных целей.

В совершенствовании правового обеспечения национальных интересов на первое место выходит законотворчество и его результат – качественное законодательство, которое призвано в полной мере регламентировать правовое обеспечение интересов личности, общества и государства, опосредуя право, лежащее в основе нормативно-правовых актов соответствующего целеполагания. Для этого следует повышать роль, усиливать значение юридического прогнозирования, включающего в себя принципы, формы, методы, способы и т.д., а также вероятностные суждения, заключения о будущем состоянии правового обеспечения национальных интересов, отталкиваясь от его реального наличествования. [6,с.63]

Другими важными способами обеспечения качества принимаемых нормативно-правовых актов служат: экспертиза, в том числе и общественная, законопроектов, позволяющая в законотворческом процессе тщательно и всесторонне изучать предлагаемые законопроекты, выявляя в процессе этого наличие проблем и противоречий, которые в дальнейшем могут негативно влиять на правовое обеспечение национальных интересов, а также возможности правового мониторинга, который необходимо производить по таким главным направлениям: обеспечение соответствия законодательства потребностям правового обеспечения национальных интересов с учетом его достаточности и качества; устранение противоречий в действующем правовом регулировании сферы национальной безопасности, в том числе и в области реализации национальных интересов; достижение соответствия источников правового обеспечения национальных интересов и потребностей правоприменительной практики; научно-аналитическое прогнозирование последствий (результатов) применения на практике соответствующих нормативно-правовых актов; обобщение результатов мониторинга для подготовки и внесения предложений по совершенствованию правового обеспечения национальных интересов.

Совершенствование правового обеспечения национальных интересов с необходимостью требует включения механизма персонификации ответственности, в том числе и юридической, за результаты деятельности властных субъектов – органов правоприменения (органов исполнительной власти, правосудия, прокуратуры, контроля, местных администраций и т.д.), направленной на реализацию национальных интересов, получивших свое законодательное и другое, официального характера, закрепление. Следующим направлением, в большей степени касающемся согласования национальных интересов, может стать унификация права законодательной инициативы, позволяющая сократить рассогласования при внесении законопроектов в Государственную Думу путем конструктивного взаимодействия и сотрудничества субъектов права законодательной инициативы – необходимо ввести законодательный порядок, процедуру внесения законопроектов сразу от нескольких указанных субъектов, группы субъектов.

К проблемам, влияющим на совершенствование правового обеспечения национальных интересов и требующих своего разрешения, относится наличие дисбаланса политики государства с потребностями определенной части россиян – это рассогласование существует и в сфере правового обеспечения национальных интересов, и оно с необходимостью требует своего нивелирования, позитивного разрешения. Другая проблема находится в плоскости организационно-правовых форм и правовых механизмов соблюдения и укрепления режима законности. Также пока недостаточно результативна и эффективна судебная защита от незаконных действий должностных лиц и государственных органов, нарушающих права и законные интересы граждан. В числе нерешенных в должной мере проблем в направлении совершенствования правового обеспечения национальных интересов остаются недостатки координационной деятельности, борьбы с коррупцией и ряд других.

Список цитируемой литературы:

1. Бабурин С.Н. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты. М.: Статус, 2014. 367 с.
2. Саркарова Н.А. Национальные интересы и национализм //Манускрипт. 2017. № 13(86). С. 170-174.
3. Саидов З.А., Бидова Б.Б. Анализ правового механизма обеспечения национальных интересов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №4. С. 157-160.
4. Чапчиков С.Ю. Принципы механизма обеспечения национальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. №6(85). С. 70-73.
5. Беляев В.П., Чапчиков С.Ю. Оптимизация механизма обеспечения национальной безопасности России: некоторые направления //Актуальные проблемы российского права. 2018. №9(94). С. 31-41.

6. Ударцев С.Ф. Глобальная эволюция права и интересы // Интересы в праве. Жидковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 марта 2016 г. / отв. ред. М. В. Немытина. М.: РУДН, 2017. С. 63-64.

Сведения об авторах:

Саидов Заурбек Асланбекович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Чеченского государственного университета, z.saidov@chesu.ru

Бидова Бэла Бертовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадыева», bela_007@bk.ru

Репьев А.Г.

УЧЕНИЕ М.М. СПЕРАНСКОГО О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ЛИЧНОСТИ

***Аннотация:** в статье анализируются и подвергаются авторской интерпретации взгляды государственного деятеля М.М. Сперанского на юридическую конструкцию «правовой статус личности». Делается вывод о фундаментальном вкладе данного реформатора и ученого в восприятие правового положения личности не только в юридическом ключе, но и в нравственном ракурсе.*

***Ключевые слова:** М.М. Сперанский, правовой статус личности, субъективные права, юридические обязанности, правовые преимущества.*

Государственный реформатор, виднейший общественный деятель нашей страны М.М. Сперанский вошел в историю многими положительными действиями и, еще больше, начинаниями. Данная оговорка обусловлена тем, что не все идеи и послы графа находили понимание и одобрение императорской фамилии.

Одним из крупнейших достижений М.М. Сперанского на юридическом поприще, известным широкому кругу, стала систематизация законодательства в стройную систему. Результатом этого явилось издание двух монументальных трудов: «Полное собрание законов Российской империи» и «Свод законов Российской империи».

К сожалению, о значении деятельности М.М. Сперанского на ниве юридического утверждения достойного положения личности в обществе и государстве упоминается значительно реже. Сконцентрируем внимание на данном аспекте подробнее, тем более, что, как мы знаем, судьба сыграла с М.М. Сперанским «злую шутку», предоставив на его долю участь осознания на себе не только положения видного «государственного мужа», но и впоследствии изгнанника, лишённого многих основополагающих прав человека, правовых преимуществ, отстаивавшихся им ранее.

Начать полагаем уместным с открытия того факта, что теоретическое и практическое обоснование необходимости формально-юридического установления положения личности в государстве М.М. Сперанский начал еще до восшествия на престол Николая I. В составе Комиссии для составления законов, сформированной при императоре Александре I, он в 1808 г. начал активную работу над созданием проекта Гражданского Уложения, первую часть которого под названием «о лицах» внес в Государственный Совет в 1810 г. [7, с. 201]. К слову сказать, дополненная редакция данного документа (с третьей частью, также подготовленной графом) будет рассмотрена законодательным органом России в декабре 1813 г., после отдаления М.М. Сперанского от реформаторской деятельности.

Попробуем остановиться на понимании М.М. Сперанским конструкции «правовое положение личности», для чего в качестве основы используем основной плод его преобразовательной деятельности – Свод законов Российской империи. Так, законы в данном акте систематизации были разделены на восемь книг и разделов, четвертым из которых были законы о состояниях, закреплявших базовые элементы юридического положения основных сословий России. В частности, права и юридические обязанности дворянства, духовенства, городских обывателей, инородцев, иностранцев. Права и обязанности воспринимались в качестве следствия существования двух союзов, т.е. двух порядков отношений в государстве: союза государственного и союза гражданского [1, с. 33].

Первичным элементом в конструкции правового положения человека, по мнению М.М. Сперанского, были обязанности, условно делившиеся на три вида: «к себе, к другим, к Богу» [5, с. 5]. Исполнение данных обязанностей в совокупности с укреплением вышеуказанных союзов рассматривалось как не только непрерывный нравственный посыл человека, но и его первообразный долг, «высшее его предустановление» [5, с. 5].

Сказанное позволяет выдвинуть два тезиса. Во-первых, учение М.М. Сперанского о правовом положении личности обеспечило необходимый нравственный импульс юридическому статусу, заложив в основу всего должного со стороны человека – долг перед его совестью, честью, религиозным сознанием. Во-вторых, среди всех юридических обязанностей, как первичного элемента правового положения, имеющего первенство перед субъективными правами и дозволениями, граф считал допустимым установить определенную иерархию. Триада ранее выделенных юридических обязанностей, по сути, выступила преимущественными, приоритетными обязанностями перед иными. Феномен «приоритетная обязанность» и сегодня имеет место в доктрине права и законодательстве, ввиду чего нуждается в обстоятельном изучении [3; 8].

Права человека, в понимании субъективных возможностей индивида, М.М. Сперанский рассматривал также через призму двойственности союзов: «права внутренние и общежительные» [5, с. 37], но главное – через дихотомию юридических дозволений, закрепленных прямо или опосредованно. Так, первые устанавливаются законами «коренными», а вторые, по своей сути служащие средствами к реализации основных прав, – «разпорядительными» [5, с. 86].

Помимо базовых, общих прав для личности, великий реформатор допускал различия между статусами подданных в государстве. Сама по себе данная устойчивая правовая связь конкретного человека с государством могла быть основа на двух различных концептах: «без преимуществ в правах состояний или с преимуществами» [5, с. 97].

Правовое преимущество – универсальная категория правопедения, позволяющая за счет правовых средств, путем предоставления дополнительных прав и освобождения от обязанностей, нераспространения отдельных ограничений и запретов, повысить возможности субъекта общественных отношений по удовлетворению интересов наиболее полно, всесторонне [4, с. 172]. Различным формам преимуществ (в большей степени льготам и привилегиям) в деятельности графа уделялось значительное внимание, в особенности их роли в качестве элемента правового положения личности и инструмента социальной дифференциации. Объясняется это следующим.

Несмотря на весьма прогрессивные взгляды М.М. Сперанского относительно юридического положения личного в обществе, он являлся одним из апологетов учения о естественной стратификации социума. Сказанное подтверждается его реформаторскими устремлениями по построению общества, в котором существует четкое сословное деление. При этом, высший класс в государстве, при соблюдении им законов, уважении к существующим порядкам, закономерно должен пользоваться определенной поддержкой со стороны власти: как правовой, так и сугубо экономической. «Законы и правительство», пишет граф, – «могут допустить некоторые различия, могут дозволить, разделив поданных на сословия, дать некоторым сословиям преимущества пред другими, установить в общем законе некоторые изъятия. Сие изъятия и сие преимущества суть то, что называется преимуществами в правах состояния (*privileges*)» [5, с. 96].

Полагаем, взгляды М.М. Сперанского на дифференцированное положение человека в государстве, опираются не только на рецепцию реформатором норм римского права, философские доктрины прогрессивных европейских мыслителей. Стоит сказать, что М.М. Сперанский часто подвергался критике за трансляцию нормативных положений западных государств (преимущественно Франции), без их переосмысления под быт и действительность России. Однако это не совсем так.

Не стоит затушевывать *естественно-природную* и *прагматическую* составляющие во взглядах государственного деятеля, заключающиеся в признании различий в способностях одних людей перед другими, заложенными природой, а также определенных заслуг за наиболее достойными членами социума.

В частности, «когда разные роды слагались в один гражданский состав, управляемый одною главою, начальники родов не могли совершенно утратить всего прежнего их достоинства, не могли смешаться с простым народом, но должны были сохранить некоторую часть прежних их прав, образовать особое состояние родовой почетности, состояние людей именитых» [5, с. 101-102]. Подобные рассуждения весьма обоснованы. Каждый человек рождается уникальным, со своими способностями, которые он в состоянии или не в состоянии развить и впоследствии реализовать.

Рационально-экономический подход и расчет графа был, как раз таки, ориентирован на Россию, скорректирован существовавшими на тот период условиями развития государства и экономической сферы. Это следует из того, что взгляды М.М. Сперанского на преимущества как элемент правового положения личности основывались на такой их составляющей, как *общественная или государственная заслуга*.

Свидетельством сказанного будет являться исторический факт, что «граф системно и настоятельно обращался к императору с предложениями по реформированию государственного аппарата,

в том числе через воспитание достойного слоя чиновничества. Требовал от них скромности, вдумчивости относительно своих поступков. Для стимулирования и поощрения социально-полезной деятельности полагал, что их следует наделить правовыми преимуществами, но обязательно подкрепленными заслугами перед всем обществом, а не происхождением, родовитостью, богатством» [2, с. 188]. Кроме того, состояние или положение личности в обществе напрямую зависело от «степени участия в составе установлений и сил государственных» [1, с. 33].

Однако, как мы оговорились в начале материала, многие прогрессивные идеи графа казались в определенном смысле экзотикой для большей части государственного аппарата. В этой связи, не лишним, полагаем, будет дополнительно охарактеризовать общую государственную-правовую атмосферу, сопровождавшую реформаторскую деятельность М.М. Сперанского. Император Николай I в своих государственно-правовых воззрениях был не только консерватором, что хорошо известно, но и убежденным практиком, и, при этом, исповедующим в делах государства идеологию православия. Одно из его высказываний ярко демонстрирует наличие определенных барьеров в единстве понимания общих правовых замыслов между первым лицом государства и М.М. Сперанским: «естественное право мнимое, <...> лучшая теория права – добрая нравственность, которая должна быть в сердцах и иметь своим основанием религию» [6, с. 8].

М.М. Сперанский, в свою очередь, истово стоял на необходимости следовать установлениям Императора, ревностно защищая самодержавие и нормативные установления, им созданные: «Всякое право, а следовательно и право самодержавное, потоплику есть право, поколику оно основано на правде» [5, с. 57]. При этом, государь, по учению реформатора, непременно должен обладать правовыми преимуществами перед подданными, включая иммунитет от ответственности: «ни в каком случае самодержец не подлежит суду человеческому; но во всех случаях он подлежит однако же суду совести и суду Божию» [5, с. 57].

Не стоит считать, что в идеях и работах М.М. Сперанского акцент делался лишь на стратификации общества, пусть и обоснованной. Не менее важны послы, изложенные в его трудах и речах, направлявшие движение к формально-юридическому равенству, т.е. равенству возможностей. Так, граф пишет: «цель государства <...> в том, чтобы весь народ постепенно подвигался к <...> нравственному совершенству, находя в законах равную защиту и покровительство в произведениях своего труда и собственности» [5, с. 117].

Подведем некоторые итоги тезисно изложенного материала.

Во-первых, взгляды М.М. Сперанского на юридическую конструкцию «правовое положение личности» сочетали в себе как инновационные аспекты для того времени (к ним можно отнести: развитие идей об избирательных правах граждан, правах на собственность и др.), так и консервативный концепт, заключающийся в основополагающем значении самодержавия и долге каждого подданного по его упорочению.

Во-вторых, из учения реформатора можно извлечь первые ростки последующей доктрины о разделении правового статуса личности на общий и специальный. Фундамент базового правового положения личности составляли ее обязанности и права, причем среди первых выделялись приоритетные. Специальный правовой статус, помимо двух выше обозначенных элементов, включал и правовые преимущества для отдельных сословий.

В-третьих, граф М.М. Сперанский придал серьезный импульс для накопления и последующего развития в законодательных актах норм, имеющих нравственную основу. И права, и юридические обязанности, а правовые преимущества – в особенности, должны были опираться на морально-этические и религиозные столпы государственного и общественного устройства. Сегодня, по прошествии без малого двух веков, в Основном законе нашего государства также отражен посыл к духовным скрепам общества и вере в Бога.

В-четвертых, не стоит излишне акцентировать внимание и сверх рельефно выделять идеи М.М. Сперанского о различиях в правовом положении одних подданных от других. С одной стороны, естественная и прагматическая составляющие дифференциации общества отвечали не только запросам государства, но и интересам общества. Однако с другой – и послы по достижению формально-юридического равенства в правах и возможностях не были забыты.

Список цитируемой литературы:

1. Обзорение исторических сведений о Своде законов. Издано Одесским юридическим обществом в память пятидесятилетия дня смерти графа М.М. Сперанского. – Одесса: Тип. «Одесского Листка», 1889. – 63 с.

2. Репьев А.Г. Взгляды М.М. Сперанского на правовые преимущества и всеобщее равноправие / А.Г. Репьев // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы шестнадцатой международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. Ч. 2. – С. 187-189.

3. Репьев А.Г. Идеология воспитания несовершеннолетних, основанная на преимущественной обязанности родителей: теория и практика / А.Г. Репьев // Правовая культура и правовая идеология Российского общества: сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына. – М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2021. – С. 35-40.

4. Репьев А.Г. Преимущества в праве и законодательстве / А.Г. Репьев: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. И.Н. Сенякина. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 392 с.

5. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов / М.М. Сперанский. – СПб.: Тип. второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845. – 175 с.

6. Филиппов А.Н. Император Николай I и Сперанский (к вопросу о кодификации русского права в царствование Николай I): речь, произнес. на акте Имп. Юрьев. ун-та 12 дек. 1896 г. / А.Н. Филиппов. – Юрьев: тип. К. Матисена, 1897. – 14 с.

7. Филиппов А.Н. Сперанский, как кодификатор русского права / А.Н. Филиппов // Русская мысль. – 1892. – № 10. – С. 195-221.

8. Хрони Н.Н. Приоритетные обязанности субъектов общественных отношений по законодательству Республики Казахстан / Н.Н. Хрони // Академическая мысль. – 2021. – № 3 (16). – С. 113-118.

Сведения об авторе:

Репьев Артем Григорьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»; repevartem@yandex.ru

Биюшкина Н.И., Балдин А.К.

РАЗВИТИЕ РУССКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ М.М. СПЕРАНСКОГО

***Аннотация:** Целью исследования является проведение анализа основных идей политической философии М.М. Сперанского, теоретических воззрений на важнейшие проблемы государственного устройства, нашедших отражение в записках и проектах государственных реформ, оценка разработанных им проектов государственных преобразований.*

***Ключевые слова:** конституционная монархия, разделение властей, идея народного суверенитета, Государственный совет, представительная власть, Государственная дума, Сенат.*

Любое государство вне зависимости от его формы проходит в своем развитии несколько этапов, каждый из которых характеризуется определенными общественными и политическими процессами, а также выдающимися государственными деятелями, воплощающими в жизнь определенные мировоззренческие парадигмы. От их идей, концепций и проектов зависят направление дальнейшего развития конкретного государства, выбор пути и характера политических преобразований, а иногда и ход мировой истории в целом.

В этом отношении по степени влияния на процесс государственного строительства и модернизации Российской империи Михаил Михайлович Сперанский занимает одно из ведущих мест среди многих колоритных исторических деятелей нашего государства.

Основные политические проекты Сперанского оказались востребованными при проведении масштабных реформ Александра II и в период царствования Николая II, и даже при построении современной модели государственного аппарата.

Ознакомимся более подробно с идеями, которые легли в основу политической философии М.М. Сперанского и обессмертили его имя как выдающегося государственного и политического деятеля России.

Идеи о конституции. О желании даровать России конституцию в 1808 году Сперанскому заявлял сам император Александр I. Общий смысл преобразовательных проектов М.М. Сперан-

ского сводился к постепенному превращению самодержавной монархии в конституционную. Однако в существовавших исторических условиях сложилось понимание о необходимости сохранения императорской власти, но на началах «разумности» [1, с.12].

Изначально работы по созданию текста российской конституции велись членами Негласного комитета Новосильцевым и Чарторыйским, с проектами которых император ознакомил Сперанского. По мнению реформатора, отвергнувшего представленные проекты, «сила всех преобразований состоит в том, чтобы постановить образ правления империи на непременимом законе, дать внутреннее политическое бытие России» [2, 231]. Таким законом должна была стать конституция, план которой включал в себя следующие существенные предметы: I. Права державной власти. II. Права престола и его наследства. III. Образ составления законов их сила и действия. IV. Права подданных, разделение состояний. V. Законы органические, т. е. устройство тех установлений, коими закон составляется и исполняется [2, с.232].

Приверженность принципу разделения властей на три ветви. В основу государственных преобразований М.М. Сперанский предлагал заложить принцип разделения властей, заключающийся в разграничении законодательной, исполнительной и судебной власти, сосредоточении их в разных, независимых друг от друга государственных учреждениях. Однако при этом предполагалось обязательное верховенство власти самодержавного монарха при независимости судебной власти и ответственности власти исполнительной перед законодательной [1, с.6].

Несмотря на прогрессивный характер, идеи о конституционной монархии при обязательном разделении властей, создание в дальнейшем Комитета министров как высшего административного органа, способного рассматривать любые законопроекты, впоследствии утверждаемые императором, стало фактическим нарушением принципа разделения государственной власти на три ветви, поскольку законодательная власть оказалась в подчинении у высшей администрации.

Однако концепция разделения властей, предложенная Сперанским, оказалась востребованной при построении современного государственного аппарата.

Учреждение Государственного совета. По проекту М.М. Сперанского Государственному совету отводилась чрезвычайная роль органа, объединяющего действия императора с учреждениями, представлявшими все ветви власти. «Совет представляет сословие, в коем все действия части законодательной, судной и исполнительной в главных их отношениях соединяются и чрез него восходят к державной власти и от нее изливаются. Совет есть место средоточия, чрез которое власть державная действует на другие установления» [2, с.233].

Император сам назначал членов Государственного совета и мог председательствовать на его заседаниях [1, с.8]. Членам Совета в общей системе реформ предстояло играть роль верхней палаты парламента, в которой предполагалось проводить первоначальное обсуждение важнейших государственных дел.

При всем величии роли, отводимой Государственному совету реформаторскими замыслами Сперанского, данному органу так и не удалось стать учреждением, которое являлось бы связующим звеном между императором и всеми ветвями власти. Реального влияния на государственные дела он так и не приобрел. Вместо этого Совет фактически получил статус законосовещательного органа, в ведении которого оказался круг вопросов, которые изначально должны были составить компетенцию Государственной думы.

Представительные учреждения как основа государственного устройства. «Порядок законодательный» (законодательная власть), по проекту государственных преобразований М.М. Сперанского, включал в себя выборные учреждения, представлявшие собой систему органов «четырёх степеней».

Первую степень представляли волостные думы, к полномочиям которых относилось формирование и утверждение волостного бюджета, избрание депутатов в окружную думу, решение прочих административно-хозяйственных вопросов [1, с.7].

Вторая степень была представлена окружными думами, которые избирали депутатов в губернскую думу, и рассматривали схожие вопросы местного значения, как и волостные думы, но уже в границах окружного города [1, с.7].

Губернская дума состояла из депутатов от окружных дел и представляла собой третью степень. Губернская дума избирала депутатов в высшей представительный орган империи - Государственную думу – четвертую степень [1, с.7].

Вопреки особому положению, которое изначально отводилось представительным органам в проектах государственных реформ, Дума оказалась ограниченной в законодательных функциях. В частности, Дума не обладала правом законодательной инициативы, которая принадлежала императору [1, с.8]. К тому же часть вопросов, которые изначально должны были составлять компетенцию

Государственной думы, были переданы Государственному совету, который «разделил» с Думой статус законосовещательного органа.

Тем не менее реформаторские идеи Сперанского М.М. относительно народного представительства и представительных учреждений оказались актуальными и востребованными в следующем веке.

Сенатская реформа. Проекты государственных преобразований М.М. Сперанского коснулись и высшее государственное учреждение, созданное Петром Великим, - Сенат. По мнению Сперанского, «смещение дел управления и суда в Сенате дошло уже до такого беспорядка, что, независимо от общего преобразования, нельзя более отлагать нужные меры и исправления; а меры сии во всех предположениях не могут быть приняты иначе, как отделением части управления и назначением ей особенного порядка» [2, с.233].

По проектам реформатора Сенат рассматривался структурно разделенным на два учреждения – «Правительствующий» Сенат, решающий административные и хозяйственные дела, и Судебный Сенат, являющийся высшей судебной инстанцией страны [1, с.9].

Несмотря на определение статуса Сената как «верховного судилища для всей империи» его функции не должны были ограничиваться только судебными делами [3, с.166]. На «Правительствующий» Сенат возлагался, с одной стороны, надзор за центральной властью, с другой - непосредственное управление. Судебный Сенат должен был стать высшей судебной инстанцией и формироваться из сенаторов, назначенных от короны и избранных дворян. Его решения должны быть окончательными и обжалованию не подлежать.

Из-за активного противодействия членов Государственного совета сенатской реформе М.М. Сперанского, данный проект преобразования высшего учреждения так и не был одобрен. Впрочем, и сам реформатор чувствовал недостатки своего проекта и критически их оценивал.

В заключении необходимо отметить, что не все идеи, программы и проекты М.М. Сперанского по различным причинам были воплощены в жизнь. Многие из них при жизни реформатора так и оставались на бумаге, но их продолжили обсуждать в российском обществе даже после его смерти. Поэтому, несмотря на незавершенность, проекты Сперанского оказали огромное влияние на политическую жизнь российского общества в последующие периоды существования государства.

Список цитируемой литературы:

1. Кассихина В.Е. М.М. Сперанский, его роль в развитии и становлении Российского государства и права // Государство и право в XXI веке. 2017. № 2. С. 4-13.
2. Сперанский М.М. Проекты и записки / Под редакцией С.Н. Валка. - М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. -245 с.
3. Томсинов В.А. Сперанский / В.А. Томсинов. - М. : Молодая гвардия. 2006. С.115.

Сведения об авторах:

Биошкина Надежда Иосифовна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор; asya_biyushkina1@list.ru

Балдин Александр Константинович – доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ННГУ им. Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, akbaldin@unn.ru

Ярычев Н.У., Вахаева Х.Ш.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЕНЕЗИСА

***Аннотация:** в статье современные правовые вопросы обеспечения национальных интересов рассматриваются в контексте необходимости совершенствования системы предупреждения и противодействия криминальным угрозам. Предложены возможные методы комплексного решения наиболее сложных контурных задач.*

***Ключевые слова:** национальные интересы, предупреждение, угрозы, криминальные угрозы, система предупреждения.*

Сегодняшняя криминологическая обстановка в нашей отчизне и прочих локациях обязывает к неперемennomу и быстрому проведению мероприятий для упрочнения национальной неуязвимости, глобальному изучению, нацеленному на отыскивание качественных технологий ее поддержания. Необходимость обусловлена нуждой в строительстве условий, гарантирующих неуязвимость

личности, социума и государства, при этом юридическое обеспечение защиты национальных интересов от враждебных посягательств отечественного характера и от инородных притязаний, становится главной из подобных задач.

Не представляется возможным переоценить важность юридических гарантий безопасности для любой страны во все веки ее эволюции, поэтому суждения ряда исследователей, считающих, что в нашем отечестве проблемам безопасности вплоть до 19 века вообще не уделялось внимание, кажутся нам не соответствующими действительности. Присутствие угроз неуязвимости страны, имеющих инородную и родственную природу, сопровождающих государство на пути его совершенствования, относится к постоянным величинам. А реальные формы угроз, характерные для определенного исторического этапа, входят в число величин переменного класса. Мы же добавим в данную мысль еще и термин уровень правового регулирования обеспечения безопасности.

Огромное число исторических документов, сохранившихся с древних времен, когда Российское государство только образовалось, служат доказательством факта важности вопросов госбезопасности и правового регулирования в его политике. Бумаги отражают комплекс мероприятий, воплощаемых в жизнь для защиты от инородных и внутренних врагов, и поддержки общественного равновесия.

Образцом послужит соглашение между Русью и Византией в 912 году, придуманное для гарантирования защиты торговых кораблей, а пакт 945 года предусматривал выпуск документов, разрешающих и удостоверяющих пребывание гостей на землях стран участниц соглашения и прочие привилегии.

Получается, что уже в 10 столетии госбезопасность воспринималась с позиции целостности местных и международных аспектов ее поддержания.

Русская правда считается первейшим рукописным памятником русского права. Она включает в себя перечень положений по охране имущества, княжеские указания по внешней и внутренней общинной безопасности для мирного устранения всех противоречий через выборного решалу – старосту. Вдобавок, этот исторический документ утвердил основы пожарной безопасности, установив жесткое наказание за преднамеренное устройство пожара. Виновник и все члены его семьи становились рабами, а их добро шло в пользу князя.

Выбранные в пример, и прочие исторические артефакты способствуют определению 1-го этапа в созревании и модернизации безопасности в древнерусском государстве, выделяющегося следующими проявлениями:

- первые попытки идентификации главных угроз неуязвимости;
- неуязвимость оценивается снаружи и изнутри;
- закрепляются отправные механизмы поддержания безопасности, первые попытки межгосударственного сотрудничества по подобным вопросам;
- присутствует дифференциация типов безопасности, впервые упоминается пожарная защита. [1, с. 40]

В качестве заключения к анализу развития безопасности на Руси с 10 по 11 век, скажем, что в это время идет зарождение правовой регламентации безопасности и укореняется база для ее дальнейшей эволюции.

Второй этап, продолжавшийся с начала 12 по 16 века, считается временем обретения многонациональным царством суверенности. Он характеризуется большим числом войн с иностранными врагами и множеством внутренних междоусобиц. Здесь законодательство, касающееся национальных (государственных) интересов, продолжает свое оформление. И в Судебнике 1497 года поджог уже карается лишением жизни.

Данный юридический акт был значимым решением, ведь тогдашние русские поселения на протяжении многих веков состояли преимущественно из деревянных построек, и любой пожар приводил к ужасным последствиям.

Те события, включившие в себя несколько пожаров, произошедших с конца апреля по июнь 1547 года, обернулись потерей трети всех столичных построек и гибелью 1,7 тысячи горожан. Данная трагедия подтолкнула царя Ивана IV к изданию указа, требующего от жителей иметь во дворах емкости, наполненные водой, а печи для приготовления пищи строить подальше от жилых домов.

Свою трансформацию безопасность продолжает и в своде указов, вышедшем в 1550 году, и получившем название Судебник. В нем очерчиваются составы злодеяний, покушающихся на неуязвимость индивида, страны и людских общностей. А также описываются убийство, грабеж, татьба, буйство, похищение холопов и обычных граждан, прочее. Вдобавок и описания субъектов преступ-

ного промысла появляются в этом историческом документе: крамольник (мятежник, изменник), государский убийца (лицо, убившее своего господина), церковный тать, зажигальщик, подымщик (провокатор восстания).

Фиксация взысканий для чиновников за уклонение от свершения правосудия, за неправильный вердикт, за преднамеренный подлог и продажность, за сдачу поселения врагу стала правовой новацией того времени.

Несомненно, юридический артефакт 1550 года внес немалую лепту в трансформацию правоведения безопасности нашей отчизны.

Важно, собственно на историческом отрезке правления Ивана Грозного началось создание особых государственных органов общественной безопасности: отряды опричников и стрельцы.

Затем, в начале 17 столетия в надежде гарантирования безопасности на местах и оберегания общественного порядка в 146 городов с уездами по Разрядному приказу, утвержденному Царем и Боярской думой, назначаются воеводы с индивидуальным кругом обязанностей. Обычно следующие миссии возлагались на них: управление вверенной локацией, охрана собственности, борьба с укрывательством беглых, дорожное дело, строительство, надзор за судебными процессами, пресечение запрещенных игорных заведений, прочая ответственность.

Другим значимым артефактом российского права выступает Соборное Уложение монарха Алексея Михайловича от 1649 года, где 2 глава «О чести и здоровье государя оберегать» напрямую касается проблем гарантирования безопасности. Если перевести ее положения на сегодняшний лад, то под национальной защищенностью от наружных и отечественных угроз здесь понималось следующее:

1. Охранение от притязаний на национальную независимость с помощью создания вооруженных отрядов, противозаконного сговора с другими странами, разорения городов.
2. Охранение от покушений на главу государства, чья безопасность считается нераздельной частью госбезопасности.

Очень важно, что рассматриваемый юридический документ состоит из хорошо систематизированных для того исторического периода правовых норм, упорядочивающих поддержание безопасности. Мы считаем, что ратификация этого правового акта завершает второй этап становления правового регулирования безопасности, и в качестве заключения озвучим его основные характеристики:

- ключевые формы посягательства на госбезопасность продолжают оформляться законодательно, а их неодинаковость с предыдущим этапом заключается в более четкой структуризации и классификации;

- первая попытка в создании аппарата поддержания безопасности с помощью формирования соответствующей правовой базы и госструктур для реализации охранных мероприятий: стрельцы, воеводы, опричники, прочее;

- в регулировочных указах происходит дифференциация правонарушений против монарха, государства, как отдельной группы провинностей с ужесточенным возмездием за их свершение; [1, с.343]

В итоге не останавливающаяся структуризация и выделение безопасности в независимый институт правоведения становятся главными показателями данного исторического отрезка.

Дальнейшее изучение данной темы приводит нас к выводу, что утверждение в Российском царстве неограниченной монархии с конца 17 до середины 19 столетия сопровождается оформлением безопасности и модернизацией ее правовой основы – это 3-й этап. Процесс проявляется в виде складывания нормативно-правового фундамента гарантирования безопасности в следующих направлениях:

- охранение гостайны;
- надзор за добропорядочностью поведения подвластного люда и исполнением ими возложенных на них фискальных повинностей;
- слежение за публицистической и научно-просветительской деятельностью;
- надзор за иностранными гостями;
- пресечение активности разносчиков ложной информации;
- прочее.

Не пройти мимо и деяний по поддержке безопасности отдельных этносов, проживающих на территории Российского царства. Например, именным указом от 26.12.1695 года запрещалось пытаться и казнить представителей ясачных сибирских народов без предварительного одобрения царя. И также об их охране, контроле сборщиков дани, чтобы они не занимались грабежом ясачных подданных, и

не торговали с ними запретной продукцией и спиртным. А манифест Петра 1 от 11.03.1710 года запрещал обижать жителей Украины.

Вместе с тем верховная власть продолжала развитие пожаробезопасности. В 1710 году Петр 1 подписал Указ «О возведении построек в Санкт-Петербурге с исполнением всех указаний по противопожарной защите», а при Адмиралтействе сформировали круглосуточную команду пожарников. Вдобавок Указ 1711 года «О непременном прибытии войск на пожары» официально утвердил разрешение на применение армейских подразделений для тушения разбушевавшейся стихии, а в 1718 году появилась первая специальная флотилия речных судов, оснащенных водными пушками.

Вместе с тем во время царствования Петра 1 предпринимались шаги правового регулирования экобезопасности. 22.02.1709 года вышел Указ, повелевавший соблюдать чистоту в городских дворах, вовремя чинить мостовые, а мусор вывозить за город.

Курьезно, и фискальный аппарат в петровский период приспособили к обеспечению безопасности в Российской империи. Царь повелел Указом от 5.03.1711 года выбрать обер-фискала, личность умную и добропорядочную, и поручить ей тайный присмотр за деятельностью судов. При выявлении фактов несправедного судейства, обер-фискал докладывал о них Сенату, уличал перед ним виновников, при этом голословное обвинение в претензии ему не ставилось.

1715 год знаменателен заменой Соборного Уложения 1649 года Воинским уставом, содержащим положения, призванные поддержать безопасность по таким позициям, как:

- армейские провинности (параграфы 4-15): самовольное оставление части и различные увильвания от армейской службы, наказываемые галерами, шпицрутенами, плетями. Смертная казнь применялась к военным служащим виновным в сдаче крепостей, уличенным в мародерстве;
- политические и государственные правонарушения (главы 3,6,17): восстание, измена, намерение убить главу государства, взятие царя в плен, осуждение царских поступков, сговор с врагом, караемые каторжными работами или смертной казнью;
- нарушение общественного спокойствия: мордобой, владение борделем, непонятные собрания, утаивание правонарушителей, бранность, присвоение ложных прозвищ, похабные песни. За подобные деяния виновников нередко умерщвляли.

Первый раз за всю историю нашей государства в Воинском уставе появилась статья за номером 18, возлагающая на военнослужащих обязанности по поддержанию госбезопасности, а именно обязательства по защите страны и царя от любых угроз и государственной измены были официально закреплены за военными людьми.

Большой список именных указов верховная власть посвятила теме экономической безопасности: указ от 28.01.1716 года «О винном курении», упорядочивающий изготовление и продажу спиртного, повеление от 24.01.1718 года «О взимании пошлины с возов», прибывших в Москву, прочие.

Специально выделим обстоятельство, отражающее становление полиции в период со второй половины 17 века по начало 18 века, как государственного института по гарантированию защищенности. Например, по Регламенту и Уставу Главного Магистрата от 1718 года отделы полиции превращались в многофункциональные аппараты для устранения общественных противоречий любого толка.

Прогрессу правового упорядочивания поддержки безопасности способствовало и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 года. До сих пор отечественная юридическая практика не знала примеров, содержащих признание, что посягательство на госбезопасность является сильным отягчающим обстоятельством исполнения противоправного проступка (статья 135 пункт 8).

Выделим основные черты 3-го этапа совершенствования правовой поддержки госбезопасности:

- окончено конструирование механизма поддержания госбезопасности с помощью подготовки необходимого законодательного наполнения и начинают работать особые госорганы, ответственные за гарантирование безопасности;
- формально подчеркнуты и систематизированы главные чужеродные и родственные угрозы для государства;
- упорядочены и регламентированы ключевые векторы обеспечения национальных (государственных) интересов: продовольственная, военная, демографическая, экономическая, прочие.

4-й этап трансформации правового регулирования безопасности детерминирован парой неоднозначных стремлений:

1. Реализация значительных реформ 1861, 1864, 1870 годов.

2. Строго ориентированное противодействие растущему революционному движению.

Уникальность этого этапа заключается в резком оформлении экономической безопасности (продуктовая, таможенная, другие) толчком чему послужил промышленный рывок в Российском царстве.

Беспощадное юридическое возмездие грозило всем посягателям на власть монарха. Оно предусматривалось уложением 1903 года и его дополненной версией 1904 года в главе «О бунте против монаршей власти, и о противоправных деяниях против священной особы императора и членов царской семьи». Также в этих уложениях описывались наказания за смуту и измену.

Например, статья 99 Уложения от 1903 года грозила однозначным лишением жизни за покушение на неприкосновенность царя, царицы и наследника престола, а также заточением в крепость за распространение любой крамолы о них.

Отметим, в период 1-й мировой войны карательные меры за проступки в сегменте военной безопасности усиливаются. Ратифицируются властные постановления, разрешающие военную цензуру – Указ «Об утверждении Временного положения о военной цензуре» и прочие подобные документы.

Такие постановления в суровые годы использовались для организации надзора за печатной продукцией, обычной и дипломатической перепиской для пресечения огласки государственных секретов.

Мы считаем 4-я веха трансформации праворегулирования безопасности Российского государства, длившаяся до февральских событий семнадцатого года прошлого столетия, выделяется: а) образованием совокупного правового регламентирования экономической неуязвимости перед посягательствами внешнего и внутреннего толка, спровоцированного экономическим бумом, б) видоизменением и ростом правоприменения чрезвычайного законодательства под давлением революционных выступлений и войны.

Про советскую 5-ю фазу трансформации праворегулирования в нашем отечестве упомянем, что его идеология базировалась на ленинской теории социалистической революции, считающей капиталистическое окружение главной угрозой советской стране. Поэтому внешняя политика СССР строилась на тезисе враждебности западных государств коммунистической державе, и использовании их противоречий для достижения собственных интересов.

Для поддержки госбезопасности в Конституции РСФСР от 1918 года закреплялся долг гражданина оберегать социалистическое Отечество и право трудового народа на вооруженную защиту революции. 19-я статья Главного закона о задачах защиты революционных завоеваний устанавливала всеобщее прохождение воинской службы.

В главном законе Советской республики от 11.05.1925 положения, закрепленные в версии 1918 года, были продублированы. Статья 10 этой конституции утверждала всеобщую воинскую обязанность для защиты завоеваний Октября. Причем почетное право оберегания Революции с оружием в руках дается лишь трудящимся, на прочих граждан возлагается исполнение других военных нужд».

Термин госбезопасность получил официальный статус в 1934 году вместе с образованием ГУ государственной безопасности под крылом НКВД. Новая структура получила полномочия ОГПУ после его расформирования.

В тексте Конституции понятие госбезопасность официально включили в 1936 году. С этого момента оно употребляется в официальных документах властных органов.

Во времена ВОВ законодательная база по обороне дополнилась несколькими особыми нормативами в чрезвычайном ключе. Данное действие объяснялось необходимостью перевода Красной Армии из мирного в военное положение.

Отметим важный вклад СССР в создании механизма международной безопасности в послевоенный период. Например, универсальная международная организация по предупреждению военных угроз стала плодом работы Ялтинской конференции глав стран из антигитлеровской коалиции.

Когда минула середина 20-го века, все концепции гарантирования национальных интересов закрепляются в союзной Конституции 1977 года. В ней первый раз целая глава отдается под раздел "Защита социалистического Отечества", где 31 статья говорит, что оберегание

страны является важнейшей задачей власти и делом всех жителей. Также в этой версии Главного закона страны закрепляется и всеобщая обязанность армейской службы.

Изучение УК РСФСР в редакциях 1922, 1926 и 1960 годов показывает, что безопасность во всех своих проявлениях выступала объектом пристального внимания со стороны верховной власти. Этот факт подтверждается и поступательным ростом ужесточения наказаний за преступления, совершенные в военное время, и обособлением юридической ответственности военных и штатских индивидов, а также введением в употребление термина «общественная опасность» в виде мерила для определения характера преступления и применения соответствующего возмездия.

Подводя итог вышеперечисленной информации, скажем, что советский этап трансформации упорядочивания безопасности в нашей стране, предшествовавший современному этапу эволюции характеризуется следующими проявлениями:

- молодая советская власть первые годы своего господства применяла классовый подход к юридическому закреплению и использованию законодательства в области госбезопасности;
- миссия верховной власти и жителей в деле поддержания госбезопасности закреплялась на конституционном уровне;
- большое внимание уделялось конструированию правообеспечения транснациональной неуязвимости, особо во времена ВОВ и до ее завершения;
- при скрупулезном юридическом регламентировании вопросов госбезопасности, неуязвимость человеческих общностей и личности, как немаловажные компоненты национальных (государственных) интересов, почти полностью игнорировались.

6-я современная веха трансформации правового регулирования безопасности стартовала с развалом советской страны.

Узкоспециализированный норматив, всецело отражавший вопросы безопасности – Закон РФ «О безопасности» верховная власть ратифицировала в 1992 году. Это был первый подобный случай в истории становления отечества. Норматив вступил в силу 5 марта того же года, а его 1 статья содержала формулировку безопасности - положение защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от происков внешних врагов и притязаний внутренних деструктивных элементов.

Свежий норматив устанавливал правовые базисы гарантирования неприкосновенности личности, человеческих общностей, государства, задавал систему безопасности, ее миссию, закреплял последовательность строительства и финансирования структур гарантирования безопасности и органов, ведущих надзор за их работой.

В эпоху рождения российской государства в первый раз закон причислял личность с ее правами и свободами, а также человеческую общность с ее материальными и духовными ценностями, страну с ее территориальной суверенностью и конституционным строем к важнейшим объектам неуязвимости.

Вдобавок, Закон от 1992 года содержал раздел, посвященный Совету Безопасности РФ – конституционному аппарату, подготавливающему президентские инициативы в сфере защищенности.

Далее целый массив законов касательно безопасности присоединился к вышеприведенному нормативу в период 90-х годов 20-го столетия. В Законе от 1995 года «Об информации» первый раз на высшем уровне был озвучен термин нацбезопасность. Далее она регулярно упоминается в ФЗ от 25.06.1998 года «О борьбе с терроризмом», президентском указе от 17.12.1997 года «О концепции национальных интересов» и прочих нормативах.

Подписанная главой государства в 1997 году Концепция национальных интересов РФ представляется первым нормативным указом, воспроизводящим совокупную официальную позицию на задачи и национальную стратегию в сфере гарантирования безопасности личности, социума и отечества. Концепция содержит формулировки главенствующих векторов и идей государственной политики, затрагивающих статус России на мировой площадке, национальные запросы страны, ее нацбезопасность. Документ послужил базисом для проектирования узконаправленных программ и организационных документов в области госбезопасности и национальной неприкосновенности.

Концепция от 1997 года послужила основой для принятия ряда доктрин, гарантировавших безопасность:

1. Военная доктрина РФ, ратифицированная в 2000 году, базирующаяся на постулатах ее предшественницы 1993 года. Документ детализировал применительно к военной области цели

Концепции 1997 года, а точнее главные угрозы военной защищенности, военной организации страны и руководства ею, военно-стратегические основы и прочее.

2. Доктрина информационной безопасности, подписанная Президентом России 9.08.2000 года, основанная на той же Концепции, детализировала комплекс официальных мнений на принципы и основные направления гарантирования безопасности информационного поля страны.

По причине смены главных приоритетов государственной политики РФ еще 2 версии концептуальных документов, касающихся госбезопасности, были приняты далее. Стратегия национальных интересов 2009 года и действующий ныне вариант от 2015 года.

Документ 2009 года устанавливал проблематику долгосрочных национальных интересов: эволюцию демократии и гражданского общества, рост конкурентоспособности отечественной промышленности, прочность конституционного строя, поддержание территориальной целостности РФ, трансформация России в транснационального лидера.

По Стратегии 2009 года национальная оборона, государственная и общественная безопасность выступают ключевыми приоритетами национальной защищенности России от враждебных проявлений отечественного типа и извне.

Деятельность ряда крупных зарубежных государств, ориентированная на военное превосходство, оценивается верховной властью РФ в виде серьезной угрозы военной безопасности страны, поэтому была задумана качественная модернизация армии России с сохранением возможностей ядерных сил, увеличением числа подразделений постоянной готовности, приумножение боевой подготовки вооруженных сил.

Стратегия 2009 года определяла субъекты проповедующие акты террора, экстремизм и разведывательную работу зарубежных разведок главными проблемами государственной и общественной защищенности. Поэтому повышение качества исполнения своих профессиональных обязанностей силовыми ведомствами и спецслужбами, образование единой системы предупреждения преступлений, снижение коррупции и криминализации социума выступало как необходимое действие. Кроме того, рост качества жизни жителей страны также являлся одной из стратегических задач национальных (государственных) интересов.

ФЗ за номером 390 «О безопасности» был подписан 28 декабря 2010 года. Его положения существенно уточняют аспекты и наполнение процедур по поддержанию безопасности, определяют главные цели интернационального взаимодействия, расширяют компетенции главы государства, устанавливают меры противодействия терроризму и экстремизму, а также защите граждан от незаконных проявлений, пересматривают основную миссию СБ РФ и президентские полномочия в направлении увеличения их перечня.

Обновленная Стратегия национальных (государственных) интересов РФ заработала в 2015 году. Ее принятие обусловлено появлением новых угроз для нашей отчизны. Ее текст содержит стратегические национальные приоритеты и запросы, механизмы внутренней и внешней политики для упрочнения национальных (государственных) интересов РФ и не снижаемого совершенствования с задумкой на далекое будущее.

К примеру, в перечне национальных запросов РФ присутствуют: усиление обороноспособности страны, поддержка нерушимости конституционного уклада, независимости, региональной целостности, укрепление национального единодушия, равновесия в политической и социальной сферах, поступательный рост демографии, повышение эффективности промышленности, занятие лидирующих позиций на транснациональных площадках.

Вдобавок выделены ключевые угрозы государственной и социальной безопасности. К ним отнесены следующие проявления: активность зарубежных разведок, деятельность террористов, радикальных образований, ОПГ, коррупционная составляющая. Меры по устранению этих опасностей также прописаны в новой Стратегии.

Вдобавок в документе представлены шаги, заточенные на рост качества жизни жителей страны: поддержание продовольственной безопасности, доступность комфортного жилья, хорошего образования и медпомощи, создание высокоэффективных рабочих мест, улучшение условий труда и рост заработной платы, подобающее пенсионное обеспечение.

Сверх того, перечислены мероприятия по гарантированию экономической безопасности государства, а также защищенности в науке, технологиях, культуре, экологии, образовании, прочем.

Кроме перечисленных направлений Стратегия уделяет внимание вопросам активной международной политики, нужной для поддержания стратегического равновесия и равноправного партнерства.

Анализ современного этапа правового обеспечения позволяет выделить его основные характеристики:

- отечественное законодательство последнего десятилетия 20 столетия закрепило совершенно новый для нашего государства метод подхода к проблеме безопасности, базирующийся на утверждении высшими ценностями прав, свобод и законных интересов общества и индивида;
- впервые в российской истории термин национальные интересы РФ, представленный в виде защищенности ее многонационального народа, как носителя суверенитета и единоличного властного источника в стране был закреплён в законодательстве;
- нацбезопасность России в амплуа сегмента международной безопасности в границах определенной государства;
- случилась значительная систематизация и разделение опасностей для национальной российской неустойчивости;
- выстроена правильная система гарантирования национальных интересов, сформирован особый орган - СБ РФ, возглавляемый главой государства, с определением полномочий на этом поприще.

Резюмируя знакомство с трансформацией правового обеспечения безопасности в нашей стране, подчеркнем, что нужность в поддержании защищенности от внешних и внутренних угроз переключается с становлением и эволюцией страны. Дело гарантирования безопасности, по мнению В.П. Беляева и Г.С. Беляевой, с кем согласны и мы, напрямую скреплено с обеспечением государственных интересов и формированием права с помощью:

- разрешения обычаев, способствующих защите и реализации государственных интересов и правопорядка;
- собственной правотворческой работы.[3,с.9]

Исследуя эволюцию правового обеспечения безопасности, мы установили прямую зависимость последствий юридического закрепления компонентов обеспечения безопасности, от уровня познания и группирования верховной властью угроз безопасности страны на определенном этапе ее исторического преобразования. Таким образом, на большей части исторических вех главенствующими направлениями правовой регламентации безопасности выступала военная защищенность, причем вначале она предназначалась для реализации задач по захвату и освоению новых локаций, а далее для обеспечения целостности и независимости на территории государства и ее обороне.

Получается, изменение законодательства в области обеспечения безопасности является здоровой реакцией верховной власти на появляющиеся угрозы для независимости страны, жизненных интересов личности, социума и государства с целью быстрой выработки действенных мер по их ликвидации.

Список цитируемой литературы:

1. Беляев В.П., Чапчиков С.Ю. Правовое регулирование национальных интересов в России: эволюция и периодизация // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 10 (77). С. 38-45.
2. Айсханова Е.С.1, Симонян А.В. Правовое обеспечение национальных интересов России: историко-правовое исследование досоветского периода // Финансовая экономика. 2019. № 10. С. 341-344.
3. Беляев В.П., Беляева Г.С. Национальная безопасность в России: к вопросу об эволюции правового регулирования // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 2 (77). С. 6-11.

Сведения об авторах:

Ярычев Насруди Увайсович – доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова», заслуженный деятель науки Чеченской Республики, заслуженный учитель Чеченской Республики, член-корреспондент Академии наук Чеченской Республики, член-корреспондент Российской академии образования, член Экспертного совета ВАК по педагогике и психологии при Минобрнауки России, nasrudiny@mail.ru

Вахаева Хеди Шарпудиевна – аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова», rudinzz@mail.ru.

Хаяли Р.И.
**КООРДИНАЦИЯ ПРОКУРАТУРОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ (1922–1955 гг.)**

***Аннотация:** В статье анализируются процесс становления координирующей роли прокуратуры правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Сделан вывод, что по мере развития общественных отношений возрастают координирующие функции прокуратуры.*

***Ключевые слова:** прокуратура, правоохранительные органы, координация, преступность.*

Создание советской прокуратуры и осуществление надзора от имени государства обусловили руководящую роль прокуратуры в вопросах взаимодействия и координации правоохранительных органов. В Положении о прокурорском надзоре 1922 г. на органы прокуратуры возлагалось осуществление надзора за соблюдением законов в интересах правильной постановки борьбы с преступностью [1. Ст. 440].

Организация прокурорского надзора проходила одновременно с созданием органов милиции, уголовного розыска, ОГПУ, между которыми возникали функциональные противоречия в работе на районном, губернском и на республиканском уровнях. Перед прокуратурой встала задача координации деятельности этих органов, особенно в части борьбы с преступностью. В связи с этим в 1925 г. участковым прокурорам были даны указания, в соответствии с которыми каждый объявленный розыск необходимо было осуществлять с санкции местного прокурора, который дается при наличии мотивированного постановления с кратким содержанием преступления. Орган дознания, в обязанностях которого лежала розыскная функция, получив отдельное требование о розыске, прежде чем приступить к розыску, был обязан получить разрешение от районного прокурора. Повестки органами суда и дознания разыскиваемым лицам, отправлялись строго через прокурора [2. Л. 46].

Полномочия губернского прокурора в координационной деятельности по борьбе с преступностью были закреплены Временной инструкцией НКЮ РСФСР 1922 г. В частности прокурор в качестве председателя наделялся правом созыва губернского совещания по борьбе с участием председателя суда, председателя революционного трибунала, заведующего РКИ и начальника губернского ОГПУ. Координирующая роль прокурора включала в себя анализ проделанной работы, обобщение накопленного опыта, разработка профилактических мер и совместных действий, направленных на борьбу с преступностью.

Координационные полномочия прокуратуры по борьбе с преступностью существенно были расширены Положением о судостроительстве РСФСР 1926 г. В соответствии со статьей 59 прокурор осуществлял общее наблюдение и согласование деятельности правоохранительных органов, ведущих борьбу с преступностью [3. Ст. 624].

Во второй половине 1920-х–начале 1930-х гг. совершенствуются формы работы органов прокуратуры, милиции, ОГПУ и суда на основе проведения совместных совещаний, взаимного информирования результатами проделанной работы, обсуждения перспективных планов совместных действий, принятие совместных решений [4. С. 88].

Несмотря на то, что «Положение о прокурорском надзоре» 1933 г. [5. Ст. 2] накрепило роль прокуратуры в координации правоохранительных органов в борьбе с преступностью, на практике формируются новые формы координации. В частности районные и городские прокуроры получили право созывать и проводить ежемесячные производственные совещания следователей уголовного розыска и милиции с участием судебных органов.

В исследуемый период в целях борьбы с преступностью и соблюдения законности координирующая роль прокуратуры распространялась не только на правоохранительные органы, но в зависимости от поставленных государством задач на местные органы государственной власти. Координация правоохранительных и других органов в 1930-е гг. осуществлялась на основе решений партии и высших органов государственной власти.

В качестве примера можно привести известное постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении материальной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неуплату алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 г. На основе постановления в республиканских прокуратурах были проведены расширенные совещания работников прокуратуры, милиции, здравоохранения. Отмечалось, что особенно высокий уровень абортов наблюдался в городах. По результатам совещания были даны конкретные указания милиции и здравоохранению, скоординированы действия, направленные на борьбу с абортами. В целях дальнейшего снижения абортов правоохранительные органы провели профилактическую работу против незаконных абортов и самоабортов [6. Л. 27].

С началом Великой Отечественной войны в условиях организации прокурорского надзора за соблюдением законов особенно военного времени существенно выросла координационная роль прокуратуры. В это время правоохранительные органы совместно с советскими, партийными и хозяйственными органами обеспечивали эвакуацию населения, промышленных предприятий, вели борьбу с дезертирством, ростом преступности, детской беспризорностью. По мере освобождения территорий от немецко-фашистских захватчиков на прокуратуру были возложены задачи координации правоохранительных и советских органов по учету ущерба нанесенного врагом, восстановлению правопорядка и законности, привлечению к ответственности лиц, совершивших преступления против советского государства.

В первые послевоенные годы развитие общественных отношений настоятельно выдвигало задачи укрепления полномочий прокуратуры по координации деятельности правоохранительных органов. Первостепенное внимание уделялось анализу состояния преступности, основным показателям следственной работы, особенно по преступлениям, совершаемыми военнослужащими. В это время ведущей формой координирующей работы становятся межведомственные совещания с участием работников прокуратуры городов, работников областного управления МВД и милиции, областного управления юстиции, областного суда и военных прокуроров. На совещаниях обсуждались указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления правительства, приказы Генерального прокурора СССР, по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью. По результатам совещания руководители прокуратуры, милиции, юстиции, облсуда проводили неотложные профилактические мероприятия, направленные на устранение недостатков, а именно волокиты, формализма и бюрократизма при расследовании уголовных дел.

Например, в Крыму вопросу организации борьбы с преступностью прокуратурой и милицией уделялось первостепенное внимание. В частности, на основании приказа Генерального прокурора СССР от 31 августа 1953 г. № 225с в нижестоящих прокуратурах были проведены совместные совещания, на которых были приняты конкретные решения, направленные на усиление борьбы с уголовной преступностью. Дополнительно Управление милиции с участием руководящего состава областной прокуратуры провела совещание начальников органов милиции области и заместителей политической части. В марте 1955 г. было состоялось совещание по обмену опытом по раскрытию краж следователями отдела уголовного розыска области. В сентябре, по результатам работы областной прокуратурой и на основании данных проверки было вынесено представление начальнику Управления милиции «О неудовлетворительном состоянии вопросов, связанных с разрешением заявлений и сообщений о хищении соцсобственности». Одновременно было дано указание всем городским и районным прокурорам «Об усилении прокурорского надзора». В раскрытии уголовных преступлений более эффективно стали использовать достижения науки и техники. Также были приняты меры, направленные на улучшение качества следствия и раскрываемости совершаемых преступлений. С целью усиления борьбы с растратами и хищениями прокуратурой проводились областные совещания с участием городских и районных прокуроров, народных судей и начальников городских районных отделений милиции, а также семинары следственных работников органов милиции [7. Л. 10–11].

Таким образом, в освещаемый период с момента принятия Положения о прокурорском надзоре 1922 г. и до принятия нового Положения о прокурорском надзоре 1955 г. координационные полномочия прокуратуры по борьбе с преступностью регулировались циркулярами наркома НКЮ, приказами Прокурора СССР, в последующем Генерального прокурора СССР, постановлениями партии, правительства и были направлены на решение конкретных задач.

Список цитируемой литературы:

1. Свод узаконений РСФСР. 1922. № 28. Ст. 440.
2. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 66. Л. 46
3. СУ РСФСР. 1926. № 35. Ст. 624.
4. Прокурорский надзор в СССР: Учебник. Под ред. Б. А. Галкина. – М.: Юридическая литература. 1982. С. 88.
5. Свод законов СССР. 1934. № 1. Ст. 2.
6. ГАРК. Ф. Р-703. Оп. 1. Д. 128. Л. 27.
7. ГАРК. Ф. Р 2874. Оп. 2. Д. 20. Л. 10–11.

Сведения об авторе:

Хаяли Рустем Изеттович – д.и.н., доцент, заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, rustocean_79@mail.ru

Кабанов П.А.
ИННОВАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация:** в работе описываются организационно-правовые вопросы развития системы антикоррупционного образования в Российской Федерации. Определяется его цель – формирование профессиональной антикоррупционной компетентности. Выделены положения Национального плана противодействия коррупции на 2021-2024 годы, направленные на совершенствование антикоррупционного образования и проблемы, связанные с его реализацией. Предложена разработка профессионального стандарта «Антикоррупционная деятельность» и федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки «Антикоррупционная деятельность», что может повлиять на формирование нового научного направления – «антикоррупционная педагогика».*

***Ключевые слова:** коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционное образование, антикоррупционная деятельность, антикоррупционная компетентность, антикоррупционная педагогика.*

Противодействие коррупции – сложная задача, решаемая с использованием множества средств, инструментов и технологий. Среди таких инструментов в международных и национальных нормативных правовых актах выделяется самостоятельный институт именуемый «антикоррупционное образование». Использование этого антикоррупционного инструмента закреплено в международных документах [12, с.51], федеральных нормативных правовых актах, в том числе указах Президента Российской Федерации, в региональном законодательстве и подзаконных нормативных правовых актах. Как следствие такого внимания к антикоррупционному образованию, оно сопровождается научными исследованиями [1, с.178-188; 2, с.62-64; 3, с.13-15; 4, с.95-98; 6, с.34-40; 8, с.24-30; 10, с.4-9; 11, с.56-58; 15; 18, с.43-47; 19, с.140-143; 20, с. 113-117; 21, с.233-234; 25, с.4-11; 26, с.4-7; 27, с.176-181; 28, с.11-14; 29, с.147-160; 30, с.944-949], учебными [5; 17] и учебно-методическими разработками [13; 14]. В силу специфики правового регулирования и потребностей антикоррупционной деятельности наибольшую популярность и распространение получили образовательные программы дополнительного профессионального образования для лиц, на которых возложены обязанности по соблюдению антикоррупционных требований (обязанностей, запретов, ограничений), а также лиц, уполномоченных на обеспечение государственного контроля по контролю за их соблюдением – сотрудников подразделений федеральных и региональных органов по профилактике коррупционных правонарушений. С учетом особенностей подготовки и переподготовки специалистов для различных сфер экономики и социального управления, начиная с 2010 года в образовательные программы высшего образования по отдельным направлениям подготовки (юриспруденция, государственное и муниципальное управление, экономика) и специальностям (правоохранительная деятельность, судебная экспертиза), в соответствии с требованиями федеральных образовательных стандартов высшего образования, стали включаться компетенции, связанные с получением знаний и умений по противодействию коррупции. Следует отметить, что всеми действующими федеральными образовательными стандартами по направлениям подготовки и специальностям предусмотрено получение студентами образовательных учреждений высшего образования антикоррупционных знаний и навыков противодействия коррупции. Все вновь принимаемые федеральные образовательные стандарты высшего образования содержат в себе в числе универсальных компетенций требования, сформулированные в форме способности обучаемого к формированию негативного отношения к коррупции. Образовательными организациями высшего образования были разработаны учебные дисциплины (модули), позволяющие формировать у студентов общую антикоррупционную компетентность. При этом наименование и содержание учебных дисциплин не отличается единообразием, но позволят формировать общие представления о системе противодействия коррупции и возможностях её использования для обеспечения защиты прав и законных интересов личности и государства.

Антикоррупционное образование не ограничивается лишь системой высшего образования России, оно начинает распространяться на уровни общего образования и среднего профессионального образования. Национальным планом противодействия коррупции на 2021-2024 годы (абз. «а» п.35) Министерству просвещения Российской Федерации предложено в срок до 15 июня 2022 года включить в федеральные государственные образовательные стандарты общего образования и среднего профессионального образования положений, предусматривающих формирование у обучающихся нетерпимого отношения к коррупционному поведению, а в профессиональной деятельности

– готовности содействовать пресечению такого поведения [24], то есть формировать общую антикоррупционную компетентность учащихся образовательных общеобразовательных школ и студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования.

Следует оговориться, что вопросы формирования общей антикоррупционной компетенции достаточно динамично развиваются: издаются необходимые учебные и учебно-методические работы по вопросам противодействия коррупции; проходят курсы подготовки и переподготовки преподавателей; начинает формироваться новое научное направление – антикоррупционная педагогика за счет проведения исследований в области педагогики. Менее активно развивается антикоррупционное образование, направленное на формирование специальной профессиональной антикоррупционной компетентности обучающихся. На сегодняшний день только несколько российских образовательных организаций высшего образования проводят подготовку специалистов по вопросам противодействия коррупции, в рамках различных направлений с уровнем подготовки – магистратура. Наиболее известная из антикоррупционных образовательных программ является программа «Безопасность государственного управления и противодействие коррупции» по направлению подготовки 38.04.04. Государственное и муниципальное управление, реализуемая Институтом государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, в которой имеются курсы, направленные на формирование профессиональной антикоррупционной компетентности обучающихся. Второй специальной антикоррупционной программой стала магистерская программа «Антикоррупционная деятельность» по направлению подготовки юриспруденция 40.04.01 Юриспруденция, реализуемая в Казанском (Приволжском) федеральном университете. Магистерская программа «Антикоррупционная деятельность» для подготовки юристов, поэтому же направлению начала реализоваться Российским государственным университетом правосудия. Имеются и другие магистерские программы близкие к антикоррупционной деятельности или связанные с ней. Например, магистерская программа «Комплаенс и профилактика правовых рисков в корпоративном, государственном и некоммерческом секторе» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в структуре которой имеются специальные дисциплины антикоррупционного профиля. Как закономерное следствие в отдельных образовательных учреждениях высшего образования имеется специальная учебная дисциплина под названием «Антикоррупционная деятельность» [7].

Проведенный нами анализ действующих образовательных магистерских программ двух обозначенных выше направлений подготовки (государственное и муниципальное управление и юриспруденция) по профилю «Антикоррупционная деятельность» показал, что включенными в их перечень учебными дисциплинами (модулям) невозможно достичь основной цели их усвоения – формирования профессиональной антикоррупционной компетентности. Эти учебные дисциплины включают в себя лишь отдельные элементы, которые следует знать обучающимся либо получение отдельных навыков в сфере противодействия коррупции. В первую очередь это: знание основ федерального антикоррупционного законодательства; умение применять отдельные инструменты противодействия коррупции (антикоррупционный мониторинг; предотвращения и урегулирование конфликта интересов; антикоррупционная экспертиза). Вне профессиональной антикоррупционной компетенции обучающихся оказываются важнейшие функции подразделений по профилактике коррупционных правонарушений: контроль за реализацией государственной политики противодействия коррупции в подконтрольных органах и организациях; умения по организации и осуществлению антикоррупционного планирования; навыки по организации и осуществлению антикоррупционного образования и антикоррупционного просвещения; навыки по организации антикоррупционной пропаганды и др. [9, с.104-127] Указанные выше образовательные программы содержат в себе перечень учебных дисциплин и практик, направленных на формирование у обучающихся отдельных элементов антикоррупционной компетентности, а не целостной системы профессиональной антикоррупционной компетентности.

В связи с этим вполне закономерным выглядит включение в Национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 годы абзаца «в» пункта 36, содержащим поручение Министерству образования и науки Российской Федерации вопроса об открытии в образовательных организациях высшего образования программы магистратуры «Антикоррупционная деятельность». При этом Национальным планом противодействия коррупции не указывается, в каких именно формах организовывать обучение магистрантов: путем разработки и утверждения одноименного федерального образовательного стандарта высшего образования либо введения образовательными учреждениями в рамках действующих образовательных стандартов новых профилей. Оба сценария развития анти-

коррупционного образования возможны. В краткосрочной перспективе второй вариант более приемлем. В долгосрочной перспективе необходима разработка федерального образовательного стандарта по направлению подготовки «Антикоррупционная деятельность» с указанием уровня подготовки и квалификации. Однако следует иметь в виду, что федеральный образовательный стандарт по направлению подготовки «Антикоррупционная деятельность» должен быть согласован с Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, поскольку оно устанавливает перечень видов профессиональной деятельности. С учетом того, что в настоящее время в данном перечне нет направления «антикоррупционная деятельность» [16], то это существенно усложнит решение указанной задачи и потребует дополнительного времени на её решение. Для более полного решения этой задачи Минтруду России совместно с заинтересованными органами и организациями потребуется разработка профессионального стандарта «Антикоррупционная деятельность» с указанием специальности «специалист по противодействию коррупции» и установлением трудовых функций работника. В случае развития антикоррупционного образования по наиболее сложному и рациональному сценарию необходимо чтобы при разработке профессионального стандарта и стандарта высшего образования по направлению подготовки «Антикоррупционная деятельность» учитывалось содержание основных функций, реализуемых подразделениями по профилактике коррупционных и иных правонарушений, определяемых Президентом Российской Федерации [22; 23]. Необходимо отметить, что в настоящее время образовательными организациями высшего образования интенсивно проводится разработка учебно-методических документов по формированию образовательных программ магистратуры по направлению «Антикоррупционная деятельность». Лидером по подготовке таких образовательных программ является Сибирский федеральный университет, в котором уже разработан учебный план подготовки магистрантов по направлению «Юриспруденция» объемом 3312 часов с перечнем учебных дисциплин (20 курсов), направленных на формирование профессиональной антикоррупционной компетентности.

Подготовка специалистов по противодействию коррупции образовательными организациями задача сложная и ответственная для её решения потребуется подготовка и/или переподготовка научно-педагогических кадров обладающих высокой педагогической и профессиональной антикоррупционной компетентностью. Если вопрос о научном сопровождении подготовки специалистов по противодействию коррупции нашел своё отражение в действующем Национальном плане противодействия коррупции путем проведения научных междисциплинарных исследований по актуальным вопросам противодействия коррупции, то вопрос о повышении профессиональной антикоррупционной компетентности педагогических работников затронут лишь частично и охватывает только педагогических работников образовательных организаций, реализующих дополнительные профессиональные программы в области противодействия коррупции. При этом повышение квалификации этой категории лиц предусмотрено лишь в рамках проведения учебно-методических семинаров. Нам представляется, что педагогические работники высшего образования, реализующие антикоррупционные образовательные программы, должны проходить повышение квалификации по программам дополнительного профессионального образования по вопросам противодействия коррупции для педагогических работников. Утверждение таких типовых учебных программ следует оставить за Министерством труда и социального развития Российской Федерации с обязательным согласованием этих документов с Министерством образования и науки Российской Федерации, а также уполномоченным органом по противодействию коррупции Администрации Президента Российской Федерации. В качестве дополнительного требования с таким педагогическим работникам следует установить проведение исследований по вопросам противодействия коррупции. В связи с этим становится очевидным, что Минтруд России в дополнение к указанным в Национальном плане типовых дополнительных профессиональных программ в области противодействия коррупции (абз. «а» п.34) должен разработать и утвердить типовую программу дополнительного профессионального образования по вопросам противодействия коррупции для педагогических работников, осуществляющих реализацию антикоррупционных образовательных программ.

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, современное антикоррупционное образование, зародившееся в рамках дополнительного профессионального образования, активно развивается, им охвачены сферы высшего и дополнительного антикоррупционного образования. Начали формироваться специальные образовательные программы высшего образования по профилю «Антикоррупционная деятельность» в рамках магистратуры по направлениям «Юриспруденция» и «Государственное и муниципальное управление». Намечены меры по внедрению в образовательные стандарты общего среднего и среднего профессионального образования антикоррупционных компетенций.

Во-вторых, реализуемые современные образовательные магистерские программы «антикоррупционная деятельность» не соответствуют общим представлениям о профессиональных компетенциях значительной части сотрудников подразделений и органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений и нуждаются в существенной переработке. В связи с этим требуется разработка модельного (типового) учебного плана по профилю «Антикоррупционная деятельность» для различных направлений подготовки.

В-третьих, для формирования надежной организационно-правовой основы антикоррупционного образования в Российской Федерации необходима разработка двух взаимосвязанных правовых документов – профессионального стандарта «специалиста по профилактике коррупционных правонарушений» и/или «специалиста по противодействию коррупции» и федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки «антикоррупционная деятельность».

В-четвертых, введение федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки «антикоррупционная деятельность» не исключает включения в федеральные образовательные стандарты общего среднего, среднего профессионального высшего и образования формирования общей антикоррупционной компетентности.

В-пятых, образовательным организациям для качественной подготовки специалистов по вопросам противодействия коррупции с учетом их профессиональных (трудовых) функций потребуется разработка новых учебных курсов, подготовка учебной и учебно-методической литературы, что может привести к активному формированию нового направления – антикоррупционной педагогики.

В-шестых, для повышения качества антикоррупционного образования в России необходимо чтобы педагогические образовательных организаций общего, среднего профессионального, высшего и дополнительного профессионального образования проходили курсы повышения квалификации по программам дополнительного образования по антикоррупционной тематике, утвержденных (рекомендованных) уполномоченным государственным органом. Основными целями повышения квалификации педагогических работников должны стать – повышение педагогической и специальной профессиональной антикоррупционной компетентности.

Список цитируемой литературы:

1. Бикеев И.И., Кабанов П.А. Антикоррупционное образование в России: состояние и перспективы // Бизнес. Образование. Право. 2010. № 3 (13). С. 178-188.
2. Бикмухаметов А.Э., Кабанов П.А., Юсупов И.М. Основные направления и уровне антикоррупционного образования муниципальных служащих в Российской Федерации // Следователь. 2010. № 8. С. 62-64.
3. Бикмухаметов А.Э., Юсупов И.М. Дополнительное антикоррупционное профессиональное образование муниципальных служащих: уровни и основные направления подготовки // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4. С. 13-15.
4. Воронцов С.А. Об организации антикоррупционного образования и проблемах, снижающих эффективность данной работы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 2 (117). С. 95-98.
5. Государственная антикоррупционная политика : учебник / под ред. Р. А. Абрамова и Р. Т. Мухаева. Москва : ИНФРА-М, 2017. 429 с.
6. Дамм И.А., Акунченко Е.А. О системе антикоррупционных компетенций в сфере общего и профессионального образования // Юридическое образование и наука. 2020. № 4. С. 34-40.
7. Егорова Е.Н. Антикоррупционная деятельность: рабочая программа дисциплины по специальности 35.08.01 – Экономическая безопасность. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2019. – 8 с.
8. Есаян А.К., Трунцевский Ю.В. Антикоррупционное образование студентов вузов: формы и содержание // Юридическое образование и наука. 2021. № 1. С. 24-30.
9. Кабанов П.А. Профессиональная антикоррупционная компетентность сотрудников подразделений по профилактике коррупционных правонарушений как конечная цель их антикоррупционного образования: понятие, виды и содержание // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования : сб. науч. ст. по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума, Красноярск, 26–27 декабря 2018 г. / отв. ред. И. А. Дамм, Е. А. Акунченко. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. С.104-127.

10. Кабанов П.А., Бикеев И.И. Антикоррупционное образование как один из инструментов противодействия коррупции: вопросы его формирования и реализации в Республике Татарстан // Следователь. 2010. № 8. С. 4-9.
11. Ледащев С.В., Лёвкин Ю.Д. Об отдельных направлениях антикоррупционного образования (в свете Национального плана противодействия коррупции на 2021-2024 годы) // Ученые записки. 2021. № 4 (40). С. 56-58.
12. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: Сборник документов / Сост. В.С. Овчинский. Москва: ИНФРА-М, 2004. 640 с.
13. Мельников А.Б., Михайлушкин П.В., Шевкуненко М.Ю. Государственная антикоррупционная политика: Учебное пособие. Москва: ООО «Научный консультант», 2019. 94 с.
14. Нечаев Д.Н., Соломатина Е.Д., Селиванова Е.С. Государственная политика в области противодействия коррупции: Учебно-методическое пособие. Воронеж, 2015. 125 с.
15. Николаев С.М. Реализация антикоррупционного образования в уголовно-исполнительной системе: Монография. Псков, 2015. 186 с.
16. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29.09.2014 № 667н «О реестре профессиональных стандартов (перечне видов профессиональной деятельности)» // Российская газета. 2014. 17 декабря.
17. Противодействие коррупции : учебник и практикум для вузов / под общ. ред. Е. В. Охотского. - 3-е изд. Москва : Издательство Юрайт, 2020. 427 с.
18. Рашева Н.Ю. Антикоррупционное образование и его роль в современной политике государства // Ceteris Paribus. 2016. № 3. С. 43-47.
19. Саркисян А.Ж., Чирков Д.К. О совершенствовании антикоррупционного профессионального образования в системе подготовки сотрудников правоохранительных органов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 1 (19). С. 140-143.
20. Семёнова О.Н., Ушаков С.Н. Антикоррупционное образование: стандарты ООН и практика их реализации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 113-117.
21. Трунцевский Ю.В. Антикоррупционное образование как мера предупреждения коррупции // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 21-1. С. 233-234.
22. Указ Президента РФ от 03.12.2013 № 878 (в ред. от 17.02.2021 № 97) «Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 49 (часть VII). ст. 6399;
23. Указ Президента РФ от 15.07.2015 № 364 (в ред. от 19.09.2017 № 431) «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть II). ст. 4477.
24. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 34. ст. 6170.
25. Уткин В.А., Иванцов С.В., Соломатина Е.А. Организационно-правовое и методическое обеспечение антикоррупционного образования в системе вузов МВД России // Криминологический журнал. 2020. № 2. С. 4-11.
26. Хайрутдинова Л.Р. Антикоррупционное образование в образовательной системе России // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2017. № 6-7 (10-11). С. 4-7.
27. Халезов Н.Л., Ищук Я.Г., Шкабин Г.С. К вопросу формирования программы антикоррупционного образования для высших учебных заведений России // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2021. № 1 (391). С. 176-181.
28. Шорохов В.Е. Мировые практики формирования системы антикоррупционного образования и подготовки в контексте развития гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 11-14.
29. Щедрин Н.В., Дамм И.А., Акунченко Е.А. Актуальные проблемы антикоррупционного просвещения и антикоррупционного образования // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 3. С. 147-160.
30. Юдина А.Ю. К вопросу о необходимости развития антикоррупционного образования в России // Теория и практика современной науки. 2017. № 12 (30). С. 944-949.

Сведения об авторе:

Кабанов Павел Александрович – доктор юридических наук, доцент, директор научно-исследовательского института противодействия коррупции ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)»; kabanovp@mail.ru

Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И.
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРАВА

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию феномена образовательного права. На основе интегративного исследования законодательства об образовании и иных источников образовательного права авторы делают вывод, что образовательное право представляет собой самостоятельную комплексную отрасль права, имеющую собственный предмет (в который входят не только образовательные правоотношения, но и правоотношения в сфере права) и метод, обладающую набором специфических принципов и урегулированную комплексом источников права, прежде всего, образовательным законодательством.*

***Ключевые слова:** образовательное право, комплексная отрасль права, образовательное законодательство, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», образовательные правоотношения, правоотношения в сфере образования*

Современное российское общество в условиях все расширяющейся цифровизации можно рассматривать как когнитивный социум, общество знаний [15]. Это обуславливает не только доктринальное признание образования приоритетной сферой социально-экономического развития [12], но и законодательное определение цели, пределов и норм его регулирования (п. 2 ст. 4 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [13]) (в последующем 273-ФЗ), не только соответствующих уровню цивилизационного развития, но и позволяющих решить стоящие перед российским обществом социальные, экономические, политические, культурные и правовые задачи. Однако решение этих проблем невозможно без теоретического осмысления как феномена образования, так и особенно его нормативно-правового обеспечения, в частности определения юридической природы образовательного права.

Понятие «образовательное право» широко используется в юридической и педагогической науке. Однако до настоящего времени его юридическая природа не определена. Это связано как с полисемантической данностью термина [14, с. 22], так и неоднозначностью в определении предмета и метода этого правового комплекса. Во-первых, в этой сфере тесно переплетаются положения юридической и педагогической науки, что проявляется в частности в широком использовании достижений педагогической доктрины при формулировании легальных дефиниций в Федеральном законе «Об образовании в РФ» [8]. Во-вторых, в сфере образования тесно взаимодействуют собственно юридические нормы и нормы морали, что необходимо учитывать не только в теории, но и на практике [16].

Исходя из этого, в первую очередь при определении юридической природы образовательного права необходимо определить круг отношений, которые регулируются этим правовым комплексом и составляют его предмет, что позволит отграничить его как от морали и образования в педагогическом смысле, так и от иных элементов системы права.

Необходимо отметить, что как в действующем Федеральном законе «Об образовании в РФ» и конкретизирующих его подзаконных нормативных правовых актах, так и в образовательном законодательстве предшествующего периода [3], не только отсутствует легальная дефиниция понятия «образовательное правоотношение», но и не раскрывается в полной мере содержание образовательных правоотношений. В тоже время закон дает легальную дефиницию отношений в сфере образования, как предельно широкой категории: «отношения в сфере образования – совокупность общественных отношений по реализации права граждан на образование, целью которых является освоение обучающимися содержания образовательных программ (образовательные отношения), и общественных отношений, которые связаны с образовательными отношениями и целью которых является создание условий для реализации прав граждан на образование» (п. 30 ст. 2 273-ФЗ). Нам представляется более корректным системное использование нескольких понятий, позволяющих более четко определить предмет образовательного права.

Прежде всего, речь идет о понятии «образовательные отношения», которое мы рассматриваем как системную категорию комплексного характера. Эта категория объединяет все отношения, которые возникают в образовательном процессе и урегулированы юридическими нормами. В состав данной категории входят два вида отношений: «образовательные правоотношения» и «правоотношения в сфере образования».

Образовательные правоотношения включают в себя отношения, связанные с реализацией права человека на образование. Образовательное правоотношение можно представить как урегулированное нормами образовательного права коммуникативное взаимодействие, возникающее между

обучающимся и (или) его законным представителем и педагогическим работником и (или) образовательной организацией в связи с овладением обучающимся знаниями, умениями навыками, компетенциями и другими нематериальными духовными благами, которые определены нормативными правовыми актами. Эти отношения имеют специфический характер, не свойственный традиционным отраслям частного и публичного права, хотя и пересекаются с их предметами.

Предметом регулирования образовательных правоотношений выступают наиболее важные общественные отношения, возникающие при реализации права человека на образование, целью которых является освоение обучающимися содержания образовательных программ [1]. Пределы правового регулирования образовательных правоотношений определяются принципиальными возможностями использования государством имеющихся в его распоряжении правовых средств и приемов, которые, в свою очередь, обусловлены объективной природой образовательных правоотношений, а также целью и задачами государства в данной сфере.

Понятие «правоотношения в сфере образования» охватывает правоотношения, связанные с созданием и соблюдением условий организации и деятельности субъектов образовательных отношений, которые урегулированы не только нормами образовательного права, но и нормами иных отраслей права. Прежде всего, речь идет об определении правового статуса педагогических работников, содержание которого регулируется как нормами образовательного права (ст. 46-49 273-ФЗ), так и нормами трудового права (ст. 331-336 ТК РФ [11]). При этом ряд статей Трудового кодекса РФ включают бланкетные нормы, прямо отсылающие к Федеральному закону «Об образовании в РФ». Помимо трудовых отношений к предмету образовательного права следует отнести и отношения иных отраслей права: гражданского, административного, финансового, налогового и т.д.

Вышеизложенное позволяет определить предмет образовательного права как интегративную категорию, включающую в себя как нормы, регулирующие образовательные правоотношения, так и нормы, регулирующие правоотношения в сфере образования, заимствованные из других отраслей права. Чтобы разграничить значение этих норм в правовом регулировании системы образования с некоторой долей условности образовательные отношения и нормы, их регулирующие, можно обозначить как первичные, а отношения и нормы, заимствованные из иных отраслей как производные.

Особенность предмета образовательного права заключается в том, что этот правовой комплекс, аккумулируя в себе правовые средства и механизмы различных отраслей права, конкретизирует их для достижения целей и задач, которые нормативно определены как для сферы образования в целом, так и по отношению к отдельным его формам и уровням. Последнее связано с подзаконным регулированием и выражается в поддержании единого правового пространства с помощью федеральных государственных образовательных стандартов, которые принимаются по уровням или направлениям образования.

В соответствии с Конституцией РФ (ст. 72) и Федеральным законом «Об образовании в РФ» (ст. 4) правовое регулирование образовательных отношений находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Исходя из этого, законодательство об образовании в узком смысле включает в себя Конституцию РФ, Федеральный закон «Об образовании в РФ», другие федеральные законы, иные нормативные правовые акты федерального уровня, законы, нормативные правовые акты субъектов РФ, содержащие нормы, регулирующие отношения в сфере образования (п. 1 ст. 4 273-ФЗ). В широком смысле к нему следует отнести также нормативные правовые акты международного, подзаконного и локального уровня, регулирующие образовательные отношения. Нормативные правовые акты, составляющие образовательное законодательство, по словам С.В. Барабановой, «отражают государственную политику в области образования, закрепляют основные задачи и принципы функционирования отрасли, структуру системы, совокупность специальных органов, осуществляющих функции управления в сфере образования, права и обязанности участников образовательного процесса, механизмы защиты их статуса и т. д.» [2, с. 6]. При этом Федеральный закон «Об образовании в РФ» строго определяет полномочия органов публичной власти различного уровня и образовательных организаций в сфере регулирования образовательных отношений (ст. 6-9, 28), закрепляя их иерархичность.

Однако систему источников образовательного права составляют не только нормативные правовые акты, которые указаны в Федеральном законе «Об образовании в РФ», но и целый ряд источников, иной видовой принадлежности. Это позволяет говорить о том, что образовательное право по своей правовой природе не сводится лишь к институту или отрасли законодательства. Наряду с нормативными правовыми актами, в систему источников образовательного права входят также документы стратегического планирования, носящие характер правовой доктрины, например,

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [7]; международные договоры с нормативным содержанием, ратифицированные РФ, например, Соглашение между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики, Правительством РФ и Правительством Республики Таджикистан от 24.11.1998 «О взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях» [9]; постановления высших судов, прежде всего, Конституционного Суда РФ, имеющие нормативный характер, например, Постановление Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 1 статьи 61 и части 5 статьи 67 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина И.И. Пикулина» [6]; нормативные письма органов государственной власти РФ и ее субъектов [4], содержащие указания образовательным организациям по отдельным вопросам их деятельности, например, Письмо Минобрнауки России от 06.02.2019 № МН-94/СК «Об установлении стоимости платных образовательных услуг» [5].

Во главе образовательного законодательства стоит Федеральный закон «Об образовании в РФ», носящий кодифицированный, системообразующий характер и определяющий не только специфику регулирования отдельных вопросов сферы образования, но и содержащий общие принципы и положения. Последним посвящена гл. 1 «Общие положения», выполняющая функции общей части кодифицированного акта, составленного в соответствии с пандектной традицией. Наряду с понятийным аппаратом, в эту главу включены нормы-принципы, закрепляющие исходные идеи и положения, являющиеся базисом образовательного права (ст. 3 273-ФЗ). При этом необходимо учитывать, что большая часть этих принципов носит специфический для сферы образования характер и может рассматриваться как отраслевые принципы права при рассмотрении образовательного права в качестве самостоятельной отрасли. Прежде всего речь идет о таких принципах как: «приоритетность образования», «гуманистический характер образования», «единство образовательного пространства», «сочетание государственного и договорного регулирования отношений в сфере образования» и др.

Последний из указанных принципов чрезвычайно важен при рассмотрении метода правового регулирования образовательного права. Система источников образовательного права содержит совокупность юридических средств, необходимых для регулирования образовательных отношений в России и составляющих его метод. Среди особенностей метода правового регулирования образовательных отношений можно отметить: сочетание императивного и императивно-диспозитивного методов регулирования образовательных отношений; сочетание нормативно-правового регулирования образовательных отношений на уровне государства с нормативно-правовым регулированием субъектов и органов местного самоуправления и локальным регулированием образовательными организациями; сочетание государственного контроля качества образования с автономностью образовательных организаций, свободой и плюрализмом в образовании; особенности применения юридической ответственности за противоправное посягательство на образовательные отношения [10].

Таким образом, образовательное право по своей юридической природе является комплексной отраслью права, регулирующей как образовательные правоотношения, так и правоотношения в сфере образования. Статус образовательного права как отрасли права подтверждается присущими ему признаками: наличие собственного предмета и метода правового регулирования как основных признаков отрасли права, а также наличие факультативных признаков: развитая система источников права, обеспечивающих регулирование всего комплекса образовательных отношений, а также набор специфических отраслевых принципов права.

Список цитируемой литературы:

1. Ашенова Т.М. Типология правоотношений в сфере образования // Сибирское юридическое обозрение. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 154-159.
2. Барабанова С.В. Актуальные вопросы правового обеспечения образовательной деятельности: теория и практика подзаконного регулирования // Ежегодник российского образовательного законодательства. – 2015. – Т. 10. – С. 4-24.
3. Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (ред. от 12.11.2012 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 150. (утратил силу).
4. Иванов Р.Л. «Нормативные» письма как форма официального толкования норм права // Вестник Омского университета. Сер. Право. – 2016. – № 3 (48). – С. 26-31.
5. Письмо Минобрнауки России от 06.02.2019 № МН-94/СК «Об установлении стоимости платных образовательных услуг» // Официальные документы в образовании. – 2019. – № 7. – Март.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 1 статьи 61 и части 5 статьи 67 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина И.И. Пикулина» // Собрание законодательства РФ. – 03.08.2020. – № 31 (Ч. 2). – Ст. 5253.

7. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. – 08.06.2015. – № 23. – Ст. 3357.

8. Скоробогатов А.В., Борисова Н.Р. Инновации в образовательном законодательстве как средство повышения эффективности правового регулирования отношений в сфере образования // Юридическая техника. Ежегодник. – 2021. – Т. 15: Юридические инновации (доктрина, практика, техника). – С. 555-559.

9. Соглашение между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики, Правительством РФ и Правительством Республики Таджикистан от 24.11.1998 (ред. от 26.02.2002) «О взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях» // Российская газета (Ведомственное приложение). – 1999. – 3 апр. – № 63.

10. Сырых В.М. Образовательное право как отрасль российского права. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. – 228 с.

11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.11.2021) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (Ч. 1). – Ст. 3.

12. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 05.07.2021. – № 27 (Ч. 2). – Ст. 5351.

13. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. – 31.12.2012. – № 53 (Ч. 1). – Ст. 7598.

14. Ягофаров Д.А. Правовое регулирование системы образования: учеб. пособие. – М.: МПГУ, 2004. – 301 с.

15. Oliva A., Teng S. Cognitive Society // Bainbridge W.S., Roco M.C. (eds.). Handbook of Science and Technology Convergence. – Cham: Springer International Publishing Switzerland, 2016. – P. 743-754.

16. Stader D.L. Law and Ethics in Educational Leadership. – 2nd ed. – Upper Saddle River: Pearson, 2013. – XII, 301 p.

Сведения об авторах:

Скоробогатов Андрей Валерьевич – профессор кафедры теории государства и права и лично-правовых дисциплин, доктор исторических наук, доцент, ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», av.skorobogatov@mail.ru

Скоробогатова Анна Ильдаровна – заведующий кафедрой педагогической психологии и педагогики, кандидат педагогических наук, доцент, ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», a.i.skorobogatova@mail.ru

Бешукова З.М.

ЛЕГАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ЭКСТРЕМИЗМА): В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

***Аннотация:** Статья посвящена анализу понятия экстремистской деятельности (экстремизма). Автор отмечает чрезмерную широту легального определения экстремистской деятельности, анализирует изменения, внесённые в него, и определяет ряд деяний, входящих в его объём, и подлежащих, по его мнению, исключению.*

***Ключевые слова:** экстремизм, экстремистская деятельность, преступления экстремистской направленности, возбуждение ненависти, противодействие экстремизму.*

Противодействие экстремистской деятельности является одной из наиболее важных стратегических задач, стоящих как перед Российской Федерацией, так и перед всем мировым сообществом в целом [1, с. 4]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвер-

ждённой Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, отмечается, что «усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека» [2]. В данном документе к числу угроз государственной и общественной безопасности среди прочего отнесены экстремистские проявления, поскольку они оказывают дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку.

В начале 2020 г. Российская Федерация столкнулась с проблемой глобального масштаба – угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). В связи с этим возникла острая необходимость правового регулирования в сфере противодействия распространению заболеваний, вызванных новым коронавирусом, а также в выработке экстренных мер, направленных на обеспечение устойчивости экономики страны, сохранение занятости и поддержание доходов граждан. В мае 2020 г. указом Президента РФ утверждается новая редакция Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [3], в которой отмечается увеличение степени опасности экстремистской деятельности. Она признаётся одним из *основных* источников угроз национальной безопасности Российской Федерации. Утверждение в столь сложный период новой редакции названного документа свидетельствует о пристальном внимании, которое уделяется в Российской Федерации вопросам реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму, одной из главных задач которой является совершенствование законодательства и правоприменительной практики, а первым среди основных направлений – обеспечение эффективного применения норм законодательства.

Основным нормативным правовым актом, определяющим правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, является Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Федеральный закон № 114-ФЗ). Его принятие сопровождалось активными политическими дебатами, а также протестом со стороны общественности. Однако, несмотря на это, 27 июня 2002 г. закон был принят Государственной Думой, и впервые в российской истории понятие «экстремизм» получило легальную дефиницию. В соответствии со ст. 1 данного документа понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» являются синонимами. Стоит отметить, что легальное определение понятия «экстремизм» подверглось серьёзной критике со стороны большинства исследователей. Через 4 года список деяний, определяемых как экстремизм, был расширен, а ещё через год существенно изменён.

Во-первых, из него были исключены такие деяния как:

- «- подрыв безопасности Российской Федерации;
- захват или присвоение властных полномочий;
- создание незаконных вооружённых формирований;
- унижение национального достоинства;
- осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- применение насилия в отношении представителя государственной власти либо на угрозу применения насилия в отношении представителя государственной власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей;
- посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность;
- создание и (или) распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из признаков, предусмотренных настоящей статьёй» [4].

Во-вторых, список был дополнен новыми деяниями, и до относительно недавнего времени экстремистской деятельностью (экстремизмом) признавалось:

- «- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 УК РФ;

- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;

- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг» [5].

Однако, несмотря на внесённые изменения, в юридической науке вновь были высказаны критические замечания относительно содержания понятия экстремистской деятельности (экстремизма). Отметим, что на страницах юридической печати и по сей день, т.е. спустя 20 лет со дня принятия Федерального закона № 114-ФЗ, этот вопрос не теряет актуальности, в том числе и в контексте включения рассматриваемого понятия в уголовный закон. Однако верной представляется позиция И.М. Мацкевича, что «введение в закон, по сути, научного определения явно чрезмерно и может пагубно отразиться на законодательной практике» [6, с. 3-5]. Следует согласиться с мнением, что являются «необоснованными предложения сформулировать в УК РФ общее определение экстремизма, поскольку это не только невозможно, но и не нужно. Термин «экстремизм» обозначает негативное социально-правовое явление, лишь некоторые проявления которого выражаются в экстремистской криминальной деятельности и попадают в сферу действия уголовного закона. Поэтому в задачу законодателя входит формулирование определений не экстремизма, а тех конкретных форм экстремистской деятельности, которые требуют уголовно-правового реагирования» [7, с. 10].

В декабре 2019 г. в п. 1 ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ вновь были внесены изменения, а именно деяние, предусмотренное подпунктом 9, изложено в следующей редакции: «использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии» [8].

В июле 2020 г. в связи с вступлением в силу новой ч. 2.1 ст. 67 Конституции РФ в формулировку деяния, предусмотренного пп. 1 п. 1 ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ были внесены изменения, носящие уточняющий характер. В соответствии с изменённой редакцией пп. 1 п. 1 ст. 1 экстремистской деятельностью (экстремизмом) признаётся: «насильственное изменение основ

конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами» [9].

Отметим, что большинство из перечисленных выше деяний, входящих в объём понятия «экстремизм», вошло в различных редакциях в УК РФ. Однако представляется, что отдельные из них не являются проявлениями экстремизма и более того не отражают его сути как явления. Так, достаточно неопределённые в правовом отношении формулировки понятия «экстремистская деятельность», «экстремизм» дают основание, по мнению О.Е. Кутафина, «совершенно справедливо утверждать, что к экстремизму имеет отношение и "публичное оправдание экстремистских действий", полностью противоречащее гарантированной Конституцией РФ свободе мнений и свободе слова, а также провозглашенному Конституцией РФ идеологическому и политическому многообразию» [10, с. 273].

И.Я. Дяченко также указывает на то, что «содержащаяся в Законе № 114-ФЗ излишне широкая трактовка понятия экстремизма, включающая деяния, не обладающие экстремистским характером – публичная клевета в отношении лица, замещающего государственную должность субъекта РФ, при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, соединенная с обвинением указанного лица в совершении экстремистских деяний и др. приводит к тому, что в разряд экстремистских относятся политические практики, обеспечивающие разнообразие политических взглядов» [11, с. 13].

А.А. Кондрашев отмечает, что «отдельные деяния вообще не имеют криминализации в УК РФ или не признаны административными правонарушениями по КоАП РФ, но при этом определены как экстремистские» [12, с. 99]. В обоснование своей позиции он в пример приводит деяние, указанное в пп. 11 п. 1 ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ. Согласно данному подпункту экстремизмом признаётся «публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением» [5].

Да, действительно, в УК РФ не содержится статья, регламентирующая ответственность за обозначенное деяние, диспозиция которой была бы сформулирована идентичным пп. 11 п. 1 ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ образом. Однако следует признать, что публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ, и являющихся преступлением – деяние, содержащее *частично* элементы диспозиции статей 128.1 и 298.1 УК РФ.

Следует согласиться с С.А. Юдичевой в том, что «представляется некорректным наделение клеветы в отношении лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, чертами экстремистской деятельности. Это может привести к грубейшим нарушениям конституционного права публично выразить своё мнение в отношении представителей власти» [13, с. 31].

В контексте данного вопроса необходимо отметить, что в Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров Совета Европы на уровне постоянных представителей, отмечено, что «государство, правительство или любые другие институты исполнительной, законодательной или судебной власти могут подвергаться критике в СМИ. В связи с их господствующим положением, эти институты не должны быть защищены посредством уголовного законодательства от клеветнических и оскорбительных утверждений. Причём, в тех случаях, когда данные институты пользуются такой защитой, она должна применяться в ограниченной степени, чтобы ни коим образом не ущемлять свободу критики» [14]. В связи с этим представляется целесообразным исключить названный выше признак из перечня деяний, указанных в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ.

Полагаем, что исключению подлежат и такие деяния, являющиеся составляющими легального определения экстремистской деятельности, как воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием

либо угрозой его применения. Формулируя данные деяния как проявления экстремистской деятельности, законодатель не сделал указания ни на цель их совершения, ни на мотив. В «чистом» же виде совершение названных деяний экстремизмом не является. Представляется, что таковыми они становятся лишь в случае их совершения по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Список цитируемой литературы:

1. Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации : дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2020. – 632 с.
2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (Ч. II). – Ст. 5351.
3. Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.
4. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 31. Ст. 4008.
5. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.
6. Мацкевич И.М. О предложениях, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства об экстремизме // Юридическое образование и наука. – 2014. – № 2. – С. 3–5 .
7. Саркисов Д.Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., – 28 с.
8. Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона "Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" и статью 1 Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 49. Ст. 6980.
9. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 299-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности"» // Российская газета. 2020. – 7 августа.
10. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. – М.: Норма, 2008. – 544 с.
11. Дяченко И.А. Особенности проявлений политического экстремизма участниками молодежных объединений в современной России. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ростов н/Д, 2008. – 26 с.
12. Кондрашев А.А. Правовые аспекты регулирования экстремизма: противоречия и проблемы законодательной регламентации и недостатки научного осмысления этого правового института // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2015. – № 1 (39). – С. 96–100.
13. Юдичева С.А. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества и участие в нём: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 219 с.
14. Декларация о свободе политической дискуссии в СМИ [Электронный ресурс] : принята Комитетом Министров Совета Европы 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров на уровне постоянных представителей). URL: <http://base.garant.ru/2563417/> (дата обращения: 14.01.2022).

Сведения об авторе:

Бешукова Зарема Муратовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»; Zarema_b2008@mail.ru.

Назаренко Г.В., Ситникова А.И.
**КАЧЕСТВО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЕГО ПОВЫШЕНИЯ**

***Аннотация:** статья посвящена проблеме качества уголовного закона, а также поиску средств и приёмов повышения качества действующего УК РФ. В качестве методологической основы исследования использованы теоретические положения законодательной текстологии и апробированные уголовном праве инструментальные методы. Результаты исследования показывают, что законодательная текстология даёт возможность: 1) корректно оценить качество уголовного закона, 2) повысить качество его категориально-понятийного аппарата, заголовков глав и статей, уголовно-правовых предписаний и примечаний. Вывод: законодательная текстология содержит реальные средства повышения качества уголовного закона.*

***Ключевые слова:** качество уголовного закона, критерии качества законодательного текста, инструменты повышения качества законодательного текста.*

За период действия Уголовного кодекса Российской Федерации в него внесено более 3000 изменений, дополнений и поправок, которые изменили его структуру, содержание уголовно-правовых норм, в том числе ряда гипотез, диспозиций и санкций, увеличили количество статей и примечаний, а также исключили из Кодекса ряд статей, предписаний и примечаний. В результате поспешности законодателя, принявшего 226 Федеральных законов (на 1.03.21), содержащих указанные изменения, качество действующего УК РФ, по общему мнению криминалистов, стало заметно ниже, чем в первоначальной редакции 1996 г. [2, с.38-49]. За счёт перманентной модернизации действующего законодательства пострадала системность УК РФ, из него исключены такие эффективные средства противодействия преступности, как конфискация имущества, особо опасный рецидив и неоднократность, внесены казуальные нормы (159¹-159⁶ УК и др.), «размыты» уголовно-правовые санкции, частично деформирован понятийный аппарат (наряду с термином «наказание» необоснованно внесён термин «уголовное наказание» и др.) и т.д.

Необходимость повышения качества уголовного закона является насущной задачей, так как в дальнейшем предстоит не только разработка очередных Федеральных законов, принятие которых включено в план работы Госдумы РФ, но и нового УК РФ, о перспективе создания которого идёт речь на каждой уголовно-правовой конференции высокого уровня. Соответственно, возникает вопрос, каким критериям должно отвечать качество уголовного законодательства? Общая теория права даёт предельно общий ответ: предписания закона должны быть точными, ясными, краткими и в «меру сложными» [5, с.135]. При этом установлено, что оптимизация такого параметра качества, как точность, ведёт к усложнению законодательного текста и пессимизации других параметров. Соответственно, повышение ясности и краткости предписаний снижает их точность [1, с.60]. В законодательной практике ряд ориентиров качества не играют большого значения, поскольку преимущество отдаётся точности законодательного текста, а не его лапидарности, простоте и ясности, так как правоприменителем норм Уголовного Кодекса РФ являются юристы-профессионалы, которые в случае необходимости дают надлежащие разъяснения заинтересованным лицам и тем самым проясняют содержание уголовно-правовых норм.

Кроме того, указанные критерии (параметры, ориентиры) качества уголовного закона, которыми оперируют специалисты по законодательной технике, имеют не только общий, но и оценочный характер. Это означает, что оценка качества уголовного закона во многом зависит от компетентности его адресатов. Такими адресатами являются потенциальные нарушители норм УК РФ, юристы, специализирующиеся по уголовным делам, рядовые участники уголовного процесса, а также эксперты и переводчики. В качестве инициативных реципиентов выступают учёные-криминалисты.

Казалось бы, наиболее адекватную оценку качества Уголовного кодекса РФ способны дать юристы-практики и учёные-криминалисты, которые по определению обладают достаточным уровнем профессиональной компетентности. Но, в действительности, многое обстоит иначе: юристы, применяющие нормы уголовного закона, допускают множество ошибок, а учёные-криминалисты нередко дают неверные рекомендации, так как имеют дело с конкурирующими уголовно-правовыми концепциями и в ряде случаев тенденциозно оценивают качество действующего уголовного законодательства. Указанные проблемные ситуации во многом обусловлены ограниченными возможностями технико-юридического подхода к существующему уголовно-правовому дискурсу и наличием ещё более ограниченного ресурса традиционных видов толкования уголовно-правовых норм.

Доктрина уголовного права, со всей очевидностью, нуждается в использовании наработок законодательной текстологии, достижения которой в сфере уголовного права до сих пор в недостаточной мере освоены и редко применяются, как законодотворцами, так и лицами, интерпретирующими уголовно-правовые нормы. Именно законодательная текстология даёт возможность корректно оценить состояние качества конструктивных элементов и уголовно-правовых предписаний Общей и Особенной частей УК РФ, а затем приступить на проектном уровне к повышению качества уголовного закона в соответствии с законодательно-текстологическими рекомендациями. В отличие от законодательной техники, которая оперирует предельно общими критериями качества, законодательная текстология содержит конкретный инструментарий, пригодный для конструирования качественных заголовков разделов, глав и статей УК РФ, формирования надлежащего композиционно-графического облика статей, повышения качества институтов и образующих их уголовно-правовых предписаний Общей части, а также уголовно-правовых норм Особенной части и различных видов примечаний к статьям Кодекса. Наряду с этим законодательная текстология позволяет более качественно интерпретировать и точно оценивать качество текстов заголовков, уголовно-правовых предписаний и примечаний [3, с.186-196].

Исследование заголовков УК РФ, показывает, что законодатель не придаёт особого значения качеству заголовков. В результате заголовочный комплекс уголовного закона за последние три десятилетия значительно снизил своё качество. В Кодексе появились неряшливые заголовки не только статей, но и глав (гл. VI. Иные меры уголовно-правового характера). Ряд заголовков не соответствует содержанию статей (ст.114, 134, 297 УК), содержит метафоры (174, 174¹ УК), а заголовки новых статей нередко дублируют текст диспозиций (ст. 114, 128, 134, 229 УК и др.). При этом заголовки-диспозиции настолько многословны, что утратили воспроизводимость. Качество таких заголовков равно нулю, так как они не выполняют номинативную функцию и не способны надлежащим образом позиционировать обозначаемые ими статьи. Указанные погрешности свидетельствуют о том, что заголовочный комплекс уголовного закона настолько исчерпан, что законодатель вынужден использовать псевдозаголовки, которые не обладают воспроизводимостью и нарушают принцип экономии законодательного материала. Наглядным примером в этом отношении служит диспозитивный заголовок ст. 226¹ УК РФ, который включает в себя 73 (!) слова.

Важная роль качественных заголовков явно недооценивается в уголовном праве: будь это иначе, исследование этой «витрины» уголовного законодательства сопровождалось бы созданием не только классификаций и правил конструирования заголовков, но и формированием банка резервных заглавий. Ради справедливости следует отметить, что в законодательной текстологии рассматриваются заголовочные модели разделов, глав и статей УК РФ, такие как краткие (однословные) заголовки, заголовки-словосочетания, удвоенные либо множественные заголовки, а также бланкетизированные, перечневые и комбинированные образования. В этой связи в литературе справедливо отмечается, что однословные и двухсловные заголовки, которые образуют половину заголовочного массива, представляют собой золотой фонд уголовного закона, поскольку критерием их высокого качества является абсолютная воспроизводимость [4, с.218]. Невысокую воспроизводимость имеют перечневые и комбинированные заголовки, так как вербальный объём включённых в них перечней превышает возможности человеческой памяти. В целях повышения их качества следует использовать приём генерализации. Заголовки-диспозиции, воспроизводимость которых близка к нулю, в целях повышения их качества подлежат переформулировке, дающей возможность свернуть любой заголовок без потери номинативной функции.

Значительное внимание законодательная текстология уделяет качеству композиционно-графического оформления статей, так как композиция статьи и ее графический облик имеют функционально-смысловую нагрузку, которая оказывает существенное влияние на восприятие правоприменителя. Основным приёмом композиционного формирования статей уголовного закона является абзацно-литерное членение законодательного текста. Указанное членение выделяет наиболее значимые в уголовно-правовом отношении сегменты текста и тем самым актуализирует их в соответствии с логико-смысловой заданностью уголовно-правовой нормы, которая содержит квалифицирующие признаки преступления. В тех случаях, когда законодатель игнорирует принцип абзацно-литерного членения (например, в пунктах «в», «ж», «з» ст.105 УК), квалификационная запись не даёт точных сведений, о том какое преступление совершено: убийство, сопряженное с изнасилованием, или убийство с целью скрыть другое преступление (содеянное и в том и в другом случае подпадает под недифференцированные признаки п. «к» ст. 105 УК). Это означает, что соблюдение принципа абзацно-литерного членения статей повышает не только качество их восприятия, но и качество их применения.

Законодательно-текстологическое исследование статей УК РФ показывает, что они в текстуальном отношении значительно отличаются друг от друга. Часть статей включают в себя одно

предписание, большинство статей состоят из двух предписаний. Три и четыре предписания включают в себя равное количество статей в пределах трех десятков, соответственно. Десять статей состоят из пяти-шести предписаний. В тех случаях, когда законодатель отступает от принципа соответствия нормативного текста оптимальным моделям, в УК РФ появляются некачественные нормативные образования, для которых характерно объединение в одной статье, части или пункте двух и более предписаний. Эти недостаточно проработанные статьи затрудняют не только восприятие уголовно-правовых предписаний, но и применение их на практике. В целях повышения качества нормативных текстов следует реорганизовать их в структурном отношении в соответствии с принципом дифференциации предписаний, имеющих разное уголовно-правовое значение. Кроме того, следует отказаться от бесполезной абзацно-литерной сегментации предписаний, в которых сформулированы основные составы преступлений и, напротив, неукоснительно проводить такую сегментацию при описании квалифицированных составов.

При оценке качества уголовно-правовых институтов следует исходить из того, что нормативные тексты имеют два уровня: поверхностный (или конструктивный) и глубинный (или концептуальный). Эти уровни связаны между собой, поскольку концептуальная основа является определяющей при конструировании правовых институтов, а конструктивные элементы, их набор и последовательность, определяют возможности концептуальной интерпретации законодательного текста. Анализ конструктивного уровня показывает наличие в нём уголовно-правовых терминов-концептов, которые в совокупности представляют собой понятийный аппарат правовых институтов. В институте соучастия законодательными концептами являются такие понятия, как «соучастие в преступлении», «исполнитель», «организатор», «подстрекатель», «пособник», «соисполнитель», «группа лиц», «организованная группа», «группа лиц по предварительному сговору», «преступное сообщество (преступная организация)», «эксцесс исполнителя» и так далее. Большинство законодательных концептов имеют легальные дефиниции, которые в совокупности с базовыми предписаниями, характеризующими ответственность соучастников, образуют концептуальную основу института. Законодательно-текстологическое исследование двухуровневой системы института соучастия свидетельствует о наличии определённых недостатков: обращает на себя внимание непоследовательность законодателя в формулировках концептов. В одних случаях используемые концепты, указывают на преступный характер групповых форм соучастия, в других - такое указание отсутствует. В дефиниции соучастия (ст. 32 УК) отсутствует упоминание о наличии признаков субъекта преступления у соучастников. В ст. 34 УК РФ не сформулирована дефиниция групповых форм соучастия в преступлении. Более того, институт соучастия базируется на двойственной концепции комбинированной ответственности соучастников. В этой связи в литературе отмечается, что «институт соучастия аккумулирует в себе достоинства и недостатки концептуальных положений...» [4, с.167]. Поскольку законодатель не является создателем уголовно-правовых концептов и концепций, а лишь использует имеющиеся доктринальные наработки, задача повышения качества уголовного законодательства является целью научных исследований в сфере уголовного права и криминологии.

Список цитируемой литературы:

1. Завьялов Н.П. Учебник элементарной логики и стилистики /Н.П. Завьялов. М.: Тип. А. Горлецкого и М. Терехова, 1875. – 73 с.
2. Проблемы юридической техники // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III МНПК в МГУ им. М.В. Ломоносова, 29-30 мая 2004 г. М.: Проспект, 2004. С.38-49.
3. Ситникова А.И. Законодательная текстология и её применение в уголовном праве: монография / А.И. Ситникова. М.: Юрлитинформ, 2010. – 232 с.
4. Ситникова А.И. Уголовно-правовая текстология: монография /А.И. Ситникова. М.: Проспект, 2016. – 304 с.
5. Язык закона /под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юрид. лит., 1990. -192с.

Сведения об авторах:

Назаренко Геннадий Васильевич - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», nazarenkogen@gmail.com, 89103045655, 302 031 г. Орёл, ул. Серпуховская, дом 51

Ситникова Александра Ивановна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», orgcrimpravo@yandex.ru, 89192024619, 302 031 г. Орёл, ул. Серпуховская, дом 51.

Кокоулин В.Г.
СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ И СТАЛИНСКИЙ РЕЖИМ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

***Аннотация.** В статье анализируется трансформация исторической памяти о Конституции 1936 г. и сталинском режиме в постсоветской России. Актуальность данного исследования определяют продолжающиеся «войны памяти» вокруг фигуры И.В. Сталина и мифологизация его образа. Анализируются учебники истории, изданные в разные периоды – советский, позднесоветский и постсоветский. Сравняется содержание и контекст информации о Конституции 1936 г. и сталинском режиме в 1930-е гг. Автор приходит к выводу, что трансформация исторической памяти определяется фундаментальными мифами, которые лежат в её основе и политической ситуацией в стране.*

***Ключевые слова:** Конституция СССР, сталинский режим, историческая память, массовое историческое сознание, постсоветская Россия, учебник истории.*

Продолжающиеся дискуссии о роли И.В. Сталина в истории страны, а также его значимость для массового исторического сознания и неухающие «битвы памяти» вокруг его имени свидетельствуют о значимости этой фигуры для политики исторической памяти [11]. Однако трансформация оценки сталинского режима и Конституции 1936 г. в политике исторической памяти в постсоветской России пока не стала предметом научного изучения. Причиной является то, что основные дискуссии сосредоточились на двух темах – сталинских репрессий и роли Сталина в Великой Отечественной войне. В данной статье предпринимается попытка ликвидировать этот историографический пробел. Источниками по изучению трансформации политики исторической памяти о сталинской Конституции и сталинского режима являются в основном учебники истории, поскольку эта тема не попала на киноэкраны, отсутствует в публичном и символическом пространствах, в музейных экспозициях и политической риторике (за небольшим исключением, которое будет проанализировано ниже).

В сталинский период характеристика Конституции СССР задавалась «Кратким курсом». Она сравнивалась с Конституцией СССР 1924 г. и отмечалось, что «трудящиеся СССР – рабочие, крестьяне, интеллигенция – глубоко изменились за годы социалистического строительства». Конституция получила эпитеты «Конституция победы социализма и рабоче-крестьянской демократии». Советский строй характеризовался как «полоса завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу, где руководящим началом общественной жизни должен быть коммунистический принцип «От каждого – по его способностям, каждому – по его потребностям» [6, с. 328–331].

В учебнике под редакцией А.М. Панкратовой, вышедшем в 1952 г., появляются эпитеты «Великая Сталинская Конституция», «Конституция победившего социализма». Характер власти характеризуется следующим образом: «Государственная власть и государственное управление в СССР построены на началах подлинного демократизма и широкого вовлечения трудящихся в управление Советским государством» и далее разъясняется: «Советская система – самая демократическая в мире, так как она обеспечивает интересы подавляющего большинства, в то время как всякая буржуазная демократия – это демократия для господствующего меньшинства». И затем делается следующий вывод: «Сталинская Конституция показывает, что наш государственный строй – образец самой последовательной социалистической демократии» [9, с. 342].

В числе прав, которые гарантировала Сталинская Конституция, авторы учебника также упоминают те права, которые в тогдашнем СССР выглядели весьма специфически. Прочитаем соответствующий отрывок: «В интересах трудящихся и в целях укрепления социалистического строя Конституция гарантирует гражданам СССР свободу слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций. Конституция обеспечивает право объединения граждан в общественные организации (в профессиональные союзы, комсомол, кооперативы и т.д., а для наиболее активных и сознательных граждан – в коммунистическую партию» [9, с. 343].

Разумеется, что эта риторика если и противоречила реальной картине сталинского периода, но в публичное пространство это противоречие не выносилось.

Данные оценки Конституции после смерти Сталина остались прежними, разве что Конституция перестала именоваться «сталинской». Так, в учебнике истории, изданном в 1972 г., читаем: «Принятая в 1924 г. Конституция СССР соответствовала экономике и политике переходной эпохи

от капитализма к социализму. С тех пор в нашей стране произошли коренные изменения. Был построен экономический фундамент социализма и преодолена многоукладность экономики, ликвидированы все эксплуататорские классы, а крестьянство превратилось в социалистический класс колхозного крестьянства. Расцвели социалистические нации. Всё это означало, что в СССР *окончилась переходная эпоха от капитализма к социализму, в основном построен социализм* (выделено в тексте. – В.К.)» [1, с. 226, 227].

«Новая Конституция законодательно закрепила победу социализма (выделено в тексте. – В.К.) и его основные принципы», «Она знаменовала вступление Советского государства в новую фазу развития: *началось перерастание государства диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство* (выделено в тексте. – В.К.)» [1, с. 227, 229].

«Конституция победившего социализма» – так она характеризуется в учебнике истории, выпущенном в 1982 г. [2, с. 372]. В это время была принята очередная Конституция СССР, поэтому в учебнике после повторения всех оценок предыдущих учебников отмечается: «С построением развитого социалистического общества наше государство стало общенародным. Этот факт получил отражение в Конституции СССР 1977 г.» [2, с. 375].

В годы Перестройки произошло переформатирование фундаментального мифа, который лежал в основе советской политики исторической памяти (пропаганды): «процветающий советский народ» превратился в «страдающий советский народ», а источником страданий был объявлен И.В. Сталин и сталинский режим.

Если в советский период 1920-е гг. объявлялись «переходным периодом от капитализма к социализму», а Конституция 1936 г. объявлялась «подлинно демократической». В годы Перестройки «демократическим» периодом в истории СССР стали годы новой экономической политики. Так, в учебнике истории, изданном в 1989 г., имеется параграф с характерным названием: «Политическое развитие страны. Последствия свёртывания демократии». Авторы разъясняют: «Рождённая социалистической революцией советская демократия создала для трудящихся широкую возможность строительства нового общественного строя, выражающего их интересы. Активность масс приобрела невиданный размах и вместе с тем высокую организованность. Регулярно происходили съезды Советов, партии, профсоюзов, многочисленных самостоятельных организаций. Вера в социализм, в Советскую власть вызывала колоссальный рост инициативы снизу» [10, с. 327].

А далее произошло «возвращение к административно-командным методам управления» и подмена демократического централизма бюрократическим [10, с. 327]. Следом авторы рассказывают о «нарушении законности и человеческих прав» в виде массовых репрессий. А отсюда вытекал основной вывод авторов, что Конституция 1936 г. отражала «противоречие между словом и делом» в советской действительности. Авторы разъясняют: «Конституция стала шагом вперёд в разработке форм советской демократии <...> отразила объективную тенденцию развития советского общества и демократизации, вытекающую из сущности социалистического строя. Тем самым она противоречила практике сталинщины и публично делала её противозаконной. Конституция и жизнь резко и сразу разошлись. Это было очевидно для всех, кто умел думать» [10, с. 332].

Затем следует «парад примеров» – перечисление репрессий и «сопротивление сталинщине». Вывод, который делают авторы, следующий: «Декларированные Конституцией 1936 г. права советских людей не были реально обеспечены. Правовое социалистическое государство так и не было построено в СССР. С этим связана колоссальная и бесконтрольная репрессивная сила, вызванная культом личности Сталина» [10, с. 336].

В 1990-е гг. виновником «страданий советского народа» помимо И.В. Сталина и сталинского режима были объявлены Советская власть и коммунистическая партия. Это потребовало кардинального переформатирования всей советской истории.

В качестве концептуальной основы была взята концепция «тоталитаризма», из которой было полностью выброшено её научное содержание (то есть признание того, что при внешнем сходстве двух режимов – сталинского и гитлеровского, между ними есть кардинальные различия). Сталинский режим был объявлен таким же «тоталитарным», как и гитлеровский.

Ярким образцом данной тенденции можно считать учебник истории, вышедший в 1995 г. в Новосибирском государственном университете [7]. Описав «злодеяния» сталинского режима, авторы учебника сообщают: «В этой тягостной атмосфере насилия народу была представлена новая конституция, получившая наименование “сталинской”. Работа над ней велась с февраля 1935 г. После утверждения ЦК ВКП(б), проект сталинской конституции был опубликован для якобы всенародного обсуждения. В конце ноября 1936 г. был собран последний (при Сталине) съезд Советов, который заслушав доклад вождя, 5 декабря единогласно утвердил текст Конституции. Советский

Союз был провозглашён социалистическим государством рабочих и крестьян. Его политическую основу составляли Советы, экономическую – общественная. Конституция говорила о широкие демократических правах граждан – свободе печати, слова, собраний, демонстраций и т.п. Излишне много говорить о том, что в условиях всевластия бюрократии, эскалации массового террора все эти “демократические” положения Конституции носили фальшивый, чисто пропагандистский характер» [7].

Но вскоре оценки советского прошлого стали смягчаться. Не в последнюю очередь потому, что стремительная экономическая деградация, социальная нестабильность, рост преступности и прочие явления, характерные для 1990-х гг., стали основой для роста ностальгии по советскому прошлому, которая проявилась уже в 2000-е гг.

Так, в учебнике истории, вышедшем в 1998 г., сталинский режим характеризуется как «развивающаяся диктатура»: признаётся, что были достигнуты значительные успехи в развитии страны, но все они делались в условиях чудовищного насилия со стороны власти. Характерно, что описанию репрессий в этом учебнике посвящено почти 40 страниц текста из 608. Что касается оценки Конституции 1936 г., то авторы ограничиваются следующей формулой: «В условиях фактического безвластия официальной власти – Советов, свёртывания демократии в органах реальной власти (партии, НКВД) принятая 5 декабря 1936 г. демократическая по содержанию новая Конституция СССР слабо соответствовала реальной общественно-политической ситуации в стране» [8, с. 392].

В 2000-е гг. помимо упомянутого выше нарастания ностальгии по идеализированному советскому прошлому в массовом сознании действовала ещё одна тенденция – в официальной риторике стали востребованы концепты «государственности» и «патриотизма». Откат от неприязненных и резко отрицательных оценок сталинского периода стал намечаться уже в самом начале 2000-х гг. Так, в учебнике истории, вышедшем в 2001 г., вполне нейтрально без эмоциональных оценок и словесной экспрессии сообщается, что «преобразование экономики и усиление централизации в системе управления привели к формированию новой модели общества, к почти полному “огосударствлению” народного хозяйства» [12, с. 372]. Оценка Конституции даётся также вполне нейтрально: «Она зафиксировала характерные черты сформировавшейся в стране административно-командной системы. Однако в тот период (и в последующие годы существования Советского государства) считалось, что Конституция законодательно закрепляла построение в СССР социалистического общества» [12, с. 372]. Далее авторы достаточно подробно для учебника такого формата рассказывают о содержании Конституции, отмечая попутно следующее: «Социальная основа государства декларировалась как союз рабочих и крестьян при сохранении диктатуры пролетариата (на практике это выражалось в диктатуре ВКП(б), её аппарата)» [12, с. 373]. Таким образом, сталинский режим сводится к диктатуре партийного аппарата, но не лично Сталина, и не репрессивного аппарата, напоминая в итоге брежневский период истории страны.

Эта оценка присутствует и в учебнике истории, вышедшем в 2004 г., в котором прямо заявляется: «Государственную власть в СССР фактически осуществляла коммунистическая партия» [3, с. 182]. И далее разъясняется: «Партийные органы ведали назначением и смещением должностных лиц в стране, выдвигали кандидатов в депутаты Советов, только члены ВКП(б) занимали все ответственные посты, стояли во главе армии, правоохранительных и судебных органов, руководили народным хозяйством <...> Политбюро определяло внешнюю и внутреннюю политику Советского государства, решало вопросы планирования и организации производства <...> К концу 1930-х гг. ВКП(б) окончательно утратила остатки былого демократизма. Рядовые члены партии и даже большинство членов ЦК были отрешены от выработки партийной политики, которая стала уделом Политбюро и партийного аппарата» [3, с. 182, 183].

Что касается Конституции, то, как разъясняют авторы учебника, она «служила своего рода ширмой, прикрывавшей репрессивный режим демократическими и социалистическими одеждами», а большинство её норм оказались «пустой декларацией», «социализм “по-сталински” имел весьма формальное сходство с марксистским пониманием социализма», поскольку целью сталинского социализма «являлось не создание экономических, политических и культурных предпосылок для свободного развития каждого члена общества, а наращивание мощи государства» [3, с. 188].

О пропагандистском характере Конституции также писали в учебниках истории. Так, в учебнике 2012 г., разъясняется: «Сталинское руководство сознавало, что репрессии создают неблагоприятное впечатление об СССР за рубежом, вызывают тревогу в стране. С учётом этого 5 декабря 1936 г. была принята новая, формально намного более демократичная, чем прежняя, Конституция СССР» [4, с. 167].

Но при этом также признаётся, что «реальным источником власти в СССР оставалась ВКП(б)», и «решающую роль в ней играло высшее руководство партии в лице И.В. Сталина, мнение которого было непререкаемым и основополагающим» [4, с. 168].

В настоящее время положительно оценивает сталинскую Конституцию только лидер КПРФ Г.А. Зюганов. 6 июля 2020 г., комментируя заявление президента РФ В.В. Путина о том, что поправки в Конституцию «укрепляют российскую государственность», он упомянул о том, что в ленинской, сталинской и брежневской Конституциях «были заложены формы государственности: диктатура пролетариата и всенародное государство». Далее он подчеркнул, что Конституции жизнеспособны, если «они отражают интересы народа, его чаяния и укрепляют государственность» [5].

А на своей страничке в Твиттере 5 декабря 2020 г. он написал: «5 декабря 1936 г. в СССР была принята Сталинская Конституция. Таких прав и свобод, которые были обеспечены советским гражданам, не имел ни один другой народ на планете. Когда КПРФ придёт к власти, мы вернём людям всё то, что гарантировало им Советское государство» [13].

Таким образом, Конституция 1936 г. и сталинский режим в исторической памяти постсоветской России претерпели определённые изменения: они перестали быть свидетельством успехов в строительстве социализма в СССР, а стали трактоваться как «лицемерное прикрытие» или «пропагандистский ход» режима, который имел мало общего с реальным социализмом. Лишь в устах руководителя коммунистической партии Конституция 1936 г. остаётся показателем реальных благ, которые советские люди имели в СССР и потеряли в постсоветской России.

Список цитируемой литературы:

1. Берхин И.Б. История СССР: Учебное пособие для 9 класса. М., 1972. 240 с.
2. Берхин И.Б., Федосов И.А. История СССР: Учебник для 9 класса / Под ред. академика АН СССР М.П.Кима. М.: Просвещение, 1982. 384 с.
3. Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю. История России, XX – начало XXI в.: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 2006. 381 с.
4. Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История России. XX – начало XXI века: учебник для 11 классов общеобразовательных учреждений. М.: Русское слово, 2012. 400 с.
5. Зюганов ответил на слова Путина о Конституции СССР. 2020. 6 июля // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f0291c99a79474444e67372> (дата обращения 27.11.2021 г.)
6. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Госполитиздат, 1953.
7. История России с 1917 года до наших дней: Учеб. книга / В.А. Исупов, И.С. Кузнецов. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996. 185 с.
8. История России. XX век / А.Н. Боханов, М.М. Горинов, В.П. Дмитренко и др. М., 1998. 608 с.
9. История СССР: учебник для 10 класса средней школы / под ред. А.М. Панкратовой. М., 1952. 424 с.
10. История СССР: учебник для 10 класса средней школы / под ред. Ю.И. Кораблёва. М.: Просвещение, 1989. 351 с.
11. Кокоулин В.Г. И.В.Сталин в массовом сознании в постсоветской России // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 4 (17). С. 86–95.
12. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России с древнейших времён до наших дней: Учебник. М., 2001. 520 с.
13. Страничка в Твиттере Г.А. Зюганова, запись от 5 декабря 2020 г. // https://twitter.com/g_zyuganov/status/1335243905969905666 (дата обращения 26.11.2021 г.)

Сведения об авторе:

Кокоулин Владислав Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор Юридического факультета Сибирского университета потребительской кооперации, главный редактор научно-исторического журнала «Сибирский Архив»; kwladislaw@yandex.ru

Новикова Е.А., Шумилин С.Ф., Шумилина О.С.
М.М. СПЕРАНСКИЙ – БОГОСЛОВ ПО ОБРАЗОВАНИЮ, ЮРИСТ ПО ПРИЗВАНИЮ

***Аннотация:** В статье рассматриваются вопросы становления М.М. Сперанского – богослова по образованию – как юриста, его участие в реформировании государственного устройства и законодательства Российской Империи.*

***Ключевые слова:** обучение в семинариях, преподавательская деятельность, государственная служба, разработка проектов государственного устройства Российской Империи, разработка законов Российской Империи.*

В январе 2022 года исполнилось 250 лет со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского, который известен российским юристам как общественный и государственный деятель, реформатор и законотворец.

Михаил родился в семье церковного причётника, который, как писал П.М. Майков (русский историк, член Государственного Совета), имел фамилию либо Васильев, либо Грамотин [1, с. 116]. В силу происхождения Михаилу была уготована судьба церковнослужителя и в 1780 году он был зачислен во Владимирскую епархиальную семинарию. В семинарии Михаил проявил недюжинные способности в изучении языков (русского, латинского и греческого), риторики, математики, физики, французской философии, богословия, и поэтому педагоги дали ему фамилию «Сперанский», что в переводе с латинского означает «подающий надежду».

В 1788 году в С.-Петербурге была учреждена Александро-Невская семинария, и Сперанский как лучший ученик продолжил в ней обучение. Об этом периоде учебы Сперанского П.М. Майков писал: «По праздникам и воскресеньям лучшие из семинаристов в том числе и Сперанский, говорили в Александро-Невском монастыре проповеди или слова, и словом произнесенным Сперанским так остался доволен петербургский митрополит Гавриил, что предложил Синоду, в 1792 году оставить Сперанского, как больше всех оказавшего успехи, при Александро-Невской семинарии учителем математики, физики и красноречия» [1, с. 117].

В 1793 году Сперанский был назначен префектом Александро-Невской семинарии, а затем возглавил кафедру философии. В этот период времени Сперанский изучает учения Рене Декарта, Готфрида Вильгельма Лейбница, Джона Локка и Этьенна Бонно де Кондильяка. Полученные знания, по-видимому, легли в основу подготовленной Сперанским лекции, а затем книги под названием «Правила высшего красноречия» (СПб., 1844).

Преподавал Сперанский в семинарии до 1795 года, а затем по рекомендации митрополита Гавриила поступил на службу секретарем князя Куракина А.Б., не прекращая, впрочем, чтение лекций в семинарии.

В декабре 1796 г. Куракин А.Б. был назначен на должность генерал-прокурора, а в январе 1797 г. Сперанский уволился из Александро-Невской семинарии и поступил на службу в должности секретаря канцелярии генерал-прокурора, что, скорее всего, послужило началом его становления как юриста.

Князь Куракин А.Б. как генерал-прокурор по должности возглавил Правительствующий Сенат, который в то время был высшей юридической инстанцией Российской Империи [2]. В декабре 1799 года Сперанский был назначен управляющим канцелярией главы Правительствующего Сената и произведен в статские советники.

Сперанский как секретарь, а затем и управляющий канцелярией главы Правительствующего Сената, должен был обладать юридическими знаниями, а получить такие знания в данной ситуации он мог только на практике, т.е. в связи с выполнением служебных обязанностей. Судя по всему, Сперанский преуспел в этом, что подтверждает рескрипт императора от 31 декабря 1800 г. о награждении Сперанского орденом св. Иоанна Иерусалимского. В рескрипте было отмечено: «Усердная и ревностная служба ваша обратила на вас Императорское Наше внимание, почему в изъявление особенного Нашего к вам благоволения пожаловали Мы вас почетным кавалером державного ордена св. Иоанна Иерусалимского, в великом приорстве Российском, Божию вас препоручил хранение» [1, с. 120].

По словам П.М. Майкова, «это новое назначение доставило Сперанскому случай сделаться известным будущему Императору Александру I-му (в то время бывшему первым С.-Петербургским военным губернатором и начальником военного департамента)» [1, с. 119], что, по-видимому, сыграло свою роль в дальнейшей карьере Сперанского и становлении его как юриста по призванию.

Александр I, взошедший 12 марта 1801 года на престол, был намерен осуществить общее преобразование государства, которое считал необходимым начать с реформирования судебного законодательства и обеспечения личной независимости граждан путем процессуальных гарантий. Реализуя это намерение Александр I в 1801 году издал ряд указов в части производства по уголовным делам в судах. В этой связи следует отметить указ об упразднении Тайной Экспедиции [3] – центрального учреждения, осуществлявшего в конце XVIII-начале XIX вв. следствие и суд по политическим обвинениям [4], и указ о возвращении свободы пострадавшим по делам, производство по которым осуществлялось в Тайной Экспедиции [5].

Кроме того, были изданы указы об освобождении лиц, бывших под полицейским надзором и восстановлении их в прежних правах, об ограничении произвола полиции [6], об отмене пытки [7], о скорейшем разрешении уголовных дел [8] и др.

30 марта 1801 года в Российской Империи был учрежден «непременный Совет для рассмотрения важных Государственных дел» (далее – *Совет*) [9]. Заведующим канцелярии Совета был назначен Д.П. Трошинский, а Сперанский, очевидно, по рекомендации Д.П. Трошинского – начальником третьей экспедиции (структурного подразделения канцелярии Совета) по части гражданской и духовной, с сохранением звания статс-секретаря.

Как писал М.А. Корф (в 1826-1830 гг. под руководством Сперанского работал во Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии), этим назначением перед Сперанским открывалось «широкое поле и для деловой практики, и для ознакомления с высшими государственными вопросами, и для изучения тогдашних наших государственных людей» [10, с. 92].

Заведующий канцелярией Совета поручал Сперанскому составлять проекты указов, манифестов и других документов, исходящих от императора. Одним из проектов, составленных Сперанским, был проект манифеста о министерствах. Этот проект, как писал М.А. Корф, был составлен по инициативе Кочубея В.П. (будущего министра внутренних дел), который поручил Сперанскому «заняться разными приговорительными работами к предстоящему образованию его будущего министерства», а для этого необходимо было подготовить проект манифеста о министерствах. Манифест был подготовлен и утвержден 8 сентября 1802 г. [11].

Министерство внутренних дел вначале состояло из одного департамента и его директором в январе 1803 года был назначен Сперанский. Одновременно с назначением Сперанского ему через Кочубея было передано поручение императора, составить план общего образования судебных и правительственных мест в Империи [1, с. 122].

Как отмечено в литературе, Кочубей предпринял ряд преобразований по министерству, при этом проекты преобразований и отчеты министра императору составлял Сперанский. М.А. Корф так оценил этот период деятельности Сперанского: «Служба Сперанского в министерстве внутренних дел является, в общем течении деловой его жизни, периодом переходным, в котором он продолжал вырабатываться для будущего. Это, как говорил один современник, была его весна: лето со своим зноем и своими обаяниями, но и со своей грозой, еще было впереди. Много в этом министерстве, с самого его учреждения, было предпринято преобразований и еще больше их предполагалось; но здесь еще далеко было от тех обширных размеров, которыми отличались последующие нововведения Сперанского» [10, с. 97-98].

В. Плетнев, ссылаясь на работу русского историка В.И. Семевского «Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX века» (1906 г), писал, что в этот период времени Трошинский и Сперанский составили «Всемилоостивейшую грамоту российскому народу», которая должна была соответствовать началам Habeas Corpus Act'a 1679 года [12] и представили ее императору перед его коронацией в сентябре 1801 года. Проект грамоты предусматривал предоставление каждому обвиняемому право пользоваться защитой по добровольному соглашению и каждому задержанному под стражей требовать по истечении 3-х дней своего освобождения, а также обязательное освобождение, если задержанный не обвинялся «в особенно значительном преступлении» и представлял поручительство, установленное законом. В случае неправильного задержания пострадавшему предоставлялось право на предъявление иска к арестовавшему его лицу «в оскорблении личной безопасности и убытков» [1, с. 248].

Однако Александр I не удостоил грамоту своим вниманием, также, впрочем, как и две предыдущие грамоты аналогичного содержания, разработанные А.Р. Воронцовым и А.Н. Радищевым [13].

Судя по сведениям, полученным из литературы тех лет, Сперанский в 1803 году представил «Введение к уложению государственных законов», в которой были изложены основные идеи плана преобразования судебных и правительственных мест, составление которого ему поручил император. Не вдаваясь в изложение данной записки отметим ее оценку в литературе: «Нужно видеть эту замечательную работу гениального русского государственного деятеля, чтобы вполне оценить силу высказываемых в нем мыслей. Глубокий анализ самой сущности государственных учреждений, широкая и стройная система взаимно поддерживающихся форм государственного устройства опираются в этом плане на прочный синтез правильного распределения родов государственной деятельности» [13, с.252]

Знаменательной вехой в становлении Сперанского как юриста стало его включение в комиссию составления законов Российской Империи.

Готовясь начать общее преобразование государства, Александр I прежде всего предполагал реформировать законодательство судебное и путем процессуальных гарантий обеспечить личную независимость граждан.

В связи с этим император предпринял ряд мер по активизации работы созданной ранее комиссии составления законов Российской Империи. Так, указом от 5 июня 1801 г. император поручил руководство названной комиссии графу Завадовскому П.В. В приложенном к указу Высочайшем рескрипте на имя Завадовского Александр I писал: «Я всегда знал, что с самого издания уложения до дней наших, т.е. в течение почти одного века с половиной, законы истекая от законодательной власти различными и часто противоположными путями и быв издаваемы более по случаю, нежели по общим государственным соображениям, не могли иметь ни связи между собой, ни единства в их намерениях, ни постоянства в их действии. Отсюда всеобщее смешение прав и обязанностей каждого, мрак, облегающий равно судью и подсудимого, бессилие законов в их исполнении и удобность перемывать их по первому движению прихоти или самовластия» [14].

В дополнение к приведенному выше указу повелением императора от 15 августа 1801 года комиссии по составлению законов было предписано заниматься исправлением и приспособлением судебных порядков к современному состоянию жизни, а 25 августа 1801 года последовал именной указ Завадовскому, предписывающий составить законы судоустройства и судопроизводства, которым в указе придавалась исключительная важность для утверждения спокойствия и благоденствия государства [15].

Однако вследствие полной неопределенности круга деятельности комиссии по составлению законов ее работа продвигалась плохо и 28 февраля 1804 года последовал указ императора, которым комиссия по составлению законов упразднялась, предписывалось создание новой комиссии, которая должна была работать в составе Министерства юстиции. Задачи комиссии были определены в п. 3 указа следующим образом: «Желая, чтобы комиссия при определении судебных форм и способов приведения в исполнение законов, могла вникнуть в причины вкравшегося разнообразия в порядок судопроизводства разных присутственных мест, усматриваемого из многих дел, до сведения Нашего доходивших; открыть степень сего различия и видеть, от недостатка ли предписаний в самих законах, или от неправильного и различного толкования оных, сие происходит, находим мы за нужное, чтобы комиссия составила по систематическому порядку производства разного рода процессов с начала до окончания суда вопросы или пункты, разослать по всем губерниям, дабы через то, открыв недостатки и погрешности нынешнего судопроизводства, изыскать способы к исправлению оных и введению твердых единообразных форм и правил судебных» [16].

В Министре юстиции была создана новая под непосредственным руководством товарища министра (заместителя министра по современной терминологии) Новосельцова. Главным секретарем комиссии был назначен Г.А. Розенкамф родом из Лифляндии, бывший выпускник Лейпцигского университета.

«Комиссия, – как писал М. Корф, – подвигалась точно также медленно и безуспешно как прежде; в публике же не могли довольно надивиться, как к составлению уложения для величайшей в свете империи избран, предпочтительно перед всеми, человек, не знающий ни ее законов, ни нравов и обычаев, ни даже языка» [10, с.147-148].

8 августа 1808 года последовал указ о назначении Сперанского присутствующим в совете комиссии, а 16 декабря 1808 года он был назначен товарищем Министра юстиции. Как писал М. Корф, назначение это последовало именно для комиссии [10, с.149].

20 декабря 1808 г. был издан Высочайший рескрипт на имя князя Лопухина (возглавлявшего в это время комиссию) следующего содержания: «Желая сколь можно скорее ускорить совершением трудов, возложенных на комиссию составления законов, Я назначаю особенно и исключительно от всех прочих дел, к производству Правительствующего Сената и Департамента принадлежащих, употреблять по сей части действительного статского советника Сперанского. По делам сей комиссии усмотрению Моему подлежащих, он имеет Мне докладывать. Пребываю вам всегда благосклонный. Александр.» [1, с. 51].

Деятельность Сперанского в комиссии по составлению законов была прервана в 1812 году, когда в результате интриг недоброжелателей он подвергся опале, которая была снята лишь в 1821 году и 17 июля этого года он назначен членом (созданного по его же инициативе) Государственного Совета по департаменту законов.

Как представляется, апофеозом становления Сперанского как юриста была его деятельность в учрежденном императором Николаем I в Собственной Его Величества Канцелярии II-го Отделения, задачей которого было создание полного собрания законов Российской Империи и Свода законов Российской Империи. Достаточно отметить, что деятельность Сперанского по созданию первой части Свода законов Николай I отметил тем, что в июле 1827 года пожаловал ему украшенный алмазами орден св. Александра Невского и в сентябре этого же года Сперанский был произведен в действительные тайные советники.

Законотворческая деятельность Сперанского, в том числе и в качестве фактического руководителя II-го Отделения Собственной Его Величества Канцелярии (официально II-е Отделение возглавлял М.А. Балугьянский) достаточно подробно исследована в литературе. Вот что писал по этому поводу писавший М.А. Корф: «Для представления полного перечня работ Сперанского по текущему законодательству за время, когда он состоял при лице Императора Александра, едва ли бы нашлись теперь нужные материалы, а между тем уже один этот перечень верно послужил бы новым доказательством гигантской, в то время, производительности деятельного статс-секретаря. Не подлежит сомнению одно: все публичные акты тех годов, все манифесты, важнейшие именные указы, даже такие положения, которые, принадлежа непосредственно к разным частям управления, должны были истекать прямо от их ведомств, – все это было не только написано Сперанским, но большей частью им же и задумано. Имя его в этих актах почти нигде не оглашалось, но во всех он принимал участие» [10, с. 171-172].

В связи с этим остановимся на одной малоизвестной странице законотворческой деятельности Сперанского. Напомним, что в 1815 году Сперанский находился в ссылке в его имении Великополье под Новгородом. В 1816 году со Сперанского были сняты все обвинения и его назначили пензенским губернатором. Именно в эти годы Сперанский написал проект Устава уголовного судопроизводства, рукописный текст которого в оцифрованном виде размещен на сайте Президентской библиотеки [17].

В части первой данного проекта Сперанский сформулировал положения, которые послужили основой для конструирования статей книги второй Свода законов уголовных 1932 года: о предмете уголовного судопроизводства (§ 1); о не наложении без суда наказаний (§ 2); в каких местах должны производиться уголовные дела (§ 4); как поступать тогда, когда на преступника не принесено будет жалобы (§ 5) и др.

В части второй проекта, которая называется «О следствии по уголовным делам», в главе I, устанавливающей порядок начала следствия, в отделении I сформулированы правила получения и рассмотрения доноса (по современной терминологии – *заявления о преступлении*). В частности, в § 19 части второй проекта сформулировано следующее положение: «Хотя доносителю и может быть позволено просить о умолчании его имени перед обвиняемым, однако при сём всегда то место, в которое поступил донос, обязано сделать записку о его звании, имени, фамилии и жительства, которую запечатав приобщать к делу».

К приведенному положению Сперанский дал следующее пояснение: «В указе 1737 марта 10 Отделение 10 дается позволение не ... явно самим собой доносить, производить доносы через других. На основании сего в §19 проекта не воспрещается доносителю умолчать в доносе о своем имени, или просить об умолчании оного перед обвиняемым, но не иначе как с законной предосторожностью и ответственностью в случае ложного доноса, как изображено в §20 и 21». Авторам статьи не представилось возможным выяснить содержание указа от 10 марта 1737 года, поскольку он не опубликован в полном собрании законов Российской Империи.

Авторы статьи не утверждают, что сформулированное в § 19 проекта положение было воспринято в законодательных актах Российской Империи, изданных после 1816 года. Тем не

менее следует отметить, что в главе II (О доносах на тайный провоз товаров) Таможенного Устава по Европейской торговле от 14 декабря 1819 г. было закреплено правило, согласно которому «доносы делать, где таможи есть, в таможах, а где оных нет, в городских или земских полициях. *Всякий донос до начатия действия, по оному должен сохраняться в тайне* (выделено авторами) [18].

Аналогичное правило было закреплено в § 9 Положения о преступлениях по добыванию золота, тайной оным торговле и о наказании за сии преступления от 24 июля 1829 года [19].

В Российской Федерации вопрос о неразглашении данных о личности отдельных участников уголовного судопроизводства возник в 90-х годах прошлого столетия. В 1997 году Государственная Дума приняла федеральный закон [20], который предусматривал применение мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, в том числе и неразглашение данных об их личности. Этот закон был одобрен Советом Федерации, однако отклонен Президентом РФ по мотиву наличия в законе существенных недостатков, требующих устранения. В частности, Президент РФ признал противоречащим Конституции РФ, УПК РСФСР, международным пактам о правах человека использование псевдонима при производстве дознания и предварительного следствия [21].

Только в ч.3 ст. 11, ч. 9 ст.166 и в ч. 5 ст. 278 УПК РФ 2001 года были закреплены нормы, которые допускают использование псевдонима при производстве по уголовному делу на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. В 2013 году ст. 144 УПК РФ была дополнена ч.1.1, согласно которой правила ч.9 ст.166 УПК РФ могут применяться при приеме сообщения о преступлении.

Было бы несправедливым не упомянуть вклад Сперанского в развитие юридического образования в России. В 1828 году Сперанский предпринял весьма энергичные меры к подготовке преподавателей для юридических факультетов, которые могли бы преподавать юридические науки по новому законодательству, разработкой которого занималось II-е Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Для этого было организовано обучение будущих преподавателей непосредственно в II-м Отделении и на юридическом факультете Берлинского университета. Этому аспекту деятельности II-го Отделения, и главным образом Сперанского, посвящена работа Я.И. Баршева, одного из обучающихся по указанной программе, который стал ординарным профессором уголовных и полицейских законов в императорском С.-Петербургском университете [22].

Список цитируемой литературы:

1. Второе Отделение Его Императорского Величества Канцелярии. 1826-1882. Исторический очерк П.М. Майкова. – СПб., 1906. – 735 с.
2. Правительствующий сенат // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
3. Манифест от 2 апреля 1801 года «Об уничтожении Тайной Экспедиции и о ведении дел производящихся в оной в Сенат» // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Том XXVI. 1800-1801. – СПб., 1830. – С.604.
4. Тайная Экспедиция // Большая российская энциклопедия: электронная версия (URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4179657).
5. Именной, данный Сенату указ от 15 марта 1801 года «О прощении людей, содержащихся по делам, производившимся в Тайной Экспедиции, с присовокуплением 4-х списков оных» // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Том XXVI. 1800-1801. – СПб., 1830. – С.593.
6. Именной, объявленный Обер-Полицеймейстеру Графом фон дер Паленом указ от 19 марта 1801 года «О подтверждении Полицейским чиновникам, чтобы они из границ должности своей не выходили» // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Том XXVI. 1800-1801. – СПб., 1830. – С. 584.
7. Именной, данный Сенату указ от 27 сентября 1801 года «Об уничтожении пытки» // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Том XXVI. 1800-1801. – СПб., 1830. – С. 797-798.
8. Именной, данный Генерал-Прокурору указ от 28 сентября 1801 года «О скорейшем решении следственных и уголовных дел» // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Том XXVI. 1800-1801. – СПб., 1830. – С.798.

9. Именной, данный Сенату указ от 30 марта 1801 года «Об учреждении неперменного Совета для рассматривания важных Государственных дел» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том XXVI. 1800-1801. – СПб., 1830. – С. 598.

10. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Том первый. (части I и II.) – Санктпетербург, 1861. Издание Императорской публичной библиотеки (URL: <https://www.prlib.ru/item/332437>).

11. Манифест от 8 сентября 1802 г.: Об учреждении Министерств // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том XXVII. 1802-1803. – СПб., 1830. – С.244-245.

12. Хабéас корпус акт (англ. Habeas Corpus Act, в русскоязычных источниках также Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями) – законодательный акт, принятый английским парламентом в 1679 году, составная часть конституции Великобритании //URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

13. Минаева Н.М. Потаенные конституции России. – Посев, 2010 // URL: <https://www.livelib.ru/book/134004/readpart-potaennye-konstitutsii-rossii-nina-minaeva/~6>.

13. Плетнев В. Работы по составлению проектов судебного преобразования до 1861 года // Судебная реформа / под общей редакцией Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. – М., 1915. – С. 242-302.

14. Именной, данный Сенату указ от 5 июня 1801 года «Об управлении Комиссией составления Законов графу Заводовскому. С приложением Высочайшего рескрипта данного на его имя» // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Том XXVI. 1800-1801. –СПб. 1830. – С.682-685.

15. Именной, данный графу Заводовскому, указ от 25 августа 1801 года «О составлении проекта положения о форме суда» // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Том XXVI. 1800-1801. – СПб., 1830. – С.759-760.

16. Именной, данный Сенату указ от 28 февраля 1804 года «О преобразовании Комиссии составления законов» // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Том XXVIII. 1804-1805. СПб., – С. 160.

17. Сперанский М.М. Проект устава Уголовного Судопроизводства [Дело]: 1815-1816. – 320 л.

18. Таможенный Устав по Европейской торговле от 14 декабря 1819 года // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. ТомXXXVI. 1819. – СПб., 1830. – С. 466.

19. Высочайше утвержденное 24 июля 1829 г. положение «О преступлениях по добыванию золота, тайной оным торговле и о наказании за сии преступления» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Том IV. 1829. – СПб., 1830. – С.533.

20. О Федеральном законе «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству»: Постановление ГД ФС РФ от 14.05.1997 № 1391-П (вместе с Федеральным законом) // URL: <http://bestpravo.ru/rossijskoj/eb-zakony/x1b.htm>.

21. Об отклонении Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству»: Письмо Президента РФ от 27.06.1997 №Пр-1029 // URL:<http://www.lawmix.ru/lawprojects/76759>.

22. Баршев Я. Историческая записка о содействии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии развитию юридических наук в России. – СПб., 1876. – 32 с.

Сведения об авторах:

Новикова Екатерина Анатольевна – начальник кафедры уголовного процесса Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент; tomchik1980@mail.ru.

Шумилина Оксана Сергеевна – доцент кафедры уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кандидат юридических наук, доцент; shumilinaoksi@yandex.ru.

Шумилин Сергей Федорович – профессор кафедры уголовного процесса Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, доктор юридических наук, доцент; sergejshumilin@yandex.ru.

Макогон Б.В., Дудин В.А.
**ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЯ «ГОРОД» В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XVIII – НАЧАЛО XX в.)**

***Аннотация:** В статье представлены основные тренды эволюции правового понятия «город» на основе законодательства Российской империи. На основе проведения крупных реформ, определявших административный статус населенных пунктов, выделено четыре этапа развития нормативной базы и органов управления городом в Российской империи. Ключевыми основаниями для периодизации выступили петровские преобразования градостроительного законодательства и органов управления городом, губернские реформы XVIII в., систематизация городского законодательства в первой трети XIX в., реформы самоуправления 1870-х гг.*

***Ключевые слова:** административно-территориальное деление, город, городское право, полицейский надзор, самоуправление.*

Правовое содержание понятие «город» в Российской империи сильно менялось на протяжении ее существования.

Выяснение особенностей понимания этого явления законодателем важно для установления особенностей объекта административного регулирования, так как статус населенного пункта прямо влиял как на объем обязанностей горожан: владельцев городских имуществ, застройщиков, плательщиков городских налогов, представителей разных сословий, так и на объем их прав (в терминологии законодательства Российской империи – привилегий).

Исследуя последовательные реформы, которые составляли основу эволюции российской урбанистики, можно разделить длительный хронологический период существования Российской империи с XVIII – по начало XX века на несколько крупных этапов, каждый из которых характеризовался специфическим видением законодателя модели идеального города, его внешнего облика, социальных реалий городской жизни («городского гражданства» по распространенной в историографии социальной истории терминологии [6, 8]), системы управления городом, специального законодательства: градостроительного, противопожарного, экологического, налогового и проч.

Первый период такого нормирования охватывает первую половину XVIII в. – время петровских городских преобразований. В этот период появились официально утвержденные понятия «город», «городское население» как противопоставление сельскому. Город определялся через специфическое налогообложение, через наличие системы местного самоуправления и городских выборных органов. Наибольшее развитие в петровском законодательстве получили нормы административного характера, регулирующие статус губернских городов как центров региональной власти и административных центров, созданных в ходе Северной войны и областной реформы для оперативного администрирования процесса, в том числе как «юридического» [3], создания армии, флота и налогообложения губерний

Более «мирное» администрирование касалось новой столицы как населенного пункта являвшегося образцовой площадкой для строительных, архитектурных, административно-управленческих, социальных новаций.

Специалисты по петровским реформам насчитывают значительное количество самых разнообразных правовых актов, затрагивающих так или иначе городскую жизнь. Они выделяют следующие блоки петровского законодательства, которое сильно изменило облик городов, дало огромный потенциал их развитию и при этом в административно-правовом смысле отделило городское пространство от поселений негородского типа.

Первое направление городских преобразований петровского времени – это изменение облика городской застройки, попытка ввести архитектурные стандарты для столиц и для губернских городов [7].

Второе направление – это попытка внедрения комплекса технических норм строительства городов: противопожарное нормирование, градостроительное планирование. Пока в виде разнородных норм- требований к используемым материалам для построек в городах (материалы должны были быть несгораемыми), строения должны были быть обращены фасадной частью к улице и быть расположены по красной линии и др.

К этой группе, по нашему мнению, необходимо отнести выделение сельского строительства в отдельную категорию [9].

Третьей группой узакониваний, выделявших административный статус городов, являются те, что вводят элементы городского самоуправления.

Время до городских реформ Екатерины II («период дворцовых переворотов») в целом сохранял тренды и инерцию петровского времени. Были заложены представления о необходимых «атрибутах» населенного пункта для того, чтобы считаться городом.

Вторым выделяемым периодом в формировании административного статуса города стало время Екатерининских преобразований второй половины XVIII в., окончанием этого периода мы считаем 1830-е гг., в связи с тем, что в этот период завершилось формирование кодифицированного законодательства, в том числе и городского законодательства, окончательно завершилась министерская реформа начала XIX в. был выделен ряд ведомств, имевших непосредственное отношение к администрированию городов.

Этот период связан с выделением специфических управленческих функций городской полиции [2], которая имела полномочия в области поддержания стандартизированного городского строительства и благоустройства, полномочия санитарного и пожарного надзора [4].

Третий период – период стабильного существования сетки городов, заложенной в екатеринское время [1], изменяемой только в связи с приращением территории государства и изменением руководства национальными окраинами империи. Он длился с 1830-х гг. до следующих крупных социальных реформ, изменивших систему управления и самоуправления городами: реформ 1860-70-х гг. Среди них наибольшее значение имеет городская и земская реформы местного самоуправления.

Этот период характеризуется наличием обширного городского законодательства, сформированного с учетом разнообразного регулирования в центральных губерниях России и на ее окраинах (в Сибирских и Кавказских генерал-губернаторствах, областях казачьего управления, постепенно входивших в территорию России среднеазиатских областях). Этот период также характеризуется значительным увеличением специалистов технического профиля в штатном расписании городского и губернского управления.

Четвертым периодом стал этап пореформенной России вплоть до 1917 года. С точки зрения административного статуса городов в этот период сохраняется общая законодательная рамка Екатерининских преобразований, однако в системе городского управления и самоуправления появились новые органы местного самоуправления, которые формировались в каждом губернском и уездном городе. Значительная доля полномочий по градостроительству, привлечению инвестиций, организации застройки города, контроля за частными застройщиками перешло местному самоуправлению, самостоятельно решавшему означенные вопросы местного значения. Законодательной основой этих преобразований стали специальные городские Положения и существенно переработанное городское законодательство (Строительный устав и проч.).

Таким образом, выделяя критерии, которым должен был соответствовать населенный пункт со статусом «город» в самом общем приближении, можно отметить те признаки, которые фиксировало законодательство Российской империи, выкристаллизовавшиеся в ходе эволюции городского законодательства:

- формальный административный статус (принадлежность населенного пункта к определенному городскому «разряду»), выделение внутригородских территориальных единиц (полицейских частей, околотков, церковных приходов и др.);
- градостроительные и архитектурно-художественные признаки: наличие городского плана и городского типа застройки, классификация кварталов населенного пункта по качеству недвижимого имущества;
- кадровое обеспечение города в лице технических специалистов (городского архитектора, инженера, техников), определяемых штатным расписанием города;
- наличие органов управления, как городских, так и губернских (областных) в соответствии с актуальным на определенный момент административно-территориальным делением государства (Комитеты губернского Правления, Управы благочиния, органы полиции и др.), органов самоуправления и сословных корпоративных органов, чьи функции могли пересекаться.

Список цитируемой литературы:

1. Грязнова Н.В. Архитектурно-пространственное преобразование Российской провинции в конце XVIII - начале XIX вв.: замысел и реализация. (На примере Тамбовской губернии): Дис. ... канд. архит. - М., 2000. - 180 с.
2. Гурлев И.В. Полиция российской империи при Александре I (1801–1825) // Власть. – 2021. – № 2. – С.252-258.

3. Макогон Б.В. Методологически опорная трактовка юридического процесса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2017. – № 1 (80). – С. 32-35.
4. Пирожкова И.Г. Полицейско-административный компонент в правовом обеспечении градостроительства России в XIX – начале XX вв. // Государство, право, общество: история и современное состояние: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Тамбов: Изд-во «Тамбовская типография», 2004. - Ч. 1. - С. 88-92.
5. Прокофьева С.М., Смирнова А.А. Особенности правового положения пожарных команд в системе Министерства внутренних дел Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2 (62). – С. 43-47.
6. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России.- М.: Академии наук СССР. 1958. - 560 с.
7. Сытина Т.М. Русское архитектурное законодательство первой четверти XVIII века // Архитектурное наследие. – М.,1969. – Вып. 18. – С. 150-162.
8. Ширина Д.А. Русский дореволюционный город в досоветской историографии: (середина XIX – 1917 год) // Исторические записки. – 1982. – Т. 108. – С. 38-63.
9. Pirozhkova I.G. Legislative control of rural housing construction in the Russian Empire // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Общетеатический выпуск. – 2010. – Т. 16. – № 4. – С. 910-917.

Сведения об авторах:

Макогон Борис Валерьевич – профессор кафедры административного права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, доцент, makogon@bsu.edu.ru

Дудин Вадим Юрьевич – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета, zekiro@yandex.ru

РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Панченко А.В. НА ПУТЯХ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ОТ ПРОЕКТОВ М.М. СПЕРАНСКОГО К КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЕ 2020 г.

Аннотация: Развитие современного конституционного процесса актуализирует необходимость обращения к отечественному историческому и политическому опыту в целях обоснования тенденций российского конституционализма начала XXI в.

Ключевые слова: конституционализм, идеологи конституционализма, Манифест Николая II, Конституция 1993 г., конституционная реформа 2020 г.

Исторически формирование российского конституционализма обуславливалось непосредственным участием государства в этом процессе. Государство выступало как инициатором, так и участником гражданского раскрепощения страны и учреждения конституции. Вместе с тем со времен Петра I государство сочетало в себе два противоречивых начала: с одной стороны, абсолютная монархическая власть, стремящаяся к обеспечению безоговорочного подчинения человека государству, принуждению и закабалению личности, но с другой – дух свободы, европейское просвещение, высокая образованность.

Идеология западноевропейского просвещения, получившая широкое распространение и при императорском дворе, и в дворянских интеллигентных кругах (государственные и военные деятели, философы-просветители, историки), будучи заимствованной из западной политической мысли и опыта развития западноевропейского государства, с трудом находила свое приложение к условиям российского крепостничества и приспособлялась в виде попыток частичных реформ «сверху».

Российский конституционализм как идеологическое течение и практика русской политической мысли на раннем этапе (конец XVIII – середина XIX вв.) под влиянием идей западноевропейских просветителей оказался ограниченным небольшим кругом просвещенных умов (включая «просвещенного монарха»), движимых идеями духовного сближения с западноевропейской культурой и цивилизацией. Фактически впервые в российской истории закладывалась интеллектуальная традиция уважения к свободе, гражданским правам, личной инициативе, свободомыслию и веротерпимости. Новому осмыслению подвергалось развитие государственных институтов в направлении самоограничения всевластия монарха и принятия конституции.

Такие выдающиеся государственные деятели и просветители как Н.С. Мордвинов, М.М. Сперанский, Н.Н. Новосильцев создают проекты политико-правовых преобразований государства, по сути, формируют конституцию умеренного толка. Основой мыслью их проектов становится положение о естественном праве как основе законодательства, обоснование принципов свободы и безопасности личности, неприкосновенности частной собственности, верховенства закона. В силу этого монархическая власть должна непременно сочетаться с теорией разделения властей, что, по мнению М.М. Сперанского, могло привести к установлению конституционно-монархического правления в России.

Н.Н. Новосильцев, сподвижник Александра I после окончания Отечественной войны 1812 г. создает «Уставную грамоту Российской империи», по сути, первый проект российской конституции. В этом проекте предусматривалось образование двухпалатного парламента (Государственного сейма и Государственной думы), без одобрения которого монарх не мог издавать законы, провозглашалась неприкосновенность частной собственности, независимость суда, равенство всех граждан перед законом, декларировались гражданские свободы, утверждалось федеративное устройство России. Но главный вопрос – об отмене крепостного права – в этом проекте конституции не рассматривался. Тем не менее, в 1821 г. Н.Н. Новосильцев принял участие в разработке и представлении Александру I проекта отмены крепостного права, который, впрочем, последствий не возымел.

С 1808 г., будучи «присутствующим» в Комиссии составления законов и товарищем (заместителем) министра юстиции М.М. Сперанский, как один из главных разработчиков общего плана государственного конституционного реформирования России исходил из представления, что «всякое правление самовластное насильственно и никогда не может быть законным». Но как найти ту силу, которая сумеет разрешить данное противоречие? В политической записке «О коренных законах государства» М.М. Сперанский определяет силу, способную «уравновесить или ограничить»

самодержавную власть с тем, чтобы коренные законы государства сделать неизменными и «никакая власть преступить их не могла», и чтобы «сила монархии над ними единственно никакого действия не имела». Такой силой является народ, который «имеет в себе самом достаточную силу уравновесить или ограничить силу правительства». Следовательно «коренные государственные законы должны быть творением народа» и полагать «пределы самодержавной воле» [1, с. 28–31, 35].

В 1809 г. М.М. Сперанский подготовил и представил императору общий план реформ «Введение к уложению государственных законов», который по замыслу стал изложением мыслей, идей и суждений не только реформатора, но и самого Александра I. Политическая сущность намечавшихся реформ состояла в создании в России конституционного правового государства путем постепенных эволюционных преобразований «через правильные законы», с разделением властей, совмещения сословной иерархии со свободой личности, в пределах самодержавного строя. С этой целью предлагалось осуществление следующих мер: обеспечение равенства всем сословиям перед законом; освобождение крестьян без земли с правом ее приобретения, что, фактически, наносило удар по системе крепостничества, ибо «крепостничество несовместимо с цивилизованной государственностью»; создание трех высших государственных учреждений, состоящих из законодательной, исполнительной и судебной властей.

1 января 1810 г. в России учреждается Государственный совет. М.М. Сперанский становится государственным секретарем, фактически, вторым, после императора, лицом в государстве. По замыслу М.М. Сперанского, через Государственный совет распространяются новые законы обо всех отраслях управления, объединяя их деятельность, «сообщая им одинаковое направление» и соединяются в нем (Государственном совете) «все действия части законодательной, судебной и исполнительной в главных их отношениях и через него восходят к державной власти и от нее изливаются» [2, с. 113].

Государственный совет формируется частично из лиц, назначаемых императором, а частично избранных по избирательному праву. На заседаниях Государственного совета председательствует император, обладающий правом законодательной инициативы, но законы утверждаются законодательной властью – двухпалатной Государственной думой, состоящей из выборного народного представительства от всех сословий. В случае противопоставления закона, принятого Государственной думой, воле императора, он становится недействительным.

В 1811 г. М.М. Сперанский вносит в Государственный совет проект реформирования высшего судебного органа – Сената – в два особых учреждения: Сенат правительственный для управления всеми правительственными делами и Сенат судебный, размещенный по четырем округам Российской империи – в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Казани. В состав Сената судебного предполагалось назначение частично от императора и избрание от дворянства. Несмотря на утверждение данного проекта большинством членов Сената и самим императором, тем не менее, проект был отправлен на доработку и затем отсрочен в исполнении на неопределенно время, поскольку содержал элементы ущемления самодержавной власти путем разрешения дворянству выборности своей части представительства в Сенате. В конечном итоге Сенат сохранил прежнее смешение ведомств, и реформа М.М. Сперанского не коснулась третьей ветви власти.

В проекте «Введение к уложению государственных законов», в разделе «О разуме законов и правах подданных» М.М. Сперанский, говоря о гражданских правах и свободах, рассматривал их следующим образом: во-первых, никто не может быть наказан без суда, никто не обязан отправлять личную свободу по произволу, а только по закону; во-вторых, каждому подданному гарантирована законом безопасность лица и имущества, т.е. без суда никто не может быть лишен собственности, каждый обязан отправлять вещественную службу, платить налоги, нести повинности не иначе как по закону, а не по произволу другого. Однако критика (Н.М. Карамзин и др.) проектов и деятельности М.М. Сперанского, возобладала, а вскоре из-за начавшейся Отечественной войны 1812 г. преобразования (за исключением завершения реформ в министерствах), прекратились.

Середина XIX – начало XX вв. ознаменовалась втягиванием России в эпоху первоначального накопления капитала и развития предпринимательства, что обостряло социальные противоречия. В условиях нарастающего социального и духовного кризиса реально ощущалась перспектива внутреннего разложения общества и распада страны. Вопрос о развитии конституционализма и принятии конституции принимает особую остроту. На данном этапе многие выдающиеся мыслители-конституционалисты и общественные деятели, среди которых Б.Н. Чичерин, В.А. Гольцев, Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, С.А. Муромцев (первый председатель первой Государственной думы), Н.М. Коркунов, Н.И. Палиенко, А.С. Алексеев, В.М. Гессен, П.И. Новгородцев, Г.Ф. Шер-

шеневич, Н.И. Лазаревский и др. в своих трудах обосновывают необходимость построения конституционного государства и соотнесения своей жизни с правом через гражданское воспитание правового конституционного сознания в массах. По их мнению, это сделает возможным постепенное приближение эпохи обновления политической жизни России, эпохи перехода к более совершенным формам государственного устройства, основанным на принятии конституции и ограничении абсолютизма народным представительством и создания парламента [3, с. 53].

В начале XX в. углубление общественного кризиса и социальных противоречий усиливает революционные настроения и движения, что побуждает императора Николая II к объявлению Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка». Мотивы принятия императором Манифеста предельно четко излагаются в Преамбуле: в целях «помочь прекращению неслыханной смуты»; «напрячь все силы к восстановлению тишины и мира»; «от волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целостности и единству державы нашей» [4, с. 1]. Содержание Манифеста сводится к дарованию населению «незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», «предоставления избирательного права и привлечения к участию в выборах в Государственную думу»; «установлению, что никакой закон не может воспринять силу без одобрения Государственной думы».

В современной научной литературе вопрос о принятии конституции после Манифеста Николая II и перспектив конституционализма продолжает оставаться дискуссионным. В советский период изучение конституционализма практически выпало из поля зрения отечественных ученых. Советские исследователи ограничивались характеристикой Манифеста как *временной отсрочки* неизбежности падения монархического строя, признавали Манифест конституционным по форме и содержанию, но имевшим узкую социальную базу в лице буржуазии, вступившей в сговор с царизмом. Главное значение Манифеста советские исследователи видели в опасных иллюзиях, которые вызвал этот документ у части рабочих, и поколебал их убеждение в неизбежности крушения самодержавия. На советском этапе исследователями не учитывался опыт конституционных проектов до Октябрьской революции 1917 г., в том числе М.М. Сперанского, а также то обстоятельство, что Манифест открыл широкую дорогу политическому плюрализму и становлению политических партий самой различной идейно-политической направленности и складыванию многопартийной системы.

В этом контексте советскими исследователями не анализировались политические партии, их программы преобразований страны поскольку к концу 1920-х гг. все идейно-политические дискуссии были свернуты. Закрепилась устойчивая тенденция восхождения к абсолютной власти большевиков и установлению диктатуры большевистской партии [5].

В постсоветский период продолжает сохраняться кризис исторической науки. Предполагалось, отмечает В.А. Божанов в монографии «Историческая наука: основные понятия и современность», что историки найдут и сформулируют законы исторического развития общества наподобие законов природы и завершат формирование картины мира. Но историки стали ограничиваться констатацией событий и фактов, потеряв интерес к их объяснению, что привело к хронологически-фактологическому уклону в историоописании, формализации исторического процесса. История отделилась от описания живой картины деятельности людей в прошлом.

Несмотря на развитие с 1960-х гг. XX в. «новой истории», более широкой по источникам, с признанным правом историка на свое видение в изложении изучаемого аспекта истории, смещение внимания к более совершенным приемам работы с историческими источниками, тем не менее, уходит от выявления самих исторических источников как первородного свидетельства прошлого. Можно до бесконечности «копашиться» в уже давно выявленных и использованных документах, но это путь к замиранию работы в архивах, в археологических раскопках, в конечном итоге к значительному сужению источниковых основ исторического исследования. Ведь если говорить об открытиях в исторической науке, то чаще всего они кроются в находках свидетельств, раскрывающих наиболее точно или близко суть исторического момента. Закрепить это можно в исторической памяти. Хотя историк по своей сути консерватор, искатель и хранитель прошлого, его работа тем успешнее, чем совершеннее средства и методы его труда, чем энергичнее он овладевает новым взглядом на историческое творчество, решительно отказываясь от тормозящих его дело шаблонов и предрассудков. Ведь история – это познанная жизнь людей, родных нам по общечеловеческому происхождению с нами. Даже археологу надо восстановить плоть и душу найденных останков людей [6, с. 62-67. 87].

Распад СССР стимулировал продолжение развития конституционализма в России. Но принципы формирования новых высших органов федеральной государственной власти России в соответствии с ценностями конституционализма, пришедшими на смену советской системе с ее монолитной иерархией построения государственных органов – стали самоотрицать себя, ибо не находили в постсоветских условиях благоприятной почвы. Все более нарастающий общественный кризис, социальное расслоение общества, все явственнее формирующаяся психология «гражданской войны» стали заводить политическую ситуацию в России в тупик. В этих драматических условиях процесс принятия Конституции 1993 г. становится следствием длительного противостояния между высшим органом законодательной (Верховный Совет) и исполнительной (Президент) власти. Подобное состояние общества и длительное противостояние властей сделало возможным прямое вооруженное столкновение противоборствующих органов федеральной государственной власти 3-4 октября 1993 г. в России. И, несмотря на то обстоятельство, что на Всероссийском референдуме 25 апреля 1993 г. более половины граждан, имеющих право участвовать в референдуме, высказались в поддержку президента и социально-экономической политики проводимой им, начиная с 21 сентября 1993 г. сила закона оказалась заменена правом силы.

Политическая конфронтация между Президентом и Верховным Советом (Съездом народных депутатов) к осени 1993 г. начинает входить в решающую фазу. Издание Президентом Указа № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», вслед за которым вскоре последовал сентябрьско-октябрьский кризис 1993 г., стало воспроизводить вариант выхода из тупика противостояния федеральных органов государственной власти. Этим указом предписывалось прерывание законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов и Верховным Советом России. Кроме того, назначались выборы в новый двухпалатный парламент России – Федеральное Собрание. А на период выборов депутатов нового парламента устанавливалась руководство страной при помощи указов Президента и постановлений Правительства России.

Реакция Верховного Совета и экстренно созванного X (Внеочередного) Съезда народных депутатов не замедлила сказаться. Принимается решение о прекращении президентских полномочий Б.Н. Ельцина. В этих условиях Президентом Б.Н. Ельциным с опорой на правительство и силовые структуры осуществляются меры к блокированию Белого дома и препятствованию деятельности Верховного Совета и Съезда. Насильственное принуждение к прекращению деятельности Верховного Совета и Съезда народных депутатов поддержавшими Президента силовиками оборачивается кровопролитными столкновениями, которые остаются на грани перерастания этого открытого вооруженного конфликта в гражданскую войну в России.

Представляется, что в сложившейся кризисной ситуации личное противоборство между Б.Н. Ельциным, А.В. Руцким и Р.И. Хасбулатовым не было решающим фактором. Все они являются в достаточной степени теми политическими деятелями, которые оказались на арене политической жизни в силу масштабных общественных преобразований. Никто из них не обладал достаточными государственными качествами, чтобы адекватно осознать происходящее в стране и целенаправленно управлять развитием политической ситуации. Вместе с тем, каждый из этих политиков помимо своей воли оказался на острие того или иного политического вектора, выражающего разнонаправленность тенденций конституционного развития России.

Федеральными органами исполнительной власти была предпринята попытка выхода из затянувшегося противостояния с законодательной властью в традиционном для России духе радикализма, где возобладавшими оказываются исторические традиции управления и властвования насильем. Для реализации этой радикальной тенденции федеральными органами исполнительной власти потребовалось революционное нетерпение, стремление к радикальной ломке существующего уклада жизни, вера в преимущества «рынка», которые должны быть обретены ускоренными темпами. Эта тенденция неизбежно привела к насильственному устранению с политической арены, участвующей в конфликте исполнительной властью, своих политических противников и оппонентов. Установление президентской республики в России, обернулось стремлением к использованию института президентства в качестве инструмента «революционных преобразований» в России. Противоположная тенденция, которую выражали и на которую сделали свою ставку А.Н. Руцкой и Р.И. Хасбулатов, по существу состояла в противопоставлении экспериментаторскому радикальному курсу. Эта тенденция стала реальной среди тех слоев российского общества, которые оказались наиболее уязвимы в ходе общественных преобразований. Противоборство между этими тенденциями приводит к возрождению традиционного для России противостояния «почвенников» и «западников».

В конце XX – начале XXI вв. это противостояние выражается в противоборстве между либерально-демократической тенденцией («западники») и традиционалистски-государственной («почвенники»). Выход России из сентябрьско-октябрьского 1993 г. кризиса и принятие Конституции оказывается результатом победы либерально-демократической тенденции на основе революционных, большевистских методов. Однако, на наш взгляд, механическое перенесение с западной почвы в Россию идеологии западноевропейского конституционного государства, недостаточный учет российской специфики приводит к всеобъемлющему государственному, национальному и социальному кризису. В силу этих обстоятельств, в первых десятилетиях XXI в. ослабление либерально-демократической тенденции оказывается неизбежным. И как следствие происходит усиление консервативных, традиционалистских, охранительных тенденций.

В январе 2020 г. в России инициирована масштабная конституционная реформа с принятием конституционных поправок в Основной Закон. Суть изменений состоит в утверждении принципиально новых положений в политической, социально-экономической, культурной, духовной, экологической, научно-технологической, гуманитарной сферах, а также в сфере федеративных и международных отношений. Речь идет о тенденциях совершенствования федеративного демократического правового социального светского государства, системы разделения властей и механизма функционирования основных институтов государственной власти – президентства, законодательной, исполнительной и судебной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества.

Эти тенденции потенциально направлены на укрепление института президентства, повышение роли парламента, усиление ответственности парламентских партий и Конституционного суда, обретение Государственным советом нового статуса и роли в политической системе современного российского общества. Кроме того, важнейшие тенденции затрагивают сферу федеративных, культурных, духовных, экологических и социальных процессов российского общества в направлении формирования благоприятной внутривнутриполитической среды для развития инновационных, высокотехнологичных процессов. В ближайшие годы России предстоит войти в число мировых лидеров в области генетических исследований и искусственного интеллекта [3, с. 118-140].

На современном этапе конституционного развития одной из ведущих становится тенденция укрепления суверенных позиций России на международной арене. Это достигается в направлении повышения обороноспособности государства на десятилетия вперед с учетом складывающейся международной ситуации, которая характеризуется как нестабильная и неопределенная с сохранением высоких рисков военных конфликтов различной степени интенсивности, в том числе возникновением предпосылок для новой Большой войны и необходимости их купирования.

Список цитируемой литературы:

1. Сперанский М.М. Проекты и записки / Под ред. С.Н. Валка. – М., 1961. – 245 с.
2. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). – М.: Русская мысль, 1905. – 359 с.
3. Панченко, А.В. Политический процесс в современной России (историко-политологический анализ) / А.В. Панченко. – Минск: Колорград, 2020. – 160 с.
4. Высочайший Манифест 17 октября 1905 года и его значение для русского народа. – Вильна: Типография Виленского военного округа, 1906. – 15 с.
5. Божанов, В.А. Восхождение к абсолютной власти: Большевики и Советское государство в 20-е гг.: моногр. / В.А. Божанов. – Минск: Тесей, 2004. – 272 с.
6. Божанов, В.А. Историческая наука: основные понятия и современность: моногр. / В.А. Божанов. – Минск: БГАТУ, 2021. – 96 с.

Сведения об авторе:

Панченко Андрей Владимирович – канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры социального управления Белорусского национального технического университета; andrey.panchenko@bntu.by

Косых А.А.
ПОНИМАНИЕ РАЗУМА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИДЕЯХ
М.М. СПЕРАНСКОГО

***Аннотация:** В представленной статье автором рассматривается понятие «разума» и дается его интерпретация в политико-правовых идеях М.М. Сперанского. Автор отмечает, что с понятием «разум» М.М. Сперанский связывал общий уровень развития общества, его готовность к переменам, понимание существующих и разрабатываемых законодательных актов.*

***Ключевые слова:** разум, интеллект, закон, право, законотворчество, реформы М.М. Сперанского.*

М.М. Сперанский – величайший общественный и государственный деятель, реформатор, создатель ряда законодательных актов, основатель теоретического правоведения в России. Термин «общественный» в столь скромной характеристике стоит на первом месте не случайно. М.М. Сперанский известен своими либеральными взглядами, которые легли в основу проводимых при Александре I реформ. Император Наполеон I Бонапарт, познакомившись с Михаилом Михайловичем Сперанским на Эрфуртском конгрессе, после долгой беседы весьма лаконично отозвался о российском реформаторе, назвав его «единственной светлою головою в России» [2, с. 315].

Многие произведения М.М. Сперанского пронизаны идеями естественно-правовой концепции правопонимания (Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо) в коллаборации с теократическими идеями. Не случайно российский историк В.О. Ключевский называл М.М. Сперанского «Вольтер в православно-богословской оболочке» [3]. М.М. Сперанский довольно часто использовал в своих работах понятия «Бога», «воли Божией», «правды Божией», подтверждающие его религиозность. В произведении «Руководство к познанию законов» Бог выступает началом трех существующих сил: физической, умственной и нравственной, каждой из которых соответствует свой мир (соответственно – мир физический, умственный и нравственный). Закон, в свою очередь, не только формально определяет или устанавливает, но и охраняет порядок указанных миров. Выделяя законы естественные и общежительные, внутренние и внешние, Сперанский также дифференцировал все законы на устанавливающие право («запретительные или повелительные») и охраняющие («охранительные»).

В 1767 г. с целью выработки единого свода законов Екатериной II был составлен «Наказ», в соответствии с которым предусматривалось создание Уложенной комиссии. Примечательно, что Уложенная комиссия 1767-1768 гг. была самой представительной по сравнению с предыдущими: в ее составе не было представительств только двух сословий – духовенства и крестьян. В числе причин учреждения комиссии, наряду с недостатками законов, противоречивостью законов и временных постановлений, М.М. Сперанский отмечал «разум, в котором прежние законы составлены были, чрез долгое время и частыми переменами, а также и чрез пристрастные толки сделался темен и неизвестен» [7].

Сама идея создания единого свода законов, именуемого «уложением» (от гл. «уложить» – «укладывать, класть в определенном порядке»), свидетельствовала о необходимости систематизации правовых актов и документов правового характера с целью единообразного понимания и регулирования наиболее важных сторон общественной жизни. Следует заметить, что систематизация законодательных актов в то время отмечалась «одною из первых государственных нужд».

Справедливо задаться вопросом относительно того, какой смысл М.М. Сперанский вкладывал в понятие «разум», применительно к преобразованиям, в частности преобразованиям в сфере законотворчества. Во втором разделе (или втором «Отделении») «Введения к Уложению государственных законов» М.М. Сперанский использовал понятие «разум» для обозначения «зрелости» общества, его готовности к проведению реформ. Целесообразность, а главное, эффективность проведения реформ, согласно взглядам Сперанского, зависят от «благовременности начинаний», что можно интерпретировать как достижение соответствующего уровня развития общества или готовность общественного сознания к правильному пониманию необходимости проведения реформ, пониманию содержания преобразований и их последствий. «Когда разум начинает распознавать цели свободы...», – отмечал Михаил Михайлович. Так, в эпоху правления Петра I, по убеждению реформатора, «не было еще точного понятия о политической свободе». Или другой пример. Неудачный опыт проведения политических реформ в отдельных странах обозначался следствием того, «когда образование гражданское не приуготовило еще к ним разум» [5].

Одна из глав «Введения к Уложению государственных законов» именуется «Об общем разуме преобразования». В ней ученый пишет об «общем предмете преобразования», понимая последний как основной смысл проводимых реформ, их содержание и основные направления. Если говорить «о разуме законов», то здесь речь идет скорее о духе законов, их значении для утверждения принципа разделения властей и определении места абсолютной самодержавной власти.

В произведении «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» М.М. Сперанский понятие «разум» использует в значении высшей ступени мыслительной деятельности, подобно гегелевскому учению, в котором разум достигает истинного выражения истины как конкретного. В вопросе определения прав и обязанностей, закона, справедливости М.М. Сперанский пишет: «Не ум обыкновенный, но разум творческий – гений – должен решить сей спор» [6].

Ценности западноевропейской культуры, либеральные взгляды философов Эпохи Просвещения оказали большое влияние на формирование позиции Сперанского, что, представляется, неоднократно приводило к идеологической конфронтации с его убеждениями относительно власти монарха и определения места «самодержавной власти» в системе разделения властей. С одной стороны, размышляя о высшей силе законов, их незыблемости перед произволом власти, М.М. Сперанский задается вопросом: «Каким образом коренные законы государства сделать столько неподвижными и непрменяемыми, чтоб никакая власть преступить их не могла и чтоб сила, в монархии вседействующая, над ними единственно никакого действия не имела?» [9]. С другой стороны, власть императора определялась как власть неограниченная. Знаменитый реформатор подчеркивал, что «государь самодержавный, соединяющий в особе своей власть законодательную и исполнительную и располагающий неограниченно всеми силами государства...» [6].

Большое внимание М.М. Сперанский уделял профессиональной подготовке юристов. Как справедливо заметила С.В. Осипенко, существовала потребность не только в повышении уровня начальной профессиональной подготовке, но и в создании системы юридического образования для качественного обучения законотворческой деятельности государственных служащих, которыми являлись инженеры, учителя, врачи, чиновники различного уровня [4, с. 260]. М.М. Сперанский напоминал о существующем запрете привлечения к гражданской службе, требующей юридического образования, граждан, «не окончивших учения в общественном или частном училище» [8].

В своем «Отчете в делах 1810 г., представленном императору Александру I» М.М. Сперанский подчеркнул следующее: «Всем известны и состав нашей Комиссии, и смесь наших законов, и совершенный недостаток всяких юридических познаний» [10]. Данное обстоятельство, наряду с неоднозначностью политической воли, частыми сменами государственного вектора развития, вмешательством государственных органов и самого монарха в работу оказало существенное влияние на результат проводимых преобразований, а точнее на его малозначительность.

В настоящее время принцип профессионализма – один из основополагающих требований, предъявляемых к субъектам законотворчества. Ученые неоднократно обращали внимание на необходимость разработки проектов нормативных правовых актов и их дальнейшего принятия исключительно высококвалифицированными юристами, обладающими не только соответствующими знаниями, но и навыками (навыками работы с юридическими документами, проведения сравнительно-правовых исследований, навыками аргументации, да и навыками публичного выступления, следовательно – ораторскими навыками). В.М. Баранов справедливо отмечает, что «проблема подготовки норморайтеров – потребность и веление времени» [1, с. 498]. Как мы видим, данная проблема имеет давнюю историю, а значит и ее решение потребует немалых затрат.

В заключении хотелось бы отметить, что понятие разума в трудах М.М. Сперанского используется в нескольких смысловых значениях: с точки зрения качественного состояния уровня развития общества, включая уровень развития правосознания; как высшая ступени мыслительной деятельности человека; в значении основной идеи проводимых реформ, их содержания и основных направлений.

Список цитируемой литературы:

1. Баранов В.М. К вопросу о процессе и результате подготовки в России специалистов правотворчества / В.М. Баранов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – 497-502.
2. История России с начала XVIII до конца XIX века / Отв. ред. А.Н. Сахаров. – 543 с.

3. Ключевский В. О.: Исторические портреты. М. М. Сперанский. [Электронный ресурс] // URL: <http://history.niv.ru/doc/klyuchevskij/istoricheskie-portrety/speranskij.htm> (дата обращения: 25.12.2021)
4. Осипенко С.В. Правовая школа М.М. Сперанского: становление отечественной модели специализированной юридической подготовки // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 3. – С. 260-263.
5. Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов (план всеобщего государственного образования). [Электронный ресурс] // URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_vvedenie_k_ulozheniu.html (дата обращения: 25.12.2021)
6. Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России [Электронный ресурс] // URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_zapiska_ob_ustroystve_sudebnyh.html (дата обращения: 25.12.2021)
7. Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. 1833. [Электронный ресурс] // URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_obozrenie.html (дата обращения: 25.12.2021)
8. Сперанский М.М. Об усовершенствовании общего народного воспитания. [Электронный ресурс] // URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_ob_usovershenii.html (дата обращения: 25.12.2021)
9. Сперанский М.М. О коренных законах государства [Электронный ресурс] // URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_o_korenyih_zakonah.html (дата обращения: 25.12.2021)
10. Сперанский М.М. Отчет в делах 1810 г., представленный императору Александру I. [Электронный ресурс] // URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_otchet_v_delah_1810.html (дата обращения: 25.12.2021)

Сведения об авторе:

Косых Алексей Алексеевич – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент, lexovip36@mail.ru

Кутько В.В., Нестеренко В.В. РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН И ИХ ЗАЩИТЕ

***Аннотация:** Обеспечение избирательных прав граждан и их защита является важнейшим направлением деятельности Уполномоченных по правам человека. Омбудсмены как особые субъекты правозащитной структуры государства содействуют реализации конституционных прав участников избирательного процесса, предупреждению нарушений избирательных прав граждан и повышению информационной открытости выборов. Автором продемонстрирована их роль на примере Единого дня голосования 19 сентября 2021 года и дана оценка эффективности предпринимаемых ими мер.*

***Ключевые слова:** выборы, избирательные права граждан, Единый день голосования, Уполномоченный по правам человека, омбудсмен.*

Согласно ч. 2 ст. 32 Конституции Российской Федерации, «граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме» [1]. Референдум и свободные выборы являются высшим непосредственным выражением власти народа – единственного источника власти в государстве.

От активной гражданской позиции и электоральной активности каждого из нас во многом зависит будущее Российской Федерации. Мы убеждены, что выборы являются важнейшим общественно-политическим процессом, происходящим в современном обществе. При этом значение имеет голосование любого уровня – федерального, регионального или муниципального.

Ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» гласит, что «никто не

вправе оказывать воздействие на гражданина Российской Федерации с целью принудить его к участию или неучастию в выборах и референдуме либо воспрепятствовать его свободному волеизъявлению» [2]. Соответственно, одним из приоритетных направлений выступает обеспечение избирательных прав граждан и их защита.

В подготовку и проведение избирательной кампании вовлекается широкий круг лиц: председатели и работники избирательных комиссий, наблюдатели, сотрудники правоохранительных органов, представители средств массовой информации, волонтеры и др. На наш взгляд, важная роль в обеспечении избирательных прав граждан и их защите отведена Уполномоченным по правам человека (омбудсменом) как особым субъектом правозащитной структуры государства. Их деятельность, в частности, направлена на содействие реализации конституционных прав участников избирательного процесса, предупреждению нарушений избирательных прав граждан и повышению информационной открытости выборов.

Продemonстрируем это на примере последней избирательной кампании. В Единый день голосования 19 сентября 2021 года граждане избирали депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва. В двенадцати субъектах Российской Федерации прошли выборы их глав. В частности, Белгородцам предстояло избрать Губернатора Белгородской области на досрочных выборах.

В первую очередь, отметим, что пристальное внимание уделяется не только практической, но и теоретической работе в целях совершенствования методической и информационной составляющей и разработки новых практик правозащитного взаимодействия. Например, 17 сентября 2021 года Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Николаевна Москалькова приняла участие в международном круглом столе «Обеспечение избирательных прав граждан: обмен лучшими практиками омбудсменов» [5]. Омбудсмены различных государств поделились накопленным опытом, в том числе связанным с организацией голосования в условиях пандемии, и обсудили актуальные проблемы обеспечения избирательных прав граждан и их защиты. Итогом мероприятия стало принятие резолюции, подчеркивающей важность участия омбудсменов в избирательном процессе.

На наш взгляд, международное сотрудничество омбудсменов способствует совершенствованию механизма соблюдения избирательных прав граждан и их защиты в каждом их государств-участников и развитию дружественных отношений между ними. В частности, в Единый день голосования 19 сентября 2021 года омбудсмены шести государств прибыли в Российскую Федерацию с целью наблюдения за выборами депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва [8]. Это, несомненно, уникальная возможность обмена опытом. Например, Балканы заявили о желании перенять практику общественного наблюдения за выборами, отметив высокий уровень развития данного института в Российской Федерации. Кроме того, международное наблюдение осуществляется как в интересах граждан государства, так и международного сообщества. Его цель заключается во внешнем, беспристрастном и независимом мнении об избирательном процессе в том или ином государстве.

Кроме того, в целях надлежащего методического и информационного обеспечения Аппаратом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации во взаимодействии с Уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации разработаны Методические рекомендации по мониторингу соблюдения избирательных прав граждан в период подготовки и проведения голосования на выборах 17, 18 и 19 сентября 2021 года. В частности, в них описаны особенности осуществления мониторинга за соблюдением избирательных прав граждан в помещении голосования, вне помещения для голосования, также выделены типичные нарушения, с которыми региональные омбудсмены могут столкнуться (например, сообщение о проведении агитации в дни голосования или вбросе неучтенных бюллетеней в урны для голосования). Отметим, что до Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации дошло 30 письменных жалоб из регионов. Они переданы на рассмотрение органам прокуратуры и Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, поскольку касались серьезных нарушений. На федеральную «горячую линию» поступило 162 звонка [5]. В основном обращения были связаны с голосованием не по месту регистрации и дистанционным электронным голосованием. На наш взгляд, в масштабах Российской Федерации это совсем небольшая цифра. Остальные жалобы и обращения граждан оперативно рассмотрены Уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации, что свидетельствует о высокой эффективности их деятельности и действенности предпринимаемых ими мер.

Например, в целях проведения мониторинга и предупреждения нарушений Уполномоченный по правам человека в Белгородской области Александр Григорьевич Панин посетил ряд избирательных участков области [6]. На особый контроль поставлены реализация избирательных прав граждан, имеющих инвалидность, и соблюдение санитарно-эпидемиологических норм ввиду риска распространения коронавирусной инфекции. Кроме того, проведены беседы с председателями и членами участковых избирательных комиссий, наблюдателями от различных политических партий. В результате тесного взаимодействия получены разъяснения по различным вопросам, касающимся реализации избирательных прав граждан, а также предприняты незамедлительные меры по имеющимся жалобам, в том числе полученных по «горячей линии». Примечательно, что граждане проявили осознанную бдительность, обращая внимание даже на незначительные нарушения, в частности, связанные с неправильным написанием фамилии, имени или отчества.

В 2020 году при Общественной палате Российской Федерации создан Координационный совет по общественному контролю за голосованием с целью защиты избирательных прав граждан, подготовки стандартов общественного наблюдения и экспертизы избирательного законодательства. Во время голосования на выборах 17, 18 и 19 сентября 2021 года во всех субъектах Российской Федерации функционировали Центры общественного наблюдения. Председатель Общественной палаты Российской Федерации Лидия Юрьевна Михеева подчеркнула, что «палатам удалось подготовить более 250 тыс. наблюдателей. Все наблюдатели прошли обучение в соответствии с методическими и информационными материалами» [9]. Членами штабов общественного наблюдения выступили и региональные Уполномоченные по правам человека, чье участие, на наш взгляд, является крайне важным и необходимым, ведь именно они могут предпринять эффективные и незамедлительные меры по защите нарушенных прав граждан.

Не стала исключением и Белгородская область, где все три дня голосования работал Центр общественного наблюдения. Он расположился в Молодежном культурном центре «Октябрь». Трансляция осуществлялась с 471 участка (ок. 1 тысячи человек, 66 % охват населения региона). Для наблюдателей, представителей политических партий и избирательных комиссий было оборудовано 40 мест [7]. Уполномоченный по правам человека в Белгородской области Александр Григорьевич Панин, выступив членом штаба общественного наблюдения, справедливо отметил, что «тотальный контроль повышает уровень легитимности избираемой власти, доверие к системе выборов» [10]. Общественное наблюдение, действительно, стало не просто разработкой Общественной палаты Российской Федерации, а масштабным проектом всего гражданского общества. Оно обеспечивает максимальную беспристрастность в организации контроля за чистотой голосования и массовому вовлечению общественности в этот процесс, что, в свою очередь, способствует нейтрализации недоверия со стороны граждан.

Важным направлением деятельности Уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации выступил и контроль за соблюдением избирательных прав граждан, имеющих инвалидность. Они нуждаются в особом внимании и создании условий для комфортной жизни, в частности, способствующих беспрепятственной реализации конституционного права избирать и быть избранным. В этих целях издано Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 29.07.2020 № 262/1933-7 2 «О Рекомендациях по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации». В частности, избирательный участок должен быть оборудован пандусами, тактильными указателями, устройствами оптической коррекции и др. [3].

Внимания заслуживает случай, произошедший в Калужской области. Избиратель с ограниченными возможностями не смог подать заявление для включения его в список для голосования на избирательном участке [5]. Благодаря своевременной реакции Уполномоченного по правам человека в Калужской области, к нему выехали члены участковой избирательной комиссии для принятия заявления. Также обратимся к опыту Ханты-Мансийского автономного округа. В преддверии Единого дня голосования 19 сентября 2021 года региональный Уполномоченный по правам человека совместно с избирательной комиссией субъекта провел рабочее заседание, где на повестку был поставлен вопрос о принятии мер, необходимых для обеспечения доступности голосования для лиц, имеющих инвалидность [5]. В частности, в подготовку вовлечены общероссийские и региональные общественные организации защиты инвалидов (например, Всероссийское общество инвалидов). На наш взгляд, такое сотрудничество является целесообразным, ведь общественные объединения – один из основных институтов гражданского общества. Правозащитное взаимодействие Уполномоченных по правам человека с ними является достаточно результативным, как показывает практика,

и в части защиты прав лиц с ограниченными возможностями. Полагаем, что необходимо развивать такую форму сотрудничества во всех субъектах Российской Федерации.

Ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации закрепляет положение о том, что «каждый имеет право на охрану здоровья» [1]. В связи с риском распространения коронавирусной инфекции Уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации также осуществлялся мониторинг за соблюдением прав граждан на охрану здоровья при проведении голосования и, соответственно, санитарно-эпидемиологических норм на избирательных участках. Обязательными условиями, согласно Рекомендациям, разработанными Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, являлись термометрия, выдача средств индивидуальной защиты, соблюдение социальной дистанции и др. [4]. Массовых нарушений перечисленных требований региональными омбудсменами зафиксировано не было. Соответственно, председатели и члены участковых избирательных комиссий, избиратели и иные участники избирательного процесса отнеслись к этому осознанно и ответственно.

В целях развития механизма соблюдения избирательных прав граждан и их защиты предлагаем организовать правозащитное взаимодействие региональных Уполномоченных по правам человека с Молодежными избирательными комиссиями городов и субъектов Российской Федерации. Примечательно, что в последние годы молодежь старается предстать не только в роли избирателей. Все чаще молодые люди становятся наблюдателями и волонтерами. Этот факт свидетельствует о положительной тенденции, связанной с вовлечением молодежи в избирательный процесс. На наш взгляд, молодое поколение достаточно активно и прогрессивно и может оказать эффективное содействие в выявлении случаев нарушений избирательных прав граждан. Полагаем, что организовать такое сотрудничество возможно посредством создания молодежных общественных советов при Уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации.

В связи со всем вышеперечисленным невозможно не согласиться с мнением Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Татьяны Николаевны Москальковой о том, что «в условиях новаций в российской электоральной практике возрастает роль омбудсменов, которые призваны снизить риск возможных нарушений избирательных прав» [5]. Действительно, омбудсмены – особые субъекты правозащитной структуры государства, которые играют важную роль в обеспечении избирательных прав граждан и их защите.

Таким образом, обеспечение избирательных прав граждан и их защита – одно из приоритетных направлений деятельности Уполномоченных по правам человека. От реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства во многом зависит и реализация других прав человека. Однако мониторинг соблюдения избирательных прав граждан обладает определенной спецификой по сравнению с другими правами. Они имеют политический характер и, соответственно, требуют особой взвешенности при выражении позиции и принятии решений. Проведенное исследование позволяет констатировать, что с этой задачей омбудсмены справляются крайне успешно. На примере деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, в том числе Белгородской области, продемонстрировано, какие меры предпринимаются ими для обеспечения избирательных прав граждан и их защиты. На наш взгляд, в целях совершенствования данного механизма стоит уделить внимание организации правозащитного взаимодействия с общественными объединениями, осуществляющими защиту инвалидов, в целях укрепления гарантии беспрепятственной реализации ими избирательных прав. Также целесообразно развитие сотрудничества с молодежными избирательными комиссиями городов и субъектов Российской Федерации как объединениями, представляющими молодежь с активной гражданской позицией, заинтересованную в честности и прозрачности выборов.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. № 144. 04.07.2020.

2. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

3. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 29.07.2020 № 262/1933-7 2 «О Рекомендациях по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Рекомендации по профилактике рисков, связанных с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), при подготовке и проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, иных выборов и референдумов, назначенных на единый день голосования 19 сентября 2021 года (утв. Главным государственным санитарным врачом Российской Федерации А.Ю. Поповой 08.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://ombudsmanrf.org>.

6. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Белгородской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://ombudsman.bel-region.ru>.

7. Официальный сайт Избирательной комиссии Белгородской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belgorod.izbirkom.ru>.

8. «Российская газета» [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/?n>.

9. «ТАСС» [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru>.

10. «Мир Белогорья» [Электронный ресурс]. – URL: <https://mirbelogorya.ru>.

Сведения об авторах:

Кутько В.В. – к.ю.н, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; kutko@bsu.edu.ru

Нестеренко Виктория Викторовна – студентка юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; viktorian25102001@yandex.ru

Готовкина М.С.

ВКЛАД М.М. СПЕРАНСКОГО В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ XIX ВЕКА

***Аннотация:** Выдающийся государственный деятель М.М. Сперанский внес большой вклад не только в развитие государственного управления, но сделал многое для науки в Российской Империи. В статье дан краткий обзор вклада М.М. Сперанского в различные области научного знания..*

***Ключевые слова:** М.М. Сперанский, ученый, философ, правовед, юриспруденция, философия, экономика, политология.*

М. М. Сперанский по праву считается одним из выдающихся государственных деятелей Российской Империи начала XIX века. Все исследователи биографии М.М. Сперанского сходятся на его незаурядных умственных способностях. Всю свою жизнь он отличался огромным стремлением к получению знаний и большим трудолюбием [4]. По свидетельству современников, в годы обучения в семинарии юный законотворец особенно любил такие предметы, как философия и риторика [2]. Он блестяще владел как древними языками, так и французским, что позволило ему в годы учебы в семинарии читать в подлиннике труды таких известных ученых как Ньютон, Декарт, Лейбниц [4].

Но не только умственные способности, но и способности «ладить» с людьми отличали М.М. Сперанского. Биографы указывают, что «уже в самые юные годы в его характере угадывались черты лёгкой вкрадчивости, умение показать себя перед старшими и сверстниками» [4]. Такие незаурядные способности и дарования способствовали тому, что он - сын простого сельского священника, стал «вторым лицом в государстве», а под конец жизни был удостоен титула графа [1]. Таким образом жизненный путь и карьера М.М. Сперанского является ярким примером социального лифта в Российской Империи.

Как правило, говоря о заслугах М.М. Сперанского историки в основном сосредотачиваются на его заслугах, как реформатора и государственного деятеля. Однако, он был не только законотворец и известный политик, но и талантливый ученый. И так, в какие же отрасли научного знания внес свой вклад «самый известный чиновник» Российского государства?

Юриспруденция и правоведение. В данной отрасли можно выделить два направления научной деятельности М.М. Сперанского: кодификация законодательной базы и содействие институализации юридического образования в нашей стране.

В первом направлении его самым значительным вкладом является составление пятнадцатитомного «Свода законов Российской империи». До этого в юридической практике использовалось только Соборное уложение 1649 года. На составление этого обширного документа у М.М. Сперанского ушло целых 4 года (с 1826 по 1830 г). Его заслуга так же состоит в кодификации и систематизации законов Российской Империи. Свою задачу М.М. Сперанский видел в распределении законов по предмету регулирования, отделении действующих законов от законов, утративших силу [5].

Вторым важным направлением его деятельности стало содействие институализации юридического образования в России. В январе 1828 г. М.М. Сперанский представил императору доклад, посвященный подготовке отечественных юридических кадров[2]. В этом докладе М.М. Сперанский излагал суть основных проблем по подготовке юридических кадров, главной из которых он видел в «недостатке грамотных учителей». Он сам в плотную занялся этим вопросом. Так им были выбраны кандидаты для изучения правоведения сначала в Санкт-Петербургском Университете, а затем и за границей. Программа подготовки будущих ученых, была составлена им самим [2].

Политология. Значителен вклад М.М. Сперанского и в политическую науку. Впервые в проектах реформ М.М. Сперанского была заложена теоретическая и практическая традиция системного, концептуально осмысленного политического заимствования западного опыта, характерная для развития российского либерализма в целом [3]. В отечественной политической мысли М.М. Сперанский впервые в истории связал и теоретически обосновал важную взаимосвязь и взаимозависимость либерального мировоззрения, либеральных тенденций с необходимостью формирования полноценного гражданского общества в России [3].

М.М. Сперанский впервые в российской социально-политической мысли обосновал правовые предпосылки к становлению свободного, творческого состояния общества. В соответствии с либеральными взглядами, он это связывал с обязательными правовыми гарантиями государством прав и свобод каждому гражданину [3].

Философия. По свидетельствам современников в годы обучения в Александро-Невской семинарии в Санкт Петербурге М.М. Сперанский серьезно увлекался философией. В стенах этого учебного заведения, он написал свои первые философские произведения, в которых он подчеркивал важность уважения человеческого достоинства и соблюдения гражданских прав любого человека не зависимо от сословия. Он отрицал любое проявление произвола и деспотизма. Ко времени обучения в семинарии относятся его первые политико-философские и правовые произведения – «О силе, основе и естестве» и «Досуги за сентябрь 1795 г.», «Правила высшего красноречия» [4].

Экономика. Помимо увлечения философией в стенах семинарии Михаил Михайлович изучал и труды великих экономистов, что способствовало становлению его как финансового реформатора. Позже в его трудах впервые были представлены и обоснованы, функции задачи цели и способы организации финансового контроля в России. Так же были намечены основные направления финансовой реформы [1].

Как известно, М. М. Сперанский был сторонником теории разделения властей на законодательную, судебную и исполнительную. В связи с этим, он полагал, что управление финансами должно делиться на следующие три части: 1) источники доходов, их управление и распределение по доходам; 2) движение капиталов, в казначейство входящих, их отпуск и верный счет; 3) отчеты в их употреблении. М. М. Сперанский, придавал высокую значимость министерству финансов, полагая, что все управление финансами в государстве должно быть сосредоточено именно в нем [1]. Оно в свою очередь должно быть разделено на три части:

- первое направление возглавляет министр финансов;
- второе — государственный казначей;
- третье направление возглавляет государственный контролер [1].

Лингвистика и риторика. Как известно, талантливый человек талантлив во всем. Это выражение в полной мере можно отнести к М.М. Сперанскому, который внес свой вклад не только в вышеуказанные отрасли научного знания, но и своим трудом оказал влияние на развитие русской словесности.

Любовь к слову отличала М.М. Сперанского с юных лет. Как известно, М.М. Сперанский еще в семинарии писал стихи и даже составил развернутую «канву романа». В течение нескольких лет молодой М.М. Сперанский преподавал словесность в Петербургской духовной семинарии. Его

лекции имели настоящий успех, увлекали слушателей, аудитория с удовольствием внимала его словам. В журнале «Муза» за 1796 год были опубликованы его первые стихотворения: «К дружбе», «Весна». Наиболее значительное из его произведений считается «Правила высшего красноречия», а так же рассуждение «О силе, основе и естестве» [4].

Важным вкладом Сперанского М.М. является так же и то, что он способствовал преобразованию старого русского делового языка в новый. За вклад М.М. Сперанского в развитие русской речи, за пропаганду и призыв любить родной язык, всяческое содействие его изучению он был отмечен многими дипломами и званиями разных обществ и университетов [4].

Таким образом, можно сказать, что одним из наиболее ярких и известных научных достижений в биографии М.М. Сперанского можно считать именно достижения в правовой юридической отрасли. М.М. Сперанского по праву называют основателем российской юридической науки и теоретического правоведения так как им была осуществлена масштабная систематизация российского законодательства осуществлялась одновременно с подготовкой квалифицированных юридических кадров.

Помимо юридической, политической и финансовой науки, Сперанский так же оставил свой след в лингвистике и философии. Безусловно, что изучение интеллектуального наследия М.М. Сперанского позволит актуализировать важные вопросы русской истории.

Список цитируемой литературы:

1. Грачева Е.Ю. Вклад М.М. Сперанского в развитие финансовой науки// Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. – № 4 . – С. 228-229.
2. Климачков В.М. О роли М.М. Сперанского в развитии юридического образования в России// Вестник барнаульского юридического института МВД России. – 2016. – №1. – С.129-131.
3. Матюхин А.В.М.М. Сперанский: у истоков российского либерализма// Журнал политических исследований. – 2020. – № 1. – С.54-69.
4. Румянцева Н. М.М. Сперанский и русская речь // Высшее образование в России. – 2006. – № 8 . – С. 164-171.
5. Феодорова М.Х. Теория и практика кодификации российского права первой половины XIX века в трудах М.М. Сперанского// Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 9 . – С. 56-59.

Сведения об авторе:

Готовкина Маргарита Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры Гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дмитровского Рыбопромышленного института (филиал Астраханского Государственного Технического Университета), gotovkina.rita@yandex.ru

Демина Т.А.

К 230-ЛЕТИЮ ЯССКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА И ВХОЖДЕНИЮ МЕЖДУРЕЧЬЯ ЮЖНОГО БУГА И ДНЕСТРА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

***Аннотация:** Современные реалии зачастую ставят перед государством задачи, от решения которых будет зависеть как будущее страны, так и геополитическая ситуация в мире. Исторический опыт имеет немаловажное значение в разрешении современных проблем.*

***Ключевые слова:** русско-турецкая война 1787-1791гг., Ясский мирный договор, «греческий проект», Крым, междуречье Буга и Днестра, Новороссия.*

9 января 2022 года исполняется 230 лет со дня заключения Ясского мирного договора между Российской империей и Турцией или Оттоманской Портой, как именовалась страна в официальном документе. Ясский мир закрепил итоги русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Это было седьмое по счету противостояние держав и вторая война, пришедшая на годы правления императрицы Екатерины II.

Правовой основой Ясского мира стал Трактат вечного мира и дружбы заключенный между Империей Всероссийскою и Оттоманскою Портою в Яссах в 29 день Декабря 1791 года чрез назначенных к тому с обеих Сторон Полномочных и подтвержденный обоюдными Государскими Ратификациями разменными между взаимными Полномочными в Яссах в 29 день Генваря 1792 года (даты приводятся по старому стилю) [3].

Анализ международной ситуации накануне и в период русско-турецкой войны 1787-1791 года (антироссийская коалиция, двойные стандарты союзников, ультиматумы по поводу Крыма и Кавказа, подстрекательство к началу военных действий и реальные военные угрозы со стороны западных держав) вызывает определенные параллели с современной геополитической ситуацией, поэтому опыт выдающихся российских государственных деятелей, дипломатов, военачальников 18-19 вв., которые с честью справились с возникшими проблемами и привели к славе русского оружия, дипломатии, расширению территориальных пределов империи и укреплению международного положения страны, представляет определенный интерес в условиях нынешних реалий.

Итоги и значение Ясского мирного договора будут предметом рассмотрения в настоящей статье.

В последней четверти 18 века особую остроту приобретает так называемый восточный вопрос. Западные державы, обеспокоенные усилением международного положения России и ростом ее влияния на Балканах и в Черноморском бассейне в связи с присоединением крымского полуострова, всячески провоцировали Османскую империю на развязывание новой войны с Россией. Был выставлен ультиматум о передаче Турции Крыма. Оценивая сложившуюся ситуацию, императрица писала Потемкину: «Все державы в ферментации, одна Гишпания спокойна» [1, с. 487].

Вместе с Турцией, которую активно поддерживают Англия, Пруссия и Голландия, в войну вступает Швеция.

В этой войне Россия в очередной раз выступает в качестве «Третьего Рима» - сосредоточения идеалов православного государства, так как одной из задач было признание независимости Дунайских княжеств, под старинным названием Дакия, освобождение Константинополя от турецкого владычества и воссоздание Византии как оплота православного мира. При успешном решении данных задач христианские земли освобождались от турецкого гнета, Россия получала право контроля важнейших проливов черноморского и средиземноморского бассейнов.

Западные державы всячески противились этому, так как не без основательно считали, что столь кардинальные изменения затронут интересы многих европейских держав.

Сложившаяся сложная международная ситуация привела к тому, что Россия после взятия Очакова была готова к заключению мира без территориальных изменений. Однако Турция, подстрекаемая западными державами к возврату Крыма, отказалась от подобного предложения.

Ситуация меняется летом 1789 года после блестящих побед Суворова под Рымником, взятия важных стратегических крепостей Аккермана (сейчас Белгород-Днестровский, Украина) и Бендер (Приднестровье), Россия устанавливает контроль над Дунайскими княжествами.

В переговорный процесс вмешивается Англия, которая готова выступить в качестве посредника в мирных переговорах взамен на возврат Турции всех завоеванных земель.

Дипломатические службы России принимают посредническую помощь, но не предлагаемые условия. Цель Российской империи – установление государственной границы по реке Днестр, признание государственной границей Османской империи по реке Дунай, оформление независимых дунайских государств, которые должны выступить своеобразным буфером между христианским и мусульманским миром.

Блестящие военные и дипломатические победы России обеспечивают выход Швеции из войны.

После взятия Измаила под контроль России попали не только стратегические пункты на реке Днестр, но и устье Дуная.

Англия готовится к войне, английский флот снаряжают для переброски к Санкт-Петербургу. Однако ситуацию удается изменить благодаря успешной работе российского посла. Английская парламентская оппозиция и торговые круги, оценив предполагаемый экономический ущерб от военных действий и разрыва торговых отношений, поддержали усилия российской дипломатии по недопущению развязывания военных действий со стороны Англии. Известен запрос Чарльза Грея о подготовке войны с Россией, в котором оппозиционер доказывает выгоды экономического сотрудничества с Россией: «Наша торговля с Россией всегда была наиболее выгодной. Она снабжала материалами наши мануфактуры и была отличным питомником для наших моряков. Наш экспорт в Россию доходил ежегодно до 2 миллионов фунтов стерлингов, а наш импорт – 1 миллиона. Пошлины на экспортную торговлю составляли ежегодно 300 тысяч фунтов стерлингов. В этой торговле было занято свыше 350 кораблей, почти сплошь за исключением четырех-пяти, британских. Спросим: мудро ли, осмотрительно ли прерывать такую торговлю» [4, с. 37].

Революционная ситуация во Франции летом 1789 года также выступила в качестве сдерживающего фактора в вопросе о начале военных действий против России, так как английский флот нужен был, прежде всего, для обеспечения безопасности английских берегов.

Военные успехи российской армии и флота под командованием Н.Репнина и Ф.Ушакова, утрата английской поддержки приводят к уступкам со стороны Османской империи: Турция соглашается на заключение мира. Английские военные угрозы сыграли свою роль. В ходе переговоров Российская сторона вынуждена была согласиться на возврат Турции Молдавии и Валахии. Однако по вопросу сохранения территории Буго-Днестровского междуречья позиция России оставалась непреклонной. Преодолевая сопротивление Турции, Потемкин заявил о намерении России сохранить за собой и Бессарабию и установить границу по реке Прут, «а если турки будут сопротивляться то и Дунай» [1, с. 490].

Итогом стало подписание вначале предварительного в г.Галаце, а затем и окончательного мирного договора в г.Яссы.

Со стороны России руководил переговорами граф А.А.Безбородко, подписи оставили А.Самойлов, И. де Рибас, С. Лашкарев. С турецкой стороны возглавил переговоры Юсуф Паша, подписали документ: Е.А. Бури, Е. И. Исмет, и Е.М. Дурри» [3, с.5].

Важным условием мирного договора стало облегчение положения христианских подданных Турции, закрепление положения об отказе Турции от взимания налогов в течение двух лет и возможность свободного переселения балканского населения в Россию, а также амнистия всех подданных.

Статья вторая закрепила действие всех прежних договоренностей по Крыму и Таману. Турция навечно уступала эти территории России, включая Кубань. К России отходили Очаковские земли и крепость Аккерман.

Статья третья закрепила на Западе в качестве государственной границы между империями реку Днестр и вхождение в состав России левобережья Днестра. Таким образом, 1792 год стал годом вхождения южного Приднестровья в состав Российской империи как части Новороссии. Тогда как правобережье Днестра, в том числе земли Бессарабии оставались в составе Турции, согласно положениям четвертой статьи.

Последующие статьи призваны были оградить границы российской империи от набегов турецких вассалов. Турецкая сторона обязывалась обеспечить неприкосновенность Карталинских и Кубанских земель, сдерживать «корсеров Алжирскаго, Тунисскаго и Трипольскаго Кантонов» [3, с.4], предоставить возможность возвратить всех пленных на родину, и прежде всего, захваченных в качестве невольников, с возмещением причиненного ущерба.

Десятая статья устанавливала дипломатические отношения между странами.

Кроме того, Россия оговаривала условия вывода войск и флота с территорий передаваемых Турции, а также право организации управления на оставляемых территориях вплоть до вывода русских войск. Турция отказывалась от своих претензий на Грузию [3, с.4].

Таким образом, победа России в русско-турецкой войне 1787-1791 гг. положила начало освоению так называемого «дикого запада» или «дикого поля» и Кубани.

Греческий проект императрицы Екатерины не был забыт, что нашло отражение в названии новых городов, появившихся вскоре на присоединенных территориях: Одессос (Одесса), Овидиополь, Григориополь (в честь Григория Потемкина), Тирасполь (Тирас – греческое название реки Днестр).

Кубанская область была заселена казаками, которые стали именоваться линейными [2, с.137]. Западные территории стали основой развития Черноморского казачества. Россия приступила к реализации своего плана создания зоны безопасности на южных рубежах, которые в течение 500 лет подверглись набегам крымских татар.

Политика переселения дала свои результаты: на левобережье Днестра переселились только за первый год свыше 4 тысяч человек, которыми были основаны свыше 20 населенных пунктов. Этнический состав переселенцев был самым разнообразным: русские, молдаване, сербы, болгары, армяне, немцы, что является отличительной особенностью современного Приднестровья.

Таким образом, политика «сдерживание северной империи» со стороны западных держав в конце 18 века, а затем и в начале 19 века потерпела неудачу в «восточном вопросе» во многом благодаря патриотизму, профессионализму русских государственных деятелей, полководцев и дипломатов.

В целом Ясский мир предопределил будущее развитие многих стран и народов, а территории, закрепленные за Россией, станут основой важной в стратегическом и экономическом отношении административной единицы империи – Новороссийской губернии.

Список цитируемой литературы:

1. Брикнер А.Г. История Екатерины II – Спб., 1885 – с. 911 // http://wars175x.narod.ru/cmp_brikner03.html
2. Керсновский А.А. История Русской армии. В 4 тт. – М., 1992-1994.
3. Трактат вечного мира и дружбы заключенный между Империею Всероссийскою и Оттоманскою Портою в Яссах в 29 день Декабря 1791 года чрез назначенных к тому с обеих Сторон Полномочных и подтвержденный обоюдными Государскими Ратификациями разменными между взаимными Полномочными в Яссах в 29 день Января 1792 года. СПб., 1792//https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XVIII/1780-1800/Traktat_Jassy/text.htm
4. Штейнберг Е. С. Р. Воронцов и англорусские отношения на рубеже XVIII и XIX веков // Исторический журнал, 1943. – № 11–12.

Сведения об авторе:

Демина Татьяна Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, зав.кафедрой конституционного, административного и муниципального права Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г.Шевченко; tagen809@rambler.ru

Бидова Б.Б.

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

***Аннотация:** на современном этапе развития правовой науки отмечается отсутствие анализа правовых форм реализации национальных интересов, а также механизма их реализации, что и стало предпосылкой анализа, отраженного в данной статье. Объектом является комплекс общественных отношений, возникающих в сфере реализации национальных интересов посредством соответствующего правового механизма. Предметом исследования выступают: правовые нормы и научные подходы, правовые категории теории национальных интересов, официальные документы (стратегии, концепции, договоры, программы, проекты и т.д.) и правоприменительная, включая судебную, практика.*

***Ключевые слова:** нация, национальный, интерес, национальный интерес, государство, общество, личность.*

Анализ научной литературы по проблеме исследования позволяет установить следующие правовые формы реализации национальных интересов: правоустановительную, правоисполнительную, правоприменительную, правоохранительную формы, а также правосудие, как особую форму правореализации. Первая из них является носителем установленных государством обязательных для всех правил поведения, исполнение которых представляет собой одно из условий.

Особенность правоустановительной формы обеспечения реализации национальных интересов заключается в том, что основная часть правил до их отражения в законодательных актах уже функционировала в среде социальных отношений, в фактическом правовом поведении участников правоотношений или устоялась в правовом сознании народных масс. По сути, все, что нужно сделать, – это легализовать их, соблюсти формальности и пройти как бы два этапа: а) появление обусловленной интересами государства и общества потребности в правовом упорядочивании определенных социальных отношений; б) непосредственная правоустановительная деятельность управомоченных субъектов.

Именно под этой сознательной, профессиональной деятельностью управомоченных субъектов в настоящем исследовании понимается правоустановительная форма обеспечения реализации национальных интересов. Она подразумевает провозглашение для всех обязательными общественных отношений, уже устоявшихся в социуме и не формирующихся напрямую государством. Речь идет о регламентированных социальными нормами правилах (традициях), церемониалах, устоях и т.д., причем не противоречащих интересам государства, закону.

Так, в Советском Союзе официально не допускалось нахождение в частной собственности средств производства и не допускались рыночные отношения в экономике. Однако в жизни эти явления все же существовали в области функционирования "теневой" экономики. С распадом Союза изменился политический режим в стране, что привело к официальному признанию права на частную собственность. [1, с.105]

Относительно правоисполнительной формы отметим, что это базирующееся на законодательных актах, текущее, ежедневное осуществление, прежде всего исполнительными органами власти, реализации национальных интересов в области экономики, экологии, социальной защиты, медицины, транспортного сектора, культуры, коммуникаций и т.д., то есть это – соответствующая функциональная деятельность специального разряда органов, должностных лиц и граждан, направленная на реализацию национальных интересов.

В ходе реализации национальных интересов государство вправе применять (и применяет, использует) разные инструменты и приемы; к примеру, реализация экономических интересов в отдельных случаях может осуществляться посредством "твердого" нажима на сферу экономики, подразумевающего ее протекание согласно государственному плану развития со свойственной ему инструктивностью или посредством применения разнообразных инструментов "рыночной экономики", базирующихся на системе противовесов, сдерживающих факторов, мотиваций и т.д.

Также следует сказать, что данная форма реализации национальных интересов, по мнению отдельных авторов, расценивается и как государственное управление. Иначе говоря, как "направленное влияние на внутренние отношения в обществе в интересах тех или иных классов и прочих разновидностей крупных частей социума, стремление направить его жизнедеятельность в организованное русло, соответствующее действующему законодательству, создать условия для его приспособления к трансформирующимся обстоятельствам окружения, а также для потенциального развития и эволюционирования". [1, с.141]

В этом направлении Е.Е. Тонков идет еще дальше – он в число правовых форм государственной деятельности включает и правоуправленческую: "Содержанием правоуправленческой формы государственной деятельности, по нашему мнению, охватывается комплекс задач, ранее решаемых в процессе правоисполнительной и организационно-распорядительной деятельности". [2, с.121] Думается, такая точка зрения может быть признана верной, и она заслуживает поддержки.

Одновременно, сущность правоисполнительной формы обеспечения реализации национальных интересов наибольшим образом совпадает со смысловым содержанием исполнительно-распорядительной деятельности, выполняемой на базе и в соответствии с законами и создающей условия для оперативной (повседневной) деятельности государства и госаппарата. [3, с.15]

Следовательно, правоисполнительная деятельность может расцениваться как создающая условия для оперативного (повседневного) обеспечения реализации национальных интересов в направлении удовлетворения потребностей. Она характеризуется индивидуальным (касающимся конкретного случая) правовым влиянием на персональных лиц, участвующих в конкретных социальных отношениях.

В свою очередь, в юридической литературе правоприменительная деятельность определяется как властная, организующая деятельность компетентных государственных органов по вынесению индивидуально-конкретных правовых предписаний. Применение права осуществляется с соблюдением особой процедуры, посредством прохождения различных по своему содержанию этапов (стадий), то есть в процессуальной форме. Изданные в процессе правоприменительной деятельности акты наделены особыми свойствами; они также разнятся по своему содержанию и формам. К примеру, законотворчество представительных органов власти и правотворчество исполнительно-распорядительных органов обладают определенными отличиями, а индивидуальные акты судебных органов имеют особенности в сравнении с индивидуальными актами прокуратуры или другого надзорного или контролирующего органа.

В самом общем виде применение права, есть властная организационная деятельность компетентных, то есть специально на это уполномоченных органов и должностных лиц по рассмотрению и разрешению юридических дел путем издания индивидуальных предписаний на основе и во исполнение действующего законодательства. В контексте ранее сказанного, правоприменительная деятельность характеризуется следующими признаками: имеет особый субъектный состав и носит волевой характер; носит управленческий характер; носит правотворческий характер.

Обеспечение отношении субъектов, позволяющее осуществить ими свои права и обязанности в процессе правореализации и есть правоприменительная деятельность.

Таким образом, учитывая изложенное, можно говорить о наличии такой формы реализации национальных интересов, как правоприменительная, обусловленная использованием правовых средств специально управомоченными субъектами.

Выполнение правоприменением функции индивидуального (касающегося конкретного случая) влияния права (интереса) заключается в решении, главным образом, конкретных задач, касающихся субъективных прав и обязанностей на базе норм права и с принятием во внимание определенных жизненных ситуаций. Иначе говоря, данная форма – это средство индивидуального юридического регулирования и воздействия права на общественные отношения, что имеет непосредственное отношение и к механизму реализации национальных интересов.

Примером сказанному может служить любая конфликтная ситуация: появление разногласия по поводу понимания права, невыполнение правовых обязанностей и другие. Именно при подобных обстоятельствах становится очевидной необходимость вовлечения в процесс разрешения ситуации (реализации интереса) соответствующего органа, который, руководствуясь своими государственно-властными компетенциями, мог бы подтвердить наличие субъективного права, принять решение о принудительном выполнении обязанностей.[4,с.28]

Подчеркнем, что существенный потенциал в достижении дифференцированного влияния права на реализацию национальных интересов заключен именно в правоприменении. Посредством использования нормативного метода можно достичь межвидового разделения правового регулирования на общественные отношения, а правоприменительного – внутривидового. При помощи правоприменительного метода можно продолжить нормативную дифференциацию, провести ее в пределах правоприменения и сообразно индивидуальной специфике. [5,с.40] Следовательно, применение права, правоприменительная деятельность (процесс) самым решительным образом и непосредственно вторгаются в сферу реализации национальных интересов, интересов каждой отдельно взятой личности, общества в целом и государства.

Следующей формой, причем своеобразной, реализации национальных интересов выступает правосудие, предполагающее, в частности, право субъектов и участников юридического процесса на защиту собственных интересов в ходе судебного разбирательства.

Конституция РФ гарантирует каждому гражданину судебную защиту прав и свобод, которыми он наделен в силу ст. 46 (ч. 1 и 2). Подлежат обжалованию в суде такие объекты, как решения, деяния или бездеятельность, приведшие к нарушению прав и свобод человека, созданию преград для их реализации, возложению на человека той или иной обязанности либо привлечению человека к той или иной ответственности. Для этих целей предусмотрено конституционное, уголовное, гражданское, административное и арбитражное судопроизводство.

Роль правосудия оценивается, главным образом, тем обстоятельством, что посредством этой формы разрешаются конфликтные ситуации, возникающие между субъектами права в связи с их разноуровневыми интересами, восстанавливается нарушенное право, что, конечно же, относится к сфере реализации национальных интересов по причине заинтересованности государства в социальной устойчивости, содействующей нормальной его (государства) жизнедеятельности, в обеспечении защиты прав и свобод, чести и достоинства граждан своей страны.

Значение правосудия в реализации национальных интересов заключается в следующем: выполняя судебные функции, суд решает важнейшие задачи по защите прав и свобод человека, обеспечению интересов общества и государства, а также законности во всех сферах их жизнедеятельности.

Примечательно, что в свое время П.А. Лупинская предложила формулировку правосудия, как деятельности соответствующих государственных органов, именуемых судами, реализуемой через рассмотрение и вынесение решения в судебных слушаниях в законном режиме гражданских и уголовных дел для максимального упрочения советской законности и правового порядка. Также она утверждала, что задачей судопроизводства является защита от любых покушений, отмеченных в Основном Законе, на социальное устройство, политическую и экономическую структуру, социально-народнохозяйственные и личные права и свободы лиц, права и легитимные интересы госпредприятий, институтов государства, кооперативов и негосударственных институтов. [6,с.208] То есть в этом случае фактически речь идет о реализации национальных интересов.

Безусловно, усматривая в правосудии особую форму обеспечения реализации общих для всей нации интересов, следует учитывать его характерные особенности.

Особые отличительные свойства правосудия содержатся в том, что оно совершается: а) специальными госорганами – судами; б) от лица государства; в) посредством рассмотрения в судебных слушаниях уголовных, гражданских и других дел; г) в законном режиме.

Заметим, что указанные авторы не оперируют понятием национальных интересов; упор сделан на вид государственной деятельности по разрешению юридических дел, включая и разрешение конфликтных ситуаций, порождаемых, как уже отмечалось, различными интересами.

Несмотря на традиционно повышенное внимание ученых к проблемам правосудия, правового статуса суда, его взаимодействием с законодательными и исполнительными органами и т.д., не подчеркивается конкретно его роль в реализации национальных интересов.

В то же время отдельные авторы определяют правосудие как деятельность судов по обеспечению прав, свобод, законных интересов личности, общества и государства, а также их охрану и защиту. В том числе, уточним, обеспечивали реализацию национальных интересов путем отправления правосудия.

Таким образом, изложенное позволяет выявить роль и значение органов судебной власти в эффективной реализации национальных интересов.

В заключение по рассматриваемому вопросу назовем и правоохранительную форму, под которой подразумевается деятельность специального разряда органов и их должностных лиц, направленная на предупреждение и пресечение правонарушений. Следовательно, указанная форма напрямую связана с реализацией национальных интересов, ее обеспечительным механизмом.

Следует также отметить направленность и сущность такой формы реализации национальных интересов, как профилактическая деятельность (превенция) – это законное применение способов, методов и средств, позволяющих воспрепятствовать еще не произошедшему (но с большой долей вероятности можно предположить, что произойдет) противоправному деянию, посягающему на субъективное право, или нарушению обязательного для всех правила поведения.

В свою очередь, деятельность по пресечению правонарушений заключается в использовании средств, прекращающих противоправные действия, включая осуществление мер по установлению лица, нарушившего закон (совершившего правонарушение, в том числе, и преступление) и привлечению его к установленной законом ответственности.

Что же касается контрольно-надзорной формы деятельности, то это – все виды государственного надзора и контроля за исполнением законов, регламентов, правил, процедур и т.д., что, безусловно, способствует реализации национальных интересов. При этом особая роль отводится надзорной деятельности органов прокуратуры, заключающейся в проверке точности и единообразности исполнения Конституции РФ и функционирующих в стране законов, а также в обеспечении прав и свобод человека и гражданина, в их защите.[7, с. 40]

Надо отметить относительно правовых форм реализации национальных интересов, в определенной мере, наш подход созвучен с мнениями других авторов. Так, А.И. Овчинников считает правотворческую деятельность, правоприменительную и правоохранительную деятельность формами осуществления национальных интересов только органами государства, что несколько отличается от нашей точки зрения об участии в реализации национальных интересов и других субъектов.[8, с. 105]

И в заключение по данной статье обратим внимание на следующее обстоятельство: наряду с правовыми, для полноценного обеспечения реализации национальных интересов важное значение должно отводиться и так называемой организационной форме. По нашему мнению, организационная форма включает в себя такие ее подвиды (деятельность), как: организационно-регламентирующая, организационно-хозяйственная, финансовая, кадровая и т.д., а если в целом и кратко – организационно-обеспечительная деятельность.

Список цитируемой литературы:

1. Зеркин Д.П., Игнатов В.Г. Основы теории государственного управления: курс лекций. Ростов н/Д: ИЦ «МарТ», 2005. 249с.
2. Тонков Е.Е. Методологические основания введения категории // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* № 8 (63). 2009, С. 119-129.
3. Овсянко Д. М. Административное право. М.: Юристъ, 2012. С.15.
4. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во.
5. Иванов В. П. Условия обеспечения реализации государственных интересов // *Вестник Московского университета МВД России.* 2021. № 1. С. 28.
6. Лупинская П. А. Правосудие // *Юридический энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 280.
7. Тонков Е. Е. Трансформация юридических форм осуществления государственных функций в условиях кризисной ситуации // *История государства и права.* 2009. № 11. С. 39.

8. Основы теории национальной безопасности: учебное пособие / А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, А.Г. Кравченко. - М.: РИОР, 2014. 252 с.

Сведения об авторе:

Бидова Бэла Бертовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадыева, bela_007@bk.ru

Бидова Б.Б.

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ КАК ОСНОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Аннотация:** в статье освещаются вопросы совершенствования механизма реализации национальных интересов и обеспечения национальной безопасности, анализируются подходы к определениям «национальные интересы», «система обеспечения безопасности государства». Определено что национальный интерес - одна из наиболее часто употребляемых и используемых государством категорий. В условиях усиливающейся взаимозависимости стран определение национальных интересов страны, выстраивание иерархии этих интересов - ключевая задача любого правительства, так как в конечном итоге от её решения зависит существование самого государства. Дается анализ основных законодательных актов, регулирующих вопросы реализации национальных интересов. Сделаны выводы о том, что имеет место законодательная рассогласованность определений, нечеткость целей и подходов к их осуществлению, не отражена их приоритетность. Не детерминированы обязанности и ответственность государственной власти в осуществлении национальных интересов.*

***Ключевые слова:** механизм реализации, обеспечение, национальные интересы, безопасность, национальная безопасность.*

Непоследовательность и противоречивость процесса трансформации разных сфер жизнедеятельности всеобщего мира создала немало двусмысленностей, невнятных и неоднозначностей в составлении стратегии национальных интересов РФ. Среди объективных аспектов можно выделить геополитическое положение государства, уровень развития экономики и социальной политики и пр. К перечню субъективных аспектов причисляются распространенные мнения, понимания и рассуждения людей, которые принимают решения об национальных интересах государства, то есть «свойственная этому социуму система ценностей»[1,с.85].

Национальные интересы и механизм их обеспечения охватывает почти весь спектр социальных отношений, среди прочего политику, экономику, социальную политику, информационную сферу, культуру и пр.

Суммируя имеющиеся в различных источниках представления и понятия об улучшении законодательства как одного из условий обеспечения реализации национальных интересов на законодательном уровне, можно привести перечень необходимых для этого мероприятий.

Проведение основных мероприятий общего свойства:

- построение действенной и обдуманной государственной политики и обеспечение гражданского единогласия касательно политико-правовой структуры страны;
- применение принципа дифференциации властей с присутствием результативной системы сдержек и противовесов и налаживание взаимодействия разных ветвей власти на различных стадиях нормотворческого процесса и процесса реализации законов.

Проведение основных мероприятий содержательного свойства:

- четко сформулированное установление закона и всех его значимых составляющих;
- удобная и понятная законодательная конструкция (целостность, сбалансированность, наличие взаимосвязи между всеми частями структуры закона, закономерная хронология преподнесения информации); стандартизация, тождество формы, построения закона, методов преподнесения правовых указаний; содержательность, выгодность, сжатость правовых формул;
- приведение к единообразию и эталонирование нормотворческой терминологии;
- упрочение структурности законодательства.

Проведение основных мероприятий процессуального свойства:

- оценивание потребности в утверждении законопроекта;

- глубокий, развернутый анализ и принятие во внимание общественного мнения и социальных интересов на всех стадиях нормотворческой работы;
- укоренение традиции выполнения в подходящий момент и при сложившихся обстоятельствах общественных экспериментов с целью выявления наилучшего варианта правового упорядочивания тех или иных групп социальных отношений и разработки оптимально результативной формы правового влияния на такие отношения;
- улучшение правового упорядочивания процесса законотворчества: установление предмета и границ нормотворческой деятельности;
- обогащение Основного закона РФ разделом о правотворческой работе госорганов с отчетливой дифференциацией предметов ведения Госдумы и Президента, установлением полномочий каждого органа правотворчества;
- улучшение практики составления планов и прогнозов законодательства;
- устранение проявлений коррупции в законодательной системе.

Помимо этого, следует решить и другие проблемы, сопряженные с фактическим осуществлением нормативных предписаний, что подразумевает повышение результативности контрольно-надзорной работы всех ветвей власти, в особенности - исполнительной власти, осуществляющей наибольшую часть этих компетенций.

Хотя процесс развития устойчивых формальных образцов поведения государственной службы организационно многообразен, однако профессиональная деятельность любого чиновника естественным образом совмещает в себе социальные и юридические основы, отображающие:

- 1) общее, свойственное социальному и правовому в каждой из разновидностей деятельности людей;
- 2) особенное, проявляющееся в профессиональной деятельности чиновника;
- 3) единичное, проявляющееся в те или иных разновидностях, направлениях государственной службы.

Для пушей наглядности предлагаем проанализировать путь становления механизма обеспечения национальной безопасности на примере конкретных актов, имевших огромное значение в этом процессе.

Одной из самых ранних можно считать Концепцию национальной безопасности РФ от 1997 года, утвержденную Президентом РФ. В ней были закреплены главные линии государственной деятельности в сфере национальной безопасности.

Во вводной части Концепции была приведена дефиниция, собственно, национальной безопасности РФ, а именно: система воззрений на обеспечение в России безопасности человека, общества и страны от угроз, исходящих извне и имеющихся внутри государства, относящихся ко всем областям функционирования[2,с.61].

Здесь было положено начало (отталкиваясь от исследования понятия «национальные интересы») определения системы угроз безопасности страны на текущей стадии и формулирования условий их предотвращения.

В данной Концепции первый раз в российской действительности были представлены приоритеты РФ в интернационалистской сфере с принятием во внимание разного рода угроз в области внешней стратегии. Основной опасностью в числе прочих было провозглашено противодействие международной террористической деятельности. В этом был резон, учитывая недавно завершённую войну в Чеченской Республике, произошедшие взрывы жилых домов в столице, подрыв поезда и падение башен-близнецов в США в 2001 году.

Одновременно с этим, в данный документ были включены определения значимых направлений политики государства. Например, в нем содержалась дефиниция категории «национальные интересы РФ» как комплекса согласованных интересов человека, социума и страны в различных сферах жизнедеятельности государства (внутренней и внешней политике, экономике, социальной политике, информационной сфере, военном деле, пограничной области, экологии и пр.), давалась их содержательная часть сообразно тому или иному направлению. В развернутом виде были представлены нормы, касающиеся системы обеспечения национальной безопасности, компетенций государственных структур и сил ее обеспечения, их численность и контингент, правила и регламент деятельности соответственно действующим законам. Обозначались полномочия и роль Президента РФ, Федерального Собрания РФ, Совета Безопасности РФ, федеральных госорганов исполнительной власти, госорганов исполнительной власти субъектов РФ в создании и претворении в жизнь стратегии обеспечения национальной безопасности.

Рассмотрев содержательную часть этого акта, можно говорить о следующих его безусловных плюсах:

а) выделение безопасности нации в качестве ключевой проблемы в совершенствовании государственности нашей страны и всего социума;

б) помещение (в первый раз) в правовое поле категорий «национальная безопасность» и «национальные интересы РФ»;

в) выполнение всеохватного оценивания наличествующих и возможных угроз интересам нации РФ в сфере экономики, социальной политики, внутренней политики, внешней политики, экологии, военного дела, информационного сектора, духовности, пограничной жизни;

г) обозначение главных составляющих аппарата обеспечения национальной безопасности.[3,с.172]

Одновременно с этим, этот вариант Концепции наделен рядом изъянов: неоднозначностью представленных дефиниций, непринятием во внимание нескольких важных угроз национальным интересам (к примеру, угроз в области демографии), уходом от вопроса дифференциации компетенций федеральных и региональных органов государственной власти относительно проблем безопасности и пр.

Оттенок насущной потребности обрела последующая детализация в актах разных уровней главных установок Концепции. Причем и в вопросах установления общих правил безопасности нации, и ее отдельных подвидов, а также аппарата обеспечения. В итоге, на смену этому документу пришла Стратегия национальной безопасности РФ. [4,с.158] Так как это первый в своем роде утвержденный документ, он требует тщательного рассмотрения его содержания. Посредством этого документа было расширено понимание безопасности. Причем это касается и объектов посягательства, и источников угроз. Также документ обозначил ряд новых задач в области регуляторного упорядочения категории «безопасность».

Документ разрабатывали с целью объединения усилий «центра» и нижних властных уровней в области гарантирования безопасности нации.

Важно то, что Стратегия признана на законодательном уровне системой основных приоритетов, намерений и действий во внутренней и внешних направлениях, обуславливающих состояние защищенности нации и степень стабильного совершенствования государства в дальнейшем. Главная задача этой разработки заключалась в создании и сохранении усилиями государственных органов, гарантирующих национальную безопасность, внутригосударственных и международных условий, благоприятствующих выполнению стратегических приоритетов нации.

В документе в расширенном виде были представлены следующие основные понятия: «национальная безопасность», «национальные интересы РФ», «угроза национальной безопасности», «стратегические национальные приоритеты», «система обеспечения национальной безопасности», «силы обеспечения национальной безопасности», «средства обеспечения национальной безопасности».

По вполне обоснованному мнению И.Б. Кардашовой, утверждение данного документа стало эпохальным событием, поскольку знаменовало пробуждение отечественной стратегической культуры[5,с.33].

Мы полагаем, что в сравнении с предыдущей Концепцией нынешняя Стратегия:

- совершенно поменяла курс обеспечения национальной безопасности, избрав в качестве ее ориентира стратегические национальные первоочередные задачи;

- обрисовала новый вектор политики государства в сфере национальной безопасности;

- обозначила задачи, цели и ориентиры эволюционирования системы обеспечения безопасности в корреляции с описанием угроз для каждого приоритета и действиями, осуществляемыми для их предупреждения и устранения;

- создала новый механизм обеспечения объединенных усилий страны и социума и пр.

Однако по итогам рассмотрения данного документа были выявлены довольно существенные недочеты:

- не были обозначены структуры действительно ответственные за ее исполнение;

- не были приведены целевые к 2020 году показатели по каждому из направлений;

- отсутствовало определение ресурсной базы обеспечения национальной безопасности;

- не была конкретно установлена система угроз национальной безопасности государства и их происхождение [6,с.36] ;

- отсутствовала формулировка характеристик некоторых важных для этой сферы понятий: «государственная безопасность»; «социальная безопасность»; «энергетическая безопасность»; «экологическая безопасность»; «информационная безопасность» и пр.

Помимо этого, в этом документе, как считают автор научной работы «Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты», не исследовались обстоятельства, несогласованности, аспекты, обуславливающие то или иное положение безопасности, и как результат, не предоставлены пути выявления направлений ее роста и упрочения в ближайшем и отдаленном будущем [7,с.94].

Также стоит подчеркнуть еще один немаловажный факт: в 2014 году первый раз официально в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ было установлено, что в Стратегию введены:

- первоочередные направления, задачи и действия в сфере внутри- и внешнеполитической деятельности в части обеспечения безопасности нации РФ;

- оценка современного положения безопасности нации РФ и вероятных угроз ее безопасности в будущем;

- детерминирование национальных интересов РФ и стратегических приоритетных задач нации в части обеспечения безопасности нации РФ;

- определение задач и целей обеспечения безопасности нации РФ в разных отраслях продвижения страны и путей борьбы с угрозами национальной безопасности РФ;

- детерминирование управленческой, юридической и информационной базы обеспечения безопасности нации РФ;

- содержательная часть ключевых показателей состояния безопасности нации РФ;

- содержательная часть других положений, провозглашенных Президентом РФ. [8,с.140]

Соответственно Федеральному закону «О стратегическом планировании в Российской Федерации» Стратегию следует менять каждые 6 лет. Поэтому Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года гласил о закреплении новой Стратегии национальной безопасности РФ.

Этот вариант Стратегии есть базисным документом составления планов на длительные сроки, важнейшим элементом регуляторной структуры аппарата обеспечения государственной безопасности. Он формулирует интересы, задачи и цели страны в сфере внутри- и межгосударственной стратегии государства, определяет ее стратегические приоритеты текущего этапа и совокупность действий, предпринимаемых для гарантирования безопасности России. Здесь определены задачи, которые еще очень долго будут значимыми, а также определен перечень мероприятий, обуславливающих объединение усилий госорганов, местных администраций и гражданского общества с целью реализации установленных стратегических целей эволюционирования государства и обеспечения его национальной безопасности.[9,с.35]

В новой редакции Стратегии приведено ряд значимых понятий: национальная безопасность РФ, национальные интересы РФ, угроза национальной безопасности, обеспечение национальной безопасности, стратегические национальные приоритеты РФ, система обеспечения национальной безопасности, однако не использован термин «механизм обеспечения национальной безопасности».

Разумеется, новая Стратегия благоприятно сказывается на улучшении доктрины общей национальной безопасности РФ, ее понятийного однообразия. Среди прочего, в ней дополнены, уточнены и исправлены ранее принятые на правовом уровне дефиниции, также добавлено ряд новых терминов и универсализированы разновидности национальной безопасности России.

Итак, механизм обеспечения национальной безопасности в РФ представляет собой систему создающуюся, динамичную, и ее развитие базируется на улучшении законодательной базы, ее адекватности. Но, сейчас такой полновесной основы еще нет. Хотя законодательно и утверждено множество законов разных правовых уровней, но они не придают законченный вид законодательной базе, не универсализированы, поскольку находятся в поле деятельности разных отраслей права, имеют отношение к тем или иным угрозам и зачастую ориентированы на осуществление лишь узковедомственных интересов.

Исходя из этого, можно заключить, что координирования отношений в области безопасности нации и, тем самым, ее интересов посредством исключительно подзаконных актов, вовсе недостаточно. Следует принять Федеральный конституционный закон «О национальной безопасности РФ» с описанием в нем понятия «национальная безопасность», ее разновидностей и других важных категорий. В этом законе нужно обозначить меры усиления контроля за соблюдением законов при работе фигур механизма обеспечения национальной безопасности, функцию общественных струк-

тур в указанной сфере. Также нужно явственнее прочертить задачи, роль и компетенции госструктур разных уровней в отрасли безопасности государства и механизма ее обеспечения, упорядочить реализацию и сотрудничество госорганов в деле борьбы с разного рода угрозами безопасности государства, расширить полномочия и повысить ответственность государственного аппарата и общественных структур в сфере обеспечения безопасности государства. [10, с. 72]

Для построения актуальной регуляторной структуры аппарата достижения безопасности государства и, тем самым, интересов всей нации, нужно далее сделать упор на всех слабых и спорных местах (отчасти изложенных в этом исследовании), так как по-настоящему функционировать аппарат обеспечения национальной безопасности не может без адекватного юридического обеспечения.

В действующей Стратегии уточнены главные направления обеспечения безопасности государства. Среди них: оборона государства; безопасность государства и общества; налаживание жизни граждан; рост экономики; медицина; научная сфера, просвещение; духовно-культурная сфера; экосистемы и правильное управление природными ресурсами; стратегическая неизменность и равновесное стратегическое взаимодействие.

В этой Стратегии объявляются реальными проблемы, вызванные функционирующим терроризмом. По российскому опыту и опыту прочих государств, недооценка риска террористических угроз стало причиной реального их обеспечения в виде жестких действий террористических структур международного масштаба относительно РФ и на ее территориях, притом в своем наиболее мощном и беспощадном выражении.

Список цитируемой литературы:

1. Бабурин С.Н. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты. М.: Статус, 2014. 367 с.
2. Беляев В.П., Беляева Г.С. К вопросу о понятии и особенностях правового закрепления национальных интересов /В сборнике: Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ». 2018. С. 32-37.
3. Беляев В.П., Чапчиков С.Ю. Оптимизация механизма обеспечения национальной безопасности России: некоторые направления //Актуальные проблемы российского права. 2018. №9(94). С. 31-41.
4. Беляева Г.С. К вопросу о механизме обеспечения реализации национальных интересов // Вестник чеченского государственного университета. 2020. № 2 (38). С. 138-143.
5. Кардашова И.Б. О проблемах исследования обеспечения национальной безопасности // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 30-38.
6. Очкин Р.О. Формирование национально-государственного экономического интереса в концепции национальных интересов России //Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6. С. 83-87.
7. Саидов З.А., Бидова Б.Б. Анализ правового механизма обеспечения национальных интересов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №4. С. 157-160.
8. Саркарова Н.А. Национальные интересы и национализм //Манускрипт. 2017. № 13(86). С. 170-174.
9. Трухачев В.В. Национальные интересы: теоретический дискурс проблемы //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 1. С. 53-65.
10. Чапчиков С.Ю. Принципы механизма обеспечения национальной безопасности //Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. №6(85). С. 70-73.

Сведения об авторе:

Бидова Бэла Бертовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологи ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадыева, bela_007@bk.ru

Багдасарян И.А., Морозов Н.В.
ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКАМИ ЦИФРОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация:** В статье проанализировано российское законодательство, регулирующее правоотношения в сфере цифрового права. Выявлена проблема признания несовершеннолетних участниками цифровых правоотношений в Российской Федерации. Раскрыты причины необходимости закрепления детей участниками цифровых правоотношений на нормативном уровне.*

***Ключевые слова:** цифровое право, цифровые правоотношения, субъекты цифровых правоотношений, несовершеннолетние как субъекты цифровых правоотношений, информация как объект цифровых правоотношений.*

Развитие информационных технологий за последние десятилетия привело к всесторонним изменениям, происходящим в российском обществе. В настоящее время мы можем наблюдать процессы интенсивного развития цифровых технологий, которые оказывают огромное влияние на большинство сфер жизнедеятельности социума. Данные изменения формируют отличную от материального мира информационно-цифровую реальность. Подобные преобразования создают новую технологическую среду, в которой существует такой социальный феномен, как право, которое регулирует отношения в цифровой сфере.

В Российской Федерации законодательно закреплено понятие термина цифрового права. Согласно п. 1 ст. 141.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) цифровые права – это обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

По причине того, что цифровизация подразумевает использование соответствующих технологий для повышения качества жизни общества и упрощения передачи информации в информационной среде, полагаем, что цифровое право – это нормы обязательного поведения, которые возникают вследствие использования необходимых цифровых технологий в информационной среде.

Основной системой, предназначенной для передачи информации, доступ к которой может быть осуществлен с использованием необходимых технических средств, является информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» (далее – сеть «Интернет»). Согласно данным ежегодного отчета Digital 2021 Global Overview Report, общая численность пользователей сети «Интернет» в России за год увеличилась на 5,1% (на 6 млн. человек), и к январю 2021 года насчитывает 124 млн. человек, что составляет 85% от численности населения России [1]. Поэтому можно предположить, что в исключительных случаях цифровое право также включает обязательные правила поведения субъектов права в сети «Интернет».

Таким образом, обобщив данные понятия, следует определить, что цифровое право – это обязательные нормы поведения, складывающиеся по поводу регулирования имущественных, а также связанных и несвязанных с ними личных неимущественных отношений, между субъектами права, формирующихся посредством использования цифровых технологий и сети «Интернет».

Представляется, что вопрос о дефиниции цифрового права является дискуссионным. По мнению В.С. Белых, М.О. Болобоновой и Л.Г. Ефимовой, это связано в первую очередь с тем, что в одном понятии или определении предельно сложно отразить всю сущность преобразований, происходящих в цифровой среде [3, с. 7; 8, с. 53]. Также трудно учесть и динамику изменений, происходящих в цифровой сфере.

Цифровые правоотношения являются составным элементом цифрового права. В законодательстве Российской Федерации отсутствует понятие термина цифровых правоотношений, однако, основываясь на вышеизложенных понятиях цифрового права, можно сказать, что цифровые правоотношения – это гражданские правоотношения между субъектами цифрового права, складывающиеся по поводу объектов отношения в информационно-цифровой среде.

Информация, согласно п. 1 ст. 5 Федерального закона от 27.07.2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ № 149), является объектом публичных, гражданских и иных правоотношений. В силу того, что раскрытие понятия цифровых прав содержится только в ГК РФ, цифровые правоотношения складываются на основе гражданских, из чего следует, что информация также является объектом цифровых правоотношений.

В соответствии с п. 2 ст. 141.1 ГК РФ субъектами цифровых правоотношений признаются лица, которые в силу правил информационной системы имеют возможность распоряжаться своими цифровыми правами. По причине того, что в доминирующей в мире сети «Интернет» отсутствуют

легально закрепленные правила ее использования, невозможно установить, кто считается субъектом цифровых правоотношений, в связи с чем субъекты таких правоотношений определяются законодательством государств, на территории которых пользователь сети «Интернет» осуществил свои цифровые права.

Из-за того, что в сети «Интернет» создается особая информационная среда, субъекты такой среды, в силу ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации, имеют право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Соответственно, несовершеннолетние также являются субъектами цифровых отношений в сети «Интернет». Более того, согласно распоряжению Правительства России от 02.12.2015 года № 2471-р дети рассматриваются равноправными участниками процесса формирования информационного общества в Российской Федерации.

Законодатель статьей 128 ГК РФ относит цифровые права к имущественным правам субъектов гражданских прав. И поэтому те или иные действия, направленные на установление, изменение или прекращение цифровых прав, являются сделками в информационно-цифровом пространстве. За некоторыми исключениями сделки, совершенные несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, требуют согласия своих законных представителей, также сделки за малолетних совершаются только от имени их законных представителей.

Анализируя вышесказанное, можно прийти к заключению, что любые действия, совершаемые несовершеннолетними в цифровом пространстве и в сети «Интернет», в том числе и действия, направленные на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, в зависимости от возраста ребенка требуют либо согласия, либо самого совершения такого действия своим представителем.

Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 29.12.2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и ФЗ № 149 предоставляют право ребенку на поиск, получение и распространение информации. Однако, согласно вышеизложенному выводу, эти права не будут реализовываться в полной мере, что воспрепятствует несовершеннолетним стать полноправными участниками цифровых правоотношений. Такое заключение, основанное на нормах права Российской Федерации, нельзя признать правовым и учитывающим законные интересы ребенка.

2 марта 2021 года экспертами Комитета по правам ребенка был опубликован документ «Замечание общего порядка №25 о правах ребенка в цифровой среде» (далее – Замечание), который стал дополнением к Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года. Британская правозащитница баронесса Бибан Кидрон, глава фонда 5Rights Foundation, который поддерживал Комитет в создании Замечания, отмечала: «Права детей должны распространяться на цифровой мир. Меня удивляет, что так было не всегда, что мы почему-то не вспоминали про права детей в то время, как цифровые технологии развивались и занимали все больше места в нашей жизни» [6].

П. 12 Общего принципа «Наилучшие интересы ребенка» Замечания указывает, что государствам необходимо обеспечить, чтобы в любой деятельности, которая касается создания, регулирования и использования цифровой среды и управления ею, значительное внимание уделялось интересам ребенка. В Замечании данный принцип идет перед принципом права на жизнь, выживание и развитие, что показывает его важность и значимость для общества в информационно-цифровой среде.

П. 50-57 Замечания предоставляют ребенку право на доступ к информации. Так, согласно п. 50 Замечания государства обязаны обеспечить несовершеннолетним доступ к информации в цифровой среде и ограничивать это право только в тех случаях, когда это предусмотрено законом. П. 54 Замечания предписывает, что страны не должны самостоятельно или посредством других субъектов препятствовать и мешать подаче электроэнергии, подключению к сетям сотовой связи или к сети «Интернет», если это приведет к затруднению доступа ребенком к информации и коммуникации. Таким образом, никто, в том числе и законные представители несовершеннолетнего, не должны создавать ему препятствия в получении информации в информационно-цифровой среде, если получение такой информации не противоречит законодательству государства и учитывает интересы ребенка.

Помимо вышесказанного, согласно п. 35 и 55 Замечания, несовершеннолетние являются полноправными участниками цифровых правоотношений. В соответствии с п. 35 Замечания предпринимательский сектор прямо и косвенно воздействует на права детей при предоставлении товаров и услуг, связанных с цифровой средой. П. 55 Замечания определяет, что страны должны различными способами воздействовать на поставщиков цифровых услуг, используемых детьми, чтобы они применяли краткую и понятную маркировку контента, например, о соответствии контента возрасту

или о его надежности. Следовательно, несовершеннолетние имеют право на потребление цифровых товаров и услуг, из чего следует, что дети могут вступать в цифровые правоотношения, быть стороной при заключении сделки, направленной на получение цифрового блага.

Таким образом, мы видим, что на наднациональном уровне закреплено право несовершеннолетних на беспрепятственное получение информации и их полноправное участие в цифровых правоотношениях, что требует не только легального принятия данных положений, но и закрепление структуры и понятия цифрового права государствами. Однако, как было отмечено выше, в Российской Федерации законодательно дети не являются полноправными участниками отношений, возникающих в цифровом праве. Помимо отнесения несовершеннолетних к субъектам цифровых правоотношений Комитетом, существует ряд исследований, проводимых российскими организациями, в которых констатируется активное пользование сетью «Интернет» детьми и, следовательно, их участие в цифровых правоотношениях наравне с иными участниками.

Согласно опросу банка «Открытие» 74% несовершеннолетних в России пользуются социальными сетями [7]. При этом среди детей в возрасте 11-15 лет эта доля достигает 92%, а среди подростков 16-18 лет – 97%. Социальные сети представляют собой средства публичной коммуникации, и поэтому пользователи, общаясь и взаимодействуя друг с другом, затрагивают права своих собеседников и иных лиц. Некоторые несовершеннолетние также выступают в роли «кибербуллеров», то есть подростков, совершающих агрессивные действия и виртуальный террор в сети «Интернет». В результате анкетирования, проведенного А.А. Бессчетновой, было выявлено, что из 78 подростков 47 хотя бы раз становились жертвами «кибербуллинга», а 15 из них сами заявляли себя как «кибербуллеры» [4, с. 480]. Проявляя акты агрессии и травли, несовершеннолетние затрагивали права других детей, вступая тем самым в цифровые правоотношения.

По данным исследования проекта WEB-Index, в России в 2020 году использование сети «Интернет» людьми в возрасте 12-24 лет приблизилось к 100% [2]. Включение лиц возраста 12-18 лет в данное исследование показывает активное пользование сетью «Интернет» несовершеннолетними. В свою очередь организация Mediascope, создатель проекта WEB-Index, является лидером российского рынка медиаисследований, мониторинга рекламы и СМИ, и поэтому, полагаем, результаты исследования следует признать надлежащими.

В свою очередь, согласно данным опроса, проведенного сервисом SuperJob, родители детей стали спокойнее относиться к активности несовершеннолетних в социальных сетях [11]. В сравнении с 2019 годом, когда сервис проводил аналогичное исследование, россияне стали чаще воспринимать нормальным заведение личных аккаунтов в любом возрасте. В 2021 году в компании констатировали, что, по мнению 7% опрошенных, использование соцсетей допустимо в любом возрасте, тогда как 17%, напротив, уверены, что заводить личную страницу в принципе не допустимо. Увеличилось и количество родителей, сообщающих о наличии у детей до 12 лет собственной страницы в социальных сетях. Как можно заметить, сегодня растет число родителей, одобряющих активное участие несовершеннолетних в цифровых правоотношениях.

Нежелание общественности признавать несовершеннолетних участниками цифровых правоотношений отражается и на отсутствии легального закрепления детей субъектами отношений, основанных на нормах цифрового права. Причинами неготовности признания могут служить следующие обстоятельства:

1. По мнению Ф.Р. Султанбаева, ввиду психологической и эмоциональной незрелости несовершеннолетнего, несформированной системы ценностей, сеть «Интернет» является основным источником получения опасного контента, ввиду чего необходимо блокировать сайты, содержащие вредную и запретную для ребенка информацию [12, с. 198]. Полагаем, что данный тезис является дискуссионным. Одним из значимых шагов по модернизации российского законодательства в сфере защиты детей от незаконной информации стало принятие в 2010 году Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», призванного обеспечить защиту несовершеннолетних от информации, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации. Помимо вышесказанного, Министерство связи и массовых коммуникаций подготовило критерии блокировки источников, основанных на международных стандартах, однако, Министерство не может предоставить гарантии по действенности этих критериев [13, с. 169]. Данное обстоятельство является основной причиной того, почему несовершеннолетние сегодня не признаются субъектами цифровых правоотношений. Любая информация, которая попадает под законодательный запрет, обязана быть заблокирована, так как она также может угрожать национальной информационной безопасности согласно п. 57 Указа Президента РФ от 02.07.2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

2. В настоящее время проблема распространения зависимого поведения, в особенности интернет-зависимости, приобретает актуальное значение. Доцент кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения Московского государственного психолого-педагогического университета Виктория Барцалкина привела данные, что среди подростков 12-13 лет число интернет-зависимых достигает 80% [10]. Сеть «Интернет» способствует возникновению психологических проблем, в частности появлению негативных эмоциональных состояний, снижению уровня самооценки, формированию чувства неуверенности [9, с. 205]. В случаях выявления интернет-зависимости у ребенка родителю рекомендуется ограничить пользование несовершеннолетним сетью «Интернет».

3. В 2021 году комиссия общественной палаты по демографии, защите семьи, детей и традиционных семейных ценностей в России подписала меморандум о защите детей в сети «Интернет» и социальных сетях. Одной из важных тем данного документа стал вопрос возрастной идентификации в сети «Интернет». Комиссия посчитала, что необходимо законодательно установить возрастную идентификацию несовершеннолетних в сети «Интернет» и социальных сетях по причине их использования для политической манипуляции и вовлечения детей в незаконные акции. Ранее идею ввода возрастного ценза для регистрации в социальных сетях высказала детский омбудсмен Татарстана Ирина Волюнец. Причиной этого, по ее мнению, было вовлечение несовершеннолетних в протестные мероприятия.

Все вышеперечисленные причины несут в себе цель частичного или полного ограничения пользования несовершеннолетними сетью «Интернет». В свою очередь полный запрет пользования этими средствами недопустим и невозможен. В июне 2016 года Совет по правам человека ООН принял Резолюцию СПЧ 32/13 о поощрении, защите и осуществлении прав человека в сети «Интернет», в которой критикуется практика блокирования сети «Интернет» и онлайн-цензуры. П. 10 Резолюции провозглашает, что Совет по правам человека ООН осуждает меры по умышленному недопущению или нарушению доступа к информации или ее распространения в режиме онлайн в нарушение норм международного права о правах человека и призывает все страны воздерживаться от таких мер и остановить их использование. Россия выступала против возможности получать и распространять информацию и идеи лицами любыми средствами и независимо от государственных границ. Однако данное замечание не было принято, и даже было расценено членами Совета как отвлекающее внимание от поднятой проблемы свободы слова в сети «Интернет». В случае принятия Российской Федерацией решения о полном запрете пользования сетью «Интернет» детьми подобное намерение будет расценено как нарушение норм международных договоров, что может привести к ряду ограничений и санкций со стороны других государств.

Попытки ограничения доступа детей к сети «Интернет» и к таким ее ресурсам, как социальные сети, вполне можно считать дискриминацией несовершеннолетних. Подобное ограничение невозможно еще и по той причине, что сегодня сеть «Интернет» и социальные сети используются не только для общения, но также для обучения и работы. Достаточно распространенной является ситуация, когда преподаватели создают группы и беседы в социальных сетях для взаимодействия с учениками, которые вынуждены становиться пользователями этих социальных сетей для дальнейшего общения с учителем. Особенно данная ситуация актуализировалась с началом пандемии COVID-19, когда процесс обучения массово переводился на использование технологий с удаленной конференц-связью. Принимая пользовательские соглашения, несовершеннолетний вступал в правовую связь с владельцем цифровой платформы.

Как было сказано ранее, на сегодняшний момент назрела острая необходимость законодательно закрепить понятие и структуру цифрового права, не ограничиваясь лишь одной статьей в ГК РФ. Изменения, благодаря которым цифровые права стали объектом гражданского права, оставили много неразрешенных вопросов о регулировании цифровых правоотношений [5, с. 292]. Законодательно необходимо принять дополнительные специальные законы и подзаконные акты для полного понимания обществом сущности цифровых правоотношений. Л.Г. Ефимова считает, что в результате недостатка правового регулирования цифровых отношений в ГК РФ, с одной стороны, а также появления многочисленных специальных законов о цифровых правоотношениях, с другой стороны, возникла перегруженность правового регулирования цифровых отношений специальными нормативными правовыми актами в ущерб ГК РФ [8, с. 54]. Применение специальных законов начинает преобладать, и они постепенно подменяют собой ГК РФ. Полагаем, что именно по данной причине ГК РФ постепенно утратит свое нормативное значение, и в дальнейшем специальные законы, регулирующие нормы цифрового права, заменят существующие нормы ГК РФ.

В настоящее время в Российской Федерации в отношении цифровой сферы необходима не только тщательная работа на опережение в системе правового регулирования, но и разработка актуальных научных подходов концептуального характера, которые не стали бы ограничиваться системой запретов, а основывались бы на социально и политически обусловленном балансе публичных и частных интересов. Нерешение или игнорирование проблем, возникающих в России в цифровой сфере, в том числе пренебрежение проблемой признания несовершеннолетних субъектами цифровых правоотношений, может замедлить совершенствование российского законодательства в каждой отрасли права и развитие цифровых технологий, что неизбежно негативно отразится на состоянии национальной безопасности.

Список цитируемой литературы:

1. Datareportal. Digital 2021: the Russian Federation [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-russian-federation>. Дата обращения: 02.12.2021.
2. Аудитория интернета в России в 2020 году // Mediascope [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mediascope.net/news/1250827/>. Дата обращения: 09.12.2021.
3. Белых В.С. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права / В.С. Белых, М.О. Болобонова // Юрист. – 2020. – № 1. – С. 5-14.
4. Бессчетнова А.А. Кибербуллинг как вид деструктивного поведения несовершеннолетних в интернет-пространстве / А.А. Бессчетнова // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII рязанские социологические чтения): материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием (г. Рязань, 21-22 ноября, 2018 г.). – Рязань, 2018. – С. 479-483.
5. Бухтоярова Я.А. Цифровые права как новый объект гражданского законодательства / Я.А. Бухтоярова // Наукосфера. – 2021. – № 4(2). – С. 289-292.
6. В ООН разработали руководство по правам детей в цифровом пространстве // Новости ООН [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2021/04/1400342>. Дата обращения: 07.12.2021.
7. Две трети родителей в РФ назвали соцсети главной проблемой при воспитании детей // ТАСС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/11523593>. Дата обращения: 09.12.2021.
8. Ефимова Л.Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики / Л.Г. Ефимова // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. № 8 (129). – С. 52-62.
9. Куликова Т.И. Интернет-среда и психологические проблемы современной молодежи / Т.И. Куликова // Сборник научных статей и материалов III Международной конференции «Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: от цифровой культуры к киберкультуре» (г. Коломна, 12-14 февраля, 2020 г.) – Коломна, 2020. – С. 204-207.
10. Психологи рассказали о способе избавления от интернет-зависимости // РИА Новости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20180128/1513466116.html>. Дата обращения: 13.12.2021.
11. Россияне стали спокойнее относиться к активности детей в соцсетях // Газета.Ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/10/16/n_16698397.shtml?updated. Дата обращения: 09.12.2021.
12. Султанбаев Ф.Р. Защита детей от информации, распространяемой по средствам сети интернет и причиняющей вред их нравственному и духовному развитию, формированию личности / Ф.Р. Султанбаев // World science: problems and innovations: сборник статей XLII Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 30 апреля, 2020 г.). – Пенза, 2020. – С. 197-199.
13. Яловая О.И. Проблема правового регулирования безопасного детского контента в интернет-среде / О.И. Яловая // Правовое поле современной экономики. – 2018. – № 12. – С. 167-169.

Сведения об авторах:

Багдасарян Ирина Артемовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой военного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; irina.bagdasarian@yandex.ru

Морозов Никита Владимирович – студент ВГУЮ (РПА Минюста России); n_v_morozov@mail.ru

Шкаревский Д.Н.
СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛАГЕРНЫХ СУДОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.

***Аннотация:** Специальные лагерные суды являлись одним из важных звеньев советского государственного механизма. Среди специфических черт деятельности лагерных судов автор выделяет следующие. Прежде всего, более высокое материальное содержание сотрудников по сравнению с народными судами. Низкое материальное обеспечение деятельности этих органов. Явно недостаточное участие адвокатов в судебных заседаниях лагерных судов. Представляется, что основными причинами данного явления были субъективные факторы.*

***Ключевые слова:** советская юстиция, специальные суды, лагерные суды, пенитенциарные суды, ГУЛАГ.*

Лагерные суды были созданы в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 30.12.1944 г. «Об организации специальных лагерных судов». В литературе, посвященной сталинским репрессиям и пенитенциарной системе, их деятельность практически не описана. В настоящее время существует не большое количество публикаций на эту тему [2, 3, 4, 5, 6, 7].

Между тем, специальные лагерные суды играли важную роль. Их количество в 1945–1949 гг. выросло с 49 до 77. Их деятельность контролировали Управление лагерных судов (УЛС) (Управление по делам лагерных судов (УДЛС) Министерства юстиции) и Судебная коллегия по делам лагерных судов Верховного суда СССР (СКДЛС). После смерти И. Сталина специальные лагерные суды были ликвидированы. За 1946–1952 гг. ими было осуждено более 170 тыс. чел. или 1,1% от общего количества [1, Оп. 6. Д. 111. Л. 7].

Среди особенностей их функционирования следует отметить более высокий уровень оплаты труда сотрудников лагерной юстиции. Так, в 1946 г. оклад председателя лагерного суда Северо-Восточного ИТЛ составлял 1 500 руб., его заместителя – 1 350 руб., члена – 1 200 руб. В общем, обеспечение сотрудников органов лагерной юстиции находилось на уровне членов облсудов (830–1 100 рублей) или выше. Народные судьи в конце 1940-х гг. получали от 690 до 880 рублей в месяц [3, с. 471].

В то же время материальное обеспечение деятельности лагерных судов оставляло желать лучшего. Даже СКДЛС не была обеспечена служебным помещением. В 1946 г. и.о. начальника ГУЛАГа НКВД СССР Г. Добрынин рекомендовал обращаться за предоставлением помещений для лагерных судов в городские советы, т.к. начальники УИТЛК–ОИТК не могли этого сделать. Однако, даже те лагерные суды, что имели помещения, редко были ими довольны. Так, лагерный суд Интинского ИТЛ располагался в одной комнате размером 8 кв. метров.

Даже в 1952 г. в ходе кустового совещания в г. Свердловске судей лагерных судов ИТЛ и ИТЛК Свердловской, Молотовской, Челябинской областей и Башкирской АССР член лагерного суда Молотовской области Филиппов заявил: «Отсутствует культура в работе. Нет условий работы ... совершенно негде рассматривать дела, иногда рассматриваем в Ленуголке охраны или в кабинетах ... В большинстве случаев у нас не суд назначает слушания, а охрана и начальник УИТЛК ... а с требованиями суда они не считаются» [1, Оп. 5. Д. 147. Л. 34].

Лагерные суды не охранялись, отсутствовал транспорт, и даже теплая одежда для сотрудников. От членов лагсудов систематически поступали жалобы на неудовлетворительное снабжение продуктами и промышленными товарами. Председатель лагерного суда Темлага жаловался на то, что командование лагеря «на работников лагерного суда смотрит как на “иждивенцев”, с пренебрежением. ... Директива ГУЛАГа МВД СССР № 42/4730 от 2.6. 1945 г. “О снабжении работников лагсудов на равных правах с работниками лагерей” не выполняется, игнорируется». В ответ на подобные жалобы первоначально давались повторные директивы о снабжении лагерных судов. Позже руководство просто стало рекомендовать разрешать все недоразумения на месте [1, Оп. 14. Д. 65а. Л. 8].

В результате судебные работники стали искать различные способы «самоснабжения», используя свое служебное положение. В июле 1946 г. министр юстиции даже издал приказ (№ 40), запрещающий судьям получать продовольственные и промышленные товары, обмундирование от различных предприятий, учреждений, колхозов, незаконно прикрепляться к магазинам ОРСов и т.п. При этом Управление лагерных судов не оказывало материальной помощи сотрудникам.

В течение конца 1940-х – начале 1950-х гг. финансовые ревизии лагерных судов обнаружили массу примеров нарушений, допущенных их руководителями [1, Оп. 5. Д. 132. Л. 32].

В марте 1952 г. заместителем министра юстиции СССР П. Кудрявцевым даже была дана директива, перечисляющая факты наиболее «выдающихся» злоупотреблений в этой сфере, и требующая навести строгий порядок во всей хозяйственной и финансовой деятельности судов. Но вплоть до ликвидации лагерных судов ревизии вскрывали массу финансовых нарушений.

Острой была проблема с жильем для сотрудников. Свободное отсутствовало. Работники лагерных судов жили, что называется, «где придется»: дом приезжих, здание суда, съемные углы или комнаты. В 1948 г. во время Всесоюзного совещания председателей лагерных судов Министерством юстиции СССР была даже составлена справка о претензиях лагерных судов в отношении служебных помещений, транспорта и жилья.

Органы лагерной юстиции вели свою деятельность в обстановке повышенного уровня секретности. Между тем, вопрос о нарушении требований секретности сотрудниками лагсудов поднимался неоднократно УДЛС. Создается впечатление, что эти нарушения были очень распространены [1, Оп. 5. Д. 36. Л. 146].

Еще один фактор, который не способствовал повышению качества работы лагерных судов, – отсутствие уверенности в долгосрочном существовании штатов и самих лагерных судов. Уже в 1945 г. прошло сокращение штатов этих судов – было упразднено 175 должностей. Причем в ряде судов сокращения были весьма существенные – в лагерном суде ИТЛ и ИТК Казахской ССР упразднили 8 должностей. В 1946 г. штаты лагерных судов вновь были сокращены на 5%.

В дальнейшем подобные мероприятия проводились ежегодно. Массовые сокращения лагерных судов состоялись в январе и июне 1953 г. Фактически они предвещали ликвидацию этой системы.

Среди основных особенностей функционирования лагерных судов следует отметить минимальное участие защиты. Например, в 1948 г. из 1 703 дел, рассмотренных лагсудами по Указу 4.6.1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», адвокаты приняли участие в менее чем 30% из них. В 1950 г. дела в некоторых лагерных судах рассматривались без участия сторон, из-за отсутствия в них адвокатов (лагерные суды специальных строителей и колоний) [1, Оп. 5. Д. 76. Л. 31].

Отмечу, что с 1930-х гг. существовала практика выделения специальных адвокатов для работы в специальных судах. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. она сохранялась. Уже в 1945 г. Наркомат юстиции потребовал от коллегий выделить таких адвокатов. Например, Оргбюро Винницкой областной коллегии адвокатов выделило для выступления на процессах выездного лагерного суда адвокатов А. Каплун и А. Вычегжанина. Президиум коллегии адвокатов Азерб.ССР для обслуживания спецлагерного суда выделил 10 адвокатов.

Однако большого интереса к лагерным делам адвокаты не проявили, в связи с тем, что большинство из них рассматривались в порядке ст. 55 УПК РСФСР (т.е. бесплатно). Возможность взыскать с осужденных, причитавшееся за защиту вознаграждение, практически отсутствовала.

Предложение начальника УЛС МЮ Г. Зайдина установить для адвокатов, занимающихся лагерными делами, гарантированную оплату из расчета среднемесячного гонорара квалифицированного адвоката области за счет коллегий адвокатов не нашло поддержки среди адвокатов.

Интересно объяснение председателя Президиума Горьковской областной коллегии адвокатов Хейфеца: «Адвокаты уклоняются от поездок в лагерный суд потому, что в лагерях адвокатов не зачисляют на питание. Рынков, ресторанов, столовых вне лагерного Управления нет. Даже за деньги что-либо купить не представляется возможным. Между тем в лагере установлен такой порядок. В перерыве состав суда, прокурор и секретарь уходят в столовую. Адвокат же остается голодным или в лучшем случае ему делают любезность, разрешают пообедать с техническим аппаратом, о чем необходимо усиленно ходатайствовать. Мы находим, что такое деление неправильно и обижает адвокатов, которые мне неоднократно заявляли, что больше туда не поедут. ... Кроме того, необходимо указать лагерному суду (по опыту облсуда) о присылке месячных планов работ в Президиум Коллегии заблаговременно и не вызывать адвокатов за день до процесса» [1, Оп. 1. Д. 1103. Л. 15].

Следует отметить, что судьи лагерных судов, в основном, не стремились обеспечить привлечение адвокатов. Связано это было с тем, что защитник мог занять независимую и «политически не верную» позицию. Например, мог заявить, что «работники МВД подсаживают к следственным заключенным “наседок” и “кукушек”, поэтому показания свидетелей-заключенных не объективны и им не всегда следует верить» [2, с. 292].

В начале 1950-х гг. вопрос участия адвокатов в заседаниях лагерного суда по-прежнему не был решен. Формально суды просили выделить адвокатов, и обвиняли их в неявке на процессы. Адвокаты защищались и обвиняли суды в несвоевременном оповещении о начале процессов.

Интересен пример п. Сосьва. С учетом нахождения в этом населенном пункте лагерного суда сюда был специально направлен адвокат. Однако он проявил больший интерес к участию в работе народного суда, а лагерный суд так и остался без его участия. Второго же адвоката направлять в Сосьву было нецелесообразно [1, Оп. 14. Д. 319. Л. 12]. Поэтому лагерному суду рекомендовалось согласовывать назначение заседаний с нарсудом, чтобы адвокат «успевал везде». Таким образом, обеспечение адвокатами специальных лагерных судов весьма напоминает имитацию бурной деятельности.

Итак, среди основных особенностей функционирования специальных лагерных судов можно выделить следующие. Более высокое материальное содержание сотрудников по сравнению с народными судами. Оно находилось на уровне членов областных, краевых верховных судов республик. Низкое материальное обеспечение деятельности данных органов. Они испытывали нехватку служебных помещений, транспорта, жилья для сотрудников. В итоге судебные работники стали достаточно широко использовать т.н. «самоснабжение» и нарушать финансовую дисциплину.

Регулярные сокращения штатных единиц лагерных судов создавали атмосферу неуверенности среди сотрудников и желание изменить место службы. Явно недостаточное участие адвокатов в судебных заседаниях лагерных судов. Представляется, что основными причинами данного явления были субъективные факторы. С одной стороны, судей беспокоила возможность независимого выступления защитника. С другой стороны, защитники были не заинтересованы в выступлении в лагерных судах в связи с отсутствием материальных стимулов. Это обусловило рассмотрение большинства дел в лагсудах без участия обвинения и защиты. В связи с указанными выше обстоятельствами деятельность лагерных судов целиком зависела от пенитенциарной администрации.

Список цитируемой литературы:

1. ГАРФ. Ф. 9492.
2. Иванова Г. М. Лагерная юстиция в СССР. 1944-1954 // Труды Института российской истории. Вып. 5. М., 2005. С. 287-308
3. Кодинцев А. Я. Государственная политика в сфере юстиции в СССР. Куртамыш, 2008. 590 с.
4. Кодинцев А. Я. Лагерная юстиция в СССР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 2. С. 41-46
5. Шкаревский Д. Н. О некоторых аспектах деятельности лагерной юстиции СССР в конце 1940-х гг. // История государства и права. 2014. № 13. С. 40-44
6. Шкаревский Д. Н. Специальные лагерные суды в СССР (вторая половина 1940-х гг.) // Lex Russica. 2017. № 4. С. 209-213
7. Яноши В. В. Управление подготовкой кадров для лагерных судов СССР в послевоенный период // История государства и права. 2015. № 9. С. 40-43

Сведения об авторе:

Шкаревский Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, БУ ВО Сургутский государственный университет ХМАО-Югры, shkarden@mail.ru

Виноградова Д.Ю.

РАЗВИТИЕ НАЛОГОВОГО ПРАВА БЕССАРАБИИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: В статье проведен анализ местного налогового права Бессарабии в начале XIX в., а так же выявлена особенность налоговой политики русского правительства по отношению к Бессарабии, направленная на постепенную замену местного права и обычаев общерусским законодательством.

Ключевые слова: Бессарабия, Российская империя, русское правительство, налоговая система, налоговое право, налоговые льготы, Устав образования Бессарабской области.

Налоговая политика русского правительства в дореформенный период имела важное значение в истории развития Бессарабии. В отличие от других регионов Российской империи, в Бессарабии сложился особый подход к сфере регулирования налоговых отношений, что отразилось на развитии правовых основ в сфере налогообложения.

Рассматривая в целом вопрос развития налогового права в крае, первоначально создается впечатление о полном невмешательстве русского правительства в область урегулирования налоговых отношений на территории Бессарабии. Это объясняется тем, что все внимание русского правительства было сосредоточено на военных действиях 1812-1815 гг. и Бессарабия, требующая коренного преобразования во внутреннем устройстве была оставлена на первое время под управлением временного правительства. Кроме того, для урегулирования налоговых отношений в Бессарабии, во всех издаваемых законоположениях, за основу брались местные законы, представляющие собой наследие молдавского законодательства, основанного на обычаях и воле князей, называемых хрисовулами или же являлись частью компиляций из византийских сборников законов [9, с.59]. К источникам налогового права относились законы Юстиниана, введенные в Молдавии под названием «Василика» господарем Александру Добрым в начале XV века, уложения господаря Василия 1646 года, кодексы Леона и Арменопуло [15, с.182].

Особым источником налогового права Бессарабии являлись «Вистиерские пункты», изданные молдавским господарем Александром Гикой в 1766 году. Согласно пунктам, в пользу помещика существовала барщина в течении 12 дней в году за пользование помещичьими землями. Кроме того, крестьянин должен был отдавать десятую часть «дежду» своих доходов от сельского хозяйства помещику. Пункты так же определяли объем работ или «урок», который представлял собой один отработочный день. Некоторые налоговые положения содержались в грамотах молдавских господарей. Так, например, Соборная грамота, изданная 28 декабря 1785 г. Александром Маврокордатом, содержала решения общего собрания Молдавского Дивана и затрагивала вопросы регулирования вопросов поземельных отношений и статуса крестьян. На основании указа господаря Александра Морузи 1805 г. число барщинных дней возросло до 14 в год, а объем «урока» увеличился [5, с.130]. Помещик не отвечал ни за какие казенные подати и недоимки крестьян, живущих на его земле. Крестьяне платили их самостоятельно, как казенные обыватели, находясь в распоряжении земского начальства [6, с.19].

Таким образом, на момент присоединения в Бессарабии сохранялась старая налоговая система в соответствии с прежним молдавскими законами. Действие этих законов распространялось не только на молдаван, но и на всех уроженцев Бессарабии, а так же на тех лиц, которые переехали в эти земли на постоянное место жительства. Местное право не распространялось только на несколько уездов (Аккерманский и Измаильский цнут) и не применялось к жителям Бессарабии за ее пределами. Однако эти законы всегда основывались на воле князей или хрисовулах и применялись молдавской властью в тех случаях, если они подкрепляли ту сторону, которые бояре хотели оправдать, в противном же случае, они называли их старыми и «с обстоятельствами и обычаями не сходными» [6, с.20]. Таким образом все молдавское налоговое законодательство представляло собой право сильного, которое становилось «обычаями земли» и простое население претерпевало страдания от незаконных поборов.

Этих данных вполне достаточно, что бы представить, какой объем работы необходимо было выполнить русскому правительству, что бы устроить благосостояние жителей вновь присоединенной области. Важнейшая задача заключалась в необходимости организации управления краем с созданием соответствующей правовой базы и одновременно разобраться с источниками местного налогового права Бессарабии.

Внимательное изучение издаваемых в России законов позволяет проследить определенные закономерности в правительственной налоговой политике по отношению к Бессарабии, направленной на постепенную замену местного права и обычаев общерусским законодательством. Основные контуры этой своеобразной политики нашли отражение в «Правилах временного управления Бессарабской областью», разработанные И.А. Каподистрией в октябре 1812 года и в других законодательных актах первых лет после присоединения края к России. Бессарабия сохранила свой народный состав и население получило значительные привилегии. Так, согласно четвертой главе «Временных правил» все жители Бессарабии были освобождены от всех государственных налогов и податей, включая поземельный сбор (т.е. до 1815 года), что служило компенсацией за невзгоды войны с ее постояями и военными поставками [4, с.110]. Позже население было освобождено от уплаты налогов еще на два года. Кроме того согласно Высочайшего рескрипта от 23 августа 1813 года, все население края было освобождено от рекрутской повинности на неопределенное время [8, с.279]. Впоследствии освобождение от рекрутской повинности было установлено сроком на 50 лет. Все молдавские крестьяне юридически объявлялись лично свободными и не подлежали закрепощению. Местные бояре могли иметь в качестве крепостных лишь цыган, а русские помещики – дворо-

вых людей и слуг. Основная масса молдавских крестьян была приравнена по положению к государственным крестьянам в России, которые зависели от земского начальства, по аналогии с российскими казенными поселянами. Однако, если в казенных селениях других губерний России каждое хозяйство государственных крестьян обладало наделом минимум в 10 десятин, то в Бессарабии на них приходилось более 30 десятин. Большие льготы и большие наделы земли получали так же переселенцы: болгары, гагаузы, немцы-колонисты, новороссийские казаки.

В правилах официально провозглашалось, что местные законы и обычаи становятся основой управления. Данное предписание подробно не детализировалось, но означало, что российская верховная власть намерена сохранить особенности налогообложения Бессарабии. Основная проблема состояла в том, что само молдавское налоговое законодательство находилось в неупорядоченном состоянии и основывалось на обычаях, которые нигде не были записаны. Другая проблема заключалась в том, что большую часть населения притесняли исправники из числа местных молдавских помещиков. Во всех уездах (цинутах) они пользовались административной властью, объем которой не был установлен никакими законоположениями. По сути, сохранялась старая откупная система турецко-фанариотских времен и местные бояре по-прежнему оставались полновластными хозяевами на местах.

Стоит отметить, что несмотря на все льготы, которые были предоставлены русским правительством населению, временное правительство Бессарабии продолжало взимать налоги с простого населения Бессарабии. Основной налог, который взимался с жителей назывался «бир», или поголовная подать. Стоит отметить, что сумма бира значительно превышала размер подушного налога, взимаемого в России с казенных поселян [6, с.16]. Бир платили в размере 15 левов (в 1823 году один лев, по курсу, равнялся 60-70 копейкам ассигнациями). С привилегированных сословий, евреев и цыган взималась «даджия» по 14-15 левов. Кроме того применялись пошлины с виноградного садоводства (вадра-рит), пошлина с овцеводства (гоштина), пошлина с пчеловодства (десятина). Сбор с рогатого скота, лошадей и овец, которые принадлежали иностранцам под названием «капицы». Существовали и другие сборы, такие как сборы с коз, свиней, посевов табака, с рыболовства на казенных озерах, с соляных озер, взимание сборов с рогатой скотины, лошадей и овец на казенных степях. На откуп отдавались винная продажа в городах, крепостях и местах, которые принадлежали казне.

Первыми мерами, направленными на урегулирование налогообложения, были меры, связанные с изучением местного налогового права и положением крестьян. Перед русским правительством стояла задача собрать и систематизировать информацию об особенностях местного налогового законодательства, для того, что бы привести местные законы в систему и решить вопрос о предоставлении области особой формы правления [13, с.213]. Необходимо было изучить западную границу на Пруте и Дунае для создания таможенной линии, с образованием соответствующих учреждений для эффективного управления и как можно скорейшего включения региона во внутренний российский рынок и по возможности остановить миграцию населения через Прут в Молдову [10, л.54].

Этими вопросами в известной степени занимались присланные сюда правительственные чиновники, в обязанности которых входило изучение специфики территориального управления, административных и налоговых учреждений Бессарабии. Были рассмотрены изменения в социальной структуре, способы налогообложения населения, унаследованные от Молдавского княжества, для возможности проведения ряда изменений в сложившихся новых условиях. В результате, российской администрации удалось собрать большой объем документов. В составленных ими обзорах и описаниях, авторы касались вопросов налогообложения, землевладения, в том числе и социальных отношений. Они признавали, что местное налоговое право несовершенно, в связи с чем вносили предложения освободиться от него и распространить общерусские законы [1, с.24]. Однако на этом этапе правительство не желало противопоставлять свои интересы с бессарабскими помещиками, т.к. проводя свою политику стремилось заручиться их поддержкой. В результате в Бессарабии осталась действовать старая молдавская налоговая система.

В 1816 году в Бессарабии учреждено наместничество, и первым наместником назначен подольский военный генерал-губернатор Бахметьев А.Н. с непосредственным подчинением государю. Для выявления количества податного населения в 1816 г. Бахметьев А.Н. издал постановление о «Приводе жителей Бессарабской области к присяге и о составлении вместе с тем переписи». Проведение переписи было поручено уездным исправникам и ревизорам.

Вопросами кодификации местного налогового права занимались местные органы власти или специально созданные для этого комиссии [16, с.431]. В 1817 году была учреждена первая комиссия. Подробных сведений о её работе нет, но важнейшим итогом её деятельности явилось то, что были собраны важнейшие законодательные акты молдавских господарей [11, л.18]. В 1818 год была создана новая комиссия по крестьянскому законодательному праву. В 1819 г. составлены «Пунктовые постановления 1819 года». Впоследствии образовывались ещё несколько подобных комиссий, которым вменялись и другие обязанности. Но так или иначе, они занимались вопросом приведения в систематизацию местных законов и обычаев. Работа учрежденных комиссий характеризовалась крайней неоперативностью ведения дел, что не могло не сказаться на сборе и обобщении бессарабского налогового права. Об этом свидетельствует тот факт, что на русский язык не был переведен ни один из местных законов, хотя в этом была острая необходимость.

В 1818 г. Бахметьевым А.Н. был выработан проект управления Бессарабией. «Проект главных оснований к образованию внутреннего гражданского управления в Бессарабской области», получил известность под названием «Устав образования Бессарабской области», вышедший в свет 29 апреля 1818 года.

Полученные равные с русским дворянством политические права по Уставу 1818 года обеспечивали молдавским боярам возможность дальнейшего осуществления внеэкономического принуждения крестьян. Хотя размеры барщинных и оброчных повинностей были определены законодательством молдавских господарей второй половины XVIII в. и русского правительства первой половины XIX в. но на практике их величина во многом зависела от своеволия бояр и монастырей[3, с.112].

Подробное рассмотрение Устава 1818 года приводит к убеждению, что именно с этого времени Бессарабия получает определенную организацию, получает право по взиманию налогов в соответствии с силой обычаев и местных законов. Именно поэтому на Устав 1818 года следует смотреть как на исходное узаконение, с которого и должна начинаться история налогового законодательства, относящегося к присоединенному краю.

29 февраля 1828 года было издано новое положение об управлении Бессарабией. Этим важным законоположением являлось «Учреждение для правления Бессарабской областью»[2, с.197], сущность которого состояла в упразднении прежних постановлений по Бессарабии, главным образом «Устава образования Бессарабской области» 1818 года. Особый интерес вызывают положения, в которых отмечается, что жители Бессарабии «сохраняют все те права и преимущества, коими они пользуются»[2, с.198]. Но здесь же на основании параграфа 63 «Учреждения» допускалось и применение общерусских законов.

«Учреждение 1828 года» не отменяло местного налогового права, а внесло значительные изменения в структуру управления Бессарабией. Наместничество упразднилось и Бессарабия, на равных основаниях с другими новороссийскими губерниями, подчинялась генерал-губернатору. На Бессарабию распространены общеимперские губернские учреждения, и в налоговом отношении с этого момента она была объединена с империей.

Таким образом, Основное значение Учреждения 1823 года состояло в том, что оно приблизило строй управления в Бессарабии к остальным губерниям Российской империи, действующей на общих основаниях. Вместе с тем, именно оно стало действующим законом по своду 1857 года и который получил место в книге 4 свода особых губернских учреждений. Анализируя статьи Учреждения для управления Бессарабской областью по своду законов, можно сделать вывод, что все они вошли в его основу.

В следствии упразднения таможенной линии на Днестре, в 1830 произошло статусное оформление бессарабского купечества и с этого момента на территории Бессарабии распространяется общероссийское гильдейское устройство 1824 года. Согласно утвержденному в том же году «Дополнительному положению о гильдиях», торговое сословие состояло из купцов трех гильдий, торгующих мещан, торгующих крестьян четырех родов и приказчиков двух классов. В Бессарабии все эти категории получали пятилетнюю отсрочку по оплате торговых свидетельств, которая впоследствии была продлена еще на десять лет.

Начиная с 1831 года и впредь на 10 лет, бессарабские купцы освобождались от гильдийской платы. Эти льготы распространялись также на русских купцов, живших в Бессарабии и причисленных к бессарабскому купечеству, на купцов-иностранцев, желавших перейти в русское подданство и поселиться в Бессарабии, на крестьян Бессарабской области, имевших торговые свидетельства. Поэтому сюда стекалось множество русских и иностранных купцов, что способствовало росту тор-

говли. Таким образом, русское правительство, поощряло развитие торговли в Бессарабии и послужило прекращению бесконтрольной торговли. Общерусская пошлинная политика была полностью распространена на территорию Бессарабии, что благоприятно сказалось на развитие торговли и ремесла края.

Поощрительная политика русского правительства благоприятно сказалась на увеличении товарооборота Бессарабии с остальными губерниями России. С 1825 по 1830 гг. товарооборот вырос с 4 млн до 10,5 млн рублей ассигнациями [14, с.166].

Предоставленные льготы смогли обеспечить достаточный уровень заграничной торговли. Значительной степени развития смогла достичь хлебная торговля, благодаря производству отличного качества зернового хлеба. Так же за счет многочисленных стад овец и рогатого скота доставлялась шерсть, кожа и сало, что прочно связало выгоды края с выгодами народов южной Европы. Всевозможные законные облегчения, которые предоставлялись правительством торговле, оказываемая во всех случаях защита и покровительство торгующему сословию, привлекали в города купечество и капиталы.

Все перечисленные изменения налогового законодательства Бессарабии представляют собой частичную трансформацию, связанную с дальнейшим развитием Устава 1828 года, которое положило прочные начала для интеграции края в правовое и налоговое поле российской империи, связанное с благосостоянием основных сословий, преимущественно земледельцев и к постепенному их освобождению от систематических злоупотреблений.

В налоговой политике русского правительства по отношению к населению Бессарабии на протяжении второй половины XIX века прослеживается одна общая закономерность, которая характеризуется постепенным и планомерным отходом от местного налогового права и обычаев в пользу применения общерусского налогового законодательства. Переломным периодом следует считать 20-30-е годы, когда как в местных, так и в правительствующих кругах велись довольно острые дискуссии по вопросу о крестьянах Бессарабии.

Приведенные сведения подтверждают, что по вопросу о соответствии местного налогового права и русского законодательства применительно к условиям Бессарабии в дореформенный период внутри господствующего класса шла острая политическая борьба, которая в конечном счете привела к возникновению двух основных суждений по одному и тому же вопросу. С одной стороны, правительственная точка зрения, а с другой – мнение местных чиновников и части молдавских феодалов. В сущности, между этими двумя группами не существовало глубоких противоречий. И те и другие преследовали одинаковые цели. Борьба разгорелась вокруг поисков пути разрешения данного вопроса.

Правительственная точка зрения сводилась к тому, что бы сдержанно и планомерно распространить общерусское налоговое законодательство на Бессарабию. Это объяснялось особенностями внутренней политики русского правительства в крае. Вторая точка зрения сводилась к немедленному введению русского законодательства в Бессарабии, что могло вызвать волну недовольства со стороны крестьянских масс, а это, в свою очередь не ходило в планы правительства. Поэтому она была неприемлема для данных условий и всячески отвергалась.

Таким образом, включая в свой состав территорию Бессарабии, русское правительство старалось учитывать местные особенности и стремилось получить поддержку населения. Сохранив за вновь присоединенной областью прежние права и налоговое законодательство, одной из важнейших задач русского правительства заключалась в рациональном устройстве налоговой системы, адаптированной к местным особенностям края.

Проведение гибкой налоговой способствовало повышению благосостояния местного населения, а так же обращения внимания на этот край пограничных стран, с которыми Россия вела многочисленные войны. Предоставление налоговых льгот благоприятно действовало на местное население и привлекло в край новых поселенцев. Хозяйство Бессарабии стало развиваться быстрее, но все же значительно отставало от общего уровня экономического развития России, особенно в промышленном отношении, в большей степени это объяснялось тяжелым наследием прошлого турецко-фанариотского режима.

Список цитируемой литературы:

1. Вигель Ф.Ф. Замечания на нынешнее состояние Бессарабии. – М.: Изд. Рус.архив, 1823. – 36 с.
2. Высочайше утвержденное учреждение для управления Бессарабской области// ПСЗ РИ. 1828 г. – № 1834

3. Гросул Я.С. Крестьяне Бессарабии (1812-1861 гг.) - Кишинев : Госиздат Молдавии, 1956. – 398 с.
4. Записки Бессарабского статистического комитета / Под ред. А.Н. Егунова. – Кишинев: Тип. Обл.прав., 1868. – Т. III. – С. 108–115
5. Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. - Кишинев : Штиинца, 1979. - 287 с.
6. Куницкий П.С. «Краткое статистическое описание Заднестровской области присоединенной к России по мирному трактату, заключенному Портой Оттоманской в Бухаресте 1812 года. / П.Куницкий. - СПб.: Типогр. И.Глазунова, 1813г. – 32с.
7. Манифест от 12 сентября 1815г. «О наборе рекрутов с пятисот душ по одному человеку, и об освобождении от оног малороссийских казаков и жителей Грузии и Бессарабии// ПСЗ РИ. Собрание первое. - Т. XXXIII. - № 25942.
8. Манифест от 5 августа 1815 г. «О заключении мира между Россией и Оттоманскою Портою» // ПСЗ РИ. Собрание первое. - Т. XXXIII -№ 25199
9. Маршалковский Ф.Я. Политика русского правительства по отношению к резешам Бессарабии в дореформенный период //Социально-экономическое развитие Бессарабии в 19 в. - Кишинев: «Штиинца», 1977 г. – 119 с.
10. Национальный архив РМ. - Ф.2. - Оп.1. - Д.61. - л.52-58 (далее НАРМ)
11. НАРМ. - Ф.4. - Оп.1. - Д.80. - Л.18
12. Роспись землевладений и сословного строя населения по данным переписи 1817 года // Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Т. 3. - Кишинев: Тип. Э.Шлиомновича, 1907. - 230 с.
13. Сапожников И. Описание Бессарабии П.П. Свиньина 1816 г.: поиск источников связи с 200-летним юбилеем// Scriptorium nostrum. -2015.- №3.- 213с.
14. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / Под ред. В.И. Покровского. Т. 1. – СПб.: Тип. М.П. Фроловой, 1902.- С.166-167
15. Свиньин П. Описание Бессарабской области, в 1816 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. – Одесса, 1867. - С. 175–320
16. Скальковский А.А Историческое введение в статистическое описание Бессарабской области / Журнал Министерства внутренних дел. ч.XIII. - Санкт-Петербург, 1846. - С. 431-448.

Сведения об авторе:

Виноградова Диана Юрьевна - старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права Приднестровского Государственного университета им. Т.Г. Шевченко, DiVin1981@yandex.ru

Костюнина О.В.

КРИТЕРИИ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В РАМКАХ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

***Аннотация:** В статье в теоретко-прикладном плане на материалах практики государственного учреждения Иркутской области обосновываются критерии, которые являются базовыми показателями соответствия муниципального нормативного правового акта, действующему законодательству, при его оценке в рамках правовой экспертизы в области противодействия коррупции.*

***Ключевые слова:** правовая экспертиза, нормативный правовой акт, муниципальный нормативный правовой акт, юридическая техника, противодействие коррупции.*

Настоящим материалом хотелось бы осветить определенный опыт, полученный при проведении экспертно-правовой деятельности муниципальных нормативных правовых актов в области противодействия коррупции.

Не смотря на то, что в научной литературе неоднократно высказана точка зрения в пользу одновременного проведения правовой и антикоррупционной экспертиз, практика экспертиз Иркутской области, пошла по пути их самостоятельности в пользу закрепленной позиции законодателя.

Накопленный опыт по проведению правовой экспертизы муниципальных нормативных правовых актов в области противодействия коррупции муниципальных образований Иркутской области, включенных в Регистр муниципальных нормативных правовых актов Иркутской области, показывает, что в деятельности муниципальных образований Иркутской области встречается ряд типичных правотворческих ошибок. Эти ошибки, как правило, связаны с дублированием норм законодательства, недостаточным вниманием к используемой терминологии, неправильным определением компетенции органов местного самоуправления, формы правового акта, а также неполным или противоречивым регулированием административных процедур и несоответствиями правилам юридической техники. Рассмотрим некоторые из них, наиболее часто встречаемые в экспертной деятельности.

Распространенной правотворческой ошибкой является выход органов местного самоуправления за пределы их компетенции. При этом, в практике экспертной деятельности встречаются случаи как полного, так и частичного выхода за пределы компетенции соответствующего органа местного самоуправления (должностного лица).

В этой связи, при проверке муниципального нормативного правового акта на соответствие требованиям законодательства в сфере противодействия коррупции следует учитывать возможность регулирования вопросов противодействия коррупции актами конкретного муниципального образования и конкретного органа местного самоуправления.

Действующее правовое регулирование регламентирует издание муниципальных правовых актов по вопросам местного значения через нормы Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ), а именно в статьях 14 – 16.

Изменениями от 27 мая 2014 года Федеральным законом № 131-ФЗ с 1 января 2015 года предусмотрен механизм закрепления за сельскими поселениями вопросов, которые могут ими решаться самостоятельно, если это регламентировано соответствующими законами субъектов Российской Федерации. Если конкретный вопрос не указан в части 3 статьи 14 Федерального закона № 131-ФЗ и не закреплен за конкретным сельским поселением законом субъекта Российской Федерации, этот вопрос на территории поселения решается соответствующим муниципальным районом и именно органами местного самоуправления муниципального района издаются необходимые муниципальные правовые акты. В Иркутской области издан и действует Закон Иркутской области от 3 ноября 2016 года № 96-ОЗ «О закреплении за сельскими поселениями Иркутской области вопросов местного значения» [2], который закрепляет названный вопрос местного значения не за всеми сельскими поселениями. Следовательно, органы местного самоуправления сельских поселений должны обращать внимание, закреплен ли такой вопрос местного значения, как осуществление мер по противодействию коррупции в границах поселения (пункт 38 части 1 статьи 14 Федерального закона № 131-ФЗ), за конкретным сельским поселением или нет. От этого напрямую будет зависеть и компетенция органа местного самоуправления или ее отсутствие. В случае отсутствия такого полномочия, полномочие по принятию соответствующих нормативных правовых актов реализуется органами местного самоуправления муниципального района, а принятые правовые акты сельского поселения подлежат признанию утратившими силу (отмене).

Кроме того, при определении компетенции органов местного самоуправления на издание муниципального правового акта по вопросам противодействия коррупции, указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации, в отдельных случаях, может быть рекомендовано издание муниципальных правовых актов с определенным предметом регулирования, что предопределяет и наличие их компетенции, как органов местного самоуправления.

В параметры экспертной оценки рассматриваемого критерия включен и акцент на компетенцию конкретного органа или должностного лица местного самоуправления на издание муниципального правового акта. В данном контексте важно определить, какой именно орган (должностное лицо) уполномочено издать этот акт и каков может быть предмет правового регулирования такого акта. Так, представительный орган муниципального образования по вопросам, отнесенным к его компетенции федеральными законами, законами субъекта Российской Федерации, уставом муниципального образования, принимает решения, устанавливающие правила, обязательные для исполнения на территории муниципального образования. Фактически представительный орган муниципального образования может издать муниципальный правовой акт по любому вопросу, если только федеральным законом, законом субъекта Российской Федерации или уставом муниципального образования прямо не предусмотрено, что по этому вопросу принимаются акты главы муниципаль-

ного образования или местной администрации, иного органа или должностного лица местного самоуправления. Вместе с тем по вопросам исполнительно-распорядительного характера, целесообразно издание муниципальных правовых актов именно местной администрации.

В отношении вопросов противодействия коррупции следует учитывать, что компетенция конкретного органа или должностного лица местного самоуправления на издание муниципального правового акта может быть predetermined федеральными нормативными правовыми актами. Подобное указание вытекает из смысла соответствующего законодательства. Например, Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3], Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [4], Указа Президента Российской Федерации от 8 июля 2013 года № 613 «Вопросы противодействия коррупции» [5], постановлений Правительства Российской Федерации (например, постановление Правительства Российской Федерации от 9 января 2014 года № 10 «О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации») [6] и других, в том числе нормативных правовых актов субъекта федерации.

Правовое регулирование в области противодействия коррупции должно быть согласовано с фактически действующими положениями устава муниципального образования, иных муниципальных нормативных правовых актов конкретного муниципального образования, в том числе устанавливающих систему правовых актов конкретного муниципального образования.

Распространенной ошибкой является издание главой муниципального образования постановления местной администрации по вопросам, связанным с муниципальной службой и противодействием коррупции на муниципальной службе, в отношении всех муниципальных служащих поселения.

Также следует обратить внимание на различие в правовом статусе лиц, замещающих муниципальные должности и муниципальных служащих муниципального образования. Отношения с участием лиц, замещающих муниципальные должности, должны регулироваться уставом муниципального образования и актами представительного органа.

Из законодательства о муниципальной службе и законодательства о противодействии коррупции вытекает, что по отдельным вопросам в области противодействия коррупции, компетенционное полномочие должно быть реализовано представителем нанимателя (работодателя), которым является руководитель органа местного самоуправления, в котором замещает должность муниципальной служащий. Таким образом, лицо, осуществляющее полномочия представителя нанимателя (работодателя) для служащих аппарата представительного органа, должно принимать муниципальный нормативный правовой акт в отношении только этой группы муниципальных служащих и в соответствующей правовой форме. Должностное лицо, осуществляющее полномочия представителя нанимателя (работодателя) для служащих аппарата местной администрации, устанавливает правовое регулирование только для муниципальных служащих местной администрации и в соответствующей правовой форме и т.д. Поэтому издание правового акта главой муниципального образования, в том числе как главой местной администрации по такому вопросу в отношении всех муниципальных служащих поселения неправомерно. Неоднозначность в принятии подобных муниципальных нормативных правовых актов возникает и в тех случаях, когда представительный орган муниципального образования не имеет своего аппарата и, таким образом, круг муниципальных служащих поселения фактически совпадает с кругом муниципальных служащих местной администрации. В этой связи соответствующими органами (должностными лицами) должен быть издан ряд муниципальных правовых актов со сходным содержанием.

Компетенция органов местного самоуправления по изданию муниципальных правовых актов может следовать из соглашений, заключенных между органами местного самоуправления. Чаще всего это связано с отсутствием аппарата представительного органа муниципального образования и возложением всех или части функций этого органа на муниципальных служащих администрации муниципального образования. В таком случае по отдельным организационным вопросам, которые по существу должны регулироваться представительным органом муниципального образования или его председателем, могут издаваться правовые акты местной администрации.

Абсурдность принимаемого нормативного правового акта может вызвать ситуацию, при которой правовое регулирование в области противодействия коррупции не согласовано с фактически

действующими положениями устава муниципального образования, иных муниципальных нормативных правовых актов конкретного муниципального образования.

Так, в случае отсутствия в конкретном муниципальном образовании членов выборного органа местного самоуправления, избирательной комиссии муниципального образования, действующей на постоянной основе и являющейся юридическим лицом, должностных лиц контрольно-счетного органа муниципального образования и лиц, замещающих муниципальные должности, издание муниципальных правовых актов, в которых упоминаются соответствующие лица, является правотворческой ошибкой.

Заключительный аспект, описываемого критерия оценки муниципального нормативного правового акта, вытекает из запретов, ограничений и обязанностей статуса главы муниципального образования.

Правовые акты по вопросам осуществления главой муниципального образования его собственных полномочий по решению вопросов местного значения могут быть изданы только от имени главы муниципального образования и не могут быть изданы как акты представительного органа муниципального образования (его председателя) либо как акты местной администрации.

Местная же администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования) наделяется уставом муниципального образования полномочиями по решению вопросов местного значения и полномочиями для осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (часть 1 статьи 37 Федерального закона № 131-ФЗ). Соответственно полномочиями местной администрации определяется и правотворческая компетенция этого органа по изданию муниципальных правовых актов, подписываемых главой местной администрации, который является одновременно главой муниципального образования.

В рамках раскрываемого критерия экспертной оценки необходимо учитывать особенности муниципального регулирования в области противодействия коррупции местными органами власти сельских поселений. Таким образом, в случае если в сельском поселении глава муниципального образования является не только главой местной администрации, но и председателем представительного органа, следует иметь в виду, что глава муниципального образования является высшим должностным лицом муниципального образования и наделяется уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения (часть 1 статьи 36 Федерального закона № 131-ФЗ). Наделение главы муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения означает наличие у него полномочий, не сводимых к полномочиям председателя представительного органа муниципального образования и (или) главы местной администрации (среди них вопросы, предусмотренные частью 4 статьи 36 Федерального закона № 131-ФЗ).

Исходя из особенностей статуса лиц, замещающих муниципальные должности, регулирование вопросов противодействия коррупции в отношении этих лиц может осуществляться помимо устава муниципального образования только правовыми актами представительного органа муниципального образования. Издание по этим вопросам актов иных органов местного самоуправления (например, главы муниципального образования), действующим законодательством не предусмотрено. Исключения составляют например, правовые акты, регулирующие только деятельность структурных подразделений местной администрации по размещению на официальном сайте муниципального образования сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих муниципальные должности.

При правовой оценке муниципальных правовых актов одним из наиболее важных вопросов, который должен быть установлен, является вопрос о форме, в которой правовой акт будет принят (издан).

Этот вопрос взаимосвязан с вопросами о наличии полномочий органов местного самоуправления по регулированию соответствующего круга общественных отношений, от компетенции конкретного органа местного самоуправления или выборного должностного лица местного самоуправления по изданию правового акта, однако этим не ограничен. Правильное определение компетентного органа местного самоуправления или должностного лица местного самоуправления само по себе не шаблон, предопределяющий правильную форму принятия (издания) муниципального правового акта.

В ряде случаев форма муниципального правового акта прямо предусмотрена законодательством и, следовательно, проблема выбора отсутствует. Это вытекает из требований законодательства в отношении форм нормативных актов, принятых на местном референдуме (сходе граждан)

или правовых актов представительного органа муниципального образования. В других случаях законодатель в статье 43 Федерального закона № 131-ФЗ называет несколько форм, в которых может быть издан правовой акт.

Так, глава муниципального образования издает постановления и распоряжения (часть 4 ст. 43 Федерального закона № 13-ФЗ). Председатель представительного органа муниципального образования издает постановления и распоряжения (часть 5 ст. 43 Федерального закона № 131-ФЗ). Постановления и распоряжения местной администрации издаются главой муниципального образования (часть 4 ст. 43 Федерального закона № 131-ФЗ) или главой местной администрации (часть 6 ст. 43 Федерального закона № 131-ФЗ). С одной стороны, законодатель прямо называет соответствующие формы правовых актов (постановление, распоряжение, приказ), поэтому издание правовых актов в каких-либо иных формах не будет соответствовать Федеральному закону № 131-ФЗ. С другой стороны, законодатель не делает различий между формами правовых актов ни с точки зрения предмета правового регулирования, ни с точки зрения уточнения формы нормативного или ненормативного акта. Единственное исключение содержится в части 6 статьи 43 Федерального закона № 131-ФЗ в отношении правовых актов главы местной администрации. Постановления местной администрации издаются по вопросам местного значения и вопросам, связанным с осуществлением отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, а распоряжения местной администрации – по вопросам организации работы местной администрации).

При таком раскладе законодателя, разграничение между постановлениями и распоряжениями главы муниципального образования, между распоряжениями и приказами иных должностных лиц местного самоуправления и т.п. должно быть произведено в уставе муниципального образования или может быть конкретизировано в иных муниципальных правовых актах, принятых в соответствии с уставом муниципального образования.

Подводя итог, отметим, что озвученные в данном материале критерии оценки принимаемых муниципальных нормативных правовых актов в рамках проведения правовой экспертизы в области противодействия коррупции, являются ключевыми. Первичность соответствия данным критериям предопределяет дальнейший процесс правовой экспертизы содержания правовых положений нормативного правового акта, в указанной сфере регулирования общественных отношений.

Список цитируемой литературы:

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2003 № 40. Ст. 3822. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
2. О закреплении за сельскими поселениями Иркутской области вопросов местного значения : закон Иркутской области от 3 нояб. 2016 года № 96-ОЗ // газета «Областная» от 21 нояб. 2016, № 129. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
3. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
4. О муниципальной службе в Российской Федерации : федер. закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2007, № 10. Ст. 1152. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
5. Вопросы противодействия коррупции : указ президента от 8 июля 2013 г. № 613 // Собр. законодательства РФ. 2013, № 28. Ст. 3813. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
6. О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации : постанов. правительства от 9 янв. 2014 г. № 10 // Собр. законодательства РФ. 2014, № 3. Ст. 279. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Сведения об авторе:

Костюнина Ольга Владиславовна – Юридический институт Иркутский государственный университет, 664082, город Иркутск, ул. Улан-баторская, 10, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Конституционного права и теории права, эл.адрес: mayolgak@mail.ru, тел. +79842703046

КОНЦЕПЦИЯ «СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ»: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация: Катастрофические последствия, связанные с распространением в 2020-2022 гг. новой коронавирусной инфекции Covid-19, заражение в мире по данным на 31.10.2021 г. инфекцией 247 379 304 человек, 5 014 057 смертельных случаев [10], потребовали от национальных властей принятия экстренных карантинных правил, направленных на борьбу с Covid-19. Некоторые из мер, принятые в целях борьбы с Covid-19, население восприняло негативно, оценив введённые карантинные правила в качестве несправедливых, неправильных, что затруднило их реализацию. Автором выдвигается гипотеза о необходимости оценки принимаемых публичной властью решений на соответствие критериям концепции «социальной легитимности», что позволит достичь повышения уровня их реализации в реальной практике.

Ключевые слова: концепция «социальной легитимности», справедливость, универсальные правила, законность.

Новая вирусная инфекция Corona Virus Disease 2019 (COVID-19), стремительно распространившаяся по миру в 2020 году и квалифицированная Всемирной организацией здравоохранения в качестве пандемии [2], третья волна пандемии, связанная с распространением в 2021 г. дельта-штамма коронавируса (индийский вариант), стали крупнейшим цивилизационным вызовом XXI века.

Национальные власти в целях защиты населения от последствий COVID-19 ввели в рамках имеющейся дискреции, позволяющей самостоятельно определять степень угрозы населению с учетом региональной специфики, множество карантинных правил (Карантинные правила — различные требования, введённые в целях прекращения распространения инфекционного заболевания. Могут относиться к сфере экономики, здравоохранения, права и иным), воспринятых в обществе неоднозначно.

Принимая решения о введении карантинных правил, национальные власти не действуют в вакууме, не обладают абсолютной вседозволенностью. Карантинные правила должны не только соответствовать требованиям законности, что предполагает корреляцию нормативно-правовым актам, имеющим большую юридическую силу, соблюдение требований к форме соответствующего акта, порядку принятия, опубликования и введения в действие, но и отвечать требованиям авторской концепции «социальной легитимности».

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения [8], на 21 октября 2021 г. 40 % населения в России не поддерживает требования по вакцинации до 80% (восемьдесят процентов) сотрудников предприятий и организаций; против допуска граждан на массовые мероприятия и другие общественные места только при наличии документа (QR-кода), подтверждающего вакцинацию от коронавируса, ранее перенесенное (в течение полугода) заболевание или отрицательный результат теста ПЦР выступают 40 % россиян. По данным аналитического центра «Левада-Центр» (является крупнейшим независимым центром опросов на территории РФ. Имеет статус НКО иноагента) на 07.09.2020 [3] карантинные правила, принятые президентом и правительством, одобрили в апреле 2020 г. 46% граждан, а меры (по борьбе с пандемией) принятые мэром или губернатором 50% населения, на 05.07.2021 [4] 54% россиян не готовы сделать прививку от коронавируса (речь идет об отечественных вакцинах), 25% — готовы, 19% уже прошли вакцинацию. В октябре 2020 г. 37 % населения высказались против введение системы штрафов за нарушение установленных карантинных правил, 33 % посчитали заниженной официальную информацию о числе заболевших коронавирусом [7, с. 67].

Оценка населением принятых властью решений, направленных на борьбу с пандемией, в качестве неправильных, несправедливых, игнорирование гражданами обязанностей, установленных публичной властью, связано по нашему мнению во многом с не соответствием принятых решений критериям концепции «социальной легитимности».

Нами предлагается авторская концепция «социальной легитимности», представляющая систему связанных между собой идей, требований, социальных норм, которым должны отвечать принимаемые публичной властью решения и позволяющая проверить такие решения на соответствие требованиям справедливости.

Граждане ожидают от принятых властью решений специфических внешних последствий, ориентированных на значимые в обществе ценности, как писал М. Вебер [1, с. 178], на некие максимы общественного порядка, способные удовлетворить определенную общественную потребность и

приближенные к идеалу совершенной (с точки зрения определенной социальной группы) консенсусальной справедливости, непосредственно привязанной к предпочтениям, проистекающим из интересов данного общества. Й. Шумпетер отмечал, что: «именно субъективная оценка создает объективную ценность (этому нас учили схоластические доктрины в том, что касается потребительских благ), а не наоборот. Вещь является красивой, потому что она нравится, а не она нам нравится потому, что она объективно красива» [11, с. 82]. Причем эффективность принимаемых решений наступает в случае не только их привязки к особенностям национальной культуры, экономики, права, философско-религиозным идеям, но и сопутствующим комплексным изменениям в указанных сферах.

Соответствие принимаемых властвующей группой решений критериям «социальной легитимности» предполагает их одобрение населением в качестве справедливых, признанием их правильности не только на уровне групп, но и индивидуума, руководствуясь определенным «чувством долга», осознавая их необходимость в целях максимизации своих жизненных устремлений, приращения благ, их полезности, а не в связи с угрозой применения насилия, использованием государством аппарата устрашения. Такая концепция показывает свою наибольшую эффективность относительно вопросов касающихся наибольшего количества людей, и востребована наибольшим количеством населения.

Однако такое приращение благ не является крайней формой утилитаризма, при понимании блага следует оценивать процесс его приращения с точки зрения соблюдения моральных требований [6, с. 242] (как индивидуальных так и коллективных), для чего формируются определенные правила кооперации.

В своих взаимоотношениях совокупность людей, являющихся частью определенного коллектива, действует сообща в целях удовлетворения совпадающих интересов, достигая через социальную кооперацию приращение блага (получение выгоды от жизни, радости, пользы) более эффективно, чем действуя самостоятельно (приращение блага основано в данном случае на использовании чужой индивидуальности, возможностей и талантов сравнительно неразвитых у индивида по сравнению с иными членами коллектива). В связи с наличием конфликтов в коллективе, связанных с несовпадением интересов его членов, в коллективе устанавливается система кооперации, предназначенная для обеспечения блага (индивидуального, или малого коллектива) в отношении тех, кто следует правилам кооперации, соответственно члены коллектива осознают определенные обязывающие их правила поведения и в основном поступают согласно этим правилам. Такие правила основаны на принципах социальной справедливости данного коллектива, в их внутреннюю систему встроены условия минимизации нарушения прав индивида, выражающиеся в ограничении при выборе действий, направленных на приращение благ; определении верхнего предела допустимого ограничения прав; особых правилах распределения выгод и тягот социальной кооперации в коллективе; возможность предъявления членам коллектива требований основанных на социальной справедливости.

Правила кооперации находятся в постоянном развитии (как и сам коллектив), динамизм которого может быть различен и зависит от множества факторов, как внутренних, так и внешних (имеет в виду влияния иных коллективов, индивидуумов, природных и географических условий и пр.).

Правила кооперации, как базисные, являющиеся фундаментом социальной кооперации, так и производные, формируются при создании коллектива, в дальнейшем, с учетом изменения потребностей индивидуумов, модификацией особенностей функционирования коллектива, они подвергаются модернизации, порой достаточно существенной, что однако не приводит к ликвидации коллектива (в противном случае речь идет уже о правилах кооперации нового коллектива). В данном случае происходит каллибровка по патерну, правила системы социальной кооперации меняются в зависимости от некоторых показателей, однако базовые (первичные) правила не могут быть изменены без ликвидации самого коллектива, в противном случае, например при исключение национального характера государства, при условии что это требование является первичным правилом, такое государство перестает существовать.

На стадии начального формирования коллектива, члены сообщества, действуя как равноправные субъекты, обладающая совокупностью естественных прав, формируют базисные цели создания сообщества, соответствующие «первичные» правила его дальнейшего функционирования. Возможность создания таких целей и правил следует из: а) принципа общности человеческой природы, объединяющей всех членов сообщества принадлежащих к миру людей, что в свою очередь исключает деление людей на свободных и рабов, полноценных и неполноценных (неполноценность может выражаться в том числе и в декларировании этнического превосходства какой-либо группы, пусть

даже и в целях сохранения национального характера государства); б) способности к коллективному действию. Индивидуальность человека, присущая ему с момента рождения и развивающаяся в процессе жизни, предполагает возникновение конфликтных ситуаций между людьми (споров), что приводит к созданию малых сообществ с учетом совпадения интересов позиций конфликтующих сторон. Наличие споров не приводит к глобальному кризису, так как конфликтные ситуации разрешаются путем согласования различных позиций (во всяком случае на уровне членов сообществ, не обладающих статусом «магистрата») через осознанное и активное стремление людей к компромиссу, социальному сотрудничеству, в котором стороны договариваются о сочетании различных позиций в целях приращения благ, которые превосходят по своей значимости спорные позиции сторон. Хотя неопределенность и присутствует в действиях людей, она на рассматривается нами как фактор способный привести к фатальным конфликтам, не позволяющим сформировать сообщество или приводящим к его гибели.

Сформулированные «первичные» правила будут соответствовать требованиям социальной справедливости коллектива при достижении членами сообщества согласия относительно целей их конечного состояния. Процесс выработки таких целей строго обусловлен их пониманием как результатом рационального выбора индивидуумов – членов сообщества, в противном случае, когда цели конечного состояния будут являться выбором коллектива, существует опасность подмены их целями властвующей (стремящейся к власти) группы, то есть меньшинства коллектива, что влечет кризис сообщества. Такая ситуация возникла в СССР, где общему более придавалась ценность чем частному; индивиды при формировании конечных целей находились не в равном, а иерархическом состоянии; патернализм сместил цели членов коллектива; патриархальная зависимость вытеснила включение в социальную систему новых взглядов на мироустройство и оправдывала нежелание власти жертвовать имеющимися благами в целях достижения результатов развития западного общества. Соответственно принимаемые властной группой решения оправдывались не приращением благ (справедливых как по сути, так и порядку их приращения с точки зрения сообщества), а мнимыми причинами, чтобы скрыть личные мотивы и найти алиби своих действий, такие решения, расцениваемые населением в качестве несправедливых, формировали протестные настроения, тормозили развитие сообщества.

В качестве «первичных» правил выбираются наиболее подходящие для достижения согласованной цели конечного состояния членов сообщества, при соблюдении признака относительной стабильности таких правил, например преследуя цель - сохранение жизни индивида, формулируется правило запрета смертной казни, стремление к этническому однообразию членов коллектива подразумевает создание особых правил в целях затруднения смешения этносов, например, запрет на межэтнические браки.

Сложность системы современной цивилизации предполагает наличие множества коллективов, преследующих как совпадающие, так и противоположные задачи, зависимые от первичных и производных целей конечного состояния (причем в ряде случаев вторичные цели могут подменять собой первичные), что порождает многообразие правил кооперации, однако такая калибровка по патерну не исключает наличие базовых правил кооперации современной цивилизации, принятых, в силу их очевидности, разумности, полезности, всеми людьми. Такие правил, достаточно точные и полные в качестве руководства к действию, ясные для всеобщего подчинения, устанавливаются как внутренние так и внешние правила функционирования сообществ, действуют в масштабах всей планеты и служат приращению благ в континууме современной цивилизации, с учетом тождества большинства потребностей людей в той мере, какой они могут их определить основываясь на знаниях нормальных условий человеческого существования и своего настоящего положения в обществе. Частичное сходство потребностей свободных и равноправных граждан, сотрудничающих на протяжении своей жизни друг с другом через самоидентификацию в качестве членов различных коллективов, приводит к формированию базовых правил кооперации как на уровне малых, так и крупных сообществ. Замена базовых правил кооперации, сформированных на основе частичного совпадения взглядов граждан с учетом различных концепций и доктрин служащих максимальному приращению благ с учетом соответствия процесса их приращения с точки зрения соблюдения актуальных моральных требований, на идеи, принципы, сформулированные в рамках исключительно соответствующей философской, религиозной концепций блага, в конечном итоге приводит к распаду сообщества в связи с неудовлетворением индивидуальных благ членов коллектива, примером такого распада является крушение СССР в XX веке.

Особенности функционирования современной цивилизации позволяют осуществить отбор базовых (универсальных) правил кооперации населения, составляющих критерии концепции «социальной легитимности», и являющиеся результатом рационального анализа особенностей цивилизационного развития, прошедшие «испытание реальностью». Такие базовые правила позволяют стабилизировать сообщество людей, при их активном участии сохранить достигнутый компромисс мирного существования и развития.

В основе таких базовых правил кооперации находится совокупность ряда идей: а) либерализма, что обусловлено как особенностями современных процессов глобализации (тенденции вестернизации), так и формированием на основе концепции либерализма особой задачи государства, востребованной населением — поддержание справедливой социальной структуры, в рамках которой «отдельные индивиды — каждый со своими целями, интересами и убеждениями — получают возможность следовать и воплощать в жизнь свои представления о благе, такая справедливая структура предполагает признание автономии человеческой личности и позволяет всем людям реализовать себя как свободных моральных агентов при условии соблюдения аналогичной свободы для всех» [9, с. 67]. Как отмечает Л. Мизес: «В конечном счете либерализм не имеет никакой иной цели, кроме как повышение материального благосостояния людей... Само название «либерализм» происходит от слова «свобода», а название партии, оппозиционной либералам (оба обозначения возникли в ходе конституционной борьбы первых десятилетий XIX века в Испании) изначально было «рабская» («servile»)» [5, с. 48], непосредственно либерализм воплотил постулат юридического равенства; б) рыночно-капиталистической экономической модели (доктрина «laissez-faire»); в) демократии, как особого процесса бесконфликтного приспособления управляющей группы к воле граждан [5, с. 112], системы способствующей сохранению гражданского мира; г) минимального государства, где государство, выступая нейтральным арбитром между гражданами, обеспечивает существование базовых институтов в целях приращения благ, выполнения первичных правил и достижения согласованных целей, что позволяет обеспечить гибкость управления, не препятствовать изменению социальных ценностей сообщества. Захват власти в таком государстве не привлекателен, так как государство является «морально нейтральным», не преследует интересы какого-либо внутреннего сообщества, властной группы. Минимальное государство, пишет Р. Нозик, «обращается с нами как с неприкосновенными индивидами, которых другие люди не могут использовать в качестве инструмента, средства или ресурса; оно обращается с нами с почтением, которого мы заслуживаем как обладатели индивидуальных прав. Уважая наши права и тем самым обращаясь с нами с уважением, оно позволяет нам — по отдельности или вместе с теми, кого мы выберем, — выбирать свою жизнь и реализовывать свои цели и представления о себе в той мере, в какой мы на это способны, опираясь на добровольное сотрудничество других индивидов, обладающих тем же достоинством» [6, с. 395]; д) естественно-правовой концепции права.

Относительно карантинных правил, мы можем сформулировать следующие критерии «социальной легитимности», которым должны отвечать принимаемые публичной властью решения: соразмерность масштабу угрозы пандемии; соответствие принципам демократического режима; обеспечение адекватных гарантий против злоупотреблений со стороны институтов государственной власти при введении и реализации карантинных правил; соответствие идеям социальной справедливости, морали, нравственности, свободы, уважения человеческого достоинства; поддержка введенных карантинных правил большинством населения.

Список цитируемой литературы:

1. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990 - 808 с.
2. ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19. 12.03.2020 г. // <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/pages/news/news/2020/03/who-announces-covid-19-outbreak-a-pandemic> (дата обращения: 07.08.2021 г.).
3. Ковид в головах: что думали россияне о пандемии, карантине и вакцинации. 07.09.2020 г. / <https://www.levada.ru/2020/09/07/kovid-v-golovah-cto-dumali-rossiyane-o-pandemii-karantine-i-vaktsinatsii/> (дата обращения: 11.12.2021 г.).
4. Коронавирус, прививки и обязательная вакцинация 05.07.2021 г. / <https://www.levada.ru/2021/07/05/koronavirus-privivki-i-obyazatel'naya-vaktsinatsiya/> (дата обращения: 11.12.2021 г.).
5. Мизес Л. Либерализм в классической традиции: Пер. с англ. — М.: «Начала-Пресс», 1994. с. 48

6. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Роберт Нозик ; пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2008. с. 242
7. Общественное мнение - 2020. Ежегодник / М.: Левада-Центр, 2021. - С. 67.
8. Отношение россиян к мерам по борьбе с коронавирусом. 21.10.2021 г. / <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-rossijan-k-meram-po-borbe-s-koronavirusom> (дата обращения: 11.12.2021 г.).
9. Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: изд. НГУ, 1995. – С. 67.
10. Covid-19 Coronavirus pandemic // <https://www.worldometers.info/coronavirus/> (дата обращения 31.10.2021 г.).
11. Schumpeter J. A. 1983. The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle. New Brunswick, NJ: Transaction Books.

Сведения об авторе:

Кротов Андрей Владиславович – кандидат юридических наук, зам начальника отдела восточно-европейского права, компания Ойл-Инв (Oil-Inv Corp); pravonnov@yandex.ru.

Оганесян А.К.

ИДЕИ ТЕОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ В СОЧИНЕНИЯХ Н.А.ЗАХАРОВА

Аннотация: В статье рассматриваются взгляды и идеи теократического характера видного русского правоведа Н.А.Захарова. Автор делает вывод, что в концепции царской власти, разработанной правоведом, лежит уважение к свободе личности, достоинству и правам человека, свойственным христианской правовой культуре. С другой стороны, важным следует признать и уважение Н.А.Захарова к традициям народа, его обычаям и нравам, сформированным на религиозной почве. Синтез этих двух измерений государства и права позволил ученому создать оригинальную концепцию самодержавия в России.

Ключевые слова: правовые учения, теократическое правопонимание, правосознание, теократия, государственно-правовой идеал, правовые ценности.

Наиболее ярким и последовательным теоретиком самодержавной теократии и теократического правопонимания следует признать Николая Алексеевича Захарова (1883-1928). Его работа «Система русской государственной власти» посвящена одной из самых серьезных и сложных теоретических проблем отечественного государственного права после 1905 года: по какому пути развиваться монархической форме правления и на какой основе строить систему распределения государственной власти и ее ветвей [4].

О его биографии известно крайне мало, важно учесть, что мыслитель был сторонником консервативных концепций государства и права, но однозначно не приветствовал ни славянофилов, ни западников, полагая, что исследовать русское государственное право необходимо вне сопоставления с кем-либо [5, с. 117]. Его учителем был, вероятнее всего, Петр Евгеньевич Казанский (1866-1947), который был одним из самых известных правоведов дореволюционной и послереволюционной России, юрист-международник и государствовед, декан юридического факультета Императорского Новороссийского университета. Ему принадлежит заслуга обобщения всех известных на период 1900-1913 года учений о самодержавной власти, с выделением главного – смысла Основных законов и государственно-правовых традиций русского народа. Своей целью он поставил изучение правовых аспектов самодержавной власти.

Н.А. Захаров окончил Новороссийский университет и в начале 1910-ых годов преподавал в Практической восточной академии Санкт-Петербурга. Помимо исследований в области государственного права, Захаров отличился и глубокими работами в сфере международного права [1, 2, 3]. Конец карьеры ученого приходится на период его работы в Краснодаре в двух вузах: Кубанском сельскохозяйственном и Кубанском педагогическом институтах.

Учёный в основу своего исследования самобытности государственной власти и государственного права России положил идеи, которые были весьма распространены благодаря исследованиям исторической школы права – Гуго, Савиньи и Пухты, хотя прямо на них не ссылался. Дело в том, что в Германии критика естественно-правовых концепций правового государства была построена на апелляции к национальному историческому опыту государственно-правового строительства: без опоры на народный дух, правовой менталитет и народный правовой обычай никакая власть не может твердо и последовательно осуществлять государственно-правовое строительство. Не следует

воспринимать как святыню концепции юридических понятий, составленных иностранными учеными, полагает Н.А.Захаров [4, с. 33]. Более того, робость перед западными теориями и отсутствие самостоятельных концепций крайне вредит отечественной науке, полагал мыслитель. Наука должна рассматривать не только западные модели, но и иные виды в качестве теоретических моделей. В противном случае наука рассматривает вместо того, что есть, то, что должно быть. Каждое государство, как и каждая личность, полагает ученый, имеет право на свободное развитие и наличие индивидуальных особенностей, а в расчет государственно-правового моделирования необходимо включать особенности быта и национальной психологии [4, с. 38].

Автор сочинения о государственном праве России и государственной власти с точки зрения разграничения юридических полномочий и обязанностей исходит из обстоятельства, которое зачастую игнорируется представителями юридической науки, концентрирующими внимание на внешние, формально-юридические особенности регулирования власти. Отечественных правоведов Захаров рассматривал и критиковал в контексте излишней увлеченности новейшими теориями и оторванности юридических конструкций от реальной жизни в силу поклонения перед успехами западной правовой мысли. Захаров не согласен был с идеями Руссо, Монтескье, Канта и либеральных ученых о необходимости в каждом государстве наличия системы трех ветвей власти. Ученый настаивал на том, что модель разделения властей необходимо строить не на универсализме западных моделей правового государства либерального толка, а на основе собственного богатейшего опыта политической и правовой культуры. Он, помимо трёх ветвей власти, привычных для теоретиков государственного права начала XX века, выделил ещё и власть самодержавную. Самодержавная власть, в его понимании, является результатом многовекового развития отечественной государственности, коренится в истории нашего права. Наука государственного права не должна идти по пути слепого копирования тех основных принципов, которые лежат в основе западных европейских государств, но обязана учитывать национальный психологический опыт, правосознание своего народа.

Он полагал необходимым исследовать государственный строй в неразрывном единстве с национальной историей. При этом, следует учитывать характер русской государственной власти и тех влияний, который определяли ее восприятие. Русская система государственной власти в учении Захарова предстаёт результатом развития и влияния Византийской идеи императорской власти - идеи религиозной автократии, получившей духовное и нравственное обоснование в сочинениях русских книжников и летописцев: «монархизм, как единственно возможная основа государства, составлял фундамент политического мирозерцания древнего книжника, воспитанного и выросшего на византийских идеалах государственного устройства» [4, с. 41].

Если на Западе существовал феодализм, который возник в результате борьбы короля с аристократией, с крупными землевладельцами, то в России княжеская власть, базирующаяся на основе наследственной вотчины, не носила на себе отпечаток борьбы классов, вражды между королем и феодалами, а также Папой Римским и королями. В России власть была основана на особом характере поземельных отношений, имевших частнопроводную или даже семейно-правовую форму организации, что еще более усиливало восприятие государства как большой семьи. Московские и иные князья воспринимали наследованную и приобретенную землю как личную собственность, которую они могут передавать по наследству своим сыновьям. Иными словами, они воспринимали Русь как свою отеческую землю, землю, переданную им отцами. Впоследствии за верную службу земля передавалось наиболее верным служителем государя, поэтому помимо вотчинного владения возникает поместье. «Это смешение национального частнопроводного характера власти и византийского религиозного автократизма и легло в основание нашей идеи о Верховной власти и нашем государственном строе» [4, с. 41].

Что касается различных обязанностей государя, то они проистекали из религиозного принципа. Отечественное самодержавие развивалось вплоть до XVII столетия под влиянием двух начал: поземельного и религиозного. При этом, первое зависело от второго, теократического понимания власти. «Царь с точки зрения общенародного представления, не есть исключительно господин, как это существовало на Западе, а вместе с тем отец и благодетель своих подданных, - такой взгляд существовал на московского царя и так народ смотрел, например, еще на Иоанна Грозного» [4, с. 50]. Теория царской власти строилась на трех идеях: восточно-византийского представления о неограниченности власти, общегосударственного всеобщего тягла и церковного благословения, возвышавшего в глазах населения царя над уровнем обыкновенных людей. Западная абсолютистская монархия постепенно стала монархией эгоизма и защитницей классовых интересов, а в России была

монархия альтруизма без различия классов. Самодержавие мыслится как антитеза западного своеволия и самочиния.

Родовая аристократия в России развивалась на принципе служения Богу и государю, а на Западе родовая аристократия развивалась на основе конкуренции с королевской властью. Поэтому два разных принципа формировали правовую культуру и государственное право. Данная система начала рушиться только при Екатерине II, освободившей дворян от обязательной службы.

Говоря о самодержавной власти Н.А.Захаров акцентирует внимание на том, что данное понятие нельзя рассматривать только как координирующую власть. По его мнению, самодержавная власть является основной и единственной, которая может спасти государство в чрезвычайной момент государственной жизни. Именно в такие периоды верховная власть принимает на себя абсолютную диктатуру в процессе принятия решений, так как в противном случае любое промедление и консультации могут привести к гибели государства.

Царская власть, несмотря на свой православный источник происхождения, в понимании Захарова, должна быть выше всех частных интересов и всех соединять в единое государство. Ученый симпатизирует словам С.Н.Трубецкого: «не царь дворян, не царь крестьян или купцов, не царь сословий. – а царь всея Руси», сказанных им 6 июня 1905 года перед Государем Императором, и отмечает: «Такая власть, стоящая выше каких бы то ни было классовых, сословных и фанатично-религиозных интересов, власть, руководимая в своих движениях целесообразностью и моральным чувством, не может не существовать в разноплеменном государстве как охранительница целостности политического общества» [4, с. 167].

Полагаем, что такой вывод о монархе мог сделать только христианин, так как христианский царь не может выступать в качестве обязывающего всех подданных к исповеданию своей веры в силу глубинного уклада свободы в сердцевине христианского мировоззрения.

Список цитируемой литературы:

1. Захаров Н.А. Курс общего международного права / Н.А.Захаров. -Пг., 1917. - 457 с.
2. Захаров Н.А. Наше стремление к Босфору и Дарданеллам и противодействие ему западноевропейских держав / Н.А.Захаров. - Пг., 1916. - 30 с.
3. Захаров Н.А. Система русского государственного права / Н.А.Захаров. - Новочеркасск, 1912. - 326 с.
4. Захаров Н.А. Система русской государственной власти / Н.А.Захаров. - М., 2002. - 400 с.
5. Смолин М.Б. Энциклопедия имперской традиции русской мысли / М.Б.Смолин. - М., 2005. - 447 с.

Сведения об авторе:

Оганесян Армэн Кароевич – руководитель Департамента биомедицинских, ветеринарных и экологических направлений Сочинского института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»; armenoid1986@rambler.ru

Ерыгина В.И.

УЧЕНИЕ М.М. СПЕРАНСКОГО О НАРОДНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ

***Аннотация:** в статье рассматривается вклад М.М. Сперанского в формирование российской доктрины народного представительства, которая краеугольным камнем легла в основание конституционной монархии, являющейся, по мнению отечественного мыслителя и политического деятеля, идеалом политического преобразования России.*

***Ключевые слова:** власть, общественное мнение, народ, государство, представительство, государственное управление, законодательная власть, парламентаризм.*

Современный этап развития России характеризуется как очередной период существенных преобразований политического, государственного и общественного строя в исторической череде глубоких трансформаций, которые каждый раз заставляют задуматься о российской идентичности и традиционном поиске особого пути российской государственности. Отдельные доктринальные положения о преемственности исторического развития России, о единой системе публичной власти получили закрепление в последней редакции Конституции Российской Федерации, законодательстве, которые порождают вариативность понимания и требуют своего научного толкования. На наш взгляд, публичная власть является отражением власти народа, формой общественной власти, видом

народного представительства. Для раскрытия глубинного содержания представительной природы власти народа, способов взаимодействия общества и государства необходимо обратиться к наследию отечественной политико-правовой мысли. Выдающийся вклад в теорию народного представительства безусловно внес российский мыслитель, политический деятель первой половины XIX века М.М. Сперанский. Его идеи об организации публичной власти, выстраивании отношений между обществом и государством актуальны и сегодня, требуют своего переосмысления и развития на новом историческом витке реформирования России.

Уже в ранних своих работах («Размышления о государственном устройстве империи» 1802 г.) М.М. Сперанский, размышляя о судьбе российского народа, пытался подобрать для него наиболее удобный способ правления, такую политическую форму, при которой он будет счастлив. При прежних формах правления, при абсолютной монархии и даже деспотическом режиме, когда законы принимались без согласия народа, последний терпел все тяготы своего положения, был спокоен и уверен в правильности угнетенного его состояния [6, с. 307]. Однако любые перемены способствуют росту сознания народа, который может по примеру Франции решиться и на революцию. Такого крайнего радикализма масс как раз и не желал Сперанский, надеясь, что путем реформ удастся добиться благосостояния общества.

В представительном образе правления Сперанский видел идеал будущего развития России. В своей концепции преобразования общественного и политического строя России мыслитель предусматривал следующие шаги к достижению желаемой цели: во-первых, создание свободного общества путем отмены крепостного права и наличие экономически и политически независимого сословия; во-вторых, образование законодательной власти, независимой от исполнительной; в-третьих, просвещение населения, формирование и развитие общественного мнения.

Ведущую роль в учреждении власти, установлении различных форм правления Сперанский отводит народу. Именно народ своей общей волей учреждает коренные законы и заставляет правительство утвердить их непоколебимость. На основе данных законов учреждаются законодательные сословия, парламенты, иные органы власти. Итак, народ является законотворцем, но для того, чтобы его законы не были простой формальностью, а воплощались в жизнь, законодатель должен заставлять исполнительную власть претворять их в жизнь. Всякое правительство основывается на общей воле народа [2, с. 278-280]. Кроме того, «всякое правительство должно получить от народа известное количество сил, чтобы быть в состоянии действовать». Таким образом, в составе правительства содержатся две стихии: 1) общая воля народа и 2) сила, переданная ему народом [2, с. 280]. При этом народ имеет в себе достаточную силу, чтобы уравновесить или ограничить правительство. Сила народа намного превышает силу правительства, хотя бы в количественном измерении. Но для того, чтобы применить свою силу, народу надо знать пределы власти и быть готовым их защищать. Сила народа заключается также в его единстве. Разделение народа на мелкие классы губительно для него, так как он теряет свою силу и свободу, все больше подчиняясь самовластию или деспотическому правлению

Сперанский допускает только такое деление народа, при котором выделяется высший класс, необходимый для охраны законов и низший класс, разделенный именем и наружностью. Поскольку весь народ не может участвовать в управлении государством, необходимы его представители или посредники между народом и правительством. Сперанский называет их особым классом, состоящим из наиболее просвещенных граждан, знающих пределы власти, имеющих достаточную независимость. При этом стражи законов должны быть не избираемыми народом, а рождены таковыми. Если бы состав данного класса был избирательный, тогда бы он зависел от власти правительства. В массе народа должны быть известные роды, преимущество которых состоит в охране закона или посредничестве между народом и престолом. Вторым свойством высшего сословия должна быть независимость в делах государственных от назначений верховной власти. Третье его свойство заключается в том, чтобы интересы его были соединены с интересами (пользами) народа [2, с. 283-284]. Предназначение национальной политической элиты может быть осуществлено только в случае, если ее интересы будут совпадать с интересами народа.

По-прежнему весьма актуальны предложения Сперанского о способах установления тесной связи между властью (высшим классом) и народом [2, с. 285]. Во-первых, чтобы оградить народ от притеснений, мыслитель предлагает причислить детей, кроме первородных, представителей высшего класса к народу; во-вторых, ввести обязанность представления и обнародования декларации о доходах. Однако, представителям высшего класса не рекомендовано отделяться от престола и полностью сливаться с народом. Они должны быть хорошо обеспечены государством. Вместе с тем высший класс, представляя собой силу народа и служа оплотом ему против самовластия, должен

внешне отличаться от него, тем самым отражать на себе достоинство своего великого положения. Бедность не может быть совместима с уважением, с духом независимости в политической системе общества.

Народ Сперанский характеризует как низший класс общества или тех, кто не принадлежит к высшему классу, и выделяет его характерные особенности, а также права и обязанности:

1) он не может иметь в исключительной собственности имущество, принадлежащее государству, а только то, что им самим приобретено; все имения народа передаются по наследству;

2) народ должен участвовать в составлении законов, по крайней мере коренных; народ доверяет высшему сословию функцию охраны законов;

3) народ имеет также право избирать собственных должностных лиц, в частности, суд должен состоять из представителей народа;

4) народ обладает силой общего мнения или силой духа народного, которая стоит выше законов, правительства и включает внутренние убеждения большей части населения в каком-либо политическом или общегражданском вопросе. Дух народный является неким целым феноменом, господствующую составную часть которого образует характер народа. Дух народный рождается естественным образом, путем просвещения, его развитие ускоряется в результате государственного потрясения или целенаправленных действий правительства, которое желает, чтобы люди не только подчинялись, но и любили его. Государства, в которых правительство не учитывает характер народа, идут к саморазрушению.

Общественное мнение играет разную роль в государствах с разными формами правления и политическими режимами. В деспотических государствах его никто не учитывает, оно влечет за собой лишь вред и расстройства в системе управления. В государствах, управляемых разумом и мудростью, общественное мнение является внушительной силой, заслуживающей уважения. В общественном начале берут свое начало нравственные чувства, которые составляют суть правовых установлений, способствующих совершенствованию законов, их развитию, а следствием их применения является нравственное поведение граждан. Общественное мнение, утверждающее понятия о пороке и добродетели, является главным орудием закона.

Соотношение общественного мнения, закона и государства Сперанский рассматривает как закономерное явление, присущее общественному управлению. В тех государствах, где нет общественного мнения и общественного суда, царят единомыслие правителей в вопросах управления, злоупотребления властью и законом. И наоборот, в тех государствах, где есть общественное мнение, достигается общее благо, исполнение доброго закона становится общей потребностью, а злоупотребления осуждаются судом общественности. В результате правовед приходит к выводу о спасительном действии общественного мнения в благоустроенном государстве [5, с. 237-242].

Россию Сперанский характеризует как деспотическое государство, так как в ней свободны только нищие и философы, все остальные являются рабами, только одни государственными, а другие помещичьими. Выход из сложившегося социального и политического положения в стране мыслитель видит в просвещении народа. Для чего же необходимо просвещение народу? Во-первых, с его помощью народ более полно узнает и живет почувствует тяжелое свое положение, во-вторых, это повод для волнений, которые для народа могут закончиться или большим его порабощением, или ужасами безначалия. При сохранении же данного общественного строя в России, по мнению Сперанского, все реформы бессмысленны, в том числе и конституция, и жалованные грамоты дворянству и городам, и законодательные парламенты, все равно в стране сохранится деспотическая форма правления.

Сперанский предостерегает и от другой крайности - создания имитации ограниченной монархии и просвещения народа. Это происходит тогда, когда заимствуют чужие институты. Переменив внешние одежды, народ привыкнет подражать, и природная гордость северных обитателей обращается в тщеславие и напыщенную уверенность. Сперанский предостерегает от чрезмерного заимствования чужого опыта, намекая на то, что введение иностранных названий и украшение внешнего вида, лишь «позолотят цепи», но не приведут к изменению образа жизни народа и его свободе. В статье «О коренных законах» Сперанский полемизирует с государственниками-англофилами. Английский парламентский строй и республиканский Рим были деспотическими государствами, где все внешние атрибуты: парламент, Сенат и т.д. никоим образом не гарантировали соблюдение существующих законов. Весь смысл реформаторских проектов Сперанского заключался не в поиске готовых форм правления, несвойственных национальному пути развития России, а наоборот в со-

вершенствовании исторически сложившихся основ, которые были искусственным образом демонтированы. Прежде чем управлять народом, правительство должно его познать. Как замечательно писал Сперанский: «Народопознание столь же трудно, как самопознание» [3, с. 235].

Сперанский разделял позицию Ш. Монтескье о необходимости при проведении реформ учитывать особенности народного духа. Сперанский не исключает, что в результате заимствования готовых форм возможно на место самовластию придёт царство мудрости и истинного просвещения, на людей прольется дух жизни и одобрения. Людей познакомят с правами, законами, преимуществами и свободами. Однако любование этими правами приведет к заблуждению – что эти права у народа есть в реальной действительности. Обман народа будет заключаться в том, что эти права останутся лишь на бумаге.

Главной причиной неприживаемости заимствованных форм и методов государственного управления М.М. Сперанский видит в том, что каждое государство имеет свою «физиогномию» или характер, природой и веками ей данную. Самые лучшие преобразования, неприспособленные к народному характеру, приводят только к насилию и саморазрушению. Поэтому не народ к правлению, а правление к народу приспособлять необходимо. [2, с. 294]. В размышлениях реформатора звучит призыв к самодеятельности и самоуправлению, основанному на собственном опыте и традициях российского общества. Поэтому, изучив труды зарубежных исследователей, он не слепо их копировал, а приспособлял их проекты к особенностям России. В частности, у Сперанского была своя идея разделения властей, отличавшаяся от классической теории Ш. Монтескье [9, с. 176].

В России, по мнению российского политического деятеля, должно быть не разделение, а сотрудничество властей. Так, согласно Плану государственных преобразований России, в законодательстве участвуют все высшие органы власти: и законодательный орган, и правительство, и монарх. Законодательская инициатива должна принадлежать правительству, учитывающему огромные размеры страны, разнообразие населения, степень его просвещения [7, с. 23]. Принятием законов должно заниматься законодательное сословие, хотя и здесь вспомогательную роль играют министры, представляющие исполнительную власть. Кроме того, опыт английского и французского парламентаризма помог Сперанскому сделать вывод о том, что министры должны лично принимать участие в законодательском процессе, в деятельности представительных органов, объясняя и поддерживая предложения правительства [7, с. 25]. Министры несут ответственность за свою деятельность перед органом законодательной власти, который вправе выдвигать обвинения. В руках монарха должна сосредотачиваться вся исполнительная власть ради сохранения ее единства [7, с. 25].

По мнению российского ученого, необходимо было привлечь население к участию в исполнительной, законодательной и судебной власти посредством системы четырехстепенных выборов. Представительная природа власти государства раскрывается Сперанским на примере нескольких степеней законодательного порядка. Первая степень заключается в избрании волостной думы в каждом волостном городе или большом селении каждые три года из всех владельцев недвижимой собственности. «Казенные селения от каждого пятисотного участка высылают в Думу одного старшину. Она избирает председателя и секретаря. В волостной думе все голоса равны» [9, с. 177]. Волостная дума избирает волостное правление и выбирает депутатов в окружную думу.

Степень вторая. Из депутатов волостных дум каждые три года составляется окружная дума, которая избирает председателя и секретаря. Эта дума избирает окружной совет, суд, депутатов в губернскую думу.

Степень третья. Из депутатов окружных дум каждые три года формируются губернские думы. Члены думы избирают губернский совет, суд, членов государственной думы из граждан обоих состояний, имеющих политические права.

Все губернии на выборах разделяются на 5 классов. В двух близлежащих губерниях выборы не проводятся, но в других десяти губерниях они проходят ежегодно.

Степень четвертая. Из депутатов губернской думы составляется законодательное сословие под именем Государственной думы. Государственная дума есть место равное сенату и министерству. Госдума собирается ежегодно в сентябре. В думе формируется шесть законодательных комиссий. Дела Государственной думе предлагаются от имени державной власти одним из министров или членов Государственного совета [4, с. 407-410; 7, с. 43-45].

Провозгласив общей и конечной целью преобразования России установление конституционной монархии, Сперанский «запрограммировал создание в российской империи особого законодательного органа» [8]. В Плане государственных преобразований именно Сперанский еще в 1809 году дал имя российскому парламенту «Государственная дума», созвучное с прежней Боярской Думой и востребованное спустя сто лет эпохой коренных преобразований в период первой русской

революции, а затем вновь возродившееся в конце XX в. в современной России. В отличие от современной Государственной думы, Дума, запланированная выдающимся соотечественником, формировалась на основе неравного цензового избирательного права.

С момента появления народного представительства или системы выборов в европейских странах участие народа в государственных делах делится на два вида: право избирать и быть избранным. Политические права могли иметь или участвовать в выборах только те, у кого в собственности была недвижимость или промышленные капиталы. Не могли участвовать в выборах домашние слуги, ремесленники и рабочие люди, поденщики. Такое политическое неравенство Сперанский объяснял тем, что собственник больше будет придерживаться законов, так как обладание собственностью «предполагает разум и трудолюбие» [7, с. 36-37].

«Законодательное сословие, призванное составить Государственную думу, должно было формироваться из лучших образованных представителей дворянства, духовенства, купечества, мещанства и крестьянства. Однако реальное состояние этих групп не позволяло выделить среди них достаточное количество людей, способных действовать в качестве законодателей и стражей конституционного порядка» [8]. Сперанский отмечал, что наиболее образованными среди дворян являются военные и гражданские чиновники, но они не могут быть включены в состав законодательного сословия. Купцы и ремесленники также не могли быть членами данного сословия, так как они привыкли заниматься механической работой и их познание было обыденным, а не общим, к тому они были малочисленны. Духовенство и крестьяне не являлись самостоятельными сословиями: священники вследствие нищеты, а крестьяне – из-за отсутствия собственности. В результате проведенного исследования Сперанским был сделан вывод о малой вероятности создания в России законодательного сословия [8]. Для того, чтобы законы действовали, недостаточно чтобы они были творением народа. Необходимо также, чтобы народ контролировал их исполнение. Для этого между правительством и народом должен быть особый класс людей - стражи законов. Эта идея заимствована Сперанским у Монтескье, видевшего суть монархии в наличии посредствующих каналов, по которым законы доходят до народа, и по которым народ контролирует соблюдение этих законов. В роли этих каналов выступает дворянство.

Наилучшей формой правления для него была «правильная монархия», в которой будет разделение властей, государственный закон (конституция), уложение (гражданский и уголовный кодексы), законодательное собрание, ответственность министров, общественное мнение, свобода печати, гласность, просвещение и т.д. Для того, чтобы это было в России, надо было решить две проблемы, являвшихся главными препятствиями на пути к прогрессу: ликвидация рабства и развитие просвещения. Просвещение рассматривалось как условие и следствие свободы. Невозможно было распространить просвещение без общественного мнения.

Главная причина отказа от реформ Сперанского заключалась в незрелости народа, неготовности принять его реформы. Корф писал: «Сперанский не чувствовал или скрывал от себя, что он, по крайней мере частью своих замыслов опережает возраст своего народа, и степень его образованности и самостоятельности; не чувствовал, что стоит без фундамента, т.е. без достаточной подготовки умов в отношении нравственном, юридическом и политическом». Без внимательного изучения наследия Сперанского невозможно понять суть реформ в России и современное состояние доктрины о народном представительстве (1, с. 64).

Список цитируемой литературы:

1. Парсамов В.С. Михаил Михайлович Сперанский // Сперанский М.М. Избранное / М.М. Сперанский. - М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5-64.
2. Сперанский М.М. О коренных законах государства // Юридические произведения / Под редакцией и с биографическим очерком В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – С. 274-304.
3. Сперанский М.М. О постепенности усовершенствования общественного // Сперанский М.М. Избранное / М.М. Сперанский [сост., автор вступ. ст. и коммент. В.С. Парсамов]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. - С. 235-236.
4. Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования) // Сперанский М.М. Юридические произведения / Под редакцией и с биографическим очерком В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – С. 371-431.
5. Сперанский М.М. О силе общественного мнения // Сперанский М.М. Избранное / М.М. Сперанский [сост., автор вступ. ст. и коммент. В.С. Парсамов]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. - С. 237-242.

6. Сперанский М.М. Размышления о государственном устройстве империи // Сперанский М.М. Юридические произведения / Под редакцией и с биографическим очерком В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – С. 305-316.

7. Сперанский М.М. План государственного преобразования: (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). С прилож. «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России (1803 г.), ст. «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и пермского письма к императору Александру / Гос. публ. ист. б-ка России. – М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2004. – 192 с.

8. Томсинов В.А. «Судьба определила всем обществам человеческим менять только пороки»: М.М. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований. Статья четвертая // Законодательство. – 2016. – № 11.

9. Фатеев А.Н. М.М. Сперанский (1809-1909). Биографический очерк // Сперанский С.И. Учение М.М. Сперанского о праве и государстве: Монография. - М.: «Ось-89», 2009. - С. 165-209.

Сведения об авторе:

Ерыгина Виктория Ивановна – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, канд. ист. наук, доцент; erygina@list.ru

Шабалина Е.И.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ РАБОЧЕГО КОНТРОЛЯ

***Аннотация:** в статье предпринимается попытка проследить правовую регламентацию рабочего контроля в период становления советского государства.*

***Ключевые слова:** контроль, рабочий контроль, органы рабочего контроля, Постановления, Декреты, советская власть.*

Контроль как вид управленческой деятельности устанавливается Декретом от 26 октября 1917 г. II Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства [3, с. 20-21].

К 25 октября (7 ноября) 1917 г. структура Государственного контроля, как ведомства, выглядела следующим образом:

- Государственный контролер, его товарищ;
- Совет Государственного контроля;
- Департаменты: Военно-морской, Гражданской, Кредитной и Железнодорожной отчетности;
- Канцелярия;
- Центральная бухгалтерия;
- Временная Ревизионная комиссия по проверке расходов, вызванных войной 1914 г., и ряд мелких учреждений [7, с. 31].

В Декрете от 5 (18) декабря 1917 г. «По государственному контролю» в Комиссариате государственного контроля образуется коллегия Государственного контроля. Члены коллегии назначаются по предложению народного комиссара по Государственному контролю утверждаются до рассмотрения этого вопроса Центральным Исполнительным Комитетом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [2].

До января 1918 г. централизованное руководство рабочим контролем осуществлял Всероссийский совет рабочего контроля, функционировавший при Советах рабочих и солдатских депутатов на основании Положения о рабочем контроле, принятым ВЦИК в ноябре 1917 г. [1], включавшем в себя нормы как материального права, так и процессуального. В соответствии с которым, в интересах планомерного регулирования народным хозяйством во всех «промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наемных рабочих или же дающих работу на дом, вводится Рабочий Контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия» [1].

В соответствии со сложившейся практикой – рабочий контроль – это возможность участвовать в управлении делами предприятия абсолютно любым рабочим через выборные учреждения самоуправления: заводские, фабричные комитеты, советы старост и т.п.

В структуру высших органов Рабочего Контроля входили комиссии «специалистов-ре-визоров (техников, бухгалтеров и т.д.)», обладавших правом:

- наблюдать за производством;
- устанавливать минимум выработки предприятия;
- принимать меры к выяснению себестоимости производимых продуктов;
- контролировать деловую переписку предприятия;

Существенное юридическое уточнение по определению органа государственной власти, осуществлявшего контроль, было сделано Советом Народных Комиссаров в Декрете «О центральной контрольной коллегии и местных учетно-контрольных коллегиях и комиссиях» в январе 1918 г. [4]

Позицию советских исследователей о процессе становления контроля в советском государстве наиболее полно, на наш взгляд, отразил И.П. Козлитин: «Ломка учреждений старого государственного контроля и создание органов нового, социалистического государственного контроля, как и многих других звеньев государственного аппарата, произошли не сразу. Реорганизация государственного контроля затянулась до апреля 1919 г. Первые мероприятия по созданию социалистического государственного контроля были намечены декретом Совета Народных Комиссаров от 18 января 1918 г.» [9, с. 12].

Постановлениями ВЦИК от 2 мая 1918 г. и СНК РСФСР от 11 мая 1918 г. на базе центральной контрольной коллегии был образован Народный комиссариат государственного контроля РСФСР (Наркомгоскон) [10]. (НКГК).

Проанализировав имеющиеся позиции ученых-правоведов и нормативного материала рабочий контроль и государственный контроль периодически используются как синонимы, хотя, по нашему мнению, это два вида контроля.

Фактически на момент издания Декрета о государственном контроле в государстве параллельно существовали две системы контроля: ведомственный контроль и рабочие контрольные инспекции.

В Декрете ВЦИК от 9 апреля 1919 г. о государственном контроле примечательна преамбула, определяющая цель государственного контроля и фиксирующая переход рабочего контроля в государственный. Цель – борьба с бюрократизмом, и переход от формального надзора к фактическому контролю.

Советская власть заявляет, что только вовлечение широких масс рабочих и крестьян в дело управления страной и широкого контроля над органами управления устранит недостатки механизма, очистит советские учреждения от бюрократической скверны и решительно двинет вперед дело социалистического строительства. Органом, контролирующим деятельность Советских учреждений, является Государственный Контроль, деятельность которого протекала, однако, до сих пор в слишком тесных рамках формального надзора, благодаря преобладанию старых, чуждых социалистическому духу сил. Необходимо поэтому прежде всего обновить и преобразовать этот орган, влить в него свежие силы рабочих контрольно-ревизионных организаций, дать ему новые задачи действительного, фактического контроля, вовлечь в его работу широкие слои рабочих и крестьян для того, чтобы Государственный Контроль из органа формального контроля превратить в орган Народного Социалистического Контроля, накопления опыта социалистического строительства и постоянного совершенствования всего механизма Советской Власти [5].

В соответствии с указанным Декретом ВЦИК, функционал государственного контроля – это непосредственный фактический контроль, обеспечивающий быстрое, неуклонное и целесообразное осуществление декретов и постановлений Центральной власти во всех областях хозяйства и Государственного Контроля.

Таким образом, НКГК вменялось в обязанность наблюдать не только за законностью, но и за целесообразностью действий советских организаций в области народного хозяйства, проверять правильность распределения продуктов производства и потребления, давать заключения, касающиеся финансовых и хозяйственных планов, осуществлять надзор за расходованием денежных средств, материалов, продуктов, следить за точным и своевременным исполнением постановлений Правительства.

Начиная с 1918 г. происходит процесс централизации контроля, который был намечен в Декрет Центрального Исполнительного Комитета Советов. О Государственном Контроле. «Для осуществления намеченных задач необходимо:

а) все существующие при отдельных ведомствах, организациях и предприятиях контрольно-ревизионные органы перевести в ведение Государственного Контроля, преобразовав применительно к новым задачам контроля;

б) привлекать к постоянному участию в Государственном Контроле в центре и на местах рабочие и крестьянские организации;

в) сверх того систематически привлекать к участию в отдельных операциях Государственного Контроля понятых из наиболее широких слоев трудящегося населения;

г) ввести систему летучей ревизии;

д) возложить на Государственный Контроль наблюдение за организацией во всех учреждениях приема всякого рода жалоб и заявлений и правильным их движением, а также образование при самом Государственном Контроле особого бюро приема заявлений о неправильных действиях, злоупотреблениях и правонарушениях должностных лиц, для рассмотрения этих заявлений Государственным Контролем» [5].

Порядок и форма объединения органов Контроля определялась Народным Комиссариатом Государственного Контроля по соглашению с соответствующими Народными Комиссариатами [5].

Новые власти не считали нужным определить организационное и нормативное положение народных комиссариатов, не прописали системно функции отдельных учреждений (кроме редких исключений), разграничение полномочий между ними и основы межведомственного взаимодействия [11, с. 246].

К этому моменту к двум системам контроля добавляется третий, теперь структурно контроль выглядел следующим образом: Наркомат государственного контроля РСФСР, ведомственные контрольные органы и рабочие контрольные инспекции.

8 февраля 1920 г. Народный комиссариат государственного контроля РСФСР был преобразован в Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (НК РКИ, Рабкрин), руководителем которого был назначен И.В. Сталин. Преобразование объяснялось изменением хозяйственно-экономических и административных задач: «с расширением хозяйственно-экономических и административных задач, вставших перед Советской Республикой, на государственный контроль возложена декретом от 9-го апреля 1919 года (О Государственном контроле) крайне ответственная, сложная задача по наблюдению и контролю, обеспечивающему быстрое и целесообразное осуществление декретов и постановлений Советской власти во всех областях хозяйства и государственного управления. Эта задача может быть выполнена только при условии привлечения к делу государственного контроля широких рабоче-крестьянских масс, что одновременно создаст возможность подготовить и приучить их к управлению государственным аппаратом» [6].

РКИ наделялась всеми правами бывших органов государственного контроля, а именно «Рабоче-Крестьянская Инспекция имеет право участия во всех совещаниях и заседаниях органов Советской власти и общественных организаций, в целях как ревизионных, так и осведомительных, с совещательным голосом, а также право командировать членов Рабоче-Крестьянской Инспекции для участия в качестве практикантов в повседневной работе всех советских учреждений, не исключая приемов Народных Комиссаров, и вообще все права, которые предоставлены органам бывшего государственного контроля» [6].

Исходя из Декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 08.02.1920 № 94 О Рабоче-Крестьянской Инспекции в осуществлении контрольной деятельности мог принимать участие любой трудящийся, обладающий избирательным правом по Конституции РСФСР, за исключением лиц, занимающих ответственные должности по управлению предприятиями или высшие административные должности, т.к. они не могли быть избраны в качестве членов Рабоче-Крестьянской Инспекции [6].

На Всесоюзном совещании руководителей РКИ и представителей Контрольных Комиссий РКП(б), проходившем 3 - 4 февраля 1924 г. в Москве было принято решение о постепенном слиянии партийных (ЦКК) и государственных (РКИ) контрольных органов, координации их работы на первом этапе, и в дальнейшем, объединении в одном органе [8].

В.И. Ленин на указанном совещании подчеркивал, что «величайшее напряжение воли, выдержанность и терпение, проникновение в понимание того, что трудности неизбежны и нужно их преодолеть, и что только через годы работа может дать ощутительные результаты в смысле улучшения госаппарата» [8, с. 9].

Примечательно, что на страницах стенографического отчета неоднократно фиксируется концепция построения системы органов власти в новом советском государстве, сочетая в себе коммунистические идеи с утопизмом. В соответствии с которой, высший орган диктует низшему окончательные и бесповоротные решения, а тот подчиняется [8], при этом подчинение организовано по принципу «не за страх, а за совесть».

В исследуемый период происходит усиленное государственное строительство. неизбежно возникает вопрос о соотношении контроля РКИ и самостоятельного ведомственного, который по мнению Чекулаева является «наследником наркомата» [8, с. 58]. Для того, чтобы устранить дублиаж и параллелизм в деятельности объективно необходимо изменить концепцию построения системы органов контроля, разработать понятийно-категориальный аппарат, методологию и выстроить взаимодействие столицы с регионами. Процесс объединения РКИ и ЦКК был уже запущен: часть КК и РКИ перешли к «полвинчатому» взаимодействию, а часть осталась работать в прежнем формате (не объединяясь с РКИ).

Самым существенным недостатком при слиянии РКИ и ЦКК, как и в целом при учреждении и реорганизации всех органов государственной власти, являлась «чрезвычайная разбивка и растаскивание функций учреждения по многочисленным его отделам» [8, с. 133].

Еще одним важным вопросом, обозначившимся в процессе реорганизации, стал кадровый голод, «текучка» кадров и трудность сочетания плановой работы с выполнением текущих срочных заданий высших органов правительства.

Все эти тенденции обсуждались на Всесоюзном совещании руководителей РКИ и представителей контрольных комиссий РКП(б) (1924; Москва). Итоговым стало решение о слиянии РКИ и ЦКК (идея заимствована у В.И. Ленина) с целью прекращения конфронтации между рабочими и крестьянами для организации «смычки между рабочим классом и крестьянством» и организации всего государственного аппарата, через эти органы.

По итогу была принята Резолюция Всесоюзного Совещания работников РКИ и представителей контрольных комиссий РКП (б) от 3-4 февраля 1924 г. по докладу Наркома РКИ СССР и Председателя ЦКК РКП (б) т. Куйбышева о задачах и деятельности ЦКК и РКИ [8, с. 155-156], в которой отмечались положительные и отрицательные стороны, стоящих перед КК и РКИ на пути выполнения задач, поставленных партией. Недостатки структурируются по трем направлениям совместной деятельности:

1) Трудность в преодолении инерции прошлого и коренной перестройки аппарата в самом процессе работы.

2) Перегруженность аппарата РКИ внеочередными заданиями советских и партийных органов в центре и на местах, затруднявших успешное проведение основной плановой работы.

3) Недостаток имеющихся в распоряжении РКИ квалифицированных партийных сил, а также и специалистов, особенно на местах [8, с. 155].

Положительные стороны в Резолюции сформулированы крайне обтекаемо, в основном в следующих формулировках «наличность ряда ценных работ, произведенных РКИ, дающих полную уверенность в том, что РКИ и КК стоят на верном пути по осуществлению возложенных на них задач и что при возрастающей ориентировке работников РКИ и КК и области подлежащих их изучению вопросов и при полной поддержке партии, общий итог работ РКИ и КК будет постоянно возрастать». Отсутствие конкретики говорит о том, что фактически деятельность РКИ и КК не была систематизирована. Вместе с тем, конкретика проявилась в структурировании текста Резолюции по так называемым секциям и отраслям народного хозяйства. Отдельным Постановлением по вопросу о связи местных органов РКИ с местными контрольными комиссиями, утвержденного Президиумом ЦКК Коллегией НКРКИ и СССР на объединенном заседании 9 февраля 1924 г. регламентировалась последовательность шагов по объединению РКИ и КК [8, с. 194-196], которая включала в себя:

– необходимость созывать периодические, не реже одного раза в две недели, совместные совещания КК с Коллегией или заведующими и заместителями их в местных органах РКИ, а также руководителей специальных инспекций для рассмотрения и разрешения всех общих вопросов в текущей работе РКИ;

– Контрольным Комиссиям принимать участие в разработке плана работы местных органов РКИ и совместных заседаниях КК и руководящих работников РКИ, утверждать как календарные планы работы местных органов РКИ, так и программы наиболее крупных обследований и ревизий, предпринимаемых РКИ, согласовывая их с местными Губкомами и Губисполкомами (или КК и ЦИК и Совнаркомами автономных объединений);

– рассматривать на совместных заседаниях КК и РКИ основные мероприятия по улучшению госаппарата и важнейшие мероприятия по законченным инспекционным и ревизионным заключениям РКИ;

– проводить совместное рассмотрение и утверждение отчетов о совместной деятельности РКИ и КК, отправляемых в центр;

– проводить съезды, конференции, совещания, созываемые в пределах губерний, областей, района, а также, созывать широкие рабочие конференции, в пределах данной территории как для освещения работы РКИ и КК, так и для привлечения к работам КК и РКИ широких масс рабочих и крестьян;

– делегировать немедленно часть членов КК как для постоянной работы и органах РКИ, так для проведения тех или иных отдельных ревизионно-инспекционных обследований;

– принимать все необходимые меры для последовательного полного слияния работы РКИ и КК на местах [8, с. 194-196].

Таким образом, правовая регламентация рабочего контроля осуществлялась на основе «правового эксперимента», с последующим обобщением полученных опытным путем знаний в теоретические и правовые конструкции.

Список цитируемой литературы:

1. Положения о рабочем контроле. // Собрание Узаконений РСФСР. – 1917. - № 3. - Ст. 35.

2. 5 (18) декабря. Постановление об образовании и составе коллегии Комиссариата государственного контроля // Собрание Узаконений. - 1917 - № 6. - Ст. 91.

3. Декреты Советской власти. – М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957. - Т. I – С. 20-21.

4. Декрет «О центральной контрольной коллегии и местных учетно-контрольных коллегиях и комиссиях» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома. – М., 1942. – С. 287.

5. Декрет Центрального Исполнительного Комитета Советов. О Государственном Контроле // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. - М., 1943. – С. 177-178.

6. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 08.02.1920 № 94 О Рабоче-Крестьянской Инспекции (Положение) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. – Москва, 1943. – С. 123-125.

7. Краткий отчет Народного комиссариата Государственного контроля о реорганизации и деятельности Государственного контроля (Октябрь 1917 – октябрь 1918). - М.: Типолитография бывш. Рихтер, 1918. – С.31.

8. Всесоюзное совещание руководителей РКИ и представителей контрольных комиссий РКП(б) (1924; Москва). Стенографический отчет Всесоюзного совещания руководителей РКИ и представителей контрольных комиссий РКП(б) 3-4 февраля 1924 г. / Нар. ком. раб.-крест. инспекции СССР. - Москва: Общ., упр. НКРКИ СССР, 1924. - 214 с.

9. Козлитин И.П. Из истории государственного социалистического контроля (1919-1922 гг.) // Вопросы истории. - 1954. - № 12. – С.12 (С. 11–25.)

10. Государственный архивный фонд Российской Федерации Фонд № Р-4390. - URL: <https://alertino.com/ru/824905>

11. Харитонов М.Ю. Зарождение советского государственного контроля (ноябрь 1917 – май 1918) // Вестник Чувашского университета. - 2019. - № 4. – С. 246.

Сведения об авторе:

Шабалина Евгения Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, начальник юридического отдела АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»; ev-ish13@yandex.ru

Васильев П.В.
УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВОФОРМ «АВТОМАТИЧЕСКИЙ»
И «АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ» ПРИ ОПИСАНИИ ПОРЯДКА НАСТУПЛЕНИЯ
ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

***Аннотация:** решаемая в настоящем исследовании проблема состоит в неопределенности терминологического оформления порядка наступления юридических последствий (правовые последствия), то есть возникновения, изменения и прекращения субъективных юридических прав и (или) обязанностей лица без его непосредственного участия. Такой порядок следует обозначать формами слов «автоматический», «автоматизированный» или как-то иначе?*

Цель настоящего исследования состоит в обоснованном решении указанной проблемы в виде правил использования указанных и аналогичных по смыслу словоформ так, чтобы минимизировать возможность языковой вариативности или избежать ее вовсе.

Основные выводы: лексемой «автоматический» и аналогичными ей по смыслу целесообразно обозначать порядок наступления правовых последствий для лица вне правовых процедур, позволяющих ему юридически повлиять на ход и результат их осуществления, а лексемой «автоматизированный» и аналогичными ей по смыслу – порядок наступления правовых последствий с использованием аппаратно-программного комплекса, функционирование которого при осуществлении правового регулирования заменяет аналогичные юридически значимые действия соответствующего лица.

***Ключевые слова:** юридические (правовые) последствия, автоматический порядок, автоматизированный порядок, автоматические санкции, автоматизированно-исполняемый договор.*

Технологии цифровой эпохи существенно повлияли на правовое регулирование общественных отношений. Практика наступления правовых последствий без непосредственного участия человека обусловила возникновение проблемы правосубъектности роботов [5], понимания договоров, исполнение которых происходит без непосредственного волеизъявления участников правоотношений, а также некоторых других аспектов внедрения цифровых технологий в сферу юриспруденции.

Один из общих аспектов проблемы научного юридического отражения достижений цифровой эпохи состоит в использовании терминов, неадекватных свойствам обозначаемых ими явлений. Современная наука обладает хорошо проработанными и действенными достижениями в области разрешения терминологических проблем. Научно обоснованные решения терминологических проблем предлагаются В.Ю. Тураниным [4] и многими другими исследователями. Однако, приходится констатировать, что в научный оборот продолжают внедряться откровенно неудачные термины, например, «смарт-контракт» и «умный договор». Использование данных языковых конструкций не отражает ни физической, ни психической, ни юридической реальности. В физическом плане в настоящее время еще никто не представил устройство, обладающее собственным умом. Это предмет научной фантастики. В психическом плане ума в договоре (как бы ни понимать термин «договор») также никто не обнаружил. С юридической точки зрения нет оснований утверждать о наличии ума непосредственно у договора.

Абстрагируясь от конкретных неудачных терминологических решений, считаем целесообразным отметить, что в современной российской юридической реальности сложилась странная ситуация с терминологией, образованной в результате заимствования английского имени прилагательного «smart». Вместо адекватного перевода «умный» ученые и практики часто используют русифицированную кальку «смарт», что может повлечь трудности в понимании. Приведем исторический аналог введения в научный оборот неудачной терминологии, которая существенно запутала понимание явления. Так, всем известно словосочетание «Золотая Орда», которым принято обозначать одно из государств, образованное на основе средневековой империи монголов. Но что означает слово «орда» – множество народа, государственную организацию, что-то иное? Обращение, например, к толковому словарю С. А. Кузнецова только запутывает понимание. Указанное справочное издание определяет орду как «название крупных тюркских и монгольских феодальных государств и союзов кочевых племен в эпоху средневековья; местопребывание их правителей» [2, с. 724]. В лекциях по русской истории А. И. Фурсов поясняет, что произошла «странная вещь. Одно слово переведено – «Золотая», а другое слово не переведено. И это создает массу непонятных вещей. И кажется, что Золотая Орда – это какое-то скопище кочевого люда. И, вообще, полностью отсталая. Это совершенно не соответствует действительности... Связано это с этим странным половинчатым переводом. По-монгольски «золотая орда» звучит, как «алтын ордон»... И как только мы переводим правильно Алтын Ордон – Золотой дворец, у нас все становится на свои места» [3].

Однако, по нашему мнению, основная странность состоит в том, что само имя прилагательное «smart» по своему смыслу противоположно имени прилагательному «stupid» – глупый. Без такого противопоставления само значение слова «smart» не имеет смысла, так как мы не можем реально понимать, где смарт-явления, а где не-смарт.

По этой причине желательно, чтобы вводимый наукой термин был однозначным и точно указывал на значимые свойства явления, не вызывая трудностей в толковании. В связи с изложенным предлагаем обсудить, как нам представляется, более корректный термин для обозначения таких договоров – «автоматизированно-исполняемые договоры».

Абстрагируясь от частностей терминологического обозначения правовых средств, возникших в цифровую эпоху, отметим, что проблема, решению которой посвящено настоящее исследование, приобрела более общий характер. Она состоит в некоторой неопределенности терминологического оформления порядка наступления юридических последствий (правовые последствия) – возникновения, изменения и прекращения субъективных юридических прав и (или) обязанностей лица без его непосредственного участия. Если юридические последствия наступают в результате функционирования аппаратно-программного комплекса (последний часто называют роботом), без непосредственного волеизъявления лица, чей правовой статус претерпевает изменения, то порядок их наступления следует обозначать формами имен прилагательных «автоматический», «автоматизированный» или как-то иначе?

Цель настоящего исследования состоит в обоснованном решении указанной проблемы в виде правил использования форм имен существительных «автоматический» и «автоматизированный» применительно в порядке наступления правовых последствий, то есть возникновения, изменения или прекращения субъективных юридических прав и (или) обязанностей в составе правового статуса лица таким образом, чтобы минимизировать возможность языковой вариативности или избежать ее вовсе.

Эмпирической основой исследования служит практика оплаты услуг по договору со службой такси, заключенного посредством программы (мобильное приложение) Yandex.Go с условием списания денежных средств со счета привязанной к информационной интернет-инфраструктуре Яндекса (реализация условия пункта 3.1.2. Условий использования сервиса Yandex.Taxi (Yandex.Go)), функционирование системы взимания платы «Платон» на основе постановления Правительства РФ от 14 июня 2013 г. № 504 «О взимании платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн», некоторые способы расчетов с использованием технологий блокчейн и другие аналогичные случаи наступления правовых последствий.

В связи с тем, что устоявшаяся и юридически зафиксированная практика использования имен прилагательных «автоматический», «автоматизированный» или какого-либо иного их аналога в российской правовой системе пока отсутствует, полагаем уместным предложить использование лингвистического метода – употребление указанных слов в их словарном значении. Однако, в позициях составителей словарей можно обнаружить существенные различия. Так, например, согласно Большому толковому словарю русского языка С. А. Кузнецова имя прилагательное «автоматизированный» в одном из своих значений приравнено к имени прилагательному «автоматический», в другом – означает «содержащий автоматическое устройство, но функционирующий с участием человека». При этом значение имени прилагательного «автоматический» в том же словаре определено как «действующий без непосредственного участия человека; самодействующий... характеризующийся автоматизмом» [2, с. 26–27].

Достаточно удачное сопоставление лексических значений указанных словоформ обнаруживаем в интернет-публикации «Автоматический или автоматизированный как правильно?» на платформе интернет-сайта Как-pravilno.net. «Автоматический – связанный с автоматикой, основанный на ее применении. Контекст слова подразумевает то, что какой-либо процесс происходит без участия человека, т. е. полностью автоматически. ... Автоматизированный – оснащенный автоматическим оборудованием. Контекст слова подразумевает частичную автоматизацию, т. е. функции какого-либо процесса разделены между человеком и техникой» [1].

Метод перебора вариантов сопоставления возможных сочетаний проявления автоматического и (или) автоматизированного наступления правовых последствий – возникновения, изменения или прекращения субъективных юридических прав и (или) обязанностей в составе правового статуса лица позволяет выявить четыре типа ситуаций:

во-первых, правовые последствия наступают вне автоматического и автоматизированного порядка (привычное для современных юристов судопроизводство по уголовным делам, когда суд

рассматривает дело и принимает итоговый правоприменительный акт в порядке, предусмотренном современным уголовно-процессуальным законодательством);

во-вторых, правовые последствия наступают автоматически, но не автоматизированно;

в-третьих, правовые последствия наступают автоматизированно, но не автоматически;

в-четвертых, правовые последствия наступают и автоматически, и автоматизированно.

Рассмотрим второй, третий и четвертый тип ситуаций наступления правовых последствий на конкретных примерах.

Процесс наступления правовых последствий автоматически, но не автоматизированно редко обозначают соответствующей терминологией. Полагаем, что именно по этой причине он в существенной степени имплицитен для современной юридической науки. Но практика адекватного использования форм имени прилагательного «автоматический» в нормативно-правовых текстах все же есть. Так, например, статья 129 Общего регламента Всемирного почтового союза, принятого в городе Бухаресте 5 октября 2004 г. XXIII Конгрессом Всемирного почтового союза, имеет наименование «Автоматические санкции». В качестве правовых последствий часть первая данной статьи предусматривает прекращение у страны-члена Всемирного почтового союза субъективного юридического права голоса на Конгрессе и на собраниях Административного совета и Совета почтовой эксплуатации, а также права избрания в эти два Совета. Автоматическое прекращение обозначенных прав в данном случае означает применение указанной нормы – наступление обозначенных в ней правовых последствий без процедуры поэтапного изменения правового статуса страны-члена в виде, например, арбитражного рассмотрения спора в порядке, установленном статьей 132 «Процедура арбитража» указанного акта.

Пример несанкционных правовых последствий, наступающих автоматически, но совершенно не автоматизированно можно обнаружить в Правилах об очередных и дополнительных отпусках, утвержденных Народным комиссариатом труда СССР 30 апреля 1930 г. Правила содержат сочетание слов «автоматически удлиняется», когда предусматривают автоматическое возникновение права работника на удлинение срока возвращения его из отпуска при возникновении во время пребывания в отпуске причин, мешающих ему уйти в отпуск (например, временная нетрудоспособность, привлечение к исполнению государственной или общественной обязанности, арест). В указанных случаях автоматически означает возникновение субъективного юридического права работника выйти из отпуска позднее без прохождения предусмотренной юридической процедуры по оформлению соответствующего времени отдыха. Работнику достаточно лишь немедленно уведомить нанимателя о возникновении таких причин.

Применив метод перехода от эмпирически конкретного к абстрактному, мы можем сделать вывод о том, что с юридико-технической точки зрения автоматическое наступление правовых последствий представляет собой единовременную (чаще всего одномоментную) реализацию правовой нормы и (или) иного правового средства, влекущую возникновение, изменение или прекращение субъективных юридических прав и (или) обязанностей лица без предоставления последнему юридической возможности избежать данных последствий. Особенность автоматического порядка наступления правовых последствий состоит в невозможности лица юридически, то есть процессуально или процедурно повлиять на процесс реализации соответствующей нормы права и (или) иного правового средства.

Примером автоматизированного, но не автоматического наступления правовых последствий может служить часто практикуемый способ оплаты покупок банковской картой, когда списание денежных средств со счета плательщика и зачисление их на счет получателя происходит автоматизированно, то есть в процессе функционирования соответствующего аппаратно-программного комплекса (этот термин для нас предпочтительнее слова «робот» по причине существенной полисемии последнего). Автоматизация процесса оплаты представляет собой замену телодвижений плательщика в виде фактической передачи денежных средств получателю функционированием соответствующего аппаратно-программного комплекса.

Таким образом, автоматизация процесса наступления правовых последствий представляет собой замену юридически значимого поведения правосубъектного лица функционированием соответствующего аппаратно-программного комплекса.

Совмещение юридически автоматического и автоматизированного способов наступления правовых последствий можем наблюдать в случаях обозначенной выше оплаты услуг по договору перевозки со службой такси, заключенного посредством программы (мобильное приложение) Yandex.Go с условием списания денежных средств со счета банковской карты плательщика, привя-

занной к информационной интернет-инфраструктуре Яндекса. Правовые последствия для плательщика (чаще всего заказчика услуги) в изучаемом случае представляют собой прекращение обязанности предоставить перевозчику денежные средства в качестве оплаты услуги, а также прекращение права на часть соответствующих средств, фиксируемых банком на его счету. Автоматически и автоматизированно данные последствия наступают в том случае, когда происходит реализация условия пункта 3.1.2. Условий использования сервиса Yandex.Taxi (Yandex.Go) об оплате посредством списания денежных средств со счета привязанной к Яндексу банковской карты. В этом случае плательщик не осуществляет никаких отдельных, самостоятельных действий по перечислению денежных средств на счет получателя. Отметим, что с момента начала исполнения обязательства перевозчиком плательщик в принципе лишен юридической возможности препятствовать списанию денежных средств, за исключением, пожалуй, предварительной блокировки карты или распоряжения всем остатком средств на соответствующем счету. Но последнее непринципиально, так как аналогично физическому бегству из автомобиля лица, не желающего платить за проезд. Такие фактические действия лица могут лишь физически, а не юридически повлиять на удовлетворение интересов других участников правоотношения. Сама же автоматизация наступления указанных последствий в данном случае обеспечена функционированием соответствующих аппаратно-программных комплексов и аналогична предыдущему рассмотренному нами случаю оплаты простым приложением банковской карты к соответствующему терминалу.

Таким образом, с юридико-технической точки зрения мы можем констатировать три интересующие нас возможности сочетания автоматического и автоматизированного наступления юридических последствий для правового статуса лица:

- автоматически, но без аппаратно-программной автоматизации;
- только автоматизировано, но не автоматически;
- как автоматически, так и автоматизированно.

В связи с этим, используя метод восхождения от абстрактного к теоретически конкретному, предлагаем следующее правило употребления лексем «автоматический», «автоматизированный» и аналогичных им по смыслу при характеристике порядка наступления правовых последствий.

Полагаем, что формами имени прилагательного «автоматический» и аналогичными лексемами следует обозначать порядок наступления правовых последствий, при котором возникновение, изменение или прекращение субъективных юридических прав и (или) обязанностей лица происходит вне правовых процедур, позволяющих последнему юридически повлиять на ход и результат их осуществления. Формами имени прилагательного «автоматизированный» и аналогичными лексемами предлагаем обозначать порядок наступления правовых последствий, при котором возникновение, изменение или прекращение субъективных юридических прав и (или) обязанностей субъекта права происходит с использованием аппаратно-программного комплекса, функционирование которого при осуществлении правового регулирования заменяет аналогичные юридически значимые действия соответствующего лица.

Список цитируемой литературы:

1. Автоматический или автоматизированный как правильно? // Сайт «Как правильно? Короткие ответы на любые вопросы!» – Режим доступа: <https://kak-pravilno.net/avtomaticheskij-ili-avtomatizirovannij-kak-pravilno/> (дата обращения: 10.12.2021).
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Монгольское нашествие и установление ордынской системы. (Русь в 1223-1304 годах). – Режим доступа: <https://cyberpedia.su/4x8a58.html> (дата обращения: 04.12.2021).
4. Туралин В.Ю. Юридическая терминология современного российского законодательства: причины возникновения проблем и возможности их устранения // Язык. Право. Общество: сборник статей IV Международной научно-практической конференции; под ред. О.В. Барабаш, Т.В. Дубровской, А.К. Дятловой, Н.А. Павловой. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2016. – С. 39–42.
5. Юридическая концепция роботизации: монография / Н.В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. – М.: Проспект, 2019. – 240 с.

Сведения об авторе:

Васильев Павел Вячеславович – доцент кафедры правовых дисциплин Ульяновского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент; varv22031979@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСТОРИЧЕСКИМ ФАЛЬСИФИКАЦИЯМ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы совершенствования правового регулирования правовых технологий предупреждения попыток фальсификации истории России.

Ключевые слова: фальсификация, национальная безопасность, история России, стратегия национальной безопасности, государственная национальная политика.

Конституция Российской Федерации в преамбуле обращает внимание на то, что само принятие Конституции основано на том, что российский народ чтит память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству. Эта мысль нашла свое продолжение в поправках к Конституции России. Согласно ч. 3 ст. 67.1 «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значение подвига народа при защите Отечества не допускается» [1].

В настоящее время в связи с обострением международного положения и внутренних социально-экономических противоречий в стране, ранее публицистический термин «руссофобия» стал вполне адекватным для описания действий части зарубежных и отечественных политических групп. Этим понятием обычно обозначают идеологические константы, на которых строятся различного рода творения острокритически описывающие положение в стране в амальгаме неких историософских построений описывающих российское государство в негативных тонах. При этом наряду с объективными констатациями недостатков, что вполне правомерно, делается общий вывод об изначальной ущербности российского государства, российского народа, в доказательство чего приводятся примеры из российской истории, где аргументами обычно служат превратно толкуемые различные исторические события. При этом используется широкий инструментарий от откровенной, давно опровергнутой лжи, различных подтасовок до умолчаний о твердо установленных исторических фактах. Такого рода деятельность, нередко поддерживаемая правящими кругами в части зарубежных стран приводит к откровенной враждебности населения к России, ее культуре и ее гражданам. Внутри страны подобные акции действуют разрушительным образом на молодежь, лиц, с неустоявшимся гражданским сознанием, что, в конечном счете, по мысли фальсификаторов должно привести к разрушению единства российского общества. Особенно это касается событий советского периода отечественной истории.

По нашему мнению подобного рода деятельность направлена на достижение ряда целей:

- а) снижение международного престижа России и снижение ее влияния на мировые процессы, за счет принижения ее исторической роли;
- б) дальнейшая дезинтеграция пространства бывшего СССР, за счет исторических «обид» разных народов;
- в) искажение исторической памяти, подрыв чувства собственного достоинства россиян, лишение их гордости за дела и подвиги своих предков;
- г) столкновение народов страны на основе различного рода выпячивания исторических несправедливостей.

Указанная выше враждебная деятельность долгое время не встречала значимых препятствий, поскольку только узкая группа честных ученых, публицистов и политиков могла осознать всю опасность ситуации, когда под лозунгами гласности, движения к исторической правде, стирания «белых пятен» в истории по существу проводилась крупная геополитическая ментальная диверсия. И только лишь с начала текущего века, в связи с изменениями в политической жизни страны стал создаваться некий организационный заслон для такого рода деятельности. Так, например Указом Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 [2] при Президенте Российской Федерации была создана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Вместе с тем данная комиссия просуществовала недолго и через несколько лет без объяснения причин была упразднена, что говорит о большой сложности внутривнутриполитических проблем. Однако в целом тренд на противодействие историческим фальсификациям в настоящее время окреп, что выражается в довольно большом количестве научных публикаций, выступлениях в СМИ разоблачающих откровенные исторические подлоги и фальсификации.

Однако поскольку в целом указанные информационные диверсии носят организованный характер, требующий достаточно больших материальных, финансовых и субъектных ресурсов отда-

ние проблем противодействия фальсификации истории на откуп только исторической науке и публицистике без применения организационно-политических и правовых инструментов, как показывает опыт некоторых сопредельных стран, не может гарантировать успех.

Поэтому вполне адекватно данные проблемы отмечаются в политико-доктринальных документах. Так в Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 №683 [3] специально подчеркивалось, что у подрастающего поколения формируется достойное отношение к истории России, а государством принимаются меры по повышению защищенности граждан и общества от деструктивного информационного воздействия, в том числе и от пропагандистских структур. Тем не менее, документ подчеркивал необходимость повышения качества преподавания отечественной истории, поскольку к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины. Стратегия национальной безопасности прямо относит к угрозам национальной безопасности в области культуры попытки фальсификации российской и мировой истории. А главными направлениями противодействия этим угрозам называются среди прочих совершенствование правового регулирования предупреждение преступности, в том числе и в информационных сферах. Такой же подход присутствует и в других политико-правовых документах федерального уровня. Так в недавно обновленной стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 N 703 [4]) есть множество апелляций к историческому опыту межнациональных отношений, а пункт 21.1 прямо говорит о предупреждение попыток фальсификации истории России как об одном из основных направлений государственной национальной политики Российской Федерации.

Также в российском законодательстве направленном на противодействие экстремизму проблема противодействия наиболее одиозным проявлениям фальсификации истории нашла свое отражение.

Однако, несмотря на такое внимание к проблеме она только частично отражена в теоретической юриспруденции. Так принимаемые меры, например введение Федеральным законом от 05.05.2014г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Уголовный кодекс статьи 354.1 «Реабилитация нацизма» породило больше критических выступлений, чем действительного погружения в проблему противодействия историческим фальсификациям.

Кроме того, проблема противодействия историческим фальсификациям находится в опасной близости к проблеме научного исторического творчества. При неосторожном применении юридического инструментария, вполне возможно проявление политической цензуры, гонений на ученых и в результате искажений исторической истины, при всей условности данного понятия. Вместе с тем, это не должно восприниматься как блокирование противодействия информационным диверсиям как вполне сознательно применяемому оружию против российского общества.

Таким образом, отечественная история является, безусловно, конституционной ценностью российского государства, которая порождает не только чувство гордости, но и требует всемерной защиты в случаях посягательств на нее. В настоящее время в законодательстве Российской Федерации действует ряд норм направленных на противодействие фальсификация истории страны, а главным направлением государственной национальной политики является разработка правовых технологий противодействия (профилактики, борьбы, минимизации последствий) грубым фальсификациям отечественной истории.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ) // Российская газета. 4 июля 2020 г. № 144.

2. Указ Президента РФ от 15.05.2009 N 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» (вместе с «Положением о комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России») // Администрация Президента: официальный интернет-сайт. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/29288>

3. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу) // Администрация Президента: официальный интернет-сайт. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>

4. Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // Администрация Президента: официальный интернет-сайт. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843>

Сведения об авторе:

Латышев Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского института управления -филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; latyshev_s@mail.ru

Левенец Е.В., Боброва О.Г. ПРАВОВАЯ ОХРАНА СЛУЖЕБНОЙ ТАЙНЫ В ОБЛАСТИ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация:** В статье сформулированы особенности правового регулирования института служебной тайны. Авторами раскрыто значение легальной дефиниции «служебная тайна в области обороны» для обеспечения безопасности государства.*

***Ключевые слова:** информация ограниченного доступа, служебная тайна, служебная тайна в области обороны, военная организация государства*

Дополнение Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» (далее Федеральный закон «Об обороне») статьей 3.1 «Служебная тайна в области обороны», разработка проектов и принятие ряда подзаконных актов, регламентирующих отношения, связанные с информацией ограниченного доступа в области обороны, актуализировало обсуждение проблем, относящихся к правовому институту служебной тайны.

Служебная тайна выступает одним из видов информации, доступ к которой законодательно ограничен, наряду с государственной, профессиональной, коммерческой тайной, персональными данными, личной и семейной тайной.

Согласно ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее Федеральный закон «Об информации») ограничение доступа к информации может быть установлено только федеральными законами. Целями такого ограничения являются защита конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов других лиц, защита нравственности, обеспечение обороны и безопасности государства.

Отметим, что в отношении государственной тайны, коммерческой тайны и персональных данных действуют федеральные законы [1]. Что касается служебной и профессиональной тайны, то отдельные положения, касающиеся данных видов информации ограниченного доступа, содержатся в различных федеральных законах и подзаконных актах, что влечет недостаточную легальную определенность самого содержания этих понятий, возможность смешения с другими видами информации ограниченного доступа и является предметом дискуссии среди правоведов, которая имеет длительную историю [7]. В данной работе не будут рассматриваться вопросы разграничения служебной и профессиональной тайны. Отметим лишь, что разные авторы могут высказывать противоположные точки зрения на соотношение служебной и профессиональной тайны в зависимости от определения этих понятий.

Различные виды информации ограниченного доступа представлены в Указе Президента Российской Федерации от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера». В п. 3 данного Указа служебная тайна определяется как «служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами». В настоящее время в ГК РФ отсутствует понятие служебной тайны, которое использовалось в прежней редакции до введения в действие части четвертой ГК РФ в статье 139 под названием «Служебная и коммерческая тайна», где не проводилось различия между этими двумя понятиями. В п. 2 ст. 3 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-

ФЗ «О коммерческой тайне» в качестве признака коммерческой тайны указывается ее действительная или потенциальная коммерческая ценность для обладателя в силу ее неизвестности третьим лицам, у которых нет свободного доступа к такой информации на законном основании. К служебной тайне могут быть отнесены служебные сведения, ограничение доступа к которым входит в компетенцию органов государственной власти в соответствии с федеральными законами. Безусловно, такие сведения не могут иметь коммерческой ценности для их обладателя.

Зачастую в федеральных законах служебная тайна упоминается без какого-либо предварительного уточнения в порядке перечисления наряду с другими видами информации ограниченного доступа. Так, в ТК РФ в шести статьях используется формулировка «охраняемая законом тайна (государственная, коммерческая, служебная и иная)». В п. 1 ст. 26 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» говорится об информации, составляющей «коммерческую, служебную, иную охраняемую законом тайну». До введения в действие статьи 3.1 Федерального закона «Об обороне» такая же ситуация имела место и в отношении служебной тайне в области обороны. Так, в ч. 3 ст. 6.2 Федерального закона от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» указывается, что «государственный заказчик обязан хранить ставшие ему известные налоговую, банковскую, служебную и коммерческую тайны, персональные данные».

В настоящее время нормы, регулирующие отношения в области информации, относимой к служебной тайне, присутствует в большом числе федеральных законах, но ни один из них, за исключением Федерального закона «Об обороне», не раскрывает содержания понятия служебной тайны в отношении сферы своего действия.

В декабре 2004 г. в Комитет Государственной Думы по безопасности был внесен законопроект Федерального закона «О служебной тайне» (Проект № 124871-4) [2]. В апреле 2006 г. был представлен новый вариант законопроекта. В 2007-2011 годах авторами законопроекта проводились консультации с Правительством РФ по поводу концепции законопроекта. Возражения Правительства РФ были связаны с уточнениями текста законопроекта, а также с необходимостью дополнительных финансовых затрат в связи с техническим обеспечением защиты информации, составляющей служебную тайну. Вместе с тем за данный период был принят ряд законов, прежде всего Федеральный закон «Об информации», Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», введена в действие четвертая часть ГК РФ, положения которых не были учтены при разработке концепции проекта Федерального закона «О служебной тайне». В 2011 году законопроект был отклонен постановлением Государственной Думы от 02.11.2011 № 6152-5-ГД с рекомендациями его доработки.

Тем не менее интерес представляет определение служебной тайны, которое дано в статье 2 законопроекта. Под служебной тайной понимаются «конфиденциальные сведения, образующиеся в процессе управленческой деятельности органа или организации, распространение которых препятствует реализации органом или организацией предоставленных ему полномочий или иным образом отрицательно сказывается на их реализации, а также конфиденциальные сведения, полученные органом или организацией в соответствии с их компетенцией в установленном законодательством порядке» [2].

В данном определении акцент сделан на отнесении к служебной тайне конфиденциальных сведений, которые образуются в процессе управленческой деятельности. Наиболее широкое понимание служебной тайны, связанной с управленческой деятельностью как государственных, так и негосударственных структур сформулировано в работе Кармановского Н.С., Савченко-Новопавловской С.Л. Авторы отмечают, что «в качестве служебной тайны целесообразно рассматривать конфиденциальную, охраняемую законодательством информацию, полученную лицом в ходе осуществления профессиональной деятельности, касающуюся управления и организационно-правовых основ функционирования организации. К служебной тайне следует относить как сведения, полученные сотрудниками государственных органов в процессе осуществления служебной деятельности, так и информацию, получаемую работниками коммерческих организаций» [3, с. 29].

Термин «служебная тайна» применяется во многих федеральных законах, относящихся как к публичным, так и частным отраслям права, и рассматривать служебную тайну, как конфиденциальную информацию, создаваемую в процессе деятельности именно государственных органов, не представляется возможным. В связи с этим наиболее важное значение приобретает правовая охрана и защита сведений, составляющие служебную тайну в области обороны.

До недавнего времени единственным нормативным правовым актом, ограничивающим распространение служебной информации, создаваемой в федеральных органах исполнительной власти

и подведомственных им организациях, который носит подзаконный характер, являлось Постановление Правительства Российской Федерации от 03.11.1994 № 1233 «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использования атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности», положения которого действуют в отношении только указанных государственных органов.

Вместе с тем большой объем конфиденциальной информации служебного характера, связанный с обороной и безопасностью государства, которая создается и обращается не только в федеральных органах исполнительной власти, но и органах власти других уровней, а также в гражданских организациях, например, при заключении государственных контактов на выполнение мобилизационных заданий, не подпадал под правовое регулирование.

Данный пробел в законодательстве был устранен дополнением Федерального закона «Об обороне» статьей 3.1. «Служебная тайна в области обороны» в июне 2020 г., а также разработкой проектов подзаконных актов, содержащих конкретные перечни информации, относимой к служебной тайне. Как указывается в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороне»» следствием отсутствия должного правового регулирования являлось то, что «в средствах массовой информации организациями Российской Федерации периодически размещается служебная информация, касающаяся организации обороны государства, в части создания вооружения и военной техники, финансового состояния и хозяйственной деятельности» [4].

В ч. 1 ст. 3.1 служебная тайна в области обороны определяется как «сведения, которые образуются при осуществлении полномочий органами государственной власти Российской Федерации, функций органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями по организации и выполнению мероприятий в области обороны, распространение которых может нанести вред при выполнении указанных мероприятий». К служебной тайне в области обороны не относятся сведения, составляющие государственную тайну, а также сведения, являющиеся общедоступными в соответствии со ст. 2 Федерального закона «Об обороне».

Право на определение содержания сведений, составляющих служебную тайну, отнесено к компетенции руководителей федеральных органов исполнительной власти и руководителей федеральных государственных органов, в которых законом предусмотрена военная служба. К их полномочиям отнесено также определение перечней такой информации. Порядок обращения со сведениями, относимыми к служебной тайне, определен Постановлением Правительства РФ от 26.11.2021 № 2052 «Об утверждении правил обращения со сведениями, составляющими служебную тайну в области обороны». Нормы данного подзаконного акта не распространяются на ФСБ РФ и ФСВНГ РФ, которые в соответствии с п. 19 должны руководствоваться в сфере служебной тайны Постановлением Правительства от 03.11.1994 № 1233.

Обращение со служебной информацией в Вооруженных Силах РФ, воинских формированиях и органах, входящих в военную организацию государства, также регулируется приказами руководителей государственных органов, в том числе приказами с пометкой «для служебного пользования». Так, в ВС РФ действует «ИД-2017. Инструкция по делопроизводству в Вооруженных силах Российской Федерации», утвержденная приказом Министра обороны РФ от 04.04.2017 № 170, раздел седьмой которой регламентирует особенности работы со служебными документами, содержащими служебную информацию ограниченного использования.

Пункт 212 ИД-2017 относит к служебным документам с информацией ограниченного доступа, документы, содержащие несекретную информацию о деятельности воинских частей, ограничение на распространение которой диктуется служебной необходимостью, а также поступившие в воинские части документы от сторонних организаций с пометкой «Коммерческая тайна» или «Конфиденциально».

В настоящее время разработан проект Приказа Министра обороны РФ, которым с 1 февраля 2022 г. будет утвержден Перечень сведений Вооруженных Сил Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны (не составляющих государственную тайну и не являющихся общедоступными) [5]. Перечень сведений содержит шестнадцать разделов и 813 наименований сведений, относимых к служебной тайне в области обороны [8]. К сведениям, составляющим служебную тайну в области обороны, относятся сведения в области прогнозирования и оценки военной опасности и военной угрозы, о разработке основных направлений военной поли-

тики и положений военной доктрины РФ, о строительстве и применении ВС РФ, других войск воинских формирований и органов, о мобилизационной подготовке, гражданской и территориальной обороне, о развитии науки в интересах обороны, о разработке, производстве и совершенствовании вооружений и военной техники, о финансировании расходов на оборону и контроле за расходованием средств и другие.

Третий раздел Перечня составляют сведения о правовом регулировании в области обороны, который включает шесть пунктов и относится к внутреннему правовому обеспечению деятельности органов военного управления, разведки ВС РФ, реализации в ВС РФ указов, распоряжений и поручений Президента РФ, СБ РФ, концептуальным и доктринальным положениям руководства иностранного государства (блока) к обеспечению национальной (коалиционной) безопасности, а также иные сведения, доступ к которым ограничен федеральными законами.

Подобный проект приказа разработан Федеральной службой войск национальной гвардии РФ. Перечень сведений содержит девять разделов и 104 наименования [6]. Перечни информации, относимые к служебной тайне в области обороны, также должны быть созданы органами управления воинскими формированиями и органами, выполняющими задачи в области обороны страны.

За разглашение информации, составляющей служебную тайну в области обороны, наступает административная ответственность, предусмотренная ст. 13.14 КоАП РФ для гражданских лиц и дисциплинарная ответственность для военнослужащих и лиц, призванных на военные сборы, в соответствии с ДУ ВС РФ.

Таким образом, в настоящее время остается актуальным вопрос о детерминации содержания понятия «служебная тайна». Отраслевые федеральные законы, в которых используется указанное понятие, не содержат легальной дефиниции, но тем не менее включают нормы, ограничивающие доступ к такому виду конфиденциальной информации.

Дополнение Федерального закона «Об обороне» статьей 3.1 «Служебная тайна в области обороны» и принятие подзаконных актов устанавливают порядок отнесения информации к служебной тайне в области обороны, перечни информации, составляющие служебную тайну, регулируют обращение с такой информацией не только для государственных органов, органов местного самоуправления, но и для организаций и граждан, обеспечивая надежный механизм ее защиты.

Список цитируемой литературы:

1. Закон РФ от 21.07.1993 N 5485-1 «О государственной тайне» // «Собрание законодательства РФ», 13.10.1997, N 41, стр. 8220-8235; Федеральный закон от 29.07.2004 N 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // «Собрание законодательства РФ», 09.08.2004, N 32, ст. 3283; Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451
2. Законопроект Федерального закона «О служебной тайне» № 124971-4. Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество»: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/124871-4> (дата обращения 08.01.2022)
3. Кармановский Н.С., Савченко-Новопавловская С.Л. Организационно-правовые основы охраны служебной тайны на предприятии / Учебное пособие. – СПб: Университет ИТМО, 2018 – 77 с.
4. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороне» № 1144924-7. Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество»: [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144924-7#bh_note (дата обращения 08.01.2022)
5. Проект приказа Министра обороны РФ «Об утверждении Перечня сведений Вооруженных Сил Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны». Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: [сайт]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#search=122462> (дата обращения 08.01.2022)
6. Проект приказа Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации «Об утверждении Перечня сведений Федеральной службы войск национальной гвардии, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны». Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: [сайт]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#search=123347> (дата обращения 08.01.2022)
7. См., например, Пелешенко Ю. Коммуникационный процесс: защита коммерческой и служебной тайны. // Юрисконсульт в строительстве, № 6, июнь 2012. Братановский С.Н. Правовые режимы и соотношение служебной и профессиональной тайны. // Гражданин и право. № 1, январь

2013. Травников Н.О. Проблема закрепления института служебной тайны в российской правовой системе. // Российский юридический журнал, № 1, январь-февраль 2019 г., с. 22-30.

8. Для сравнения Указ Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» содержит 119 наименований таких сведений.

Сведения об авторах:

Левенец Елена Владимировна – к.ф.н., доцент, доцент 20 кафедры (военного права) ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны РФ, evl55@mail.ru

Боброва Ольга Геннадьевна – кандидат юридических наук, заведующий 20 кафедрой (военного права) ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны РФ, sushkoolga@mail.ru

Зайцева О.В., Бакулова Д.А.

СТИМУЛИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ К УЧАСТИЮ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОБРОВОЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

***Аннотация:** эффективность деятельности правоохранительной системы зависит от уровня взаимодействия граждан с правоохранительными органами. В настоящей статье исследуется вопрос привлечения молодежи к участию в правоохранительной деятельности государства, приводится правовая характеристика данного института. На основании проведенного статистического наблюдения (N=98) авторы приходят к выводу, что в настоящее время имеются как объективные, так и субъективные факторы, препятствующие развитию института содействия молодежи правоохранительным органам. Деятельность молодежных общественных объединений по охране правопорядка нуждается в дополнительной более детальной правовой регламентации.*

***Ключевые слова:** правоохранительные органы, профилактика правонарушений, общественные объединения правоохранительной направленности, общественный порядок, студенческие отряды охраны правопорядка.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00194 А.

Эффективность деятельности правоохранительной системы зависит, в частности, и от уровня взаимодействия граждан с правоохранительными органами. После реформы Министерства внутренних дел, в результате которой заметно сократилась численность сотрудников органов внутренних дел России, прямое вовлечение граждан и общественных объединений в обеспечение охраны правопорядка приобрело особое значение. Как отметил В.В. Путин в послании к Федеральному Собранию: «Сегодня деятельные, неравнодушные граждане, социально-ориентированные некоммерческие организации (НКО) активно участвуют в решении важнейших задач. Именно вовлечённость людей в дела страны и гражданская активность, как и культурные, нравственные, духовные ценности, делают нас единым народом, способным к достижению больших целей» [6]. Представляется, что без общественной поддержки и широкого участия граждан, их объединений достижение цели — осуществление охраны правопорядка, предупреждение и пресечение правонарушений — не представляется возможным.

Идея взаимодействия граждан с правоохранительными органами не является новой для нашей страны. Первые упоминания о содействии населения государству в борьбе с преступностью появились еще в Соборном уложении в 1649 г. Однако такое содействие органам власти выражалось в виде обязанности населения, за уклонение от которой предусматривались различные санкции: от денежных взысканий до битья кнутом.

Упоминание о добровольной народной дружине появляется в преддверии проведения коронации Александра III. «Каждое лицо, изъявившее желание принять участие в добровольной народной охране, приглашается исполнять настоящую инструкцию, так как никакая организация немыслима без основ дисциплины и сознания своего долга ...» [1, с. 85].

В ноябре 2019 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) было проведено исследование по заказу МВД России, в котором отмечалось, что сегодня граждане РФ в большинстве случаев готовы на добровольной основе способствовать правоохранительным органам

в охране общественного порядка: так, 87% респондентов готовы сообщать сотрудникам правоохранительных органов подробности ситуации, очевидцем которой они явились (в частности, 68% опрошенных заявили о готовности сообщить информацию о поведении лица, заинтересовавшего полицию), 72% — готовы стать понятыми (в 2012 г. — 45%). 55% граждан РФ готовы принять участие в задержании лица, нарушившего правопорядок, а 47% опрошенных готовы принять непосредственное участие в охране общественного порядка [5].

Участие граждан в деятельности правоохранительной направленности путем содействия правоохранительным органам регулируется ФЗ от 02.04.2014 №44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» [9]. Под участием граждан в охране общественного порядка понимается «оказание гражданами помощи органам внутренних дел и иным правоохранительным органам в целях защиты жизни, здоровья, чести и достоинства человека, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, совершаемых в общественных местах» [9, ст. 2].

Участвовать в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности вправе граждане, достигшие 18-летнего возраста [9, ч.1 ст. 11]. К основным направлениями деятельности таких общественных объединений настоящий ФЗ относит: содействие органам внутренних дел и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка; предупреждение и пресечение правонарушений; правовое просвещение, в том числе разъяснение норм поведения в общественных местах.

В целях привлечения молодежи к участию в правоохранительной деятельности создаются специализированные студенческие отряды охраны правопорядка (сокращенно – СООП) [7], основными задачами которых являются: содействие правоохранительным и иным государственным органам и организациям в их деятельности по охране общественного порядка, предупреждению и пресечению правонарушений, обеспечению личной и имущественной безопасности граждан; воспитание молодых граждан в духе уважения к закону, создание в обществе атмосферы нетерпимости к любым антиобщественным проявлениям [7].

Для решения поставленных задач члены СООП в рамках своей деятельности проводят воспитательно-разъяснительную работу с лицами, склонными к совершению правонарушений; при возникновении чрезвычайных ситуаций оказывают помощь государственным правоохранительным органам; исследуют причины и условия, провоцирующие противоправную деятельность, а также разрабатывают варианты решения данной проблемы, и выполняют иные функции [7].

Развитие деятельности студенческих отрядов – важная задача государства, поскольку ее выполнение способствует интеграции молодежи в социально-политическую жизнь общества, формирует активную гражданскую позицию молодых людей, воспитывает их в духе патриотизма, а также содействует их личностному росту и самореализации [11]. Более того, принимая прямое участие в предупреждении и пресечении правонарушений, молодежь расширяет круг своих познаний в области права, что является важным условием формирования правосознания населения.

В Основах государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года отмечается: «глобальные тенденции убедительно доказывают, что стратегические преимущества будут у тех государств, которые смогут эффективно и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь ... Новые вызовы, связанные с изменениями в глобальном мире, новые цели социально-экономического развития страны требуют системного обновления, развития задач и механизмов государственной молодежной политики» [3]. Целью молодежной политики является, в частности, «формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям» [10, ст. 4].

Отметим, что центральным направлением реализации молодежной политики становится воспитание молодых людей в духе патриотизма, гражданственности, уважения к отечественной истории [10, ст. 6]. При этом, по данным, взятым с официального сайта МО МВД России «Балашовский», можно прийти к выводу, что в настоящее время несмотря на все вышеизложенное идея создания общественных объединений правоохранительной направленности в молодежной, студенческой среде не получает распространения. В Саратовской области зарегистрировано 40 народных дружин, а общественных объединений охраны правопорядка, созданных по месту учебы, в разы меньше: 3 студенческих отряда в г. Саратове, 3 студенческих объединения в г. Энгельсе [4].

Причины могут быть следующие:

1) Отсутствие детальной регламентации на федеральном уровне деятельности молодежных общественных объединений правоохранительной направленности. В ФЗ №44-ФЗ основное внимание законодатель уделяет народным дружинам, обходя стороной деятельность иных общественных объединений, в том числе молодежных. А значит не регламентированы и поощрения, льготы за данную деятельность, не выстроена просветительская работа и пр. Деятельность СООП регулируется в основном нормативно-правовыми актами субъектов Федерации и уставами объединений.

2) Граждане и общественные объединения, содействующие правоохранительным органам ограничены в мерах воздействия. Так, право на применение физической силы предоставлено только членам народных дружин и только в крайних случаях [9, ст. 19]. Права на проверку документов у правонарушителей, право задержания до приезда полиции у них нет. В таком случае возникает вопрос, что вправе предпринять граждане при совершающемся преступлении или правонарушении? Без применения мер воздействия, будет ли деятельность достаточно эффективной? В некоторой степени это не только снижает эффективность, но и демонстрирует недоверие государства к гражданам, что негативно сказывается на формировании гражданского правосознания.

3) Практически полное отсутствие просветительской работы с молодежью, Q&A-встреч, конференций и пр. Поэтому большая часть студентов даже не знают о существовании подобных организаций (по результатам опроса таких студентов оказалось большинство - 73,5% опрошенных; в целях проведения настоящего исследования в ноябре 2021 г. нами был проведен опрос среди студентов 3 курса Института Юстиции СГЮА (N= 98)). При этом из числа опрошенных 90,8% считают, что гражданам необходимо содействовать правоохранительным органам.

4) Отсутствие стимула к участию в деятельности указанных общественных объединений. К примеру, как правило в уставах молодежных общественных организаций правоохранительной направленности перечислены такие меры поощрений, как благодарность, ценный подарок, награждение Почетной грамотой, награждение специальными знаками отличия СООП, снятие ранее наложенного взыскания, иные меры поощрения [8], но это явно не самые действенные меры.

Представляется, что у молодых людей был бы большой интерес к участию в этой деятельности, если бы предусматривались, к примеру, льготы при поступлении на службу в правоохранительные органы (мнение 39,8% опрошенных), поощрительные меры материального характера (54,1%). Небольшой процент опрошенных высказывался за социальные льготы, например, бесплатный проезд в общественном транспорте в качестве меры поощрения.

5) Нельзя обойти стороной вопрос правовой защищенности участников деятельности правоохранительной направленности. В Кодексе об административных правонарушениях РФ установлена ответственность за воспрепятствование осуществляемой на законном основании деятельности народного дружинника или внештатного сотрудника полиции в связи с их участием в охране общественного порядка либо невыполнение их законных требований о прекращении противоправных действий (статьи 19.35, 19.36) [2]. К какой категории относятся студенческие организации? Они и не народные дружинники, и не внештатные сотрудники полиции. Получается административно-правовые меры охраны их законных прав и интересов не предусмотрены. Уголовный кодекс РФ вообще не предусматривает статьи за посягательство на жизнь, здоровье, честь, имущество дружинника и иного лица, содействующего осуществлению правоохранительной деятельности. Только в общем порядке, разумеется. Однако учитывая опасность осуществляемой деятельности, риск, на который идут граждане, и тот факт, что приходится иметь дело с нарушителями правопорядка, которые априори относятся к категории лиц, представляющих повышенную опасность, представляется, что следовало бы распространить уголовную и административную ответственность и на лиц, содействующих осуществлению правоохранительной деятельности.

Нам не стоит забывать, что право – продукт общества. Право призвано регулировать то, что ценно для общества, оно проистекает из его мировоззрения и убеждений, идет вслед за его потребностями и отражает его психологию. Пока само общество не осознает свой вклад в решение проблемы преступности, одного создания общественного института, для решения поставленной цели – мало. Нужно на федеральном уровне закрепить этот институт и обеспечить его функционирование.

Список цитируемой литературы:

1. Невский С.А., Сычев Е.А. Участие населения в охране правопорядка в Российской Империи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. №1-2 (7). с. 84-91.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // СПС

КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 29.11.2021 г.).

3. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-п) // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/> (дата обращения: 20.11.2021 г.).

4. Официальный сайт МО МВД России «Балашовский» Саратовской области. URL: https://балашов.64.мвд.рф/Dejatelnost/vzaimodejstviiegovlasti/dobrovolnaya_narodnaya_druzhina/informacionno_analiticheskie_materialy/regionalnyj-reestr (дата обращения: 21.11.2021 г.).

5. Полиция и граждане: движение в правильном направлении. Аналитический обзор // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/policziya-i-grazhdane-dvizhenie-v-pravilnom-napravlenii> (дата обращения: 2.11.2021 г.).

6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 "Послание Президента Федеральному Собранию" // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 02.11.2021 г.).

7. Приложение к постановлению правительства Саратовской области от 28 октября 1998 г. №83-П. Положение о студенческих отрядах охраны правопорядка в Саратовской области // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/9510242/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 13.11.2021 г.).

8. Устав студенческого отряда охраны общественного порядка «Юрист» ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет». URL: <https://www.usla.ru/upload/medialibrary/eee/eee0afe03108b9d4a0eaa54e8fc7170d.PDF> (дата обращения: 28.11.2021 г.).

9. Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка» от 02.04.2014 N 44-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161195/ (дата обращения: 6.11.2021 г.).

10. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 20.11.2021 г.).

11. Шаповалов С.Н. Деятельность студенческих отрядов в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2013. №2. с. 11-15.

Сведения об авторах:

Зайцева Олеся Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; zaitseva.o@bk.ru.

Бакулова Дарья Александровна – студентка 3 курса Института Юстиции ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; bakulowa.darja@yandex.ru.

Ганаева Е.Э., Вахаева Х.Ш.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ИХ РАЗВИТИЯ

***Аннотация:** Статья посвящена проблеме обеспечения национальной безопасности в РФ, так как это многоуровневый, сложный и системный процесс. Акцент делается на значительном значении основной категории «национальный интерес». В контексте обеспечения национальной безопасности внимание уделяется национальным интересам.*

***Ключевые слова:** национальные интересы, безопасность, государство, национальная безопасность, уголовно-правовая охрана.*

Проблематика гарантирования национальных (государственных) интересов в нынешних отечественных реалиях входит в ряд наиважнейших задач, требующих стремительного разрешения. Она одновременно предстает и условием, и целью тотальной модернизации каждой без исключения сферы жизнедеятельности от политики до социальных взаимоотношений, что в итоге способствует упрочнению суверенности РФ, сохранению ее территориальной сплоченности и исполнению народных запросов.

Составить представление о проблематике сегодняшнего показателя здоровья национальных интересов мы сумеем, применив к ней парадигму сегодняшней уголовной политики, отражающей

все понятия, используемые для идентификации нужных терминов, раскрывающей суть неуязвимости страны к внешним и внутренним вызовам, и предлагающей пути ее поддержания.

Приняв во внимание все вышесказанное, мы подходим к необходимости очерчивания формулировки национальные интересы, опираясь на которое выявим ее содержание и установим главные тенденции эволюции уголовного законодательства, призванного защитить государственность РФ. [1,с.63]

Текущий транснациональный и национальный микроклимат выражается поиском решений упрочнения национальных интересов, осуществлением детального анализа их компонентов. Высокий статус важности данной тенденции задал направление работы актуальным теоретическим изысканиям и нынешней практике гарантирования безопасности во всех без исключения сегментах социума.

Верховная власть, общность, и отдельные индивиды всегда сталкиваются с проблемой защиты личных интересов, и она улетучится лишь с исчезновением нашей цивилизации. Данный исторический парадокс в сегодняшней России, переходящей от социализма к рынку, особо актуален. Поэтому государство не имеет права не выполнять важнейшую функцию в осуществлении защищенности от угроз наружной и отечественной природы.

На сегодня, в общей теории права еще не появилось совокупное и системное суждение о юридическом содержимом и сущности национальных (государственных) интересов, а также о схеме ее поддержания.

В нашей державе анализируемый нами сегмент научного знания, в противоположность западному учению, где познание проблематики безопасности уж несколько десятков лет, как превратилось в независимый раздел теории международных связей (securitystudies), идет в учебных программах в роли самостоятельной дисциплины, пребывает на этапе становления. Кроме того она до настоящего времени окончательно не сориентировалась с предметом и спецификой в сравнении с прочими ответвлениями политических учений.

В итоге, неразрешенность вышеприведенной проблемы оборачивается существованием ряда недочетов и коллизий в рабочем отечественном правоведении и правоприменительной практике, оказывающих вредоносное давление на незыблемость государства к вызовам изнутри и от внешних агрессий.

Посему, скорейшее претворение в жизнь теории национальных (государственных) интересов, базирующейся на своем и импортном историческом опыте, в РФ имеет высокую значимость. Новые познания помогут запустить анализ состояния этого политического направления на отечественных просторах, и покажут потенциал прогрессирования правового обеспечения защиты государства от посягательств изнутри и от иностранных враждебных сил.

Мы считаем, аналитический процесс по изучению целостной картины национальных (государственных) интересов нужно запускать с введения общей формулировки безопасности. Сразу же подчеркнем, она в любых ее выражениях (демографическая, национальная, военная, прочее) в новейшей науке и практике выступает первостепенной категорией. Вдобавок при этом она является доминирующей идеей для жизненных процессов, протекающих в обществе, находящемся в стадии постоянной трансформации, безопасность изменяется вслед за ним, требуя постоянного изучения своего нового наполнения.

Древнегреческие философы определяли безопасность пребыванием в ситуации отсутствия опасности и зла для человека. Главным препятствием достижения безопасности государства они считали неправильное его устройство. Рассуждения Платона и Аристотеля из философского сборника о структуре и целях идеальной государства являются ярким примером подобного мнения.

Жители средних веков осознали безопасность, как умиротворенное состояние души индивида, огражденного от всякого рода невзгод.

На историческом отрезке с 17 по 18 века благодаря трудам знаменитых мыслителей того времени Д. Локка, Ж.Ж. Руссо, Б. Спинозы, Т. Гоббса и прочих безопасность приобрела иной смысл – это состояние спокойствия, зарождающееся при отсутствии моральных и физических раздражителей. [2,с.244]

Очевидно, рано заявлять о выстраивании полновесной формулировки национальных интересов в тот миг, но в последующих работах идеи вышеперечисленных философов о взаимозависимости безопасности общества и индивида, о важности государства в их гарантировании и о пределах его компетенции, о взаимосвязи верховной власти и социума в рассматриваемой области были актуализированы.

Например, по мысли Т. Гоббса, всеиле тождественно благополучию, ибо это инструмент поддержания безопасной жизни, а на безопасности покоится наш душевный мир. Локк, напротив, допускает противопоставление безопасности жителей и верховной власти.

Известнейший мыслитель И. Кант в личных политико-правовых измышлениях делает упор на целесообразности выделения внешней и внутренней неуязвимости государства и гражданского общества, взаимозависимости любой страны от безопасности интернационального сообщества, учения о всеобщем мире, выступающем однозначным поручителем и фундаментом защищенности.

Другой известный исследователь Гегель представляет государство в виде нравственной субстанции, наделенной самосознанием. А обрушение общественной нравственности путем слома семейных основ, личностного истощения, ухода от религии ведет к разложению духовного фундамента, крепящего защищенность страны перед внешними опасностями и внутренними разногласиями.

Отметим, в правоприменительной сфере Российской империи термин нацбезопасность продолжительное время совершенно не использовалось. Данное понятие, лишь когда минула 1-я половина 19 века, превратилось в полноценный объект исследования теоретической политологии и юриспруденции. М. Сперанский в Плате государственного обустройства указывает, что здесь общим предметом для всего правового регулирования выступает учреждение общей безопасности индивидов и собственности. Защищенность, по мнению исследователя, является главенствующим и неотъемлемым достоянием любого человека, включенного в социум.

Мысль М. Сперанского соизмеряется с мнением А.П. Куницына, входящего в число пионеров русских теоретиков правоведов, считающего безопасность и нужность защиты имущества главной целью объединения людей в общество под управлением верховной власти. При этом члены данного образования передают правительству только часть личных прав (поддержка безопасности, наказание преступников и ряд других). Остальную часть личных прав жители оставляют за собой и не передают их управленцам ни по договору подданства, ни по соглашению соединения, ведь безграничная власть, делающая людей всецело бесправными – это зло. Управление обществом бывает нескольких типов, но конституционная монархия – это лучшая форма верховной власти для России. Лишь она дает всем гражданам справедливые законы и лучшую защиту от любых угроз.

Централизованное государство с господством правды, контролирующее частные силы, обеспечивающее устойчивость социальной сферы и обороноспособность государства, являлось политическим идеалом для Б.Н. Чичерина.

Приверженец гегелевского идеального мира П.И. Новгородцев продвигал идею правового государства, объединяющего все классовые, групповые и личные интересы в целях общей жизни, сочетая частные чаяния единством общего блага, достижение которого ведет к безопасности народа. В своей работе Кризис современного правосознания теоретик изучает диалектику стабильности политической организации общества и нравственно-правовых личностных ориентаций. Он утверждает: «Кризис правосознания неизбежно ведет к упадку государства и наоборот». [3, с.45]

Кроме вышеперечисленных мыслителей прошлого также и социально-философские системы взглядов Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, С.Л. Франка значительно повлияли на трансформацию понимания прав личность, нужности защиты ее внутреннего мира перед опасностями тотального надзора и прочими рисками.

Полагаясь на анализ соотношения человеческой общности и государства, когда ключевой идеей русской истории просматривается главенство государственного начала, отечественные мыслители и правоведы 19 века спроектировали своеобразную модель развития социальных структур, их значимости в схеме верховной власти, поддержания безопасности человеческих общностей и государства.

Синхронно с философскими изысканиями тогдашние энциклопедические источники термин безопасность определяли состоянием дел, при котором любая опасность для страны и общества отсутствует.

Официальные документы 19 века в основном содержали лишь рекомендации по охране общественной безопасности, понимаемом преимущественно под пресечением злодеяний против государства. А, к примеру, в Положении о мерах к сохранению государственного и общественного порядка, выпущенном 14.07.1881 года, понятия госбезопасность и ее общественная проекция были тождественны.

Формальное определение госбезопасности в коммунистической республике появилось в 1934 году. Формулировку разработали в органах ГУ НКВД. Подчеркнем, она по большей части отражал позицию тогдашней верховной власти государства о главенстве забот республики диктатуры пролетариата над общественными и личностными запросами.

Термин госбезопасность официально появился в тексте Конституции советской России в 1936 году. С этого момента он мелькает в официальных актах, постановлениях и юридической литературе коммунистической страны.

Выделим, понятие госбезопасность, с минуты официального закрепления, использовалось без малейших разъяснений его значения до 50-х годов прошлого века, когда в юридических трудах начали проскальзывать поползновения его исследования. [4,с.59]

Рассматривая трансформацию государственной безопасности в советской стране, выделим три этапа развития этого процесса:

1. Ортодоксальный период. Он длился до середины 70-х годов прошлого столетия. Это время характеризуется отсутствием теории безопасности, вместе с тем ряд разделов научного коммунизма и исторического материализма включил данную проблему в список своих объектов познания.

2. Период модернизации. Он длился с середины 70-х до середины 80-х годов прошлого века. В это время работы советских ученых наполнились новыми теориями и методологическими частностями в марксистском толковании: теория международных режимов, взаимозависимости, баланса сил, геополитики и теория безопасности. А тема разоружения была одной из популярных направленностей в ту эпоху.

3. Этап нового политического мышления. Он выражается существенной модернизацией советской теории безопасности, в частности, полным исключением из нее классового подхода к пониманию безопасности. Методология анализа строится на взятых с Запада идеях либерального, социал-демократического и глобального толка. Например, неразумность гонки вооружения, надобность в прекращении противостояния между политическими системами, необходимость разоружения, главенство общечеловеческих запросов и объединение для борьбы с глобальными угрозами.

В итоге, советское правоведение заложило некоторый фундамент для последующего научного изучения общей категории безопасность и ее подкатегорий: госбезопасность, международная и социальная неуязвимость, прочее.

Отметим, развал советской государства, и появление нынешней Российской Федерации сильно изменили подход политиков и юристов к восприятию проблематики национальной и транснациональных интересов по ряду причин:

1. Новая страна нуждается в собственной идентичности, что выражается в новых требованиях от безопасности объективного очерчивания интересов нации, угроз и вызовов неуязвимости государства.

2. Молодое политическое образование вынуждено заниматься переоценкой своего лидерского статуса и миссии в структуре международных отношений, а также заниматься поиском ресурсов для реализации личных политических запросов.

3. Развал СССР и остановка тотальной вооруженной конфронтации между страной диктатуры пролетариата и капиталом стремительно преобразили пропорцию между военными и мирными аспектами национальной и мировой безопасности. Избавление от серьезной военной угрозы стало причиной ухода постулатов военной безопасности на второй план. Власть столкнулась с вызовами новой формации: уязвимость границ новой страны, противоправное переселение народов, проблемы естественного восполнения населения, акты террора, наркотрафик, незаконный провоз продукции, приверженность крайним взглядам религиозного толка, попытки сепаратных выступлений, дискриминация русскоязычного населения в бывших союзных субъектах, деградация медицинского обслуживания и прочее. Да, в военной Доктрине РФ от 1993 года инородные проявления, представляющие угрозу государственной безопасности (локальные конфликты в приграничных районах, территориальные претензии других держав, разрастание военных альянсов и прочее) еще стояли во главе пирамиды. Но в Концепции национальных (государственных) интересов от 1997 года уже внутренние опасности (экономическая несостоятельность, социально-политическая напряженность, шовинизм, религиозный экстремизм, сепаратизм, терроризм) определяются наибольшими проблемами для госбезопасности государства.

4. Россия вынуждена с нуля создавать механизмы поддержания защищенности страны от внешних и внутренних угроз, ведь хотя и эффективный советский аппарат оказался недееспособен в новых реалиях. Поэтому армия, спецслужбы и прочие силовые ведомства претерпели жесткую реорганизацию.

5. Страна оказалась в сложнейшей геополитической обстановке. ЕС стал новой силой с серьезными военными и экономическими возможностями. Синхронно НАТО укрепляло свои позиции, принимая в свои ряды новых членов. Кроме всего прочего североатлантический блок заявил претензии на роль ключевого гаранта европейской и трансатлантической безопасности, потеснив с лидерских позиций ОБСЕ и ООН. Молодая держава столкнулась с трудностями поиска своей ниши и отстаивания запросов нации в новой модификации транснациональных связей. Поначалу у верховной власти России отсутствовала политическая инициатива, и она идентифицировала действия Запада (особливо натовское разрастание) в качестве главного рассадника угроз национальных (государственных) интересов. Но через несколько лет правительство осознало, что поползновения на безопасность с южного направления – кавказский, афганский и таджикский рубежи таят более существенную опасность. Одновременно в дальневосточном регионе приходится маневрировать между мастодонтами местной политики Китаем, Японией и Соединенными Штатами, ведущими серьезную борьбу за главенство в данной локации.

6. Развал советской государства и созревание новой отечественной идентичности пришлось на период общемировой глобализации, отразившейся и на национальных интересах Российской Федерации. Процесс всемирной интеграции принес ее участникам не только положительные бонусы: приостановка вооруженного противостояния, увеличение взаимного доверия, конверсия оборонки, всеобщее разоружение, но и сделал их сильно уязвимыми перед терроризмом, экономической преступностью, наркобизнесом, экологическими, финансовыми и прочими проблемами. Привычное для времени глобализации стремление к универсализации и унификации бросило вызов национальным ценностям и традициям различных наций. России, как и прочим странам, пришлось в экстренном порядке искать ответ новым угрозам.

Международные организации от комиссий Бранда до Юга в период с 80-х по 90-е годы прошлого столетия принимали ряд документов, содержащих предписания о необходимости глубокой переоценки путей отстаивания национальных интересов, например, в переводе акцентов с разоружения на ликвидацию социально-экономических и прочих условий, подрывающих стабильность фундаментальных устоев.

Прошедший в 1987 году саммит по соприкосновению между разоружением и эволюцией под патронажем ООН и состоявшаяся в 1990 году в Ташкенте встреча военных экспертов расширили формулировку безопасности, дополнив ее отсутствием внешнего политического и экономического шантажа, допустимостью национального прогресса, выполнимостью удовлетворения перво-степенных человеческих запросов.

Озвученные потуги и сдвиги сформировали совершенно непривычный перечень шагов в сфере национальных (государственных) интересов для науки России. Поэтому оперативное решение проблем, препятствующих продвижению новой сути терминов нацбезопасность и ее государственной и общей проекциям, станет правильным ответом на необходимость создания новой концепции неуязвимости перед угрозами инородного и отечественного плана.

Нацбезопасность, как событие, характеризуется многогранностью и требует рассмотрения по следующим векторам:

- пространственный, как сегмент транснациональной неуязвимости, употребительно к защищенности в пределах оцениваемой государства;
- национальный, отражающий запросы населения выбранного государственного образования, как нахождение в положении защищенности жизненно ценных запросов личности и человеческих общностей от инородных и внутренних вызовов;
- военный, трактующий безопасность, ситуацией, когда державе не угрожает вооруженная конфронтация или прочие посягательства, чреватые потерей национальной независимости;
- с позиции суверенности страны, как ее состояние, когда поддерживается целостность и не нарушается право самостоятельности на международном театре политических баталий.

Список цитируемой литературы:

1. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. 380с.
2. Сырых В.М. Материалистическая философия частного права. Монография. М., 2014. 371 с.
3. Алексеев С.С, Теория права. М.: БЕК, 1995. 654с.
4. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Монография. Саратов: Изд-во СГАП, 2001. 283с.

Сведения об авторах:

Ганаева Есита Эминовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова», esita4me@mail.ru

Вахаева Хеди Шарпудиевна – аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова», rudinzz@mail.ru.

Желдыбина Т.А.

ОТРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ТЕОРИИ «ВОЗРОЖДЕННОГО ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА» (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

***Аннотация.** Статья посвящена анализу категорий «свобода», «нравственность», «личность» в учениях представителей школы «возрожденного» естественного права в период государственно-правовых реформ второй половины XIX-начала XX вв. Отстаивается точка зрения о самобытности, национальной особенности понимания свободы, нравственности, личности теоретиками данной школы - П.И. Новгородцевым, Е.Н. Трубецким и А.С. Яценко.*

***Ключевые слова:** политико-правовая мысль, реформы, свобода, нравственность, личность, право*

Теория «возрожденного» естественного права отличалась в период последней четверти XIX-начала XX вв. значительным разнообразием. Это объясняется сложным периодом подготовки и проведения реформ Александра II, обострением социально-политических противоречий, ростом революционно-демократического и рабочего движения, процессом отставания права от потребностей общественного развития, а также влиянием западноевропейской юридической науки и практики.

Указанная теория сыграла решающее значение в преобразованиях по пути гуманизации права.

Предпримем попытку проанализировать категории «свобода», «нравственность», «личность» в представлениях теоретиков данного направления. Актуальность такого рода исследований нам видится важной и сегодня, в условиях стремительных государственно-правовых преобразований, поскольку вопросы взаимосвязи права и нравственности, свободы личности, личной свободы получили воплощение в системе российского законодательства, в том числе и на конституционном уровне.

Интересным будет проведение параллелей при анализе данных категорий между буржуазными и современными общественными и государственно-правовыми изменениями.

Время появления «возрожденного» естественного права – период судьбоносных для России событий. Вопрос природы и социального назначения права стал главным для представителей этой школы. Представители данной теории рассматривали право как воплощение справедливости и разума.

Актуальность в рамках данного направления стали приобретать интересы личности (индивида). Естественные права не рассматривались как неизменные, перечень их был значительно расширен. Интересы личности, частного блага выходят на «арену» для обсуждения.

Большую роль стала играть идея личной свободы, признания права человека на достойное существование, неприкосновенности граждан, обеспечение условий для лучшей жизни человека.

Надо сказать, что отечественное направление «возрожденного» естественного права существенно отличалось от аналогичного направления за рубежом, хотя многие наши теоретики и были продолжателями западноевропейских традиций.

Большую роль стала играть идея личной свободы, признания прав человека на достойное существование, частную собственность, неприкосновенность, обеспечение лучших условий жизни, свободу договора. Появляется идея права с так называемым меняющимся содержанием.

«Возрожденное» естественное право в России имело по сравнению с западноевропейским свою особенность - отечественная теория наполнялась не столько конкретным правовым, сколько этическим и религиозным содержанием [2, с. 68-69], было направлено к нравственности, высшим этическим, а не юридическим идеалам [5, с. 132-133].

Точкой отсчета для рассматриваемого направления принято считать появление работы Б.Н. Чичерина «Собственность и государство» в 1881 году.

Основоположником школы «возрожденного» естественного права в России был П.И. Новгородцев, продолжатель идей немецкого философа И. Канта.

Ученый считал, что главное значение для выявления природы права имеют этические цели. Прежде всего, надо понять нравственность и через нее прийти к пониманию права.

Вместе с тем, граница между правом и нравственностью может изменяться: юридические требования, проникая в сознание, становятся моральными предписаниями, а в свою очередь нормы морали, поддержанные государственной санкцией, получают правовой характер[7, с. 57].

В своих трудах П.И. Новгородцев разъяснял этическую концепцию права, привлекал внимание не только к самостоятельному значению нравственной субстанции в применении к праву, но и взаимодействию права и нравственности, их взаимосвязи в практическом воплощении духовной сущности индивидов [9, с. 18].

В политико-правовом учении П.И. Новгородцева естественное право представляется как отражение качеств личности, имеющей разум, волю, индивидуальную неповторимость, моральную ценность, а их юридическим выражением может быть только институт прав и свобод человека[8, с. 76-77].

Принцип личности (индивидуализм) понимался П.И. Новгородцевым как абсолютный идеал [10, с. 150].

Ученым развивается идея автономной нравственной личности. В последней он видел непрекаемую ценность. Автономия воли может уберечь личность как от собственного произвола, так и от общественного абсолютизма.

К неотчуждаемым правам, по его мнению относятся право частной собственности, свобода договора и передвижения, образования союзов, неприкосновенность личности. Естественное право – это отражение качеств личности.

Таким образом, существование личности в представлениях П.И. Новгородцева возможно в условиях отечественной философско-правовой реальности.

Ученый оправдывал идеализм в качестве исходного пункта всех моральных определений и абсолютизм в виде неизменной формы и сущности моральных предписаний[1, с. 123].

Для П.И. Новгородцева именно право является гарантом личной свободы.

Еще одним представителем российской теории «возрожденного» естественного права был разработчик философии всеединства Е.Н. Трубецкой, для которого характерно религиозно-философское понимание жизни.

Право им понимается как социальное явление, эквивалент свободы, познание которого возможно только с принятием духовной природы человеческой деятельности. Свобода определяет суть права, но не является исчерпывающим элементом.

Для ученого существование права связано не только с деятельностью человека, но и общества в целом.

По мысли Е.Н. Трубецкого, право представляет свободу в двух вариантах:

1) внутренняя свобода - способность воли сознательно избирать поведение;

2) внешняя свобода - возможность действовать вовне, преследовать и осуществлять цели в внешнем мире.

Где нет свободы, там нет и права[6, с. 6,8]. Содержание права сводится к внешней свободе, а содержание нравственности к добру или благу. Право есть внешняя свобода, ограниченная нормой [6, с. 35,30].

Итак, ученый не исключает нормы права. Но действующее право для него имеет нравственную основу, а право и нравственность не только не противоречат друг другу, но правовая норма может быть также и нормой нравственной.

Человеческая личность и есть та безусловная ценность, которая придает обязательное значение и силу всем внутренним правовым велениям нашего сознания [6, с. 58].

Естественное право предполагает, чтобы внешняя свобода одной личности была ограничена свободой другой личности в той мере, в какой этого требует добро.

А.С. Яценко также является продолжателем традиций направления «возрожденного» естественного права. Представитель так называемой синтетической теории права, предполагающей взаимосвязь права и нравственности на основе религиозного начала. Своей задачей он видел объединить сложившиеся раньше представления о праве.

Ученый выходит за рамки догматического понимания права. Критикует дуализм, не допускает разделение права на положительное и позитивное. С его точки зрения это единая категория.

Такое разделение в праве приводит к нарушению равновесия между правом и моралью. Оба эти понятия объединяет свобода. Но свобода в сфере права имеет обязательный характер.

Мораль и право связаны с категорией свободы, которая объединяет их. Но в сфере права свобода имеет свою специфику, отличную от морали. В праве свобода имеет обязательный разграничительный характер [4, с. 35].

Вместе с тем, право – самостоятельная сфера общественной жизни, специфическая область социальной регуляции. Право, нравственность, мораль – не антагонистические, а взаимосвязанные категории.

Право выполняет функцию начала, организующего нравственность. Его основа как в природе человека и общества, так и в высшем нравственном принципе [3, с. 13].

Обобщая анализ взглядов некоторых представителей российской теории «возрожденного» естественного права, следует отметить, что несмотря на некий плюрализм мнений, разнообразие взглядов, их объединяет идея осмысления правовых реалий, сложных государственно-правовых реформ, изменивших путь развития страны.

Основой для теоретиков этой школы стали представления о свободе, собственности, праве как гаранте свободы, государственности. Отправным пунктом здесь являлось соотношение права и нравственности как сопряженных, а не противоборствующих категорий. Большую роль в рассматриваемый период стал играть аксиологический аспект в условиях защищенности личности государством и гарантий ее в том числе и новых прав.

Была найдена философско-правовая основа, предопределяющая развитие категорий свободы, нравственности, личности в новых условиях с сохранением существующих представлений о праве. Опыт, полученный в результате теоретических разработок школы «возрожденного» естественного права, нашел отражение в процессе современного государственно-правового строительства, прежде всего на конституционном уровне.

Список цитируемой литературы:

1. Альбов А.П., Каирова А.И., Мартынова Г.В., Озов А.Ю., Ушакова Е.В. // Теория естественного права в концептуализации правового государства и гражданского общества: исторический и теоретический аспекты. Ставрополь: Изд-во Центр научного издания «Логос», 2018. С. 103-129
2. Жуков В.Н. Философия права П.И. Новгородцева как консервативно-религиозная утопия // Государство и право. 2012. №2. С. 68-77
3. Макаров Р.Н. Идея этико-правового синтеза в философии права А.С. Яценко. Автореф. дис. канд. филос. наук. Тула, 2003. 28 с.
4. Мелешко Е.Д., Верховский Д.А. Особенности русской философии права. Понятие права в теории федерализма А.С. Яценко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. Т. 35. № 3. С. 33-36
5. Михайлов А.М. Причины формирования и характерные черты «возрожденного естественного права» в России // Российский юридический журнал. 2005. №3(47). С. 127-133
6. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во типографии А.И. Мамонтова, 1917. 233 с.
7. Фролова Е.А. Идеи социального и правового государства в философии права П.И. Новгородцева // Государство и право. 2018. № 7. С. 57-65
8. Фролова Е.А. Теоретико-методологические вопросы доктрины возрожденного естественного права (П.И. Новгородцев) // Кантовский сборник. 2015. № 1(51). С. 72-83
9. Фролова Е.А. Теоретико-методологические вопросы доктрины «возрожденного» естественного права // ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: теория и практика. 2013. № 2(98). С. 13-23
10. Шавеко Н.А. Правовой идеал: неокантианские и современные кантианские учения о справедливости: монографии /под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. Е.А. Фроловой. М.: Юрлитинформ, 2017. 360 с.

Сведения об авторе:

Желдыбина Татьяна Анатольевна – доцент кафедры истории государства и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент; tatyana130802@yandex.ru

Иванченко Е.А., Битус Д.А.
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ

***Аннотация:** авторами отмечается усложнение надзорной работы прокуроров за соблюдением права на жилище в связи с реализацией с 2018 года национального проекта «Жилье и городская среда». Указывается, что надзор за надлежащей реализацией проекта самым непосредственным образом влияет на возможность приобретения гражданами личного, доступного и комфортного жилья – реализацию права на жилище.*

Обосновывается сложная правовая природа обеспечиваемого надзорным органом права, которая подразумевает надлежащее правовое обеспечение проживания и надлежащие условия проживания, доступность проживания с точки зрения финансовых расходов человека на предоставляемые коммунальные услуги, а также иные составляющие.

***Ключевые слова:** надзорная деятельность органов прокуратуры, право на жилище, прокурорский надзор*

В силу особой социальной значимости надзор за соблюдением права на жилище трансформировался в одну из приоритетных отраслей прокурорской надзорной деятельности. Немало тому способствовало начало реализации в 2018 году национального проекта «Жилье и городская среда» [7], включившего в себя согласованную реализацию четырех самостоятельных федеральных проектов: «Жилье», «Ипотека», «Формирование комфортной городской среды» и «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда».

Обеспечение органами прокуратуры реализации конституционного права на жилище и гарантии законодательного запрета на произвольное лишение жилища осуществляется в рамках таких отраслей как «общий» надзор и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также подотрасли первой – надзор за реализацией федеральных проектов, направленных на радикальную модернизацию отрасли строительства, исходя из приоритетов социально-правовой политики государства.

В рамках данного направления надзорной работы прокуроры осуществляют проверку:

- реализации мер государственной поддержки, направленных на строительство жилья стандартного типа и внедрение прогрессивных технологий строительства такого жилья;
- сохранения при производстве строительства природных объектов, имеющих особое значение (рекреационное, оздоровительное и др.) и иных объектов, чей особый правовой статус закреплен в законодательстве;
- сохранения, надлежащего поддержания и увеличения зеленого фонда возле объектов жилищного строительства;
- надлежащего объема административной нагрузки, возлагаемой на субъектов жилищного строительства, законности осуществления государственного контроля и его адекватность за их деятельностью;
- законности региональных нормативных актов, регламентирующих отдельные аспекты осуществляемого строительства;
- соблюдения антикоррупционного законодательства в сфере градостроительной деятельности.

Указанные направления надзорной работы обеспечивают ничуть не меньше реализацию права граждан на жилище, чем, например, защита органом прокуратуры жилищных прав отдельно взятого гражданина в суде.

Совершенно особенная значимость и отдельное социальное значение имеет эффективность надзорной работы за соблюдением права на жилище отдельных категорий граждан, пользующихся повышенной государственной социальной защитой: участники Великой Отечественной войны и члены их семей; дети-сироты и другие категории граждан, соблюдение прав и законных интересов которых взято под повышенное внимание прокуроров в силу прямого указания, содержащегося в федеральных законах и организационно-распорядительных актах Генерального прокурора РФ.

При реализации надзорной деятельности по отношению к защите права на жилище данных категорий граждан подчеркивается особая роль органов прокуратуры в правозащитной системе Российской Федерации. Наделенные, как и другие субъекты правозащитной деятельности, объемом

властных полномочий, надзорные органы могут реализовывать их с беспрецедентной оперативностью, как в отношении пресечения нарушений жилищных прав граждан, так и в отношении обеспечения необходимых условий для реализации ими права на жилище.

Расширение концепции надзорной деятельности, усиление ее превентивного потенциала привело к беспрецедентному увеличению объема надзорной работы. Настоящее положение представляется авторам абсолютно целесообразным, справедливым и конституционно обоснованным, так как содержащееся в ст. 40 Конституции РФ закрепление права на жилище предполагает, что в Российской Федерации созданы и обеспечиваются следующие условия:

- каждому человеку гарантируется возможность обеспечить себя жильем;
- жилью не может быть бесосновательно отобрано;
- гарантируется и обеспечивается неприкосновенность жилища;
- обеспечивается возможность стабильного пользования имеющимся жилищем;
- проживание в жилище сопровождается обеспечением безопасности среды проживания и безвредными условиями для жизни и здоровья человека;
- существует действенный механизм реализации права на улучшение условий проживания.

Должное обеспечение реализации указанных правовых последствий конституционного положения о праве на жилище, исключаяющее их декларативность и «безжизненность», обеспечивает не только реализация права на жилище, как такового, но и равенство граждан в обеспечении данного права, доступность жилья, соответствие его требованиям безопасности для проживающих лиц, а также такое состояние жилого фонда, при котором будут обеспечены иные права граждан.

Так, окружающая жилище обстановка и само состояние жилья не должны причинять вред здоровью гражданина, быть опасными для жизни, оскорбительными для достоинства личности, опасными для нормального физического и психического развития проживающих в жилище несовершеннолетних лиц.

Включение Российской Федерации в международное правовое пространство обязывает органы прокуратуры обеспечивать мерами реагирования реализацию положений не только отечественного законодательства, но и международных нормативных актов, регламентирующих отдельных вопросы реализации права на жилище.

Так, ратификация таких источников как Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [4] и Европейская социальная хартия [3] предусматривает обеспечение в Российской Федерации:

- надлежащее правовое обеспечение проживания;
- доступность проживания с точки зрения финансовых расходов человека;
- адекватность в точки зрения культуры обстановки нахождения жилища;
- пригодность для проживания с точки зрения местонахождения жилища, возможностей инфраструктуры, возможности получать необходимые услуги по месту проживания.

Как мы видим, эффективный надзор за соблюдением права на жилище самым непосредственным образом обуславливает поддержание в государстве общественной и социальной безопасности. Реализации права на жилище препятствуют негативные социально-экономические явления в обществе, обуславливая затруднения граждан в приобретении личного, доступного и комфортного жилья, экономические кризисы неизбежно приводят к накоплению потенциала социального недовольства и таким деструктивным проявлениям как социальные протесты, массовые беспорядки, экстремистские акции.

Наличие жилища-необходимое условие благополучия человека, поэтому обеспечению данного права придается такое важное значение. Генеральной прокуратурой РФ проводится постоянный мониторинг соблюдения права на жилище и принимаемых мер прокуратурами субъектов РФ по устранению нарушений данного права.

Под повышенным контролем Генерального прокурора РФ находится своевременность обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жильем надлежащего качества. Практически ежемесячно главное надзорное ведомство отчитывается о результатах проделанной работы по данному направлению.

Все большее внимание органов прокуратуры распространяется на проблемы обеспечения качества проживания граждан в городской среде и окружающей обстановки, соответствующей требованиям экологической безопасности, соответствия сдаваемого в эксплуатацию нового жилищного фонда и отремонтированного жилья установленным нормам безопасности.

Кроме того, в рамках надзора за реализацией федеральной программы «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда» многократно увеличилось

число случаев расселения граждан из аварийного и ветхого жилья вследствие применения мер прокурорского реагирования.

Самыми распространенными нарушениями по результатам обобщенной практики надзорной деятельности прокуратуры называют:

- не принятие мер по обследованию домов с целью признания их аварийными и необходимости переселения проживающих в них граждан;
- отсутствие после проведенного обследования жилого дома соответствующего распоряжения об использовании жилых помещений до расселения и конкретно-определенных сроков расселения, а также иные нарушения [6].

Так, администрацией муниципального образования «Город Саратов» определены мероприятия по отселению жильцов из аварийного дома № 220 по ул. Новоузенской в г. Саратове до 12 июня 2019 г., снос – 16 декабря 2019 г. До момента вмешательства надзорного органа в начале 2021 года ничего из данных мероприятий произведено не было. По иску прокуратуры Фрунзенского района г. Саратова 30 марта 2021 г. судом этого же района бездействие муниципалитета признано незаконным, возложена обязанность исполнить пункты распоряжения [9].

Распространяются также предпринимаемые органами прокуратуры меры на сохранение зеленого фонда возле строительных объектов, соблюдение надлежащего расстояния между объектами строительства, создание объектов придомовой инфраструктуры (детских площадок, мест отдыха, спортивных площадок и т.п.).

Так, в августе текущего года в Липецкой области по постановлению прокурора к административной ответственности в виде штрафа в размере 3,2 млн руб. привлечена подрядная организация за несоблюдение сроков выполнения работ по созданию парка отдыха. После прокурорского вмешательства парк сдан в эксплуатацию (нацпроект «Жилье и городская среда») [5].

Несмотря на государственный контроль сферы строительства жилья, до сих пор факты несоблюдения сроков строительства и допущения нарушений требований, предъявляемых к жилому помещению, имеют широкое распространение. Большинство из них устраняются только мерами прокурорского реагирования после обращения граждан в надзорные органы.

Так, в июле текущего года список обманутых дольщиков Брянской области сократился на 293 фамилии. Возведение их жилого дома шло с 2016 года не по графику и сопровождалось многочисленными нарушениями. Фактически проблемный объект был сдан в эксплуатацию только после того, как собственники квартир обратились в надзорное ведомство.

Пресекают прокуроры и факты самоуправства, нарушающие право на жилище, допускаемые собственником жилого объекта.

Так, в июле текущего года прокуратура Орловской области провела проверку по факту нарушения жилищных прав граждан, проживающих в п. Нечаевский Мценского района Орловской области. Установлено, что в помещениях, расположенных на территории бывшего пансионата, зарегистрированы и проживают 43 человека. В нарушение требований действующего законодательства новым собственником пансионата – ООО «Профилакторий» самоуправно ограничивался доступ граждан в их жилище, была прекращена подача в помещения воды и электричества [1].

Печальную систематичность приобрела практика надзорного сопровождения мероприятий, проводимых органами государственной власти и местного самоуправления в связи с утратой жилья гражданами в связи с произошедшим стихийным бедствием. Такую непрерывность надзорного сопровождения обусловила распространенность случаев нарушения права на жилище со стороны властных субъектов, в частности, выражающихся:

- в несвоевременном предоставлении гражданам, утратившим жилье, жилищных сертификатов на его приобретение согласно Постановлению Правительства РФ от 9 октября 1995 года № 982, если не предусматривалась прямая денежная компенсация;
- в неисполнении решений суда о внесении граждан, утративших жилье, в списки на получение денежной компенсации;
- в недостаточном правовом регулировании вопросов, касающихся:
 - а) объектов для временного размещения и длительного проживания пострадавших граждан;
 - б) предоставления органами местного самоуправления свидетельств, удостоверяющих право на капитальное строительство разрушенного в результате стихийного бедствия жилья;
 - в) внеочередного предоставления земельных участков под строительство жилья для граждан, чье жилище не подлежит восстановлению.

Так, 18 июня 2021 года Генеральный прокурор РФ поручил прокуратуре Республики Крым организовать надзорное сопровождение мероприятий по ликвидации последствий чрезвычайной

ситуации, вызванной обильными осадками в регионе, при этом особое внимание оказывать правовой помощи гражданам-собственникам поврежденных жилых помещений [2].

Отдельного исследования заслуживает такой вопрос как защита прокурорами права граждан на жилище путем осуществления уголовного преследования и поддержания обвинения в суде в отношении лиц, обвиняемых в преступлении, предусмотренном ст. 200.3 УК РФ «Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости». Поддержание обвинения от имени Российской Федерации в отношении лиц, совершивших умышленное посягательство на охраняемые законом права и интересы, причинивших имущественный ущерб потерпевшим и ограничивших реализацию их права на жилище, несет в себе максимальный правозащитный потенциал, практически реализуя конституционное положение о приоритетности для государства защиты личных прав граждан (ст. 2 Конституции РФ).

По мнению авторов, право на жилище давно отделилось от права собственности и получило самостоятельную правовую ценность. Защищая нарушенное право на жилище или устраняя препятствия для его реализации соответствующими мерами реагирования, прокуроры защищают не только имущественные интересы граждан, их собственность, они защищают конституционное право человека, определяющее право на достойную жизнь.

Список цитируемой литературы:

1. В Орловской области прокуратура защитила жилищные права 43 граждан / Прокуратура Орловской области / Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации / <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media> (Дата обращения: 30.10.2021)
2. Генеральной прокуратурой Российской Федерации контролируются мероприятия по ликвидации последствий наводнения в Республике Крым / Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации / <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media> (Дата обращения: 30.10.2021)
3. Европейская Социальная Хартия ЕТС № 163 (пересмотренная) (Страсбург, 3 мая 1996 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 22 февраля 2010 г. № 8. Ст. 781
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) / Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. - М., 1978 г. вып. XXXII. с. 36.
5. На постоянном контроле прокуратуры находится состояние законности в сфере реализации национальных проектов / Новости / Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации / <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64483997> (Дата обращения: 28.10.2021)
6. О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства при переселении граждан из аварийного жилья / Прокуратура Иркутской области / <https://procrf.ru/news/290481-o-praktike-prokurorskogo-nadzora.html> (Дата обращения: 28.10.2021)
7. Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)) / <https://base.garant.ru/72192510/> (Дата обращения: 17.10.2021)
8. Постановление Правительства РФ от 9 октября 1995 г. № 982 «Об утверждении Порядка выпуска и погашения государственных жилищных сертификатов, выдаваемых гражданам Российской Федерации, лишившимся жилого помещения в результате чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, террористических актов или при пресечении террористических актов правомерными действиями» // Собрание законодательства Российской Федерации. 16 октября 1995 г. № 42. Ст. 3983.
9. Прокуратура Саратовской области / https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_64/ (Дата обращения: 28.10.2021)

Сведения об авторах:

Иванченко Елена Анатольевна – к.ю.н, доцент, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»; kvi-elena@yandex.ru

Битус Диана Андреевна – студентка магистратуры ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Червяковский А.В.

ИСТОЧНИКИ ОФИЦИАЛЬНОГО ОПУБЛИКОВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ КАК СРЕДСТВА ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ

Аннотация: В статье анализируются особенности официального опубликования (размещения) нормативных правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации». Автор работы приходит к выводу, что существующее в настоящее время электронное официальное опубликование правовых актов не в полной мере способствует эффективной правовой коммуникации между государством и обществом и предлагает меры, направленные на совершенствование такой коммуникации и в целом дальнейшего развития официального электронного опубликования правовых актов в России.

Ключевые слова: правовая коммуникация, официальное опубликование, нормативные правовые акты, правовая информация.

Широкое распространение компьютерной техники, развитие средств коммуникации – всё это приводит к необходимости анализа протекания информационных процессов во всех сферах жизни общества. Право как система норм важна даже не сама по себе, она представляет не просто информацию о должном поведении в том или ином обществе, но система права должна осуществляться в обществе, только тогда право предстает как нужный и важный регулятор общественных отношений. Чтобы право выполняло свое предназначение, осуществлялись его собственно-юридические функции, необходимо, чтобы информация о действующей системе норм была доступна адресатам правовых норм – субъектам права. Субъекты правотворчества должны учитывать при подготовке нормативных правовых актов и иных документов особенности нормативной правовой информации и ее создания, хранения и распространения.

Правовая информированность человека призвана повысить компетентность граждан и должностных лиц, сформировать необходимое личности правовое мышление как условие ее жизнедеятельности в условиях современной жизни. Официальное опубликование нормативных правовых актов мы тоже можем рассматривать как составную часть коммуникационного процесса, возникающего между создателем и распространителем большого объема нормативной правовой информации – государством и потребителями такой информации – гражданами, государственными органами, их должностными лицами, иными субъектами права.

О перспективах развития официального опубликования в электронной форме имеются публикации в российской юридической литературе, в т.ч. ряд публикаций посвящено непосредственно анализу существующему в настоящее время электронному размещению текстов правовых актов на Официальном интернет-портале правовой информации [1; 2; 4; 5]. Обратим внимание на некоторые из указанных в литературе достоинств и недостатков электронного официального опубликования правовых актов применительно к действующей системе официального опубликования нормативных правовых актов. На наш взгляд, это достаточно важно, поскольку распространение нормативной правовой государством, коммуникационное воздействие государства на иных субъектов права осуществляется в том числе и через источники официального опубликования нормативных правовых актов, а основным таким источником на данный момент времени выступает Официальный интернет-портал правовой информации.

Обобщенно коммуникационный процесс можно описать следующим образом: информация движется от источника (отправителя) к потребителю. Отправитель (источник) с целью оказать воздействие на получателя передает сообщение. Информация особым образом кодируется с помощью знаков и символов. Передача информации осуществляется по определенным каналам. Получателю сообщения важно раскодировать переданную ему информацию, правильно интерпретировать полученную информацию. Коммуникация предполагает и обратную связь, так как получатель должен убедиться, что переданное сообщение дошло до адресата и правильно им понято. В процессе коммуникации возникают различные препятствия (коммуникационные барьеры) [3, с. 139-150]. Коммуникационный процесс включает следующие элементы: источник (отправитель) сообщения; кодирование и декодирование; сообщение; канал; обратная связь; коммуникационные барьеры.

Официальное опубликование нормативных правовых актов осуществляется путем публикации аутентичного текста таких актов в изданиях, признанных в качестве источников официального опубликования данных актов. До последнего десятилетия в нашей стране не было единого источ-

ника официального опубликования для всех нормативных правовых актов федерального и регионального уровня. Нормативные правовые акты публиковались в разных источниках официального опубликования. Так для федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания Российской Федерации в качестве изданий, признанных источниками официального опубликования нормативных правовых актов, выступали такие издания как «Российская газета», «Парламентская газета», официальный бюллетень «Собрание законодательства Российской Федерации».

С 10 ноября 2011 г в России введено официальное опубликование федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания Российской Федерации посредством размещения текстов этих правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Через некоторое время на этом портале начали публиковаться нормативные правовые акты иных органов государства, в том числе и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. На сегодняшний день Официальный интернет-портал правовой информации является единственным изданием, являющимся источником официального опубликования нормативных правовых актов федеральных и региональных органов государственной власти России.

Официальный интернет-портал правовой информации – это электронный источник правовой информации. Он предоставляет возможность пользователю работать с правовой информацией как с иными электронными источниками. Пользователи портала могут не только прочитать тексты, принятых законов и иных правовых актов, но также скачать их на свой компьютер или иное электронное устройство.

Информация, размещенная на портале, обладает важнейшими признаками для нормативной правовой информации, как официальность, достоверность и полнота. На Официальном интернет-портале правовой информации пользователь интернета, зашедший на данный портал, познакомится с аутентичными текстами принятых правовых актов.

Развитие интернет-портала правовой информации привело к тому, что на портале размещается в настоящее время не только федеральные законы, указы и распоряжения Президента страны, постановления и распоряжения Правительства России, но и другие правовые акты федеральных органов государственной власти, акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации. По существу, на «Официальном интернет-портале правовой информации» сосредоточен, наверное, самый доступный для граждан объемный массив новейшей актуальной правовой информации, имеющейся в России.

Портал предоставляет возможность получить правовую информацию посредникам, которые уже сами организуют доведение информации до заинтересованных лиц и граждан.

К сожалению, у нас отсутствует информация о том, сколько человек заходит на официальный интернет-портал правовой информации, чтобы скачать и познакомиться с текстами законов и иных правовых актов, размещаемых на данном источнике опубликования правовых актов. В тоже время выскажем предположение, что таких пользователей не так уж и много. Большинство граждан пользуются правовой информацией из более доступных для их восприятия источников.

Правовые акты, размещаемые на портале разбросаны в зависимости от субъектов их принявших, датах размещения на портале. Законодательство России, размещенное на Официальном интернет-портале правовой информации, по существу, представляет собой базу данных, или даже несколько баз данных, между которыми возможен минимальный поиск информации. Законодательство России, представленное на портале, не выступает как совокупность правовых актов, выстроенных в единую непротиворечивую согласованную систему. На Официальном портале правовой информации нельзя и увидеть место принятого закона, иного нормативного правового акта в системе действующего законодательства.

Раздел официального опубликования правовых актов Официального интернет-портала правовой информации не позволяет познакомиться с текстом правового акта со внесенными в него изменениями и дополнениями. Идея принятия новых редакций правовых актов с необходимыми поправками, изменениями и дополнениями вместо законов и иных правовых актов об этих изменениях и дополнениях не находит понимания у правотворческих субъектов. А между тем, большинство принимаемых федеральными парламентариями законов – это законы, которые вносят поправки в уже действующие российские законы. Консолидированный текст правового акта, со всеми изменениями и дополнениями внесенными другими законами в текст этого акта, можно посмотреть только в источниках правовой информации, не являющимися официальными. Постоянное неупорядочен-

ное принятие поправок в действующие правовые акты, полагаем, не способствует стабильности законодательства, снижает его доступность как для юристов, так и для рядовых граждан, затрудняет реализацию и применение правовых норм, закрепленных в законах и подзаконных нормативных правовых актах.

Есть и иные источники официального опубликования правовых актов, однако это печатные издания, тираж которых небольшой и сокращается. Вполне возможно предположить в будущем сокращение количества изданий, признаваемых в качестве источников официального опубликования нормативных правовых актов. Если с 1994 г. по 2011 г. количество таких источников увеличивалось, то с постепенным переходом на электронное официальное опубликование число источников будет уменьшаться по разным причинам, но прежде всего из-за финансовой затратности содержания нескольких изданий, являющихся источниками официального опубликования правовых актов. В ряде государств уже отказались от множества таких изданий и перешли к одному единственному источнику официального опубликования. Как показывает анализ существующей практики в России нормативного регулирования официального опубликования нормативных правовых актов, ряд органов законодательной власти субъектов Российской Федерации, иных федеральных и региональных государственных органов отказались от иных изданий, являющихся источниками официального опубликования нормативных правовых актов, помимо Официального интернет-портала правовой информации.

Сокращение изданий, признанных в качестве источников официального опубликования, ведет к сокращению у гражданина и других субъектов права возможностей вариантов выбора, каким образом получать необходимую им нормативную правовую информацию. В советское время, в недалеком прошлом гражданин, иные заинтересованные лица, могли по подписке получать себе на дом или на работу официальные периодические издания федерального и регионального уровня, и, читая эти печатные издания, знакомиться также с аутентичными текстами нормативных правовых актов, поскольку эти официальные периодические издания были признаны в тот период в качестве источников официального опубликования федеральных или региональных правовых актов. В этих изданиях помимо текстов правовых актов, содержались и краткие комментарии, аннотации к наиболее важным на взгляд редакции принятым правовым актам. Сокращая количества печатных изданий, прежде всего газет, признанных в качестве источника официального опубликования, лишаем массового потребителя правовой информации важного источника ее распространения.

Постепенный отказ от официального опубликования нормативных правовых актов в печатных изданиях приводит к тому, что граждане реже знакомятся с результатами деятельности органов законодательной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, занимающихся правотворчеством. Закон перестает тем самым быть для них важным и значимым документом, право не только для граждан, но даже для юристов становится все больше набором предписаний, в лучшем случае юридических конструкций, но все больше и больше оторванных от имеющих и признаваемых юридической наукой и практикой форм (юридических источников) права.

К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время электронное официальное опубликование нормативных правовых актов мало способствует систематизации действующего законодательства. Официальное опубликование нормативных правовых актов оказывает значительно меньшее влияние на правовую коммуникацию чем оно бы могло бы оказывать с учетом развития в России и мире информационно-коммуникационных технологий.

Официальное опубликование правовых актов является одним, но отнюдь не единственным способом распространения правовой информации. Наиболее востребованным способом получения правовой информации для специалистов юристов, иных лиц, работающих и подготавливающих юридические документы являются информационно-правовые системы, созданные негосударственными организациями. Официальный интернет-портал предоставляет доступ к информационно-правовой системе «Законодательство России», однако данная система уступает по многим параметрам информационно-правовым системам и базам данных, которые имеются у негосударственных коммерческих и некоммерческих организаций.

Дальнейшее развитие правовой коммуникации между государством и гражданами видится путем дальнейшего совершенствования размещения нормативных правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации», что невозможно в полной мере без использования правотворческой техники для подготовки, принятия, опубликования и систематизации нормативных правовых актов. В частности, полагаем, что следует законодателю:

1) закрепить в законодательстве (в новом законе или в действующем Федеральном законе от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания») статус «Официального интернет-портала правовой информации» как единственного источника официального опубликования нормативных правовых актов, на котором в первую очередь размещаются все нормативные правовые акты федерального законодательства и законодательства субъектов федерации, подлежащие официальному опубликованию;

2) зафиксировать в законодательстве, что срок вступления в силу нормативных правовых актов, подлежащего официальному опубликованию, если он не указан в самом принятом нормативном правовом акте, определяется, исходя из даты размещения данного правового акта на «Официальном интернет-портале правовой информации»;

3) как было отмечено ранее, следует рассмотреть предложение о возможности субъектам правотворчества в целом отказаться от принятия нормативных правовых актов, только вносящих поправки в действующее законодательство и перейти, в случае необходимости внесения изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты, к принятию новых редакций нормативных правовых актов;

4) принять меры по кодификации и упорядочению российского законодательства, осуществить его «расчистку», избавив законодательство от устаревших и недействующих правовых актов;

Осуществление данных мер во многом бы способствовало доступности восприятия рядовыми гражданами и специалистами как отдельных нормативных правовых актов, так и всего массива действующего законодательства.

Список цитируемой литературы:

1. Бошно С.В. Модернизация технологии опубликования нормативных правовых актов в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 2 (19). С. 49-55.

2. Бошно С.В. Опубликование нормативных правовых актов на официальном портале сети Интернет: альтернатива и перспективы // Право и современные государства. 2013. № 2. С. 5-16.

3. Основы теории коммуникации: учебник \ под ред. проф. М. А. Василюка. М., 2005. 615 с.

4. Официальное электронное опубликование: история, подходы, перспективы / под ред. В.Б. Исакова. М., 2012. 320 с.

5. Рагимханова Д.Р., Курбаналиев Э.Р. Сетевое издание как источник официального опубликования нормативных правовых актов // Закон и право. 2019. № 9. С. 188-190.

Сведения об авторе:

Червяковский Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, chervaleksandr@yandex.ru

Козлова М.Ю.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ЮРИСТА

***Аннотация:** Процесс цифровизации влечет использование новых технологий, что подразумевает не только преимущества, но и риски для деятельности юриста. В статье анализируются понятие цифровизации, и ее влияние на профессиональные компетенции юриста.*

***Ключевые слова:** цифровизация, информационные технологии, юридическая деятельность, LegalTech, LawTech, профессиональные компетенции юриста.*

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

Термин «цифровизация» употребляется часто в различных контекстах, в том числе, применительно к юридической деятельности. Необходимо установить, какие подходы к пониманию цифровизации существуют, и какое влияние этот процесс оказывает на юридическую практику, на требования, предъявляемые к профессиональным компетенциям юриста.

Как правило, понятие и признаки цифровизации определяются на уровне ведомственных актов. Так, например, в приказе Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 цифровизация (цифровое развитие) определяется как «процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов. Цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий» [13].

В приказе Минэкономразвития России от 11.03.2020 № 130 дается понятие цифровизации субъекта РФ, под которым понимается уровень использования в субъекте Российской Федерации потенциала цифровых технологий [15].

В Приказе Минстроя России от 24.04.2019 № 235/пр цифровизация предполагает, в частности, проведение мероприятий по созданию цифровой платформы вовлечения граждан в решение вопросов городского развития «Активный горожанин», интеграцию ее с порталом госуслуг, создание комплексных систем обеспечения и онлайн мониторинга общественной безопасности, автоматизированного контроля за работой коммунальной техники [14].

О цифровизации как о внедрении прикладных технологий для автоматизации различных процессов упоминается и в Стратегии цифровой трансформации сельского хозяйства [21].

Цифровизация рассматривается как средство ускорения технологического развития экономики и производительности труда и включает в себя, в частности, оказание государственных услуг на базе платформенных облачных решений и реестровой модели данных, обеспечение онлайн-идентификации граждан, электронного взаимодействия субъектов, заключение договоров в электронном виде [9].

Таким образом, цифровизация в нормативных документах связывается с переводом существующих процессов в электронный формат, автоматизацией деятельности, использованием современных информационных технологий для идентификации субъектов, обеспечения коммуникации и контроля.

В юридической науке обсуждаются вопросы, связанные с пониманием цифровизации, о ее влиянии на право. Можно выделить несколько подходов к определению цифровизации.

Цифровизация отождествляется с электронным форматом взаимодействия субъектов, электронным документооборотом. Так, в рамках этого подхода цифровизацией называется преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей [22, с. 47].

Существует позиция, согласно которой электронный формат документов, электронный документооборот, и в целом перевод процессов, существующих в реальном мире, в электронный вид (автоматизация) не может рассматриваться в качестве цифровизации. Подчеркивается, что цифровизация должна «придавать продукту иные, не существующие в системе автоматизированного взаимодействия, потребительские свойства» [12]. Отмечается, что опасность смешения определений «электронная» и «цифровая», - в том, что «применение цифровых технологий для решения задач, стоящих перед государством и бизнесом, обеспечивает гораздо большую эффективность, чем простое использование электронной формы вместо бумажной» [19].

Применительно к гражданским правоотношениям выделяется две тенденции цифровизации. Первая тенденция – переход участников гражданского оборота на электронный документооборот, на электронное взаимодействие. Вторая тенденция связана с появлением новых цифровых объектов имущественного оборота [6].

Таким образом, в науке не сложилось единого понимания процесса цифровизации. Электронный документооборот может рассматриваться как элемент цифровизации, а может и отграничиваться от нее. Цифровизация может пониматься как использование новых технологий, создающее процессы, явления, не имеющие своих аналогов в реальном мире.

Многие юристы-практики в публичном пространстве также обсуждают вопросы цифровизации как вызова, влекущего изменения в законодательстве, повседневной практике юридической деятельности, юридической профессии, в правоприменении. Как правило, выявляются как преимущества цифровизации, так и ее недостатки.

Упоминается о появлении новой цифровой реальности, которая в первую очередь отождествляется с использованием цифровых, или информационных технологий, причем, как имеющих аналогии в реальном мире, так и существующих исключительно в цифровом формате (электронные библиотеки, онлайн банковские операции, интернет вещей, криптовалюта) [7]. Также идет речь о возможностях иметь доступ к электронным ресурсам информации, открытым реестрам, пользоваться электронной цифровой подписью в деловой переписке в электронном формате [11].

В то же время, некоторыми авторами отмечается необходимость проведения различий между автоматизацией договорной работы и цифровизацией бизнес-процессов. В качестве автоматизации рассматривается использование электронной формы договоров, использование электронной подписи и переводение бизнес-процессов организации в электронную безбумажную. Цифровизацией предлагается считать процесс, предполагающий использование информационных технологий (например, искусственного интеллекта) и создание единого информационного пространства в бизнес процессах для их применения без участия человека [17].

Среди негативных сторон цифровизации называются уязвимость информации, передаваемой через интернет, зависимость работы юриста от доступности интернет-ресурсов и работоспособности техники, сбои в программном обеспечении [11].

Под влиянием новых технологий очевидно изменяется облик юридической профессии. Изменяются требования не только к профессиональным навыкам юристов, но и к сферам приложения их компетенций. В частности, востребованными становятся специалисты в сфере информационного права, интеллектуальной собственности. Появилось понятие «юрист цифрового права», или «цифровой юрист».

Можно заметить различные проявления данной тенденции. Так, присуждается премия «Цифровой юрист года», которая «является признанием заслуг высококвалифицированных юристов, ученых, экспертов, практиков, а также организаций в сфере подготовки нормативно-правовой базы, проведении научных исследований, образования, правоприменительной деятельности и государственного управления в целях создания комфортной правовой среды и содействия развитию цифровой экономики, внедрения передовых технологий в профессиональную деятельность юристов». Премия присуждается в различных номинациях, например, за вклад в юридическую науку, за вклад в развитие судебной и правоприменительной практики, за вклад в развитие цифрового законодательства, лучший цифровой юридический департамент и т.д. [10].

Интересно, что словосочетание «цифровой юрист» используется в названии сервиса, представляющего собой интеллектуальный голосовой и чат-бот, который будет бесплатно консультировать граждан по юридическим вопросам, поможет найти нужные нормативно-правовые акты. Сумма, выделенная на создание «Цифрового юриста» в рамках программы цифровизации Минюста, составляет 230 млн. руб. [18].

Цифровизация в понимании юристов – как ученых, так и практиков, отождествляется с технологиями, которые, в числе прочего, позволяют оптимизировать и упростить работу юриста. Обсуждаются такие явления, как LegalTech и LawTech.

LegalTech в научной литературе определяется как технологии, используемые для профессиональных юристов и юридического бизнеса с целью повышения эффективности оказания юридических услуг или юридического сопровождения бизнеса [1, с. 203].

К LegalTech относятся, например, справочно-правовые системы, конструкторы договоров, сервисы, предлагающие проверку контрагентов, подбор практики в соответствии с запросом и т.п. Так, получили распространение такие инструменты – как конструкторы договоров, например, Freshdoc, Doczilla, Dogovor.ru и т.д. Они, как правило, имеют бесплатную и платную версии, различающиеся по объему и содержанию. Для создания договора, подходящего для конкретной ситуации, используются опросные листы, содержащие вопросы и ответы, от которых зависит конечный текст документа.

Инструменты LawTech представляют собой технологические решения, предназначенные для конечных потребителей юридических услуг, которые получают необходимую правовую консультацию или иную юридическую услугу [1, с. 204].

В качестве примера LawTech можно привести агрегатор юридических услуг СберПраво, который не так давно начал свою работу. В пресс релизе Сбербанка по поводу этого события отмечалось, что СберПраво – это «безопасный и удобный «сервис для жизни», который имеет преимущества и для граждан, так как может предоставить услуги по низким ценам, и для самих юристов, поскольку организывает для юриста «виртуальное рабочее пространство» [20].

Юристы при этом высказывают опасения о том, что агрегатор лишит возможности «независимых участников самостоятельно привлекать клиентов и снижая их профессиональный доход до прожиточного минимума» [8].

В то же время, наблюдается известный оптимизм в вопросе о том, может ли робот заменить юриста, и потеряют ли юристы работу в связи с появлением агрегаторов юридических услуг, кон-

структуров договоров и т.п. Практикующие юристы в целом уверены в невозможности такого развития событий. Однако, подчеркивается необходимость учета изменяющихся реалий, и в частности, важность приобретения новых знаний.

Так, высказывается мнение о том, что абсолютная цифровизация юридической деятельности сегодня невозможна, поскольку специфика работы юристов подразумевает логическую, творческую, эмоциональную и иные составляющие, которыми искусственный интеллект пока не обладает [16].

Подчеркивается отсутствие гибкости и возможностей адаптации у роботов, и делается вывод о том, что для некоторых профессий, среди которых адвокат, замена людей роботами повлечет возникновение «непоправимых и неразрешимых проблем» [4].

Отмечается, что содержание деятельности юриста остается прежним – юрист должен понимать и интерпретировать право. При этом, «юристы должны будут получать дополнительные знания и развивать новые навыки, чтобы остаться в такой обновленной профессии. Они либо станут супергуманитариями, знающими помимо права еще и философию, социологию, экономику, либо — технарями, умеющими переложить язык права в код» [3].

При этом, юристы, считающие конкретные знания излишними, полагающие, что успех в будущем им обеспечит «креативность», могут оказаться в ситуации, когда они станут обслуживать потребности искусственного интеллекта, расставляя в нужных местах теги и делая аннотации данных. А думать за них будут роботы, потому что только у роботов будут необходимые знания [2].

В качестве ответа на формирующийся запрос на юриста «нового типа» на рынке появляются предложения о разнообразных курсах повышения квалификации, образовательных программах. Так, например, Высшая школа экономики анонсировала прием на программу бакалавриата по юриспруденции «Цифровой юрист»: «Программа позволит изучить одновременно не только традиционные правовые предметы, но и масштабно погрузиться в современные технологии, получить необходимые «мягкие навыки». Совокупность этих компетенций позволит выпускникам программы быть максимально востребованными на будущем юридическом рынке. Эта программа позволит одновременно учить студентов праву и технологиям. Именно юристы, обученные таким образом, смогут осуществить цифровую трансформацию права в России» [5].

Таким образом, термин «цифровизация» может иметь различные значения. Понимание цифровизации, отраженное в нормативных документах, научных исследованиях и мнениях юристов-практиков, несколько различается, хотя общим в разных подходах является понимание цифровизации как использования новых технологий. Под воздействием цифровизации, которая может проявляться в электронной коммуникации, автоматизации существующих процессов, алгоритмизации и использовании искусственного интеллекта, меняется и представление о юридической профессии. Цифровизация не только влечет оптимизацию и упрощение деятельности юристов, но и представляет собой вызов профессиональному сообществу, поскольку требует от юристов новых знаний и навыков в сфере технологий, использования электронных данных и сервисов.

Список цитируемой литературы:

1. LegalTech, FinTech, RegTech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности : коллективная монография / рук. авт. кол. и науч. ред. М. А. Рожкова. – Москва : Статут, 2021. – 310 с.
2. Александров А. Человек на службе техники. [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2021. 6 сентября. URL: https://zakon.ru/blog/2021/09/06/chelovek_na_sluzhbe_tehniki (дата обращения: 30.12.2021).
3. Багаев В. Трансформация или оптимизация: роль и судьба юриста в цифровую эпоху. [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2020. 26 августа. URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/26/transformaciya_ili_optimizaciya_rol_i_sudba_yurista_v_cifrovuyu_epohu. (дата обращения: 10.01.2022).
4. Багрий Т. Эволюция трудового права в эпоху искусственного интеллекта. [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2021. 13 декабря. URL: https://zakon.ru/blog/2021/12/13/evolyuciya_trudovogo_prava_v_epohu_iskusstvennogo_intellekta (дата обращения: 30.12.2021).
5. Бакалаврская программа «Цифровой юрист». [Электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/ba/dlawyer/> (дата обращения: 28.12.2021).
6. Василевская Л.Ю. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции // Российский юридический журнал. 2020. № 6. С. 105 - 117.
7. Зорькин В. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. // Российская газета. Столичный выпуск № 115(7578). [Электронный

ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyegrava-grazhdan.html> (дата обращения: 27.12.2021).

8. Казанцев А. Сбер.ру совместно с Федеральной палатой адвокатов России запустил агрегатор юридических услуг СберПраво. Как быстро юристы начнут работать за еду? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2021. 27 ноября. URL: https://zakon.ru/discussion/2021/11/27/sberru_sovmestno_s_federalnoj_palatoj_advokатов_rossii_zapustil_agregator_yuridicheskikh_uslug_sberpr (дата обращения: 30.12.2021).

9. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен Правительством РФ 23.09.2020, протокол « 36, раздел VII) (№ П13-60855 от 02.10.2020). [Электронный ресурс]. URL: <https://pravdaosro.ru/> (дата обращения: 30.12.2021).

10. Положение О премии «Цифровой юрист года» URL: <https://digital-lawyers.ru/reglament/> (дата обращения: 10.01.2022).

11. Постолакий С. Юрист и современные вызовы. [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2021. 20 января URL: https://zakon.ru/blog/2021/01/20/yurist_i_sovremennye_vyzovy (дата обращения: 30.12.2021).

12. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. 664 с.

13. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации"». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.

14. Приказ Минстроя России от 24.04.2019 № 235/пр «Об утверждении методических рекомендаций по цифровизации городского хозяйства». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.

15. Приказ Минэкономразвития России от 11.03.2020 № 130 «Об утверждении единой методики мониторинга состояния и развития конкуренции на товарных рынках субъекта Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.

16. Приходина Ю. Стоит ли быть цифровым юристом. [Электронный ресурс]. URL: <https://fomag.ru/news/stoit-li-byt-tsifrovym-yuristom/> (дата обращения: 30.12.2021).

17. Пронина Е. Через тернии к цифровизации: с чего начать и куда идти. [Электронный ресурс]//Закон.ру. 2021. 16 июня URL: https://zakon.ru/blog/2021/06/16/cherez_ternii_k_cifrovizacii_s_chego_nachat_i_kuda_idti (дата обращения: 30.12.2021).

18. Робот с полным правом. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/4801880> (дата обращения: 28.12.2021).

19. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. - Москва: 4 Принт, 2020. - 304 с.

20. Сбер запустил круглосуточный online-сервис для получения правовой помощи. 25 ноября 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sberbank.com/ru/news-and-media/press-releases/article?newsID=51c4e4a6-75c0-4f9d-9f7f-767875f28c8f&blockID=7®ionID=77&lang=ru&type=NEWS> (дата обращения: 30.12.2021).

21. Стратегия цифровой трансформации сельского хозяйства – «Моя цифровая ферма» или «Привет, Ферма!» (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 25.06.2021 № 20)). [Электронный ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru> (дата обращения: 30.12.2021).

22. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски //Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46-63. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>

Сведения об авторе:

Козлова Марина Юрьевна – ведущий научный сотрудник Института права Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент; kozlova@volsu.ru

Грудинин Н.С.
ИНСТИТУТ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

***Аннотация:** В статье анализируется понятие и уголовно-правовое содержание института необходимой обороны. Подчеркивается, что под необходимой обороной понимается правомерная защита от общественно опасного посягательства, наносящего вред правам и интересам обороняющегося, через акт причинения ответного вреда лицу, нарушающему законные интересы членов общества. Отмечается, что в УК РФ, а также судебной практике не определены точные критерии превышения пределов необходимой обороны.*

***Ключевые слова:** необходимая оборона, посягательство, нападение, защита, критерии правомерности, жизнь, здоровье, безопасность.*

Под необходимой обороной в теории уголовного права понимается субъективное право каждого гражданина вне зависимости от его социально-экономического и политического статуса в обществе причинять вред нападающему с целью предотвращения убийства, причинения вреда здоровью, а также охраняемым уголовным законом интересам личности, общества, государства. Необходимая оборона признается допустимой, если вред, который мог причинить нападающий, непосредственно был сопряжен с применением насилия в отношении обороняющегося или с угрозой применения данного вреда, которая была наличной в реальности [4, с.83-84].

Ст. 37 УК РФ определяет необходимую оборону как причинение вреда защищаемым лицом нападающему в ситуации применения насилия или при наличии реальной угрозы его применения. При этом ч. 2 ст. 37 УК РФ специально оговаривает, что в ситуациях, когда отсутствовало само насилие или угроза его применения действия обороняющегося считаются совершенными в состоянии необходимой обороны при том условии, если действия, предпринятые обороняющимся, соответствовали степени и характеру действий нападавшего. Следовательно, под необходимой обороной понимается правомерная защита, выраженная в обоснованном причинении вреда посягающему лицу, чьими действиями причиняется насилие или возникает угроза его применения.

Социально-юридическую природу института необходимой обороны, в понимании его как права лица на личную самооборону в пределах, очерченных уголовным законом, наиболее продуктивно рассматривать в единстве двух составляющих:

– социальная полезность, что говорит о том, что причинение вреда нападающему в состоянии необходимой обороны не нарушает закона и существующего социального правопорядка, и наоборот обеспечивает нормальное функционирование общества и государства, жизнедеятельность личности в обществе;

– необходимость осуществления самозащиты (самообороны) лицом под воздействием внешних обстоятельств, при наличии реальной угрозы жизни и здоровью лица, его жилищу, его собственности, его близким [6, с. 156].

Следует сказать, что необходимая оборона рассматривается сегодня как общественно полезный поступок, поскольку она преследует благую цель – пресечь общественно опасное посягательство, предотвратить причинение тяжкого вреда здоровью, убийство, хищение чужого имущества. В качестве такого может быть признано преступление, которое совершается одним лицом, группой лиц по предварительному сговору, преступным сообществом, а также общественно опасное действие невменяемых лиц или лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Действующее законодательство не проводит разграничения в отношении вменяемых лиц, невменяемых лиц или лиц, не достигших возраста наступления уголовной ответственности, ставя на первое место в ходе осуществления необходимой обороны жизнь и здоровье лица, которое осуществляет защиту от посягательства. Вместе с этим для обороняющихся лиц, которые имеют сведения или подозрения относительно явной невменяемости или очевидно несовершеннолетнего возраста нападающих, целесообразно причинить им минимально возможный вред, поскольку это соответствует сложившимся нравственным устоям в обществе [3, с. 89].

Представляется, что необходимую оборону надлежит определить как социально поощряемое право каждого гражданина на причинение вреда лицу, нарушающему или создающему угрозу нарушения охраняемых законом интересов, благ и отношений общества и государства, а также жизни и здоровья лица или нескольких лиц. При этом важно подчеркнуть, что в соответствии с положениями ч. 2.1 ст. 37 УК РФ если лицо, оборонявшееся от нападения, вследствие его неочи-

данности не смогло определить всю тяжесть и характер действий нападающего лица, то его ответные действия, направленные на противодействие осуществляющемуся нападению не могут квалифицироваться как превышение пределов необходимой обороны.

Необходимая оборона выступает как важная составляющая права на самозащиту, которое принадлежит на равных условиях всем лицам, безотносительно их профессиональной подготовке, социальному и служебному положению, а также возможности избежания общественно опасного покушения или обращения за помощью к другим лицам или органам власти (ч. 3 ст. 37 УК РФ). Однако учитывая тот факт, что сама необходимая оборона сопряжена с большим риском для обороняющегося лица получить значительный вред здоровью и жизни от посягательства лица, государство никоим образом не принуждает ее реализовывать, несмотря на наличие такого права. Следует принять также во внимание и то, что, исходя из норм морали, предпочтение отдается применению необходимой обороны, поскольку ее осуществление способно забрать жизнь, но при этом сохранить многие жизни. Подчеркнем, что у определенной категории лиц, в силу их служебного положения, существует обязанность предотвращать общественно опасные посягательства (работники органов внутренних дел, спецслужб), хотя в то же время они и обладают правом на необходимую оборону как рядовые граждане России [8, с. 117-118].

Закрепленная в уголовном законе норма о необходимой обороне адресована не только лицам, которые подверглись нападению, но и самим нападающим, поскольку законодатель устанавливает определенные рамки правомерного причинения вреда. Тем самым, государство очерчивает в уголовном законе пределы осуществления необходимой обороны, при которой вред, причиняемым нападающему должен быть соразмерен характеру и степени общественной опасности совершаемого им в реальной действительности нападения. Иными словами, если на вас осуществляют нападение с применением грубой физической силы, но без применения явного насилия, то стрелять в нападающего из огнестрельного оружия на поражение будет несоразмерно характеру осуществляемого на вас нападения. Об этом нужно помнить, и учитывать, что российский уголовный закон несовершенен в этом аспекте и не делает сам факт нападения на вас условием применения любых средств самозащиты в отношении нападающего. Правильно это или нет – вопрос для дискуссии, но это важно знать каждому.

Основным вопросом, который возникает у каждого при ознакомлении с проблемой применения необходимой обороны, является вопрос о пределах ее осуществления на практике, иными словами речь сводится к прояснению обстоятельств и условий, в рамках которых такая оборона реализовывалась. Уже традиционными в российской доктрине уголовного права является разделение условий правомерности применения необходимой обороны на практике на две группы:

- условия, описывающие само общественно опасное посягательство или основание для возникновения права у лица на самооборону и защиту в условиях необходимой обороны;
- условия, описывающие характер защиты или оборонительных действий, которые применяет обороняющееся лицо на практике [2, с. 30-34].

Первую группу условий образуют общественная опасность посягательства, его наличие и действительность. Вторую группу – круг объектов защиты, направленность причинения вреда, соразмерность защиты характеру и опасности осуществляемого на гражданина посягательства.

В отечественной доктрине уголовного права, посягательство не отождествляют с нападением. Так, исходя из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 года «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», п. 6, можно прийти к выводу, что нападение образуют «действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его применения» [9, с. 2]. Не является нападением бездействие, которое заключает в себе общественную опасность.

В отличие от нападения посягательство, против которого допускается необходимая оборона, может быть выражено на практике не только в форме действия, но и в форме бездействия. При том презюмируется, что деяние в форме бездействия должно нести в себе наличие и реальность угрозы наступления общественно опасных последствий для лица, которые можно предотвратить путем нанесения вреда бездействующему лицу, и указанный вред явным образом не будет превышать вреда от бездействия лица, которое и угрожает обороняющемуся. Общественная опасность в доктрине уголовного права рассматривается через определение понятия вредоносности деяния. При этом установлена следующая закономерность: чем более значим и ценен объект, тем выше возможность осуществления посягательства на него. Изучение общественной опасности с этой точки зрения приобретает важное значение в теории и на практике. К слову, это позволяет дать ответ в утвердительном смысле на вопрос о допустимости применения необходимой обороны в рамках защиты

от противоправных действий несовершеннолетних граждан, невменяемых лиц. Кроме того, находит свой ответ и вопрос о правовой оценке обороны от действий лиц, совершенных при обстоятельстве, которые исключают преступность деяния [5, с. 169].

Важно особо подчеркнуть, что необходимая оборона против действий, которые исключают преступность деяния, а, следовательно, и его общественную опасность, является недопустимой. В случае, когда защищающееся лицо предприняло оборону против действий, вызванных состоянием крайней необходимости, исполнением приказа или распоряжения или обоснованным риском и др., не зная их юридического подтекста, то указанные действия следует квалифицировать по правилам фактической ошибки. Рассматривая общественную опасность как способность деяния причинять вред охраняемым законом общественным отношениям, следует признавать допустимой защиту от преступных посягательств должностных лиц (в т.ч. и сотрудников правоохранительных органов) [1, с. 15].

Действительность посягательства в отношении обороняющегося лица означает то, что оно должно существовать в объективной действительности, а не в мыслях человека. В противном случае указанные действия будут расцениваться как мнимая необходимая оборона. На практике возможны ситуации, когда нельзя сразу дать ответ на вопрос об осуществлении преступных действий в отношении себя. В таком случае Верховный Суд РФ дает разъяснение по этому вопросу. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» указано, что «в тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать, как совершенные в состоянии необходимой обороны. При этом лицо, превысившее пределы защиты, допустимой в условиях соответствующего реального посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, подлежит ответственности за превышение пределов необходимой обороны» [10, с. 4-5]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что лицо, применявшее необходимую оборону в отношении лица, которое фактически не совершило уголовно наказуемого деяния, но было воспринято как лицо, которое осуществляет реальное нападение, совершает свои действия в условиях, приравненных к условиям действия необходимой обороны. Но если при этом оно превышает пределы такой обороны, то налицо также превышение пределов необходимой обороны и наступление уголовной ответственности по соответствующей части Особенной части УК РФ.

Наличность посягательства по своей сущности представляет собой условие, определяющее помимо пределов правомерности, также состояние необходимой обороны, факт ее присутствия (отсутствия). По смыслу ст. 37 УК РФ можно констатировать тот факт, что у обороняющегося лица право на самооборону возникает непосредственно в момент начала общественно опасного посягательства, т.е. в момент, когда лицо начинает воспринимать угрозу совершения преступления в отношении него реальной или сам момент совершения преступных действий.

Момент возникновения права на необходимую оборону у гражданина, как отмечается в доктрине, образуют такие обстоятельства, как:

- посягательство должно быть направлено на причинение вреда охраняемым законом правам и свободам человека и гражданина;
- обороняющемуся гражданину необходимо осознавать, что действия нападающего действительно опасны и создают реальную угрозу его правам и интересам, а так же охраняемым законом интересам общества и государства.

Важно сказать и о том, что право на необходимую оборону возникает у лица на стадиях покушения и оконченного посягательства, а также на стадии приготовления к совершению тяжкого и особо тяжкого преступления. Основанием для применения права на необходимую оборону является фактическое окончание общественно опасного деяния, посягающего на интересы личности, общества, государства, добровольный отказ от совершения такого деяния или пресечение преступных посягательств третьим лицом.

Касаясь вопроса о несвоевременности оборонительных действий со стороны защищающегося лица, теоретики выделяют четыре базовых подхода к их оценке: а) сторонники первого подхода рассматривают их как правомерные деяния; б) сторонники второго подхода воспринимают как превышение пределов необходимой обороны; в) третьи расценивают как умышленное причинение вреда; г) четвертые определяют как неосторожность. Относительно данной проблемы Верховный Суд РФ в своем постановлении подчеркивает, что «действия не могут признаваться совершенными

в состоянии необходимой обороны, если вред посягнутому лицу причинен после того, как посягательство было предотвращено, пресечено или окончено и в применении мер защиты явно отпала необходимость, что осознавалось оборонявшимся лицом» [10, с. 4-5].

К условиям правомерности необходимой обороны, которые относятся к самой защите, реализуемой обороняющимся, следует причислить следующие: а) защита любых интересов и ценностей, которые охраняются уголовным законом; б) осуществление самообороны путем причинения вреда исключительно посягающему; в) отсутствие признаков превышения пределов необходимой обороны на практике, т.е. соразмерность вреда, причиняемому нападающему характеру его нападения.

Первое условие, характеризующее оборону, затрагивает определение круга объектов, которые подлежат защите при применении необходимой обороны на практике. Исходя из смысла ст. 2 и ст. 37 УК РФ, к кругу таких объектов относят: права, свободы человека и гражданина, имущественные права, правопорядок, безопасность общества и государства, конституционный строй государства, мир и безопасность человечества [13, с. 92-93].

Касаясь второго условия, отметим следующее: чтобы оборонительные действия были признаны законными, нужно причинить вред самому посягающему лицу, а не третьим лицам, которые, возможно, не имеют прямого отношения к нападению. Именно этот факт предоставляет возможность отличить необходимую оборону от других исключаящих преступление обстоятельств на практике.

Согласно УК РФ юридическая оценка оборонительных действий проводится в зависимости от двух обстоятельств – объекта и способа преступного посягательства:

- если посягательство сопряжено с насилием опасным для жизни, то законом разрешено нарушение любых прав и интересов нападающего со стороны обороняющегося лица;
- если защита от посягательства на права и законные интересы не была сопряжена непосредственно с насилием опасным для жизни и здоровья или с непосредственной угрозой применения такого насилия, оборона должна быть соразмерна причиняемому вреду [11, с 59-60].

Под насилием, опасным для жизни понимают как общественно опасное противоправное, открытое или тайное воздействие в процессе нарушения прав и свобод, против его воли и связанное с покушением на жизнь или причинением тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни. Претворение в жизнь всех оборонительных действий возможно, если такие действия направлены на причинение вреда всем правам и интересам, но необходимая оборона со смертельным исходом возможна при защите от насилия, опасного для жизни лиц или при наличии непосредственной угрозы ее применения, как правило, выражающейся в устрашении и запугивании обороняющегося, т.ч. путем демонстрации оружия и выражения готовности его применить.

Превышением пределов необходимой обороны являются умышленные действия, применение которых было явно не оправдано, исходя из характера и опасности посягательства. В УК РФ, а также в судебной практике не определены точные критерии превышения пределов необходимой обороны, что представляется огромной проблемой, нуждающейся в скорейшем разрешении. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ отмечено, что превышение пределов необходимой обороны возникает лишь «когда по делу будет установлено, что оборонявшийся прибегнул к защите от посягательства, указанного в ч. 2 ст. 37 УК РФ, такими способами и средствами, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинил посягнутому тяжкий вред здоровью или смерть» [10, с. 4-5]. Представляется, что при решении вопроса о соразмерности обороны осуществляемому нападению следует проанализировать следующие обстоятельства: учет своевременности посягательства; оценку равнозначных категорий, например, способов, оружия, силы участников конфликта; рассмотрение объективных и субъективных характеристик посягательства и обороны в их тесном взаимодействии.

Понятие явного несоответствия относят к оценочной категории, вопрос о наличии или отсутствии которых разрешает сам правоприменитель. В следственно-судебной практике до сих пор не выработан единый алгоритм действий при определении пределов необходимой обороны. Законодатель, не допуская превышения пределов необходимой обороны, не запрещает причинение посягающему вреда меньшего, равного и несколько большего вреда, который был необходим для отражения посягательства, тем самым отдавая предпочтение защите интересов обороняющегося. Причиной такого подхода является то, что противоправное посягательство очень часто вызывает у обороняющегося сильный всплеск эмоций, адреналина и волнение, в рамках которых ограничены возможности правильно оценить опасность и объем нападения и избрать соответствующие способы и средства отражения [12, с. 34].

В научных кругах существуют различные точки зрения на вопрос о целесообразности отнесения необходимой обороны только к условиям совершения преступного посягательства. Некоторые теоретики убеждены, что в объем содержания понятия «необходимая оборона» входят еще и иные правонарушения: гражданско-правовые деликты, административные проступки. Мы считаем, что установление необходимой обороны возможно только в уголовном праве, поскольку содержание других отраслей права не оперирует таким понятием. В ситуациях нарушения норм гражданского, административного или трудового законодательства, возможно определенное противодействие нарушителям, но оно не предполагает тяжкий вред здоровью или причинение смерти, поэтому в установлении института необходимой обороны нужды не имеется [7, с. 270].

На практике встречаются случаи совершения провокационных действий, которые заставляют преступника совершить преступление и причинить вред провоцирующему лицу. Провокация в таком случае будет рассматриваться как отдельное преступление и подлежит квалификации как фактически содеянное на основе норм УК РФ.

Таким образом, под необходимой обороной понимается правомерная защита от общественно опасного посягательства, наносящего вред правам и интересам обороняющегося, через акт причинения ответного вреда лицу, нарушающему законные интересы членов общества. Современная судебная практика и действующее уголовное законодательство пока так и не смогли выработать однозначных критериев превышения пределов необходимой обороны применительно к конкретным случаям. Именно по этой причине применение нормы ст. 37 УК РФ о правомерном применении необходимой обороны при защите от нападения (посягательства) в российской судебной практике можно встретить нечасто.

Список цитируемой литературы:

1. Акимочкин В.И. К вопросу о правомерности необходимой обороны // Российский следователь. – 2017. – № 8.
2. Аминова К.Л. Превышение пределов необходимой обороны в уголовном праве России: монография. – Новосибирск, 2017.
3. Воробьева Н.А. Проблемы применения законодательства о необходимой обороне // Современное право. – 2018. – № 5.
4. Гусейнов И.Г. Понятие необходимой обороны и проблемы применения закона о необходимой обороне // Проблемы права. – 2017. – № 1 (60).
5. Карасева Е.А. Необходимая оборона: проблемы квалификации // Право и права человека: сборник научных трудов молодых ученых. – М., 2017.
6. Кауфман М.А. Некоторые спорные вопросы применения законодательства о необходимой обороне // Российское правосудие. – 2018. – № S1.
7. Побегайло Э.Ф. Пределы необходимой обороны // Российский ежегодник уголовного права. – 2008. – № 2.
8. Подчерняев А.Н. К вопросу уголовно-правового определения необходимой обороны // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 1.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – № 3.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 11.
11. Рамазанов Р.Г. Проблемы применения норм о необходимой обороне // Очерки новейшей камералистики. – 2016. – № 1.
12. Сазин С.Т. Актуальные проблемы реализации права граждан на необходимую оборону // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2016. – № 1 (34).
13. Хамитов А.Р. Институт необходимой обороны в уголовном праве // Экономика и социум. – 2016. – № 11-2 (30).

Сведения об авторе:

Грудинин Никита Сергеевич – доцент кафедры международного права Института международного права и правосудия ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»; nekit-07@mail.ru

**ДОКАЗАННОСТЬ НАЛИЧИЯ ПРОБЛЕМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В КОНЦЕПЦИЯХ ВТОРИЧНЫХ (ТЕКУЩИХ) РОССИЙСКИХ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

***Аннотация:** Настоящая статья посвящена оценке современных нормативных требований к содержанию пояснительных записок к проектам федеральных законов. Используя системный, логический метод, методы описания и обобщения, автор статьи выявляет определенную рассогласованность данных требований и отраслевого понимания значимости информации, которая должна выступать основой для принятия решения законодателем об изменении модели уголовно-правового регулирования общественных отношений, и приходит к выводу о необходимости разработки доктринальных требований к композиции пояснительных записок к проектам вторичных (текущих) уголовных законов с целью их последующего выведения на уровень нормативных.*

***Ключевые слова:** законопроект, композиция, концепция уголовного закона, научные исследования, пояснительная записка, правоприменительная практика, социологические исследования, статистические данные, уголовно-правовое регулирование.*

Текущая законопроектная деятельность в уголовно-правовой сфере предполагает подготовку и направление субъектами права законодательной инициативы (ч.1 ст.104 Конституции РФ) в Государственную Думу Федерального Собрания РФ (далее – ГД РФ) следующих документов, предусмотренных ч.1 ст.105 постановления ГД РФ от 22 января 1998 г. №2134-П «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в ред. 15 декабря 2020 г. (далее – Регламент ГД РФ): текст законопроекта (п. «б»); пояснительная записка к законопроекту (п. «а»); перечень законов Российской Федерации и законов РСФСР, федеральных конституционных законов, федеральных законов и иных нормативных правовых актов РСФСР и Российской Федерации, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению или принятию в связи с принятием данного федерального закона (п. «в»); финансово-экономическое обоснование в случае «внесения законопроекта, реализация которого требует материальных затрат» (п. «г»); официальные отзывы Правительства РФ и Верховного Суда РФ (п. «к»).

Согласно п. «а» ч.1 ст.105 Регламента ГД РФ содержание пояснительной записки к законопроекту – «предмет законодательного регулирования и изложение концепции предлагаемого законопроекта». При этом содержание самой концепции законопроекта раскрывается не в Регламенте ГД РФ, а в Рекомендациях по подготовке и оформлению проектов федеральных законов, утв. Письмом Минюста РФ от 23 февраля 2000 г. №1187-ЭР (далее – Рекомендации 2000 г.), и в Постановлении Правительства РФ от 02 августа 2001 г. N 576 "Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов" (далее – Основные требования 2001 г.) в ред. от 13 марта 2015 г.

К сожалению, нормативные предписания Рекомендаций 2000 г. и Основных требований 2001 г. характеризуются бессистемностью и некоторой противоречивостью, не позволяя составить четкое представление о требованиях к содержанию концепции законопроекта, описываемой в пояснительной записке. Указанное приводит к произволу в определении субъектами права законодательной инициативы содержания пояснительных записок к законопроектам, к композиционному хаосу при их составлении, к фактическому отсутствию описания в пояснительных записках собственно концепций [8, с.304].

Независимо от отраслевой принадлежности законопроекта логика изложения его концепции в пояснительной записке к законопроекту предполагает выделение в ней следующих композиционных групп сведений: (1) информацию о законотворческой идее субъекта права законодательной инициативы; (2) информацию о наличии проблемы правового регулирования; (3) информацию о предлагаемом способе устранения выявленной проблемы правового регулирования. Представленные ниже для обсуждения систематизированные требования к изложению в пояснительной записке к проекту вторичного (текущего) уголовного закона информации о наличии проблемы уголовно-правового регулирования основаны на нормативных предписаниях Рекомендаций 2000г. и Основных требований 2001 г., уточнены и дополнены рядом параметров, необходимых для уголовно-правовой сферы.

Согласно п.1.5 ст.1 «Определение предмета и вида закона» Рекомендаций 2000 г., «приступая к работе над законопроектом, важно всесторонне оценить необходимость издания закона», в т.ч.

«уяснить, имеется ли в действительности проблема, требующая принятия законодательных решений на федеральном уровне» (пп.1.5.1). Таким образом, п.1.5 ст.1 «Определение предмета и вида закона» Рекомендаций 2000 г. обозначает цель деятельности субъекта права законодательной инициативы на предпроектной стадии, но не содержит требований к описанию выявленной проблемы в тексте пояснительной записки. В пп.2.8.3 п.2.8 ст.2 «Этапы подготовки законопроектов» Рекомендаций 2000 г. регламентируется уже содержание концепции законопроекта и говорится о том, что «в концепции даются анализ причин и условий недостаточно эффективного действия норм, подлежащих отмене или совершенствованию». Иными словами, пояснительная записка к проекту вторичного (текущего) уголовного закона должна содержать информацию о наличии проблемы уголовно-правового регулирования, поясняя тем самым, выражаясь словами В.Б. Исакова, «первоначальные истоки идеи» [2, с.60] о необходимости его разработки и принятия. При этом перечислять возможные типы проблем, как это сделано в п.3 Основных требований 2001 г. («пробелы и противоречия в действующем законодательстве, наличие устаревших норм права, фактически утративших силу, а также неэффективных положений, не имеющих должного механизма реализации»), в нормативно-правовом акте, регламентирующем порядок составления пояснительной записки к законопроекту, отражающей концепцию закона, нет необходимости, поскольку их перечень не может являться исчерпывающим.

За констатацией наличия определенных «лакун правового регулирования» [3, с.28] в пояснительной записке к законопроекту должны следовать доказательства их наличия.

В п.1.5 ст.1 «Определение предмета и вида закона» Рекомендаций 2000 г. названы не виды соответствующих доказательств, а источники информации, которые следует изучать субъектам права законодательной инициативы на предпроектной стадии при разработке концепции законопроекта. Данный пробел целесообразно устранить. Опираясь на действующие положения Рекомендаций 2000 г., - скорректировать их и установить четкие нормативные требования к видам доказательств наличия определенной проблемы правового регулирования, которые должны быть отражены в пояснительной записке к законопроекту.

Согласно пп.1.5.6 п.1.5 ст.1 «Определение предмета и вида закона» Рекомендаций 2000 г. при разработке концепции законопроекта необходимо «ознакомиться с практикой применения действующих нормативных правовых актов». О том, как именно соответствующая практика должна быть отражена в тексте пояснительной записки к законопроекту при изложении в ней концепции закона, Рекомендации 2000 г. не говорят. В то же время п.3 Основных требований 2001 г. указывает, что общая характеристика состояния правового регулирования в концепции законопроекта «должна... содержать анализ соответствующей российской и зарубежной правоприменительной практики». Очевидно, что нормативное требование анализа зарубежной правоприменительной практики не вяжется с задачей сбора информации о наличии проблемы правового регулирования в Российской Федерации. Подобный анализ возможен при сборе совершенно иной информации – о предлагаемом способе устранения выявленной проблемы правового регулирования. Подтверждать же наличие в Российской Федерации определенной проблемы правового регулирования необходимо данными российской правоприменительной практики. И это не должны быть частные примеры, не обладающие свойствами системы [7, с.541]. Государство не должно включать «режим скоростной динамики нормативного реагирования в ответ на возникновение законодательного повода, в том числе на конъюнктурные и даже случайные события» [1, с.30-31].

Частными случаями судебно-следственной практики не следует иллюстрировать даже приводимые в пояснительных записках к законопроектам в уголовно-правовой сфере статистические данные, как это сделано, например, в Пояснительной записке к законопроекту № 1142948-7 (субъект права законодательной инициативы – Правительство РФ), впоследствии воплотившемуся в Федеральный закон от 01 июля 2021 г. «О внесении изменения в статью 264-1 Уголовного кодекса Российской Федерации» №258-ФЗ. В данном документе статистические данные за 2016-2020 гг. о количестве преступлений, предусмотренных ст.264.1 УК РФ, с указанием среди них % преступлений, совершаемых лицами повторно (содеянное не является рецидивом) и демонстрирующие устойчивую тенденцию к росту данных преступлений зачем-то перемежаются с описаниями многочисленных конкретных примеров правоприменительной практики: «в июле 2019 г. на территории Брянской области гражданин К., будучи судимым по статье 264.1 УК, вновь управлял автомобилем в состоянии алкогольного опьянения и по его вине произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого погиб он сам, а также трое людей, среди которых двое несовершеннолетних», и т.д.

Статистические данные российской правоприменительной практики должны быть приведены в тексте пояснительной записки к проекту вторичного (текущего) уголовного закона за относительно продолжительный актуальный период времени (желательно, не менее 3-х лет в обратном отсчете, чтобы отследить динамику). Кроме того, эти данные должны быть не внутривнутрирегиональными, а общероссийскими, полученными из достоверных официальных источников. Соответственно, нормативное требование к их изложению может выглядеть следующим образом: информация о наличии проблемы уголовно-правового регулирования должна быть подтверждена в пояснительной записке к проекту вторичного (текущего) уголовного закона официальными статистическими данными российской правоприменительной практики за период не менее 3-х лет.

Статистические данные должны приводиться в подтверждение существования проблемы уголовно-правового регулирования. Однако, например, в Пояснительной записке к законопроекту №1099900-7 (субъект права законодательной инициативы - Правительство РФ), впоследствии воплотившемся в Федеральный закон от 01 июля 2021 г. «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» №241-ФЗ, статистика совершения преступлений, предусмотренных ст.195-196 УК РФ за период 2017-2019 гг., не свидетельствующая об увеличении их количества, «живет своей жизнью» без какой-либо связи с законотворческими идеями субъекта права законодательной инициативы (усиление ответственности арбитражного управляющего и председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора) за неправомерные действия при банкротстве; повышенные ответственности за неправомерные действия при банкротстве и преднамеренное банкротство, совершенные контролирующим должника лицом либо его руководителем, с использованием служебного положения, а также группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; повышение эффективности противодействия преступлениям в сфере банкротства за счет раскрытия реальных бенефициаров преступного бизнеса посредством освобождения от уголовной ответственности лица, содействовавшего расследованию неправомерных действий при банкротстве).

Следует отметить, что статистические данные, которые должны приводиться в пояснительной записке к законопроекту могут касаться не только правоприменительной практики, но и иных аспектов выявленной проблемы правового регулирования. Так, если какая-то область общественных отношений еще не являлась предметом уголовно-правового регулирования, разработчик концепции вторичного (текущего) уголовного закона должен указать в пояснительной записке причины возникновения целесообразности такого регулирования с опорой на данные, например, судебной практики по делам об административных либо гражданско-правовых правонарушениях. При этом распространенность какого-либо антиобщественного деяния сама по себе не является доказательством того, что оно должно стать уголовно наказуемым. «Уголовное право – этой крайние меры воздействия за крайне негативное общественное поведение» [4, с.183], а, следовательно, оно должно быть задействовано только в том случае, когда имеется не просто распространяющееся, но именно «крайне негативное общественное поведение» [5, с.602-603]. Данная позиция основана на так называемом базовом принципе криминализации, сущность которого заключается в том, что криминализируемое деяние должно обладать общественной опасностью, требующей принятия мер именно уголовно-правового реагирования [6, с.108-128]. Рассматриваемый принцип криминализации находит подтверждение и в практике Конституционного Суда РФ. Так, согласно п.2 (абз.2) Постановления Конституционного суда РФ от 25 апреля 2001 г. "По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А.Шевякова" №6-П: «государство вправе устанавливать уголовную ответственность за общественно опасные деяния, которые в силу своей распространенности причиняют существенный вред и не могут быть предотвращены с помощью иных правовых средств».

Одним из положительных примеров обоснования введения уголовной ответственности за общественно опасные деяния, не являвшиеся преступными, может служить Пояснительная записка к законопроекту №1112250-7 (субъект права законодательной инициативы – Правительство РФ), впоследствии воплотившемся в Федеральный закон от 01 июля 2021г. «О внесении изменений в статью 194 Уголовного кодекса Российской Федерации» №248-ФЗ. Законотворческая идея – установление уголовной ответственности за неисполнение (недобросовестное исполнение) обязанности по уплате антидемпинговых, компенсационных и иных специальных пошлин, предусмотренных Приложением №8 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., в целях защиты экономических интересов товаропроизводителей ЕАЭС и предотвращения материального ущерба конкретным отраслям экономики государств - членом ЕАЭС за счет создания условий, способствующих снижению вероятно-

сти появления задолженностей по уплате данных пошлин. Пояснительная записка содержит подробнейшее описание общественной опасности неуплаты пошлин, в т.ч.: «намеренное причинение прямого экономического ущерба Российской Федерации, создающего условия для недобросовестной конкуренции между товарами иностранного происхождения и аналогичной отечественной продукцией, сокращения отечественного производства товаров, замедления развития его инфраструктурной базы и расширенного воспроизводства, уменьшения количества рабочих мест с соответствующим отрицательным влиянием на социальные процессы в стране»; «сокращение доходной части федерального бюджета и сокращение производства аналогичной отечественной продукции как непосредственно в отрасли, которой причиняется ущерб, так и в смежных отраслях экономики, например, поставляющих сырье или комплектующие для нее» и т.д. Из представленного в пояснительной записке описания общественной опасности неуплаты антидемпинговых, компенсационных и иных специальных пошлин делается вывод о существовании проблемы уголовно-правового регулирования, подкрепленный статистическими данными об уплате и неуплате соответствующих пошлин участниками внешнеэкономической деятельности за 2018-2020 гг.

Однако чаще в законотворческой практике встречаются отрицательные примеры.

Итак, в пп.1.5.7 п.1.5 ст.1 «Определение предмета и вида закона» Рекомендаций 2000г. говорится о том, что при разработке концепции законопроекта необходимо «проанализировать... соответствующие статистические данные». П.3 Основных требований 2001 г. указывает, что «общая характеристика состояния правового регулирования должна... содержать результаты проведения статистических исследований». В этой связи итоговое нормативное требование к изложению «статистических доказательств» может выглядеть следующим образом: информация о наличии проблемы уголовно-правового регулирования должна быть подтверждена в пояснительной записке к проекту вторичного (текущего) уголовного закона официальными статистическими данными российской правоприменительной практики и иными результатами проведения статистических исследований за период не менее 3-х лет.

Согласно пп.1.5.7 п.1.5 ст.1 «Определение предмета и вида закона» Рекомендаций 2000 г. при разработке концепции законопроекта необходимо «проанализировать... результаты опроса общественного мнения». П.3 Основных требований 2001 г. указывает, что «общая характеристика состояния правового регулирования должна... содержать результаты проведения... социологических исследований». Нормативное требование к изложению «социологических доказательств» наличия определенной проблемы уголовно-правового регулирования может выглядеть следующим образом: информация о наличии проблемы уголовно-правового регулирования должна быть подтверждена в пояснительной записке к проекту вторичного (текущего) уголовного закона результатами проведения общих и специальных социологических исследований. При этом общими социологическими исследованиями следует считать опросы граждан, не являющихся участниками уголовно-правовых отношений, специальными социологическими исследованиями - опросы участников уголовно-правовых отношений (виновные (в т.ч. осужденные, ранее судимые и т.д.), потерпевшие, представители правоохранительной и судебной системы).

Следует отметить, что выявленное в ходе проведения общих социологических исследований недовольство населения существующей моделью уголовно-правового регулирования само по себе не может являться доказательством наличия самой проблемы уголовно-правового регулирования, поскольку недовольство населения может быть обусловлено иными факторами (например, недостаточная информированность о работе правоохранительной системы). Но, взятые в комплексе со статистическими данными российской правоприменительной практики и иными результатами проведения статистических исследований, общие социологические исследования способны наглядно продемонстрировать причины существования данной проблемы.

Но нельзя подменять результаты социологических исследований собственными «правовыми ощущениями» субъекта права законодательной инициативы. Так, в Пояснительной записке к законопроекту № 1142948-7 (субъект права законодательной инициативы – Правительство РФ), впоследствии воплотившемуся в Федеральный закон от 01 июля 2021 г. «О внесении изменения в статью 264-1 Уголовного кодекса Российской Федерации» №258-ФЗ, в отношении управления транспортными средствами в состоянии опьянения утверждается, что «на бытовом уровне подобные нарушения продолжают ассоциироваться с незначительным правонарушением и лица, злоупотребляющие алкогольными напитками, будучи уверенными, что не понесут ощутимой ответственности, вновь садятся пьяными за руль».

Согласно пп.1.5.7 п.1.5 ст.1 «Определение предмета и вида закона» Рекомендаций 2000 г. при разработке концепции законопроекта необходимо «проанализировать предложения ученых».

Однако данное нормативное требование не вяжется с задачей сбора информации о наличии проблемы правового регулирования. Проанализировать предложения ученых необходимо при сборе совершенно иной информации – о способе устранения выявленной проблемы правового регулирования. Здесь же речь должна идти об анализе позиций ученых относительно существования определенной проблемы правового регулирования, т.е. о научных доказательствах ее существования.

П.3. Основных требований 2001 г. упоминает «результаты проведения... политологических исследований». Однако представляется, что ограничиваться какими-либо видами научных исследований, как и перечислять их в нормативно-правовом акте нет необходимости.

В этой связи итоговое нормативное требование к изложению научных доказательств может выглядеть следующим образом: информация о наличии проблемы уголовно-правового регулирования должна быть подтверждена в пояснительной записке к проекту вторичного (текущего) уголовного закона результатами проведения научных исследований.

Однако делать это следует не так, как в Пояснительной записке к законопроекту №875984-6 (субъект права законодательной инициативы - группа депутатов ГД РФ), впоследствии воплотившемуся в Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. «О внесении изменений в статью 303 Уголовного кодекса Российской Федерации» №71-ФЗ. В качестве проблемы уголовно-правового регулирования в данном документе указывается отсутствие уголовной ответственности за фальсификацию доказательств по административным делам и делам об административных правонарушениях. Однако все доказательства ее наличия исчерпываются ссылкой на Научно-практическое пособие по применению УК РФ под редакцией В.М. Лебедева (М.: НОРМА, 2005), в котором «высказывалось мнение о необходимости введения уголовной ответственности за такие деяния ввиду того, что их общественная опасность не меньше чем общественная опасность фальсификации доказательств по гражданским делам». В данном случае вместо реальной аналитики актуальных научных исследований по проблематике законопроекта наблюдается лишь обрывок информации из издания более, чем 10-летней давности по сравнению с годом разработки концепции законопроекта, что не может не вызывать возражений.

Итак, 2-я композиционная группа сведений, содержащихся в пояснительной записке к проекту вторичного (текущего) уголовного закона должна не только указывать на существование проблемы уголовно-правового регулирования, но и содержать следующие доказательства, подтверждающие ее наличие:

1. официальные статистические данные российской правоприменительной практики и иные результаты проведения статистических исследований за актуальный относительно продолжительный период (не менее 3-х лет);
2. результаты проведения общих и специальных социологических исследований;
3. результаты проведения научных исследований.

Недоказанность в пояснительной записке к проекту вторичного (текущего) уголовного закона наличия проблемы уголовно-правового регулирования должна рассматриваться, как основание для отказа в рассмотрении законопроекта ГД РФ.

Систематические обращения научной общественности в адрес законодателя и субъектов права законодательной инициативы с призывами упорядочить законопроектную деятельность с течением времени должны привести к положительному результату. Однако данным обращениям должно предшествовать доктринальное признание комплекса требований к содержанию и композиции отраслевых пояснительных записок к законопроектам. Соответствующие требования должны быть единообразно описаны в научной и учебной литературе. Только наведя порядок в науке и упорядочив нормативную регламентацию требований к содержанию концепции вторичных (текущих) уголовных законов, мы сможем навести порядок в уголовном законодательстве, исключив его необоснованную новеллизацию.

Список цитируемой литературы:

1. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века: Монография/ М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. М.: Юрлитинформ, 2020. – 208 с.
2. Законодательная техника: Научно-практ. пособие/ Под ред. Ю.А.Тихомирова. М.: Городец, 2000. – 272 с.
3. Козаев Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: Автореф. дис... д-ра юр.наук: 12.00.08/ Н.Ш. Козаев. Краснодар, 2016. – 62 с.
4. Козлов А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций: Монография. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1998. – 406 с.

5. Курсаев А.В. Отрицательные аспекты новеллизации уголовного закона/ А.В. Курсаев // Юридическая техника. 2021. №15. С.600-607
6. Лопашенко Н. А. Уголовная политика/ Н.А. Лопашенко. М.: Волтерс Клувер, 2009. - 579 с.
7. Тихонова С.С. Пояснительная записка к законопроекту в уголовно-правовой сфере: значение в процессе современного правотворчества/ С.С.Тихонова// Юридическая техника. 2012. №6. С.537-546.
8. Тихонова С.С. Проблематика уголовно-правового регулирования в пояснительных записках к проектам вторичных (текущих) уголовных законов: современное состояние и перспективы/ С.С. Тихонова// Юридическая орбита. 2021. №1. С.302-308.

Сведения об авторе:

Тихонова Светлана Сергеевна – доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент; sstikhonova@yandex.ru

Никонова Л.И.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

***Аннотация:** Государственный Совет Российской Федерации в его современном статусе, хотя и сохраняет историческое название органа, созданного в 1810 г. по инициативе М.М. Сперанского, сильно отличается от всех предшествующих государственных советов. Конституционные поправки 2020 г. в совокупности с федеральным законодательством полностью изменили его правовой статус, сделав его ключевым органом «стратегического планирования», формируемым Президентом Российской Федерации для реализации его конституционных полномочий в области внутренней и внешней политики, социально-экономического развития государства, функционирования и согласованного взаимодействия всей системы публичной власти.*

***Ключевые слова:** Государственный Совет, глава государства, публичная власть, совещательный орган, конституционный государственный орган*

Отдавая дань памяти одному из известнейших в истории имперской России государственных деятелей и реформаторов Михаилу Михайловичу Сперанскому, в первую очередь, хочется обратить внимание на историко-правовой опыт деятельности Государственного совета, являющегося одним из его важнейших конституционных проектов, воплощённых в практику государственного управления. Актуализация интереса к данному государственному институту вызвана, в том числе и конституционными реформами 2020 г., одной из которых стало придание нового конституционного статуса современному Государственному Совету Российской Федерации.

Анализируя российскую историю, О.А. Кожевников пишет, что после конституционных поправок 2020 г. Государственный Совет Российской Федерации стал шестым по счету (с 1810 г.) среди существовавших когда-либо органов с подобным названием. Автор отрицает наличие в этих шести государственных институтах какой-либо преемственности или возможности проведения параллелей [10, с.60].

И.И. Кузнецов, напротив, отмечая символичность Государственного совета как совещательного органа при главе государства в 2000 – 2004 годах, охарактеризовал его в определённом смысле как «исторический римейк». По мнению автора, первоначально являясь «органом представительства российских регионов, и не входя в систему законодательной власти», он во многом напоминал исторический опыт монархического периода России [11, с. 18].

Ретроспективный анализ деятельности Государственного совета, образованного в соответствии с Манифестом императора Александра I от 1 января 1810 г. «Образование Государственного совета» [6], достаточно подробно представлен в историко-правовой науке [8, 9, 13, 14 и др.]. Причем, большинство ученых сходятся во мнении, что Государственный совет, созданный по инициативе Президента Российской Федерации в 2000 г. Указом Президента РФ № 1602 «О Государственном совете Российской Федерации» [5], нельзя было назвать аналогом своего исторического предшественника. В то же время, выделяется схожесть целей и задач со-

здания обоих органов, направленных на укрепление власти главы государства и повышение эффективности организации работы государственного аппарата, особенно в первый период деятельности имперского Государственного совета с 1810 по 1906 гг., пока он не трансформировался в верхнюю палату российского парламента.

Так, Т.Н. Михеева считает, что задачи, определенные Указом Президента РФ № 1602, среди которых рассмотрение по предложению Президента России проектов федеральных законов и указов Президента, имеющих общегосударственное значение; обсуждение проектов федеральных законов о федеральном бюджете и информации Правительства Российской Федерации о ходе его исполнения содержательно близки к «делам, подлежащим уважению Государственного совета», перечисленным в п. 29 Манифеста [6]. По порядку формирования и организации работы Государственного совета РФ автор также отмечает, что его председателем являлся глава государства, для оперативного решения вопросов Президентом РФ формировался Президиум Государственного совета, а для подготовки материалов к заседаниям создавались постоянные и временные комиссии и рабочие группы, что схоже с разделением на департаменты имперского Государственного совета. Члены Государственного совета Российской Федерации осуществляли свою работу, в отличие от членов Государственного Совета Российской империи, на общественных началах [13, с. 53].

За двадцатилетний период деятельности без «законодательного оформления» Государственный совет Российской Федерации выполнял совещательно-консультативные функции при Президенте России, а персональный состав его членов подвергался многократной ротации, обусловленной кадровыми решениями как на федеральном, так и на региональном уровнях [7].

Последние конституционные поправки существенно изменили правовой статус этого органа. Как отмечает А.Н. Медушевский, одной из важнейших конституционных новелл 2020 г. стала легализация «нового конституционного института» – Государственного Совета, ставшего «институциональным выражением единства публичной власти» в Российской Федерации [12, с. 22].

Следует согласиться с точкой зрения О.А. Кожевникова, что в 2020 г. произошла не просто эволюция или трансформация Государственного Совета, созданного в 2000 г. Указом Президента РФ № 1602, а образование уникального совершенного нового государственного органа [10, с. 69]. Если до конституционных поправок 2020 г. Государственный Совет был формализован как «совещательный орган, содействующий реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти», то теперь согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» [2] он представляет собой «конституционный государственный орган, формируемый Президентом Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства».

Такая дефиниция уже не позволяет рассматривать его как совещательный орган, например, как Совет Безопасности Российской Федерации, чья консультативная функция при Президенте России закреплена в ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» («конституционный совещательный орган, осуществляющий содействие главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства...») [3].

Придание конституционного статуса Государственному Совету в отличие, например, от Администрации Президента РФ (государственный орган, обеспечивающий деятельность главы государства и осуществляющий контроль за исполнением его решений) [4], формирование которой было предусмотрено еще при принятии Основного закона России в 1993 г., позволяет сказать, что сегодняшний Государственный Совет РФ поднялся на «качественно иной уровень», чем существовавший до этого совещательный орган [13].

Т.Н. Михеева связывает такие изменения с тем, что впервые кроме определения статуса и организационно-правовых основ формирования и деятельности Государственного Совета, законодательно определено понятие единой системы публичной власти, включающей в себя федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления, осуществля-

ющие свою деятельность на основе принципов согласованного функционирования, организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, включая вопросы передачи полномочий между уровнями публичной власти, в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства.

Статья 9 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ конкретизирует субъектный состав Государственного Совета, включая в него представителей законодательной (председатели палат Федерального Собрания РФ) и исполнительной (Председатель Правительства РФ и высшие должностные лица субъектов РФ) ветвей власти. Тем самым, по мнению А.Н. Медушевского, осуществлена «инкорпорация ветвей власти» в единую систему публичной власти «вершиной и воплощением которой оказывается глава государства» [12]. Возникает закономерный вопрос о реализации на практике конституционной нормы о самостоятельности ветвей власти. В данном контексте следует отметить и представителей политических партий, имеющих фракции в Государственной Думе Федерального Собрания России, олицетворяющих собой законодательную власть.

Требуется уточнения еще один вариативный аспект субъектного состава Государственного Совета РФ. Согласно ч. 2 ст. 9 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ по инициативе Президента РФ в его состав могут быть включены представители местного самоуправления. Такая формулировка с учетом изменений ч. 1.1 ст. 131 Конституции России [1] не позволяет ясно установить: должны ли это быть представители местного самоуправления, напрямую избираемые населением, или это могут быть назначаемые органами государственной власти должностные лица местного самоуправления.

Полагаем, важно обратить внимание на пробельность законодательного регулирования в отношении решений, принимаемых Государственным Советом. В соответствии с ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «в случае принятия Государственным Советом решения о необходимости принятия федерального конституционного закона, федерального закона или внесения в них изменений, внесения поправок в проект федерального конституционного закона или федерального закона проект соответствующего акта вносится в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации». Следует согласиться с Е.С. Тихоновой, что данная норма вступает в противоречие с ч. 1 ст. 104 Конституции России, в которой среди субъектов законодательной инициативы Государственный Совет отсутствует [16, с. 61]. Законодательно не определено (в отличие от ст. 18 Указа Президента РФ № 1602), что решения Государственного Совета будут вноситься в порядке законодательной инициативы самого Президента России, либо они должны вноситься по рекомендации Государственного Совета РФ правительством или палатами парламента.

На обновленный статус Государственного Совета РФ также указывает одна из принципиально новых целей его создания, что установлено и конституционной (пункт «е.5» ст. 83 Конституции РФ), и законодательной (пп. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ) нормами. В отличие от задач, определявших направления деятельности Государственного Совета согласно Указа Президента РФ № 1602 от 2000 г., сегодняшний «конституционный государственный орган» наделен не только внутривластными полномочиями, заключающимися в содействии реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти; укреплению и развитию основ федеративного устройства России; обеспечении баланса власти между федеральным центром и субъектами Федерации; вовлечении в процесс управления государством и решения политических, экономических и социально значимых задач государства и общества всех уровней публичной власти, институтов политической системы и гражданского общества, но и внешнеполитическими полномочиями.

Таким образом, первоначально созданный в 2000 г. как совещательный орган, призванный обеспечивать единообразие государственной политики между центром и субъектами Российской Федерации, после конституционных поправок 2020 г. Государственный Совет РФ становится одним из ключевых органов «стратегического планирования» в области внутренней и внешней политики, социально-экономического развития государства, функционирования и согласованного взаимодействия всей системы публичной власти.

В этой связи, очень точно подходят слова М.М. Сперанского о цели создания Государственного Совета Российской империи: «Порядок и единообразие государственных дел требуется, чтоб было одно средоточие для общего их соображения» [15].

Резюмируя, отметим, что конституционные изменения 2020 г. в совокупности с нормами Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ, создали правовую основу для существования принципиально нового государственного органа, отличающегося от всех предшествующих государственных советов, в том числе и периода монархической России.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета, 1993. № 237, 25 декабря; «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 4 июля 2020 г.
2. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020 г. № 50 (часть III). Ст. 8039.
3. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (с изм. и доп. от 9 ноября 2020 г. № 365-ФЗ) «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2; 2020. № 46. Ст. 7209.
4. Указ Президента РФ от 6 апреля 2004 г. № 490 (с изм. и доп. от 7 марта 2020 г. № 173) «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 15. Ст. 1395; 2020. № 10. Ст. 1322.
5. Указ Президента РФ от 1 сентября 2000 г. № 1602 «О Государственном совете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 36. Ст. 3633.
6. Манифест «Образование Государственного совета» 1 января 1810 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988; URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3070/> (дата обращения: 12.01.2022)
7. Зикеев В. Государственный Совет Российской Федерации: путь к обретению конституционного статуса [Электронный ресурс] // Zakon.ru. 02 октября 2020; URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/2/gosudarstvennyj_sovet_rossijskoj_federacii_put_k_obreteniyu_konstitucionnogo_statusa (дата обращения 12.01.2022)
8. Карева А.В. Традиции и новации в истории отечественной государственности: план государственных преобразований М.М. Сперанского // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2013. № 1 (38). С. 29-38.
9. Кодан С.В. Государственный совет в законотворческой деятельности Российского государства (1800-1850-е гг.) // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 186-185.
10. Кожевников О.А. Конституционно-правовой статус Государственного Совета Российской Федерации в зеркале современных конституционных преобразований / О.А. Кожевников, А.В. Безруков, А.Н. Мещеряков // Правоприменение. 2021 Т. 5. № 3 С. 57-74.
11. Кузнецов И.И. Государственный Совет в системе власти Российской Федерации 2000-2004 годов // Вестник Волжской академии государственной службы. 2004. № 7. С. 10-19.
12. Медушевский А.Н. Конституционная реформа – 2020 с позиций теории легитимности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 4. С. 15-30.
13. Михеева Т.Н. Государственный Совет Российской Федерации: история и современность // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 4. С. 51-55.
14. Романенко К.Е. Исторические аспекты создания Государственного Совета в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 3. С. 111-116.
15. Сперанский М.М. Записка «О необходимости учреждения Государственного Совета» / [Электронный ресурс]// РГИА. Ф. 1148. Оп. 1. 1810 г. Д. 16. Л. 1, 2 об. 3; URL: <http://karamzin.rusarchives.ru/dokumenty/chernovaya-zapiska-mm-speranskogo-o-neobhodimosti-uchrezhdeniya-gosudarstvennogo-soveta> (дата обращения: 12.01.2022)
16. Тихонова Е.С. К вопросу о конституционно-правовом статусе Государственного Совета Российской Федерации // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 4 (11). С. 53- 62.

Сведения об авторе:

Никонова Людмила Ивановна – доцент кафедры конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; Nikonova@bsu.edu.ru

Логвинец Е.А., Каторгина Н.П.
ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ – ИНТЕРПОЛ

***Аннотация:** В статье рассматриваются актуальные направления международного сотрудничества в борьбе с преступностью на примере Международной организации уголовной полиции – Интерпол. Обращено внимание на современные возможности данной организации, охарактеризована ее роль во взаимодействии государств-членов, анализируется нормативная основа взаимодействия с правоохранительными органами Российской Федерации. Проведенное исследование позволило оценить дальнейшие перспективы международного сотрудничества в области криминалистической деятельности.*

***Ключевые слова:** международное сотрудничество, Международная организация уголовной полиции – Интерпол, Национальное центральное бюро, криминалистическая деятельность, криминалистические учеты.*

Значительный рост в конце XX – в начале XXI веков транснациональных преступлений, обусловленных экономическими, научно-техническими и социальными причинами, обосновано вызвал необходимость подготовки концептуальных основ международного сотрудничества Российской Федерации и европейских государств в области криминалистической деятельности. Реализация такого сотрудничества выразилась в принятии различных нормативных правовых актов.

Так, за последнее время Российской Федерацией подписаны и ратифицированы такие международные акты, как: Конвенция против транснациональной организованной преступности (Нью-Йорк, 15 ноября 2000 г.); Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 7 октября 2002 г.); Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (СЕТС № 198) (Варшава, 16 мая 2005 г.); Конвенция о борьбе с фальсифицированной медицинской продукцией и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения ЕТС № 211 (Москва, 28 октября 2011 г.) и другие.

Международное сотрудничество с правоохранительными органами других государств Российская Федерация осуществляет с момента вступления в юридическую силу указа Президента Российской Федерации от 30 июля 1996 г. № 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола». В соответствии со ст. 2 Конституции Интерпола (вст. в силу 13 июня 1956 г., с изм. по сост. на 2017 г.) [1] целями данной организации являются сотрудничество всех органов уголовной полиции в соответствии с действующим законодательством страны и Всеобщей Декларацией прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.), а также создание и развитие подразделений, направленных на предупреждение преступлений. Основопологающей задачей Интерпола выступает объединение усилий национальных правоохранительных органов стран-участников в борьбе с преступностью.

Для обеспечения непрерывной взаимопомощи полицейских служб государств-членов каждая страна определяет специальный орган – Национальное центральное бюро, которое на внутригосударственном уровне взаимодействует с правоохранительными и судебными органами, на международном уровне – с Национальным центральным бюро других государств-участников и Генеральным секретариатом Интерпола. В соответствии с приказом МВД России от 31 марта 2012 г. № 305 «Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации» регламентированы место и статус бюро в системе МВД России, задачи, функции, полномочия, организация и обеспечение его деятельности.

Деятельность Интерпола осуществляется на основании установленных правил Интерпола по обработке данных (INTERPOL's Rules on the Processing of Data. III/IRPD/GA/2011 (2019) [2]). Данные правила содержат нормы, регулирующие общие принципы международного сотрудничества, правовое положение участников, процедуру обработки и использования полученных сведений, надзор и мониторинг за пользователями и информацией и иные положения. Правила по обработке данных регламентируют международный обмен криминалистически значимой информацией между 194 странами-участниками. Указанные правила определяют возможность использования современных информационных технологий, которые направлены на соблюдение прав человека. Интерпол не вправе вмешиваться в дела, связанные с политической, военной, религиозной или расовой направленностью.

В базах данных Интерпола можно осуществлять поиск в режиме реального времени в рамках расследований преступлений странами-участниками. Доступ к информационной поисковой системе осуществляется через электронную сеть, которая связывает правоохранительные органы всех государств-участников и позволяет авторизованным пользователям обмениваться конфиденциальной информацией со своими коллегами по всему миру.

Информация, поступающая в Интерпол, обрабатывается и используется для создания, ведения криминалистических учетов. Базовыми идентификационными элементами таких учетов выступают общедемографические признаки человека, внешние характеристики объекта, способы совершения преступления, специфические приметы человека и другие.

Криминалистические учеты Интерпола сформированы в видекартотек, таких как: алфавитная; сведения о внешности преступников; дактилоскопическая; фототека; лица, пропавшие без вести, и неопознанные трупы; документы; поддельные деньги и иные платежные средства с номерными данными; способы совершения преступлений; похищенные транспортные средства, произведения искусства, культурные ценности и антиквариата, ювелирные изделия; ручное нарезное огнестрельное оружие. Генеральный секретариат Интерпола пополняет указанные учеты оперативной информацией и предоставляет доступ к ней уполномоченным пользователям в соответствии с Правилами по обработке данных.

Запросы Генерального секретариата и Национального центрального бюро государств-членов, непосредственно поступают руководителю бюро своей страны. Данную информацию маркируют по категориям опасности. Генеральный Секретариат Интерпола выпускает так называемые цветные уведомления («карточки»), правый верхний угол которых маркируется соответствующим цветом: красным, желтым, синим, зеленым, фиолетовым, черным, оранжевым. Кроме того, одним из видов «карточек» является уведомление Совета безопасности Организации объединенных наций, которое информирует членов Интерпола о том, что физическое или юридическое лицо подлежит санкциям ООН.

При участии Национального центрального бюро Интерпола МВД России разработано уведомление с серебряным углом [3], которое используют для борьбы с преступлениями, связанными с отмыванием доходов.

Членство в организации дает возможность пользоваться учетами Интерпола с целью получения справочной, криминалистической и иной информации, сотрудничать с правоохранительными органами государств-участников, опубликовывать криминалистически значимую информацию о разыскиваемых лицах, транспортных средствах, произведениях искусства, культурных ценностях, антиквариата, похищенных и утраченных документах и т.д.

В целях повышения эффективности использования возможностей Международной организации уголовной полиции – Интерпол, реализуются различные формы взаимодействия государств-членов с представителями данной организации. В частности, проводятся совместные конференции по изучению отдельных проблемных вопросов в области криминалистической деятельности. Так, за последние пять лет международные конференции по обмену опытом были проведены в Сингапуре («Инновационное содействие противодействию угрозам безопасности», 2017 г.), во Франции («На пути к современной полицейской деятельности – будущее сегодня», 2018 г.), в Польше (47-я Европейская региональная конференция Интерпола, 2019 г.), в Москве («Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью», 2019 г.), в Красноярске («Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики», 2021 г.) и другие.

Подводя итог вышесказанному, констатируем, что международное сотрудничество в области криминалистической деятельности должно осуществляться при наличии гибкого управления данной сферой, где сочетаются национальные интересы государств и разные инструменты регулирования такого взаимодействия. Понимание задач, функций, принципов и средств взаимной деятельности по линии Интерпола предоставит правоохранительным и судебным органам государств-участников достичь наибольшей эффективности такого сотрудничества.

Список цитируемой литературы:

1. Constitution of the INTERPOL [I/CONS/GA/1956 (2017)] // INTERPOL. URL: <http://www.interpol.int/AboutINTERPOL/Legal-materials/The-Constitution> (дата обращения: 10.09.2021).
2. INTERPOL's Rules on the Processing of Data. III/IRPD/GA/2011 (2019).URL: <https://www.interpol.int/> (дата обращения: 25.08.2021).

3. AG-2015-RES-01 - Pilot project concerning a new category of notice specifically devoted to the tracing and recovery of assets («Silver Notice») // 84TH INTERPOL GENERAL ASSEMBLY KIGALI, RWANDA, 2-5 NOVEMBER 2015. INTERPOL. URL: <http://www.interpol.int/About-INTERPOL/Structure-and-governance/GeneralAssembly-Resolutions/Resolutions-2010-to-present> (дата обращения: 05.09.2021).

Сведения об авторах:

Логвинец Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; logvinets@bsu.edu.ru

Каторгина Наталья Петровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; inyakova@bsu.edu.ru

Долженко Н.И., Пищулина А.С., Чу Куинь-Чи ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

***Аннотация.** Исследуются актуальные проблемы внедрения инновационных технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность в современных условиях. Применение технологий искусственного интеллекта в судебной системе тесно связано с формализацией, созданием и предложением соответствующих шаблонов в виде программ и алгоритмов. Этот подход сводит к минимуму количество судебных ошибок во время судебного разбирательства, снижает коррупционные риски и дает возможность эффективно решать проблемы в различных сферах правосудия. Однако технологии должны быть тщательно продуманы и адаптированы к специфике нашего национального законодательства и организации судебной системы.*

***Ключевые слова:** инновации, искусственный интеллект в судебной деятельности, формализация судебного процесса, электронное судопроизводство.*

Введение. Современные вызовы преступности являются отражением современных реалий общества, его отдельных проблем и кризисных проявлений, а зачастую и обратных негативных аспектов деятельности отдельных субъектов таких отношений. Преступность сопровождается глобальными проблемами общества в сферах экономики, политики, экологии, обеспечения ресурсами и продовольствием, энергетики, демографии [3, с.14], в том числе значительное влияние оказывает и нынешнее обострение эпидемической ситуации в стране и мире.

Конец прошлого и начало 2020 года ознаменовались тем, что человечество столкнулось с одной из самых опасных угроз XXI века - эпидемией коронавируса Covid-19. 11 марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию из-за вспышки коронавирусной инфекции. Она назвала распространение инфекции «чрезвычайной ситуацией международного значения», назвав ее «глобальной чрезвычайной ситуацией». Такие процессы затронули криминальную деятельность, деятельность правоохранительных органов, национальную безопасность государств в сфере здравоохранения, что привело к появлению новых задач и функций судопроизводства.

Результаты и обсуждение. В условиях пандемии коронавируса и введения национальными правительствами ряда ограничительных мер преступность существенно изменилась, поскольку она приобрела новые черты, тенденции и характеристики. Как показывает практика, уровень уличной преступности значительно снизился, так как улицы патрулировались правоохранительными органами с целью контроля за соблюдением ограничительных мер. В то же время резко возросло количество преступлений, совершенных организованными преступными группировками, связанных с использованием интернет-технологий. За первые восемь месяцев 2019 г. в стране было зарегистрировано 180153 киберпреступлений. Это на 66,8% больше показателя за аналогичный период предыдущего года.

В современных условиях необходим комплексный подход в исследовании проблем создания и применения инновационных средств, приемов и методов в различных видах судопроизводства (уголовном, административном, гражданском, арбитражном), в различных видах юридической практики (следственной, судебной, экспертной, адвокатской, прокурорской и т.д.) и в определенных областях человеческой деятельности, с одной стороны, в уголовной, с другой - в деятельности правоохранительных органов и судов в области борьбы с преступностью [2, с.14].

В связи с этим очень перспективным и инновационным направлением является опыт использования информационных технологий в судебных процессах. Так, власти Китая запустили проект, в котором претензии рассматриваются прямо в мессенджере WeChat, а решение и вердикт по делу выносит искусственный интеллект. Речь идет о так называемых «технологиях», которые создавались в Ханчжоу несколько лет подряд. Этот проект был интегрирован в популярный китайский мессенджер WeChat, который на самом деле представляет собой большую социальную сеть. Только с момента запуска в марте и до конца 2019 года искусственный интеллект обработал более трех миллионов судебных исков и работает до сих пор. Такие судебные заседания проводит виртуальный судья, который перед слушанием спрашивает истца, есть ли у него возражения против разбирательства в электронной форме. Сам процесс проходит в формате видео-чата, а приговор по делу выносит искусственный интеллект. Практика показывает, что чаще всего виртуальный суд рассматривает коммерческие споры в интернете, дела об авторских правах и иски об ответственности за товары в электронной коммерции. Учитывая, что в Китае насчитывается 850 миллионов пользователей интернета, такие «киберсуды» значительно облегчили работу судей. В настоящее время сервис работает в 12 провинциях и регионах страны. По статистике, более 90% китайских судов в той или иной степени используют механизмы разрешения споров с помощью интернета [5, с.147].

На наш взгляд, такой инновационный подход весьма перспективен и, вероятно, во многом определяет будущее судебной системы, возможность внедрения искусственного интеллекта в деятельность судов по принятию решений по определенным категориям дел. Это направление применения инноваций в судопроизводстве может существенно повлиять на ближайшее будущее судов. Однако, такая система должна быть тщательно продумана и адаптирована к специфике нашего национального законодательства и организации судебной системы.

К сожалению, нам не удалось обнаружить источники, раскрывающие принципы и механизмы, по которым работает такая система. Однако очевидно, что такие возможности существуют, поскольку большинство этих судебных процессов (разбирательств), рассматриваемых "киберсудами", являются типичными. А если загрузить прецедентные судебные решения и создать мощную информационную базу таких решений, то искусственный интеллект вполне способен разрешать судебные споры и принимать решения.

При несомненном положительном эффекте, не стоит забывать, что индивидуальность и уникальность судебного разбирательства конкретного преступления, административного правонарушения, гражданского спора, с одной стороны, и невозможность типизации всех возможных ситуаций, версий, задач и предложения для них соответствующих программ, алгоритмов, стандартных судебных решений, с другой, не позволяет говорить о полной "технологичности" т.е. стопроцентной формализации судебного процесса в целом и объективно и законно разрешать все судебные ситуации, в частности.

Кроме того, несовершенство компьютерных программ, алгоритмов и информационных систем может привести к судебным ошибкам и незаконным решениям. В этой связи в такой деятельности по-прежнему важен творческий подход, который, прежде всего, подчеркивает способность адаптировать стандартные рекомендации к условиям конкретного судебного процесса, что невозможно без участия и контроля судьи.

Определенный научный и практический интерес представляют исследования российских ученых, изучающих аспекты внедрения искусственного интеллекта в судебную систему РФ. В частности, переход к электронному судопроизводству, осуществления правосудия в онлайн режиме[4].

К очевидным преимуществам электронной судебной системы можно отнести: своевременность информирования юристов; экономию рабочего времени сотрудников суда; экономию затрат на печать документов и др. Среди его ключевых особенностей на сегодняшний день можно выделить следующие: электронная подача претензионных документов; онлайн-консультация по информации и документам, используемым в судебном процессе; проведение онлайн-встречи; электронные запросы и предоставление электронных копий; возможность использовать определенный адрес электронной почты, на который пользователи системы могут получать информацию из судебной канцелярии или от юристов [4, с. 105]. Кроме того, такой подход, снижает коррупционные риски и дает возможность эффективно решать проблемы в различных сферах правосудия.

Несмотря на все преимущества электронного судопроизводства, необходимо отметить некоторые отрицательные и проблемные моменты. Прежде всего, высок риск потери юридически важной информации, отсутствие «компьютерной грамотности» на уровне квалифицированных пользователей судей и работников судов (что является серьезной проблемой для людей, особенно старшего поколения); разработка и ввод в эксплуатацию соответствующего программного обеспечения;

необходимое техническое оснащение судов. Некоторые исследователи отмечают проблему внедрения электронного правосудия через психологический аспект, поскольку большинство наших граждан по-прежнему предпочитают традиционное «бумажное» правосудие. Очевидно, что следствием виртуализации судебного процесса является доступность судебной информации для широкого круга юридических кругов и других пользователей [3, с. 105].

На сегодняшний день, система электронного правосудия в России еще несовершенна, поскольку переход правосудия в онлайн режим требует системных и продуманных изменений.

Вывод. Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что в современных условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 сегодня поставила перед судебной системой серьезную проблему и сделала приоритетом совершенствование электронного правосудия. Проблема обеспечения доступа к правосудию онлайн стала особенно актуальной во время карантина и подтвердила необходимость применения системы электронного правосудия в стране. В целом ситуация с пандемией ускорила развитие информационных технологий в судах и способствовала совершенствованию электронного правосудия с учетом передового зарубежного опыта и лучших мировых практик.

Список цитируемой литературы:

1. Кушакова-Костицкая Н.В. (2021). Электронное правосудие: зарубежный опыт. Юридический журнал Национальной академии внутренних дел. № 1, 103-109.
2. Шевчук В. М. (2019). Инновационные направления развития криминалистики. Инновационные методы и цифровые технологии в криминалистике, судебной экспертизе и юридической практике: материалы междунар. «круглого стола»: Право, 142-147.
3. Шепитько В. Ю. (2018) задачи криминалистики в условиях глобальных угроз и эволюционных преобразований преступности. наука, обучение, практика: материалы научно-практической конференции Международного конгресса криминалистов (г. Одесса, 13-15 сентября 2018 г.); во 2 т. Т.1. Одесса: Юридическая литература, 14-26.
4. Шепитько В. Ю. (2017). Современное состояние и развитие криминалистики. Правовая доктрина России: в 5 т. X.: Право, 2013. Т. 5: Уголовно-правовые науки в России: состояние, проблемы и пути развития / под общ. ред. В. Я. Тация, В. И. Борисова. 1240 с.
5. Шепитько В. Ю. (2019). Инновации в криминалистике как отражение развития науки. Инновационные методы и цифровые технологии в криминалистике, судебной экспертизе и юридической практике: материалы междунар. «круглого стола» (12 дек. 2019 г.), 147-150.

Сведения об авторах:

Долженко Наталья Игоревна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики НИУ «БелГУ»

Пишулина Анна Сергеевна – студентка группы 09001711 института экономики и управления НИУ «БелГУ»

Чу Куинь-Чи – студентка группы 09001711 института экономики и управления НИУ «БелГУ»

Юдин Е.В.

ПРАВО НА ИНФОРМИРОВАННОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: ВЫБОР ОПТИМАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ [1]

***Аннотация:** Оказание медицинской помощи с использованием генетических технологий характеризуется определенной спецификой, влияющей на процесс выстраивания эффективных механизмов правового регулирования и реализации пациентами своих прав в рассматриваемой сфере; среди таких механизмов особое место занимает информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство, эффективная реализация права на которое требует совершенствования.*

***Ключевые слова:** медицинское право, генетические технологии, риск-ориентированный подход, социальное право, информированное добровольное согласие, геномика, предиктивная медицина, права пациента.*

Вопросы оказания населению Российской Федерации качественной, безопасной и доступной медицинской помощи являют собой одно из важнейших направлений политики государства, поименованного в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) социальным [9].

Указанное приобретает особое значение вследствие активной трансляции (внедрения) генетических технологий в различные этапы оказания медицинской помощи. В соответствии со ст. 7 Конституции РФ Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [9]. Согласно ст. 41 Конституции РФ каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь [9].

В апреле 2019 г. Россия приступила к реализации Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019-2027 годы (далее – Программа) [17]. В мае 2020 г. на совещании о развитии генетических технологий в России Президент России В.В. Путин объявил о создании в рамках национального проекта «Наука» трех геномных центров мирового уровня [20]. В июне 2020 г. Президент России В.В. Путин поручил Правительству России создать информационно-аналитическую систему хранения и обработки генетических данных «Национальная база генетической информации» [15]. Одним из направлений реализации вышеобозначенной Программы является развитие генетических технологий в медицине, основные разделы которого связаны, среди прочего с биоинформатическим анализом генетических структур, обуславливающих патологические процессы; созданием моделей заболеваний; противодействием инфекциям, в том числе ретровирусным; редактированием генетических вариантов и дефектов генома, которые вызывают заболевания с описанной генетической этиологией; модификацией клеток при мультигенной патологии [16]. Также в Программе закреплено, что проведение работ по переходу к персонализированной медицине позволит обеспечить, среди прочего, нормативно-правовое сопровождение применения генетических технологий в биомедицине.

Согласно утвержденным в 2020 году клиническим рекомендациям по заболеванию проксимальная спинальная мышечная атрофия 5q (СМА) основным способом диагностики данного заболевания является проведение молекулярно-генетического исследования мутаций в гене SMN1 всем пациентам с подозрением на СМА 5q с целью выявления делеции экзонов 7 или 7-8 и молекулярно-генетического подтверждения диагноза [13]; исходя из положений клинических рекомендаций по заболеванию дифференцированный рак щитовидной железы в рамках иных диагностических исследований для дифференциальной диагностики опухолей щитовидной железы рекомендуется проводить молекулярно-генетическое исследование мутаций в гене BRAF и иных мутаций (RAS, RET/PTC, PAX8/PPAR-γ, TERT и т. д.) [10]. 12 ноября 2021 года вступил в силу новый стандарт медицинской помощи детям при проксимальной спинальной мышечной атрофии 5q, который среди лабораторных методов исследования также определяет проведение молекулярно-генетического исследования делеций 7-го/ или 8-го экзонов гена SMN1 (спинальная амиотрофия) в крови [20]. Единым планом по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (Правительство РФ, 1 октября 2021 г.) определено, что с 2023 года проведение неонатального скрининга будет расширено, и он будет осуществляться уже в отношении 36 заболеваний [8].

Все это также свидетельствует о необходимости анализа и формирования наиболее совершенного нормативного правового ландшафта в сфере генетических технологий. Более того, с учетом специфики генетических технологий и высокого рискованного их характера для человека и общества, с целью формирования отвечающих сегодняшним реалиям правовых механизмов необходимо использование риск-ориентированного подхода, который позволяет понять существующие объективные процессы, а затем, исходя из степени риска, ясно определить параметры самого регулирования (в том числе и правового).

В соответствии с действующим российским законодательством медицинская помощь с использованием генетических технологий является специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощью, к которой относятся, например, медико-генетическое консультирование, пренатальная диагностика, неонатальный скрининг, преимплантационное генетическое тестирование, генотерапия, молекулярно-генетические исследования для выявления предрасположенности к генетически детерминированным заболеваниям, диагностики (генодиагностика) и лечения заболеваний и т.д. [22, ст. 32, 34, 51].

В ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 323-ФЗ) закреплено право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство (далее – ИДС), которое находится в авангарде комплекса прав пациентов в сфере охраны здоровья, так как реализация указанного права по общему правилу легализует и легитимирует последующие медицинские вмешательства в отношении пациента и их последствия (юридический аспект) и обеспечивает реализацию принципов уважения достоинства человека и автономии пациента (этический аспект) [22].

Исследование ИДС при оказании медицинской помощи с использованием генетических технологий видится целесообразным в первую очередь путем анализа существующих моделей ИДС, которые сформированы исходя из уровня информированности и возможности использования биоматериалов (в т.ч. генетического) пациента в будущем:

- общая, бланкетная модель (blanket consent): особенность данной модели состоит в том, что ИДС испрашивается у пациента в самом начале общения с медицинским работником, оно связано с одобрением абсолютно всех возможных медицинских вмешательств без их конкретизации, ограничения во времени, формы контроля и реальной возможности отзыва;

- широкая модель (broad consent): предусматривает возможность конкретизации предполагаемых медицинских вмешательств и субъектов, их реализуемых, а также возможность незначительного по сравнению с предыдущей моделью ограничения времени использования генетического материала;

- динамическая модель (dynamic consent): выстраивается на основе непрерывного взаимодействия медицинского работника и пациента, в рамках которого при получении/неполучении нужных результатов исследования испрашивается согласие пациента на дополнительные вмешательства, что приводит к активному включению пациента в процесс оказания медицинской помощи и соблюдению его автономии;

- конкретная модель (study-specific consent): согласие дается только на определенное вмешательство, в отношении которого пациенту предоставлена информация абсолютно о всех возможных рисках и осложнениях [3].

Приказом Минздрава РФ от 20 декабря 2012 г. № 1177н утверждены порядок дачи ИДС и его форма [18]. Анализ утвержденной формы позволяет заключить, что ее текстуальное содержание отличается абстрактностью формулировок, возможность конкретизации существа проводимых медицинских вмешательств не установлена, что не может быть положительно нами оценено, так как помимо самого факта согласия, важно и его содержание. Утвержденная форма не предусматривает детализацию предстоящих медицинских вмешательств, что позволяет рассматривать ее как яркий пример общей модели ИДС (blanket consent) [14] и поднимает проблему конкретизации формы ИДС, ведь от этого зависит соблюдение прав и законных интересов пациента в сфере охраны здоровья и, как следствие, принципа автономии пациентов [11].

Выражение пациентом ИДС представляет собой юридическое действие, направленное на реализацию своего права на волевое выражение согласия/отказа от него (глава 4 Закона № 323-ФЗ), которое имеет правовое значение, в связи с тем, что оно является условием медицинского вмешательства и выступает в качестве доказательства, подтверждающего соблюдение прав пациента, следовательно, влечет правовые последствия. Подписание ИДС превращает заинтересованное лицо в субъект возникших правоотношений по оказанию ему медицинской помощи с использованием генетических технологий, в результате чего он наделяется определенными субъективными правами и обязанностями.

Следовательно, фундаментальное значение ИДС состоит в том, что оно, во-первых, является юридическим фактом (элемент механизма правового регулирования), выражающим волеизъявление лица и направленным на возникновение (предоставление согласия), изменение (предоставление согласия на дополнительное обследование) или прекращение (отзыв согласия) правоотношений в процессе оказания медицинской помощи [12]; во-вторых, выступает источником субъективных прав и обязанностей; и, в-третьих, является моделью индивидуального правоотношения по оказанию медицинской помощи, основанием его существования и развития [7].

Еще одной важной в контексте оказания медицинской помощи с использованием генетических технологий особенностью ИДС является то, что оно поддерживает динамику возникшего между субъектами (пациентом и медицинским работником) правоотношения по оказанию медицинской помощи с использованием генетических технологий. В связи с этим, ИДС должно характеризоваться не статичностью закрепленных в нем условий, а динамичностью [4]. ИДС является процессом динамического взаимодействия субъектов правоотношений по оказанию медицинской помощи с использованием генетических технологий.

Динамизм ИДС может проявляться в двух аспектах: во времени и по форме. В отношении динамики ИДС во времени можно констатировать ее фактическое отсутствие, т.к. в абсолютном большинстве ИДС испрашивается у пациента не просто до начала оказания медицинской помощи, но до непосредственного общения с врачом и объяснения особенностей предстоящих медицинских вмешательств, что является ненадлежащим информированием пациента и, следовательно, нарушением принципа автономии пациента и его прав в сфере охраны здоровья. Более того, часто одно

ИДС является согласием на проведение любых медицинских вмешательств, которые могут потребоваться в процессе оказания медицинской помощи. Данный тезис подтверждается материалами судебной практики [6].

Временная динамичность также выражается в том, что, во-первых, в ИДС указывается конкретный перечень медицинских вмешательств, процедур, на которые дается согласие, исходя из специфики возникшего между сторонами индивидуального правоотношения [5]; во-вторых, в отношении ИДС можно проводить ревизионные мероприятия, т.е. в случае изменения объема оказания медицинской помощи в документ вносятся корреспондирующие правки, связанные с увеличением числа медицинских вмешательств при согласии пациента, что чрезвычайно важно при использовании генетических технологий в процессе оказания медицинской помощи, т.к. общеизвестна уникальность каждого человека на молекулярно-генетическом уровне, что может в том числе привести к проведению дополнительных мероприятий с использованием генетических технологий (указанная возможность предусмотрена и обязательна к исполнению только в зарубежных странах) [2]; и, в-третьих, пациент наделяется правом отозвать свое ИДС на любом этапе оказания ему медицинской помощи с применением генетических технологий (ч. 3 ст. 20 Закона № 323-ФЗ).

Напротив, динамизм по форме ИДС как документа имеет место быть. Он проявляется в наличии общей [17] и специальных форм ИДС. В отношении отдельных видов оказания медицинской помощи утверждены свои собственные формы ИДС. Так, например, отдельная форма (не все перечисленные ниже формы обязательны к применению) ИДС утверждена в отношении применения ВРТ и искусственной инсеминации [19]; на проведение операции редукции эмбрионов/плодов [19]; на прерывание беременности, применение терапии препаратом «вне инструкции» («off-label») [16] и так далее. Введение дополнительных форм ИДС вызвано особенностями оказания медицинской помощи по отдельным профилям заболеваний и способствует отражению динамики возникающих в связи с этим правоотношений. Вопрос о правомерности утверждения отдельных форм ИДС различными органами и организациями мы оставляем за рамками настоящего исследования.

Все вышеизложенное приобретает особое значение в контексте оказания медицинской помощи с использованием генетических технологий, т.к. подобная медицинская помощь является специализированной и поэтому обладает рядом имманентно ей присущих особенностей. Среди таких особенностей, не ограничивающихся нижеприведенным списком, необходимо выделить следующие:

1) сложность получаемой от медицинского работника информации, связанной с молекулярной генетикой, геномикой и другими отраслями научного знания, о которых у обычного человека отсутствует структурированное представление;

2) превалирующая клиническая неоднозначность профилактических, диагностических и лечебных мероприятий с использованием генетических технологий. Медицинская геномика находится в состоянии перманентного накопления и связанной с этим переоценки научного знания об особенностях методов профилактики, диагностики и лечения различных генетически детерминированных заболеваний и состояний;

3) наличие как моногенных, так и полигенных мультифакториальных заболеваний, в отношении которых в своем большинстве и оказывается медицинская помощь с использованием генетических технологий. Моногенные заболевания связаны с нарушениями (мутациями) в одном гене и относительно редки в популяции. Большинство распространенных заболеваний являются многофакторными (полигенные, мультифакториальные заболевания), вызванными нарушениями в многочисленных генах, которые взаимодействуя друг с другом и с целым рядом факторов окружающей среды могут привести к заболеванию. Еще больше сложностей, связанных с профилактикой, диагностикой и лечением, возникает в отношении генетически детерминированных заболеваний с поздним возрастом манифестации. В связи с этим очень часто генетические технологии применяются для установления степени риска развития того или иного заболевания и определения индивидуальных мер для его предупреждения. Поэтому, в отличие от большинства остальных видов медицинской помощи, информация, получаемая при оказании медицинской помощи с использованием генетических технологий, достаточно часто может носить вероятностный характер и требовать дополнительных расширенных исследований;

4) медицинская помощь с использованием генетических технологий преимущественно связана с работой с генетическим материалом человека. Учитывая особую природу генетического материала человека, связанную с аккумуляцией в нем огромного количества различной информации, в процессе оказания медицинской помощи возникают ситуации обнаружения данных, которые

первоначально не оговаривались между пациентом и медицинским работником (например, данных, свидетельствующих о наличии либо о возможности развития заболевания, о котором речи не шло).

Обозначенная специфика оказания медицинской помощи с использованием генетических технологий объективно влечет необходимость формулирования и испрашивания ИДС таким образом, чтобы данная специфика была отражена надлежащим образом. Ведь от этого зависит соблюдение прав пациентов в сфере охраны здоровья.

ИДС представляет собой гарантию реализации прав пациента быть в достаточной степени информированным и осознанно и добровольно вступить в правоотношения по оказанию ему медицинской помощи с использованием генетических технологий.

Однако характерная специфика оказания медицинской помощи с использованием генетических технологий значительно усложняет реализацию данных прав. Общие подходы и требования к ИДС, выработанные за рубежом и у нас в стране, не всегда могут быть адекватно применены к отношениям, возникающим при оказании медицинской помощи с использованием генетических технологий:

1) предваряющий характер согласия (динамизм во времени): в большинстве случаев данное условие можно соблюсти, однако возможны ситуации, как было обозначено выше, требующие проведения дополнительных геномных исследований. В связи с этим все возможные дополнительные геномные исследования необходимо заранее обсудить с пациентом и включить их в форму ИДС, либо на каждое конкретное дополнительное геномное исследование получать согласие, либо осуществлять ревизионные мероприятия в отношении ИДС в процессе;

2) добровольность и осознанность: донесение информации из области медицинской генетики до пациента таким образом, чтобы им все было правильно воспринято и оценено с учетом его индивидуальных особенностей, требует от медицинского работника незаурядных навыков, которыми обладают далеко не все. В связи с этим, данное требование является труднореализуемым. Особенно если оказание медицинской помощи с использованием генетических технологий будет связано с полигенными мультифакториальными заболеваниями и заболеваниями с поздним возрастом манифестации;

3) информированность: указанное требование также очень сложно (а иногда и просто невозможно) реализовать. Как было ранее указано, получаемая при оказании медицинской помощи с использованием генетических технологий информация может отличаться вероятностным характером. И это случается довольно часто, учитывая перманентное накопление научного знания в сфере медицинской геномики. Достаточно затруднительно сразу обговорить с пациентом все возможные методы, связанные с использованием генетических технологий, которые будут использованы, т.к. иногда даже сам врач не может сразу определить весь объем вариантов методов, которые смогут понадобиться. В отношении полученных результатов оказания медицинской помощи с использованием генетических технологий тоже возможны неясности, неустранимые на сегодняшний день в силу ограниченных клинических и научных данных. Известно, что ряд полученных результатов, например, об обнаруженной мутации в определенном гене, может однозначно свидетельствовать о наличии или развитии определенного заболевания. Однако другие результаты могут быть результатами т.н. «отложенного действия», в отношении которых у врача нет однозначных данных, свидетельствующих об их патогенности.

Таким образом, применение генетических технологий значительно усложняет процесс оказания медицинской помощи и восприятия пациентом соответствующих ее этапов, в связи с чем мы полагаем недопустимым использование шаблонных подходов к получению и форме ИДС. Необходимо на основе имеющихся общих подходов к ИДС выработать и законодательно закрепить специальную модель ИДС, которая отразила бы специфику оказания медицинской помощи с использованием генетических технологий и способствовала реальному соблюдению принципа автономии пациента.

Список цитируемой литературы:

1. Настоящая статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-311-90051.

2. FDA Guidance Documents: A Guide to Informed Consent // URL: <https://www.fda.gov/regulatory-information/search-fda-guidance-documents/guide-informed-consent#revision> (дата обращения: 10.01.2022)

3. Grady C., Eckstein L., Berkman B., Brock D., Cook-Deegan R., Fullerton S. M., Greely H., Hansson M. G., Hull S., Kim S., Lo B., Pentz R., Rodriguez L., Weil C., Wilfond B. S., Wendler D. (2015).

Broad Consent for Research With Biological Samples: Workshop Conclusions. The American journal of bioethics: AJOB, 15(9), 34-42. <https://doi.org/10.1080/15265161.2015.1062162>; Mikkelsen R.B., Gjerris M., Waldemar G., Sandøe P. (2019). Broad consent for biobanks is best – provided it is also deep. BMC Med Ethics 20, 71. <https://doi.org/10.1186/s12910-019-0414-6>; Dankar F. K., Gergely M., Malin B., Badji R., Dankar S. K., Shuaib K. (2020). Dynamic-informed consent: A potential solution for ethical dilemmas in population sequencing initiatives. Computational and Structural Biotechnology Journal, 18, 913-921, <https://doi.org/10.1016/j.csbj.2020.03.027>.

4. National Human Genome Research Institute // URL: <https://www.genome.gov/> (дата обращения: 20.12.2020); FDA Guidance Documents: A Guide to Informed Consent // URL: <https://www.fda.gov/regulatory-information/search-fda-guidance-documents/guide-informed-consent> (дата обращения: 10.01.2022); U.S. Department of Health & Human Services: Informed Consent FAQs // URL: <https://www.hhs.gov/ohrp/regulations-and-policy/guidance/faq/informed-consent/index.html> (дата обращения: 10.01.2022)

5. Апелляционное определение Ивановского областного суда от 25 апреля 2019 г. по делу № 33-2/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28 марта 2017 г. № 33-6782/2017 по делу № 2-1390/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Дивеева Н.И. Теоретические проблемы индивидуального правового регулирования трудовых отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05 / Дивеева Нелли Ивановна. СПб., 2008. 45 с.

8. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (Правительство РФ, 1 октября 2021 г.) // СПС «Гарант».

9. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СПС «КонсультантПлюс».

10. Клинические рекомендации «Дифференцированный рак щитовидной железы» (утв. Министерством здравоохранения РФ, 2020 г.) // URL: <http://cr.rosminzdrav.ru/#!/schema/977> (дата обращения: 10.01.2022)

11. Клинические рекомендации «Проксимальная спинальная мышечная атрофия 5q» (утв. Министерством здравоохранения РФ, 2020 г.) // URL: <http://cr.rosminzdrav.ru/#!/schema/1018> (дата обращения: 10.01.2022)

12. Лабыгина К.И. К вопросу о добровольном информированном согласии на медицинское вмешательство при оказании медицинских услуг // Молодой ученый. 2017. № 17. С. 181-183.

13. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 501.

14. Надеяева И.И. Перспективы развития биобанков и генетических исследований: этические аспекты // Ремедиум. 2020. № 4-6. С. 6-15.

15. Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития генетических технологий (утв. Президентом РФ 4 июня 2020 г. № Пр-920) // СПС «КонсультантПлюс».

16. Письмо Минздрава России от 4 декабря 2018 г. № 15-4/10/2-7839 «О направлении клинических рекомендаций «Искусственное прерывание беременности на поздних сроках по медицинским показателям при наличии аномалий развития плода»» (вместе с «Клиническими рекомендациями (протоколом лечения) ...», утв. Российским обществом акушеров-гинекологов 4 декабря 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Правительства РФ от 22 апреля 2019 г. № 479 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019-2027 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Приказ Минздрава России от 20 декабря 2012 г. № 1177н «Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств, форм информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форм отказа от медицинского вмешательства» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Приказ Минздрава РФ от 1 сентября 2021 г. № 895н «Об утверждении стандарта медицинской помощи детям при проксимальной спинальной мышечной атрофии 5q» // СПС «Гарант».

21. Путин заявил о создании трех геномных центров // URL: <https://rg.ru/2020/05/14/putin-zaiavil-o-sozdanii-treh-genomnyh-centrov.html> (дата обращения: 10.01.2022)

22. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Сведения об авторе:

Юдин Егор Витальевич – младший научный сотрудник юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»; yudinegorv@gmail.com

Научный руководитель – Дивеева Н.И., д.ю.н, профессор, профессор кафедры трудового и социального права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Орехова Н.Л., Цечоева Л.Б.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ: ФОРМИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ

***Аннотация:** В данной статье рассматриваются особенности формирования российской правовой системы и ее исторический путь от начала развития до настоящего времени.*

***Ключевые слова:** российская правовая система, история становления, Конституция.*

В настоящее время российская правовая система является динамичным комплексом правовых элементов, развивающимся в своем уникальном многообразии и имеющем за собой сложную историю. Говоря об особенностях формирования такого многогранного комплекса, как российская правовая система, следует привести определенные научные мнения, высказанные далее.

Что подразумевается под российской правовой системой? На конгрессе 1900 г. в Париже российская правовая система была отнесена к группе славянской правовой семьи, куда также входили Македония, Болгария и Сербия. Позднее, выдвинутую позицию разделял и В. Н. Силюков – в своих трудах выделял в славянской правовой семье восточнославянское право (Россия, Беларусь, Украина) и южнославянское право (Сербия, Черногория) [7, с. 201]. Противником такому разделению являлся Рене Давид, отмечавший, что «Россия всегда входила в романогерманскую правовую семью», т. к. «концепция российского права была именно римской» [1, с. 118]. Действительно, в начале становления российского законодательства, правовая система страны была достаточно самобытной, в ней проявлялось сильное влияние государства и религии, большой коллективизм. В целом, историю становления российской правовой системы можно разделить на несколько этапов.

На первом этапе в древнерусском обществе правило язычество, и, несмотря на общеизвестное крещение 988 г., православие пришло к восточным славянам намного позже. Изначально в Древней Руси действовали правовые обычаи, укреплялось обычное право, которое впоследствии начало соединяться с византийским, скандинавским и церковным правом, тем самым и создавая самобытность российской правовой системы на ранних этапах. Позднее появился главный правовой источник Древней Руси, по совместительству один из наиболее значимых и дошедших до нашего времени исторических источников – Русская правда. Ближе к XV в. в российском правовом поле начала зарождаться систематизация, что привело к появлению первого кодекса – Судебника, преемствующего Русской правде и на ней основанного. Судебник 1497 г. обладал казуистичностью, которую можно сравнить с современным англосаксонским правом, т.к. каждый случай рассматривался в отдельности. К тому же законы Судебника действовали в зависимости от ситуации. Такое сложное юридическое положение документа явилось толчком к следующей ступени развития российской правовой системы, а именно к созданию Соборного уложения 1649 г. – первого печатного законодательного документа в истории России, целью которого являлось искоренение двухсотлетних, неактуальных и противоречащих друг другу законов.

На втором условном этапе становления российского права, в эпоху Александра I, получило свое проявление французское влияние благодаря Кодексу Наполеона и заимствованию реформ из этого кодекса русским реформатором и юристом М.М. Сперанским в начале XIX в. Именно Сперанский явился тем новатором, который первым в своих реформах предложил разделить российскую власть на законодательную, исполнительную и судебную. После разделения важным источником для российской судебной системы стали Судебные уставы 1864 г. Именно

в Судебных уставах были положены рациональные начала, необходимые для создания института присяжных, созываемых по тяжким уголовным преступлениям. Судебные уставы стали новшеством и прорывом российского права, благодаря чему были сразу же переведены на французский язык и получили свое распространение в Европе. Таким образом, российское право на тот момент сочетало в себе элементы как романо-германского права – главенство закона и кодификация, так и англосаксонского права – суды присяжных и «право судей» (большая роль в праве, отведенная судебным решениям), а также славянского права – самобытность. В основном, в Российской Империи гражданское, уголовное, административное право, а также многие государственные нормы были сосредоточены в Своде законов Российской Империи, который был составлен М.М. Сперанским в 1832 г. и продолжил свое существование вплоть до Октябрьской революции.

На третьем этапе формирования российской правовой системы Свод законов прекратил свое действие на территории Советской России и на смену ему пришла Конституция РСФСР 1918 г. – первый и являющийся важной научной ступенью становления права конституционный документ. Ее приоритетом стали классовый характер и установление диктатуры пролетариата совместно с беднейшими слоями крестьянства. В ходе развития политических событий в стране и меняющейся власти на смену первой Конституции была принята Конституция 1925 г., затем в процессе совершения правовых изменений появилась Конституция 1937 г., и последний такой документ в РСФСР – Конституция 1978 г. Всего, документ перерабатывался четыре раза наравне с Конституцией СССР, впервые появившейся на свет в 1924 г., затем в 1936 г. (получив название «Сталинской конституции» – обладала всеми признаками демократизма) [2] и в 1977 г. («Брежневская конституция» с сильно развитыми идеями социализма) [3]. Главной причиной создания и повсеместного изменения двух Конституций послужило подписание республиками Договора об основании союзного государства, из-за чего Российская Республика автоматически вошла в состав СССР, и таким образом создание Конституции должно было констатировать преобразование страны. Современная же правовая система России начала свое формирование лишь в конце 1980-х гг.

Говоря об особенностях формирования российской правовой системы, следует сказать, что с созданием советского государства пришло полное, даже не частичное, отрицание понятия «правовое государство». В свое время главный партийный деятель страны Л. М. Каганович говорил: «Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие «правовое государство» к Советскому государству, то это значит, что он отходит от учения о государстве» [5, с. 102]. Наравне с такой политикой в 1937–1938 гг. в Советском Союзе начался период массовых и жестких политических репрессий, когда даже оправдательные приговоры судов игнорировались центральным органом государственного управления на уровне закона, а сотни тысяч людей были приговорены к расстрелу и заключению в лагеря [6, с. 113]. Произошедшие события также являлись важной частью истории становления российской правовой системы, т.к. раскрыли истинное положение прав и свобод в стране, прятавшееся за ширмой конституционных норм. После образования СССР стали издаваться общесоюзные кодифицированные правовые акты, в которых закреплялись основные принципы правового регулирования в различных областях общественной жизни. Таковыми стали: Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик, Основы судостроительства Союза ССР и союзных республик, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Это не полный список, законодательство страны кодифицировалось и постоянно совершенствовалось. Попытки охватить как можно больше областей общественной жизни с помощью законодательной базы осуществлялись вплоть до распада СССР в 1991 г., когда Советская страна, в процессе своего развития относимая к социалистической правовой семье, распалась вместе с целым социалистическим лагерем.

Следующим витком в становлении российского права стало принятие новой Конституции Российской Федерации [4, с. 299]. Сразу после прихода к современному суверенному российскому праву были изменены Гражданский и Уголовный кодексы, в которых реальный приоритет наконец получили права и свободы человека и гражданина. Изменениями в важнейших правовых документах был обусловлен курс страны, взятый на демократию. Последней ступенью становления российской правовой системы на данный момент стало принятие поправок к Конституции в 2020 г. И если в 1991 г. Конституция была направлена на достижение глобальных

современных стандартов в области прав человека, на соотношение внутреннего и международного права, то конституционные поправки 2020 г. несли в себе четкий вектор политики страны на международной арене. А именно следующее: при соотношении Конституции и международного права приоритетом обладает именно Конституция в силу суверенитета Российской Федерации. Таким образом, поправки только подтвердили внешнюю политику страны за последние годы: несмотря на антироссийские санкции и украинский кризис с одной стороны, с другой стороны проявляется также относительная экономическая самостоятельность страны, отстаивание суверенитета на международном уровне и возможность содействия зарубежным партнерам в решении их кризисов. На данный момент, согласно Конституции, «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», современная российская правовая система все также содержит в себе старые и новые ценности, преобладание централизации власти и доминирующую роль исполнительной власти.

Подводя итоги рассматриваемых мнений и исторических событий, можно сделать вывод, что история становления российского права была достаточно динамичной и богатой на различные политические события. За время своего существования российское право успело унаследовать свое, особое понимание закона, а также унаследовать частицу религиозной правовой семьи в лице православия, пройти через социалистическую концепцию, тем самым создав социалистическую правовую семью в СССР, и как итог построить основу права с помощью романо-германской правовой семьи. На данный момент современное российское право находится в состоянии постоянного обновления, различные правовые нормы регулярно видоизменяются и, в связи с политикой централизации власти и отстаивания суверенитета страны на международном поле, все больше в сторону ужесточения закона в свете некоторых внутри- и внешнеполитических процессов. По этой же причине, несмотря на мировую тенденцию глобализации, российская правовая система в ближайшее время вряд ли сможет сблизиться с другими правовыми семьями, в частности континентальной, что могло бы оказать положительное влияние на развитие многосторонних и взаимовыгодных отношений между Российской Федерацией и другими политически близкими странами.

Список цитируемой литературы:

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: Пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 400 с.
2. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) - [Ленинград] : Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – 32 с.
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) Ведомости Верховного Совета СССР от 7.10.1977 г. , N 41 , ст. 617.
4. Курбанов Р.А. Введение в российское право : учебник / под общ. ред. Р. А. Курбанова. – М.: Проспект, 2019. – 424 с.
5. Нерсесянц, В. С. Философия права : учебник / В. С. Нерсесянц. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма : ИНФРА-М, 2020. – 848 с.
6. Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации : [монография] / [Г. И. Муромцев и др. ; отв. ред. - Н. С. Соколова] ; Российский ун-т дружбы народов, Центр правовых исслед. и развития законодательства. – М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2006. – 541 с.
7. Синюков, В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: Монография / Синюков В.Н. - 2-е изд., доп. – М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018. – 672 с.

Сведения об авторах:

Орехова Наталья Леонидовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права ФБГОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет»; nataliaorekhova@bk.ru

Щечоева Лаура Беслановна – студент юридического факультета ФБГОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет»

Подольский А.В.
АДРЕСНОСТЬ ЛЬГОТНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Аннотация: Реализация стимулирующих свойств льготных правовых режимов предполагает использование их строго по назначению теми субъектами, которые имеют в этом объективно обусловленную необходимость. В этом заключается основной смысл адресности льготных правовых режимов. Нарушение адресности может иметь серьезные деструктивные последствия, главным из которых является нецелевое использование льгот, приводящее к невозможности достижения социально значимого результата правового регулирования.

Ключевые слова: льгота, льготный правовой режим, реализация прав и обязанностей, адресность, правовое средство, функция льготных правовых режимов.

Как известно, нормативность права проявляется в его всеобщем характере, способности наиболее общим, универсальным и равным образом упорядочивать общественные отношения. Правовое равенство предполагает, во-первых, равенство всех перед законом, а, во-вторых, одинаковость норм права для всех общественных отношений и субъектов, в них участвующих. Поэтому именно в реализации правового равенства можно наблюдать проявление нормативных свойств права.

В то же время, существуют правоотношения, выходящие за рамки обычных. Существование таких правоотношений обусловлено юридическими фактами их порождающими. Так, например, человеку с ограниченными физическими возможностями, лицам с определенным семейным положением, работникам, осуществляющим трудовую деятельность в тяжёлых условиях и т.п. гораздо сложнее реализовывать закреплённые за ним общими нормами права и законные интересы. Правовое регулирование таких отношений требует особого подхода, заключающегося в применении правовых исключений.

Как известно, льготный правовой режим представляет собой особый порядок правового регулирования и реализации субъективных прав и обязанностей при помощи правовых средств стимулирующего характера, направленных на создание благоприятных условий осуществления прав и обязанностей с целью достижения социально значимого результата, в том числе правового равенства. Льготный правовой режим как раз и будет являться тем правовым исключением, которое необходимо для обеспечения реализации интересов субъектов в особых условиях. Правовые средства, входящие в структуру льготного правового режима, создают возможность облегчения осуществления прав, исполнения обязанностей и несения ответственности.

Воспользоваться закреплённой в таком режиме льготой означает осуществить особым (благоприятным) образом закреплённое законом право или реализовать интерес. Как правило, такое осуществление или такая реализация будут происходить проще, интенсивнее, носить первоочередной (по сравнению с другими субъектами права) характер, что очевидно является преимуществом и может выглядеть, как неравенство. В этой связи для достижения целей льготных правовых режимов особую значимость приобретает вопрос адресности льгот, как правовых средств, и льготного правового режима в целом.

Правовое равенство и социальная справедливость имеют шанс быть достигнутыми в льготном правовом режиме только тогда, когда закреплёнными в нём благоприятными условиями реализации прав и исполнения обязанностей будут пользоваться действительно нуждающиеся в этом адресаты, которых имел в виду законодатель. В этой связи можно выделить определенные признаки адресности льготных правовых режимов для более четкого уяснения этого понятия.

1. Адресность льготных правовых режимов предполагает применение их только теми субъектами, которые имеют объективно обусловленную необходимость в создании благоприятных условий реализации их прав и обязанностей. К примеру, многодетность, инвалидность, нуждаемость. Юридические факты, являющиеся основанием для признания за субъектом права на льготу, должны быть соответствующим образом подтверждены.

2. В структуре льготного правового режима должны присутствовать правовые средства, образующие механизм доведения возможностей льготного правового режима до потенциальных адресатов. Поэтому к признакам адресности также можно отнести активное информационное воздействие на субъекты права.

3. Наконец, признаком адресности является исключение возможности злоупотребления льготами. Благоприятность условий реализации прав весьма привлекательна для субъектов и это естественно. Это может спровоцировать деструктивное применение льгот. Адресность льготных правовых режимов в этом случае выполняет функцию контроля за злоупотреблением правом.

Таким образом, адресность – это необходимое свойство льготных правовых режимов, проявляющееся в применении их только субъектами, имеющими объективно обусловленную необходимость в создании для них благоприятных условий реализации прав и обязанностей, препятствующее злоупотреблению входящими в режим льготами и достигающееся при помощи правовых средств, образующих механизм доведения возможностей льготного правового режима до потенциальных адресатов.

Адресность льготных правовых режимов проявляется в ходе функционирования таких режимов, то есть в процессе реализации режимных функций, необходимых для достижения целей льготных правовых режимов.

Адресность может быть заложена в регулятивно-статической функции правовыми средствами, устанавливающими круг субъектов льготного правового режима. Так, в ст. 391 Налогового кодекса РФ предусмотрено уменьшение налоговой базы при определении земельного налога. Налоговая база уменьшается на величину кадастровой стоимости 600 квадратных метров площади земельного участка, находящегося в собственности, постоянном (бессрочном) пользовании или пожизненном наследуемом владении налогоплательщиков, относящихся к одной из следующих категорий: Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, полных кавалеров ордена Славы; инвалидов I и II групп инвалидности; инвалидов с детства, детей-инвалидов; ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны, а также ветеранов и инвалидов боевых действий; пенсионеров, получающих пенсии, назначаемые в порядке, установленном пенсионным законодательством, а также лиц, достигших возраста 60 и 55 лет (соответственно мужчины и женщины), которым в соответствии с законодательством Российской Федерации выплачивается ежемесячное пожизненное содержание; физических лиц, имеющих трех и более несовершеннолетних детей; и пр.

В некоторых случаях адресность может быть обозначена исключением определенных субъектов из льготного правового режима. Так, например, в соответствии с п. 3 ст. 346.12 Налогового кодекса, не вправе применять упрощенную систему налогообложения:

- 1) организации, имеющие филиалы;
- 2) банки;
- 3) страховщики;
- 4) негосударственные пенсионные фонды;
- 5) инвестиционные фонды;
- 6) профессиональные участники рынка ценных бумаг;
- 7) ломбарды;
- 8) организации и индивидуальные предприниматели, занимающиеся производством подакцизных товаров, за исключением подакцизного винограда, вина, игристого вина (шампанского), виноматериалов, виноградного сула, произведенных из винограда собственного производства, а также добычей и реализацией полезных ископаемых, за исключением общераспространенных полезных ископаемых;
- 9) организации, осуществляющие деятельность по организации и проведению азартных игр;
- 10) нотариусы, занимающиеся частной практикой, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, а также иные формы адвокатских образований;
- 11) организации, являющиеся участниками соглашений о разделе продукции;
- 12) организации и индивидуальные предприниматели, перешедшие на систему налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единый сельскохозяйственный налог); и др.

В ходе реализации льготных правовых режимов (регулятивно-динамической функции) адресность проявляется в установлении связи между льготой и субъектом права через юридический факт, на котором основано применение конкретного льготного правового режима.

Например, в соответствии со ст. 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ [2] право на материнский капитал имеют женщины, родившие или усыновившие второго ребенка начиная с 1 января 2007 года; женщины, родившие или усыновившие третьего ребенка или последующих детей начиная с 1 января 2007 года, если ранее они не воспользовались правом на дополнительные меры государственной поддержки; мужчины, являющиеся единственными усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей.

Несмотря на то, что охранительная функция в целом не свойственна льготным правовым режимам, внутри самого режима могут присутствовать правовые средства, обеспечивающие использование льготного правового режима по назначению. Например, указание в нормативно-правовом акте обязанности подтвердить (или периодически подтверждать) право на льготу.

Однако главным свойством адресности является для информационной функции льготных правовых режимов. Информационная функция льготного правового режима имеет не менее важное значение, чем регулятивная, для достижения режимных целей. Приступая к урегулированию общественных отношений, определенным образом необходимо, чтобы все их участники обладали достаточным количеством достоверной и доступной информации. Информационная составляющая правового регулирования является связующим звеном между правом и его адресатом. Правовое информирование предполагает доведение до сведения адресатов текста правовых норм их основного смысла. Субъект, осуществляющий льготное правовое регулирование, доводит до определенного круга участников общественных отношений необходимую правовую информацию, главным образом, о мере льготирования (т.е. о том, какие благоприятные условия реализации прав и исполнения обязанностей получит адресат льготы). Например, денежными средствами материнского капитала можно распорядиться по следующим направлениям: улучшение жилищных условий; получение образования ребенком (детьми); формирование накопительной пенсии для женщин; приобретение товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов; получение ежемесячной выплаты (в соответствии с Федеральным законом «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» от 28.12.2017 № 418-ФЗ) [3].

Льготные правовые режимы всегда привлекательны с точки зрения заложенного в них механизма облегчения правового положения субъекта. Это иногда может спровоцировать неправомерное использование льгот субъектами права (при помощи фиктивных юридических фактов). В рамках обратной информационной связи, субъекты, устанавливающие льготный правовой режим должны отслеживать его неправомерное использование. Кроме того, обратная связь как проявление информационной функции льготного правового режима, призвана информировать об эффективности режима, его востребованности. Субъект, устанавливающий соответствующий льготный правовой режим, должен иметь информацию: актуален ли еще данный режим или он нуждается в усовершенствовании или отмене [1, 38].

Нарушение адресности в функционировании льготных правовых режимов может привести к ряду отрицательных последствий. По своим основаниям такие нарушения могут быть самыми разнообразными. Так, например, в зависимости от воли субъекта их можно разделить на добросовестные и недобросовестные.

Первые могут иметь место от недостаточности информации (нарушения в информационной функции льготных правовых режимов), а также допущении ошибок в деятельности правоприменительных органов. Недобросовестные нарушения адресности льгот являются волевыми актами (умышленными действиями) по злоупотреблению льготами, выражающимися в получении доступа к пользованию благоприятными условиями осуществления прав и исполнения обязанностей лицами, не имеющими для этого оснований или по ложным (сфабрицированным) основаниям.

Причиной нарушения адресности льгот может стать технико-юридическая ошибка. Нечеткость и непродуманность текста нормативного акта может привести к тому, что льготами будет наделяться больший круг адресатов, чем это предполагалось при разработке льготного правового режима, или, наоборот, меньший. В этом случае субъект не нарушает закон (умышленно или случайно), а лишь пользуется неправильно установленной льготой. Данное нарушение адресности не менее опасно, чем злоупотребление, поскольку может быть не сразу распознано и носить длящийся характер, тем самым нанося ущерб.

Итак, адресность является важнейшим свойством и неотъемлемым условием функционирования льготных правовых режимов. Нарушение данного свойства ведет к деформированному применению льготных правовых режимов, влечет отступление от целей таких режимов, что в итоге препятствует достижению социально значимого результата правового регулирования.

Список цитируемой литературы:

1. Туранин В.Ю., Беляева Г.С., Подольский А.В. Функции льготных правовых режимов // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 5. – С. 37-39.
2. Собрание законодательства РФ. № 1 (1 ч.). Ст. 19.
3. Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (Часть I). Ст. 2.

Сведения об авторе:

Подольский Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Международное право» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»

Дядюн К.В.
**ЭВОЛЮЦИЯ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
ИЗНАСИЛОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

***Аннотация:** В представленной статье проанализирована история развития законодательного подхода в сфере установления ответственности за изнасилование. Особое внимание уделено исследованию таких признаков как: потерпевшее лицо, субъект преступления, квалифицирующие обстоятельства. Рассматриваются особенности регламентации означенных аспектов в различные исторические периоды. Автор обозначает основные недочеты в означенной области, предлагает рекомендации по их устранению/сглаживанию.*

***Ключевые слова:** изнасилование, уголовная ответственность, потерпевшее лицо, заведомость, субъект преступления, квалифицирующие признаки.*

***«Законы существуют для пользы
и безопасности людей им подвластных»
(М.М. Сперанский «Введение к Уложению государственных законов»)***

М.М. Сперанский целью любого государства считал обеспечение безопасности личности, собственности и чести каждого [2, с. 539]. Действующий уголовный закон РФ в числе основных задач также обозначает охрану обозначенных благ. Несомненно, защита половой неприкосновенности и половой свободы является важным компонентом как личной безопасности, так и вопросов чести и достоинства. Изнасилование на протяжении веков было и остается одним из тяжких преступных деяний, посягающих на обозначенные ценности. В то же время позиция законодателя в области установления ответственности за указанное преступление модифицировалась с учетом политических, социальных, моральных и иных аспектов.

В представленной работе предпринята попытка анализа формирования и развития криминообразующих признаков изнасилования с целью выявления проблемных моментов и разработки рекомендаций по их нивелированию/минимизации. В означенном ракурсе интерес представляют такие элементы как: потерпевший, субъект, квалифицирующие признаки.

Подход законодателя относительно установления потерпевшего лица подвергался изменениям в зависимости от объективных факторов существования общества и государства. Неизменным оставался только пол жертвы: женский, однако дополнительные критерии модифицировались. Так, Русская Правда учитывала социальный статус жертвы (благородная дама/холопка). Причем наказание для виновного было (в зависимости от обозначенного аспекта) кардинально различным: от максимально возможного до полной ненаказуемости. Вряд ли такой подход можно считать соответствующим принципам равенства, справедливости, гуманизма, отмеченным различными научными деятелями, и являющимися основой построения гражданского общества и правового государства.

Петр I впервые в истории российского уголовного права уделил отдельное внимание охране половой свободы и неприкосновенности «блудниц» (проституток), что можно считать определенным плюсом в области обеспечения соответствующих прав личности вне зависимости от особенностей осуществляемой деятельности.

В Своде законов уголовных 1832 г. детально регламентировался круг потерпевших на основе статусно - семейного критерия (замужняя женщина/вдова/девица).

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845г. предусматривало дифференциацию ответственности в зависимости от возраста жертвы, ее физиологических характеристик (девушка/не являющаяся таковой), состояния в момент совершения преступления (сон, психическое расстройство, опьянение).

Законодательство советского периода практически не учитывало характеристики жертвы изнасилования в качестве признаков состава преступления. Единственным исключением можно признать возраст потерпевшей, регламентированный в кодексах 1926 и 1960 гг. в качестве отягчающего обстоятельства.

Действующий уголовный закон учитывает такие критерии жертвы изнасилования как: пол (по-прежнему только женский); возраст (в качестве отягчающего наказание фактора); состояние в момент совершения преступного деяния (беспомощность).

Основным недочетом в рамках рассматриваемого вопроса было и остается содержание понятия «потерпевшее лицо», а именно в части определения половой принадлежности жертвы. Возраст, статусные особенности и т.п., конечно, имеют важное значение (зачастую в сфере регламентации квалифицирующих признаков), однако ограничение определения жертвы изнасилования исключительно женским полом представляется нецелесообразным. Означенный подход основан на мнении о невозможности совершения насильственного полового акта женщиной в отношении мужчины, что не обоснованно ни с медицинской, ни с юридической точек зрения. «Свобода есть власть над самим собою» [8]. Насильственная стимуляция мужчины в целях последующего осуществления полового акта нарушает означенное право. Квалификация подобных деяний как насильственных действий сексуального характера противоречит сущности содеянного: традиционному половому соитию между мужчиной и женщиной. Кроме того, такой подход нарушает правила единообразного построения закона (во всех нормах главы 18 действующего УК РФ категория «потерпевшее лицо» определяется более широко).

С учетом изложенного видится целесообразным изменение действующего законодательного подхода в сфере регламентации анализируемого объективного признака состава изнасилования: замена термина «потерпевшая» (ограничивающего статус жертвы половой принадлежностью) наименованием «потерпевшее лицо».

Установленные действующим уголовным законом критерии субъекта изнасилования также носят ограничительный характер. Так, исполнителем признается лицо мужского пола, соисполнителем (в силу сложной объективной стороны) может быть и женщина. Таким образом, позиция законодателя вновь акцентируется только на половой принадлежности, игнорируя иные значимые признаки виновного лица: статусно-семейные (родитель/близкий родственник); социально-культурные (педагог, опекун, воспитатель); психолого-экономические (должностное лицо/начальник).

Следует отметить, что в некоторых отечественных правовых актах статус субъекта подлежал учету при установлении ответственности за изнасилование. Например, в древней Руси принимались во внимание социальные особенности субъекта. К сожалению, не совсем адекватно: высокое положение виновного фактически гарантировало освобождение от наказания в случае совершения преступления в отношении жертвы низкого статуса. Подобный подход в «зеркальном отражении» присутствовал и в советский период: совершение преступного деяния пролетарием признавалось смягчающим обстоятельством (вне зависимости от статусных характеристик жертвы); и наоборот – осуществление преступления представителем «имущего» класса рассматривалось в качестве отягчающего вину фактора. Тем не менее, означенный подход при всех недостатках его интерпретации, обусловленных политическими и социально – экономическими аспектами, признавал значение характеристик субъекта при регламентации и назначении наказания.

Более логично учет статусных особенностей виновника изнасилования применялся в эпоху правления Петра I: ответственность варьировалась в зависимости от того совершено преступление военнослужащим или гражданским лицом.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. во внимание принимались статусно-семейные особенности преступника и жертвы (супружество, кровосмешение).

В настоящее время видится необходимым законодательная дифференциация ответственности за изнасилование на основе учета статусных особенностей субъекта.

Означенные разновидности рассматриваемого преступления распространены на практике, влекут более тяжкие последствия, обладают повышенной степенью общественной опасности, позволяют виновному избежать ответственности.

Вышеизложенные аспекты относятся к основаниям криминализации деяний. Не следует забывать и об условиях указанного процесса, одним из основных которых является уровень общественного правосознания и психологии (т.е., по сути, общественное мнение). Если большинство не признает законодательные новеллы, цели их создания и реализации теряют смысл, равно как и наоборот.

М.М. Сперанский в качестве одного из критериев просвещенного государства отмечал учет общего мнения как внутреннего убеждения большинства людей [6]. При этом обозначал своего рода «формулу» означенной категории: личный интерес как основа + усиление значимости за счет сопряженности с общественными пользами = уважение существующих государственных основ, учитывающих означенные аспекты.

Подобную позицию в рассматриваемой области высказывают многие исследователи: «учет аморальности деяния» [1, с. 102]; «всеобщее признание» [4, с. 54]; «моральная поддержка большинства членов общества» [5, с. 66].

Далее рассмотрим проблемные вопросы регламентации квалифицирующих признаков изнасилования.

На протяжении веков отечественный законодатель рассматривал в качестве критериев, влияющих на ужесточение ответственности за изнасилование: возраст жертвы, групповое совершение означенного деяния, наличие дополнительных тяжких последствий.

В настоящее время проблема в рассматриваемом вопросе присутствует не в самом перечне квалифицирующих обстоятельств, а в несовершенстве регламентации соответствующих признаков, влекущем, в свою очередь, сложности единообразного толкования и правоприменения.

«Эффективность закона зависит от четкости, ясности и грамотности его языка» [3, с. 29]. М.М. Сперанский отмечал два основных правила изложения [7]: взаимосвязанность всех мыслей между собой и подчиненность их одной главной. Интерпретируя означенную позицию к современным требованиям к языку закона можно заключить, что она охватывает два ключевых аспекта: логическое единство и терминологическое единообразие правового акта (единство учета единообразных факторов во всех родственных случаях) – первое правило по М.М. Сперанскому; системность и завершенность (единство внутренней структуры и смысла документа) – второе правило. В общем и целом от качества соблюдения означенных требований зависит ясность и доступность смысла любого текста.

Возвращаясь к регламентации квалифицирующих признаков изнасилования в обозначенном ракурсе можно отметить следующие недочеты: исключение фактора осознания виновным возраста жертвы; отсутствие четких критериев категории «особая жестокость»; использование оценочного нерасшифрованного понятия «иные тяжкие последствия»; неучет количественных критериев общественной опасности.

Так, вменение виновному такого квалифицирующего обстоятельства как несовершеннолетний/малолетний возраст жертвы в отсутствие доказанности знания/понимания субъектом данного фактора – нарушение положений принципа вины. Первоначально законодатель в соответствующей норме обозначал критерий «заведомость» относительно понимания виновным означенного аспекта, что обязывало правоохранительные органы устанавливать и доказывать факт реального осознания субъектом возраста жертвы. В настоящее время необходимость учета обозначенного фактора присутствует в разъяснениях Верховного Суда РФ, носящих в целом скорее рекомендательный характер (в связи с отсутствием конкретизированного статуса соответствующих документов). Представляется логичным и целесообразным вернуть критерий «заведомость» в норму ст. 131 УК РФ.

Относительно понятия «особая жестокость»: оценочный характер + отсутствие конкретизированных разъяснений официального характера влекут проблемы единообразного толкования и применения данной категории, что, в свою очередь, негативным образом отображается на реализации целей и задач уголовного закона, воплощении положений его ключевых принципов. Способом разрешения обозначенной проблемы видится легальное определение особой жестокости, основанное на использовании детализированных признаков.

Определение «иные тяжкие последствия» также носит оценочный характер. Ни в теоретических исследованиях, ни в разъяснениях Верховного Суда РФ нет единообразия в отношении трактовки данного термина. Во избежание дискуссий в области толкования и применения представляется необходимой разработка и закрепление соответствующего понятия с учетом определяющих признаков в рамках уголовного закона.

Еще одним недочетом действующего законодательного подхода в исследуемой области является отсутствие дифференциации уголовной ответственности за совершение изнасилования в отношении двух и более лиц. При такой позиции фактически игнорируется учет количественных характеристик общественной опасности содеянного, требования принципов равенства и справедливости, т.к. за совершение различных по степени тяжести преступных деяний может быть назначено равнозначное наказание. Кроме того, нарушается требование системности (в других составах насильственных преступлений против личности означенный аспект присутствует). Таким образом, видится необходимым введение в норму ст. 131 УК РФ дополнительного квалифицирующего признака, предусматривающего возможность ужесточения ответственности в случае совершения преступления в отношении двух и более лиц.

Суммируя вышеизложенное, можно отметить следующие основные моменты:

1. В отношении регламентации признаков жертвы изнасилования: ввести в норму ст. 131 УК РФ термин «потерпевшее лицо»;

2. Относительно установления критериев субъекта рассматриваемого преступного деяния: предусмотреть дифференциацию ответственности с учетом статусных особенностей виновного лица;

3. Касательно квалифицирующих факторов:

- возратить критерий «заведомость» в целях подтверждения осознания виновным возраста жертвы;

- разработать и закрепить легальное определение понятий «особая жестокость» и «иные тяжкие последствия» применительно к означенному составу преступления;

- регламентировать дополнительный квалифицирующий признак: «совершение в отношении двух и более лиц».

Означенные рекомендации обусловлены необходимостью совершенствования действующего подхода законодателя и правоприменителя в исследуемой области с учетом исторического опыта, воплощения целей, задач и принципов уголовно-правовой защиты обозначенной группы интересов.

Список цитируемой литературы:

1. Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... канд.юр.наук. - М., 2001. - 196с.

2. История политических и правовых учений/под ред. В.С. Нерсесянца. - М., 2004. – 944с.

3. Кузнецова Н.Ф. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона//Социалистическая законность. - 1973. - № 9. - С. 29 – 32.

4. Мид М. Антропология размышлений касательно естественного права. - М., 1967. – 540 с.

5. Полубинская С.В. Учет социально-психологических обстоятельств при объявлении деяний преступными.- М., 1981.- 246с.

6. Сперанский М.М. «О силе общего мнения» // http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_o_sile_obch.html (дата обращения: 07.01.2022).

7. Сперанский М.М. Правила высшего красноречия// http://rulibs.com/ru_zar/sci_linguistic/annushkin/0/j157.html (дата обращения: 07.01.2022).

8. Сперанский М.М. Философские размышления о праве и государстве // http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_filosofskie.html#a006 (дата обращения: 07.01.2022).

Сведения об авторе:

Дядюн Кристина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент по специальности «уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право»; Kristina.dyadyun@yandex.ru.

Зыков Д.В.

РОЛЬ ЮРИСТА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ)

Аннотация: *Под особым углом зрения в свете современного значения инструмента законодательства по управлению обществом предстаёт роль юриста в организации социального порядка. Именно юрист оказывается тем звеном (volens nolens) в общем механизме социального управления, который обеспечивает внутреннюю согласованность задуманных изменений в векторах развития современного общества во всех масштабах и локациях происходящих социальных актов и взаимодействий. Небезынтересно в этой связи не только обратить внимание на значение данной фундаментальной функции юриста, но и на некоторые из проблем, которые сопровождают правовое регулирование в связи с субъективными особенностями носителей логики и психологии структуры юридической профессии.*

Ключевые слова: *деятельность юриста, профессиональное правосознание, принципы права, проблемы правового регулирования, определённость права, внутренняя согласованность законодательства, правовая культура.*

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

В истории нашей цивилизации существенное значение имело изобретение феномена законодательства. Позитивное (установленное, писанное) право знаменует собой переход от стихийно-

исторического развития к управляемому, когда в руках человека оказалась его собственная судьба. Мы вторглись в сам механизм социальной эволюции. С тех пор с разной степенью успеха главным инструментом изменений общественной жизни является законодательство. Можно сказать, что в основном государственное управление осуществляется посредством механизма правового воздействия. Право не просто устанавливает правила поведения, но создает саму институциональную структуру общества, конституирует государство как форму его организации [8, с.40-41].

В этой связи было множество споров, как в виде сомнений в действенности и эффективности права как регулятора, вплоть до нигилистических настроений, так и в виде приписывания праву магических свойств в изменении реальности, вплоть до его абсолютизации. Теперь вполне осознано, что альтернативы праву как регулятору быть не может, однако оно имеет собственные изъяны, которые необходимо учитывать. Как бы изощрённо и тщательно ни был продуман каждый отдельный законодательный акт, его встраивание в систему права неизбежно порождает непредвиденные и нежелательные последствия, определяющие далее, что мы можем делать, а чего нет.

Ожидания законодателя не всегда и не в полной мере оправдываются, а порой завершаются полным крушением планов. Сам законотворческий процесс непрерывен и по необходимости нуждается в постоянной адаптации и корректировки своих актов к меняющимся социальным условиям на основе сведений, получаемых с помощью обратной связи об уровне беспорядка в обществе, чтобы не допустить его распада. И хотя (особенно чем старше и совершеннее) составные части системы законодательства внешне выглядят согласованными и стройными, логичными и последовательными, на деле могут представлять подчас противоречивыми и пробельными («правовой вакуум»), полными коллизий и не завершённости регулирования, поскольку жизнь всегда оказывается богаче наших представлений о ней.

Невозможно в человеческом обществе, особенно современном сложном Сверхобществе, полном случайностей, хаотичного поведения, предусмотреть, формализовать и упорядочить все возможные правовые ситуации, так сказать исчислить их как в сценарном языке программирования и заранее дать разрешение. Каждый шаг, каждое действие, решение в процессе правового регулирования определяется проблемами, постоянно и хаотично возникающими, когда принципы, установленные или подразумеваемые, на основе которых уже приняты предыдущие решения, применяются к непредвиденным в свое время и, как правило, нежелательным последствиям и обстоятельствам. Такая внутренняя динамика и сложность законодательства, сфера действия которого исторически постоянно расширяется, сегодня уже никого не удивляет.

Однако в данном процессе постоянного поиска выхода из противоречивых ситуаций, когда одно накладывается на другое и под давлением обстоятельств, юристам все равно необходимо принимать решения, согласующиеся с целостной системой, должны укладываться в рамку общих правовых концепций и отправных принципов. При этом здесь не важно, для понимания роли юриста, принимает решения правоприменитель или законодатель, ведь требование к ним одно – стабильность и внутренняя согласованность законодательства, единообразия правоприменительной практики [2, с. 44 и сл.].

Понятное дело, что в условиях неизбежной пробельности и противоречивости законодательства, а также вызываемых самой спецификой и динамикой законодательства непредвиденных и нежелательных последствий, которые заранее невозможной просчитать до конца, значение юристов заключается в применении общих принципов, а не в подвергании их сомнению, с целью гармонизации всей системы правового регулирования. Сколько бы юрист как обыватель и просто человек ни был не согласен с принимаемыми решениями, оценивать их и соответственно проводить в жизнь он может только в контексте официального правопонимания, признанной философии права, выражающейся в принципах, являющихся для него отправными точками и непреложной данностью [9, с. 83].

Правосознание юристов в наиболее важных своих аспектах зависимо от лежащей в его основе официальной трактовки права [3, с. 109 и сл.]. Юрист, применяющий или истолковывающий закон, находящийся в противоречии с преобладающей частью системы, так сказать с ее духом в текущий момент времени, будет стремиться повернуть его так, чтобы он гармонизировал с целым. Задача юриста заключается в постоянном стремлении сделать всю систему внутренне согласованной, производить и воспроизводить единообразную юридическую реальность, в этом вся суть правового мышления и справедливых решений [9, с. 84-85].

Другой вопрос, насколько хорошо это удастся нашему абстрактному массовидному юристу. Почему не всегда можно ответить положительно на этот вопрос. Какие причины обуславливают

неудачное выполнение своей миссии юристами? Лежат ли в основе этих причин только когнитивные ограничения среднестатистических коллег по цеху или есть и теоретические недостатки самой юриспруденции? Эти вопросы привлекают все большее внимание исследователей.

Так, Н.Н. Тарасов, занимаясь методологическими проблемами юридической науки, замечает: «...проблема научного юридического сообщества сегодня не столько в том, чтобы добиться участия в разработке новых законов или экспертизе организационных изменений государственного аппарата. Для теоретической юриспруденции вопрос важно перевести в иную плоскость, где он и приобретает статус собственно проблемы: как системно обеспечить наиболее полное соответствие государственных и юридических практик декларируемым ценностям, правовым принципам и действующему законодательству» [7, с. 9].

Суть данной проблемы Н.Н. Тарасов видит не только в том, что власть недостаточно учитывает мнение ученых-юристов при принятии решений, а уровень развития правовой культуры даже среди профессиональных юристов оставляет желать лучшего. Но, прежде всего, в методологической неопределенности самой юриспруденции, в фактическом отсутствии в ней собственного метода, нахождении ее на стыке между естествознанием и социально-гуманитарными науками, что не способствует формированию автономности юриспруденции [7, с. 10-11].

Кроме того, в другом месте автор отмечает чрезмерную бюрократизацию образовательного процесса, отвлечение преподавателя от содержательной коммуникации со студентом, как единственно возможным способе трансляции культуры, традиций, образования новым поколениям, на разработку бессмысленных стандартизированных рабочих программ и вменение ему перечня компетенций, которые он должен формировать у студентов, даже если он является представителем научной школы с многолетней историей и имеющей общепризнанные результаты.

«Сегодня – пишет автор – я сохраняю основанное на многолетнем обдумывании этих вопросов глубокое убеждение в том, что: юридическая культура и мышление «живут» в людях, обладающих образованием и профессиональным опытом в своей сфере деятельности; юридический профессионализм рождается в процессе трансляции культуры и формирования мышления, а в практиках он повышается и совершенствуется, но не создается; разрыв в традиции юридического образования ведет к утрате носителей правовой культуры и юридического мышления, а значит – к деградации права» [8, с. 44-45].

Другим не менее интересным аспектом исследования данной проблематики являются профессиональные когнитивные способности и качества коллег юристов, их диагностика с помощью объективных критериев, предлагаемых юридической техникой на предмет владения инструментарием последней.

К примеру, С.Б. Поляков убедительно демонстрирует на примере решений судов общей юрисдикции, что глубина правосознания определяется не должностью лица, поскольку много людей работают по профессии, не владея на достаточном уровне правовым инструментарием, но что именно с помощью данных критериев можно оценить степень их профессиональности, в силу чего они и притязают на объективность. Таковыми являются: способность устанавливать само по себе правоотношение, владение навыками толкования права, знание о пробельности законодательства, его коллизионности, умение отличать одно от другого и знание способов, выработанных доктриной, по их последовательному преодолению, наличие представлений о структурных связях права и принципах его устройства и функционирования как наиболее фундаментальных закономерностях, о фикционном характере правовых сущностей, а также презумпциях, аксиомах, юридической силе и иерархии правовых актов, юридической технике их подготовки и упорядочения [4, с. 4 и сл.].

Н.Я. Соколов на примере социологических данных по опросу широкого круга практикующих юристов от следователя до судебного пристава, показывает, решение каких вопросов вызывает основные трудности. Вопросы традиционные для юриста: установление и оценка фактических обстоятельств дела, выбор соответствующих норм регулирования, проверка юридической силы норм права (подлинность, действие во времени и т.д.), толкование норм права, принятие решения по анализируемой ситуации, контроль за реализацией решения. Статистика автора иллюстрирует, что на первом месте у среднестатистического юриста оказывается познавательная проблема по толкованию права и анализу содержания применяемых норм [5, с. 205 и сл.].

Профессиональная компетенция юриста излюбленная тема последних десятилетий в юридической науке. Здесь благодатная почва для дальнейших исследований. Все они вращаются вокруг двух обозначенных линий. Причинами непрофессионализма юристов оказываются либо собственная ограниченность когнитивных способностей и информационного поля сознания, не позволяющая ему реализовывать требуемые компетенции, либо противоречивость самой правовой материи,

обусловленная неопределенностью юриспруденции в вопросе самоидентификации (что я такое: социальная инженерия или самостоятельная наука?), не позволяющая механизму правового воздействия работать бесперебойно.

В свете данных рассуждений вспоминаются слова С.С. Алексеева, что вовсе не принуждение или угроза его применения являются обеспечительным средством правового воздействия (через возложение обязанностей и предоставление прав), как до сих пор написано в академических учебниках. Автор замечал: «...обеспечительным средством, придающим юридический характер этим путям воздействия права на общественные отношения, является сила юридической культуры» [1, с. 22; 6, с. 108].

Список цитируемой литературы:

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1966. – 187 с.
2. Давыдова М.Л., Усенков И.А. Единообразие правового регулирования и стабильность законодательства на примере процессуальной реформы / М.Л. Давыдова, И.А. Усенков // Право и политика: история и современность: материалы Восьмой международной научно-практической конференции. – Омск, 14-15 ноября 2019 года / Редакционная коллегия: А.В. Быков (заместитель председателя), Т.Е. Грязнова (председатель), Е.С. Зайцева, М.А. Кожевина, А.Н. Язов (ответственный секретарь). – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 44-47.
3. Мамут Л.С. Общественное сознание и его формы: гл. 3 // Общественное сознание и его формы / В.И. Толстых, Н.Б. Биккенин, А.А. Гусейнов [и др.]; Предисл. и общ. ред. В.И. Толстых. – М.: Политиздат., 1986. – 367 с.
4. Поляков С.Б. Диагностика правосознания правоприменителей: учебное пособие / С.Б. Поляков. – Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2017. – 357 с.
5. Соколов Н.Я. Проблемы правового регулирования в профессиональном восприятии юристов / Н.Я. Соколов // Lex russica (Русский закон). – 2016. – №9 (118). – С. 205-213.
6. Тарасов Н.Н. Механизм правового регулирования: становление понятия / Н.Н. Тарасов // Российский юридический журнал. – 2020. – №5 (134). – С. 90-115.
7. Тарасов Н.Н. О некоторых методологических проблемах нашего права и правоведения / Н.Н. Тарасов // Академический юридический журнал. – 2020. – № 2 (80). – С. 4-12.
8. Тарасов Н.Н. О праве в современном обществе (размышления по поводу) / Н.Н. Тарасов // Российский юридический журнал. – 2018. – №6 (123). – С. 39-46.
9. Хайек Ф. Право, законодательство, свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. Хайек. – М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. – 614 с.

Сведения об авторе:

Зыков Дмитрий Валерьевич – доцент кафедры конституционного и муниципального права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»; zyk9@yandex.ru

Редько К.С., Бредихин А.Л.

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950–1960 гг.

***Аннотация:** в данной статье автор на основе анализа законодательства 1950-1960 гг. и изучения научной литературы, проводит ретроспективный анализ изменений в уголовно-правовом законодательстве СССР и союзных республик.*

***Ключевые слова:** уголовное право России, Хрущёвская оттепель, уголовный процесс России.*

7 сентября 1953 года, через несколько месяцев после смерти И.В. Сталина, должность Первого секретаря ЦК КПСС занял Никита Сергеевич Хрущёв. Новое руководство СССР взяло курс на либерализацию и демократизацию, поэтому данный период отечественной истории получил название «Хрущёвской оттепели». Изменения, которые произошли в это время, не отменили авторитарный стиль руководства, но политические репрессии уже перестали быть привычным делом.

В 1953-1954 годах был начат процесс реабилитации репрессированных лиц, включающий в себя отмену незаконных приговоров в отношении граждан СССР, которые подверглись ссылке и

высылке. В рамках реабилитации была проведена частичная амнистия 27 марта 1953 года, по которой было освобождено более 1 млн. человек.

1 сентября 1953 года было упразднено Особое совещание, которое было непосредственно задействовано в осуществлении репрессий, а в марте 1954 года из структуры МВД СССР выделился Комитет Государственной Безопасности СССР [3, С. 377].

Н.С. Хрущёва выступил 25 февраля 1956 г. на XX съезде с докладом «О культе личности и его последствиях», что стало началом устранения культа личности Сталина, сложившегося в период его пребывания у власти. Выступление содержало в себе множество резких выражений и тезисов, относящихся к осуждению культа личности Сталина и его деятельности. Официально было заявлено, что большинство репрессированных – осуждены необоснованно. Доклад Хрущёва вызвал бурную волну критики, поэтому в июне 1956 г. было принято Постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий», которое определило допустимые рамки этой критики [4].

Либерализация и демократизация политического режима затронула все сферы жизни. Изменения были и в экономике, и социальной сфере, и в законодательстве, а также в уголовном праве. С марта 1953 года было принято решение о пересмотре уголовного законодательства с целью ослабления наказаний за менее опасные деяния, к которым в будущем стали применяться меры административного и дисциплинарного порядка. Такого рода изменения затронули вопросы отмены уголовной ответственности за аборт, самовольный проезд в товарных поездах, за прогулы и самовольный уход с рабочего места, за невыработку минимума трудодней. Но, наряду с такими послаблениями репрессий, с 1954 года за умышленное убийство стала применяться смертная казнь.

За время правления И.В. Сталина созрела потребность преобразовать и упразднить формулировки ряда преступлений, что породило последующую актуализацию советского уголовного права. В рамках работы по данному направлению 25 декабря 1958 года был издан общесоюзный закон – Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Их разработка происходила с привлечением юридической общественности, а журнал «Советское государство и право» даже организовал рубрику под названием «Обсуждение вопросов уголовного и уголовно-процессуального законодательства». Основы уголовного законодательства состояли из четырёх разделов. Первый определял задачи уголовного законодательства, второй – давал понятие преступления, третий и четвёртый – раскрывали суть уголовной ответственности и наказания, условия назначения и освобождения от него.

Под преступлением стало пониматься только общественно опасное деяние, которое предусмотрено уголовным законом. Такое определение всячески исключало принцип аналогии и тем самым возможность произвольного применения уголовного законодательства, что сыграло немалую роль в укреплении законности. Основы так же отменили принцип объективного вменения и теперь уголовной ответственности и наказанию стали подлежать только виновные в совершении преступления лица. Изменения так же затронули и систему наказаний. Из нее исключили такие виды, как: объявление врагом народа с лишением гражданства, изгнание и лишение избирательных прав.

Хрущевская «оттепель» ознаменовалась также принятием ряда новых законов. Так вместе с Основами уголовного законодательства были приняты закон «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и закон «Об уголовной ответственности за воинские преступления». Первый содержал новую квалификацию преступлений и наказаний за следующие преступления: измена Родине, диверсия, шпионаж, антисоветская пропаганда и агитация, вредительство и часть других. Он же ввёл новые составы преступлений, таких как: нарушение национального и расового равноправия, пропаганда войны, преступления против другого государства трудящихся и иные [2]. Второй сократил количество составов преступлений, предусматривающих смертную казнь, и она перестала применяться в мирное время, кроме как за умышленное убийство начальника [1].

На базе положений Основ разрабатывались Уголовные кодексы союзных республик. Так, УК РСФСР был принят 27 октября 1960 года. Он состоял из 2 частей и 18 глав, объединивших в себе 259 статей. В нём, в отличие от УК РСФСР 1926 года, не предусматривались такие наказания, как изгнание за пределы СССР и объявление врагом народа. Смертная казнь и ссылка теперь не применялись к несовершеннолетним и беременным женщинам. Так же был повышен минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности до 16 лет. УК установил максимальный срок лишения свободы за особо тяжкие преступления - 15 лет, вместо 25 лет как было ранее. В УК РСФСР 1960 года при необходимости допускались альтернативные меры социальной защиты, который были предусмотрены ещё в УК РСФСР 1922 года. Например, тех, кому сложно было выдвинуть

конкретное обвинение по судебным решениям направляли в психиатрические больницы. Статистика того времени показывает, что к 1956 году в спецбольницах МВД СССР содержалось более 3000 заключённых.

Законы, устраняющие или же смягчающие ответственность, теперь имели обратную силу, а те, которые усиливали ее, не могли применяться. Однако четкое соблюдение положений закона о недопустимости обратного действия нормы, ухудшающие положение обвиняемого, нередко нарушалось из соображений политической или идеологической целесообразности.

Не менее важно было устранить возможности произвола в области уголовно-процессуального права. Уже в 1953 г. начался процесс ликвидации системы ГУЛАГа, которая держала всё население в страхе.

В январе 1954 года ГУЛАГ передан в ведение МВД СССР, а следующим организационным изменением было создание Главного управления исправительно-трудовых колоний (ГУИТК), переименованное в 1958 году в Главное управление мест заключённых. После XX съезда КПСС в лагерях появились специальные комиссии, которые занимались пересмотром дел политических заключённых.

Концом ГУЛАГа можно считать момент утверждения Президиумом Верховного Совета СССР конвенции Международной организации труда об упразднении обязательного и принудительного труда во всех формах, который произошёл 4 июня 1956 года.

В этом же году был отменён указ, устанавливающий упрощённый порядок производства дел по государственным преступлениям. С 1957 года были усечены полномочия Верховного суда СССР. Теперь он мог истребовать дела, рассмотренные Верховным судом союзной республики, только при условии нарушения ими законодательства СССР.

Изменения в уголовном процессе связаны с принятием 25 февраля 1958 года Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Задачей уголовного процесса было, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Уголовный процесс должен был строиться на принципе законности. Никто не мог быть привлечен в качестве обвиняемого иначе как на основаниях и в порядке, установленном законом. Формулировались некоторые гарантии неприкосновенности личности: подвергнуть лицо аресту стало возможно не иначе, как по постановлению суда или с санкции прокурора. Основы закрепили известные принципы советского уголовного процесса: независимость судей и подчинение их только закону; участие народных заседателей и коллегиальность в рассмотрении дел; гласность судебного разбирательства; право обвиняемого на защиту и другие.

Вместе с принятием Основ уголовного судопроизводства стало разрешено участие защитника в уголовном деле со стадии предварительного следствия, а не судебного следствия как было ранее. Это правило имело ряд исключений, одно из которых обусловлено возрастом, физическим и психическим состоянием лица, совершившего преступление. Если лицо являлось несовершеннолетним, либо из-за своих физических или психических недостатков было не в состоянии самостоятельно осуществлять своё право на защиту, то защитник допускался к участию в деле сразу с момента предъявления обвинения [5, С. 40-45].

27 октября 1960 года, одновременно с новым уголовным кодексом, в РСФСР был принят Уголовно-процессуальный кодекс, включавший в себя восемь разделов, которые были поделены на 33 главы и 413 статей. Одна часть разделов была посвящена основным стадиям уголовного процесса, другая содержала в себе особенности производства по конкретным составам преступлений.

Принцип осуществления правосудия только судом, утверждённый уголовно-процессуальным кодексом, сыграл значительную роль в защите от внесудебных репрессий. Хотя принцип презумпции невиновности и не трактовался ни в Основах, ни в уголовном кодексе, он определялся в норме, согласно которой доказательство вины подсудимого и подследственного возлагалось на следственные и судебные органы. В случае отсутствия доказательств обвинения закон обязывал суд выносить оправдательный приговор. Для проведения следственных действий, например, обыска или выемки, стало необходимо получение соответствующего разрешения от прокурора. В процессе разбирательства по делу в суде первой инстанции вновь вступал в силу принцип непосредственности исследования доказательств. С целью демократизации всего процесса к нему стали привлекать общественных обвинителей и защитников.

Таким образом, в рассматриваемый нами период советское уголовное право стало не только более гуманным, но и более современным.

Список цитируемой литературы:

1. Закон СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за воинские преступления» // Свод законов СССР, т. 10, 1985. – С.547-556.
2. Закон СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления» // Свод законов СССР, т. 10, 1985. - с. 537.
3. История отечественного государства и права: учебник / отв. ред. И.А. Исаев. – М.: Проспект, 2012. – 432 с.
4. Пленум ЦК КПСС. Июль 1953 года. Стенографический отчет. 2-7 июля 1953 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/26522> (дата обращения: 14.03.2021).
5. Смыкалин А.С. Историко-сравнительный анализ судебных систем XIX–XXI вв. в России (часть первая) // Алтайский юридический вестник. 2014. № 4. С. 40-45.

Сведения об авторах:

Редько Кирилл Сергеевич – курсант Санкт-Петербургского университета МВД России факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений

Бредихин Алексей Леонидович – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, axel_b@mail.ru

Мельникова О.В.

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

***Аннотация:** Современная политико-правовая действительность функционирования, развития нашего государства и условия пандемии позволяют выделить ряд проблем, которые затрагивают молодое население и его правосознание, правовую культуру и правовое воспитание, а также определить меры поддержки молодежи в сложившейся ситуации.*

***Ключевые слова:** молодежь, пандемия, правовое сознание, правовая культура, правовое воспитание, правовое просвещение, подростки, проблемы молодежи, НЕЕТ-молодежь, правовая грамотность, деформации правосознания.*

Современная политико-правовая ситуация позволяет констатировать негативное отношение стран Запада к России, их влияние на политическую идеологию нашей страны и свидетельствует о попытках подрыва авторитета государственной власти, дестабилизации политической, общественной, военной, культурной, информационной, социальной, экономической и правовой сфер.

В послании к Федеральному собранию Российской Федерации 15 января 2020 г. Президент РФ подчеркнул: «Мы должны создать систему прочную, надежную, неуязвимую и по внешнему контуру абсолютно стабильную, безусловно, гарантирующую России независимость и суверенитет. В то же время систему внутри себя живую, гибкую, легко и своевременно, главное, меняющуюся в связи с тем, что происходит в мире, вокруг нас, а главное, в связи с развитием самого российского общества. Систему, обеспечивающую, в том числе сменяемость тех, кто находится у власти или занимает высокое положение в других сферах. Такое обновление – неотъемлемое условие для прогрессивной эволюции общества и пусть не безошибочного, но стабильного развития, когда неизбежным остается главное – интересы России» [11].

Пандемия вируса COVID-19 значительно повлияла на политику нашего государства. «Мы понимаем, какой удар нанесла пандемия, эпидемия по благосостоянию людей, знаем это по цифрам, насколько сильно она обострила проблемы социального неравенства, бедности. Это вызов для всех стран мира, для всех, имейте в виду, не только у нас это происходит, везде одно и то же, но и для России тоже. Нас, конечно, прежде всего должна интересовать ситуация в нашей стране» [12].

Отметим и важную роль научных достижений в формировании правовых взглядов и представлений молодежи. Сегодня наука в современном мире имеет абсолютное ключевое значение. Так 2021 год был объявлен в России Годом науки и технологий. До 2024 года на гражданские, в том числе фундаментальные исследования, наша страна только из федерального бюджета направит 1 трлн 630 млрд рублей.

Кроме того, начиная с 2021 года не менее 100 вузов в субъектах Федерации будут получать гранты от 100 млн рублей и выше на открытие студенческих технопарков, бизнес-инкубаторов, обновление учебно-лабораторной базы и программ обучения. На такую поддержку смогут претендовать все государственные вузы, в том числе те, где готовят будущих педагогов, врачей, работников

сферы транспорта и культуры. Молодое поколение россиян, российских ученых смогут в полной мере заявить о себе в новых значимых исследовательских проектах.

Усилия каждого уровня власти, бизнеса, институтов развития, Российской академии наук должны быть подчинены главной, центральной задаче – повышению качества жизни российских граждан. Наша страна развивается, идет вперед, но все это происходит только тогда, когда развиваются регионы Российской Федерации. Так как страна одна, то и все уровни власти, бизнес должны работать в единой логике [12].

В условиях пандемии вируса COVID-19, активного внедрения «цифры» в жизнь общества и с учетом вышеназванных задач, считаем, что правосознание молодежи обладает особой значимостью.

Итоги первого форума Агентства стратегических инициатив («агент изменений», работающий вместе с лидерами над масштабными инициативами и объединяющий усилия общества, бизнеса и государства [13]) и фонда Росконгресс «Сильные идеи для нового времени», который прошел в г. Москве 11–13 ноября 2020 года, позволяют констатировать влияние пандемии вируса COVID-19 на современную молодежь.

Наибольшую озабоченность в молодежной среде вызывают социально-экономические проблемы, которые являются следствием ограничений по предотвращению инфекции, действовавших в большинстве пострадавших государств. Молодые люди, которые родились в период между 1990 и 2005 годами, сталкиваются на протяжении своей жизни уже со вторым глобальным потрясением: финансовый кризис в 2008–2009 годах затронул их непосредственно в студенческом возрасте и в период поиска работы, либо повлиял на уровень благосостояния их семьи. Данный экономический кризис привел к серьезным долгосрочным последствиям для молодежи во всем мире, прежде всего потому, что государства приостановили финансирование сферы образования и большого количества молодежных проектов, многие дети и подростки не смогли осуществить свои планы на получение качественного образования и достойной работы. Большинство стран, не успев справиться со сложностями, вызванными предыдущим кризисом, вынуждены вновь сократить финансирование во многих сферах, которые касаются молодежи, и отказаться от планов по реализации намеченных инициатив. В этой связи наиболее остро встает вопрос о справедливом распределении ресурсов между различными поколениями. Молодежь, которая потеряла возможность осуществить свои цели и мечты в 2020 году, имеет высокие шансы попасть в наиболее уязвимую группу при последующих экономических потрясениях, что серьезным образом отразится на качестве мирового человеческого капитала в долгосрочной перспективе [10].

Опираясь не только на текущие социально-экономические показатели, но и на опросы самой молодежи, ключевые международные организации (ОЭСР, ООН, ЮНЕСКО и другие) выделяют основные проблемы молодых людей по всему миру, которые формируют новую молодежную повестку в государствах, в том числе определяя меры поддержки молодежи в период пандемии.

Основные проблемы молодежи, вызванные пандемией вируса COVID-19.

1) Повышение уровня безработицы. Стоит отметить, что безработица молодежи может иметь последствия в долгосрочной перспективе. Молодые люди, у которых были длительные периоды профессионального простоя, чаще сталкиваются с низким уровнем заработной платы, меньшими возможностями для карьерного роста, а значит в конечном итоге и с более низкими пенсиями. Экономические последствия пандемии усугубляют уязвимость молодых людей на рынке труда, так как молодежь чаще людей старшего возраста находится на временной и неполной занятости, а значит, чаще сталкивается с высоким риском потери работы и дохода.

2) Снижение уровня доступности образования. Во многих пострадавших от пандемии странах наблюдается снижение уровня доступности образования. Исследование Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [2], проведенное в 59 странах, показывает, что, несмотря на созданные в большинстве государств возможности для дистанционного обучения, только половина учащихся смогла получить доступ ко всей учебной программе. По оценкам экспертов, один потерянный молодым человеком учебный год эквивалентен потере от 7 до 10% дохода в течение жизни. Эксперты предупреждают, что молодые люди с уровнем образования ниже среднего имеют в три раза больше шансов оказаться в группе NEET (молодежь, которая не учится и не работает), что скажется на перспективе их трудоустройства и доходах [1].

Напомним, что в конце 1990-х гг. человечество пополнилось новым поколением Z, которое пришло на смену поколению Y. NEET-молодежь является частью поколения Z. Термин NEET (Not in Employment, Education or Training) впервые был упомянут в официальных документах в 1999 г. В 2010 г. Евростат разработал стандартизированное определение NEET-молодежи: молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет, безработные или экономически неактивные, которые не учатся и не проходят профессиональную подготовку или переподготовку.

NEET-молодежь является составной частью поколения Z и на следует присущие ему черты. Исследователи на Западе обращают внимание на то, что новая генерация представлена реалистичными людьми, не верящими ни в политику, ни политикам. Они сложно поддаются внушению и управлению, предпочитая свое мнение чужому. Кроме того, Z разрывает связь с поколениями X и Y за счет своего нейтрального отношения к работе. Они четко различают работу и личную жизнь, не смешивая их. От этого поколения трудно ждать трудовых подвигов во имя общего дела, если оно не является их личной целью, например, в плане построения собственной профессиональной карьеры. Более того, поколение Z требует постоянного инновационного стиля работы, ориентированного на новые продукты и технологии.

Молодежь, которая нигде не учится и не работает подвержена рискам маргинализации, бедности, отчуждения и социальной эксклюзии [5, с. 56–57, 60].

Снижение уровня правовой культуры и формирование деформаций правосознания среди представителей NEET-молодежи неминуемо. Уже сегодня отмечается рост количества насилия в молодежной среде. «Культура» насилия набирает обороты по всему миру.

Трагедия, которая произошла в г. Перми утром 20 сентября 2021 г., потрясла своей жестокостью. 18-летний гражданин Бекмансуров пришел в Пермский государственный национальный исследовательский университет и устроил стрельбу. Он убил шестерых и ранил более 20 человек.

«Интернет, телевидение, социальные сети стали таким источником воспитания, который культивирует насилие, равнодушие к проблемам сверстников, безнравственность. Детей надо вытаскивать из интернета, а не погружать их туда за бюджетные деньги», – так глава Следственного комитета Российской Федерации Александр Бастрыкин прокомментировал трагедию в Перми и другие подобные инциденты [9].

Результаты сразу нескольких экспертных исследований ООН, заставляют бить тревогу по поводу того, что нарастает «мирное» насилие. Растет число убитых за счет бытового, семейного, уличного и иного – без войны – насилия. К 2030 году, по прогнозам исследователей, оно будет составлять от 600 тысяч погибших в год и до миллиона. Это насилие начинается с бытового хамства – препирательств на дорогах, в магазинах, в транспорте и на улице, которые потом и выливаются в «культуру насилия» [14].

3) Снижение уровня доверия молодежи государственным институтам и мерам, которые реализуют правительства. Меры по ограничению свободы передвижения, социальному дистанцированию и закрытие учебных заведений оказали влияние на ментальное здоровье молодежи, многие семьи оказались в ситуации домашнего насилия [4]. Кроме того, молодые люди столкнулись с тем, что не смогли вовремя получить правдивую и своевременную информацию о коронавирусе. Молодежь чаще людей старшего возраста использует информацию из социальных сетей в качестве основного источника новостей, а именно они, согласно последним исследованиям, содержат 88% дезинформации о вирусе COVID-19 [3].

Замкнутое пространство или «нахождение в четырех стенах», отсутствие полноценного общения с коллегами, близкими родственниками, друзьями либо его полное или частичное ограничение, а также постоянно усиливающееся психоэмоциональное напряжение среди членов семьи и знакомых (негативные мысли, стрессовое состояние, панические атаки, гнев, разочарование, беспокойство, страх, тревога) привели к неблагоприятным последствиям. Это и домашнее насилие над членами семьи, и совершение противоправных (преступных) деяний молодежью.

Так, в апреле 2020 года Организация объединенных наций официально заявила о вспышке домашнего насилия в мире в условиях карантина. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш сообщил, что в условиях карантина и режима самоизоляции, введенных во многих странах для борьбы с распространением вируса COVID-19, в разы увеличилось количество случаев домашнего насилия: «В последние недели по мере усиления экономического и социального давления и страха мы становимся свидетелями ужасающей глобальной вспышки насилия в семьях» [6].

По словам генерального секретаря ООН, в некоторых странах удвоилось число женщин, обращающихся в службы поддержки. В то же время медицинские учреждения и полицейские службы перегружены и испытывают нехватку персонала, женщины могут оказаться в ловушке с партнерами, склонными к жестокому обращению, как и их несовершеннолетние дети [8].

Достаточно большое количество фейковой информацией об опасности и последствиях вируса COVID-19 распространяется посредством массовых коммуникаций (Интернет, мобильные телефоны, смартфоны, гаджеты, различные приложения и мессенджеры).

В связи с этим, как для эффективной борьбы с инфекцией, так и для реализации других, не связанных с эпидемией мер, государства заинтересованы в повышении уровня доверия со стороны

молодых людей, поэтому формируют молодежную повестку в первую очередь опираясь на опыт предыдущих экономических кризисов, когда доверие к национальным правительствам среди молодежи снизилось, а на его восстановление ушли десятилетия [10].

Недавно стало известно, что в рамках Десятилетия детства расширят масштабы правового просвещения граждан. Российские власти намерены организовать повышение уровня правовой грамотности детей и их родителей. Планируется, что правовым просвещением к 2027 году будут охвачены не менее 7 млн человек, включая детей, родителей и опекунов, говорится в проекте плана основных мероприятий до 2027 года, проводимых в рамках Десятилетия детства.

Отмечается, что план коснется не менее 25 регионов, разработавших и реализующих документ стратегического планирования в области организации правового просвещения [7].

Считаем данную меру эффективной в области формирования правовой культуры нашего общества, в том числе молодежи. Социализация личности невозможна без развития правовой грамотности, формирования позитивного правового сознания, корректировки имеющихся деформаций правосознания, должного правового воспитания, как подрастающего поколения, так и взрослого населения, повышения уровня правовой культуры граждан.

Научному сообществу и практикам следует проводить дополнительные исследования правосознания и правовой культуры молодежи, направленные на выявление имеющихся деформаций (дефектов) правового сознания и уровня правовой культуры. Правовое просвещение и повышение правовой грамотности молодежи, несомненно, должно учитывать происходящие изменения в обществе, его современные тенденции развития, информатизацию, цифровизацию общественной жизни граждан.

На наш взгляд в сложившихся условиях целесообразно разработать и принять на государственном уровне нормативно-правовые документы следующего содержания:

идеология (концепция) развития правосознания общества, уделив отдельное внимание молодому населению (несовершеннолетним, молодежи);

стратегия развития правовой грамотности и правосознания молодежи;

меры поддержки молодежи в период пандемии вируса COVID-19 по основным направлениям: образование, трудоустройство, информационная поддержка.

Список цитируемой литературы:

1. OECD Policy Responses to Coronavirus. Youth and Covid-19 : Response, Recovery and Resilience. – URL : https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=134_134356-ud5koх3g26&title=Youth-and-COVID-19-Response-Recovery-and-Resilience (дата обращения : 01.11.2021).

2. Schooling disrupted, schooling rethought, how the covid-19 is changing education. – URL : https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=133_133390-1rtuknc0hi&title=Schooling-disrupted-schooling-rethought-How-the-Covid-19-pandemic-is-changing-education (дата обращения : 01.11.2021).

3. Types, sources, and claims of COVID-19 misinformation. – URL <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/types-sources-and-claims-covid-19-misinformation> (дата обращения : 01.11.2021).

4. United nations, special issue on covid-19 and youth. – URL : <https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2020/04/YOUTH-FLASH-Special-issue-on-COVID-19-1.pdf> (дата обращения : 01.11.2021).

5. Буланова М. Б. NEET-молодежь : опыт международной диагностики // Вестник РГГУ. – Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2018. – № 3 (13). – С. 56–57, 60. – DOI : 10.28995/2073-6401-2018-3-54-62.

6. В ООН заявили о вспышке домашнего насилия в мире в условиях карантина. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4315150> (дата обращения : 30.10.2021).

7. Власти России займутся повышением правовой грамотности детей и их родителей. – URL : <https://tass.ru/obschestvo/9258835> (дата обращения : 02.11.2021).

8. Генсек ООН заявил о вспышке насилия в семьях в условиях карантина. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/8168229> (дата обращения : 30.10.2021).

9. Детей надо вытаскивать из интернета : глава СК объяснил трагедию в Перми влиянием соцсетей. Новости от 24.09.2021. – URL : <https://www.rosbalt.ru/russia/2021/09/24/1922886.html> (дата обращения : 04.11.2021).

10. Исследования по повестке форума «Сильные идеи современного времени». Новая молодежная повестка. Новые формы развития и поддержки молодежи в период пандемии, вызванной COVID-19. – URL : <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/395805896.pdf> (дата обращения: 04.11.2021).

11. Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 г. – URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения : 30.10.2021).

12. Послание Президента Федеральному Собранию 21 апреля 2021 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения : 30.10.2021).

13. Создаем возможности для амбициозных лидеров. Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. – URL : https://asi.ru/agency/about_agency/ (дата обращения : 02.11.2021).

14. Чем объяснить рост насилия в молодежной среде. Российская газета – Столичный выпуск № 216 (8567) от 22.09.2021. – URL: <https://rg.ru/2021/09/21/reg-pfo/chem-obiasnit-rost-nasilii-v-molodezhnoj-srede.html> (дата обращения : 04.11.2021).

Сведения об авторе:

Мельникова Ольга Вадимовна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России, кандидат юридических наук; olgaeshchenko@hotmail.com

Слеженков В.В.

«УМНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ» И ПАРТИЦИПАТОРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ

***Аннотация:** Статья посвящена исследованию дискуссионных вопросов соотношения активно развивающихся в настоящее время концепций и практик «умного регулирования» и партиципаторной демократии. Автором, с учетом специфики идейно- и социально-исторического контекста становления теории «умного регулирования», анализируется потенциал применения ее положений в контексте кризиса классической модели представительной демократии и сопутствующих ему политико-правовых изменений в разрезе возможного перехода к демократии партиципаторного типа. По итогам исследования формулируются выводы относительно текущей и перспективной проблематики реализации идей «умного регулирования» на фоне соответствующего вектора демократического развития.*

***Ключевые слова:** «умное регулирование», меньшее регулирование, лучшее регулирование, государственное регулирование, правовое регулирование, демократия, демократический политический режим, демократическое правовое государство, партиципаторная демократия.*

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

В последние десятилетия кризис классической представительной демократии, вкупе с развитием технического прогресса и регулятивных практик обуславливает неизменную актуальность исследования возможных альтернативных политико-правовых концепций. В свою очередь, одной из значимых сторон исключительно многоаспектного процесса демократической трансформации выступает параллельно (но далеко не синхронно) меняющийся контекст государственного нормативно-правового регулирования, который, с определенных позиций, иллюстрируется концептуальным развитием по линии: дерегулирование (меньшее регулирование; *less regulation*) – лучшее регулирование (*better regulation*) – «умное регулирование» (*smart regulation*). Соответствующие процессы и явления во многом связаны друг с другом, также тесно смыкаясь и в рамках отдельных элементов концепции демократической правовой государственности (безусловно, речь идет о странах, где упомянутые ценности выступают не просто декларативными, а опираются на те или иные социальные практики). Не претендуя в ограниченных рамках статьи на полномасштабное обобщение сопутствующей проблематики, постараемся наметить ее основные контуры.

Прежде всего, стоит сказать, что параллели в развитии рассматриваемых концепций в значительной мере связаны с изменением круга акторов, обеспечивающих функционирование, соответственно, сложившихся моделей демократического представительства и правового регулирования. Представительная демократия, испытывая все большие проблемы легитимности на фоне недоверия к власти в свете социально-экономического кризиса и избирательного абсентеизма, а также в реалиях цифровизации объективно сталкивается с необходимостью преобразования формата политического участия (притом, что ее «конвергенция» с элементами прямой демократии после введения всеобщего избирательного права, по сути, закончилась, и именно в ключе партиципаторной демократии ставится проблема «возврата к идеалам» [4, с. 13]). Соответствующие изменения, вместе с тем, пока регламен-

тируются сугубо фрагментарно, что ставит на перспективу вопрос о содержании и границах их юридикализации в целом и конституционализации – в частности. В свою очередь, меняется и формат правового регулирования: если ранее оно неизменно связывалось с феноменом государственного вмешательства, то в последние десятилетия, вслед за очередным переосмыслением пределов такового, во все большей мере предполагает развитие практик ко-регуляции и саморегуляции [5, р. 3].

Далее, стоит сказать, что в современности, по мере универсализации (конечно, в известных пределах) политико-правовых ценностей в значительной мере утрачивает актуальность традиционная антитеза «формальных» и «содержательных» начал, характерная ранее для понимания как демократии, так и государственного идеала, и сущности правового регулирования. Содержательные аспекты и в том, и в другом случае, при всей своей безусловной значимости, не могут развиваться бесконечно, не столкнувшись с проблематикой декларативности, идеализма, выхолащивания, а также и отсутствия единообразия в понимании; другими словами, количественный рост соответствующих элементов со временем означает качественные концептуальные изменения. Как демократия, так и правовое регулирование должны соответствовать новым требованиям прозрачности, подотчетности, легитимности и эффективности.

Следующий аспект рассматриваемого соотношения носит технический характер. Развитие технологий существенно опережает по своей динамике эволюцию государственных организационных структур и процессов [6, р. 87], что опосредует необходимость решения вопросов внедрения соответствующих инноваций в управленческие и политические процессы. Новые технологии призваны активизировать политическое участие, приблизить граждан к процессу принятия решений, как с политической, так и с правовой точек зрения, обеспечить легитимность, транспарентность и результативность последних.

В целом, и демократическая система, и система правового регулирования, казалось бы, только выигрывают от соответствующего «переформатирования», особенно в разрезе правотворчества. «Умная» регуляторная политика основывается на ряде принципов, которые включают прозрачность, сотрудничество, подотчетность, эффективность, участие и открытость, что, так или иначе, сочетается с контекстом именно партиципаторной демократии. В идеале «умное регулирование» приводит к «открытому управлению» и тому или иному формату «демократии участия», исходя из пресуппозиции о том, что регулирование имеет лучшее качество, когда на издаваемые правила, а также на их оценку непосредственно повлияли граждане. Регуляторная политика, основанная на принципах «умного регулирования», предполагает, что лица, затронутые конкретным нормативным актом, лучше всего понимают его влияние и могут предоставлять государственным органам доказательства и информацию, необходимые для улучшения такового; при этом, каждый этап процесса «жизни» нормативного акта открыт для такого рода участия.

Однако, упомянутые тенденции политико-правового развития вызывают и ряд проблем, как уже остро нуждающихся в решении, так и пока не в полной мере выявленных, но, во всяком случае, оставляющих простор для конструирования далеко не только положительных сценариев развития соответствующих практик.

Прежде всего, безусловно, что гармоничное развитие технологий «умного регулирования» и начал партиципаторной демократии требует надлежащего правового базиса, что ставит перед современным законодателем комплекс задач как содержательного, так и технико-юридического плана (исключение избыточных и дублирующих функций государственных органов, делегирование определенных регулятивных полномочий негосударственным структурам, развитие механизмов консультативного участия граждан в разработке нормативных актов, стимулирование ко-регуляции и саморегуляции, формирование единой информационно-аналитической базы оценки регулирующего воздействия нормативных актов, оптимизация языка нормотворчества, внедрение практики «правовых экспериментов» и т.д.). В современных российских реалиях относительно нестабильной, динамично перестраивающейся правовой системы, а также инерции масштабного государственного вмешательства в общественную жизнь решить соответствующие проблемы, конечно же, будет особенно сложно.

В свою очередь, формирование такого базиса существенно осложняется и в свете ряда концептуальных различий. Следует помнить, что идеи «умного регулирования» изначально возникли и развивались в американском (впоследствии – англо-американском) правовом контексте, характеризующимся особенностями в восприятии коннотаций «регулирования» не только в субъектном разрезе, но и в части определения уровня такового. Так, если для континентально-европейской (и, в том числе, российской) политико-правовой мысли классически была характерна ассоциация регулирования не просто с деятельностью государства, но, прежде всего, с законодательством, то аме-

риканской научной традиции присущ акцент восприятия регулирования через призму административной практики, в рамках которой совершается большинство взаимодействий по линии гражданин-государство [7, р. 173]. С учетом этого, существует определенная проблема некритического заимствования терминологии как в теоретическом плане, так и непосредственно в нормотворчестве.

С технологической точки зрения обращают на себя внимание сложности «цифрового разрыва» между поколениями (во всяком случае, в ближайшей исторической перспективе), возможного манипулирования информацией (и политической волей избирателей), а также отхода от классической конституционно-правовой концепции запрета «императивного мандата» [3, с. 57]. Это априори не позволяет отождествить развитие партиципаторной и «электронной» демократии, а требует, в контексте понимания перспектив первой, выработки и формализации более гибких моделей политического участия (тем более, с учетом объективной ограниченности партиципаторных практик в реалиях углубляющегося даже в реалиях развитых стран экономического неравенства и кризиса не только демократической, но и социальной государственности).

Наконец, следует помнить, что развитие соответствующих новых политико-правовых практик возможно только до известных пределов, которые специфически определяются в каждом конкретном государстве. На фоне активного развития идей дерегулирования (отчасти отраженных и в контексте «умного регулирования»), как правило, ориентированных в экономической плоскости, в частности, обращает на себя внимание потребность именно государственного реагирования на так называемые «большие вызовы» [2, с. 62], а также то, что в отличие от «провалов рынка», в научной литературе отсутствуют соответствующие аналогии для нерыночных институтов, равно как не обобщен и спектр решений для подобных ситуаций. С учетом этого, экономические обоснования регулирования необходимо расширить как минимум тремя дополнительными социальными обоснованиями: желанием защитить человеческие права, усилить социальную солидарность и увеличить степень вовлеченности граждан в процесс регулирования [1, с. 41].

Изложенное позволяет заключить, что развитие рассматриваемых политико-правовых концепций предполагает как ряд безусловно положительных аспектов (связанных, в частности, с учетом новых механизмов расширения участия в политических и нормотворческих процессах, ориентиром на эффективность и сокращение издержек, задействованием технологических новаций), так и комплекс проблем. При этом, перспектива их решения предполагает несводимость к сугубо инструментальным средствам (таким, как, например, концепции «цифровой демократии» и «меньшего регулирования»), выход за существующие, достаточно прагматичные (с позиций континентально-европейской политико-правовой традиции) концептуальные рамки «умного регулирования», опосредуя актуализацию вопросов «содержательной» состоятельности нормативно-правовых актов в новом контексте.

Список цитируемой литературы:

1. Бычкова О.В. «Умное регулирование»: как предотвратить появление необоснованных регулирующих правил: учебное пособие. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. – 392 с.
2. Кононенко Д.В. «Большие вызовы» как фактор трансформации государственно-правовых отношений // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 3. С. 58 – 65.
3. Сергачева О.А., Слеженков В.В. Проблемы конституционализации цифровой демократии в свете современной итальянской политико-правовой доктрины // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 55 – 59.
4. Современная демократия: теории и практики: учеб. пособие / А.В. Петров. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 153 с.
5. Baldwin R., Cave M. and Lodge M. Understanding regulation: theory, strategy, and practice. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 568 p.
6. Garcia M.J.G. Smart regulation law-making and participatory democracy: consultation in the European Union // Revista Catalana de Dret Públic. 2019. Vol. 59. P. 85 – 96.
7. Hildebrandt M. Algorithmic regulation and the Rule of Law // Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical & Engineering Sciences. 2018. Vol. 376. P. 169 – 183.

Сведения об авторе:

Слеженков Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»; slezhenkov@volsu.ru

Твердохлебова А.С., Пасенов А.Н.
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРОКУРАТУРЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

***Аннотация:** В данной статье рассматривается история возникновения и развития института прокуратуры как в России, так и в других государствах. Проводится историко-правовой анализ изменений полномочий органов прокуратуры от момента появления до наших дней.*

***Ключевые слова:** прокуратура, полномочия прокурора, история прокуратуры, прокурорский надзор, уголовное преследование, государственный обвинитель.*

Развитие прокуратуры в Российской Федерации имеет очень богатую историю. Оно началось еще со времен Петра I. В соответствии с его указом были учреждены должности прокуроров в провинциях, на флоте, в армии, в Синоде, а также при надворных судах [6, с. 113]. Принятие данного документа было обусловлено распространением беззакония и увеличением уровня преступности. Первым прокурором необходимо считать П.И. Ягужинского. В 1995 году Президент Российской Федерации установил, что день принятия указа императором следует считать днем работника прокуратуры Российской Федерации [11].

Первоначальные задачи прокуратуры заключались в контроле за местами содержания заключенных, за надлежащим расчетом и собиранием налогов. Немаловажной функцией являлся контроль за применением законов по отношению к уголовным, административным и гражданским делам.

Прокуратура считалась и до настоящего времени считается важнейшим надзорным органом, который наделен исключительными полномочиями. Функция по надзору выражалась в форме протеста прокурора, если нормативные акты органов власти не признавались правовыми. Соответственно, прокуратура сразу заняла свое место в единой централизованной системе органов власти.

После смерти Петра I прокуратура снизила активность осуществления своих полномочий и, можно сказать, бездействовала. Только с приходом к власти Екатерины II стали приниматься значимые указы по поводу положения органов прокуратуры, в частности Указ об учреждениях для управления российских губерний [3].

В начале XIX века в ходе создания министерств органы прокуратуры стали относиться к Министерству юстиции на основании Манифеста от 1802 года «Об учреждении Министерств» [7]. Большие коррективы внесла Судебная реформа 1864 года. Именно она стала толчком к развитию роли прокурора как главного должностного лица по надзору за действующим законодательством. В соответствии с нововведениями органы прокуратуры стали частью исполнительной власти в государстве. Как итог – прокуратура приобрела функцию уголовного преследования. Помимо этого, надзор как функция сохранилась.

Судебная реформа 1864 года установила особую роль данного органа, сделала его более централизованным, утвердила распределение по судебно-территориальному признаку, а также наделила особыми полномочиями в уголовном процессе [9, с. 87]. При этом на тот момент было установлено, что обвинительная власть отлична от судебной и самостоятельна. Подобное положение сохранялось вплоть до 1917 года.

С приходом Революции было установлено, что государство больше не нуждается в институте прокуратуры, в целом нет необходимости в надзоре. Совет Народных Комиссаров как высший орган исполнительной власти в стране отменил в соответствии с Декретом от 1917 года «О суде» все институты, касающиеся уголовного преследования [1].

Однако решение советских органов власти поменялось спустя пять лет. Было решено возродить прокуратуру. В 1922 году советская власть приняла новое Положение, которое законодательно урегулировало статус прокуратуры. Было установлено, что данный орган должен относиться к Министерству юстиции. В территориальных подразделениях были свои прокуроры, главным же считался Прокурор республики [8].

Указанное Положение также закрепляло новые задачи для органа, которые заключались в:

1. Выполнении функции обвинения;
2. Выполнении функции по осуществлению контроля за органами государственной власти, местного самоуправления и органами Государственного политического управления;
3. Осуществлении прокурорского надзора в отношении мест заключения, где осужденные лица отбывали наказание по приговору суда;

4. Обеспечении законности посредством проверки исполнения нормативных актов, их соответствия закону в отношении органов государственной власти, иных учреждений и организаций, вынесении протестов на данные акты ввиду их противоречия действующему законодательству.

Только к 1933 году органы прокуратуры отделились от Министерства юстиции и больше не имели отношения к исполнительной власти. Это означало самостоятельную и независимую деятельность данных органов, а также выделение их в отдельный институт. В 1936 году систему прокуратуры пополняют военная и транспортная прокуратуры, а также следственные органы.

В 1979 году введен в действие Закон СССР «О прокуратуре СССР», который объединил в себе все положения, касающиеся надзорного органа. Прежде всего, к задаче прокуратуры была отнесена охрана от всяких посягательств:

«закрепленного Конституцией СССР общественного строя СССР, его политической и экономической систем;

социально-экономических, политических и личных прав и свобод граждан, провозглашенных и гарантируемых Конституцией СССР и советскими законами;

прав и законных интересов государственных предприятий, учреждений и организаций, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций» [2].

Таким образом, в период существования СССР органы прокуратуры приобрели огромное значение и заняли особое место в системе органов государственной власти. Прокуратура стала независимым органом, который являлся надзорным и не входил в систему исполнительной власти.

В 1991 году в ходе становления Российской Федерации в качестве независимого государства множество законов, принятых во времена СССР, сохранили свое действие. После принятия Конституции Российской Федерации задачи прокуратуры решено было скорректировать и направить на реализацию защиты прав и свобод человека, поскольку в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации, они являются высшей ценностью в государстве [4]. Как считает Е.В. Кучинская, задачи прокуратуры в первую очередь ориентируются на конституционные принципы: демократическое, правовое и социальное государство [5, с. 8].

Важнейшим ныне действующим законом, который направлен на реализацию полномочий прокуратуры, является Федеральный закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» [12]. Прокуратура как один из органов государственной власти обладает собственной структурой, функциями и компетенцией. По мнению А.Ф. Смирнова, должность прокурора является высшей, ключевой и важной вне зависимости от уровня в системе данного органа [10, с. 230]. Именно от имени прокурора выносятся все протесты и представления в отношении органов государственной власти, местного самоуправления, иных организаций. Такое должностное лицо несет полную ответственность за функционирование всего территориального органа, его надзорную деятельность и обеспечение правопорядка, а также защиту прав и свобод граждан.

Обращаясь к вопросу возникновения и развития института прокуратуры за рубежом, необходимо отметить, что сам термин «прокурор» впервые был использован в римском праве. Таковым называли лицо, осуществляющее контроль за установлением и сбором налогов на территории, наместника императора в провинциях и управляющего хозяйственными делами. Следует отметить, что все указанные значения сводились к лицу, который осуществлял некий надзор за применением установленных правил и представлял императора в определенной категории дел. Однако нынешнее определение прокурора появилось гораздо позже.

В первой половине XIV века прокуратура в современном ее понимании возникла во Франции, когда у власти находился король Филипп Красивый. В народе прокуроров называли людьми короля, поскольку они всегда защищали интересы сугубо королевской власти и поддерживали ее авторитет.

К функциям прокурора относились участие в судебных заседаниях по гражданским и уголовным делам, одной из сторон которых была обозначена королевская власть. Таким образом, прокурор становился защитником государства (короля) и государственным обвинителем. Французская власть на должность прокурора отбирала практикующих и опытных адвокатов, которые после службы королю возвращались в корпорации адвокатов. Некоторые исследователи сходятся во мнении, что прокурор и адвокат являются выходцами из одной «семьи», что также подтверждается историей развития института адвокатуры во Франции тех времен.

Позже ввиду установления государством задачи по снижению уровня преступности, борьбе с уголовными правонарушениями прокуроры стали именоваться обвинителями. Их полномочия сводились к поддержанию обвинения в суде, а также уголовному преследованию. С приходом к

власти Наполеона I прокуроры получают достаточно широкий перечень полномочий в области надзора за уголовным, гражданским и административным законодательством.

Развитие института прокуратуры во Франции стало примером для многих стран, которые переняли многие функции и положения, а также расширили полномочия прокурора далеко за пределы роли государственного обвинителя в расследовании уголовных дел.

В настоящее время французское законодательство позволяет прокуратуре быть инициатором возбуждения уголовных дел, контролировать уголовные преследования, представлять обвинение в суде, осуществлять надзор в отношении судебной полиции и тому подобное. Прокурор является значимым лицом, без которого невозможен процесс, соответственно, он не может быть отстранен от участия.

Рассматривая опыт развития прокуратуры в США, необходимо обозначить, что их органы прокуратуры полномочны осуществлять контроль за пенитенциарной службой, контрразведкой и полицией.

В Чехии прокуратура является также координирующим органом, который осуществляет борьбу с преступностью, участвует в гражданских и уголовных судебных процессах и особое внимание уделяет надзору за исполнением приговора суда.

Прокуратура Беларуси и Украины склонна к установлению и развитию императивных полномочий прокуроров в отношении устранения нарушений законодательства.

Таким, образом, институт прокуратуры как в России, так и в зарубежных странах претерпел множество изменений с момента его возникновения. На наш взгляд, возникновение института прокуратуры во Франции явилось ключевым моментом в истории надзорного органа, поскольку остальные государства взяли положения французского законодательства в качестве ориентира при регулировании деятельности прокуратуры.

Российская прокуратура изначально была предназначена для осуществления надзора за законностью деятельности органов государственной власти в стране. Затем ее роль расширилась за счет возможности уголовного преследования и выступления прокурора в роли обвинителя.

Список цитируемой литературы:

1. Декрет Совета Народных Комиссаров от 5 декабря (22 ноября) 1917 года «О суде» [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения 29.12.2021).
2. Закон СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-Х «О прокуратуре СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1979, № 49, ст. 843 (документ утратил силу).
3. Коновалов И.А. «Учреждение для управления сибирских губерний» 1822 г. - первый опыт кодификации М.М. Сперанского // Правоприменение. – 2021. – № 1. – С. 32-39.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ, 2020, № 31, ст. 3301.
5. Кучинская Е.В. История возникновения, становления и развития российской прокуратуры // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2014. – № 2 (16). – С. 81-88.
6. Лавров В.В., Ерёмин А.В., Иванова Н.М. Прокуратура Российской империи в документах, 1722–1917 : хрестоматия / В.В. Лавров, А.В. Ерёмин, Н.М. Иванова ; под. ред. Г.В. Штадлера. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 172 с.
7. Манифест от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении Министерств» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/58101807/> (дата обращения 29.12.2021).
8. Постановление ВЦИК от 28.05.1992 года «Положение о прокурорском надзоре» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1334.htm (дата обращения 30.12.2021) (документ утратил силу).
9. Синельщиков Ю.П. Влияние судебной реформы 1864 г. на современное состояние прокуратуры // Законность. – 2014. – № 11 (961). – С. 3-8.
10. Смирнов А.Ф. К вопросу о правовом регулировании статуса прокуратуры Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1 (74). – С. 215-221.
11. Указ Президента РФ от 29.12.1995 № 1329 «Об установлении Дня работника прокуратуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 08.01.1996, № 20, ст. 62.

12. Федеральный закон Российской Федерации от 17.01.1992 года № 2202-1 (ред. 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 20.02.1992, № 8, ст. 366

Сведения об авторах:

Твердохлебова Анастасия Сергеевна – студент юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; at-verdohlebova@gmail.com

Пасенов Александр Николаевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; pasenov@bsu.edu.ru

Алейникова В.А., Пасенов А.Н.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

***Аннотация:** статья посвящена истории формирования и развития, а также современному состоянию международно-правового регулирования информационного пространства. Актуальность данной темы обусловлена ростом правонарушений в рассматриваемой сфере, а также отсутствием должной нормативной регламентации киберпространства на международном уровне, о чем свидетельствуют статистические данные и существующие доктринальные и практические проблемы. В работе анализируются некоторые действующие источники международного информационного права и рассматриваются перспективы развития данной отрасли.*

***Ключевые слова:** информационное пространство, киберпространство, информационное общество, информационная безопасность, кибератака.*

Двадцать первый век – это век повсеместной цифровизации и стремительного технологического развития. Однако, несмотря на то, что передовые технологии весьма прочно вошли в жизнь современного общества, вопрос международно-правового регулирования информационного пространства всё ещё остается неразрешенным.

Само понятие информационного пространства в большей степени характерно для постсоветских государств, в частности, для российской правовой системы. В западной доктрине преобладает иной термин – киберпространство. Отсутствие единства в данном вопросе уже ярко отражает наличие противоречий, требующих доктринального исследования в целях дальнейшей стандартизации.

Информационные отношения активно регламентируются национальным законодательством разных стран, но некоторые проблемы, возникающие в сфере киберпространства, должны быть предметом регулирования не только внутригосударственного, но и международного права. Об этом свидетельствует рост деяний, посягающих на информационные права и свободы. Так, например, весьма опасным явлением выступает кибератака. Согласно данным, представленным на интернет-портале российской газеты «Известия», в период с 5 июня по 5 января 2020 года было сделано порядка 14 официальных заявлений о кибератаках на правительственные структуры государств и 2 заявления о хакерских атаках на Всемирную организацию здравоохранения [5]. В 2021 году этот показатель значительно увеличился. Хакерские атаки на правительственные и военные структуры выросли по сравнению с предыдущим периодом на 40% [6]. Этим, в частности, обосновывается необходимость регулирования информационного пространства нормами современного международного права.

Информационное право в системе международного права – это достаточно молодая отрасль, имеющая на сегодняшний день относительно недолгую историю развития. Для построения на современном этапе эффективной международно-правовой базы следует обратиться к её истокам.

В литературе весьма справедливо отмечают, что процесс становления международно-правовых норм, регулирующих информационное пространство, связан с войной в Персидском заливе 1990-1991 гг., поскольку указанное событие «сопровождалось мощной информационной кампанией» [3, с. 262].

В связи с развитием компьютерных технологий перед государствами появилась объективная необходимость регулирования вопросов авторского права в данной области, что нашло своё отра-

жение в соответствующих международных договорах. Такими актами являются, например, два договора Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) 1996 года по авторскому праву и по исполнениям и фонограммам.

Начало двадцать первого века связано с активным внедрением и проникновением информационно-телекоммуникационной сети интернет в жизнь человека. Этот фактор обусловил, в частности, принятие Окинавской хартии Глобального информационного общества (2000 год). Данный акт стал результатом согласованной деятельности лидеров «Большой Восьмерки», объединяющей правительства Российской Федерации, Германии, Италии, Великобритании, Канады, США, Японии и Франции. Хартия является вехой в развитии международных отношений в сфере информационного пространства.

10-12 декабря 2003 года в Женеве был проведен Всемирный саммит по информационному обществу. На данной встрече руководители большинства стран мира впервые рассмотрели глобальные проблемы информационного общества, а также приняли ряд сопутствующих документов. Второй этап всемирной встречи состоялся в 2005 году в Тунисе и окончился принятием Тунисского обязательства и Тунисской повестки дня для информационного общества.

Однако особо пристальное внимание международное сообщество стало уделять другому направлению – информационной безопасности. В 1998 году впервые в повестку дня ООН Российской Федерацией была внесена проблема безопасности информационного пространства. В связи с этим 4 января 1999 года была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», что положило начало международно-правовому регулированию данной области. Вследствие этого Генеральный Секретарь ООН ежегодно представляет Генеральной Ассамблеи ООН доклад, отражающий позиции государств-участников ООН по вопросам международной информационной безопасности.

Вопросы информационной безопасности получили своё дальнейшее развитие в Будапештской конвенции о преступности в сфере компьютерной информации от 2001 года. Это был первый международный договор, нормы которого направлены на борьбу с киберпреступностью. Конвенция составлена Советом Европы. На сегодняшний день её ратифицировали 65 стран. Однако не все государства положительно оценивают данный международный договор. Против выступает, в особенности, Российская Федерация. Это связано с некоторой противоречивостью пункта b статьи 32, который предусматривает возможность трансграничного доступа к компьютерной информации и данным, находящимся на территории другого государства. Указанное положение фактически устанавливает право государств вмешиваться во внутренние дела других сторон договора. Достаточно верно, на наш взгляд, рассмотренную ситуацию комментирует правовед Д.В. Абдрахманов, говоря о том, что отсутствие информационного суверенитета может привести к потере государственного суверенитета в целом [1, с. 100]. Однако это не единственная проблема Будапештской конвенции 2001 года. Российский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации И.И. Рогачев в одном из интервью заявил, что «такие вопросы, как юрисдикция в киберпространстве, проведение расследований в киберпространстве, отсутствуют в Конвенции и фактически не регулируются ни на международном, ни на национальном уровне» [8, с. 15]. Данный акт не предусматривает всех необходимых мер для эффективной борьбы с новыми киберугрозами.

В связи со значительной заинтересованностью Российской Федерацией неоднократно предпринимались попытки разрешения назревшей проблемы. В 2011 году в ООН был внесен проект конвенции об обеспечении международной информационной безопасности. Спустя 6 лет эксперты Министерства иностранных дел Российской Федерации совместно с иными профильными ведомствами подготовили проект ещё одного международно-правового акта – проект Конвенции о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности. Данный международно-правовой акт по задумке его составителей должен был заменить собой уже устаревшую Будапештскую конвенцию о преступности в сфере компьютерной информации. Однако проект Конвенции 2017 года, впрочем, как и проект Конвенции 2011 года, не нашел должной поддержки среди государств-участников ООН, в результате чего остался лишь невоплощенным в жизнь проектом.

Однако не только Российская Федерация занимала активную позицию по выработке международно-правовых норм, регулирующих информационное пространство. В период с 1999 по 2002 год доклады, посвященные проблеме урегулирования информационного пространства, в особенности международной информационной безопасности, были представлены также Великобританией, Австралией, Белоруссией, Грузией, Украиной, США, Аргентиной, Мексикой, Швецией, Кубой, КНР, Иорданией [2, с. 79].

На региональном уровне вопросы международно-правового регулирования киберпространства также стали предметом активного обсуждения. Так, например, комитетом министров Совета Европы в 1999 году была принята декларация «О европейской политике в области новых информационных технологий», а в рамках СНГ в 2008 году был разработан и принят Модельный информационный кодекс для государств-участников СНГ. На региональном уровне появились и соответствующие организации. В период с 2017 по 2019 гг. действовала Глобальная комиссия по стабильности киберпространства. Это многосторонняя организация, основной задачей которой являлось формирование норм, направленных на недопущение правительственного нападения в информационном пространстве.

Тем не менее, несмотря на многочисленные попытки мирового сообщества, международно-правовое регулирование информационного пространства на сегодняшний день имеет свои пробелы. В частности, в юридической литературе поднимается проблема возможности применения уже существующих принципов и норм международного права к киберпространству. Является спорным вопрос распространения таких международно-правовых понятий, как «акт агрессии», «вооруженное нападение», «применение силы» и т.п. к информационным актам. Можно ли считать равнозначными вооруженное нападение и кибератаки на правительственные структуры в силу того, что последние на сегодняшний день могут представлять не меньшую угрозу жизнеспособности целого государства? В каком случае информационно-коммуникационные средства можно приравнять к оружию? Эти и иные вопросы всё ещё остаются предметом дискуссий.

А.А. Дanelьян считает необходимым универсализацию норм международного права к современному киберпространству. По его мнению, является недопустимым применение международного права к информационному пространству методом простой экстраполяции понятий [3, с. 263]. Автор выступает за формирование и разработку критериев отнесения современных информационно-телекоммуникационных технологий к оружию, хотя и подчеркивает практическую сложность реализации указанного им предложения [3, с. 265].

Несколько противоположной точки зрения придерживается правовед А.Я. Капустин. Автор подчеркивает, что объектом хакерских атак может быть, как информация, так и информационные системы. Если кибератаки имеют своей целью нанесение вреда именно информационным системам, то вполне применимо стандартное международно-правовое понимание применения силы и дополнительного правового регулирования в данном случае не требуется [4, с. 49]. Однако, стоит отметить, что в целом исследователь не отрицает необходимости регулирования информационного пространства на международном уровне, но отмечает некоторую казуальность рассматриваемого вопроса.

Позиции применимости базовых принципов международного права к регулированию информационного пространства придерживается и группа экспертов, разработавших «Таллинское руководство». Однако «Таллинское руководство» не является официальным документом и не имеет юридической силы. Это правовое исследование, проведенное независимыми экспертами в области международного права, которое содержит лишь частную точку зрения. Однако сам факт проведения данного исследования уже отражает глубокую заинтересованность мирового сообщества в разрешении назревшей проблемы, что ещё раз подчеркивает актуальность и дискуссионность вопроса международно-правового регулирования информационного пространства.

На сегодняшний день государства не откладывают попытки разрешения поставленного вопроса. В 2021 году Российской Федерацией был внесен новый проект в Спецкомитет ООН – проект Конвенции ООН о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, направленный на урегулирование международной информационной безопасности и преступности [7]. Вся работа планируется завершить в 2023 году. Принятие указанной конвенции позволит разрешить ряд насущных проблем, в частности, проблемы международной уголовной ответственности в данной области, установления мер по возвращению активов, по противодействию преступлениям в киберпространстве и т.п.

Международно-правовое регулирование информационного пространства в настоящее время находится на стадии формирования. Многочисленные попытки государств урегулировать данный вопрос как на универсальном, так и на региональном и локальном уровнях отражают его высокую значимость. Однако единая международно-правовая база в данной области пока отсутствует, что порождает ряд как доктринальных, так и практических проблем. Мы, в свою очередь, считаем, что создание специализированных норм международного права в условиях современного технологического развития – это необходимый, хотя и достаточно труднореализуемый процесс.

Список цитируемой литературы:

1. Абдрахманов Д.В. Глобальное информационное общество как вызов государственному суверенитету: конституционно-правовой аспект // Вопросы современной юриспруденции. – 2017. – № 3-4 (65). – С. 95-103.
2. Бекетов Н.В. Политико-правовые аспекты глобальной информационной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – №3 (24). – С. 76-83.
3. Данельян А.А. Международно-правовое регулирование киберпространства // Образование и право. – 2020. – №1. – С. 261-269.
4. Капустин А.Я. К вопросу о международно-правовой концепции угроз международной информационной безопасности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – №6 (67). – С. 44-51.
5. Кибератаки. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/tag/kiberataki> (дата обращения: 29.12.2021).
6. Количество кибератак в 2021 году выросло на 40% по сравнению с 2020 годом, выяснилось в ходе исследования Check Point. В России количество атак увеличилось на 54% год к году [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/news/cybercrime-2021/> (дата обращения 29.12.2021).
7. О внесении в Спецкомитет ООН российского проекта универсальной международной конвенции по противодействию использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях [Электронный ресурс]. URL: https://archive.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4831832 (дата обращения 30.12.2021).
8. Рогачев И.И. Европейская конвенция о борьбе с киберпреступностью недостаточна для ответа на новые вызовы // Индекс безопасности. – 2011. – № 3 (98). – С. 11-15.

Сведения об авторах:

Алейникова Валерия Андреевна – студент юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; 1378283@bsu.edu.ru

Пасенов Александр Николаевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; pasenov@bsu.edu.ru

Пономарева М. А.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КАК КОНЦЕПТ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА: К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ НАУЧНО-ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные вопросы статуса лексемы «конституционализация», получившей широкое распространение в научных исследованиях целого ряда областей права. Автор обобщает сложившиеся в теории познания и методологии права представления о научных терминах, определениях, категориях, предлагает гипотезу о концептуальной природе лексемы «конституционализация» и, приводя в обоснование своей гипотезы ряд аргументов, приглашает к дискуссии по данному вопросу, полагая таковую (дискуссию) полезной и продуктивной для теоретико-правовой и отраслевых юридических наук.

Ключевые слова: лексема, термин, понятие, категория, концепт.

Многоаспектное и многовекторное содержание фундаментального для организации современного социума концепта «конституция» (и имманентных ему, так или иначе производных от корня «*constitutio*») обречено быть предметом серьезных дискуссий. Дискуссий, результат которых далеко выходит за рамки решения строго научных задач. В определенной степени право формирует и объективирует особое коммуникативное пространство, наполнением которого выступают отношения социального, политического, экономического, идеологического характера, равно как и иные, в определенной степени опосредуемые правом отношения и взаимодействия, то и правопорядок, подчиняющийся специфическому воздействию правовых норм, обладающих высшей по сравнению с иными нормами позитивного права, юридической силой и особым (учредительным, системообразующим, аксиологическим, телеологическим, гарантирующим, легитимирующим, правонаделительным, правоограничительным и правоохранительным) действием, неизбежно сталкивается с задачей определения потенциала, который несет в

себе указанные нормы. И важным этапом на этом пути становится построение (и апробация) системы научных гипотез и теорий, направленных на получение определенного результата и непротиворечивую интеграцию такового в систему научных представлений о правовой действительности.

Конституционализация привлекает внимание исследователя тем, что появившись в сравнении с базовым юридическим тезаурусом совсем недавно, на новейшем (постсоветском) этапе развития отечественного права и правоведения, эта лексема уже претендует на общеправовое значение. Если обратиться к научной литературе то можно увидеть, что проявления феномена конституционализации усматриваются исследователями практически во всех сегментах правовой действительности: широко дискутируются конституционализация политики, идеологии, международных отношений и национального законодательства (как материального, так и процессуального), правоприменительной практики и деятельности органов публичной власти.

В настоящее время лексема «конституционализация и соответствующее ему терминологическое сопровождение востребовано в процессе проведения различных гуманитарных исследований.

«В международном праве, трудах, посвященных международной и, как частное, европейской, интеграции конституционализация рассматривается с разных позиций. Как справедливо подчеркивает Анне Петерс, дискуссия о конституционализации страдает от большого разнообразия значений составляющих данное явление ключевых, смыслообразующих понятий [16, с. 46]. В российской юриспруденции конституционализация имеет» [10, с. 48] широкое и узкое понимание. В узком значении под ней понимается возведение правовой нормы на уровень конституционного регулирования. Широкое понимание такого термина может использоваться не только в юриспруденции, но и в смежных науках как развитие взаимосвязанных средств и методов юридизации общественных отношений. Процесс юридизации общественных отношений рассматривается как постепенное развитие конституционализации правопорядка в целом [1, с. 11].

Вместе с тем, сохраняется неопределенность в важном вопросе, касающемся природы лексемы «конституционализация» – является ли она понятием, термином, категорией в юридическом языке? Соотношение перечисленных средств юридического языка, формирующих основу эвристического, операционального, институционального потенциала юридической науки, представляется вопросом достаточно непростым.

Слово, понятие, термин, категория – эти единицы логоса, будучи «генетически, онтологически и субстанционально близкими, обладают множеством изоморфных, тождественных признаков, затрудняющих их принципиальную дифференциацию» [13, с. 89]. При этом в научной литературе мы видим констатацию того, что «... не существует общепринятого определения понятия» [4, с. 354], «проблема определения понятия «термин» до сих пор остается спорной, полностью не решенной» [2, с. 11], «... поскольку явление и сущность не совпадают, сущность правовых феноменов не только проявляется в правовых предписаниях, но и скрывается в них» [7, с. 80].

Термин в теории языка рассматривается учеными с самых разных позиций, которые, тем не менее, объединяет консенсус в том, что «аккумулируя общеязыковую и специальную информацию, он (термин) является единицей языкового и профессионально-научного знания» [2, с. 73].

Обобщив отличительные черты (признаки, свойства) термина, попробуем сквозь призму этих свойств взглянуть на лексему «конституционализация». Анализ научной литературы дает основания утверждать, к свойствам (признакам) термина следует отнести:

- репрезентативность;
- функциональность и функциональная устойчивость;
- смысловая и содержательная точность, полнота, моносемичность;
- конвенциональность;
- взаимосвязь с конкретной терминологической системой;
- предельная рациональность.

Ответ на вопрос – насколько применение в правовом дискурсе лексемы «конституционализация» отвечает перечисленным характеристикам, что позволило бы отнести конституционализацию к правовым терминам – в любом случае будет иметь субъективный характер.

Можем ли мы утверждать, что «конституционализация» отражает (репрезентует) терминологический аппарат конкретной специальной, профессиональной области знания? Безусловно, наиболее активно это слово востребовано в науке конституционного права. Однако же область применения не очерчена собственно конституционно-правовой сферой. Вполне обоснованно можно предположить о том, что слово «конституционализация» и различные варианты словосочетаний, в которых данное слово будет либо главным, либо вспомогательным, широко используется в различных гуманитарных исследованиях: в международном праве, политологии, конфликтологии [8, с.323].

Попробуем поставить вопрос иначе и предположить, что репрезентуемая область знания очерчивается смысловой доминантой – конституцией. Соответственно, конституционализация, если воспринимать это слово как термин, имеет специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное описание, применяемое в процессе познания различных теоретических и практических аспектов возникновения, развития конституции и ее воздействия на общество (на макро- и микро-уровнях), его (общества) институты и общественные отношения.

С таким пониманием конституционализации как термина можно было бы согласиться. Однако, к сожалению, указанное значение уже замещено иными терминами: конституционность, конституционное государство, конституционный процесс, реализация конституции, конституционализм. Тем более что четких связей (генетических, функциональных, родовых-видовых, и иных) конституционализации с перечисленными терминами современная доктрина не выработала и не обосновала (а, как мы определили, взаимосвязь с конкретной терминологической системой является самостоятельным важным признаком термина). При этом автор определяет, что некоторые из перечисленных лексем, к примеру – конституционализм – могут вызвать дискуссию в вопросе об обоснованности отнесения их именно к терминам. Однако, следуя принципу *Pluralitas non est ponenda sine necessitate*, полагает допустимым с учетом контекста определять перечисленное как термины.

Даже поверхностный анализ юридической литературы позволяет с уверенностью можно сделать вывод, что лексема «конституционализация» в правовом дискурсе не отличается ни моносемичностью, ни конвенциональностью. Существенной, если не решающей, предпосылкой достижения конвенционального соглашения в понимании конституционализации могла бы стать правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации. К вопросу этимологического анализа категории «конституционализация» обращались многие зарубежные и российские правоведы, в частности И.Н. Плотникова в своей статье ««Конституционализация»: к вопросу о понятии» обращает внимание на детерминированность феномена «конституционализация», который не достаточно раскрыт, и более того вообще отсутствует в текстах решений высшего органа конституционной юстиции Российской Федерации.

Таким образом, убедительно доказать, что лексема «конституционализация» может быть отнесена к правовым терминам нам не удастся. Как минимум, мы должны признать, что фактическое состояние исследуемой лексемы в правовом дискурсе, инициированном текстами юридических исследований, не отвечает большинству из характерных признаков (свойств) термина.

Обратимся теперь к понятию. С гносеологической точки зрения категория «понятие» представляет характерную для человека логически представленную форму познания окружающего мира. Большая часть изученных нами дефиниций понятия достаточно близки. Так, среди широко распространенных подходов можно отметить такие, согласно которым понятие:

- это мысленное отражение в форме непосредственного единства общих и существенных признаков предметов;
- это мысль или система мыслей, обобщающая, выделяющая предметы или явления не- которого класса по определенным и в совокупности специфическим для них признакам;
- это мысль, отражающая и фиксирующая существенные признаки вещей и явлений объективной действительности.

Можно ли лексему «конституционализация» отнести к правовым (с известными допущениями – к политико-правовым) понятиям? В каждом понятии различают его содержание и объем. Под содержанием понятия подразумевают ту совокупность признаков или свойств предметов, которые отражаются в данном понятии. Что касается объема понятия, то под ним понимают множество (класс) предметов, каждому из которых принадлежат признаки (свойства), относящиеся к содержанию этого понятия.

Как в логике определение есть установление существенных черт определяемого предмета таким образом, что при этом производится отличие определяемого предмета от всех

сходных с ним: «схватывая в определении существенные черты того или иного предмета, мы тем самым устанавливаем содержание соответствующего понятия» [9, с. 56]. Так и в методологии права определение понятия – это логическая операция, которая заключается в том, чтобы раскрыть содержание путем указания на основные существенные признаки изучаемого объекта, отличающие его от других общественных явлений и выделяющие из числа правовых [3, с. 86].

В юридической литературе, касающейся методологии науки, в качестве способа образования научных понятий предлагается метод, суть которого заключается в том, что «первоначальные научные понятия формируются в процессе перевода в абстрактную форму эмпирических данных о наблюдаемом явлении. Представление об изучаемом предмете раскладывается на элементы, наиболее простые абстракции, из которых впоследствии создается мысленная структура исследуемого объекта. Сконструированное подобным образом понятие представляет собой совокупность общих, повторяющихся признаков явления» [14, с. 41]. По мнению Д.А. Керимова, истинно научное понятие отличает способность отражать именно существенные признаки исследуемого явления. «Юридические абстракции окажутся подлинно научными лишь тогда, когда каждый из фиксируемых в них существенных признаков необходим для раскрытия специфики изучаемых правовых объектов, а их совокупность достаточна для выявления сущности этих объектов. Значение научной абстракции в правовой сфере в том и состоит, что она вскрывает их внутреннюю связь, единство, общность, позволяет отделить главное от неглавного, существенное от несущественного, за случайным увидеть необходимость и тем самым обеспечивает возможность обнаружить объективные закономерности, «управляющие» правовым развитием» [6, с. 138].

«Однако перечисление даже существенных признаков не дает представления о сущности явления, поскольку для наиболее глубокого познания необходимо выяснение различных взаимосвязей объекта с другими правовыми феноменами, его соотношения со смежными явлениями. По справедливому замечанию В.В. Ныркова, «расширение содержания правового научного понятия, появление «вспомогательных», подчиненных ему и дополняющих его абстракций – необходимый этап последующего развития понятия». На этом этапе познания понятие кроме родовидовых признаков включает в себя уже систему элементов, из которых состоит предмет исследования, тем самым отражает его структуру. В связи, с чем выведенная абстракция продолжает развиваться, накапливает сведения относительно исследуемого явления и трансформируется постепенно из «смысла общих имен» в «понятие, как систему знаний» [5, с. 45].

Вместе с тем, осуществить подобного рода анализ в отношении той суммы эмпирических данных, которые объединяются правовым дискурсом «конституционализация» не представляется возможным.

В отсутствие какого-либо легального (нормативно заданного) или конвенционального определения понятия «конституционализация» им может обозначаться неопределенно широкий круг отношений: «... тип мышления юриста определяет логику методологических ходов его мысли, а формальная безусловность и якобы чистые категории основаны в юриспруденции лишь на безусловном самоутверждении определенного типа юридического мышления» [15, с.197] – писал в свое время К. Шмитт. Всякое конвенциональное понятие, на основании которых выводятся суждения, оцениваемые логически (т.е. как истинные или ложные в системе отсчета, детерминированной данным понятием), не могут быть оценены как истинные или ложные, поскольку «вся ее информационная масса находится в ней в свернутом виде» [11, с.97]. В социальных науках теория строится как определенная аксиоматическая система, в которой из немногих исходных утверждений или гипотез логически выводятся все остальные утверждения или теоремы.

Собственно, сложность заключается в том, что полагать в качестве исходных утверждений или гипотез понятия «конституционализация». Как уже отмечалось, никаких нормативных посылок для выведения понятия у нас нет. Не можем мы прибегнуть и к испытанному способу образования понятий – *definitio per genus proximum et differentiam specificam*.

Во-первых, по причине того, что базовое понятие (каковым, видимо, следует полагать «конституция») само крайне зависимо от субъективного правопонимания и, обладая рядом существенных признаков, в отношении которых есть достаточно устойчивый научный консенсус, тем не менее, не может считаться однозначно и четко определенным, если только не ограничивать себя предельно формализованным узко-позитивистским пониманием.

Во-вторых, сложность порождает избранная юридической наукой семантическая конструкция лексемы «конституционализация». Как отмечает Ю.С. Степанов, семантическим итогом номинализации понятий, т.е. замены личных форм слов их производными на - ание, - ение, - ация и т.п. является исчезновение субъекта, агенса того, о чем говорится. Все процессы приобретают безличный облик. А после того как субъект устранен, возможны разного рода манипуляции с поименованными сущностями [12, с.38].

Изложенные суждения создают, на наш взгляд, необходимую аргументационную основу, препятствующую отнесению лексемы «конституционализация» к научным понятиям. В той мере, в которой научное понятие субстанционально связано с научной категорией, из изложенного следуют затруднения в придании «конституционализации» и статуса (качества) научной категории.

Список цитируемой литературы:

1. Аничкин Е.С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце XX - начале XXI в.: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Тюмень, 2010. – С. 11.
2. Буянова Л.Ю. Термин как единица логоса. – Краснодар, 2002. – С. 11.
3. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. – М., 1976. – С. 86.
4. Диалектика научного познания. – М., 1978. - С.354.
5. Кемрюгов, Тенгиз Хатызович. Конституционные обязанности личности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Кемрюгов Тенгиз Хатызович; [Место защиты: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2017. - 173 с.
6. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов.– М.: Современная гуманитар. акад., 2003. – С. 138.
7. Кучинский В.А. Личность. Свобода. Право. – М., 1978. – С. 80.
8. Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. – СПб., 2005. – С. 322-323.
9. Логика. Под ред. Д.П. Горского, П.В. Таванца. М.: Госполитиздат, 1956. – С. 56.
10. Безруков А.В. Реализация идеи конституционализации правопорядка в условиях выявления, минимизации и устранения конституционных рисков. Актуальные проблемы российского права. –2018. – № 5 (90). – С. 44-56.
11. Попов В.Г. Логика и реальность. Изд-во СПбГУ, 2004. С. 97.
12. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. - М.: РГГУ. 1995. – С. 38-39.
13. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность: [электронный ресурс] монография/Л.Ю. Буянова. -4-е изд., стереотип. - М.: ФЛИНТА, 2016. - 389 с.
14. Хохлова, Ирина Семеновна. Способ правового регулирования: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Хохлова Ирина Семеновна; [Место защиты: Саратов. гос. акад. права]. - Саратов, 2009. - 197 с.
15. Юрлова М. Карл Шмитт: учение о гаранте конституции как пример «конкретного мышления» о государственных формах и порядке / М. Юрлова // Логос. 2012. №5 (89). – С. 197.
16. The Theory of International Law / ed. by Orford A., Hoffmann F., Clark M. Oxford Univ. Press, 2016. P. 1015.

Сведения об авторе:

Пономарева Марина Андреевна – старший преподаватель кафедры земельного и экологического права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет» (СПбГАУ); ponomarevama91@yandex.ru

Исакова Л.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СУЩНОСТИ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Аннотация: В статье представлен анализ использования сравнительного правоведения для изучения сущности историко-правовых явлений, посредством методологического осмысления юридической практики, юридической науки и законодательства. Акцент сделан на рассмотрении интерпретации «конституционного государства» теоретиком сравнительного правоведения Ф.В. Тарановским.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, право, государство, историко-правовое явление, правовая система, методология, международные стандарты, национальная система права, конституционно-правовые идеи.

В настоящее время сравнительное правоведение рассматривается, в первую очередь, как раздел юридической науки и практики, изучающий правовые системы различных стран мира используя сопоставление государственных и правовых институтов, их основных принципов, понятий и категорий. В этой связи целесообразно указать на гносеологическую цель данного направления исследования, которая состоит в выявлении наиболее общих закономерностей развития правовых феноменов (конкретных институтов, причинно-следственных связей, правовых категорий и т.д.), поскольку только сравнение на практике различных правовых систем и их частных элементов позволяет добиться наиболее обоснованных результатов и выводов в рамках теоретических и прикладных юридических исследований.

Это особо актуально сегодня, когда сама методология юридического исследования вышла на новый уровень и развивается с учетом взаимовлияния и взаимопроникновения методов и приемов научного исследования из других областей научного знания, в том числе и в рамках мультипарадигмального подхода, а их использование позволяет добиться наиболее обоснованные результаты и выводов. Именно указанная ранее цель, а также опосредованные ею задачи и направленность сравнительного правоведения делает его использование незаменимым при проведении любого исследования в области как теоретической, так и практической (практикоориентированной) юриспруденции.

Историки и теоретики права все больше сходятся во мнении о том, что сравнительное правоведение, преследуя важную гносеологическую цель, выполняет ряд важных практических задач и функций. Во-первых, способствует унификации национального законодательства, приводя его в норму международных стандартов с сохранением особенностей исконной («национальной», «традиционной») системы. Во-вторых, позволяет проводить грамотную «правовую политику», используя многовековые традиции и опыт зарубежных правовых систем в области систематизации и разработки отечественного законодательства, совершенствовании практики правоприменения, правоохранительной, законодательной деятельности и подготовки высокого уровня кадров для реализации данных направлений. В-третьих, направляет само развитие правового мышления и правопонимания как представителей определенных профессий, ориентированных на обеспечение законодательной, правоохранительной, экспертно-консультативной и правоприменительной деятельности, так и общества в целом, и в этой связи может рассматриваться в качестве одного из ключевых компонентов правосознания и правовой культуры личности, общества и государства в целом.

История становления сравнительного правоведения как особого раздела правовой науки берет свое начало с эпохи античности. Историки права связывают ее возникновение с наследием Платона и Аристотеля. Так последний, например, собрал, сравнил и проанализировал «конституции» 153-х греческих полисов и варварских городов, а также представил заключение о закономерностях их политической организации. Уже в Новое время Ш. Монтескье в трактате «О духе законов» дал сопоставительный анализ различных правовых систем. Как самостоятельная научная дисциплина сравнительное правоведение сформировалось во второй половине XIX в. Для укрепления позиций новой научной дисциплины и развития практики ее широкого применения ключевыми явились основание в 1869 г. французского общества сравнительного законодательства и проведение в 1900 г. Первого Международного конгресса сравнительного права.

В России становление сравнительного правоведения проходило параллельно его внедрению в теорию и практику научной деятельности Западной Европы и связано, в главном образом, с именами специалистов в области истории и теории государства и права.

Флагманом нового направления в нашей стране был профессор Дерптского (ныне – Тартуского) университета Ф.В. Тарановский (1875–1936). Он оставил богатое научное наследие, разработка которого до сих пор не получила заслуженного освещения ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Его перу принадлежат историко-юридические монографии; научные статьи по истории и методологии права, соотношении права, политики и морали; рецензии и отзывы на актуальные исследования специалистов-правоведов; биографические статьи об историках права; публикация исторических документов и др.

Несмотря на представленное многообразие публикационной деятельности Тарановского, основное внимание в рамках рассмотрения заявленной темы «Методологические особенности использования сравнительного правоведения для изучения сущности историко-правовых явлений» принадлежит его сочинению «Сравнительное правоведение в конце XIX века» [3]. Представляется целесообразным изучение заявленной проблемы с позиции ее институционального оформления и развития как особой правовой дисциплины. Тарановский, считая, что «сравнительное правоведение является важнейшим наследием, которое 19 век, оставил юридической науке» [3, с. 1], предлагал понимать сущностные особенности сравнительного правоведения как «возможность установления последовательности исторических филиаций» [3, с. 2]. Становление его, по мнению ученого, стало возможным в эпоху непосредственного заимствования положительного правового материала одним народом Европы у другого. «Заимствования эти делались в области публичного и частного права» [3, с. 2-3]. Этим, по мысли ученого, характеризуется первая половина XIX века.

Учитывая то, что правовая жизнь не является «мертвой буквой закона, но осуществлением юридической нормы в многосложной социальной среде» [3, с. 5], Тарановский предлагал уделять пристальное внимание трем составляющим, на которых покоится разработка любого направления «правоведения»: юридическая практика, юридическая наука и законодательство [3, с. 6]. Сравнительное правоведение не является исключением. Оно «должно заниматься критикой различных законодательных постановлений по отдельным институтам права; материалом для этой критики является как законодательный текст, так и применение законов на практике, и те результаты, которых это применение достигает; при этом должно быть принимаемо в соображение состояние той социальной среды, в которой действуют законы различных стран» [3, с. 5].

В этой связи следует обратиться к конкретному примеру. Рассмотрим практику использования сравнительного правоведения для изучения конституционно-правовых идей, в частности, к правовому феномену конституционализма, к которому и обращался сам Тарановский. В своих работах он уделял значительное внимание интерпретации правовой категории «государство», понимая ее как «организованное общежитие... неизбежную стихию, в которой протекала и протекает культурная жизнь людей со всем богатством ее материального и духовного содержания». Это определение явилось своеобразным итогом многолетней работы автора в области изучения истории и методологии государства и права.

Само обращение к вопросу интерпретации конституционно-правовых явлений (учитывая многообразие моделей и форм их существования в исторической ретроспективе), связано, как предлагал ученый, с заложенной в конституционном праве рациональностью. С ее помощью, по мнению Тарановского, можно дать ответы на вопросы о том, какие средства и методы конституционно-правового регулирования могут быть применены на практике, для реализации конституционных норм и принципов, а также позволяют сделать заключение о целесообразности их использования в конкретной практической деятельности. В то же время исследователь подчеркивал, что конституционное право в какой-то мере всегда остается «юридической проекцией политических идеалов», «вспомогательным источником для рационального восполнения пробелов положительного права» [4, с. 329].

Основы конституционно-правовых идей Ф.В. Тарановского представлены в рецензии на труд С.А. Котляревского «Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора». Тарановский подчеркнул, что указанное сочинение посвящено «политико-морфологическому разбору конституционного государства, то есть изучению последнего со стороны форм распределения в нем власти» [2, с. 277]. Он поддерживает мнение автора по вопросу о том, что «развитие политической организации невозможно свести «к одной лишь социально-экономической эволюции... и одному частному случаю», так как «столь сложный объект, каким является государство, действительно должен быть изучен по меньшей мере с трех точек зрения: с точки зрения социального процесса, происходящего в нем, устанавливаемого этим процессом распределения власти (элемента специфически-политического) и юридической конструкции последнего» [2, с. 278-

279]. Далее исследователь подчеркнул «насущную необходимость» разработки вопросов «государственной жизни» с учетом всех указанных ранее положений, что, по его мнению, является обязательным элементом «для успешного развития науки о государстве» [2, с. 279].

Соглашаясь с автором в том, что в переходный период, под которым они понимали современное им время (конец XIX в. – начало XX в.), «политический строй нашего отечества перешагнул ту формальную грань, за которой начинается конституционное государство». Кроме того, Тарановский указал, что «общее констатирование практической заинтересованности нашего общества в изучении конституционного государства само по себе недостаточно» [1, с. 131]. Это обусловлено объективными очевидными причинами: «Наш конституционализм находится пока в “текущем” состоянии, и еще не пришло время для кристаллизации его в законченных юридических конструкциях». В то же время не является преобладающей и социально-историческая точка зрения, основанная на фактическом признании «зрелости общественного процесса для новых форм распределения власти» [2, с. 280].

Это представляет определенный интерес в плане построения классификации, и даже «не-что большего, чем простой классификации», а именно – рядов «постепенных переходов от одних форм к другим». Установление, систематизация и констатирование данных форм производится Котляревским на основе преобладающего типа политического строя – конституционного государства, которое он определяет, как форму «политического самоопределения народа». Как видно из контекста работы, Тарановский разделял и этот подход, полагая, что под термином «конституционное государство» следует понимать смену «исключительного господства профессионального или бюрократического правительства участием общества во власти», т.е. процесс конкуренции власти и общества [2, с. 281].

Категория «политическое самоопределение» народа выступает у исследователей в качестве критериального основания выделения типов конституционного государства: «конституций», основанный на народном суверенитете, и «октроированных». Что касается последних, то, по мысли Тарановского, «конституционные государства могут быть расположены в ряд, сообразно с теми пределами, которые поставлены в них политическому самоопределению наций, и сообразно со степенью ограничений, наложенных на власть, бывшую прежде юридически неограниченной» [2, с. 281]. Также автор выделяет «представительное и непосредственное правление: конституции гибкие и неподвижные, децентрализация и феодализм, государство и права граждан» [2, с. 282].

Этим признакам, как полагал Тарановский, нельзя отказать в важном классификационном значении. Указанные классификационные основания он рассматривал как вполне достаточные, так как они завязаны на принципах построения государственного строя, формы участия общества во власти, особенностях распределения власти по различным (территориальный, национальный и др.) основаниям и пределы воздействия власти на сферу индивидуальных интересов. Однако, «общий характер распределения власти в конституционном государстве» является для обоих ученых ключевым, системообразующим признаком. При этом пристальное внимание автор сосредоточил на обзоре распределения власти между отдельными органами конституционного государства, на исполнительные, законодательные и судебные соответственно. Ключевым моментов в данном обзоре является «учение об избирательном праве», основанное на «динамичном начале» и эволюционирующее в сторону «полного “политического самоопределения” народа» [2, с. 282].

Кроме того, как подчеркнул Тарановский, в XIX в. зародилось деление юридической мысли на два направления – теоретическое и практическое [3, с. 1], а первая половина указанного столетия стала «эпохой непосредственных заимствований положительного правового материала одними народами Европы у других». Эти «заимствования» распространялись как на область публичного, так и на область частного права. Что же касается конституционного права, то ученый полагал: «английский конституционализм, переложенный на континентальный французо-бельгийский трафарет, обошел всю западную Европу» [3, с. 2-3]. Именно данное обстоятельство привело юристов-догматиков к необходимости изучения иностранных систем права «как в законодательстве, так и в судебной практике», а обращение к «иностранным праву» при разработке этих вопросов, повлекло, в свою очередь, к изучению первоисточников и критическому сравнению образцов [3, с. 3].

Подводя итог рассмотрению заявленной в названии статьи темы, следует подчеркнуть, что практика применения сравнительного правоведения, предельно ёмко сформулированная и проиллюстрированная на конкретном историко-правовом материале Ф.В. Тарановским получила широкое признание в профессиональных научных кругах рубежа XIX – XX веков. Сегодня сравнительное правоведение все чаще рассматривается не только как отдельный раздел юридической науки,

но и как частнонаучный метод изучения сущности историко-правовых явлений, направленный на выявление сходств и различий изучаемых элементов политических и правовых систем.

Список цитируемой литературы:

1. Исакова Л.В. Конституционно-правовые идеи в трудах Ф.В. Тарановского: опыт историко-правового исследования // Государство, право и общество: вопросы теории и практики. Материалы международной научно-практической конференции (г. Сочи, 28-29 октября 2021 г.): сб. ст. / Отв. ред. В.И. Скрябин. – Ростов н/Д: Профпресслит, 2021. С. 130-135.
2. Тарановский Ф.В. Литературное обозрение. Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. – 250 стр. // Журнал Министерства юстиции. Февраль 1907. С. 277–283.
3. Тарановский Ф.В. Сравнительное правоведение в конце XIX века. Варшава, 1902. – 27 с.
4. Тарановский В.Ф. Юридический метод в государственной науке. Очерки развития его в Германии. Историко-методологическое исследование. Варшава, 1904. – 342 с.

Сведения об авторе:

Исакова Любовь Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, обществознания и права Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. И.Н. Лобачевского; gorkova.l.v@yandex.ru

Колесник Е.С.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ

***Аннотация:** В статье анализируется вопрос определения специфики процессуального положения прокурора в административном судопроизводстве, обосновывается важность вступления в законную силу Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, затрагивается вопрос о правовом регулировании прокурора в рассмотрении административных дел о госпитализации граждан в отдельные медицинские организации.*

***Ключевые слова:** кодекс административного судопроизводства, прокурорский надзор, административное судопроизводство, правовой статус прокурора, новеллы КАС, нормативный правовой акт.*

Теория и практика административного судопроизводства придают особое значение важному элементу структуры административно-процессуальных отношений – участникам, которые в соответствии с Кодексом административного судопроизводства РФ имеют статус лиц, участвующих в деле.

Правовой статус лиц, участвующих в административном судопроизводстве зависит непосредственно от его законодательного определения, но его реализация связана с активной или пассивной формами выполнения функций сторон и других процессуальных участников судебного рассмотрения дел.

Особое место в системе участников административного судопроизводства занимает прокурор, на которого возложено осуществление защиты интересов гражданина или государства в суде. Эффективность судебной защиты прав и интересов физических и юридических лиц в их конфликтах с властными структурами значительно повышается с введением судебной специализации при рассмотрении дел, возникающих из публичных отношений. Российская Федерация выбрала оптимальный вариант решения административных споров – путем разработки и принятия КАС, в котором урегулирован порядок осуществления административного судопроизводства. Одновременно, Кодекс определяет полномочия прокурора в сфере защиты прав, свобод и законных интересов граждан и интересов РФ. При таких обстоятельствах, вопрос об осуществлении прокурором представительской функции в рамках административного судопроизводства приобретают особую актуальность.

Нормативные правовые акты, регулирующие процессуальный статус прокурора в административном судопроизводстве, имеют многоаспектную юридическую природу и относятся к различным отраслям права.

Участие прокурора в административном судопроизводстве регулируется многочисленным количеством нормативных правовых актов, которые принято разделять на две категории: общие

(закладывающие фундаментальные принципы участия прокурора в административном судопроизводстве) и специальные (представляющие собой комплекс нормативных правовых актов, осуществляющих регулирование отношений, возникающих в процессе реализации прокурором процессуальных прав и обязанностей в административном судопроизводстве) [3, с.27].

Немаловажным положительным аспектом является подробное детальное описание процессуальных особенностей рассмотрения данной категории дел в КАС РФ. Таким образом укрепляются фундаментальные принципы Конституции РФ в вопросе соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, а также снижается возможность применения необоснованного административного и судебного усмотрения при осуществлении административного судопроизводства [1].

Основными новеллами КАС РФ являются:

- 1) закрепление понятия «сторон» по делу (административный истец и административный ответчик);
- 2) закрепление возможности предъявления групповых административных исков и наличия нескольких административных ответчиков одновременно [4, с.45];
- 3) закрепление возможности оставления заявления без рассмотрения, без движения, возвращения заявления;
- 4) сохранение возможности подачи административного искового заявления прокурором [1].

Стоит отметить, что впервые в Кодексе содержится детализация обязанности административного истца, обладающего властными полномочиями (например, должностное лицо надзорного органа), направить копии иска со всеми материалами и приложениями участникам дела.

Вступление в законную силу КАС РФ является положительной предпосылкой дальнейшего развития административного судопроизводства в РФ. В отличие от аналогичных кодексов государств-участников СНГ, действующий КАС РФ имеет более четкую и детальную регламентацию правового статуса прокурора. Кроме того, правоприменительную деятельность значительно упрощает конкретизация порядка рассмотрения отдельных категорий дел в КАС РФ. Практика осуществления административного судопроизводства в некоторых государствах-участниках СНГ показывает, что отсутствие похожих положений приводит к тому, что судьям и иным участникам процесса (в частности, прокурорам), при осуществлении правосудия, приходится руководствоваться сложившейся судебной практикой, разъяснениями вышестоящих судов и т.д.

Правовое регулирование участия прокурора в рассмотрении административных дел «о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке», имеет системный характер. Это значит, что нормы, закрепляющие процессуальные особенности участия прокурора в административном судопроизводстве содержатся в нормативных правовых актах, отличающихся по юридической силе, а также в актах, положения которых дают разъяснения по отдельным вопросам судебной практики.

В процессе реализации положений Главы 30 КАС РФ у прокуроров могут возникнуть проблемы в том случае, когда лицо требует принудительной госпитализации как в психиатрическую клинику, так и в противотуберкулезную медицинскую организацию.

Анализ практики реализации главы 31 КАС РФ показывает на некоторые проблемы, например, не достаточно эффективная организация прокурорского надзора приводит к нарушению пятидневного срока рассмотрения дела в суде. Это связано с тем, что в соответствии с КАС истец (прокурор) должен предоставить все доказательства, установленные Кодексом [1]. В случае непредставления полного перечня, суд может отложить рассмотрение дела. Полнота и сбор всего перечня доказательств зависит от организации прокурорского надзора по данному направлению и взаимодействия с медицинским учреждением. При наличии эффективного взаимодействия прокурора с медучреждением, сбор доказательств не составляет сложностей.

С целью усовершенствования порядка исполнения решений суда связанных с принудительной госпитализацией в противотуберкулезную медицинскую организацию, необходимо внести изменения и дополнения в отдельные нормативные правовые акты:

– название Главы 31 КАС РФ изложить в следующей редакции: «Производство по административным делам о госпитализации и принудительном лечении гражданина в медицинской противотуберкулезной организации в недобровольном порядке» [1];

– дополнить ст. 10 Федерального закона от 18 июня 2001 года № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации», положениями ч. 5 и изложить ее в следующей редакции [2]:

«работники соответствующих медицинских учреждений с целью обеспечения судебного пристава-исполнителя безопасным доступом к лицам, подлежащим принудительной госпитализации, а также специализированным медицинским транспортом, оснащенным средствами иммунологической защиты, исключающими возможность заражения неограниченного круга лиц принимают участие в исполнении судебных актов о принудительной госпитализации больных туберкулезом в специализированные медицинские учреждения».

Список цитируемой литературы:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения 15.10.2021).
2. О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18.06.2001 №77-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32131/ (дата обращения 24.12.2021).
3. Бирюк Д.Ю. О правилах рассмотрения дел по КАС РФ. Общие и отличия от ГПК РФ. Об особенностях оспаривания нормативных правовых актов // Материалы учебно-методического семинара «О применении Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации». Симферополь: Прокуратура Республики Крым. С. 23–32.
4. Гальперин, М. Л. Исполнительное производство : учебник для бакалавриата и магистратуры / М. Л. Гальперин. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2018. — 452 с.

Сведения об авторе:

Колесник Екатерина Сергеевна – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; ekaterinakolesnik258@gmail.com

Домнина А.В.

СУДЕБНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ПОПРАВКАМИ К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация:** В научной статье раскрывается судебный конституционный контроль за изменением Конституции.*

***Ключевые слова:** конституция, Конституционный Суд Российской Федерации, поправки к Конституции РФ, предварительный конституционный контроль, полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, конституционная реформа 2020; модели конституционного контроля.*

Конституцией РФ 1993 года предусмотрены три различных режима преобразования ее текста. Наиболее реализуемым и эффективным является изменение текста Конституции путем внесения в нее поправок. Однако при внесении поправок следует придерживаться следующим правилам: поправки должны быть продуманы, соответствовать необходимости их принятия, не должны быть частыми и многочисленными [1, с. 123]. Соблюдение данных правил гарантирует обеспечение стабильности текста Конституции.

Вопрос о проверке конституционности законов, вносящих поправки в текст Конституции в зарубежных странах, решается по-разному.

В некоторых странах проверке на соответствие Конституции проверяются только поправки, которые были внесены определенными субъектами законотворческой инициативы. В отдельных странах конституционные суды считают, что в случае отсутствия прямого запрета на проведение проверки законов о поправке к конституции такая проверка может проводиться ими по собственной инициативе (ФРГ, Болгария, Австрия, Литва).

В соответствии с принятым Законом Российской Федерации 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» были расширены полномочия Конституционного Суда РФ. Теперь Конституционный Суд Российской Федерации *по запросу Президента Российской Федерации проверяет конституционность проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации.*

Контроль может затрагивать *содержательные (материальные) пределы поправок*, т.е. затрагивать непосредственно содержание поправки и касаться проверки соответствия внесенного положения Конституции и *формальные пределы поправок*.

Начнем с материальных пределов поправок. Во-первых, они не могут противоречить положением, закрепленным в 1 главе Конституции РФ. Во-вторых, они должны быть в гармонии с положениями главы 2. В-третьих, поправка всегда должна соответствовать исходному предметному содержанию глав 3-8. В-четвертых, структура Конституции не подлежит изменению путем принятия поправок к ней, поскольку поменяется иерархия ценностей. Таким образом, внесение новых глав означает принятие новой Конституции.

Формальные пределы – установлены в ч. 3 ст. 92, ч. 5.1 п. «а» ст. 125, ст. 134, ст. 136 Конституции РФ и законодательстве о поправках. К ним можно отнести требование, согласно которому изменение нескольких статей Конституции возможно при наличии их внутренней взаимосвязи.

На наш взгляд, Конституционный суд должен проверять соблюдение как материальных, так и формальных пределов. Материальных, поскольку содержание нормы прямым образом влияет на дальнейшее развитие конституционного законодательства, и превышение содержательных пределов непосредственно сказывается на качестве и эффективности применения Конституции. Формальные пределы должны быть поднадзорны Конституционному Суду в целях обеспечения прав участников законотворческого процесса, гарантированных главой 9 Конституции. Так, необходимо узнать волеизъявление всех субъектов РФ даже в случае, если необходимое количество голосов уже собрано для обеспечения права голоса оставшихся субъектов.

Со времени принятия ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» прошло много времени и как мы можем увидеть в нем отсутствуют содержательные и формальные ограничения для принятия поправок к Конституции РФ, что на практике приводит к известному разбросу, неясности в содержании предлагаемых поправок и недостаточной определенности процесса их принятия.

Полагаем, во-первых, что в этом законе необходимо еще раз прописать, как это предусмотрено ст.134 Конституции Российской Федерации субъектов законодательной инициативы при внесении поправок, подчеркнув, что депутаты Государственной Думы и сенаторы Совета Федерации могут вносить инициативы в этом отношении только от имени соответствующей Палаты Федерального Собрания, либо от групп депутатов численностью не менее одной пятой депутатов Государственной Думы или сенаторов.

Во-вторых, полагаем целесообразным, во избежание фактической ревизии глав первой и второй Конституции Российской Федерации, введение в рассматриваемый закон положений о недопустимости противоречия поправок, вносимых в Конституцию Российской Федерации, содержанию и смыслу глав первой и второй Конституции Российской Федерации.

Поскольку смысловое значение поправок вопрос достаточно деликатный и может вызвать различные толкования, считаем возможным уже на стадии принятия к рассмотрению Федеральным Собранием внесенных в порядке законодательной инициативы поправок подключение к процессу их принятия Конституционного Суда Российской Федерации. Его задача – дача заключения о соответствии или несоответствии внесенных поправок содержанию и смыслу глав первой и второй к Конституции Российской Федерации, влекущего за собой либо возможность продолжения законодательного процесса, либо снятие вопроса о поправке с рассмотрения.

На наш взгляд, Конституционный суд должен проверять соблюдение как содержательных (материальных), так и формальных пределов. Содержательных (материальных), поскольку содержание нормы прямым образом влияет на дальнейшее развитие конституционного законодательства, и превышение содержательных пределов непосредственно сказывается на качестве и эффективности применения Конституции. Формальные пределы должны быть поднадзорны Конституционному Суду в целях обеспечения прав участников законотворческого процесса, гарантированных главой 9 Конституции.

Список цитируемой литературы:

1. Колесова В.П. К вопросу об условиях и порядке внесения поправок в Конституцию РФ и ее пересмотра // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2012. - №1 (24). - С. 123-126.

Сведения об авторе:

Домнина Анастасия Валерьевна – старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права ННГУ им. Н.И. Лобачевского; anastasiy-domnina@yandex.ru

Шишкин В.В.
**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МОРСКОЙ ВОЙНЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ, НА ПРИМЕРЕ
МОРСКОЙ БЛОКАДЫ**

Аннотация: статья посвящена практике регулирования морской блокады в законодательстве Российской империи, на основе международного законодательства соответствующей эпохи.

Ключевые слова: законодательство, международное право, Российская империя, морская война, морская блокада.

Настоящая сложная геополитическая ситуация в мире, в которой находится современная Россия и страны ОДКБ, бросает нашей стране целый ряд вызовов, выраженных чередой агрессивных выпадов со стороны зарубежных стран, заключающихся в призывах к расширению военного блока НАТО, военными сухопутными и морскими маневрами вдоль границы Российской Федерации и т.д. Данные действия не могут не остаться безнаказанными со стороны Российской Федерации, что подкрепляется ее правом, в применении ответных мер в отношении "агрессоров" обостряющий международное положение, в соответствии, с международным и национальным законодательством.

В свете сложившейся современной ситуации, становится еще более актуальной тема обращенная к истории реализации Россией права на вооруженное противодействие "агрессорам", на различных театрах военных действий, в том числе и морском, закрепленная в международных и национальных правовых актах Российской империи.

Рассвет становления международного права приходится на середину XIX начало XX века, этот период характеризуется целым рядом международных соглашений, к которым присоединилась Россия, выраженных в различных формах - конгрессах, конвенциях и т.д., в которых участвовала Российская империя. Подписание международных актов Россией означало введение их в национальное законодательство, в связи чем издавался специализированный правовой акт в официальных изданиях Российской империи.

Становление международного права, в этот период, шло по пути как международного взаимодействия, так и коалиционного объединения ряда государств, что четко выявилося в складывании военных блоков - Антанты и Тройственного союза. Участие в международной деятельности давало возможность Российской империи, еще больше укрепить свои позиции на мировой арене, что стало особо важно после пошатнувшегося ее внешнеполитического имиджа, после поражения в Русско-японской войне 1904-1905 годов.

Сделав выводы из произошедшего поражения, Россия еще более активно включилась в международную деятельность по регулированию отношений между государствами во время войн. Для России, как великой морской державы, с многовековой морской историей, одними из ключевых тем были вопросы прав реализуемых страной во время морских войн, и морской блокады в том числе.

Практика международного сотрудничества в данном вопросе уже существовала, и Россия, была одной из первых стран, выведших на международную арену данную проблему, о чем свидетельствует "Санкт-Петербургский торговый договор России с Англией" от 20 июня 1766 года [4]; и провозглашенная Екатериной II 28 февраля 1780 года "Декларация о вооруженном нейтралитете". В своей докторской диссертации выдающийся юрист XIX века, В.Н. Лешков отмечает, что по артикулу X торгового договора дозволяется подданным обеих договаривающихся сторон свободно торговать с государствами, с которыми та или другая держава будет находиться в войне, под условием, что означенные подданные не будут возить к врагу другой стороны военной контрабанды и не будут иметь сношений с местами действительно блокированными [2, с.104].

В дальнейшем в XIX в. начале XX в. Российской империей участвует в целом ряде международных актов посвященных морской блокаде, одно из ключевых мест среди которых необходимо отвести Парижской декларации о принципах морского международного права от 16 апреля 1856 г. [3, с. 42-43], согласно содержанию которой - блокада, чтоб быть обязательной, должна быть действительной, т. е. поддержанной достаточной силой для действительного воспрепятствования доступа к неприятельскому берегу.

Затем наиболее полное отражение практика морской блокады, получила в Декларации о праве морской войны от 26 февраля 1909 г. [1], принятой в городе Лондоне, что предопределило ее название как Лондонской декларации о праве морской войны. Стоит отметить, что данная декларация действует до сих пор, и Российская Федерация как государство подписавшее данную декларацию, может полностью использовать ее для защиты своих интересов. Согласно статье 1 данной

декларации, блокада может быть применяема лишь к портам и берегам, принадлежащим неприятелю или им занятым.

В Лондонской декларации 1909 г. получили подтверждение принципы заложенные в Парижской декларации о морской блокаде, что получило отражение в статье 2, текст которой полностью повторяет определение блокады полученное в Парижской декларации 1856 г.

Согласно статье 9 Лондонской декларации объявление о блокаде делается или блокирующей державою, или же действующими от ее имени морскими властями. Оно определяет: 1) день начала блокады; 2) географические границы блокируемого побережья; 3) срок, даваемый нейтральным судам для выхода.

Правовая регламентации статуса блокады посвящены статьи с 3 по 9 Лондонской конвенции, согласно которым: вопрос о действительности блокады есть вопрос факта; блокада не почитается снятою, если блокирующие силы временно удалятся вследствие непогоды; блокада должна быть применяема беспристрастно к различным флагам; начальник блокирующей силы может давать военным судам разрешение войти в блокированный порт и затем из него выйти; в случае бедствия, удостоверенного какою-нибудь властью блокирующих сил, нейтральное судно может войти в блокируемую местность и затем из нее выйти под условием не оставлять и не брать там никакого груза. В статье 17 данной конвенции, отмечается, что захват нейтральных судов за нарушение блокады может быть осуществлен лишь в районе действия военных судов, на которые возложено обеспечение действительности блокады.

Статьи с 11 по 13 посвящены информированию других стран о факте о блокаде, в них отмечается, что объявление о блокаде оповещается: 1) нейтральным Державам - Державою блокирующей, посредством сообщения, обращенного к самим Правительствам и к аккредитованным при ней их представителям; 2) местным властям - начальником блокирующей силы. Власти же эти, со своей стороны, известят о блокаде, в возможно непродолжительном времени, иностранных консулов, исполняющих обязанности в порте или на побережье, подвергающихся блокаде. Правила, касающиеся объявления и оповещения о блокаде, применяются также и в тех случаях, когда блокада будет расширена в своих пределах или, после снятия ее, возобновлена. Добровольное снятие блокады, равно как и всякое сокращение ее действия, должно быть оповещено порядком, предписанным статьей 11 Лондонской конвенции.

Стоит отметить, что резюмируя проанализированные акты, можно выделить основные элементы присущие блокаде, которыми являются: право остановки и осмотра нейтральных судов, право установления блокады враждебного государства и право конфискации провозимых морским путем грузов противника.

В заключении стоит отметить, что сложившаяся в Российской империи национальная практика регулирования права блокады в рамках морской войны, полностью соответствовала духу времени, и международному законодательству той поры, отражая при этом внутренние интересы России.

Список цитируемой литературы:

1. Декларация о праве морской войны от 26 февраля 1909 г. // Министерство образования и науки Российской Федерации, Международное публичное право, Сборник документов, Часть II.- М.: «Проспект», 2006.
2. Лешков В.Н. Историческое исследование начал нейтралитета относительно морской торговли: Рассуждение для получения степени доктора прав. – М.: В Университетской Типографии, 1841.
3. Сборник договоров России с другими государствами (1856-1917). М., 1952.
4. ПСЗ РИ-1. Т. XVII. П. 12.682.

Сведения об авторе:

Шишкин В.В. – старший преподаватель кафедры Теории и истории государства и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»; соискатель кафедры теории и истории государства и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»;

Научный руководитель – Сапунков А.А., к.ю.н, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского».

Морозов В.Е.
АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

***Аннотация:** Статья посвящена анализу дефиниции и самой классификации административных регламентов. Автор делает попытку совершенствовать концепцию научного подхода к классификации административных регламентов и обращает внимание на отсутствие отдельных видов административных регламентов.*

***Ключевые слова:** административный регламент, административная процедура, государственная функция, федеральные органы исполнительной власти, государственная услуга.*

Совершенствование административной регламентации происходит не только в рамках работы подзаконного нормотворчества, но и в порядке проведения административной реформы на современном этапе.

Как отмечает Бочарова Н.Н., совершенствованием системы федеральной исполнительной власти послужило внедрение типовых и конкретных административных регламентов [4, С. 114].

В научной литературе сущность административных регламентов видится в признании их как нормативных правовых актов подзаконного уровня, которые устанавливают административную процедуру либо совокупность административных процедур. Иными словами, формируют правила совершения действия или совокупности действий (решений) исполнительного органа государственной власти, его структурных подразделений, а также должностных лиц, производимых с определенной целью при осуществлении их властных полномочий [9, С. 92].

Между тем ключевой процессуальной особенностью административного регламента является закрепление им конкретной формы административно-процессуальных действий, то есть внешнего, объективного и обязательного выражения содержания административного процесса в целом, не допускающее вариантов действий субъектов правоприменения [7, С. 8].

В свою очередь, под административной процедурой в науке понимается нормативно установленный порядок последовательной процессуальной реализации уполномоченными субъектами права согласованных действий по осуществлению их компетенции, в том числе принятию законодательных и иных правовых актов [3, С. 10].

Таким образом, стоит отметить, что законодатель включил административные процедуры в российскую правовую систему и в систему реализации функций федеральной исполнительной власти. Такая реализация, безусловно, соответствует основным принципам построения правового государства в том числе в связи с необходимостью внедрения в организацию и функционирование публичной власти надлежащего порядка, обеспечения соблюдения принципа законности, а также установления гарантий полезности, эффективности и открытости административных действий [8, С. 51].

В то же время административная процедура соотносится с административным регламентом как форма осуществления компетенции и правовой источник ее реализации. В связи с изложенным выше, необходимо неукоснительное следование установленным административным процедурам, получившим закрепление уже в административных регламентах в целях обеспечения принципа законности в системе государственного управления (прежде всего, на федеральном уровне). В этом, пожалуй, заключается основной смысл данных преобразований, которые придают определенную правовую конструкцию всей государственно-управленческой деятельности. Поэтому в ней закладываются как материальные, так и процессуальные управленческие аспекты для объективного и всестороннего разрешения административных дел, которые в последующем будут основаны на соблюдении конституционных прав и свобод граждан и обеспечении законных интересов юридических лиц.

Как справедливо отмечает А.В. Мартынов, в правоприменительной практике наблюдаются большие трудности применения административных регламентов. Несмотря на принятие даже типовых административных регламентов, их сама типология и их количество в настоящее время до конца не определены. Вместе с тем различаются оценки в количестве уже принятых административных регламентов [6, С. 69].

Особенность административных регламентов состоит в определении порядка проведения административно-управленческих процессов, которые базируются на подробных описаниях конкретных фрагментов этих процессов. Между тем они связывают воедино цели и задачи с «ресур-

сами» и определяют порядок исполнения полномочий, принятия решений и предоставления государственных, а также установления и проведения форм контроля их исполнения и также установления информационной прозрачности их применения.

Административный регламент исполнения государственной функции и предоставления государственной услуги имеет ключевое значение в деятельности федерального органа исполнительной власти. Историческая миссия административного регламента всегда заключалась, прежде всего, в повышении качества предоставления государственных и муниципальных услуг [10, С. 28].

Нельзя не констатировать факт того, что оказание услуг является одним из видов государственных функций. Между тем в литературе указанные дефиниции иногда различаются.

Например, выдвигается тезис о том, что в моменте оказания государственной услуги всегда присутствуют три участника: учредитель, или орган, устанавливающий государственное задание, учреждение, выполняющее его по утвержденным стандартам и с соблюдением необходимых норм, и получатель. В выполнении же государственной функции присутствуют два участника: тот, кто ее исполняет, и второй, кто получает результат. И в этом случае также не обходится без конкретных стандартов, определяющих организацию процесса [5, С. 57].

Безусловно, оказание государственной услуги сопряжено в рамках бюджетно-правового поля, но иные функции, на наш взгляд не являются исключением. Вряд ли можно с указанным тезисом согласиться, поскольку общее требование в выполнении государственных услуг лежит на федеральных агентствах, с одной стороны, и в самих правовых актах о федеральных агентствах – с другой. Например, федеральное агентство лесного хозяйства осуществляет оказание государственных услуг в области лесных отношений [2].

Во взаимосвязи с совокупностью классификации государственных функций в системе федеральной исполнительной власти стоит обратить внимание на отсутствие административных регламентов по принятию федеральных нормативных подзаконных правовых актов. В настоящее время основные требования к принятию подзаконных правовых актов федеральных органов исполнительной власти изложены в специальном акте Правительства РФ [1]. Между тем с учетом функциональной направленности конкретного исполнительного органа необходимо установить порядок подготовки административного регламента по принятию подзаконных актов, регулирующих узкий круг общественных отношений. Концепция классификации административных регламентов в зависимости от государственных функций и реализации законодательных положений, на наш взгляд будут способствовать развитию научных разработок в последующем и совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Список цитируемой литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // Доступ из СПС «Консультант-плюс» (дата обращения: 15.01.2022 г.)
2. Постановление Правительства РФ от 23.09.2010 № 736 «О Федеральном агентстве лесного хозяйства» // Доступ из СПС «Консультант-плюс» (дата обращения: 15.01.2022 г.)
3. Барциц И.Н. Приоритетные направления совершенствования административных процедур / И.Н. Барциц // Государство и право. - 2008. - № 3 - С. 5-11
4. Бочарова Н.Н. Административно-правовая деятельность территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в федеральных округах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 // Н.Н. Бочарова – М., 2016 – 248 с.
5. Головашенко М.О. Государственные услуги и функции. в чем отличия? // Евразийский союз ученых. – 2015. - № 4-9 (13). – С. 55-57.
6. Мартынов А.В. Актуальные проблемы реализации административных регламентов в сфере исполнительной власти. / А.В. Мартынов // Административное и муниципальное право. – 2009. – № 11. – С. 68–71.
7. Масленников М.Я. Российский административный процесс: триединство процессуальной нормы, содержания и формы // Административное право и процесс. 2008. № 2. С. 2 - 9.
8. Стариков Ю.Н. Административные процедуры в системе административного права: содержание, юридическое значение, формирование законодательства / Ю. Н. Стариков // Административная реформа в Республике Узбекистан: опыт и проблемы правового регулирования: Материалы Международного симпозиума. – Ташкент: ТГЮИ, 2008. – С. 30-62.
9. Филатова А.В. Регламенты и процедуры в сфере реализации государственного контроля (надзора) / А.В. Филатова, Н.М. Конин. // Саратов: Научная книга, 2009. – 280 с.

10. Хашаева А.Б. Роль административного регламента в процессе реализации административной реформы РФ // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. – 2016. – № 24. – С. 27-32.

Сведения об авторе:

Морозов Виталий Евгеньевич – старший преподаватель кафедры «Государственно-правовые дисциплины» юридического института ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»; myself007@mail.ru

Дубровин М.А.

**ЦИКЛ ФОРМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА:
ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОДХОД**

***Аннотация:** Исследование рассматривает индивидуальные особенности становления российской государственности. Полученные результаты позволили изучить пронизывающие внутригосударственные и глобальные процессы в новом аспекте - цикличности. Разработанная концепция интегративной функции государства расставила акценты на исключительности системных интеграционных процессов, свойственных России. Представленные научные выводы подчёркивают теоретическую и практическую значимость осмысления жизненного цикла государства, как неравномерную временную линию, подверженную эволюционным и инволюционным процессам.*

***Ключевые слова:** процесс интеграции, формы государства, формы территориального устройства, интегративная функция государства, теория циклов, государственный цикл, ритмодинамика.*

Российская Федерация, сегодня, - это динамично-развивающееся государство. Высказанный тезис, постановочно, допустимо обосновать совокупностью множества протекающих разнонаправленных процессов, являющихся синергитическим результатом как влияния современного глобализирующегося мира так и многовековой истории. При этом изучение государственной материи обусловлено особенностями российского государства, которое взаимозависимо от политэкономического и/или политологического курса страны в обусловленный временной промежуток.

Исследование проблем российской государственности, с применением не только юридических, но и междотраслевых методов продиктовано современными тенденциями, указывающими на междисциплинарный подход к изучаемой проблематике. Кроме того, выраженный плюрализм, встречаемый в смежных отраслях науки, характеризующий экономические, политические, социальные и иные аспекты жизнедеятельности общества носит взаимопроникающий характер, что позволяет изучать государство не только в статике, но и в динамике. Именно присутствие комплексности, как одного из основополагающих принципов теории государства, позволяет использовать в настоящем исследовании не свойственные юридической науке категории «теория циклов» и «ритмодинамика». Несмотря на первичную разнородность, корректное сегментирование признаков либо их выборочное заимствование, допустимо в рамках выдвигаемой концепции определить отправной точкой в трансформации и/или формулировании новых элементов в категориальном аппарате теории науки.

В настоящих реалиях, по нашему мнению, представление жизненного цикла государства в качестве прямолинейной линии - архаично. Динамика науки видоизменяет устоявшуюся концепцию условной точки зарождения, взаимозависимую с принятием центральнообразующего акта, и кончины, выраженной в дезинтеграции (распаде), либо трансформации в более сложную структуру. Подтверждением этому служит историография теории государства, как науки.

Подавляющее число национальных, региональных либо глобальных событий находят своё отражение в трудах именитых исследователей. Разумеется, с присущей долей историзма, подавляющему числу явлений придаётся доктринальная оценка постфактум. Однако несмотря на это наукоёмкость совершенных открытий не оценима.

Конкретизируя достижения в области изучения форм государства, а именно форм территориального устройства, прослеживается отсутствие унификации, но присутствие устоявшейся доктрины. Например, Г. Вайц[2; с. 82] - унитарное, совокупное, федеративное и конфедеративное государства. П. Ламанд[2; с. 82] - унитарное и объединённое. А. Фотш[10; с. 7] - унитарное и федеративное. Присущий плюрализм свидетельствует о системном изучении и обобщении особенностей

функционирования государств, а первичная обработка данных на эмпирическом уровне способствовала органическому сочетанию теории и практики.

Ретроспективные и современные научные изыскания сформированы вокруг попыток исключения конфедеративной формы территориального устройства. Отсутствие их сегодня, а также неопределённость в области определения государственной материи данного типа - это основные аргументы исследователей-сторонников. В теории науки популяризован подход, согласно которому конфедерация - это международно-правовое объединение (А. С. Авакьян[1; с. 4], В. С. Нерсесянц[8; с. 622], С. Н. Бабурин[14; с. 53]), по нашему мнению, больше описывает региональный и/или глобальный формат реализации интегративных функций государств.

При этом нельзя отрицать практической применимости приведённой концепции. Современные международные организации, среди которых особое место занимает Европейский союз, огосударственны. Юридическое и практическое проявление суверенитета государств-членов разрозненно. Как верно отмечал Ж. Боден[5; с. 136], суверенитет - это верховная власть над гражданами и поданными, неограниченная законами. Действительность, напротив, указывает на пренебрежение национальными интересами государствами-членами, на прямое влияние и определение основных направлений деятельности как на национальном, так и на региональном и глобальном уровнях.

Несмотря на актуальность данного подхода недопустимо пренебрегать историческими фактами: Швейцария с 1291-1848 гг.; Объединённое королевство Швеции и Норвегии с 1814-1905 гг. и другие. Все это признанные мировым сообществом государства конфедеративного устройства. Таким образом, следует говорить скорее о доктринальном изменении содержания термина конфедерация, нежели об отсутствии данного вида в типологии форм государства.

Безусловно, конфедерация - это не обязательный этап в жизненном цикле государства. По-станавочно, его допустимо ознаменовать как альтернативный путь развития. В данной ключевое весьма актуальным представляется высказывание С. С. Алексеева[11; с. 27], указывающего, что конфедерация - это возможная конструктивная модель в период распада государств имперского типа, в результате которого вариативно в зависимости от внутренних и/или внешних факторов не исключена трансформация в более сложную форму территориального устройства - федерацию.

Взгляды Г. Вайца, П. Ламанда, А. Фотша, которые анализировались ранее, в своей совокупности, сводятся к установлению унитарного государства, как первичной формы, а федерация - это следующий этап, более сложно-организованный. При этом, жизненный цикл, в его практическом выражении, не сводится к ежемоментному переходу, это длительный процесс. Его, факультативно, допустимо охарактеризовать как попытки государства перестроить формы подчинённости составных территориальных элементов органу центральной власти. Об этом свидетельствует множество научных работ, например Н. М. Коркунова[9; с. 218] и М. В. Баглая[4; с. 127].

Критерии централизованности и децентрализованности унитарного государства, по своей доктринальной природе, - это противоположности. Первый характерен для концентрации у центрального правительства всей полноты власти, второй, напротив, указывает на опосредованную роль государственного контроля в сфере деятельности административно-территориальных делений. Однако с интеграционной позиции, наибольшее отличие заключается в ареале влияния государственной власти. Разумеется, с одной точки зрения, централизованное государство перспективнее в вопросах реализации интеграционной деятельности, т.к. в национальном формате корректирование её направленности носит более исключительный характер нежели системный, ввиду своей унификации для всех образований. При этом в региональных и/или глобальных вопросах централизованное унитарное государство опирается на синергию воли всех территориальных делений либо на волеизъявление лидера в зависимости от установленной формы правления.

С другой стороны - децентрализованное унитарное государство - тип, который привносит персонифицированные особенности каждого административно-территориального деления в структуру. Чрезмерная дозволенность самоопределения на всех уровнях взаимодействия (национальном, региональном, глобальном), по нашему мнению, носит предпосылки дезинтеграционной направленности. Государство в своём идеалистическом понимании - это целостная структура. Наделение суверенностью административные части, лишённые всестороннего государственно-властного контроля, в перспективе, является существенной угрозой национальным интересам. Во-первых, по причине потенциального нарушения целостности общества, раскола (разобщения) нации. Во-вторых, трансформации отдельного деления в суверенное государство, требующее защиты своих территорий в особенности в военном контексте. В-третьих, территориальная социальная интеграция, сохранение связей в которой не может быть гарантировано при дезинтеграции унитарного государства.

Комплексное изучение подходов к исследованию типологий форм государственного устройства приводят к основополагающим выводам в рамках теории циклов. Их рассмотрение в контексте очерёдности отводит унитарному государству роль первенства. Однако, учитывая выявленные критерии централизованности и децентрализованности, умозаключение требует корректирования.

Через логическое выстраивание теоретической мысли исследования допустимо определить возможную последовательность: централизованное государство; децентрализованное государство; федерация. При этом в подобном ключе, по нашему мнению, жизненный цикл представляется некорректно. Определенную ясность приносят работы А. Б. Венгерова[12; с. 122], М. Н. Марченко[13; с. 98], Г. Еллинека[6; с. 510]. Они подтверждают, что федерация по аналогии с унитарным государством обладает критериями централизации и децентрализации.

Дополнение последовательности такими типами федераций привносит теоретическую ясность, но не определяет следующую стадию. Выявлен пробел, который не разрешить включением конфедеративной формы государственного устройства, т.к. она носит временный характер, а также не распространена именно в формате территориального образования в современных реалиях. Более того, рассмотрение её в качестве продолжения последовательности, сейчас, контрпродуктивно. Возможно в последующем понимание конфедерации как союза, имеющего договорную основу, и выраженного в формате взаимоотношений независимых национальных элементов, определит её место.

Единственно корректным путём разрешения сложившейся ситуации будет использование теории циклов, заимствованной из экономической науки. Повторяющиеся закономерности экономических интеграционных процессов проникают на все государственные уровни. Их совокупное влияние на государственную структуру и предпосылки смены стадии в жизненном цикле государства находятся в прямой взаимозависимости. В данном ключе, доктринальная основа обязана быть сформирована на базе исследований, которые во-первых адаптируемы к теории государства, с учётом корректной фильтрации признаков, а во-вторых, отвечаемые тенденциям функционирования государства.

Круг, а именно так традиционно ассоциативно изображали цикл, означал бы абсолютную позитивность или негативность последствий от деятельности государства. Данная концепция не только не отвечает реальности, с точки зрения применимости к теории государства, сколько при её использовании лишена ключевого признака - непрерывности. В связи с чем, результаты исследований Ю. В. Яковца[15; с. 187], в контексте выставленных критериев заимствования, в первую очередь формируют существенный акцент на теоретической значимости его выводов, а во-вторых изменяют геометрическую фигуру на волнообразную спираль.

В качестве предпосылок подобного осмысления цикла, в своих работах, исследователь формирует классификацию всех происходящих процессов, основанную на трёх критериях: поле действия; длительность; пространственная сфера. Их общая концепция носит разнонаправленный характер. Описывая природу зарождения конвергенции природных, социальных или гибридных элементов, либо характеризуя цикл по временному критерию (сверхкраткосрочный, суточный, сезонный и др.), либо применяя территориальные критерии (локальный, региональный, глобальный и др.) он сконфигурировал базис, применяемый в экономике, и адаптируемый к теории государства.

Современное государство, в частности российское, указывает на трансформацию общественных потребностей во многом обусловленной хаотично изменяемой геометрией положительных (негативных) локальных, региональных и глобальных проявлений государственной материи. Постановочно, причиной этому можно обозначить разнонаправленную реализацию основных направлений деятельности государства. Функция государства, безусловно, ёмкостный доктринальный ресурс, относящийся к числу фундаментальных в теории государства. Однако его использование с точки зрения характеристики деятельности государства на протяжении жизненного цикла представляется весьма обобщённым толкованием. Точности позволяет достичь выделение из общего числа интегративной функции.

Интеграцию, первично, допустимо охарактеризовать как процесс всестороннего непрерывного объединения разрозненных элементов, концептуально, послужившего основой зарождения государственности. С одной стороны, апробация категории интегративной функции государства, в рамках настоящего исследования, это попытка ввода в науку новой, с точки зрения теории государства, категории. С другой, по нашему мнению, это единственный способ описания происходящих государственных процессов в условиях цикличности. В особенности, учитывая ранее выделенные

критерии, введённые Ю. В. Яковцом. Их адаптация возможна исключительно на базе гибкого процесса, которым является интеграция.

Несмотря на универсальность применения, в рамках теории циклов и теории государства, его не следует абсолютизировать. Одно из наших исследований [3; с. 273] продемонстрировало серьёзную угрозу от бесконтрольной реализации интегративной функции государства. В попытках достижения положительного результата, в частности в актуализированных форматах регионального и глобального партнёрства, государство при отсутствии некорректной расстановки приоритетов наносит ущерб национальным интересам, выраженный в: дестабилизации регионов (административно-территориальных делений, субъектов); зарождения начал суверенности, следовательно, истончению взаимозависимости в вертикальной иерархии власти; попыток минимизации контроля со стороны органов центральной власти, либо полного его отсутствия и др.

Единственно возможным механизмом предупреждения подобных последствий является определение приоритетов органами центральной власти в вопросах реализации своей деятельности. Постановочно, выборность осуществляется между интегративной функцией и функцией обеспечения национальной безопасности. Именно их взаимосвязь проявляется наиболее цикличной.

При этом некорректно в данном вопросе оперировать категорией замещения, либо однородных ей. Конструктивная особенность функций не позволяет, условно выражаясь, отключить одну из них, они всегда жизнеспособны, и активны, но могут быть наполнены разной степенью включённости государственной власти в контексте их реализации. Баланс, который концептуально должно достигать каждое государство, не только российское, это цель, преследуемая им на протяжении всего жизненного цикла.

Сложность балансирования проявляется при использовании критериев классификации Ю. В. Яковца в определении жизненного цикла. Не возможность предвидения последствий от реализации функций, а также неопределённость, обусловленная хаотично меняющимися тенденциями глобализирующегося мира не позволяют, к примеру, определить длину цикла. В данный период осмысления путей разрешения проблемы весьма востребованным будет дополнение понятийного аппарата исследования категорией ритмодинамика, также заимствованной из экономики, как науки.

Показательно, что именно она через включённость в экономических, политических, социальных процессах (сферах проявления процесса интеграции) формировала характер эволюции российской цивилизации многие столетия. Ритмодинамика, концептуально, способна выявить факторы, генерирующую волну цикличной спирали, её интенсивность, протяжённость, а так перспективы продолжения эволюционных процессов, или наступления инволюционного периода, пути нисходящего цикла. На волнообразный характер российского государства, в частности, указывали В. И. Пантин и В. В. Лапкин [7; с. 39]. В своём исследовании они расставили акценты на смене волн, к примеру, относительной либерализации на антилиберальную контрмодернизацию, или реформ на контрреформы и т.д.

Представление жизненного цикла государства эволюционными и инволюционными этапами указывает не только на их систематическую сменяемость, но так же и на генерирование начал следующего периода в предыдущем. Социальное стремление к целостности, основанное на интеграционных началах, либо к дифференциации составных частей с целью познания себя как суверенной структуры, допустимо ознаменовать естественными процессами, более того неизбежными. В контексте государства, смена цикла неминуема, она обусловлена природой социума и многовековыми этапами выстраивания интеграционных связей между его элементами.

В данном периоде особая роль отведена процессу интеграции. Его включённость проявляется в момент перехода инволюции в эволюцию, т.к. требуется синтез отдельных элементов, стремящихся выйти из состояния дифференциации с целью достижения положительного синергетического эффекта от выстраивания объединённой государственной структуры, и сохраняется до окончания эволюционных процессов. Продолжительность эволюционного периода (восходящего цикла) зависит от достижения баланса между интегративной функцией государства, в её национальном и международном выражении, и функции обеспечения национальной безопасности. В противном случае, происходит бессистемное проявление дезинтеграционных начал составными частями государства, оправданное минимизацией включённости и контроля со стороны органов центральной власти в их жизнедеятельность. Предпосылки следующего переходного периода (от эволюции к инволюции), постановочно, допустимо обозначить как точку бифуркации. Категория, используемая в критическом состоянии системы, при проявлении флуктуаций и неопределённости в характере последующих действий, по нашему мнению, наиболее корректное факультативное дополнение понятийного аппарата.

Характерное проявление точки бифуркации в истории российского государства наблюдается в период распада СССР. Вариативность при которой, потенциально, прослеживался путь масштабной дезинтеграции, проявляющийся в наделении суверенности каждой республики, сменился, с течением времени, на сохранение территориальной целостности подавляющей части социалистического государства, и восполнением утраченных связей (экономических, политических, культурных и др.) через создание региональных интеграционных объединений (например СНГ). Таким образом, с точки зрения государственной цикличности, данный период наиболее теоретически корректно представляется в следующей последовательности: точка бифуркации (период дестабилизации и самоопределения); социалистический распад (означенный упадком во всех сферах жизнедеятельности общества новообразованных государств); становление Российской Федерации с балансированием национальной интегративной функции и параллельным восстановлением связей стран постсоветского пространства через реализацию международного формата интеграционной деятельности.

В современном функционировании Российской Федерации, по нашему мнению, ощутимо прослеживается преемственность опыта в прохождении точки бифуркации. Характер государственной политики указывает на ежедневные попытки сохранения баланса между внутригосударственной и международной интеграционной деятельностью. Стоит отметить, что именно в случае глобализирующегося мира, в условиях повышенного международного давления на национальные курсы государств и попыток их определения, а также предпосылок внушения мнимых аполитичных суждений и/или поощрения асоциального поведения и т.д., сохранение заинтересованности во внутригосударственных интеграционных связях между составными части государства, предупреждающих бифуркацию, и как следствие, следующий цикл, кратковременное нарушение баланса не выглядит критичным.

Резюмируя настоящее исследование, хотелось бы отметить о преждевременности смены цикла российского государства на данном этапе. Более того, реализуемые, сегодня, задачи указывают на усиление национальных связей, модернизации экономики, при должном сохранении ёмкости России, как участника международного сообщества.

Список цитируемой литературы:

1. Авакьян С.А. Договор между республикой Беларусь и Российской Федерацией о создании союзного государства: конституционно-правовой анализ.// Вестник Московского ун-та. Серия 11, Право. - 2001. - №1. - С.4.
2. Буржуазные учения о федерализме XVIII - XIX вв. / Н. Ю. Козлова; Отв. ред. Л. С. Мамут; АН СССР, Ин-т государства и права. - М. : Наука, 1988. - 141,[2] с.
3. Дубровин М.А. Особенности функций государства: интегративной и национально безопасной в условиях глобализации // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2 (117). С. 271-275.
4. Конституционное право зарубежных стран [Текст] : учебник / [Баглай М. В. и др.] ; под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо и Л. М. Энтина ; Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. - 975 с.
5. Метод легкого познания истории = Methodus ad facilem historiarum cognitionem / Жан Боден; Пер., ст., примеч. М.С. Бобковой. - М. : Наука, 2000. - 411, [1] с.
6. Общее учение о государстве= General doctrine of state / Георг Еллинек. - СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004 (Акад. тип. Наука РАН). - 750 с.
7. Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России (К обсуждению гипотезы) . – Полис. Политические исследования. 1998. № 2. С. 39.
8. Проблемы общей теории права и государства [Текст] : учебник / [Варламова Н. В. и др.]; под общ. ред. В.С. Нерсесянца ; Ин-т государства и права РАН. - 2-е изд., пересмотр. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2010. - 815 с.
9. Русское государственное право [Текст] / [сочинение] Н. М. Коркунова. - Изд. 4-е (без существенных перемен). - С.-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1901-1903.
10. Сущность, содержание и форма государства [Текст] / АН СССР. Ленингр. кафедра философии. - Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. - 163 с.
11. Теория государства и права : Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Алексеев, С. С., Архипов С. И., Игнатенко Г. В. и др.; Авт. предисл. С.С. Алексеев; Отв. ред.: В. М. Корельский, В. Д. Перевалов]. - 2-е изд., изм. и доп. - М. : НОРМА : НОРМА-ИНФРА-М, 2000. - XX, 595 с.

12. Теория государства и права [Текст] : учебник / А. Б. Венгеров. - 9-е изд., стер. – Москва : Изд-во Омега-Л, 2013. - 607 с.
13. Теория государства и права [Текст] : учебник / М. Н. Марченко. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Проспект : Изд-во Московского ун-та, 2018. - 636, [1] с.
14. Территория государства : Правовые и геополит. проблемы / С. Н. Бабурин. - М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 477, [3] с.
15. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Ю. В. Яковец. - М. : Наука, 1999. - 447, [1] с.

Сведения об авторе:

Дубровин Михаил Андреевич - старший преподаватель кафедры Международного права и внешнеэкономической деятельности Юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; 301507@bk.ru

Семенов И.А., Веселова А.Р.

КАТЕГОРИИ ЭТИКИ: «ЧЕСТЬ» И «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

***Аннотация:** Честь и справедливость – сложные многоаспектные этические категории, которые представляют особую теоретическую и практическую значимость. В статье рассматривается этико-юридический подход к определению данных понятий, раскрывается деонтологический характер и социальная значимость этических компонентов в деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы.*

***Ключевые слова:** уголовно-исполнительная система, воспитание курсантов, профессиональная этика, мораль, нравственность, кодекс профессиональной этики*

К вопросу о выборе профессии сотрудника правоохранительных органов, гражданин должен подходить со всей серьезностью. Данную категорию государственных служащих отличает повышенная ответственность, «боеготовность» и мобильность при выполнении поставленных задач, которые, несомненно, требуют полной отдачи и посвящения себя делу

Все будущие сотрудники проходят специальную подготовку, во время которой, они овладевают, основополагающими принципами и постулатами несения службы. У них формируется морально-нравственный стержень, который позже становится моральным эталоном, в соответствии с которыми, они должны нести свою службу. Мораль, таким образом, функционирует как вектор разумной и целенаправленной жизни человека или социальной группы [1, с.75]. В связи с этим, возникает необходимость в освоении обучающимся содержания профессиональной этики, так как сотрудник обязан вести себя учтиво и тактично, в равной степени, по отношению ко всем гражданам в любой ситуации; при этом, выполняя с полной отдачей свои служебные обязанности.

Что же такое по своей сути профессиональная этика? Профессиональная этика – это система моральных принципов, норм и правил поведения специалиста с учетом особенностей его профессиональной деятельности в конкретных ситуациях. [4, с. 126]. Она необходима по той причине, что у сотрудника должна быть достаточно высокая степень моральной ответственности перед обществом, нравственности, он должен понимать последствия своих действий как профессионала и стремиться действовать по чести и справедливости.

Деструктивный характер, искажающий морально-нравственные ориентиры сотрудника, носят периодические контакты с лицами, ведущими аморальный образ жизни, правонарушителями, спецконтингентом. Находясь в постоянном контакте с нарушителями закона, сотрудник подвергается риску профессиональной деформации и эмоциональному выгоранию, задает себе вопрос о правильности выбранной им профессии. Взаимодействие с заключенными оказывает на сотрудников отрицательное воздействие.

В современном обществе на деятельность сотрудников обращено довольно пристальное внимание, так как от того насколько квалифицированы работники правоохранительных органов зависит стабильность, степень правопорядка и законность в обществе. Сотрудник представляет интересы государственной власти, является ее лицом, зачастую неправильные действия представителей государственных органов приводят к тому, что у граждан возникает негативное отношение и недоверие к государственной власти, при таких отношениях невозможно становление общества с высоким правосознанием и ответственностью. Поэтому необходимо неукоснительно следовать должностным инструкциям и выполнять добросовестно свои обязанности.

Поступая на службу в уголовно-исполнительную систему будущий, сотрудник торжественно приводится к присяге. Он клянется в верности государству и его народу. Соблюдать законы страны, защищать права и свободы человека и гражданина, быть мужественным, честным и полностью использовать свои знания и способности в деле исполнения уголовных наказаний и обеспечении безопасности государству, быть достойным сотрудником и исправно выполнять свои обязанности по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, хранить государственную тайну.

Основным нормативно правовым документом, регламентирующим поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы, является: Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 11 января 2012 г. № 5 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы» [2], в нем закреплены следующие принципы и правила служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих: добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять свою деятельность строго в пределах своих полномочий, не оказывать предпочтения каким-либо социальным группам, быть объективным, независимым и честным в реализации своей деятельности, соблюдать нормы профессиональной этики, быть корректным и внимательным в своем отношении с гражданами.

Данные положения закрепляют морально-нравственные требования, предъявляемые к сотруднику УИС, и обязывают служащего в государственных органах неуклонно им следовать.

Стать профессионалом в служебной деятельности по сохранению и поддержанию правопорядка возможно только при собственном желании и стремлении к нравственному самосовершенствованию, развитию преданности своему делу, полной отдаче себя в выполнении поставленных задач, наличии так называемого морального «стержня».

Необходимо понимать, что сотрудники должны следовать не просто нравственным, а именно нравственно-правовым принципам, то есть профессиональному долгу. Случается, что, поступая с точки зрения общественной морали правильно, работник органов внутренних дел тем самым, нарушает свои должностные обязанности, чего нельзя допускать.

Например, идя поздним вечером, домой молодой человек услышал крики о помощи, он побежал на крики, оказалось на девушку напали грабители. Юноша стал защищать девушку, завязалась потасовка, в ходе которой, молодой человек нанес смертельный удар тупым предметом грабителю, тот в результате скончался на месте. Девушка вызвала полицию и, прибыв на место, сотрудники задержали молодого человека до выяснения обстоятельств, а после предъявили обвинение по статье «Причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего».

С точки зрения профессиональной морали сотрудники поступили правильно, но, по мнению общественности, их действия несправедливы, ведь молодой человек спас девушку от грабителей и выполнил свой гражданский долг. Тем не менее, сотрудник обязан неукоснительно выполнять свои обязанности, согласно закону, обеспечивать охрану и защиту прав человека и гражданина, стремиться к юридической справедливости и равному отношению ко всем гражданам, не допуская всякие притеснения и угнетения коллег, граждан по национальному и религиозному признаку [3, с. 395].

Очевидно, что человек, работающий в правоохранительных органах, должен быть не только хорошим сотрудником, но и человеком с высокими моральными установками и стремлениями. Как бы ни было трудно, он должен не отклоняться от установленных требований, качественно выполнять поставленные задачи, постоянно самосовершенствоваться, высоко ценить свою честь и справедливость, не допускать должностных преступлений и коррупции.

Таким образом, личный состав уголовно-исполнительной системы в работе по укреплению правопорядка и борьбе с преступностью должен опираться на принцип верного служения отечеству, нравственные и духовные устои в обществе, быть достойным представителем своего народа, твердо стоять на страже законности, Конституции РФ, неуклонно выполнять свой служебный долг.

Знание основ профессиональной этики, законов и служебных обязанностей, применение их на практике не только делают сотрудника культурным человеком и работником, но и позволяют ему более эффективно выполнять служебные обязанности, повышают его авторитет среди коллег и общественности, укрепляют статус сотрудника органов внутренних дел, а соответственно и престиж самой системы.

Список цитируемой литературы:

1. Зарубина Е. В. Социальные и культурные функции морали / Е. В. Зарубина // Вестник научных конференций. 2016. № 1-5(5). – С. 75-76.

2. Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 11 января 2012 г. № 5 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70050194/> дата обращения: (01.12.2021)

3. Семенов И. А. Управление персоналом многоконфессиональной организации / И. А. Семенов // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 05 марта 2020 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. С. – 395-399.

4. Тимофеева Е. А. Профессиональная этика сотрудников уголовно-исполнительной системы как фактор, способствующий профилактике их профессиональной деформации / Е. А. Тимофеева // III международный пенитенциарный форум «преступление, наказание, исправление»: (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): Сборник тезисов выступлений и докладов участников, Рязань, 21–23 ноября 2017 года / Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. – С. 126-131.

Сведения об авторах:

Семенов Иван Александрович – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»; iasemenov@list.ru

Веселова Анастасия Романовна – курсант очного обучения 2-го курса юридического факультета ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»; nastyveselova505@gmail.com

Нгатею А.Ш.П.

К ВОПРОСУ О БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРАВИЛА ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРЕННИХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ В ПРАКТИКЕ АФРИКАНСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И НАРОДОВ

***Аннотация:** в статье рассматривается практика Африканского суда по правам человека и народов в контексте распределения бремени доказывания правила внутренних средства правовой защиты. Анализируется позиция, выработанная Африканским судом касательно бремени распределения доказывания данного требования.*

***Ключевые слова:** Африканский суд по права человека и народов, исчерпание внутригосударственных средств правовой защиты, бремя доказывания правила внутренних средств правовой защиты, структурный и существенный подход Суда.*

Институт доказывания справедливо рассматривается как краеугольный камень судопроизводства. Эволюция правовых систем происходила благодаря систематической реформе процессуального законодательства, внедрению новых элементов, направленных на укрепление основных гарантий гражданского и уголовного судопроизводства и обеспечение конкурентоспособности и равенства сторон.

Африканский суд по правам человека и народов (далее – Африканский суд, Суд), применяя особенности и традиции общего и континентального права, стремится уважать демократические принципы судопроизводства, оказывающие влияние на организацию его деятельности за счет соблюдения критериев справедливого судебного разбирательства.

Правило, обязывающее заявителей исчерпывать внутренние средства правовой защиты до подачи индивидуальной жалобы в Суд, характерно для международных судебных и квазисудебных органов по наблюдению за соблюдением прав человека, как универсальных, так и региональных. Такое правило также присутствует и в Регламенте Африканского суда.

Согласно пункту 2 правила 40 данного регламента «В жалобе должно быть указано предполагаемое нарушение и должны быть представлены доказательства исчерпания внутренних средств правовой защиты или их чрезмерного затягивания или неэффективности, а также ожидаемые меры или запрашиваемые судебные запреты (...). Кроме того, схожие правовые нормы содержатся в статье 56(5) Африканской хартии по правам человека и народов (далее – Африканская хартия или хартия) и статья 6(2) Протокола об учреждении Африканского суда делает отсылку к статье 56(5) Банжульской хартии.

Правило об исчерпании внутренних средств правовой защиты подразумевает, что государство-ответчик должно иметь возможность ознакомиться с нарушениями прав человека, имевшими место под его юрисдикцией, а также исправить их. Таким образом, требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты отражает принцип субсидиарности международного контроля, согласно которому государства несут главную ответственность за соблюдение своих международных обязательств по защите прав человека. Следовательно, требование исчерпания внутренних средств правовой защиты не зависит от воли заявителя; «это легальное требование международного права» [8, п. 142].

Что касается бремя доказывания исчерпания внутренних средств правовой защиты, то оно, по мнению Суда, лежит на заявителе. Последний должен представить доказательства того, что он исчерпал или пытался исчерпать все имеющиеся в его распоряжении внутренние средства правовой защиты. Отсутствие таких доказательств влечет за собой неприемлемость жалобы. Таким образом, наличие и анализ доказательств Судом представляет собой важный процесс в рамках судебного разбирательства.

Как отметил Суд в деле супруги Диаките (*Epoux Diakité*), «истец должен предпринять все необходимые меры для исчерпания или, по крайней мере, попытки исчерпания внутренних средств правовой защиты; недостаточно, чтобы истец поставил под сомнение эффективность внутренних средств правовой защиты государства на основании отдельных случаев». Таким образом, на практике заявители должны приложить все соответствующие доказательства, подтверждающие исчерпание внутренних средств правовой защиты (копии судебных решений, записки, постановления о хабес корпус и т. д.). Это вытекает из статьи 34 (4) правил процедуры суда, согласно которой «жалоба (...) должна содержать доказательства исчерпания внутренних средств правовой защиты или их неправомерного продления...».

В деле Франка Дэвида Омари Суд отметил, например, что заявители не представили доказательств прекращения их иска в национальных судах [2, п. 135]. Аналогичным образом, согласно статье 39 правил процедуры суда, Суд может, *suo motu* (по собственному желанию), потребовать от сторон предоставить ему любой документ или доказательство, которые он сочтет относящимися к делу.

Бремя доказывания, возложенное на заявителя, не следует, однако, толковать настолько ограничительно, чтобы лишить право на эффективный доступ к Суду, его существа и смысла. Его следует толковать с учетом общего правового и политического контекста, а также личного положения заявителя. В деле Питера Джозефа Чача Суд пришел к выводу, что заявитель не представил доказательств исчерпания внутренних средств правовой защиты, несмотря на все попытки обжалования в различных судах Танзании. Следует, однако, отметить, что такая позиция Суда не убеждала тогда судей Акуфо, Томсона, Киоко и Угергуза.

Судья Угергуз в своих особых мнениях осудил весьма формалистическое видение Африканского Суда [5, п. 20] в высшей степени, защищающее государства. Таким образом, он предложил, принимая во внимание конкретные обстоятельства дела, пойти дальше в анализе и распределении бремени доказывания. В этом отношении в качестве ориентира могла бы служить прецедентная практика Европейского суда. Согласно практике Европейского суда по правам человека по данному вопросу, а именно п. 1 ст. 35 Европейской конвенции, который предусматривает распределение бремени доказывания гласит что когда государство или правительство в ходе процесса ссылаются на неисчерпание внутренних средств правовой защиты оно должно убедить суд в том, что средство правовой защиты было эффективным и доступным как теоретически, так и на практике на момент принятия решения» [6, п. 71.]. Таким образом, когда ответчик возражает против неисчерпания внутренних средств правовой защиты, он должен представить доказательства доступности и эффективности таких внутренних средств правовой защиты. С этого момента истец обязан доказать, что это средство правовой защиты было исчерпано или что оно является нецелесообразным. Такой подход по мнению судьи Угергуза привел бы к справедливому распределению бремени доказывания.

По мнению Ф. Угергуза в деле Питера Джозефа Чачи, «Суд сформулировал свои выводы, сосредоточившись исключительно на поведении заявителя. Суд не провел, как следовало бы, оценку поведения судебных органов государства-ответчика, и при этом он не распределил справедливое бремя доказывания между сторонами в деле» [7, п. 27].

Таким образом, даже если сохраняется принцип, согласно которому бремя доказывания лежит на истце, судья может решить, с учетом общего контекста дела, справедливо распределить его между сторонами судебного разбирательства.

Действительно, такое динамичное толкование, на наш взгляд, позволило бы обойти системные процессуальные трудности, с которыми отдельные лица и неправительственные организации (НПО) могут столкнуться в национальных судах. Поэтому как мы видим, анализ бремени доказывания в связи с исчерпанием внутренних средств правовой защиты в практике Африканского суда не обязательно направлен на поощрение права лиц на доступ к суду, а скорее на защиту государств, что контрастирует с позицией Европейского суда по правам человека, выступающего за справедливое распределение бремени доказывания.

Структурный анализ правила исчерпания внутренних средств правовой защиты в ходе судебного разбирательства показывает его важное место в качестве процессуальной нормы путем изучения этой нормы и доказательств исчерпания внутренних средств правовой защиты. Такой анализ также показывает, что подход Суда на этом уровне в значительной степени защищает государства, поскольку он превращает рассмотрение этого правила обязательное требование, даже если государства не поднимают этот вопрос в ходе разбирательства или отказывается от него. Более того, Африканский суд неравномерно распределяет бремя доказывания исчерпания внутренних средств правовой защиты. Исходя из этого, можно справедливо задаться вопросом о том, что такая позиция Суда не усложняет ли доступ для частных лиц к Африканскому суду. В любом случае несмотря на все, в последнее время, судебная практика Африканского суда свидетельствует о значительном изменении позиции Суда в этом отношении. Суд стал разрабатывать существенный подход, который, в свою очередь, способствует доступу отдельных лиц к правосудию в целях защиты прав человека.

В итоге рассмотрения исследуемой темы можно отметить, что, анализ правила исчерпания внутренних средств правовой защиты африканским судом по правам человека и народов, как ни странно, выявил разрыв между двумя, казалось бы, противоречивыми логиками. Структурный подход показал, что Суд отдает предпочтение защитному видению государств. Со своей стороны, существенный подход направлен на поощрение права на эффективный доступ к международному правосудию в области прав человека. Первое отвечает системной логике. Второй отвечает функциональной логике. Таким образом, в конечном итоге Суд всегда ищет баланс между защитой суверенитета государств и гарантией эффективного доступа к правосудию.

Список цитируемой литературы:

1. Киоко Б., «Африканская хартия демократии, выборов и управления как законный инструмент» / Киоко Б. Журнал африканского права, 2019, том. 63, стр. 39-61
2. Решение Африканского суда по правам человека и народов от 28 сентября 2017 г., по делу «супруги Диаките против Мали», исх. № 009/2016, пара. 53.
3. Решение Африканского суда по правам человека и народов от 28 марта 2014 г., по делу «Франк Дэвид Омари и другие против Танзании», исх. № 001/2012, пара. 135.
4. Тотай А.В., Корсаков А.В., Филин С.С. Экология: краткий курс лекций / А.В. Тотай, А.В. Корсаков, С.С. Филин; под ред. А.В. Тотая. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – 175 с.
5. Особые мнения судьи Африканского суда по делу Ф. Угергуз по делу «Питер Джозеф Чача против Танзании», пара. 20.
6. Постановление Европейского суда по правам человека от 17 сентября 2009 г. Дело «Скоппола против Италии» N. 10249/03, пара. 71.
7. Совместные особые мнения судей А. Б. Акуффо, Э. Н. Томсона и Б. Киоко, по делу Питера Джозеф Чача против Танзании, пара. 27.
8. African Court on Human and Peoples' Rights. Application 003/2012 Peter Joseph Chacha v. the United Republic of Tanzania. Judgment of 28 March 2014 // ACtHPR (далее – Peter Joseph Chacha). § 142.

Сведения об авторе:

Нгатею Акони Шани Павел – ассистент кафедры конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; ondonpavel@mail.ru

Кандаурова И.А., Шеенко В.Б.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЫЛОВЫХ РАЙОНОВ):
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД

***Аннотация:** В данной статье исследуются основные направления деятельности прокуратуры пяти тыловых районов (Хакасская автономная область, Татарская АССР, Алтайский край, Иркутская область, Ханты-Мансийский автономный округ). На основе систематизации, обобщения, сравнения материалов по рассматриваемой проблеме приводятся данные о вкладе сотрудников прокуратуры в противостояние немецким захватчикам, поддержке и содействию фронту.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, прокуратура, тыл, надзор, следствие.*

Прокуратура Российской Федерации в результате длительных исторических и законодательных преобразований сформировалась как структурно и функционально самостоятельный, независимый государственный орган, не входящий ни в одну из ветвей власти, осуществляющий от имени государства надзор за исполнением Конституции РФ и законов, а также иные функции [7, с. 68].

Безусловно, важный шаг в развитии законодательства о прокурорском надзоре – это Конституция СССР 1936. В данном нормативном документе определялись задачи прокуратуры, ее функции, принципы организации и деятельности, организационное построение, появился термин «высший надзор» [1, с. 25].

Великая Отечественная война выступила новым этапом в деятельности органов прокуратуры. С одной стороны, исследователи постоянно находят новые объекты для изучения, опираясь на рассекреченные архивные источники. Это делает возможным более глубоко и всесторонне изучить указанные вопросы. С другой стороны, к документам 1945 г., содержащим персональные данные, ученым ограничен доступ в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [5]. Исследование данной проблемы позволит не только осмыслить исторический опыт функционирования отдельного государственного органа в условиях военного времени, но и сохранить память о тех, кто воевал на фронте и ковал победу в тылу.

Территория Союза Советских Социалистических Республик в указанный период можно разделить на оккупированную территорию, блокадные территории, освобожденные районы и тыловую территорию. Подробнее остановимся на последней. Прокуратура, как и любой другой правоохранительный орган, подчинился общей задаче – борьбе с немецко-фашистскими захватчиками [1, с. 25]. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» органы прокуратуры, военные, и территориальные были перестроены на военный лад. Логично возникла кадровая проблема. Многие сотрудники прокуратуры уходили в ряды Красной Армии. Так, за первые 9 месяцев войны на фронт мобилизовали в Татарской АССР – 14 прокуроров [3, с. 11], в Иркутской области – 85 работников прокуратуры [2, с. 11]. В этой связи, Ханты-Мансийский автономный (ранее Остяко-Вогульский национальный) округ характеризовался отсутствием профессиональных юристов, компетентных специалистов в правоохранительных органах. Функции прокуроров, судей, следователей и иных сотрудников, чаще всего, исполняли малограмотные люди [4, с. 67].

Вначале рассмотрим, Красноярский край, который отличается огромной территорией, суровым климатом и слабо развитыми путями сообщения, что не могло не сказаться на деятельности прокуроров. Они принимали необходимые меры и смогли перестроить свою деятельность в соответствии с военным временем. В частности, прокуратура Хакасской автономной области относилась к единой централизованной системе советской прокуратуры. К ее задачам в условиях войны относились: точное исполнение законов, предотвращение преступности, дезертирства, всемерное содействие фронту. Также работники прокуратуры осуществляли контроль перевозок военных грузов, выступали защитниками прав служащих на фронте и их семей. Например, за 1944 данной категории населения выплатили пособия на сумму 173917 рублей, а пенсий на 42724469 руб. Осуществлялась борьба с преступностью на лесозаготовках, которые носили стратегический характер. Так, наказанием выступало лишение свободы до 5 лет [6, с. 49-50].

Анализ прокуратуры Татарской АССР показал, что она имела внушительный объем традиционных полномочий. А именно, контролировала строгое исполнение законов, касавшихся уголовных дел, экономических преступлений, мест лишения свободы. Появились и новые направления в ее работе, обусловленные военным положением: контроль исполнения законов о мобилизации, поставках военной продукции, борьбе с дезертирством, членовредительством, ложными слухами, оказании помощи семьям военнослужащих и т.д. Сотрудники прокуратуры противодействовали ложным слухам,

как следствие, паники населения. К примеру, «немцы подошли совсем близко к Москве»; «Англия объявила войну против СССР». Данная дезинформация расценивалась как контрреволюционная агитация. Также объектами контроля прокуратуры являлись экономические преступления. Наблюдались хищения, растраты продуктов, задержки хлебопоставок, злоупотребления с карточками [3, с. 12-13].

Исследуя правоохранные органы Алтайского края, было выявлено, что они осуществляли надзор за функционированием эвакуированных учебных учреждений. Происходил сбор информации о насилии со стороны учителей по отношению к учащимся, о качестве питания обучающихся, материально-технической базе образовательных организаций. На 1 июля 1943 года численность эвакуированного населения в Алтайский край насчитывала 151,6 тыс. человек. На этом основании правоохранные органы осуществляли контроль и надзор над работой социальных учреждений, оказывающих помощь нуждающимся людям. Кроме этого, способствовали бесперебойному поступлению вещевого и продуктового довольствия военнослужащим РККА [8, с.40-41].

В ходе изучения деятельности советской прокуратуры в Иркутской области стало понятно, что важным направлением в ее работе являлось исполнение законов органами дознания и следствия, осуществление расследования в максимально короткие сроки, максимально 3 – 5 дней. [2, с. 16]. Так, в 17 районах области в 1941 г. были проведены проверки состояния борьбы с растратами и хищениями социалистической собственности, 6 из которых принимал личное участие прокурор области И.Е. Савельев [2, с. 11-12].

Таким образом, ознакомившись с работой прокуроров в разных советских регионах, следует сказать, что они делали общее дело, а именно, поддерживали законность в тылу, в частности, боролись с преступностью, дезертирством, защищали права семей военных, контролировали исполнение советского законодательства и т.д. Важно отметить, что в военный период у данного правоохранительного органа в значительной мере вырос объем выполняемой работы, появились новые функции, несмотря на отток квалифицированных кадров. Однако, несмотря на чрезвычайные условия, добросовестные и ответственные сотрудники прокуратуры выполняли свой гражданский долг, укрепляли обороноспособность страны.

Список цитируемой литературы:

1. Абдулин Р.С. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебное пособие / Р.С. Абдулин. – 3-е изд., испр. и доп. Курган: изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. – 220 с.
2. Деревскова В.М Основные направления деятельности территориальной прокуратуры в условиях тыла в годы Великой Отечественной войны (на примере прокуратуры Иркутской области) / В.М Деревскова // Сибирский юридический вестник: вопросы теории и истории государства и права. – 2020. – № 3 (90). – С. 10 – 17.
3. Кабирова А.Ш. Деятельность органов прокуратуры Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны / А.Ш. Кабирова, Д.Э. Кабиров // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 8 – 18.
4. Кабуркин А.А. Ханты-Мансийский автономный округ: особенности формирования территории и судебных органов накануне и в годы Великой Отечественной войны / А.А. Кабуркин, В.И. Соколова // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 2. – С. 60 – 69.
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/.
6. Чекушкина Е.О. Деятельность прокуратуры Хакасской автономной области в годы Великой Отечественной войны / Е.О. Чекушкина, В.Н. Тугужекова // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 10. – С.48 – 54.
7. Чупанова А.Ч. Место прокуратуры в системе органов государственной власти / А.Ч. Чупанова, З.Л. Рамазанова // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 4. – С. 68 – 70.
8. Шатилов С.П. Роль правоохранных органов в реализации социальной функции Советского государства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Алтайского края) / С.П. Шатилов, О.А. Шатилова // Теория и история права и государства: история учений и праве и государстве. – 2021. – 1(96). – С. 38 – 48.

Сведения об авторах:

Кандаурова Ирина Александровна – преподаватель ОГАПОУ «Белгородский педагогический колледж»; kandaurovairina89@mail.ru.

Шеенко В.Б. – учитель МБОУ «Журавская СОШ» Прохоровского района Белгородской области; scheenko.valentina@yandex.ru

Киреева А.А.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ И СОТОВОЙ СВЯЗИ

Аннотация: В данной статье указывается необходимость упорядочения действий при расследовании преступлений с использованием сети Интернет и сотовой связи, учитывая при этом индивидуальные особенности данного вида преступления. При этом обращается внимание на практику расследования дел указанной категории дел, определяется порядок производства как следственных так и иных процессуальных действий при расследовании и раскрытии преступлений с использованием сети Интернет и сотовой связи.

Ключевые слова: мошенничество; сеть Интернет; расследование преступлений, обман, сотовая связь, уголовно-процессуальное право, киберпреступления.

В настоящее время активно развивается сфера компьютерных отношений и интернет коммуникаций. В связи с чем, с каждым днем преобразовываются способы совершения преступлений с использованием сети Интернет, что усложняет правоохранительным органам сбор доказательственной базы и поиску лиц, причастных к совершению того или иного преступления. Для предупреждения и профилактики совершения указанной категории преступлений, уполномоченными органами принят ряд нормативно-правовых актов, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере кредитования, компьютерной информации, при получении выплат, а также с использованием банковских карт, привязанных к расчетным банковским счетам. Также с помощью нормативно-правовых актов устанавливаются признаки преступления указанной категории и отличие смежных административных правонарушений.

Так, в уголовном праве, а в частности, Уголовный кодекс Российской Федерации содержит в себе главу №21 – «Преступления против собственности», в котором наиболее распространенными преступлениями являются кража, то есть тайное хищение чужого имущества (ст. 158 УК РФ), а также мошенничество – хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием (ст. 159 УК РФ). В данных составах преступлений есть отдельные части, в которых в качестве квалификационных признаков выступает способ совершения преступления, а именно тайное хищение с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), а также мошенничество с использованием электронных средств платежа (с. 159.3 УК РФ). Зачастую указанные преступления совершаются с использованием сети Интернет и сотовой связи, так как использование этих методов упрощает процедуру перевода похищенных денежных средств на счета преступников.

Как и в правоприменительной практике, как и в науке уголовного права схожие виды преступлений нередко именуют телефонными мошенничествами, и мошенничеством с внедрением банковских карт, и интернет-мошенничеством, в том числе существует термин «дистанционное» мошенничество. В частности в трудах Н.Д. Литвинова, А.Н. Федорова используется именно такое понятие [3, с. 68]. В настоящее время оно активно применяется для описания указанных преступлений.

Одной из главной причин развитию преступлений с использованием сети Интернет является ненадлежащие меры по профилактике со стороны участковых уполномоченных полиции, а также недостаточное освещение данной проблемы в средствах массовой информации. В связи с чем, граждане зачастую не осведомлены о алгоритме действий, при получении, к примеру, телефонных звонков и СМС-сообщений с неизвестных источников, которые интересуются о состоянии банковского счета или о наличии кредитных обязательств. Также в число обязанностей участковых уполномоченных относится контроль за лицами, имеющими судимость за ранее совершенные преступления. [1, с. 135]. А как показывает статистика, что лица, ранее привлеченные к уголовной ответственности за преступления, связанные с хищением собственности, вновь начинают заниматься противоправной деятельностью.

Что касается процессуальной регистрации дистанционных преступлений против собственности, то сначала в отделах полиции по месту регистрации заявителя или по месту совершения преступления, регистрируется сообщение о деянии, после чего устанавливаются все обстоятельства события преступления и только при наличии всех признаков, указывающих на состав преступления в сфере дистанционного мошенничества и кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, то следователем выносится постановление о возбуждении уголовного дела [5, с. 80]. Далее выполняется ряд следственных и процессуальных действий, которые способствуют раскрытию преступления и привлечению виновных лиц к ответственности, а именно, выясняются обстоятельства совершенного преступления, проверяется факт заблуждения гражданина,

наличие гражданско-правовых отношений, инсценировки или реального совершения преступления в отношении гражданина, при этом в рамках доследственной проверки направляются запросы в различные организации, опрашиваются лица, находившиеся с потерпевшим в день совершенного преступления либо имеющие отношение к произошедшему. Эффективность и вероятность раскрытия указанного преступления во многом зависит от различных факторов, в том числе: способ связи с потерпевшим (телефонный звонок или смс-сообщения о выигрыше или блокировании банковской карты), продолжительность общения (возможность потерпевшим опознать по голосу), фактическое местонахождение лиц, причастных к совершению данного преступления.

Для того чтобы получить информацию о принадлежности банковского счета или абонентского номера, на который преступным путем были переведены денежные средства потерпевшего лица - необходимо получить сведения о соединениях между абонентскими устройствами или конфиденциальную информацию о владельце банковского счета. Данные процессуальные действия регулируются как уголовно-процессуальным кодексом РФ, так как отдельными нормативно-правовыми актами, например, Федеральным законом от 02.12.1990 N 395-1 «О банках и банковской деятельности» [7], в котором рассматривается вопрос о круге лиц, которым предоставляется доступ к банковской тайне и степень доступа к указанной информации.

Так, органы предварительного следствия с целью получения сведений, о соединениях абонентского номера или о принадлежности банковского счета преступника направляют копию постановления суда оператору сотовой связи или в банковскую организацию. Данные действия призваны оказать помощь в установлении места регистрации и фактического проживания виновного лица, и при поступлении указанной оперативной информации, то проводятся обыска с целью обнаружения предметов и документов, имеющих доказательственное значение по уголовному делу, к примеру: средства мобильной связи, которые преступник использовал для совершения преступления, сим-карты с абонентскими номерами, документы, подтверждающие факт приобретения сим-карты, черновые записи в различных документах, как правило, содержащие список абонентских номеров на которые мошенник звонил потерпевшим, различные банковские карты и мобильные приложения.

При установлении лица, совершившего преступление органом предварительного следствия в полной мере собирается характеризующий материал на виновного лица, а также приобщение к материалам уголовного дела фонограмму данных переговоров; проводятся обыска в жилище преступника, устанавливается круг его общения, а также при наличии оснований направляются представления в банковские организации в порядке ч.2 ст.158 УПК РФ [6]. Такие представления должны способствовать усовершенствованию системы безопасности конфиденциальных данных лиц, а также данные представления направляются участковым уполномоченным по месту совершения преступления, которые обязывают проводить разъяснительные беседы с гражданами и лицами, ранее судимыми за совершение аналогичных преступлений.

Особой сложностью в расследовании и раскрытии данного вида преступлений объясняется их латентностью, то есть минимальным объемом доказательственной базы на первоначальном этапе расследования, связанный с тем, что потерпевший и преступник визуально друг друга не видят и исключается возможность личного контакта, бездокументарная форма хранения информации, её обезличенность [2, с. 88]. В связи с вышеуказанным большую часть преступлений указанного вида не представляется возможности раскрыть, и уголовные дела приостанавливаются на основании п.1 ч.1 ст.208 УПК РФ [6], в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

В связи с тем, что данный вид преступлений зачастую подразумевает межрегиональный характер, то существует сложность во взаимодействии органов предварительного следствия разных регионов, поэтому нередко затягиваются сроки процессуальных проверок по поступившим заявлениям и проверки оперативной информации. Для разрешения предоставленной проблематики правоохранительными органами, в том числе и МВД России разрабатываются системы по контролю и регистрации дистанционных мошенничеств и преступлений с использованием сети Интернет, которые помогают анализировать и группировать преступления, совершенные в разных регионах России. Так, благодаря таким компьютерным технологиям удается устанавливать сходства абонентских номеров, с помощью которых совершаются преступления, а также в подобные системы вносятся все контактные данные о потерпевшем лице [4, с. 38]. А после занесения вышеуказанной информации данная система обобщает полученную информацию и путем сопоставления с другими регионами, удается установить большинство потерпевших, пострадавших от лиц, использующие одни и те же абонентские номера или банковские счета.

Подведя итог можно сделать вывод, что в период развития экономики изменилась обстановка, характер финансово-экономических отношений, а также общественного уклада в обществе,

что в свою очередь создало предпосылки для появления новых видов преступлений, а также способов их совершения, в том числе с использованием сети Интернет и сотовой связи. К одним из основных причин, которые повлияли на возникновение указанного вида преступления послужило развитие технологий связи, повышение доступности к мобильной связи широких слоев населения и всеобщее распространение сети Интернет. Для того чтобы препятствовать совершению данных видов преступлений, правоохранительным органам необходимо уделять особое внимание профилактике и предупреждению совершения преступлений с использованием сети Интернет и сотовой связи и на постоянной основе проводить разъяснительные беседы с гражданами о вероятных способах совершения преступлений.

Список цитируемой литературы:

1. Загорский, Г.И. Хатуаева, В. В. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: курс лекций / Г.И. Загородский. — М. : Проспект, 2018. — 135 с.
2. Кузнецова Е.Г. Мошенничество в сфере компьютерной информации: вопросы квалификации // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 4 (15). С. 87—90;
3. Литвинов Н.Д., Федоров А.Н. Особенности, причины и тенденции развития дистанционного мошенничества лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы // Научно-исследовательские публикации. 2015. №13(32). С. 68;
4. Минин А.Я. О специфике противодействия киберпреступности // Российский следователь. 2020. № 8. С. 37—39.
5. Пикалов, И.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебное пособие / И.А. Пикалов. - М. :Юрлитинформ, 2013. - 165 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный источник]/ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 08.01.2022).
7. Федеральным законом от 02.12.1990 N 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 21.12.2021) [Электронный источник]/ <https://base.garant.ru/10105800/> (дата обращения 08.01.2022).

Сведения об авторе:

Киреева Анастасия Андреевна – следователь СО-7 СУ Управления МВД России по городу Волгограду anastasia.uvarova@list.ru

Алева-Герман Е.А.А.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗАКОНА О ПРОКУРАТУРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация:** В отечественной юридической науке до сегодняшнего дня остается актуальным вопрос о статусе специального закона, регламентирующего аспекты деятельности прокуратуры Российской Федерации. В настоящее время это федеральный закон. Однако существует научное мнение, сторонниками которого являются весьма авторитетные представители науки о прокурорской деятельности, о необходимости «повышения» статуса специального закона о прокуратуре до федерального конституционного закона. В результате масштабной конституционной реформы 2020 года конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации претерпел существенные изменения. Автор статьи анализирует эти изменения и приходит к выводу о том, что на данный исторический момент имеются достаточные основания для разработки и принятия федерального конституционного закона «О прокуратуре Российской Федерации».*

***Ключевые слова:** прокуратура; федеральный закон о прокуратуре; федеральный конституционный закон о прокуратуре; организация прокуратуры; деятельность прокуратуры; конституционная реформа 2020*

Прокуратура Российской Федерации, являясь одним из важнейших государственно-правовых институтов нашей страны, за всю историю своего существования претерпевала многочисленные трансформации и изменения. История России даже знает периоды, когда прокуратура была полностью ликвидирована. Сегодня эта система государственных органов играет весьма значительную роль в государственном механизме, и вопросы ее организации и деятельности сохраняют

острую актуальность. Одной из таких тематик является вопрос о статусе специального закона, которым регулируются аспекты деятельности отечественной прокуратуры.

На текущий момент Конституция Российской Федерации устанавливает, что полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом. Таким законом является Федеральный закон № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» – правовой акт, с точки зрения современных динамичных реалий имеющий весьма «почтенный возраст» (он принят 17 января 1992 г., следовательно, на сегодняшний день перешагнул тридцатилетний порог периода своего действия). История этого закона достаточно интересна.

После распада Советского Союза в обновленной России возникла необходимость издания нового закона о прокуратуре. Верховный Совет Российской Федерации принял 17 января 1992 г. Закон РФ № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», который вступил в силу 18 февраля 1992 г. С одной стороны, это тот же правовой акт, который мы сегодня знаем как Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», с другой стороны – документ, принятый в январе 1992 года, имеет с нынешним действующим законом не так много общего.

Через небольшой промежуток времени после издания указанного закона произошло крайне значительное событие для всего государства в целом – принятие на Всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. и вступление в силу 25 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации. Это потребовало внесения существенных корректив в действовавший специальный закон о прокуратуре. В этой связи Президент России Борис Ельцин 17 ноября 1995 г. подписал Федеральный закон № 168-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О прокуратуре Российской Федерации"». Именно поэтому действующий специальный закон о прокуратуре мы сегодня зачастую обозначаем как «Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 года № 2022-1 в редакции от 17 ноября 1995 года».

Стоит отметить, что за время своего существования обозначенный акт выдержал весьма значительное количество изменений – по состоянию на начало 2022 года общее число изменяющих документов составило 75, всего в закон внесено 443 поправки.

Во время работы над исследованиями некоторых аспектов организации и деятельности отечественной прокуратуры, осуществляемых на базе кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), нами проведен опрос в форме анкетирования среди ученых-правоведов, прокурорских работников, государственных гражданских служащих (как федерального, так и субъектового уровня), представителей судебной, исполнительной и законодательной власти, адвокатуры, нотариата, молодых ученых – аспирантов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) последнего года обучения, а также небольшого количества будущих юристов – студентов этого же вуза.

Состав участников опроса намеренно не ограничен исключительно прокурорскими работниками, поскольку, как правильно отметил профессор А.Ф. Смирнов, работникам прокуратуры зачастую «чрезвычайно трудно выйти за пределы ведомственных стереотипов»[4], они связаны ведомственными интересами. Особый интерес в части аспектов обозначенного исследования представляло мнение членов научного сообщества – как уже состоявшихся ученых (докторов и кандидатов наук), так и молодых исследователей (аспирантов и соискателей).

Всего в ходе опроса было проанкетировано более 150 респондентов. В общем массиве опрошенных доля ученых составила 53,3 %, то есть большая часть целевой аудитории. Прокурорские работники составили почти 42 % от общего количества (причем около половины из них являются состоявшимися или молодыми учеными). Представляется, что полученные в ходе опроса сведения в достаточной мере отражают общий подход респондентов (теоретиков, практиков, а также будущего поколения юристов) к обозначенной нами проблематике и могут послужить условными ориентирами и оказать определенную помощь в исследовании интересующих нас вопросов.

Учитывая изложенные выше факты о длительности действия нынешнего Федерального закона о прокуратуре и большом количестве внесенных в него поправок, в ходе опроса респондентам было предложено выразить свое мнение о необходимости принятия нового специального закона о прокуратуре.

Опрошенные лица в большинстве своем сочли, что в связи с интенсивным развитием и обновлением общественных отношений в государстве необходим новый закон (так ответили 56,5 % опрошенных). Однако существенная часть отвечавших на вопрос (29,9 %) всё же придерживаются мнения об отсутствии острой необходимости в новом законе на настоящий момент, так как действу-

ющий специальный закон о прокуратуре в целом удовлетворяет потребностям и государства, и общества, и самой прокуратуры. Закон, по мнению этих респондентов, можно и нужно продолжать дорабатывать, вносить в него очередные поправки. Затруднилась с ответом (или осталась при своем особом мнении) значительная часть опрошенных – 13,6 %. Надо отметить, что среди ученых процент сторонников принятия нового закона был несколько выше (61,0%), а доля противников такого шага – ниже (26,8 %). Чуть меньше было количество затруднившихся с ответом или имеющих другую точку зрения, но все же это число довольно существенно – 12,2 %. Итоги опроса показывают, что действия по принятию нового закона о прокуратуре не будут однозначно положительно восприняты со стороны теоретиков и практиков.

В научных кругах достаточно давно существуют дискуссии относительно научной точки зрения, сторонниками которой являются весьма авторитетные представители науки о прокурорской деятельности, о необходимости «повышения» статуса специального закона о прокуратуре до федерального конституционного закона.

- Так, К.И. Амирбеков отмечает, что конституционное закрепление аспектов деятельности прокуратуры, имея место в настоящее время в одной главе с судебной властью (глава 7 «Судебная власть и прокуратура»), подчеркивает их сходный статус – прокуратура находится «рядом и наравне с судебной властью»[1]. Судебная система России устанавливается помимо Конституции именно Федеральным конституционным законом. В этой связи видится справедливым, что регулировать организацию и деятельность прокуратуры Российской Федерации также должен не федеральный, а федеральный конституционный закон.

В пользу этой позиции приводятся серьезные аргументы и доводы на уровне диссертационных исследований на соискание ученых степеней.

В 2005 году Л.В. Потапова, указывая на очевидное несовершенство действующего законодательства о прокуратуре, наличие пробелов и коллизий, которые обуславливают острую необходимость его реформирования, на уровне диссертационного исследования формулирует вывод о том, что результатом процесса совершенствования должны стать разработка и принятие нового Федерального конституционного закона «О прокуратуре Российской Федерации»[3].

М.М. Черепанов аргументирует необходимость принятия федерального конституционного закона «О прокуратуре Российской Федерации», указывая на тот факт, что часть 1 статьи 108 Конституции Российской Федерации предписывает издание таких законов по предусмотренным в ней вопросам[6].

В 2009 году Н.В. Еремина, исходя из представлений о прокуратуре как о «конституционном многофункциональном органе, выполняющем от имени государства функцию надзора за исполнением Конституции Российской Федерации и законов», также на уровне диссертационного исследования обосновывает положение о необходимости принятия федерального конституционного закона о прокуратуре[2].

Что касается свежих юридических исследований, то в конце 2020 г. защищена диссертация А.Ю. Ульянова, в которой автор проанализировал историческое развитие отечественной прокуратуры, изучил материалы Конституционного совещания 1993 г. и рассмотрел этапы конституционализации российской прокуратуры, что привело его к выводу о незавершенном характере изменений, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации». Данный исследователь полагает, что в целях обеспечения стабильности правового статуса прокуратуры необходимо определять полномочия, организацию и порядок деятельности прокуратуры федеральным конституционным законом[5].

- В ходе проведения обозначенного выше опроса респондентам был предложен еще один вопрос, касающийся статуса нового специального закона о прокуратуре, если он когда-либо будет разработан и принят. Мнения ответивших разделились почти поровну. Формально большая часть респондентов (53,9 %) высказалась о том, что регулировать аспекты прокурорского надзора и прокурорской деятельности должен федеральный конституционный закон, поскольку прокуратура является конституционным органом. Одновременно весьма существенная часть опрошенных (40,3 %) сочла это излишним – респонденты придерживаются мнения о том, что сегодняшнего статуса федерального закона вполне достаточно, необходимости в его «повышении» не усматривается. Затруднившихся с ответом в данном случае немного – всего 5,8 %. И среди ученых, и среди прокурорских работников ситуация сходная – голоса разделились примерно пополам с небольшим перевесом в сторону приверженцев федерального конституционного закона, сторонники иных точек зрения в явном меньшинстве (прокуроры – 4,7 %, ученые – 7,3 %).

- Несмотря на значительное число теоретиков и практиков, не готовых пока к перемене статуса специального закона о прокуратуре с федерального на федеральный конституционный, стоит отметить все же, что статистическое большинство опрошенных поддержало эту идею.

Сторонниками точки зрения в части необходимости разработки и издания федерального конституционного закона о прокуратуре являются доктора юридических наук Н.А. Данилова, М.Г. Жилкин, В.Н. Исаенко, И.Б. Кардашова, Ф.М. Кобзарев, В.В. Меркурьев, Т.Г. Николаева, А.А. Толкаченко, А.А. Чистяков, М.С. Шалумов, Р.Д. Шарапов и другие весьма авторитетные представители юридической науки.

- Однако, несмотря на мощную научную поддержку идеи принятия федерального конституционного закона о прокуратуре, до настоящего момента такой правовой акт не разработан. Очевидно, это объясняется тем, что федеральный конституционный закон должен основываться исключительно на положениях, имеющих конституционное закрепление (как уже было указано выше, в соответствии с положением статьи 108 Конституции федеральные конституционные законы принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией Российской Федерации), а с 2014 года вплоть до конституционной реформы 2020 года в Конституции отсутствовало даже определение прокуратуры как системы органов.

- Конституционная реформа 2020 года во многом устранила недостатки правового регулирования прошлых периодов в части организации и деятельности прокуратуры и создала условия для развития прокуратуры как многофункционального элемента государственного механизма. В числе наиболее позитивных изменений можно назвать возвращение в текст конституции определения прокуратуры, изъятых в 2014 году. Также положительное влияние на организацию прокуратуры оказала отмена согласования назначения высших должностных лиц прокуратуры с субъектами Российской Федерации. Отныне главную роль в формировании руководящей команды прокуратуры Конституция передает Президенту Российской Федерации: теперь Президент без согласования с кем бы то ни было назначает и освобождает от должности Генерального прокурора и его заместителей (часть 3 статьи 129 Конституции), прокуроров субъектов, прокуроров военных и других специализированных прокуратур, приравненных к прокурорам субъектов Российской Федерации (часть 4 статьи 129 Конституции) и в ряде случаев иных прокуроров (часть 5 статьи 129 Конституции). Это задает вектор для развития организации и деятельности прокуратуры как системы органов, способствующей наиболее эффективному осуществлению полномочий Президента, в том числе в части обеспечения функционирования единой системы публичной власти.

- Итак, в настоящее время недостаток отсутствия надлежащих конституционных норм о прокуратуре отчасти устранен, и думается, что имеются достаточные основания для разработки и принятия федерального конституционного закона, регулирующего основные аспекты деятельности прокуратуры. Содержание действующей нормы части 1 статьи 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» определяет конституционно-правовое значение прокурорской деятельности: именно эта система органов в первую очередь осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов. В этой связи видится, что «повышение» уровня специального закона о прокуратуре до статуса федерального конституционного закона будет способствовать четкому определению этого значения.

Список цитируемой литературы:

1. Амирбеков К.И. Правовой статус прокуратуры Российской Федерации и проблемы его развития / Прокуратура России: 1991–2016 гг.: сб. ст. / под общ. ред. А.Ю. Винокурова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2016. – 128 с.

2. Еремина Н.В. Место прокуратуры Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовое исследование : диссертация ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Еремина Н.В. – М., 2009. – 234 с.

3. Потапова Л.В. Нормативные источники правового регулирования организации и деятельности органов прокуратуры Российской Федерации : диссертация ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Потапова Л.В. – Екатеринбург, 2005. – С. 236.

4. Смирнов А.Ф. Проблемы развития теории и правового регулирования организации и деятельности прокуратуры // Наука на службе Закону. Сборник материалов научно-практической конференции. Москва, 30 мая 2018 года, Университет прокуратуры Российской Федерации. 2018. С. 68-75.

5. Ульянов А.Ю. Конституционализация прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти : диссертация ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Ульянов А.Ю. – Екатеринбург, 2020. – 184 с.

6. Черепанов М.М. Принципы организации и деятельности российской прокуратуры : диссертация ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Черепанов М.М. – Екатеринбург, 2008. – 168 с.

Сведения об авторе:

Алева-Герман Евгения Алиса Алексеевна – государственный советник Российской Федерации 3 класса, аспирант кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Институт аспирантуры и докторантуры Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва; s0123729@msal.edu.ru

Научный руководитель – Отческая Т.И., д.ю.н, профессор, заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

Ислентьев С.О.

ВКЛАД М.М. СПЕРАНСКОГО В РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

***Аннотация:** В статье рассматриваются основные положения политико-правового учения известного российского государственного деятеля первой половины XIX века, М.М. Сперанского, непосредственно касающиеся прав и свобод человека. Оценивается значение данных идей для дальнейшего развития российской теории прав человека.*

***Ключевые слова:** права и свободы личности, история политических и правовых учений, классический либерализм, правительственный либерализм, философия права, конституционализм.*

Одним из переломных периодов в мировой истории по праву считается рубеж конца XVIII - начала XIX веков. Военное и политическое доминирование революционной Франции над европейскими монархическими государствами продемонстрировало необходимость общественно-политических и социально-экономических преобразований в соответствии с либеральными идеями.

Данную потребность осознавали и в России. Первые шаги в деле изменения общественной политической жизни Российской империи были сделаны ещё при императрице Екатерине II, но пугачёвское восстание положило конец так и не начавшемуся процессу либеральных реформ. Впоследствии лишь в 1801 году, после того, как взойшёл на престол внук Екатерины II, Александр I, вопрос осуществления всеобъемлющих либеральных преобразований государственно-политического устройства страны поднялся вновь. Конституционные проекты, разрабатывавшиеся на основе идей и концепций эпохи Просвещения, имели своей целью ответить на многочисленные вызовы новой политической реальности. Среди составителей данных нормативных правовых актов были члены Негласного комитета, а также иные приближенные к императору лица - П.А. Зубов, А.Р. Воронцов и т.д. Впрочем, эти проекты так и остались нереализованными. Как следствие, в 1808 году Александр I поручил разработать план государственного преобразования России одному из самых доверенных своих государственных служащих – М.М. Сперанскому (1772–1839). Его имя символизировало правительственную политику в 1808-1812 годах.

Периодом расцвета политико-правовой доктрины М.М. Сперанского считается начало XIX века. В силу своего хорошего образования и природной любознательности он был прекрасно знаком с главными течениями политической мысли в странах Западной Европы. Весомое влияние на него оказывали идеи французских, английских и немецких просветителей [9, с. 31]. Впоследствии его реформаторские замыслы, уже как политического деятеля предполагали, в частности, совершенствование законодательства Российской империи в контексте западноевропейских и американских биллей и деклараций о правах человека [2, с. 145].

В соответствии с его взглядами, лишь при условии добровольного признания индивидами своей свободы и моральных прав в государстве может возникнуть социальный порядок. Соответственно, важнейшим условием существования общества в рамках этой концепции являются права и свободы человека и их обеспечение.

В своих трудах М.М. Сперанский предстает ярким противником стеснения свободы, выступая за предоставление каждой личности возможности и права на самостоятельный выбор поступков и действий. Данное положение распространяется на все сферы общественной жизни, но при этом автор допускает определенные ограничения свободы. По его словам «господствующие во всяком

обществе понятия, ограничивающие свободу его отдельных членов и известные под именем законов, преданий, обычаев, представляют собой продукт человеческой свободы, путем опыта, доведенного до сознания, что так лучше» [9, с. 34-35].

М.М. Сперанский выделял следующие виды свободы:

1. свобода политическая – «когда классы государственные более или менее участвуют в действии власти законодательной и исполнительной, когда народ управляется законом, общою волею принятым или охраняемым» [7, с. 12].

2. свобода гражданская – «независимость каждого класса от произвола другого в обязанностях личных и вещественных» [7, с. 12].

Подобные философские измышления стали основой для плана государственного преобразования Российской империи. Под влиянием идей, в частности, Ш. Монтескье им предлагались идеи представительства и разделения властей, а также идея прав личности, предполагающая отход от принципа сословного деления. Он одним из первых пытался ввести в российское законодательство достаточно радикальные для своего времени принципы: защиты частной собственности, идея неприкосновенности личности и т.д.

Первым шагом к изложению идеологических аспектов плана государственных преобразований М.М. Сперанского стало признание им общности исторического процесса в Западной Европе и России. Прекрасно понимая проблему соотношения социальных сил в государстве и его политической системе, автор приходит к следующим выводам:

1) в Российской империи отсутствует гражданское общество. При этом тот слой населения, который мог бы сформировать социально-политическую базу демократических преобразований, а именно средний класс, находится в процессе своего становления;

2) крепостное право является тормозом любых политических и социально-экономических изменений;

3) опыт западных стран мало применим, за исключением отдельно взятых случаев [4, с. 12].

М.М. Сперанский был уверен, что «заимствование опыта других государств не изменит ситуации в стране, но приведет к знанию таких понятий как права, законы, преимущества, свободы» [5, с. 212]. Учитывая все вышеизложенное, он предложил крайне сложную систему политико-правового реформирования. Анализируя особенности государственности Российской империи и современных ему западных стран, М.М. Сперанский делает вывод о том, что преобразование должно заключаться в утверждении правления самодержавного, но основанного на законе. Именно закон должен был служить неким противовесом государственной власти.

Будучи приверженцем конституционализма, М.М. Сперанский закономерно отстаивал идею конституционной монархии, к которой должно было прийти российское государство через постепенное реформирование. Им не отрицается роль воздействия общественности на правительство, но вместе с тем он считал, что право на установление формы государственного строя принадлежит только правительству.

По его убеждению, гражданские права и свободы личности в Российской империи были недостаточно обеспечены законами и правом. Таким образом, без должных гарантий они бессильны. Он видел необходимость в разработке и издании основных законов, которые станут прочным фундаментом и полноценной гарантией гражданских прав и свобод.

М.М. Сперанский прекрасно осознавал все трудности, с которыми придется столкнуться при реализации предполагаемых реформ, а потому крайне осторожно подходил к введению необходимых преобразований [1, с. 77]. Составленный им проект государственного преобразования предполагал изменение общественного устройства и смену государственного строя страны. Вместо прежнего сословного деления населения империи автором была предложена несколько иная концепция разделения состояний, в основе которой находились права и свободы подданных. По мнению правоведа, могут быть только два источника любых разделений: права гражданские и права политические.

Первым и неотъемлемым достоянием любого общества, как считает М.М. Сперанский, является безопасность личности и имущества, поскольку «...противно природе человека предполагать, что кто-либо согласится жить в таком обществе, где ни жизнь, ни имущество его ничем не обеспечены» [7, с. 179].

Рабство, как справедливо указывал он, существовало везде и всегда, однако неверным представляется утверждение, что оно было так уж необходимо, поскольку порождено конституциями античных республик и нравами своего времени. Впоследствии в многонациональных и крупных

государствах рабство понемногу уничтожалось, и поэтому нет оснований предполагать, что в России нельзя провести аналогичные преобразования, будь на то политическая воля и время на постепенное воплощение реформ в жизнь.

Права гражданские подразделялись им на свободы личные и свободы вещественные. Первая категория тесно связана с принципом верховенства закона, в соответствии с которым только законом и судом определяется, может ли быть наказан человек. Кроме того, к разряду личных свобод относился вопрос несения личной службы и подразумевал, что человек должен отправлять службу только в определенных законом случаях, но не по воле иных лиц. Свобода вещественная в свою очередь непосредственно связывалась с принципом незыблемости права частной собственности, согласно которому каждый человек может свободно распоряжаться своим имуществом, а также обязан платить налоги и подати только в рамках закона или добровольно взятых на себя обязательств.

Но возможно ли наделить указанными свободами всех подданных империи без каких-либо ограничений? По мнению правоведа, это маловероятно. Причиной тому служило то, что имеются определенные виды деятельности, для которых предполагается особое воспитание и уровень образования. К таковым, в частности, М.М. Сперанский относит деятельность высших чинов в государственном управлении и армии. «Если допустить равенство во вступлении в службу и всех без различия подчинить одной очереди, тогда высшие звания наполнятся людьми, воспитанием к ним не предуготовленными» [7, с. 181]. Таким образом, как отмечал реформатор, нельзя лишать людей их личного гражданского права, но при этом и предоставить его всем в равной степени не представляется возможным.

Свобода вещественная тоже не являлась в этом смысле исключением. Правом собственности на движимое и недвижимое имущество (не населенное) могли обладать все подданные империи. Однако в случае, если недвижимое имущество было населено, то вступали в силу ограничения, так как реализация права собственности в отношении такого имущества подразумевала наличие навыков управления и знание законов страны.

Вышеизложенными обстоятельствами М.М. Сперанский обосновывал разделение общества на состояния: «из различия прав гражданских, общих или особенных, возникает различие состояний, различие, которое по самой необходимости допустить должно» [7, с. 181]. Правовед понимал, что подобное разделение не вполне соответствует справедливости, приводя в пример страны Европы и США, где подобное разделение в правах не допускалось. Но при этом он указывал, что в условиях российской действительности перенять опыт этих стран в настоящий момент не представляется возможным.

Вторым источником разделения классов или состояний, М.М. Сперанский называл политические права и свободы. Они заключались в участии в деятельности государственной власти и её органов: законодательных, исполнительных и судебных, что определяло «право избрания» и «право представления» [10, с. 144]. Указанные права, по мнению реформатора, должны принадлежать только людям, имеющим собственность, поскольку для защиты собственности законы и составляются. Из этого следует, что имеющий собственность человек сможет лучше распорядиться данными ему правами с пользой для себя и государства определить полезность того или иного закона. В противном случае, если допустить к политическим правам всех подданных, то «... все избирательные силы народа перейдут в руки тех самых, кто наименее в доброте сих выборов имеют участие и наименее способ к правильному их усмотрению» [7, с. 185]. При этом право представления считалось автором более важным, из-за чего минимальный доход для его реализации должен был быть выше, нежели, чем для права избрания.

В соответствии с проектом государственных преобразований предлагалось выделить три группы населения империи, у каждой из которых был соответствующий комплекс прав. К первой группе относились дворяне, которые обладали всеми гражданскими и политическими правами. Кроме того, дворянство сохраняло за собой право приобретать и владеть населенной недвижимостью, было «свободно от личной службы очередной» [7, с. 186], а также имело право заниматься всеми дозволенными промыслами и даже переходить из одного звания в другое (например, в купечество) без потери своего статуса.

Однако в противовес указанным положениям закреплялись и некоторые ограничения. Во-первых, реализация прав политических неразрывно связывалась с наличием собственности. Во-вторых, представителям дворянства вменялась обязанность проходить службу в гражданском или воинском звании не менее 10 лет по своему выбору. Если же эта обязанность не выполнялась, и представитель дворянства уклонялся от службы, то потомственное дворянство его заменялось на личное,

а дети такого дворянина впоследствии считались представителями среднего состояния. Более того, для сохранения потомственного дворянства требовалось иметь особые заслуги в период прохождения службы.

Во вторую группу населения выделялись представители среднего состояния, к которым он относил купцов, мещан, ремесленников, а также иных лиц, имеющих недвижимое имущество в определенном размере. За ними закреплялись общие гражданские и все политические права по мере имеющейся собственности, они были свободны в выборе своего промысла и могли получить личное дворянство за свою службу. Основной же обязанностью, закрепленной за этим состоянием, являлось исправное несение в соответствии с законом возложенной службы и исполнение повинностей.

В качестве третьей и последней группы М.М. Сперанским выделялся народ рабочий, к которым относились поместные крестьяне, мастеровые, их работники и домашние слуги. В отличие от первых двух групп за ними закреплялись только общие гражданские права, поскольку они не обладали соответствующим размером собственности и необходимыми компетенциями для реализации остальных прав. Обязанности же их, в целом, состояли в необходимости нести законом установленную службу.

Важными особенностями рассматриваемой концепции деления населения империи на состояния, принципиально отличающимися ее от ранее принятого принципа сословного деления, являются более тесная взаимосвязь между состояниями и, как следствие, значительно упрощенная система перехода из одного состояния в другое. Связующим звеном между дворянством и представителями среднего состояния являлось личное дворянство, а возможность приобретения недвижимой собственности сближала представителей среднего состояния с народом рабочим. Таким образом, следуя принципу постепенности совершенствования, представитель низшего состояния теоретически мог собственными усилиями достичь личного дворянства.

В результате анализа политико-правовых идей М.М. Сперанского, представляется справедливым отметить, что главная ценность конституционного проекта М.М. Сперанского для развития идеи прав человека в России заключается в его продуманности и соответствии принципу реформизма, подразумевающего постепенный отход российского общества от принципа сословного деления и привилегированности отдельных групп общества. Предложенная им концепция предоставляла всем подданным империи возможность при наличии желания, способностей и трудолюбия получить тот социальный статус и, соответственно, тот перечень прав, который был им нужен. М.М. Сперанский являлся одним из первых мыслителей и общественно-политических деятелей Российской империи, кто заговорил о таких либеральных и демократических идеях, как разделение властей, закрепление и практическая реализация гражданских прав и свобод, привлечение населения империи к управлению страной и т.д. Более того, в отличие от своих немногочисленных предшественников, у него была достаточно ощутимая возможность претворения этих концепций в жизнь.

Тем не менее, несмотря на явную прогрессивность, а также историческую необходимость выдвинутых идей, проведенные на их основе реформы состоялись только во второстепенных мелочах, в то время как главные их положения остались на бумаге, будучи неизвестными для общества [3, с. 11]. Серьезным препятствием на пути воплощения проекта реформ были исторические обстоятельства. С одной стороны все внимание Александра I поглощали разразившиеся в Европе наполеоновские войны, из-за чего внутренней политике уделялось куда меньше внимания. С другой стороны, как указывал А.В. Семенов, предлагаемые Сперанским «общие права ограничивали крепостное право, существующее в то время в России. Первое из этих положений дает крепостным людям право суда и, отбирая его у помещиков, ставит их наравне со всеми перед законом. Второе положение ликвидирует право отдавать в службу без очереди. Помещики не признали ограничение их влияния над своими крепостными. Таким образом, идея о наделении народа российского общими гражданскими правами в начале XIX века была несвоевременной» [6, с. 277]. Это во многом объясняет то обстоятельство, что реакция на «Введение к уложению государственных законов» была крайне негативной. По мнению консервативных кругов российского общества, предложенные реформы подрывали государственные устои России. Александр I почувствовал, что натолкнулся на мощное сопротивление чиновничества и консерваторов. В то же время отсутствие какой-либо социальной поддержки в лице представителей дворянства грозило императору очередным дворцовым переворотом, жертвой последнего из которых стал его отец, император Павел I [8, с. 36]. По этим причинам в марте 1812 г. М.М. Сперанский был отправлен в отставку, а реформы свернуты. Но, несмотря на это, его реформаторская деятельность в начале XIX века позволила создать теоретическую основу для дальнейшего развития концепции прав человека в российской либеральной мысли, а также иных, непосредственно связанных с ней конституционных идей.

Список цитируемой литературы:

1. Белозеров Б.П. Роль и место М. М. Сперанского в становлении российской государственности в начале XIX в. // Социология и право. 2013. № 1 (18). С. 75-86.
2. Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2001. 466 с.
3. Гоголевский А.В. Проект М.М. Сперанского и правительственный конституционализм начала XIX века // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 3 (65). С. 8–19.
4. Козловская В.И. М.М. Сперанский и система сдержек и противовесов в его теории разделения властей // Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция». 2014. № 2. С. 8 – 14.
5. Курмаз А.И. основополагающие идеи Сперанского о государственном устройстве Российской империи // Власть Закона. 2010. № 2. С. 211-215.
6. Семенов А.В. Проекты М.М. Сперанского – политическая мечта или политические провиденции // П.А. Столыпин: традиции реформирования России: Сборник статей международной научной конференции / отв. ред. Д.Ф. Аяцков. Саратов, 2012. С. 271-283.
7. Сперанский М.М. Проекты и записки: [подготов. к печати А.И. Копанев и М.В. Кукушкина] / Сперанский М.М. – М // Л.: Акад. Наук СССР. – 1961. 245 с.
8. Фатхутдинов Р.Р. Причины неудач либеральных реформ Александра I // Матрица научного познания. – 2017. – С. 32-38.
9. Чибиряев С.А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. – М.: Наука, 1989. 216 с.
10. Шепарнева А.И. К вопросу о роли М.М. Сперанского в реорганизации российского государственного аппарата начала XIX века // Наука и практика. 2014. № 2 (59). С. 143-146.

Сведения об авторе:

Ислентьев Станислав Олегович – аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет»; islentev.stas@mail.ru.

Научный руководитель – Глушкова С.И., д. полит. н., доцент, заведующая кафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет».

Шарафиева Л.М.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ САМОАКТУАЛИЗИРОВАННОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: статья раскрывает аспекты правовых взаимодействий власти, гражданского общества и современной самоактуализированной личности. Затрагиваются внутренние психофизиологические предрасположенности социума. Объект исследования взаимодействующие отношения власти и социума. Предмет исследования самоактуализирующаяся личность. В основу методологического исследования легла гипотеза о том, что если знать природные эволюционно-составляющие психонейрофизиологических состояний человека, то можно заранее предугадать действия, которые непременно произойдут в субъектно-объектном отношении. В исследовании использовались лабораторные приборы, которые применялись набережночелнинскими исследователями для обнаружения зоны реакций на ту или иную форму воздействия. Научная новизна работы заключается в том, что на основе исторических записей великих мыслителей и современного состояния знаний в области междисциплинарных наук можно выделить ключевые аспекты взаимовоздействия на современную самоактуализирующуюся личность.

Ключевые слова: самоактуализирующаяся личность, право, гражданское общество, аспект, мозг, социум, взаимовоздействие.

Современное общество синкретическое, как и тысячелетия назад. Человек есть не само собой разумеющееся, а составная часть человечества, писал Сперанский М.М. [2, с.4]. Действительно социум представляется, как единое целое, но в то же время каждая его составляющая это отдельно взятая личность. Актуальность темы обусловлена границей взаимодействия между властью и гражданским обществом. Проблематика состоит в тонком понимании психологии личности, где субъект (гражданин) является не только частью правовых отношений, но и должен иметь прерогативу. Власть, где у одних больше прав, чем у других априорна утопична. Исследовательский вопрос, который сконструирует фабулу из контекста равноправия состоит в попытке выяснить природу психофизиологических составляющих личности и их реакцию на правовые воздействия, то есть как

воздействовать на самоактуализирующуюся личность XXI века? Целью исследования является анализ (с помощью зафиксированных электродов) реакции мозга и других психофизиологических факторов, которые реагируют в виде импульсов на то или иное воздействие, в ответ на правовые отношения, чтобы обнаружить какое именно воздействие власти будет оптимально полезным и в то же время выгодным обоим сторонам.

Идеей гражданского общества занимались многие исследователи от Аристотеля и Платона, Д.Локка, Ф.Гегеля, Т.Гобса, И.Канта, К.Маркса, И.Ленина и до исследователей, повышенный интерес которых был сконцентрирован на гражданском обществе - А.Н. Аринина, П.П. Баранова, Н.Ю. Беляевой, Н.А. Власенко, К.С. Гаджиева, М.В. Мархгейм, Р. Тофтисовой, А.А. Уварова, А.А.Хоконова [3, с.3] Гражданское общество это граждане (люди), которые обладают тесно взаимосвязанными правовыми и политическими культурами, которые опираются на нравственность. Нравственность в свою очередь является продуктом воспитания. Набережночелнинские исследователи проводя независимые лабораторные эксперименты при помощи лабораторных приборов ЭЭГ (электроэнцефалограмма), ЭКГ (электрокардиограмма), ЭМНГ (Электронейромиография) пытались определить с участием электродов зоны воздействия и качество работы нейрофизиологии человека.

Разум признаёт совесть, писал Спиранский М.М. [2, с.4] Михаил Михайлович Сперанский (1772-1839) — знаменитый государственный деятель, автор различных государственных проектов внутренней политики. Действительно совесть это встроенный элемент воспитания, когда в зоне головного мозга появляются импульсы, которые обнаруживаются при помощи электронных датчиков и человек реагирует психоэмоциональным образом. В ходе исследования был установлен свод закономерностей, которые испытывает каждая личность, при взаимодействии власти:

- *Принуждение.* Лабораторные приборы ЭЭГ электроэнцефалографии показали чрезмерную активность в тета -ритме (6-8 Герц), что трактуется, как ритм напряжения. Принуждение современному человеческому активным мозгом воспринимается, как физическое насилие, поэтому власть, которая принуждает изначально оказывается в позиции врага. Правовые отношения между гражданским обществом должны быть построены на доверии. В современном XXI веке опираться на прежнее гражданское общество, которое в основе своей была импульсивно податлива к нравственности, ответной реакцией который был стыд, не эффективна. Современные люди более самоактуализированы. Самоактуализация это максимальное раскрытие природного потенциала человека, его задатков, способностей, особенностей [4, с.29] Именно поэтому у самоактуализированных людей чувство стыда менее доминантно. Гораздо эффективнее действует состояние союза, где власть воспринимается как что-то своё, отражение собственных интересов, как самоидентификация в пользу слияния. Ещё в начале XIX века М.М. Сперанский [2, с.5] заметил важный аспект человеческой природы: «Где союз, там обязанность» - писал он в своих текстах.

- *Предписание.* Лабораторные приборы ЭКГ электрокардиограммы показали синусовидный ритм, сегменты и интервалы в состоянии нормы, то есть спокойствие. ЭЭГ электроэнцефалограмма показала альфа ритм (8-13 Гц), что свидетельствует о нормальном состоянии бодрствования. Предписание на самоактуализированную личность воздействует нормально, спокойно, не принуждённо. Связано это с тем, что предписание есть юридический документ, который подписывается, оговаривается заранее. Человек подписывается, соглашается с тем, что может произойти. Мозг самоактуализированного человека воспринимает заранее оговоренное действие согласием. Человек соглашается потому что выполнение определённого действия будет в будущем, то есть потом, а слово «потом» воспринимается как нечто иллюзорное, несбыточное. Предписание эффективно потому, что согласившийся человек воспринимает свои слова, как часть своего Я-образа. Отказ от своих слов воспринимается мозгом (зафиксированных с помощью электродов ЭЭГ) сильным напряжённым тета ритмом.

- *Неограниченная свобода.* Человек не есть само по себе нечто отдельное, подчёркивал Спиранский М.М. [2, с.4]. Набережночелнинские исследователи в независимых лабораторных экспериментах на младших школьниках обнаружили, что без указаний, реакция воздействия всегда одинаковая. Люди не могут быть неуправляемыми. Когда социумом не управляют единственная реакция это агрессивные физические действия против друг друга. Младшие школьники мальчики, когда ими никто не управляет, находясь вместе в одном классе, помещении начинают «драться». Человек отличается от животных, в том числе, и умением общаться. Но такой закон не действует, когда совпадают три фактора: количество, замкнутое пространство, нет управленца. Неограниченная свобода приведёт общество к беспорядкам.

- *Контроль.* Контроль со стороны власти должен быть дозированным. Человеческий мозг воспринимает контроль, как опеку, как внимание и заботу. Но стоит только увеличить дозу контроля, мозг самоактуализированной личности считывает контроль, как лишение прав и свобод. Я -

образ чрезмерный контроль начинает отторгать, противодействовать, старается избежать. Поэтому в современной системе воздействия власти путём цифровизационной записи, цифровизационному регулированию чрезмерный контроль приводит к стрессу организма. В гражданском обществе формой контроля являлась внутренняя совесть. Меры воздействия на совесть это пристыженное состояние, причём чем больше видят и слышат другие люди о нравственно-плохом поступке гражданина, тем сильнее у него чувство стыда. Амплитуда стыда возрастает с увеличением количества знакомых лиц. Самоактуализированная личность научилась не воспринимать чужие обвинения, как истину, поэтому нравственность и заменяется контролем путём цифровизации.

- *Противоречие*. Самоактуализированный человек противоречие воспринимает, как обман. Правовые воздействия на основе противоположных суждений будут интерпретироваться недоверием и в следствие непослушанием, игнорированием. Спиранский М.М. отмечал, что по двоякой цели бытия нравственного и добро нравственное есть двояко [2, с.6]

- *Обязательства*. Человек ленив по своей природе. Если удовлетворены базовые потребности в еде и в тепле, то человек не будет активным. Именно поэтому образование является обязательным. Человек воспринимает обязательства, как ношу, которую нужно нести и её нельзя выбросить. Поэтому налоги, квартплата это ощущение постоянной тревоги и ответственности. Самоактуализированная личность несёт ответственность за себя и за других. В гражданском обществе ответственность так же доминировала как и нравственность. В современном обществе люди научились ликвидировать обязательства путём игнорирования. Стоит лишь один раз не выполнить обязательства, как мозг понимает, что так можно, что последствий не будет. Спиранский М.М. [2, с.8] писал, что избирательность есть сила воли. Воля имеет власть не избирать ничего или избирать и отвергнуть. Люди, которые избирают не выполнять обязательства не оплачивают коммунальные долги не только потому что нет денег, а потому что они выбрали избирательность. Исследования показывают, что чем больше дохода у человека, тем меньше он выполняет обязательства, потому что знает, что сможет откупиться, когда его заставят.

- *Побуждения*. Побуждения не действуют на волю силой необходимости, писал Спиранский М.М. [2, с. 9] Отражать побуждения чувством внушения разуму, указывал Спиранский в своих работах. В современном обществе его слова трактовались бы как мотивация. Действительно мотивация ключевой источник XXI века. Однако власть не мотивирует в средствах массовой информации. Каждая новостная программа это запугивание или фрагмент отрицательной истории, убийства, смертностей, катастроф, аварий и прочее. Известно, что самоактуализированная личность больше реагирует на положительное мотивации, чем на запугивание. Поэтому побуждение будет эффективным, если человека не будут заставлять, вынуждать, торопить, погонять.

- *Необходимость*. Пожалуй в современном веке этот пункт является самым актуальным. Правовой аспект взаимодействия власти и общества основанный на необходимости воспринимается мозгом (зафиксированных с помощью электродов ЭЭГ) очень сильным напряжённым тета ритмом. Состояние напряжения, безисходности. В этом состоянии самоактуализирующийся человек позволяет самому себе послушаться всех своих нравственных норм и качеств, которые у него были. Он разрешает себе поступок, потому что выбор без выбора это тупик. Спиранский М.М. писал, что между необходимостью и обязанностью есть существенная разность, что обязанность может быть пренебрежена или нарушена, не разрушая самого существа свободы; напротив необходимость уничтожает самую свободу [2, с.9] И что делает современная самоактуализированная личность? Она покупает свободу. Правовой аспект необходимости не нарушен. Именно это сейчас происходит между властью и социумом. Социум, покупая необходимые бумаги, избавляется от необходимости.

Таким образом, правовые аспекты взаимодействия власти и гражданского общества должны быть узаконены с учётом знаний в области междисциплинарных наук. Гражданское общество противоположно современному самоактуализированному человеку и применяя те же законы, которые воздействовали раньше - не будут эффективными. В основе гражданского общества было заложено чувство нравственности, чувство долга. В основе самоактуализирующейся личности закладывается чувство ответственности за самого себя, он начинает противостоять миру и прежним установкам, природным данным, изменяя себя и свой Я-образ. И чем дальше будет человека самоактуализироваться, тем меньше можно будет им управлять, тем больше результатов достигнет в процессе к самопознанию.

Список цитируемой литературы:

1. Маслоу А.Х. Самоактуализированные люди. Исследование психологического здоровья. Мотивация и личность / А.Х.Маслоу. - Спб., 1999. – 118 с.
2. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. Спб., 1845.- 175 с.

3. Зорикова Е.И. Взаимодействие гражданского общества и органов власти./ Е.И. Зорикова, Стрыгина С.В. автореферат. Саратов: 2017.- 300 с.

Сведения об авторе:

Шарафиева Лейсан Маратовна – аспирант ВО ФГБОУ Набережночелнинский государственный педагогический университет» ВО ФГБОУ «НГПУ» Факультет Истории педагогики, кафедра педагогики и психологии им. Шарафутдинова; Sharafieva.leisan@mail.ru

Научный руководитель – Мухаметшин А.Г., к.п.н, профессор, первый проректор ВО ФГБОУ Набережночелнинский государственный педагогический университет» ВО ФГБОУ «НГПУ» Факультет Истории педагогики, кафедра педагогики и психологии им. Шарафутдинова

Кравец К.В., Николаева В.С.

Б.Н. ЧИЧЕРИН О СООТНОШЕНИИ ПРАВА И ПРАВСТВЕННОСТИ

***Аннотация:** В настоящей работе исследуются вопросы соотношения права и нравственности в учении видного российского правоведа, профессора Императорского Московского университета Б.Н. Чичерина (1828-1904).*

***Ключевые слова:** Б.Н. Чичерин, доктрина, нравственность, право, свобода, общественный идеал, теория.*

Соотношение права и нравственности определяется на протяжении долгого периода времени. Поиск общественного идеала – это постоянная смена политических и моральных ценностей, принципов и устоев. Тем не менее, до сих пор, конкретных ответов о соотношении права и нравственности найдено не было. «Проблема соотношения нравственности и права относится к числу наиболее актуальных проблем отечественных философских и юридических наук»[2, с. 127].

Еще в 90-х годах XX века Россия во время периода «перестройки» столкнулась с проблемами, которые повлияли на свободу и права человека, тем самым усугубив развитие общества. После этого периода необходимо было пересмотреть соотношение нравственности и права, сделать их так, чтобы они дополняли друг друга, тем самым удовлетворяя общество в целом. Это позволяло развиваться не только на муниципальном, но и международном уровнях.

«Наиболее влиятельными течениями политико-правовой мысли дореволюционной России, создавшими богатый арсенал разнообразных идей и концепций относительно традиционно значимой для отечественной мысли проблемы соотношения права и нравственности, стали либеральное, консервативное и революционное направления»[3, с. 15]. Именно либеральное направление внесло большой вклад в соотношение права и нравственности, к нему относились следующие лица: К.Д. Кавелин В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин и др.

Именно в философии Чичерина было уделено наибольшее внимания проблемам соотношения права и нравственности. Он отмечал, что идеалом общества можно стать только в результате работы над историей многих поколений, где важно всегда соблюдать временные рамки, а также не забывать, что нравственный идеал можно достигнуть путем свободы, так как «мысль о возможности осуществлении Царства Божия на земле действием внешней власти и путем принуждения представляет собой полное извращение нравственного закона»[4, с. 109].

Б.Н. Чичерин в своем труде воспроизвел две свободы: внутреннюю и внешнюю. К первой относится нравственное самоопределение, которое устанавливается законом. Во внешней свободе акцент идет на законы права, которые регулируются в государстве и в обществе в целом. Индивид не должен злоупотреблять своими правами. Чичерин по этому поводу писал, что закон должен выступать в тот момент, когда права индивида будут нарушены другой личностью. «Человек по своей природе имеет личные, эгоистические стремления. Он нередко действует в ущерб другим. Общежитие невозможно там, где этим стремлениям предоставлен полный простор. А так как на добровольное самоограничение и самоусмирение рассчитывать не приходится, то остается прибегнуть к принуждению - власти. Исполнение норм права обеспечивается различными принудительными мерами либо со стороны государства, либо - в соответствии с законом - со стороны потерпевшего»[5, с. 35].

Таким образом, можно сказать, что Чичерин под правом понимал ограничение свободы индивида под влиянием закона. В представлении Б.Н. Чичерина «свобода не состоит в одном приобретении и расширении прав. Человек потому только имеет права, что он имеет на себе обязанности, и, наоборот, от него можно требовать исполнения обязанностей потому, что он имеет права»[6, с. 3]. Эти точки зрения он считает взаимосвязанными.

Исходя из точки зрения Чичерина, можно сказать, что чем больше прав у человека, тем больше у него возникает ответственности перед кем-то. К таким людям можно отнести военачальников, государственных лидеров, и других людей, которые относятся к власти. В качестве примера можно привести президента, на него возлагается огромная ответственность, так как он отвечает за весь свой народ и государство в целом. Что касается нравственности, то здесь Чичерин отмечал, что «на свободном исполнении закона основано все нравственное достоинство человека, так как за нарушение его (нравственного закона) не полагается человеческое наказание, исполнение его есть дело свободной совести»[7, с. 57]. Он верил, что для нравственности важна свобода. То есть нравственный закон побуждает людей делать добро не только близким, но и окружающим, тем самым достигая общие цели и развиваясь в общении с обществом, выходя на новый этап. В этом и заключается нравственная обязанность. Я полностью согласна с мнением ученого, ведь нравственный закон, не относится к принудительному виду, как правило, человек соблюдает закон по собственному желанию, зная, что для него это будет в пользу не только на духовном уровне, но и нравственном.

Однако ученый категорически настаивал на разграничении нравственности и права. Он считал, что нравственность и право никогда не пересекаются. Чичерин говорил, что «разница между нравственностью и правом является не количественной, но качественной»[8, с. 315].

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод по проделанной работе. Ученый в своих работах утверждает, что для становления идеала общества, необходимо давать индивиду наибольшую степень свободы, чтобы она мотивировала его выполнять нравственные законы не по принуждению, а по собственному решению. Для этого необходима работа над историческими материалами, которые позволят человеку прийти к нужному решению, но в этом деле нельзя забывать про соотношение временных рамок. Но право и нравственность, по его мнению, необходимо разделять, т.к. именно их взаимодействие создает проблемы. Если взглянуть на это со стороны истории, то из-за давления права на нравственность, происходят войны и восстания.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации, принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года // Российская газета.- 1993.- № 237.
2. Кавелин К.Д. Философия и наука в Европе и у нас // Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры / сост., вступ. ст. В.К. Кантора; подгот. текста и примеч. В.К. Кантора, О.Е. Майоровой. - М.: Правда, 2017. – 289 с.
3. Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н. Письмо к издателю // Голоса из России: Сборники: А.И. Герцена и Н.П. Огарева. В 4 выпусках. М., 1974 - 1976. Вып. 1.- С. 30-35.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. - С-Пб.: Наука, 1995.- С. 286.
5. Чичерин Б.Н. Вопросы политики. - М.: тип. т-ва И.Н. Кушнерева и К, 1903. - 170 с.
6. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. - М.: тип. Грачева и К, 1886. С. VIII.- 214 с.
7. Алексеев Н.Н. Идеи и личность Чичерина // Путь.- 1930.- № 24.- С. 99-105.
8. Чичерин Б.Н. Общее государственное право / под ред. В.А. Томсинова. - М.: Зерцало, 2019. – 536 с.

Сведения об авторах:

Кравец Константин Викторович – аспирант кафедры теории и истории государства и права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; kravets.kst@gmail.com.

Николаева Виктория Сергеевна – студентка 3 курса Юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; 1360417@bsu.edu

Научный руководитель – Сафронова Е. В., доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права НИУ «БелГУ».

Олишевская Н.В.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

***Аннотация:** В современном мире страны все теснее связаны между собой. С развитием интернета и транспортного сообщения процессы глобализации затрагивают все большие сферы жизни, в конечном счете влияя на саму основу государственной власти - суверенитет.*

***Ключевые слова:** Суверенитет, суверенное государство, независимость, власть.*

На данный момент глобализация является ключевым аспектом, воздействующим на жизнь и развитие всех государств. Будучи явлением совершенно закономерным и неизбежным, глобализация является с одной стороны движущей силой, с другой несет в себе разрушительные тенденции. «Она способна дать изобилие, повысить продуктивность, эффективность производства». Это – с одной стороны. А с другой – она «углубляет неравенство, затрудняет приспособление к новым условиям, уменьшает разнообразие, подрывает гражданское общество» [2, с. 32]. Помимо вышесказанного глобализация приводит к феномену, когда роль государственных институтов снижается, а влияние транснациональных корпораций возрастает [6, с. 127].

На данный момент четко прослеживается резкий скачок роли международного права и международной судебной деятельности, как результат – возникновение такого явления как «наднациональность». Под «наднациональностью» мы понимаем процесс, при котором создаются некие межгосударственные объединения – международные организации, которые по своей сути перестают быть просто объединением государств, а превращаются в особые интеграционные органы надгосударственной власти, наделенные правом принимать решения, обязательные для всех стран участников. Как результат – государства передают им часть своих полномочий правового регулирования в определенных сферах. Именно поэтому особенную актуальность имеет вопрос независимости внутригосударственной власти и права, как ее инструмента. Безусловно внутреннее законодательство страны, должно отвечать интересам конкретного народа, проживающего на ее территории и представлять собой помимо всего прочего систему защиты национальной безопасности.

Изучая процессы глобализации, влияющие на государство и право, как в аспекте теоретическом, так и практическом, нельзя упускать тот немаловажный факт, что неоднозначное отношение вышеуказанные процессы встречают не только на общественном уровне, в виде возникновения антиглобалистических движений, но и на уровне государств. Причем среди этих государств встречаются индустриально и технологически развитые, самодостаточные и имеющее развитую оборонную систему - даже среди них встречаются те, кто выражают опасения впасть в зависимость от других государств и международных организаций.

Стоит отметить, что глобализация оказывает воздействие на самые разные сферы общества. Например, в культурно-идеологическом аспекте она приводит к унификации культурных векторов и идеологий. В социально-экономическом секторе глобализация способствует упрочнению позиций транснациональных корпораций, владельцы которых обладая капиталами зачастую начинают иметь влияние и в политической сфере. В своей монографии «Защита государственного суверенитета» В.В. Красинский также отмечает, что в современных условиях глобализация приводит к тому, что мировая экономика представляет собой несколько тесно связанных групп. Их он обозначил как сообщества «центра», «периферии» и «полупериферии». По мнению автора отношения между ними устанавливаются неравные, а «отношения эксплуатации и зависимости» [1, с. 127].

Столь традиционная и, возможно на первый взгляд обыденная тема суверенитета по-прежнему является источником дискуссий. Одельной темой для полемики выступает понятие суверенитета. Безусловно в различные исторические этапы в понятие суверенитета вкладывался совершенно разный смысл. На данный момент актуальным является рассмотрение данного вопроса именно в контексте глобализации. Рассматривая через призму процессов глобализации некоторые ученые даже приходят к выводу, что суверенитет является неким препятствием на пути интеграции государств в общую мировую систему [5, с. 11]. В данной статье мы не будем останавливаться на обозначенном вопросе слишком долго, и анализировать огромное множество взглядов относительно содержания суверенитета, как политического и правового явления, но отметим, что лучше всего иллюстрирует эволюцию понятия суверенитета теория, представленная М. Ориу. Она демонстрирует как менялось восприятие суверенитета, не привязывая это к какой-то конкретной дате, проводя корреляцию лишь с основными изменениями, происходящими с государством и самим субъектом и источником суверенитета. Автор выделяет три основных этапа развития понятия суверенитета. Первый этап он связывает со свойством «potestas» или «сюверенитета», который заключается в том,

что король стоит над другими и является единственным источником власти - то есть обладает суверенитетом. То есть с самого начала возникновения понятия «суверенитет» подразумевал под собой способность быть источником и держателем власти на некой территории. Следующим этапом было отделение понятия суверенитета от личности короля и переход его к «короне» или «нации» как к некому персонифицированному субъекту. И заключительным этапом, то есть понятие суверенитета, и его восприятие в современном смысле - это восприятие суверенитета как неотъемлемый атрибут государственной власти и государства как такового [3, с. 234].

Изучая работы отечественных ученых, легко проследить общую встревоженность действием мировых организаций. Особое внимание уделяется миротворческой деятельности ООН. Несмотря на то, что ООН официально не имеет постоянной армии, в случае необходимости страны участники предоставляют военные силы из своих запасов, таким образом международная организация имеет вполне реальную военную мощь, которую может направлять по своему усмотрению на различные неразвитые и слабые страны, тем самым нарушая баланс сил внутри государства, поддерживая или наоборот подавляя различного рода конфликты. В дальнейшем после военных действий ООН оставляет на территории государств военные базы, ядерные и противоракетные установки. Говоря проще, ООН под видом миротворческой помощи усиливает свой боевой потенциал и занимает выгодные боевые позиции. «Большое количество суверенных государств стало ареной для проведения миротворческих операций, не взирая на их согласие» - отмечает в своей статье доктор юридических наук В.В. Субочев [4, с. 17]. Исследуя вопрос суверенитета в эпоху глобализации мы неизбежно приходим к более фундаментальному вопросу о роли и значении международного права в целом - о границах его влияния на отечественное законодательство, что требует отдельного исследования.

Подводя итог, хотим отметить, что при изучении данного вопроса нами прослеживается крайне разноречивое восприятие процессов глобализации как в целом, так и в аспекте ее воздействия на государственный суверенитет, в частности. Так же прослеживается попытка использовать тему глобализации в политических целях. Исходя из этого напрашивается единственный логический вывод – проблема не в самих процессах глобализации, а в тех целях и задачах, которые перед собой ставят вовлеченные в данные процессы субъекты. Соответственно если мы сталкиваемся с некими проблемами и противоречиями, то их стоит оценивать как конфликты не всегда совпадающих интересов, которые представляют и защищают участники. Соответственно в целом глобализация, будучи явлением закономерным и естественным используется зачастую в личных интересах, при использовании не гуманных и не этических методов.

Список цитируемой литературы:

- 1 Красинский В.В. Защита государственного суверенитета: Монография // В.В. Красинский. - «НОРМА». - «ИНФРА-М», 2017. - 790 с.
2. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право XXI век // И. И. Лукашук. - М.: Спарк. - 2000. - 279 с.
3. Ориу М. Основы публичного права// М. Ориу. - Изд-во: НИЦ ИНФРА. – М.: 2019 г. - 574 с.
4. Субочев В.В. Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий // В.В. Субочев. - Правовая политика и правовая жизнь. - 2 (63). - Саратов . - 2016. - С.14-21.
5. Явич Л.С. О философии права на XXI век // Л.С. Явич. -Правоведение. - 2000. - № 4. - С. 11-12.
6. Simmons P. and Oudraat Ch. Managing Global Issues. Wash., 2001; Glasius M., KaldorM. and AnheierH. (eds.). Global Civil Society 2002. Oxford, 2002; Trachon J. New Challenges facing Multinational Corporations. A Legal Perspective // International Business Law Journal. 2003. № 8; etc.

Сведения об авторе:

Олишевская Нелли Валентиновна – аспирант юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; nellyoli@mail.ru

Научный руководитель – Сафронова Е.В., доктор юридических наук, профессор кафедры Конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Чуева И.А.
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ВСЕСОЮЗНЫХ УДАРНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ СТРОЕК «БЕЛГОРОДСКОЙ
МАГНИТКИ»

***Аннотация.** В статье исследуется проблематика нормативно-правового регулирования советского института комсомольских ударных строек, для наиболее предметного рассмотрения данного вопроса предлагается использовать региональный контекст. Ударные стройки Белгородской области (объекты Курской магнитной аномалии) являлись важнейшими промышленными предприятиями региона, и продолжают оставаться ими и в настоящий период. Выбор подобных объектов в качестве примера всесоюзного ударного строительства позволяет проследить особенности организации и функционирования комсомольских строек с правовой точки зрения.*

Ключевые слова: комсомольские ударные стройки, нормативно-правовое регулирование, Курская магнитная аномалия, советское право, советское государство.

Положение «О Всесоюзной ударной комсомольской стройке» 1985 года определяет ударную стройку как особо важный народнохозяйственный объект, сооружаемый при активном участии комсомольских организаций страны, которые обеспечивают достойный вклад комсомольцев и молодежи в его своевременный ввод в действие [5].

Всесоюзные ударные комсомольские стройки на территории Белгородской области напрямую связаны с освоением горнорудного комплекса Курской магнитной аномалии (КМА) – на территории региона сосредоточено 78 % разведанных запасов руд всех типов [3].

Исследование бассейна началось еще в 1920 году, когда по инициативе В.И. Ленина работы, связанные с разведкой КМА, были признаны имеющими особо важное государственное значение. В 1921 г. была организована Особая комиссия по изучению и исследованию Курской магнитной аномалии, которую возглавил академик И. М. Губкин [6, с. 257-258]. В июне 1923 г. у г. Щигры Курской губернии на глубине 167 м были обнаружены железные руды (железистые кварциты) [1].

В 20-30-е годы, несмотря на сложные гидрогеологические условия залегания руды и временные приостановки, исследовательские и разведывательные работы продолжались, а после принятия третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на XVIII съезде партии получили дополнительное существенное финансирование – план предусматривал значительный рост добычи руды [2]. В резолюции о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР было записано: «...приступить, к строительству шахт в районе Курской магнитной аномалии, как дополнительной базы черной металлургии Центра, и провести подготовительные мероприятия к строительству металлургического завода в районе Курской магнитной аномалии...» [13].

Тем не менее, несмотря на то, что разработка горнорудного бассейна Курской магнитной аномалии начинается уже в первые годы установления советской власти, наибольшее развитие она получает все же только во второй половине XX века [3].

В конце 1960-х гг. в СССР планировалось создание нового промышленного комплекса общесоюзного значения на основе минеральных ресурсов Курской магнитной аномалии. В те годы начиналось бурное развитие базы черной металлургии региона, освоение богатств Курской магнитной аномалии приобретало всё большую актуальность, поэтому география строительства горнорудных предприятий заметно расширялась. Для решения поставленной задачи к строительству крупнейших горнодобывающих предприятий активно привлекались комсомольцы.

Нормативно-правовое регулирование всесоюзных ударных комсомольских строек на территории Белгородской области осуществлялось с использованием той же модели, которая применялась для усиления мобилизационной активности молодежи на территории советского государства в период расцвета ударничества – в 50-70-е годы. Безусловно, ключевую роль в данном процессе играли органы и ячейки ВЛКСМ, однако сама процедура регулирования привлечения молодежи к стройкам не исчерпывалась исключительно принятием комсомолом соответствующих актов. В первую очередь на партийном уровне обозначалась проблема и необходимость ее разрешения, декларировались основные направления развития советской экономики – в последующем они конкретизировались уже в советском законодательстве, ведомственных и локальных актах. Рассмотрим данный механизм подробнее – на примере объектов КМА.

В отчетном докладе ЦК КПСС к XX съезду партии в 1956 году отмечалась существенная необходимость развития сырьевой базы черной металлургии и строительства металлургических

предприятий – несмотря на то, что темпы развития отрасли в целом считались достаточно высокими, в промышленности по-прежнему существовала нехватка металла. Директивы по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства определяли черную металлургию как ключевую отрасль, от которой зависит функционирование всей советской промышленности, была также зафиксирована задача по вводу в действие новых рудников на месторождениях Курско-Белгородского района [11].

Доклад Н.С. Хрущева на XXI внеочередном съезде партии в 1959 году также содержал положения о необходимости ускоренного развития металлургического производства и горнорудной базы – для этого предполагалось увеличить добычу железной руды в два раза, в том числе путем освоения железорудных месторождений Курской магнитной аномалии, что позволило бы государству выйти на первое место в мире по добыче железной руды. Также в 1959 году развитие сырьевой базы черной металлургии КМА было введено в перечень основных задач развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы, о чем неоднократно упоминалось в материалах съезда [10].

Таким образом, во второй половине 50-х годов на партийном уровне формируется задача по комплексному развитию и ускоренному освоению горнорудных объектов КМА. При этом указанная задача не только упоминается на партийных съездах, но и получает закрепление в директивах развития народного хозяйства.

Партийные акты, обладая основополагающим доктринальным значением для советской системы права, как правило, в последующем находили свое отражение в действующем законодательстве – данный факт иллюстрирует особенности неразрывного взаимовлияния партийных и государственных советских структур. К примеру, в 1957 году Верховным Советом РСФСР был принят закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством в РСФСР», в рамках данного акта предусматривалась организация оперативного руководства предприятиями и стройками по территориальному принципу, смещение инициативы «с центра – на места». Для реализации данной концепции были образованы экономические административные районы РСФСР – в том числе, и Белгородский – после окончательного оформления партийного вектора о необходимости комплексного и ускоренного развития горнорудных богатств КМА, реформирование хозяйственного управления на территории региона должно было способствовать решению данной задачи [12]. Также в указанный период наблюдается упорядочивание советского законодательства о процедуре проведения организованного набора рабочих. Организованный набор (оргнабор) – одна из ведущих форм перераспределения трудящихся, используемых в советском государстве. Оргнабор зачастую совмещался с общественным и комсомольским призывом, и позволял восполнить недостаток рабочей силы на предприятиях [12].

В апреле 1956 г. на базе Старооскольского строительного управления № 5 был создан трест «КМАрудстрой». Развивавшаяся производственная база треста позволила приступить к строительству Южно-Коробковского и Лебединского рудников. А наличие, помимо богатой руды, железистых кварцитов поставило вопрос о строительстве Лебединского ГОКа – 20 июля 1967 г. Советом Министров СССР было принято постановление о строительстве в городе Губкине горно-обогатительного комбината на базе Лебединского месторождения железных руд Курской магнитной аномалии, а 14 апреля 1972 г. вышло в свет Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о начале проектирования Стойленского ГОКа [4].

Весной 1968 года строительству Лебединского горно-обогатительного комбината присвоили статус Всесоюзной ударной комсомольской стройки, в январе 1976 года Всесоюзной ударной комсомольской стройкой был объявлен и Стойленский горно-обогатительный комбинат. Позже перечень всесоюзных ударных комсомольскихстроек на территории Белгородской области пополнил и Оскольский электрометаллургический комбинат имени Л.И. Брежнева - в 1974 году в Москве Министерством внешней торговли СССР и группой западно-германских фирм было подписано Соглашение о сотрудничестве по созданию металлургического комбината на базе процесса прямого восстановления железа, а уже в 1975 году вышло в свет Постановление Совета Министров СССР № 821 «О строительстве Оскольского электрометаллургического комбината». В 1976 году Оскольский электрометаллургический комбинат также был объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой [4].

Помимо «подстройки» законов и подзаконных актов под общую партийную повестку, в механизме активизации трудового потенциала молодежи важную роль играли также комсомольские и профсоюзные акты.

К примеру, в Постановлении бюро ЦК ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций по ускорению строительства важнейших объектов промышленности и транспорта, объявленных Всесоюзными ударными комсомольскими стройками» от 10 марта 1960 года № 25 содержалось поручение Белгородскому обкому комсомола сосредоточить усилия комсомольских организаций, комсомольцев и молодежи на обеспечении ввода в действие новых мощностей по добыче и переработке железной руды [9].

Для достижения указанной цели, строительство Лебединского рудника, находившегося в составе комбината «КМАруда», Постановлением бюро ЦК ВЛКСМ «Об итогах работы комсомольских организаций страны по шефству над строительством в 1960 году важнейших объектов промышленности и транспорта, объявленных Всесоюзными ударными комсомольскими стройками, и задачах дальнейшего участия комсомола в капитальном строительстве» от 12 апреля 1961 года № 35 было включено в перечень Всесоюзных ударных комсомольских строек [8]. Лебединский рудник, который позже в 1978 году вошел в состав Лебединского ГОКа, стал первой Всесоюзной комсомольской стройкой на территории Белгородской области – по комсомольским путевкам на строительство рудника прибыли свыше пяти тысяч молодых людей [14].

Профсоюзы, являясь неотъемлемой частью советской системы организации труда, также являлись участниками механизма регулирования ударных строек и развития черной металлургии – так, Постановлением Президиума ВЦСПС от 26 августа 1967 года были утверждены «Мероприятия по участию профсоюзных организаций в выполнении постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по обеспечению высоких темпов развития черной металлургии в соответствии с директивами XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966-1970 годы». Мероприятия включали комплексную работу по проведению социалистических соревнований на объектах черной металлургии, участие в разработке дополнительных льгот и повышении тарифных ставок для работников таких предприятий, изучение опыта по закреплению кадров, оказание помощи комитетам профсоюзов в разработке мер по улучшению охраны труда, техники безопасности, культуры производства и т.д. [7]

Таким образом, процедура привлечения комсомольцев к строительству объектов Курской магнитной аномалии на территории Белгородской области, имеющим важнейшее народнохозяйственное значение, сопровождалась принятием многоуровневого комплекса нормативных актов, а также общегосударственной партийной повесткой. Подобная модель, характеризующаяся быстрой и безоговорочной консолидацией партийных, государственных и общественных структур в правовом поле с последующей реализацией разработанных мер на практике, неоднократно применялась также для решения задач по возведению крупных промышленных предприятий Сибири, Дальнего Востока, Урала, освоению целинных земель и т.д., позволяя добиться результата в кратчайшие сроки.

Список цитируемой литературы:

1. Калганов М. И., Коссовский М. А. Курская магнитная аномалия. – Москва : Географгиз, 1960. – 72 с.
2. Пешехонова О. В. Освоение Курской магнитной аномалии за 1931-1945 гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – № 3 (19).
3. Слободенюк Н.В. Формирование и развитие горно-металлургического комплекса в районе Курской магнитной аномалии во второй половине XX – начале XXI веков: на материалах Белгородской области. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Слободенюк Н.В. – Курск, 2009. – 27 с.
4. История российско-болгарского сотрудничества на «Белгородской Магнитке» в документах, фактах, лицах / Редкол. : О.Н. Полухин (отв. ред.) и др. – Белгород, 2020. – 276 с.
5. Основные права и обязанности молодежи: Сборник нормативных актов. – Москва, 1987. – 590 с.
6. Курская магнитная аномалия: история открытия, исследований и промышленного освоения железорудных месторождений: сб. док-тов и материалов: 1742–1926. Т. 1. – Белгород : Кн. изд-во, 1961. – 418 с.
7. Постановление Президиума Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов от 26 августа 1967 года : О задачах профсоюзных организаций по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по обеспечению высоких темпов развития черной

металлургии в соответствии с директивами XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966-1970 годы». – Москва, 1967. – 5 с.

8. Об итогах работы комсомольских организаций страны по шефству над строительством в 1960 году важнейших объектов промышленности и транспорта, объявленных всесоюзными ударными комсомольскими стройками, и задачах дальнейшего участия комсомола в капитальном строительстве : Постановление Бюро ЦК ВЛКСМ от 12 апр. 1961 г. – Москва: 1961. – 20 с.

9. О работе комсомольских организаций по ускорению строительства важнейших объектов промышленности и транспорта, объявленных Всесоюзными ударными комсомольскими стройками : Постановление Бюро ЦК ВЛКСМ от 12 апр. 1961 г. – Москва : Молодая гвардия, 1960. – 15 с.

10. Материалы Внеочередного XXI съезда КПСС. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 259 с.

11. Стенографический отчет / XX съезд КПСС. 14-25 февр. 1956 г. – Москва : Госполитиздат, 1956. – 559 с.

12. Сборник законодательных актов по переселению и организованному набору рабочих / Гл. упр. переселения и орг. набора рабочих при Совете М-в РСФСР. – Москва : Гос. изд-во юридич. литературы, 1958. – 625 с.

13. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б) [Текст] : 10-21 марта 1939 г. : Стеногр. отчет. – Москва : Госполитиздат, 1939. – 744 с.

14. Губкинский городской округ. Официальный сайт. URL: <https://gubkinadm.ru/nash-okrug/obschie-svedeniya.html>

Сведения об авторе:

Чуева Инна Андреевна – аспирант кафедры теории и истории государства и права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; chueva_i@bsu.edu.ru

Научный руководитель – Сафронова Е.В., доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Чабаненко Л.В.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

***Аннотация:** автором в статье рассмотрен механизм отправления правосудия сквозь призму цифровизации юридических процессов. Проанализирована возможность участия лиц в онлайн-заседаниях на примере арбитражного судопроизводства. Приведены практические проблемы, возникающие при обращении участников процесса с заявлением об организации арбитражного заседания в онлайн и ВКС режиме, представлены пути их решения. Автором сделан вывод, что на пути эффективного судопроизводства с использованием новейших информационных технологий возникает множество регуляторных, организационных и технических препятствий.*

***Ключевые слова:** цифровизация, арбитражное судопроизводство, картотека арбитражных дел, электронная почта, коронавирусная инфекция.*

Бесспорно, что общество сегодня представляет собой новейшее явление, отражающее эволюцию отношений во всех сферах жизни человека. Как доказывает значительный объем научных исследований последних лет, современное общество выступает, в первую очередь, информационным обществом, а значит, в нём возникают, изменяются и прекращаются информационные правоотношения.

На наш взгляд, информационное общество формирует новое качество индивидуального и общественного существования, заключающееся в том, что каждый человек обеспечен какими-либо знаниями и, первоначально, доступом к ним. В свою очередь, это вызывает коренные изменения в системе общественных отношений – политических, правовых, духовных и других.

Можно утверждать, что сформировавшаяся в последние десятилетия концепция информационного общества отражает объективную тенденцию социальной эволюции, когда информация (знания) становится одной из главных ценностей в жизни людей. Таким образом, понимание прав и интересов человека, свободы и ответственности в современных условиях трансформируется с учетом особенностей и свойств информационных правоотношений.

Отметим, что происходит чрезвычайно быстрое внедрение информационных правоотношений в сферы правового регулирования. Например, В.С. Ревков предлагает обратить внимание на процессуальные правоотношения, которые имеют место при защите судами прав, свобод и интересов человека [3, с. 853]. Разделяя позицию данного учёного, заметим, что следует подчеркнуть, что судопроизводство в информационном обществе уже не может функционировать в «классическом» режиме, как это было несколько лет назад.

Современное развитие отношений требует так называемого информационного судопроизводства, то есть нового вида судопроизводства, где имеют место быть информационные отношения, которые должным образом регулируются, обеспечиваются и охраняются в установленном законом порядке.

Принятый государством курс на цифровизацию механизма отправления правосудия должен обеспечивать выполнение широкого круга возложенных на него задач, в частности, таких как:

- обязательная регистрация заявлений, жалоб и иных предусмотренных законом процессуальных документов, которые подаются в суд и могут являться предметом судебного разбирательства;
- распределение судей или судейских коллегий (председательствующего судьи) для рассмотрения конкретного дела (автоматизированное распределение дел);
- обеспечение надлежащего обмена документами (отправление, получение документов) в электронной форме между отдельными судами, между судом и участниками судебного процесса, между участниками судебного разбирательства;
- запись судебного заседания;
- обеспечение участия участников судебного разбирательства в судебном заседании посредством видео-конференция;
- направление судебных решений, судебных повесток, иных процессуальных документов участникам судебного процесса на их официальные адреса электронной почты и т.д.

Известно, что первой ласточкой цифровизации судебных процессов в Российской Федерации можно назвать именно арбитражное судопроизводство [1, с. 388].

Как показывают события последних дней, использование технического прогресса необходимо для обеспечения нормальной работы государственных органов, в том числе судов. В связи с карантинными мерами, установленными в Российской Федерации в целях предотвращения распространения коронавирусной болезни (COVID-19), а также с целью уменьшения затрат на участие представителя в деле, участникам процесса было разрешено участвовать в судебном заседании в режиме видеоконференции вне здания суда с использованием собственных технических средств (организация так называемого «онлайн-заседания»).

В настоящее время для подтверждения личности участника дела используется электронная подпись, а если ее у лица нет, то подтверждение личности участника дела происходит в следующем порядке: при подаче заявления посредством использования «Картотеки арбитражных дел» (<https://kad.arbitr.ru/>) пользователь, имеющий подтверждённую учётную запись на портале «Госуслуги» (<https://www.gosuslugi.ru/>), обязан приложить к данному заявлению, помимо документов, подтверждающих его полномочия и в отдельных случаях – образование, отсканированную копию паспорта (первая страница и страница с регистрацией), а также в тексте самого заявления рекомендуется указывать, какие именно технические средства будут использоваться участником процесса при подключении к онлайн-заседанию. Обязательным является указание адреса электронной почты лица, куда будет направляться подтверждение наличия у суда технической возможности организовать онлайн-заседание и инструкция по подключению к нему. Несоблюдение данных условий ведёт к отклонению судом заявленного ходатайства о проведении онлайн-заседания.

На наш взгляд, основной вопрос, который возникает при использовании данного механизма участия в заседании, – это правильная идентификация лица, выступающего в качестве участника судопроизводства. При этом возникает ряд дополнительных вопросов, в частности, относительно правового регулирования направления уведомлений на указанный адрес электронной почты и классические проблемы бытового характера – прерывание интернет-связи, низкое качество звука и изображения и т.д.

Практика показывает, что лица, ранее очно учувствовавшие в заседаниях по делу, беспрепятственно получают возможность воспользоваться функцией «онлайн-заседание» (при наличии у суда такой технической возможности), так как их личность ранее уже была идентифицирована уполномоченным лицом в рамках «живых» судебных заседаний.

Особняком от вышеперечисленных проблем в настоящее время стоит отсутствие у некоторых судов в целом возможности организовать данное заседание в режиме онлайн-конференции (недостаточность технического оснащения, загруженность судов и невозможность воспользоваться соответственно оснащёнными залами в назначенную дату и время судебного заседания и т.д.) [2, с. 240].

Кроме того, интересно обратиться к судебной практике. Так, по делу № А41-40929/2021 (Арбитражный суд города Москвы) суд, отказывая в удовлетворении заявленного представителем Общества ходатайства о проведении онлайн-заседания, указал, что «письмом Судебного Департамента при Верховном суде Российской Федерации от 07.05.2020г. № СД-АГ/667 разъяснено, что начиная с 12 мая 2020 года функционирование судов осуществляется в полном объеме. Кроме того, юридическим адресом заявителя является: Московская область, г. Раменское, д. Островцы. Таким образом, заявитель не лишен возможности обеспечить явку своего представителя в судебное заседание. Доказательств невозможности направления в суд названных лиц заявителем, вопреки требованиям статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, не представлено. При этом участвующие в деле лица должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (ч. 2 ст. 41 АПК РФ). С учетом изложенного, ходатайство подлежит отклонению» [4].

Анализируя данное уведомление, можно прийти к выводу, что в арбитражных судах Российской Федерации реализация предусмотренного механизма участия в онлайн-заседании является в отдельных случаях затруднительной, что негативно сказывается на достижении цели данного механизма – защита населения от коронавирусной инфекции, уменьшение затрат на участие представителя в деле и т.д. Вместе с тем решение данного проблемного момента видится в обеспечении технической базой судебных органов в необходимом количестве, обучение сотрудников аппарата суда организации судебных онлайн-процессов, а также проведение комплекса мер по снижению нагрузки на судебные аппараты.

Относительно проблемы уведомления участников процесса посредством направления сообщений на указанные сторонами адреса электронной почты, можно отметить, что в случае, когда на одной из сторон лежит обязанность направить в адрес второй некое уведомление (например, отзыв на исковое заявление), то суды критически относятся к данному способу уведомления, особенно в случае отсутствия представителя второй стороны в процессе, и обязывают направлять корреспонденцию посредством Почты России по юридическому адресу участника процесса с последующим приобщением в материалы дела соответствующей квитанции.

На наш взгляд, решить данную проблему можно было бы возложением на каждую из сторон обязанности зарегистрировать официальные адреса электронной почты и обменяться ими со всеми участниками процесса (например, обязательно указывая ее во вводной части процессуальных документов, тем самым соглашаясь на получение корреспонденции по указанному адресу с последующим несением ответственности непрочтения таких сообщений). Кроме того, регистрация официального адреса электронной почты сегодня дает ряд преимуществ, так как после регистрации суд направляет всем этим лицам любые документы по делам, в которых такие лица участвуют исключительно в электронной форме, путем направления их на официальные адреса электронной почты, а также решает проблему с надлежащим уведомлением участников дела о совершении неких процессуальных действий со стороны оппонентов.

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы отметить, что на пути эффективного судопроизводства с использованием новейших информационных технологий возникает множество регуляторных, организационных и технических препятствий. На наш взгляд, судопроизводство еще долго будет находиться в состоянии постоянного реформирования, пока государство не определит, что обеспечение населения интернетом так же необходимо, как, например, обеспечение электроэнергией или газоснабжением. Наконец, своевременные усилия научно-правового сообщества могут позволить получить превентивные научные результаты и практические рекомендации по правовому регулированию связей с общественностью, что будет способствовать широкому признанию, быстрому внедрению и распространению прогрессивных достижений очередной технологической революции.

Список цитируемой литературы:

1. Алпаткин И.В., Шумова К.А. Информационные технологии в деятельности арбитражных судов // Бюллетень науки и практики. – 2021. – № 6. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-deyatelnosti-arbitrazhnyh-sudov> (дата обращения: 14.12.2021).

2. Новикова К.С. Цифровые новации и элементы электронного правосудия в арбитражном судопроизводстве в период распространения коронавирусной инфекции // Образование и право. – 2020. – № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-novatsii-i-elementy-elektronного-pravosudiya-v-arbitrazhnom-sudoproizvodstve-v-period-rasprostraneniya-koronavirusnoy> (дата обращения: 10.12.2021).

3. Ревков В.С., Рухтина В.С. Информационные сервисы в арбитражных судах // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-servisy-v-arbitrazhnyh-sudah> (дата обращения: 14.12.2021).

4. Материалы судебного дела А41-40929/2021 (Арбитражный суд города Москвы) // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/15dafec2-38bb-4996-8ff2-56cd1e0f5358> (дата обращения: 14.12.2021).

Сведения об авторе:

Чабаненко Лариса Владимировна – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; larysachabanenko@mail.ru

Научный руководитель – Беляева Г.В., д.ю.н, профессор, заведующая кафедрой административного права и процесса юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Меграбян С. А.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ СУДАМИ ПРИНЦИПА РАВНОПРАВИЯ СТОРОН В ИСКОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

***Аннотация:** в настоящей статье рассматривается проблема принципа равноправия и соблюдения его судами в гражданском судопроизводстве. Автором проводится анализ судебной практики для более полного закрепления и достоверности приведенных фактов раскрывающую «болезненную» тему разбирательства различных гражданских споров.*

***Ключевые слова:** равноправие, состязательность, гражданский процесс, суд, судебная практика.*

В соответствии со статьей 19 Конституции РФ государство гарантирует равенство прав перед законом и судом. Указанный принцип, в контексте части 2 и 3 статьи 19, воплощает не только гендерный, но и социальный, экономический, этнической и любой иной характер равенства прав и свобод человека и гражданина.

В гражданском процессе гарантии состязательности в судопроизводстве установлены частью 1 статьи 12 «Осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), которая устанавливает конкретные гарантии состязательности и равноправия в судопроизводстве по гражданским делам[1].

В настоящем исследовании принцип равноправия рассматривается исключительно с узкого понимания – как средство положения сторон в гражданском судопроизводстве[6, с. 116].

В виду нашего анализа судебной практики, можно выделить, что есть исчерпывающее число гражданско-правовых дел, в ходе которых одна сторона, которая не согласна с решением суда, обжалует его, необоснованно ссылаясь на нарушении принципа состязательности. Однако даже на этом этапе, вопреки предписаниям ГПК, суды часто допускают нарушения принципа состязательности.

По мнению В.А. Катоминой. «зависимость равноправия от состязательности проявляется в двух формах: при наличии полного разделения основных процессуальных функций между участниками судебного разбирательства равноправие сторон – необходимое условие реализации состязательности» [3, с. 84-85]. Поэтому стоит подходить исключительно с позиции взаимосвязанности двух принципов – равноправия и состязательности.

Конкретный вид нарушений, согласно нашему анализу, выглядит следующим образом: ненадлежащее уведомление участников гражданского спора о месте и времени заседания; исследова-

ние и оценка представленных сторонами доказательств не в полном объеме; сбор доказательств судом по собственной инициативе; необоснованный отказ суда в удовлетворении ходатайства стороны[2, с. 45-47].

Данные нарушения вызваны рядом существенных факторов: большое количество рассматриваемых дел у отдельного судьи в день; неграмотность судей; недостаточность предоставленных доказательств по гражданскому спору, что, разумеется, делает затруднительным вынесение обоснованного и справедливого решения.

На практике возникают проблемы, связанные с реализацией принципа состязательности, который предполагает предоставление сторонами доказательств по делу. Но стороны не всегда могут представить необходимые доказательства. Не смотря на это, нужно учитывать недостаточную правовую просвещенность граждан Российской Федерации, а также отсутствие бесплатной юридической помощи[4, с. 32]. В данных условиях суд нередко вынужден принимать решения на основании не всех материалов дела, а лишь тех, которые представлены сторонами. В результате решение может не соответствовать действительным обстоятельствам дела, и, следовательно, будет несправедливым.

На наш взгляд, с одной стороны, собирание доказательств судом по собственной инициативе является нарушением принципа состязательности сторон, так как суд данными действиями оказывает помощь одной из сторон и осуществляет действия, не предусмотренные законом. С другой стороны, сбор всех необходимых доказательств по делу способствует вынесению справедливого решения и установления объективной истины.

Еще одной проблемой, с которой в настоящее время сталкиваются суды, является злоупотребление сторонами своими процессуальным правом, закрепленным в ст. 57 ГПК РФ, в которой говорится о том, что в случае, если представление необходимых доказательств для лиц, участвующих в деле затруднительно, суд по их ходатайству оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств[5, с. 110]. В решении данной проблемы, стоит подходить исключительно с реформированием отдельных положений гражданского процессуального законодательства.

В силу пункта 7 части 1 статьи 135 ГПК РФ судья возвращает исковое заявление в случае, если не устранены обстоятельства, послужившие основаниями для оставления искового заявления без движения, в срок, установленный в определении суда [1]. Исходя их буквального толкования вышеуказанные процессуальных норм следует, что законодатель сконструировал нормы, которые отрицательно влияют на действие принципа состязательности и равноправия сторон в рамках гражданского судопроизводства.

Чаще всего судьи оставляют исковое заявление без движения по основаниям ч. 3,4,7 ст. 132 ГПК РФ, однако по данным основаниям возможно устранение недочетов искового заявления на стадии подготовки в порядке статьи 147 ГПК РФ. Следует акцентировать внимание на том, что на определение об оставлении искового заявления без движения может быть подана частая жалоба в порядке статьи 333 ГПК РФ, в тоже время законодатель не устанавливает отдельный срок для рассмотрения такого рода жалоб, в этом случае применяется общий двухмесячный срок рассмотрения. С точки зрения процессуальной экономии указанная временная регламентация весьма негативно отражается на качестве выносимых судебных актов, а также затягивается время рассмотрения гражданского дела, что приводит к негативным последствиям для реализации принципа состязательности и равноправия сторон.

Думается, что выходом из сложившейся ситуации станет изменение статьи 136 ГПК РФ и изложение ее в следующей редакции: «1. Судья, установив, что исковое заявление подано в суд без соблюдения требований, установленных статьей 131 и частями 1,2,5,6 статьи 132 настоящего Кодекса, выносит определение об оставлении заявления без движения. Остальные обстоятельства по исковому заявлению судьей разрешаются на стадии подготовки к судебному разбирательству в порядке статьи 147 настоящего Кодекса».

С целью экономии процессуальных сроков рассмотрения частных жалоб необходимо внести дополнения в статью 327.2 ГПК РФ следующего содержания: «Срок рассмотрения по частной жалобе на определение суда не должен превышать одного месяца со дня поступления жалобы в апелляционную инстанцию».

Следует обратить внимание на то, что в абзаце 1 пункта 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 N 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» Верховный суд РФ обращает внимание судов на то, что подготовка дел к судебному разбирательству является самостоятельной стадией гражданского процесса, имеющей целью обеспечить правильное и своевременное их рассмотрение и разрешение, и обязательна по каждому гражданскому

делу (статья 147 ГПК РФ). Своевременная и полная подготовка дела к судебному разбирательству имеет определяющее значение для качественного рассмотрения дела в установленные законом сроки.

Верховный суд РФ указывает на важность данной стадии для эффективности разрешения конкретного гражданского дела, так как именно на стадии подготовки решаются основные вопросы построения правовой позиции по конкретному гражданскому делу. Большая часть гражданских дел индивидуальны и имеют особенности в доказывании тех или иных обстоятельств, которые имеют значение для разрешения гражданского дела.

Определяя пути формирования и механизм реализации принципа равноправия сторон в современном российском судопроизводстве, необходимо учитывать международные стандарты и сравнительно-правовой подход, что позволит сопоставить нормы российского права с нормами отдельных зарубежных стран, и глубже познать природу исследуемого принципа, закрепленного отечественными нормами, выявить перспективы заимствования положительного зарубежного опыта применения этого принципа для России.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 03.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. № 46 ст. 4532
2. Жуйков В.М. Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве / Жуйков В.М. // Российская юстиция. — 2019. — № 6. С. 45-47
3. Катомина В.А. Справедливость и состязательность в российском праве: дисс. ... канд. юр. наук. – Саратов, 2009. С. 84-85.
4. Малешин Д.Я. Роль суда в процессе собирания доказательств: историко — правовой анализ [Электронный ресурс] / Малешин Д.Я. // Режим доступа: [Консультант Плюс]. — URL: <http://www.consultant.ru>. С. 32
5. Прасолов Д.Б. Соотношение процессуального действия суда по выходу за пределы заявленных требований с отдельными принципами гражданского процесса / Прасолов Д.Б. // Вестник ВГУ. — 2018. — № 2. С. 110.
6. Стрельников В. А. Принципы состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве и проблемы их реализации // Прорывные научные исследования как двигатель науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (26 апреля 2019 г, г. Тюмень), «ОМЕГА САЙНС», 2019. С. 116.

Сведения об авторе:

Меграбян Самвел Аршакович – аспирант 2 курса института магистратуры и аспирантуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Саратовской государственной юридической академии (ИМиА ФГБОУ ВО «СГЮА») 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.; megrabyan_samvel@mail.ru.

Научный руководитель – Исаенкова Оксана Владимировна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии (ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Волокитина Л.М.

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА ПРАВА И «РОБОТИЗАЦИИ» ЮРИДИЧЕСКОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

***Аннотация:** Интенсивный рост объема нормативно-правового массива делает актуальным вопрос о возможности «роботизации» процесса юридического нормотворчества, ответить на который представляется затруднительным без предварительного осмысления в пространстве теории и философии права.*

***Ключевые слова:** язык права, нормотворчество, юридическое нормотворчество, лингвистический поворот, аналитическая философия права, искусственный интеллект.*

Вопросы языка права и «роботизации» юридического нормотворчества являются актуальными в современной юридической науке.

Представляется, что способ разработки этих проблемных вопросов и поиск путей их разрешения зависят от понимания права как такового.

Как определить понятие права?

Представляется, что наиболее подходящим для актуальных реалий является коммуникативный подход, предложенный А.В. Поляковым [18, с. 294-297].

В соответствии с позицией ученого, в праве крайне важны «социально легитимированные правовые тексты» [18, с. 294-297]; иначе говоря – источники права [18, с. 648-692]. Об источниках права у А.В. Полякова наиболее примечательным представляется следующее высказывание: «Гетерономный нормативно-правовой акт представляет собой письменный документ, в котором содержится правовой текст, установленный помимо воли субъектов, которым он адресуется» [18, с. 645, 671].

Таким образом, как видится, получается, что в силу необходимости быть записанным [20, с. 7], т.е. – выраженным в формальном источнике права [9, с. 28], - право оказывается тесно связанным с языком [25, с. 5, 6].

Вместе с тем, относительно состояния «языка» современных отечественных писанных нормативно-правовых актов, авторы исследований отмечают многочисленные сложности [21, с. 57, 58].

В качестве иллюстративного примера можно обратиться, например, к Федеральному закону Российской Федерации от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», в части, содержащей определение «объекта культурного наследия» [23].

Проблема такой негативной трансформации текстов современных отечественных нормативно-правовых актов, о которой только что было сказано выше, в целом, находится под пристальным вниманием и активно исследуется учеными-юристами [3].

С какими же еще обусловленными текущей реальностью тенденциями приходится сталкиваться юридическому нормотворчеству в наши дни?

Например, в исследованиях ученых отмечается и разрабатывается проблематика существования права в условиях «медиального поворота» [1, с. 7, 47].

Также, в качестве актуальной для языка права и юридического нормотворчества, нельзя не отметить и проблему «лингвистического поворота» [14, с. 6, 7].

И то значение, какое придается явлению «лингвистического поворота» как в отраслях науки в целом, так и в юриспруденции в частности, не удивительно, в силу того, что, как отмечается: «Философский анализ языка становился необходимостью для дальнейшего развития научных знаний, социальной коммуникации» [4, с. 174].

В отношении же «медиального поворота» в контексте языка права и юридического нормотворчества представляется необходимым отметить всё более и более набирающие популярность с каждым днем такие концептуальные тенденции как «технологизация» права [7], «роботизация» права [13], и «машиночитаемость» права [19]. Суммарно все эти обозначенные выше актуальные правовые тенденции можно описать следующим образом: «Стремительное развитие технологий приводит к тому, что рутинные юридические задачи всё чаще автоматизируются и их выполнение уже не требует участия на юриста, ни адвоката» [16, с. 112].

Таким образом, теперь наглядно представляя, как эти две актуальные проблемы (язык права и «роботизация юриспруденции») развиваются в контексте современных правовых тенденций, - думается, что не будет не уместным задаться следующим вопросом: а не свяжутся ли в ближайшем будущем эти две актуальные проблемы-тенденции, т.е. – не случится ли в ближайшем будущем полной «роботизации» юридического нормотворчества (т.е. – практически полностью совершенно без участия человека)?

Представляется, что подобный ход развития событий является вполне реализуемым сценарием, поскольку, во-первых, такой подход позволит, как думается, в значительной степени решить «языковые» проблемы, в частности, в современном отечественном юридическом нормотворчестве; а, во-вторых, такой подход, как видится, удачно вписывается в контекст всё более и более полной «технологизации» жизни человека.

Первым аргументом «за» может являться наличие собственно разработанной вследствие «лингвистического поворота» в рамках аналитической философии самостоятельной «языковой «программы»» [11, с. 10-115], которую можно будет положить в качестве фундамента проекта теоретически моделируемого будущего «робота-нормотворца».

Одним из последовательных вариантов выражения этой «языковой «программы»» является творчество Людвиг Витгенштейна – мыслителя середины XX века, представителя аналитической философии [10, с. 635-646].

Не будучи связанными с правовой проблематикой напрямую, тем не менее – в правовом контексте для идей Л. Витгенштейна исследователями предлагаются различные варианты интерпретации и применения [8, с. 113].

Собственно же юридический контекст «языковой «программы»» представлен в «раннем» научном творчестве Герберта Л.А. Харта - английского правоведа середины – второй половины XX века, поскольку, начиная свой путь, Г.Л.А. Харт находился под сильным влиянием аналитической философии [15, с. 821-825]; сейчас же он считается одним из крупнейших представителей «аналитической философии права» [15, с. 821-825].

Концепция «юридического языка» Г.Л.А. Харта достаточно подробно проанализирована и представлена в публикациях современных отечественных исследователей [12].

Таким образом, именно «языковая программа» аналитической философии, представленная как теория «юридического языка» в «раннем» научном творчестве Г. Л. А. Харта, - и предлагается в качестве фундамента проекта теоретически моделируемого будущего «робота-нормотворца» и, в целом, является аргументом «за» в вопросе о возможности роботизации процесса юридического нормотворчества в ближайшем будущем.

Далее, вторым аргументом «за» может являться доктринальная разработанность вопроса об «искусственном интеллекте» и «роботах» («юридических роботах») в праве, подробно изложенная в соответствующих научных публикациях [6].

Суть данного аргумента заключается в том, что, как и в случае с «языковой «программой»» «юридического языка» (почерпнутой из трудов Г. Л. А. Харта, и трудов представителей аналитической философии, в частности, Л. Витгенштейна) – имеется еще одна некоторая разработанная «система», которая может быть положена в качестве еще одного функционального элемента в состав проекта теоретически моделируемого будущего «робота-нормотворца» [22, с. 161].

Вместе с тем, рассуждая о перспективах возможности «роботизации» юридического нормотворчества, представленных идеей теоретически-моделируемого «робота-нормотворца», и приводя аргументы «за», - нельзя не учитывать и аргументацию «против».

Представленная в равной степени как в специально-юридических, так и в самостоятельных научных публикациях по изучению искусственного интеллекта, - суть аргументации «против» заключается в том, что, даже будучи теоретически продуманными и смоделированными для реализации – на практике воплощение подобных технологий (в широком масштабе) – будет сильно затруднено из-за неразрешенности большого количества сопутствующих проблем, например, морально-этического плана, или вопросов правосубъектности [2, с. 160].

Но, рассуждая об аргументации «против», исходя из морально-этических проблем или проблем правосубъектности, - нельзя также упускать из виду и такой немаловажный вопрос, затрудняющий «роботизацию» юридического нормотворчества, как аспект ««открытой текстуры» юридического языка» [17].

Проблематика «открытой текстуры» возвращает нас в контекст аналитической философии права и предлагает вновь обратиться к философско- и теоретико-правовому наследию Герберта Харта, но на этот раз к тому периоду его научного творчества, представленному, в частности, фундаментальной работой «Понятие права» [24], в которой, собственно, и обозначается, наиболее полно ставится проблема «открытой текстуры» [24, с. 128-157].

Современные отечественные исследователи достаточно подробно интерпретируют и комментируют проблему «открытой текстуры» так, как она была показана Г. Хартом [17, с. 237-240].

Однако несмотря на существование аргументации «против» идеи «роботизации» права (в данном случае – юридического нормотворчества, выраженного в теоретической модели условного «робота-нормотворца») – всё-таки представим, что аргументация «за» окажется более влиятельной и «роботизация» юридического нормотворчества всё-таки случится.

Представляется, что в итоге будут получаться следующие нормативно-правовые акты: с одной стороны, они будут отвечать требованиям «машиночитаемости» права [5, с. 20, 21], а с другой – выглядеть более совершенными с точки зрения юридической техники (потому что будут создаваться по определенному, заранее заданному алгоритму) [21, с. 88-129].

Таким образом, ответ на вопрос об актуальной проблеме юридического нормотворчества, о возможности «роботизации» этого процесса, о новом языке права в условиях нормотворчества в цифровую эпоху, представляется следующим – это будет гармоничное и продуктивное сочетание

классического наследия в области теории и философии права с новейшими тенденциями юридической техники и последними разработками в области информационных технологий, что позволит, при сохранении уже утвердившихся постулатов юридического нормотворчества – не только преодолеть существующие проблемы, но и вывести этот столь важный для социума процесс на качественно новый уровень.

Список цитируемой литературы:

1. Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: дис. на соиск. учен. степ. доктора юридических наук. – СПб., 2019. – 403 с.
2. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. – 2017. – №5. – С. 157-170.
3. Белов С.А., Гулида В.Б. Язык юридических документов: сложности понимания // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института Лингвистических исследований. – 2019. – №15. – С. 56-103.
4. Васильев В.А. Лингвистический поворот в философии // Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета. – 2017. – №1. – С. 172-181.
5. Вашкевич А.М. Автоматизация права: право как электричество. – М.: Симплоер, 2019. – 256 с.
6. Глебов И.Н. Правовая футурология: постановка проблемы искусственного юридического разума // Российское Государствоведение. – 2018. – №1. – С. 12-29.
7. Грачева А.В. От правовой информатики до Legal Tech: история развития в России и за рубежом // Закон. – 2019. – №5. – С. 56-65.
8. Дидикин А.Б. Витгенштейн и метаморфозы юридического языка // Омский научный вестник. Серия Общество, История, Современность. – 2020. – №2 (5). – С. 109-115.
9. Дробышевский С.А. Формальные источники права: монография / С.А. Дробышевский. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 160 с.
10. История философии: Учебник для вузов / Под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова, Д.В. Бугая. – М.: Академический Проект, 2008. – 783 с.
11. Канке В.А. Современная философия: учебник: [для бакалавров, магистров и аспирантов высших учебных заведений] / В.А. Канке. – Москва: Изд-во Омега-Л, 2014. – 329 с.
12. Касаткин С.Н. Концепция юридического языка Герберта Харта: опыт реконструкции // Философия права. – 2016. – №5 (78). – С. 77-83.
13. Куликов Н.А. Юриспруденция в эпоху индустрии 4.0 // Закон. – 2019. – №5. – С. 87-92.
14. Насыров Р.В. О значении лингвистического поворота в исследовании права // Юрилингвистика. – 2019. – №12. – С. 5-10.
15. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник / В.С. Нерсесянц. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 848 с.
16. Никифорова Т.С., Смирнова К.М. Оставят ли роботы юристов без работы? // Закон. – 2017. – № 11. – С. 110-123.
17. Оглезнев В.В. «Открытая текстура» юридического языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – №2 (34). – С. 237-244.
18. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций: Учеб. для студентов, обучающихся по направлению (специальности) «Юриспруденция» / А.В. Поляков; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – 863 с.
19. Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в RegTech, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. – 2020. – №9. – С. 59-69.
20. Прокофьев Г.С. Соотношение права и языка: теоретико-философский анализ: автореф. дис. на соиск. учен. степ. кандидат юридических наук – М., 2002. – 28 с.
21. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 309 с.
22. Трофимов Е.В., Мецкер О.Г. Использование компьютерных методов и систем в изучении права, интеллектуальном анализе и моделировании правовой деятельности: систематический обзор // Труды ИСП РАН. – 2020. – Т. 32. Вып. 3. – С. 147-170.

23. Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

24. Харт Г.Л.А. Понятие права / Г.Л.А. Харт; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева; пер. с англ. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – 302 с.

25. Шепелев А.Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореф. дис. на соиск. учен. степ. кандидат юридических наук – Н. Новгород, 2002. – 23 с.

Сведения об авторе:

Волокитина Лидия Михайловна – аспирант юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; lidavolokitina97@gmail.com

Научный руководитель – Архипов Владислав Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Хаяли Б.Р.

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ КАРАСУБАЗАРА ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО УЛУЧШЕНИЮ САНИТАРНОГО СОСТОЯНИЯ ГОРОДА

***Аннотация:** В статье на основе архивных документов, рассматривается правотворческая работа городской думы Карасубазара Таврической губернии под руководством заступающего место городского головы Решида Медиева по улучшению санитарно-медицинского состояния города.*

Сделан вывод, что правотворческая деятельность городской управы и городской думы Карасубазара под руководством заступающего место городского головы Решида Медиева было социально ориентированным и способствовало развитию инфраструктуры города.

Ключевые слова: правотворчество, городская управа, городская дума, обязательные постановления, Решид Медиев.

Постановка проблемы. Правотворчество – термин, который можно рассмотреть в широком и узком смысле. В широком смысле правотворчество – это деятельность компетентных органов, направленная на создание, изменение, прекращение норм, нормативных правовых актов. В узком – деятельность по созданию юридических норм. В ходе правотворчества определяется потребность самого правового регулирования, начинается процесс обсуждения, согласования и принятия. Процессы правотворчества всегда отображают культурно-духовную составляющую общества, его менталитет.

В контексте проблематики научное осмысление правотворческой деятельности отдельных органов местного управления на примере Таврической губернии начала XX в. имеет теоретическое и практическое значение.

Основная часть. В начале XX в. правотворческая деятельность городской думы Карасубазара была направлена в первую очередь на улучшение санитарного состояния города. С этой целью 7 февраля 1908 г. по окончании доклада городской управы, основанного на предложении губернатора Таврической губернии от 16 января 1908 г. за № 229, по вопросу о мероприятиях против распространения эпидемии холеры и изыскании источников для покрытия расходов городская дума постановила о возбуждении в установленном порядке ходатайства об оказании государственным казначейством единовременного и безвозвратного пособия городу в сумме 10 000 рублей. Одновременно городской управе было поручено предоставить информацию о недостаточности городских средств на решение городом противохолерных мероприятий. Вместе с тем формируемые расходы должны были пополняться из бюджета города [11. Л. 11].

По результатам работы городской управы и городской думы Таврическому губернатору были высказаны следующие соображения. Город Карасубазар представляет собою самый благоприятный очаг для возникновения и распространения различного рода эпидемических болезней. Причинами являются крайняя скученность населения, отсутствие у большинства горожан подчинения условиям санитарии и игнорирование ими требований гигиены. На площади радиусом в 250 саженей проживает более 16 тысяч человек. Если принять во внимание то, что в отдельных частях города скученность доходит до того, что жители не имеют даже дворов, то станет ясным, что даже слабое проявление какой-нибудь эпидемии моментально охватывает как пожар весь город. Такое опасное

положение города в отношении развития эпидемии усугубляется еще тем обстоятельством, что город не имеет чистой здоровой питьевой воды. Существующий городской колодец не может дать воды в том количестве, чтобы удовлетворить весь горожан. Поэтому жители пользуются водой из реки Карасу, вода которой, по признанию врачей, совершенно вредна для здоровья. Кроме того, по всей восточной очень густонаселенной части города проходит городская оросительная канава. Несмотря на все обязательные постановления и предупреждения городского самоуправления, население загрязняет эту канаву [2. Л. 11об.].

В связи со сложившимися обстоятельствами городское самоуправление стремилось улучшить санитарное обслуживание населения. Новый состав городской управы, поступив на службу в последней трети 1906 г., предпринял решительные меры, по ликвидации антисанитарии.

Вместе с тем решить поставленные задачи собственными усилиями, ввиду отсутствия необходимых финансовых и материальных средств, городское самоуправление было не в состоянии. Так, в 1905 г. в городскую кассу поступило всего 26 261 рубль 14 копеек, в 1906 г. 26 932 рубль 5 копеек и в 1907 г. 32 681 рубль 21 копейка. Между тем осуществление всех мероприятий для оздоровления города в санитарном отношении требовалась сумма в размере 25 000 рубль.

Мероприятия по улучшению санитарного состояния города предполагалось направить на:

1) предоставление населению возможности вместо загрязненной воды из реки пользоваться здоровой чистой водой;

2) закрытие по поверхности городской оросительной канавы на всем протяжении её по городу с оставлением отверстий там, где это необходимо для полива садов, а также с целью воспрепятствования загрязнения канавы и предотвращения возможности брать из нее воду для питья;

3) мощение некоторых частей города, чтобы вода не застаивалась там и этим прекратить зловоние;

4) устройство отводных канав в тех местах, где в особенности сильно скапливаются осадки;

5) прорытие глубокой канавы за городом для того, чтобы при сильных дождях вода с гор не затопляла юго-западную часть города, а протекала по канаве в реку Сарысу;

6) реорганизацию городской лечебницы с расширением помещений и устройством дезинфекционной камеры, без которой борьба с заразными болезнями, в особенности с холерой немислима;

7) устройство бойни для убоя лошадей и свиней для того, чтобы очистить окрестности города от загрязнений;

8) устройство городских ретирад в тех частях города, где их нет, а также устройство ассенизационного обоза [3. Л. 13об.].

По мнению заступающего место городского головы Решиды Медиева, принимаемые меры являлись лишь паллиативом и для того, чтобы избавиться от призрака холеры и избежать развитие других эпидемических болезней, нужно принять решительные радикальные меры, упомянутые выше в 8 пунктах.

Из этих настоятельно необходимых для санитарного оздоровления города мероприятий главное и особенное внимание необходимо было обратить на предоставление населению возможности пользоваться здоровой чистой и годной для питья водой. Но, так как для осуществления этой задачи нужны были громадные в сравнении с городским бюджетом средства, в 1902 г. на устройство фонтана с чистой водой было направлено прошение губернатору о разрешении собирать пожертвования среди состоятельных жителей города. Но это не было осуществлено.

Новый состав городской управы при вступлении своем на службу в числе будущих работ поставил главной целью обеспечить население чистой здоровой водой. Городское самоуправление 2 октября 1906 г. ходатайствовало о разрешении губернатора на продолжение сбора пожертвований. В результате сбора пожертвований городская казна пополнилась на 2 200 рубль [4. Л. 13].

Одновременно Таврическое губернское земство поддержало ходатайство городской думы Карасубазар считая, что город действительно нуждается в хорошей здоровой воде. Также во внимание было принято то, что город при теперешнем состоянии своего бюджета не в силах был решить существующую проблему. В связи с этим было принято решение о выделении городу дополнительно с рассрочкой на 10 лет 1 000 рубль.

В результате принятых мер городской думой для устройства фонтана водохранилища и водозабора было собрано 3 500 рубль.

Дополнительно городская дума в заседании 7 февраля 1908 г. приняла решение ходатайствовать перед государственным казначейством о выдаче городу пособия в размере 10 000 руб. Пособие предполагалось распределить следующим образом: 3 500 рубль направить на покрытие городской

оросительной канавы, 2 000 рублей на прорытие отводного канала за городом и отводных каналов по улицам, а остальные 4 500 рублей на устройство фонтана, мостовых и других мероприятий, указанных в перечисленных 8 пунктах [5. Л. 14об.].

Городским самоуправлением также принимается обязательное постановление «О производстве ассенизационного промысла», направленного на улучшение санитарного состояния города [6. Л. 12об.–13].

Активная правотворческая работа городской управы и городской думы также была направлена на упорядочение торговли на основе действующего законодательства. Так, 12 января 1912 г. городская управа предложила собранию городской думы, дополнить обязательные постановления о порядке убоя скота и содержания бойни в Карасубазаре, принятые думой 20 сентября 1911 г. В частности, были предложены следующие требования 1) кровь убитых животных, содержание желудка и кишки немедленно удаляются после убоя скота из скотобойни администрацией в указанное городом по соглашению с полицией место, 2) вывоз кишок из городской скотобойни разрешается только в тщательно очищенном виде, 3) кишки признаются окончательно очищенными, если отделена брыжейка, надлежащим образом обито все сало, удалены экскременты и вся слизистая оболочка кишок, 4) мясо из скотобойни в мясные лавки перевозится в особо приспособленных для этой цели телегах или санях, обитых внутри цинком или оцинкованным железом по образцу одобренному городской управой. Мясо должно полностью покрываться от пыли, мух чистыми холщевыми полотнами по образцу, изготовленному городской управой. Головы, ноги и прочие части туш должны помещаться в телеге отдельно от мяса и также должны быть полностью прикрыты. На телегах должны быть устроены особые сиденья для возниц. При этом запрещается при перевозке садиться на мясо, 5) каждая мясная лавка при входе должна иметь вывеску, а внутри на видном месте таксу. Вывешивание мяса вне лавок воспрещается, 6) мясные продукты, привозимые в город в изготовленном виде как-то: солонина, ветчина соленая, копчена и прочее, прежде допущения их в продажу, должны быть предъявлены на смотровом пункте городскому санитарному, а за отсутствием последнего ветеринарному врачу для освидетельствования и взвешивания. Если продукция будет признана годной к употреблению то разрешаются к продаже с выдачей на то особых свидетельств за подписью врача а на окорока накладываются клейма.

По данному обязательному постановлению выступил Р. Медиев. Он обратил внимание присутствующих на то, что рядом с бойней имеется готовое помещение, в связи с этим устройство завода ничего не будет стоить городской казне. Собрание городской думы открытым голосованием единогласно постановило принять составленный управой проект дополнительных обязательных постановлений о порядке убоя скота и содержания бойни в Карасубазаре [7. Л. 15–15об.].

Выводы. Правотворческая деятельность городской думы Карасубазара под руководством заступающего место городского головы Решиды Медиева была направлена на улучшение санитарного состояния города, социально ориентированным, способствовало развитию инфраструктуры города. Разрабатываемые городской управой и принимаемые городской думой обязательные постановления по форме и содержанию излагались строго в соответствии с нормативными требованиями, отличались ясностью предписываемых установлений, лаконичностью, простотой и последовательностью изложения.

Список цитируемых источников:

1. ГАРК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 528.
2. ГАРК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 528.
3. ГАРК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 528.
4. ГАРК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 528.
5. ГАРК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 528.
6. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 185.
7. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 185.

Сведения об авторе:

Хаяли Бекир Рустемович – аспирант юридического факультета Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского bkhayali11@gmail.com

Научный руководитель – Шармоянц А.Н. кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ВНЕПРОВЕРОЧНЫХ ФОРМ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЛОГОВОЙ СФЕРЫ

Аннотация: Автор выделяет внепроверочные формы налогового контроля как самостоятельный вид налоговой проверки, появление которого вызвано процессами цифровизации государственного управления, в частности сферы налогового контроля. Автор относит к внепроверочным формам налогового контроля (1) аналитическую деятельность, проводимую налоговым органом на основании данных, полученных из информационных систем, сервисных приложений либо с помощью цифровых технологий, (2) предпроверочный анализ, проводимый для последующего налогового контроля (назначения выездной налоговой проверки), (3) оперативный контроль, осуществляемый с применением контрольно-кассовой техники, для осуществления эффективного налогового контроля. Автор приходит к выводу, что внепроверочная форма налогового контроля должна быть урегулирована на уровне НК РФ для сохранения и соблюдения правовых гарантий налогоплательщика.

Ключевые слова: цифровизация налогового контроля, внепроверочные формы налогового контроля, автоматизация, риск-ориентированный подход, выездная проверка, камеральная проверка, АСК НДС-2, операционный контроль.

Использование информационных технологий в государственных органах власти характеризует процесс цифровизации государственного управления. Так, Федеральная налоговая служба России (далее – ФНС) активно используют информационные технологии в своей деятельности, в частности, при проведении налогового контроля. Использование информационных технологий в рамках налоговых правоотношений, в частности, при осуществлении налогового контроля, вызвано направленностью налоговой системы на снижение административной нагрузки с бизнеса, на повышение поступления налоговых платежей в бюджеты и на уменьшение затрат налоговой службы в части финансовой и кадровой обеспеченности на проведение контрольных мероприятий.

Данная направленность совпадает с целями цифровизации налоговой сферы согласно Приказу ФНС России от 05.03.2021 № ЕД-7-1/173@ «Об утверждении Стратегической карты ФНС России на 2021–2023 годы» (далее – Приказ). Так, к таким целям относится (1) создание клиент-ориентированной системы предоставления услуг, в том числе цифровых, и (2) снижение издержек бизнеса при взаимодействии с государством, снижение издержек государственного управления, (3) обеспечение высокого уровня эффективности налогового администрирования, в том числе сокращение теневой экономики за счет цифровой трансформации и др. [1]

Основной задачей налоговой службы согласно Приказу является развитие инструментов риск-анализа и дистанционного автоматизированного контроля. Риск-анализ и дистанционный автоматизированный контроль непосредственно характеризуют цифровизацию налогового контроля. На сегодняшний день цифровизация налогового контроля состоит во внедрении и использовании:

- программного обеспечения или информационных систем, например АСК НДС-2, АИС «Налог-3», позволяющие налоговым органам сопоставлять значительные массивы данных из деклараций по НДС, а также книг покупок и книг продаж плательщиков НДС для проверки в режиме реального времени процесс создания добавленной стоимости и высчитывающая НДС.

- сервис-приложения, например, «Личный кабинет налогоплательщика индивидуального предпринимателя», «Мой налог» позволяющим в онлайн-режиме вносить сведения о налогооблагаемых объектах без заполнения бумажных деклараций.

- цифровых технологий big data и искусственного интеллекта, с помощью которых осуществляется сбор информации о налогоплательщике из разных информационных систем, а также информационного взаимодействия и обмена данными между разными органами государственной власти.

Сведения, получаемые налоговым органом через информационные системы, приложения или с помощью цифровых технологий, используются налоговым органом перед проведением налогового контроля. Аналитический отдел налогового органа на основании полученных данных *предварительно* анализирует огромный массив информации, поступающей от подведомственных организаций, физических лиц и иных субъектов налогообложения. Предварительный анализ, происходящий до назначения проверки, позволяет налоговому органу понять о том, имеется ли неверное исчисление налогового обязательства или иного нарушения налогового законодательства. По результатам предварительного анализа данных налоговый орган может, к примеру, не назначать нало-

говые проверки, приводящие к привлечению к ответственности, а, напротив, предотвращать нарушения налогового законодательства, выполняя превентивную функцию. Такой анализ можно назвать внепроверочным, то есть выходящим за рамки существующих форм налогового контроля.

В соответствии с Налоговым кодексом РФ в качестве основных форм налогового контроля выделяются камеральные (ст. 88 НК РФ) и выездные (ст. 89 НК РФ) налоговые проверки (получение объяснений обязанных лиц, проверка данных учета и отчетности, осмотр территорий, помещений – часто проводятся в рамках налоговых проверок и применяются как вспомогательные), а также налоговый мониторинг (п. п. 2, 3 ст. 105.26 НК РФ), введенный с 1 января 2015 года.

Внепроверочный налоговый контроль, основанный на автоматизации, используется при налоговом контроле за уплатой НДС: происходит автоматический контроль документов в системе АСК «НДС-2». Так, АСК НДС-2 и АИС «Налог-3» представляют собой способы контроля за действиями хозяйствующих субъектов с точки зрения учета фактов хозяйственной жизни, выявления незарегистрированных организаций, фирм-однодневок, полноты оприходования выручки, вывода денежных средств за пределы России, занижения оплаты труда, уплаты взносов, начисления НДФЛ, предъявления неправомерного вычета по НДС, занижения налоговой базы по налогу на прибыль, случаев уклонения от уплаты налогов и сборов [12]. Суть АСК НДС-2 и АИС «Налог-3» заключается в сдаче налогоплательщиками отчетности по НДС в электронном виде, которые попадают в базу данных налоговых органов и автоматизировано обрабатываются на предмет неуплаты НДС. Данные программы выявляют непредоставление сведений либо предоставление недостоверных сведений, сопоставляя с цепочкой связи с другими контрагентами и обнаруживая технические компании [1].

Использование данной системы трансформирует налоговый контроль: информация из АСК НДС-2, носящая формальный характер, может быть использована в установлении несоответствия данных при уплате налога. Обнаруженные несоответствия данных могут стать основанием для проведения камеральной или выездной проверки и быть использованы как одно из видов доказательств о злоупотреблении налогоплательщиками своими правами при исчислении сумм НДС.

Таким образом, использование системы АСК НДС-2, АИС «Налог-3» позволяет установить рискованные хозяйственные операции, которые в последующем подлежат дополнительному анализу и контролю [3].

Использование информационных технологий, сервисных приложений и специализированного программного обеспечения задает тренд на проведение внепроверочных форм налогового контроля и может привести к отказу от проведения камеральных проверок, связанных с предоставлением и проверкой деклараций. ФНС России высказалась, что в скором времени возможен отказ от института налоговых деклараций по ряду налогов для организаций [13]. Предполагается, что по некоторым налогам не придется предоставлять налоговые декларации, так как через приложения будет осуществляться прямая передача данных в режиме реального времени.

Следует отметить, что процесс получения и использования результатов аналитической деятельности налоговых органов в рамках оформления результатов камеральных налоговых проверок или в рамках последующего выездного налогового контроля нормативно никак не урегулирован на уровне НК РФ. То есть существование внепроверочной формы налогового контроля, осуществляемой с помощью информационных систем, программного обеспечения, не регламентируется ни на законодательном, ни на подзаконном уровне.

Внепроверочная форма налогового контроля также проводится при осуществлении предпроверочного анализа перед назначением выездной налоговой проверки.

Выездная проверка отличается от камеральной тем, что выездная проверка — это не автоматическая проверка, которая назначается по каждому факту представления декларации и в отношении каждого налогоплательщика. Основное содержание ВВП – проверка правильности исчисления и своевременности уплаты (удержания и перечисления) одного или нескольких налогов по месту нахождения налогоплательщика на основе изучения как документальных источников информации, так и фактического состояния объектов налогообложения [8]. Сейчас стратегическим направлением развития контрольной деятельности налоговой службы является как можно меньшее использование выездной проверки. Поэтому важное значение придается планированию выездной проверки и предпроверочному анализу.

Понятие предпроверочного анализа в НК РФ не закреплено, но на практике любая выездная налоговая проверка, то есть проверка, требующая осмотра помещений, выхода на территорию проверяемого налогоплательщика, назначается только после предварительного изучения финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика на основе доступной налоговому органу информации для того, чтобы избежать необоснованных налоговых проверок, которые не могут принести серьезных начислений в пользу бюджета или в том случае, если отсутствуют какие-то риски. Как считает, Сосновский С.А., предпроверочный анализ — это деятельность, в ходе которой налоговый орган выбирает,

в отношении каких налогоплательщиков надо осуществлять последующий контроль, то есть проводить выездные проверки [10]. Предпроверочный анализ реализует риск-ориентированный подход к контролю. Понятия риск-ориентированного подхода также нет в НК РФ, однако его можно увидеть в ч. 2 ст. 8.1 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (данный закон не применим к налоговым правоотношениям). Так, риск-ориентированный подход – это метод организации и осуществления государственного контроля (надзора), при котором в предусмотренных... законом случаях выбор интенсивности (формы, продолжительности, периодичности) проведения мероприятий по контролю, мероприятий по профилактике нарушения обязательных требований определяется отнесением деятельности... лица... к определенной категории риска либо определенному классу (категории) опасности. Исходя из анализа данного определения, можно утверждать, что предпроверочный анализ проводится в отношении тех налогоплательщиков, которые с большей вероятностью могут совершить правонарушение в сфере налогового законодательства.

Существуют утвержденные приказом ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок», (внутриведомственный документ, не являющийся источником налогового права) критерии определения рисков, используемых налоговыми органами при планировании выездных проверок. Так, существует 12 общедоступных критериев самостоятельной оценки рисков, но без регламентации порядка назначения проверок. Эти риски основаны на вероятностных допущениях. В письме ФНС России от 25.07.2013 № АС-4-2/13622 упомянуты рекомендации по вопросам проведения предпроверочного анализа налогоплательщика, но этих рекомендаций в доступных источниках информации нет. Для налогоплательщика ситуация усугубляется отсутствием регламентации критериев оценки налоговых рисков в актах ФНС России, носящих нормативный характер, и правовой определенности при установлении перечня налоговых рисков и критериев их оценки [6]. Как отмечает Лукашева Е.А., в случае если нет четкого перечня рисков и незыблемых критериев их оценки даже на уровне руководства ФНС России [5], то риск-ориентированный подход не имеет правовых пределов. С этим сложно не согласиться, поскольку в отсутствии правовых оснований границы административного усмотрения стираются. Это нивелирует применение риск-ориентированного подхода в налоговом контроле, подменяя его дискрецией должностных лиц налоговых органов.

К внепроверочной форме контроля можно отнести контроль за применением контрольно-кассовой техники (ККТ), именуемый также как «оперативный контроль». Введение в часть первую НК РФ понятия и регулирования оперативного контроля было предложено в 2020 г. Минфином России посредством подготовки законопроекта [9]. Оперативным контролем признается деятельность налоговых органов за соблюдением организациями и ИП требований законодательства о налогах и сборах по фиксации расчетов, в том числе полноте учета выручки [2].

Основная цель введения ККТ в предпринимательской деятельности – учет поступлений и выдачи наличных денежных средств при совершении сделок для определения налоговой базы и размера налогового обязательства, подлежащего исполнению [7]. Поскольку налоговый орган занимается администрированием применения ККТ, то можно утверждать, что подобная форма контроля имеет направленность на повышение уровня прозрачности наличных расчетов, а значит, и на правильное определение налогового обязательства. Также необходимость применения контрольно-кассовой техники как особого учетно-налогового элемента, по мнению Изотова А.В., объясняется тем, что многим объектам налогообложения (прибыли, доходу, выручке и др.) свойственна протяженность во времени и в целях определения соответствующего показателя необходимо систематически вести учет совершаемых операций и периодически подводить итог [3].

Упомянутым выше законопроектом предложено включить положения о применении ККТ через фиксацию расчетов. Налоговый орган сможет отслеживать совершаемые расчеты (постоянный сбор, обобщение, систематизация и сбор информации о налогоплательщиках или иных лицах) налогоплательщиком (организациями и ИП) и выявлять совершенные для вида (мнимые) или осуществляемые для прикрытия (притворные) расчеты. Таким образом, при принятии данного законопроекта оперативный контроль может быть отнесен в сферу налогового контроля к внепроверочной форме, так как контроль за применением ККТ используется в проверке соблюдения требований законодательства о налогах и сборах по фиксации расчетов, в том числе полноте учета выручки.

В некоторых странах контроль за применением ККТ признается формой налогового контроля на уровне налогового законодательства. Например, применение контрольно-кассовых машин является видом налогового контроля, который закреплён в Гл. 19 Налогового кодекса Республики Казахстан [4]. Однако, некоторые ученые, в частности, Тютин Д.В. считает [11], что применение

ККТ не может быть формой налогового контроля, поскольку не регламентируется законодательством о налогах и сборах. Однако нельзя не согласиться с тем, что контроль за применением ККТ используется налоговым органом в определении налогового обязательства и тесно связан с внепроверочной формой налогового контроля.

Таким образом, оперативный контроль может стать разновидностью внепроверочной формой налогового контроля и использоваться в автоматизации определения и исчисления налоговой обязанности.

Подводя итог, можно отметить тенденцию на проведение предварительного анализа – внепроверочных форм налогового контроля в результате цифровизации налоговой сферы, направленную на уменьшение нагрузки на бизнес и издержек налоговых органов благодаря использованию информационных технологий, осуществляющих сбор налоговозначимой информации. Если раньше использовались только камеральная и выездная налоговые проверки, то в настоящее время предпочтение отдается внепроверочным формам налогового контроля, основанных на автоматизации процессов сбора данных без дополнительных материальных и трудовых затрат.

Однако анализируемые внепроверочные формы налогового контроля активно используются в проверке соблюдения налогового законодательства налогоплательщиками. Однако отсутствие правового регулирования в части допустимости использования такой формы налогового контроля налоговым органом, пределы осуществления такого контроля, возможности обжалования налогоплательщиком действий/мероприятий, проводимых в рамках внепроверочных форм налогового контроля, а также защита (сохранение конфиденциальности) данных снижает правовые гарантии налогоплательщика. Представляется важным определить перечень мероприятий, допустимых при осуществлении налоговыми органами внепроверочных форм налогового контроля с использованием информационных технологий для соблюдения прав налогоплательщика.

Список цитируемой литературы:

1. Василишина П.Ю. Развитие цифрового налогового контроля: возможности и пределы
2. Данилов С. Пугающие тренды в налоговых проверках компаний // Практическая бухгалтерия. 2021. № 6. С. 33 - 38.
3. Изотов А.В. Налоговые правоотношения в условиях цифровизации: современное состояние и перспективы развития: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.04 / Изотов Антон Владимирович; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»]. - Москва, 2021. - 283 с.
4. Кодекс Республики Казахстан О налогах и других обязательных платежах в бюджет [Электронный ресурс]. URL:https://online.zakon.kz/document/?doc_id=36148637 (дата обращения: 11.07.2020).
5. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. - М.: Юрид. лит., 1973. - 344 с.
6. Овчарова Е.В. Налоговый комплаенс в России: проблемы соотношения мер административного принуждения и стимулирования//Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019, № 1.
7. Определение КС РФ от 9 июня 2005 г. № 222-О// СПС «Консультант+»
8. Постановление КС РФ от 16.07.2004 № 14-П// СПС «Консультант»
9. Проект Федерального закона (доработанный текст) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства о применении контрольно-кассовой техники» (подготовлен Минфином России, ID проекта 02/04/07-20/00106012)
10. Сосновский С.А. Необходимость формализации предпроверочного анализа//Налоговед. Апрель, 2020. №5.
11. Тютин Д.В. Налоговое право: Курс лекций.2020// СПС «Консультант+»
12. Фальшина Н.А. Налоговый контроль как современный институт налогового права // Налоги-журнал. 2018. № 1. С. 25–29. С. 37–41.
13. ФНС планирует отменить декларации. URL: <http://izvestia.ru/news/636682> (дата обращения: 14.01.2022).

Сведения об авторе:

Василишина Полина Юрьевна – аспирант по направлению «Юриспруденция» Санкт-Петербургского государственного университета; p_vasilishina@mail.ru

Научный руководитель – Шевелева Наталья Александровна, профессор кафедры административного и финансового права, доктор юридических наук Санкт-Петербургского государственного университета.

Липич Д.В.
ДУХОВНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ
ВЗГЛЯДОВ Б.П. ВЫШЕСЛАВЦЕВА

***Аннотация:** в статье рассматриваются философско-правовые взгляды некоторых представителей русской философии права П.И.Новгородцева, оказавших идейное влияние на формирование теории права Б.П. Вышеславцева, блестящего юриста и философ, приложившего немало усилий для того, чтобы русская религиозно-философская мысль способствовала развитию правовой культуры в России, формировала государственно-правовые институты, способствовала анализу феномена права, корни которого находятся в духовной сфере.*

***Ключевые слова:** право, мораль, нравственность, философия права, религия, церковь, закон, норма, справедливость.*

Современный мир обнажает многие нерешенные проблемы прошлого своего развития. Усиливаются дискуссии в научном сообществе по актуальным проблемам, связанным с формированием и укреплением новой ценностной парадигмы, оказывающей влияние на процессы становления правового государства, формирования прав и свобод человека и гражданина. В этой связи особенно важным становится изучение собственной истории, традиций политической и правовой культуры. Конец XIX века и весь XX век характеризовались революционными изменениями, как в общественном развитии, так и в духовной жизни общества. Известно, что такого рода события влекут за собой насилие, всплеск преступности, разного рода ограничения проявления свободы личности, возможности достойного существования и реализации своих прав в обществе. Эти проблемы вполне осознанно становились в центре внимания русской религиозной философии, и прежде всего, развивающейся на ее основе русской философии права.

Одним из основателей самобытной философско-методологической интерпретации права, которая роднит его отчасти с другим русским религиозным философом В. Соловьевым, в этот период был П.И. Новгородцев, написавший труд «Лекции по истории философии права» [1, с.15-234], и чьи лекции с большим вниманием слушал Б.П. Вышеславцев на юридическом факультете Московского университета. Известно, что в 1902 году Вышеславцев начинает посещать кружок Новгородцева и с интересом знакомится с основными идеями своего учителя, прежде всего, по проблеме исследования философских оснований права. Сначала И. Кант и Ф.В. Гегель, а во время двухгодичной европейской стажировки в Марбурге П. Наторп и Г.Коген, оказали большое влияние на философские предпочтения Б.П.Вышеславцева. С 1906 года он начинает свою преподавательскую карьеру и концентрирует свой научный интерес на религиозно-философской, этической, социальной и правовой проблематике. Особое внимание в кружке П. Новгородцева уделялось философии права, нравственному обоснованию юридических норм. В частности, обращаясь к работе И. Канта «Критика практического разума», Новгородцев отмечает, что сущее и должное не совпадают, т.к. принадлежат разным мирам и сущностям.

В этом смысле П. Новгородцев подвергает критике позитивистские идеи рассмотрения только «сущего», выраженного в наличных формах существования, в частности, политической жизни, отсюда и критическое его отношение к социологии права. При этом глубинные проблемы, как ценности, идеал, нравственное обоснование государственных институтов снимались с рассмотрения. В своей работе «О задачах современной философии права» он формулирует истинную цель философии права, которая состоит в сохранении и необходимости бережливого отношения к нравственной основе права, утверждению его идеального значения и моральной основы [2, С.300-306]. П. Новгородцев и представители его школы С. Булгаков, Н. Бердяев, Б. Вышеславцев, Н. Коркунов, С. Франк, выступали за создание концепции правового государства, в основании которого лежат духовные ценности. Только такое государство могло ограничить частный произвол и обеспечить социальную справедливость, как незыблемую ценность. Все вышеназванные представители русской религиозно-философской мысли имели ряд общих черт понимания правового государства, характеризующихся поисками связи правового государства и Церкви. По этому вопросу они полемизировали с Л.Толстым, чью позицию «непротivления злу насилием» они не разделяли. Причем, Л. Толстой считал, что право всегда является безнравственным и порочным, и только самосовершенствование поможет построить идеальное общество И только В. Соловьев, а вслед за ним Новгородцев со своими учениками, выступили против этого тезиса, признавая нравственную ценность

права, правовых учреждений и их важной роли в моральном прогрессе общества. Отсюда нравственная задача права виделась ими в обуздании злых склонностей, в борьбе с произволом и стремление к всеобщему равенству и свободе. [3, С. 285-299]

Можно констатировать, что конец XIX века - начало XX века в России характеризовался особым вниманием к вопросам европейского и отечественного правосознания. В частности, особенно интересовали русских мыслителей идеи философско-юридической теории естественного права Руссо и Монтескье, для которых чисто теоретическая правовая проблематика приобретала реальный практический смысл. Хотя, необходимо отметить, что Новгородцев и представители его школы считали идеи Монтескье более востребованными в России, чем идеи Руссо, потому что они носили в большей степени абстрактный характер. Он писал: «Мы соединяем теперь с демократией представление о живом и быстром обмене, материальном и умственном, о ...сложной организации государственной машины. В противоположность этому можно сказать, что демократия Руссо – сельская, полужаснувшая идиллия, она проникнута каким-то земледельческо-кустарным сентиментализмом» [4. С.187].

Такой интерес был связан с социально-политической ситуацией в России, складывающейся в это время. Например, Л. Толстой выступал против принятия европейского опыта построения правовых основ государства. В свою очередь, Новгородцев в своей работе «Кризис современного правосознания. Введение» [5.С.328-339] отмечал, что выводы, сделанные великим писателем, в конечном счете, верны. Он отмечал, что та концепция правового государства, которая была принята в Европе, не отвечает реалиям российской действительности.

Основным вопросом для П. Новгородцева оставался вопрос о нравственных основаниях современного ему правового государства, которое в это время характеризовалось или как «неизбежное зло» (В.Соловьев), или как «холодное чудовище» (Ф. Ницше). Новгородцев считал, что нельзя видеть в государстве только негативные моменты, оно может и должно выполнять и позитивные функции, но в условиях кризиса правосознания государство не есть высший идеал нравственной жизни. Он отмечал, что государство может быть только подчиненным элементом, частью всех нравственных сил общества. В конечном итоге, он делает вывод, что любое правовое государство не может и не способно воплотить в себе все нравственные начала [6.С.339]. Он также обращал внимание на важность солидарного общества, т.к. в кризисные моменты роль правовых институтов нивелируется, а это в свою очередь ведет к обострению социальных, политических, духовных процессов в обществе. В отличие от установок старой юридической школы, П. Новгородцев и представители его школы выступали за права гражданина на достойное существование.

По вопросу о взаимодействии государства и Церкви П. Новгородцев исходил из общей установки русской философско-религиозной мысли: Церковь и воплощенный в ней общественный идеал, является целью развития истории, а право и государство выступают только ступенями на пути к ней. Другими словами, «высшим цветом культуры» является не правовое государство, основанное на религиозной идее, а Церковь, преобразующая человека.

Постепенно в полемике и дискуссиях в интеллектуальной среде рождалась новая правовая концепция. Многие идеи правового государства П. Новгородцева разделял и Е. Трубецкой, но он больше акцент делал на религиозно-философской составляющей своих правовых взглядов, стремясь соединить духовные ценности демократии и идеи добра и справедливости, имеющие для русской философской мысли особое значение. Он считал социальным идеалом демократию, которая не должна отрываться от духовных корней государственно-правовой жизни. Право, по мнению Е. Трубецкого, предшествует государству, даже может существовать вне государства и осуществляться без принуждения и насилия, т.к. в основе его понятие свободы. Исходя из этого, Е. Трубецкой делает вывод, что право представляет собой внешний атрибут свободы. Представляется интересным рассмотрение Е. Трубецким проблемы соотношения государства и Церкви. В этом вопросе он отчасти упрекает В. Соловьева за его утопичность, за то, что Соловьев приписывает государству функции Церкви. Трубецкой вполне справедливо считает, что т.к. государство основано на насилии, оно не может быть войти в Царство Божие. В полемике с Соловьевым он развивает учение о правовом государстве, которое может быть в исторической перспективе только ступенью в Царство Божие.[7. С.554].

В противоположность Е. Трубецкому, П. Новгородцеву С. Булгаков особо обращает внимание на современное ему состояние государственно-правовой мысли. Он отмечает во многих христианских и нехристианских государствах процесс секуляризации власти, благодаря чему, по его мнению, проясняется механизм действия современного государственного права. Справедливо отмечает Алонцева Д.В. в своей диссертации «Государственно-правовые взгляды С.Н. Булгакова» мысль о том, что у Булгакова власть приобретает религиозную иррациональную окраску: «Основной

отношения Бога к миру выступает абсолютная власть Творца, его всемогущество. Своей властью Бог создает религиозную норму иерархического построения мира в виде властеотношений, «град земной». [8]. Проблема взаимоотношения государства, права и церкви С. Булгаковым связывалась, в конечном итоге, с идеей внутреннего преобразования государства на основе христианства.

Не менее интересно отвечает на вопрос, каким должно быть право и правовое государство, С.Л. Франк в ряде своих работ. Он выделяет как необходимую и законную теорию «естественного права». Он отмечает, что «естественное право» включает в себя совокупность нормирующих начал, которые помогают человеку, обладающему одновременно и греховностью, и святостью, соблюдать некий баланс и уважение к человеческой личности.

Таким образом, рассмотрев идеи некоторых представителей философии права школы П. Новгородцева, можно констатировать, что общий идейно-теоретический дискурс эпохи конца XIX начала XX вв. способствовал формированию определенных взглядов Б. Вышеславцева, отражающих, с одной стороны, уважительное отношение к праву, а с другой стороны, развитие либерально-демократического правосознания и культуры российского общества. В частности, в учении о естественном праве и естественном законе, он рассматривает закон, как неписанный, или закон, который «написан в сердцах». Он его еще называет «божественный закон», который лежит в основании, и он написан в сердцах людей, в совести человека.

Следовательно, как отмечает А.Кобченко, в своих рассуждениях о роли и назначении закона, Вышеславцев подходит к его религиозно-метафизическим, аксиологическим основаниям в общественной регуляции [9]. При этом, закон имеет двойственный характер, т.к. в нем антиномии божественного и небожественного, главного и неглавного, ценного и неценного и т.д. Самое ценное предназначение права, по мнению Вышеславцева, это борьба со злом. Человек ищет спасения в праве, государстве, но это не приносит ему счастье, необходимо справедливо устроить человечество на принципах христианской этики, что будет способствовать искоренению греха.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что русская религиозно-философская мысль способствовала развитию правовой культуры в России, формировала государственно-правовые институты, способствовала анализу феномена права, корни которого находятся в духовной сфере. На таком интеллектуальном и духовно-мировоззренческом фоне шло формирование теории права Б.П. Вышеславцева, продолжателя традиций русской философии права.

Список цитируемой литературы:

1. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права // П.И. Новгородцев. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 15-234.
2. Новгородцев П.И. О задачах современной философии права // П.И. Новгородцев. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 300-306.
3. Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева // П.И. Новгородцев. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 285-299.
4. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права: Учения нового времени. ХУІ-ХІХ вв.//П.И. Новгородцев. М.: 1914. С.187
5. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. Введение // П.И. Новгородцев. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 328-339.
6. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. Введение // П.И. Новгородцев. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 339.
7. Трубецкой Е. Н. Мирозерцание В.С. Соловьева. // Е.Н, Трубецкой. М., 1995. собр. соч. в 2-х т.т. Т.1 С.554..
8. Алонцева Д.В. Государственно-правовые взгляды С.Н. Булгакова. автореф. канд. юрид. наук. – Курск, 2013// <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvenno-pravovye-vzglyady-sn-bulgakova>
9. Кобченко А.А. «Закон» и «Благодать» в концепции Вышеславцева В.П. как принципы общей регуляции жизни человека и общества //А.А. Кобченко/ CREDO NEW теоретический журнал. 2004. № 4. - Режим доступа: http://www.orenburg.ru/culture/credo/04_2004/3.html

Сведения об авторе:

Липич Дмитрий Васильевич – аспирант юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; lipich@bsu.edu.ru

Научный руководитель – Тонков Е.Е. д.ю.н, профессор, директор Юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Мальцева А.М.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ

***Аннотация:** в настоящей статье исследуется развитие представлений о конституционном праве на судебную защиту, начиная с конца XIX – начала XX вв. по настоящее время. Используя сравнительно-исторический и диалектический методы научного исследования, автор приходит к выводу о наличии исторически обусловленных закономерностей развития и преемственности взглядов о праве на судебную защиту.*

***Ключевые слова:** конституционные права, право на судебную защиту, право на иск, естественные права.*

Право на судебную защиту является одним из основных, всеобщих и неотчуждаемых конституционных прав человека и гражданина, признаваемых Конституцией РФ, принятой всенародным голосованием в 1993. Считается, что его формальное закрепление является одним из либерально-демократических достижений, краеугольным камнем в становлении России как правового государства.

Вместе с тем, еще в начале XX века русский правовед В.М. Гессен, ссылаясь на работы немецких юристов того времени, относил право на судебную защиту к числу основных конституционных прав, проистекающих из естественных прав [4, с. 12 (подстрочная сноска 1)] при том, что к тому времени Россия не обладала конституцией как таковой. Эта точка зрения перекликается с выводами немецкого юриста, государствоведа Г. Еллинека о том, что договорная теория породила прямое законодательное признание «прав свободы требованием правового государства и осуществлением этого требования путем судебной гарантии всей правовой сферы индивида, в том числе и его публичных прав» [10, С. 137].

Данная мысль проходит «красной нитью» в судебной практике отечественных высших судов уже в новейшее время. Так, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 21.01.2010 г. № 1-П, российская правовая система основана на принципе верховенства права, поэтому «право каждого на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод» [17]. При этом конституционное регулирование права на судебную защиту «исходит из того, что судебная защита является важнейшим институтом гарантирования прав, свобод и законных интересов личности и одновременно содержательной характеристикой конституционного правопорядка, основанного на верховенстве права».

Также Конституционный Суд неоднократно подчеркивал, что право на судебную защиту является неотчуждаемым; лишение гражданина возможности прибегнуть к судебной защите для отстаивания своих прав и свобод противоречит конституционному принципу охраны достоинства личности (ст. 21 Конституции Российской Федерации), из которого вытекает, что личность в ее взаимоотношениях с государством рассматривается как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами (ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации) [19; 20]. Право на судебную защиту не подлежит ограничению даже при условиях чрезвычайного положения, ибо это ни при каких обстоятельствах не может быть обусловлено необходимостью достижения признаваемых Конституцией Российской Федерации целей - защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [18; 21].

В свою очередь, Верховный Суд РФ отмечал, что реализация права на судебную защиту «должна определять смысл, содержание и применение законов (верховенство права)» [14].

В этой связи также примечательно, что в отечественной правовой литературе более чем столетней давности догматическим является тезис о том, что всякое субъективное право должно иметь защиту, то есть может быть осуществлено принудительно через обращение в суд. Это явным образом перекликается с современным утверждением о том, что право на судебную защиту является конституционно-правовой гарантией осуществления прав человека и гражданина. Тем удивительно, что выводы, сделанные более чем 100 лет назад в условиях кардинально изменившегося политического и общественного строя, и законодательства не теряют своей актуальности и поныне.

Вместе с тем, изучая право на судебную защиту, дореволюционные правоведы не масштабируют его до уровня конституционного права – напротив, как правило, исследовали его

в сугубо отраслевом значении через частные формы проявления, такие как «право на иск» в гражданском процессе, «право на защиту» в уголовном процессе. Примечательно, что такая обособленность сохранилась и в советском праве, при том, что оно по идеологическим причинам во многом дистанцировалось от дореволюционной правовой традиции. И тем более примечательно то, что уже советский процессуалист К.С. Юдельсон критиковал укрепившиеся в советском праве представления о праве на судебную защиту как материальном праве, поскольку они «отрывали гражданский и уголовный процесс друг от друга», что «приводило их к взаимной изоляции и различному решению аналогичных вопросов» [23, с. 40]. Однако, как известно, причина тому кроется за пределами советской правовой традиции.

Представляется удивительным то, что несмотря на произошедшую с приходом советской власти переоценку роли «советского суда» как авангарда насаждения сначала «революционной», а потом и «социалистической законности», можно наблюдать и определенную идейную преемственность в вопросах теории права на судебную защиту – от работ дореволюционных авторов к советским исследованиям (что, например, прослеживается в работах В.М. Гордона [5, с. 2-3, 12-13; 6, с. 1-5]). Примечательная данная Б.В. Поповым характеристика взглядов знаменитого русского и советского правоведа В.М. Гордона: «... Эта *слишком тонкая* юриспруденция ... к нашему [советскому – прим А.М.] гражданскому процессу неприменима в силу общего упрощения советского судопроизводства» [16, с. 103-104].

Причем даже в научных работах авторов - сторонников «материальной» теории права на иск (например, А.Ф. Клеймана [7, с. 114; 12, с. 154-155], М.А. Гурвича), резко отрицавших наличие самостоятельного субъективного публичного права на судебную защиту, все же можно встретить термин «право на судебную защиту» - например, в утверждениях А.Ф. Клеймана, что право на принесение кассационной жалобы составляет право на судебную защиту и является «элементарнейшим основным законом гражданского общества» [11, с. 99]. Так, М.А. Гурвич писал: «Теория советского гражданского права, в котором законное гражданское правомочие не может мыслиться вне защиты его со стороны государства, вне возможности его принудительного осуществления, не нуждается в искусственной конструкции права на иск как особого публично-правового притязания к государству на внесение благоприятного решения. Ни в научно-познавательном отношении, ни с точки зрения непосредственных практических потребностей эта теория в условиях советского права не способна что-либо дать и потому должна быть отвергнута» [9, с. 89]. Однако в это же время М.А. Гурвич использует в своих рассуждениях термин «право, соответствующее общей функции государства по правосудию», которую он характеризовал как представленную гражданам возможность «пользоваться правосудием» [8, с. 46], что, по сути, является ничем иным, как правом на судебную защиту в абстрактном смысле!

В этой связи заслуживает внимание высказанная Г.Л. Осокиной критика позиции М.А. Гурвича и других придерживавшихся ее советских правоведов о том, что возможность прибегнуть к силе государственного принуждения является обязательным элементом (составной частью) субъективного материального права. Необходимость включения в структуру субъективного права правомочия на его защиту, на чем настаивали М.А. Гурвич и иные исследователи, мотивировалось высказыванием В.И. Ленина, которое, по мнению Г.Л. Осокиной, было вырвано из контекста и «вряд ли может служить аргументом в споре по вопросу о соотношении субъективного права и права на его защиту» [15, с. 27-28, 33-34]. Этот заочный спор советских ученых наглядно показывает несостоятельность и фактологическую зыбкость любых попыток обоснования правовой позиции, и, более того, - выстраивания теорий с опорой не на юридическую доктрину и практику, а лишь на политико-идеологические представления отдельно взятых «авторитетов» (в данном случае – идеологов марксизма-ленинизма), что, в конечном итоге, сводится к подысканию подходящей («удобной») цитаты, причем не всегда учитывая ее истинный смысл.

Далее отметим, что начиная с 60-70-х годов XX века, на фоне смягчения политического режима в работах советских ученых можно обнаружить постепенную смену воззрений относительно права на судебную защиту, характеризующуюся отказом от рассмотрения права как сугубо материального права, с последующим отделением права на судебную защиту от права на иск и его изучения не только в фокусе гражданского процесса. Осознание того факта, что право на судебную защиту является всеобщим подтолкнуло М.К. Воробьева [3, с. 108, 112] и М.А. Викута [2, с. 52 и далее] высказаться в пользу закрепления права на судебную защиту в советской конституции, что и стало реальностью с принятием Конституции СССР 1977 года, содержащей, как указывает Л.А. Ванеева – впервые [1, с. 9], упоминание о праве граждан СССР «на

судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество» (ч. 2 ст. 57), в научной советской научной литературе появилась характеристика права на судебную защиту как конституционного права, имеющегося у каждого гражданина СССР [22, с. 5-6], при этом иностранные граждане и лица без гражданства, проживающие на территории СССР, имели формально одинаковые права на судебную защиту с советскими гражданами, что в целом соотносится с положениями действующей Конституции РФ.

Подводя итог вышеизложенному, следует признать, что современное представление о праве на судебную защиту во-многом базируется на выводах советских ученых-правоведов, которые, в свою очередь, частично использовали наработки дореволюционных ученых о «праве на иск» оказались востребованы советской правовой наукой и были в последующем развиты. Это наглядным образом свидетельствует о необходимости всестороннего изучения и анализа правовой традиции и накопленного опыта, полученного в разные исторические эпохи, не взирая на политические, социально-экономические и идеологические различия. Принятие собственной истории такой, какая она есть, без изъятий и искажений является неотъемлемым условием укрепления российской государственности и развития права.

Список цитируемой литературы:

1. Ванеева Л.А. Реализация конституционного права граждан СССР на судебную защиту в гражданском судопроизводстве. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1988. – 151 с.
2. Вукот М.А. Иск как элемент права на судебную защиту по гражданским делам, его юридическая природа и обоснование // Вопросы теории и практики гражданского процесса. – Саратов, 1976. – С. 47-62.
3. Воробьев М.К. Право на судебную защиту по гражданским делам // Проблемы правоведения (Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы Новосибирского факультета). – Новосибирск, 1967. – С. 88-114.
4. Гессен В.М. Основы конституционного права. – Петроград: издание Юридического книжного склада «ПРАВО», 1917. – 439 с.
5. Гордон В.М. Отсутствие права на иск. – Харьков: типография «Печатник», 1912. – 16 с.
6. Гордон В.М. Право судебной защиты по Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР // Вестник Советской Юстиции. 1924. № 1. С. 1-5.
7. Гражданский процесс / А.Ф. Клейнман, С.Н. Абрамов, В.П. Чапурский, В.Г. Гранберг, З.И. Шкундин; под ред. Клейнмана А.Ф. – М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1940. – 352 с.
8. Гурвич М.А. Право на иск. – М.: Академия наук СССР, 1949. – 216 с.
9. Гурвич М.А. Теория «конкретного права на иск» // Методические материалы / Все-союзный юридический заочный институт. – М., 1948. – [Выпуск] 2. – С. 79-89.
10. Еллинек Г. Право современного государства. Том I: Общее учение о государстве / [Сочинение] д-ра Георга Еллинека, профессора Гейдельбергского университета; Перевод под редакцией приват-доцентов С.-Петербургского университета В.М. Гессена и Л.В. Шалланда. – СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1903. – 532 с.
11. Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права (Очерки по истории). – М.: Изд-во Московского ун-та, 1967. – 119 с.
12. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1954. – 408 с.
13. Маклаков В.А. Гражданская ответственность за действия войск во время восстания // Вестник гражданского права. - 1913. - № 2 (фев.). – С. 128-134.
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 сент. 2017 г. № 307-АД17-6188 по делу № А56-5983/2016 // СПС КонсультантПлюс.
15. Осокина Г.Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск). – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1990. – 160 с.
16. Попов Б.В. Проф. В.М. Гордон, как процессуалист // Вестник Советской Юстиции. 1926. № 3. С. 102-105.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 6. Ст. 699.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 апреля 1998 г. № 13-П по делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия // Собрание законодательства РФ. 1998. № 19. Ст. 2142;

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан // Собрание законодательства РФ. 1998. № 28. Ст. 3393.

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ст. 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна // Собрание законодательства РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.

21. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности правоприменительной практики, связанной с судебным порядком рассмотрения споров о предоставлении жилых помещений; о проверке конституционности административного порядка выселения граждан из самоуправно занятых жилых помещений с санкции прокурора; о проверке конституционности отказа в возбуждении уголовного дела от 5 февраля 1993 г. № 2-П // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 12. Ст. 445.

22. Советский гражданский процесс / М.Г. Авдюков, С.А. Иванова, Д.Д. Аверин, С.В. Аносова [и др.], под. ред. А.А. Добровольского. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. – 367 с.

23. Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. – М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1951. – 295 с.

Сведения об авторе:

Мальцева Анастасия Михайловна - аспирант Сибирского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; nastiab5@mail.ru

Научный руководитель – Кальяк А.М., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Сибирского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Насиров Э.З.

МИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

***Аннотация:** В данной статье рассматривается понятие интеграции, ее становление и развитие в Европе. В основе интеграции стоит другое очень важное понятие – миграция, которая существенным образом отражается на внутренней и внешней политике любого государства и Европейского Союза.*

***Ключевые слова:** иностранные граждане, европейская интеграция, становление и развитие, Европейский Союз, внутренняя и внешняя политика.*

Развитие, консолидация и трансформация европейской государственной системы сыграли ключевую роль в структурировании миграции в Европу. Это было очевидно в период найма гастарбайтеров и постколониальной миграции, последовавшей за Второй мировой войной и после окончания холодной войны. Ключевыми отличиями с 1989 года стали, во-первых, расширение миграции до такой степени, что все двадцать семь государств-членов ЕС отправляли, принимали или являлись транзитными странами (обычно это сочетание всех трех), и, во-вторых, возросшая ответственность ЕС за миграцию и предоставление убежища. Можно сказать, что это привело к геополитическому расширению миграции и пространственной реконструкции поли-

тических мер реагирования. Таким образом, если изменятся пограничные отношения внутри европейских государств и между ними, то это обязательно повлияет на эти процессы осмысления. Следовательно, анализ и изучение изменений в значении, практике и местоположении границ Европы в результате европейской интеграции могут помочь продемонстрировать значение международной миграции в Европе XXI века [1].

Европейские государства стали ненужными, устаревшими или неуместными, а скорее в том, что значение и практика государственной власти в Европе изменились и европейская интеграция является неотъемлемым элементом этих изменений. Следовательно, хотя контроль численности населения на государственных границах обязательно занимает центральное место в анализе международной миграции, европейская интеграция также меняет значение и расположение границ и поднимает вопросы о территории, территориальности и контроле численности населения. Выражаясь языком суверенитета, можно сказать, что европейская интеграция в настоящее время затрагивает пограничный контроль как одно из видов использования суверенной власти, а другое - как внешнее признание, окончательное право принимать решения и способность исключать нежелательные властные структуры. Нарушение суверенитета не ново: что было поставлено под сомнение, так это то, в какой степени государственный суверенитет остается основополагающим принципом организации территории. Территория тесно связана с суверенитетом через контроль ограниченного пространства, которое может быть использовано для замены личных отношений, между контролируемым и контролирующим, отношениями между людьми и законом места [2].

ЕС также связывает внутреннюю и международную политику с миграцией, расположенной вдоль того, что один из учёных – правоведов Джеймс Н. Розенау называет «внутренней/внешней границей», где, по его словам, «международная система менее властна, но все еще сильна. Состояния меняются, но они не исчезают. Государственный суверенитет был подорван, но он все еще энергично утверждается. Правительства слабее, но они все еще могут оказывать влияние. В определенное время публика более требовательна, но в другое время она более податлива. Границы по-прежнему не пропускают злоумышленников, но в другое время они более проницаемы». Розенау характеризует внутреннюю/внешнюю границу как арену, где внутренние и внешние проблемы «сходятся, переплетаются или иным образом становятся неразличимыми в бесшовной сети». Это понимание особенно актуально из-за того, что способы реагирования на международную миграцию обязательно связаны как с внутренней, так и с международной политикой, или, как выразилась Барбара Шмиттер Хейслер, должны пониматься как социальные, так и международные проблемы, связанные между собой на этих уровнях. Тем не менее, в то же время международная миграция является примером того, как границы как точки, отделяющие одно государство от другого, долгое время выполняли роль управления противоречиями и напряженностью международной системы, поскольку они просеивают население и решают, кто может въезжать на территорию конкретного государства и на каком основании. Р.Б.Дж. Уокер, таким образом, рассматривает границы как «опасные грани — различия между нами и ними — которые составляют наши сферы внутреннего комфорта и внешнего бедствия».

Европейская интеграция означает, что суверенитет (или его использование) изменился или был «восстановлен», как выразился ученый Кристофер Анселл, а не то, что он «закончился», потому что он одновременно удаляет, переопределяет и создает новые границы. Что касается высылки, интеграция единого рынка позволила людям более свободно перемещаться в пределах ЕС, в то время как Шенгенское соглашение разрешило беспаспортные поездки между государствами – участниками [3]. С точки зрения переопределения, свободное передвижение не было бесплатным для всех: Государства-члены ЕС приняли коллективные меры по созданию новых форумов для регулирования международной миграции. В плане создания новых границ также произошли важные события. Выявляется напряженность между удалением границ, наращиванием границ и сдвигом границ по мере того, как ЕС стремится к интеграции на едином рынке, разрабатывает политику в области миграции и предоставления убежища и расширяет свое членство.

Наращивание границ можно рассматривать как аналог подходов к миграции в ЕС, которые подчеркивают секьюритизацию как в дискурсивном аспекте, так и в практике агентств безопасности и специалистов по безопасности. Нарастивание границ было определено Марком Перселлом и Джозефом Невинсом как «сложные взаимобмены между государственными субъектами и группами граждан, которые вызвали ряд глубоких опасений по поводу этнокультурной, социально-экономической и биофизической безопасности нации, все из которых по своей сути

являются географическими, учитывая их неразрывную связь с определенной территорией. Таким образом, укрепление границ было территориальной стратегией для достижения этой безопасности и устранения этих опасений». Нарастание границ занимает центральное место в «пограничных играх», очевидных на границе Мексики и США, и, как выразился Уэйн Корнелиус, в «смерти на границе», поскольку некоторые мигранты теряют свои жизни, пытаясь пересечь международные границы неравенства, такие как между Соединенными Штатами и Мексикой и между Европой и ее южными соседями. Милитаризация греко-албанской границы или испано-марокканской границы может напоминать о «пограничных играх», разыгрываемых на американско-мексиканской границе, как и других границах, которые отделяют относительное процветание от высокого уровня лишений[4].

Контекст ЕС отличается тем, что это уникальная наднациональная организация, которая обладает полномочиями превращать договоры, согласованные между государствами, в законы, которые связывают эти государства, или, как выразились Уэйн Сандхольц и Алек Стоун-Свит, институционализировать конституционные рамки, предусмотренные договорами, согласованными в международном публичном праве между государствами-участниками (даже в отсутствие единого документа, официально обозначенного как «Конституция», правовая система ЕС имеет конституционные особенности). Еще одно различие между Европой и Северной Америкой заключается в том, что ЕС участвует в значительном проекте по сдвигу границ. С 2004 года членский состав расширился с пятнадцати до двадцати семи государств-членов, и другие страны стоят в очереди, включая Турцию. Это помогло придать действиям ЕС тщательно проанализированный «внешний» аспект. Внешний аспект миграционной политики теперь сам по себе является новым. Государства уже давно стремятся влиять на миграционные потоки, как это было показано в Соединенных Штатах еще в восемнадцатом веке. Совсем недавно Австралия искала «мирное решение» проблемы предоставления убежища. Что является новым в контексте ЕС, так это попытка действовать через уникальную наднациональную организацию, объединяющую двадцать семь государств с законодательными полномочиями и рядом других «более мягких» инструментов управления, имеющихся в ее распоряжении, чтобы влиять на миграционную политику в государствах, не являющихся членами ЕС. Сдвиг границ придает реальный резонанс значению и практике границ, территории, территориального управления и контроля над населением в современном ЕС.

Дебаты об интеграции иммигрантов были в основном сосредоточены на национальных моделях. Бурные перекрестные потоки дебатов по всей Европе об интеграции мигрантов обеспечивают как основу для дискуссий в ЕС, так и для идей, которые оказали большое влияние на формирование этих дебатов. С 2000 года было достигнуто соглашение о директивах ЕС, касающихся борьбы с дискриминацией, воссоединения семей и прав долгосрочных резидентов в контексте того, что Европейская комиссия теперь называет «Общей повесткой дня для интеграции» и бюджетными рамками на 2015-2020 годы, которые выделяют 825 миллионов евро в «Фонд интеграции». Кроме того, было введено то, что на языке ЕС, известны как новые методы управления с акцентом на изучение уроков и обмен передовым опытом, например, путем создания Национальных контактных пунктов по вопросам интеграции (обычно из министерств внутренних дел), которые регулярно встречаются, и публикации Руководства по интеграции для политиков и практиков.

Разработка ответа ЕС на интеграцию иммигрантов представляет собой пример соперничества между эпистемами, мобилизованными различными группами участников, когда они пытаются придать смысл дискуссиям ЕС о правах иностранцев. Groenendijk предлагает три правовые концепции иностранца или гражданина третьей страны (TCN) на уровне ЕС: равное обращение, гражданство и способность к интеграции. Первая из этих «рамок» наиболее четко вытекает из законов ЕС о недискриминации по признаку национальности и пола и из директивы 1976 года о равном обращении. Это было особенно очевидно в антидискриминационном законодательстве, введенном в 2000 году, однако, по инициативе государств-членов был предпринят шаг в направлении третьей «рамки» с акцентом на предполагаемый интеграционный потенциал. Это было видно из записки делегаций Австрии, Нидерландов и Германии в Рабочей группе Совета ЕС, рассматривающей предложения комиссии по директиве, касающейся статуса долгосрочных резидентов. План состоял в том, что долгосрочным резидентам будут предоставлены права, эквивалентные правам граждан ЕС, после пяти лет законного проживания. В документе Австрии, Нидерландов и Германии подчеркивается важность с их точки зрения условий интеграции, с тем чтобы «всестороннее участие ТСН могло поощряться осуществлением политики интеграции».

Аналогичные опасения были очевидны во время переговоров по директиве о воссоединении семей. Опять же, ЕС вторгался в вопросы, которые занимали центральное место в политике миграции, особенно в политике, основанной на правах, определенной Холлифилдом. Директива о праве на воссоединение семьи была согласована после трехлетнего периода переговоров и после трех различных предложений комиссии. В ходе переговорного процесса произошел отход от более либеральных первоначальных предложений комиссии к более сильному акценту на интеграцию мигрантов и их семей. В статье 4.1 указывается, что государства-члены должны разрешать въезд и проживание иждивенцам, не состоящим в браке, детям младше возраста согласия в государстве-члене, в которое они переезжают. Существует отступление, которое позволяет государствам-членам требовать, чтобы дети старше двенадцати лет, которые прибывают независимо от остальных членов своей семьи, могли быть обязаны выполнять условия интеграции, установленные национальным законодательством страны, в которую они переезжают. В статье 4.6 оговаривается отступление, согласно которому государства-члены могут потребовать, чтобы заявления о воссоединении семьи для несовершеннолетних детей подавались до достижения ими пятнадцатилетнего возраста. В статье 8 говорится, что государства-члены могут потребовать, чтобы спонсор проживал на законных основаниях в течение двух лет до того, как к нему или к ней присоединятся члены семьи. Затем существует отступление, которое позволяет государству-члену учитывать свою «способность принимать» и продлевать период ожидания до трех лет. Парламент добивался отмены директивы, поскольку было сочтено, что она нарушает международные стандарты в области прав семьи, но Европейский суд отклонил запрос парламента на том основании, что, хотя государства-члены должны учитывать интересы ребенка, рамки основных прав не создают индивидуального права для членов семьи на въезд на территорию государства-члена. Таким образом, государства-члены имеют право на «определенную свободу усмотрения» при рассмотрении заявлений о воссоединении семей. Аналогичным образом, суд постановил, что государства-члены по-прежнему будут обязаны рассматривать просьбы детей старше пятнадцати лет с учетом интересов ребенка и в целях содействия семейной жизни. Требование об условиях «интеграции» рассматривалось как законный фактор, который следует принимать во внимание, но не как основа для системы КВОТ или трехлетнего периода ожидания, устанавливаемого без учета конкретных обстоятельств конкретных дел [5].

Эти события имеют большое значение в том смысле, что в настоящее время созданы компетенции ЕС по вопросам, которые непосредственно связаны с интеграцией мигрантов. В то же время необходимо изучить содержание этих мер. Мы видим напряженность между удалением границ и связанными с этим правовыми и общественно-политическими ресурсами, а также давлением в целях укрепления границ.

Список цитируемой литературы:

1. Миграция во взаимосвязанном мире: новые направления деятельности : докл. Глобал. комис. по междунар. миграции, окт. 2015 г. - М. : Оргсервис-2000, 2016. - 90 с.
2. Миграции населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа / О.Л. Рыбаковский. - М. : Экон-Информ, 2018. - 287 с
3. Миграция и урбанизация в экономическом развитии// Экономика народонаселения : учебник: [по экон. специальностям / В. А. Ионцев, И. А. Алешковский, А. П. Судоплатов и др.] ; под ред. В. А. Ионцева. - М. : ИНФРА-М, 2017. – С. 432 – 490.
4. Миграционные процессы и проблемы адаптации : [сб. ст.] / Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского ; отв. ред. В. В. Константинов. - Пенза : Изд-во ПГПУ, 2019. - 183 с.
5. Рязанцев С. В., Пуга Мария Долорес Методика оценки этнических характеристик демографических и миграционных процессов в Испании и России // Актуальные проблемы глобальной экономики: материалы XI научной конференции молодых ученых экономического факультета, 23 апр. 2017 г. / [отв. ред. И.Н. Белова]. - Москва : Экон-Информ, 2017. – С. 17–21.

Сведения об авторе:

Насиров Эмин Забил оглы – аспирант кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»; nasirov-96@mail.ru

Научный руководитель – Давыдова М.Л., доктор юридических наук, профессор заведующий кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет».

Рассолов В.Ю., Бакирова Д.М.
К ВОПРОСУ ОБЪЕКТИВАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКТА

***Аннотация:** В данной статье выявляется соответствие между реальными жизненными обстоятельствами как явлениями объективного мира и юридическими фактами как элементами правовой действительности. Обращается внимание на проблему частого несовпадения этих двух явлений. При этом делается вывод о том, что они могут разграничиваться по моменту их появления, что в значительной части обусловлено необходимостью обязательной фиксации юридического факта в определенном законом процессуальном порядке.*

***Ключевые слова:** юридический факт, действие права, реализация права, механизм правового регулирования, фиксация юридического факта, удостоверение факта, регистрация факта.*

Упорядоченное состояние общественных отношений, отражающих процесс планомерного поступательного развития общества, является результатом действия социальных регуляторов (обычая, традиции, нормы морали, нравственности, а также права). Доминирующим средством регулирования выступает именно право, которое может восприниматься как существующее явление только при условии, что оказывает реальное воздействие на участников общественных отношений.

Связующим звеном между правом как системой общеобязательных, формально определенных правил поведения и реально (физически) существующими взаимоотношениями в обществе выступают юридические факты. Их совокупность образно характеризуется как «нервные окончания (рецепторы)», с помощью которых право оказывает регулирующее и охранительное воздействие на общественные отношения [9, с. 394]. Совокупность теоретических положений относительно сущности юридического факта, его разновидностей, места в системе правовых понятий и иных аспектов функционирования в правовой действительности образует соответствующую правовую теорию.

Юридический факт как правовая категория отражает связь физической реальности с нормативно опосредующим ее правом. Юридические факты являются разновидностью фактов социальных, вследствие чего их следует рассматривать как реально существующие жизненные обстоятельства. Свершившийся факт вне зависимости от того является ли он событием, действием или состоянием приобретает свою относительную автономность от сознания и воли человека. В силу этого в литературе иногда говорится о том, что юридические факты существуют сами по себе вне зависимости от права [12, с. 8-9]. Полагаем, такая трактовка не вполне корректна, поскольку особенностью юридического факта как факта социального является его обязательная фиксация в правовой норме как основании возникновения правовых последствий. Именно это отличает юридический факт от иных обстоятельств социальной реальности.

Наличие такой связи выступает в качестве видового признака юридического факта. Он обретает свои свойства не в силу проявления каких-либо внутренних характеристик, а только в силу признания его таковым со стороны законодателя, в широком смысле – со стороны государства, которое придает юридическое значение таким явлениям, которые составляют наиболее значимые характеристики социальной действительности. «Связь эта и составляет сущность, главное свойство юридических фактов, необходимую базовую предпосылку их существования» [1, с. 67].

Иными словами, социальное обстоятельство, действительно, существует объективно вне зависимости от человека, но проявить себя как факт юридический может только в сочетании с правовой нормой, в которой он предусмотрен как обязательная фактическая предпосылка динамики правоотношения.

В аспекте рассматриваемой проблемы важным является определение характера связи юридического факта и порождаемыми им правовыми последствиями. Критически значимым является то обстоятельство, что она не может рассматриваться как объективно существующая причинно-следственная связь. По мнению В.Б. Исакова она представляет собой особую разновидность социальной причинности. Специфика проявляется в том, что она предопределена человеческим усмотрением, охрана которого возложена на право [6, с. 16-17]. Ю.В. Ячменев учитывая, что категория «юридический факт» отражает взаимодействие событий социальной жизни с правом, отмечает наличие в ней как объективных, так и субъективных аспектов [17, с. 76]. П.А. Вершинин называет такую связь «нормативно-логической», поскольку она «обусловлена структурой правовых норм и закреплена ими» [4, с. 10]. С таким подходом солидарен И.В. Кутюхин, который говорит о некорректности квалификации рассматриваемой связи как причинно-следственной в силу

того, что «ее характер сконструирован, определен законодателем». Именно поэтому автор обозначает ее как «заданную» или «запрограммированную причинно-следственную» [8, с. 41]. Такую характеристику, полагаем, вполне справедливой, поскольку она учитывает субъективность усмотрения законодателя в определении сущности правовых последствий, причиной которых является соответствующий юридический факт.

Сказанное предопределяет одно весьма важное обстоятельство, которое существенным образом влияет на возможность квалификации реального фактического обстоятельства в качестве юридического факта. Момент возникновения социального факта как явления физической реальности вполне может не совпадать с моментом его квалификации как факта юридического. Соответственно этому правовые последствия данного факта проявятся только тогда, когда это будет санкционировано соответствующей правовой нормой.

Правовое действие предусмотренного законом обстоятельства начинается еще на этапе его нормативного закрепления и до момента его появления в реальной действительности. Само указание на определенное обстоятельство как основание к позитивным или негативным правовым последствиям стимулирует человека к такому поведению, которое с точки зрения законодателя рассматривается как социально полезное. С этих позиций можно говорить о выполнении стимулирующей функции или функции предварительного влияния права. По словам В.Б. Исакова «предварительное (через юридические факты) действие правовых норм представляет собой фундаментальное явление правовой действительности, требующее комплексного юридического, социологического, психологического изучения» [6, с. 60-61].

Рассматривая юридические факты в их восприятии как явлений объективной реальности, думается, основания для утверждения о действии на данном этапе непосредственно юридических фактов отсутствуют.

Во-первых, в указанный период времени существует лишь образ (или модель) юридического факта, который сформулирован в своих основных признаках в тексте нормативного акта. Таким образом, факт как явление физической материи отсутствует и, вследствие этого, нет оснований говорить о возникновении присущих ему юридически значимых последствий.

Во-вторых, по справедливому замечанию Е.Ю. Цукановой, стимулирующее (воспитательное) воздействие оказывает правовая норма в целом, а не отдельные ее части (в нашем случае ее гипотеза как совокупность обстоятельств, с наличием которых связывается реализация диспозиции или санкции) [13, с. 49]. Считаем это правильным, тем более, с учетом того, что стимулирующее или превентивное значение права относится к «выходящей за пределы правового регулирования части воздействия права, осуществляемого не специально юридическими, а общесоциальными, присущими всем надстроечным элементам приемами и средствами» [2, с. 143].

С учетом того, что нормативное закрепление фактического обстоятельства в его функциональной роли как основания наступления правовых последствий еще не образует юридического факта, актуализируется проблема его объективации как явления правовой действительности. Если перевести данную тему исключительно в практическую плоскость, то вопрос будет звучать следующим образом: с какого времени фактическое реально существующее обстоятельство будет рассматриваться как юридический факт?

С одной стороны, ответ, казалось бы, очевиден. Его появление в реальной действительности и является тем моментом, когда факт начинает проявлять себя как юридический, то есть производить соответствующие правовые последствия. Вместе с тем, с другой стороны, логические построения и взаимодействия элементов правовой действительности могут существенно отличаться от того, как это происходит в сфере физической реальности.

В праве можно обнаружить многочисленные примеры того, что правовые последствия какого-либо обстоятельства возникают не в момент его объективации как реально существующего явления или процесса, а только в предусмотренный законом период времени. Наиболее наглядным примером сказанного является положение ст. 219 Гражданского кодекса РФ, согласно которому «право собственности на здания, сооружения и другое вновь создаваемое недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, возникает с момента такой регистрации».

В настоящее время существуют различные позиции в отношении понимания сущности юридического факта. К примеру, Е.Ю. Цуканова на основе систематизации воззрений различных ученых выделяет три подхода к определению правовой природы юридического факта: материалистический (юридический факт как конкретное реальное жизненное обстоятельство), идеалистический (юридический факт как образ реальной действительности, закрепленный в тексте правовой

нормы) и материально-идеалистический (двойственный, понимание юридического факта в единстве его двух вышеуказанных составляющих) [14, с. 744-746]. Наиболее распространенным подходом является первый (условно названный материалистическим), в соответствии с которым под юридическим фактом понимается само реальное событие или действие, которое, будучи предусмотренным в правовой норме, влечет за собой определенные правовые последствия.

Факты объективной реальности возникают и существуют объективно, зачастую даже никак не связаны с жизнедеятельностью человека. Придание таким фактам юридического значения возможно только после их попадания в сферу государственно-правовой действительности, которая «образует особую правовую надстройку над экономическим базисом, оказывая на последний обратное воздействие» [16, с. 73]. Последнее возможно только после их осознания со стороны соответствующих субъектов. Именно в этот момент происходит первичная фиксация факта, которая в последующем в целях более устойчивого существования и возможности беспрепятственного использования фиксируется на иных носителях. Таким образом, юридический факт становится таковым только после его встраивания в систему государственно-правовых явлений.

В научной литературе нередко встречается суждение о том, что одним из признаков юридического факта является его обязательная фиксация в определенной предусмотренной законом процедурно-процессуальной форме. В этом отношении, действительно, можно согласиться с тем, что в качестве юридических не могут рассматриваться факты, которые не нашли своей объективированной формы выражения. Мысли, чувства и иные явления, которые составляют сферу внутренней духовной жизни человека не могут иметь правового значения. Последнее способно выразиться только при объективированном внешнем проявлении определенного фактического обстоятельства. В частности, К.А. Бобылев отмечает, что факт способен иметь правовое значение только в том случае, если он «надлежащим образом оформлен и удостоверен в виде документа, записи и т.п.» [3, с. 50].

Иногда вопросу надлежащей фиксации юридического факта придается значение обязательного признака и вследствие этого данное обстоятельство включается в определение юридического факта. Так, И.К. Воронин полагает, что факт становится юридическим только после соответствующей государственной регистрации. Именно последнее придает факту «статус» юридического. В этой связи указанным обстоятельством предлагается конкретизировать определение юридических фактов. В частности, под ними И.К. Воронин предлагает понимать «многообразие природных событий и действий людей, а также порожденных ими состояний, которые фиксируются и признаются государством правовыми, вследствие чего возникают, изменяются и прекращаются субъективные права, юридические обязанности, юридическая ответственность и полномочия» [5, с. 373].

Исследуя вопрос о моменте появления юридического факта как явления правовой действительности, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. В правовой науке в достаточной мере распространена позиция о том, что к числу юридических фактов следует относить некоторые обстоятельства, в отношении которых существует неопределенность в вопросе об их существовании. Более того, в соответствующем качестве расцениваются такие явления, по поводу которых точно известно об их отсутствии [10, с. 361; 7, с. 52]. Первые в теории права именуется правовыми презумпциями, вторые – фикциями.

Если оспаривать указанную точку зрения, то придется признать, что правовые последствия явились результатом действия не юридических фактов, а правовых сущностей иного рода. Это влечет за собой необходимость пересмотра фундаментальных основ правовой теории, что вряд ли на данный момент целесообразно. Вследствие этого следует признать, что объективация юридического факта как обстоятельства правовой действительности далеко не всегда совпадает с моментом появления соответствующего объекта в физической реальности.

Факт становится юридическим в тот момент, который заранее определен законодателем, поскольку именно он способен оказывать преобразующее воздействие на правовую действительность. Любое явление жизненной реальности расценивается в качестве факта только при условии его восприятия со стороны познающего субъекта. В.А. Штофф по этому поводу писал, что «факт есть не просто событие или явление, не просто какой-то фрагмент действительности, а такие события, явления, процессы и вообще любые стороны объективного мира, которые вошли в сферу познавательной деятельности человека, сделались объектом его научного интереса и оказались зафиксированными с помощью наблюдения и эксперимента» [15, с. 142].

В этом отношении абсолютно прав В.Н. Синюков, когда пишет о том, что «важной чертой, характеризующей юридический факт, выступает несовпадение его с самим реальным явлением»

[11, С. 115.]. В абсолютном большинстве случаев разница во времени их объективации обусловлена необходимостью фиксации факта в определенном законом процессуальном порядке. Вследствие этого является важным четкое определение момента, с которого факт начнет проявлять себя в качестве юридического. Полагаем, это является одним из наиболее важных направлений в развитии теории юридических фактов на современном этапе.

Список цитируемой литературы:

1. Аюева Е.И. Некоторые аспекты категории юридического факта // Правоведение. – 1985. – № 4. – С. 67-71.
2. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов : СГАП, 2001. – 416 с.
3. Бобылев К.А. Юридические факты в правовой действительности // Евразийская адвокатура. 2015. № 5 (18). С. 49-50.
4. Вершинин П.А. Субординация категорий «юридический факт» и «правоотношение» // Методологические проблемы теории юридических фактов. Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 1988. – С.9-11.
5. Воронин И.К. Государственная регистрация юридических фактов как общеправовое явление / И. К. Воронин // Общественные науки. – 2017. – № 3. – С. 370-381.
6. Исаков В.Б. Юридические факты в российском праве. Учебное пособие. – М.: Юрид. Дом "Юстицинформ", 1998. – 48 с.
7. Краснов Ю.К. Юридические факты в механизме правового регулирования: от генезиса до «спускового крючка» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – №1 (68). – С. 48-53.
8. Кутюхин И.В. О связи юридического факта и правоотношения // Ленинградский юридический журнал. – 2006. – № 2(6). – С. 38-41.
9. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – 5-е изд. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 528 с.
10. Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Маркет ДС, 2007. – 640 с.
11. Синюков В.Н. О понятии юридического факта в общей теории права // Актуальные проблемы социалистического государства и права, законности и правопорядка: Межвузовский научный сборник. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1986. – С. 107-121.
12. Тарасова В.А. Юридические факты в области пенсионного обеспечения – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 108 с.
13. Цуканова Е.Ю. Значение юридических фактов в системе правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 1(36). – С. 39-51.
14. Цуканова Е.Ю. Современные подходы к пониманию природы юридического факта как общетеоретической правовой категории // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. – 2018. – Т. 43, № 4. – С. 743-749.
15. Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. – М.: Высшая школа, 1978. – 269 с.
16. Явич Л.С. Сущность права: Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1985. – 207 с.
17. Ячменев Ю. В. Доктрина юридических фактов: проблемы отраслевого (цивилистического) подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 1. – С. 75-80.

Сведения об авторах:

Рассолов Василий Юрьевич – аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического института НИУ «БелГУ», 958387@bsu.edu.ru

Бакирова Диана Максимовна – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического института НИУ «БелГУ», bkrv.d@icloud.com

Хрони Н. Н.
РОЛЬ ФЕНОМЕНА «ПРИОРИТЕТНАЯ
ОБЯЗАННОСТЬ» В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Аннотация.** В статье автором предпринята попытка провести исследование феномена «приоритетная обязанность» в ракурсе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определить основные функциональные характеристики, в том числе, обусловленные взаимосвязью с юридической конструкцией «специальный правовой статус». На примере деятельности органов внутренних дел устанавливается значение приоритетной обязанности для преодоления имеющихся негативных тенденций в обществе, вызовов и угроз, связанных с реализацией общенациональных приоритетов в области безопасности.*

***Ключевые слова:** «юридическая обязанность», «приоритетная обязанность», «права человека», «специальный правовой статус», «безопасность».*

На заседании Совета безопасности Российской Федерации В. В. Путин обозначил, что важнейшие общенациональные приоритеты – это прежде всего сбережение народа России, укрепление здоровья и улучшение качества жизни наших граждан, охрана традиционных духовно-нравственных ценностей, устойчивое экономическое развитие и забота об окружающей среде [3].

Одно из ключевых направлений реализации обозначенных приоритетов непосредственно связано с деятельностью правоохранительных органов и конкретно полиции. Обеспечение безопасности, в том числе охрана правопорядка, снижение уровня преступности (в особенности посягающих на личность – убийств, тяжких телесных повреждений и т.д.), предупреждение и профилактика суицидов, обеспечение транспортной безопасности (уменьшение общей аварийности и смертности при дорожно-транспортных происшествиях) составляют часть кластера, где деградация перечисленных показателей способствует сбережению народа.

По статистике, смерть от старости наступает только в 6,5% случаев. От различных причин, не связанных с болезнями и возрастом - 8,5%, из них 1,5 % - несчастные случаи, в дорожно-транспортных происшествиях - 0,6%. В цифровом эквиваленте это значительные показатели. В 2020 году, в результате дорожно-транспортных происшествий скончалось 15202 человека. Из них около 7,5 тысяч погибли в автокатастрофах, было сбито 5000 пешеходов, оставшиеся 2702 человека – водители мотоциклов, мопедов, велосипедов, электросамокатов и гироскутеров [9].

Обозначив данную проблематику, хотелось бы отметить, что предназначение полиции это – защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности [10]. Реализация вышеперечисленного происходит через непосредственное исполнение разноплановых, объемных по содержанию обязанностей. Однако не все юридические должностные в одинаковой степени важны для общества и государства. Полагаем уместным выделить среди многообразия юридических обязанностей «приоритетные».

Обращаясь к лексическому значению самого слова «приоритет» (от латинского *prior* – первый, старший) необходимо обратить внимание на его неоднозначность. В словаре С.И. Ожегова «приоритет» определяется как первенство по времени в открытии, изобретении чего-нибудь, вообще первенствующее положение [4, с.483]. В философском словаре это – преобладающее, первенствующее значение чего-либо [5]. Согласно словарю русского языка слову приоритет соответствуют синонимы: главный, старший, преобладающий, наиболее важный, самый значимый [8].

Таким образом, понятие приоритет в самом общем виде используется для обозначения важности, преобладания, характеризует события, которые должны произойти первыми по времени, стать наиболее значимыми.

Исходя из вышеизложенного предположим, что приоритетные обязанности предусматривают первостепенные, безотлагательные действия субъекта, наделенного специальным правовым статусом, по реализации и обеспечению высших ценностей – жизни, прав и свобод человека.

Перечислим некоторые характеристики приоритетной обязанности:

- абсолютность, выражающаяся в определенных действиях субъекта, которые регламентируются законодателем;
- непреложность, данный вид не предусматривает добровольного отказа от выполнения, либо делегирования исполнения, как например при почётной обязанности;
- важность, как на государственном уровне, так и лично для субъекта;

- аксиологическая направленность, поскольку преследуется достижение справедливости, устранение допущенных нарушений прав; обеспечение высших ценностей общества (жизнь, свобода человека и др.);

- социально чувствительный характер, факты неисполнения, способствуют снижению доверия со стороны граждан к государственной власти.

При определении приоритетной обязанности особое значение приобретают последствия, предусматриваемые в случаях их неисполнения, или не должного исполнения. В отношении обязанного лица устанавливаются соответствующие санкции со стороны государства, вплоть до лишения специального правового статуса, в нашем случае – это увольнение из органов внутренних дел. Кроме того, восстановление в прежнем статусе не предполагается.

Согласно вышеизложенному наблюдается зависимость между специальным правовым статусом субъекта и приоритетной обязанностью. В этой связи определим место приоритетной обязанности в структуре правового статуса личности.

Нами поддерживается мнение ученых, придерживающихся широкой трактовки правового статуса человека. Это позволяет наиболее полно отразить достигнутый уровень развития общества, а также ясно осознать и четко охарактеризовать данную категорию. Так, например, Н.В. Витрук дополняет состав правового статуса таким элементом как законные интересы [2, с. 224], профессор А.Г. Репьев включает в состав правовые преимущества [7, с. 151].

С учетом имеющихся точек зрения, попробуем предложить определение правового статуса личности. Полагаем, что *правовой статус личности – это юридическая конструкция, включающая в себя взаимосвязанные самостоятельные правовые явления, отражающие положение личности в правовом пространстве, обеспечиваемое и гарантируемое со стороны государства, зафиксированное в законодательстве*. Дополним предлагаемый А.Г. Репьевым состав правового статуса личности [6, с. 133-134], включив в конструкцию приоритетную обязанность. Таким образом, она будет содержать следующие элементы:

- права;
- законные интересы;
- обязанности, в том числе приоритетные;
- ограничения;
- запреты;
- ответственность;
- правовые преимущества.

Полагаем, что приоритетные обязанности составляют подэлемент структуры правового статуса, который выделяется от остальных своим резонансным значением для общества и государства при его исполнении субъектом. Поясним свою позицию.

Серьезный негатив вызывают должностные злоупотребления, факты коррупции и иные нарушения, которые непосредственно являются неисполнением, либо недолжным исполнением обязанностей. Это связано с тем, что сотрудники полиции обладают правами в форме государственно-властных полномочий, которые изначально предполагают наличие больших возможностей по сравнению с иными категориями граждан для оказания влияния на регулирование общественных отношений, что, как следствие, влечет повышенную ответственность и возрастание требований со стороны общества по исполнению обязанностей сотрудниками правопорядка. Конечно, речь идет в большей степени о служебных правах, в соответствии с разделением, которое предлагает в своей работе профессор Д.Н. Бахрах. Он подразделяет права соответственно на служебные, в том числе общеслужебные (их имеет каждый сотрудник для исполнения должностных обязанностей) и должностные права, а также личные права [1, с. 39-41]. Личные права, конечно, также имеют значение и косвенно обеспечивают эффективную деятельность сотрудников полиции (материальное, жилищное обеспечение и др.), но незаконное получение таких прав, в такой же мере вызывает негативную реакцию у населения.

Обратим внимание, на то, что законодательно обязанности сотрудников полиции закреплены в нескольких правовых актах. Например, обязанности сотрудников перечисляются в федеральных законах «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 12 «Основные обязанности сотрудника органов внутренних дел», ст. 14 «Ограничения, обязанности и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел») [11] и «О полиции» (ст. 12 «Обязанности полиции», ст. 27 «Основные обязанности сотрудника полиции») [10]. Кроме того, обязанности за-

крепляются и на уровне подзаконных актов, в том числе ведомственных приказах. В определенной степени это способствует возникновению вопросов к логическим построениям и юридической технике закрепления правового положения сотрудников, к выстраиванию иерархии исполнения обязанностей, выявлению приоритетов.

В то же время уровень исполнения именно «приоритетных обязанностей» является показателем удовлетворения потребностей и интересов общества, а факты их неисполнения способствуют снижению доверия со стороны граждан к государственной власти. Особенно острой проблема становится при столкновении с вопросами обеспечения безопасности населения.

На современном этапе государственный сектор, понимая проблематику взаимоотношений в обществе, претерпевает значительные изменения, модернизируется. Требования общества возрастают, на первый план выдвигаются результативность, скорость и качество оказываемых услуг, в том числе и в правовом секторе. Граждане активно участвуют в обсуждении проектов законов, комментируют происшествия, дают оценку при проведении соцопросов. В этой совокупности факторов и условий, законодательные изменения, понимание исполнителями своих приоритетных обязанностей, должны способствовать смене устаревшего, бюрократического, закрытого мышления.

Список цитируемой литературы:

1. Бахрах Д.Н. Государственная служба России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 152 с.
2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. – 448 с.
3. Заседание Совета безопасности от 27 сентября 2021 года [Электронный ресурс]. – режим доступа URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66777> (дата обращения 30.11.2021).
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М. 2017. 735 с.
5. Приоритет. Философский словарь. [электронный ресурс] – режим доступа URL: https://gufo.me/dict/philosophy_dict (дата обращения 28.11.2021).
6. Репьев А.Г. Преимущества в праве и законодательстве: монография/ под ред. Докт. Юрид. наук, проф. И.Н. Сенякина. М.: Юрлитинформ, 2020. 392 с.
7. Репьев А.Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: дис ... докт. юрид. наук. Саратов, 2020. 529 с.
8. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. Т. 2: О-Я/ АН СССР. Ин-т рус.языка; ред. Т.Н. Половцева, М.Н. Судоплатова; сост. Л.П. Алекторова, С.Л. Баженова, Г.П. Галаванова и др. – Л. :Наука, 1971. – 854 с.
9. Статистика смертности населения 2020-2021 год в России, по данным Росстата. [Электронный ресурс]. – режим доступа URL: <https://aae.su/statistika-smertnosti-naseleniya.html> (дата обращения 30.11.2021).
10. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс]. – режим доступа URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32615> (дата обращения 30.11.2021).
11. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ "О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – режим доступа URL: <https://base.garant.ru/1219245/> (дата обращения 30.11.2021).

Сведения об авторе:

Хрони Наталья Николаевна - адъюнкт 3-го факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров «Академия управления МВД России» (г. Москва); N.Khroni@bk.ru

Научный руководитель - Репьев А. Г., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Федорова А.С.
**РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

***Аннотация:** в статье на основе анализа норм действующего законодательства, выявленных проблем правового и организационного характера, практики сформулирован вывод о роли органов прокуратуры в обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних.*

***Ключевые слова:** информационная безопасность, прокурор, несовершеннолетние, защита прав и интересов, меры реагирования*

Наше государство признает детство важным этапом жизни человека и исходит из закрепленных в международных и российских источниках права принципов, согласно которым интересы несовершеннолетних и их защита имеют первостепенное значение. В этой связи с учетом возрастающей роли информационной сферы обеспечение прав несовершеннолетних на информационную безопасность требует приоритетной защиты.

О необходимости охраны прав и законных интересов несовершеннолетних, пресечения и предупреждения нарушений прав детей, в том числе на информационную безопасность неоднократно указывали в своих выступлениях Президент Российской Федерации [1], а также Генеральный прокурор Российской Федерации [2]. При этом, несмотря на, казалось бы, достаточный уровень правовой регламентации, практика осуществления надзора в сфере оборота информации и как следствие защиты прав несовершеннолетних на данном направлении сопряжена с рядом проблем, одна из которых, безусловно связана с возрастающей активностью распространения вредоносной информации посредством сети «Интернет», которая сегодня не только средство развлечения, но и общения, а также развития, так как с появлением новой коронавирусной инфекции COVID-19, дети стали получать образование в дистанционном формате. Кроме того, сеть «Интернет» — это один из главных источников вовлечения детей в преступную среду. Так, например, зимой 2021 года в сети «Интернет» наблюдалось массовое привлечение несовершеннолетних лиц на несанкционированные митинги, о чем в ходе общественных слушаний «Профилактика вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в социальных сетях» сообщалось главой управления контроля и надзора в сфере электронных коммуникаций Роскомнадзора Е. Зайцевым.

Также острым является вопрос склонения несовершеннолетних к самоубийствам при помощи соответствующих публикаций в «социальных сетях». При этом довольно часто призывы к суициду, которые встречаются в сети «Интернет», являются скрытыми – это вовлечение детей в так называемые «группы смерти», где несовершеннолетних умело подталкивают к «последнему шагу». Не снижаются риски получения детьми травм и их гибели в результате увлечения ружингом и зацепингом, идеи которых в большинстве своем распространяются именно в информационно-телекоммуникационной сети.

Необходимо отметить, что не исключены нарушения прав несовершеннолетних на информационную безопасность и в таких областях оборота информационной продукции, как: печатная продукция, аудиовизуальная продукция на любых видах носителях (наиболее распространены японские анимационные фильмы, пропагандирующие самоубийства), зрелищные мероприятия, СМИ.

В этой связи, с учетом требований п. 2 ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [5], возрастает роль органов прокуратуры, которая заключается в защите прав несовершеннолетних, в том числе права на защиту от информации, способной нанести вред их здоровью, репутации, нравственному и духовному развитию.

Вместе с тем, в перечень субъектов осуществляющих защиту прав несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, прокурор до настоящего времени не включен. Так, согласно ст. 20 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [4] государственный надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, осуществляют в пределах своей компетенции федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, в том числе электронных, и массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий федеральный государственный надзор в области защиты прав потребителей, и федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере образования и науки. Такое положение, на наш взгляд, является упущением со стороны законодателя, которое на практике влечет за

собой ряд правовых коллизий, в связи, с чем имеется необходимость закрепления статуса прокурора в Федеральном законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», в качестве одного из субъектов защиты прав детей в данной сфере.

Применительно к ведомственным актам в соответствии с п. 1.2. приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» [7] на прокуроров возлагается обязанность проведения ежедневного мониторинга соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних, в том числе с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечив незамедлительное реагирование на все ставшие известными факты нарушения прав и законных интересов детей.

Также на органы прокуратуры возлагается обязанность осуществления системного надзора за исполнением законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, путем ограничения в установленном порядке доступа к такой информации и привлечения виновных в ее распространении лиц к предусмотренной законом ответственности.

Кроме того, не менее важным аспектом деятельности органов прокуратуры в изучаемой сфере правоотношений является предупреждение правонарушений.

Необходимо отметить, что термин «мониторинг» указан в приказе Генерального прокурора Российской Федерации применительно к деятельности прокуроров, осуществляющих надзор за исполнением законом и соблюдением прав несовершеннолетних, впервые. При этом представляется, что данный термин подразумевает под собой дистанционное наблюдение на постоянной основе за состоянием законности в рассматриваемой сфере правоотношений, а также анализ (оценку) такого состояния с целью предотвращения возможных нарушений прав и интересов несовершеннолетних. В свою очередь надзор, одной из составляющих которого, на наш взгляд, и является мониторинг, предполагает не только наблюдение, но и в том числе вмешательство в процесс, путем применения актов реагирования в случае выявления предполагаемого или совершенного нарушения закона.

Как уже было отмечено состояние законности в рассматриваемой сфере вызывает опасения и, несмотря на предпринимаемые меры, многочисленные нарушения прав несовершеннолетних на информационную безопасность продолжают устанавливаться [3, с. 104], равно как и бездействие со стороны контролирующих органов.

Рассмотрим направления деятельности органов прокуратуры по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних.

В ходе проведения проверок прокурорами продолжают повсеместно выявляться нарушения прав несовершеннолетних на информационную безопасность, в связи, с чем возникает необходимость в принятии мер прокурорского реагирования. Чаще всего при выявлении фактов нарушения прав несовершеннолетних в сфере информационной безопасности прокурорами в качестве меры реагирования вносятся представления об устранении нарушений закона. Например, прокурорами г. Москвы и Иркутской области, после получения информации о самоубийстве несовершеннолетних, с которыми уполномоченными органами и лицами, несмотря на наличие у таковых сведений о прохождении детьми лечения в психиатрических клиниках, не проводилась индивидуальная профилактическая работа, были внесены представления в адрес ответственных учреждений, по результатам, рассмотрения которых виновные лица привлечены к дисциплинарной ответственности и приняты меры, способствующие устранению причин и условий правонарушений [8].

С распространением новой коронавирусной инфекции и перевода учащихся на дистанционный формат обучения с использованием технических средств передачи информации, участились случаи применения прокурорами такой меры реагирования как протест, в соответствии со ст. 23 Федерального закона от 17.01.1992 №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [5]. В частности в некоторых регионах (Алтайский край, Омская и Тульская области) путем принесения протестов прокуроры добились отмены норм положений о дистанционном обучении семи образовательных учреждений, обязывавших детей иметь дома персональный компьютер с возможностью воспроизведения звука и видео, стабильный канал подключения к сети «Интернет», программное обеспечение для безопасного доступа к удаленным серверам с учебной информацией и рабочими материалами [6].

Исходя из сведений о надзорной деятельности органов прокуратуры Псковской области, размещенных на официальном сайте, прокурорами выносятся постановления о привлечении виновных лиц к административной ответственности по ст. 6.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [9].

Помимо прочего при наличии оснований в порядке ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) при обнаружении признаков преступления прокурор выносит мотивированное постановление о направлении материалов в следственный орган. Так, СУ СК РФ по Новгородской области на основе материалов прокурорской проверки по факту суицидов среди несовершеннолетних возбуждено и расследуется уголовное дело по ч.1 ст. 293 Уголовного кодекса Российской Федерации [8].

В качестве меры, направленной на предотвращение нарушения закона, прокурорами согласно ст.25.1 Федерального закона от 17.01.1992 №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» используется такой акт прокурорского реагирования как предостережение. Так, прокуратурой Варненского района в ходе проверки в МОУ «СОШ № 2» было установлено, что образовательной организацией нарушаются требования законодательства в части ограничения доступа к запрещенным материалам. По итогам проверки прокурором района директору школы объявлено предостережение о недопустимости нарушения законодательства и принятии дополнительных мер в указанной сфере [11].

При этом особое внимание прокуроров сосредоточено на распространении противоправной информации в сети «Интернет», так как радикальные идеи, имеющие место в глобальной сети на сегодняшний день как отмечалось ранее, вызывают наибольшее опасение. По результатам проверок прокуроры обращаются в суд с административными исковыми заявлениями о запрете распространения вредоносной информации в порядке ст. 39 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [10].

Безусловно, после предоставления Генеральной прокуратуре РФ права внесудебного блокирования информационных ресурсов экстремистского характера работа по противодействию этому явлению стала более эффективной, однако, на наш взгляд, имеется необходимость в расширении полномочий прокурора на данном направлении. В частности, в целях более оперативного реагирования на нарушения, полагаем возможным предоставить прокурорам субъектов Российской Федерации право обращения в Роскомнадзор для внесудебного закрытия доступа к сведениям об организации массовых беспорядков, незаконных публичных акций, то есть блокировки сайтов, пропагандирующих и публично оправдывающих экстремизм и терроризм.

Целесообразным полагаем было бы и возложение на прокуроров обязанности по осуществлению не реже одного раза в квартал работы по правовому просвещению субъектов защиты прав детей на информационную безопасность путем информирования о мерах по противодействию нарушениям в сфере информационной безопасности несовершеннолетних размещения информации в сети «Интернет», выступлений прокуроров по телевидению и на радио.

При этом можно констатировать, что по сравнению с иными органами (Роспотребнадзор, Роскомнадзор и т.д.), осуществляющими защиту прав несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, вышеприведенными полномочиями, в том числе на применение актов таких как: представление, протест, предостережение, постановление в порядке ст. 37 УПК РФ наделен исключительно прокурор. Данное обстоятельство свидетельствует также о том, что именно органы прокуратуры обладают уникальной возможностью реагировать на нарушения в любой области оборота информационной продукции и на любом этапе таких нарушений.

Между тем в организации надзорной деятельности прокурора за соблюдением прав несовершеннолетних на информационную безопасность имеется ряд проблем. В соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 надзор осуществляют территориальные, специализированные (за исключением природоохранных), военные прокуратуры, при этом возникает вопрос о разграничении их компетенций. Не разрешенными остаются вопросы об объеме полномочий территориальных и специализированных прокуратур в рассматриваемой сфере; о том, какой орган прокуратуры должен реагировать на нарушение закона о защите детей от вредоносной информации при размещении соответствующей информации в вагонах метро, другими словами, имеется ли связь между местом распространения вредоносной для несовершеннолетних информации и полномочиями специализированных прокуратур.

Также одна из проблем заключается в оценке в ходе проведения прокурорских проверок характера информации и ее способности негативным образом оказать влияние на несовершеннолетних, в связи, с чем обоснованно возникает вопрос: имеется ли необходимость в привлечении специалиста? Притом, что в большинстве регионов нашей страны лица, которые обладают специальными познаниями в рассматриваемой сфере и наделены полномочиями на проведение соответствующей экспертизы, отсутствуют.

Таким образом, учитывая приоритетность защиты прав детей на информационную безопасность, значительное число нарушений, о которых говорилось выше, можно сделать вывод, что органы прокуратуры Российской Федерации играют уникальную роль в обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних, однако на эффективность работы прокуроров негативно влияет ряд проблем как правового, так и организационного характера, требующих разрешения.

Список цитируемой литературы:

1. Выступление В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта 2021 года [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65165> (дата обращения: 05.01.2022).
2. Доклад И. В. Краснова на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта 2021 года [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=59741739> (дата обращения: 05.01.2022).
3. Ережипалиев Д.И. Защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, мерами прокурорского надзора // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017 № 1 (27). С. 103-107.
4. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федер. закон от 29.12.2010 №436-ФЗ : в ред. Федер. закона от 01.07.2021 № 264-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17.01.1992 №124-ФЗ : в ред. Федер. закона от 01.07.2021 № 265-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О соблюдении прав обучающихся на получение образования в дистанционном формате: Письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 29.12.2020 № 21/1-06-2020.
7. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов [Электронный ресурс] : приказ Генерального прокурора РФ от 13.12.2021 № 744. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства об оказании социально-психологической помощи несовершеннолетним, о профилактике их самоубийств: Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28.01.2021 № 21/1-12д-2021.
9. Официальный сайт Прокуратуры Псковской области, материал «За нарушения законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, виновные лица оштрафованы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_60/mass-media/news/archive?item=27185619 (дата обращения 05.01.2022).
10. Официальный сайт Прокуратуры Санкт-Петербурга, материал «По заявлениям прокуратуры информация, причиняющая вред детям, признана запрещенной к распространению на территории Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/mass-media/news?item=58052637 (дата обращения 05.01.2022).
11. Официальный сайт Прокуратуры Челябинской области, материал «Прокурорами приняты меры по защите несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/mass-media/news?item=56023648 (дата обращения 05.01.2022).

Сведения об авторе:

Федорова Анастасия Сергеевна – соискатель Санкт-Петербургского юридического института (филиала) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Научный руководитель – Головкин И.И., кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции, декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Юлдашева Е. А.
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА

Аннотация: *Формирование стратегии социального развития города является действенным инструментом государственного стратегического управления, направленным на реализацию стратегических целей Республики.*

Ключевые слова: *государственное управление, государственное стратегическое управление, инструменты стратегического планирования стратегия развития.*

Для эффективного функционирования механизма государственного управления социального развития как современного инструмента стратегического планирования на данном этапе становления Донецкой Народной Республики катастрофически недостаточно структурообразующих элементов по ряду причин: в Республике отсутствует основной закон о стратегическом планировании; нет эффективных инструментов для мониторинга и контроля за реализацией документов стратегического планирования (в частности действующих республиканских программ); несовершенен механизм реализации документов стратегического планирования.

Система стратегического планирования в Донецкой Народной Республике далека от совершенства, но некоторые основополагающие элементы на данном этапе используются в полном объеме. Для реализации приоритетов и целей в долгосрочной перспективе, как это определено Проектом Закона «О системе стратегического планирования в Донецкой Народной Республике» [1], должна действовать Стратегия социально-экономического развития ДНР, разрабатываемая на основе актов Главы и Правительства ДНР с учетом прогнозов социально-экономического развития, научно-технологического и инновационного развития, а также юджетного прогноза Республики. Эта стратегия должна содержать систему приоритетов, целей и задач государственного управления, направленных на обеспечение социально-экономического развития и безопасности ДНР, и выступить базовым документом в системе стратегического планирования. Она лежит в основе формирования Стратегии социально-экономического развития административно-территориальных единиц (рис. 1).

С целью обеспечения социального благополучия граждан за счет стабилизации, восстановления и модернизации экономики региона были приняты важные для Донбасса документы стратегического планирования – Программы социально-экономического развития Донецкой и Луганской Народных Республик на 2022–2024 годы. При этом, главными направлениями Программ являются развитие экономики и создание комфортных условий жизни для каждого гражданина Донецкой и Луганской Народных Республик.

Рис. 1. Система стратегического планирования административно-территориальных единиц

Реализация Программ социально-экономического развития позволит достичь ряда социальных показателей, в частности [2]:

– увеличить *среднюю заработную плату* в целом по экономике в 2,3 раза до 35 тыс. руб. и повысить среднюю пенсию в 1,3 раза до 13,8 тыс. руб.; средняя заработная плата бюджетников достигнет 29 тыс. рублей;

– создать 70 000 *новых рабочих мест* в Республиках благодаря реализации комплексных мер поддержки предпринимательской среды;

– восстановить порядка 1 000 многоквартирных домов и 240 *объектов социальной сферы*, поврежденных в результате обстрелов со стороны ВФУ;

– сократить *уровень потери воды* в сетях в два раза, что позволит в Донецкой Народной Республике обеспечить более стабильную подачу воды населению, в Луганской Народной Республике – отказаться от покупки воды со стороны Украины и ликвидировать подачу воды по графику, а также сократить уровень потери тепловой энергии – до 10,9 %;

– удельный вес *республиканских дорог*, соответствующих нормативно-эксплуатационному состоянию, вырастет до 30 % в Донецкой Народной Республике и до 46 % в Луганской Народной Республике, а дорог районного и городского значения – до 56 % в Донецкой Народной Республике и до 45 % в Луганской Народной Республике.

Также в планах введение программы выдачи жилищных сертификатов с 2022 года – по 142 сертификата ежегодно.

Таким образом, мероприятия Программ затрагивают все сферы жизнедеятельности граждан.

Правительством Республики был разработан следующий инструмент государственного стратегического управления – План социально-экономического развития Донецкой Народной Республики на 2022–2024 годы

На основе передового опыта стратегического планирования субъектов Российской Федерации были и с учетом административно-территориального устройства Донецкой Народной Республики разработаны Методические рекомендации по формированию Стратегии социального развития административно-территориальной единицы, которые могут быть использованы как для разработки отдельного документа, так и разделом Стратегии социально-экономического развития административно-территориальной единицы.

Стратегия разрабатывается с учетом приоритетов, целей, задач и приоритетных направлений социально-экономического развития Донецкой Народной Республики, определенных в Стратегии социально-экономического развития Донецкой Народной Республики и иных документах стратегического планирования.

При разработке Стратегии необходимо учитывать результаты реализации стратегических документов административно-территориальной единицы, действующих в предшествующем разработке Стратегии периоде.

Определение целей и задач социально-экономического развития административно-территориальной единицы осуществляется на основании результатов проведенного SWOT-анализа, который позволяет выявить сильные и слабые стороны административно-территориальной единицы, а также угрозы и возможности для развития административно-территориальной единицы.

В Стратегии определяются конкурентные преимущества и специализация административно-территориальной единицы с учетом потенциала, проблем и перспектив развития основных отраслевых комплексов, представленных или предполагаемых к размещению на территории административно-территориальной единицы. В Стратегии определяются перспективы инновационного, инвестиционного, пространственного развития административно-территориальной единицы, развитие человеческого капитала, муниципального управления, с учетом приоритетов, обозначенных в Стратегии социально-экономического развития Донецкой Народной Республики.

Структура Стратегии должна содержать основные разделы и дополнительные (рекомендуемые) разделы. Общий объем Стратегии не должен превышать 100 страниц (включая приложения).

Рекомендуются следующие основные разделы структуры Стратегии.

Раздел 1. Оценка достигнутых целей и задач социального развития административно-территориальной единицы и текущего уровня социальной составляющей конкурентоспособности административно-территориальной единицы.

В данном разделе приводится оценка результатов достижения показателей социального развития административно-территориальной единицы, установленных в документах планирования социально-экономического развития (Стратегии, программы социально-экономического развития и др.), действующие в период, предшествующий разработке Стратегии.

Делаются выводы о причинах, ограничениях и факторах, как внутренних, так и внешних, повлиявших на сложившиеся значения показателей социального развития административно-территориальной единицы. Кроме того, в данном разделе приводится анализ социального развития, его социальной составляющей конкурентоспособности, а также отражается описание сильных и слабых сторон, возможностей и угроз социального развития административно-территориальной единицы.

Анализ текущего состояния социального развития и выявление ключевых проблем административно-территориальной единицы проводится по следующим направлениям: демография и миграция; рынок труда и занятость; уровень и качество жизни населения; здравоохранение; образование; культура; физическая культура и спорт; жилищная сфера; молодежная политика.

Оценка социальной составляющей конкурентоспособности административно-территориальной единицы основывается на анализе системы социальных индикаторов, характеризующих экономическую активность населения и реальные доходы населения.

Раздел 2. Стратегическая цель, цели, задачи социального развития административно-территориальной единицы.

В данном разделе, на основании анализа ситуации социального развития административно-территориальной единицы, формулируются стратегическая цель, цели и задачи долгосрочного развития административно-территориальной единицы.

Раздел 3. Ожидаемые результаты реализации Стратегии.

В данном разделе устанавливаются ожидаемые показатели в разрезе каждого элемента целеполагания, с учетом долгосрочного прогноза социального развития административно-территориальной единицы.

Раздел 4. Сценарии социального развития административно-территориальной единицы.

В разделе приводится описание наиболее вероятных сценариев долгосрочного развития административно-территориальной единицы, с учетом определенных в Стратегии социально-экономического развития Донецкой Народной Республики. Обосновывается выбор базового (целевого) сценария социального развития и приводятся основные результаты долгосрочного прогноза.

Раздел 5. Сроки и этапы реализации Стратегии.

В данном разделе обозначаются Сроки и этапы реализации Стратегии. Срок реализации Стратегии должен соответствовать периоду реализации Стратегии социально-экономического развития Донецкой Народной Республики и не должен превышать срок реализации долгосрочного прогноза социально-экономического развития административно-территориальной единицы.

Раздел 6. Оценка финансовых ресурсов, необходимых для реализации Стратегии.

Содержание данного раздела включает в себя описание источников и способов финансирования Стратегии, расходы на реализацию городских (районных) программ, в соответствии с временным (типовым) положением о местных администрациях Донецкой Народной Республики [3].

Раздел 7. информация о городских (районных) программах административно-территориальной единицы, утверждаемых в целях реализации Стратегии.

Данный раздел содержит способы и инструменты управления Стратегией. В данном разделе указываются лица, ответственные за реализацию Стратегии и контроль, в том числе по принятию управленческих решений по результатам мониторинга достижения целей и задач Стратегии. Обозначается порядок мониторинга и сроки его проведения.

Раздел 8. Система управления и мониторинга реализации стратегии.

В данном разделе содержится информация о городских (районных) программах административно-территориальной единицы, утверждаемых в целях реализации стратегии.

Рекомендуются следующие дополнительные (рекомендуемые) разделы структуры Стратегии:

Раздел 9. Определение развития социальной сферы и инфраструктуры административно-территориальной единицы.

В данный раздел могут быть включены подразделы социальной сферы, имеющие важнейшее значение в административно-территориальной единице. Определены их конкурентные преиму-

щества; перспективы развития; ожидаемый результат развития отрасли. Также в данный раздел могут быть включены подразделы по основным видам социальной инфраструктуры административно-территориальной единицы.

Раздел 10. Территориальное развитие административно-территориальной единицы.

В данном разделе определяются приоритеты территориального развития административно-территориальной единицы на долгосрочную перспективу, в том числе, определяется потенциал развития районов административно-территориальной единицы, предусматривается определение мер, направленных на развитие каждого района для достижения общих целей Стратегии социального развития города, сокращение различий в социальном развитии, уровне жизни, объеме и качестве предоставляемых государственных и муниципальных услуг.

Стратегическая цель, цели и задачи социального развития административно-территориальной единицы являются основными элементами системы целеполагания Стратегии социального развития. Дополнительными элементами целеполагания могут быть выбраны миссия административно-территориальной единицы, а также определены приоритеты и приоритетные направления развития.

Главная стратегическая цель административно-территориальной единицы определяется на основе комплексного анализа его социального потенциала, конкурентных преимуществ и оценки перспектив их реализации с учетом внешних вызовов и ограничений.

С учетом стратегической цели социального развития административно-территориальной единицы формируются цели и задачи социального развития административно-территориальной единицы. При определении стратегической цели, целей, задач и основных целевых показателей долгосрочного с социального развития административно-территориальной единицы в качестве ориентира выступает стратегия социально-экономического развития Донецкой Народной Республики.

Стратегическая цель, цели и задачи социального развития административно-территориальной единицы, сформулированные в Стратегии, должны учитывать экономический потенциал и уровень экономического развития административно-территориальной единицы.

Стратегическая цель – это состояние социальной сферы административно-территориальной единицы, которое устанавливается в качестве ориентира социального развития административно-территориальной единицы. В качестве базовых стратегических целей, реализация которых позволит обеспечить социального развитие административно-территориальной единицы можно выделить цели, касающиеся повышения благосостояния или качества жизни населения; цели, направленные на развитие человеческого капитала; цели, направленные на улучшение среды обитания.

Следует отметить, что стратегическими целями экономического развития, реализация которых позволит обеспечить социального развитие административно-территориальной единицы, являются цели, направленные на рост экономического потенциала административно-территориальной единицы как определяющего условия обеспечения их конкурентоспособности на рынках товаров и услуг.

К числу важнейших задач социального развития административно-территориальной единицы могут быть отнесены следующие задачи:

- развитие инфраструктуры социальной сферы для создания условий развития человеческого капитала;
- создание благоприятного климата для комфортного проживания жителей;
- развитие науки, образования, культуры и спорта;
- развитие системы здравоохранения и защиты материнства и детства и другие задачи.

С учетом установленных стратегической цели, целей и задач формируются ожидаемые результаты. Для каждого элемента целеполагания устанавливаются количественно измеримые или качественно обоснованные показатели, которые отражают степень достижения стратегической цели, целей и решения задач.

Показатели стратегической цели, целей и задач Стратегии формируются на основе:

- показателей, установленных в отдельных указах Главы Донецкой Народной Республики и ежегодных посланиях Главы ДНР депутатам Народного Совета;
- показателей, установленных в Стратегии социально-экономического развития Донецкой Народной Республики (после принятия данной Стратегии) и Программы социально-экономического развития Донецкой Народной Республики на 2022–2024 годы;
- показателей республиканских программ Донецкой Народной Республики и городских (районных) программ.

В соответствии с Указом Главы Донецкой Народной Республики от 19.01.2015 №13 «О принятии временного (типового) положения о местных администрациях Донецкой Народной Республики» [3] и Положением об Администрации города Донецка [4] одной из задач Администрации города Донецка является «создание условий для развития личности, повышения культуры общества, охраны здоровья, приоритетное развитие социально – культурной сферы, всесторонняя социальная защита жителей».

Администрация города Донецка в сфере стратегического планирования и развития может осуществлять следующую деятельность:

- содействовать в реализации экономического и социального развития Донецкой Народной Республики;

- разрабатывать прогнозы социального развития города, планы реализации Стратегии социального развития города Донецка, программы социального развития города Донецка на краткосрочный период и в установленном порядке представляет их на рассмотрение Совета Министров Донецкой Народной Республики, принимать участие в их выполнении;

- принимать участие в разработке проектов прогнозов экономического и социального развития города Донецка.

Основой разработки проекта Стратегии социального развития города Донецка явились следующие документы:

- Программа восстановления и развития экономики и социальной сферы города Донецка на 2021-2023 гг.;

- Письмо Министерства экономического развития Донецкой Народной Республики от 02.11.2020 № 08/4895 «О разработке программ восстановления и развития экономики и социальной сферы города/района на 2021-2023 гг.»;

- Положение об Администрации города Донецка, утвержденное распоряжением главы администрации города Донецка от 30.01.2015 № 22, с изменениями;

- Порядок разработки и реализации республиканских программ Донецкой Народной Республики, утвержденный Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 17.12.2016 № 13-2;

- Методические рекомендации по разработке органами местного самоуправления республиканских программ восстановления и развития экономики и социальной сферы, утвержденные Приказом Министерства экономического развития Донецкой Народной Республики от 08.10.2020 № 173, с изменениями.

Для формирования стратегических целей социального развития города Донецка проведем SWOT-анализ (табл. 1 и 2).

В результате SWOT-анализ социального развития города Донецка можно сформулировать стратегические задачи, вытекающие из сильных и слабых сторон, возможностей и угроз:

Предполагаем, что основной **целью** Стратегии социального развития города Донецка может являться обеспечение роста качества и уровня жизни населения, стабильную работу систем жизнеобеспечения города за счет повышения конкурентоспособности экономики города

Исходя из цели Стратегии социального развития города Донецка сформируем **задачи**:

- развитие инфраструктуры жизнеобеспечения города, повышение уровня благоустройства городской территории, оздоровление окружающей среды;

- создание условий для социального развития и обеспечения стабильно высокого уровня занятости населения;

- гарантированное получение пенсионных и социальных выплат незащищенными слоями населения;

- создание комфортных условий для обучения и воспитания детей и подростков, удовлетворению потребностей населения в разных формах обучения, его кадрового и учебно-методического обеспечения;

- предоставление населению качественной медицинской помощи и внедрение эффективных методов диагностики и лечения и прочее.

Таким образом, предложенный концептуальный подход позволил сформировать цель, задачи и ожидаемые результаты реализации Стратегии социального развития города Донецка.

SWOT-анализ социального развития города Донецка (сильные и слабые стороны)

Сильные стороны	Слабые стороны
<p>значительный кадровый и интеллектуальный потенциал, высокая доля работников с высшим образованием;</p> <p>рост общего объема выполненных работ по восстановлению инфраструктуры и жилищного фонда города;</p> <p>своевременная выплата пенсий и всех видов государственной социальной помощи;</p> <p>сложившаяся сеть учреждений здравоохранения; сформированная система оказания плановой и urgentной медицинской помощи, квалифицированный персонал;</p> <p>сохранение большинства объектов сети дошкольных, общеобразовательных организаций, учреждений дополнительного образования;</p> <p>сохранение управленческих и педагогических кадров сферы образования;</p> <p>наличие на территории города сети учреждений для устройства детей-сирот, детей, лишенных родительского попечения;</p> <p>предоставление услуг по социальной реабилитации детей-инвалидов и молодых инвалидов с целью их социальной адаптации и возможности интеграции в общество;</p> <p>реализация Республиканской программы восстановления объектов социальной сферы;</p> <p>предоставление бесплатных образовательных услуг, в том числе и дополнительных;</p> <p>обеспечение информационной открытости системы общего образования;</p> <p>обеспечение бюджетного финансирования деятельности образовательных учреждений;</p> <p>организация подвоза детей к отдалённым объектам образования;</p> <p>социальная защита участников учебно-воспитательного процесса;</p> <p>создание системы выявления и развития талантливых и одаренных детей;</p> <p>обеспечение за счёт бюджетного финансирования горячего питания воспитанников дошкольных учреждений и школ-интернатов;</p> <p>внедрение новых стандартов образования;</p> <p>наличие развитой сети учреждений культуры, спортивно-оздоровительных заведений;</p> <p>высокие достижения спортсменов города на международных спортивных соревнованиях;</p> <p>спорт, как одна из привлекательных имиджевых составляющих города во внешних отношениях;</p> <p>развитая сеть городских библиотек;</p> <p>разветвленная сеть учреждений культуры для организации досуга населения</p>	<p>значительные разрушения в результате боевых действий социальных жилищного фонда, транспортной и городской инфраструктуры;</p> <p>миграционный отток населения трудоспособного возраста;</p> <p>низкая оплата труда работников;</p> <p>недостаточный уровень пенсионных выплат и выплат государственной социальной помощи населению;</p> <p>высокая степень износа основных фондов предприятий коммунальной сферы, а также в учреждениях социальной сферы;</p> <p>отсутствие нормативных правовых документов, регулирующих направления социальной сферы;</p> <p>неурегулированность системы обеспечения льготных категорий граждан медикаментами и изделиями медицинского назначения;</p> <p>недостаточное медикаментозное и материально-техническое обеспечение учреждений здравоохранения;</p> <p>сокращение сети образовательных организаций за счёт приостановки функционирования разрушенных (поврежденных) в результате боевых действий объектов образования;</p> <p>недостаточное количество компьютерной и оргтехники в учреждениях образования и специалистов по её обслуживанию;</p> <p>неэффективная система стимулирования деятельности работников образования, в частности, молодых специалистов;</p> <p>отсутствие достаточного финансирования для проведения капитальных и текущих ремонтов объектов социальной сферы;</p> <p>недостаточная интенсивность обновления основных фондов учреждений культуры;</p> <p>приостановка деятельности части спортивных сооружений, учреждений и организаций;</p> <p>значительный износ материальной базы ряда спортивных учреждений;</p> <p>ограничение возможности участия спортсменов в международных соревнованиях</p>

SWOT-анализ социального развития города Донецка
(возможности и угрозы)

Возможности	Угрозы
<p>улучшение демографической ситуации (развитие социальных программ);</p> <p>поэтапное увеличение пенсионных и социальных выплат;</p> <p>аккумуляция средств на восстановление и развитие инфраструктуры города из различных источников финансирования;</p> <p>возобновление работы ряда предприятий города, что приведет к увеличению количества рабочих мест;</p> <p>обеспечение сохранности жилищного фонда;</p> <p>создание альтернативных форм обслуживания жилья;</p> <p>большой потенциал местного рынка рабочей силы;</p> <p>вовлечение в предпринимательскую деятельность незанятого населения, в т.ч. молодежи;</p> <p>освещение приоритетных направлений деятельности учреждений для устройства детей-сирот, детей, лишенных родительского попечения в СМИ;</p> <p>проведение тематических мероприятий с целью популяризации семейного института и семейных форм воспитания;</p> <p>обеспечение медикаментами и материалами для восстановления и ремонта учреждений здравоохранения по гуманитарной линии;</p> <p>повышение уровня благоустройства территорий;</p> <p>сохранение и развитие культурного потенциала города, обновление и пополнение библиотечного фонда;</p> <p>рост удельного веса населения, участвующего в культурно-массовых мероприятиях;</p> <p>расширение перечня и улучшение качества спортивных услуг для населения с целью привлечения средств для обновления и модернизации спортивной базы;</p> <p>государственная поддержка функционирования сферы образования; возможность влияния на перспективную нормативную правовую базу в сфере образования</p>	<p>возобновление активных боевых действий на территории города и увеличение количества поврежденных объектов;</p> <p>недостаток собственных средств на восстановление разрушенных и поврежденных объектов;</p> <p>рост социальной напряженности в связи с низким уровнем пенсий, пособий и заработной платы;</p> <p>отток профессиональных кадров;</p> <p>низкая платежеспособность населения;</p> <p>снижение привлекательности города для проживания и ведения трудовой деятельности;</p> <p>возникновение аварийных ситуаций, связанных с изношенностью строительных конструкций и инженерных систем объектов социальной инфраструктуры;</p> <p>несоответствие тарифов себестоимости обслуживания жилого фонда;</p> <p>возвращение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из семейных форм воспитания под надзор в государственные учреждения;</p> <p>получение отрицательного результата социального патронажа и подача искового заявления о лишении родителей родительских прав/ограничения в родительских правах;</p> <p>ограниченность средств на поддержку инноваций в сфере культуры;</p> <p>сокращение числа доступных спортивных объектов;</p> <p>приостановка функционирования образовательных организаций по причине несоответствия объектов образования требованиям надзорных органов;</p> <p>возникновение аварийных ситуаций, связанных с изношенностью строительных конструкций и инженерных систем образовательных организаций</p>

Список цитируемой литературы:

1. Законопроект «О системе стратегического планирования в Донецкой Народной Республике» подготовлен ко второму чтению [Электронный ресурс]. – URL: http://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1734:stat-plan-zakon-300816&catid=8&Itemid=141.
2. Декларация по итогам межгосударственной встречи на высшем уровне ДНР и ЛНР 06.09.2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://denis-pushilin.ru/news/deklaratsiya-po-itogam-mezhgosudarstvennoj-vstrechi-na-vyshem-urovne-dnr-i-lnr-6-sentyabrya-2021-goda/>
3. О принятии временного (типового) положения о местных администрациях Донецкой Народной Республики: Указ Главы Донецкой Народной Республики от 19.01.2015 №13; в ред. от 24.12.2021 № 396 [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0001-13-20150119/>

4. Об утверждении Положения об Администрации города Донецка: Распоряжение Главы администрации города Донецка от 30.01.2015 № 22; в ред. от 26.12.2019 № 2363 [Электронный ресурс]. –Режим доступа: ГИС НПА ДНР <https://gisnpa-dnr.ru/npa/1000-22-20150130/>

Сведения об авторе:

Юлдашева Елена Александровны – магистрант образовательной программы магистратуры «Государственное и муниципальное управление» ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Научный руководитель – Крамаренко А. А., к.э.н, доцент кафедры национальной и региональной экономики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», Министр агропромышленной политики и продовольствия Донецкой Народной Республики

Бакулин М.А.

РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

***Аннотация:** В статье осуществляется оценка рисков цифровизации через призму особенностей логических операций в юридическом мышлении. Анализируется взаимодействие правовых институтов и современных систем управления, которые претерпевают радикальные изменения в связи с цифровизацией.*

***Ключевые слова:** цифровое право, цифровая экономика, искусственный интеллект, цифровая экосистема, правовая система, электронный контроль, риски цифровизации.*

Цифровизация общества и государства становится, если уже не стала, главной тенденцией в развитии современного права ведущих стран мира. Цифровая экономика – это полноценная реальность, в которой существуют как изменившиеся, так и совершенно новые, ранее неизвестные социальные отношения, требующие правового регулирования в новой правовой парадигме, которую смело можно назвать парадигмой цифрового права. Между тем процесс цифровизации, как неизбежный этап эволюции экономических, политических и социальных систем, сопровождается неоднозначными процессами, которые привносят в современную жизнь человечества не только оптимизацию социальных отношений, но иногда и их деградацию. Формирующиеся социальные отношения, не соответствующие цивилизованным правовым стандартам, часто проходят через процессы саморегулирования, качественно обратные, допускающие несправедливость и неразумность установленных правил цифровой формы социального поведения субъектов общественных отношений. Само правоприменение находится под не меньшей угрозой, государственное управление, облаченное в цифровые формы искусственного интеллекта, находится под угрозой потери ценностного смысла. Именно поэтому, при всех преимуществах цифровизации, необходимо помнить о рисках, возникающих в результате этого процесса. В связи с этим в научной литературе, не говоря уже о журналистике, появляется все больше размышлений на эти темы. Очевидно, что эти противоречия определяют актуальность данной темы исследования и необходимость комплексной оценки рисков, возникающих в условиях цифровизации законодательства, правоприменения и государственного управления.

Анализ литературы

В российской юридической науке вопросы правового регулирования цифровой экономики все чаще изучаются с разных точек зрения. С точки зрения правового обеспечения разработки робототехнических систем и комплексов проблемы цифровизации рассматривает в своих статьях П. П. Баранов [1]. Для анализа технократических тенденций в развитии правового мышления необходим исторический и социокультурный анализ права, как это было проведено в работе Г. Дж. Бермана [2]. Развитием технократических тенденций в правовой доктрине, правовом регулировании, государственно-правовом развитии различных стран занимался В. Г. Графский [3], а В. Д. Зорькин большое внимание уделял цифровизации современного права, развитию отдельных отраслей права под влиянием новых технологий [4]. Для анализа возможностей логической формализации правоохранительного мышления необходимо прибегнуть к изучению логики норм и оценок, что было сделано в работах А. А. Ивина [5].

Результаты исследования

Даже сегодня становится очевидным огромный потенциал использования цифрового интеллекта в юриспруденции и правоприменении. Эта тенденция способствует дальнейшей трансформа-

ции юридического мышления в сторону правового позитивизма. К чему привел правовой позитивизм? Краткие результаты с учетом новых перспектив цифровизации выглядят следующим образом:

– во-первых, именно механизм в общественном представлении породил атомистический подход к последнему, понимаемый как искусственное, состоящее из атомов-личностей. Человек как цифровая, математическая единица рассматривается в отрыве от «корней»: от нации, культуры и языка. Отношения и взаимоотношения между людьми рассматриваются с универсальной точки зрения, а наиболее сложная и многомерная социальная жизнь моделируется по аналогии с естественными науками. Человек заикливается на якобы неизменных константах бытия, становящихся законами природы (вечные и непреложные принципы самосохранения, поиск собственной выгоды, стремление к собственности и т. д.);

– во-вторых, эволюционизм в концепции развития права (все правовые системы рассматриваются через призму законов, присущих любому обществу, как движущиеся в одном конечном направлении). Теперь появилась новая веха и критерий современности: цифровая реальность;

– в-третьих, европоцентризм в понимании права. Авторы правовых теорий, не замечая своего интуитивного вклада в построение научной структуры, неизбежно сводили сущность права к тем его вариантам и характеристикам, которые доминировали в развитых странах Запада. А сейчас все больше и больше говорят об отсталости России;

– в-четвертых, редукционизм в построении правовых теорий: жизнь права сводится к одному очевидному началу;

– наконец, в-пятых, это технократизм, выражающийся в том, что право стало пониматься как социальная инженерия, узкоспециализированная форма социального контроля в развитом политически организованном обществе (Р. Паунд), удел узкого круга специалистов (профессиональных юристов), занятых в области социальной организации и управления технологиями [3]. Теперь у социальных инженеров благодаря тотальной цифровизации появились новые «горизонты» возможностей. Новейшая философия трансгуманизма будет только способствовать этому.

Оцифровка права увеличивает риски технократического отношения к человеку, его правам и свободам, достоинству и безопасности. По словам Г. Дж. Бермана: «Сегодня люди воспринимают закон прежде всего как совокупность законодательных, административных и судебных правил, процедур и приемов, действующих в данной стране» [2]. Цифровизация рискует стать еще одним шагом на пути к формализации права. Особенно с учетом следующего тренда – роботизации и алгоритмизации правоохранительных органов. Прежде всего, заслуживает внимания оптимизм, который высказывают ряд ученых относительно перспектив использования искусственного интеллекта в правоохранительных органах. Этот оптимизм связан с убежденностью в универсальности формальной логики, которая используется в искусственном интеллекте. Истина и ложь – две ключевые точки цифрового мышления, между тем принуждение происходит не между этими полюсами, а между ценностями, где логика бессильна, где мышление осуществляется в форме понимания. Именно в отношении понимания, усвоения, интерпретации, создания и придания смысла, что требуется в ситуации чтения текста закона, символической вселенной человеческих действий и высказываний, искусственный интеллект бессилён. В конце концов, сопереживание является необходимым условием понимания – важнейшего элемента правового мышления сотрудника правоохранительных органов. К искусственному интеллекту не может быть никакого сочувствия.

Полная оцифровка применения нормы к конкретному случаю также невозможна из-за логической природы правоприменения. Дело в том, что любое утверждение о том или ином объекте может быть либо описывающим этот объект, либо предписывающим определенные действия по отношению к этому объекту: «утверждение и его объект могут находиться в двух противоположных отношениях: истинности и ценности» [5]. В первом случае отправной точкой сравнения является объект, утверждение выступает в качестве его описания и характеризуется в терминах понятий истинности. «Понятие истины характеризует другую сторону отношения субъекта к объекту, теоретическое отношение. Оно определяет соответствие знаний об объекте свойствам самого объекта...» [6]. Это знание, описывающее (описательное). Это может быть правдой или ложью в описании объекта. Искусственный интеллект может выполнять логические операции по отношению к формальной стороне права, например, помогать в поиске запросов в системе хранения и поиска юридической информации, составлении простейших договоров. Другое дело, когда во втором случае, оценочном, источником является утверждение, которое функционирует как оценка, своего рода императив. Соответствие объекту хранит оценочные термины, истинность или ложность которых по от-

ношению к конкретному факту не может быть определена правильно. В основе оценки лежит ценность – объект значим для конкретного человека. Ценностные знания, оценочные концепции и категории представляют собой знания не описательные, а предписывающие. Предписывающее знание не может быть истинным или ложным, оно ничего не описывает, и его применение к информации, описывающей без противоречия, не может быть.

В случае предписывающего знания субъект должен «сопереживать» ценностям. В случае описательного знания субъект должен устранить все субъективное, что мешает объективному процессу мышления. В первом случае это знание не об объекте, а о себе, точнее, об отношении к каким-либо явлениям с собственной стороны. Поэтому не только «приписывание ценности критериям истинности в высшей степени неверно» [6], как справедливо утверждает В. И. Курбатов, но также неверно проводить аналогию между правоприменением и дедуктивным силлогизмом.

Оцифровка и алгоритмизация правоприменения повлечет за собой не только исчезновение правосудия и справедливости в законе, но и обилие абсурдных правоприменительных решений. Попытки полностью свести юридические оценки и нормы к цифровым формам мышления (концепциям, суждениям, выводам), к цифровому логическому интеллекту, лишенному эмоциональных и чувственных источников мышления, к чисто формально-логическому доказательству приведут к отрицанию «права как искусства добра и справедливости» (Цельс). Более того, «в гражданском праве любое определение опасно, ибо существует множество случаев, когда его можно опровергнуть» (Яволен).

Чтобы алгоритмизировать правоприменение, необходимо полностью устранить различия между людьми, «закрывать глаза» на их внутренний мир, который уникален и оригинален для каждого, и генерируемый каждым человеком (микрокосм) – это абсолютно непредсказуемый набор вариантов сочетания разнородных фактов. Логическая модель социальной реальности будет работать только в виртуальной реальности, в которой необходимо будет ввести закон естественной причинности и отменить свободу выбора человека. Как отмечает В. И. Курбатов: «Правильность норм и оценок обусловлена анализом множества ситуаций, к которым применимы принципы оценки или нормативного кодекса» [6]. Этот набор ситуаций называется набором аксиологически или деонтически возможных миров, которые не могут быть типизированы.

Общеизвестно, что специфика понятий права заключается в том, что они имеют, во-первых, искусственное происхождение, а во-вторых, особую процедуру распознавания отнесения того или иного явления к общему множеству. Юридические концепции являются как оценочными, так и конвенциональными. И тот факт, что критерий корреляции является чисто субъективным, интуитивным (например, из-за незначительности деяния), а не объективным и естественно-необходимым, не позволяет, в очередной раз, говорить о последовательном использовании логики в нормативных системах, в рассуждениях с элементами ответственности. Поэтому искусственный интеллект невозможен в ситуациях оценочных понятий и категорий, и каждый стандарт уже является оценкой.

Логика правовых норм в этом отношении подчиняется тем же законам, что и логика любых социальных норм, например, моральных. То есть логика правил не распространяется на контент. В противном случае, если бы мы предположили существование особой юридической логики, нам пришлось бы признать существование объективной юридической истины, которая служила бы критерием истинности нормативных суждений. Кроме того, необходимо было бы строго ранжировать все интересы (ценности) и придать каждому из них какой-либо вес. То есть моделировать всю социальную жизнь, бесконечность разнообразия которой делает эту идею абсурдной.

Процесс правоприменения, идентичный по форме дедуктивному силлогизму, является камнем преткновения для многих юристов именно из-за расплывчатости того, как взаимосвязаны суждения о должном и бытии. В законодательстве невозможно отказаться от введения в правовой оборот таких понятий, как добросовестность, справедливость, внутреннее убеждение и других, не подвластных искусственному интеллекту. В противном случае необходимо вспомнить римскую пословицу «Самое строгое право – величайшая несправедливость». Еще одной важной областью риска следует признать угрозу тектонических цивилизационных сдвигов, связанных с абсолютным разрушением основ жизни миллиардов людей, ставших ненужными в условиях нового цифрового порядка. Речь идет о новых задачах права – сохранении ценности Человека для человечества, защите его прав и свобод перед лицом угрозы дегуманизации человека в условиях невостребованности обществом. На право человека на достойное существование также влияет развитие робототехники и искусственного интеллекта. Все компании стремятся отбирать кандидатов на работу по различным квалификационным критериям. Сегодня очевидно, что в целом ряде специальностей роботы будут выполнять различные задачи гораздо качественнее, чем люди. Робототехника не будет стоять

столько, сколько необходимо для обучения и мониторинга человеческой деятельности. В зависимости от того, как роботы приобретают присущие человеку навыки творческого решения проблем, а также от того, как клиенты, например, банков, используют информационные системы, список задач, решаемых с помощью робота без участия человека, увеличивается. Однако ряд профессий должен быть принудительно зарезервирован законом для людей. В противном случае массовая безработица приведет не только к безделью толпы с далеко идущими последствиями: наркоманией, алкоголизмом, азартными играми и прочим. Огромная потребность может привести к идеям уничтожения и стерилизации населения, которое не вписывается в новый цифровой мир. Уже сегодня многие государства испытывают трудности, связанные с так называемой технологической безработицей. Во многих странах юристы заняты разработкой нового законодательства, связанного с решением проблем, возникающих в процессе внедрения искусственного интеллекта в мир труда. Предлагаются следующие различные законодательные решения:

- законодательное установление перечня профессий, в которых недопустимо заменять человека робототехникой;
- разработка правовых стандартов взаимоотношений в процессах совместной работы робота и человека на одном рабочем месте;
- квоты на предприятиях по количеству рабочих мест для человека.

Особенно сложно решить этическую норму поведения человека в отношениях с человекоподобными устройствами – роботами: «горячие головы» предлагают даже уравнивать их с людьми. Оцифровка права и государства не должна быть искусственной, принудительной. Между тем категория «императив» подразумевает абсолютную обязанность, невозможность невыполнения долга, что применительно к цифровым технологиям не может быть признано единственно правильным шагом. Действительно, в условиях глобальной цифровизации Россия вынуждена идти в ногу со временем и добровольно-принудительно оцифровывать государственное управление, рискуя остаться неэффективной и неконкурентоспособной в новейших геополитических условиях, когда даже азиатские страны «ушли» далеко вперед в развитии цифровых технологий. Однако в этих процессах важно избегать возникновения новых угроз и вызовов безопасности личности и государства.

В процессе тотальной цифровизации права необходимо учитывать, что технологическая отсталость России может привести к «прозрачности» и «открытости» государственной системы и государственного управления. Не случайно сразу после семинара Всемирного банка в Москве «Концепция, международные тенденции и видение цифровой экономики – на пути к долгосрочной стратегии» 20 декабря 2016 года было принято решение включить Россию в глобальный процесс цифровой трансформации, а 7 июля 2017 года на «Большой двадцатке» (G20) развитию цифровой экономики в глобальном масштабе было уделено особое внимание. Уже 20 февраля 2018 года в Государственной Думе состоялись большие парламентские слушания на тему: «Создание правовых условий для финансирования и развития цифровой экономики». Между тем ИТ-эксперты предупреждают: «Мы говорим о цифровой экономике, и все говорят о ее преимуществах. Я хочу поговорить о рисках... Новые цифровые технологии связаны с дистанционным управлением. Данные о наших гражданах, на основе которых можно сделать геополитические выводы, представляют собой очень серьезные риски. Внедряя технологии, которые приходят к нам с Запада, мы погружаемся в состояние цифровой колонизации». Об этом заявила Наталья Касперская, президент группы компаний «InfoWatch» [7]. Справедливости ради следует отметить, что этот процесс далеко не всегда идет сверху.

Важность ведомственного распространения опыта оцифровки законодательства

Опыт подразумевает новые юридические термины. Среди этих новых терминов есть много терминов с неопределенным содержанием. Например, понятие цифровой экосистемы, активно используемое в ряде документов, например, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении Программы „Цифровая экономика Российской Федерации“», вряд ли когда-либо будет определено. В то же время ведомственные документы также содержат совершенно новую терминологию для правовой реальности:

- цифровая трансформация органов прокуратуры;
- цифровая экосистема прокуроров;
- цифровая среда прокуроров и т. д.

В качестве примера можно привести Приказ Генерального прокурора России от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года».

В заключение стоит отметить, что цифровизация права должна происходить под влиянием моральных норм. Трудно предсказать, какие новые направления в развитии правовой системы появятся, но сегодня совершенно очевидно, что эти направления возникнут во всех отраслях правовой системы и будут охватывать все важнейшие юридические темы: начиная от проблемы правопонимания, заканчивая цифровизацией правоприменительного процесса. На самом деле вряд ли можно представить планирование развития экономики, политики, культуры в отрыве от неизбежной цифровизации. Необходимо учитывать эти процессы в сфере права. При цифровизации права и государства необходимо действовать с особой осторожностью, без спешки и поспешных решений, поскольку цифровизация может привести к таким последствиям, о которых давно слышны апокалиптические предсказания: цифровой тоталитаризм может стать концом цивилизации, а не ее следующим шагом. Тотальный цифровой контроль в ряде стран стал реальностью. Развитие технологий электронного управления, реализуемых с помощью цифровых технологий и больших данных (Big Data), в ближайшем будущем в корне изменит представление о государстве и праве. Создание банка кредитных историй, сбор информации о жизни каждого гражданина, начиная с успехов в школе, заканчивая телефонными разговорами и запросами в поисковых сервисах, осуществляемый для прозрачности каждого с точки зрения кредитной надежности, передача ряда государственных функций правоохранительным органам, приведет к созданию тотального концентрационного лагеря электронного банкинга, в котором идеи демократического государства и справедливого общества приобретут такую интерпретацию, которую не могли себе представить мыслители эпохи Просвещения, которые их разработали. Однако развитие в этом направлении современных государств и их правовых систем также зависит от юристов, их позиций по вопросу защиты прав человека. В некоторых европейских странах уже существуют законодательные запреты на использование любых систем и средств автоматической идентификации, автоматического сбора и обработки данных о человеке, основанные на необходимости защиты права на имя, принципах недопустимости ограничения дееспособности человека, неприкосновенности частной жизни, недопустимости сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни человека без его согласия, личной неприкосновенности, свободы убеждений, приоритет личного достоинства в условиях внедрения информационных технологий в связи с общественностью. Отечественные юристы также не должны оставаться в стороне от вопросов правовой защиты личности в условиях цифровизации государства и права.

Список цитируемой литературы:

1. Баранов П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы // КиберЛенинка. – 2018. – 7 с;
2. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М, 1998. – 624 с;
3. Графский В.Г. Государство и технократия: ист.-критич. исслед. / В.Г. Графский. – Москва: Наука, 1981. – С. 214-215;
4. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета – Столичный выпуск № 7578. – С. 115;
5. Ивин А.А. Логика норм / А.А. Ивин. – Монография. – М.: Издательство МГУ, 1973. – 121 с;
6. Курбатов В.И. Социально-политическая аргументация: логико-методол. анализ / В.И. Курбатов; Отв. ред. В.П. Кохановский; Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1991. – С. 109;
7. Формирование правовых условий финансирования и развития цифровой экономики – [Электронный ресурс] / Информационно-аналитическая служба РНЛ. – Режим доступа: https://ruskline.ru/news_rl/2018/02/22/sensacio (дата обращения 14.01.2022).

Сведения об авторе:

Бакулин Михаил Алексеевич – магистрант факультета информатики и робототехники ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет»; misha.bakulin.2013@mail.ru

Научный руководитель – Сенцова А.Ю., к.т.н, доцент кафедры вычислительной техники и защиты информации ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет».

Елсакова В.В.
ПРИМЕНЕНИЕ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ МЕР
ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

***Аннотация:** В данной статье дается анализ применяемых к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия как альтернативы уголовному наказанию. Делаются предложения по совершенствованию законодательства, направленные на повышение эффективности данных мер, а также исследуются преимущества применяемого во многих зарубежных государствах института пробации.*

***Ключевые слова:** уголовное право, уголовное наказание, несовершеннолетний, принудительные меры воспитательного воздействия, пробация.*

Одной из наиболее значимых особенностей правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних состоит в возможности применения к ним иных мер уголовного воздействия, которыми являются принудительные меры воспитательного воздействия. Перечень принудительных мер воспитательного воздействия, а также условия их применения, предусматриваются в ст. 90 УК РФ, которая находится в специальной главе 14, посвященной уголовной ответственности несовершеннолетних. В частности, в соответствии с ч. 2 указанной статьи к таким мерам относятся: а) предупреждение; б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; в) возложение обязанности загладить причиненный вред; г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Указанные меры, применяемые к несовершеннолетним, рассматриваются как определенная альтернатива уголовному наказанию. В некоторых случаях, это может быть заменой и уголовной ответственности в целом, поскольку несовершеннолетний при использовании данных воспитательных мероприятий может быть освобожден и от уголовной ответственности.

Вследствие этого в процессуальном аспекте применение указанных мер может привести к прекращению уголовного дела, о чем выносится соответствующее постановление суда (ст. 427 УПК РФ). Это происходит в случае освобождения от уголовной ответственности. Если же рассматриваемые меры применяются как альтернатива наказанию, то уголовное дело подлежит доведению до приговора. Однако в таком приговоре должно быть в отмечено, что принудительные меры воспитательного воздействия применяются в качестве замены уголовному наказанию (ст. 432 УПК РФ).

Давая общую характеристику данным мерам, прежде всего, следует обратить внимание на условия, которые предопределяют их применение. Так, согласно ч. 1 ст. 90 УК РФ меры воспитательного воздействия могут быть применены при условии, что несовершеннолетний совершил преступление небольшой или средней тяжести. Кроме того, применение данных мер требует со стороны суда признания того факта, что достижение целей уголовного воздействия возможно не применением уголовного наказания, а использованием иных мер. Последние должны, в первую очередь, преследовать воспитательные и превентивные цели, но не карательные.

Кроме того, законодатель в ч. 3 ст. 90 УК РФ позволяет применять к несовершеннолетнему несколько мер воспитательного воздействия одновременно.

На основе анализа условий применения мер воспитательного воздействия можно обозначить проблему, связанную с установлением факта того, исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. Данный вопрос не может быть решен лишь в правовой плоскости. Это вопрос факта, который находится вне профессиональных знаний судьи. Дело в том, что указанная возможность может быть установлена только лицами, которые обладают специальными психологическими и педагогическими знаниями.

Как отмечается в научной литературе данный вопрос зачастую не находит своего рассмотрения в судебном постановлении. Суды зачастую не только не приводят необходимых доказательств, на основе которых был установлен факт возможности исправления за счет мер воспитательного воздействия, но и вообще не указывают на анализ данного факта [4, с. 114]. Вследствие этого можно предложить использовать в этом случае заключение экспертизы, проведение которой следует поручать лицам, обладающим специальным образованием.

Одним из главных вопросов, которые следует решать при анализе перечня мер воспитательного воздействия является их соотношением с мерами уголовного наказания. Полагаем, что

общим объединяющим их началом является то, что они направлены на перевоспитание несовершеннолетних без применения какого-либо карательного воздействия. Однако меры, предусмотренные в ст. 90 УК РФ, разнородны между собой, что существенно затрудняет поиск объединяющего их начала.

Анализ положений ст. 90 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что меры воспитательного воздействия по своему характеру схожи с условным осуждением. Такой вывод следует из нормативного правила о том, что «в случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности».

Предупреждение состоит в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений, предусмотренных УК РФ. Разъяснение может включать оценку деяния несовершеннолетнего с точки зрения морально-нравственных устоев общества, а также правовых норм, которые регулируют соответствующее правоотношение. Тем самым оказывается психологическое воздействие на несовершеннолетнего с целью осознания им негативного характера его поведения.

Передача под надзор состоит в возложении на родителей или лиц, их заменяющих, либо на специализированный государственный орган обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением. При этом необходимо проверить возможность самих родителей оказывать положительное влияние на несовершеннолетнего. Данная мера будет эффективной только при условии того, что родители своим постоянным вниманием и позитивным воздействием смогут внушить несовершеннолетнему необходимость соблюдения социальных устоев.

Сказанное представляется актуальным с точки зрения того, что родители должны это делать с точки зрения выполнения своих обязанностей, предусмотренных семейным законодательством. Если же несовершеннолетний совершает преступление, то это уже может отчасти свидетельствовать о недобросовестном отношении родителей к своим родительским обязанностям. Проверка самих родителей, условий жизни несовершеннолетнего в семье и т.п. должно быть обязательным при применении такой меры воспитательного воздействия.

Кроме того, вполне оправданным выглядит предложение Е.А. Антонян о передаче несовершеннолетнего под надзор специализированного органа [2, с. 115]. Это, возможно, оказало бы на несовершеннолетнего более существенное воздействие с точки зрения воспитательного значения.

В этом отношении, полагаем, можно предложить к внедрению в российскую практику института пробации, который успешно используется во многих иностранных государствах [5, с. 26-28]. Пробация представляет собой комплекс мер правового, педагогического, психологического и иного характера, которые применяются к лицу, совершившему преступление, в целях его социализации в обществе и предупреждения совершения новых преступлений. Применительно к несовершеннолетним данный институт можно рассматривать как аналог принудительных мер воспитательного воздействия.

Впервые в отечественных официальных документах создание соответствующей службы было предусмотрено «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». Служба пробация в данном документе рассматривается как официальная структура, которая призвана содействовать социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Однако деятельность аналогичного характера вполне может осуществляться в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление, в отношении которых принято решение о возможности их исправления без применения уголовного наказания.

Преимущества данного института состоят в том, что его меры носят комплексный характер и, вследствие этого, позволяют оказывать всестороннее воздействие на правонарушителя. С одной стороны, за таким лицом устанавливается надзор, а, с другой стороны, с ним проводится психолого-педагогическая работа, направленная на исправление данного несовершеннолетнего. До создания специальной службы пробации, ее функции можно возложить на комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Еще одной мерой воспитательного характера является возложение обязанности загладить причиненный вред. В этом отношении можно говорить о том, что применение этой меры соответствует гражданско-правовой ответственности, которая возникает в случае причинения вреда. В подтверждение этого можно привести толкование положения о «заглаживании вреда», данное

Пленумом Верховного Суда РФ. Так, в Постановлении Пленума от 27.06.2013 в п. 10 прямо говорится о том, что под заглаживаем вреда понимается возмещение ущерба. Под ущербом в п. 2.1 понимается имущественный вред, который может быть возмещен либо в натуральном выражении, либо в денежном эквиваленте. Кроме того, возмещение вреда также включает в себя и компенсацию морального вреда, которая также должна осуществляться по правилам, предусмотренным гражданским законодательством.

По общему правилу, предусмотренному ст. 1064 ГК РФ, любой вред, который был причинен, подлежит возмещению лицом, его причинившим. Причем в ст. 1074 ГК РФ устанавливается правило, согласно которому несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут гражданско-правовую ответственность в виде возмещения причиненного вреда. Однако в случае, если у самого несовершеннолетнего отсутствуют средства, необходимые для возмещения вреда, соответствующая обязанность в субсидиарном порядке может быть возложена на его родителей.

С учетом сказанного, представляется спорной формулировка данной меры, поскольку она предполагает, что такой обязанности изначально не существует и суд налагает ее в качестве альтернативы уголовному наказанию. Однако обязанность по возмещению вреда существует вне зависимости от привлечения к уголовной ответственности или назначения уголовного наказания. Полагаем, что возложение обязанности по заглаживанию вреда не должно рассматриваться как принудительная мера воспитательного характера. Эта обязанность возникает как вид гражданско-правовой ответственности и ее добровольное исполнение может свидетельствовать о том, что исправление несовершеннолетнего возможно без назначения уголовного наказания. При этом суд в альтернативном порядке может назначить иные принудительные меры воспитательного воздействия.

Ограничение досуга несовершеннолетнего предусматривается в ст. 90 УК РФ как еще одна принудительная мера воспитательного характера. Полагаем, что данная мера прямо и непосредственно связана с передачей несовершеннолетнего под надзор родителей или специализированных органов. Именно они должны следить за соблюдением ограничений, наложенных судом на несовершеннолетнего.

Ограничения могут включать в себя запреты или ограничения на посещение определенных мест или установление временных ограничений. С другой стороны, может быть предписано посещать определенные учреждения, например, школу или иные образовательные организации. Перечень ограничений или запретов, которые может наложить суд в порядке реализации данной принудительной меры воспитательного воздействия законодательно не ограничен. Суд может выбрать любые меры, которые могут привести к исправлению поведения несовершеннолетнего.

В том случае, если суд приходит к выводу о возможности применения мер воспитательного воздействия, то при вынесении соответствующего решения можно возложить обязанность контроля за исполнением соответствующих правил на определенных государственный орган. Однако в настоящее время конкретный орган, наделенный соответствующими функциями, законодательно не определен. Отчасти данный вопрос решается в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Так, п. 38 указанного Постановления определяет, что в качестве такого органа должна выступать комиссия по делам несовершеннолетних. Как отмечается в научной литературе, фактически контрольные функции судами возлагаются на различные органы. Например, подразделения органов внутренних дел по делам несовершеннолетних. В некоторых случаях данная функция поручается родителям несовершеннолетнего. Иногда конкретный орган не указывается, а отмечается, что контроль возлагается на абстрактный специализированный государственный орган по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [3, С. 220].

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время система правового регулирования, а также система организации такого контроля за несовершеннолетними отсутствует. Вследствие этого можно предложить установления контроля за несовершеннолетним, к которому применены меры воспитательного воздействия в обязательном порядке. Считаем, что суд в судебном постановлении должен поручать специализированному государственному органу осуществлять контроль за исполнением данных мер. В качестве таких органов следует рассматривать комиссию по делам несовершеннолетних. У них имеются необходимые для этого средства и возможности.

Более строгой мерой воспитательного воздействия, предусмотренной в ч. 2 ст. 92 УК РФ, является помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Данная

мера должна применяться к подросткам, которые не смогли социально адаптироваться к условиям обычной школы. При этом они склонны к асоциальному поведению, к агрессии в отношении окружающих, бродяжничеству и т.п. Основные функции, которые возложены на данные учреждения предусмотрены в ст. 15 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [1].

По результатам анализа перечня принудительных мер воспитательного воздействия можно сделать вывод о необходимости исключения из него такой меры, как ««возложения обязанности загладить причиненный вред». Данное предложение связано с тем, что существующая формулировка в виде «возложения обязанности загладить причиненный вред», предполагает, что такой обязанности изначально не существует и суд налагает ее в качестве альтернативы уголовному наказанию. Однако эта обязанность возникает как мера гражданско-правовой ответственности и существует вне зависимости от привлечения к уголовной ответственности или назначения уголовного наказания. Добровольное ее исполнение может явиться одной из предпосылок назначения иных принудительных мер воспитательного воздействия.

В качестве рекомендации по совершенствованию правил применения принудительных мер воспитательного воздействия можно предложить внедрение в российскую практику института пробации, который включает в себя комплекс мер на несовершеннолетнего, совершившего преступление, включая установление надзора, проведение педагогической коррекционной работы и совершение иных действий, направленных на социализацию такого лица.

Список цитируемой литературы:

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.
2. Антонян Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // Lex russica. – 2018. – № 9. – С. 112-118.
3. Качалов В.И. Отмена принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних: уголовно-процессуальный аспект // Lex russica. – 2017. – № 8. – С. 217-223.
4. Овсянников И.В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 112-117.
5. Овчинников С.Н. Эволюция организационно-правовых основ функционирования пробации в Германии // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2015. – № 5. – С. 26-28.

Сведения об авторе:

Елсакова Виктория Васильевна – магистрант Старооскольского филиала Современной гуманитарной академии; vssinenko@mail.ru

Гаджиев Гаджи-Мурад Багомедович ДИСКРЕЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ ПО ИСТРЕБОВАНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ (ИНФОРМАЦИИ) ВНЕ РАМОК НАЛОГОВОЙ ПРОВЕРКИ

***Аннотация:** в рамках настоящей статьи, автор раскрывает проблемы дискреционных полномочий налоговых органов по истребованию доказательств (информации), вне рамок налоговой проверки, критически анализирует категорию «обоснованная необходимость», ссылается на судебную практику, предлагает авторские идеи по совершенствованию указанного института Налогового Кодекса.*

***Ключевые слова:** истребование документов (информации) вне рамок налоговой проверки, обоснованная необходимость, налоговая проверка.*

В целях реализации фискальных функций, налоговые органы наделены законодателем определенными полномочиями, большая часть из которых закреплена в статье 31 Налогового Кодекса Российской Федерации (далее НК РФ), однако, помимо этого, налоговые органы осуществляют и иные полномочия, предусмотренные в других статьях, разделах НК РФ. Так, например, в

статьях 93-93.2 НК РФ предусмотрено право налогового органа истребовать документы (информацию) о налогоплательщике, плательщике сборов, плательщике страховых взносов и налоговом агенте или информацию о конкретных сделках.

Говоря о необходимости такого правомочия, отметим, что такое право тесно связано с правовой природой публичных функций, потому как идея публичных полномочий реализуется благодаря возможности получить документы (информацию) не только от проверяемого лица, но и от других источников, таких как контрагентов, государственных органов и иных лиц располагающих документами (информацией), касающимися деятельности проверяемого налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика страховых взносов, налогового агента) у которых есть корреспондирующая обязанность, такую информацию предоставить. Отсутствие такого правомочия значительно снизило бы эффективность деятельности налоговых органов, так как единственным источником информации остались бы документы, представленные лицами, которые зачастую в этом не заинтересованы.

Согласно НК РФ, истребовать документы (информацию) можно в рамках камеральной, выездной проверках, а также вне рамок таких проверок и при назначении дополнительных мероприятий налогового контроля.

Если в рамках налоговых проверок или при назначении дополнительных мероприятий налогового контроля, налогоплательщик, обязан, предоставлять любую запрашиваемую информацию налоговым органом, то при истребовании таких доказательств (информации) вне рамок налоговой проверки объем таких документов (информации) будет ограничен, так как в этом случае затрагиваются права лиц, которые в данном случае не являются объектом налоговой проверки. Обратим внимание на тот факт, что дискреция полномочий в рассматриваемом случае законодателем не определена в должной мере и порядке, не понятно, где заканчиваются права налогового органа по истребованию документов (информации) вне рамок налоговой проверки.

В ст. 93.1 НК РФ указано, что, если вне рамок проведения налоговых проверок у налоговых органов возникает обоснованная необходимость получения документов (информации) относительно конкретной сделки, должностное лицо налогового органа вправе истребовать эти документы (информацию) у участников этой сделки или у иных лиц, располагающих документами (информацией) об этой сделке. Закономерен вопрос налогоплательщиков, что понимать под «обоснованной необходимостью», кто решает в каждом конкретном случае обоснованная эта необходимость или нет, где пределы разграничения обоснованности и необоснованности?

«Обоснованная необходимость» - понятие оценочное, а субъектом такого оценивания является налоговый орган.

Необходимо отметить, что оценочная терминология в законодательстве нацелена прежде всего на обеспечение гибкости правового регулирования. Матанцев И.А. анализируя природу и содержание оценочных понятий отмечал: «Закон с течением времени может перестать отвечать требованиям справедливости, в нем всегда наличествуют пробелы, предвидеть и избежать которые в момент создания нормы права никогда не удавалось ни одному законодателю» [1, с. 78-83]. Однако, оценочное понятие в ст. 93.1 НК РФ не отвечает требованиям обеспечения гибкости правового регулирования, так как порядок истребования документов (информации) вне рамок налоговой проверки можно произвести и в строго определенной форме, тем самым, не создавая предпосылок к нарушению прав и свобод налогоплательщиков. Иное бы означало, что под предлогом обеспечения гибкости правового регулирования допустимо абсолютное правоприменительное усмотрение. Задача законодателя – не допустить ее и совершенствовать законодательство таким образом, чтобы в противовес методологии свободного права будет «лучше улавливать голос жизни и живее реагировать на него».

Обосновывая вышеизложенное суждение, приведем выдержку из недавнего решения Арбитражного суда Нижегородской области по делу А43-3874/2021. Из материалов дела следует, что налоговый орган направил требование к заявителю в рамках статьи 93.1 НК РФ о предоставлении документов (информации) в отношении его контрагентов А, Б и В, по сути никак такое истребование не обосновав, переложив бремя «обоснования» на налогоплательщика, который скорее всего, руководствуясь позицией «если запросили, значит нужно и обосновано» предоставит запрашиваемые документы, тем самым будучи добросовестным нарушит не только своим права, но и права контрагентов.

Заявитель в свою очередь, поставил под сомнение законность требований налогового органа и направил мотивированный ответ, с просьбой обосновать такое истребование, в ответ на

которое были составлены акты об обнаружении фактов нарушения НК РФ и вынесены решения о привлечении лица к налоговой ответственности.

Параллельно заявитель сделал запросы своим контрагентам А, Б и В, которые предоставили сведения о том, что у них налоговый орган также истребовал документы (информацию) только уже в отношении самого заявителя, из чего следует вывод, что налоговые органы систематически ссылаясь на статью 93.1 НК РФ превышают свои полномочия, тем самым нарушая права и законные интересы налогоплательщиков.

Следует отметить, что в суде налоговый орган ссылался на «обоснованную необходимость», предусмотренную ст. 93.1 НК РФ, аргументируя тем, что только налоговый орган вправе определять необходимость обоснованной или необоснованной.

Арбитражный суд Нижегородской области с такой позицией не согласился, справедливо отметив, что «под обоснованной необходимостью следует понимать реальную необходимость истребования конкретных документов(информации) исходя из существа ситуации, реальная возможность налогового органа изучить (проанализировать) большой объем истребуемых документов, а также реальная возможность налогоплательщика изготовить и представить копии таких документов. В НК РФ не предусмотрено право налоговых органов запрашивать у налогоплательщика документы (информацию) о его хозяйственной деятельности за несколько налоговых периодов до принятия решения о проведении выездной проверки в рамках «предпроверочного анализа». Применение же пункта 2 статьи 93.1 НК РФ для иных целей, не указанных в Кодексе, является превышением полномочий налогового органа».

В целях совершенствования налогового законодательства, защиты прав и законных интересов налогоплательщиков, мы предлагаем законодателю очертить рамки, в которых будут действовать налоговые органы, а именно:

1. Дополнить ст. 93.1 НК РФ примечанием 1, в котором будет дано понятие обоснованной необходимости. Мы предлагаем законодателю закрепить следующую дефиницию: «Под обоснованной необходимостью понимается случай, когда налоговому органу для реализации своих фискальных полномочий вынуждено истребовать документы (информацию), которые будут соответствовать свойствам законности, разумности, мотивированности, а также критериям реальной возможности налогового органа изучить (проанализировать) большой объем истребуемых документов, реальной возможности налогоплательщиков изготовить и представить копии таких документов».

Данное положение ограничит абсолютное правоприменительное усмотрение налоговых органов по истребованию документов (информации), вне рамок налоговой проверки, так как при истребовании таких документов налоговый орган должен будет руководствоваться в первую очередь свойствами вынужденности (необходимости), законности, разумности и мотивированности требования.

Помимо этого, в дефиницию включаются критерии, которые ограничат возможность «холостного» истребования документов (информации), налоговый орган обязан будет запрашивать только такую информацию, которую собирается изучать, а также учитывать возможность налогоплательщиков по изготовлению и предоставлению запрашиваемых сведений.

2. Конкретизировать п.2 ст. 93.1 НК РФ, в котором, обязать налоговый орган в самом требовании излагать обоснованную необходимость истребуемой информации.

Список цитируемой литературы:

1. Матанцев Д. А. Природа оценочных понятий в контексте соотношения индивидуального и нормативного правового регулирования / Д. А. Матанцев // Право и государство : теория и практика. – 2018. – № 8. – С. 78–83 .

Сведения об авторе:

Гаджиев Гаджи-Мурад Багомедович – студент Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», магистр, 2 курс. Нижний Новгород gadzhiev_mmm@mail.ru

Научный руководитель – Савинов К.А., к.ю.н, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

***Аннотация:** Современная система налогового контроля имеет достаточно богатую историю и самобытный путь развития. Она формировалась и преобразовывалась в соответствии с политической и экономической обстановкой в стране, присущей тому или иному историческому периоду, и на данный момент продолжает совершенствоваться. Изучение исторического аспекта помогает произвести анализ сущности и места налогового контроля в современных реалиях.*

***Ключевые слова:** налоговый контроль, налоги, налоговые органы, налоговая система, финансовые отношения.*

Историческая оценка рассматриваемого явления позволяет выявить процесс становления таких категорий как налоги, государственный контроль в целом и налоговый контроль в частности. Россия имеет длинную историю, позволяющую рассмотреть процесс полного становления финансовых отношений.

С образованием государства на Руси возникла необходимость в увеличении доходов, помимо военных захватов. И Олег устанавливает в 883 году дань для Славян, Кривичей, Новгородцев, которые были обязаны были платить сверх установленного 300 гривен на содержание дружины [4, с. 116], тем самым обеспечивая постепенное становление налоговой системы. До петровской эпохи контроль за налогами и сборами осуществлялся исключительно посредством войска, либо специальных отрядов, к примеру опричников во времена Ивана Грозного.

С восхождением Петра I в Российской империи появилась примитивная бюджетная роспись доходов и расходов государства, на европейский манер были дифференцированы налоговые сборы. Основным нововведением стала подушная подать, введенная в 1724 г. [3, с. 514]. Соответственно возникла необходимость в создании контрольного органа. Им стала Ближняя Канцелярия, осуществлявшая функции по контролю за ведомостями о доходах и расходах, ревизию всех денежных счетов и расходов, произведенных присутственными местами [3, с. 82], на смену канцелярии была образована Ревизионная Коллегия.

На протяжении века финансовая структура Российской Империи принципиально не менялась. С возглавлением реформаторской деятельности Александра I М.М. Сперанским была произведена переоценка государственного управления, в том числе и область финансов. Его работа в историческом смысле важна, поскольку впервые предоставляется полная возможность не только проследить последовательное развитие учета доходов и расходов по сметам, но и составить представление о действительном поступлении их в казну, проверить результаты ранее принятых мер.

С образованием СССР налоговая система была изменена, но основной доход государства по-прежнему составляли налоги с предприятий, подоходный и сельскохозяйственный. И хотя налоговая система при социалистическом строе не является в формальном смысле таковой, определенные признаки ей были присущи, в том числе и налоговый контроль, функции которого осуществляло Министерство Финансов СССР. Система платежей постоянно перестраивалась, в наиболее устоявшемся виде она была разработана в 50-60-х гг. Так были приняты ряд законов, регламентирующих налогообложение, к ним относятся Закон СССР "О подоходном налоге с колхозов" от 1941 г. (утратил силу в 1949 г.), Закон СССР от 08.08.1953 «О сельскохозяйственном налоге» и др. [2].

Таким образом, с развитием государства и налоговой системы развивался и рассматриваемый институт налогового контроля. Финансовые органы Российской империи и СССР своей практической деятельностью создали предпосылки развития института налогового контроля в настоящее время.

Существующая налоговая система и система государственных органов, обеспечивающих налоговый контроль, в полной мере отвечает современным потребностям развивающегося общества. Однако эпоха цифровизации создает все новые задачи для контрольной деятельности. Цифровизация экономики представляет собой глобальный процесс, вместе с тем

это открывает и новые возможности для развития теневого сектора, в частности оффшорной деятельности компаний.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что налоговый контроль является динамичным институтом, который должен обеспечивать задачи и функции государства в финансовой сфере. Развитие общества предполагает развитие механизмов по обеспечению обязанностей населения в сфере налогообложения, и по мере развития общества, государство обеспечивает совершенствование налогового контроля.

В ст. 82 НК РФ закреплено понятие налогового контроля: «Налоговым контролем признается деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах в порядке, установленном настоящим Кодексом» [1]. Абз. 2 ч. 1 ст 82, несмотря на расширенный субъектный состав, указанный в понятии, возлагает обязанность по налоговому контролю исключительно на налоговые органы.

Поскольку глобализация общественных отношений предполагает мобильное общественное взаимодействие, налоговый контроль необходимо осуществлять во взаимодействии с органами государственной власти, уполномоченными по контролю в области финансов.

Оптимизация налогообложения на данный момент предполагает международное взаимодействие резидентов. Контроль в данной области невозможно представить без антимонопольной службы, Центрального банка, правоохранительных органов. Новацией в данной области стало принятие Российской Федерацией правил автоматического международного обмена налоговой информацией, закрепленных в гл. 20.2 НК РФ. Однако не вся налоговая информация передается между налоговыми органами, существуют международные нормы, согласно которым часть информации передается только по запросу правоохранительных органов.

Таким образом, налоговый контроль в соответствии с современными условиями необходимо в теоретическом плане перестать ассоциировать с полномочиями исключительно налоговых органов, расширив интерпритацию концепции налогового контроля.

Список цитируемой литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 02.07.2021). Собр. законодательства Рос. Федерации, 1998. № 31. - Ст. 3824.

2. «О сельскохозяйственном налоге» (утратил силу): Закон СССР от 08.08.1953 г. Ведомости ВС СССР, 1953, № 7.

3. Милюков М.М. «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго», Изд. 2, - СПб: Изд. Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. - 702 с.

4. Соловьев С.М. История России съ древнѣйшихъ временъ Том 1 книга 1 - СПб: Изд. Товарищество «Общественная польза», 1851-1879. – 879 с.

Сведения об авторе:

Сафонова Анна Владимировна – магистрант 3 курса кафедры гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал; anyta48_grz@mail.ru

Научный руководитель – Салахетдинова Л.Н., к. ю. н, доцент, доцент кафедры Гражданского права и процесса Липецкого филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

***Аннотация:** В рамках цифровой экономики важное значение имеет предоставление мер социальной поддержки (помощи) в электронном виде. В период пандемии увеличилось число нуждающихся в помощи, а введенные ограничения изменили способы взаимодействия преимущественно в сторону дистанционных.*

Преобразование внутри системы социальной защиты населения происходит по причине закрепления в национальном проекте цифровизации экономики широкого спектра направлений, часть из которых относится к системе социальной защиты населения. Количество мер социальной поддержки постоянно растет.

Сейчас назрела необходимость в адаптации сферы социальной защиты населения к новым реалиям, а именно к получению гражданами государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

***Ключевые слова:** Цифровизация, социальная защита населения, меры социальной поддержки, меры социальной помощи, Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, трансформация, социальные услуги.*

Исследование выполнено в рамках поддержанного федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Ивановский государственный университет» гранта № 21-21-В.

В настоящее время возникла необходимость оперативного реагирования на новые вызовы, связанные с введением ограничений в период пандемии COVID-19. Пандемия затрагивает практически все стороны общественной жизни, и не ограничивается лишь сферой медицины и здравоохранения. Режим самоизоляции увеличил роль в повседневной жизни людей онлайн пространства.

В настоящее время существует запрос на «подвижность» системы управления социальной защитой населения, ее способность к быстрым изменениям, эффективность способов коммуникации с получателями мер социальной поддержки (помощи) и изменение приоритетов в пользу дистанционных способов взаимодействия. Все эти процессы требуют трансформации [2, с.167].

Автоматизация предоставления социальных услуг началась в 2010 году с принятием Федерального закона от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», благодаря которому большая часть услуг уже оказывается через портал www.gosuslugi.ru.

Преобразование внутри системы социальной защиты населения происходит в силу закрепленного в национальном проекте «Цифровая экономика» широкого спектра направлений, часть из которых относится к системе социальной защиты населения. Цель данного проекта заключается в ускоренном внедрении цифровых технологий в социальную сферу [2, с.167]. Вопросы трансформации социальной защиты являются актуальными.

В первую очередь это связано с тем, что органы социальной защиты населения являются лидерами по количеству предоставляемых гражданам услуг в рамках социальной защиты. Количество мер социальной поддержки постоянно растет. Например, в 2020 году в связи с распространением COVID-19 были введены новые меры социальной поддержки граждан, что в свою очередь потребовало дополнительного финансирования [3, с. 100]. Однако, значительная часть населения не знает о наличии той или иной меры поддержки семей, имеющих детей, или считают, что такие меры вовсе отсутствуют на территории субъекта Российской Федерации.

Сейчас назрела необходимость в адаптации сферы социальной защиты населения к новым реалиям, а именно к получению гражданами государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

Распоряжением Правительства от 20 февраля 2021 г. № 431-р была принята «Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года» (далее — Концепция).

Концепция определяет направления цифровой и функциональной трансформации социальной сферы и разработана для оптимизации деятельности государственных внебюджетных фондов (за исключением Федерального фонда обязательного медицинского страхования) и федеральных учреждений медико-социальной экспертизы, а также для совершенствования процессов предоставления мер социальной поддержки на федеральном, региональном и муниципальном уровнях на базе цифровых технологий.

Цифровизация социальной сферы предполагает изменение процессов, организационной структуры, осуществляемых функций, принципов принятия решений и взаимодействия организаций с гражданами и юридическими лицами, повышение качества предоставляемых услуг, снижение издержек на их предоставление за счет создания единой централизованной цифровой платформы в социальной сфере, автоматизирующей деятельность Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования Российской Федерации и федеральных учреждений медико-социальной экспертизы, расширения состава цифровых сервисов для граждан и организаций, обеспечения надежной и безопасной современной информационно-технической инфраструктурой.

Для социальной защиты населения будет создана единая система социальной поддержки для всех регионов, отдельные услуги будут предоставляться автоматически, т.е. к 2025 г. граждане смогут получать адресную социальную помощь через единый портал социальной поддержки. Во время пандемии граждане могли в режиме онлайн оставить заявление на получение мер социальной поддержки, заполнив форму на портале государственных услуг РФ. Такая технология позволила оперативно получить данные меры поддержки, не подвергая граждан риску заразиться COVID-19. Также на портале Единой государственной информационной системы социального обеспечения (далее - ЕГИССО) пользователь уже может узнать о федеральных и региональных выплатах и посмотреть, какие льготы и выплаты получает [3, с. 101].

Принцип обращения за предоставлением социальной поддержки граждан - заявительный, поэтому гражданину необходимо написать заявление в соответствующее учреждение. Отдельные меры социальной защиты будут предоставляться проактивно (без предоставления заявления), т.е. автоматически. В зависимости от изменения статуса пользователя в цифровой системе ЕГИССО будет запущена программа подходящей социальной поддержки. В цифровой системе статус гражданина обновляется автоматически, благодаря взаимодействию с другими платформами. Например, при рождении третьего ребенка система определит семью как многодетную и сама предложит соответствующие меры социальной поддержки. Также в данной цифровой системе предусмотрена автоматизация заочной формы медицинского освидетельствования с технологией обезличенной формы освидетельствования (по определенным основаниям).

Указанная Концепция позволит повысить уровень информированности населения о мерах социальной защиты населения благодаря тому, что в личном кабинете заявителя будут отображаться все возможные меры социальной поддержки в зависимости от его статуса.

Безусловное преимущество цифровых трансформаций — это упрощение взаимодействия между гражданином и учреждениями, повышение доступности получения мер социальной поддержки и информированности населения. Однако, несмотря на данные преимущества, в Концепции упущено такое важное направление социальной защиты населения, как предоставление социальных услуг (доставка продуктов питания, реабилитация инвалидов в полустационарах и стационарах, содержание граждан в домах престарелых и т.д.).

В Концепции предоставление социальных услуг практически не рассматривалось. Существует всего лишь косвенное упоминание - «реализация единого стандарта предоставления мер социальной поддержки независимо от места проживания гражданина, а также внедрения на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований типовых регламентов предоставления государственных и муниципальных массовых социально значимых услуг в электронном формате, в том числе с использованием инфраструктуры единого портала».

Несмотря на наличие системы межведомственного электронного взаимодействия, граждане до сих пор собирают и самостоятельно предоставляют документы, необходимые при предоставлении социальных услуг, хотя набор документов практически ничем не отличается от набора документов, требуемых при предоставлении мер социальной защиты (поддержки) [1].

В Концепции правильно делается упор на развитие ЕГИССО. Но эта система в основном разработана под оказание мер социальной поддержки.

Существует еще одна проблема - Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» и обсуждаемая Концепция декларируют принцип единых стандартов оказания социальных услуг на всей территории страны, хотя фактически стандарты оказания социальных услуг у каждого субъекта РФ свои. Сделать стандарты едиными - задача сложная. Но определенная работа в рамках функционирования ЕГИССО в этом направлении ведется. На основании региональных классификаторов услуг формируется единый федеральный классификатор, но он, к сожалению, еще далек от совершенства.

Фонд социального страхования разместил на портале государственных закупок контракт на выполнение научно-исследовательской работы по теме «Разработка Концепции использования цифровых технологий для правового обеспечения обязательного социального страхования». Контракт включает в себя создание проекта государственного стандарта России (ГОСТ). Он установит единые правила досудебного урегулирования споров между гражданами, страхователями (работодателями, уплачивающими страховые взносы за работников) и фондом с использованием цифровых технологий. Стандарт должен описать «цифрового социального юриста», бот-консультантов, «умные» калькуляторы, которые определяют легитимные условия, статусы, результаты предоставления услуги и прочее.

Чиновники планируют, что создание ГОСТа повысит качество, доступность, востребованность услуг фонда в цифровом формате, а также уменьшит затраты ведомства и потребителей его услуг. Фонд социального страхования также ставит задачу увеличить «долю массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде - до 95%».

Цифровизация — решит ли существующие проблемы в социальной сфере? На наш взгляд — нет. Данная Концепция регламентирует изменения лишь в практике предоставления мер социальной поддержки (помощи) и не содержит каких-либо изменений в подходах к социальной политике России. Концепция, к сожалению, не нацелена на принципиальные улучшения и это, в свою очередь, может отразиться на политике, которая реализуется в настоящее время.

Адресность, заявленная в Концепции, не является интегративной, ее цель не решение проблем получателей мер социальной поддержки (помощи); ее цель — удобное, проактивное, безбарьерное, автоматическое предоставление этих мер.

Также, в настоящее время неясно, насколько данная система окажется приспособленной к новым вызовам, связанные с пандемией, увеличением уровня бедности и социального неравенства в обществе.

На наш взгляд, Концепция цифровой трансформации социальной сферы направлена только на техническое решение проблемы повышения комфортности получения тех или иных мер социальной поддержки (помощи) и никаким образом не решает проблемы бедности, социальной незащищенности и другие важные социальные проблемы.

Список цитируемой литературы:

1. Синяев И. Критический взгляд практика на концепцию цифровой и функциональной трансформации социальной сферы // URL: <https://d-russia.ru/kriticheskij-vzglyad-praktika-na-konceptiju-cifrovoj-i-funktionalnoj-transformacii-socialnoj-sfery.html> (Дата посещения: 22.12.2021 г.).
2. Черникова А.Н., Юсупова Т.В., Сыроижко В.В. Совершенствование государственного регулирования социальной защиты населения в условиях цифровизации услуг // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 1-5 (52). 2021. С. 166-169.
3. Шакирова А.Ф. Цифровая трансформация системы социальной защиты населения // Электронный экономический вестник. № 1. 2021. С. 99-102.

Сведения об авторе:

Теряева Диана Дмитриевна — магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»; bo_nnnny@mail.ru

Научный руководитель: Петрова Е.А., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой сравнительного правоведения и правотворчества ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Павлов К.В.

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ВОЙНЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ XVI в.: ТРАКТОВКИ ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ И АНДРЕЯ КУРБСКОГО

Аннотация: в исследовании осуществлён анализ оценки оснований для начала ведения войны в международном праве XVI в. в трактовках двух выдающихся военных дипломатов и историков войн этого века – Франческо Гвиччардини и Андрея Курбского.

Ключевые слова: Гвиччардини, Курбский, международное право, «casus belli», «ius ad bellum», войны Ивана Грозного, Итальянские войны.

В качестве вводного положения к данному исследованию, необходимо попытаться разграничить трактовки понятий основания для войны и права на войну. Категория международного права «ius ad bellum» – «право на войну» - как отмечает норвежский исследователь истории войн и военного права Хенрик Сисе, закрепилась в виде самостоятельной теоретической области международного права лишь в XX в. [8, с.56]. Вместе с тем, Сисе указывает, что различные трактовки оснований для войны проистекают ещё из средневекового права в многообразии его форм, таких, как «...высокие амбиции Средневековья, равно как и борьба с несправедливостью (в рамках теории справедливой войны) и борьба за религиозные идеалы (Крестовые походы)» [8, с.57]. Для периода же XVI в., как упоминал выдающийся отечественный историк права И.А.Покровский, ввиду распространения гуманистической философии и применения гуманизма к изучению права [7, с.263-264], различие оснований для войны производилось в контексте такой категории римского права, как «casus»: в этом отношении, понятие основания войны тогда практически стало тождественно классическому римскому «casus belli» – «повод к войне». В этой связи, говоря о международном праве XVI в. и рассматривая трактовки оснований войны в сочинениях выдающихся политических теоретиков и дипломатов того периода - Франческо Гвиччардини и Андрея Курбского – необходимо иметь в виду именно категорию «casus belli», а не «ius ad bellum». Какие основания для войны обозначали оба теоретика и дипломата, и в чём различие их трактовок в этой области международного права?

Дипломат Флорентийской республики в 1512-1527 гг., Франческо Гвиччардини осуществлял свою политическую практику в ходе одного из крупнейших международных конфликтов Раннего Нового времени – Итальянских войн 1494-1559 гг. Начало войн, как упоминает отечественная исследовательница Л.Г.Катушкина, было связано с притязаниями французской монархии, в лице Карла VIII Валуа, на реставрацию т.н. «анжуйского наследия» – династического права Валуа (через анжуйскую ветвь дома) на управление Неаполитанским королевством в Южной Италии [4, с.448]. Собственно, сам проект реставрации анжуйского наследия Валуа представлялся основанием для начала Францией войн на Апеннинах ряду дипломатов - современников начала Итальянских войн 1494-1559 гг. Вместе с тем, система доказательств категории «casus belli» требовала к подобному основанию дополнений. Так, французский дипломат, Филипп де Коммин, бывший в начальный период Итальянских войн послом королевства Валуа в Венеции, обосновывая в своих мемуарах «доктринальную» французскую версию начала войн на Апеннинах [6, с.420], [3, с.295-314], упоминает, по меньшей мере, два дополнительных обстоятельства, способных служить поводами к войне Франции за Неаполитанское королевство: имевшееся у Карла VIII Валуа стремление использовать территорию королевства как плацдарм для дальнейшей войны с турками за Константинополь и, как следствие этого стремления, - возможное признание папы римским власти Франции над Неаполем при условии непритязания Карла на другие итальянские земли [3, с.310]. Кроме того, де Коммин оперирует в своей аргументации правовой целесообразности неаполитанской кампании Карла VIII также фактором дестабилизации внутривосточной обстановки в южно-итальянском королевстве: по упоминанию французского дипломата, за два года перед войнами в Неаполе сменилось пять королей, а линия престолонаследия при этом оказалась пресечена [3, с.298]. Анализируя достоверность данных сведений де Коммина, сложно, однако, судить о том, имелись ли реально у Карла VIII планы в отношении возврата Константинополя, и было ли это долгосрочным интересом в числе поводов войны французов за Неаполь. Незадолго до де Коммина, бургундский хронист Жорж Шателлен писал о сожалении всего христианского мира о том, что взятие турками Константинополя не встретило сопротивления ведущих европейских монархий, как бы «намекая» на повод к «справедливой войне» для французской монархии [10, р.11]. Гвиччардини, напротив, в своей более фундаментальной «Истории Италии», написанной им в период 1537-1540 гг. и впервые опубликованной вскоре по окончании войн на Апеннинах в 1561 г., после Шателлена и де Коммина упоминает о

намерениях Карла VIII лишь как о слухах [2, с.47-48]. Более того, целью возможного похода французского короля называет не Константинополь, а Грецию [2, с.48]. Вместе с тем, значительно шире флорентийский дипломат эпохи Итальянских войн указывает на действительные обстоятельства, имевшиеся в распоряжении французской монархии, чтобы не совершать апеннинскую военную кампанию. Так, в «Истории Италии» им описывается возможность предотвращения кризиса престолонаследия в Неаполитанском королевстве, выражавшаяся в плане заключения брака между внучкой короля Фердинанда II Неаполитанского Карлоттой и королём Шотландии Яковом IV Стюартом [2, с.31-32]. В описании этого факта, характерно следующее указание Гвиччардини: «Фердинанд, которого страх обуревал несравненно больше, чем надежды, понял, что ему остается только как можно скорее отвлечь французского короля от его затеи, придя с ним к соглашению, либо устранить часть причин, побуждающих к войне. Во Франции у Фердинанда были послы, которые должны были вести переговоры о брачном союзе между Карлоттой, дочерью его второго сына дона Федерико, и королем Шотландии: поскольку девица была дочерью сестры матери Карла и воспитывалась при его дворе, так что Карл занимался устройством этого брака» [2, с.31-32]. Брак между Карлоттой и Яковом так и не был заключён [2, с.32]: таким образом, Карл VIII, интерес которого заключался в возвращении южно-итальянского королевства в «домен» французской короны, сохранил за собой повод к войне за Неаполь. Примечательно, что де Коммин, подробнейшим образом описав династическую ситуацию в Неаполе перед началом Итальянских войн [3, с.295-310], про возможность урегулирования этого кризиса при помощи брачной стратегии не упомянул вовсе. Ещё одна причина, которая, по мнению Франческо Гвиччардини, должна была убедить Карла VIII не начинать военную кампанию на Апеннинах, - отсутствие поддержки его планам в отношении Неаполя со стороны Флорентийской республики, немало значившей в системе баланса сил на Апеннинах. По мнению исследователя истории Флорентийской республики Н.Рубинштейна, внутриитальянский баланс сил, позволявший предотвращать внешнюю экспансию в Италию в течение XV в., складывался из суммы конституциональных прав итальянских городов-государств на поддержание внешнеполитической независимости: этот процесс «конституционализации» в Италии был инспирирован флорентийской конституцией Козимо Медичи, «...согласовывавшейся с идеями Леонардо Бруни о гарантиях республиканских свобод против автократии» [11, р.449]. Как полагает Рубинштейн, режим Флорентийской республики периода 1494-1512 гг., совпавший своим началом с вторжением Карла VIII в Неаполь, был «более демократичен и, как ни один, менее аристократичен» [11, р.457]. Флоренция, которой служил Гвиччардини, в период правления Пьеро II Медичи (1492-1494) поддерживала союзнические отношения с Арагонским домом [2, с.44-45]: в фундаментальном исследовании Дж.Ф.Юнга об истории династии Медичи в описании правления Пьеро II указывается на подобный союз как с основной его ветвью, правившей в Испании, так и с «боковой», управлявшей Неаполитанским королевством [12, р.312-314]. Соответственно, в «сумме поводов» для Франции ко входу в Неаполь, по меньшей мере, не могло быть одобрения одной из составлявших «сумму баланса сил» в Италии сторон – Флоренции. В ещё большей степени, с точки зрения Гвиччардини, дискредитировал «casus belli» Карла отказ папы римского Александра VI предоставить ему инвеституру для правления Неаполем: «На это понтифик отвечал, что инвеститура помянутого королевства была дарована его предшественниками трем королям Арагонского дома, ибо в документе, пожалованном Фердинанду, упоминался и Альфонс, почему и было невозможно переуступить ее Карлу, пока законным путем не будет установлено, что у него больше прав. Инвеститура Альфонса не отменяет этих прав, ибо на этот счет там было сказано, что она производится без ущерба для третьих лиц. Также папа напомнил, что Неаполитанское королевство подвластно непосредственно апостольскому престолу, авторитет коего король нарушил бы, совершив открытое нападение, вопреки ожиданию и вопреки обычаю своих предков, которые всегда его рьяно защищали. Признания своих прав королю более пристало бы добиваться законным путем, чему папа как верховный сеньор и единственный судья в этом споре был готов способствовать. Христианнейший король не может ожидать ничего иного от римского понтифика, обязанность коего не сеять, а пресекать насилие и войны между христианскими государями» [2, с.43]. Таким образом, в отношении всех трёх «официальных» аргументов французской короны на правомерность экспансии в Неаполь, Франческо Гвиччардини высказывает опровержение их легитимности. С позиции флорентийского дипломата, поход Карла VIII на Неаполь, а вместе с тем – и развязывание Итальянских войн, затянувшихся более чем на полвека, - незаконно и не имеет оснований из разряда casus belli. Каково представление об основаниях для войны у другого дипломата и свидетеля крупных войн XVI в. – войн Ивана Грозного – Андрея Курбского?

Говоря о трактовке Курбским понятия оснований для войны, следует отметить, что дипломат на службе Ивана Грозного и «диссидент» из его опричного государства изначально исходит из определения христианской войны как справедливой. Соответственно, провиденциалистские установки определяют отношение, высказанное Курбским в составленной им в 1573 г. «Истории Иоанна Грозного» к основаниям для войны с Казанским ханством: «И абіе, за помощію Божією, сопровитвь сопостатовъ возмогоша воинство христіанское. И противъ якихъ сопостатовъ? Такъ великаго и грознаго Измаильтескаго языка, отъ негожь нькогда и вселенная трепетала, и не токмо трепетала, но и спустошена была» [1, с.63]. Более того, обоснование войн Грозного за Казань и Астрахань в трактовке Курбского приобретает интерпретацию возврата принадлежащих русскому царю по праву земель: «...А предъ темъ, ещё во младости его, безчисленными плъненными варварскими, ово отъ царя Перекопскаго, ово отъ татаръ Нагайскихъ, сирьчь Заволжскихъ, а наипаче и горше всъхъ, отъ царя Казанскаго, сильнаго и можнаго мучителя христіанскаго, иже подъ властію своею имьль шесть языковъ различныхъ, ими же безчисленное и неисповъдимое плъненіе и кровопролитіе учинялъ, такъ, иже уже все было пусто за осмьнадесять миль до Московскаго места» [1, с.59]. Вместе с тем, характерно, что Курбский указывает на «неисповедимое пленение христиан» правителями-иноверцами – ногайским, казанским и крымским ханами – как на причину запустения христианских земель Московской Руси «...за осмьнадесять миль до Московскаго места» [1, с.59], до того, как указать на «опустошение христианской вселенной» [1, с.63]. Тем самым в «Истории Иоанна» Курбский сводит основной повод к войне Московии с татарами не к стремлению Ивана Грозного отомстить за учинённое ими разграбление, а именно к защите христианского населения разграбленных земель. Мотив мщения в войнах за Казань и Астрахань, тем самым, указывается Курбским в качестве уже вторичного основания. Соответственно, в трактовке Курбского эта война Ивана Грозного, начатая на справедливых, с позиции христианского права, основаниях, поддержана и ведома Богом и приводит царя Московии к успеху [1, с.64]; [1, с.79-80]. В этой связи, весьма примечательно, что дипломат и беглец от опричнины в своей трактовке никак не противопоставляет основания к ранним войнам Грозного с татарами основаниям же к более поздним его войнам - с европейскими христианскими государствами, в рамках Ливонской войны. Есть ли у Курбского возможность, исходя из идеи верховенства христианской морали в международном праве своего времени, высказанной выше в отношении войн с татарами, обосновать междоусобные войны христианских правителей? Здесь Курбский в качестве ключевого обоснования войн указывает невыполнение «Лифляндскою землею» ранее установленных по договору с Московией обязательств, а именно – невыплату дани в течение пятидесяти лет [1, с.99]. Каким же образом он «обходит» в описании этого сюжета заданную изначально в своей «Истории» трактовку справедливой войны как христианской войны с иноверцами? Для этого, Курбский неожиданно упоминает процесс Реформации в Германии: «...А их милость Нъмцы, велеможные и гордые, сами себъ новее имя изобрѣтше, нарекшееся Евангелики» [1, с.100]. Именно реформационный фактор позволяет дипломату не только отнести «лифляндцев – евангеликов» к «супостатам», как и татар, но и аналогичным образом противопоставить их христианскому миру Московии и представить их его врагами [1, с.100]. Анализируя данное обстоятельство «летописи» истории международных отношений Московии эпохи Ивана Грозного за авторством Курбского, различные исследователи личности и деятельности дипломата указывали несколько факторов «эволюции» обоснования образа врага в его описании. Так, издатель «Истории Иоанна», историк Н.Г. Устрялов видел в этой «эволюции» трактовки справедливой войны реакцию Курбского на начало Грозным опричнины и стремление избежать разделения участи её первых жертв [9, с.20]. Вместе с тем, Устрялов указывал на изменение взглядов Курбского на Ливонскую войну Грозного в поздние годы этой войны, прослеживающуюся в его ответе 1579 г. на Вольмарское послание царя [9, с.28]. По мнению историка, с этого момента Курбский, находясь под Полоцком и осознав всю безосновательность междоусобных войн христианских правителей, отходит от идеи аргументации Ливонской войны как справедливой из какой бы то ни было морально-правовой парадигмы [9, с.28]. Вместе с тем, Устрялов делает по данному вопросу важное уточнение в своём анализе «Истории Иоанна» Курбского: «Если же вѣрить Курбскому, Иоаннь до покоренія Казани дѣйствовалъ невольню, по совѣту бояръ, а потомъ началъ поступать по внушенію собственнаго разума и сердца» [9, с.41]. Именно взятие Казани – поворот Грозного в обосновании аргументацией царской воли любой войны как справедливой. По мысли Устрялова, Курбский стремился продемонстрировать, что интересы «права Божьего» Иван Грозный в своей международно-правовой «доктрине» присоветовал к интересам формирующегося в Московии абсолютистского режима [9, с.40-42]. Характерно, что в своей оценке правовых обоснований, данных войнам Грозного в «Истории Иоанна» Курбского, историк практически не оперирует таким обстоятельством жизни дипломата, как его

«диссидентским» бегством в Польско-Литовское государство и изменой Московии, аргументируя это тем, что «История Иоанна», оконченная в 1573 г., вероятно, составлялась Курбским – современником её событий – в прямой фиксации хода войн эпохи. Соответственно, при такой исторической интерпретации написания дипломатом сочинения, и обоснование начала войн приводится Курбским до его бегства из Московии в 1564 г. [9, с.38-40]. Другую точку зрения относительно влияния «диссидентского» фактора на обоснование Курбским войн Грозного на основании анализа переписки между царём и беглым дипломатом высказал академик Д.С.Лихачёв. По мнению Д.С.Лихачёва, противопоставления в правовой риторике Курбского в переписке с Грозным – следствие именно стремления оправдать измену его режиму: «Курбскому надо было оправдать себя в глазах общественного мнения России и в Польско-Литовском государстве, но прежде всего в собственных глазах. Основное в занимаемой Курбским «жизненной позиции» — не столько поза правдолюбца перед своими читателями, сколько игра перед самим собой, стремление оправдать себя в своих собственных глазах» [5, с.202]. В этой связи, в концепции Д.С.Лихачёва, Курбский и начинает своё описание войн Грозного взятием Казани, при котором он сам отличился, как справедливую войну, а затем как бы «конструирует» трагедию Полоцка 1579 г. как развязку Ливонской [5, с.204-205]. Следует отметить, что в своём анализе академик исходит из противоположного точки зрения Устрялова предположения, согласно которому, «История Иоанна» была начата Курбским «...не ранее 1573 г.» [5, с.206]. Как бы то ни было, вне зависимости от хронологии создания «Истории Иоанна», в этом сочинении Андрея Курбского, несомненно, воспроизводится интереснейшая эволюция обоснования войн Иоанна: от примата христианского права справедливой войны к примату целей строительства русским царём абсолютистского государства.

Подводя итоги исследования, можно заключить: как Франческо Гвиччардини в «Истории Италии», так и Андрей Курбский в «Истории Иоанна Грозного», анализируя историю войн своего времени – Итальянских войн 1494-1559 гг. и войн Ивана Грозного соответственно, - создают самостоятельные трактовки понятия основания для войны в международном праве XVI в. В представлении Гвиччардини, война, осуществлявшаяся на Апеннингах более полувека, была развязана без легальных поводов с точки зрения как светского, так и клерикального права. Курбский же, напротив, описывает эволюцию обоснования Иоанном правомочности войн с противниками Московии от идеи справедливой войны с позиции христианского права к светскому, или даже, - частному праву абсолютного монарха. В этой связи, уместно утверждать о том, что для флорентийского дипломата в войнах его эпохи не было международно-правового фактора *casus belli*, тогда как русский дипломат и «диссидент» в войнах своего времени стремился на примере военной политики Ивана Грозного не только обосновать этот фактор, но и проследить его развитие.

Список цитируемой литературы:

1. Андрей Курбский. История Иоанна Грозного / Сказания князя Курбского. Издание третье, исправленное и дополненное, Н.Устрялова. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1868. С.53-180.
2. Гвиччардини Ф. История Италии. В двух томах. Том 1 / Пер. с итал. и подготовка издания М.А. Юсима. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 744 с.
3. де Коммин Ф. Мемуары / Пер. с франц. Ю.П.Малинина. М.: Наука, 1986. 496 с.
4. Катушкина Л.Г. Итальянские войны // История Италии в 3 т. Т.1 / под ред. С.Д.Сказкина. М.: Наука, 1970. С.426-466.
5. Лихачёв Д.С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского / Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским // подготовка текста: Я.С.Лурье и Ю.Д.Рыков. Л.: Наука, 1979. С.183-213.
6. Малинин Ю.П. Филипп де Коммин и его мемуары / де Коммин Ф. Мемуары // Пер. с франц. Ю.П.Малинина. М.: Наука, 1986. С. 384-438.
7. Покровский И.А. История римского права // вступительная статья, переводы с латинского, научная редакция и комментарии А.Д.Рудюкваса. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1998. 560 с.
8. Сисе Х. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах // пер. с норв. С.А.Хоркиной под ред. О.А.Зимарина. М.: Издательство «Весь Мир», 2007. 176 с.
9. Устрялов Н.Г. О жизни и сочинениях Князя Курбского / Сказания князя Курбского. Издание третье, исправленное и дополненное, Н.Устрялова. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1868. С.12-49.

10. Chastellain G. Oeuvres / In 8 T. // Ed. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles: F.Heussner, 1863. T.I. 442 p.
11. Rubinstein N. Florentine constitutionalism and Medici ascendancy in the fifteenth century / Florentine studies. Politics and Society in Renaissance Florence // edited by N.Rubinstein. London: Faber and Faber Ltd, 1968. P.442-462.
12. Young, G.F. The Medici. In two volumes. Vol.I. London: John Murray Albemarle Street, W. 1913. 544 p.

Сведения об авторе:

Павлов Кирилл Владимирович – магистрант 2 курса Института истории ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)», Kir2014Sch603@gmail.com

Научный руководитель – доцент Кафедры истории средних веков Института истории ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)», к.и.н. Дмитриева Марина Игоревна

Андропова О.И.

**ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ПРОЕКТОВ**

***Аннотация:** В статье анализируется практика прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции при реализации национальных проектов. Автором отмечены типичные нарушения, которые допускаются поднадзорными органами при реализации национальных проектов.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, реализация национальных проектов, национальные проекты, коррупция.*

С 2018 года в нашей стране продолжается реализация национальных проектов (далее — нацпроектов). Они разработаны Правительством России по поручению В.В. Путина. Президентом сформулированы ключевые цели национального развития, достижение которых планируется обеспечить в рамках реализации мероприятий национальных проектов.

На сегодняшний день реализация нацпроектов – ключевая задача органов власти всех уровней. Материальное обеспечение реализации составляет более 25 трлн рублей. Финансовые ресурсы сконцентрированы на решении важнейших задач экономического, социально-технологического развития страны, качественной модернизации социальной сферы [6, с. 126].

Несмотря на положительные предварительные итоги реализации нацпроектов, которые демонстрируют успешность выбранного пути их использования для решения задач национального развития страны, органами контроля и правоохранительными органами выявляются многочисленные нарушения в указанной сфере [2, с.56].

Премьер-министр России М. Мишустин призвал своевременно выявлять риски нецелевого использования бюджетных средств в указанной сфере и призвал федеральные и региональные органы власти передавать информацию о возможных нарушениях в Генеральную прокуратуру, МВД и ФСБ.

Как сообщил Генеральный прокурор РФ, свыше трети зарегистрированных в 2020 году преступных деяний, связанных с реализацией нацпроектов, составляют преступления коррупционной направленности.

Причем, как отмечено И. Красновым, наиболее подвержены коррупции важнейшие проекты социальной направленности – «Здравоохранение», «Образование», «Жилье и городская среда».

Коррупция сегодня является одним из серьезных препятствий на пути развития нашего государства. Как справедливо отмечено Президентом страны, ее распространение приняло угрожающий характер. Коррупцию сегодня следует рассматривать не как единичный подкуп должностного лица, а как явление, заключающееся в разложении власти.

Коррупционные схемы наносят ущерб безопасности страны и способны негативно повлиять на достижение целей национального развития [1, с. 56].

Деятельность органов прокуратуры является действенным способом защиты интересов общества и государства, поскольку органы прокуратуры являются единственным органом, осуществляющим на территории Российской Федерации надзор за исполнением законодательства.

Приведем краткую характеристику процесса реализации национальных проектов. Основу материального обеспечения нацпроектов составляют средства бюджета Российской Федерации и средства бюджетов субъектов РФ. Реализация мероприятий, предусмотренных национальными проектами, происходит посредством заключения государственных и муниципальных контрактов.

Как отметил Н. Патрушев, основная масса нарушений связана с невыполнением требований законодательства о закупках, коррупционными проявлениями в указанной сфере.

Анализ материалов прокурорской практики позволил выделить типичные нарушения законодательства в указанной сфере.

1. Нецелевое расходование бюджетных средств.

Например, в Оренбургской области прокуратурой установлено, что по результатам электронного аукциона между управлением строительства и дорожного хозяйства администрации г. Оренбурга и ООО «ГП Дорстрой-Уфа» заключен муниципальный контракт на капитальный ремонт автомобильных дорог, стоимость контракта составила более 196 миллионов рублей.

В дальнейшем между органом местного самоуправления и юридическим лицом заключены дополнительные соглашения на отдельные виды дополнительных работ и затрат, которые не были предусмотрены аукционной документацией. В результате проведенной прокурорской проверки удалось установить, что неправомерные действия должностных лиц администрации Оренбурга повлекли нецелевое расходование бюджетных средств на общую сумму более 12 млн рублей.

2. Распространенными остаются случаи неосвоения полученных для реализации мероприятий национальных проектов бюджетных средств. Так, в Пензенской области несмотря на оперативное доведение межбюджетных трансфертов до администраций муниципальных образований, органами местного самоуправления средства субсидий на момент проверок освоены не были, отбор получателей финансовой поддержки не проводился. Стоит отметить, что такие обстоятельства ставят под угрозу своевременность выполнения целевых показателей национального проекта, в связи с чем устранение нарушений после внесения соответствующих актов прокурорского реагирования является предметом контроля органов прокуратуры.

3. Органами власти различных уровней допускаются также нарушения при предоставлении средств в виде межбюджетных трансфертов, например, не принимаются необходимые правовые акты, подтверждающие соблюдение условий о софинансировании расходных обязательств из местных бюджетов, не соблюдается установленная формула расчета объема межбюджетных трансфертов, не обеспечивается контроль за расходованием предоставленных бюджетных средств.

4. При оценке законности заключения государственных и муниципальных контрактов выявляются факты несоответствия конкурсной документации требованиям законодательства, включение в текст договора условий, противоречащих нормам законодательства.

5. Одним из часто встречающихся нарушений, которое допускается при заключении контрактов, является неправильный расчет, обоснованность начальной (максимальной) цены контракта, допускаются случаи ее завышения [3, с. 30].

6. Нередко заказчиком не соблюдаются обязательные требования к проведению конкурсов и аукционов для заключения государственных и муниципальных контрактов. Выявляются случаи дробления контракта с целью обхода конкурсных процедур. Например, прокуратурой города Владимир установлено, что конкурс за право устроить рекультивацию на свалках твердых коммунальных отходов был проведен ненадлежащим образом.

7. Одним из способов хищения бюджетных средств является заключение контрактов с аффилированными лицами заказчика и состоящими с ним в родственных либо иных близких отношениях. В некоторых случаях заказчик не принимает должных мер, направленных на предотвращение и урегулирование конфликта интересов.

Так, например, по итогам проверки информации, поступившей из Росфинмониторинга, прокуратура Северо-Западного административного округа города Москвы установила факт фиктивной регистрации организации, на счета которой в дальнейшем перечислялись средства в рамках национального проекта «Экология». По материалам прокурорской проверки возбуждено уголовное дело за совершение преступления, предусмотренного частью 1 статьи 173.1 УК РФ.

8. И все же наибольшее количество нарушений выявляются на этапе приемки выполненных работ. Так, распространенными являются случаи неисполнения либо же исполнения работ в меньшем объеме, нарушение сроков исполнения обязательств по заключенному контракту.

Например, прокуратурой Волгоградской области установлено, что ГКУ Волгоградской области «Дирекция водохозяйственного строительства» и коммерческая организация в 2020 году заключили пять государственных контрактов на выполнение работ в рамках реализации нацпроекта «Экология».

Подрядная организация отчиталась о выполнении работ, заказчик подписал акты приемки выполненных работ, и из регионального бюджета исполнителю было перечислено 173 млн рублей. Между тем, как было установлено органом прокуратуры, часть работ — на общую сумму 55 млн рублей — выполнена не была. По результатам проведенной проверки в органы предварительного расследования направлено постановление для решения вопроса об уголовном преследовании виновных лиц за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ и ч. 4 ст. 159 УК РФ.

При обнаружении в ходе проведения проверки нарушений федерального законодательства прокурор правомочен вынести акты прокурорского реагирования, направленные на устранение выявленных нарушений.

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» содержит исчерпывающий перечень мер прокурорского реагирования на выявленные правонарушения, которые в полном объеме должны применяться по выявленным фактам нарушений законов. В зависимости от характера нарушений, причин и условий, им способствующих, распространенности правонарушений, их повторности, наступивших и возможных в будущем вредных последствий, степени вины правонарушителей, прокурор готовит: протест, представление, постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, предостережение о недопустимости нарушения закона, постановление о направлении материалов в органы предварительного расследования, иск (заявление) в суд (арбитражный суд).

Согласно статье 25 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор, исходя из характера нарушения закона должностным лицом, выносит мотивированное постановление о возбуждении дела об административном правонарушении. Указанный акт, по мнению проведенного анкетирования среди прокурорских работников, является наиболее эффективным [4, с. 85].

Так, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации предусматривает административную ответственность за совершение правонарушений в сфере контрактной системы закупок товаров, работ и услуг для удовлетворения государственных и муниципальных нужд (ст. 7.29, 7.30–7.32 КоАП РФ).

В случае установления факта совершения деяния, содержащего признаки состава преступления, прокурор, руководствуясь ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, выносит постановление о направлении материалов проверки в органы предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Так, в Республике Татарстан материалы проверки природоохранной прокуратуры послужили основанием для возбуждения уголовного дела по ч. 4 ст. 159, ч. 1 ст. 285 УК РФ по факту приемки заказчиком невыполненных работ на сумму 1,3 млн руб. при реализации государственного контракта по очистке берегов Куйбышевского водохранилища в рамках федерального проекта «Сохранение уникальных водных объектов» [5, с. 89]

Одним из наиболее действенных способов защиты интересов общества и государства является направление прокурором исковых заявлений в суды.

Прокурором могут быть направлены заявления в арбитражный суд с требованием признания недействительными государственных или муниципальных контрактов, необоснованно заключенных без проведения конкурсных процедур, например, путем дробления закупок, и применении последствий их недействительности; заявления о признании недействительными дополнительных соглашений к государственным или муниципальным контрактам на выполнение работ в рамках реализации национальных проектов. Исковые заявления могут быть направлены в суд также при установлении конфликта интересов между заказчиком и поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по государственному или муниципальному контракту.

Таким образом, деятельность органов прокуратуры является действенным средством обеспечения законности и борьбы с коррупционными проявлениями при реализации на территории Российской Федерации национальных проектов.

Список цитируемой литературы:

1. Белинский В.В. О мерах, направленных на противодействие коррупции, осуществляемых в ходе реализации приоритетных национальных проектов «Образование» и «Здоровье» // Вестник экономической безопасности. 2009. №10. С. 70-75.

2. Ермаченко С. В. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национального проекта «Экология» // Проблемы предупреждения нарушений экологического законодательства, 2020. – № 9. С. 50-56.

3. Исламова Э. Р. Особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национального проекта «Образование» / Э. Р. Исламова // Защити меня. – 2021. – № 1. – С. 27-33.

4. Нуриев А. М. Особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации / А. М. Нуриев // Отечественная юриспруденция. – 2018. – № 3(28). – С. 81-89.

5. Осипов О. В. Организация в Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуре надзора за соблюдением законов при реализации национального проекта «Экология» // Проблемы предупреждения нарушений экологического законодательства, 2020. – № 9. С. 69-77.

6. Юхачев С. П. Коррупционные схемы при реализации национальных проектов как угроза экономической безопасности российской Федерации // Социально-экономические явления и процессы. 2009. №2. С. 119-127.

Сведения об авторе:

Андропова Ольга Игоревна – магистрант 2 года обучения Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, olya.andropova2016@yandex.ru

Научный руководитель – Исламова Эльнара Рафисовна, к.ю.н, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел.

Тихомиров П.Ю.

ПАМЯТЬ О М.М. СПЕРАНСКОМ В ПРАКТИКЕ КОММЕМОРАЦИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

***Аннотация:** В данной статье рассматривается проблема коммеморации видного государственного деятеля, юриста и реформатора М.М. Сперанского в современной России. Коммеморацией принято называть способ целенаправленной репрезентации обладающей культурно - исторической, идеологической, мировоззренческой значимостью информации посредством увековечения определенных лиц и событий. Сохранение памяти о М.М. Сперанском находит свое место в реализуемом российской властью политическом патриотическом дискурсе с идеалом служения Отечеству. Авторами статьи исследовано многообразие форм коммеморативной практики, примененных в рамках политики памяти в отношении этого героя российской истории. Изучены памятные места, связанные с периодом становления будущего реформатора, временем расцвета его деятельности, «ссылными» днями. Отмечена роль профессионального сообщества как инициатора увековечивания памяти о М.М. Сперанском.*

***Ключевые слова:** М.М. Сперанский, коммеморация, политика памяти, юриспруденция, памятник, мемориальная доска.*

К числу актуальных политико-правовых проблем российской государственности относится политика памяти. Вопрос отношения к прошлому и его интерпретации занимает важное место в политическом дискурсе любого государства. В последние десятилетия коммеморативное пространство российских городов и сёл пополнилось новыми фигурами, прежде не вписывавшимися в идеологические рамки. Среди таких «старых новых героев» оказался и Михаил Михайлович Сперанский (1772-1839). Юбилейная дата 1997 г. – двухсотлетие со дня рождения государственного деятеля, реформатора, законодателя послужила катализатором коммеморативных практик в отношении этой яркой персоны отечественной истории. С начала XXI в. российские власти осуществляют политику памяти, направленную на развитие патриотического дискурса с идеалом служения Отечеству. М.М. Сперанский – пример такого служения.

Наиболее ранние акты увековечивания памяти М.М. Сперанского на рубеже XX-XXI вв. связаны с общественными инициативами и решением властей его малой родины – села Черкутино (ныне Собинский район Владимирской области). В XVIII-XIX в. это селение принадлежало знаменитому роду Салтыковых. Само название села, по рассказам местных жителей, происходит от слова

«церковь», которое в старину произносили как «черква». Здесь в семье священника Николаевской церкви 1 (12) января 1772 года и родился Михаил Михайлович. Первые восемь лет жизни будущего реформатора были связаны с этим местом. В 1872 г., когда отмечался 100-летний юбилей Сперанского, в Черкутино в память о рождении реформатора было открыто народное училище. Современная черкутинская школа – его преемница.

В последние годы жители села делают многое для сохранения памяти о великом земляке. Если учесть, что черкутинцев сейчас осталось не более тысячи человек, то усилия эти поистине огромные. Имя Сперанского можно назвать брендовым для этого села. Проезжающие по трассе Владимир-Александров не могут не заметить указатель с информацией о том, что «село ЧЕРКУТИНО – родина выдающегося государственного деятеля М.М. СПЕРАНСКОГО». Жителями разработан целый «Маршрут Сперанского» [9], состоящий из восьми локаций, связанных с жизнью знаменитого земляка.

В их число входит Церковь Николая Чудотворца (1736), в которой крестили Михаила; колокольня, оставшаяся от храмового комплекса церкви Рождества Пресвятой Богородицы (1802), снесенной в 1967 году, которой присылал средства М.М. Сперанский В 2018 г. по решению главы администрации Собинского района Александра Разова, [17] в историческом здании церковно-приходской школы постройки 1804-1805 гг. открылся музей, экспозиция которого отражает все этапы жизни и деятельности великого реформатора. В здании сельской школы открыта краеведческая комната. Одной из улиц села присвоено имя Сперанского. Недалеко от храма Николая Чудотворца растет многовековой дуб – «дуб Сперанского», местные специалисты подтвердили, что ему не менее 300 лет, так что он вполне мог быть современником нашего героя. Также в Черкутино сохранился дом, возведенный в конце XVIII – начале XIX века, который был построен на средства Михаила Михайловича для его сестры Марфы. Она была замужем за священником Третьяковым и проживала в новой постройке с мужем и матушкой Прасковьей Федоровной. Есть все основания считать, что на месте этого здания стоял деревянный дом, в котором и родился государственный деятель. В 2016 г. руинированный памятник XIX столетия, который получил название «Дом Сперанского», выкупили шестеро владимирских адвокатов [2]. Остается надеяться, что все формальные и материальные трудности, возникшие на пути реставрации памятника, будут преодолены, и родина великого реформатора получит еще одну достопримечательность. Надежду на лучшее будущее нужно выразить и в отношении усадьбы владельцев этой местности Салтыковых.

В 1996 г. на фасаде здания сельского дома культуры была установлена мемориальная доска в честь М.М. Сперанского, в 2009 г. после устранения ошибок там же был размещен новый коммеморативный знак [13].

Во Владимире с 2003 г. здание бывшего епархиального общежития Владимирской духовной семинарии украшает мемориальная доска с памятным барельефом Сперанскому и его цитатой: «Всякое правительство законно тогда, когда основано на воле народа». Этот памятный знак напоминает о годах учебы юного Михаила в семинарии в 1780-1789 гг., где он и получил свою фамилию. Инициаторами установки доски стали исследователи русского либерализма во главе с профессором Алексеем Кара – Мурзой: «Нам сейчас не хватает культуры в политике, Сперанский напоминает об этом, я думаю, это серьезный сигнал нашей сегодняшней политической элиты, когда мы заново открываем имя Сперанского, это некая планка, до которой нам еще надо расти» [14].

В 1998 г. в Санкт - Петербурге на фасаде дома № 42 по Невскому проспекту, в котором жил Сперанский с 1823 г. по 1832 г., была установлена мемориальная доска, архитектором которой стала Т.Н. Милорадович, дальняя родственница знаменитого русского генерала. Отметим, что инициатором маркирования петербургского места памяти выдающегося правоведа стало «Некоммерческое партнерство молодых юристов Санкт-Петербурга», то есть общественная организация, в данном случае проявившая себя как популяризатор исторического наследия. За счет средств партнерства были осуществлены проектирование, изготовление и установка мемориальной доски. Стоит заметить, что в указанном здании, по словам Д.И. Луковской [15, с. 6], Сперанский снимал квартиру по протекции руководителей армянской общины, поскольку дом принадлежал Армянской церкви. В эти годы Сперанский кропотливо трудился над кодификацией законодательства Российской Империи. Этот петербургский адрес М.М. Сперанского примечателен еще и тем, что в той же квартире с 1823 года до ареста в 1825 году жил декабрист Г.С. Батеньков [12, с. 194].

Коммеморативные практики в отношении фигуры Сперанского связаны также и с открытием 14 марта 2001 г. мемориальной доски в Перми где в 1812 г. видный государственный деятель оказался в ссылке по подозрению в нелояльности и франкофильстве. Этот период стал для Сперанского тяжелой годиной в круговороте жизненных метаморфоз. Например, «появление Сперанского

в Рождество-Богородицкой церкви во время архиерейского богослужения вызвало смущение тогдашнего епископа пермского Иустина. Мало того, в переднюю Михаила Михайловича были посажены будочники. Городничему (полицмейстеру) с частными приставами вменено в обязанность посещать без церемонии, во всякое время, квартиру Сперанского, и о том, что они там увидят и услышат, рапортовать кому следует» [Цит. по: 16]. Несмотря на отсутствие взаимопонимания с жителями города и местной администрацией, Сперанский все равно проводил время с пользой, обогащался знаниями, читал книги.

Впоследствии М.М. Сперанский, уже будучи генерал-губернатором Сибири, вновь посетил Пермь. Интересно, что в доме, на котором установлена мемориальная доска, на углу Монастырской и Обвинской улиц, Сперанский прожил всего три недели. В связи с наступлением зимы Михаил Михайлович предпочел переселиться в более теплую квартиру, в которой он жил до конца ссыльных дней. «В исходе этого месяца – по свидетельству владельца дома купца И.Н. Попова, – благоудно было ему приискывать, вместе со мной, другую квартиру. При этом намерении, он говорил мне со слезами на глазах: “крайне мне прискорбно с вами расстаться; но комнаты холодны, дует с Камы в окна: на улице я герой, какая бы, ни была стужа, а в комнате от холода с ума сойду; да и дом мал ваш мал для моей семьи, которую жду”» [1]. Однако дом Ипатова, в который переехал Сперанский, был снесен еще в 1837 году, и мемориальную доску пришлось разместить именно на доме Попова [7]. Помимо этого примера, в Пермском крае осознание значимости исторического вклада Сперанского в государственно - правовое развитие Российской Империи, в становление законодательства российского государства проявилось и в открытии бюста великого законодателя в ноябре 2016 г. напротив здания Пермского государственного университета. Непосредственным поводом событию послужило столетие этого старейшего на Урале высшего учебного заведения, ровесником которого является его юридический факультет, ставший первой альма-матер правоведов на востоке Европейской России [5]. Немаловажно, что появление в Перми памятника Сперанского – целиком и полностью инициатива профессионального сообщества, скульптура была изготовлена и установлена на средства четырех компаний, стала подарком регионального отделения Ассоциации юристов России университету и городу [11].

В Сибири память о Сперанском сохраняется в Иркутске. 20 февраля 2003 года на фасаде бывшего губернаторского дома была установлена мемориальная доска. Жители Иркутска тем самым отдали дань уважения генерал - губернатору Сибири (1818 – 1821). Сперанскому было поручено Александром I провести ревизию региона: «Сделать осмотр Сибирских губерний и существовавшего до сего времени в оных управления, в виде начальника и со всеми правами и властью, присвоенными генерал-губернатору. Исправя сею властью всё то, что будет в возможности, облича лица, предающиеся злоупотреблениям, предав кого нужно законному суждению, важнейшее ваше занятие должно быть: сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдалённого края...» [18, с. 82]. Генерал - губернатор в ходе обозрения местных порядков и сложившейся конъюнктуры предал суду 48 сибирских чиновников. В общей сложности виновных во взяточничестве и других злоупотреблениях обязали вернуть 2 млн 847 тыс. рублей серебром. Сперанский твердо нацеливался побороть произвол столоначальников и искоренить мздоимство. Он заложил фундамент регионального образования, открыв школу по Белл - Ланкастерской системе взаимного обучения более старшими учениками более младших. Сперанский приложил усилия к разработке 10 законопроектных, создавших условия для усовершенствования управления краем. Ему, по словам Д.Н. Гергилева и Н.С. Дуревой, «удалось разграничить компетенцию разных чиновных учреждений, жестко отделить судебную сферу от финансовой, а их вместе – от непосредственно управленческой (по крайней мере, формально). Таким образом, один из основных источников чиновного произвола и взяточничества (а именно путаница и дублирование функций разных ведомств) был ликвидирован» [8, с. 90]. Но более важно, что он предстал в глазах населения государственным человеком, обладавшим порядочностью и следовавшим духу профессионализма и идее добродетели, что подтверждается словами историка В. Вагина: «Сибиряки увидели в вельможе человека. Они снова начали жить и дышать свободно. Самовластие, лихоимство, всякого рода притеснения, на которые они жаловались так долго и так бесполезно, стали прекращаться мерами власти. Власть эта делалась тем, чем надлежало ей быть, – защитницей, а не гонительницей населения» [6, с. 27].

В 2016 г. в Иркутске появились и бюст, и площадь графа Сперанского на пересечении улиц Рабочей и Сухэ-Батора [20].

Появление “бронзового” Сперанского в Иркутске имеет долгую историю, которая начинается в 1889 г.: «на заседании Городской думы городской голова В. П. Сукачев, рассказав во вступительном слове о полезной деятельности графа М. М. Сперанского, внёс предложение о выходе в

правительство с ходатайством по поводу открытия подписки на сооружение памятника этому государственному деятелю, которое дума приняла единогласно. И только через два года, а именно 24 января 1891 г., незадолго до посещения Иркутска цесаревичем Николаем Высочайше утверждается решение об открытии при Иркутской Городской думе подписки на сооружение в городе Иркутске памятника сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому» [10]. Правда, даже к 1913 г. это мероприятие не увенчалось успехом, и на оплату работ по изготовлению памятника средств не доставало. Слухи о желании горожан возвести данный монумент пробрались сквозь тысячи верстовых столбов в Москву: знаменитый фабрикант Виллерт – владелец литейного завода – предложил свои услуги по исполнению проекта памятника из бронзы, а видный горнопромышленник Поднебесных, ведавший добычей нефрита, мрамора и песчаника, также дал знать о желании предоставить помощь. Интересное и одновременно специфическое предложение по конструктивному исполнению памятника, по словам А.К. Чернигова, было сделано иркутским купцом 2-й гильдии Ицко Винником, владельцем хлебопекарен и производителем различных круп, выдвинувшим идею решения проблемы освещения города за счет выполнения памятника в виде колонны, «на вершине которой необходимо установить источник света силы, достаточной для освещения всего города. Для получения такой силы И. Винник предлагал использовать громадную энергию реки Ангары. Кроме того, он предлагал пропускать от источника свет через щели, которые должны составить слова: «Сперанскому — Иркутск». Автор предполагал, что такой памятник выиграет в красоте и монументальности и будет вполне достоин увековечения памяти великого администратора и преобразователя Сибири» [10]. Однако вряд ли этот проект мог быть реализован. И только в 2016 г. в Иркутске, в сквере на пересечении улиц Сухэ-Батора и Рабочей, был открыт памятник сибирскому генерал-губернатору, выдающемуся российскому реформатору Михаилу Михайловичу Сперанскому.

А в 2012 г. уже в Пензе была установлена мемориальная доска Сперанскому, являвшемуся Пензенским губернатором в 1816 – 1819 гг. Он честно исполнял свои полномочия и улучшил условия жизни «аборигенов» губернии. По словам краеведа А.В. Тюстина, «Сперанский занимался наведением порядка в делопроизводстве, запущенном при прежних губернаторах, проводил активную борьбу со злоупотреблениями чиновников, тщательно выявлял причины взяточничества. Он почти полностью обновил аппарат управления, много сил вложил в создание в губернии уездных училищ» [19]. Что важно, вновь в коммеморативной деятельности обнаруживается инициативность общественных организаций и представителей профессионального сообщества, способствующих сохранению культурно - исторического наследия. Так, ООО «Агентство деловой информации», региональный информационный центр общероссийской сети КонсультантПлюс Пензы и Пензенской области выступили инициаторами открытия мемориальной доски Михаилу Сперанскому на губернаторском доме [4].

В 2016 г. графу Сперанскому нашлось место и в коммеморативном пространстве Белгорода, где ему был установлен памятник (ск. Б. Сергиенко) в честь 150-летия судебной реформы. Стоит отметить, что к самой юбилейной дате – в 2014 году – было приурочено появление закладного камня. Скульптура обращена к зданию областного Арбитражного суда на Народном бульваре, бронзовая фигура известного законодателя Российской империи, «прародителя» реформы стоит с толстым фолиантом законов в руках [3]. Этот факт означает то, что процесс коммеморации М.М. Сперанского вышел за пределы тех территорий, которые биографически были связаны с героем. Персона М.М. Сперанского воспринимается как общий символ государственности, законности, справедливости.

Список цитируемой литературы:

1. 205 лет назад в Пермь в ссылку прибыл Михаил Михайлович Сперанский // Официальный сайт ГКБУК "КЦОП". 2017. 23 сентября. URL: <http://kcorp.ru/news2017/20170923.htm> (дата обращения: 08.01.2022).
2. Биткина С. Дом, который построил Сперанский. Энтузиасты хотят спасти уникальное здание XIX века // Российская газета. 2016. 4 августа.
3. В Белгороде установили памятник законодатору Михаилу Сперанскому // Go. 31. 2016. 1 августа. URL: <https://www.go31.ru/news/1316181/v-belgorode-ustanovili-pamatnik-zakonotvorcu-mihailu-speranskomu> (дата обращения: 12.01.2022)
4. В Пензе установили мемориальную доску в честь Михаила Сперанского // Пензенская правда. 2012. 12 ноября. URL: https://pravda-news.ru/news/kultura/v_penze_ustanovili_memorialnyuyu_dosku_v_chest_mikhaila_speranskogo/ (дата обращения: 09.01.2022).

5. В Перми установили памятник Михаилу Сперанскому // Деловой интерес. 2016. URL: <https://delint.ru/obshchestvo/5524-.html> (дата обращения: 12.01.2022).
6. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год: в 2 т. Репринтное издание 1872 г. СПб.: Альфарет, 2011. 775 с.
7. Вынужденный пермяк // Новый компаньон. 2001. 20 марта. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-207904.html> (дата обращения: 12.01.2022).
8. Гергилев Д. Н., Дуреева Н. С. Роль реформ М. М. Сперанского в управлении Сибирью // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 88–93.
9. Ермолина Д. Маршрутом Сперанского: едем на родину «гениального бюрократа» // Призыв. 2021. 5 августа. URL: <https://www.prizyv.ru/2021/08/marshrutom-speranskogo-edem-na-rodinu-genialnogo-byurokrata/> (дата обращения: 11.01.2022).
10. Иркутские повествования. 1661 - 1917 годы. В 2 т. / Автор-составитель А. К. Чернигов. Иркутск: Оттиск, 2003. Т. 2. 464 с.
11. Карнаузов И. В Перми поставили памятник Михаилу Сперанскому // Российская газета. 2016. 18 ноября.
12. Кириков Б. М. Петрова О. В. Кирикова Л. А. Невский проспект. Дом за домом. Издание 4-е, доработанное. Москва - СПб, Центрполиграф. 2013. 413 с.
13. Лапцова С. Дом на родине героя // Владимирские ведомости. 2014. 13-19 ноября.
14. Лемм Э., Журавлев Е. На Худграфу ВГПУ появилась памятная доска Сперанскому // Шестой канал - Владимир. 2003. 12 ноября. URL: <https://6tv.ru/na-xudgrafe-vgpu-poyavilas-ramyatnaya-doska-speranskomu> (дата обращения: 10.01.2022).
15. Луковская Д. И. Гречишкин С. С. Морозов В. И. Михаил Михайлович Сперанский. Материалы к биографии. Москва - Аугсбург. 2001. 118 с.
16. Мельчакова О. А. «Хочу забрать в кармане Каму...» // Архив города Перми. URL: <https://www.permarchive.ru/index.php?page=hochu-zabrat-v-karmane-kamu> (дата обращения: 10.01.2022).
17. Память о М.М. Сперанском. Объекты культурного наследия малой родины великого реформатора // Любовь безусловная. 2021. 23 мая. URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/sobinka/p/54-1-0-7148> (дата обращения: 12.01.2022).
18. Томсинов В. А. Сперанский. Жизнь замечательных людей. Москва, Молодая гвардия. 2006. 451[13] с: ил.
19. Тюстин А.В. “Прекраснейший город на свете”: М. М. Сперанский и Пенза // Пензенские хроники. URL: <http://www.penzahroniki.ru/index.php/verkhnee-menu/108-tyustin-a-v/1126-prekrasnejshij-gorod-na-svete> (дата обращения: 12.01.2022).
20. Шипицин К. Открытие памятника графу Сперанскому в Иркутске. Репортаж Бабра // Babr24. 2016. 6 декабря. URL: <https://www.babr24.com/?ADE=152849&like=store> (дата обращения: 12.01.2022).

Сведения об авторе:

Тихомиров Павел Юрьевич — студент юридического факультета ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»; st094403@student.spbu.ru

Научный руководитель — Беседина Елена Анатольевна., кандидат исторических наук, доцент Института истории ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

Беднякова М.А.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ В ТРУДЕ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО «РОССИЯ И ЕВРОПА»

Аннотация: В данной работе исследуются прогнозы Н.Я. Данилевского касательно перспектив развития России, рассматриваются какие из них были верны и сбылись, а какие нет или возможно просто еще не пришло время для их осуществления.

Ключевые слова: «европейничанье», политика, культура, перспективы, развитие, цивилизация, культурно-исторический тип, славянские народы.

В 2022 году празднуется 200 лет с рождения одного из самого известного социолога и ученого-естествоиспытателя России Николая Яковлевича Данилевского. Люди, занимающиеся исследованиями в геополитике, истории, социологии знают Н. Я. Данилевского как создателя теории

культурно-исторических типов, но помимо этого он еще в 1869 году на основе своей теории спрогнозировал будущие перспективы России. Прогнозы Николая Яковлевича касательно России являются крайне интересной темой для изучения, так как с момента первой публикации его труда «Россия и Европа» прошло уже 153 года, достаточно внушительный временной период для проверки правильности или неправильности выводов ученого о перспективах России. Помимо этого так же необходимо обозначить, что в кругах изучающих труд Данилевского нет единого мнения касательно его труда «Россия и Европа», есть как сторонники данного труда, так и противники. К сторонникам можно отнести Л.Н. Гумилева, Н.С. Трубецкого, Ф.М. Достоевского, а к противникам В.С. Соловьева, П.Н. Милокова и др.

Данилевский достаточно оптимистично смотрел на будущее развитие России. Он писал о том, что Россия станет основой славянского культурно-исторического типа цивилизации, которая будет первым в истории четырехосновным, а так же Россия должна стать во главе Всеславянского союза. Помимо этого Николай Яковлевич написал, что Россия вступит в борьбу с Европой, из которой выйдет победительницей и после которой славянская цивилизация станет доминирующей в мире пока не истратит все свои жизненные и творческие ресурсы. Однако есть и пессимистичные взгляды ученого о судьбе России, к таким, к примеру, можно отнести, страх ученого касающийся верховной власти, которая преимущественно существовала в европейских, а не в национальных ценностях и смотрела на государственные дела сквозь призму европейских взглядов, такое явление Н. Я. Данилевский назвал «европейничанье». Подобное явление, согласно Данилевскому, могло привести к тому, что Россия не сможет перерасти в центр славянской цивилизации, а скатится в этнографический материал, из которого возникнет другой культурно-исторический тип. Николай Яковлевич считал, что после освобождения крестьян от крепостного права, крестьянство перевоспитает «европейничающее» высшее сословие, но именно этого не произошло, чему он сам был свидетелем.

Труд ученого буквально пронизан драматизмом нашей истории начиная с Петра I (признанием превосходства всего европейского перед русским), который заключается в болезни «европейничанья», в измене высших сословий к русскому народу и игнорирование его этно-культурно-исторического значения. Н.Я. Данилевский считал, что после Манифеста об освобождении крестьян в 1861 году крестьянство, которое сохранило верность русским началам и вере, смогут через некоторое время перевоспитать европействующие высшие сословия, но этот прогноз ученого не сбылся, так как он учел незаконченность реформ, результатом которых крестьянство фактически так и оставались под властью помещиков работая на них для своего выкупа. Отмена крепостного права произошла много десятилетий назад, крестьянство не перевоспитало высшие сословия и не вывело болезни европейничества. При Советском союзе практически все государственные институты управления были созданы без вмешательства европейской мысли, из-за того что страна имела тоталитарный политический режим в СССР не проникали ни европейские интересы, ни их ценности и взгляды. Но в 90-ые годы все кардинально поменялось, «железный занавес» спал и уже в Россию хлынуло не только все европейское, но и американское это в первую очередь их культура, стиль поведения, образ мыслей. Спустя 30 лет практически ничего не изменилось, молодежи по-прежнему интересно все европейское и американское, а национально русское кажется чем-то устаревшим и не интересным. Как бы система образования не пыталась вложить в подрастающее поколение патриотизм, национальную гордость и т.п. это не имеет большого успеха. Большую роль в этом конечно же сыграла и глобализация, в которую Россия вступила на рубеже тысячелетия. Подводя итог, можно подчеркнуть что ситуация «европейничанья» со времен написания «Россия и Европа» только ухудшилась и даже еще больше укоренилась. Если при Н. Я. Данилевском болезнью европейничанья «болели» только высшие и образованные сословия, то теперь диапазон намного увеличился и ушел с верхов в массы.

Прошло чуть больше полтора столетия с написания с историко-философского сочинения Данилевского. Достаточно времени прошло или нет сказать трудно, но как минимум, мы уже можем увидеть или описать с точки зрения историософии Данилевского те или иные события истории России, о которых говорил автор.

Проект Всеславянского союза, описанный Николаем Данилевским, безусловно, все еще выглядит утопично. Но если смотреть на этот вопрос шире, то сама мысль о возможности политической интеграции народов и государств, обладающих общностью языка, психологического склада ума и духовной близостью абсолютно верна, и практика отчасти это уже подтвердила. Так, СССР состоял из объединенных республик, которые были перечислены в «Россия и Европе». По его мнению, в состав Всеславянского союза должны войти: Российская империя с Галицией и Угорская Русь,

Чехия, Моравия и северо-запад Венгрии, Королевство Булгария, Румелия и Македония, Княжество Сербское, Черногория, Босния и Герцеговина, северная Албания, Хорватия, Словения, Румыния с Валахией, Молдавия, половина Трансильвании, западная окраина Бессарабии, Крит, Кипр и Королевство Эллинское, Королевство Мадьярское, Царьградский округ и частями Румелии и Малой Азии. Конечно далеко, не все территории, перечисленные в книге входили в состав СССР, однако некоторые из них находилась под влиянием Советского Союза. Существовали и существуют союзы государств при ведущей роли России это, к примеру, ОВД и СНГ, в состав которых входили часть тех территорий, которые по Данилевскому должны были войти во Всеславянский союз. Так, СНГ основано на началах суверенного равенства всех его участников, поэтому все государства — участники являются самостоятельными субъектами международного права и в «России и Европе» мы можем увидеть, что «только большие этнографические и лингвистические группы, на которые разделяется славянский мир, могут составлять те политические единицы, совершенно независимые во внутренних делах, которые должны войти как самостоятельные целые в общеславянский союз» [2, с. 387].

По-прежнему не ясен вопрос о неизбежной борьбе России с Европой для утверждения Всеславянского союза. Здесь у Данилевского мы можем увидеть противоречие. С одной стороны, он говорит о том, что Россия никогда не вела завоевательных войн, не имела колоний, подчеркивает мягкий, христианский характер народа, его терпимость и миролюбие, с другой стороны, призывает к войне. Прогноз о неизбежности в будущем войны с романо-германской цивилизацией к счастью не сбывся. Ни Первую Мировую войну, ни Вторую Мировую войну нельзя назвать войной двух культурно-исторических типов, однако в истории было противостояние, которое наиболее близко подходит к борьбе России и Западного мира и это Холодная война. К началу XXI века центр романо-германской цивилизации сместился в США и поэтому особо острое противостояние шло между СССР и США. В этом конфликте существовало политическое и идеологическое противостояние между социологической системой во главе СССР и капиталистической во главе США. В период Холодной войны начали создаваться военные и экономические союзы и объединения это НАТО, ЕЭС, ОВД и др., целью которых было защита от советского или капиталистического влияния, разведывательная деятельность, интервенции в государствах просоветского и прокапиталистического пространства.

Как уже выше говорилось Н.Я. Данилевский писал о том, что русско-славянский тип будет основан на четырех видах культурной деятельности, а именно на деятельности религиозной, культурной в тесном значении этого слова, политической и общественно-экономической деятельности. Теперь перед нами стоит следующий вопрос – насколько, на данный момент времени, развиты эти виды культурной деятельности в России, какой вклад внесла наша страна в их развитие в мировом масштабе.

В деятельности религиозной Россия хоть и сохранила православное христианство, но сейчас количество верующих в стране уменьшается и поэтому никаких движений в сторону развития, совершенствования и качественных изменений в религии не наблюдается. Советский и русский религиовед М.П. Мчедлов размышляя о месте религии в жизни граждан России отмечал, что «у основной массы россиян, безотносительно от того, верующие они или не верующие, собственно мировоззренческие взгляды носят нецельный, эклектичный характер». [3, с. 82]. В России как многонациональной и многоконфессиональной стране сформирована религиозная и национальная терпимость на достаточно высоком уровне, что в свою очередь имеет большое значение, при учете того, что далеко не во всех странах эта проблема решена, но все таки каких-то крупных вкладов в развитие религии в мировом масштабе Россия не имеет.

На момент 2022 года все страны, в которых преобладающее количество населения относятся к людям говорящих на славянских языках основали самостоятельные государства. Так что слова Николая Яковлевича о том, что «все славянские народы, за исключением русского, или не успели основать самостоятельных государств, или, по крайней мере, не сумели сохранить своей самостоятельности и независимости» уже актуальны [2, с. 482]. По мнению Данилевского, русский народ является одним из самых одаренных политических народов в мире и, следовательно, такой политический народ должен был что-то глобальное внести в развитие политической мысли. Ключевым моментом в книге «Россия и Европа» является идея исключительности исторического пути России и неприемлемости западноевропейского пути развития и спасение России от «европейничанья» скрывается в самобытности русского народа. Самобытность России во многом определяется ее географическим положением между Европой и Азией – миром модернизации и миром традиционности. В политическом смысле современная Россия не оправдала надежд Данилевского. Данилевский

писал о том, что Россия является единственным государством, в котором не было политической революции, но через несколько десятков лет в России за короткий срок случилось сразу две революции, Данилевский выделял самобытную политическую организацию казацких обществ, но в современной России ничего подобного не сохранилось. Но все-таки не стоит забывать о способности русского народа к государственности. После ликвидации самодержавия, народ буквально за десятилетие построил новое государство с совершенно иным укладом жизни, которое хоть и искусственное по форме, все же смогло выстоять в во Второй Мировой и Холодной войне. Затем после ухода Советской власти, как и до этого исторический инстинкт государственности не дал рухнуть России 1990-х годов и стал опорой для новой России в 2000-х годах. Эти исторические события доказывают, что русский народ обладает большим стремление к государственности, который помогает ему преодолевать даже политические формы, не вполне соответствующие его народным началам.

Яркой особенностью современного общественно-экономического строя России является то, что Россия, после почти, что семидесятилетия строительства социализма в отдельно взятой стране, в конце концов, пришла к капитализму. Так что прогноз Н. Я. Данилевского касательно общинного общественно-экономического строя «культурно-исторического типа, имеющего еще в первый раз установить правильный, нормальный характер той отрасли человеческой деятельности, которая обнимает отношения людей между собою не только как нравственных и политических личностей, но и по воздействию их на внешнюю природу, как источник человеческих нужд и потребностей» не исполнился [2, с. 494].

Россия как страна, на которую большое влияние имела европейская культура очень медленно вырабатывает собственную национальную культуру. Грубо говоря, национальная культура в России просуществовала до реформ Петра Великого, после которых русская культура двигалась только в европейском направлении. Безусловно, очаги национальной культуры в виде ремесла и традиций осталась, но они не имели тот вес, которая имела европейская культура. Говоря о современной российской культуре, то можно сказать, что она имеет тенденции вестернизации и европоцентризма. На данном этапе развития страны наблюдается общее понижение культурного уровня. Российская культура переживает состояние глубокого кризиса, порожденного переходным состоянием общества. После распада СССР России требуется культурное самоопределение и самоидентификация культуры. Таким образом, прогноз Н.Я. Данилевского о **четырёхосновности русско-славянского типа** пока не подтвердился. Из всех типов культуры Россия преуспела только в политической деятельности.

Что же в конечном итоге мы имеем? Россия является молодой, но уже большой и могущественной страной, которая имеет огромное политическое влияние. Не образовался Всеславянский союз с центром в Константинополе, многие славянские страны выбрали интеграцию в западную цивилизацию. Россия хоть и не возглавила этот союз, но является политическим лидером на постсоветском пространстве и только продолжит расширять свое влияние. В настоящее время Россия стоит перед проблемой выяснения отношений с Западом.

Прогноз Николая Яковлевича Данилевского о неизбежности борьбы с объединений западной цивилизацией начинает тихо сбываться.

«Европейничанье» прочно вошло в быт русского человека и поэтому необходимо работать над обретением национальной идеологии, естественной для народных начал русского государствообразующего народа, идеологии, на основе которой сможем поставить задачи и решить их, прежде всего в общественно-экономической сфере, затем в культурной и религиозной и только в последнюю очередь в политической.

Список цитируемой литературы:

- 1.Балуев Б.П. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа – Тверь: Издательский дом «Булат», 2001. – 415 с.
- 2.Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. - М. : Книга, 1991. – 573 с.
- 3.Мчедлов, М. П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. – М., 2005. – 448 с.
- 4.Недошивин В. М. Н. Я. Данилевский: «Россия и Европа». К вопросу об истории и теории славянофильства // Отечественная философия. Опыт, проблемы, ориентиры, исследования. М., 1990. Вып. 5. С. 134.
- 5.Хачатурян В. М. Н. Я. Данилевский, европейская цивилизация и Россия / Европейский альманах. История, Традиции, Культура. М., 1992. С. 65.

Сведения об авторе:

Беднякова Мария Алексеевна – студентка Балашовского института (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»; lonelyjpg007@gmail.com

Научный руководитель – Юмашева Т.А. к. п. н., доц., доцент кафедры истории, Балашовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Савченко Д.Г.

ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Аннотация:** В статье анализируются вопросы межведомственного взаимодействия в сфере обеспечения информационной безопасности. Автор характеризует направления деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и Республики Беларусь по борьбе с угрозами информационной безопасности, акцентируя внимание на вопросах международного сотрудничества.*

***Ключевые слова:** Прокуратура, Российская Федерация, Республика Беларусь, взаимодействие, обеспечение, информационная безопасность, национальная безопасность.*

На данный момент в мире прослеживается устойчивая тенденция к дальнейшей глобализации и насаждению высоких технологий, постоянно возрастающей роли информации, это, в свою очередь, характеризует общество как информационное.

Эти процессы в совокупности с мировой напряженностью (этническими конфликтами, боевыми действиями, миграционным кризисом) неизбежно создают угрозу размывания четких границ государства, его внешней и внутренней политики, следовательно – создают реальную угрозу его национальной безопасности.

Актуальность данного исследования обусловлена как геополитическим расположением и значимостью таких государств как Российская Федерация и Республика Беларусь, так и существованием положительных тенденций к дальнейшей интеграции государств-партнеров.

Одной из ключевых систем органов, обеспечивающих национальную безопасность, активно сотрудничающих в данном направлении с правоохранительными органами иностранных государств, является система органов прокуратуры.

Значимость информационной безопасности государства неопределима.

Так, утрата, несанкционированный доступ третьих лиц к сведениям, составляющим государственные секреты, способны нанести государству непоправимый ущерб в области обороноспособности, экономической сфере. В рамках Союзного государства у Республики Беларусь и Российской Федерации существует обоюдная заинтересованность в сохранении стабильно развивающихся отношений интеграционной направленности, государственного строя, целостности и независимости двух государств от иных надгосударственных, государственных образований и альянсов, в том числе посредством сотрудничества в рамках обеспечения информационной безопасности.

Стоит обратить внимание на некоторые аспекты рассматриваемого направления деятельности:

1. Законодательство. Осуществление каких-либо действий со стороны государственных органов и их должностных лиц не представляется возможным без соответствующего нормативного закрепления, тем более если речь идет о межведомственном взаимодействии правоохранительных органов двух государств в целях эффективной борьбы с преступностью.

Правовой основой деятельности в области обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь являются: Конституция, Закон «О прокуратуре Республики Беларусь» от 8.05.2007 г. № 220-З [1], Закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 10.11.2008 г. № 455-З [2], «Об электросвязи» от 19.07.2005 г. № 45-З [3], Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» от 18.03.2019 г. № 1 [4], Указ Президента Республики Беларусь «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» от 9.11.2010 г. № 575 [5], иные нормативные правовые акты, регулирующие отношения в области обеспечения информационной безопасности.

Правовой основой деятельности в области обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации являются: Конституция, Указ Президента Российской Федерации «Об

утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 5.12.2016 г. № 646 [6], Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 г. № 400 [7], Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» от 12.04.2021 г. № 213 [8].

2. Субъекты. К данной категории стоит отнести государственные органы, задействованные в реализации государственной политики в области обеспечения информационной безопасности.

В Республике Беларусь к ним можно отнести: Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь, органы государственной безопасности, Межведомственная комиссия по безопасности в информационной сфере, Комиссия по национальной безопасности, прокуратура, органы внутренних дел, иные органы, задействованные в данной сфере.

В Российской Федерации: Федеральная служба безопасности, Федеральная служба охраны, Служба внешней разведки, Министерство обороны, иные.

3. Объектом является национальная безопасность Российской Федерации и Республики Беларусь в информационной сфере.

4. Принимаемые меры. Органы прокуратуры принимают активное участие в разработке и реализации мер, направленных как на непосредственное обеспечение информационной безопасности внутри государства, так и направленных на международное сотрудничество в рассматриваемой области.

Стоит отметить, что информационная безопасность неразрывно связана с проблемой терроризма.

Одним из аргументов в пользу данной точки зрения является существование Контртеррористического управления Организации Объединенных Наций, реализующего ряд инициатив в области новых технологий, включая проект по использованию социальных сетей для сбора информации из открытых источников и цифровых доказательств в целях борьбы с терроризмом и насильственным экстремизмом при соблюдении прав человека, направленных на укрепление потенциала государств-членов и частных организаций по предотвращению кибератак террористов на важнейшие объекты инфраструктуры [9].

В связи с этим 27 апреля 2021 года в Москве при участии Генеральных прокуроров Беларуси и России Андрея Шведа и Игоря Краснова состоялось заседание Объединенной коллегии Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Генеральной прокуратуры Российской Федерации. На нем обсуждалось взаимодействие правоохранительных органов обоих государств в области предупреждения, выявления, пресечения и расследования преступлений, связанных с посягательствами на безопасность в сфере использования информационно-коммуникационных технологий.

Говоря о международном сотрудничестве в уголовно-правовой сфере, Генеральный прокурор Беларуси констатировал: «Надлежащее противодействие преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий и их раскрытие невозможны без тесного взаимодействия, обмена передовым профессиональным опытом, оперативного направления и исполнения просьб об оказании правовой помощи» [10, с. 7].

В результате совместных мероприятий осуществляется повышение эффективности координации работы правоохранительных органов государств, совершенствование взаимодействия органов прокуратуры Беларуси и России, в том числе в рамках исполнения запросов о взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Также в целях достижения практических результатов в области обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, борьбы с преступностью, в том числе в сфере высоких технологий, Генеральная прокуратура Республики Беларусь с 2009 по 2018 год заключила соглашения о сотрудничестве с Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

Скоординированность действий органов прокуратуры обоих государств позволила привлечь к уголовной ответственности крупных кибермошенников, обеспечив принцип неотвратимости наказания.

Кроме того, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь принял участие в корректировке проектов модельного законодательства, в том числе:

- специальной части Исполнительного кодекса для государств-участников СНГ;
- изменений и дополнений в УК и УПК для государств-участников СНГ по вопросам борьбы с терроризмом;

– Рекомендаций по совершенствованию законодательства государств-участников СНГ по вопросам противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Научно-исследовательский институт Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2011 году завершили работу по темам «Проблемы совершенствования деятельности органов прокуратуры при осуществлении процессуального контроля и прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела и в ходе предварительного следствия по уголовным делам» и «Участие прокурора в производстве по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам».

В 2021 году завершены совместные исследования «Об унификации законодательства Союзного государства о борьбе с организованной преступностью».

Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь заключил ряд соглашений и меморандумов о взаимопонимании и сотрудничестве с органами прокуратуры и научными учреждениями государств-участников СНГ, в частности Научно-образовательным центром криминологических исследований юридического факультета МГУ, Секретариатом КСПП, Университетом прокуратуры Российской Федерации.

Под эгидой сотрудничества прокуратура Беларуси приняла участие в следующих форумах (перечень не является исчерпывающим):

– круглый стол «Организация и практика прокурорского надзора за исполнением требований законодательства, направленного на возмещение ущерба, причиненного правонарушителями. Теоретические и прикладные аспекты совершенствования деятельности прокурора по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением» (совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации; Минск, 2018);

– Международная научно-практическая конференция «Профилактика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов» (совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации; Минск, 2018);

– круглый стол в режиме видеоконференции на тему «Обмен опытом по организации и осуществлению прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере обеспечения охраны культурных ценностей, а также противодействия их незаконному перемещению через границу Евразийского экономического союза» (совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, 2020) [11, с. 6–8].

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать следующее:

1. Информационная безопасность является составной частью национальной безопасности, по этой причине взаимодействие органов прокуратуры Российской Федерации и Республики Беларусь осуществляется по различным направлениям: от участия в совместных мероприятиях научно-практического характера, в том числе с участием других государств, до принятия конкретных мер и решений в виде выдачи лиц, совершивших преступления, удовлетворении просьб об оказании международной правовой помощи по уголовным делам, передачи осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания, корректировки Союзного законодательства по важнейшим вопросам обеспечения мира и безопасности наших государств.

2. Приведенные данные говорят об осознанном государственном подходе к партнерству в целях борьбы с угрозами информационной безопасности и иными сходными угрозами национальной безопасности и дружественным отношениям в рамках Союзного государства.

3. Взаимодействие в рамках обеспечения информационной безопасности – одна из точек соприкосновения наших географически и исторически близких народов.

4. Существуют все предпосылки для более углубленной унификации законодательства, сращения государственных правоохранительных органов с целью дальнейшей интеграции в рамках Союзного государства и придания ему более значимого статуса в качестве крупнейшего военно-промышленного союза.

Список цитируемой литературы:

1. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700220>. – Дата доступа: 10.12.2021.

2. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь от 10.11.2008 г. № 455-З. Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oac.gov.by/public/content/files/files/law/laws-rb/455-%D0%97.pdf>. – Дата доступа: 10.12.2021.

3. Об электросвязи: Закон Респ. Беларусь от 19.07.2005 г. № 45-З. Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oac.gov.by/public/content/files/files/law/laws-rb/2005-45-z.pdf>. – Дата доступа: 10.12.2021.

4. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: Постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18.03.2019 № 1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/P219s0001_1553029200.pdf. – Дата доступа: 10.12.2021.

5. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 9.11.2010 г. № 575. Генеральная прокуратура Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prokuratura.gov.by/ru/acts/kontseptsiya-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 10.12.2021.

6. Об утверждении Концепции информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5.12.2016 г. № 646. Президент России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612060002.pdf>. – Дата доступа: 12.12.2021.

7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2.07.2021 г. № 400. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>. – Дата доступа: 12.12.2021.

8. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности: Указ Президента Российской Федерации от 12.04.2021 г. № 213. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104120050>. – Дата доступа: 12.12.2021.

9. О нас | Контртеррористическое управление ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/cybersecurity>. – Дата доступа: 13.12.2021.

10. Правовой научно-практический журнал Генеральной прокуратуры «Законность и право-порядок». – 2021. – № 2(58), 2021. – 72 с.

11. Правовой научно-практический журнал Генеральной прокуратуры «Законность и право-порядок». – 2021. – № 3(59), 2021. – 72 с.

Сведения об авторе:

Савченко Дмитрий Геннадьевич – студент юридического факультета УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»; savchenko_dmitryi@mail.ru

Научный руководитель – Можаяева Людмила Евгеньевна, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Евстропов А.М.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Аннотация:** Современное состояние государства, как в экономическом, так и в политическом плане зависит от множества факторов, одним из которых выступает уровень коррупции, присущий конкретной территории (муниципалитет, регион, страна в целом). В статье рассмотрены факторы, оказывающие влияние на уровень коррупции (уровень развитости законодательства, экономики, политической сферы). Проведен статистический анализ состояния коррупции в стране, сформулированы выводы. Проанализирована тенденция судимости по коррупционным преступлениям. Построены прогнозные модели, характеризующие число осужденных за дачу и за получение взятки.*

***Ключевые слова:** статистика, проблемы коррупции, государственное и муниципальное управление, законодательство, состояние экономики, взяточничество.*

Рассматривая коррупционную составляющую в государственном и муниципальном управлении, следует обратить внимание на особую актуальность исследования ее структуры и

причин возникновения. Такая постановка вопроса объясняется тем, что само явление, именуемое «коррупция», является угрожающим фактором для национальной безопасности РФ, оно препятствует проведению социальных реформ, развитию государственных институтов и экономики, снижает эффективность государственного управления. При этом разработка и осуществление соответствующих мероприятий по противодействию коррупции является одной из основных задач функционирования правоохранительной системы (включая суды, органы МВД, органы прокуратуры и т.д.), законодательной и исполнительной ветвей государственной власти. [1, с. 270].

Россия, в рамках глобальной политической системы, воспринимается мировым сообществом в качестве коррумпированной страны, власти которой не принимают действенных шагов для борьбы с этим негативным проявлением. Такое положение вещей приводит к снижению потока инвестиций, что отражается на невозможности применения данного инструмента для развития производства, социальной инфраструктуры и национальной экономики. С учетом этого, авторами была поставлена задача изучения проблем коррупции в РФ с анализом отдельных показателей характеризующих ее состояние.

Отметим, что одним из индикаторов, характеризующих отношение к коррупции, ее состояние в отдельной стране является индекс восприятия коррупции (CPI). Этот показатель сформулирован Transparency International (TrIn), занимающейся исследованием различных причин и особенностей восприятия гражданами отдельных стран коррупции, как социального, правового и политического явления, которая рассчитывает соответствующие аналитические показатели, в последующем отражаемые в отчетности, организует научные семинары и конференции, пропагандирующие антикоррупционное поведение. По результатам проводимых независимыми экспертными организациями социологических опросов, ежегодно придаются гласности рейтинги стран, показывающие уровень восприятия коррупции (по сто балльной шкале).

Рассматривая место РФ в общемировом рейтинге коррупционного восприятия, отметим относительно низкие позиции нашей страны. Так, по результатам исследования TrIn проводившегося в 2018 г., в котором было вовлечено 180 стран, Россия заняла 135 место (набрала 29 баллов). По данным на 2020 г. Россия немного улучшила свои результаты и сместилась на 129 позицию, набрав 30 баллов. Таким образом, наша страна набрала такие же баллы, как и Киргизия, Лаос и Папуа-Новая Гвинея. При этом значительной положительной динамики за последние годы не наблюдалось (например, по результатам 2015 г. была занята 119-ая позиция, а в 2016 г. – 131-ая в рейтинге). В лидеры выбились следующие страны: Дания и Новая Зеландия (с 88-ю баллами), Финляндия, Сингапур, Швеция и Швейцария (с 85-ю баллами). Нижние строчки рейтинга занимают Сомали и Южный Судан (с 12-ю баллами).

Как уже было отмечено ранее, важная роль в борьбе с коррупцией отведена правоохранительным органам, и особое место здесь у МВД. При этом автор придерживается мнения, что в качестве эффективных мер по снижению коррупции должны выступить: общественная экспертиза законодательных и других нормативных правовых актов, общественный контроль за реализацией государственных программ и национальных проектов, в которых «осваиваются» бюджетные средства, особенно на этапе проведения и реализации госзакупок (заказчик – подрядчик (субподрядчик)).

Для анализа состояния коррупции в РФ нами рассмотрена статистика преступлений коррупционной направленности. Отметим, что статистику таким преступлениям формируют помимо МВД еще и прокуратура, суды и судебные департаменты. В соответствии со статданными Судебного департамента при Верховном Суде РФ по коррупционным преступлениям: в 2018 г. 91,1% осужденных – за дачу или получение взяток до 50 тысяч рублей; 7,6% случаев – дела с взятками от 50 тыс. руб. до 1 млн. руб.; 1,3% случаев – дела с взятками свыше 1 млн. руб. За 2020 г. (табл.1) было осуждено 4248 чел. за получение/дачу взятки, что ниже значений предыдущих пяти лет. При этом за последний год количество осужденных сократилось на 762 чел. или на 15,2%, удельный вес в общем числе осужденных составил 24,9%. В соответствии с данными статистики Генеральной прокуратуры РФ, в период с декабря 2009 года по 2019 включительно всего на территории РФ зарегистрировано 89848 преступлений коррупционной направленности. При этом в январе-июне 2019 г. выявлено 21358 коррупционных преступлений. Касательно структуры: по ст. 290 УК РФ (получение взятки) – наблюдается рост на 19,7% (с 3883 ед. до 5026 ед.); по ст. 291 УК РФ (дача взятки) – увеличение на 4,4% (с 4001 ед. до 4175 ед.) [2].

Динамика судимости по преступлениям, связанным с получением/дачей взятки

Наименование показателя	Число осужденных по годам, чел							
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Всего осуждено (ст.290-291.2 УК РФ)	4937	6468	7073	6255	5056	5135	5010	4248
из них: а) за получение взятки (ст.290 УК РФ)	1568	1625	1702	1334	1097	1068	1247	981
из них:к лишению свободы	16	19	22	25	31	25	33	25
условно с испытательным сроком	40	33	25	28	51	38	75	59
другим видам наказания	415	290	210	146	110	98	104	60
б) за дачу взятки(ст.291 УК РФ)	3245	4700	5231	3589	1230	1383	1595	1409
из них:к лишению свободы	260	493	569	489	249	250	236	191
другим видам наказания	2 985	4207	4662	3100	981	1133	1359	1218

Источник: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008-2020 годы (<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>)

Прогноз тенденции показателей судимости по статьям УК РФ дача/получение взятки на 2021 – 2022 гг. (рис. 1), сформированный по линии тренда, показывает их снижение в динамике на перспективу. При этом следует отметить, что имеющаяся динамика плохо описана линией тренда (низкие значения коэффициентов достоверности аппроксимации). В этой связи использована прогнозная ARIMA модель, которая показала следующие результаты.

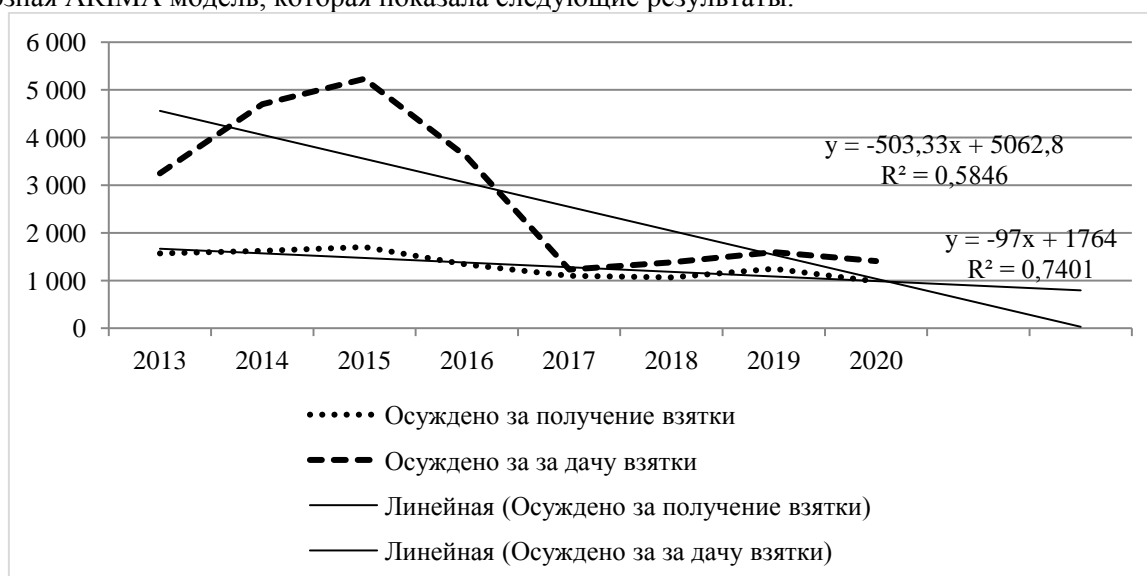

Рис.1. Динамика судимости по статьям УК РФ дача/получение взятки

Прогнозная модель «получение взятки» имеет следующие характеристики: ARMA (0, 1), $R^2 = 0,86$; AIC = 96,3; BIC = 96,1; автокорреляция в остатках отсутствует. Прогноз на 2021 г. – 1183 чел., на 2020 г. – 1328 чел. Прогнозная модель «дача взятки» имеет следующие характеристики:

ARMA (1, 1), $R_2 = 0,85$; AIC = 121,6; BIC = 121,4; автокорреляция в остатках отсутствует. Прогноз на 2021 г. – 2070 чел., на 2020 г. – 2798 чел. Ряды динамики предварительно выровняли методом скользящей средней, период сглаживания 2 года.

Таким образом, на ближайшую перспективу прогнозируется увеличение числа человек, которые будут осуждены как за дачу, так и за получение взятки.

Данные опросов ВЦИОМ за последние 3 года показывают самые коррумпированные, по мнению россиян, сферы народного хозяйства, к которым относятся: медицина, полиция, жилищно-коммунальное хозяйство, судебная система, прокуратура. Сотрудниками «Левада-центр» анализировалась реакция граждан РФ в отношении коррупции. Так, в 2018 г. был проведен опрос касательно проблемы дачи/получения взяток и возможные направления решения данной проблемы. Результаты показали, что подавляющее большинство соотечественников не приемлют коррупцию, 6% респондентов затруднились ответить. Так же данные опросов показали, что 16% граждан уверены в полном искоренении коррупции и взяток в стране, 58% опрошенных считают, что есть шанс только уменьшить масштаб данного явления, 21% опрошенных считают, что решить проблему невозможно.

Данные опроса ВЦИОМ (14-15 марта 2019 г.) показали, что 40% опрошенных граждан считают уровень коррупции в стране высоким, при этом, по мнению 56% граждан, коррупция не может быть побеждена полностью. Согласно данным социологического опроса Левада-Центра от 06 апреля 2019 года, сограждане полагают, что в России уровень коррупции выше, чем на Западе. Доминирующее большинство граждан полагают, что этим злом поражена вся власть. Еще 51 % уверены, что это произошло в существенной степени.

Слабая гражданская позиция в отношении проблем коррупции является основой возникновения и увеличения коррупционных преступлений. При этом недостаточный контроль со стороны правоохранительных органов, а зачастую нехватка полномочий не способствуют снижению коррумпированности в различных сферах функционирования государства и общества. Определенная доля граждан, включенная в процесс теневой экономики, привыкли работать неофициально и получать неучтенную государством оплату за свой труд, считая это нормальной практикой. Все это способствует росту правового нигилизма, например, негативному отношению к закону, шантажу, могут служить эффективным регулятором общественных отношений. Низкий уровень осведомленности нынешней власти о своих гражданах создает условия для устойчивого роста коррупции. Граждане не в полной мере осознают опасные последствия коррупции, ее разрушительное воздействие на институты общества.

Проблема коррупции в современной России является одной из наиболее сложных в текущей сложнейшей экономической и политической ситуации, препятствующей эффективному развитию международных торгово-экономических и иных отношений, устойчивому росту и развитию масштабов организованной преступности. В то же время угроза коррупции, приобретающая новое качество в контексте глобализации, выраженная, прежде всего, во всех его формах, представляет собой вызов всему мировому сообществу. Таким образом, необходимо усовершенствовать основные средства борьбы с безнаказанностью за коррупцию, цель которых, как представляется, далека от дальнейшего развития.

Одним из направлений такой работы является приведение российского законодательства в соответствие с международными стандартами, закрепленными нормами в международно-правовых документах [3].

РФ подписала и ратифицировала важнейшие международные акты о борьбе с коррупцией, в частности Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (1999 г.), Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.), Конвенцию ООН против коррупции (2003 г.). По этой причине Россия как государство, которое претендует на особую роль в мировом сообществе, не может стоять в стороне от мировой политики антикоррупционной направленности.

Список цитируемой литературы:

1. Бусыгина Н.А., Терехов А.М. Роль уголовной статистики в изучении преступности // В сборнике: Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий Материалы IV международной научно-практической интернет-конференции. 2019. С. 269-271.

2. Власова Н.И., Лазарева Т.Г. Страхование мошенничества и меры борьбы с ним // В сборнике: Инновационные достижения науки и техники АПК Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 283-285.

3. Корниленко Ю.А. Коррупция в статистике современной России // Молодой ученый. – 2017. – №46. – С. 203-205.

Сведения об авторе:

Евстропов Артур Максимович - студент ПФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»; evstropov1999@mail.ru

Научный руководитель - Терехов А.М, к.э.н, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ПФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»; terehoff.t@yandex.ru

Вольвач А.Д.

**ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ В РОССИИ
И ЗА РУБЕЖОМ**

***Аннотация:** злоупотребление должностными полномочиями важная тема, от понимания которой зависит не только доверие общества к власти, но и экономическое состояние, т.к. зачатую злоупотребления властью приводят к негативному социальному и экономическому эффекту. В статье на отечественных и зарубежных примерах показаны случаи злоупотребления должностными полномочиями.*

***Ключевые слова:** должностные полномочия, власть, превышение, злоупотребление, уголовное право.*

Согласно российскому законодательству – «злоупотребление должностными полномочиями это использование служебного положения в личных целях».

Если государственный служащий использует своё служебное положение в корыстных или иных личных целях и этим нарушает чужие права — «это считается уголовным преступлением. За злоупотребление должностными полномочиями суд может назначить одно из наказаний по статье 285 УК РФ - штраф до 80 000 рублей, запрет занимать определённые должности до 5 лет, принудительные работы до 4 лет, арест на срок 4–6 месяцев, лишение свободы до 4 лет» [1].

Рассматривая субъективную сторону такого преступления как злоупотребление должностными полномочиями, следует отметить, что по смыслу ч. 1. ст. 285 УК РФ, обязательным ее признаком является мотив, который выражается в корыстной заинтересованности обвиняемого в совершении преступления. Кроме того, законом установлено, что мотив может проявляться не только в корысти, но и в иных видах личной заинтересованности, что некоторым образом усложняет правоприменительную практику по данной категории преступлений.

Зачастую злоупотребление должностными полномочиями имеет резонансный характер, так, к примеру Зонтов Ю.А. (27 августа 2011 г. был задержан и доставлен в отдел полиции № 4 по г.Оренбургу, где его избивали, наносили удары резиновой дубинкой) обратился в Оренбургский областной суд с административным иском заявлением, в котором просил взыскать компенсацию за нарушение права на уголовное судопроизводство. т.к. время доследственной проверки (с 30 сентября 2011 г. по 27 июля 2018 г.) было вынесено 22 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которые впоследствии были отменены как незаконные и необоснованные. 27 августа 2011 г. был задержан и доставлен в отдел полиции № 4 по г.Оренбургу, где его избивали, наносили удары резиновой дубинкой по ступням, душили целлофановым пакетом. У Зонтова Ю.А. были зафиксированы телесные повреждения на груди и обеих стопах, множественные ссадины по поянице, в области левой скулы и в области обоих лучезапястных суставов.

В Решении № 3А-1068/2020 от 24 декабря 2020 г. по делу № 9А-42/2020~М-445/2020 оценивая приведенные действия сотрудников органов следствия по расследованию уголовного дела, суд пришел к выводу, что их действия были не эффективны, что не позволило обеспечить гарантированное Законом право потерпевшего на уголовное судопроизводство в разумный срок в досудебном производстве, следовательно, имело место злоупотребление должностными полномочиями [7].

Отграничение таких составов преступлений как злоупотребление и превышение должностных полномочий, ответственность за которые предусмотрена ст. ст. 285 и 286 УК РФ, соответственно, является одним из главных дискуссионных вопросов в практике правоприменения и науке уголовного права [6].

На сегодняшний день научный консенсус заключается в том, что главную роль в таком отграничении имеет объективная сторона совершенного деяния. Основные различия в данном случае

закключаются в том, что каким именно образом должностное лицо использует своё особое положение: при злоупотреблении должностными полномочиями виновный их эксплуатирует, скрывая тот факт, что совершает преступление и занимается общественно опасной деятельностью, а при превышении должностных полномочий - виновный эксплуатирует не тот объем полномочий, который предоставлен ему государством, а непосредственно свое особое положение, как лица, облеченного властью, а совершаемое им деяние выходит за рамки полномочий не только данного должностного лица, но и, вообще, за рамки любых полномочий [4].

В качестве примера можно привести чиновника, который занимается распределением земельных участков. Если данный чиновник, получив денежное вознаграждение, выделил земельный участок определенному лицу, нарушив соответствующий порядок - налицо злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). В изученном примере (Приговор № 1-86/2020 от 25 ноября 2020 г. по делу № 1-86/2020) являясь главой органа местного самоуправления и высшим должностным лицом муниципального образования, постоянно осуществляющим функции представителя власти и выполняющим организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в органе местного самоуправления, из корыстной и иной личной заинтересованности, использовала свои служебные полномочия вопреки интересам службы, что повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства при следующих обстоятельствах [9].

Но, например, в случае, если этот чиновник, угрожая лишением законного права на земельный участок, склонил понравившуюся ему женщину к личным отношениям - очевидно, что имеет место быть превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

Простое определение злоупотребления властью - это злоупотребление служебным положением с целью несправедливого использования отдельных лиц, организаций или правительств. Злоупотребления властью по-разному описываются как преступления «белых воротничков», экономические преступления, организационные преступления, профессиональные преступления, коррупция в государственных органах, организованная преступность, а также правительственные и корпоративные отклонения. Общим элементом этих преступлений является обман. Хотя такие акты совершались с древнейших времен, недавние технологические и социальные изменения создали более благоприятный для них климат. Усилия в России и других развитых странах включали сбор данных, принятие законодательства, предложения по дополнительному законодательству, усилия федеральных регулирующих органов и расширение усилий государственных и местных антикоррупционных комитетов. Были разработаны учебные программы для развития навыков, необходимых для расследования этих преступлений. В нынешних экономических условиях тщательное расходование имеющихся средств имеет важное значение для сохранения акцента на улучшении профилактики, правоприменения и уголовного преследования. На международном уровне следует обмениваться информацией по общим проблемам и искать совместные подходы к борьбе со злоупотреблением должностными полномочиями [3].

Идея злоупотребления связана с определением пределов, от которых зависит само злоупотребление, пределов, которые охватывают и ограничивают конкретное осуществление права или власти, которые могут нанести ущерб интересам других лиц, в пределах пространств, которые кажутся (а) на первый взгляд разрешенными, (б) не запрещенными другими правилами. Проблема злоупотребления должностными полномочиями характерна не только для России. Несанкционированное прослушивание телефонных разговоров — В декабре 2005 года газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила, что Агентство национальной безопасности прослушивало телефонные разговоры американцев без ордера, в нарушение федеральных законов и Конституции. Кроме того, агентство также получило прямой доступ к телекоммуникационной инфраструктуре через некоторые из крупнейших компаний Америки. Программа была подтверждена президентом Бушем и другими официальными лицами, которые смело настаивали, несмотря на все прецеденты и общее понимание закона, что программа была законной. И, похоже, агентство не только подслушивало разговоры американцев в этой стране без ордера, но и использовало широкие системы «интеллектуального анализа данных», которые позволяли ему анализировать информацию о сообщениях миллионов невинных людей в Соединенных Штатах. В августе 2006 года по иску, федеральный судья в Детройте признал программу неконституционной и незаконной. США. Апелляционный суд 6-го округа отменил это решение, поскольку установил, что истцы не смогли с уверенностью доказать, что их прослушивали, но они не вынесли решения о законности программы. ACLU рассматривает апелляцию. Тем временем 110-й Конгресс решил в основном санкционировать ту же самую программу в августе 2007 года.

Правительственные учреждения, включая ФБР и Министерство обороны, вели собственную слежку за невинными и законопослушными американцами. ФБР постоянно отслеживало мирные группы, такие как квакеры, Люди за этичное обращение с животными, Гринпис, Арабо-американский антидиффамационный комитет [5].

Распространенный тип «злоупотреблений», изучаемый в Европе, - это злоупотребление индивидуальными правами. Злоупотребление правами - это фигура, которая часто вызывает законные подозрения, поскольку она имеет тенденцию ограничивать осуществление прав с помощью понятий, которые даже могут доходить до того, что лишают права его смысла; она устанавливает цели, которые должны быть достигнуты путем осуществления права против социального интереса, которым определяется право, функция, которую оно должно выполнять, цель и «типичные» цели, которые сами по себе оправдывали бы его осуществление, и так далее.

Злоупотребление правами, однако, может, по крайней мере, указывать на общий правовой принцип, согласно которому «правовая система определяет нормы для того, чтобы они применялись, а не были инструментализированы». В противном случае закон будет выглядеть только как «ширма или прикрытые для произвольного поведения».

Во Франции, Германии или Италии нет четкого правового положения, касающегося злоупотреблений, поскольку эта концепция была разработана судьями в прецедентном праве. В англосаксонской доктрине нет адекватной конструкции понятия злоупотребления или добросовестности. Основное различие между злоупотреблением и простым превышением заключается в очевидной законности/законности поведения, которое обеспечивало бы его правовую гарантию. Другими словами, это должно быть санкционированное поведение, а не поведение, прямо или косвенно запрещенное другими правилами. Эта точка зрения подтверждается решением Высокого суда Испании от 14 февраля 1944 года, в котором утверждается, что существуют и другие ограничения «в дополнение к юридическим», а затем добавляется, что эти ограничения имеют «моральный, телеологический и социальный характер»; поэтому «должностное лицо несет ответственность, если, действуя под предлогом внешней законности и очевидного осуществления права, фактически нарушает ограничения, налагаемые на него справедливостью и добросовестностью, тем самым нанося ущерб третьим сторонам и обществу» [6].

Предварительным условием для злоупотребления является то, что при осуществлении права, предоставленного правовой нормой, наносится ущерб интересам третьей стороны, очевидно, «не защищенный определенной правовой прерогативой» (в противном случае имело бы место простое нарушение противоречащих правил, а не злоупотребление). Ущерб, о котором идет речь, должен иметь аморальный или антиобщественный характер, или быть преднамеренным, или объективно зависеть от чрезмерного или ненормального использования права. Характер как интереса, который защищают права, так и цели, ради которой был создан государственный орган или функция, а также цель или нормальность осуществления, должны быть определены путем продуманного размышления о системе позитивного права. Конечно, эти элементы нельзя просто рассматривать как выражение определенного этического предубеждения, направленного на преобразование правообладателей в то, чем они не являются, «хранителями интересов других людей или даже общественных интересов». Даже отдавая предпочтение подходу к правам, основанному на злоупотреблениях, мы не можем игнорировать тот факт, что права по сути являются способом защиты индивидуальных преимуществ: «те, кто хочет бороться с этим, должны бороться за другое распределение прав».

С теоретической точки зрения, общий элемент в концепциях злоупотребления основывается не на таких понятиях, как интерес, цель или функция, а скорее на нарушении существенных границ права, пределов, которые в некотором смысле можно рассматривать как внутренние.

Злоупотребление должностными полномочиями это форма нарушения реализации предоставленных прав и возложенных обязанностей. Снижение риска злоупотребления должностными полномочиями предполагает, прежде всего, активную форму поведения в соблюдении прав и свобод граждан. Именно об этом всегда должны помнить те, кому государство доверило право на управление.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 08.04.2021)// Собрание законодательства РФ. — 1996. — №25. — Ст. 2954.
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

2. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 №273-ФЗ (ред. от 31.07.2020)//Собрание законодательства РФ. — 2008. — №52. -Ст. 6228. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

3. Решение № 3А-1068/2020 от 24 декабря 2020 г. по делу № 9А-42/2020~М-445/2020 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/QBP4yQDoo6WZ/>

4. Апелляционное постановление № 22-825/2020 от 9 декабря 2020 г. по делу № 3/3-18/2020 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Fb1uExN7NbbB/>

5. Приговор № 1-86/2020 от 25 ноября 2020 г. по делу № 1-86/2020 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/OtqhjaYYE8US/>

6. Бем А.А. Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №12-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-zloupotrebleniya-dolzhnostnymi-polnomochiyami> (дата обращения: 23.11.2021).

7. Боровкова И.С. Особенности регламентации объективных признаков состава злоупотребления должностными полномочиями в уголовном законодательстве государств - участников СНГ // Современное право. 2018. N 6. С. 136 - 140.

8. Давитадзе Мевлуд Демуралович Злоупотребление должностными полномочиями // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-dolzhnostnymi-polnomochiyami> (дата обращения: 23.11.2021).

9. Кунц Владимир Владимирович Злоупотребление должностными полномочиями // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-dolzhnostnymi-polnomochiyami-1> (дата обращения: 23.11.2021).

Сведения об авторе:

Вольвач Алина Денисовна – студентка Новосибирского Государственного университета Экономики и Управления (НГУЭУ);

alya.98volvo@mail.ru

Научный руководитель – Савченко Д.А. доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского Государственного университета Экономики и Управления (НГУЭУ)

Дошатов А.А.

КОНЦЕПЦИЯ ОТКРЫТОСТИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ «ОТКРЫТОСТЬ 2.0»

***Аннотация:** научная статья посвящена анализу развития концепции открытости федеральных органов исполнительной власти, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 30.01.2014 №93 – р. Особое внимание уделяется особенностям деятельности «Открытого правительства». Также в работе уделено внимание методике оценки открытости федеральных органов исполнительной власти.*

***Ключевые слова:** концепция открытости федеральных органов исполнительной власти; «Открытое правительство»; Петербургский международный экономический форум; рейтинг открытости федеральных органов исполнительной власти, «Концепция открытости 2.0»; управленческие функции*

В условиях нарастающей сложности социальных процессов и новых экономических вызовов серьезной задачей для федеральных органов исполнительной власти является необходимость формирования моделей принятия решений и реализации государственных функций, основанных на активном участии гражданского общества в управлении государством, а также на использовании современных механизмов общественного контроля. Основным направлением совершенствования государственного управления в развитых странах является построение структур управления и использование управленческих подходов, нацеленных прежде всего на обеспечение потребностей и интересов граждан, регулярное распространение достоверной информации и активное взаимодействие между органами государственной власти, экспертным сообщением

ществом и институтами гражданского общества. В связи с этим в январе 2014 года Распоряжением Правительства РФ от 30.01.2014 №93 – р была утверждена Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, важнейшей целью которой стало повышение прозрачности и подотчетности государственного управления и удовлетворенности граждан качеством государственного управления [1].

В российском законодательстве установлены специальные организационно – правовые основы вовлечения граждан и общественных объединений в процесс реализации государственной политики: Федеральный закон от 09.02.2009 №8 – ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», а также специальные формы оценки эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти [2].

По итогам доклада, составленного экспертами и аудиторами Счетной палаты РФ, можно заключить, что в 2021 году произошел рост открытости федеральных органов исполнительной власти. В 2020 году половина ведомств отвечала на вопросы граждан, а половина нет, хотя это требование закона.

Рис. 1. Открытость федеральных органов исполнительной власти в 2020 году (На ПМЭФ поспорили об открытости государства в России. 2021)

По итогам тайных проверок аудиторов 63 из 70 ведомств улучшили качество и оперативность ответов на запросы граждан и журналистов. Международное бюджетное партнерство поместило Россию на 14-е место из 117 стран в Обзоре открытости бюджета за 2019 год, напомнил председатель Счетной палаты РФ.

С 2011 года начала активно расти открытость органов власти, в том числе был запущен портал regulation.gov.ru, на котором пользователи могут оставить оценку проектам ведомств и комментарии. В то время она была интересна только узкому кругу специалистов и органов, которые получили возможность использовать его для проведения публичных консультаций по своим проектам. Так, например, в 2020 году на regulation.gov.ru только в рамках оценки регулирующего воздействия было оставлено более 80 тысяч комментариев. Стоит также упомянуть еще один инструмент, позволяющий повысить открытость государства, - реестр обязательных требований. Это единая платформа, на которой бизнес или любое заинтересованное лицо сможет узнать необходимую информацию о требованиях, соблюдение которых проверяется в рамках контроля (надзора) или при выдаче разрешений: от нормативно – правовых актов, в котором это требование прописано, до санкции за его несоблюдение.

Ещё одним важнейшим для развития открытости государства механизмом является процедура досудебного обжалования, которая с 1 июля 2021 года станет обязательной для органов, определенных Правительством РФ, с 2023 года – для всех органов [4]. При этом жалобы будут находиться на внешнем автоматизированном контроле, что исключает нарушение сроков. С 17 августа 2020 г. стартовал эксперимент по досудебному обжалованию, в котором участвовали Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору. Уже сегодня можно направить жалобу на решения в рамках санитарно - эпидемиологического и пожарного надзора через портал государственных услуг [5].

Открытость информации – это широкий спектр правовых и коммуникационных инструментов, которыми должны располагать граждане для получения информации, находящейся в ведении государственных органов. Параметры оценки сформированы исходя из положений нормативных правовых актов в сфере открытости органов власти. Это Федеральный закон от 09.02.2009 № 8 - ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; Закон РФ от 27.12.1991 №2124 - 1 «О средствах массовой информации» [6]. Детализируют положения федерального закона об открытости деятельности государственных органов Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, а также Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти [7, с. 5].

Методика оценки открытости информации включает в себя три параметра - оценка сайтов федеральных органов исполнительной власти по объему, качеству предоставления информации, оценка реагирования на информационные запросы граждан и оценка реагирования на информационные запросы журналистов. На основании оценок по этим трем параметрам была сформирована интегральная оценка, сведенная к индексу, показывающему, какую долю от максимально возможного числа баллов набрало то или иное ведомство. На основании этого каждому ведомству присваивается показатель категории открытости по направлению «Открытость информации»:

А – высокая: средняя по трем категориям оценка не ниже 0,7; В – средняя: средняя по всем категориям ниже 0,7, но выше или равна 0,4; С – низкая: средняя по всем категориям ниже 0,4.

По словам экспертов, в России существует определенная специфика развития открытости данных. Одной из важнейших ее особенностей является высокая фрагментация раскрываемых наборов данных. Отчасти это связано с текущим состоянием федерального портала data.gov.ru, где раскрываются данные далеко не всех органов власти, а уже опубликованные обновляются достаточно редко. С другой стороны, методические рекомендации по публикации открытых данных органами власти позволяют публиковать данные на официальных сайтах, а не на едином портале. Но немаловажной причиной можно считать наличие большого числа государственных информационных систем, где и накапливаются основные объемы данных, ведутся реестры и также предоставляются открытые данные.

Таблица 1

Показатели категорий открытости (В России наметился рост открытости ведомств – итоги нового доклада Счетной палаты)

Категория открытости	Интегральная оценка	
А	высокая	8 - 10
В	средняя	5 - 7
С	низкая	0 - 4

Фрагментированный подход к раскрытию информации приводит к ситуации, когда главный публичный государственный портал открытых данных data.gov.ru не выполняет своей функции проводника государственной политики в части доступности данных для граждан. Усугубляет ситуацию нестабильная работа портала в последние годы. В итоге несмотря на то, что через многие информационные системы доступны значительные наборы данных для обывателя,

журналиста и для многих экспертов, возникает впечатление отсутствия развития открытости данных в России и государственной политики в этой области.

Еще одной стороной сложившейся ситуации становится то, что при отсутствии единой «точки входа» для пользователей открытых данных, отсутствуют возможности для сбора государственными органами агрегированной обратной связи от пользователей. Фактически в рамках единой политики работа с референтными группами не ведется (за исключением нескольких проведенных опросов на портале data.gov.ru или на отдельных сайтах ФОИВ).

В 2012 году Президентом России был подписан Указ Президента от 08.02.2012 № 150, на основании которого была сформирована Рабочая группа по подготовке предложений по формированию в России системы «Открытое правительство» - итоговые результаты работы в данном направлении были отражены в Итоговом докладе Президенту РФ по подготовке предложений по формированию в РФ системы «Открытое правительство» [9]. Указом был дан ряд поручений Правительству РФ, в числе которых – создание единого ресурса в сети Интернет для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов, ходе и результатах их общественного обсуждения; использование федеральными органами исполнительной власти в целях общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов «различных форм публичных консультаций» [10, с. 7].

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 26.07.2012 №733 «О Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства» была образована должность «Министра РФ по координации деятельности «Открытого правительства». Данная должность имела следующие особенности - «министр без портфеля» являлся членом Правительства РФ, непосредственно не возглавляющим министерство или иной федеральный орган исполнительной власти, а руководил Департаментом по формированию системы «Открытое правительство» Аппарата Правительства РФ [11]. Также Постановлением Правительства РФ от 26.07.2012 №774 был образован Экспертный совет — совещательный орган, решения которого носят рекомендательный характер, созданный с целью организации проведения экспертизы экономических и социально значимых решений органов власти и других государственных структур. Основными задачами Экспертного совета являются: разработка и внедрение принципов и механизмов системы «Открытое правительство», проведение экспертной оценки проектов решений органов власти, а также обеспечение общественного контроля за деятельностью органов власти в форме участия в разработке ключевых показателей эффективности, участия в разработке методических рекомендаций и стандартов функционирования общественных советов и т. д [12]

В целом, система и концепция «Открытое правительство» предстает скорее площадкой для концентрации предложений и мониторинга общественного мнения силами самого общества. Очевидно, что в документах акцентируется внимание на общественном обсуждении решений, но в меньшей степени концепция касается механизма принятия окончательных решений, что и является точкой бифуркации взаимодействия власти и общества в РФ [13, с. 195]. То есть главная проблема – влияние на конечное властное решение со стороны общества – не решается, а концепция представляется очередной инновацией в рамках развития системы электронного правительства. Обратим внимание на тот факт, что если с точки зрения формальных показателей РФ занимает лидирующие позиции в рейтинге ООН по уровню развития электронного правительства, то по индикатору влияния на принятие властных решений – один из самых низких: 17 позиций из 100. Таким образом, данная концепция как способ создания параллельного управления представляется не результатом, но лишь началом полноценного диалога в системе «власть – общество», и, вероятно, как любая открытая система, будет подвергаться изменениям.

В заключении хотелось бы отметить, что для федеральных и региональных органов исполнительной власти крайне необходимо сформировать модели для реализации управленческих функций во взаимодействии с гражданским обществом при использовании современных механизмов общественного контроля. Важнейшим направлением усовершенствования публичного управления в РФ является использование управленческих подходов, нацеленных на обеспечение потребностей и интересов граждан, регулярное распространение достоверной информации и активное взаимодействие между органами всех ветвей власти, экспертным сообществом и институтами гражданского общества.

Список цитируемой литературы:

1. Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти. Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 №93 – р // Собрание законодательства РФ. 2014. №5. 03 февраля. Ст.547.
2. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Федеральный закон от 09.02.2009 №8 – ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Российская газета. 2009. №25. 13 февраля.
3. На ПМЭФ поспорили об открытости государства в России. Газета «РБК». [Электронный ресурс]. 2021. Дата обновления: 05.06.2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/06/2021/60ba86429a794735ccd6f322> (дата обращения: 13.07.2021).
4. Об утверждении перечня видов федерального государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется обязательный досудебный порядок рассмотрения жалоб. Постановление Правительства РФ от 28.04.2021 №663 (ред. от 30.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 2021. №19. 10 мая. Ст.3220.
5. Алексей Херсонцев: тема открытости государства получила сильное развитие за последние 10 лет. Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. [Электронный ресурс]. 2021. Дата обновления: 04.06.2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/aleksey_hersoncev_tema_otkrytosti_gosudarstva_poluchila_silnoe_razvitie_za_poslednie_10_let.html (дата обращения: 13.07.2021).
6. О средствах массовой информации. Закон РФ от 27.12.1991 №2124 – 1 (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. 1992. №32. 8 февраля.
7. Колобаева Н. Е. Особенности реализации права на распространение информации при использовании сети Интернет / Н. Е. Колобаева // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 4(112). – С. 4-10.
8. В России наметился рост открытости ведомств – итоги нового доклада Счетной палаты. Официальный сайт Счетной палаты РФ. [Электронный ресурс]. 2021. Дата обновления: 28.05.2021. URL: <https://ach.gov.ru/news/otkrytosti-organov-vlasti-2021> (дата обращения: 13.07.2021).
9. О рабочей группе по подготовке предложений по формированию в РФ системы «Открытое правительство». Указ Президента РФ от 08.02.2012 №150. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 16.10.2021).
10. Несмеянова С.Э., Колобаева Н.Е., Мочалов А.Н. "Открытое правительство" и права человека // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. №5.
11. О Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства»). Постановление Правительства РФ от 26.07.2012 №733 (ред. от 06.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 2012. №32. 6 августа. Ст. 4559.
12. Об Экспертном совете при Правительстве РФ. Постановление Правительства РФ от 26.07.2012 №774 (ред. от 27.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 2012. №32. 6 августа. Ст. 4560.
13. Калинина Е. Г. Реализация принципов открытого правительства в деятельности омбудсменов (зарубежный опыт) / Е. Г. Калинина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 4(80). – С. 193-203.

Сведения об авторе:

Дощатов Антон Александрович – студент 3 курса Института государственного и международного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»; Министр международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, член Молодежного правительства Свердловской области; Член Аппарата Департамента по международному сотрудничеству и внешнеэкономическим связям Ассоциации молодежных правительств РФ; Член Экспертного совета Молодежного парламента при Государственной Думе Федерального Собрания РФ по международным делам, a.doshchatov@molprav66.ru

Научный руководитель – Грачева Мария Викторовна, доцент кафедры административного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», кандидат юридических наук.

Макарова Ю.А.
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ В РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация:** Институт общественного экологического контроля находится в своем развитии и требует создания для его реализации соответствующей нормативной правовой базы. Имеющаяся основа не может в полной мере обеспечить стабильное функционирование данного института, в связи с чем законодатель ведет активную нормотворческую деятельность. В данной работе также отмечается, что эффективность общественного экологического контроля во многом зависит от активной позиции гражданского общества.*

***Ключевые слова:** общественный экологический контроль, гражданское общество, экологический инспектор, правовое регулирование.*

Ежегодно Центром экологической политики и права при Йельском университете (США) проводится исследование экологической эффективности стран. Анализ экологической эффективности осуществляется с точки зрения состояния окружающей среды и управления природными ресурсами на основе 22 показателей в 10 категориях, которые отражают различные аспекты состояния окружающей среды и жизнеспособности ее экологических систем: противодействие изменению климата, сохранение биологического разнообразия, состояние здоровья населения, практику экономической деятельности и степень ее нагрузки на окружающую среду, а также эффективность государственной политики, проводимой в области экологии. По данным на 2020 год Россия занимает 58 место в указанном рейтинге (сравним: в 2016 году – 32 место) [14]. Аналитика всероссийского центра изучения общественного мнения, некоммерческого научно-исследовательского центра «Особое мнение» в 2020 году показала то, что о плохой экологической ситуации в России говорят 30% граждан. 53% опрошенных утверждают, что за два-три года экологическая ситуация в стране в целом ухудшилась, про свой регион так говорят 34%. Наоборот, улучшение ситуации с экологией в России в целом увидели 12%. 56% россиян убеждены в бездействии региональных и федеральных властей в вопросах решения экологических проблем. Директор научно-исследовательского центра «Особое мнение» Екатерина Курбангалеева отмечает, что наблюдается некоторая сублимация социального недовольства и растущего раздражения, которые увеличиваются на фоне общественного напряжения, вызванного коронавирусом и ухудшением социально-экономической ситуации. Почти половина – 48% опрошенных – считают, что охрана окружающей среды является одной из главных задач государства [13]. Указанная статистика позволяет сделать вывод о несовершенствах политики России в сфере охраны окружающей среды. В связи с этим особо актуальным является развитие общественного экологического контроля в стране.

Развитие института общественного экологического контроля также связано с необходимостью обеспечения эффективного участия населения страны в реализации национального проекта «Экология», реализуемого в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [7]. Для регламентации правоотношений, возникающих при осуществлении общественного экологического контроля, необходимо дальнейшее развитие соответствующей законодательной базы.

На данный момент законодательство не содержит определения общественного экологического контроля, однако в Федеральном законе от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» указаны цели его осуществления – реализация права каждого на благоприятную окружающую среду и предотвращения нарушения законодательства в области охраны окружающей среды [11]. Аналогичные цели указаны и в законах регионального уровня, например, в законе Республики Саха (Якутия) от 26 октября 2016 года № 1744-З «Об общественном экологическом контроле в Республике Саха (Якутия)» [10].

В 2016 году был принят Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 353-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания лесопарковых зеленых поясов». Данным законом введен институт общественных инспекторов в области охраны окружающей среды, инспекторы наделены определенными правами, например, право участвовать в работе по экологическому просвещению населения [6]. В развитие указанных норм был издан приказ Минприроды России от 12 июля 2017 года № 403 «Об утверждении порядка организации деятельности общественных инспекторов по охране окружающей среды», который указал, что стать общественным инспектором по охране

окружающей среды может гражданин, изъявивший желание на добровольной и безвозмездной основе содействовать органам экологического надзора [12].

Можно выделить следующие проблемы, возникающие при реализации общественного экологического контроля.

Во-первых, М.И. Васильева отмечает, что из всех существующих видов контроля, государственного, муниципального, производственного, общественный экологический контроль является наименее урегулированным. Поэтому нельзя определить, что точно является объектом общественного контроля, каковы юридические последствия осуществления данного вида контроля [1, с. 38].

Н.В. Кичигин указывает, что общественный экологический контроль очень важен, поскольку он является признаком зрелости гражданского общества. Помимо этого, при осуществлении государственного контроля наблюдается нехватка ресурсов: не хватает материальной базы, инспекторов, лабораторий [2, с. 205].

Во-вторых, руководитель общероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны природы» Владимир Сидоров отмечает, что несмотря на приказ Минприроды, регулирующий деятельность инспекторов, в России нет ни системы поддержки инспекторов, ни сопровождения их работы. Порой они не знают, куда идти, узнав об экологическом преступлении [5]. Директор по экономическим и правовым вопросам охраны природы WWF Екатерина Хмелева так же утверждает, что имеет место необходимость расширять права общественных инспекторов, поддерживать их так, чтобы их деятельность не была формальна. Сейчас, по ее словам, инспекторы мало отличаются от обычных граждан.

В-третьих, для достижения большей эффективности организациям и экоактивистам необходимо объединяться, в том числе, для того, чтобы появлялась возможность делиться знаниями.

В-четвертых, результаты общественного экологического контроля подлежат обязательному рассмотрению. Они должны быть оформлены в форме обращений, жалоб или иных предусмотренных законодательством форм и представлены в органы государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления [11]. Следует отметить, что эффективное взаимодействие между властью и гражданским обществом по вопросам экологии позволит избежать возникновения конфликтных ситуаций, в этом важное значение имеет доступ к информации о состоянии окружающей среды и источниках воздействия на нее. Однако в данный момент законодательство Российской Федерации не содержит понятия «экологическая информация», не регламентирован порядок доступа к ней и отнесение такой информации к общедоступной, размещаемой в форме открытых данных органами государственной власти в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

В указанных выше целях создана федеральная государственная информационная система общественного контроля в области охраны окружающей среды и природопользования (ФГИС «Наша Природа»), утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2017 года № 1082 [9]. Однако внедрение этой системы недостаточно, одновременно с ней следует развивать возможности информационных ресурсов общественных организаций (интерактивного портала «Карта социально-экологических конфликтов» Российского экологического общества, «Карта свалок» Общероссийского народного фронта и другие).

Можно привести следующий пример организации деятельности общественных экологических инспекторов, поводом для которой послужили данные из средств массовой информации (*да-лее – СМИ*).

В СМИ появилось сообщение о разливе нефтепродуктов в порту города Находка Приморского края. Надзорные органы заявили о том, что проверка проведена, ведутся работы по устранению разлива. Общественные инспекторы выехали на место и установили, что никакие работы не ведутся, установили пост наблюдения и выяснили, что проблема имеет систематический характер. Радужная пленка регулярно появляется на поверхности воды, обычно в районе 8 утра. В месте, где регулярно возникает пятно, находится сброс ливневых коллекторов с одного из районов города. Общественные инспекторы совместно с общероссийским народным фронтом привлекли внимание к этой ситуации, побудив своими действиями администрацию города создать штаб по решению этого вопроса. Вопрос был взят на контроль природоохранной прокуратурой и управлением Росприроднадзора [3].

Из рассмотренных проблем можно сделать вывод, что недостаточное развитие общественного экологического контроля в нашей стране связано с низким уровнем экологического сознания граждан, неготовностью населения защищать свои экологические права, низкой организованностью общественного экологического контроля на региональном и федеральном уровне.

В свете последних событий следует упомянуть, что Минприроды внесло на рассмотрение в Правительство России законопроект о полномочиях общественных инспекторов. Об этом сообщил министр природных ресурсов и экологии России Александр Козлов на площадке форума «Мы вместе» и подчеркнул, что на данный момент для чиновников общественный инспектор ничем не отличается в правах и полномочиях от рядовых граждан. С ведомствами он работает в рамках Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» № 59-ФЗ – пишет жалобу и направляет в ведомство, ожидая ответа через месяц [8].

В законопроекте содержатся указания на следующий алгоритм действий: «Если инспектор, после того как увидел нарушение, не позднее трех дней подает жалобу, то надзорный орган обязан в течение 10 дней рассмотреть ее и проинформировать о принятом решении, то есть сроки в три раза уменьшаются. После того, как жалоба поступила, инспектор имеет право участвовать в обсуждении и полностью сопровождать поданную жалобу. Также появляется право обжаловать результат рассмотрения заявления и участвовать в процессе рассмотрения дела надзорным органом».

Документ не только закрепляет права, обязанности и особый статус обращений инспекторов, но и предъявляет требования для кандидатов на должность общественного экологического инспектора. В частности, удостоверение не смогут получить те граждане, у которых имеется судимость или в отношении которых ведется уголовное преследование. Препятствием для получения должности также будет наличие психических заболеваний, ограничения дееспособности, диагноза алкоголизм или наркомания.

Заместитель председателя комитета Государственной Думы по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды Александр Коган отметил, что законопроект создаст дополнительную мотивацию и возможность инспекторов влиять на решения надзорных органов. К тому же он рассказал, что для желающих присоединиться к этой работе открыта онлайн-школа.

Помимо этого Александр Коган осветил работу инспекторов на примере лесных экологических инспекторов. Всего за время работы ими направлено в надзорные органы более 780 материалов, по которым зафиксировано 1500 нарушений. В их числе 442 случая незаконной рубки лесных насаждений. Ежегодно лесные общественные инспекторы участвуют в более чем 6000 мероприятий по охране лесов и в 5000 мероприятий по экологическом просвещению. Росприроднадзором по предъявленным материалам общественных инспекторов в 223 случаях выявлено 265 нарушений, наложено административных штрафов на сумму больше 9 млн рублей [4].

Таким образом, институт общественного экологического контроля находится на стадии своего развития, взаимодействие общественного экологического контроля с органами государственного экологического надзора и производственного экологического контроля практически отсутствует. Причинами этого является, с одной стороны, отсутствие конкретных законодательных норм, а, с другой стороны, отсутствие активной гражданской позиции. Общественный экологический контроль имеет потенциал стать таким инструментом, который позволит в полной мере обеспечить участие граждан в решении экологических проблем. Для этого необходимо детально разработать правовую базу, связанную с проведением общественного экологического контроля, а также проводить просветительские мероприятия, с целью привлечения внимания граждан к экологическим проблемам современного мира и формирования у населения понимания о своей роли в отстаивании прав на благоприятную окружающую среду.

Список цитируемой литературы:

1. Васильева М.И. Концептуальные вопросы совершенствования экологической политики и законодательства об охране окружающей среды // Экологическое право. – 2007. – № 2. – С. 35–45.
2. Кичигин Н.В. Правовые проблемы публичного экологического контроля (надзора) : монография / Кичигин Н.В. // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М. : Издательство Триумф, 2012. – 328 с.
3. Крупный разлив нефтепродуктов произошел в акватории Находки // РИА Новости : сайт. Москва, 1999–2021. – URL: <https://ria.ru/20201022/razliv-1580949201.html> (дата обращения: 05.12.2021).
4. Минприроды внесло в Правительство России законопроект об общественных инспекторах // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/minprirody_vneslo_v_pravitelstvo_rossii_zakonoproekt_ob_obshchestvennykh_inspektorakh/ (дата обращения: 05.12.2021).

5. Настоящая расследовательская деятельность: трудности общественного экологического контроля в России. – URL: <https://www.asi.org.ru/news/2020/11/27/obshhestvennyi-ekologicheskyyi-kontrol/> (дата обращения: 05.12.2021).

6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания лесопарковых зеленых поясов : Федеральный закон от 03 июля 2016 года № 353-ФЗ. – Доступ из справочно–правовой системы «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

7. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 года № 204. – Доступ из справочно–правовой системы «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

8. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ. – Доступ из справочно–правовой системы «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

9. О федеральной государственной информационной системе общественного контроля в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2017 года № 1082. – Доступ из справочно–правовой системы «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

10. Об общественном экологическом контроле в Республике Саха (Якутия) : закон Республики Саха (Якутия) от 26 октября 2016 года № 1744-З // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400201611110009?rangeSize=20> (дата обращения: 05.12.2021).

11. Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ. – Доступ из справочно–правовой системы «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

12. Об утверждении порядка организации деятельности общественных инспекторов по охране окружающей среды : Приказ Минприроды России от 12 июля 2017 года № 403. – Доступ из справочно–правовой системы «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

13. Половина россиян считает, что экологическая ситуация в России за последние годы ухудшилась. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/11/29/848723-polovina-rossiyan> (дата обращения: 05.12.2021).

14. Рейтинг стран по уровню экологии. – URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/ecology> (дата обращения: 05.12.2021).

Сведения об авторе:

Макарова Юлия Андреевна – студентка 3 курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; yulya.makarova2001@mail.ru

Научный руководитель – Дицевич Я.Б., к.ю.н, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Алиева А. Э.

МЕСТО КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

***Аннотация:** Деятельность Конституционного Суда РФ серьезным образом сказывается на развитии современной науки конституционного права, распространении регулирующего влияния конституционных норм и институтов на самые разные общественные отношения и отрасли российского права.*

***Ключевые слова:** Конституционный Суд РФ, судебная власть, Конституция, конституционное судопроизводство, высший судебный орган, конституционный контроль.*

Как и во всех правовых государствах, в Российской Федерации судебную власть осуществляет специально уполномоченный на это орган – суд. Действующая редакция Конституции Российской Федерации закрепляет, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Как мы видим из нормы, законодатель выделяет пять видов судопроизводств, и одним из них как раз является конституционное, которым вправе заниматься только Конституционный Суд Российской Федерации.

При этом Конституция, выделяя конституционное судопроизводство в качестве самостоятельной формы осуществления судебной власти, называет его в части 2 статьи 118 первым. Как отмечает Н. С. Бондарь [2, с.5], это свидетельствует об особом положении Конституционного Суда в системе судебной власти как высшего судебного органа конституционного контроля в России. Кроме того, основной закон страны весьма детально (в отличие от других судов) регламентирует правовой статус данного органа в рамках главы о судебной власти.

Помимо Конституции Российской Федерации деятельность Конституционного Суда регулируется также Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральным конституционным законом от 27 июля 1994 года «О Конституционном Суде Российской Федерации»

Судебная власть в системе публичной власти занимает особое место, так как от позиции суда во многом зависит общая эффективность правоприменения, поскольку суды, вынося решения, дают общую оценку деятельности государства и его учреждений. Характер выносимых судами решений определенным образом влияет на деятельность следственных органов, полиции, оперативных работников и работников других ведомств, обеспечивая её законность и эффективность.

Конституционный Суд Российской Федерации при этом занимает особое место среди судов. Можно сказать, что ему принадлежит нетипичная роль в сравнении с другими судами Российской Федерации.

Для наиболее эффективного понимания природы Конституционного Суда Российской Федерации, считаем необходимым обратиться к определению этого органа судебной власти, сформулированному законодателем. Конституционный Суд Российской Федерации – это, согласно статье 1 Федерального конституционного закона от 27 июля 1994 года «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее по тексту – ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющий судебную власть самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации.

Серьезные изменения произошли в статусе данного органа в 2020 году. В частности, он получил право проверять (по запросу главы государства) конституционность проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации. Обращаем внимание на данную статью, потому что сразу после внесения изменения в Конституцию Российской Федерации в 2020 году Президент Российской Федерации, В. В. Путин обратился с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации для конституционной проверки вносимых изменений. По данному запросу было вынесено заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-З. В данном заключении Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводам о том, что и порядок вступления в силу статьи 1 рассматриваемого Закона, и его положения (не вступившие в силу) соответствуют Конституции.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации выступает важнейшим субъектом обеспечения таких юридических свойства Конституции нашего государства, как верховенство и стабильность. Именно он, в конечном итоге, принимает решение о «судьбе» предлагаемых конституционных поправок, причем независимо от того, от какого субъекта они исходят.

«Нетипичность» Конституционного Суда Российской Федерации состоит также в двойственной природе, которая выражается в сочетании двух, выполняемых им, функций – правотворческой и судебной. При этом правотворческая функция данного органа имеет свою специфику, и её нельзя отождествлять с законодательным процессом. Смещение функций между различными ветвями власти в правотворческой сфере не приводит к их совпадению. Конституционный Суд Российской Федерации в этом смысле осуществляет правокорректирующую функцию относительно нормотворчества законодательной и исполнительной власти, направленную на обеспечение адекватного выражения в законе, сохранения действующего права в конституционно-правовом поле, правовой защиты Конституции [4, с. 220].

«Результаты абстрактного толкования конституционных норм и те положения, которые провозглашаются Конституционным судом в обоснование им решений по конкретным делам, составляют живое конституционное право, право в действии» [1, с. 8], считает М. И. Байтин, то есть Конституция Российской Федерации толкуется не только законодателем, но и Конституционным Судом Российской Федерации.

Следует согласиться с Л. В. Лазаревым, который отмечал: «Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации является нормативно-интерпретационным установлением, которое представляет собой результат судебного конституционного толкования» [4, с. 120].

Н. В. Витрук, бывший судья Конституционного Суда Российской Федерации, считает, что «правовая позиция представляет собой правовые выводы и представления Конституционного Суда Российской Федерации в качестве результата толкования Конституции Российской Федерации и разъяснения конституционного смысла разнообразных положений законов и прочих нормативных правовых актов в рамках своей компетенции, снимающих неопределенность в определенных конституционно-правовых ситуациях. На них основаны итоговые решения Конституционного Суда Российской Федерации» [3, с. 352].

Говоря другими словами, Конституционный Суд Российской Федерации, осуществляя правосудие по конкретному делу, создает прецедент для всех подобных случаев в юридической практике.

Председатель Конституционного Суда В. Д. Зорькин считает, что «юридическая сила его окончательных решений выше юридической силы любого из законов, то есть практически равна юридической силе непосредственно Конституции, которую уже нельзя применять, не сверяя с итоговыми решениями Конституционного Суда Российской Федерации, относящимися к соответствующим нормам, и более того - если они противоречат данным решениям» [5, с. 201].

Также необходимо отметить, что деятельность Конституционного Суда серьезным образом сказывается на развитии современной науки конституционного права. И здесь необходимо отметить изменение в конституционно-правовом статусе как Конституционного Суда Российской Федерации в целом, так и судьи Конституционного Суда в частности, которое нельзя оценивать положительно. Речь идет о праве судьи Конституционного Суда на особое мнение. Этому, по-прежнему нормативно закреплённому, праву (то есть судья не просто может «иметь» какое-то своё, отличное от позиции большинства, мнение по рассматриваемому вопросу, а вправе его выразить в судебном заседании) теперь не соответствует принцип публичности выражения данного мнения, который выражается в доступности текстов таких особых мнений. К сожалению, в настоящее время они не публикуются вместе с решениями Конституционного Суда, а лишь приобщаются к протоколу его заседания и хранятся вместе с ним. При этом принцип доступности текстов особых мнений имеет важное значение - изложение судьей иного видения проблемы, ее решения зачастую способствует развитию правовой науки и практики. Так, например, в Волгоградской области законодательное регулирование в сфере организации муниципальной власти основано, в том числе, и на правовых позициях, выраженных в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 01.12.2015 года № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». В качестве нормативно закреплённых критериев определения тех городских поселений, в отношении которых допустимо применение в качестве безальтернативного одного из предусмотренных частью 2 статьи 36 Федерального закона 131-ФЗ вариантов избрания и места в структуре органов местного самоуправления главы муниципального образования, выбраны критерии, предложенные судьей Н. С. Бондарем в мнении к Постановлению Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 N 30-П [6, с. 14].

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации занимает важное место в системе органов государственной власти. Он выступает в роли не только органа, осуществляющего правосудие, но и негативного «законодателя», признавая ту или иную норму, противоречащую Конституции Российской Федерации. При этом полагаем необходимым вернуть «гласность» особым мнениям судей Конституционного Суда, в которых зачастую содержатся весьма важные аргументы и пояснения по тем положениям и выводам принятого решения, которые в последующем могут вызвать неоднозначное толкование в законотворческой и правоприменительной практике.

Список цитируемой литературы:

1. Байтин, М. И. О юридической природе решений Конституционного Суда РФ / М. И. Байтин // Государство и право. – 2006. – № 1. – С. 5-11.
2. Бондарь Н.С. Место конституционного правосудия в системе разделения властей // Социология и право. 2011. № 11.
3. Витрук, Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учебное пособие / Н.В.Витрук; Российская академия правосудия. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва : Норма: НИЦ Инфра-М, 2012 -592 с.
4. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. - М.: Городец, Формула права, 2003. - 528 с.
5. Зорькин, В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки / В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2007. – 400 с.
6. Коростелева М. В. Проблемы правового регулирования избрания главы муниципального образования // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. № 3. С. 11-14.

Сведения об авторе:

Алиева Арзу Элшадовна – студентка юридического института Волгоградский институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; arzu.aliyeva.2000@mail.ru

Научный руководитель – Коростелева М. В., к.ю.н, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС.

Симоганов С.С.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ РАВЕНСТВА ПРАВ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

***Аннотация:** Проведен межотраслевой анализ норм российского законодательства на предмет наличия гендерной дискриминации в отношении мужчин, переосмыслено содержание норм права в контексте равных возможностей мужчины и женщины в целях восстановления баланса, необходимого в правовом государстве.*

***Ключевые слова:** баланс прав и свобод, равные возможности мужчины и женщины, половое равенство, гендерная дискриминация.*

В силу положений статьи 19 Конституции Российской Федерации мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. Однако в последнее время приобретают актуальность вопросы гендерной дискриминации, поскольку все чаще приходится констатировать, что на современном этапе развития российского законодательства и в правоприменительной практике гендерная дискриминация имеет место быть. Проблема видится в том, что вопросы равноправия мужчин и женщин рассматриваются с точки зрения гуманитарного подхода, в области юриспруденции обозначенным вопросам уделяется недостаточное внимание.

Представляется, что дискриминация обусловлена исторически сложившимися моделями поведения обоих полов, правилами, устанавливающими должные поступки. Преодолеть неравенство полов можно посредством стирания явных границ между правами «мужскими» и «женскими». В этих целях необходимо доработать отдельные положения действующего законодательства, не соответствующие требованиям Основного закона страны.

Так, статья 4 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола. Данное положение непосредственно является продолжением статьи 19 Конституции Российской Федерации. Вместе с тем, учитывая принцип справедливости, который содержится в статье 6 Уголовного кодекса Российской Федерации, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать личности виновного. В то же время, часть 4 статьи 49 и часть 5 статьи 50 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает запрет назначать обязательные и исправительные работы беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет. Не вызывает сомнения, что данное положение

направлено на нормальное воспитание материю ребенка. Вместе с тем, законодатель не уделяет внимания отцам, которые по тем или иным причинам воспитывают детей без участия матери. Полагаем, что данные нормы можно рассматривать как гендерную дискриминацию.

Далее в соответствии с частью 2 статьи 57 и части 2 статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации женщинам в качестве наказания за совершение преступления не может быть назначена смертная казнь и пожизненное лишение свободы. Аналогичное правило установлено в отношении мужчин, достигших к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста. Получается, что законодатель предусмотрел освобождение мужчин от вышеуказанных видов наказания, но с определенным условием, в то же время женщинам не назначаются такие наказания вне зависимости от возраста. Мы понимаем, что это является проявлением принципа гуманизма, однако снова возникает вопрос о соответствии статей Уголовного кодекса Российской Федерации положениям части 3 статьи 19 Конституции Российской Федерации.

По этому поводу Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении указал, что предусмотренные частью второй статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации ограничения в назначении пожизненного лишения свободы, связанные с неприменением этого наказания к женщинам... и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста, не исключают их уголовную ответственность, а обеспечивают ее дифференциацию исходя из принципа гуманизма [3]. В тоже время Конституционный Суд Российской Федерации не раскрыл, как именно принцип гуманизма раскрывается в правоприменительной практике.

По аналогии с Уголовным кодексом Российской Федерации часть 2 статьи 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает, что административный арест не может применяться к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет [4]. В отношении мужчин данное правило применяется, если они имеют особый правовой статус (например, инвалидность, или должны быть военнослужащим, либо иметь специальное звание). Опять же законодатель никак не предусматривает возможность освобождения от административного ареста отцов-одиночек. Женщины, воспитывающие детей до четырнадцати лет, не могут быть привлечены к административному аресту, а мужчины, соответственно, также воспитывающие детей до четырнадцати лет, привлекаются к данному виду наказания, что опять же нарушает положения части 3 статьи 19 Конституции Российской Федерации.

Схожая ситуация усматривается в части 3 статьи 3.13, в пункте 10 части 1 статьи 4.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Так, согласно пункту 10 части 1 статьи 4.2 обстоятельством, смягчающим административную ответственность, признается совершение административного правонарушения женщиной, имеющей малолетнего. Однако к отцу, находящемуся в таком же положении, данная норма не применяется.

Гендерная дискриминация прослеживается и в других отраслях права, к примеру, статьей 90 Семейного кодекса Российской Федерации устанавливается, что бывшая жена в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка имеет право требовать предоставления алиментов в судебном порядке, в свою очередь, бывший супруг имеет право требовать предоставления алиментов в судебном порядке только в случае, если их общий ребенок является инвалидом [5].

В соответствии с пунктом 3 части 3 статьи 7 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» женщина, имеющая право на дополнительные меры государственной поддержки, имеет право направить материнский (семейный) капитал на формирование накопительной пенсии для женщин [6]. Возникает вопрос, почему мужчина, который в соответствии с пунктами 3 и 5 части 1 ст. 3 вышеуказанного федерального закона имеет право на дополнительные меры государственной поддержки, но не имеет возможности направить капитал на формирование накопительной пенсии.

Таким образом, можно сделать вывод, что на современном этапе развития российского законодательства и в правоприменительной практике гендерная дискриминация прослеживается во многих отраслях права, что препятствует реализации положений статьи 19 Конституции Российской Федерации в части, касающейся равных прав, свобод и равных возможностей для их реализации мужчиной и женщиной. Для решения данной проблемы необходима корректировка действующего законодательства и приведение его в соответствии с частью 3 статьи 19 Конституции Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: официальный текст: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 14.03.2020) [Электронный ресурс].- Режим доступа: // Справочная правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 10.12.2021).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс].- Режим доступа: // Справочная правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 8.01.2022).
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цурова Адама Муссаевича на нарушение его конституционных прав статьей 57 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 № 1428-О [Электронный ресурс].- Режим доступа: // Справочная правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 8.01.2022).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс].- Режим доступа: // Справочная правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 8.01.2022).
5. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс].- Режим доступа: // Справочная правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 8.01.2022).
6. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29 декабря 2006 № 256-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс].- Режим доступа: // Справочная правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 8.01.2022).

Сведения об авторе:

Симоганов Сергей Сергеевич – курсант ФГКВБОУВО «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации»; guazanova_sar@mail.ru

Научный руководитель – Рязанова Е.А., к.ю.н, старший преподаватель кафедры гражданского права ФГКВБОУВО «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации»

Макаров К.К.

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА

***Аннотация:** Статья посвящена исследованию перехода современного российского общества к цифровой модели развития в рамках правовой деятельности. Рассматривается уровень развития электронных правовых систем, актуальность и удобство их использования гражданами РФ.*

***Ключевые слова:** информационные технологии, цифровая модель развития общества, государственная автоматизированная система РФ «Правосудие», электронный документооборот, электронный документ, правотворческие информационные системы, справочно-правовая система, электронная правовая система.*

Сложно представить современного человека, который не использовал бы цифровые технологии в повседневной жизни. Для уплаты налогов, обращения в суд и решения иных юридических вопросов, предоставляется возможность использовать информационные программы, порталы и сайты в сети Интернет. Право трансформируется в соответствии с современными реалиями и в связи с повсеместным использованием технологий. Необходимость использования информационных технологий в сфере права возникла и в связи с эпидемиологической ситуацией в мире. Свободный доступ в государственные учреждения в целях получения юридической и иной помощи был ограничен.

Переход современного российского общества к цифровой модели развития осуществляется в соответствии со Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы. Данный социальный проект направлен на гуманизацию цифрового технологического развития, подчинение его насущным потребностям построения справедливого демократического общества и правового государства, данная задача невозможна без теоретической, концептуальной проработки. В качестве национальных приоритетов, в рамках развития информационного общества, указываются: развитие человеческого потенциала; обеспечение безопасности граждан и государства; развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления;

повышение эффективности государственного управления, развитие экономики и социальной сферы [5, с. 2901].

Стоит отметить, что под информационным обществом законодатель понимает – общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан.

Д.А. Пашенцевым отмечается, что внедрение цифровых технологий в юридическую практику позволяет автоматизировать ряд процессов, которые раньше могли осуществляться лишь при прямом участии субъектов права [2, с. 7]. Например, он же указывает, что автоматизации могут быть подвергнуты такие профессии, как секретарь судебного заседания и нотариус. И вполне вероятно, что механизм, наделенный искусственным интеллектом, способен осуществить систематизацию и предварительную подготовку документов, необходимых для анализа конфликтной ситуации, выполнять типовые стандартные процедуры. Но многие правоведа относятся к данной системе скептически, указывая на то, что трудно представить, как типичные дела будут рассматриваться роботизированными участниками судебного процесса. Так как указывают на важность существования судебного усмотрения, то есть мыслительной деятельности конкретного судьи по конкретному делу, которая в качестве результата представляет собой вполне определенное решение, принятое на основе анализа альтернативных вариантов, предлагаемых законодательством.

Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие», была создана в рамках целевой программы «Развитие судебной системы», она представляет собой систему или единое информационное пространство, в котором отражены данные судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном суде РФ [3, с. 2]. На данный момент в систему внедрен юридически значимый электронный документооборот. В рамках данной системы возможно ведение онлайн-трансляций судебных заседаний, что особо актуально в связи с пандемией. А с 2017 года у граждан появилась возможность подать документы в федеральные суды общей юрисдикции в электронной форме, именно благодаря системе «Правосудие». По состоянию на 2021 год, доля подобных электронных обращений в суды приближается к 30 % [1, с. 1].

Конечно для результативного использования системы «Правосудие» требуется соблюдение всех правил подачи документов, которые отражены в законодательстве. В ином случае дело останется без движения и не будет рассмотрено. Так что физическим и юридическим лицам необходимо предварительно изучить Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 46-П). Отзывы о данной программе не однозначны, однако она до сих пор имеет востребованность среди юристов.

Так же Е. Тонков в работе отмечает, что использование искусственного интеллекта не может и не должно заменить принятие обоснованного решения юристом-профессионалом по внутреннему убеждению, как это предписывают принципы правосудия [4, с. 8].

Тем не менее, технологические возможности цифровизации располагают необходимым потенциалом для совершенствования правотворческой работы в целом. Однако предлагается при создании правотворческих информационных систем, в качестве дополнительной поддержки оставить элемент мыслительных способностей реальных субъектов правотворчества и правоприменения.

Помимо использования таких больших проектов как «Правосудие», юристу необходимо прибегнуть к поиску отдельных норм в законодательных актах РФ, в данном случае широкое распространение и актуальность имеют такие справочно-правовые системы как «Консультант Плюс», «Гарант». Они содержат в себе правовые акты, принимаемые на всех уровнях в РФ, материалы судебной практики, комментарии к кодексам и законам, юридическую литературу. Аналогично устроена и справочно-правовая система «Кодекс». Без данных систем очень сложно представить динамичную жизнь современного юриста.

Наиболее полезным среди граждан (естественно за исключением «Госуслуг») признается сервис ФНС. С помощью электронного сервиса Федеральной Налоговой Службы возможно получение актуальной информации из налоговой инспекции круглосуточно и без выходных, платить налоги, подавать декларации, получать консультацию онлайн. Юридическое лицо в рамках данного сервиса может проводить сверку расчетов с бюджетом и запрашивать сведения.

Через личный кабинет в рамках данной системы лицо может установить переплаты, проверить наличие задолженностей и размер долга, получить квитанции на платеж, уплатить налоги и заполнить декларацию 3 – НДФЛ.

В положительном свете можно выделить такой сервис как «Интернет-приемную ФССП России», созданный в рамках проводимой в РФ информационной политики. На данной платформе

можно подавать жалобы и обращения в рамках Федеральных законов № 59 (о порядке рассмотрения обращений) и № 229 (об исполнительном производстве). По собственной уже сложившейся практике можно с уверенностью заявить, что обращения поданные через данный сервис обрабатываются в 2-4 раза быстрее, чем аналогичные обращения поданные поданные в канцелярии, что значительно помогает юристу в осуществлении его профессиональной деятельности.

Цифровизации подверглись также электронные торги и аукционы, они проводятся как в открытой, так и в закрытой форме. В 2016 году премьер-министром Российской Федерации Дмитрием Анатольевичем Медведевым было проведено совещание по вопросам совершенствования законодательства в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, с целью экономии государственного бюджета. Планировалось усовершенствовать и повысить эффективность системы госзакупок путём всеобщей электронизации торгов и сэкономить около 1,5 триллиона рублей.

В связи с поставленной задачей было принято решение о создании в 2016 году Единой информационной системы в сфере закупок, целью которой является информационное обеспечение контрактной системы в сфере закупок. ЕИС формирует, обрабатывает, хранит и предоставляет данные (в том числе автоматизированные) участникам контрактной системы в сфере закупок в рамках отношений.

Проблема данного этапа цифровизации заключалась в том, что требовалось обезопасить заказчика от недобросовестного подрядчика и наоборот. Требовалось обеспечить достоверность и актуальность данных. Также на основании закона в ЕИС невозможна регистрация офшорных компаний в качестве участников.

Совершенствование системы госзакупок оказывает положительный эффект в виде более удобного и достоверного поиска информации о заказчиках и поставщиках, отсутствии бумажной волокиты и экономии времени на регистрацию, совершение торгов осуществляется под контролем уполномоченного органа и операторов системы.

Однако, несмотря на все проводимые изменения, направленные на повышение качества и эффективности госзакупок, некоторые поставщики и заказчики продолжают осуществлять схемы, вследствие которых снижается уровень конкуренции. Например, при проведении конкурса специально занижается стоимость строительства и ремонта дорог, что приводит к низкому качеству исполнения работ.

Также цифровизация права не ограничивается лишь созданием автоматизированных сервисов облегчающих жизнь юристов, но также как ранее говорилось характеризуется появлением «искусственных интеллектов» т.е. программ имитирующих интеллектуальную деятельность человека и обладающих довольно широким и гибким набором скриптов позволяющих выполнять какую либо функцию. Так в ноябре 2021 года был представлен широкой публики интереснейший случай, который заставил многих юристов задуматься. Итак, некая О. установила на свой телефон голосового помощника «Олега» от известного банка «Тинькофф». Помощник в общем и целом довольно умный и полезный, его функции заключаются в том, что он умеет самостоятельно отвечать на звонки, участвовать в «осмысленном диалоге», и даже шутит над мошенниками, после чего передаёт всю эту информация владельцу в форме сообщений от реальных людей или даже записывает беседу и конвертирует ее в текст. Вот только что случится, если уже другой телефонный ассистент уже по имени «Егор» из Теле2 позвонит «Олегу» по поводу смены тарифа? Так как в скрипт общения «Олега» встроена вежливость, он прослушав предложение «коллеги» употребил слово «Хорошо» в предложении «Хорошо, я передам данное предложение своему владельцу (вольная интерпретация)», что оказалось достаточно уже для скрипта «Егора», чтобы подключить новый более дорогой тариф владельцу телефона. Утром обнаружив эту «сделку века», владельцу пришлось звонить операторам и возвращать всё на круги своя.

Данный случай довольно показателен, из него можно сделать вывод, что в ближайшее время нас ждет множество новых, ранее не виданных «прецедентов» и других случаев так или иначе связанные с цифровизацией общества и затрагивающих непосредственно российское право, что еще раз подчеркивает необходимость двигаться в этом направлении и меняться вместе со временем.

Таким образом, цифровизация права возможна лишь при создании благоприятных условий для применения информационных и коммуникационных технологий. Необходимо совершенствовать законодательство РФ, а также административные процедуры (в том числе и в электронной форме) при решении юридических вопросов, некоторые из них довольно сложно решить через современные электронные правовые системы обычному гражданину. Однако уже имеется положительный опыт использования информационной инфраструктуры в сфере права, например, электронный сервис ФНС, ФССП или Единой информационной системы в сфере закупок, они являются

наиболее показательными. Проблемы использования цифровых технологий заключается в сложном алгоритме действий, а также недостаточном уровне безопасности (например, при предоставлении персональных данных). 2020 и 2021 год бросил серьезный вызов именно юридической цифровой инфраструктуре (онлайн заседания в судах, увеличение трафика в интернет-приемных и т.д.), но уже сейчас с уверенностью можно сказать, что несмотря на определенные недоработки, проводимая государственная информационная политика показала себя достойно в выполнении своей основной задачи «гуманизации цифрового технологического развития, подчинение его насущным потребностям построения справедливого демократического общества и правового государства». Стоит отметить и то, что автоматизировать процессы в юридической сфере полностью невозможно, так как законодатель определил довольно-таки субъективные принципы, как указывалось в качестве примера – усмотрение судьи. Электронные системы не имеют такой гибкости при решении вопросов, которой обладает юрист. Но плюсом цифровизации выступает возможность систематизировать и предоставить по запросу необходимые данные и сведения (судебные акты, выписки из банка, налоговые платежи, ответы на обращения).

Список цитируемой литературы:

1. ГАС «Правосудие» исполнилось 15 лет – Новости Право [Электронный ресурс]. - URL: <https://pravo.ru/news/237175/> (дата обращения 08.01.2022)
2. Пашенцев Д.А. Российская законодательная традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. - 2019. - № 2. - С. 7-12.
3. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 5 февраля 2021 г. № 59 «Об утверждении Единых функционально-технических требований к организации подключения судебных участков мировых судей к телекоммуникационной инфраструктуре Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс]. - URL: <https://base.garant.ru/400370695/>. (дата обращения 08.01.2022).
4. Тонков Е.Н. Цифровизация права: проблемы и перспективы // Вестник. - 2019. - № 10. - С. 6-10.
5. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. - 2017. - № 20. - Ст. 2901

Сведения об авторе:

Макаров Константин Константинович – студент институт магистратуры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; ma1998@list.ru

Научный руководитель – Троицкая Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени Исаака Ефимовича Фарбера ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Соломин В.С.

РЕФЕРЕНДУМ КАК ИНСТИТУТ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

***Аннотация:** В данной статье рассматривается институт референдума в России – важнейшей составляющей современной демократии, обозначаются основные проблемы, связанных с реализацией референдума. Автором предлагаются возможные пути решения обозначенных проблем.*

***Ключевые слова:** референдум, народовластие, прямая демократия.*

Российская Федерация – это демократическое государство, для которого характерно наличие народовластия, т.е. признание народа носителем суверенитета и единственным источником власти. Конституция РФ предусматривает две формы народовластия, а именно прямое и представительное народовластие. Прямое народовластие выражается в том, что народ осуществляет свою власть непосредственно. Основными институтами прямого народовластия являются: референдум и выборы.

Референдум – неотъемлемая часть современной демократии, это важнейший инструмент реализации народом своей суверенной власти, право решать вопросы государственного значения.

В 3 статье Конституции указано, что, наряду с выборами, «референдум — это высшее непосредственное выражение власти народа». Таева Н.Е. дает следующее определение референдуму: «это всенародное голосование граждан Российской Федерации, имеющих право на участие в референдуме, по вопросам государственного и местного значения» [3, с. 93]. Однако институт референдума в России используется крайне редко.

В РФ референдум может проводиться на трех уровнях: федеральном, региональном и местном. В современной России на федеральном уровне с момента принятия Конституции не было проведено ни одного референдума, региональные референдумы проводились только по вопросам территориального преобразования (например, референдум об объединении Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа), о поправках в конституцию субъекта (Конституционный референдум 2007 года в Чечне) и о переносе столицы (Референдум о переносе столицы Республики Коми), а на местном уровне большинство референдумов проводится по вопросам территориального преобразования или введения самообложения граждан. Так, по словам Эллы Памфиловой в 2020 году в 6 регионах было проведено 242 референдума и «свыше 90% рассматриваемых на референдумах вопросов касаются введения самообложения граждан» [6].

Основными нормативно-правовыми актами, которые регулируют институт референдума, являются: Конституция Российской Федерации (ст. 3, ст. 32, ст. 84, ст. 130, ст. 135, ст. 137), Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 «О референдуме Российской Федерации», а также Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002.

Круг вопросов, по которым может проводиться федеральный референдум, закреплен в 6 статье ФКЗ от 28.06.2004 «О референдуме Российской Федерации». В этой статье прямо указывается 2 случая, когда предусмотрено обязательное проведение референдума: это проект новой Конституции, если Конституционное Собрание решит вынести проект на всенародное голосование, а также референдум может проводиться, если это предусмотрено международным договором. В остальном же данный ФКЗ разрешает референдум по любому вопросу, кроме тех случаев, которые не могут быть вынесены на референдум и закреплены в 5 части 6 статьи, где указано 7 вопросов.

Данный круг вопросов вызывает критику среди ученых-конституционалистов, особенно выделяют 10 пункт, который был внесен в 2008 году в текст ФКЗ. В данном пункте указано, что нельзя выносить на референдум вопрос, отнесенный к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти. Например, С.А. Авакьян подчеркивает, что «любое полномочие можно обозначить законодательно как вопрос исключительной компетенции какого-то органа, тем самым сознательно ограничить волю народа» [1, с. 407]. Данное законодательное ограничение вопросов, по которым может выноситься референдум, значительно ущемляет право граждан на референдум, так как сложно придумать вопрос, который не относился бы к компетенции какого-либо органа государственной власти. Причиной такого широкого ограничения может являться опасение государства, которое считает, что референдумы могут использоваться определёнными группами для продвижения узких или корпоративных интересов и являться дестабилизирующим фактором, как уже было в истории нашей страны в 1993 году, тем самым государство целенаправленно ограничило возможность проведения референдума на федеральном уровне. Интересно, что эта же причина повлияла на то, что в Германии на законодательном уровне отсутствует институт федерального референдума.

Еще одна сложность проведения референдума — это его организация. Так, в статье 14 в федеральном конституционном законе указано, что инициатива проведения референдума должна принадлежать минимум двум миллионам граждан РФ. А в части 2 статьи 17 закреплено, что инициативная группа должна собрать подписи за 45 дней. Всё это серьёзно усложняет организацию референдума. Также часть 8 статьи 70 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает, что референдум будет признан не состоявшимся, если в нем приняло участие меньше половины участников референдума. Данная часть вводит обязательную явку для референдума, чтобы признать его состоявшимся, но в то же время обязательная явка отсутствует для выборов в Государственную Думу и для выборов Президента. Некоторые исследователи отмечают, что настоящий порядок организации референдума требует больших организационных и финансовых затрат, что не позволяет обычным гражданам организовать референдум. Например, по мнению В.А. Толстика и Н.А. Трусова: «действующий порядок проведения референдума весьма существенно ограничивает конституционное право граждан участвовать в управлении государством...» [5, с. 12].

Решением организационной проблемы может являться изменение порядка организации референдума, например, уменьшение количества людей, которым должна принадлежать инициатива проведения референдума, увеличение количества дней необходимых для сбора подписей. Как справедливо отмечает В.В. Пылин: «установленный порядок инициативы проведения референдума при мощном бюрократическом сопротивлении ему стал труднопреодолимым препятствием» [4, с.71].

Кроме того, еще одним инструментом, который способен развить институт референдума может стать электронное голосование, которое начинают широко применять в различных странах, в том числе и в России. Так, в некоторых регионах с помощью дистанционного электронного голосования (ДЭГ) проводилось голосование по поправкам к Конституции, а также оно применялось на недавних выборах в Государственную Думу 8 созыва. ДЭГ может значительно упростить инициацию и проведение референдума на всех уровнях, что позволит развить институт референдума в России и значительно ускорить демократизацию в стране. Алексеев Р.А. отмечает, что электронные голосования «решают очень важные задачи: привлечение граждан к управлению городом, следствием чего является повышение политической активности; формирование системы коммуникации между населением и разными уровнями власти...» [2, с. 135].

Таким образом, можно сделать вывод, что референдум в России проводится редко из-за нескольких причин. Во-первых, существенное ограничение вопросов, которые могут быть вынесены на референдум из-за законодательного ограничения государством, а также организационные трудности, связанные с инициативой проведения референдума. Решением этих проблем может быть изменение законодательства. Также для развития непосредственной демократии могут использоваться технологии дистанционного электронного голосования. Это поможет не только облегчить организацию и проведение референдума, но и повысить политическую культуру граждан.

Список цитируемой литературы:

1. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 томах. Том 1 / С. А. Авакьян. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. — 864 с. - ISBN 978-5-00156-165-1. - Текст: электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1302171> (дата обращения: 11.01.2022). – Режим доступа: по подписке.
2. Алексеев, Р. А. Электронный референдум: проблемы и опыт проведения в современной России / Р. А. Алексеев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2016. – № 5. – С. 127-137. – DOI 10.18384/2310-676X-2016-5-127-137.
3. Нарутто, С. В. Конституционное право России : учебник / С. В. Нарутто, Н. Е. Таева. — Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2021. — 487 с. — (Высшее образование). - ISBN 978-5-369-01873-6. - Текст: электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1426799> (дата обращения: 11.01.2022). – Режим доступа: по подписке.
4. Пылин, В. В. Референдум: проблемы правового регулирования и практика реализации / В. В. Пылин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2002. – № 6(245). – С. 68-80.
5. Толстик Владимир Алексеевич, Трусков Николай Александрович Референдум в России: основы, опыт, критика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. №24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/referendum-v-rossii-osnovy-opyt-kritika> (дата обращения: 11.01.2022).
6. Более 240 местных референдумов проходят в шести российских регионах [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20170910/1502164462.html> (дата обращения 24.03.2022).

Сведения об авторе:

Соломин Всеволод Сергеевич – студент института правового консалтинга ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»; stroh58@outlook.com

Научный руководитель – Забелина Е.П., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

Волкова А.С.
ОФОРМЛЕНИЕ ПРОЦЕССА УКРЕПЛЕНИЯ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ
В РОССИИ: 2000–2020 гг. (ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ
РЕФОРМЫ)

***Аннотация.** Автором анализируются особенности нормативного оформления процесса укрепления вертикали власти в России. Рассмотренный период 2000 – 2020 гг. позволяет сделать вывод о планомерном «законодательном оформлении» данного политико-правового феномена: от Указа Президента РФ 2000 г. о введении институт полномочных представителей Президента в федеральных округах, до внесения поправок в текст Конституции РФ 2020 г.*

***Ключевые слова:** вертикаль власти, Конституция, федеральные округа, институт полномочных представителей Президента.*

Терминологическое определение «вертикаль власти» на сегодняшний день не имеет нормативного закрепления и используется относительно «произвольно» (журналистами, политологами, социологами и др.) для описания процедуры укрепления властных полномочий, как правило, исполнительной власти [2, с. 34]. Сам термин был введен в оборот в начале 90-х гг. XX в., однако, широкое распространение получил в 2000-е гг., после инаугурации В.В. Путина, который среди основных своих задач на посту Президента, поставил задачу укрепления вертикали власти в России [3, с. 2]. Сегодня в определении понятия «вертикаль власти», как правило, выделяют три основные составляющие: во-первых, иерархически организованные институты исполнительной власти («исполнительная вертикаль»); во-вторых, институты законодательной власти («парламентская вертикаль»). Последние, в отношении сложившейся в РФ практики, выполняют функцию административного механизма в процессе легитимации решений власти исполнительной. В-третьих, местное самоуправление, которое выстраивается по линии «центр – регионы» [8, с. 71].

Начало становления процесса укрепления «вертикали власти» было положено, как уже отмечалось выше, 20 лет назад, и стало ответом на распад сначала СССР, а потом и деструктивных вызовов, которые проявили себя уже в рамках нового государственного образования – РФ (например, тенденции к отделению Чечни, Татарстана, Якутии и др.). В качестве одной из первоочередных мер в данном направлении явилось создание системы федеральных округов [6, с. 32]. Было создано (7) и функционирует по сей день (8) относительно самостоятельных единиц, которые имеют существенные различия территориального (количество субъектов РФ, в них входящих и их абсолютная территория) и численного (в отношении населения в них проживающего) состава, границы которых преимущественно совпадают с границами военных округов, а также отвечают экономическому зонированию России [5, с. 192]. Как сама процедура создания федеральных округов, так и их функциональная направленность вызвали активные дискуссии в политических и научных кругах. Главным образом, они касались конституционных оснований создания и дальнейшего «существования» данного новообразования. Возможность и процедура их создания «прямо» не были закреплены Конституцией РФ, но и сам факт их появления не противоречит основным ее положениям, в частности, – главе 3 Конституции РФ – «Федеративное устройство» (с учетом поправок, внесенных Законами РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ).

В Указе Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» (ред. от 4 февраля 2021 г. № 69), институт полномочных представителей Президента в федеральных округах создан путем преобразования института полномочных представителей Президента в регионах РФ в целях обеспечения реализации Президентом своих конституционных полномочий, повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля за исполнением их решений. Полномочные представители Президента в федеральных округах при этом входят в состав Администрации Президента РФ, деятельность их направлена на реализацию полномочий Президента, что является составляющим его конституционно-правового статуса.

Кроме того, федеральные округа не образуют новой структуры административно-территориального деления. Они созданы, о чем и свидетельствует имеющаяся практика [4, с. 9], исключительно для повышения эффективности реализации управленческих решений федеральных органов государственной власти и координации реализации федеральных государственных программ и национальных проектов.

В этом же контексте следует рассматривать и поправки, внесенные в 2020 г. в текст действующей с 1993 г. Конституции РФ. Часть нововведений связана с историей страны и особенностями формирования политической системы «новой» (после 1991 г.) России. Так, например, впервые нормативно РФ признала себя «правопреемником Союза ССР на своей территории» (ст. 67¹, ч. 1), а также «исторически сложившееся государственное единство» (ст. 67¹, ч. 2). Эти фундаментальные категории призваны по сути своей частично заполнить вакуум, образовавшийся в 1993 г. посредством нормативного закрепления в тексте Конституции РФ, что ни какая идеология не может быть утверждена «в качестве государственной или обязательной» (п. 2 ст. 13). Что вызвало массу дискуссий на этой почве, попыток подчеркнуть исторические особенности и обосновать правовые «претензии» нового государства, в том числе и в вопросах мировой политики [1, с. 237-444].

В дополнении к ранее заявленным постулатам, конституционные поправки 2020 г. произвели нормативную фиксацию – закрепление за русским народом статуса «государствообразующего», как подчеркнуто в тексте ч. 1 ст. 68 – «по признаку использования русского языка». Государство, что и было установлено конституционными нормами изначально, признает себя «социальным» (п. 1 ст. 7), а в развитии этого положения – обеспечивает проведение в пределах своей территории «единой социально ориентированной государственной политики в области сохранения традиционных семейных ценностей» (ст. 114, ч. 1, пункт «в»).

Не меньшее значение в ряду конституционных поправок 2020 г. занимает уже сложившаяся практика государственного управления, – расширение полномочий Президента и сокращение полномочий Правительства. Можно с уверенностью сказать, что начало, положенное ей в 2000-е гг., было продолжено предложениями о необходимости внесения поправок в текст Конституции, выдвинутыми в 2008 г. в президентском послании. Тогда речь шла исключительно об увеличении срока исполнения полномочий Президента (с 4 до 6 лет) и о назначении представителей Президента в состав Совета Федерации. Таким образом, изменения 2020 г. следует рассматривать в качестве третьего этапа процесса развития государственного механизма. На данном этапе Председатель Правительства РФ исключительно «организует работу Правительства» (ст. 113) в соответствии с распоряжениями и поручениями Президента, который в соответствии с п. «б», ст. 83 Конституции РФ, осуществляет «общее руководство» Правительством. Следовательно, Председатель Правительства утрачивает право определения основных направлений его деятельности. Также в соответствии с нормами ст. 112 действующей Конституции РФ Президент назначает и отстраняет от должности федеральных министров, которых затем утверждает в должности Государственная Дума.

Следующее в череде нормативных изменений относится к усилению взаимодействия между государственными и муниципальными органами власти, подчеркнуто, нормативно установленное единство государственной и местной власти (ч. 3 ст. 132). При этом, согласно ч. 1 ст. 67 на территории РФ могут быть созданы федеральные территории, статус и особенности формирования которых должны быть определены специальным федеральным законом.

Приведенные выше особенности конституционных поправок свидетельствуют об укреплении так называемого «национального компонента» правовой системы [7, с. 132], и, безусловно, направлены на нормативное закрепление ключевых элементов «вертикали власти» в России, уже сложившиеся ранее и нуждавшиеся лишь в формально-юридическом оформлении.

Таким образом, к основным предпосылкам укрепления вертикали власти в современной России следует отнести, согласно преамбулы Конституции РФ, «исторически сложившееся государственное единство» и «суверенную государственность» России, т.е. сохранение и поддержание государственного суверенитета РФ на всей ее территории, а также представление и обоснование интересов государства на международной арене. Выстраивание четкой линии «центр – регионы» позволит в будущем эффективно реализовывать и контролировать процесс выполнения федеральных целевых проектов, национальных программ, проведение реформ на любом уровне (федеральный, региональный, местный) для получения максимально возможного эффекта и достижения поставленных целей.

Список цитируемой литературы:

1. Антология. Зачем мы верим в Россию / авт.-сост. Л. Орлова. – Минск: Харвест, 2010. – 448 с.
2. Грудинин Н.С. Механизм укрепления вертикали власти и пределы действия конституционного принципа единства системы государственной власти в Российской Федерации // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии. Материалы международной научно-практической конференции. 2016. С. 34-36.

3. Путин В.В. Какую Россию мы строим. Первое послание В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2000. 11 июля.
4. Твердов А.С. Вертикаль власти и местное самоуправление в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2. С. 7-12.
5. Третьякова А.А. Формирование вертикали власти в России после 1991 года: проблемы и перспективы // Научные исследования как основа инновационного развития общества. Сб. ст. Международной научно-практической конференции. 2019. С. 192-195.
6. Числов С.В. Традиции вертикали власти в России: сравнительный анализ советского опыта и современной практики // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Политология и социология. 2011. № 1. С. 32-35.
7. Яковлев А.А. Политика и политическая культура в современной России // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 2 (58). С. 129-136
8. Яковлева М.И. Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в России. – Тамбов: Грамота, 2018. – 213 с.

Сведения об авторе:

Волкова Ангелина Сергеевна – студентка историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ; volkova.as26@mail.ru

Научный руководитель – Исакова Л.В., к.и.н, старший преподаватель кафедры истории, обществознания и права Арзамасского филиала ННГУ

Киреева Е.Д.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ

***Аннотация:** Цифровизация системы права стала причиной появления не только положительного эффекта от использования технологий, но и привела к проблемам, которые могут поставить политическую и экономическую стабильность государств под сомнение.*

***Ключевые слова:** цифровизация, информационное право, система права, информационный кодекс, суверенное государство, интернет.*

В последнее десятилетие технологии становятся неотъемлемой частью системы права. Они полностью меняют формат привычного уклада жизни, трансформируют и подстраивают правовую систему под изменяющиеся общественные отношения. Эта тенденция дает начало появлению новых отраслей права, таких как, информационное право, подотраслей - киберправо, компьютерное право, институтов - электронная подпись, цифровая медицина или цифровое консультирование, а также норм - Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[1, с. 11-18].

Развитие сети Интернет стало основой глобального распространения информации. В результате глобализации начало образовывать информационное право в всех странах, в том числе и в России. Информационное право невозможно отнести к отраслям частного или публичного права, оно совмещает в себе оба этих понятия. “Однако у информационного права появилась функция посредника, оно способно сближать публичное и частное право. Выполняя данную функцию, информационное право придает ускорение эволюции правовой системы в целом. При этом информационное право способствует соблюдению баланса между частным и публичным правом”[2, с. 11-12].

Первыми документами, в которых прописаны положения, которые регулируют информационное право стали Конституция РФ от 1993[3], а также Указ Президента РФ от 31 декабря 1993 г. №2334 «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию». [4] Основными нормативными правовыми актами в информационной сфере на настоящий момент являются: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[5], Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. №262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[6], Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. №8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»[7].

Законодатели не всегда успевают вовремя отреагировать на изменения общественных отношений, поскольку они трансформируются гораздо чаще в условиях постоянного развития новых процессов. Интернет позволили человеку, в первую очередь, реализовывать свои права и свободы в

качестве члена гражданского общества. Этому поспособствовали такие сайты и приложения как Активный гражданин, change.org - в области права; гос.услуги - в социальной сфере; банковские приложения, приложения для установления и исчисления налогов - в экономической. По сравнению с другими странами в России не так давно начали появляться законы, которые способны регулировать эту сферу, поэтому заметно небольшое отставание. Но необходимо упомянуть, что Россия стала первой страной, в которой собирается издаваться кодекс, направленный на регулирование информационных прав, остальные на данный момент располагают лишь разрозненными НПА, находящимися в разных отраслях права.

Развитие страны в области цифровизации права наблюдается не первый год. В России уже не первый год внедряется и реализуется национальный проект “Цифровая экономика”. “Российское право, его структура, содержание отраслей и институтов, как и правовые системы других стран, находятся в стадии формирования потребностей субъектов цифровой экономики и цифровых отношений для создания новых правовых норм и межотраслевых институтов.” [8].

После взятия курса на цифровизацию права, особое внимание необходимо уделять формированию понятийного аппарата. В связи с постоянным развитием технологий понятийный аппарат нуждается в изменениях и усовершенствованиях. В частности отдельные правовые институты, которые обязательно должны дорабатываться.

По мимо этого, к основным проблемам, возникающим с цифровизацией права, можно отнести:

1. отсутствие единого кодекса, создание которое решило бы разрозненность информации в разных отраслях права и позволила бы создать целостную систему.
2. глобализация и цифровизация становится основой для существования единого цифрового пространства. Это может привести к попытке экономического и политического доминирования одних стран над другими.
3. столкновение интересов политических лидеров о создании суверенного государства и информационный прогресс в правовой системе.

Одним из решением вышеперечисленных проблем может стать создание Информационного кодекса, который в будущем станет основой для системного развития информационного права. Информационный кодекс должен будет обозначить конституционные права человека и гражданина на информацию, урегулировать многие вопросы оборота информации в Российской Федерации, закрепить некоторые правовые понятия, связанные с оборотом информации, а также установить требования к информационным системам.

На данный момент в 2018 году в РБК было объявлено, что в скором времени должны быть переписаны законы, связанные с информацией и связью. Планируется разработка Информационного кодекса, который сможет сгруппировать все законы, которые связаны с информацией из разных источников и объединить их в одном издании. Если говорить обобщённо, то принятие Информационного кодекса РФ будет включать в себя не только основные законы об информации и связи (а именно основные положения данных законов), но и все нормы, которые регулируют эти отношения, в том числе с учетом таких законов, как Закон РФ от 27 декабря 1991 г. N 2124-I «О средствах массовой информации» и Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ.[9]

Также важно отметить, что в отличие от Федеральных законов РФ, в кодексы редко вносятся поправки, что позволит существенно и тщательно проработать данный кодекс и учесть все основные положения во время его разработки. Безусловно, для этого необходимо участие специалистов и экспертов в области информации, информационных технологий и цифровой экономики для того, чтобы полностью учесть и осветить все аспекты в одном общем законодательном акте.

Таким образом, на данный момент в России нет определенного кодекса, который бы полностью регулировал информационное право. Цифровизация права позволила сделать большие шаги в развитии функционировании гражданского общества, но и одновременное с этими привело к появлению ряда проблем. Создание Информационного кодекса в РФ позволит решить проблемы, возникающие в процессе цифровизации права и создать устойчивый фундамент для развития информационного права.

Список цитируемой литературы:

1. Танимов О. В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 2 (111) февраль. С. 11–18.
2. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал Российского права. 2018. № 2. С. 11–12.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря
4. Указ Президента РФ от 31 декабря 1993 г. № 2334 «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию» // Российская газета. 1994. 10 января.
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. 29 июля.
6. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.
7. Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 7. Ст. 776.
8. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 04 июня 2019 г. № 7) // URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (дата обращения 05.01.2022 г.)
9. Кодекс крупнейших: зачем в России переписут законы в сфере ИТ и связи // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/01/2018/5a58ccd99a79475bf73470c1?from=main (дата обращения: 05.01.2022)

Сведения об авторе:

Киреева Елизавета Денисовна – студент Поволжского института управления им. Столыпина филиал РАНХиГС; kireeva.e.d@mail.ru

Научный руководитель – Протопопова И.Н., к.с.н, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Поволжского института управления им. Столыпина филиал РАНХиГС

Гаврилова В.Д.

МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ТЕНДЕНЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ

***Аннотация:** В статье рассматривается становление механизма управления в системе публичной власти и выделяются тенденции данного процесса. Выяснено, что появление тенденций становления новой системы управления предопределяется рядом факторов, одним из которых является установление понятия единой системы публичной власти. Автор анализирует механизм управления в системе публичной власти сквозь призму взаимодействия различных уровней публичной власти: федерального, регионального, муниципального. Выделены центристские тенденции развития Федерации и тенденция к более тесной взаимосвязи уровней публичной власти при осуществлении своего функционального предназначения.*

***Ключевые слова:** публичная власть; публичный порядок; управление; уровни публичной власти; органы государственной власти субъекта; органы местного самоуправления.*

Закон РФ о поправке к Конституции РФ № 1-ФКЗ от 14.03.2020 (далее: Закон 2020) вступил в силу 04.07.2020, внося за собой обширные изменения. Нам представляется интересным не только изучить такое нововведение, как «органы публичной власти», но и рассмотреть концепцию управления в системе публичной власти в целом, которая развивается как в доктринальных исследованиях, так и в правотворческой деятельности.

Итак, термин «органы публичной власти» был введен, чтобы «обобщить» органы механизма государства, работающие «для наиболее эффективного решения задач в интересах населения». Согласно ч.3 ст.132 Конституции РФ в вышеупомянутые органы входят органы государственной власти и органы местного самоуправления (далее: муниципальные органы).

Введение данного понятия наводит нас на мысль о публично-правовом механизме государства. Отметим, что в научной литературе термин «публично-правовой механизм» применялся в качестве характеристики механизма государства в целом еще до поправок и понимался как организационно обособленный на основе единых требований институциональный комплекс различных организаций, армии, финансов и правоохранительных структур, осуществляющих государственные

функции на постоянной или временной основе. В действующей редакции Конституции совокупность рассматриваемых органов характеризуется как единая система, что позволяет нам говорить о принципе единства органов публичной власти.

Это наводит на мысль о том, что Закон 2020 года является не только правовой основой конституционной реформы, но и частью более широкой технологии функционирования публично-правового механизма Российской Федерации [1, с. 9]. В Законе 2020 встречаются новые для Конституции термины, такие, как «органы публичной власти» и «основы публичного правопорядка», при этом совокупность данных органов в действующей редакции Конституции характеризуется как система, что дает нам основание говорить о единстве публичной власти. Принцип единства органов публичной власти обеспечивает нормальное функционирование публично-правового механизма государства в целом, что позволяет нам говорить о должном обеспечении «публичного правопорядка» [2, с. 16].

Необходимо обратить внимание на то, что такие понятия, как публичная власть и единство системы публичной власти также рассматривались в российской юридической науке. При рассмотрении понятия «публичная власть» в юридической литературе использовались такие методы, как системный и формально-юридический. Например, А.В. Малько и Р.С. Маркунин определили публичную власть как многоуровневую систему, где присутствуют упорядоченные по своей компетенции звенья [5, с. 12], а органы публичной власти – как соответствующее системное явление. При использовании системного метода в рассмотрении данного феномена авторы акцентировали внимание и на субъектах, осуществляющих публичную власть. Так, было отмечено непосредственное влияние «результатов работы» данных субъектов на правовую жизнь общества в целом.

Другие авторы раскрывали содержание данного понятия, используя формально-юридический метод. Например, О.Ю. Рыбаков раскрыл публичную власть через признаки власти в целом, а «публичный характер» власти он характеризовал с помощью такого признака, как наличие у государства специального аппарата принуждения [6, с. 75].

Толкование единства системы публичной власти было дано КС РФ до вступления в силу Закона 2020 [3]. Данный аспект рассматривался через призму функционального единства упомянутых органов, заключающемся в функциональном предназначении. Так, оно связано со смыслом, содержанием деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, что является приоритетной категорией. При этом исполнение данной обязанности не исключает организационного взаимодействия органов публичной власти и согласованного действия различных уровней публичной власти при решении задач на соответствующей территории, действия как единого целого во благо граждан.

Новые положения Конституции РФ, идея о единой системе публичной власти были развиты в Федеральном законе от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее: новый закон) [7], а так же в законопроекте № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее: законопроект) [4].

Предусмотрено, что положения нового закона постепенно вступают в силу, вместе с тем утрачивает силу Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее: предыдущий закон). На наш взгляд, новый закон позволит нам рассмотреть упомянутую идею через призму управления в публичной власти.

Положения нового закона направлены на совершенствование способов и форм взаимодействия органов публичной власти РФ и их организацию в целом, а так же на развитие модели единой системы публичной власти в рамках отдельно взятого региона, которая выстраивается через закрепление принципов деятельности указанных органов и их системы в целом. Принцип единства публичной власти зафиксирован в п. 5 ч.1 ст. 2 нового закона. Особое значение данного принципа объясняется не только сущностью публичной власти в целом, которая представляется в виде единой системы, но и ролью, который он играет в выстраивании соответствующей модели управления.

Так, в отличие от предыдущего закона, в новом выделяется отдельная глава, посвященная статусу высшего должностного лица субъекта РФ (далее: руководитель субъекта). В данной главе содержатся положения, вытекающие из принципа единства публичной власти и представляющие особое значение при раскрытии тенденций управления в публичной власти РФ. Опираясь на текст, мы можем провести разграничения наименований руководителя субъекта: выделить «основное» и

«дополнительное». Так, зафиксировано, что наименованием должности является «Глава» с дальнейшим указанием названия субъекта Российской Федерации (далее: регион РФ). Это наименование может считаться «основным» ввиду наличия у региона РФ возможности иметь «дополнительное» наименование рассматриваемой должности. Однако важно обратить внимание на то, что оно не может предусматривать использование слов или словосочетаний, отражающих наименование должности главы государства – Президента России.

На наш взгляд, вышеизложенные положения закона отражают центростремительные тенденции развития Федерации. Выстраивается единая система публичного управления, где регионы РФ предстают как равнозначные субъекты, на которых без предусмотренных в законе исключений распространяются положения об «основных» и «дополнительных» наименованиях с присутствующими ограничениями. Данная идея закрепляется положением нового закона о замещении руководителем субъекта РФ как государственной должности региона РФ, так и государственной должности РФ на основании принципа единства системы публичной власти.

Необходимо обратить внимание на то, что аналогичные идеи прослеживаются и в упомянутом законопроекте о местном самоуправлении.

В первую очередь, отметим, что в нем воспроизводится положение новой редакции Конституции РФ, согласно которому муниципальные органы входят в единую систему публичной власти. При обращении к п.9 ст.1 законопроекта, в котором раскрывается принцип гласности в деятельности муниципальных органов, мы видим формулировку «органов местного самоуправления, входящих в единую систему публичной власти в субъекте». Предлагаемая конкретика «систему... в субъекте» представляется интересной и подтверждает тезис о развитии модели единой системы публичной власти в рамках отдельно взятого региона.

Предлагается внести изменения в статус главы муниципального образования (далее: руководитель муниципального образования) в части замещения данным должностным лицом одновременно муниципальной должности и государственной должности региона РФ согласно принципу единства системы публичной власти. При этом перечень оснований, по которым полномочия руководителя могут быть досрочно прекращены, дополняется утратой доверия Президента РФ. Согласно Конституции РФ глава государства обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти, в связи с чем справедливо говорить, что предлагаемое в рамках правотворческой деятельности основание отражает связь уровней и главы публичной власти, а также подтверждает центростремительные тенденции развития Федерации.

Мы можем говорить о тесной взаимосвязи уровней публичной власти и при реализации управленческих функций, что будет способствовать становлению и развитию концепции единой публичной службы РФ. Для последующего выделения тенденций развития публичной власти важно рассмотреть общие аспекты взаимодействия всех органов публичной власти и обратить особое внимание на изменения, предусмотренные в новом законе в части отношений региональной власти и муниципальных органов, поскольку новый закон предусматривает ряд новых положений касаясь данных аспектов и отражает специфику единой системы публичной власти и действующего публичного правопорядка.

Так, в предыдущем законе было зафиксировано, что территориальные органы федеральных органов исполнительной власти предоставляют законодательному органу региона РФ (далее: законодательный орган) информацию о своей деятельности. В новом законе предлагается расширить полномочия законодательного органа в части заслушивания информации о деятельности и муниципальных органов, а также приглашать должностных лиц местного самоуправления на заседания законодательного органа, что предусматривает выступление данных субъектов и ответы на вопросы депутатов. Так, подобное планируемое взаимодействие органов региональной власти РФ и муниципальных органов как уровней публичной власти подтверждает упомянутую тенденцию.

Таким образом, мы приходим к пониманию того, появление тенденций становления новой системы управления предопределяется рядом факторов: установлением понятия публичной власти и таких ее уровней, как федеральный, региональный и муниципальный, в рамках функционирования публично-правового механизма Российской Федерации. Развитие данных положений отражает центростремительные тенденции развития Федерации и тенденцию к более тесной взаимосвязи уровней публичной власти при осуществлении своего функционального предназначения, что предопределено необходимостью поддержания публичного правопорядка, принципом единства системы публичной власти и является основой становления механизма управления в указанной системе.

Список цитируемой литературы:

1. Гаврилова В.Д. Реформирование современной политической системы Российской Федерации: конституционно-правовой аспект // Материалы XV Ежегодной всероссийской конференции по национальному и международному праву. Екатеринбург, 2020. С. 9-12.
2. Гаврилов Д.А., Гаврилова Ю.А. Конституционализация публичного правопорядка современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 6. С. 13–17.
3. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037> (дата обращения: 13.01.2022)
4. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719> (дата обращения: 13.01.2022)
5. Малько А.В., Маркунин Р.С. Значение системного подхода в исследовании юридической ответственности органов публичной власти // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 4–21.
6. Рыбаков О.Ю. Теория государства и права. Вопросы и ответы. – М.: Издательство Прометей, 2017. – 192 с.
7. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации" // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112210031> (дата обращения: 13.01.2022)

Сведения об авторе:

Гаврилова Виолетта Дмитриевна – студент института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»; SPD-201_252364@volsu.ru

Научный руководитель – Гаврилова Ю.А., к.ю.н, доцент, доцент кафедры философии и теории права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Мошкин М.В.

БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ: ЕДИНСТВО, ЦЕЛОСТНОСТЬ, НЕОТЧУЖДАЕМОСТЬ

***Аннотация:** В мире постоянно происходят процессы, приводящие к изменению государственных границ, проблема безопасности государственных границ является комплексной и нуждается в изучении.*

***Ключевые слова:** безопасность, государственная территория, границы, самоопределение, сепаратизм, непризнанные государства.*

Для начала дадим определение государственной территории. Государственной территорией принято считать находящуюся под юрисдикцией и суверенитетом определенного государства часть земного шара. Составными частями государственной территории являются суша, недра, воздушное и водное пространство. Важно отметить, что на государственной территории вся законодательная, исполнительная и судебная власть принадлежит данному государству и распространяется на собственных и иностранных граждан и организации. [2]

Одной из краеугольных проблем в международном праве остается противоречие в толковании двух основных принципов, закрепленных в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 года, в соответствии со статьей 2 данной резолюции - «все народы имеют право на самоопределение», а в статье 6 говорится о недопустимости попыток направленных на разрушение национального единства и территориальной целостности страны. [3]

Возникает вопрос о соотношении принципа о праве народа на самоопределение и принципа о единстве и целостности государства.

Барсегов Ю.Г. считает, что только при свободном выражении согласия народа может быть установлен территориальный статус государства. [1; с. 12]

Можно отметить три необходимых для выполнения государством условий, при исполнении которых осуществление самоопределения недопустимо:

1. Соблюдение государством принципа равноправия населяющих его народов;
2. Наличие представительного правительства, представляющего весь народ;
3. Отсутствие в проводимой государством внутренней политики какой-либо дискриминации.

Стоит отметить, что в современном мире в почти каждом государстве проживает помимо титульной нации, большое число народностей, зачастую они переплетены между собой историческими, религиозными и культурными связями. Государства в целях обеспечения безопасности должны проводить взвешенную внутреннюю и внешнюю политику. Как правило, конфликты, связанные с необходимостью предоставления отделения и независимости тем или иным народам возникают на всем протяжении их совместного проживания в одной стране, однако переход этих конфликтов в горячую фазу и вооруженное сопротивление связывают с определенными причинами, основанными на ограничении и подавлении социально-политических или религиозных прав отдельных народов, проживающих на территории отдельно взятого государства.

Попытки правового оформления данной проблемы начались после проведения деколонизации в середине прошлого века. В тот период возникло большое количество новых независимых государств. Образовавшиеся государства почти сразу начали сталкиваться с проблемами национально-этнического характера, поскольку проводя политику деколонизации в спешном темпе, бывшие метрополии буквально «по линейке» начертили границы новых стран, часто не учитывая национальный состав жителей этих территорий, как следствие — многие народы и племена оказались разделены или вообще оказались без территории и хоть какого-либо официального государственного образования, а другие напротив — враждующие народы оказались гражданами одного нового государства. Обеспечение безопасности в таких государствах особенно затруднительно в силу того, что их границы не учитывают географические особенности и национальный состав населения, часто на приграничных территориях государственность там существуют только «де-юре».

На территории постсоветского пространства после распада СССР случилась похожая ситуация — некогда существовавшие в рамках единой страны народы, оказались независимыми государствами, с претензиями на те или иные территории. Отсюда возникшие и существующие по наши дни вооруженные конфликты, непризнанные и частично признанные государственные образования, такие как: Приднестровская Молдавская Республика, Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика, Республика Абхазия, Донецкая и Луганская Народные Республики.

Проблематика в сфере международных отношений, особенно в вопросах территориальных споров и обеспечения национальной безопасности обладает характерной спецификой - постоянного появления новых и затягивания уже существующих конфликтов. Случаи мирных, дипломатических решений такого рода споров довольно редки и случаются в развитых странах. Одним из таких дипломатических решений стало принятие в 1985 году англо-ирландского соглашения, закрепившего и урегулировавшего правовой статус Северной Ирландии. Провозгласившее, что в случае волеизъявления в будущем большинства народа Северной Ирландии о согласии основания Объединенной Ирландии, они изъявляют данное стремление в соответствующих парламентах, для придания ему официальной силы.

Правовыми механизмами обеспечения безопасности государства и государственных территорий является система законодательства Российской Федерации, обеспечение и надежность исполнения которого гарантируется государственными органами исполнительной власти. В Российской Федерации органами обеспечения государственной безопасности являются как органы государственной власти Российской Федерации, так и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, специально уполномоченные должностные лица.

Согласно Закону Российской Федерации от 01.04.1996 № 4730-1 (ред. 08.12.2020) «О государственной границе Российской Федерации» [5] защита Государственной границы входит в систему мер безопасности, осуществляемых в рамках единой государственной политики обеспечения безопасности.

Существующие геополитические угрозы, возрастание опасности возникновения сепаратистских настроений, предопределили введение 28 декабря 2013 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 280.1 [6], предусматривающей ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

Как мы можем заметить, система законодательства в Российской Федерации стремится урегулировать вопросы, связанные с угрозами территориальной целостности нашей страны, изменяются и дополняются существующие и принимаются новые нормативные акты, вследствие смены внешне и внутривнутриполитической обстановки. Но при этом существования около десятка территориальных претензий к России со стороны иностранных государств.

Так, необходимо принять во внимание мнение Чернявского Д.О. и Скулакова Р.М. о возникновении и осуществлении провокации экстремистского характера в процессе упрощенного представления российским гражданам, проживающим в Печерском районе Псковской области, гражданства Эстонской Республики. Что угрожает появлением последующих претензий под предлогом защиты своих граждан. Данная и подобные провокации позволяют говорить о «скрытом» этапе интервенции и прямом посягательстве на национальную безопасность Российской Федерации. [8; с. 78]

Непрекращающиеся попытки оспаривания суверенитета Российской Федерации над территорией Курильских островов со стороны Японии с завидной периодичностью всплывают в информационно-политическом пространстве, что так же можно расценивать как попытку оказать давление на политику нашей страны в Тихоокеанском регионе.

Двойственное отношение мирового сообщества на выражение права народа на самоопределение отчетливо проявилось в двух диаметрально противоположных позициях по схожим ситуациям: провозглашение независимости Республики Косово 17 февраля 2008 года с последующей целью присоединения к Республике Албании было поддержано Западными державами и на данный момент независимость Косово признана 98 странами-членами ООН. Полярно противоположную реакцию Западных стран вызвало намерение народа Крыма обрести независимость от Украины и присоединиться к Российской Федерации, провозглашенное в Декларации «О независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя», принятой 11 марта 2014 года Верховным Советом Автономной Республики Крым и Севастопольским городским советом. Данное стремление было подтверждено в ходе проведения 16 марта 2014 года Общекрымского референдума, по результатам которого подавляющее большинство пришедших на участки для голосования высказали свое желание о вступлении Республики Крым в состав Российской Федерации. Реакция Западных держав выразилась в введении санкций против России и Крымской Республики, в частности, так, на территории данного субъекта России до сих пор не работают многие сервисы, поскольку компании опасаются санкций со стороны правительств Западных государств.

В современном мире помимо государств-членов Организации Объединенных Наций, которые являются полноправными участниками международных отношений и субъектами международного права, существуют и другие территориальные образования. Зачастую по поводу образования и легитимности существования таких образований имеются определенные разногласия среди государств-членов ООН. Однако в силу тех или иных обстоятельств данные образования являются сформировавшимися и порой, имеют все признаки государства.

Значимость данного вопроса обуславливается тем, что на сегодняшний день насчитывается несколько десятков подобных образований различного уровня оформленности. Некоторые из них существуют уже десятки лет и до сих пор не получают признания, несмотря на полное их соответствие принятым стандартам государств.

Проблема существования подобных образований заключается так же и в том, во-первых, на их территориях зачастую живет гражданское население, во всем мире как минимум несколько миллионов человек являются жителями таких территорий. Во-вторых, подобные образования все чаще становятся объектами международных отношений, используются другими государствами для достижения своих политических амбиций и целей. В-третьих, само существование и тем более функционирование таких образований оказывает существенное влияние как на внешнюю, так и на внутреннюю политику отдельных государств, в том числе и Российской Федерации. В-четвертых, на данный момент существует очень ограниченное количество научных работ и публикаций по данной тематике, что затрудняет процесс изучения и теоретического решения связанных с ней проблем.

Жмилевский В.Д. дает таким территориальным образованиям определение специфических территорий. Специфические территории (лат. *terra specificus*) — административно-территориальные образования, обладающие определенной спецификой в области международно-правового законодательства, не свойственной большинству государств-членов Организации Объединенных Наций. [4; с. 7]

В научной литературе принято разделять подобные территориальные образования на следующие виды:

- Непризнанные государства
- Виртуальные государства

- Ассоциированные государства
- Спорные территории
- Оккупированные и аннексированные территории
- Terra nullius (ничейная земля)
- Анклавы и эксклавы
- Зависимые территории
- Специфические границы
- Кондоминиумы
- Территории с комбинированной спецификой

Мы бы так же добавили в данный список такое выработанное нами понятие как национально-сепаратные образования, характеризующиеся наличием территориально зависимых или разделенных народов, стремящихся обрести собственную государственность, путем отделения от одного или нескольких государств. В современном мире примерами народов таких образований являются: курды, туареги, сикхи, уйгуры, каталонцы, баски, тибетцы и др. В истории современной России после распада СССР подобные образования так же существовали, самыми серьезными конфликтами подобных сепаратистских устремлений стали вооруженные конфликты в Чеченской Республике и политический кризис начала 1990-х годов в Татарстане с требованиями сецессии, прекратившийся лишь с подписанием двустороннего договора с Москвой. [7; с. 6]

Можно отметить, что в современном мире остается достаточное количество правомерных способов изменения государственной территории, некоторые, существовавшие ранее способы утратили свою актуальность, например, как объединение территорий государств в ходе заключения династического брака. Другие способы должны еще только появиться. Однако уже сейчас можно говорить о необходимости дальнейшего изучения и развития научной мысли в данной области, разработки новых методов и средств правового разрешения существующих территориальных проблем.

Список цитируемой литературы:

1. Барсегов Ю.Г. Обязательная сила права народов на самоопределение и средства его обеспечения / Ю.Г. Барсегов. - М.: Международный гуманитарный фонд арменоведения, «Армбук-Маштоц». Полигр. фирма «Армбук-Маштоц», 1993. - 32 с.
2. Бекашев К.А. Территория Государственная [Электронный ресурс] / К.А. Бекашев. // Информационный портал Большая российская энциклопедия. - URL: <https://bigenc.ru/law/text/4189933> (дата обращения: 8.01.2022).
3. Декларация «О предоставлении независимости колониальным странам и народам» принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 года. [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал ООН. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 5.01.2022).
4. Жмилевский В.Д. Специфические территории. Международная классификация / В.Д. Жмилевский. - Казань: Издательство «Бук», 2017. - 64 с.
5. Закон Российской Федерации от 01.04.1993 № 4730-1 (ред. от 30.12.2021) «О Государственной границе Российской Федерации» // Российская газета. – 1993. - № 84.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - № 25. - Ст. 2954.
7. Филатова М.В. «Федерация без федерализма». Россия как государство с квази – унитарным строем / М.В. Филатова. // E-scio. – 2021. - № 7. - С. 200-211.
8. Чернявский Д. О., Скулаков Р. М. Публичные призывы к нарушению территориальной целостности: проблемы социально-политической обусловленности уголовно-правового запрета / Д.О. Чернявский, Р.М. Скулаков. // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2015. - № 1. - С. 73-79.

Сведения об авторе:

Мошкин Максим Владимирович - студент 2 курса специалитета факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; moshk.maxim@yandex.ru

Научный руководитель - Воронцова М.А., к.ю.н, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российского государственного университета правосудия»

Сикач А.С.
**РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ КАК СУБЪЕКТА В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ**

***Аннотация:** В статье рассматриваются субъекты механизма противодействия коррупции в деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, а именно основные направления прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции. Уделяется внимание необходимости усиления прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства в сфере осуществления ключевых направлений государственной политики против коррупции; на деятельности Прокуратуры Российской Федерации, которая является не только субъектом механизма противостояния коррупции по отношению к другим правоохранительным органам, но и координатором процедур, которые проводятся в борьбе с коррупцией.*

***Ключевые слова:** прокуратура, коррупция, субъект, антикоррупционная деятельность, прокурорский надзор, противодействие коррупции.*

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. одной из основных угроз не только для общества, но и для государства является коррупция.

В развитие Стратегии национальной безопасности Указом Президента Российской Федерации № 478 была ратифицирована Национальная стратегия противодействия коррупции, которая определила ключевые направления организации работы по единому противодействию коррупции.

Основной упор в данной Национальной стратегии сделан на предупреждении коррупционных манифестаций.

Кроме того, в Федеральном законе Российской Федерации от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» определены сферы деятельности, оказавшиеся наиболее подверженными коррупции, а также субъекты коррупционных правонарушений».

Следует отметить, что в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» эти субъекты подконтрольны прокуратуре. При этом в приказе Генерального прокурора РФ № 209 от 15.05.2010 «Об усилении прокурорского надзора в свете реализации Национальной стратегии противодействия коррупции» коррупция также рассматривается как одна из системных угроз безопасности в России. Из этого следует, что противодействие коррупции также должно носить согласованный характер и не сводиться лишь к уголовному преследованию.

Согласно ч. 2 ст. 1 упомянутого закона «О противодействии коррупции» противодействия коррупции состоит из трёх этапов:

I этап – предупреждение коррупции, а также выявление и устранение причин коррупции;

II этап – выявление, профилактика, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений (названный законодателем борьбой с коррупцией);

III этап – минимизация и ликвидация последствий коррупционных правонарушений.

Прокуратурой в той или иной степени охватываются все 3 этапа противодействия коррупции.

Анализ антикоррупционных нормативно-правовых актов Российской Федерации позволяет выделить основные направления антикоррупционной деятельности. Во-первых, это определение сущности коррупции как социального явления. Во-вторых, закрепление образца антикоррупционного поведения, обозначение того, что есть коррупционное правонарушение, а что является преступлением, связанным с коррупцией. В-третьих, выявление и пресечение коррупционных правонарушений и преступлений, установление юридической ответственности. В-четвертых, выявление и устранение причин коррупции[3, 102].

Традиционным направлением деятельности является проведение экспертизы антикоррупционных нормативно – правовых актов с целью выявления и исключения содержащихся в них коррупционных факторов.

В соответствии с приказом Генпрокуратуры России от 28.12.2009 № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» прокурорами каждый год проверяется до 2 млн нормативных документов и их проектов. Исключение из текстов таких документов факторов коррупции допускается предупреждение нарушения прав граждан в разных сферах деятельности, обеспечение соблюдения их соц. гарантий. Например, за неполный 2020 г. прокурорами было рассмотрено более 1,3 млн нормативно – правовых актов и их проектов, в которых выявлено свыше 70 тыс. факторов коррупции. За 2020 г. прокуратурой было представлено около 190 тыс. нарушений антикоррупционного законодательства. По результатам рассмотренных

актов прокурорского реагирования свыше 47 тыс. лиц привлечены к дисциплинарной ответственности, еще около 6 тыс. лиц (включая юридических) – к административной. По материалам прокурорских проверок возбуждено почти 2,5 тыс. уголовных дел.

Среди обнаруженных нарушений стоит отметить следующие:

- 1) представляются неправдоподобные сведения о доходах и о имуществе самими чиновниками;
- 2) нарушаются установленные обязанности, запреты и ограничения в занятии коррупционной деятельностью самими чиновниками;
- 3) не соблюдаются требования закона о контроле за расходами высокопоставленных чиновников.

Другая ситуация складывается по небольшому взяточничеству. Количество фактов дачи взяток, которые оказались выявлены в этом году, незначительно увеличилось, составило почти 2,8 тыс. Эта цифра в два раза превосходит число фактов получения мелких взяток, которые оказались уменьшены до 1,4 тыс.

На особом контроле прокуроров – надзор за соблюдением уголовно-процессуального законодательства при расследовании уголовных дел о преступлениях, которые связаны с коррупцией, обеспечение поддержания государственного обвинения в суде по уголовным делам указанных категорий. Ведь за последние полтора года было проведено почти 4 тыс. совместных целевых процедур по выявлению и пресечению, а также искоренению преступлений, связанных с коррупцией, ещё вдобавок устранению причин и условий, которые способствуют их совершению.

Отдельное внимание уделяется проблемам возмещения ущерба, который оказался причинён коррупционными преступлениями, исполнения судебных решений по уголовным делам, борьбы с «взятками», международного сотрудничества, в том числе в части возврата активов, выведенных за рубеж. Эта работа осуществляется в тесном взаимодействии с коллегами из МВД России, ФСБ, СК РФ, Федеральной службы по финансовому мониторингу, ФАС России и других государственных органов. В целях защиты интересов общества и государства на регулярной основе и во взаимодействии со всеми правоохранительными органами проводится работа по возмещению ущерба, который оказался причинён в результате совершения преступлений, которые направлены на коррупцию. Согласно статистическим данным, доля материального ущерба от преступлений, которые связаны с коррупцией, составляет примерно 10 % от суммы ущерба, с помощью которого оказался причинён всеми видами преступлений в РФ.

В общей сложности, за 2020 г. Прокуратурой РФ сумела выявить огромное количество преступлений, которые оказались связаны с коррупцией. Это говорит об эффективности и кропотливости работы Прокуратуры РФ.

На сегодняшний день Прокуратурой РФ проводится системный анализ и мониторинг состояния законности, в том числе в сфере исполнения и соблюдения законодательства о государственной и муниципальной службе и антикоррупционного законодательства. Прокуратура на постоянной основе обобщает имеющиеся в ее распоряжении данные статистики, а также информационно-аналитические материалы в данной сфере, на основании которых проводится активная разработка мер по усилению эффективности прокурорского надзора и координирования деятельности правоохранительных органов. Кроме того, повышению эффективности антикоррупционной деятельности прокуратуры будет способствовать привлечение к этой борьбе представителей общественности, создание общественных комиссий и советов, всесторонняя поддержка общественного контроля над деятельностью государственных органов [1, с. 230].

На наш взгляд, деятельность прокуратуры по противостоянию коррупции можно разделить на несколько уровней. Определяющим параметром для такого деления могут выступать методы противостояния коррупции.

Так, первый уровень заключается в деятельности прокуроры по противостоянию коррупции на этапе принятия нормативно-правовых актов. Ключевым звеном данного уровня является проводимая экспертиза антикоррупционной нормативно-правовых актов. Посредством этого этапа реализуется превентивная функция прокуратуры, осуществляется предупреждение совершения коррупционных деяний.

Второй уровень — реагирование на непосредственные проявления коррупции. В рамках этого уровня прокуратура принимает и обрабатывает обращения граждан по фактам совершения правонарушений коррупционной направленности, применяет меры прокурорского реагирования, проводит проверки, обращается в компетентные органы и т.д.

Третий уровень — борьба с коррупцией на стадии проведения предварительного следствия и дознания по уголовным делам, коррупционной направленности. Надзор за исполнением законов Следственным комитетом РФ, который осуществляет следствие, вдобавок и по делам коррупционной направленности, возложен на Генерального прокурора РФ и подчиненных ему прокуроров на основании полномочий, предоставленных федеральным законодательством.

Четвертый уровень — поддержка государственного обвинения в суде в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, а также на основании закона «О прокуратуре РФ».

Деятельность подразделений по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции априорна. Прежде всего это проведение «общенадзорных» проверок, которые направлены на выявление нарушений законодательства о государственной и муниципальной службе. К компетенции управлений и структурных подразделений на местах отнесены вопросы борьбы с коррупцией в сфере государственной и муниципальной службы, включая коррупцию среди лиц, которые замещают государственные должности в Российской Федерации, руководителей регионов и муниципальных образований, депутатов, судей, прокуроров и других публичных должностных лиц.

В состав управления входят отдел по надзору за соблюдением федерального законодательства и отдел по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью, а также организационно-методическая группа. Основные направления деятельности этих подразделений можно разбить на следующие группы:

- I. выявление проявлений коррупций и проведение по ним проверок на их соответствие;
- II. надзор за соблюдением законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности по делам направленности коррупции;
- III. осуществление надзора за соблюдением уголовно - процессуального законодательства в ходе расследования уголовных дел о фактах коррупции;
- IV. поддержание государственного обвинения в стадии судебного производства по уголовным делам о фактах коррупции;
- V. участие в международном сотрудничестве с антикоррупционными и иными структурами других стран;
- VI. мониторинг и анализ исполнения законодательства о борьбе с коррупцией и выработка предложений по его совершенствованию.

Учитывая комплексный характер коррупции, проявления которой могут наблюдаться в сфере исполнения законодательства различных видов (бюджетного, антимонопольного, законодательства об использовании государственного имущества, о государственных закупках, о противодействии легализации преступных доходов) управление правомочно осуществлять необходимые мероприятия по противодействию коррупции в сфере исполнения соответствующего законодательства во взаимодействии с иными профильными надзорными подразделениями Генеральной прокуратуры РФ[2, с. 104].

Все прокурорские работники, отбирающиеся как на региональном, так и на федеральном уровне, назначаются на должность приказом Генерального прокурора РФ и могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности только с его согласия.

В заключение можно сделать вывод о том, что система противодействия коррупции, которая была создана органами прокуратуры Российской Федерации, — это постоянно совершенствующийся комплекс мер, которые направлены на обеспечение законности в сфере противостояния коррупции. Ведь если бы Прокуратура РФ тщательно не занималась искоренением коррупционных преступлений, то коррупция продолжала бы процветать, а коррупционеры — подворовывать, используя должностные полномочия с целью собственного обогащения.

Список цитируемой литературы:

1. Григоров К. А. Функции и направления деятельности прокуратуры Российской Федерации в современных условиях// «Черные дыры» в Российском законодательстве — М.: Компьютерный Аудит, 2016. 277 с.
2. Гаджиев Д.М. Коррупция: общероссийские и региональные аспекты // Власть. — 2011. — № 6. — С. 102–107.
3. Уманская В.П., Малеванова Ю.В. Государственное управление и государственная служба в современной России: монография. «Норма», 2020. — 176 с.

Сведения об авторе:

Сикач Артём Сергеевич – студент Юридической Школы ФГАОУВО «Дальневосточный федеральный университет» г. Владивосток; artemsikach@inbox.ru.

Научный руководитель – Князева Н.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ЮШ ФГАОУВО «Дальневосточный федеральный университет» г. Владивосток

Пазяк Д.А.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ПОСТРАДАВШИХ ОТ АКТОВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация:** Исследование рассматривает условия возникновения террористической угрозы, а так же возможности социальной системы Российской Федерации и социальных систем зарубежных государств к защите пострадавших от актов террористической деятельности в современных условиях.*

***Ключевые слова:** социальная защита, террористический акт, гражданское право, право социального обеспечения, деликтные правоотношения, терроризм.*

Сегодня мир все больше и больше напоминает пороховую бочку, которая в любой момент готова взорваться, и унести с собой миллионы человеческих жизней. Эти тенденции особенно хорошо видно, в условиях начинающегося нового мирового кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Экономическая нестабильность обостряет и так высокое экономическое неравенство, и социальное напряжение в обществе. Для его измерения используют коэффициент Джини, как показатель равномерности распределения доходов в обществе. Измерения производят по шкале от 0 (низшая точка) до 1 (наивысшая точка). В России в 2017 году он составлял 0,377 единиц, а к 2018 году уже 0,417 единиц и продолжает уверенно расти [3]. В реальности эта цифра может быть ещё больше, так как около половины всех доходов в Российской Федерации не декларируются.

Экономическая нестабильность во многом потворствует, нарастанию военной напряженности и активности террористических групп по всему земному шару. В современной экономической системе наблюдается профицит различных систем вооружения, начиная от легкого огнестрельного оружия и заканчивая средствами массового поражения. Например, только стрелкового гражданского оружия, в США – приходится 120,5 единиц на 100 человек населения [2].

В этих условиях шанс появления большого числа формирований террористической направленности, применяющих силу для достижения своих целей, особенно высок, так как экономический кризис, пандемия и вышеописанный профицит оружия в мире, не дают возможности для государств быстро реагировать на данные проявления. Эти тенденции подтверждаются последними измерениями глобального индекса терроризма за 2019 год, где Российская Федерация занимает 34 место, с общим индексом 4,9 – что означает средний уровень террористической угрозы [5].

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что в ближайшее время социальная система Российской Федерации может столкнуться с серьезными социальными потрясениями, что в свою очередь потребует от неё, немалого количества ресурсов на их устранение. Поэтому, следующим важным этапом, будет анализ существующего законодательства как национального, так и международного, в области социального обеспечения для корректного прогнозирования возможностей государства к защите своих граждан от возможных последствий актов террористической деятельности.

Существует достаточно разработанная международно-правовая база о противодействии терроризму, в которую включены различные международные соглашения, участниками, которых являются более 180 стран, в том числе и Российская Федерация. На данный момент заключено около 22 таких соглашений. Они регулируют различные аспекты взаимодействия государств и международного сообщества в борьбе с терроризмом, в том числе социальную защиту пострадавших от актов террористической деятельности. Одним из основных документов в этой области является Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, принята резолюцией 60/288 Генеральной Ассамблеи ООН от 08 сентября 2006 года [10]. Этот документ закрепляет основные цели и методы, которые ООН будет преследовать, и которыми будет пользоваться, в борьбе с терроризмом, в том числе и меры по защите уязвимых групп прав человека в контексте международного права.

Другими международно правовыми документами в области так же являются: Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (г. Шанхай, 15 июня 2001 г.) [28]; Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (г. Екатеринбург, 16

июня 2009 г.) [15]; Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (г. Варшава, 16 мая 2005 г.) [14]; Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (г. Нью-Йорк, 16 декабря 1997 г.) [18]; Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.) [19], а так же Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (г. Нью-Йорк, 13 апреля 2005 г.) [17]. Эти документы, так же как и Глобальная контртеррористическая стратегия ООН закрепляют специальные методы и принципы борьбы с различными проявлениями терроризма, в том числе и рекомендации по защите и восстановлению нарушенных прав человека.

При системном анализе положений данных документов, можно прийти к выводу, что в международно-правовом понимании защита пострадавших от актов террористической деятельности осуществляется через комплексную и системную деятельность государств в рамках вышеуказанных соглашений направленную на пресечение, предотвращение и устранение угрозы и последствий террористических актов, посредством уголовного преследования опасных элементов, а так же взаимной помощи и сотрудничества в рамках данного процесса. Так же, в некоторых документах, в том числе в Глобальной контртеррористической стратегии ООН закреплены рекомендации для государств и международных организаций на расширение сотрудничества и увеличение усилий в рамках создания необходимых социально-экономических, правовых и иных, условий снижающих социальную напряженность в обществе и снижающих риск совершения актов террористической деятельности, и появления иных связанных с ними событий или явлений.

То есть данные документы напрямую не декларируют социальную защиту пострадавших как одну из основных целей, но допускают наличие той самой социальной защиты, в рамках того, что государства и иные субъекты сложившихся отношений совершают действия направленные на охранение общества от социально опасных явлений, тем самым препятствуют появлению необходимости в использовании механизмов социальной защиты населения. Простым языком говоря, данные документы имеют ярко выраженную превентивную направленность, что хорошо только с одной стороны, поскольку в случае провала превентивных мер не дают определенных рекомендаций необходимых для защиты населения.

Заложенные международно-правовыми актами тенденции социальной защиты населения от актов террористической деятельности хорошо прослеживаются в национальных законодательствах стран Европейского Союза, а так же национальном законодательстве США, однако есть и определенные особенности правового регулирования, которые мы обсудим ниже. Возьмём, например, «Nuove norme in favore delle vittime del terrorismo e delle stragi di tale matrice» - закон «О новых нормах в пользу жертв терроризма и других подобных преступлений» [8] - итальянский закон направленный на обеспечение социальной защиты населения от широкого круга преступлений, включая и террористические акты. Основным методом защиты населения закон выделяет выплату денежных компенсаций, как наиболее эффективным с точки зрения принципа «scire necessitates meas» ((от лат.) – знаю свои потребности), всем пострадавшим от актов террористической деятельности независимо от гражданства, а так же независимо от того произошел ли террористический акт на территории Италии или за её границами.

Компенсация предоставляется в виде пенсии и покрытия медицинских расходов лицам, которые из-за террористических атак лишились трудоспособности. Статья 2 закона фактически уравнивает в правах людей, лишившихся работоспособности на 80%, с военнослужащими-инвалидами войны, что означает увеличение денежной компенсации. Под жертвой террористической атаки в данном законе понимается лицо, которое получило ранение или увечье, либо лицо, пострадавшее вследствие смерти другого лица - вдова/вдовец, сироты или родители.

Стоит отметить, что понятие жертвы в законе «О новых нормах в пользу жертв терроризма и других подобных преступлений», так же согласуется с понятие данным в «Основных принципах и руководящих положениях, касающихся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права», которые были приняты резолюцией 60/147 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 2005 года [24]. Этот документ трактует понятие «жертва» как «прямой член семьи или иждивенец непосредственно пострадавшего лица, а также лица, которым при вмешательстве с целью оказания помощи находящимся в бедственном положении жертвам или предотвращении дальнейших разрушений, был нанесен ущерб» (V, 8).

Так же одной из отличительных особенностей данного закона является компенсация не только материального вреда, но и возмещение морального вреда (статья 6), то есть государство

оплачивает и расходы на оказание психологической помощи. Так же жертвы террористических актов освобождаются от расходов на лечение (статья 9) и на юридическое сопровождение дел связанных с терактом. Компенсационные выплаты не подлежат налогообложению (статья 8). Компенсации жертвам выплачиваются из специального фонда, совместно созданного министерствами финансов, юстиции, иностранных дел, обороны, сельского хозяйства, связи (статья 16). Ещё одним позитивным элементом итальянского законодательства обеспечивающего социальную защиту пострадавших от актов террористической деятельности является отсутствие необходимости наличия правовой связи с итальянским государством, так как законы других стран членов Европейского Союза требуют наличие либо гражданства своей страны, либо гражданства ЕС.

Однако при всех достоинствах системы социальной защиты пострадавших от актов террористической деятельности, сформированной в Италии, есть и свои недостатки. В Италии в отличие от других стран ЕС нет четкого и системного механизма оказания социальной защиты населения. Государственная система работает с пострадавшими в режиме «ad hoc» - (от лат.), особый случай, исключение из сложившихся обстоятельств. Государство не использует специальных или системных мер поддержки населения, исходя из того, что жертве террористического акта надо помогать, не исходя из возникновения у неё на это специального права, а в силу её объективных страданий. То есть помощь будет оказана только по доброй воле государства, а субъекты данной меры поддержки и защиты не имеют императивного права её требовать. Что не вполне соответствует части 2 статьи 2 «Европейской конвенции о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений 1983 года» [4], однако в большинстве своем становится обычной практикой для государств-членов Европейского союза. Впрочем, это не вызывает слишком большого удивления, если принять во внимание, что сама преамбула Европейской конвенции о возмещении ущерба объясняет предоставление компенсации жертвам терактов исходя из принципа «равенства и социальной солидарности». В этом документе нет явного упоминания о том, что жертва обладает индивидуальным правом на возмещение ущерба непосредственно от государства. Тот же подход воспроизведен и во многих европейских законах.

Продолжение данного подхода можно наблюдать и в испанском законе «О солидарности с жертвами терроризма» [7]. Согласно статье 1 этого акта, «в качестве признания страданий тех, кто пережил террористические атаки, государство принимает на себя выплату возмещения, которое в противном случае должны были бы обеспечить исполнители и инициаторы подобных актов». Таким образом, Испания, так же как и Италия обеспечивает возмещение не в силу возникновения специального права у потерпевших, обусловленного неспособностью государства защитить своих граждан и лиц, находящихся на его территории, а в силу солидарности с их горем и страданиями. Тот же подход подтверждается и в статье 2: «Жертвы террористических актов, деяний организованной преступности или иных действий, направленных на подрыв мира и безопасности, имеют право на возмещение нанесенного им ущерба от государства, которое готово чрезвычайным образом принять на себя бремя соответствующих расходов, основываясь при этом на принципе гражданской ответственности и положениях настоящего закона». Это опять же подтверждает укоренившийся в Европейском Союзе принцип, согласно которому социальная защита населения производится не на основании специальных механизмов права социального обеспечения, а в компенсаторном, гражданско-правовом порядке, когда социальная защита приравнивается к деликтным правоотношениям, а государство лишь в силу специфики терроризма как явления компенсирует полученный людьми ущерб.

В Бельгии закон «О финансовой помощи жертвам умышленных актов насилия» [6] вообще не упоминает слово «компенсация». Денежные выплаты, положенные по этому закону считаются «помощью» государство, которое должно быть солидарно с жертвами терактов. Тем более, что выплаты можно получить, только после проведения полицейского расследования, да и то сначала необходимо попытаться взыскать компенсацию с причинителя вреда.

Франция в 1990 году учредила систему компенсации жертвам, основанную на национальной солидарности и работающую на принципе полного возмещения ущерба, понесенного личностью в ходе атаки на нее. Возмещение жертвам терроризма, однако, в эту общую систему не попало: оно осуществляется через специально созданный фонд («Fond de Garantie des Victims des Acts de Terrorisme et d'autres Infractions»). Фонд выступает активной стороной во всех процессах связанных с расследованием теракта и возмещением вреда, однако получить компенсацию могут только граждане Франции или иных государств, если имеется специальный договор.

Такой же фонд существует и в Нидерландах, пострадавшие или их ближайшие родственники могут обращаться в «Фонд компенсации жертвам насильственных преступлений» («Besluit

schadefonds geweldsmisdrijven»). В отличие от большинства стран Европы в это фонд может обратиться любой человек независимо от гражданства, если теракт произошел на территории Нидерланд. В Португалии так же есть компенсационные схемы. Они реализуются в случаях когда, «пострадавшей стороной выступает португальский гражданин, который не имеет права на компенсацию со стороны того государства, на территории которого он пострадал».

Несмотря на существующие в Европейском Союзе и принятые на межгосударственном уровне документы, в том, числе директиву Совета ЕС 2004/80/ЕС [12] напрямую предусматривающую то, что «жертвы совершенных в Европейском Союзе преступлений должны получать справедливую и достойную компенсацию за ущерб, который был им причинен, независимо от того, где именно в пределах ЕС было совершено преступление», есть государства такие схемы так и не внедрившие.

Например, Греция в данном случае ограничилась нормами своего гражданского законодательства, потерпевшие имеют право на компенсацию только в случае «незаконных действий или халатности, допущенных муниципалитетами, общинами, другими публичными органами в процессе реализации возложенных на них публичных полномочий» (статья 105 ГК Греции) [11]. Иначе говоря, помимо случаев очевидных оплошностей и упущений со стороны власти, греческое государство вообще не предусматривает возмещения гражданам ущерба, нанесенного третьей стороной, в том числе и при террористической деятельности.

Таким образом, хоть и с некоторыми особенностями, национально законодательство стран Европы в целом продолжает тенденции, подкрепленные международной практикой. Государства не признают себя виновными в допущении актов террористической деятельности, тем самым не наделяя потерпевших специальным правом требовать возмещения или иных специальных мер. Поэтому социальная защита осуществляется либо исходя из принципа общей солидарности, либо переносится в область деликтных правоотношений, посредством взыскания компенсаций напрямую с причинителя вреда или с государства как участника гражданских правоотношений, а не в рамках специализированной отрасли права.

В Соединенных Штатах Америки ситуация с социальной защитой пострадавших от актов террористической деятельности складывается похожим образом. Государство лишь выступает посредником между пострадавшим и нарушителем, будь он физическим, юридическим лицом или другим государством и обеспечивает лишь непосредственное исполнение решение суда. В пример можно привести закон «О страховании рисков, связанных с терроризмом» от 26 ноября 2002 года [9], в котором компенсация возлагается исключительно на нарушителя, несущего полную ответственность за компенсацию. Показательным примером действия систем социальной и экономической безопасности США является самый известный теракт за всю мировую историю, а именно теракт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. Учитывая специфику произошедшего и масштаб последствий, в общей сложности в теракте погибли 3000 человек, в основном гражданские лица, было принято решение о создании «Компенсационного фонда жертв 11 сентября», на базе вышеупомянутого принципа «ad hoc», в рамках закона «Об авиационной безопасности и системной поддержке гражданской авиации» [1]. И хотя основной целью этих мер декларировалась именно поддержка жертв теракта, в первую очередь, как фонд, так и закон были созданы, чтобы спасти от экономического коллапса американские авиакомпании «United Airlines» и «American Airlines», а так же прикрыть другие структуры, в том числе и государственные.

Всего выделено было 15 миллиардов долларов поддержки авиакомпаниям посредством мегаранта с соответствующими гарантиями, а так же 4 миллиарда долларов в рамках программы компенсации, в рамках вышеупомянутого закона. Причем гражданам, обратившимся за компенсацией, необходимо было представить доказательства её необходимости и отказаться от намерений судиться с американскими компаниями или государственными структурами. Судиться с террористами и их пособниками не запрещалось. Таким образом, у граждан было два варианта, либо судиться с государством и компаниями в рамках возмещения вреда, либо воспользоваться компенсационной программой без возможности предъявить претензии к государству и авиакомпаниям. Здесь так же не идет речь об использовании специальных правовых механизмов, государство не считает себя виновным в сложившейся социально неблагоприятной ситуации, поэтому у жертв не возникает особого права требовать возмещение или защиты. Но государство её обеспечивает, опять же исходя из сложившейся в тот момент ситуации, когда возникла острая необходимость в солидарности общества и государства перед лицом новой на тот момент угрозы.

«Этот Фонд, появившийся при отсутствии каких-либо исторических аналогов, возник благодаря общераспространенному убеждению в том, что жертвы «и в чем не виноваты» и «заслуживают» всевозможной помощи и поддержки. В данном контексте он задавал новые стандарты того, что значит помогать жертвам преступных деяний» - таково было понимание тех событий и в американском обществе и в американском государстве.

Таким образом, в США и Европе сложилось понимание о социальной защите пострадавших от актов террористической деятельности, как о жесте солидарности и поддержки несколько и не только со стороны государства, но и общественности. Большую роль в социальной защите пострадавших там играют и общественные организации: «Фонд 11 сентября» и «Сеть выживших во время теракта во Всемирном торговом центре» в США; «Ассоциация семей жертв болонской бойни 2 августа 1980 года» («Associazione tra i familiari delle vittime della strage alla stazione di Bologna del 2 Agosto 1980») в Италии; «Ассоциацию пострадавших от терроризма 11 марта» в Испании; «Национальная федерация помощи жертвам и посредничества» («Fédération Nationale d'Aide aux Victimes et de Médiation», INAVEM) во Франции и многие другие. Подводя общий итог международному и национальному регулированию стран Европы и США можно говорить об отсутствии специального регулирования с точки зрения права социального обеспечения в рамках социальной защиты пострадавших от актов террористической деятельности. В большинстве своем компенсации взыскиваются в рамках деликтных правоотношений исходящих из прямого причинения вреда, или выплачиваются государством в рамках конституционных принципов справедливости и общей солидарности. Государства своей первостепенной задачей считают именно деятельность по защите в рамках уголовных и административных процедур, ставя социальную в обязанности самого общества, либо опосредованно обеспечивая её через «отсутствие» или превентивное устранение «причин» её необходимости, в крайнем случае, ограниченной поддержкой в режиме «ad hoc».

Теперь, когда мы ознакомились с общемировой и зарубежной практикой социальной защиты пострадавших от актов террористической деятельности рассмотрим «отечественное» правовое регулирование по данному вопросу. Основой социального обеспечения в Российской Федерации является статья 7 Конституции РФ [16], характеризующая Россию как социальное государство, а так же закрепляющая основные правовые институты государственной социальной поддержки.

Для начала следует понять, что есть социальное государство. В правовой науке социальным, считается то государство, что положило в основу своих руководящих принципов концепцию социальной справедливости, обеспечивающих справедливые отношения между обществом и индивидом, между общностью и частностью. Чаще всего такие отношения характеризуют наличием у всех их участников равных возможностей и социальных благ. Таким образом, в правовой доктрине социальное государство – это государство, берущее на себя обязанность поддержания баланса распределения благ в обществе, и охраны доступных индивидам социальных привилегий. Так же в эту систему обязанностей государства входит и охрана сложившегося социального порядка, от различного рода неблагоприятных влияний и потрясений. Как мы можем наблюдать, государство становится неким арбитром процесса естественной социальной стратификации, обеспечивая постоянную ротацию индивида между стратами, поддерживая при этом процесс естественной социальной конкуренции позволяющей обществу развиваться. Поскольку у всех индивидов есть равная возможность к социальной стратификации, система не является замкнутой, и, следовательно, к ней не применим закон не убывания энтропии. Это в свою очередь означает, что открытые к изменению системы не накапливают в себе силы, провоцирующие их разрушение. Таким образом, социальное государство в силу своих особенностей способствует развитию общества как системы, поэтому является важным элементом любой развивающейся государственной системы.

С сущностной характеристикой социального государства мы разобрались, однако в данной научной работе для нас имеет большое значение роль государства как защитника существующих социальных отношений. Исходя из прямого толкования части 2 статьи 7 Конституции РФ, государство осуществляет защиту сложившихся социальных отношений путем установления различных гарантий социальной защиты, перечень которых является открытым. То есть государство оставляет за собой возможность дополнения и расширения системы социальных гарантий, что в полной мере способствует обеспечению принципа социального государства.

Относительной актов террористической деятельности основным источником правового регулирования социальной защиты индивидов является Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ [26], а так же конкретизирующие его:

1. Постановление Правительства РФ от 12.01.2007 № 6 [20]
2. Постановление Правительства РФ от 21.02.2008 № 105 [22]

3. Постановление Правительства РФ от 13.03.2008 № 167 [21]
4. Постановление Правительства РФ от 28.12.2019 № 1928 [23]

Все они закрепляют механизмы действия статей 18-21 федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ, во исполнение его основных принципов и задач, но что более важное, конкретизируют роль государства в обеспечении социальной защиты лиц пострадавших от актов террористической деятельности. Эту деятельность можно условно разделить на две большие группы: социальное обеспечение лиц участвующих в борьбе с терроризмом и социальное обеспечение лиц пострадавших в результате террористического акта.

Лица, участвующие в борьбе с терроризмом на основании статьи 20 федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ, находятся под защитой государства и подлежат правовой и социальной защите. К указанным лицам относятся:

1. военнослужащие, сотрудники и специалисты федеральных органов исполнительной власти и иных государственных органов, осуществляющих борьбу с терроризмом;
2. лица, содействующие на постоянной или временной основе федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим борьбу с терроризмом, в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористических актов и минимизации их последствий;
- 2.1. сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, принимающие участие в выездах на места происшествия и документальном закреплении следов совершенных преступлений на территориях (перечне объектов), в пределах которых (на которых) введен правовой режим контртеррористической операции;
3. члены семей лиц, указанных в пунктах 1, 2 и 2.1, если необходимость в обеспечении их защиты вызвана участием указанных лиц в борьбе с терроризмом.

В порядке статей 19 и 21 федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ, лицам по мимо денежных компенсаций, доступна так же и социальная реабилитация, которая включает в себя психологическую, медицинскую и профессиональную реабилитацию, правовую помощь, содействие в трудоустройстве, предоставление жилья. Реабилитация проводится в целях социальной адаптации лиц, пострадавших в результате террористического акта, и их интеграции в общество. Осуществляется она за счет средств федерального бюджета в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, а также средств бюджета субъекта Российской Федерации, на территории которого совершен террористический акт, и иных источников, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Для лиц, указанных в статье 20 федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами помимо социальной реабилитации могут быть предусмотрены реабилитационные мероприятия иного характера. Таким образом, помимо обычной денежной компенсации лица участвующие в мероприятиях по борьбе с терроризмом могут получить иную специальную помощь, которая может выходить за рамки общей социальной реабилитации.

В порядке статьи 21 федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ, лицам, участвующим в мероприятиях по борьбе с терроризмом, так же положены денежные компенсации в зависимости от наличия различных социально значимых обстоятельств:

1. В случае гибели лица, принимавшего участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, членам семьи погибшего и лицам, находившимся на его иждивении, выплачивается единовременное пособие в размере шестисот тысяч рублей, а также гарантируется сохранение очереди на получение жилья, компенсаций по оплате жилья и жилищно-коммунальных услуг, если имелось право на получение таких компенсаций. Нетрудоспособным членам семьи погибшего и лицам, находившимся на его иждивении, назначается пенсия по случаю потери кормильца.
2. В случае если лицо, принимавшее участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, получило увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности, этому лицу за счет средств федерального бюджета выплачивается единовременное пособие в размере трехсот тысяч рублей и назначается пенсия в соответствии с законодательством Российской Федерации.
3. В случае если лицо, принимавшее участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, получило ранение, не повлекшее за собой наступления инвалидности, этому лицу выплачивается единовременное пособие в размере ста тысяч рублей.
4. В случае если имущество лица, принимавшего участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, утрачено или повреждено, это лицо имеет право на возмещение его стоимости в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

При одновременном возникновении в соответствии с законодательством Российской Федерации нескольких оснований для указанных единовременных выплат выплата осуществляется по

одному основанию по выбору получателя. Единовременные пособия, предусмотренные частями 2 - 4 статьи 21 ФЗ «О противодействии терроризму», выплачиваются независимо от других единовременных пособий и компенсаций, установленных законодательством Российской Федерации.

Таким образом, в Российской Федерации лица участвующие в мероприятиях по борьбе с терроризмом имеют достаточно широкую социальную защиту в рамках специального законодательства, в том числе и законодательства связанного с правом социального обеспечения. Что, однако, не удивительно, в Европе и в США действуют схожие законы, ведь в рамках разобранной выше международной практике упор делается именно на борьбу с терроризмом и его превенцию, а не разработку механизмов смягчающих его последствия. Что касается защиты лиц пострадавших в результате террористического акта, то Российская Федерация действует схожим образом с государствами Европы и США, однако есть свои особенности, которые рассмотрим ниже.

Часть 1 статьи 18 ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ говорит о том, что государство осуществляет социальную защиту посредством компенсационных выплат физическим лицам, пострадавшим от актов террористической деятельности. Часть 1.1 статьи 18 конкретизирует, что выплаты осуществляются за счет средств лица, совершившего террористический акт, а также за счет средств его близких родственников, родственников и близких лиц при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены ими в результате террористической деятельности и (или) являются доходом от такого имущества. При этом срок исковой давности требований возмещения вреда в гражданско-правовом порядке устанавливается в пределах сроков давности привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления террористической направленности. На требование о возмещении вреда, причиненного в результате террористического акта жизни или здоровью граждан, исковая давность не распространяется. При этом часть 2 статьи 18 разделяет вред, причиненный террористическим актом и вред, причиненный правомерными действиями по его предотвращению и устранению, устанавливая, что последние компенсируются из федерального бюджета. Так же законодатель в части 3 статьи 18 ограничивает право на социальную защиту и возмещение для лиц здоровью, имуществу и жизни которых причинен вред правомерными действиями при пресечении теракта, если они участвовали в террористическом акте.

Так же ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ в порядке статьи 19 предоставляет и социальную реабилитацию в качестве меры социальной защиты от актов террористической деятельности. Она включает в себя психологическую, медицинскую и профессиональную реабилитацию, правовую помощь, содействие в трудоустройстве, предоставление жилья и проводится в целях социальной адаптации лиц, пострадавших в результате террористического акта, и их интеграции в общество, как это уже было описано выше. Социальное обеспечение лиц пострадавших в результате террористического акта конкретизируется на основании: Постановления Правительства РФ от 12.01.2007 № 6 и Постановления Правительства РФ от 28.12.2019 № 1928, при этом, постановление № 1928, здесь основное, так как закрепляет основную часть выплат и форм реальной поддержки, а так же проведение, спасательных, экскавационных и других работ, а так же развертывание и содержание необходимой инфраструктуры. Однако социальная реабилитация в рамках мер государственной социальной защиты доступна не всем, а только лицам, которые будут признаны потерпевшими в рамках преступления, квалифицированного статьями 205 - 208, 277 и 360 УК РФ [25], а также других преступлений, предусмотренных УК РФ, если они совершены в террористических целях.

Данное обстоятельство, как и то, что компенсационные выплаты установленные статьей 18 взыскиваются в порядке гражданского судопроизводства, существенно снижает круг лиц пострадавших от теракта, но не имеющих специальных прав или статуса хоть как-то компенсировать вред, причиненный террористическим актом. Здесь так же прослеживается связь с общими международными тенденциями, когда государство не считает себя обязанным тратить свои средства на лиц связанных с террористическим актом только отношениями возмещения вреда, поскольку считает наличие возможности взыскать потери в гражданском процессе достаточными для компенсации вреда. Иными словами государство в большей мере защищает себя, чем общество, и помогает обычным людям либо в рамках принципа солидарности, либо выступает посредником в деликтных правоотношениях. Толчком для начала изменений стал Проект федерального закона «О социальной защите граждан, пострадавших от террористических актов»

подготовлен совместными усилиями членов организации «Голос Беслана» и региональной общественной организации СЗППТ «Волга-Дон», от 25 декабря 2012 года [13]. Поводом к этому послужил произвол чиновников в части выплат компенсаций и обеспечения реабилитационных мероприятий. Однако этот законопроект, как и многие другие подобные инициативы не привели к серьезным изменениям.

Таким образом, проанализировав международное, западное и отечественное правовое регулирование социальной защиты пострадавших от актов террористической деятельности можно прийти к выводу о необходимости определенных изменений, так как, учитывая природу терроризма и уровень его общественной опасности, социальная защита не может, осуществляется только в рамках деликтных правоотношений или как исключительная мера в рамках принципа «ad hoc».

Возвращаясь к природе терроризма, и общественным отношениям, на которые он воздействует, было бы ошибочно считать его явлением, по большей части, гражданско-правовым, принимая во внимание только аспект причинения материального вреда имуществу, здоровью и жизни человека, а следственно считать возможным ограничиться только мерами гражданско-правового возмещения причиненного вреда. Терроризм по своей сути является явлением публично-правовым, так как выражается в действиях, или угрозе их совершения, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба и иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений. Так квалифицирует его ст. 205 УК РФ и в целом законодатель относит терроризм и иные сходные преступления к «преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка». Поэтому видится более правильным создание системного подхода возмещения вреда причиненного актами террористической деятельности, и защиты пострадавших от них. В рамках этого необходимо, принять нормативно правовые акты, которые обеспечивали бы постоянную и безусловную компенсацию в рамках причинения вреда жизни, здоровью и имуществу людей, посредством денежных выплат, имущественного обеспечения, предоставления необходимой медицинской помощи и иных льгот. Таким образом, государство, в рамках этих правоотношений выступает не посредником, а гарантом закреплённых в Конституции РФ основных прав и гарантий граждан. После выполнения своих обязательств государство восполняет свои потери за счет ресурсов реквизированных у террористов и иных средств в рамках Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ [27]. Поскольку государство, является сильной стороной, у него есть возможность в кратчайшее сроки компенсировать причиненный вред, а затем восполнить свои потери в дальнейшем.

Тем не менее, в Российской Федерации преобладает «ограничительный» подход к социально-политическим мерам. Это выражается в направленности государственной поддержки на удовлетворение лишь базовых потребностей ограниченного круга лиц, тем самым, снижая возможности системы к самовосстановлению. Приемлемым решением был бы переход от «ограничительного», к субсидиарно-расширительному подходу. Тем самым государство, оказывая большой объем поддержки, смогло бы добиться лучших результатов в выполнении своих задач в рамках социального государства. Особенно такой подход важен в случаях, когда системе наносится ущерб извне, будь то террористические акты или иные события и явления. Субсидиарно-расширительный подход важен не только как инструмент быстрого восстановления системы, но и как элемент, действие которого приводит к минимизации ущерба от террористического акта, в первую очередь как от акта устрашения. Особенно такой подход важен в условиях кризиса, когда наступает период социального упадка. Учитывая сложившуюся в мире ситуацию, только такой подход сможет решить проблемы, вызванные произошедшими за последнее время социальными потрясениями. Таким образом, социальная защита лиц пострадавших от актов террористической деятельности в условиях нового мирового кризиса, должна осуществляться на основании субсидиарно-расширительного, а не ограничительного подхода. Только так государство может полностью выполнять свои задачи в рамках социального государства.

Список цитируемой литературы:

5. Air Transportation Safety and System Stabilization Act // [электронный ресурс] URL: www.hsdl.org/?view&did=437772 (дата обращения: 11.11.2021)

6. Briefing Paper. Estimating Global Civilian-Held Firearms Numbers June 2018 by Aaron Karp. Of Small Arms Survey. See box 4 on page 8 for detailed explanation of "Computation methods for civilian firearms holdings".
7. Distribution of family income — Gini index, The World Factbook, CIA, updated on 2017.
8. European Convention on the Compensation of Victims of Violent Crimes [1983] // [электронный ресурс] URL: <https://rm.coe.int/1680079751> (дата обращения: 11.11.2021)
9. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism, Sydney, November 2019. Available from: <http://visionofhumanity.org/reports> (accessed 20. 12. 2021).
10. L'aide financière aux victimes d'actes intentionnels de violence // [электронный ресурс] URL: www.policedegaume.be/Documents%20clients/doc/violence.pdf (дата обращения: 11.11.2021)
11. Ley 2/2003, de 12 de marzo, de modificación de la Ley 32/1999, de 8 de octubre, de solidaridad con las víctimas del terrorismo // [электронный ресурс] URL: www.lexureditorial.com/boe/0303/05175.htm (дата обращения: 11.11.2021)
12. Nuove norme in favore delle vittime del terrorismo e delle stragi di tale matrice. // Official publication: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana; Number: 187; Publication date: 11/08/2004
13. Terrorism Risk Insurance Act // [электронный ресурс] URL: www.treasury.gov/resource-center/fin-mkts/Documents/hr3210.pdf (дата обращения: 11.11.2021)
14. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, принята резолюцией 60/288 Генеральной Ассамблеи ООН от 08 сентября 2006 года // СПС «Консультант Плюс» (Текст документа официально опубликован не был)
15. Гражданский кодекс Греции 1940 г. (на рус. языке, выдержки) // Международное частное право: Иностранное законодательство / Предисл. А.Л. Маковского; сост. и научн. ред. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: «Статут», 2000. С. 288-293.
16. Директива Совета Европейского Союза 2004/80/ЕС от 29 апреля 2004 г. о компенсациях жертвам преступлений // Текст опубликован в Официальном Журнале № L 261, 06.08.2004, стр. 15
17. Кавказский Узел // [электронный ресурс] <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/138817/> (дата обращения: 11.11.2021)
18. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (г. Варшава, 16 мая 2005 г.) // Текст опубликован в Бюллетене международных договоров, сентябрь 2009 г., № 9
19. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (г. Екатеринбург, 16 июня 2009 г.) // Текст опубликован в Бюллетене международных договоров, октябрь 2012 г., № 10
20. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [электронный ресурс] <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.11.2021)
21. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (г. Нью-Йорк, 13 апреля 2005 г.) // [электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 11.11.2021)
22. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (г. Нью-Йорк, 16 декабря 1997 г.) // Текст опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 27 августа 2001 г., № 35, ст. 3513
23. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.) // [электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 11.11.2021)
24. Постановление Правительства РФ от 12.01.2007 № 6 (ред. от 25.03.2013) «Об утверждении Правил осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом» // [электронный ресурс] <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.11.2021)
25. Постановление Правительства РФ от 13.03.2008 № 167 «О возмещении лицу, принимавшему участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, стоимости утраченного или поврежденного имущества» // [электронный ресурс] <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.11.2021)
26. Постановление Правительства РФ от 21.02.2008 № 105 «О возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью лиц в связи с их участием в борьбе с терроризмом» // [электронный ресурс] <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.11.2021)

27. Постановление Правительства РФ от 28.12.2019 № 1928 «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями» // [электронный ресурс] <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.11.2021)

28. Резолюция № 60/147 Генеральной Ассамблеи ООН «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права» (Принята в г. Нью-Йорке 16.12.2005 на 64-ом пленарном заседании 60-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «Консультант Плюс» (Текст документа официально опубликован не был).

29. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Текст Кодекса опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954

30. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ // [электронный ресурс] <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.11.2021)

31. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // Текст Федерального закона опубликован в «Российской газете» от 9 августа 2001 г. № 151

32. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (г. Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Текст опубликован в Бюллетене международных договоров, январь 2004 г., № 1.

Сведения об авторе:

Пазяк Даниил Александрович – студент юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)»; daniilpaz@mail.ru

Научный руководитель – Филиппова Эльвира Маисовна, к.ю.н, доцент, доцент кафедры «Теория государства и права, трудовое право» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)».

Протопопов Л.А., Сторожилов Д.С., Деничева Д.С. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ В МОМЕНТ СОЗДАНИЯ И В НАСТОЯЩИЕ ДНИ

***Аннотация:** В статье рассматривается структура и деятельность прокуратуры России в момент её создания Петром I Великим и в настоящее время. Опираясь на сравнительный анализ авторы делают вывод: особенности функционирования прокуратуры в разные периоды обуславливаются духом времени – постепенная демократизация общества и развитие информационных технологий привели к существенным модификациям функций и системы надзорного органа.*

***Ключевые слова:** прокуратура, генерал-прокурор, прокурорский надзор, направления деятельности, функции.*

Прокуратура – один из важнейших элементов системы государственных органов, предназначение которого охранять и обеспечивать законность на территории государства путем осуществления прокурорского надзора.

Прокуратура России была образована указом Петра I Великого от 12 января 1722 года. Необходимость создания надзорного государственного органа была обусловлена стремлением императора к наведению порядка в делах государственных учреждений, ликвидации должностных преступлений. Петр I предусматривал образование прокуратуры при Сенате, коллегиях и надворных судах, что было реализовано. Первым генерал-прокурором Сената 18 января 1722 года был назначен Павел Иванович Ягужинский, ему было поручено осуществлять надзор за деятельностью Сената и других прокуроров. В его подчинении находились обер-прокурор при Сенате и обер-прокурор при Святейшем Правительствующем Синоде. В обязанности обер-прокурора входил надзор за

деятельностью Синода, постоянное присутствие на заседаниях. Он должен был следить, чтобы деятельность высшего церковного учреждения была согласована с высочайшими указами и регламентами. Надзорная деятельность также осуществлялась прокурорами при коллегиях и надворных судах. Ее исполнение производилось через опротестование, напоминания должностным лицам о соблюдении законов и выполнении должностных обязанностей, наблюдение и донесения о беззаконии в высший орган надзора. Также значимым направлением деятельности прокуратуры была следственная работа, которая заключалась в выявлении преступлений, совершенных фискалами [1, с. 13-18]. Помимо этого, обязанности генерал-прокурора дополняли поручения императора.

На начальном этапе функционирования прокуратуры надзору подвергалась преимущественно вершина аппарата управления, к которой относились высшие и коллегиальные центральные учреждения. Остальные элементы системы власти не входили в сферу прокурорского надзора. Сформированный институт надзора успешно справлялся с возложенными на него задачами и уже на ранней стадии своего существования смог показать свою значимость во внутривластной жизни. С другой стороны, в работе прокуратуры прослеживались и существенные изъяны. Один из таких недостатков — инициатива надзорной деятельности прокуратуры напрямую зависела от волеизъявления императора, что было обусловлено характером государственного устройства и стилем управления того времени [1, с. 20]

Со времён Петра I Великого многое изменилось. Полномочия, направления деятельности прокуратуры постоянно модифицировались, благодаря чему сформировалась прокуратура России в том виде, в котором мы видим её сейчас.

Функционирование современной прокуратуры началось с принятия 17 января 1992 г. Закона Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации». Первоначально за прокуратурой закрепились такие функции, как «осуществление надзора за исполнением действующих на территории Российской Федерации законов, принятие мер, направленных на устранение их нарушений и привлечение виновных к ответственности, осуществление уголовного преследования» [1, с. 119]. Была установлена система органов прокуратуры, которая остается постоянно единой и централизованной, несмотря на многие изменения Закона. С этого периода начинается участие прокуроров в рассмотрении судами уголовных и гражданских дел, был исключен надзор за гражданами, проверки могли проводиться только в случае поступления информации о нарушении закона, был утвержден приоритет надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

В настоящее время система органов прокуратуры состоит из «Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокуратуры субъектов Российской Федерации, приравненных к ним военных и других специализированных прокуратур, научных и образовательных организаций, редакций печатных изданий... прокуратур городов и районов и других территориальных, военных и иных специализированных прокуратур» [5, 11•1]. Целями ее деятельности являются «обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства» [5, 1•2]. Структура призвана осуществлять «надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также... иные функции» [5, 1•1]. К иным функциям, к примеру, можно отнести участие прокуроров в рассмотрении дел судами, опротестование противоречащих закону решений судов, осуществление международного сотрудничества в сфере права по обширному кругу вопросов.

На сегодняшний день в системе органов прокуратуры России функционируют специализированные подразделения по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции. Помимо контроля за органами государственной власти и организациями, в сферу их деятельности входит проведение экспертиз правовых актов, выработка предложений по совершенствованию законодательства [2].

В связи со стремительным развитием информационно-коммуникативных технологий и, соответственно, ростом преступлений в этой области, одним из направлений деятельности современной прокуратуры также является борьба с криминальной активностью в сети Интернет, иначе говоря, противодействие киберпреступлениям. Прокуратура участвует в раскрытии преступлений, связанных с утечкой личных данных пользователей, хищением денег с банковских карт и хакерскими атаками [2].

Исходя из данных, можно составить сопоставительную таблицу.

Сравнительная таблица прокуратуры

Критерии для сравнения	Прокуратура на стадии образования (1722 г.)	Прокуратура в настоящие дни
Подчиненность, подотчетность ведомства	Полностью подчиняется и зависит от воли монарха. Генерал-прокурор становится вторым после императора должностным лицом.	Подчиняется Конституции РФ и федеральным законам. Генеральный прокурор ежегодно докладывает Совету Федерации о состоянии законности и правопорядка в РФ [3, 102 • 1 • м]
Функции	<ol style="list-style-type: none"> 1. Осуществление надзора за работой Сената; 2. Председательство на заседаниях Сената; 3. Право законодательной инициативы; 4. Управление генерал-фискалом и канцелярией Сената. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Надзор за исполнением законов 2. Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина 3. Надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; 4. Надзор за исполнением законов судебными приставами; 5. Надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу; 6. Уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации; 7. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью; 8. Возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования в соответствии с полномочиями, установленными Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и другими федеральными законами [5, 1-2].
Структура	Генерал-прокурору подчинялись обер-прокурор при Сенате, обер-прокурор при Синоде, обер-прокурор при коллегиях и прокуроры при надворных судах. Сам Генерал-прокурор находился в подчинении у императора.	Структуру Генеральной прокуратуры РФ составляют Генеральная прокуратура Российской Федерации, Прокуратуры субъектов Российской Федерации, Специализированные прокуратуры, Главная военная прокуратура, Научные и образовательные организации, Прокуратуры районов, городов, Специализированные прокуратуры на правах районных, Система военных прокуратур, Университет прокуратуры Российской Федерации [4].

1	2	3
Направления деятельности	Наблюдение за исполнением законов должностными лицами, высшими и коллегиальными учреждениями.	1. Осуществление прокурорского надзора; 2. Осуществление уголовного преследования; 3. Участие в рассмотрении дел судами; 4. Координация работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью; 5. Международное сотрудничество; 6. Участие в правотворческой деятельности [5, ст. 1].

Вышеизложенные факты помогают выявить изменения, произошедшие с прокуратурой за 300 лет своего существования. Сфера деятельности прокуратуры России значительно расширилась: помимо надзора за аппаратом управления, как было при Петре I Великом, прокуратура стала уделять значительное внимание соблюдению прав и свобод человека и гражданина; современная прокуратура содействует раскрываемости преступлений, координирует деятельность правоохранительных органов. Путем формирования особой системы и обособления от ветвей власти был устранен главный недостаток прокуратуры – сосредоточение всей полноты власти над важным органом в руках одного человека – абсолютного монарха. Чтобы сохранить результативность деятельности в условиях информационно-технического прогресса, прокуратура России также осуществляет цифровизацию, что положительно отражается на раскрываемости киберпреступлений.

Таким образом, современная прокуратура Российской Федерации существенно отличается от прокуратуры, функционирующей в годы правления Петра I. Вследствие постепенной демократизации общественной жизни, осознания ценности прав и свобод человека, научно-технического прогресса изменились функции, модифицировалась структура надзорного органа. На сегодняшний день, наряду с приоритетными направлениями, перед прокуратурой ставятся и новые задачи, которые вырабатываются в соответствии с осуществляемыми национальными проектами. Прокуратура и общество в России в течение трехсот лет развиваются взаимозависимо: деятельность правоохранительного органа влияет на ход общественной жизни – требования времени определяют цели и направления деятельности прокуратуры.

Список цитируемой литературы:

1. Еремин А.В. История отечественной прокуратуры: учебное пособие / А. В. Еремин. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 136 с.
2. Какой путь прошла российская прокуратура за 300 лет? 19.10.2021. [Электронный ресурс] / URL: <https://www.gosrf.ru/ot-gosudareva-oka-do-kiberprokurorov-kakoj-put-proshla-rossijskaya-prokuratura-za-300-let/>
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6–ФКЗ, от 30.12.2008 N 7–ФКЗ, от 05.02.2014 N 2–ФКЗ, от 01.07.2020 N 11–ФКЗ) // Консультант-Плюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Официальный сайт Генпрокуратуры РФ [Электронный ресурс] / URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/about-the-proc/structure>
5. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/

Сведения об авторах:

Протопопов Лев Андреевич – студент Института Государства и Права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»; protopopovlev03@gmail.com

Сторожилов Даниил Сергеевич – студент Института Государства и Права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»; storozhilov.daniil@mail.ru

Деничева Дарья Сергеевна – студент Института Государства и Права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»; denichevad@mail.ru

Научный руководитель – Хабарова Е.А., к.ю.н, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Муртазаева А.А.

ЖИЛИЩНЫЕ ПРАВА БЕЖЕНЦЕВ И ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

***Аннотация:** В статье анализируется состояние действующего законодательства по проблеме предоставления жилых помещений вынужденным переселенцам и беженцам в Российской Федерации. При этом выявляется, что срок предоставления жилья указанным категориям лиц должен соответствовать периоду действия присвоенного им статуса, что по мнению автора, необходимо прямо закрепить в Жилищном кодексе Российской Федерации. Также делается вывод о необходимости наделения таких лиц некоторыми жилищными правами, которыми наделен наниматель по договору социального найма.*

***Ключевые слова:** жилищные права, беженцы, вынужденные переселенцы, специализированный жилищный фонд, срок предоставления жилья, права нанимателя.*

Наивысшей ценностью является человек, а также его права и свободы. В настоящее время вопрос обеспечения жилищных прав вынужденных переселенцев и беженцев является одним из самых актуальных практически в каждом государстве. В частности, Российская Федерация уделяет данному вопросу немаловажное значение.

Так, в Жилищном кодексе Российской Федерации [1] закреплено правило о предоставлении жилых помещений для временного поселения вынужденных переселенцев и лиц, признанных беженцами. При этом необходимо уточнить, что право на получение такого жилья предполагается только при получении указанным лицом соответствующего статуса. Сам порядок предоставления жилого помещения регулируется федеральными законами.

Учитывая важность данного вопроса, считаем необходимым проведение специального исследования, направленного на анализ действующего законодательства с целью совершенствования правового механизма предоставления жилых помещений для указанных категорий лиц.

Прежде всего, нуждается в уточнении то, что под переселенцем признается «гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка» [2], в то время как «беженец - это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» [3].

Как видим, получение статуса беженца или вынужденного переселенца зависит от наличия или отсутствия гражданства Российской Федерации, однако причины, по которым они покинули свое место жительства, совпадают. И тем, и другим предоставляется временное жилье из специализированного жилищного фонда. И здесь необходимо уточнить, что реализовать данное право представляется возможным только после получения соответствующего статуса.

При этом, во-первых, подчеркнем, что предоставляемое жилое помещение должно соответствовать норме – не менее шести квадратных метров общей площади из расчета на одного

человека. Во-вторых, если сравнивать их права как нанимателей такого жилого помещения, то следует подчеркнуть, что по сравнению с нанимателем по договору социального найма у них намного меньше объем прав. В частности, такие лица не имеют права приватизировать эти жилые помещения; осуществлять бронирование жилых помещений, их обмен либо иным способом распоряжаться ими; сдавать жилые помещения в поднаем; осуществлять раздел занимаемого жилого помещения; вселять временных жильцов без разрешения территориального органа по вопросам миграции.

Такое жилое помещение предоставляется лишь во владение и пользование указанным лицам. Причем в жилищном законодательстве не определяется срок предоставления такого жилья, не смотря на то, что предоставление иных жилых помещений специализированного жилищного фонда прямо предполагает примерный период (срок) пользования тем или иным помещением в зависимости от оснований его предоставления (на время обучения, работы, капитального ремонта и т.д.).

Так, например, если отталкиваться от того, что статус присваивается на определенный срок, то, соответственно, и срок договора найма жилого помещения не может быть менее, чем период действия присвоенного статуса таким лицам, а при необходимости договор должен быть продлен. Об этом указывается в подзаконных актах [4; 5].

Если же сравнивать объем прав беженца и вынужденного переселенца, то обнаруживаем, что у последних имеется право на получение постоянного жилья при условии постановки на учет в органах местного самоуправления.

Таким образом, считаем необходимым принятие единого нормативного акта, которым бы регулировался порядок предоставления жилья указанным категориям лиц, так как многие нормы содержатся только в подзаконных актах, а некоторые из них просто дублируются.

Также следует обратить внимание на необходимость расширения объема некоторых прав таких нанимателей жилых помещений, предоставив им, в частности, право на обмен такими жилыми помещениями при условии, что он совершается в отношении жилых помещений одного вида специализированного жилищного фонда, а также с согласия наймодателя и проживающих совместно с нанимателем членов его семьи.

Список цитируемой литературы:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 188-ФЗ: [принят Государственной думой 29 декабря 2004 года]: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
2. О вынужденных переселенцах: Закон РФ от 19 февраля 1993 г. N 4530-1 (с изменениями и дополнениями). - Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
3. О беженцах: Федеральный закон от 19.02.1993 N 4528-1 (ред. от 08.12.2020). - Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
4. О фонде жилья для временного поселения лиц, признанных беженцами, и его использовании: Постановление Правительства РФ от 09.04.2001 N 275 (ред. от 25.05.2017). – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
5. О предоставлении вынужденным переселенцам и членам их семей жилых помещений фонда для временного поселения вынужденных переселенцев: Постановление от 15 ноября 2016 года N 1194. - Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

Сведения об авторе:

Муртазаева Айше Альверовна – студентка 4 курса Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»; ayshe.murtazaeva.01@mail.ru

Научный руководитель – Бахриева З.Р., к.ю.н, доцент, доцент кафедры гражданского и трудового права ФГАОУ ВО Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского».

Лаврова И.Г.
ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ I

***Аннотация:** как известно, устремления Николая I были направлены на укрепление самодержавия в целом и ужесточение мер против инакомыслия в частности. Не последнюю роль на этом пути сыграла цензурная политика монарха, при которой практически все печатные издания в государстве могли выходить в свет, лишь пройдя жёсткий отбор. Статья посвящена анализу организационно-правовых форм и реализации надзора за литературным творчеством и публицистикой в отдельные периоды правления Николая I.*

***Ключевые слова:** цензура, царствование Николая I, Устав о цензуре («чугунный устав»), III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Корпус жандармов, Министерство народного просвещения, Бутурлинский комитет («Комитет 2 апреля 1848 года»).*

Николай I никогда не разделял либеральных настроений, а с его приходом к власти настроенность ко всему новому только усиливалась. Поэтому на протяжении всего царствования можно наблюдать общую тенденцию - цензурная деятельность отличалась карательным пресечением любого свободомыслия. Всё это влияло на литературное и культурное развитие в стране и вынуждало авторов очень осторожно подходить к формулировкам произведений, чтобы не подвергнуться гонениям.

Удивительно, но именно на период царствования деспотичного Николая I приходится творчество таких классиков, как М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, И. С. Тургенев и других выдающихся представителей русской литературы, что в лишней раз позволяет убедиться в негибкости таланта перед цензурным гнѐтом.

Правление императора можно условно разделить на несколько периодов, в которые господствовали те или иные цензурные требования.

В первый период (1826–1830 гг.) не было громких цензурных гонений, однако расправа с декабристами, создание III Отделения и иные зловещие события стали предвестниками мрачного будущего.

10 июня 1826 г. вышел в свет подготовленный А. С. Шишковым Устав о цензуре («чугунный устав») [1]. Документ был «тяжеловесным» по содержанию, огромным по объему, очень реакционным по направленности. Стремление чиновника в духе полицейской государственности всё регламентировать привело к известным затруднениям в использовании устава на практике и, как следствие, недолгому действию. Уставом руководящим органом в этой области государственной деятельности провозглашалось Главное управление цензуры, во главе с министром просвещения.

Уже 22 апреля 1828 г. принимается новый Устав о цензуре [2] (формально действовал вплоть до середины 1860-х гг.), согласно которому стали меняться задачи цензуры - не столько предоставление обществу полезных книг, сколько запрещение вредных. Высшей инстанцией управления цензурой оставалось Главное управление цензуры, которое по-прежнему находилось в составе Министерства народного просвещения во главе с новым министром князем К.А. Ливеным. Этот устав подтвердил установку на множественность ведомственных цензур, что означало контроль над публикациями не только Министерством народного просвещения, но и другими учреждениями, в частности, III Отделением, контролирующим театральные постановки.

Как можно заметить, начало цензурной деятельности Николая I уже предвещало ужесточения. Заслуживает внимания история с поэтом А. И. Полежаевым и его поэмой «Сашка», признанной непристойной и пародирующей «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. В поведении главного героя Сашки и студентов университета можно найти отражение общественного настроения и порядков государства. Император связал поэму с духом «вольнодумства и разврата» молодого поколения, спровоцировавшим восстание 14 декабря. Николай I обещал положить предел царящему в стране произволу, остатки которого император стремился искоренить, поэтому довольно сурово наказал Полежаева: молодой поэт был сослан солдатом на Кавказ, провёл в неволе более 10 лет и скончался в 33 года. Уже в начале своего правления Николай I предстаёт как грозный цензор, жестоко карающий провинившихся.

III Отделение в правление Николая I являлось, пожалуй, самым могущественным цензурным ведомством, от деятельности которого долгие годы зависела судьба многих русских людей и русской литературы [6, с. 121].

25 июня 1826 г. был издан Указ об основании Корпуса жандармов [3, с. 20–25], шефом которого был назначен А. Х. Бенкендорф, а 3 июля 1826 г. — Указ о создании III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии [4], что придавало особую значимость сформированной правоохранительной структуре, подчиняющейся непосредственно царю [6, с. 122].

В конце 1820-х гг. А. Х. Бенкендорф получил от монарха право требования доставления в III Отделение по одному экземпляру всех выходящих в свет сочинений с целью более эффективного наблюдения за направлением периодики и пресечения распространения нежелательной литературы. Более того, цензоры должны были сообщать о произведениях, проповедующих отступление от церкви или нарушение обязанностей верноподданного, высшему начальству для установления за виновными авторами надзора или преданию их суду.

С этих пор, несмотря на то что надзор за литературной и публицистической деятельностью формально всё ещё находился в ведении Министерства народного просвещения, III Отделение фактически обрело широкие полномочия в вопросах вмешательства в цензурные дела без всякой ответственности, не информируя о своем интересе издателей. III Отделение подвергало проверке только уже опубликованные книжные издания, определяя судьбы произведений, авторов и цензоров, пропустивших сочинения в печать.

Итак, в России с конца 1820-х гг. существовали одновременно предварительная и последующая цензуры, карательные по своей направленности. И можно сказать, в 1830-е гг. III Отделение фактически стало верховным надзирателем всех цензурных дел.

Содержание второго периода правления Николая I обусловлено рядом внутригосударственных и международных факторов - французской Июльской революцией и Польским восстанием 1830 г. Хотя в газетах умалчивалось об этих событиях, обрывочная информация, дополняемая слухами, волновала просвещенную часть российского общества, провоцировала социальную рефлексию. Именно этот период часто именуют «николаевской» эпохой по содержанию внутренней политики, которую А. И. Герцен называл «моровой полосой» [6, с. 136].

В 1834 г. министром народного просвещения назначен С.С. Уваров, сформировавший теорию «официальной народности», кратким девизом которой стало выражение: «Православие, Самодержавие, Народность». Уваров чутко уловил веяния эпохи, настроение императора и консервативных кругов, общественную обстановку, и потому в 1832 году отправил свой знаменитый отчет царю, содержание которого касалось задач в сферах образования и цензуры, которые заключались в противопоставлении благотворных начал России тлетворному революционному Западу [6, с. 148–149].

Период формирования и утверждения в обществе теории «официальной народности» полон «журнальных» репрессий. Прекращение печати «Европейца» (1832 г.), проявление неблагоприятного внимания к «Отечественным запискам», запрещение «Московского телеграфа» (1834 г.), «Телескопа» (1832 г.) и многих других журналов с целью пресечения распространения свободных мыслей среди населения.

Творчество А. С. Пушкина также не ушло от правительственного надзора, однако отношения поэта с Николаем I складывались куда лучше, чем с Александром I. В частности, Николай I объявил себя личным цензором поэта, что значительно расширяло публикационные и творческие возможности поэта. Пушкин получил доступ к историческим архивам для написания «Истории Петра». Не раз личное вмешательство императора спасало поэта от судебного преследования и наказания за вольнодумные произведения, обеспечивало оказание материальной поддержки, тем самым способствуя развитию и утверждению в обществе литературного гения А. С. Пушкина.

Однако далеко не ко всем людям искусства Николай I проявлял снисходительность и благосклонность. Например, репрессиям в виде ссылки на Кавказ подвергся М. Ю. Лермонтов за написание в 1837 г. стихотворения «Смерть поэта». С трудом прошла через цензуру «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1838 г.) и поэма «Демон», над которой М. Ю. Лермонтов работал почти всю свою творческую жизнь. «Демон» «пережил» 8 редакций (1829–1839 гг.), но так и не был напечатан при жизни поэта (впервые произведение вышло в свет только в 1860 г.). У Лермонтова было ещё много столкновений с властью. Более того, сам Николай I его недолюбливал, и поэтому творческий путь поэта был очень тернист.

В этот период происходит пересмотр роли III Отделения в делах цензуры. Указом от 23 октября 1842 г. учреждается пятая (цензурная) экспедиция, которая должна была ведать надзором за периодическими изданиями, типографиями, книгопродавцами, драматическими произведениями, изъятием запрещённых книг и др.

Таким образом, в 1830 — 1840-е гг. цензура находилась в ведении двух ведомств. Первое — Министерство народного просвещения, которое было очень влиятельно при С.С. Уварове, небезуспешно стремившемся насадить свою теорию «официальной народности» [6, с. 174]. Второе — III Отделение, преследовавшее «крамольные» мысли в издаваемых книгах. При этом ведомства, в достижении общей цели, не избежали конкуренции в деле литературного и театрального надзора. Не менее важным и решающим фактором можно считать вмешательство лично монарха в вопросы цензуры и разрешения конкретных ситуаций.

В третий период (1840-х гг.) происходит относительная стабилизация цензурной обстановки. Громких потрясений в виде расправ и гонений на авторов и издателей не происходило, вероятно, по причине запрещенности многих значимых журналов в предыдущие годы. Однако внимание III Отделения к цензурным делам вовсе не ослабевало, и соблюдение установленных требований неукоснительно контролировалось.

И наконец, четвёртый период, 1848–1855 гг., ознаменован революционными событиями в Европе, что породило «эпоху цензурного террора» в России.

С целью ужесточения цензуры, в 1848 году был создан Бутурлинский комитет («Комитет 2 апреля 1848 года» [8, с. 45–78], который стал постоянным высшим цензурным органом. Усиление режима цензуры сопровождалось совершенствованием цензурного механизма, прежде всего, путем повышения административного профессионализма цензоров, то есть замещением цензоров-литераторов цензорами-чиновниками, которые должны были сделать печать союзницей правительства и отклонять все сочинения предосудительного содержания.

По мнению Николая I, министр народного просвещения С.С. Уваров не справлялся с возложенными на него полномочиями, и именно поэтому возникла необходимость создания Комитета, члены которого должны были стать «глазами императора» до тех пор, пока ситуация с изданиями не стабилизируется. К основным задачам Комитета относились: высший надзор за «духом и направлением» периодических изданий на всех языках; осуществление наблюдения за изданиями, уже вышедшими в печать; доведения до сведения Николая I обо всех замечаниях к произведениям. Комитет, как совещательный орган, не наделялся самостоятельными властными полномочиями и представлял собственные решения на усмотрение императора для высочайшего одобрения и придания юридической силы и общеобязательности.

«Комитетом 2 апреля 1848 г.» осуществлялся явно полицейский надзор. Так, запрещалось освещать в печати многие актуальные в тот период проблемы, пропускать в издания порицания (даже скрытые) деятельности правительства и распоряжений властей и многие другие темы.

Комитет также тщательно следил и за литературным процессом. 14 мая 1848 г. вышло высочайшее распоряжение, согласно которому цензоры секретно должны были представлять в III Отделение запрещаемые ими сочинения, в которых обнаруживали вредное в политическом или в нравственном отношении содержание. И уже III Отделение решало вопрос о принятии мер к предотвращению вреда, который мог быть порождён тем или иным автором, или организовывало за ним наблюдение.

Неудивительно, что в эпоху «цензурного террора» положение в литературном творчестве значительно ухудшается, и «Комитет 2 апреля 1848 г.» оставляет чёрный след в истории российской культуры. Власть активно борется с анонимностью произведений, ужесточаются требования к цензорам. По докладом «Комитета 2 апреля 1848 г.» был сослан в Вятку М. Е. Салтыков-Щедрин в 1848 г., отправлен в Спасское-Лутовиново И. С. Тургенев в 1852 г., другие деятели искусства также подверглись правоограничениям.

Тем не менее, в 1848 году на должность старшего цензора при Министерстве иностранных дел был назначен Ф. И. Тютчев. Он возглавлял Комитет иностранной цензуры с 1858 г., в его подчинении были такие известные литераторы своего времени, как А. Н. Майков, Я. П. Полонский и другие. При Ф. И. Тютчеве Комитет иностранной цензуры претерпевает значительные изменения: поэт старался ничего не запрещать из иностранной литературы, пропускал в печать многие неоднозначные произведения. Своей деятельностью и, прежде всего, способностью замечать талантливых людей Ф. И. Тютчев сумел «превратить канцелярское заведение в литературный салон» [7, с. 73].

В заключение можно сказать, что период правления Николая I довольно едко описал А. де Кюстин в книге «Россия в 1839 году»: *«Если сын ваш будет недоволен Францией, последуйте моему совету — скажите ему: “Поезжай в Россию”. Такое путешествие пойдет на благо каждому европейцу; повидав своими глазами эту страну, всякий станет доволен жизнью в любом другом месте»* [5, с. 351]. Действительно, творческие произведения находились под жёстким правительствен-

ным надзором, за любое проявление свободомыслия в печати авторы подвергались гонениям. Однако вопреки всем ограничениям, именно в суровую «николаевскую эпоху» смогли реализовать себя многие выдающиеся деятели искусства и литературы, которым, даже несмотря на жёсткие цензурные правила, удалось существенно пополнить «золотую коллекцию» русской классики.

Список цитируемой литературы:

1. «Высочайше утверждённый Устав о цензуре» от 10 июня 1826г. // ПСЗ-II. Т. 1. №403
2. «Высочайше утверждённый Устав о цензуре» от 22 апреля 1828г.// ПСЗ-II. Т.3. № 1979
3. Горяйнов В.М. «Офицеры и корпус жандармов Российской империи»// Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2016. - № 2 (38). – 219 с.
4. «Именной, данный Управляющему Министерством Внутренних дел. — О присоединении Особной Канцелярии Министерства Внутренних дел к Собственной Его Величества Канцелярии»/ПСЗ-II. Т.1. №449
5. Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. В 2 т. Пер. с фр.: под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. Т. II/ Пер. О. Гринберг, В. Мильчиной и С. Зенкина. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.— 480 с.— (Записи Прошлого)
6. Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. В 2-х томах. Т. 1. Вып. 1. // Под ред. Г. Г. Суперфина. Пред. И. А. Пильщикова и В. С. Парсамова. М.: «Пробел-2000», 2014. – 232 с.
7. Тэкс Чолдин, Марианна. Империя за забором. История цензуры в царской России //пер. с англ. М. Галушкиной. – Рудомино, 2002. – 309 с.
8. Чагин Г.В., Петрова Л.Е. «Служба в российской цензуре» // Литературоведческий журнал – 2004. - № 18. – 422 с.

Сведения об авторе:

Лаврова Ирина Геннадьевна – студентка 2 курса юридического факультета им. М. М. Сперанского ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; lavrova.ir2014@yandex.ru

Научный руководитель – Медведев Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории права и государства ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; vl-medvedev2007@mail.ru

Буравов И.С.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ: ВОПРОСЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ПОСЛЕ ПОПРАВОК В КОНСТИТУЦИЮ

***Аннотация:** В статье при помощи международного опыта анализируются преимущества и недостатки реализации предварительного конституционного контроля. Предлагается расширение круга лиц, способных инициировать данный механизм, а также закрепление на уровне Конституции гарантии обращения в Конституционный Суд в рамках последующего конституционного контроля.*

***Ключевые слова:** конституция, конституционная реформа, предварительный конституционный контроль, последующий конституционный контроль, законотворчество, разделение властей, конституции зарубежных стран.*

Поправки в Конституцию РФ существенно расширили полномочия Конституционного Суда в сфере предварительного контроля за соответствием законов положениям главного закона страны. Ранее Конституционный суд в рамках предварительного конституционного контроля был уполномочен разрешать дела только по не вступившим в законную силу международным договорам. Распространение предварительного конституционного контроля не только на международные договоры позволяет наиболее полно обеспечить гарантию конституционности принимаемых законов. Однако, предварительный контроль несмотря на преимущества, среди которых, можно отметить, возможность своевременно не допускать принятие законов, не соответствующих Конституции, имеет и свои недостатки – ограниченность во времени для принятия решений, угроза возникновения

коллизий между судебными актами Конституционного Суда, когда несоответствие закона проявляется спустя некоторое время во время правоприменительной деятельности. Поэтому необходимо рассмотреть, какие модели предварительного конституционного контроля уже существуют, какие в них есть недостатки, и как их минимизировать в будущей практике Конституционного Суда.

Заметим, что Конституционный Суд ранее допускал возможность разрешать вопрос о соответствии Конституции РФ отдельных положений законов, которые не вступили в законную силу. Однако, должно соблюдаться условие, согласно которому, рассматриваемый судом закон прошёл все стадии законодательного процесса и отдельные его положения имеют юридическую силу. При несоблюдении этого условия, например, когда закон не опубликован или еще обсуждался на чтениях в парламенте, то Конституционный Суд отказывал в принятии рассмотрении запроса [7]. В свою очередь, ст.3 Закона РФ о поправке к Конституции РФ №1-ФКЗ вступила в силу сразу после подписания президентом, а именно 14 марта 2020 года, и Конституционный Суд в Заключении № 1-3 от 16.03.2020 оценивает соответствие ст. 1 и 2, упомянутого закона, для которых был предусмотрен особый порядок вступления в законную силу. Этот пример демонстрирует, что до изменений в Конституции, у Конституционного Суда, существовала возможность осуществления подобия предварительного контроля, однако, такая возможность возникала из воли субъекта законодательной инициативы и требовала особого подхода к юридической технике законопроекта. Такая возможность косвенно подтверждается правовой позицией из определения Конституционного Суда, согласно которой неведение в действие оспариваемых положений закона не создает препятствий для признания их неконституционными [6].

В данный момент Конституционный Суд уполномочен разрешать вопрос о соответствии (несоответствии) Конституции РФ в рамках предварительного конституционного контроля по запросу президента РФ: законопроектов о поправке к Конституции РФ, проектов федеральных конституционных и федеральных законов, в том числе и в случаях, когда Федеральное Собрание преодолело президентское вето и высшее должностное лицо государства обязано подписать закон. Такое положение в плоскости науки конституционного права возможно обозначить, как факультативный предварительный контроль обычных законов и законов о поправке к Основному закону по запросу уполномоченного лица.

Благодаря факультативной модели конституционного контроля разрешается ситуация, когда по мнению Президента федеральный закон или иной акт является неконституционным, но из-за безусловных положений Конституции РФ он обязан в первую очередь подписать закон, а уже позже обращаться в Конституционный Суд, оспаривая его конституционность. Преимущество новации в сфере конституционного контроля «позволяет снизить необходимость отмены подзаконных нормативных правовых актов, а также пересмотра правоприменительных решений, принятых во исполнение неконституционной нормы» [2, с. 38].

Факультативность такого контроля, выделяет российскую модель, по сравнению с тем, как предварительный конституционный контроль организован в Республике Беларусь, где он является обязательным, и осуществляется в сжатые сроки – 5 дней после поступления законопроекта в Конституционный Суд. При этом за 2008-2019 года ни один закон на этапе предварительного контроля не был признан несоответствующим конституции [8]. Такая процедура, очевидно, для российского законодательного процесса была бы бессмысленной, так как учитывая большое количество законопроектов, в дополнении с жесткими рамками по времени рассмотрения, превратила бы обязательный предварительный конституционный контроль в формальную процедуру.

Факультативный конституционный контроль позволяет уменьшить нагрузку на Конституционный суд, так как сначала соответствие закона положениям конституции подвергается сомнению другим субъектом [3, с. 145]. Также отметим, что во Франции обязательный предварительный конституционный контроль сочетается с факультативным, так обязательной проверке Конституционным Советом подлежат регламенты парламента и законы, касающихся публичной деятельности властей, принимаемые по усложненной процедуре, а остальные законы и ратифицированные международные договоры подвергаются уже факультативному контролю по запросу уполномоченных на это субъектов [1, с. 61]. Примечательно, что объект конституционного контроля во Франции проверяется в том числе и на соответствие преамбуле конституции, возможно, в России с учетом принятых поправок, существенно увеличивающих объем текста преамбулы, закрепится аналогичная практика.

Далее хотелось бы рассмотреть объем предварительного конституционного контроля в части проверки законов субъектов Федерации. Согласно пункту в) части 5.1 ст. 135 Конституции, Конституционный Суд по запросу Президента также разрешает вопрос о соответствии Конституции

законов субъектов до их обнародования высшим должностным лицом субъекта РФ. Рассматривая данное положение Конституции, считаем важным отметить, что предварительный контроль проектов законов, который осуществляется не органами законодательной власти, в определенной степени, можно оценить, как умаление автономности законодательного органа. Такую же аналогию можно провести в случае, когда федеральный уровень власти излишне вмешивается в сферу деятельности субъекта Федерации. Из вышесказанного можно сделать вывод, что право Президента на обращение за проверкой законов субъекта Федерации напрямую затрагивает принцип федерализма и оказывает негативное влияние на автономию субъекта РФ в пределах его компетенции. Возможным компромиссом в данной ситуации может послужить ограничение вышеуказанного права Президента, предоставив ему право обращаться в Конституционный Суд только в отношении законов субъектов Федерации, которые принимаются по совместным предметам ведения Федерации и ее субъектов. Однако, учитывая, что из Конституции после принятия поправок из судебной системы были исключены уставные суды субъектов РФ, то такая возможность может рассматриваться, если не как полноценная замена уставным судам, то как механизм, способствующий соответствию правового регулирования в субъектах положениям Конституции и ее единому толкованию. И тут же возникает проблема востребованности такого решения: будет ли Президент или его помощники, администрация уделять время на выявление законов или законопроектов субъектов Федерации, положения которых требуется признать несоответствующими Конституции. По нашему мнению, учитывая широкий объем задач, стоящих перед главой государства, которые требуют значительных затрат времени и других ресурсов, такой механизм не найдет широкого применения и будет использоваться только в экстраординарных ситуациях (например, широкий резонанс в обществе, СМИ). Для повышения использования такого механизма возможно предоставить депутатам законодательных органов субъектов право обращаться к Президенту с рекомендациями об обращении в Конституционный Суд для проверки не вступившего в законную силу закона субъекта. Однако, у такого решения есть недостатки, заключающиеся в необязательности таких рекомендаций для Президента, возможности недобросовестного использования такого механизма с целью воспрепятствования продвижения законопроекта, а также нет однозначного ответа на вопрос о необходимости предварительного конституционного контроля на данном уровне, так как существует механизм последующего контроля.

Далее подробнее обратим внимание на недостатки предварительного конституционного контроля, к ним относятся: отсутствие возможности все полно смоделировать, как оспариваемая норма будет толковаться на практике, ограниченность по времени для принятия решения, и как следствие столкновение предварительного и последующего контроля [2, с. 38]. Отдельно хочется обратить внимание на угрозу политизации контролирующего органа в случае, если в процедуре назначения его членов участвует единоличный орган государственной власти.

Также есть проблема соответствия такого механизма принципу разделения властей, так как предварительный контроль можно рассматривать, как вмешательство в законодательный процесс. ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривает два периода, когда у Президента есть право инициировать процедуру предварительного контроля: в отношении проекта закона – с момента начала первого чтения, до при его принятия в третьем чтении, в отношении принятого закона в течении срока, установленного для его подписания президентом (ст. 110.7) [5]. Из этого следует, что Президент может вмешиваться в законодательный процесс, однако его влияние ограничено, так как последствием запроса в Конституционный Суд заключается в дальнейшей невозможности принятия законопроекта в следующих чтениях (ст. 110.8).

К особенностям российской модели предварительного конституционного контроля можно отнести то, что Конституционный Суд не ограничен по времени для рассмотрения обращения Президента, по крайней мере, положениями Конституции. За счет этого могла бы решаться проблема, что в других странах решения принимаются в условиях ограниченного времени (во Франции срок составляет 1 месяц, в Казахстане также, но президент вправе потребовать рассмотреть вопрос в десятидневный срок). Однако, законодатели решили установить двадцатидневный срок для одобренных Советом Федерации законов и семидневный для законопроектов. По нашему мнению, более сжатые сроки для законопроектов установлены с целью ограничения вмешательства в законотворческий процесс, невозможности заморозить принятие законопроекта на длительный срок. Установление сроков рассмотрения запроса о соответствии правового акта не на уровне основного закона не является чем-то новым, так в сербской Конституции также не встречается срок в течении которого

должно быть рассмотрено обращение о соответствии принимаемого закона автономного округа основному закону, при этом впоследствии данный срок был установлен на уровне закона о конституционном суде и его регламенте (60 дней).

Видно, что при разработке расширения предварительного конституционного контроля в рамках поправок в Конституции было стремление взять лучшие из существующего зарубежного опыта. Однако, остается вопрос о том почему возможность обратиться в Конституционный Суд в рамках предварительного контроля есть только у только у Президента? Несомненно, одна из его главных задач заключается в гарантировании Конституции, стремлении к всесторонней реализации тех ценностей, идей, которые в ней заложены. Однако потребность в использовании такого механизма, может быть, и у других субъектов конституционных правоотношений, наличие такого механизма исключительно у главы государства и к тому же в таком широком объеме может оказывать неоднозначное влияние на систему сдержек и противовесов между ветвями государственной власти.

Также интерес представляет разрешение проблемы, заключающиеся в том, что противоречия в законе (законопроекте) положениям Основного закона могут проявляться лишь некоторое время после вступления закона в силу. Безусловно, судьи, могут представить, как новая норма будет разрешать спорные ситуации между субъектами права или как новое регулирование может ущемить права человека и гражданина, однако, все ситуации, которые может повлечь принятие законопроекта невозможно. Также учитывая, что в России разделяется процедура контроля законопроекта и одобренного Советом Федерации закона можно предположить возможность коллизии в рамках процедуры предварительного контроля.

Рассматривая конституционный контроль И. А. Стародубцева, заостряет внимание на то, что такой инструмент ни в коем случае не должен использоваться для придания конституционности принятых законов в политических целях, чтобы впоследствии затруднить их оспаривание [4, с. 18]. Полностью поддерживая данную позицию, отметим, что на данный момент положениями ФКЗ о Конституционном Суде установлено, что предварительный контроль каким-либо образом не ограничивает возможность обратиться в Конституционный Суд уже в рамках последующего конституционного контроля (ст. 110.12). Рассматривая данный пример, заметим, что, по нашему мнению, некоторые важные аспекты, регламентирующие процедуру предварительного контроля, зависят от законодателей, именно ФКЗ устанавливает срок рассмотрения запроса, вопрос о соотношении предварительного и последующего контроля. Исходя из вышесказанного считаем, что срок рассмотрения запросов о проверке законов (законопроектов) может устанавливаться регламентом Конституционного суда, хотя им сейчас не регулируются подобные процессуальные вопросы. Также принцип приоритета прав и свобод человека, заключающиеся в сохранении возможности обращаться с жалобами в Конституционный Суд в рамках последующего конституционного контроля должен найти свое отражение на уровне Конституции, данное решение также будет содействовать недопущению возможности для «закрепления» законов в политических целях с использованием процедуры предварительного конституционного контроля.

В завершении отметим следующие: появление предварительного контроля за рядом законов в перспективе способно оказать позитивное влияние на законотворческий процесс в России за счёт возможности предупреждения правотворческих ошибок до введения законов в действие. Однако, есть необходимость в нахождении баланса между самостоятельностью законодательных органов и правом инициативы предварительного контроля Президентом. Видится необходимость в ограничении возможности Президента инициировать механизм предварительного конституционного контроля таким образом, чтобы он не мог обращаться в Конституционный Суд на этапе обсуждения законопроекта в чтениях нижней палаты парламента или предоставить возможность представителям Федерального собрания, пусть и не полноценно, во время рассмотрения запроса в Конституционном Суде выступать в защиту законопроекта, установив возможность направлять в Конституционный Суд письменные доводы о соответствии закона (законопроекта) положениям Конституции. Также видим потребность в расширении круга инициаторов процедуры. Мы поддерживаем практику, сложившуюся в других странах, согласно которой, право на обращение в конституционный суд в рамках предварительного конституционного контроля должно быть закреплено не только за главой государства, но и за группами членов палат федерального собрания. Такие группы могут состоять из одной пятой членов нижней или высшей палаты Федерального собрания, тем самым позаимствовав количественные требования из ч. 2 ст. 125 Конституции. Однако, в целях обеспечения интересов парламентских меньшинств размер таких групп по количеству участников возможно

уменьшить. Необходимость такой новации связано с потребностью контроля не только законотворческой деятельности со стороны Президента, но и других субъектов законодательной инициативы в условиях доминирования одной партии или коалиции политических партий в нижней палате парламента, тем самым обеспечивается защита прав парламентского меньшинства, что будет позволять поддерживать многополярность законотворческого процесса.

Список цитируемой литературы:

1. Бондарева Е.А. Институт предварительного конституционного контроля в России и Франции: теория и практика применения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 2 (15). – С. 57–67.
2. Брежнев О.В. Предварительный конституционный контроль и его реализация в России: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 10 (119). – С. 36–43.
3. Санченко И.Д. Предварительный конституционный контроль в Российской Федерации и французской Республике // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 141–149.
4. Стародубцева И.А. Новые полномочия Конституционного Суда РФ в сфере предварительного конституционного контроля: анализ поправок к Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – С. 18–20.
5. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021 № 2-ФКЗ) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ – 25 августа 1994 г. – №13 – ст. 1147.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 147-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Иркутского областного суда о проверке конституционности ряда положений Закона Иркутской области «О статусе депутата Законодательного собрания Иркутской области»».
7. Определение Конституционного Суда РФ от 25.12.2003 № 430-О «По запросу Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан о толковании части 1 статьи 26 Конституции Российской Федерации»
8. Послание Конституционного Суда Беларуси от 14 марта 2019 года // Конституционный Суд Беларуси. URL: <http://www.kc.gov.by/> (дата обращения: 05.07.2019).

Сведения об авторе:

Буравов Илья Сергеевич – студент факультета внебюджетной подготовки ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН»; buravov.law@outlook.com

Научный руководитель – Чупилкина А.Ф., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры профессиональных дисциплин ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН»

Хомутова Е.А.

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА

***Аннотация:** Актуальность правового регулирования внедрения и использования цифровых технологий обусловлена активной цифровизацией всех сфер деятельности человека. Развитие цифровизации позволило осознать острую необходимость развития правового регулирования инновационных технологий, внедряемые в различные сферы деятельности. Государственное регулирование направлено на развитие национальных стратегий развития инновационных технологий и внедрение нормативно-правовых актов с нормами непосредственного действия.*

***Ключевые слова:** цифровизация, цифровые технологии, информационная среда, цифровая реальность, инновация, манипуляция правосознанием, правовое регулирование.*

В конце 90х годов XX века в зарубежных странах начали активно обсуждать технологии IoT, в то время как в России начали появляться только мобильные телефоны. С развитием информационных технологий «интернет вещей» представляет для нашего общества обыденное явление, так как умные устройства сейчас есть практически у каждого дома.

В современных условиях цифровизация, под которой понимается внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства, формирует новую, цифровую ре-

альность. Особенности этой реальности определяются следующими тенденциями: увеличение объемов информации, преобразование новых форм передачи информации, внедрение в информационную среду искусственного интеллекта и др.

Мировое распространение цифровых технологий в большинстве стран позволило осознать острую необходимость развития правового регулирования инновационных технологий, внедряемых в различных сферах деятельности.

Необходимость изменения правового регулирования также обусловлена и наличием проблем в данной сфере. По этой причине в настоящий момент политика ряда государств направлена на развитие и совершенствование национальных стратегий развития цифровых технологий и активное внедрение нормативно-правовых актов с нормами непосредственного действия на различные сферы деятельности.

Регулирование в российском праве вопросов в части информационных технологий имеет ряд противоречий. Поэтому основной задачей государственного регулирования на данный момент является развитие стратегии информационного общества.

В России уже имеется определенная законодательно-нормативная база регулирования цифровизации в различных сферах деятельности общества, также в государстве уже функционирует ряд институтов развития инноваций, которые направлены на разработку и внедрение цифровизации в различные сферы, в том числе и в правовую.

К актам правового регулирования в условиях цифровизации, следует отнести: Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы», Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). Эти акты направлены для внедрения цифровых технологий в жизнь каждого человека.

Цифровизация активно проникает во многие сферы деятельности человека, в одних она оказывает положительное действие, а в других может нанести вред.

Рассмотрим наиболее крупные сферы цифровизации:

- Экономическая. В данной сфере выделяют отрасль сервиса и социальных услуг. Эти услуги активно переводятся в формат электронного взаимодействия. Созданные электронные порталы, приложения, в которых граждане могут получать необходимую информацию, отправлять запросы и совершать различные операции, связанные с данной сферой.

- Образовательная. Данная сфера наиболее подвержена цифровизации. Примером может послужить период самоизоляции, так как образовательные организации начали активно пользоваться сервисами, предназначенными для видеоконференций, онлайн-обучения, демонстраций учебного материала и многие другие.

Следует отметить, что пандемия продемонстрировала на сегодняшний день необходимость в технологиях. Именно технологии, которые часто ошибочно воспринимаются лишь в качестве вспомогательного инструмента, представляют, основную ценность для любой компании, организации или отдельного человека, особенно во времена глобальной пандемии.

- Государственного управление. Вводится новый оборот данных, происходит преобразования информационных баз. На смену старым отчетам и проверкам, приходят новые аналитические и прогнозные разработки.

- Политическая. Создаются новые технологии, которые будут гарантировать безопасность системы подсчета голосов, достоверность результатов, а также обеспечивать защиту избирательных прав граждан.

Под воздействием цифровых технологий меняется правовая сфера общества.

Одной из проблем в праве являются перемены в условиях цифровизации. Другими словами, «предмет правового регулирования преобразуется, но социальная роль права в упорядочении общественных отношений не меняется. При этом его функциональное воздействие наполняется новым содержанием, что находит отражение прежде всего в динамично развивающемся отраслевом законодательстве: гражданском, трудовом, экологическом, административном, образовательном, медицинском и др.».

В частности, в Гражданском кодексе Российской Федерации появляются статьи о цифровых правах, Трудовой кодекс Российской Федерации совершенствуется с учетом современных режимов трудовой деятельности. В целом отраслевое законодательство несмотря на довольно высокий уровень развития, нуждается в модернизации, чтобы граждане и юридические лица легко взаимодействовали с помощью электронных технологий [1, с. 192].

Такое стремительное развитие цифровых технологий в праве, с одной стороны является основным фактором цифрового общества, а с другой стороны инструментом, который постепенно «разрушает» традиционные институты права. В результате можно сказать, что под влиянием цифровых технологий правовая традиция меняется все более быстрыми темпами.

Цифровые технологии не просто делают информацию более доступной для каждого, кто имеет возможность их использовать. Они меняют характер взаимоотношений в обществе. Современные цифровые технологии определяют такой уровень обработки информации, что логика развития виртуальных сетей вполне может применяться и к социальным процессам, которые регулируются правом. Подчеркивается, что процесс обсуждения и публикации, принятия нормативно-правовых актов активно развивается в цифровом пространстве. Следует отметить, что не все члены общества имеют доступ в Интернет, тем самым автоматически утрачивают способность участия в обсуждении НПА, а также для дальнейшего ознакомления принятого документа. В итоге это может характеризоваться как ущемление прав человека.

В период перехода к информационному обществу проблема адаптации пожилого населения к современной информационной среде стоит особенно остро. Необходимо дать пожилым людям ощущение полезности и принадлежности к обществу, прежде всего, изменить их отношение к своему возрасту. Компьютер обеспечивает пожилому человеку потребность в общении со сверстниками, возрождает разорванные социальные связи. Это помогает стать более адаптированным и готовым к изменениям в окружающем нас мире. Возможность получать информацию в любой сфере жизни, ориентироваться в системе государственных структур способствует самостоятельному решению возникающих проблем, а также показывает возможные решения в реализации своих прав и интересов [3, с. 214].

Еще одной проблемой является манипулирование правосознанием человека через цифровое пространство. Это происходит, когда цифровое пространство распространяет новую, ранее не известную систему ценностей. Под таким давлением меняется правосознание субъекта, а вместе с ним постепенно меняется и правовая традиция.

Отечественные правоведы все чаще занимаются решением таких вопросов, как юридическая сила нового документа, нового правового акта, называемого электронным. Но главная проблема состоит в том, чтобы найти место для этого нового правового акта в системе нормативного правового регулирования. Происходят изменения во взаимоотношениях между человеком и новыми техническими устройствами, отраженные в делах как государственных органов, так и отдельных сотрудников. Если раньше каждый отвечал за свой участок, самостоятельно, замечал, исправлял, принимал решение, то теперь появился своего рода партнер, робот, который выполняет эти операции самостоятельно [2, с. 232].

В результате актуализируется вопрос о том, какие виды решений теперь можно постепенно перевести режим использования электронных технологий, а какие традиционно останутся предметом деятельности государственных органов и всех институтов публичной власти.

Соответственно, вопрос об ответственности за правонарушения в данной сфере становится еще более актуальным. Цифровизация и растущее использование компьютеров и мобильных телефонов в каждом домашнем хозяйстве, а также в каждой компании, связанные через сеть, увеличили преступления в данной сфере.

Преступления, совершенные через цифровую платформу или через Интернет, разнообразны и сложны. Такие преступления можно определить, как виртуальную атаку на репутацию человека, группы или организации и т.д. С увеличением числа и типа цифровых преступлений, спрос на специалистов и инструменты цифровой криминалистики увеличился. В этой новой области, можно предложить модель разделенной ответственности, когда за ошибки робота или даже ущерб, причиненный им, ответственность несут: программист, разрабатывающий программы деятельности устройства, оператор, обеспечивающий его использование и эксплуатацию, и наконец, то должностное лицо, служащий, работник, отвечающий за этот участок работы [4, с. 99].

Подводя итог, следует отметить, что цифровая реальность создает новый, небывалый вызов для российского права. Оно стремительно меняется, приспосабливается к новым условиям и новым задачам. Цифровизация меняет менталитет субъекта права, который выступает центром правовой системы Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. Артюхин Р.Е., Поветкина Н.А. (ред.) Новые институты бюджетного права в условиях цифровой революции. М.: Норма, 2021. 192 с.

2. Пилипенко А.Н. (отв. ред.) Тенденции цифровизации исполнительной власти в зарубежных странах. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 232 с.
3. Сеницын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования. М.: Инфотропик Медиа, 2020. 214 с.
4. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. №1 85–101 с.

Сведения об авторе:

Хомутова Екатерина Александровна – студент Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ДГТУ в г. Шахты, 1465469kat@gmail.com.

Научный руководитель – Кириленко В.С., к.ю.н, доцент, заведующий кафедры уголовно-правовые дисциплины Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ДГТУ в г. Шахты.

Ермолин А.Д.

РАЗУМНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ – РЕЗУЛЬТАТИВНАЯ И ВОЗМОЖНАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *Нормальное функционирование, разумное развитие, введение необходимых преобразований, дальнейший прогресс модернизации сфер государственного устройства, а также решение обновляющихся проблем во внутренних и внешних отношениях Российской Федерации не мыслимы без эффективного исторически сложившегося выделяющегося государственного постулата «идеология».*

Ключевые слова: *идеология, социал-консерватизм, «умеренный консерватизм», государственный строй, преобразования, общественный резонанс, революция, социальные потрясения, радикальные течения, стабильность, развития, нормализация.*

I. Общее положения

В современных условиях Российская Федерация подвергается активным изменениям настроения граждан государства, образованием антиконституционных обществ и организаций, реализацией запрещенных движений, идей, мыслей и иных концепций, возникновением угрозы децентрализации государственной власти и управления. Данные стремления наносят существенный урон государственному строю, системе механизмов государственного управления, инструменту всеобщего порядка и стабильности в обществе. Существуют иные политико-правовые проблемы, создающие существенную угрозу целостности и независимости нашей страны. Для обеспечения нормального функционирования и стабильности государства во всех сферах жизнедеятельности людей необходим ведущий идеологический постулат.

Идеологическая программа – это политический курс государства, призванный обеспечить всеобщий порядок, упорядочение полномочий, регламента, формирования институтов государственной системы, создание на основе законодательной базы методов и средств пресечения инакомыслия и течений, противоречащих Конституции РФ, дробящих государственный строй, а также воздействующих на менталитет граждан и групп людей для использования в достижениях революционных и экстремистских целей.

II. Неоспоримая потребность Российской Федерации в идеологической системе

Ориентируясь на исторический опыт и политическую практику, Российская Федерация нуждается в государственной идеологии, являющейся главным постулатом развития страны во внутренних и внешних отношениях, дарующие прогрессивные результаты и возвышающие авторитет на международной политической арене. Идеология «Умеренный консерватизм» характеризуется сохранением традиций, ценностей, приоритетов, обычаев, методов управления сложившиеся в результате функционирования государства с периода его образования и непосредственных изменений в законодательных и общественных вопросах. Учреждая политический курс «Умеренный консерватизм» и ознакомляя граждан с основными тезисами, высшие компетентные органы власти принимают разумное решение в установление модернизации общественного порядка и спокойствия. Предлагаю перейти к сущности идеологии «Умеренного консерватизма». Первое, идеология подразумевает под собой формирование у каждой личности правильное политическое мышление, мента-

литет и склад мыслей на протекающие процессы в государстве, события в её отраслях, бурные перемены за рубежом. Второе, идеологическая идея на несколько десятилетий защищает суверенитет и целостность государства на внутренних фронтах, а также с внешней стороны. Стоит пояснить, что указанный мною срок означает предусмотренный процесс переосмысливания элементов и пунктов «Умеренного консерватизма» с связи с постоянно меняющейся обстановкой в Мире. В третьем случае, на сегодняшнее время процент доверия народа государственному институту резко сократился, а волна недовольства стремительно распространяется на промышленные и многонаселенные центры России, что может привести к неконтролируемым волнениям и восстаниям, сказывающиеся массовыми беспорядками и порождением хаоса на местах. Номенклатуре необходимо помнить, что для подавления усилиющихся неразумных и наивных толп людей, которые в свою очередь возмущают подобных представителей общества, требуются огромные средства и силы, установленные законодательной базой РФ и применение которых, на некоторое время, ограничит связь граждан и государства. Во избежание невыгодных мероприятий государство устанавливает образовательную и религиозную работу по развитию культурного, правового, политического мышления, формированию чувств патриотизма и гордости индивида и групп людей. Четвертое, «Умеренный консерватизм» не искажает работу гражданских обществ и общественно-политических ассоциаций, а придает им огромный смысл в совместном функционировании с государством и предоставляет совокупность возможностей для развития и усиления в обществе для достижения объединяющих целей. Концепция «Правовое государство» играет огромную роль в реализации новой, ведущей социал-консервативной идеологии и построение модели идеального гражданина в эпоху постиндустриального общества, ведь без закрепленной политической идеи невозможно существования государства, функционирование общества, оказывания влияния на международные организации и сообщества, самостоятельное принятие решений в стране.

Идеология «Умеренный Консерватизм» сформулирована действующим президентом Российской Федерации В.В. Путиным и поддержана официальными политическими партиями Российской Федерации, в независимости от идейного течения. "Скажем прямо, на предстоящий период мирового переустройства, которое может продолжаться довольно долго и окончательный дизайн которого неизвестен, умеренный консерватизм – самая разумная, во всяком случае, на мой взгляд, линия поведения. Она неизбежно будет меняться, но пока врачебный принцип "не навреди" представляется наиболее рациональным", – слова В.В. Путина. По моему мнению, консервативная система проследивалась не только в Древней Руси, Русском царстве, Российской Империи, но и даже в период существования Советского Союза, не смотря на социалистическую доктрину. Вытекает умозаключение, что консерватизм – исторически сложившаяся доктрина и неизбежный курс Российской Федерации. Не в коем случае нельзя утверждать, что консерватизм ведет страну к стогнационному и регрессивному состоянию. Предусмотренный неоконсерватизм подвергает сохранению эффективных способов и инструментов (догматы, устои, традиции, ценности), продвигая общество по пути расцвета и совершенствования. По Конституции РФ статья 13, пункт 3 гласит: «В Российской Федерации признаются политическое многообразие и многопартийность», что дарует российским гражданам возможность разнообразно мыслить и воспитываться на основе философских течений. На международном уровне идеология и национальные интересы Российской Федерации способствуют реализации идеи «О мирном сосуществовании ведущих держав Мира». Ориентируясь на установленные правила, Российская сторона способна обеспечить результативное оказание предотвращения возникающих военных столкновений, конфликтов. В случаях развития боевых действий – заложить фундамент скорого заключения перемирия и в дальнейшем мирных соглашений. Гуманизация общества и стран имеет огромную ценность для всех государств на планете и процесса глобализации, которая при сплочении отсрочивает нарастание войн и военно-технических гонок, являющиеся предпосылками ухудшений отношений и обстановки. Упомянутые методы политики – видные инструменты «Умеренного консерватизма» российской машины функционирования.

III. Историческая справка

Обратимся к историческим фактам истории СССР и современной России. К концу 80-х годов XX века советская государственная модель объединенных республик претерпела значительные преобразования в эпоху «Перестройка». Центральный Комитет КПСС развернул масштабный преобразовательный процесс по демократизации страны, расширив комплекс прав и свобод человека и гражданина, учредив свободу слова, печати и гласности, предоставив широкие экономические возможности кооперативам и институтам «теневой» экономики, установив дополнительные прерогативы обкомам, горисполкомам, райкомам, органу Съезду народных депутатов СССР, Политбюро, Верховному Совету СССР. Сеть реформ, проводимых номенклатурой, вызвала коренное изменение

настроения, взгляда и мнения на мир, а также потребность в иных преимуществах, не затронутых проводимым курсом партии. Данное время можно назвать неизбежным периодом постепенной эволюцией стран-участниц социалистического лагеря, так как затронутые события в СССР имели огромные предпосылки еще с 70-х годов, однако влиятельное государство прекратило свое существование, исчезло на геополитической карте мира, распалось на самостоятельные республики. Обратимся к закону «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР» В 1989 году 6 пункт Конституции СССР потерпел упразднение в связи с противоречиями демократическому курсу, проводимым М.С. Горбачевым. Единая и общеобязательная идеология «Марксизм-Ленинизм», как основа осуществления функционирования государством, утратила юридическую и законодательную силу, в скором времени заменена на систему «многопартийность». Отсутствие ведущей идеологии в государстве повлекло за собой множество политических последствий и тяжелых событий. Дарованная свобода действий и отмененное философское учение отразились на распаде Советского Союза, распространении массовых конфликтов, забастовок, ультиматумов граждан, возникновении беспорядков в аппарате управления, порождении митингов, шествий, реализации национальных и этнических столкновений, создании радикальных обществ и организаций, повышении уровня преступности. По моему мнению, судьба 6 пункта сыграла первостепенную роль будущего СССР и суверенных государств, входивших в состав страны. Учитывая разветвлённые тенденции общественного развития, социально-экономические, политические стратегии и комплекс реформ стоит реализовывать при более благополучной обстановки центральной власти и монополии направляющей идеологии.

Предлагаю обратиться к дополнительному компетентному примеру результативной идеологической системе Российской Империи I половины XIX века. Император Николай Павлович I, после подавления государственного переворота военных формирований и аристократических обществ на Сенатской площади, предпринимает попытку усилить контроль и полномочия государственных ведомств, пересмотреть пункты законодательства на соответствие с процессами, протекающими в русской действительности, принятия мер по созданию разумного нормативно-правового акта, ограничивающего резкие попытки изменения пути и строя страны заговорческими, военными и бунтующими средствами. Для достижения поставленных целей создаются многофункциональные комиссии, инициаторами которых являются монарх и его разумные приверженцы идеи. Неотъемлемую роль в развитие правовой системы и законодательства России сыграл Сергей Семенович Уваров. Государственный деятель сформулировал теорию «Официальная народность», подразумевающая под собой триаду ключевых понятий сложившихся реалий: «Народность, Самодержавие, Православие». Суть нововведенного преобразования заключалась в умножение умственных плотин от революционных возгораний, волнений, в построение цензурного барьера вольномыслия и инакомыслия, что непременно послужило благим влиянием на развитие крепкого фундамента проведения важных и необходимых реформ, сроком на несколько десятилетий, во благо населению страны и будущего поколения при отсутствие шаткого равновесия граждан и государства. Принятая идеологическая доктрина стала предпосылкой модернизации структуры совокупности сфер жизнедеятельности общества.

IV. Обобщение

Российскому государству к 30-м годам необходимо переосмыслить статью 13, пункт 2 Конституции РФ и внести корректировки в установлении направляющей социал-консервативной идеологии «Умеренный консерватизм» («Разумный консерватизм»). Россияне должны осознавать её смысл и сущность, а высший аппарат управления следовать её тезисам. Идеология «Умеренный консерватизм» предотвратит возникающую мысль о повторном желании субъектов выйти из состава Российской Федерации и обрести независимость, упорядочит государственное устройство и институты жизнедеятельности общества, пресечет попытки претворения в действительность национальных и этнических потрясений и на долгие годы обеспечит данную безопасность, устранил антиконституционные движения, организует эффективные идейно-воспитательные работы жителей России, в ходе военной и чрезвычайной обстановки в стране сохранит спокойствие и разумность граждан, улучшит благосостояние и жизнь трудящегося слоя населения, путем удовлетворения назревающих потребностей народов, ужесточит надзор и контроль за общественно-политическими процессами. Государству и обществу полагается находится в тесной консолидации для постоянного развития и прогресса их составных частей. Для достижения поставленных целей и задач необходимо постепенно строить философскую концепцию, реализация которой займет несколько десятков лет или годов, а внедрение в политическую и общественную действительность окажется на первом этапе тяжелым и сложным делом. Великое государство строится на единой общепризнанной идеи,

ведущей державу по пути модернизации и стабильности, эта российская идеология - «Умеренный консерватизм».

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ).
2. Конституция СССР (принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 года) (с учетом поправок, внесенных Законами СССР от 1990 года).
3. Заседание на международном клубе «Валдай» в Сочи при участии президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина.

Сведения об авторе:

Ермолин Александр Дмитриевич – студент педагогического университета МГПУ им. Евсевьева (Мордовский государственный педагогический университет) sascha.ermolin.04@mail.ru

Научный руководитель – Паулова Юлия Евгеньевна, к.ю.н, доцент, декан факультета истории и права МГПУ им. Евсевьева

Стуров В.А.

УСЛОВИЯ ЛИШЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ПО КОНСТИТУЦИЯМ РСФСР 1918 И 1925 ГОДОВ

***Аннотация:** Статья посвящена институту лишения избирательных прав на этапе становления советского государства. В то время наличие или отсутствие избирательных прав напрямую зависело от лояльности к действующей власти. В начале XX века во многих странах мира избирательными правами обладали не все граждане, однако именно в Советском государстве лишение избирательных прав было сопряжено с исключением человека из социально-экономической жизни в целом. Многие имеющиеся работы по данному вопросу рассматривают лишения избирательных прав в свете принципов «революционной законности» и относят этот процесс к одной из составляющей идеологического обоснованию своей политики большевиками. Однако данный вопрос требует более абстрактного рассмотрения с точки зрения историко-правового подхода. Настоящая работа нацелена на выявление закономерностей между лишением избирательных прав и социально-экономической сегрегацией в раннем советском обществе.*

***Ключевые слова:** лишение избирательных прав, Конституция РСФСР 1918 г., Конституция РСФСР 1925 г., классовые враги, нетрудовые категории граждан, лишенец.*

1. Введение. В преддверии 100-летнего юбилея образования СССР в средствах массовой информации всё чаще начинается подниматься вопрос о влиянии советского периода на современность. Безусловно, период гегемонии Коммунистической партии оставил неизгладимый след в отечественной культуре, мироощущении и, что нас больше всего привлекает в контексте данного исследования, в социальных институтах.

Избирательная система в условиях зарождения советской государственности имела ряд особенностей, исходивших от идеологической составляющей страны рабочих и крестьян. Такие принципы избирательной системы, заложенные большевиками, как: предоставление политических прав женщинам и военнослужащим, расширение прав рабочих и крестьян, – свидетельствуют о том, что ещё в начале XX века были сформулированы фундаментальные положения современного избирательного права. Принципы советской избирательной системы во многом легли в основу формирования современных правовых норм, закрепленных в основном законе нашего государства.

Однако в те времена наблюдалась и явно выраженная дискриминационная политика советских властей в отношении «классовых врагов». Явным её проявлением становится институт лишения избирательных прав. Данная практика не является уникальной в истории. К примеру, знаменитая XIX поправка к Конституции США, дающая политические права женщинам, была принята лишь в 1920 г. Но именно в советской практике лишение избирательных прав было напрямую связано с дискриминацией в социально-экономическом и даже культурно-идеологическом аспекте. Понятие «лишенец» крепко вошло в сознание советских граждан как описание «неблагонадёжного элемента».

Стоит выяснить какое значение имело лишение избирательных прав для отдельно взятых лиц, а также каковы были последствия социально-экономического характера для «лишенцев». На

основе исследовательских вопросов мной была сформулирована цель данной работы – выявление закономерностей между лишением избирательных прав и социально-экономической сегрегацией в раннем советском обществе.

2. Положения Конституций РСФСР 1918 г. и 1925 г. в сфере избирательных прав. 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом Советов была принята первая советская Конституция, которая закрепила основные положения государственного устройства «страны рабочих и крестьян», в том числе определяла условия лишения избирательных прав. Институт лишения избирательных прав был вовсе не уникален в начале XX в., однако в молодом советском государстве основания для лишения избирательных прав носили преимущество социально-экономической и идеологической характеры.

В 65 статье Конституции РСФСР 1918 г. определялся круг лиц лишенных избирательных прав: «а) лица, прибегающие к наемному труду, с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи, духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором».

Первые советские Декреты определили основной вектор развития молодого государства: светский характер, эмансипация женщин, борьба с эксплуататорскими классами и частной собственностью. Все эти идеи нашли своё отражение и в части оформления избирательного права. Идеологическое обоснование лишения избирательных прав нашло своё отражение в трудах первых советских руководителей. Они регулярно обращались к идеям о том, что лишение избирательных прав свергнутых классов является неотъемлемой частью победы революции.

К примеру, В.И. Ленин в своем труде «Очередные задачи советской власти» отмечал ярко выраженную разницу между пролетарской и буржуазной демократией. По его мнению, в социалистическом государстве «избирателями являются трудящиеся и эксплуатируемые массы, буржуазия исключается» [3, с.23].

Приведённое положение ярко отражает стремление советской власти к обоснованию своей позиции касательно категорий лиц лишенных избирательных прав. Большевики утверждали, что лишение буржуазии избирательных прав является основополагающим принципом для осуществления «революционной законности» - господствующего на этапе становления Советского государства подхода в праве, согласно которому признавались только законы, служившие «во благо революции».

В этом аспекте очень интересна для исследования 23 статья Конституции РСФСР 1918 г., в которой закреплялся принцип «лишения отдельных лиц или группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции».

Однако в нормативных правовых актах того времени не было дано четкого определения понятия «интересы социалистической революции», что, безусловно, создавало широкие возможности для вольного интерпретирования «вреда революции». На основании этого граждане порой безосновательно лишались избирательных прав.

Центральная советская власть в первые годы своего правления ещё не обладала таким широким административным ресурсом, чтобы точно влиять на решения местных органов Советов, к тому же эту ситуацию усугубляла Гражданская война. В связи с этим, полномочия на определение условий для лишения избирательных прав ложились на плечи местных органов советской власти [6, с. 128]. Это свидетельствует об абстрактности закреплённых норм по лишению избирательных прав в первой советской Конституции, что во многом и побудило законодателя вынести ряд пояснительных инструкций.

Конституция РСФСР, принятая XII Всероссийским съездом Советов 11 мая 1925 г., дублировала положения предыдущей Конституции в отношении ограничения избирательных прав. В статье 69 был закреплён перечень лиц лишенных избирательного права, который полностью повторял положения 65 статьи Конституции РСФСР 1918 г. По мнению Г.К. Максимова, «Основной Закон РСФСР 1925 г. сохранил основные конституционные принципы избирательного права и избирательного процесса, заложенные в первой Конституции РСФСР, за исключением некоторых технологий и сроков выборов и проведения съездов советов» [4, с. 92].

Таким образом, первые Конституции ограничивали избирательные права на основании принадлежности человека к определённому роду деятельности и его дореволюционного прошлого. Для

советской власти на начальном этапе было недопустимо позволить приход «врагов революции» к местному управлению. Однако нормы, декларируемые в Конституциях, носили общий характер, что сказывалось на правоприменении, поэтому законодателю пришлось разработать целый ряд инструкций для определения лиц, действующих в «ущерб социалистической революции».

3. Сходства и различия в Конституциях по критерию ограничения избирательных прав. Для конкретизации указанных в Конституции норм по ограничению избирательных прав власти издали ряд постановлений о выборах. Первое постановление принятое ВЦИК (Всероссийским центральным исполнительным комитетом) 2 декабря 1918 г., регламентировавшее перевыборы волостных и сельских советов, провозглашало принцип удаления из советов «всех тех эксплуататорских элементов, помещиков, кулаков, мироедов, которые были лишены своей собственности в процессе революции».

Данная инструкция во многом дублировала положения 23 статьи Конституции РСФСР 1918 г., предоставляя определение «действующих в ущерб социалистической революции», однако вновь было совершенно неясно, что значит «ущерб» и каков нормативный критерий «социалистической революции».

Центральная власть на тот момент не обладала достаточной политической волей, чтобы вмешиваться в процесс определения круга «лишенцев», во-первых, продолжавшаяся Гражданская война не прибавляла политического авторитета большевикам, во-вторых, местные органы Советов чувствовали достаточную автономию, поэтому руководство страны сочло целесообразным делегировать полномочия по определению критериев лишения избирательных прав на местные органы власти [6, с. 127].

В связи с этим 8 февраля 1921 г. перед выборами в советы Президиум ВЦИК выносит циркулярное постановление, согласно которому порядок производства выборов, а также категории, лишённые избирательных прав, определяется местными инструкциями Губисполкомов. Данный факт подтверждает тезис о том, что руководители большевистской партии в процессе становления советской государственности стремились идеологически обосновать нежелательность лиц с «нетрудовым доходом» в органах местных советов, что декларировалось в Конституциях, однако всю ответственность за реализацию данных идей на практике центральное руководство взять было не в состоянии. И в этом аспекте постановления ВЦИК от 1918 г. и от 1921 г. очень похожи своей риторикой предоставления практически неограниченных прав местным органам власти в организации избирательных процедур.

Это проявляется в расширенных критериях, которые позволяли лишать избирательных прав лиц в зависимости от местных особенностей. В первую очередь данные критерии затрагивали вопрос о трактовке 23 статьи Конституции РСФСР 1918 г., где было введено понятие «лица, действующие в ущерб социалистической революции». Постановления ВЦИК от 1921 г. позволило местным советам самостоятельно определять процедуру избирательного процесса: определять сроки проведения выборов, порядок голосования, частоту перевыборов в местные Советы. Подобная практика очень разнилась от местности проведения выборов исходя из политической ситуации и факторов, связанных с последствиями Гражданской войны. А также в целом основания для получения статуса «лишенца» определяли местные органы власти, руководствуясь последствиями Гражданской войны для конкретной территориальной области.

Однако в процессе укрепления большевистской власти, постановления, касающиеся определения круга лишённых избирательных прав начинают приобретать некую системность в области определения круга «лишенцев». В избирательной инструкции о перевыборах Советов, утвержденной декретом ВЦИК от 11 августа 1924 г. был сформулирован конкретный перечень должностных лиц, подлежащих лишению прав. Несмотря на движение в сторону систематизации и централизации норм оставался ряд нерешенных вопросов о положении чиновников, не включенных в список на лишение избирательных прав. И здесь вновь проявляется дуализм трактовки правовой нормы, с одной стороны центр стремительно начинает систематизировать законодательство, что проявляется в формулировании более четких норм, но, с другой стороны, политической воли ещё недостаточно, чтобы противостоять устоявшимся местным особенностям правоприменения, вызванных революционными событиями 1917 г. и Гражданской войной [1, с. 81].

К примеру, в Оренбурге, где скопилось большое количество бежавшей с белыми интеллигенции, не были допущены к выборам бывшие помещики, фабрикаты и другие лица принадлежавшие до 1 января 1919 года к классу буржуазии [2, с. 33]. В Сибири же к категории «лишенцев» попадали лица, как-то связанные с правительством Колчака: офицеры колчаковской армии, служащие и чиновники, сотрудники полиции [5, с. 12].

На основании приведенных примеров можно судить о том, что основным критерием для определения статуса «лишенца» выступала лояльность к действующей власти. Причем не только к центральной власти большевистской партии, но и к местным органам Советов, у которых критерии лояльности отличались в связи с территориальными, историческими и иными субъективными особенностями.

Таким образом, на этапе становления Советской России, наличие избирательных прав являлось проявлением лояльности к действующему политическому режиму. «Лояльность к действующей власти» во многом определялась по следующим критериям: род деятельности человека, степень его участия в событиях октябрьского переворота 1917 г. и принадлежность к определенной стороне во время Гражданской войны. Размытые критерии по определению идеологического принятия большевистской политики сочетались с формальными основаниями лишения избирательных, заключавшиеся в принадлежности лица к нетрудовому роду деятельности.

Это являлось уникальной практикой, даже по сравнению со странами, где политическая сегрегация также основывалась на принципе лишения избирательных прав. Во многих странах, в том числе и в США, где долго время женщины и чернокожие люди ограничивались в политических правах, наличие или отсутствие избирательных прав зависело лишь от принадлежности к какой-либо заведомо определенной социальной общности. В Советской России, напротив, в первых Декретах большевистской власти разрушались все дискриминационные основания по гендерному, национальному и другим признакам. Однако ключевым фактором для наделения избирательными правами стало «принятие» достижений социалистической революции.

4. Зависимость между лишением избирательных прав и ограничениями в социально-политической жизни. Лишение избирательных прав в Советской России сопровождалось прямой дискриминацией в социально-политическом аспекте. На основании инструкций ВЦИК и иных нормативных правовых актов выделялись следующие ограничения для лиц, лишенных избирательных прав: ограничение прав на состояние в профсоюзах; занятие судебной деятельностью; усыновление несовершеннолетних; получение пенсионного государственного обеспечения; запрет на членство в жилищно-арендных кооперативах; запрет на членство в сельскохозяйственных кооперативах.

Лицо, лишенное избирательных прав было фактически полностью исключено из общественной жизни. Это подтверждает тезис о том, что в Советской России наличие избирательного права имело, скорее, не правовой характер, воплощенный в закреплённой норме Конституции, а один из инструментов политического давления на лиц, не проявлявших лояльность к действующей власти. Это мнение разделяет один из видных исследователей избирательного права Советской России М.С. Саламатова: «Столь массивное давление, оказываемое с помощью цензов, имело последствия, не только выходящие за пределы избирательной системы, а не имевшей к ней отношения вовсе» [7, с. 280].

Советская практика в области политической сегрегации на основе критерия наличия избирательных прав имеет ряд особенностей. К примеру, круг лиц, лишённых избирательных прав был не всегда идентичен. Так, по инструкции ВЦИК от 13 октября 1925 г. был расширен значительно круг избирателей, причем стоит обратить внимание, что расширение коснулось наиболее перспективных для развития советской экономики в условиях НЭПа категорий населения – зажиточное крестьянство и торговцев.

Это явно свидетельствует о том, что власть стремилась интегрировать экономически перспективные категории населения, использовавших наемный труд и получавшие нетрудовые доходы, в общественную жизнь с целью улучшения экономического состояния страны. Для этого было необходимо наделить их политическими права, что в свою очередь отчасти противоречило изначально заданной идеологической парадигме. Подобные уступки привели к тому, что итоги избирательной кампании 1925/26 гг. высшим партийным руководством страны оценивались неоднозначно. Большинство мест в Советах получили лица, не являвшиеся членами ВКП(б), а некоторые из них вообще выступали оппозиционно к большевистской диктатуре. Это привело к сворачиванию с курса либерализации критериев по лишению избирательных прав, и к возвращению к идеям «революционной законности» в борьбе с «врагами революции».

Избирательное право в Советской России во многом зависело от настоящей политической ситуации, и служило интересам действующей власти. В этом контексте можно отметить, что лишение избирательных прав было продиктовано прагматичными интересами действующей власти, и как следствие покушалось на неотчуждаемые права в современном понимании. Однако в начале XX века данный вопрос не вызывал широкой общественной дискуссии и носил характер «целесообразного» применения правовых норм во благо «социалистической революции».

Заключение. Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. во многом дублировали положения об ограничении избирательных прав, что соответствовало общей идеи «революционной законности» по исключению всех «врагов революции» из политического процесса. Однако в них только декларировались общие нормы, основные положения были указаны в специальных постановлениях ВЦИК по организации выборов в Советы. Они претерпели некоторую эволюцию от повторения положения конституций до формулирования самостоятельных норм, которые в некоторые моменты даже расширяли категории избирателей. В общем и целом, институт лишения избирательных прав в Советской России был крайне сильно сопряжен с идеологической парадигмой и политической конъюнктурой. В связи с этим наличие избирательных прав стало напрямую зависеть от лояльности к действующей власти, и при условии их лишения человек практически полностью исключался из общественной жизни. Таким образом, на начальном этапе становления советской государственности институт избирательных прав выступал инструментом давления на общество путем принуждения к безропотному принятию всех решений большевистской партии.

Список цитируемой литературы:

1. Белоновский В. Н. Юридическая ответственность в избирательном праве по Конституции РСФСР 1918 г / В.Н. Белоновский // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2009. – № 11. – С. 77-86.
2. Владимирский М. Организация Советской власти на местах / М. Владимирский. – М. : Гос. изд-во, 1921. – 146 с.
3. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти / Н. Ленин ; Российская коммунистическая партия (большевиков). — Екатеринбург : Издательство "Прибой" Уральского областного комитета Р. К. П. (большевиков), 1918. — 31 с.
4. Максимов Г.К. Советское избирательное право в период новой экономической политики и закрепление его в Конституции РСФСР 1925 года / Г.К. Максимов // Magna Adurgit: Historia Studiorum. – 2017. – № 1. – С. 82-93.
5. Петров А. В. Формирование избирательной системы советского государства как способ управления гражданами (на примере г. Иркутска) / А.В. Петров // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 3(62). – С. 9-13.
6. Саламатова М.С. Институт лишения избирательных прав в советской России: от Конституции 1918 года к Конституции 1936 года / М.С. Саламатова // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2018. – № 3. – С. 125-144.
7. Саламатова М.С. Определение круга лиц, лишённых избирательных прав в РСФСР: законодательство и практика реализации (1918-1925 гг.) / М.С. Саламатова // Проблемы истории общества, государства и права : Сборник научных трудов, Екатеринбург, 26 мая 2019 года / Гл. ред. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», 2019. – С. 270-286.

Сведения об авторе:

Стуров Владислав Александрович – студент юридического факультета НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); vasturov@edu.hse.ru

Научный руководитель – Боголюбов Е.А., старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Чамова А. В.

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

***Аннотация:** в настоящее время велика роль прокуратуры в обеспечении прав и свобод человека и гражданина, невозможно представить существование правового государства без такого механизма защиты прав человека.*

***Ключевые слова:** прокуратура Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, защита прав и свобод человека и гражданина, история развития прокуратуры в Российской Федерации, формы деятельности прокуратуры Российской Федерации.*

В настоящее время проблема защиты прав человека и гражданина остается актуальной. Осознание необходимости защиты прав и свобод человека и гражданина является одним из факторов становления и развития правового, демократического государства. В Конституции РФ закреплены

права и свободы человека и гражданина, их гарантии. Не всегда в государстве в полной мере происходит реализация положений закона, ведь демократическое и правовое государство – это модель, то, к чему государство стремится. Государство создает специальные органы, определяет их задачи, наделяет их определёнными полномочиями для поддержания правопорядка, обеспечения законности. Одним из таких органов является прокуратура, которая является частью механизма государства и занимается вопросами защиты прав и свобод человека и гражданина (один из вопросов). По мнению Н.В. Мельникова, «нет необходимости отдельно выделять функцию по защите прав и свобод граждан. Например, надзор за исполнением законов, надзор за органами, осуществляющими дознание, оперативно-розыскную деятельность, предварительное следствие, направлены именно на защиту прав и свобод граждан» [1, с. 75-78].

Прокуратура РФ представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, состоящую из Генеральной прокуратуры РФ, прокуратуры субъектов РФ, приравненные к ним военные и другие специализированные прокуратуры, а также прокуратуры городов и районов, другие территориальные, военные и иные специализированные прокуратуры. Функции прокуратуры направлены на осуществление надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовного преследования в соответствии со своими полномочиями, а также выполнение иных функций (ст. 1, 11 Федеральный закон от 17 января 1992 г. №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»).

Важно отметить, что зарождение и становление российской прокуратуры началось в XVIII веке. Указом об установлении должности прокуроров в надворных судах и Указом о должности генерал-прокурора Петра I в 1722 г. была сформирована прокуратура в России. Перед прокуратурой ставилась задача ослабления беззакония в сфере правопорядка. Первым Генерал-прокурором при Правительствующем Сенате был ближайший сподвижник Петра I - граф П. И. Ягужинский. В Указе Екатерины II 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи» указывалось, что губернские прокуроры осуществляют надзор за охранной правопорядка, за деятельностью мест заключения и судов, а также в производстве дел. В результате судебной реформы 1864 г. прокуратура из института, осуществляющего надзор за исполнением законов, преобразовалась в структуре исполнительной власти в орган уголовного преследования. После провозглашения советской власти прокуратура была упразднена Декретом №1 1917 г. «О суде» СНК. В течение непродолжительного времени назрела необходимость восстановления института прокуратуры. В 1922 г. ВЦИК РСФСР утвердил Положение о прокурорском надзоре, в соответствии с которым учреждалась Государственная прокуратура, во главе которой в качестве Прокурора Республики стоял Народный Комиссар Юстиции. Утвержденное в декабре 1933 г. Положение о Прокуратуре СССР положило начало самостоятельности органов прокуратуры от каких-либо других органов государственной власти, отделению прокуратуры в независимый институт прокурорского надзора. В 1979 г. был принят Закон СССР «О прокуратуре СССР», в котором определялись задачи прокуратуры, вся деятельность которой должна быть направлена на укрепление социалистической законности, правопорядка, охрану от всяких посягательств общественного строя СССР. После распада СССР и провозглашения Российской Федерации демократическим правовым государством большинство учрежденных ранее и действовавших в стране правоохранительных органов, включая прокуратуру, были сохранены (Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации") [2, с. 24-31].

Деятельность прокуратуры в области защиты прав и свобод человека и гражданина осуществляется в форме надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а именно рассматривает и проверяет заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина; разъясняет пострадавшим порядок защиты их прав и свобод; принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба (ст. 27 Федеральный закон от 17 января 1992 г. №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»). Так, например, в рамках надзорного сопровождения реализации национальных проектов в 2021 году на территории Амурской области по итогам прокурорской проверки в мировых судах создана инфраструктура для электронного приема исковых заявлений и проведения заседаний в режиме ВКС (национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»).

Органы прокуратуры осуществляют общие полномочия по защите прав человека, но в рамках этого выделяются и исключительные функции в отношении защиты прав несовершеннолетних и молодежи. Г. Н. Королёв пишет, что надзор за соблюдением прав несовершеннолетних и моло-

дежи, как одно из направлений прокурорской деятельности, должен получить статус отрасли прокурорского надзора и найти законодательное закрепление в отдельной норме Федерального закона о прокуратуре [3, с. 291-297].

В рамках разрешения заявлений, жалоб и иных обращений законодательством о прокуратуре определено, что поступающие в ее органы заявления и жалобы, иные обращения рассматриваются в порядке и сроки, установленные федеральным законодательством (ст. 10 Федеральный закон от 17 января 1992 г. №2202-І «О прокуратуре Российской Федерации»), а именно поступившее письменное обращение должностному лицу рассматривается в течение 30 дней со дня регистрации письменного обращения (ст. 12 Федеральный закон от 2 мая 2006 г. №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»). На основании вышеуказанных законов был издан Приказ Генпрокуратуры России от 30.01.2013 №45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации», в котором подробно трактуется рассмотрение обращений, уточняются сроки рассмотрения обращений (например, рассмотрение жалобы ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны устанавливается в срок 15 дней со дня их регистрации в органах прокуратуры РФ, а не требующие дополнительного изучения и проверки – 7 дней (п. 5.1.1)), направление ответов на обращения, а также организация приема заявителей [4, с. 45-49]. КоАП РФ предоставил прокурору исключительные полномочия по инициированию привлечения к административной ответственности должностных лиц органов государственной власти, местного самоуправления, организаций, осуществляющих публично-значимые функции, которые допустили нарушение порядка рассмотрения обращений граждан и юридических лиц. Так, в сентябре 2021 года вступили в законную силу и исполнены судебные акты о привлечении к административной ответственности по статье 5.59 КоАП РФ ряда должностных лиц Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, вынесенные по итогам рассмотрения постановлений первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации.

Деятельность прокуратуры не ограничивается рассмотрением обращений граждан. Участие прокуратуры в правотворчестве имеет большое предупредительное значение посредством устранения нарушений законоположений на этапе подготовки правовых актов. Участие прокуроров в правотворческой деятельности с целью защиты человека, его прав и свобод становится реальным только тогда, когда одновременно осуществляется обеспечение верховенства закона (ст. 9, 9.1 от 17 января 1992 г. N 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации»). В целях обеспечения надлежащей организации работы в этой сфере Генеральный прокурор РФ издал приказ от 17 сентября 2007 г. №144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления», которым утверждено Положение об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры. Основными направлениями правотворческой деятельности прокуратуры являются инициативная разработка проектов нормативных правовых актов, непосредственно связанных с компетенцией органов прокуратуры; участие в подготовке законопроектов, разрабатываемых другими органами государственной власти; подготовка правовых заключений на законопроекты и иные нормативные правовые акты, проведение антикоррупционной экспертизы [5, с. 47-58]. В 2020 году органы прокуратуры охватили антикоррупционной экспертизой почти 500 тысяч нормативных правовых актов. Было выявлено 36 тыс. нормативных правовых актов, содержащих свыше 33 тыс. коррупциогенных факторов. С целью их исключения прокурорами внесено 2,5 тыс. требований, принесено 33 тыс. протестов, направлено 37 исков (заявлений) в суды, внесено более 600 представлений и направлено 52 информации [6].

Важным механизмом в защите прав человека и гражданина является проведение прокурорских проверок исполнения законодательства. «Проверки исполнения законов проводить на основании поступившей в органы прокуратуры информации, а также других материалов о допущенных правонарушениях, требующих использования прокурорских полномочий, в первую очередь – для защиты общезначимых или государственных интересов, прав и законных интересов групп населения» (п. 6 приказа Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 №195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»). Работники прокуратуры проверяют соблюдение Конституции и законодательства РФ, а также законность соблюдения прав и свобод человека и гражданина. В связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией в стране, важно позаботиться о правах человека и гражданина в сфере охраны здоровья (ст. 41 Конституции РФ). Так, прокуроры Орловской, Саратовской и Ростовской областей в 2020 году

проводили проверки в связи со вспышками коронавирусной инфекции у работников и воспитанников специализированных детских учреждений [7].

Одним из полномочий работников прокуратуры является осуществление защиты прав человека в судопроизводстве. Органы прокуратуры реализуют свои полномочия в различных сферах судопроизводства. Так, И. И. Головкин определяет участие прокурора в рассмотрении гражданских дел судами в двух формах: путем обращения в суд с заявлением и путем вступления в процесс для дачи заключения [8, с. 143-148]. В уголовном судопроизводстве поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность (ст. 37 УПК РФ). В административном судопроизводстве принимает участие посредством обращения в суд с административным иском с заявлением и путем вступления в процесс для дачи заключения (ст. 39 КАС РФ). Так, в определении Судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 29.07.2015 по делу №33-1652/2015, согласно которому прокурор Октябрьского района г. Рязани обратился в суд в интересах несовершеннолетнего с иском к отцу о лишении родительских прав по факту возбуждения уголовного дела по ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего). Суд, выяснив обстоятельства данного дела, удовлетворил исковые требования, вынес решение о лишении отца родительских прав.

Еще одно направление деятельности прокуратуры в рамках защиты человека, его прав и свобод — это международное сотрудничество. В начале 2022 года в рамках празднования 300-летия прокуратуры России Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов провел встречу с Генеральным прокурором Словацкой Республики Марошем Жилинкой, отметив, в первую очередь, активизацию российско-словацкого прокурорского взаимодействия в таких сферах, как – противодействие коррупции, экологические правонарушения, распространение террористических и экстремистских идей, пути по борьбе с киберпреступностью, незаконное перемещением финансовых. В октябре 2021 года Генеральная прокуратура Российской Федерации подписала соглашение с Международной Ассоциацией Прокуроров о придании постоянного статуса региональному представительству в Санкт-Петербурге. Важно отметить, что на сегодняшний день российской прокуратурой межведомственные договоренности о взаимодействии заключены с партнерами более чем из 70 государств мира, со многими действуют специализированные двусторонние программы.

Становится все более актуальной задачей для органов прокуратуры обеспечить взаимодействие с различными институтами гражданского общества. Одним из направлений разрешения сложившейся ситуации стало подписание Генеральным прокурором РФ 17 декабря 2002 г. указания «Об организации взаимодействия органов прокуратуры с правозащитными и иными общественными организациями». Самыми распространенными формами сотрудничества выступают договора о сотрудничестве, соглашения о сотрудничестве (Соглашение между прокуратурой Смоленской области и общественной организацией «Смоленское областное объединение организаций профсоюзов»), организация работы общественных советов и контрольных комиссий (общественный совет при прокуратуре Санкт-Петербурга). Совершенно новой формой взаимодействия становятся общественные советы, которые создаются при прокуратурах [9, с. 54-58].

Важно отметить, что прокуратура играет большую роль в воспитательной работе с молодежью, планирующей в будущем обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина – в рамках подготовки к празднованию Дня работника прокуратуры Российской Федерации состоялась встреча со студентами МГЮА им. Кутафина и Университета прокуратуры Российской Федерации, в рамках которой были проведены лекции об истории создания и развития органов прокуратуры, специфике осуществления и организации прокурорского надзора.

С учетом изложенного прокуратуре следует отвести в системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина роль и место многофункционального органа государственной власти, осуществляющего как охрану, так и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Список цитируемой литературы:

1. Бабаев С.Н. Участие прокуратуры в реализации правотворческой функции. «Вестник ВГУ. Серия: Право». Воронеж, №3 (18). 2014. С. 47-58.
2. Генеральная Прокуратура Российской Федерации: [сайт]. Новости. Работа органов прокуратуры Российской Федерации в первом полугодии 2021 года по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов.

URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64159317>

3. И. Егоров. Генпрокурор РФ лично проверит резонансные факты нарушений прав детей. «Российская газета». Москва, 2020. URL: <https://rg.ru/2020/05/29/reg-cfo/genprokuror-rf-lichno-proverit-rezonansnye-fakty-narushenij-prav-detej.html>

4. Королев Г. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи как приоритетное направление надзорной деятельности современной российской прокуратуры. Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: сборник материалов международной научно-практической конференции. Чебоксары, №3. 2018. С. 291-297.

5. Любушкин В. А., Зотов М. А. История становления российской прокуратуры. «КОНТЕНТУС». Саранск, №11 (64). 2017. С. 24-31.

6. Малюкова А. В. Прокуратура в системе обеспечения прав человека. Прокуратура в системе обеспечения прав человека: сборник материалов научно-практического семинара. Москва: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2016. С. 143-148.

7. Мусаева Г. М. Роль прокуратуры РФ в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ. «Юридический вестник ДГУ». Махачкала, №3. 2014. С. 75-78.

8. Рудакова Е. К., Устинкин С. В., Эминов Д. С. О. Проблемы взаимодействия прокуратуры РФ и НПО по вопросу соблюдения прав человека в России. «Власть». Москва, №12. 2015. С. 54-58.

9. Тысячная С. В. Роль прокуратуры в реализации конституционных принципов защиты человека, его прав и свобод. «Пробелы в российском законодательстве». Москва, №4. 2010. С. 45-49.

Сведения об авторе:

Чамова Алиса Владимировна – студент юридического института ФГБОУ ВО «МГЮА им. Кутафина (Московский государственный университет им. О. Е. Кутафина)»; alicyandr@mail.ru

Научный руководитель – Нарутто С.В., кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «МГЮА им. Кутафина (Московский государственный университет им. О. Е. Кутафина)»

Попов К.А.

ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, УЛУЧШЕНИЯ ДЕЛОВОГО КЛИМАТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УВЕЛИЧЕНИЯ ЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

***Аннотация:** В данной статье автор анализирует 22 Главу УК РФ ее проблемы и их решения способы решения, а также правоприменительную практику указанной Главы Уголовного Закона.*

***Ключевые слова:** Уголовный Кодекс, экономические преступления, административная преюдиция, декриминализация, административные правонарушения.*

Начнем с того, что Глава 22 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ, Уголовный Закон) [1] многократно критиковалась как представителями бизнес кругов и деятелями доктрины, так и лицами, замещающими государственные должности, за излишнее уголовно-правовое внимание, даже давление, к предпринимателям. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин практически ежегодно обращает внимание федерального законодателя на данную проблему, так в 2016 году он призывал к прекращению чрезмерной активности правоохранительных органов в бизнесе [2], также в 2018 году В. В. Путин акцентировал внимание, что Уголовный Закон «должен перестать быть инструментом решения хозяйственных споров между юридическими лицами» [3].

Отметим, что «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве одной из угроз называет «высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере» [4]. По нашему мнению, 22 глава УК РФ во многом способствует не преодолению обозначенного угрозы.

В подтверждение нашей позиции уместно процитировать пример, приведенные Е. В. Медведевым [5, с. 46]. Суть заключается в том, что сотрудники правоохранительных органов захотели провести беседу с руководителем юридического лица «по поводу его слишком успешного бизнеса». Предприниматель, естественно, от подобных переговоров с «контрагентами» отказался, после чего

мгновенно было возбуждено уголовное дело. Особого внимания заслуживает тот факт, что возбуждено оно было по статье 171 УК РФ, несмотря на наличие всех необходимых лицензий, для законного осуществления предпринимательской деятельности. В конце концов дело получило широкую огласку и большой общественный резонанс, постановление о возбуждении уголовного дела было отменено вышестоящей инстанцией как незаконное и необоснованное.

Однако, стоит отметить, что до отмены постановления на «прозрачного» предпринимателя оказывалось колоссальное давление в связи с чем им было принято решение о прекращении предпринимательской деятельности. От подобных недобросовестных действий сотрудников правоохранительных органов проигрывают все, предпринимателя лишили постоянного источника дохода, общество – качественно предоставляемых услуг, а государство в свою очередь – налогов и сборов. Подобное применение уголовного закона является абсолютно некорректным.

Помимо недобросовестного применения статей 22 Главы УК РФ у названной главы существует еще целый ряд проблем, которые во многом способствуют использованию норм с целью удовлетворения интересов отдельных личностей и не имеют ничего общего с задачами, обозначенными Уголовным Законом. Так, А. В. Тесленко выделяет следующие проблемы:

1. Динамичное изменение Главы устанавливающей ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, которое подчас законодателем проводится непродуманно и непоследовательно.

2. Перенасыщение данной главы УК РФ

3. Большинство норм имеют бланкетный характере

4. И другие [6, с. 89]

Для решения этих многих других недоработок 22 Главы УК РФ представителями доктрины предлагается целый комплекс мер, которые будут способствовать обеспечению конституционного права на свободу предпринимательской деятельности, устойчивому экономическому росту, повышению конкуренции, увеличению налоговых поступлений в бюджет и так далее. На предлагаемых изменениях считаем необходимо остановиться более подробно.

В качестве первого способа решения данных проблем рассматривается частичная или полная декриминализация или депенализация ряда составов преступлений и перевод их в разряд административных правонарушений.

Под декриминализацией понимается «процесс, в рамках которого устанавливаются основания отпадения общественной опасности деяний, признается нецелесообразность противодействия им уголовно-правовыми средствами и отменяется уголовная наказуемость» [7, с. 82].

Декриминализация целого ряда статей 22 Главы УК РФ представляется вполне уместной, так как некоторые составы не представляют той степени общественной опасности, которая свойственна преступлениям. А наличие подобных составов в Уголовном законе позволяет их применять правоохранительным органам «творчески» порой даже «креативно», что не способствует снижению уголовно-правового внимания к предпринимателям. Выше был приведен пример, демонстрирующий такое применение.

Так вполне уместно было бы декриминализировать статью 171 УК РФ потому, что она не только часто инкриминируется субъектам незаконно и необоснованно, но и содержит в себе составы преступлений, предусмотренные другими нормами Уголовного Закона. К примеру, Верховный Суд Российской Федерации в постановлении пленума от 18 ноября 2004 г. N 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», разъяснял, что «действия лица, занимающегося частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью без соответствующего специального разрешения (лицензии), если они повлекли по неосторожности причинение вреда здоровью или смерть человека, надлежит квалифицировать по соответствующей части статье 235 УК РФ» [8], а не по статье 171 УК РФ.

Однако, существуют деяния, которые охватываются только статьей 171 Уголовного Закона. Так в соответствии с Федеральным Законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 N 99-ФЗ частная охранная деятельность подлежит лицензированию [9], а ее осуществление без соответствующей лицензии образует состав преступления, предусмотренный ст. 171 УК РФ. Однако, в связи с этим возникает вопрос, как предоставление охранных услуг лицом без личной карточки охранника может нанести крупный ущерб?

Представляется, что данная статья однозначно должна быть декриминализована и переведена в разряд административных правонарушений.

Депенализация в отличие от декриминализации представляет собой процесс устранения и уголовной, и административной ответственности, то есть признание ранее противоправного деяния

абсолютно легальным. По нашему мнению, депенализация не является оправданной мерой, так как деяния предусмотренные 22 Главой УК РФ, все-таки представляют общественную опасность, другой вопрос, что степень общественной опасности не всегда совпадает с общественной опасностью присущей преступлению.

Исходя из этого полагаем, что ряд составов преступлений должны быть переведены в разряд только административных правонарушений.

Другим способом решения названных проблем 22 Главы Уголовного Закона является введение в составы преступления, предусмотренной данной главой, административной преюдиции.

Под административной преюдицией понимается привлечение к уголовной ответственности лица ранее совершившего, аналогичному преступлению, административное правонарушение, подвергнутого административному наказанию, в течение срока, когда лицо, считается подвергнутым административному наказанию.

Представителями доктрины выделяются и функции, которые она выполняет для гуманизации уголовного Законодательства к ним относятся:

1. предупреждение преступлений;
2. ограничение уголовной репрессии злостными случаями нарушения правовых запретов;
3. декриминализация преступлений, обладающих небольшой степенью общественной опасности;
4. отграничение административных правонарушений от преступлений [10, с. 152 - 169.]

Данный институт уголовного права на сегодняшний день не сильно распространён в Уголовном Законе и является новым для УК РФ. Административная преюдиция предусмотрена всего в 16 составах преступления. Причем из 61 статьи УК РФ, предусмотренных 22 Главой Уголовного Закона административная преюдиция используется только в 4 статьях, а именно: 171.1, 171.5, 191, 193.

Необходимо сказать, что с помощью данного института уголовного права может производиться и частичная декриминализация составов преступления, предусмотренных 22 Главой УК РФ, с оставлением уголовной ответственности за наиболее злостные или неоднократные нарушения Законодательства Российской Федерации.

Введение административной преюдиции в качестве обязательного элемента состава преступления представляется не всегда возможным. Так, к примеру, введение административной преюдиции, как обязательного элемента состава преступления, невозможно в статье 189 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за «незаконный экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники» [11]. Высокая степень общественной опасности данного деяния просто не позволяет включению подобного деяния в КоАП РФ.

Также для применения данного института уголовного права немаловажную роль играет и уровень повторяемости преступления. А. Б. Коновалова и И. Н. Мосечкина справедливо полагают, что «фактически виновное лицо будет осознавать, что за первый раз совершения деяния ему «ничего не будет», а второй раз - уже не потребует или потребует после завершения периода, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию» [12, с. 52]. Авторы утверждают, что введение института административной преюдиции невозможно в статьях 195, 196, 197 УК РФ, предусматривающих ответственность за неправомерные действия при банкротстве, в связи с тем, что данная процедура длительное время [12, с. 55]. Позиция А. Б. Коновалова и И. Н. Мосечкина представляется абсолютно верной, так как процесс применения положений Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» может занимать до 18 месяцев [13], а лицо считается подвергнутым наказанию в течение года со дня вступления постановления о назначении административного наказания либо с момента оплаты административного штрафа, если оно оплатило его до вступления постановления о назначении административного наказания в законную силу [14].

Важным процессуальным аспектом считаем необходимость того, чтобы дело об административном правонарушении и уголовное дело расследовались различными государственными (правоохранительными) органами. Нужно это для исключения любой личной заинтересованности недобросовестных государственных служащих в целях личного обогащения.

Введение института административной преюдиции в большее количество статей 22 Главы УК РФ позволит снизить уголовно-правовое внимание к добросовестным предпринимателям, что будет способствовать улучшению делового климата, привлечению иностранных инвестиций, повы-

шению конкуренции и соответственно устойчивому экономическому росту, а также позволит обеспечить баланс интересов деловых кругов и органов государственной власти, государственных органов, как представителей государства.

Третий способ решения проблем 22 Главы УК РФ предложил Верховный Суд Российской Федерации, который, воспользовавшись правом законодательной инициативы, внес в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект Федерального Закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» [15], который может ввести новое понятие для уголовного права Российской Федерации «уголовный проступок». Под ним понимается совершение преступления небольшой или средней тяжести, совершенные впервые. Данное понятие распространяется на указанный и исчерпывающий перечень деяний, которые могут быть признаны не преступлениями, а уголовными проступками. Также данный проект Федерального Закона может расширить перечень оснований освобождения от уголовной ответственности, при определенных условиях.

Таким образом, хочется отметить, что в действующем виде 22 Глава УК РФ не способствует улучшению делового климата в стране, а ситуация, сложившаяся в области правоприменительной практики данной Главы Уголовного Закона – является недопустимой для правового государства. В свою очередь Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений отметил, что провозглашение России демократическим правовым государством обязывает государство по смыслу ч. 1 ст. 45 Конституции во взаимосвязи с ее ст. ст. 2, 17 и 18 создавать наиболее благоприятные условия для рыночной экономики, в том числе путем непосредственно-регулирующего государственного воздействия [16].

Подводя итог, отметим, что для обеспечения конституционного права на свободу предпринимательской деятельности [17], развития малого и среднего бизнеса, увеличения экономического роста нужно снизить уголовно-правовое внимание к деловому сообществу. Для этого в свою очередь законодателю необходимо полностью качественно и системно переработать 22 Главу УК РФ, так или иначе используя обозначенные способы решения, уже применяемые в уголовном законе.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный Кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 года. № 63-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Путин потребовал прекратить «бесконечные проверки» и давление на бизнес [Электронный ресурс]: новости от 01.12.2016 – Режим доступа: URL: <http://forbes.ru/biznes/348759-resheniy-nedostatochno-putin-potreboval-prekratit-beskonechnye-proverki-i-davlenie-na> (дата обращения: 14.01.2022).
3. Путин заявил о недопустимости использования УК для давления на бизнес [Электронный ресурс]: новости от 01.03.2018 – Режим доступа: URL: <https://rbc.ru/rbcfreenews/5a97d4b69a794773b5bcf2c1> (дата обращения: 14.01.2022).
4. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 года № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2017. – ст. 2902
5. Медведев, Е. В. Незаконное предпринимательство в свете перспектив гуманизации уголовного законодательства России / Е.В. Медведев. - Текст: непосредственный // Безопасность бизнеса. - 2019. - № 5. - С. 44 - 48.
6. Тесленко, А. В. Уголовный кодекс - инструмент репрессии или защиты добросовестных предпринимателей? / А.В. Тесленко. - Текст: непосредственный // Закон. 2018. N 8. С. 84 - 92.
7. Наумов, А. В. Российское уголовное право: курс лекций / А. В. Наумов. 3-е издание переработанное и дополненное. – Москва : Юридическая литература, 2004. – 496 с. – ISBN 5-7260-1022-1. Текст: непосредственный.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2004 года № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Российская газета. – 2004. - № 271.
9. Российская Федерация. Законы. О лицензирование отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 04.05.2011 года № 99-ФЗ / Российская Федерация. Законы. - Текст: непосредственный // Российская газета. – 2011. № 97.
10. Эргашева З. Э. Административная преюдиция в уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. С. 215.

11. Российская Федерация. Законы. Уголовный Кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 года. № 63-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
12. Коновалова, А. Б., Мосечкин, И. Н. О применении института административной преюдиции в борьбе с преступлениями в сфере экономической деятельности / А. Б. Коновалова, И. Н. Мосечкин. – Текст : непосредственный // Безопасность бизнеса. 2017. N 6. С. 50 - 56.
13. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 года № 127-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст : непосредственный // Российская газета. – 2002. № 209-210.
14. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 года № 195-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст : непосредственный // Российская газета. – 2001. - №256.
15. Российская Федерация. Проект закона. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка. Российская Федерация. Проект закона. – Текст: электронный. - URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7
16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // Российская газета. - 2005. - № 293.
17. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации [Текст] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ] / Российская Федерация. Конституция (1993) // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 31. - Ст. 4398.

Сведения об авторе:

Попов Кирилл Алексеевич – студент юридического факультета ВУИ (ф) РАНХиГС при Президенте РФ; krorov570@gmail.com

Научный руководитель – Голоманчук Э. В. кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права ВУИ (ф) РАНХиГС при Президенте РФ

Спирида А.Д. ИСТОРИЯ ФЛОТСКОЙ ПРЕФЕКТУРЫ И ЕЁ МЕСТО В СИСТЕМЕ РИМСКОГО КОМАНДОВАНИЯ

***Аннотация:** Предметом статьи является флотская префектура Римской империи I–II вв. Роль и место префектов флота в системе военного командования рассматриваются в связи с анализом формировавшейся в данный период схемы всаднической военной и административной карьеры. На основании литературных и эпиграфических источников показаны предпосылки и этапы эквитской карьеры. В статье обосновывается точка зрения о возраставшей заинтересованности императоров в использовании назначенцев из числа всадников – в качестве альтернативы командирам и администраторам из среды сенаторов. Подчеркивается, что интерес со стороны всадников к участию в государственных делах также возрастал, что нашло выражение в стремлении эквитов запечатлеть этапы своей карьеры в соответствующих надписях. Соответственно, в статье рассматривается проблема постепенного встраивания флотской префектуры в систему эквитских постов. Показано, что итогом стало превращение данной префектуры в должность прокураторского уровня. Последнее находит объяснение в важной роли, которую римские флотские соединения играли в обеспечении римского господства как в центральной части государства, так и на далекой его периферии.*

***Ключевые слова:** флот Римской империи, императорская власть, римское всадничество, эквитская карьера, префектура, провинции, прокураторы, римское командование.*

Введение

Римская флотская префектура – явление, изученное далеко не полностью. Своей эволюцией она отражает процесс становления и развития не только римских военноморских сил, но и админи-

стративного аппарата империи. В условиях «республиканской монархии» бюрократизация государственного аппарата управления была лишь вопросом времени [5. с. 783]. Императорские вольноотпущенники, столь значимые в качестве доверенных лиц и назначенцев Юлиев-Клавдиев, должны были постепенно уступить место всадникам как более авторитетным представителям принцепса, к тому же способным составить реальную политическую конкуренцию сенаторам, оставаясь при этом зависимыми от воли императора.

Результаты исследования

Необходимо отметить, что занятие флотской префектуры не было основным способом продвижения по всаднической карьерной лестнице. Вообще начальный этап этой лестницы был связан с прохождением военной службы на офицерских должностях уровня от командира когорты до префекта алы [3. с. 57–58]. В этой связи принято говорить о *militiae equestres*, т. е. о военном этапе эквитской карьеры, состоявшей обычно из трех таких должностей, последовательно занимавшихся всадником в течение нескольких лет. Для этого, как и для занятия сенаторских командирских постов, достаточно было принадлежности к данному сословию, в то время как предварительный армейский опыт не требовался [17. р. 255]. Зато этап *militiae equestres* считался необходимым для последующего назначения эквита на административные должности прокураторского уровня [7. с. 390].

Если верить Светонию (Suet. Claud. 25. 1), данная система в общих чертах определилась при императоре Клавдии. Далее император Вителлий за время своего недолгого правления (всего несколько месяцев 69 г.) продолжил заменять на важных административных должностях императорских вольноотпущенников всадниками (Tac. Hist. I. 58. 1). Это не могло не способствовать усилению позиций всадников также и в качестве командиров. Соответственно, при императоре Адриане (117–138), как предполагает, опираясь на данные эпиграфики, Сеголен Демужэн, в рамках *militiae equestres* был добавлен четвертый пост – префекта двойной алы, а система всаднической карьеры приобрела заверченный вид [18. р. 353–355].

Что касается продолжительности *militiae equestres*, то в науке высказываются различные мнения. Ряд историков, исследующих римскую императорскую армию в целом, полагают, что на каждой из трех-четырёх должностей, занимавшихся эквитом в течение военного этапа его карьеры, он проводил в среднем три года [44. р. 113; 3. с. 57; 23. р. 335; 41. р. 129]. Эти данные, очевидно, восходят к предположению Эрика Бирли, сделанному им еще в середине XX в. [11. р. 137]. Однако Питер Брант, специально изучавший вопрос о всаднической службе, убедительно опроверг аргументы Бирли, доказав, что служба на каждой такой командирской должности продолжалась обычно лишь год [14. р. 47].

Нет оснований сомневаться в том, что флотская префектура эквитов в основном должна была характеризоваться схожими условиями ее прохождения. Между тем впервые две постоянные флотилии для защиты Италии были созданы еще Августом. Они были дислоцированы в Равенне и Мизене [35. р. 472]. Впрочем, в период правления Августа и затем Тиберия командование над обоими флотами – Равеннским и Мизенским – не стало еще интегральной частью эквитского *cursum honorum*. Лоуренс Кеппи пишет: «При Августе триерархов и навархов часто набирали в приморских городах-государствах (греческого) Востока. В то время префекты флота обычно назначались из числа военных трибунов или старших центурионов» [2. с. 437].

К тому же в науке существует обоснованное мнение о том, что флот Римской империи не играл существенной роли в ее военной организации, что было связано с превращением Средиземного моря после битвы при Акции в римское *mare nostrum* [1. с. 34–35]. Явно неполноправное в сравнении с армией положение флота, по мнению многих исследователей, означало и относительно невысокий вначале статус флотских префектов. Кеппи дает здесь следующее объяснение: «Командование флотом больше не требовало специальных мореходных знаний или особых склонностей к военным действиям на море; единственным требованием теперь оставались лишь административные навыки» [26. р. 186]. В другом месте этот исследователь высказывается по поводу префектов Мизенского и Равеннского флотов: «им не требовалось воинского опыта, поскольку их обязанности были в основном административными, и порой одним из префектов флота становился вольноотпущенник императора, пользовавшийся особым доверием последнего» [2. с. 448]. Показательно также, что в условиях кризиса 68–70 гг. человеческие ресурсы италийских флотов были использованы, чтобы сформировать два новых легиона – I и II Вспомогательные (Tac. Hist. II. 43, 67; Dio LV. 24. 2).

Что касается такого критерия значимости флота, как численность в сравнении с сухопутными силами, то Ян Ле Боэк предполагает, что во всей Римской империи на флоте служило около 40 тыс. человек, т. е. чуть более 10 % всех вооруженных сил государства, составлявших около 300

тыс. [3. с. 48]. «Общую численность обоих (италийских) флотов можно оценить лишь ориентировочно, примерно в 15–20 тыс. чел., которые составляли экипажи приблизительно семидесяти пяти – ста кораблей» [2. с. 437]. Провинциальные флоты были явно меньше. Например, флоты в Сирии и Египте насчитывали, вероятно, по 2,5 тыс. чел. [27. S. 37]. Разумеется, как-то влиять на политическую ситуацию в этих условиях могли лишь командиры Мизенского и Равеннского флотов.

Чем была флотская префектура, мы можем судить, как правило, исходя из данных эпитафии. Эквиты в эпоху Империи быстро усвоили традицию военачальников и администраторов сенаторского ранга отображать этапы своей карьеры в торжественных надписях [15. p. 285; 17. p. 256–260], что дало возможность исследователям реконструировать некую общую схему всаднической карьеры. Первым, кто осуществил эту работу, был Ханс-Георг Пфлаум. Пфлаум связывал возникновение всаднических рангов уровня прокуратуры с градуированием вознаграждения за занятие эквитской должности. Так, в четвертой главе второй части своего просопографического труда «Прокураторы в Ранней Римской империи» [32. 210–296] Пфлаум пишет о прокураторских рангах, определявшихся суммой официального вознаграждения прокуратора. Согласно мнению автора, не только между рангами, но и внутри них существовала некая иерархия. Пфлаум заключает, что прохождение этих карьерных ступеней было «великим правилом римской иерархии» (*la grand règle de la hiérarchie romain*) [32. p. 295].

Префекты Мизенского и Равеннского флотов получали вознаграждение, аналогичное тому, которое полагалось командирам легионов, имевшим сенаторский ранг [28. S. 303]. Следовательно, обе италийские флотские префектуры причислялись к высшим командным постам. Пфлаум относит должность префекта Равеннского флота к третьей по престижности среди всех всаднических, занятие которых вознаграждалось двумястами тысячами сестерциев, а пост префекта Мизенского, соответственно, ставит еще выше [32. p. 254]. Соответственно, флотские префектуры, вознаграждавшиеся ста тысячами сестерциев, должны считаться более высокими в сравнении с прокураторскими постами, за которые полагалась аналогичная сумма. Конкретно, по мнению Пфлаума, три префектуры, которые предполагали оперирование в открытом море (Британского, Германского и Понтийского флотов), относились к такому высшему «эшелону» [32. p. 235]. Можно сказать, что «Клавдий интегрировал обе италийские флотские префектуры в прокураторскую иерархию» [32. p. 47]. Возможно также, что первые провинциальные флотилии были организованы также при нем.

Обоим же италийским флотам было присвоено, вероятно, при Веспасиане [32. p. 47] или Домициане [26. p. 187] почетное определение *praetoria*. По мнению Ги Вагнера, Мизенский флот «получил звание преторианского в 71 г. и потерял его после переноса столицы из Рима в Константинополь в 330 г.» [43. p. 129]. Но возможно также, что италийские флотилии просто принадлежали к главной императорской ставке – *praetorium* [9. p. 47]. Т. е. это может означать, что италийские флотилии, поскольку они базировались близ Рима, находились под верховным командованием самого императора [21. p. 210]. Интересно мнение, согласно которому «Мизенский флот был в основном вовлечен в гражданские дела, в то время как Равеннский в основном был сосредоточен на военных функциях» [29. p. 95]. Как полагает Алка Кунич, личный состав Равеннского флота составлял 5 тыс. чел. (33 корабля этого флота зафиксированы источниками), а Мизенский флот был в два раза больше – 10 тыс. чел. и 76 кораблей [29. p. 97]. Разумеется, Мизенский флот выглядит здесь более значимым, что подтверждает мнение Пфлаума о преимущественном значении должности командира Мизенского флота. С другой стороны, «не известно, был ли размер Мизенского флота больше, чем Равеннского» [20. S. 88].

Однако, для полноты картины, представляется необходимым оценить также роль префектов провинциальных флотов. Наиболее естественным здесь представляется рассмотреть положение и функции тех военно-морских сил, которые таким командирам эквитского статуса были поручены. Например, Британский флот был римлянами создан между 40 и 43 гг. I в. н. э. в процессе подготовки императора Клавдия к вторжению на Британские острова [24. p. 132]. Главной базой этого флота была Бонония (совр. Булонь). В 1-й пол. II в. стоянка этого флота переместилась в порт Дубры (*Portus Dubris*, или *Dubrae* – совр. Дувр). К сожалению, «о британском флоте известно не очень много. Так, не известны типы и количество кораблей, как и количество моряков (возможно, не менее 500). Наиболее вероятно, что основным типом кораблей здесь был либурн» [24. p. 40]. Удивительно, но некоторые префекты британского флота, очевидно, могли иметь ранг центуриона (CIL VI. 1643). Главной функцией этого флота была скорее всего невоенная. Как полагает, опираясь на данные эпитафии, Пол Холдер, «это была по преимуществу транспортировка железа на континент» [24. p. 132]. Как бы там ни было, «к концу III в. Британский флот, вероятно, перестал существовать, будучи разделен на небольшие эскадры, которые разместились при фортах Саксонского берега» [24. p. 133].

Мы можем предположить, что данное рассредоточение было связано с разделением самой Британии на новые провинции.

Германский флот использовался главным образом для переброски войск с одного берега Рейна на другой. «При Августе и в начале правления Тиберия флоты играли важную роль в римской экспансии вглубь Германии... Они использовались как транспортное средство и для проведения разведывательных операций» [37. р. 225]. Возможно, в самом начале на Рейне были созданы временные флотилии и лишь затем – постоянный Германский флот. Его главная база расположилась тремя километрами южнее Колонии Агриппины [31. р. 146]. Однако надо учитывать при этом, что римский флот оперировал в этом регионе еще до учреждения германских провинций. Тиберий (Velleus II. 106. 2–3) и Германик (Tac. Ann. I. 45. 3, 60. 3, II. 6. 2) использовали флот для транспортировки своих войск. Друз Старший «первым из римских военачальников совершил плавание по северному Океану и прорыл за Рейном каналы для кораблей» (Suet. Claud. 2). «Как наместник Нижней Германии Корбулон преследовал пиратов вдоль галльского побережья в 47 г. н. э., выведя в море корабли из устья Рейна (Tac. Ann. XI. 18. 2)» [25. 102].

Позже система каналов сделала возможным переброску войск из Средиземного моря на Северное море от начала до конца пути на судах (Tac. Ann. XIII. 53). «Можно предположить, что постоянный флот на Рейне был создан при Клавдии» [37. р. 220]. К сожалению, известны только несколько командиров Германского флота (CIL III. 782; CIL VI. 1643). «Те командиры, которые нам известны, являются исключительно выходцами из Средиземноморского региона и особенно Италии» [28. S. 331]. Как замечает Генрих Конен, командиры Германского и Британского флотов получали эти свои назначения только после *tres militia* [28. S. 331]. Это, в свою очередь, указывает на важное значение, которое играли данные флотские префекты в системе обороны указанных провинций.

Мёзийский флот был организован, вероятно, при Клавдии: «Флот на Дунае впервые упоминается в 50 г., когда вождь свевов был вынужден бежать к римлянам» [38. р. 398]. Трудно сказать, когда этот флот получил почетное звание «Флавианского». Возможно, это произошло при Веспасиане [6. с. 194] либо при Домициане [10. р. 133]. Карл Штробель замечает, что оба дунайских флота (Мёзийский и Паннонский) получили наименование «Флавианский» за ту роль, которую они и их префекты сыграли на Дунае в период Дакийских войн Домициана в 90-е гг. I в. [42. S. 16].

Несомненно, главной базой Мёзийского флота был Новиодун. Мёзийский флот оперировал как на Дунае, так и на Черном море. «Мёзийский Флавианский флот делился на две части – морскую и речную» [12. р. 32]. «Мёзийский Флавианский флот патрулировал западный и южный берега Черного моря. Подразделения флота базировались в Херсонесе и в Боспорском клиентском царстве» [46. р. 15]. К сожалению, о деятельности Мёзийского флота и его командиров в период Дакийских войн Траяна мы знаем лишь из изображений колонны Траяна. Некоторые сцены на ней показывают флот транспортирующим войска и снаряжение, отражающим диверсионные атаки даков, эскортирующим военачальников, включая самого Траяна [36. р. 132, 148, 149, 174].

Единственный мост через Дунай, построенный Аполлодором из Дамаска, не мог выполнить все логистические задачи, стоявшие перед римским командованием в этой зоне. Важная роль деятельности Мёзийского флота в ходе обеих Дакийских войн Траяна может быть удостоверена на основании того факта, что некоторые из высших офицеров консульского ранга получили флотскую награду – *согона классика* (ILS 1022). По мнению Тадеуша Сарновского, два хорошо известных (из письма наместника Мёзии I в. н. э. Флавия Сабина) эпарха – Азиатик и Аррунций Фламма – были командирами Мёзийского флота [39. р. 263–264]. Вероятно, кем-то из этих префектов для состава этого провинциального флота была организована система медицинской помощи, о которой сообщает надпись: *N. Seius Ga[---]ius medicus duplicar(ius) / [clas]sis Fl(aviae) Moes(icae)* (AE 1995, 1350).

Паннонский флот имел свою постоянную базу в Тавруне на р. Саве, недалеко от Сингидуна [45. р. 267]. По мнению Карла Штробеля, Паннонский флот получил наименование Флавианского за свое участие в Паннонской войне Домициана, которую тот вел в 89 г. [42. S. 83 п. 2]. Далее, обнаруженная в Керепесе надпись, посвященная Паннонскому Флавианскому флоту, позволила предположить существование флота в так и не созданных провинциях Сарматии и Маркомании [40. S. 732].

Во время правления Нерона был создан Понтийский флот. Его ядро состояло из кораблей, входивших во флот Понтийского царства, чья территория была римлянами захвачена в 62 или 64 г. н. э. В 66 г. этот флот состоял из 40 кораблей (Joseph. V.J. II. 366/7). Главным местом стоянки Понтийского флота, реорганизованного при Домициане, был Трапезунд или Синопа [22. р. 59]. Командир Понтийского флота руководил выполнением важных логистических функций [27. S. 39].

Сирийский флот, созданный, судя по данным, Веспасианом, был скорее береговой стражей, а не настоящим флотом, его главной стоянкой была Селевкия Пиерия, располагавшаяся недалеко от Антиохии [46. р. 17]. Между тем «подразделения этого флота стояли в Мавретании по крайней мере со времен Адриана и почти до конца правления Марка Аврелия» [8. р. 141].

В 197 г., готовясь к войне с Парфией, Септимий Север создал речную флотилию на Евфрате (Dio LXXV. 9) или Тигре (Herod. III. 9). В этом отношении Север, очевидно, повторил аналогичный опыт Траяна, также организовывавшего речные силы в связи с подобной же парфянской кампанией [8. р. 158–161]. Тем не менее «в отличие от других речных границ – по Рейну и Дунаю – реки Месопотамии не показывают присутствия здесь постоянного флота, как и Сирийский флот не выглядит задействованным здесь» [8. р. 163].

Таким образом, римский имперский флот образовывал в своей совокупности систему, которая охватывала не только Средиземное море, но практически всю Римскую империю. Из вышесказанного следует, что роль флота Римской империи могла быть достаточно существенной в том, что касается обеспечения стабильности не только на морских, но и на речных путях, причем как в центральной части государства, так и на далекой его периферии. В этой связи роль флотской префектуры уже не выглядит столь незначительной, какой она была, вероятно, при Августе. Можно предположить, что старшие офицеры флота (префекты и субпрефекты) не были настоящими флотоводцами, тем более в свете вышесказанного о преимущественно административном характере части флотских префектур. [19. р. 205–206; 4. с. 24–25].

Вывод

Постепенно роль эквитов как более лояльного и вместе с тем авторитетного слоя в римской администрации и армии возрастала – вплоть до реформ Галлиена, который вообще освободил сенаторов от участия в командовании вооруженными силами (Aur. Vict. Caes. XXXIII. 34). Отсюда следует, что назначение на командирские посты членов всаднического сословия может рассматриваться как выражение эволюционных изменений в римском государстве, развивавшемся в направлении бюрократизации государственной машины, где флотская префектура занимала достаточно важное место. Значимость этого положения обуславливалась не только преторианским статусом Мизенского и Равеннского флотов, но и, очевидно, возраставшей ролью флотов провинциальных.

Список цитируемой литературы:

1. Банников А.В., Морозов М.А. 2014. История военного флота Рима и Византии (от Юлия Цезаря до завоевания крестоносцами Константинополя). СПб., Евразия, 592.
2. Кеппи Л. 2018. Армия и военный флот. Пер. с англ. В кн.: Боумэн А.-К., Чэмплина Э., Линтотта Э. (ред.). Кембриджская древняя история. Т. 10: Империя Августа 43 г. до н. э. – 69 г. н. э. М., Ладомир: 424–453.
3. Ле Бозэ Я. 2001. Римская армия эпохи Ранней Империи. Пер. с франц. М., РОССПЭН, 400.
4. Махлаюк А.В. 2003. *Scientia rei militaris* (к вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии). Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1: 13–31.
5. Межерицкий Я.Ю. 2016. «Восстановленная республика» императора Августа. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 992.
6. Старр Ч. 2015. Флот Римской империи. Роль военно-морских сил в поддержании обороноспособности и сохранении античного государства со времен Октавиана Августа и до Константина Великого. Пер. с англ. М., Центрполиграф, 287.
7. Талберт Р. Дж. А. 2018. Сенат и посты, которые занимали в государстве сенаторы и всадники. Пер. с англ. В кн.: А.-К. Боумэн, Э. Чэмплина, Э. Линтотта (ред.). Кембриджская древняя история. Т. 10: Империя Августа 43 г. до н. э. – 69 г. н. э. М., Ладомир: 373–393.
8. Adams J.P. 1985. *Logistics of the Roman imperial army. Major campaigns on the eastern front in the first three centuries A. D.* Ann Arbor, University Microfilms International, 298.
9. Alföldy G. 1987. *Römische Heeresgeschichte*. Amsterdam, Verlag J.C. Gieben, 575.
10. Berard F. 1989. La cohorte I a Cilicum, la classis Flavia Moesica et les vexillations de l'armée de Mésie inférieure: À propos d'une inscription de Montana. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, Bd. 79: 129–138.
11. Birley E. 1953. The equestrian officers in the Roman army. In: Birley E. *Roman Britain and the Roman Army*. Kendal, Titus Wilson & son LTD, 1953: 133–153.
12. Bounegru O., Zahariade M. 1996. Les forces navales du Danube et de la Mer Noire aux Ier – VIe siècles. Oxford, Oxbow Books, 1996, XII, 124.

13. Bowie E. 2014. Becoming wolf, staying sheep. In: Madsen J.M., Rees R. (eds.). *Roman Rule in Greek and Latin Writing: Double Vision*. Leiden, Brill, 39–78.
14. Brunt P.A. 1983. Princes and Equites. *The Journal of Roman Studies*, vol. 73: 42–75.
15. Bruun C. 2015. Roman Government and Administration. In: Bruun C., Edmondson J. (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Epigraphy*. Oxford, Oxford University Press: 274–298.
16. Campbell B. 1988. Review: Reddé M. *Mare Nostrum: Les Infrastructures, le Dispositif et l'Histoire de la Marine Militaire sous l'Empire Romain*. *The Journal of Roman Studies*, vol. 78: 239.
17. Davenport C. 2019. *A History of the Roman Equestrian Order*. Cambridge, Cambridge University Press, xxv, 717.
18. Demougin S. 1988. *L'ordre équestre sous les Julio-Claudiens*. Rome, École Française de Rome, 923.
19. Devijver H. 1998. Commanders and officers of legio III Scythica. In: Kennedy D.L. (ed.), *The twin towns of Zeugma on the Euphrates: rescue work and historical studies*. Portsmouth, RI: 205–232.
20. Eck W., Lieb H. 1993. Ein Diplom für die classis Ravennas vom 22. November 206. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, Bd. 96: 75–88.
21. Forni G. 1986. I diploma militari dei classari delle flotte pretorie (inclusi quelli dei classari-legionari). In: Eck W., Wolff H. (Hrsg.), *Heer und Integrationspolitik die römischen Militärdiplome als historische Quelle*. Köln, Böhlau: 193–321.
22. French D.H. 1984. *Classis Pontica*. *Epigraphica Anatolica*, Bd. 4: 53–60.
23. Hassal M. 2007. The Army. In: *The Cambridge Ancient History*. Vol. 11. *The High Empire, A. D. 70–192*. Cambridge, Cambridge University Press: 320–343.
24. Holder P.A. 1982. *The Roman Army in Britain*. New York, St. Martin's Press, 173.
25. Isaac B. 1990. The limits of empire. *The Roman Army in the East*. Oxford, Clarendon Press, XIV, 510.
26. Keppie L. 1984. *The making of the Roman army from Republic to Empire*. London, B.T. Batsford Ltd, XI, 255.
27. Kissel Th. 1995. Untersuchungen zur Logistik des römischen Heeres in den Provinzen des griechischen Ostens (27 v. Chr. – 235 n. Chr.). *St. Katharinen, Scripta-Mercaturae Verl*, XI, 405.
28. Konen H.C. 2001. *Classis Germanica die römische Rheinflotte im 1–3 Jahrhundert n. Chr.* St. Katharinen, Scripta Mercaturae Verlag, 578.
29. Kunić A.D. 1996. *Classis Praetoria Ravennatum with special reflection on sailors that on sailors that origin from Dalmatia and Pannonia*. *Živa antika*, sv. 46: 95–110.
30. Maurizi L. 2013. *Il cursus honorum senatorio da Augusto a Traiano: sviluppi formali e stilistici nell'epigrafia latina e greca*. Helsinki, Societas Scientiarum Fennica, XII, 324.
31. Maxfield V.A. 1990. Mainland Europe. In: Wachter J. (ed.), *The Roman World*. Vol. 1: 139–197.
32. Pflaum H.-G. 1950. *Les procurateurs équestres sous le Haut-empire Romain*. Paris, Adrien Maisonneuve, 357.
33. PIR2 – Groag E., Stein A. (iter. et edid.) 1936. *Prosopographia Imperii Romani*. Saec. I. II. III. Pars II. Sec. ed. Berolini et Lipsiae, XXII, 399.
34. Rankov B. 2008. Military forces. In: Sabin P., van Veas H., Whitby M. (eds.) *The Cambridge History of Greek and Roman Warfare*. Vol. II: *Rome from the Late Republic to the Late Empire*. Cambridge, Cambridge University Press: 30–75.
35. Reddé M. 1986. *Mare Nostrum: les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'empire romain* (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome CCLX). Rome, École Française de Rome, ix, 737.
36. Rossi L. 1971. *Trajan's column and the Dacian Wars*. Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 240.
37. Saddington D. 1990. The origin and nature of the German and British Fleets. *Britannia*, vol. 21: 223–232.
38. Saddington D. 1991. The origin and Character of the provincial fleets of the Early Roman Empire. In: Maxfield V.A., Dobson M.J. (eds.), *Roman frontier studies 1989. Proceedings of the XVth International Congress of Roman Frontier Studies*. Exeter, University of Exeter Press: 397–399.
39. Sarnowski T. 1987. Zur Geschichte der Moesischen Provinzialflotte im 1 Jr. n. Chr. *Ratiariensia*, № 3/4: 261–265.

40. Soproni S. 1990. Vexillationes Classis Flaviae Pannonicae. In.: Veters H., Kandler M. (Hrsg.), Akten des 14 Internationalen Limeskongresses 1986 in Carnuntum, Wien, Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften: 731–736.
41. Southern P. 2007. The Roman Army. A Social and Institutional History. Oxford, Oxford University Press, XI, 383 p.
42. Strobel K. 1989. Die Donaukriege Domitians. Bonn, Habelt, 151.
43. Wagner G. 1995. Deux inscriptions grecques d'Égypte. Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, Bd. 106: 126–130.
44. Webster G. 1998. The Roman Imperial Army of the of the First and Second Centuries A. D. (3d Edition). Norman, University of Oklahoma Press, XXIII, 349.
45. Wilkes J.J. 1983. Romans, Dacians and Sarmatians in the first and early second centuries. In.: Hartley B., Wachter J. (eds.), Rome and her Northern Provinces. Papers Presented to Sheppard Frere in Honour of his Retirement from the Chair of the Archaeology of the Roman Empire, University of Oxford. Gloucester, Alan Sutton: 255–289.
46. Żyromski M. 2001. Praefectus classis. The commanders of the Roman imperial navy during the Principate. Poznań, Wyd. Instytutu Nauk Politycznych i Dziennikarstwa Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu, 2001, 157.

Сведения об авторе:

Спирида Артур Дмитриевич – студент филологического факультета, кафедры истории и обществоведческих дисциплин УВО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина» artur.spiryda.01@mail.ru

Научный руководитель – Телепень С.В., к.и.н, доцент, доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин УВО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина».

Ильина Д.И.

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА

***Аннотация:** в данной статье рассматривается состояние современного права в условиях распространения цифровых технологий. Происходит исследование влияния цифровых технологий на содержание и структуру права, выделяя новые преимущества и угрозы, связанные с применением информационных технологий в правовой практике, и предлагая возможные варианты правового регулирования различных аспектов правового статуса субъектов права, правового режима объектов права, виртуальных правоотношений. Анализ процесса и основных направлений «проникновения» цифровых технологий в отрасли права, признание связующей роли информационного права в системе «публичное частное», использование общенаучных и специальных методов, в том числе сравнительно-правового, приводят автора к более общим выводам о состоянии права в целом. Государственная власть уже не может ограничиваться обеспечением доступа к публичной информации, технологии обработки больших данных обуславливают переход к принципу «открытости по умолчанию». Поднимая проблемы правового регулирования Интернета, обращаем внимание на угрозы классической теории государства в связи с появлением категории «киберпространство». В статье доказывается, что влияние технологического фактора ведет традиционное право к трансформации.*

***Ключевые слова:** цифровизация, информационные технологии, юридическая ответственность, цифровое право, правосубъектность.*

Цифровизация - междисциплинарная проблема, но степень ее опосредования специалистами различных направлений существенно различается. Ее современные юридические исследования часто грешат бессистемностью и поверхностностью. В современном технологичном мире юристы вынуждены приспосабливаться к экономическим законам [1].

Специалисты выделяют цифровизацию в широком и в узком смысле. В узком смысле цифровизация означает перевод информации в цифровую форму. Цифровизация в широком смысле - это современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании в цифровую форму [2].

Изначально цифровизация приходит из сферы цифровой экономики как средство повышения эффективности производства и экономики в целом за счет преобразования информации в цифровую форму. Да и сейчас основные потребители цифровизации - это крупный бизнес и наукоемкое производство. Цифровизация пришла на смену автоматизации, компьютеризации, информатизации, позволяя решать несоизмеримо более сложные задачи и в больших масштабах.

Когда говорят о проблемах, угрозах и рисках информационных технологий, имеют в виду цифровизацию в широком смысле.

Все проблемы, волнующие юристов в связи с цифровизацией юридической деятельности и правового регулирования, распространением систем искусственного интеллекта, по тематике и сфере исследуемых отношений можно разделить на две группы: общесоциальные и специально-юридические проблемы.

К «специально-юридическим» (внутри-правовым) проблемам относятся:

- проблема свободы слова/воли;
- проблема вытеснения юридических специалистов из сферы формирования нового порядка;
- проблема социальности правового регулирования;
- проблема формирования альтернативных регуляторов [3].

Общесоциальные проблемы цифровизации, в свою очередь, можно разделить на социальные и экономические. К социальным угрозам цифровизации относятся: безработица; принципиальное изменение рынка труда и социальной архитектуры в целом; выраженное и стремительное расслоение общества; деградация человечества; исключенность из социального контекста; потеря смысла в высшем или профессиональном образовании. Социальные проблемы плавно переходят в комплекс биоэтических проблем, которые в целом тоже имеют социальный характер. Здесь можно указать на следующие грозы. Во-первых, юристов и философов интересует вопрос о том, кто является носителем прав человека. Распространяемы ли они на цифровые сущности? Во-вторых, сетевое общество, информационное общество - это абсолютно контролируемое общество, общество несвободы, что является естественным результатом развития технологий сбора и обработки информации. В-третьих, прогнозируемой реальностью тотальной цифровизации становится массовая «паразитация» человечества, утрата человеческой природы [4].

Экономические проблемы связаны с футуристическими прогнозами принципиального изменения экономических отношений в результате всеобъемлющей цифровизации и, как следствие, изменения социального строя [5]. Другой прогноз прочит «программируемому обществу» возврат к советской модели экономики, одной из задач которой было предоставлять людям занятость, а не обеспечивать экономическую эффективность производственных процессов.

Очевидно, задачей на перспективу для ученых-юристов является создание превентивного правового регулирования, не допускающего распространения цифровых технологий и автоматизации в сферы, где решаются судьбы людей. Ближайшими задачами являются исследования рисков широкого распространения цифровых технологий в разных сферах общественной жизни. «Можно ли это автоматизировать?» и «Нужно ли это автоматизировать?» - два разных вопроса, ответы на которые могут помочь найти баланс между технологическим прогрессом и социальной стабильностью. Аналогичные вопросы нужно задать себе и по отношению к цифровизации.

Правы те, кто говорит, что не надо регулировать прогресс. В правовом регулировании нуждаются не технологии, а отношения с использованием технологий. А что касается страшилок про ИИ и тотальную цифровизацию, то большая часть проблем лежит в сфере естественного интеллекта, а не искусственного. В том смысле, что регулировать надо действия носителей естественного интеллекта при проектировании интеллекта искусственного. А при таком взгляде на вопрос право остается востребованным регулятором с высоким регулятивным потенциалом, а необходимость неких принципиально иных регуляторов поведения оказывается спорной.

Список цитируемой литературы:

1. Журавлева, А. Опасности цифровизации или цифровизация в опасности : [Обзор круглого стола в рамках V Digital City Forum (Материалы подготовлены редакцией партнерских проектов РБК+)] / А. Журавлева // Digital Forum РБК. - Вып. № 5, 25 июня [2019 г.]. - Электрон. дан. - Режим доступа: <https://spb.plus.rbc.ru/news/5cb448c57a8aa90a3814c68e>. - Загл. с экрана.

2. Иванов, А. А. О глубине механизации права / А. А. Иванов // Закон. - 2018. - № 5. - С. 35-41. - Электрон. текстовые дан. - Доступ из справ.-правовой сист. «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.07.2019).

3. Информационная безопасность России в цифровой экономике: экономические и правовые аспекты / Е. Е. Фролова, Т. А. Полякова, М. Н. Дудин, Е. П. Русакова, П. А. Кучеренко // Journal of advanced research in law and economics. - 2018. - Т. 9, № 1. - С. 89-95.

4. Иншакова, А. О. Цифровые технологии альтернативных методов разрешения споров: зарубежная практика и перспективы применения в России / А. О. Иншакова, Ю. А. Тымчук // Право и управление. XXI век. - 2018. - № 1 (46). - С. 23-31.

5. Снижение киберрисков в сфере электронных платежей: организационно-правовые меры / М. Н. Дудин, В. Н. Заско, Е. Е. Фролова, Н. Г. Павлова, Е. П. Русакова // Journal of advanced research in law and economics. - 2018. - Т. 9, № 1. - С. 78-88.

Сведения об авторе:

Ильина Диана Ильсуровна - студентка 2 курса Казанского Государственного Энергетического Университета, ilinadiana99@gmail.com

Научный руководитель - Зарипова Римма Солтановна, кандидат технических наук, доцент кафедры «Инженерная кибернетика» Казанского Государственного Университета

Воробьева К.А., Гаврикова А.Ю.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

***Аннотация:** В научной статье рассматриваются международные нормативные правовые акты, регламентирующие социальные права человека. Указывается, что международные стандарты социальных прав и свобод человека можно систематизировать на ряд групп, в зависимости от уровня правового регулирования: 1) универсальные, которые содержатся в базовых международных актах, признаваемые большей частью мирового сообщества и во многом определяющие облик правовых систем современных государств; 2) региональные, формулируемые в рамках международного сотрудничества государств отдельного региона (например, в пределах Европы, Азии, Африки, Америки); 3) стандарты, формулируемые и реализуемые в рамках сотрудничества отдельных государств друг с другом. Указывается, что существует множество мелких несоответствий, выражающихся как на нормотворческом, так и на правоприменительном уровне между нормами международных актов и их соотношением с российским законодательством. Констатируется, что совместные усилия международного сообщества, каждого государства в отдельности и институтов гражданского общества могут повысить эффективность защиты социальных прав.*

***Ключевые слова:** международно-правовые стандарты социальных прав человека, институты гражданского общества, права и свободы человека, социальная защита, эффективность защиты социальных прав.*

Гарантии соблюдения социальных прав человека и их защиты закреплены как в национальных, так и в международных нормативных правовых актах. Однако наибольшую значимость в современном мире, безусловно, имеют последние, поскольку они отражают гуманистическую направленность развития системы социальной защиты и поддержки человека, а также формулируют основные стандарты в сфере реализации и защиты социальных прав граждан.

Международно-правовые стандарты социальных прав человека для большинства государств мира занимают ведущее положение внутри своей системы законодательства. Это свидетельствует, в первую очередь, о признании государством неотчуждаемости естественных прав человека и гражданина, что является базой для социального обеспечения и из чего складываются иные права и свободы человека. Кроме того, это отражает суть социальной политики государств как деятельности, регулирующей общественные отношения между различными по своему социальному положению субъектами, а также поиск источников неравенства и восстановление социальной справедливости посредством предоставления равных возможностей каждому индивиду.

Международные стандарты социальных прав и свобод человека можно систематизировать на ряд групп, в зависимости от уровня правового регулирования:

1) универсальные, которые содержатся в базовых международных актах, признаваемых большей частью мирового сообщества и во многом определяющих облик правовых систем современных государств. Они будут рассмотрены ниже.

2) региональные, формулируемые в рамках международного сотрудничества государств отдельного региона (например, в пределах Европы, Азии, Африки, Америки). Такой формат позволяет

более детализированно подойти к вопросу интерпретации универсальных международных принципов, исходя из специфики конкретного региона. Кроме того, находясь в непосредственной близости, государства региона могут оказывать более действенную поддержку в плане реализации принятых в сфере социальных прав обязательств. Ярким примером может служить Совет Европы и Евросоюз и издаваемые ими правовые акты. В частности, в праве Совета Европы и ЕС исследователями наблюдается тенденция расширенного толкования права человека на здоровье как ответ на новые вызовы, связанные с вопросами биоэтики, редактирования генома человека, а также последствиями ядерных испытаний и загрязнения окружающей среды [15, с. 99-100].

3) стандарты, формулируемые и реализуемые в рамках сотрудничества отдельных государств друг с другом. Данные стандарты имеют во многом производный статус от двух вышеназванных групп, однако могут иметь различный алгоритм реализации, варьирующийся в зависимости от политических, экономических и иных факторов.

Все международные стандарты в сфере социальных прав можно разделить на две группы в зависимости от обязательности применения:

1) ратифицированные международные акты, которые являются обязательными для применения;

2) нормативно-правовые акты, не обладающие обязательной юридической силой, а являющиеся рекомендациями.

Одним из первых и важнейших документов, закрепившим международные стандарты социальных прав, стала Всеобщая декларация прав человека 1948 г., провозглашенная Генеральной Ассамблеей ООН в качестве общего стандарта прав человека. В Декларации закреплено право на «уровень жизни, достаточный для здоровья и благополучия его самого и его семьи, в том числе медицинское обслуживание и др., право на безопасность в случае болезни, инвалидности или отсутствия средств к существованию в обстоятельствах, не зависящих от него» [3]. По своим юридическим свойствам нормы Декларации, не являясь юридически осуществимыми, привели к всеобщему пониманию человеком прав [1].

В числе социальных прав человека особое место отводится праву на здоровье. Признание права на здоровье обусловлено основами теории общественного интереса и волей мирового сообщества на его закрепление.

В этой связи стоит отметить, что прогрессивные международные нормы при закреплении права граждан на охрану здоровья довольно либерально подошли к обязательствам государств по вопросу обеспечения реализации данного права. В частности, Декларация не определяет отдельно права на здоровье как необходимый компонент прав человека, при этом выделяя в качестве стандарта прав человека уровень жизни, необходимый для здоровья и возможность получения медицинской помощи. Не вносят ясности в данный вопрос и положения Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [7] (далее – Пакт), ст. 12 которого провозглашает обеспечение «наивысшего достижимого уровня» охраны права на здоровье. Данное положение направлено на реализацию права на здоровье с учетом экономического развития конкретного государства, что стало основанием формирования разных стандартов для государств с разным уровнем социально-экономического развития. Данная норма снижает абсолютность данного права, что допускает разное понимание в процессе имплементации.

Кроме положений Пакта, право на охрану здоровья детализировано в Уставе Всемирной организации здравоохранения [12] (далее – ВОЗ). Это документ, опираясь на понятие наивысшего достижимого стандарта здоровья, предполагает реализацию данного права, основанную на принципе разумности. В данном случае определяется место государства как регулятора в выравнивании социальной ситуации в отношении здоровья. Разумность названной нормы можно обосновать тем, что достижения науки в сфере здравоохранения, развитие уровня оказания медицинских услуг, демографическая, эпидемиологическая и экономическая ситуация находятся вне возможности осуществления контроля государством.

На международно-правовом уровне наиболее полно и всеохватывающе регулируются различные аспекты социальных прав актами Международной организации труда (далее – МОТ) – специализированной структуры ООН. Учитывая их значительное количество и содержание, в рамках статьи не представляется возможным охарактеризовать их в полном объеме. В этой связи считаем целесообразным в тезисной форме представить ключевые выдержки некоторых из них, сделав особый акцент на обязательства государства-членов, в отношении которых данные международные документы находятся в силе:

1) Рекомендация № 202 МОТ «О минимальных уровнях социальной защиты» предусматривает, что [8]: а) государства-члены признают право на социальное обеспечение и содействуют занятости; б) социальное обеспечение – это инвестиции в человеческий капитал, позволяющие людям адаптироваться к различным экономическим изменениям; в) государства-члены обязаны внедрять и поддерживать свои минимальные уровни социальной защиты, учитывая национальные условия; г) финансируемый за счет национальных ресурсов минимальный уровень социальной государственной защиты включает в себя медицинские услуги, охрану материнства, детства, нетрудоспособных, безработных и др. социально уязвимых слоев населения; д) внутринациональное законодательство должны предусматривать диапазон и условия, реализации права на пособия и льготы, а также их размеры; е) законодатель должен создать для граждан возможность воспользоваться простыми в применении, объективными, прозрачными, эффективными, доступными и недорогими процедурами обжалования своего нарушенного либо оспариваемого права на социальное обеспечение; ж) государство должно гарантировать такой уровень доходов населения, который обеспечит людям достойную жизнь; з) пособия и льготы могут устанавливаться, как в денежной, так и в натуральной форме; и) устанавливая и применяя минимальные уровни социальной защиты, государства должны обеспечивать сочетание различных по своему содержанию мер профилактического, стимулирующего и иного характера и др. [10];

2) Конвенция № 102 МОТ «О минимальных нормах социального обеспечения» закрепляет, что:

- каждое государство-член обязано гарантировать: а) застрахованным лицам медицинское обслуживание профилактического или лечебного характера, как врачами общей практики, так и специалистами стационарных и амбулаторных медицинских учреждений; б) предоставление обеспечения в случае болезни, безработицы, при наступлении старости, в связи с несчастным случаем на производстве и профессиональным заболеванием и др.;

- исчисление размера периодических выплат производится с учетом различных условий, в том числе прежнего заработка бенефициария или его кормильца. Государства вправе устанавливать максимальные размеры обеспечения или заработка, из которого исчисляется размер социальной выплаты и др. [4];

3) Конвенция № 117 МОТ «Об основных целях и нормах социальной политики» провозглашает: а) повышение уровня жизни (ст. 2); б) поощрение установления минимального размера заработной платы в коллективных договорах (ст. 10); в) условия и отдельные ограничения в отношении выплаты заработной платы и иного вознаграждения трудящихся (например, регулярность выплаты заработной платы через промежутки времени, уменьшающие вероятность долговой зависимости среди наемных работников) (Раздел IV); г) различные формы и способы, направленные на упразднение дискриминации среди трудящихся по признакам расы, цвета кожи, пола, вероисповедания, принадлежности к племени или профсоюзного членства (Раздел V) [5].

4) Конвенция № 121 МОТ «Об обеспечении в связи с несчастным случаем на производстве и профессиональным заболеванием» [6] устанавливает, что: а) на государственном уровне могут фиксироваться отдельные исключения в области социальной защиты при несчастных случаях и профессиональных заболеваниях. Например, такие ограничения может распространяться на лиц, осуществляющих исполнение работ разового характера, которые не связаны с деятельностью их работодателя, а также лиц, работающих на дому (ст. 4); б) в перечень страховых рисков включаются болезненное состояние, нетрудоспособность, полная либо частичная потеря способности к работе или и др. (ст. 6); в) на внутринациональном уровне должно быть раскрыто содержание дефиниции «несчастный случай на производстве» (ст. 7), установлен перечень заболеваний, признаваемых в качестве профессиональных (ст. 8). Обратимся в этой связи к нормам российского законодательства. Представляющий сейчас для нас научный интерес понятийный аппарат содержится в нормах Федерального закона от 24.07.1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [13], в ст. 2 которого раскрывается не только содержание терминов «несчастный случай на производстве» и «профессиональное заболевание», но и «страховой случай», «страховой взнос», «страховой тариф», «профессиональный риск» и др., о которых пойдет речь подробнее далее в настоящей монографии. Существует и специальный перечень профессиональных заболеваний, который был утвержден еще в 2012 году [9].

Если проанализировать представленные в нормах МОТ международные стандарты на предмет установления их соответствия отечественному законодательству в сфере социальных прав, можно сделать вывод, что функционирующее в РФ законодательство, касающееся организационно-

правовых форм реализации социальных прав для определенных категорий субъектов-получателей пособий в полной мере, согласуется с международными нормами [14, с. 67-68].

Кроме того, одним из важных документов, принятых в целях защиты прав человека в чрезвычайных ситуациях, являются Сиракузские принципы ООН 1984 г., согласно которым ограничения, накладываемые государством в отношении прав человека (в том числе и социальных) должны быть: 1) предусмотрены действующим законодательством; 2) направлены на достижение законной цели общего интереса; 3) не препятствовать демократическому функционированию общества [11].

В контексте взаимоотношений международно-правовых стандартов социальных прав человека и национального права России можно сделать вывод, что в настоящее время отечественная система права в рассматриваемой области продолжает свое развитие. Социальные права человека, как и вся социальная система РФ, приобретают завершенные черты и становятся более результативными в защите человека от все более возрастающих социальных рисков. Главный пробел, который отмечается исследователями в отношении вопроса социальных прав и международного регулирования, – Россия не присоединилась к Международной конвенции о защите прав трудящихся-мигрантов 1990 года, что не способствует желанию профессионалов осуществлять свою трудовую деятельность в нашей стране [2]. Существует еще множество мелких несоответствий, выражающихся как на нормотворческом, так и на правоприменительном уровне.

В этой связи при разработке программ по социальной политике России необходимо непосредственно ориентироваться на социальные приоритеты, так как именно от учета потребностей общества в том или ином виде социальной поддержки развитие становится наиболее эффективным. Этому может способствовать принятие законодательных актов, сближающих международную и национальную нормативно-правовую базу правовых актов, и кодификация правовой системы социального обеспечения.

Таким образом, хотелось бы отметить, что реалии современной жизни показывают необходимость углубленного и комплексного подхода к проблеме защиты социальных прав. Только совместные усилия международного сообщества, каждого государства в отдельности и институтов гражданского общества могут повысить эффективность защиты социальных прав.

Список цитируемой литературы

1. Алиева И.Ж. Международно-правовая регламентация права на охрану здоровья человека // Наука. - 2020. - № 4 (67). - С. 138-143.
2. Атабекова Н.Е. Социальные права человека в международно-правовом измерении // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2016. - № 7-5. - С. 916-921.
3. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1998. – 10 декабря.
4. Конвенция № 102 от 28 июня 1952 г. Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения». Доступ из справ-правовой системы КонсультантПлюс»
5. Конвенция № 117 Международной организации труда от 22 июня 1962 г. «Об основных целях и нормах социальной политики» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957 - 1990. Т. II. - Женева: Международное бюро труда, 1991. - С. 1321 - 1329.
6. Конвенция № 121 Международной организации труда 08 июля 1964 г. «Об обеспечении в связи с несчастным случаем на производстве и профессиональным заболеванием». Доступ из справ-правовой системы КонсультантПлюс».
7. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. - № 12.
8. Новопавловская Е.Е. Доктрина социальных прав и свобод человека и гражданина через призму практики конституционного судопроизводства: от декларации к воплощению: монография. - Белгород: Белгородский юридический ин-т МВД России им. И. Д. Путилина, 2018. - 215 с.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 декабря 2000 г. № 967 (ред. от 10.07.2020) «Об утверждении Положения о расследовании и учете профессиональных заболеваний» // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2000. - № 52 (ч. II). - Ст. 5149.
10. Рекомендация № 202 Международной организации труда от 14 июня 2012 г. «О минимальных уровнях социальной защиты». Доступ из справ-правовой системы КонсультантПлюс»
11. Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного Пакта о гражданских и политических правах 1985 г. // HEALTH-RIGHTS. URL: <http://health-rights.org> (дата обращения: 06.01.2022).

12. Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения // WHO. URL: https://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 06.01.2022).

13. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ (ред. от 26.09.2021) «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1998. - № 31. - Ст. 3803.

14. Ходусов А.А. Судебная защита социальных прав и свобод человека и гражданина: внутригосударственный и международный механизмы // Вестник Московского университета МВД России. - 2020. - № 6. - С. 65-69.

15. Ястребова А.Ю., Гуляева Е.Е. Право на здоровье в системе международно-правовой защиты прав человека на универсальном и региональном уровне // Московский журнал международного права. - 2021. - № 2. - С. 99-121.

Сведения об авторах:

Воробьева Карина Андреевна – студент Институт права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Гаврикова Анна Юрьевна – студент Институт права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»; rochta735@mail.ru

Научный руководитель – Кокорев В.Г., старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Волкова А. А.

КОМПЛЕКСНАЯ ОТРАСЛЬ ПРАВА: РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА В РОССИИ

***Аннотация:** В статье рассмотрена и проанализирована проблема комплексной отрасли права в российской системе права. Систематизированы различные подходы к определению комплексной отрасли права. Изучены актуальные проблемы развития экологического права в России.*

***Ключевые слова:** комплексная отрасль права, экологическое право, природоохранная деятельность.*

Комплексная отрасль права является уникальным и сложным явлением, которое создаёт вокруг себя ореол неопределенности. Категория комплексной отрасли права в России впервые была использована, профессором В. К. Райхером в его работе «Общественно-исторические типы страхования», которая вышла в свет в 1947 г. В ней категория права была разделена на два блока отраслей: основной и комплексный [8]. Комплексная отрасль права представляла собой такую обширную по объёму совокупность правовых норм, которая содержится в основных отраслях права и обладает некоторым единством, а также регулирует крупные и общественно значимые отношения. Одной из причин возникновения таких отраслей права, по мнению С.С. Алексеева, стало обособление комплексных областей законодательства и нормативных актов, к которым были применены специфические методы регулирования [2]. При этом автор подчёркивал неравенство отраслей права, утверждая, что они занимают разное положение в системе права: комплексные отрасли в отличие от основных носят характер вторичных образований. Этот процесс он назвал «удвоением структур права». Другой причиной стала необходимость более полного регулирования общественных отношений.

Сложность этого явления вызвана в первую очередь его принадлежностью к системе права, которую многие представители научного сообщества ставят под сомнение. Можно выделить несколько подходов к определению места и роли комплексной отрасли права в системе права. Согласно первому и наиболее распространённому подходу, сформировавшемуся в советское время, комплексное право не является частью системы права и лишь занимает в ней условную позицию. Этих идей поддерживались такие правоведы как О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, Ю. К. Толстой [4]. Эта условная позиция отводится ей не только в рамках системы права, но и в систематике права, представленной произвольной подборкой правовых норм. При этом значимость, полезность и важность этой отрасли не ставится под сомнение. Этот подход основан на линейном принципе. Комплексное право при таком рассмотрении – продукт субъективного характера, а система права – объективного. В. Д. Рузанова считает комплексное право вторичным образованием с полимерной структурой [9].

Другой подход базируется на более категоричной точке зрения о взаимоисключающем характере основной и комплексной отраслей права. Красавчиков О. А. не разделял мнение коллег о его значимости, считая под этим понятием только - «субъективно сформированные группы норм права, принадлежавших отдельным отраслям системы права» [6, с. 65]. С. Н. Братусь утверждал, что комплексность может быть чертой только нормативных актов, систематизации нормативного материала и правовых учебных дисциплин, но не отдельной отрасли.

Согласно третьему подходу, который свойственен современным представителям, комплексная отрасль права входит в систему права, а их формирование признаётся вынужденной необходимостью. Её авторы исходят из идеи «удвоения» отраслей, отходя от линейного принципа. Например, А. Ю. Коваленко призывает отказаться от линейного принципа их рассмотрения, популярного в советское время [5]. Её положение в иерархизированной системе права определяется её перекрещиванием с основными отраслями. Его сторонники апеллируют к тому, что комплексное право включает в себя черты основной отрасли права. В рамках этого подхода, основанного на признании важности комплексной отрасли права, отрасль считается промежуточным, переходным этапом, где отрасль права, не имея целостности, с точки зрения системности приобретает специфические черты и самостоятельность. Эту идею разделяют С.В. Поленина и В.Б. Исаков [7]. Исаков пишет, что при неоднозначности понимания предмета и метода правового регулирования комплексные отрасли права стали важнейшими и наиболее стабильными системообразующими факторами. Так, профессор Б. В. Ерофеев считает, что экологическое право является обычной отраслью права [3]. При этом стоит отметить, что некоторая комплексность является характеристикой и основной отрасли права тоже, что подтверждает их значимость и неотъемлемость от системы права. Так, в гражданском кодексе есть так же некоторые указания на административное процессуальное право.

Важно разделять значимость наличия комплексных образований для законодательства и системы права, которые отличаются друг друга. В сфере законодательства их выделение, по мнению А. Ю. Коваленко, облегчает процесс систематизации нормативных правовых актов [5]. Развитие комплексных областей законодательства, является результатом актуальной юридической регламентации. Одни исследователи считают, что комплексные отрасли права могут иметь место только в сфере законодательства, система которого отличается от системы права. Другие считают, что системы законодательства (формы) и права (содержания) взаимосвязаны и отчасти едины, однако переоценивать воздействие законодательства на отраслевую систему права не стоит [10].

Рассмотрим чем отличаются основные отрасли от комплексных. Во-первых, комплексные отрасли права состоят из различных норм основных отраслей права. Во-вторых, комплексные отрасли права отличаются от основных своим функциональным единством между нормами, которое противопоставляется предметному. Комплексные отрасли регулируют разнородные отношения. В-третьих, комплексные отрасли права используют сразу несколько методов регулирования, вместо одного специфического, присущего основной отрасли. В-четвёртых, комплексные отрасли права зачастую не имеют своих системообразующих кодифицированных нормативно-правовых актов. В-пятых, комплексные отрасли, по мнению С.С. Алексеева являются правовыми общностями, менее прочными, менее объективированными [2].

Рассмотрим, какие проблемы и перспективы есть в комплексной отрасли права. Тенденция на наслаивание отраслей права и противоположная ей тенденция на дифференциацию права имеет свои негативные последствия. Так, удвоение структуры права или наслаивание комплексных отраслей над основными является попыткой объединить нормы различной отраслевой принадлежности по функциональному признаку [2]. Это наслаивание может привести даже к утраиванию, которое может привести к размыванию системы, к излишней дифференциации правового регулирования, ослаблению связей внутри системы права [5]. Кроме этого новые отрасли права обладают заметным сходством и могут вести к пересечению полномочий. Оформление комплексного права в юридической науке привело к путанице понятий, усложнению и без того сложных проблем, запутывает категории, по мнению Д. М. Азми и О. А. Красавчикова [1, 6].

Форма комплексных отраслей права в системе российского права определяется наличием советующей потребности в обеспечении качественного регулирования такой области общественных отношений, которая затрагивает одновременно несколько сфер. Требуется выделение самостоятельного предмета правового регулирования, обусловленного четким выделением специфики регулируемых определенной комплексной отраслью права общественных отношений, системы понятий и категорий такой отрасли. Выделяется два способа регулирования экологических отношений. Административно-правовой способ направлен на применение запретительных, предупредительных, управомочивающих норм, требующих выполнения экологических стандартов и обеспечения

экологической безопасности. Гражданско-правовой способ использует экономические инструменты регулирования. Наиболее популярным методом становится экономический, воздействующий на материальные интересы хозяйствующего субъекта.

Наиболее специфической комплексной отраслью права является экологическое. Экологическое право представляет собой комплексную отрасль права, которая отличается своей особо повышенной общественной значимостью, наиболее быстрой изменчивостью и глобальным характером своего воздействия, ведь природные ресурсы являются первостепенными источниками жизни человека. Специфичность и масштабность экологического права связана с его значимым воздействием на все сферы жизни общества и государства и почти все отрасли права, начиная с аграрной, гражданской, хозяйственной, трудовой и финансовой и заканчивая административной и уголовной. Оно оказывает воздействие на историческое развитие государства и здоровье человека. Экологическое право - это совокупность норм, регулирующих общественные, экологические отношения в сфере взаимодействия общества и природы, направленные на охрану окружающей среды и бережного использования природных ресурсов. В экологическом праве, как комплексной отрасли, есть разделение на отраслевые и комплексные экологические отношения. Первые представлены земельно-охранительными, недороохранительными, лесоохранительными, горно-охранительными отношениями, а также отношениями в области охраны животного мира и атмосферного воздуха. Вторые относятся к охране различных природных территорий, памятников природы, имеют оздоровительный, рекреационный характер. Экологическое право состоит из трёх частей: общей, особенной и специальной. В общую часть включаются общие и единые правовые институты по охране и использованию природных ресурсов, к которым относятся предмет, система и источники экологического права, а также право собственности на природные ресурсы и управление в области природопользования и охраны окружающей среды. В ней выделяются полномочия природоохранных органов, налагается юридическая ответственность за экологические правонарушения, систематизируются мероприятия по их предупреждению. Особенная часть состоит из более узкого института правового режима, который представлен как правовым режимом земель населенных, промышленных пунктов, транспорта, связи, обороны, лечебно-оздоровительных территорий, так и правовым режимом различных биотопов: правовой режим недр, лесов, вод, животного мира, атмосферного воздуха, особо охраняемых природных территорий и зон экологического бедствия. Специальная часть направлена на регулирование экологических отношений в рамках международного права.

Основные цели, задачи и методы осуществления охраны окружающей среды определены в Указе Президента РФ «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» 2017 г. Оформление российского законодательства в области экологического права прошло несколько этапов. А.Е. Дмитриев выделяет три этапа [3]. В качестве первого периода выделяются события, произошедшие с 1917 по 1957 г., когда природные ресурсы были национализированы и рассматривались с точки зрения их экономической выгоды, без учёта наносимого вреда окружающей среде. На втором этапе с 1957 по 1968 г. природа стала восприниматься как единое, комплексное целое. Формирование системных качеств потребовало экологизации законодательства, которое привело к 1950-ым г. к принятию постановлений Совета Министров СССР в области конкретных природных ресурсов: охраны водоёмов и улучшения ведения охотничьего хозяйства. Позже подобные законы стали появляться в союзных республиках СССР. Эти постановления способствовали формированию юридических начал обеспечения охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, несмотря на то, что большинство законов носило декларативный характер и ещё слабо обеспечивало охрану природы. На третьем этапе с 1969 по 1987 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1972 г. «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» стало системообразующим документом. На его принятие оказала влияние международная конференция ООН по охране окружающей среды, прошедшая в Стокгольме. После него в 1970-ых г. в союзных республиках были приняты законодательные основы об охране недр (1975), лесов (1977), атмосферного воздуха и охране животного мира (1980). На четвёртом этапе совершенствования экологического законодательства значимую роль сыграло принятие постановления «О коренной перестройке природы в СССР» 1988 г. и «О неотложных мерах экологического оздоровления страны» 1989 г., в которых впервые законодательно устанавливался штраф за нанесение вреда природе. В этот период произошёл переломный момент в обеспечении охраны окружающей среды с помощью финансового воздействия на нарушителя и повышения уровня ответственности за рациональное и бережное использование природных ресурсов. На четвертом этапе экологическое законодательство пополнилось земельным, лесным и водным кодексами. Регулирование экологических отношений нашло отражение в Конституции РФ

1993 г. Системообразующим нормативным правовым актом экологического права стал ФЗ «Об охране окружающей среды» 2002 г. Экологическое право регулируется федеральными, региональными и местными правовыми нормами, значимую роль играет судебная практика в регулировании экологических отношений.

Российские законы в области взаимодействия человека с окружающей средой можно разделить на несколько блоков. Первый раздел направлен на регулирование производственных отношений с точки зрения экологической безопасности. В этой связи большое внимание уделяется экологическим стандартам, которые с каждым годом накладывают на бизнесменов всё большую ответственность. К таким законам относится ФЗ «Об отходах производства и потребления». Другой блок законов связан с регулированием бытовой деятельности граждан: самостоятельной сортировке мусора, запретами на разжигание костров, запретами на уничтожение флоры и фауны. Третий блок является наиболее масштабным и касается всех природных комплексов России, сохранение которых является приоритетной задачей устойчивого развития России. Сюда входят законы, связанные с охраной суши, водоёмов и воздуха, ресурсов, животных и растений: ФЗ «Об экологической экспертизе»; ФЗ «Об охране озера Байкал». Отдельного внимания заслуживает блок, связанный с отраслью землепользования: ФЗ «О землеустройстве», «О государственном земельном кадастре». Отдельно стоит выделить блок, связанный с задействованием природных комплексов в оздоровительных и культурно-просветительских целях. В него входят такие ФЗ, как «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах», «Об объектах культурного наследия» 2002 г. [3]

Одной из острых проблем, существующих на сегодняшний день в российском праве, является отсутствие точных критериев выявления экологических правонарушений, нехватка которых приводит к ускользанию нарушителей от законодательной ответственности. Ужесточение экологических стандартов за последние годы позволило отчасти наладить этот процесс в производственной сфере и обеспечить соблюдение экологической безопасности. В СМИ часто появляется информация о новых экологических потрясениях регионального и местного масштаба. Самыми частыми проблемами, беспокоящими граждан, являются незаконные и переполненные свалки, вырубка лесов, загрязнение водоемов, суши и воздуха производственными отходами. Развитие экологического права в России долгие годы осложнялось отсутствием в сознании граждан экологической культуры и представлений о важности заботы об окружающей среде.

Таким образом, отсутствие у комплексной отрасли точных критериев оценки делает её крайне уязвимой. Совершенствование комплексных отраслей права требует выделения конкретных целей, принципов, предметов и методов регулирования для формирования новых правовых норм, которые позволят решить проблему её пробельности. Предмет экологического права охватывает всю множественность взаимодействий человека с природными ресурсами. Признание комплексной отрасли экологического права в составе системы права на современном этапе развития юридической науки не отменяет необходимости её нормативной доработки. Совершенствование экологических норм в соответствии с современными исследованиями в области загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов является наиболее актуальным. Экологическое административное и уголовное право нуждается в своём обновлении в свете ухудшения экологической обстановки. Введение более чётких критериев экологических правонарушений и степени их градации позволит сделать процесс нормативно-правового регулирования более понятным и эффективным.

Список цитируемой литературы:

1. Азми Д. М. Система права и ее построение: методологические подходы и решения. М.: 2014. С. 119.
2. Алексеев С.С. Право: Опыт комплексного исследования. М.: 1999. С. 958.
3. Дмитриев, А. Е. Экологическое право. Общая часть [Электронный ресурс]: учебное пособие / А. Е. Дмитриев; Урал. гос. пед. ун-т. – Электрон. дан. – Екатеринбург: [б. и.], 2017. С. 112.
4. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М.: 1961. С. 361– 362.
5. Коваленко А. Н. Комплексная отрасль права как категория юридической науки. – URL.: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/77594-kompleksnaya-otrasl-prava-kategoriya-yuridicheskoy-nauki> (дата обращения: 14. 01. 2022).
6. Красавчиков О. А. Система права и система законодательства: гражданско-правовой аспект // Известия высших учебных заведений. 1975. Т. 2. С. 62-67.
7. Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. 1975. №. 3. С. 71-79.

8. Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1947. – 282 с.

9. Рузанова Гражданское право и гражданское законодательство как взаимодействующие системы // Вестник СамГУ. 2013. №5. С. 216-223.

10. Тонков Е.Е., В.С. Синенко. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или оказ от формальной определенности в правовой науке? // Вестник Воронежского университета. Серия Право. 2016 №. 2. С. 53-75.

Сведения об авторе:

Волкова Александра Андреевна – студентка; ФГБОУ ВПО Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; sandra-volkova@mail.ru

Научный руководитель – Волкова Н.П., к.ф.н, доцент, доцент кафедры 517 («Философия») Московский авиационный институт (национально-исследовательский центр»).

Чубина А.Е.

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

***Аннотация:** Одной из мер профилактики коррупции в Российской Федерации является проведение антикоррупционной экспертизы федеральных, региональных и муниципальных нормативных правовых актов и их проектов, что одновременно является одним из направлений правотворческой деятельности прокуратуры.*

***Ключевые слова:** коррупция, прокуратура, антикоррупционная экспертиза, противодействие коррупции, коррупциогенные факторы, реализация полномочий должностными лицами, пробелы в законодательстве, лингвистическая неопределенность.*

Актуальность рассматриваемого направления прокурорской деятельности проиллюстрирована данными прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов различной юридической силы, а также их проектов; в законодательствах многих субъектов РФ и муниципальных актах закреплена обязательность проведения антикоррупционной экспертизы не только принятых нормативных правовых актов, но и их проектов.

Проведенный автором анализ научной литературы указывает на недостаточную проработанность таких основополагающих понятий, как «экспертиза нормативного правового акта», «коррупциогенный фактор», «коррупционный риск», указывают на отсутствие единообразного подхода к их пониманию и определению.

Вопросы проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов постоянно обсуждаются на научных форумах и конференциях. Их поднимали в своих работах видные ученые-юристы: Нарутто С.В., Смирнов А.Ф., Джиоев С.Х., Кудашкин А.В., Россинская Е.Р., Тухватуллин Т.А., Хазанов С.Д., Бахтина М.С., Шевченко В.Ю., Андрусенко С.П. и многие другие.

Нужно отметить, что работники прокуратуры сами неоднократно акцентировали внимание на сложности проведения антикоррупционной экспертизы по причинам юридической непроработанности понятий, пробелов в российском законодательстве и неоднозначности толкования норм, посвященных антикоррупционной экспертизе [1, С.5].

Коррупция – сама по себе явление очень сложное, она имеет различные, не всегда очевидные формы проявления. В научной литературе используется немало формулировок понятия "коррупция", но собрать воедино все существенные признаки этого явления в одном определении не всегда возможно.

Как неоднократно отмечал в своих работах видный российский ученый, доктор юридических наук, профессор Александр Васильевич Кудашкин: «Понимание коррупции только как совершения преступлений коррупционной направленности не соответствует реалиям коррупционной практики, что, в свою очередь, не способствует формированию эффективной системы противодействия ей. Коррупция проявляется: в совершении преступлений коррупционной направленности (хищение материальных и денежных средств с использованием служебного положения, дача взятки, получение взятки, коммерческий подкуп и т.д.); в совершении административных правонарушений (мелкое хищение материальных и денежных средств с использованием служебного положения, нецелевое использование бюджетных средств и средств внебюджетных фондов и другие составы,

предусмотренные КоАП РФ); в совершении дисциплинарных правонарушений, т.е. использовании своего статуса для получения некоторых преимуществ или уклонении от исполнения некоторых обязанностей по соблюдению антикоррупционных запретов и ограничений, за которое предусмотрено дисциплинарное взыскание; в совершении запрещенных гражданско-правовых сделок (например, принятие в дар или дарение подарков, оказание услуг государственному служащему третьими лицами и подобные деяния)» [2, С.20]

Опираясь на мнение ученого, можно сказать, что под коррупцией следует понимать:

1) подкуп должностного лица, получение или дачу взятки им и иные преступления коррупционной направленности;

2) любое незаконное использование лицом своего публичного статуса, сопряженное с получением как для себя, так и для так называемых «аффилированных» лиц (ими, в частности, могут быть родственники должностного лица) выгоды материального характера (например, имущества, услуг или льгот), а также иной (нематериальной) выгоды, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу, что идет вопреки законным интересам общества и государства.

Коррупция именуется социальным явлением по той причине, что ей может быть подвержен любой человек, обладающий таким специфическим видом власти, как «дискреционная», т.е. властью над распределением каких-либо ценных, не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению, обладающий полномочиями и использующий их вопреки законным интересам общества и государства, то есть в своих личных целях или в интересах иных лиц, поскольку последние в той или иной степени могут удовлетворить его личный интерес (здесь также имеется в виду лицо, обладающее дискреционной властью, возможно, в большей степени, чем первый субъект)[3, С.5].

По данному вопросу имеется судебная практика. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» к организационно-распорядительным функциям, осуществляемым должностным лицом в силу его статуса, относятся полномочия по принятию важных решений, которые влекут определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности). Обладание властью над распределением каких-либо ценных ресурсов без права собственности на них – обязательный признак любого лица, осуществляющего коррупционную деятельность. Нужно отметить, что ресурсы, которыми распоряжается это лицо, могут быть как материальными, так и нематериальными. Под ресурсами здесь следует понимать какой-то четко выраженный интерес, существующий в форме определенного блага, которое другому субъекту необходимо получить. При таком условии коррупционер использует свое должностное или иное служебное положение. Это явление именуется в науке дискрецией (усмотрением), и служит главным оружием коррупционера.

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов - институт для нашей страны относительно новый: он появился в Российской Федерации в 2003 году. С этого момента началось становление положительно зарекомендовавших себя за рубежом механизмов по противодействию коррупции в различных сферах социального управления. Одним из этих механизмов является проведение антикоррупционной экспертизы. В соответствии с ФЗ от 17.07.2009 N 172-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» в настоящее время в ее проведение вовлечены: прокуратура Российской Федерации, федеральный орган исполнительной власти в области юстиции – Министерство юстиции РФ, органы, организации, их должностные лица - в соответствии с настоящим Федеральным законом, в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующего органа, и согласно методике, определенной Правительством Российской Федерации [5, С.6].

По информации Министерства юстиции России, на сегодняшний день в качестве независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы НПА и их проектов в случаях, предусмотренных законодательством РФ, задействовано 446 юридических и 2815 физических лиц.

Органы прокуратуры проводят антикоррупционную экспертизу по отношению к НПА, принятым поднадзорными им федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов РФ, иными государственными органами и организациями, органами местного самоуправления и их должностными лицами. Органы прокуратуры также могут проводить антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов представительных органов власти. При этом они руководствуются также Методикой проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96.

Процедура проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы выглядит следующим образом. Управление Генеральной прокуратуры РФ по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции проводит антикоррупционную экспертизу НПА федеральных органов. В свою очередь прокуратуры субъектов РФ проводят антикоррупционную экспертизу НПА, которые были приняты органами власти субъектов РФ. Прокуратуры городов и районов - проверку нормативных правовых актов, принимаемых органами местного самоуправления. В силу того, что Прокуратура РФ, являясь единым федеральным органом, имеет определенную иерархию, объясняется факт информирования вышестоящей прокуратуры нижестоящей о невозможности проведения последней антикоррупционной экспертизы НПА или его проекта в силу определенных правовых причин, что закреплено в п.5 ст.3 ФЗ от 17.07.2009 N 172-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

Федеральный закон «О прокуратуре РФ» в статье 9.1 регламентирует проведение антикоррупционной экспертизы НПА. При выявлении в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов прокурор обязан внести в орган, организацию или должностному лицу, которые издали этот акт, требование об изменении нормативного правового акта с предложением способа устранения выявленных коррупциогенных факторов. В противном случае прокурор обращается в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством Российской Федерации. При этом требование об изменении нормативного правового акта может быть отозвано прокурором до его рассмотрения соответствующими органом, организацией или должностным лицом. Соответствующий орган, в который было направлено требование прокурора об изменении НПА, обязан рассмотреть его не позднее чем в десятидневный срок со дня поступления требования. Требование прокурора об изменении нормативного правового акта, направленное в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации или в представительный орган местного самоуправления, подлежит обязательному рассмотрению на ближайшем заседании соответствующего органа. О результатах рассмотрения требования об изменении нормативного правового акта незамедлительно сообщается прокурору, который внес требование. Требование прокурора об изменении нормативного правового акта может быть обжаловано в установленном порядке

Противодействие коррупции является одной из приоритетных задач государственной политики и важнейшим направлением деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Подробно о роли прокуратуры в борьбе с коррупцией говорится в Федеральном законе от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии коррупции», а именно в частях 6 и 6.1 статьи 5.

Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры в пределах своих полномочий координируют деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, таможенных органов Российской Федерации и других правоохранительных органов по борьбе с коррупцией и реализуют иные полномочия в области противодействия коррупции, установленные федеральными законами. В случаях, предусмотренных федеральными законами, Генеральная прокуратура взаимодействует с компетентными органами иностранных государств при проведении уполномоченными должностными лицами государственных органов, органов местного самоуправления и организаций проверок соблюдения ограничений, запретов и требований, установленных в целях противодействия коррупции, лицами, на которых распространены такие ограничения, запреты и требования.

В целях проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера у определенного круга лиц, указанных в части 7.1 ст. 8 настоящего ФЗ, полномочия по направлению запросов в органы прокуратуры Российской Федерации, иные федеральные государственные органы, государственные органы субъектов Российской Федерации, территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации определяет Президент Российской Федерации.

В 2007 году в системе органов прокуратуры Российской Федерации были созданы специализированные подразделения по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции (сокращенно – СППК). В связи с этим в Генеральной прокуратуре Российской Федерации образовалось управление по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции. СППК были созданы в прокуратурах субъектов Российской Федерации и приравненных к ним специализированных прокуратурах. Для обеспечения гарантии независимости и самостоятельности таких подразделений для их работников существуют особая процедура назначения на должность и освобождения от должности, а также специальный порядок привлечения к ответственности.

В состав Управления входит ряд отделов по надзору (за исполнением федерального законодательства; за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью), по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами; организационно-аналитический отдел. Старшие прокуроры управления с дислокацией в федеральных округах страны, реализуют надзорные полномочия в отношении государственных органов окружного и межрегионального уровня.

Деятельность СППК направлена на обеспечение верховенства закона, защиту прав и свобод граждан, юридических лиц (организаций), охраняемых законом интересов общества и государства путем реализации целого комплекса мер, которые будут способны обеспечить эффективное противодействие коррупционным проявлениям.

В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» борьба с этим социальным явлением включает в себя: во-первых, предупреждение коррупции и последующее устранение ее причин (иными словами, профилактика коррупции); во-вторых, борьбу с коррупцией (выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений); в-третьих, минимизацию и ликвидацию последствий коррупционных проявлений.

В этих целях СППК: предупреждает, выявляет и устраняет причины и условия появления коррупционных правонарушений средствами прокурорского надзора; следит за исполнением законодательства о противодействии коррупции, за уголовно-процессуальной деятельностью следственных органов и за исполнением законодательства об ОРД оперативными подразделениями правоохранительных органов (за исключением органов ФСБ) при выявлении преступлений коррупционной направленности и расследовании уголовных дел этой категории. СППК следит за законностью привлечения к предусмотренной законодательством ответственности лиц, чья вина в совершении коррупционных правонарушений доказана. СППК защищает и восстанавливает нарушенные в результате коррупционных правонарушений права, свободы и законные интересы граждан и организаций, охраняемые законом интересы Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве

Рассмотрим некоторые виды коррупциогенных факторов и методы борьбы с ними органов прокуратуры. В соответствии с ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе» от 17.07.2009 N 172-ФЗ (последняя редакция) под коррупциогенными факторами понимаются «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции». Видов коррупциогенных факторов довольно много.

Коррупциогенным фактором, связанным с реализацией полномочий должностными лицами, является фактор под названием "широта дискреционных полномочий". Он связан с тем, что полномочия должностных лиц не всегда могут быть установлены предельно четко, и в зависимости от конкретной ситуации они руководствуются собственным усмотрением. По этой причине нормативно-правовой акт предоставляет субъекту правоприменения несколько возможных вариантов решений без точного определения оснований принятия одного из них, возникают условия для проявления коррупции. При этом, как правило, наблюдается отсутствие или неопределенность сроков, оснований и каких-либо других условий для принятия решения по определенному вопросу. Нужно отметить, что под понятием "усмотрение" понимается устоявшийся метод государственного и муниципального управления, применяемый для разрешения вопросов, в отношении которых нет конкретного ответа в законодательстве. Он введен для разрешения конфликтов между субъектами, потому что все конфликты индивидуальны. При этом подразумевается, что в усмотрении органов и их должностных лиц не должно быть субъективизма, который должен сдерживаться различными правовыми механизмами. Оно ни при каких условиях не должно противоречить основам конституционного строя, так как оно применяется на основании общих требований закона и недопустимо там, где изначально установлена четкая правовая конкретность компетенции в деятельности органов и их должностных лиц. К сожалению, злоупотребления отдельными органами и их должностными лицами усмотрением нередки и ведут к различным правонарушениям, в том числе коррупционного характера. Мерой по борьбе с данным коррупциогенным фактором ученые называют сведение к минимуму использование усмотрения органами и их должностными лицами при осуществлении ими дискреционных полномочий.

Несовершенство российского законодательства является одной из главных причин коррупции в нашем государстве. Фактически каждый день принимаются новые нормативные правовые

акты, требующие изучения на предмет наличия в них коррупциогенных факторов. Особую проблему составляют пробелы в законодательстве, которые используются недобросовестными должностными лицами для установления общеобязательных правил поведения в подзаконном акте в условиях отсутствия закона. Для выявления путей разрешения сложившейся ситуации начать нужно с обозначения ее причин. В нынешних условиях законодательство изменяется очень динамично, поэтому не всегда удается своевременно урегулировать все необходимые вопросы законами. Это обуславливает появление законодательных пробелов, которые на практике могут быть устранены на уровне подзаконного регулирования. Однако такое устранение пробела подчас осуществляется и по инициативе нижестоящего нормотворческого органа без официального делегирования таких полномочий, что может стать причиной появления в нем коррупциогенных факторов. Путем подзаконного регулирования устанавливаются новые обязательные правила поведения (например, административные процедуры, компетенция правоприменителя по их реализации и т.д.), которые в виду отсутствия закона фактически являются единственным и высшим по юридической силе источником регулирования общественных отношений. Нормы, которые регламентируют компетенцию государственных органов и субъектов правоприменения (определяют права, обязанности, цели, задачи и основные направления их деятельности), бывают неопределенными, вследствие чего появляется возможность для произвольной трактовки их полномочий. Органы самостоятельно устанавливают объем своих прав и обязанностей и принимают произвольные решения. Методом борьбы с данным коррупциогенным фактором может быть только работа по всецелому отражению в нормативном правовом акте компетенции должностных лиц, органов управления и руководителей коммерческой или иной организации. Если реализация этого требования невозможна или нецелесообразна, то в нем должно содержаться положение о разработке проектов соответствующих правовых актов, которые необходимы для его реализации (с указанием их характера и сроков подготовки). Если нормативный правовой акт признает утратившими силу ранее действовавшие нормативные акты (отдельные их положения), возникновение пробела в правовом регулировании вполне вероятно. В связи с этим стоит выяснить, имеется ли необходимость в подготовке проектов соответствующих НПА, устраняющих правовые пробелы, запланированы ли их разработка и принятие в ближайшее время. Федеральным органам исполнительной власти предписано обеспечивать своевременное принятие нормативных правовых актов во исполнение федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов и распоряжений Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ.

Такой коррупциогенный фактор, как лингвистическая неопределенность, (лучше даже сказать юридино-лингвистическая неопределенность) проявляется в употреблении неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного, субъективного характера. Любой НПА должен строиться с позиций общепризнанных правил юридической техники, четкости и ясности юридического языка. В то же время следует отметить, что при проведении антикоррупционной экспертизы НПА и их проектов перед экспертом не ставится задача проведения лингвистической экспертизы. Эксперт должен оценить качество норм в части, связанной с возможными коррупциогенными проявлениями. Коррупциогенность создает использование двусмысленных или неустоявшихся в юридической науке терминов, понятий и формулировок, а также категорий оценочного характера с неясным, неопределенным содержанием, не используемых в российском законодательстве. Обозначение различными терминами одного явления может исказить смысл положений законов и даже Конституции РФ. Такие дефекты нормативного правового акта могут обусловить произвольное применение его норм, в том числе связанное с коррупционными проявлениями. В наибольшей степени коррупции способствуют неконкретные нормы, регулирующие вопросы юридической ответственности, нормы с нечетким указанием условий, при которых субъект правоприменения правомочен принимать определенные решения, а также содержащие отсылку к мнимым регламентам (например, "в случае необходимости", "при наличии достаточных оснований", "согласно установленному порядку", хотя он отсутствует, и т.п.). Как отмечается в информационном письме Генеральной прокуратуры РФ "О практике проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов", прокурорами стали чаще выявляться коррупциогенные факторы, связанные с юридино-лингвистической неопределенностью правовых норм, что говорит о плодотворной работе прокуратуры в части проверки на коррупционность нормативных правовых актов и их проектов.

В условиях глобализации стремительно развиваются правоотношения, происходит сближение правовых систем. Появляются новые отрасли права, существенно модифицируются традицион-

ные. Право динамично, словесное выражение правовых норм приводит к невозможности эффективно осуществлять динамичен и язык права. Новые явления требуют номинаций, которые не должны противоречить существующему понятийно-терминологическому аппарату. Любой нормативный правовой акт представляет собой текст, написанный в официально-деловом стиле, который содержит юридические термины, но с расширением массива нормативных правовых актов становится сложнее соблюдать единообразие в их употреблении. Неудачное правовое регулирование существенно повышает эффективность правового регулирования проведение антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры.

Список цитируемой литературы:

1. Бородина О.А. Перспективные направления деятельности органов прокуратуры в активизации института независимой антикоррупционной экспертизы // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 1
2. Кудашкин А.В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: науч.-практ. пособие – М.: Норма: ИНФРА – М, 2012
3. Куракин А.В. Современные формы проявления коррупции в системе государственной службы Российской Федерации // Гражданин и право. 2008. N 2
4. Нарутто С.В. Экспертиза проектов актов представительных органов как направление правотворческой деятельности прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2015.
5. Скачкова А.Е. Вопросы антикоррупционной экспертизы правовых актов, регулирующих правоотношения органов публично-правовых образований и физических (юридических) лиц // Экспертиза нормативных правовых актов и их проектов на предмет коррупциогенности: содержание, значение, методика проведения: Сб. ст. / Под ред. Капинус О.С. и Кудашкина А.В
6. Стародубцева И.А. Экспертиза нормативных правовых актов как способ предотвращения коллизий: особенности правового регулирования в субъектах Российской Федерации // Российская юстиция. - 2012. - №9. - С. 14 – 19.
7. Шафеева М.Д. Проблемы организации и проведения антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры // Актуальные проблемы права, экономики и управления (см. в книгах). 2016. № 12. С. 213-215.
8. Яновский Е.С. Коррупциогенные факторы в российском законодательстве: деформации нормативно-правового толкования // Юрист - правовец. - 2010. - N 4. - С. 115-119.

Сведения об авторе:

Чубина Алиса Евгеньевна – студент Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА); Chubina02@bk.ru

Научный руководитель – Чубина Елена Александровна., к.п.н, доцент, доцент кафедры судебных экспертиз, исполняющий обязанности директора Института судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Кецмур Ю.О.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

***Аннотация:** В данной статье рассматриваются основные аспекты сотрудничества государств в борьбе с международной преступностью. Анализируются мнения ученых по поводу понятия борьбы с преступностью и разновидностей установленных международных правонарушений. Уделяется внимание международным органам и организациям, участвующим в борьбе с международной преступностью. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования национального и международного права в данной сфере ввиду прогрессивного развития современной преступности.*

***Ключевые слова:** международное право, международная преступность, сотрудничество государств, борьба с преступностью, раскрытие преступлений, защита прав и свобод.*

Прежде всего, под сотрудничеством государств в сфере борьбы с международной преступностью необходимо понимать совместную деятельность государств, направленную на предупреждение и раскрытие преступлений, а также определение задач по минимизации противоправных деяний как внутри стран, так и на международном уровне. На практике такая совместная работа

выражается в двух направлениях: институциональное сотрудничество, которое представляет собой сотрудничество государств в рамках международных организаций, и конвенционное сотрудничество, основанное на многообразных соглашениях локального, регионального и универсального уровня.

Как полагает О.А. Эльязов, международным сотрудничеством в данной сфере необходимо признавать объединение сил различных государств-участников, целью которых является предупреждение преступной деятельности, борьба с нарушителями и их исправление. Необходимость в объединении стран с целью преодоления преступности обуславливается количественными и качественными показателями самой преступности в отдельно взятых государствах [7, с. 29].

Для того, чтобы привлечь физическое лицо к ответственности, необходимы основания. В качестве таких можно считать совершение лицом преступления, имеющего международный характер, или международного преступления. Первое предполагает совершение деяния, затронувшего интересы минимум двух государств, например, отмывание денежных средств, контрабанда и тому подобное. Международные преступления направлены на причинение существенного ущерба интересам множества государств и в целом мировому сообществу.

Под международным преступлением следует понимать особо опасное деяние, которое нарушает основные устоявшиеся принципы и нормы, существующие в международном праве. Как указывает Устав Международного военного трибунала, принятый в 1945 году, международные преступления имеют свои разновидности, в частности это:

1. Военные преступления, нарушающие обычаи ведения войны, выражающиеся в убийстве, истязании военнопленных, гражданского населения на оккупированной территории, заложников (в том числе при кораблекрушении), а также бессмысленные действия, которые не имеют военной необходимости (например, нарушение частной собственности, бессмысленное разрушение домовладений и инфраструктуры).

2. Преступления, направленные против мира. Сюда можно отнести подготовку к ведению войны, агрессивные действия в отношении иных стран, нарушение международных договоров и иных соглашений, провокация конфликтов.

3. Преступления, направленные против человечности – то есть, те, которые имеют своей целью истребить людей, поработить их, сослать, применить к ним жестокие деяния на основании политических, религиозных или расовых мотивов [5].

Следует отметить, что все органы, способствующие борьбе с международной преступностью, должны подчиняться международным соглашениям и нормативным актам. Страна, выступающая участником борьбы, ратифицирует данные акты на национальном уровне.

На наш взгляд, организации, занимающиеся борьбой с международной преступностью, не могут иметь полную свободу в действиях, а, соответственно, действовать эффективно ввиду зависимости от определенных государств в части финансирования или расположения на их территории.

Как считает С.В. Бородин, необходимо выделять три уровня защиты прав и свобод человека в сфере международной борьбы с преступностью:

1. Сотрудничество, базирующееся на многосторонних соглашениях между странами, должно признаваться всеми сторонами таких соглашений на их территории и обеспечивать неотвратимость наказания.

2. Совместная организация борьбы на региональном уровне, который представляет собой совокупность стран, входящих в один союз. В частности, сюда можно отнести СНГ, Совет Европы, ЕС, САДК и тому подобные.

3. Сотрудничество между двумя государствами, суть которого состоит во взаимопомощи друг другу в части выдачи преступников, передачи осужденных, помощи в расследовании уголовных дел, организации отбывания наказания для определенных лиц [1, с. 21].

В значительной части международных многосторонних договоров установлено, что совершенные правонарушения относятся к юрисдикции того государства, в пределах территории которого они происходили. Если же местом совершения преступления являются воздушные или морские суда, будет учитываться регистрация такого судна в конкретном государстве, или гражданство предполагаемого нарушителя.

В настоящее время существуют некоторые проблемы в борьбе с международной преступностью. В связи с достаточно быстрым развитием научно-технического прогресса современная преступная деятельность приобрела новые формы, приспособилась быстро «заметать следы» и усилила корыстную направленность. Возросло количество международных организованных преступных группировок, которые продолжают наращивать международные связи.

Главным институтом по организации борьбы с международной преступностью является Организация Объединенных Наций, которая в своем Уставе закрепляет задачу по обеспечению международного сотрудничества государств. В частности, в рамках ООН этими вопросами ведают Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС). Отдельно следует отметить Международную организацию уголовной полиции (Интерпол) [6].

Указанные организации располагают большим объемом информации, а именно данными о политических преследованиях, базами данных, нормативно-правовыми материалами, криминологическими исследованиями и другой информацией, необходимой для эффективной борьбы с преступностью на межгосударственном уровне.

В состав ООН входят и иные органы, также занимающиеся борьбой с преступностью, в частности это Контртеррористический комитет ООН (КТК), Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП). К функциям последнего относятся:

- 1) выявление фактов коррупции на международном уровне;
- 2) предотвращение международного терроризма;
- 3) реформа уголовной юстиции;
- 4) обеспечение охраны здоровья человека, в том числе посредством предотвращения злоупотребления наркотиками и спиртными напитками;
- 5) борьба с организованной преступностью и пресечение торговли наркотиками и наркотическими средствами.

На международном уровне разрабатываются масштабные базы данных, собирается информация, имеющая значение для расследования, анализируются потребности различных стран в целях предупреждения преступной деятельности на их территории [3, с. 120]. Устав Организации Объединенных Наций считается важнейшим источником международного права, предназначение которого состоит в обеспечении социального благополучия населения, его прогресса и развития, а также защите прав и свобод человека и гражданина.

Рассматривая на международной арене Российскую Федерацию, необходимо отметить, что она является участником международной борьбы с преступностью. В частности, ей ратифицировано множество конвенций, которые имеют цель побороть терроризм, коррупцию, незаконный международный оборот наркотиков и организованную преступность. А.Р. Каюмова, анализируя данные положения, приходит к выводу, что международная борьба с преступностью положительно влияет на формирование российского национального уголовного, уголовно-процессуального законодательства и помогает его систематизировать [2, с. 202].

Однако нельзя сказать, что международное право в данной сфере является полностью систематизированным и усовершенствованным. На наш взгляд, необходимо особо обратить внимание на приведение в соответствие с международными нормами национального законодательства стран-участников в области борьбы с международной преступностью. В частности, важное значение имеет развитие правовой помощи, усовершенствование научных технологий по выявлению следов преступления, исследование киберпреступности, которая в настоящее время не имеет четко установленных территориальных границ, а также развитие взаимопомощи государств в виде введения экстрадиции.

Такое явление, как экстрадиция предусматривает выдачу лиц, совершивших преступление. На наш взгляд, необходимо изменить в этой части национальное законодательство и наладить взаимосвязи с иными странами в этой сфере, чтобы обеспечить возможность отбывания наказания лицам в стране, гражданами которой они являются. В связи с этим национальное законодательство должно включать в себя общие нормы и принципы применения экстрадиции, которые существуют на международном уровне. Следует отметить, что на данный момент в России такая норма закреплена в статье 464 Уголовного процессуального кодекса, где предусмотрена выдача иностранного гражданина или лица без гражданства иностранному государству в целях уголовного преследования или исполнения приговора за уголовно наказуемые в Российской Федерации или другом государстве деяния [4]. Однако данная процедура требует более подробной регламентации и, по нашему мнению, должна регулироваться отдельным федеральным законом или подзаконным актом.

В свете рассматриваемой темы нельзя не затронуть аспекты, касающиеся деятельности правоохранительных органов различных государств, в том числе тех, которые входят в СНГ. Особо острой проблемой на сегодняшний день является предупреждение развития системы международной незаконной торговли. Здесь важно акцентировать внимание на таких действиях со стороны правоохранительных органов государств, как:

- защита интеллектуальной собственности;

- контроль существующих, а также обсуждение возможных вариантов ограничения иных вредных веществ, опасных объектов и организмов, как импортного товара;
- борьба со шпионажем в экономической сфере.

На наш взгляд, необходимо более тщательно прорабатывать вышеуказанные аспекты, организуя встречи между правоохранительными органами государств для обсуждения актуальных проблем. Кроме того, здесь необходимо задействовать и таможенные структуры, которые выступают проверочным органом, осуществляющим непосредственное обозрение перевозимых грузов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. С каждым годом происходит существенное изменение обстоятельств, в рамках которых может производиться сотрудничество государств мирового сообщества в сфере борьбы с преступными деяниями. Это обусловлено постоянным развитием социума, в рамках которого возникают новые общественные отношения, подлежащие урегулированию не только нормами национального законодательства, но и нормами международного права. Кроме того, на это влияют и такие факторы:

1. Изменение как количественных, так и качественных показателей уровня преступности в мире;
2. Требования, которые берут свое начало из норм международных соглашений, а также национальных норм права тех государств, которые их заключают.

В связи с этим, форма и содержание сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью постоянно изменяются. Они могут выражаться как в двустороннем, так и многостороннем форматах, что также регулируется договорными отношениями стран. Здесь же происходит деление на борьбу с преступностью в целом и с отдельными видами преступлений, которые в тот или иной период развития мира меняются.

Так, на сегодняшний день, основными направлениями являются пресечение терроризма и недопущение его масштабирования. В условиях современного мира, когда происходит каждодневное изменение обстоятельств и уровня технологий в информационном пространстве, правоохранительным органам необходимо в особой степени уделять внимание происходящим преобразованиям и предопределять пути сотрудничества для недопущения развития преступности как на внутригосударственном, так и на международном уровне.

Список цитируемой литературы:

1. Бородин С.В., Ляхов Е.Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью : (проблемы деятельности ООН в области предупреждения преступности и обращения с правонарушителями) / С.В. Бородин, Е.Г. Ляхов. – Москва : Международные отношения, 1983. – 200 с.
2. Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве / А.Р. Каюмова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2016. – 487 с.
3. Международное уголовное право : учебник для вузов / А.В. Наумов, А.Г. Кибальник, В.Н. Орлов, П.В. Волосюк ; под редакцией А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 509 с.
4. Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
5. Устав Международного Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2540388/> (дата обращения: 12.01.2022).
6. Устав Международной организации уголовной полиции (Интерпол). [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/1306105/> (дата обращения: 12.01.2022).
7. Эльязов О.А. Международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 7 (21). – С. 29-32.

Сведения об авторе:

Кецмур Юлия Олеговна – студент юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; 1381887@bsu.edu.ru

Научный руководитель – Пасенов А.Н., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; pasenov@bsu.edu.ru

Герасимова В.А.
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПИРАТСТВОМ

***Аннотация:** В данной статье рассматривается правовая основа регулирования борьбы с пиратством. Выявляются проблемы, существующие в данной сфере, проводится их анализ и предлагаются возможные пути решения. В качестве одного из возможного варианта решения существующих проблем предлагается составление универсальной конвенции по борьбе с пиратством и учреждение суда, уполномоченного рассматривать дела о пиратстве.*

***Ключевые слова:** пиратство, борьба с пиратством, морской разбой, международное право, преступление международного характера.*

В первую очередь необходимо начать с того, чтобы охарактеризовать сущность понятия «пиратство», о котором пойдет речь в рамках данной работы. Это необходимо сделать в связи с тем, что в современном мире данный термин имеет множество значений. Например, применительно к гражданскому праву можно сказать, что пиратство – это незаконная деятельность, которая заключается в извлечении различного вида доходов путем опубликования, распространения и иных действий в отношении результатов интеллектуального труда других авторов, которые сопровождаются нарушением авторского законодательства.

В международном праве пиратство представляет собой преступление международного характера, заключающееся в незаконном захвате, ограблении или же потоплении торговых или гражданских судов в открытом море.

Стоит отметить, что данное понятие не является весьма исчерпывающим, поскольку пиратство в данном аспекте распространяется не только на морское пространство, но и на воздушное пространство, то есть относительно воздушных судов. Это отмечается в Конвенции ООН по морскому праву. Однако в рамках данной статьи уделим внимание именно морскому пиратству.

Также важно отметить, что понятие «пиратство» имеет легальное закрепление в ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву. В ч. 1 данной статьи содержится следующее: «Пиратством является любое из перечисленных ниже действий: а) любой неправомерный акт насилия, задержания или любой грабеж, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный: i) в открытом море против другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту; ii) против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства; б) любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, совершенный со знанием обстоятельств, в силу которых судно или летательный аппарат является пиратским судном или летательным аппаратом; с) любое деяние, являющееся подстрекательством или сознательным содействием совершению действия, предусмотриваемого в подпункте "а" или "б".... » [1]. Такое же определение содержится в Женевской конвенции об открытом море 1958 г.

Таким образом, отметим, что в рамках данной работы пиратство рассматривается как преступление международного характера, предполагающее незаконный захват, ограбление или потопление гражданских морских судов.

Далее стоит сказать о том, что пиратство издавна считается одним из самых опасных общественных деяний, которое имеет место быть и в настоящее время. Для того, чтобы убедиться в этом, хотелось бы привести данные, опубликованные Международным морским бюро Международной торговой палаты. Согласно этим данным мы видим, что в 2020 году зафиксировано 195 случаев пиратства и вооруженного разбоя против судов по всему миру, что на 33 случая больше, чем в 2019-м [4]. Исходя из этих данных видно, что количество случаев пиратства за год увеличилось на 20%, что является достаточно большим показателем.

В связи с этим можно предположить, что имеются проблемы в области борьбы с пиратством, поскольку из года в год показатели растут. Вряд ли кто-то усомнится в том, что это преступление предполагает особую общественную опасность. При этом многолетняя международная практика свидетельствует о том, что зачастую пиратство сопряжено также с иными преступлениями международного характера, среди которых незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, международный терроризм и другие. Именно поэтому в данной работе мы решили изучить вопрос пиратства, рассмотреть правовую основу противодействия данному преступлению, а также проанализировать данные акты и найти возможные проблемы в регулировании международной борьбы с пиратством.

Среди проблем, которые сформировались на сегодняшний день в данной сфере, можно выделить следующие. Первое, что, на наш взгляд, является основной проблемой, это отсутствие универсального, всеобъемлющего международно-правового акта, который бы в полной мере регламентировал сотрудничество государств в борьбе с пиратством.

В современном международном праве существует целый ряд международно-правовых актов, которые в той или иной степени регулируют отношения, связанные с борьбой с пиратством. К таким документам можно отнести: Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.; Женевскую конвенцию об открытом море 1958 г.; Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г.; ряд резолюций ООН, связанных с активизацией пиратства у побережья Сомали; Международную конвенцию по охране человеческой жизни на море 1974 г.; Международный кодекс по охране судов и портовых средств 2004 г. и другие.

Стоит отметить, что наряду с универсальными международными актами, немаловажное место в регулировании данного вопроса имеют и региональные соглашения. В качестве примера можно привести соглашение о региональном сотрудничестве в борьбе с пиратством и вооруженным разбоем против судов в Азии, более известное под аббревиатурой РЕКААП. Представленное соглашение является первым региональным соглашением, содержание которого направлено на поощрение и укрепление сотрудничества в борьбе с пиратством и вооруженным разбоем против судов в Азии.

Соглашение РЕКААП было заключено в ноябре 2006 года 14 договаривающимися сторонами, включая страны Северной, Юго-Восточной и Южной Азии. Сегодня в нем участвует 21 договаривающаяся сторона, включая европейские государства (Норвегию, Нидерланды, Данию, Соединенное Королевство и Германию), Австралию и Соединенные Штаты [2].

Таким образом, мы видим, что международная борьба с пиратством регламентируется целой совокупностью как универсальных международно-правовых документов, так и региональных правовых документов, не исключая и некоторые национальные правовые акты в этой сфере. Например, в Уголовном кодексе Российской Федерации ст. 227 непосредственно посвящена пиратству.

Каждый из этих актов регулирует узкую часть отношений в сфере борьбы с пиратством, то есть прослеживается явная надобность в едином документе, который объединит положения о борьбе с пиратством всех вышеперечисленных актов, а также структурирует эти положения в нужном порядке. На наш взгляд это является одной из основных проблем в данной сфере, которая порождает за собой возникновение конкретных, более узких проблем. Далее их рассмотрим.

Многие авторы выделяют проблему, связанную с вопросами процессуального характера в борьбе с пиратством. Для начала стоит отметить, что ответственность за все процессуальные действия, производимые в отношении пиратов, ложится на то государство, чей корабль их захватил. В ходе процессуальных действий возникают вполне очевидные трудности: необходимость сбора доказательств, установления личности обвиняемого, обеспечение явки свидетелей и потерпевших в суд, осуществление перевода на другие языки в процессе следственных действий, – все эти вопросы на практике вызывают существенные проблемы в реализации и, вероятнее всего, представленный перечень проблем не является исчерпывающим.

Другой существенной проблемой для всех государств являются финансовые затраты. Они связаны с необходимостью осуществления ряда действий, среди которых можно назвать: необходимость транспортировать подозреваемых, содержание задержанных и осужденных, возвращение их в государство гражданства после отбытия наказания и другие. Конечно такие действия требуют соответствующих финансовых затрат. При рассмотрении данной проблемы стоит отметить, что расходы, связанные с указанными выше мероприятиями, будут значительно высоки и сильно будут сказываться на тех государствах, граждане которых в большей степени вовлечены в пиратскую деятельность. В качестве примера такого государства можно привести Сомали, известное тем, что у его берегов пиратство получило наибольшее распространение.

Заключительной проблемой можно назвать отсутствие механизма защиты от пиратства на универсальном, региональном и национальном уровнях, что вызвано неразвитостью соответствующих систем. Это напрямую связано с отсутствием универсального международно-правового документа, направленного на борьбу с пиратством. В результате реализация международного сотрудничества по борьбе с рассматриваемым противоправным деянием существенно осложнена [3].

Многие государства, сталкиваясь с данными проблемами, в некоторой степени уклоняются от привлечения пиратов к уголовной ответственности, с учетом того, что их законодательство это предусматривает. Процессуальные сложности, финансовые затраты и сложный механизм защиты от пиратства затрудняют деятельность государств в этой области.

Рассмотрев данные проблемы, целесообразным будет предложить пути их решения.

Важным шагом на пути решения данных проблем может явиться разработка при поддержке ООН универсальной конвенции по борьбе с пиратством, в положениях которой будет содержаться следующая информация: понятие пиратства, его состав, вопросы юрисдикции и выдачи, а также другие положения, непосредственно направленные на регулирование вопросов, связанных с пиратством.

Также возможно создание международного суда, к компетенции которого будет относиться рассмотрение вопросов, связанных с пиратством. В случае учреждения такого суда, целесообразнее будет его размещение на территории государства, находящегося в том регионе, в котором чаще всего осуществляются пиратские нападения на морские суда.

На наш взгляд, реализация указанного комплекса мер может значительно повысить эффективность международного сотрудничества в области борьбы с морским пиратством на современном этапе.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что только постоянное совершенствование организационно-правового механизма борьбы с пиратством позволит победить это социальное зло.

Список цитируемой литературы:

1. Конвенция ООН по морскому праву [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900747> (дата обращения 10.01.2022).
2. Центр обмена информацией ReCAAP [Электронный ресурс]. URL: https://www.re-caap.org/about_ReCAAP-ISC (дата обращения 11.01.2022).
3. Хижняк В.С. Современные проблемы международно-правового сотрудничества по борьбе с пиратством // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – №1(73). – С. 82-86.
4. Центр отчетности о пиратстве IMB [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icc-ccs.org/> (дата обращения 12.01.2022).

Сведения об авторе:

Герасимова Валерия Александровна – студент юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; leragerasimova7@yandex.ru

Научный руководитель – Пасенов А.Н., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; pasenov@bsu.edu.ru

Вдовенко А.С.

ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

***Аннотация:** В статье рассматривается проблема международной правосубъектности физических лиц. Анализируются различные подходы к классификации субъектов международного права. Уделено внимание как аргументам сторонников позиции наличия у физических лиц международной правосубъектности, так и аргументам их оппонентов, считающих, что физические лица не отвечают критериям субъекта международного права.*

***Ключевые слова:** субъекты международного права, государство, физическое лицо, международная правосубъектность, международное право.*

В международном праве существует большое количество субъектов. Субъектом международного права признается носитель международных прав и обязанностей, которыми он обладает вследствие определенных международных норм или международно-правовых предписаний.

Традиционно субъекты международного права делят на: 1) первичные и 2) производные [1, с. 134]. К первой категории относятся государства как основные субъекты международного права, а вторичными считаются субъекты, которые наделяются международной правосубъектностью государствами.

Нетрадиционными, вторичными субъектами международного права выступают физические лица, юридические лица, транснациональные корпорации и международные хозяйственные объеди-

нения. Они обладают ограниченной международной правосубъектностью, то есть не могут участвовать в международном правотворческом процессе и выступать в качестве первичных субъектов международного права. Индивид является основным нетрадиционным субъектом международного права.

Главным качеством субъекта выступает международная правосубъектность. Данный термин включает в себя международную правоспособность и дееспособность. Правоспособность выражается в способности субъекта обладать правами и обязанностями, а дееспособность в возможности субъекта своими действиями приобретать права и обязанности, а также нести ответственность за нарушение международно-правовых норм [5, с. 30]. Международная правосубъектность является юридическим свойством и представляет собой совокупность качественных характеристик, выражающихся в правах и обязанностях субъекта. Этот термин широко используется в различных международно-правовых актах – например, в Декларации о принципах международного права и в Конвенции по морскому праву [3, с. 56].

Содержание международной правосубъектности физических лиц включает в себя возможность предъявления претензий в международные органы и участия в определенных международных правоотношениях, в том числе привлечения к международной ответственности.

В качестве аргументов в пользу наличия у физических лиц международной правосубъектности в литературе приводятся следующие:

1) Признание прав и обязанностей физических лиц в различных международно-правовых документах. Происходит включение в международные договоры норм, которые касаются прав, обязанностей и ответственности индивидов. Примером можно считать Римский статут о создании Международного уголовного суда, которому подсудны физические лица, обвиняемые в совершении преступлений против человечества, военных преступлений и иных преступлений [3, с. 88];

2) Возможность участия физических лиц в качестве стороны в международном судебном процессе. Например, индивид может предъявить претензию к своему государству в случае нарушения положений относительно прав и свобод человека. В ходе судебного разбирательства индивид и государство будут пользоваться равными правами [6, с. 138].

3) Привлечение индивидов к международной ответственности. В соответствии с Уставом Нюрнбергского военного трибунала физические лица, совершившие военные преступления, были привлечены к ответственности по нормам международного права.

Данные аргументы подтверждаются мнением специалиста в области прав человека – В.А. Карташкина, который отмечает: «индивид, который более активно вторгается в международное право и в ряде случаев принимает участие в процессах обеспечения международных стандартов в области прав человека, имеет все основания быть признанным непосредственным субъектом международного права» [4, с. 100].

Среди аргументов, которые выдвигают противники правосубъектности физических лиц, можно назвать:

1) Субъекты международного права обладают правотворческой инициативой. Физическим лицам не свойственно данное полномочие;

2) Индивиды подконтрольны определенному государству и не могут осуществлять независимо свои международные права и обязанности;

3) Международно-правовые документы, касающиеся прав и обязанностей физических лиц, требуют подтверждения путем принятия определенных внутригосударственных актов [2, с. 91].

В настоящее время не существует единой точки зрения относительно международной правосубъектности физических лиц. Некоторые авторы считают, что индивиды не являются субъектами международного права, а являются лишь пользователями международных норм, которые созданы государствами. Другая точка зрения относит физических лиц к субъектам и ставит их в центр международно-правовой системы.

Государства издают международно-правовые нормы, которые регулируют взаимоотношения индивидов и наделяют их определенными правами и обязанностями. Международными документами, содержащими такие нормы, являются: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция о правах ребенка, Конвенция о политических правах женщины и другие.

На сегодняшний день существуют отрасли международного права, которые наиболее полно закрепляют правосубъектность физических лиц, среди которых можно назвать: международное уголовное право, международное право прав человека и право вооруженных конфликтов.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современной международно-правовой науке отсутствует единая точка зрения в отношении обладания индивидом международной правосубъектностью. Однако в международном праве имеется достаточно оснований для становления и развития системы межгосударственного сотрудничества по вопросам международной правосубъектности физических лиц.

По моему мнению, физические лица как субъекты международного права обладают специфической, ограниченной правосубъектностью и являются вторичными субъектами международного права. При этом права и свободы человека составляют основу современной цивилизации и, соответственно, ни одна отрасль не может существовать без такого субъекта как индивид.

Список цитируемой литературы:

1. Алиева М.Н., Мустафаева А.И. Индивид как субъект международного права // Закон и право. – 2019. – №5. – С. 134 – 136.
2. Вылегжанин А.Н. Международное право в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 329 с
3. Гетьман-Павлова И.В. Международное право: учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 560 с.
4. Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. – М., 1995. – 135 с.
5. Ковлер А.И. Индивид как субъект международного права (возвращение в дискуссии) // Международное право. – 2013. – № 1. – С. 28–53.
6. Матвеева Т.Д. Международное право: учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 438 с.

Сведения об авторе:

Вдовенко Арина Сергеевна – студент юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; 1352634@bsu.edu.ru

Научный руководитель – Пасенов А.Н., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; pasenov@bsu.edu.ru

Жиляева А.Ю.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация:** в настоящей статье рассматривается международный уголовный суд как современный гарант мирового порядка и безопасности. Анализируется состояние его организационно-правовой деятельности. Выявляются проблемы в механизме функционирования международного уголовного суда, а также предлагаются пути их решения.*

***Ключевые слова:** международный уголовный суд, международное право, международное правосудие, уголовное судопроизводство, преступление.*

Главной целью создания Международного уголовного суда являлось обеспечение безопасности в мире. История показала человечеству, что существуют преступления, которые могут нанести вред не только конкретной личности, но и мировому обществу, в целом. Ярким примером служит Нюрнбергский процесс по окончанию Второй мировой войны, который продемонстрировал, что существуют противоправные действия, нуждающиеся в международном правосудии для справедливого разрешения и удовлетворения интересов всех заинтересованных сторон.

«Уже давно было признано, – отмечается в приговоре Нюрнбергского трибунала, – что международное право налагает долг и обязанности на конкретных лиц так же, как и на государство... Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права» [3, с. 674]. Международные трибуналы, действовавшие в 1990-х годах (Международный трибунал по бывшей Югославии и Международный трибунал по Руанде) впоследствии лишь подтвердили уже имеющийся опыт.

Характерной общей чертой для уже созданных трибуналов был тот факт, что все они были созданы для конкретной ситуации одновременно. Но для более эффективного и объективного разрешения споров международного формата государства-члены ООН всерьез задумались о создании действующего на постоянной основе судебного органа.

Так, в связи с явной необходимостью был создан Международный уголовный суд в г. Гааге на основе подписания Римского статута (вступил в силу 2002 г.), с целью «положить конец безнаказанности виновных в совершении международных преступлений и тем самым способствовать предотвращению тяжких преступлений, угрожающих миру, безопасности и благосостоянию мира» [5, ст. 1].

Российская Федерация в 2000 г. подписала Статут, но процедуру ратификации проводить не спешила. В 2016 г. государство окончательно высказало свою позицию об отказе сделать Статут Международного уголовного суда частью национальной правовой системы именно по «национальным интересам». Любопытно, что Российская Федерация стала далеко не единственным государством с такой принципиальной позицией. Согласно официальным данным в настоящее время данный документ подписало 139 государств, но ратифицировало только 123 [2].

Дело в том, что Статут Международного уголовного суда обладает «жесткой» правовой природой. Это означает, что нормы данного документа императивны к исполнению странами, которые его ратифицировали. Таким образом, если национальное законодательство противоречит положениям, закрепленным в Статуте, то государство должно внести обязательные корректировки в соответствующие нормы.

На первый взгляд, в данном случае не должно возникнуть никаких явных проблем, поскольку большинство статей Статута отражают уже общепризнанные всеми принципы уголовного права и судопроизводства. Однако одна из норм представляет собой требование об обязательной выдаче лиц, подлежащих экстрадиции.

Примечательно, что в большинстве конституций стран-участников (в том числе, и Российской Федерации) закреплен прямой запрет на выдачу собственных граждан, что порождает коллизию между международным и национальным правом.

В связи с этим страны разделились условно на две группы относительно функционирования Международного уголовного суда на постоянной основе. Первая группа, в состав которой входят Австралия, Канада, Германия, считает Международный уголовный суд своеобразным сдерживающим фактором против тяжких преступлений, угрожающих человечеству. Следовательно, такой правозащитный орган в качестве постоянно работающего механизма, безусловно, необходим. Д diamетрально противоположного мнения придерживаются такие страны как США, Китай, Индия. Они сходятся во мнении, что временный трибунал является наиболее оптимальной формой международного уголовного судопроизводства, поскольку к рассмотрению каждого конкретного случая временно созданный орган подходит более индивидуально. Ответственность за его создание должна возлагаться на Совет Безопасности ООН в кризисных и чрезвычайных ситуациях. Ныне действующему Международному уголовному суду характерно более строгое отношение к соблюдению положений Статута, нормы которого императивны к исполнению вне зависимости от предлагающихся факторов без каких-либо оговорок и альтернативных решений [4, с. 67].

Предполагаем, что в данном случае существует два возможных варианта развития событий:

1.) унификация национального уголовного права и процесса всех государств необходима для последующего приведения норм в соответствие с Римским Статутом. Однако такое развитие событий представляется маловероятным, так как многие государства вряд ли захотят менять конституционную норму о невыдаче граждан, поскольку такой шаг станет для населения сигналом о своей незащищенности.

2.) корректировка содержания Статута Международного уголовного суда, а именно – трансформация «жестких» норм в «мягкие», то есть не порождающих для государств императивных прав и обязанностей.

Такая категоричность в теории должна приводить к безусловному мировому порядку, однако на практике картина выглядит не так идеально. В реальности многие государства открыто выражают мнение, что Статут суда угрожает их национальной безопасности, поэтому не подлежит применению.

Помимо проблемы возникновения возможных коллизий, существует ещё одна – наличие оценочных понятий в документе таких как «неспособность» и «нежелание» государства осуществлять уголовное преследование. В данном случае, поскольку Международный уголовный суд само-

стоятельно вершит правосудие, размытые и неконкретизированные нормы абсолютно недопустимы. В таком случае существуют риски политизации деятельности Суда, которые впоследствии порождают недоверие к данному органу. Ради справедливости стоит отметить, что в настоящее время практика знает достаточно примеров, когда на фоне политического недопонимания государства входили в конфронтацию с решениями международного судебного органа.

Например, достаточно много неоднозначных моментов возникало во взаимоотношениях Международного уголовного суда со странами Африки. Последние достаточно часто обвиняли данный орган в предвзятости и расовой дискриминации. В 2009 г. прокурор Международного уголовного суда предъявил обвинение Омару аль-Баширу в причастности к преступлениям в Дарфуре в надежде, что этот шаг приведет к изоляции президента и облегчит его арест. В действительности, однако, эффект был прямо противоположным. Обвинение подверглось осуждению со стороны Африканского союза, и с тех пор Омар аль-Башир посетил более 15 стран [1, с. 315].

Резюмируя, можем отметить, что наличие пробелов и коллизий в законодательстве ставит под огромный вопрос существование Международного уголовного суда в будущем. Сама идея функционирования такого правозащитного органа приветствуется и оправдывается, однако способы, избранные мировым сообществом, весьма сомнительны. Можно приводить массу аргументов «за» и «против», но действительность демонстрирует низкий уровень эффективности работы Международного уголовного суда.

Список цитируемой литературы:

1. Лямин Н.М. Становление принципа универсальной юрисдикции и её осуществление органами международного уголовного правосудия // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки – 2014. – № 2. – С. 311-319.
2. Международный уголовный суд. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icc-cpi.int/> (дата обращения: 12.01.2022).
3. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. в 8 т. / отв. ред. Н.С. Лебедева – М.: Юридическая литература, 1999. – Т. 8. – С. 561-740.
4. Подшибякин А.С. Римский Статут и решение проблем его ратификации отдельными государствами // Вестник МГИМО-Университета. – 2008. – № 3 (3). – С. 66-71.
5. Римский статут Международного уголовного суда. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/romestatute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/romestatute(r).pdf) (дата обращения 13.01.2022)

Сведения об авторе:

Жиляева Алина Юрьевна – студент юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», azhiliaeva265@gmail.com

Научный руководитель – Пасенов А.Н., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; pasenov@bsu.edu.ru

Кумарова А.А., Айжарова Р.В.

ПРОЦЕСС ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

***Аннотация:** Современные реалии диктуют необходимость преобразований во всех сферах жизнедеятельности общества, исключением не стала и правовая система, в частности гражданский процесс, который столкнулся с некоторыми проблемами процесса цифровизации, а их устранение будет являться неотъемлемой частью направления прогресса развития гражданского процессуального права.*

***Ключевые слова:** гражданское процессуальное право, гражданский процесс, цифровизация, электронный документ, аудиопротokolирование.*

В начале 2020 года весь мир столкнулся с распространением неизвестной ранее коронавирусной инфекцией COVID-19, что повлекло за собой серьезные угрозы жизни и здоровью миллионов людей. Наряду с многочисленными социальными последствиями, распространение COVID-19 повлияло и на гражданско-правовые отношения между различными субъектами.

Несмотря на то, что цифровизация судебной системы берёт своё начало ещё с 2006 года и для её реализации была разработана и утверждена Концепция развития информатизации судов до 2020 года, до сих пор нельзя говорить, что все возможности в этой области исчерпаны [3].

Одним из главных трендов в области государственного, экономического и социального развития 21 века является процесс цифровизации. Разразившаяся в нашей стране пандемия «обнажила» ряд существенных проблем в сфере гражданского процесса, а судебная система продемонстрировала свою неспособность адаптироваться к осложнениям эпидемиологической обстановки.

Первая проблема связана с несовершенством информационных технологий в судебной системе. Так, с 1 января 2017 года в судах общей юрисдикции введён порядок подачи документов в электронном виде посредством формирования электронного заявления, искового заявления, жалобы, которые подписываются электронной цифровой подписью и размещаются на официальном сайте в сети Интернет [4]. Однако в системе «Электронное правосудие» отсутствует важная функция внутреннего документооборота между различными судами. На практике это приводит к дублированию стандартных процедур обмена документами, затягиванию гражданского процесса, нарушению одного из основополагающих принципов гражданского процесса - разумный срок судопроизводства [1].

Вторая проблема - несовершенство процесса компьютеризации: сбои, приводящие к массовой утере или утечке информации. Так, с 1 сентября 2019 года введена обязательность аудиопроотолирования в гражданском процессе [6]. Данная новелла законодателя породила формирование огромного массива информации. Однако существующая материально-техническая база судов не всегда позволяет качественно хранить информацию и бесперебойно обеспечивать доступ к ней [5].

Третья проблема - недостаточный уровень специальных знаний субъектов в данной области. Как отмечает Гончаров Е.И., правоприменительным органам и гражданам необходимо переосмыслить то, с чем они будут работать, так как электронный документ технически сложен для понимания особенно для граждан престарелого возраста [2]. Так, полноценное использование средств электронного правосудия требует углубленного освоения знаний в этой области. Это приводит к затруднению процесса цифровизации в судебной системе, поскольку работники суда являются представителями гуманитарных профессий.

Таким образом, приходим к выводу, что процесс цифровизации правосудия - это неременная составляющая успеха реформирования судебной системы РФ. Так, использование электронных технологий способствуют реализации основополагающих принципов гражданского процесса - дисциплины, состязательности и доступности. Однако для наибольшей эффективности необходимо предложить решение обозначенных выше проблем.

Во-первых, необходимо осуществить отказ от явно устаревших программ при обмене документами. В этой связи целесообразным считаем внедрение функции внутреннего документооборота между различными судами по примеру системы автоматизации делопроизводства в арбитражных судах. Это позволит повысить оперативность при поиске необходимых документов, снизит трудоёмкость и число ошибок за счёт автоматизации процессов.

Во-вторых, необходимо обеспечить бесперебойное осуществление аудиопроотолирования судебного заседания. Так, рекомендуется перед каждым судебным заседанием осуществлять проверку аппаратуры, проводить ее регулярный ремонт. Более того, предлагается обеспечить нахождение в зале судебного заседания специалиста по ремонту оборудования. Также необходимо урегулировать вопрос оцифровки и хранения данных записей на законодательном уровне.

В-третьих, необходимо внедрение в программы переквалификации или повышения квалификации, в частности работников суда, специальных дисциплин «Информационные технологии в гражданском судопроизводстве», что позволит повысить уровень знаний указанных субъектов в этой области.

Наконец, одной из главных проблем по-прежнему остаётся техническое оснащение электронного судопроизводства. Игнорирование указанной проблемы препятствует эффективному распространению цифровизации правосудия, а также затрудняет реализацию прав граждан на обращение в суд посредством использования информационных технологий.

Список цитируемой литературы:

1. Аносов А.В. Теоретико-правовые вопросы формирования «электронного правосудия» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. №5. С. 142-147.

2. Гончаров Е.И. Актуальные проблемы ведения электронного документооборота в Российской Федерации / В сб.: Наука и технологии: стратегия развития Сборник научных статей. Под общей редакцией В.А.Козловой, И.В. Кожан. Ростов-на-Дону, 2019. С. 20.

3. Концепция развития информатизации судов до 2020 года, утв. Постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 439 // СПС «Консультант-Плюс».

4. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 05.11.2019) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. № 2. 2017.

5. Страздина Т.С. Аудиопотоколирование судебного заседания по уголовным делам: достоинства им недостатки // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. №12. С. 158-161.

6. Федеральный закон от 29.07.2018 № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. №31. Ст. 4854.

Сведения об авторах:

Кумарова Алсу Асылбековна - студентка 3 курса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; alsu.kumarova@mail.ru

Айжарова Ралина Владиславовна - студентка 3 курса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; auzharova@list.ru

Научный руководитель - Исаенкова О.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Кинос И.Д., Лупандина И.Ю.

ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЯ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

***Аннотация:** В данной статье рассматривается развитие благотворительной деятельности в России, а также мошенничество как одна из проблем развития благотворительных организаций. Раскрывается сущность контроля налоговых органов за некоммерческими организациями. Приводится судебная практика осуществления полномочий налоговых органов по контролю за некоммерческими организациями.*

***Ключевые слова:** благотворительный фонд, мошенничество, налоговые органы, некоммерческая организация, налоговый контроль.*

Благотворительная деятельность является добровольной деятельностью как граждан, так и юридических лиц, по бескорыстной, то есть безвозмездной или на льготных условиях, передаче гражданам, а также юридическим лицам имущества, денежных средств, бескорыстному выполнению работ, оказанию услуг и иной поддержки[7]. Оказание помощи малоимущим, нуждающимся с давних времен являлось общественным долгом.

Существует ряд причин развития благотворительности. Во-первых, альтруизм как бескорыстная забота о благополучии других, а также исправление своих ошибок за счет благотворительной деятельности в качестве избавления от чувства угрызения совести. Во-вторых, некоторые должности, статусы, положения обязывают помогать, так как необходимо поддерживать имидж в глазах общественности. Например, Екатериной II были созданы в 1775 г. Приказы общественного призрения, заботившиеся об устройстве и содержании больниц, богаделен, сиротских и работных домов и домов для душевнобольных. Также при Екатерине II был создан первый государственный пенсионный фонд. При ней же был подготовлен, а затем введен в действие Приказ общественного призрения, согласно которому органы губернского управления должны были надзирать за народными школами, сиротскими домами, госпиталями и больницами, домами для престарелых[1]. Также можно выделить такую причину, как воспитанная с детства привычка помогать другим.

Согласно мировому рейтингу, опубликованному Британским благотворительным фондом CAF, в рейтинге частной благотворительности за 2017 год Россия занимала 124 место, в 2018 году – 110 место. В опросе участвовало около 146 тысячи человек из 139 стран мира. Критериями для оценивания являлись денежные пожертвования в благотворительные организации, количество работа-

ющих в качестве волонтера и оказывающих помощь нуждающемуся незнакомому человеку. Согласно исследованию ВЦИОМ за последние десять лет граждане России стали активнее участвовать в благотворительной деятельности. 32% респондента ответили, что помогали другим в течение пяти лет, а именно переводили деньги на счета благотворительных фондов или передавали вещи в детские дома и дома инвалидов. Данная статистика является обнадеживающей, ведь за десять лет число граждан, занимающихся благотворительностью, выросло в восемь раз.

В 2020 году размер денежных средств, перечисляемых в благотворительные организации, со стороны физических, а также юридических лиц вырос до 65%. При этом, существенно увеличилось и количество людей, принимающих участие в благотворительности в режиме онлайн. Таким путем в настоящий момент благотворительные фонды получают до 80% пожертвований. Если проанализировать статистику, то в начале января 2020 года средняя сумма взносов составила 650 рублей. Тогда, как годом ранее, то есть в 2019 году, данный показатель не превышал 500 рублей. В среднем, гражданин России, занимающийся благотворительностью, в течение года переводит на счет сумму примерно 3-3,5 тыс. рублей[4].

Наиболее активно население жертвует денежные средства и иное имущество в деятельность благотворительных фондов, например, «Русфонд», который сотрудничает с «Первым каналом», а также другими СМИ федерального и регионального уровня, оказывает помощь больным детям или «Русь», который принимает пожертвования в виде продуктов питания, а затем перераспределяет их среди многодетных семей, пенсионеров в деревнях[5].

Благотворительный фонд является одним из видов существующих фондов, который относится к числу некоммерческих организаций. Создание и деятельность благотворительных фондов регламентируется Федеральными законами от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – ФЗ №7-ФЗ) и от 11.08.1995 №135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (далее – Закон № 135-ФЗ). Благотворительные фонды могут получать денежные средства в форме: пожертвований физических и юридических лиц, грантов, целевого финансирования из других фондов, инвестиций, депозитов, а также прибыли от деятельности, которая законодательно допустима.

Одной из проблем, которая мешает развиваться благотворительным фондам, является мошенничество. Например, подача милостыни на улице или помощь адресно могут оказаться уловками мошенников. В случае перевода денежных средств на банковскую карту мошенника очень сложно впоследствии доказать, что данный перевод был выполнен именно на благотворительную деятельность, что усложняет привлечение мошенников к ответственности. В социальных сетях достаточно часто можно увидеть просьбу о помощи больным людям, однако нередко случаи, когда данные сборы также являются мошенническими. Жаловаться в техническую службу таких социальных сетей бессмысленно, так как нет контроля за данной деятельностью, на некоторых сайтах при жалобе пользователя такие аккаунты все-таки блокируются. Мошеннические действия чаще встречаются со сборами частных пожертвований, нежели чем в различных благотворительных фондах. В данном случае мошеннический фонд может оформлять новых сотрудников, привлеченных в новую фондовую программу, так как на нецелые пожертвования отводится до 20% общего количества пожертвований. На сайте настоящего фонда должен быть документ, который подписывается действием, а не подписью, - оферта. В данных документах определяются источники денежных средств. Мошенническая схема может выражаться в указании в данном документе на одну абстрактную программу, то есть около 50% средств можно потратить только на сам фонд. Люди, попавшиеся на данные уловки перестают доверять настоящим благотворительным фондам.

Согласно ч. 2 ст. 19 ФЗ № 135-ФЗ орган, принявший решение о государственной регистрации благотворительной организации, осуществляет контроль над соответствием ее фактической деятельности целям, ради которых она создана. В соответствии с ч. 8 ст. 19 данного федерального закона налоговые органы осуществляют контроль за источниками доходов благотворительных организаций, размерами получаемых ими средств и уплатой налогов в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах.

Налоговый контроль проводят органы налоговой службы в разных формах. Основные формы налогового контроля, касающиеся деятельности НКО, можно представить таким образом: во-первых, регистрационный учет налогоплательщиков, во-вторых, текущий контроль за представлением налоговой и бухгалтерской отчетности, а также за своевременностью и полно-

той уплаты налогов, и, в-третьих, налоговые проверки первичных учетных документов налогоплательщика, регистров бухгалтерского и налогового учета, бухгалтерской отчетности и налоговых деклараций.

Налоговый орган может принять решение о ликвидации некоммерческой организации на основании отсутствия отчетности, т.е. не представлении в налоговый орган по месту регистрации в течение 12 месяцев [6]. Например, М. обратился в суд с заявлением к Инспекции Федеральной налоговой службы России по району Т. города Ч. о признании недействительным решения Инспекции об исключении благотворительного фонда «А» из ЕГРЮЛ. Налоговый орган указал, что данная организация обладала признаками недействующего юридического лица, так как с момента государственной регистрации не предоставляла отчетность; согласно справке банка движение денежных средств по расчетному счету отсутствовало. На основании этих данных организация была исключена из ЕГРЮЛ. Суд отказал в удовлетворении заявленных требований [3].

Ответственность за нарушения налогового законодательства предусмотрена Налоговым кодексом Российской Федерации, Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации, Уголовным кодексом Российской Федерации и влечет последствия в виде: налоговой санкции (штраф); административной санкции (предупреждение или штраф); уголовной санкции (штраф, арест, лишение свободы).

Считаем необходимым обратить внимание на ряд особенностей привлечения к ответственности за нарушения налогового законодательства: 1) За одно и то же деяние, которое нарушает налоговое законодательство, возможно привлечение к разным видам ответственности (п. 4 ст. 108 НК РФ). Объясняется это тем, что налоговую (то есть предусмотренную НК РФ), административную и уголовную ответственность несут разные субъекты. При привлечении организации к ответственности, предусмотренной Налоговым кодексом, не освобождаются ее должностные лица от административных и уголовных санкций. Следует иметь в виду, что должностное лицо – это не только директор и главный бухгалтер. Им может быть и другой сотрудник, в случае, если обязанности, например, по представлению налоговой отчетности, возложены на него должностной инструкцией или приказом (ст. 2.4 КоАП РФ).

2) За правонарушения, которые указаны в Налоговом кодексе, налоговые органы могут непосредственно принять решение о применении к организации налоговых санкций (ст. 101 НК РФ). Однако за нарушения налогового законодательства, указанные в Кодексе об административных правонарушениях, органы налоговой службы не вправе принимать решение о привлечении организации к ответственности и применять административные санкции, а могут лишь составлять протокол о выявленных нарушениях, который затем рассматривается в судебном порядке.

3) Установлен обязательный досудебный порядок обжалования решений налоговых органов о привлечении организации к ответственности в случае, если организация не согласна с решением налогового органа. Жалоба подается сначала в вышестоящий налоговый орган и лишь затем, при неудовлетворительном решении, организация вправе обратиться в суд (п. 2 ст. 138 НК РФ).

4) Уголовная ответственность в налоговой сфере предусмотрена за такие нарушения налогового законодательства, как уклонение от уплаты налогов, неисполнение обязанностей налогового агента, сокрытие денежных средств либо имущества организации, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов, совершенных в крупном или в особо крупном размере (ст.ст. 199, 199.1, 199.2 УК РФ).

Крупным размером признается сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более пятнадцати миллионов рублей.

5) Налоговым законодательством установлено специфическое обстоятельство, исключающее вину организации в совершении налогового правонарушения (п. 3 ст. 111 НК РФ), а именно выполнение налогоплательщиком письменных разъяснений по вопросам применения налогового законодательства, данных этой организации либо неопределенному кругу лиц финансовым, налоговым или другим уполномоченным органом государственной власти. Согласно ст. 21 НК РФ налогоплательщики вправе получать письменные разъяснения по вопросам применения законодательства РФ о налогах и сборах – от Министерства финансов РФ, по законодательству о налогах и сборах субъекта – от финансовых органов субъектов РФ, по вопросам применения нормативных правовых актов муниципальных образований о местных налогах и сборах – от муниципальных образований.

Таким образом, если организация, которая нарушила закон, действовала на основании соответствующих письменных разъяснений или указаний, то ее действия будут оцениваться как добросовестное заблуждение относительно смысла закона, что исключает ответственность. При этом необходимо учитывать, что положения п. 3 ст. 111 НК РФ не применяются в случае, если указанные письменные разъяснения основаны на неполной или недостоверной информации, которая была представлена налогоплательщиком.

Нередко налоговый орган выступает в качестве третьего лица. Истцом в таких делах выступает Министерство юстиции РФ. Налоговый орган подтверждает факт проведения налоговых проверок, непредставления отчетности о финансово-хозяйственной деятельности некоммерческой организации.

Например, Управление Министерства юстиции РФ по Пермскому краю обратилось в суд с заявлением к благотворительному фонду «В» о ликвидации данной организации. Межрайонную инспекцию Федеральной налоговой службы РФ привлекли в качестве третьего лица. Истец ссылается на ряд доказательств, среди них отсутствие отчетов в автоматизированной информационной системе «Учет некоммерческих и религиозных организаций» (АИС УНРО), документы по формам, утвержденным Министерством юстиции, а также отчеты о финансово-хозяйственной деятельности организации. Таким образом, суд удовлетворил иск о ликвидации благотворительного фонда «В»[2].

Налоговый контроль за деятельностью некоммерческих организаций осуществляют налоговые органы. Контроль Налоговой инспекции производится путем проверки отчетности, а также путем проверки финансовой документации, в том числе бухгалтерской. На покрытие расходов уставной деятельности некоммерческие организации используют целевые средства. Данные средства должны расходоваться только на цели, определенные организацией или физическим лицом, которые передали эти средства. Иначе налоговые органы начнут проверку по нецелевому использованию средств. Министерство юстиции РФ осуществляет контроль за деятельностью некоммерческих организаций путем проверки соответствия их деятельности законодательству Российской Федерации и уставным целям. Основные полномочия по контролю деятельности некоммерческих организаций находятся у Министерства юстиции РФ.

Список цитируемой литературы:

1. Касьянова Е.А. Меценатство в России // Петербургский рекламист. 2003. № 3. С. 22.
2. Решение Арбитражный суд Пермского края по делу № А50-32604/2019 от 17.12.2019. [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/b7wmVWuOgnQg/?arbitral-txt=министерство+финансов+ликвидация+благотворительный+фонд&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitralregion=&arbitralcourt=&arbitraljudge=&_1607359100552&snippet_pos=4012#snippet. Дата обращения: 22.12.2021.
3. Решение Арбитражного суда Челябинской области по делу № А76-14710/2013 от 22.10.2013. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Статистика благотворительности в России. [Электронный ресурс] URL: <https://chance.su/389-statistika-blagotvoritelnosti-v-rossii.html>. Дата обращения: 22.12.2021.
5. ТОП-10 Благотворительных фондов, помогающих людям. [Электронный ресурс] URL: https://zen.yandex.ru/media/andrey_segeda/top10-blagotvoritelnyh-fondov-pomogaiuscih-liudiam-5e8488c5ddc8e520673d82ee. Дата обращения: 22.12.2021.
6. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.
7. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

Сведения об авторах:

Кинос Ирина Дмитриевна – обучающаяся ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»; ikinos@mail.ru

Лупандина Ирина Юрьевна – обучающаяся ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»; irochka_lupandina@mail.ru

Научный руководитель – Моисеенко М.А., к.ю.н, доцент, доцент кафедры предварительного расследования ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»

Айт А.С., Волкова Я.И.
ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЁННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ

***Аннотация:** В статье даётся анализ относительно новой меры пресечения – запрет определённых действий. Указанная мера введена в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в 2018 году Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определённых действий, залога и домашнего ареста» № 72-ФЗ. В ходе рассмотрения её содержания авторами выделены актуальные проблемы и способы их решения.*

***Ключевые слова:** мера пресечения, запрет определённых действий, уголовно-процессуальное законодательство, уголовный процесс, подозреваемый, обвиняемый.*

Конституция Российской Федерации гласит: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» [1, ст. 22]. Данное положение отражает один из основополагающих принципов демократического государства – наличие, признание, гарантированность фундаментальных прав и свобод человека, однако УПК РФ закрепляет ряд мер процессуального принуждения, подразумевающих ограничение свободы граждан.

УПК РФ определяет закрытый перечень мер пресечения. К таковым относятся: подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, запрет определённых действий, залог, домашний арест, заключение под стражу [2, ст. 98].

Рассмотрим наиболее подробно сущность такой меры пресечения, как запрет определённых действий. Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ были внесены изменения в УПК РФ. Коррективы коснулись не только норм, связанных с залогом и домашним арестом, появилась новая мера пресечения – запрет определённых действий (ст. 105.1 УПК РФ). Согласно указанной статье, запрет определённых действий выражается в обязанности подозреваемого или обвиняемого своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, при этом на подозреваемого и обвиняемого также накладывается один или несколько запретов. Функция контроля за соблюдением указанных выше требований возложена на федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных. Таким образом, контроль за исполнением выступает в качестве составляющей процессуального порядка применения меры пресечения.

Некоторые авторы отмечают схожесть между домашним арестом и запретом, установленным п.1 ч.6 ст. 105.1 УПК РФ. Однако при внимательном изучении норм, регламентирующих указанные меры пресечения, можно выделить принципиальное отличие. Домашний арест представляет собой изоляцию подозреваемого или обвиняемого от общества. Его осуществление происходит путём нахождения человека в жилом помещении. В свою очередь, запрет по п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ не означает полную изоляцию лица. Наоборот, указанный запрет должен накладываться разумно, исходя из критерия времени.

Кроме того, мера пресечения в виде запрета определённых действий представляет собой более мягкую альтернативу таким мерам пресечения, как арест и заключение под стражу. Данная мысль находит своё подтверждение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 [3, п. 51.1.].

Процедура избрания такой меры пресечения, как запрет определённых действий, регламентируется ст.105.1 УПК РФ. Следовательно, получив согласие руководителя следственного органа, или дознаватель, получив согласие прокурора, возбуждает перед судом ходатайство. В постановлении о возбуждении ходатайства, указывается один или несколько запретов, закреплённых в УПК РФ, а также обосновываются мотивы и основания их установления, невозможность избрания иных мер пресечения. Возможно три варианта постановлений, выносимых судьей при разрешении данного ходатайства:

- об избрании меры пресечения в виде запрета определённых действий;
- о возложении дополнительных запретов на лицо, в отношении которого уже применена мера пресечения в виде запрета определённых действий;
- отказ в удовлетворении ходатайства.

УПК РФ закрепляет следующий перечень запретов, которые могут быть наложены на подозреваемого или обвиняемого:

1. выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором обвиняемый или подозреваемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
2. находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определённых объектов, посещать определённые мероприятия и участвовать в них;
3. общаться с определёнными лицами;
4. отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
5. использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;
6. управлять автомобилем или иным транспортным средством (при условии совершения преступления, связанного с нарушением правил дорожного движения и эксплуатацией транспортных средств).

Приведём примеры применения указанных запретов в судебной практике.

1. В отношении гражданина Саитова была избрана мера пресечения в виде запрета выходить за пределы жилого помещения в период с 21 часа до 07 часов ежедневно, исключением являлись: работа, время проезда к месту работы и обратно, а также получение экстренной медицинской помощи. В выходные и праздничные дни гражданин Саитов должен был находиться в жилом помещении круглосуточно. Также на гражданина Саитова был возложен запрет управлять автомобилем или иным транспортным средством [4].

2. В отношении обвиняемого Зверева был определён целый ряд запретов: не покидать место проживания (за исключением ежедневных прогулок с 10 до 12 часов, с правом посещения ближайших магазинов и аптек), не посещать любые общественные мероприятия, не участвовать в них; не общаться со свидетелями по уголовному делу; не отправлять и не получать почтово-телеграфных отправления; не использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» [5].

Мера пресечения в виде запрета определённых действий реализуется уже более трёх лет. Необходимо обозначить проблемные аспекты, существующие в настоящее время при применении данной меры пресечения.

Первая проблема заключается в противоречии чч. 1-1.1 ст. 97 УПК РФ. Исходя из смысла ч. 1 ст. 97 УПК РФ, в отношении подозреваемого, обвиняемого может быть избрана лишь одна из мер пресечения. При этом ч. 1.1 закрепляет положение о возможности дополнительно возложить запрет одного или нескольких действий при избрании таких мер пресечения, как залог и домашний арест. На основании этого, можно сделать вывод, что мера, предусмотренная ст. 105.1 может выступать как в качестве основной, так и в качестве дополнительной. В связи с этим суд оказывается в спорной ситуации: в первом случае, при применении двух мер пресечения решение противоречит норме ч.1 ст. 97 УПК РФ, во втором – применение совокупности мер способствует более эффективному достижению целей уголовно-процессуального законодательства. Для устранения противоречия и решения данной проблемы необходимо исключить из ч. 1 ст. 97 УПК РФ положение, закрепляющее возможность избрания лишь одной меры пресечения.

Часть 8 ст. 105.1 УПК РФ, предусматривающая возможность использования подозреваемым или обвиняемым телефонной связи для вызова скорой помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб при чрезвычайных ситуациях, а также для общения со следователем, дознавателем, не предполагает наличие возможности для связи подозреваемого или обвиняемого с адвокатом (защитником). Данное положение противоречит ст. 48 Конституции РФ, согласно которой «каждому задержанному, заключённому под стражу, обвиняемому в совершении преступления гарантируется право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения», а также право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Обозначенная проблема может быть устранена путём включения в перечень лиц, с которыми подозреваемый, обвиняемый может поддерживать связь, защитника (адвоката).

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что, согласно сводным статистическим сведениям о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за первое полугодие 2021 года, судьями федеральных судов общей юрисдикции удовлетворены ходатайства об избрании меры пресечения в виде запрета определённых действий в отношении 1298 лиц, об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении 3485 лиц, об избрании меры пресечения в виде

заклучения под стражу в отношении 43427 лиц [6]. Анализируя данные, можно сделать вывод, что запрет определённых действий в настоящее время применяется значительно реже, чем иные меры пресечения, в частности домашний арест и заключение под стражу. Наличие такой судебной практики обусловлено тем, что запрет определённых действий является сравнительно новой мерой пресечения и имеет ряд несовершенств. Устранение недостатков и разрешение спорных вопросов приведёт к более широкому распространению запрета определённых действий в качестве меры пресечения.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации: текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года]. – Москва, 2020. – Доступ из справочно-правовой системы Консультант-Плюс. – Текст : электронный.
2. Российская Федерация. Законы. Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 23.09.2021: [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. – Москва, 2021. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
3. Российская Федерация. Верховный Суд. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых действий. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №41 от 19.12.2013 (ред. от 11.06.2020). - Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. - Текст : электронный.
4. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). Приговор Старооскольского городского суда № 1-342/2020 от 21 октября 2020 г. по делу № 1-342/2020 [Электронный ресурс]. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/62K7be82bPxu/> (Дата обращения: 01.12.2021).
5. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). Постановление Туапсинского городского суда № 1-127/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-127/2020 [Электронный ресурс]. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tB58MZVrn2lt/> (Дата обращения: 01.12.2021).
6. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2021 года [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Дата обращения: 02.12.2021).

Сведения об авторах:

Айт Анастасия Сергеевна – студентка 4 курса бакалавриата Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров; nastyaayt@mail.ru

Волкова Яна Игоревна – студентка 4 курса бакалавриата Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров; volkovayamsulya@yandex.ru

Научный руководитель – Ермаков Альберт Сергеевич, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров.

Мартынов А.В.

К ВОПРОСУ ОБ АУДИТОРСКОМ ФИНАНСОВОМ КОНТРОЛЕ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация:** В научной работе изучены основные положения о финансовом контроле, рассмотрены правовые основы об аудиторском финансовом контроле. Автор формирует позицию о том, что на сегодняшний день аудиторская деятельность и аудиторский контроль имеет низкую популярность в Российской Федерации, проанализированы причины данного уровня популярности. В работе предложены рекомендации по усовершенствованию законодательства в области аудиторского контроля.*

***Ключевые слова:** Финансовый контроль, законодательство Российской Федерации, аудиторская деятельность, аудиторский контроль, аудит, проверка, аттестат аудитора.*

Финансовый контроль является важной и неотъемлемой составляющей финансовой политики, деятельности государства и муниципальных образований. Исходя из этого, целесообразно сказать о том, что из себя представляет финансовый контроль.

Итак, «финансовый контроль- это конкретный способ урегулирования общественных отношений, которые возникают в процессе образования, аккумулирования, распределения и использования различных денежных фондов» [3, с.257].

Химичева Нина Ивановна классифицирует финансовый контроль, в зависимости от правового статуса субъектов контроля на следующие виды:

- 1) Государственный финансовый контроль.
- 2) Муниципальный финансовый контроль.
- 3) Общественный финансовый контроль.
- 4) Аудиторский контроль.

На данный момент институт аудиторского контроля претерпевает определённые изменения. В качестве таких изменений следует назвать принятие на законодательном уровне Распоряжение Правительства Российской Федерации №3709-р «Об утверждении концепции развития аудиторской деятельности в Российской Федерации до 2024г.» от 31.12.2020г.

В данном подзаконном акте акцентируется внимание на цель и задачи аудиторской деятельности. В соответствии с Абз.1, Раздела II Распоряжения Правительства №3709-р, «поддержание и формирование общества к результатам оказания аудиторских услуг является главной целью последующего реформирования, развития аудиторской деятельности на территории России» [2].

Также законодатель выделяет основные задачи для достижения поставленной цели. Итак, в соответствии с Абз.2, Раздела II данного акта, основными задачи в данном направлении являются:

- 1) Повышение качества аудиторских услуг.
- 2) Повышение конкурентоспособности аудиторских организаций, индивидуальных аудиторов.
- 3) Укрепление престижа аудиторской профессии.

Рассмотрев данный подзаконный акт, мы можем сделать вывод о том, что на сегодняшний день государство взяло курс на популяризацию аудиторской деятельности и аудиторского контроля в частности.

Следует сказать о том, что из себя представляет аудиторский контроль на территории Российской Федерации. Аудиторский контроль- это деятельность по проведению аудита и оказанию сопутствующих аудиту услуг, осуществляемая аудиторскими организациями, индивидуальными аудиторами.

Важно отметить тот факт, что непосредственно деятельность аудиторского контроля регулирует Федеральный закон от 30.12.2008г. №307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (далее- ФЗ «Об аудиторской деятельности»). И в соответствии с ч.3, ст.1 названного Федерального закона, аудит является независимой проверкой бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности.

Необязательная аудиторская деятельность и аудиторский контроль в данной сфере в Российской Федерации имеют достаточно низкую популяризацию. Важно выделить причины, в силу которых данная деятельность обладает низким спросом:

- 1) Низкий уровень квалификации аудиторов.
- 2) Достаточно ограничен перечень услуг, которые могут оказываться в процессе аудиторской деятельности.
- 3) Отсутствует закрепление термина «аудиторский контроль» в Федеральном законе «Об аудиторской деятельности» от 30.12.2008г. №307-ФЗ.

Для решения причин низкого спроса на необязательный аудиторский контроль автор предлагает следующие усовершенствования:

1) Мы знаем, что для того, чтобы стать аудитором и осуществлять аудиторский контроль, «физические лица сдают специально-предусмотренный законодательством Российской Федерации квалификационный экзамен» [1]. Экзамен состоит из трёх этапов:

А) Базовый этап- проверяются основы бухгалтерского учёта, основы аудиторской деятельности.

Б) Основной этап- акцентируется внимание на экономическую деятельность государства.

В) Квалификационный этап. На данном этапе рассматривается комплексная задача.

Для того, что повысить уровень квалификации аудиторов, необходимо предложить законодателю внести изменения в подзаконные акты о квалификационном экзамене аудиторов. В частности, закрепить проверку на этапах экзамена не только знаний, которые осуществляются непосредственно аудиторами в процессе своей деятельности, но и проверку знаний по таким учебным дис-

циплинам, как банковское право, налоговое право, уголовное право, гражданское право, финансовое право. Поэтому необходимо разработать отдельный перечень вопросов, которые в той или иной мере будут затрагивать деятельность аудиторов. При помощи данного изменения у аудиторов будет расширяться кругозор, будет осуществляться эффективный контроль за деятельностью соответствующих субъектов.

2) Представляется возможным расширить сферу услуг, которая оказывается в процессе аудиторской деятельности. Как было выяснено ранее, аудиторский контроль осуществляется в отношении бухгалтерской отчётности. Рационально расширить данный перечень. В частности, возможно, внести в список полномочий аудитора осуществление налоговой отчётности. Следует конкретизировать понятие «аудит», которое изложено в ст.1 ФЗ «Об аудиторской деятельности», а именно, внести в перечень видов отчётности налоговую отчётность, в отношении которой будет осуществляться аудиторский контроль. При помощи данного вида отчётности будет проверяться расчёт конкретного налога, взимаемого с лица, с соответствующим бюджетом по налогам, т.е. будет осуществляться проверка правильности исчисления налоговых платежей.

3) Для успешной деятельности аудиторов видится возможным предложить законодателю внести изменения в нормативную базу. В частности в ФЗ «Об аудиторской деятельности», а именно ввести понятие аудиторской контроль. Изучив данную проблематику, мы предлагаем закрепить следующую дефиницию аудиторского контроля: аудиторской контроль представляет собой независимую деятельность уполномоченного субъекта- аудитора, входе которой осуществляется проверка финансово-хозяйственного направления.

На наш взгляд данные меры помогут популяризовать такой немаловажный институт на территории Российской Федерации, помогут повысить эффективность деятельности аудиторов, а также помогут окончательно разобраться в специфике деятельности аудиторов.

Список цитируемой литературы:

1. Приказ Минфина России от 14.11.2018г. №232-н «Об утверждении Порядка проведения квалификационного экзамена лица, претендующего на получение квалификационного аттестата аудитора».

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.12.2020г. №3709-р «Об утверждении Концепции развития аудиторской деятельности в Российской Федерации до 2024г.».

3. Финансовое право: Учебник/ Отв. ред. Н.И. Химичева.- Ф59 4-е изд., перераб. и доп.- М.: Юрист, 2011 г.- 749 с.

Сведения об авторе:

Мартынов Алексей Владимирович – студент Института прокуратуры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; alesha.martynov.01@mail.ru

Научный руководитель – Голубитченко М.А., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Исаков А.А. РОЛЬ ОСОБОГО МНЕНИЯ СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРАВЕ

***Аннотация:** В 2020 году в связи с принятием поправок в Конституцию РФ изменился подход к регулированию ключевых аспектов публичного права. Конституционный суд был наиболее стабильным институтом судебной системы и власти в целом, однако сейчас деятельность его судей претерпевает фрагментарные изменения и будет претерпевать более серьезные в последующем.*

***Ключевые слова:** особое мнение, Конституционный Суд, судья Конституционного суда, Конституция РФ.*

Внутри конституционного судопроизводства выделяют институт особого мнения. Право на особое мнение - есть право судьи Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) высказать в письменном виде свою позицию при следующих условиях: он принимал участие в голосовании и голосовал против, оставшись в меньшинстве. По форме особое мнение не является отдельным актом, в нём не определяются права и обязанности участников процесса, оно не влечёт никаких обязанностей (в соответствии с Определением КС РФ 17.01.2012 №174 [3]).

Вследствие принятия поправки в Конституцию РФ 2021 года необходимым стало приведение в соответствие огромного массива законодательства, в том числе Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – Закон №1-ФКЗ). Статья 76, регламентирующая особое мнение судьи КС РФ, лишилась упоминания «Вестника Конституционного Суда», а значит, все они стали недоступными для общественности. В столь резком изменении правового регулирования института особого мнения я вижу актуальность данной работы. На мой взгляд, засекречивание особых мнений в том числе связано с позицией их авторов на широкие общественные и политические вопросы, вопросы государственного строительства. Многие из них выходили за привычные исключительно правовые рамки, далее станет ясно, почему это было оправдано. Следовательно, роль особых мнений именно в государственном праве оказалась наиболее значимой при принятии решения о сокрытии таковых [15]. Понимать их можно в двух смыслах: особое мнение как институт конституционного судопроизводства или же особое мнение конкретного судьи [16, с. 28].

В КС РФ, в отличие от других судов, не идёт речь о выяснении истинности или ложности того или иного факта, а значит аргумент некоторых юристов относительно обязательного единообразного толкования конституционных норм отпадает [14]. Особое мнение является отражением неоднозначности декларативных норм и учитывает специфику самого процесса. Непонятно, каким образом конструктивная критика может навредить судебной системе, несмотря на это некоторые юристы считают, что однозначное понимание норм конституции является фундаментом для авторитета суда и его решений. Такая позиция вовсе не терпит критики, ведь авторитет судебного решения базируется не на числе проголосовавших судей «ЗА» или «ПРОТИВ» того или иного судебного решения, а на сумме учтённых факторов, на их квалифицированном и объективном анализе, возможном исключительно при соблюдении не только независимости, но и на самостоятельности судей. Ввод данной категории будет более уместным при расширительном, наиболее верном, толковании принципа состязательности и равноправия сторон, закреплённом в 35 статье Закона №1-ФКЗ. В соответствии с ним «Стороны пользуются равными правами и возможностями по отстаиванию своей позиции на основе состязательности в заседании Конституционного Суда Российской Федерации». Законодатель намеренно ограничил эти самые равные возможности залом суда с единственной целью - ограничить механизм конституционного контроля. Допустим, посредством вновь принятой нормы нарушается конституция, но в случае, если жалоба в суд не поступила, то нарушение конституции удачно инкорпорировалось в правовую действительность и в корректировке не нуждается вовсе. Запрет не только на публикацию особого мнения, но и на ссылку на него в любой форме тоже противоречит принципу «состязательности и равноправия сторон». Ведь при публичном обосновании или даче комментария по тому или иному решению судьи, чья позиция получила большинство, имеет возможность сослаться на своё мнение, в данном случае не являющемся особым, в то время как судья, оставшийся в меньшинстве, возможности сослаться на своё мнение не имеет, что влечёт за собой падение доверия к суду.

Налицо нарастание идеологии единообразия. Речь идёт о том безальтернативном мнении, которое решили назвать истинной. По словам П.В. Крашенинникова «судья КС не должен решать вопросы идеологии». Это невозможно, ведь конституция и есть сама идеология (вкуче с её трактовкой). Как могут различаться дискуссии об идеологии и конституционном праве, совершенно неясно. Мы понимаем, с учётом характера конституционных норм, что определение категорий: «свобода слова», «федерализм», «идеологическое многообразие» - абсолютно всегда происходит в области идеологии государства. Теперь можно считать доказанным факт идеологизированности КС РФ как органа, судей КС РФ как единственных представителей органа, а акт сокрытия особого мнения можно трактовать как акт цензуры. Она является посягательством на независимость и равенство прав судей, которые обеспечиваются при помощи института особого мнения.

Необходимо помнить, решения КС РФ являются безапелляционными, потому особое мнение приобретает ещё большее значение как для субъекта, обратившегося в КС РФ так и для доктрины, формируемой профессиональными правоведомы. Особое мнение - единственная возможность понять, каким образом рассматривали аргументы истца, поняли ли его в правильном контексте. Истцу важно знать, что суд не едино неумолим, что кто-то из судей счёл необходимым высказаться дополнительно. В этом также проявляется значение института особого мнения [18, с. 73].

Необходимо вспомнить о коммуникативной цели данного института. При учтённой безапелляционности решения; отсутствие публикации особого мнения убивает всякий стимул к его напи-

санию (на данный момент особые мнения хранятся вместе с решением и уходят в архив). Процессуальная публичность, некогда присущая конституционному судопроизводству, сошла на нет в 2021 году, что так же умаляет роль данного органа и ведёт к снижению доверия к судебной системе.

Не стоит забывать про моральную сторону дела. Законодательная и исполнительная власть совершенно не берёт в расчёт, что особое мнение - единственный инструмент судьи КС РФ в ситуации, когда для него лично необходима активная вербальная защита. Правовые источники нередко используют неправовые категории в отношении судей, например «совесть», но не оставляют методов её выражения. С моральной точки зрения недопустимо ставить судью в ситуацию, при которой он по принципиальному для себя вопросу не имел бы возможность публично выразить несогласие. Решения КС являются эталоном для всей судебной системы. На мой взгляд, судья КС РФ – это полноценный, самостоятельный юридический актор, способный формировать правовую повестку, законодатель же (с подачи исполнительной власти) стремится обезличить их. Таким образом, при должном понимании равноправия сторон, при учёте презумпции доверия и профессионализма применительно к судьям, при постановке задач, направленных на усовершенствование конституционного контроля, при понимании ценности института особого мнения - сходит на нет жёсткий, однобокий характер судопроизводства, ведь мнение большинства перестаёт быть единственным интерпретатором норм конституции, наполненных оценочными категориями, варьирующихся по смыслу в зависимости от метода толкования, и, имеющих декларативный характер. Чем более демократична судебная система, то есть чем ближе она по естеству к нормам Конституции РФ, и, соответственно, тем большие возможности она сохраняет за судьями КС - единственными ретрансляторами монопольного органа.

Зачастую в особых мнениях попутно анализируется вопрос, не имеющий напрямую отношение к жалобе, однако без него дальнейшее рассмотрение невозможно. Стоит проанализировать некоторые, на мой взгляд, наиболее значимые особые мнения, касающиеся государственного права. Всё, заявленное мною в теоретической части, получило своё отражение в конкретных особых мнениях конкретного судьи.

1) Особое мнение судьи Конституционного Суда РСФСР Э.М. Аметистова от 14 января 1992 года [6]. Э.М. Аметистов заявил о временности права президента на образование министерств, тем самым подтвердив принадлежность дискреций структурного характера парламенту. В этом судья видит законную и необходимую границу между ветвями власти. Также он обоснованно выступил против создания президентом МВД в формате, предложенном президентом. Судья назвал это проектом «суперминистерства» в то время, как по Постановлению Верховного Совета РСФСР от 18 апреля 1991 г. N 1027-1 «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О милиции» данное министерство должно быть «разукрупнено». Таким образом, первым же особым мнением в новой правовой истории России судья КС РФ указывает на ограничение полномочий президента и умаляет амбиции так называемых «силовиков». Он становится зачинщиком увеличения времени слушания и добивается признания данного указа, противоречащим конституции. Правительство и президент, приняв к сведению данное особое мнение, откладывают образование министерства в одностороннем порядке. Перед проведением данной им приходится ждать одобрения со стороны Государственной Думы РФ, случившегося только в 1994 году.

2) Особое мнение судьи КС РФ Б.С. Эбзеева от 23 августа 1991 года [7]. В данном деле КС РФ определяет расстановку политических сил на среднюю перспективу внутри РФ. От него, как отмечает судья Б.С. Эбзеев, в значительной мере зависит, «возобладает ли вновь государственное начало в организации социума над общественным либо между ними сохранится равновесие, необходимое для демократического развития общества». Фактически цели КПСС и КП РСФСР признаны неконституционными, а значит такие партии не должны существовать. При том, судья исключает формальный признак выражения цели партии: «соответствующие (неконституционные цели в партийных документах могут не провозглашаться вообще, но именно к этим результатам в конечном счете может привести деятельность партии, общественной организации или массового движения, если она не будет пресечена в порядке, установленном Конституцией и законами». Исходя из судебной практики, именно заявленное толкование «насилия» в этом особом мнении используется по сей день. Судья отмечает, что «следует предостеречь от излишне широкого толкования и понятия насилия», следует понимать его относительно нацеливание на насильственный захват власти. Также решается принципиальный для дальнейших политических разбирательств вопрос об ограничении прав членов партии. Судья приходит к выводу о неправомерности люстраций ни в какой мере: ни в сфере зачёта трудового стажа на партийных должностях, ни в сфере занятия государственных должностей членов. Словом, судья КС РФ решает судьбу огромной партии, отражая её

чаяния в определённой идеологическую позицию, и даёт наказ законодательному органу с требованием создать или дополнить имеющийся закон процессуальными нормами рассмотрения конституционность тех или иных объединений - новелла данного особого мнения (это требование, которого нет в решении, но которое было исполнено). Стоит сказать, что первичные территориальные отделения КПСС не были признаны неконституционным в отличие от руководящих партийных органов и органов, сросшихся с органами государственной власти. Значение данного особого мнения велико, оно явно демонстрирует, что КС РФ как орган и судьи КС РФ как его представители занимаются и должны заниматься политическими и идеологическими делами, потому как в противном случае этим займутся менее компетентные и куда более зависимые институции.

3) Особое мнение судьи КС РФ Н.В. Витрука [10]. КС РФ решал вопрос о конституционно указов президента, отданных в связи с активными действиями вооружённых формирований на территории Чеченской Республики. Многочисленные особые мнения по итогам этого протеста затронули вопрос, который на тот момент не был разобран. Речь идёт о характере операции, проводившейся Вооружёнными силами РФ: что это было? Военная операция или антитеррористическая (контртеррористическая) операция? От этого определения будет зависеть статус правонарушителей и статус военнослужащих. Судья КС РФ Н.В. Витрук в своём особом мнении говорит о том, что были произведены такие действия, которые противоречат Конституции РФ (в частности перекрытие административных границ), и которые уместны при ведении военных действий, но неуместны и, как установлено, антиконституционны при проведении внутривнутригосударственной, антитеррористической операции. Особое значение такая правовая оценка имеет для участников этих операций, для их правового статуса и вытекающих из него льгот. Роль данного особого мнения в том, что правовую оценку судей КС РФ, высказанную в особом мнении, использовали в суде члены «Общероссийского профессионального союза военнослужащих и их семей» при получении статуса «Ветерана боевых действий».

4) Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н.В. Витрука от 22 декабря 1994 года [11]. Решая вопрос о возможности голосования гражданина одного субъекта РФ в другом субъекте РФ, судья Н.В. Витрук высказал особое мнение, в котором определил категорию гражданства и дал ей характеристику, которая в 2002 году была использована комитетом ГД РФ при создании Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № 62-ФЗ. Подход судьи подчеркивает обязательное требование Конституции РФ, о недопустимости каких-либо ограничений избирательных и иных конституционных прав и свобод в зависимости от национальной (этнической) принадлежности, от обладания конкретным республиканским гражданством. В таком случае встаёт более общий вопрос о юридической значимости института гражданства республики, входящей в состав РФ. Видимо, институт гражданства республики как субъекта Российской Федерации «имеет смысл лишь в качестве одного из остаточных (формальных) признаков республики как государства, то есть государственной природы республики в качестве субъекта Российской Федерации». Республики (государства) как субъекты РФ не обладают суверенитетом и потому не имеют права выхода из РФ, что служит гарантией сохранения государственной целостности России. Гражданство республики как субъекта РФ допустимо лишь постольку, поскольку оно не влияет на общий конституционно-правовой статус всех граждан РФ. И, самое главное: «Из буквального смысла настоящего положения следует, что исключительно Российской Федерации подведомственны вопросы гражданства - как федерального, так и республиканского». Очевидно, что данное особое мнение опередило и доктринальное, и формально-юридическое определение гражданства, так как уже после него будет создан указанный выше закон (№62-ФЗ), а ещё позже появится поправка в Конституцию и приведение в соответствие с ней затронутых ФЗ с учтённой ответственность за призыв к нарушению территориальной целостности РФ.

5) Особое мнение судьи КС РФ Т.Г. Морщаковой от 29 марта 1993 года [8]. В данном постановлении суд разбирал вопрос, ставший краеугольным для государственной системы и государственного права с формулировкой «не более двух сроков подряд». Особое мнение судьи КС РФ сыграло роль «злого предсказателя» будущей политической и правовой реальности. Судья Т.Г. Морщакова отметила исключительную индивидуальность рассмотрения такого дела, затем отметила желательное невмешательство КС РФ в такие дела вообще: «Рассмотрение Конституционным Судом поставленного Государственной Думой вопроса до и вместо правоприменителей, которым надлежало бы разрешить указанную гипотетическую ситуацию, если бы она вообще возникла, является вмешательством в такой правоприменительный процесс и противоречит идее прямого действия Конституции Российской Федерации. ... Конституционный Суд во

всех случаях должен воздерживаться от оценки обстоятельств, которые устанавливаются другими судами и иными органами». Вразрез с чаяниями судьи - такая ситуация возникла вновь (уже с другим президентом). При В.В. Путине рекомендация была принята к сведению - при разрешении вопроса обошлись без КС РФ.

6) Особое мнение судьи КС РФ А.Л. Кононова от 21 сентября 1993 года [9]. В данном акте затрагиваются доктринальные правовые вопросы, например о задаче самого КС РФ как органа конституционного контроля. А.Л. Кононов говорит, казалось бы, очевидную вещь: «защита конституционных прав граждан - главная задача Конституционного суда». Однако, ограничительное толкование норм, регулирующих вопросы подведомственные этому суду, нарушают такой трюизм, делая само положение конституционного контроля уязвимым, в данном случае, перенаправляя его вектор в пользу исполнительной власти. Научное предложение судьи состоит в намеренном ограничении дискреции, предоставленной исполнительной власти, в части согласования публичных мероприятий. Он предлагает законодателю создать исчерпывающий перечень для отказа в согласовании мирной и публичной акции. Истцы неоднократно и в разных городах пытались согласовывать публичную акцию, но им отказывали абсолютно всегда. КС РФ согласен с фактической невозможностью согласовать мероприятие, но считает не в своей компетенции разрешать этот вопрос, рассматривая по существу действия органов исполнительной власти. Фактическое бездействие и безапелляционность решения создают для истцов ситуацию, при которой их права не были защищены ни одним судом, ни в одном городе, а ведь идти больше некуда, для них возможности национальной судебной системы исчерпаны. В связи с частично неформальными речевыми средствами, используемыми в особом мнении, оно делается особенно показательным в части раздражения исполнительной власти, действия которой судья называет «циничным и ничем не ограниченным произволом». Моральную роль особого мнения невозможно оценить, так как в ситуации, при которой исполнительная власть не согласовывает публичные акции не при каких условиях, при которой местные суды выносят однотипные решения, истцу просто необходимо получить альтернативную правовую позицию.

7) Особое мнение судьи КС РФ К.В. Арановского [13]. Данное мнение является наиболее резонансным, так как в нём даётся правовая оценка исторических и политических событий. Многие эксперты считают, что закон, скрывающий особые мнения судей КС – это результат именно этого особого мнения, расколовшего не только юридическую общественность. В частности, в нём говорится о «репрессивно террористическом произволе коммуно-советской власти», о незаконном образовании РСФСР и СССР и о «миллионах людей, подвергнутых репрессиям». Однако, не эти позиции делают особое мнение ценным, не они определяют его роль. За их жёсткостью юридически неграмотный читатель может не заметить серьёзный научный вклад в теорию правоотношения и в теорию договора. Судья Арановский не просто высказался, а привёл действительные основания, доказав, что «реабилитация – это не возмещение вреда», так как реабилитация – это обязательство, вытекающее из деликта, ведь оно обусловлено виной. Считает ли РФ себя виноватой в репрессиях, совершённых советским правительством? Разумеется, не считает на официальном уровне. Определённо ясно, что даже при гипотетическом согласии «субъекты вины не меняются», так как это не договорные правоотношения, а деликтные. Совершенно ясно, не может субъект, совершивший правонарушение, сам решать в каких пределах и каким именно образом он будет возмещать вред. В отношении других сфер (гражданства, защиты прав граждан РФ за рубежом) «РФ действует в соответствии с принципом «непрерывности» (континуитета)», а не в соответствии с полным правопреемством. Всё это свидетельствует о невозможности правопреемства СССР и РФ на правовой почве реабилитации жертв репрессий. В отрыве от данного политического контекста, определение ответственности из деликта и из договора не теряет актуальность и научную цельность, в этом его доктринальная роль.

Вывод: на основании приведённых теоретических аргументов и примеров, считаю доказанным факт значимости как института особого мнения так и конкретных особых мнений для государственного права 1) в части морального значения реализации декларируемых демократически принципов; 2) в части их необходимости при полноценности и обоснованности решений Конституционного Суда; в части реализации всего конституционного контроля; 3) в части реализации гарантий, предоставленных судебному корпусу; 4) в части определения государственно-правовых категорий с последующим регулированием; 5) в части повышения авторитета судебного решения, основанного на плюрализме мнений; 6) в части развития юридической науки посредством расширения судебной доктрины; 7) в части общей демократизации судебной системы. В связи с этим считаю необходимым и обоснованным возвращение публичности особым мнениям судей в формате совместного нахождения такового с самим решением суда.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 174-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.01.2022).
4. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
5. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.1994 № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
6. Особое мнение судьи Конституционного Суда РСФСР Э.М. Аметистова по мотивам принятия постановления Конституционного Суда РСФСР от 14.01.1992 О проверке конституционности Указа Президента РСФСР от 19.12.1991 № 289 «Об образовании министерства безопасности и внутренних дел РСФСР» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
7. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Б.С. Эбзеева по делу о проверке конституционности указов Президента РФ от 23.08.1991 «О приостановлении деятельности Коммунистической Партии РСФСР», от 25.08.1991 «Об имуществе КПСС и Коммунистической Партии РСФСР» и от 06.11.1991 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
8. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Т.Г. Морщаковой по делу о проверке конституционности постановления Съезда Народных Депутатов РФ от 29.03.1993 № 4684-1 «О Всероссийском Референдуме 25.04.1993, порядке проведения его итогов и механизме реализации результатов» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
9. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова по заключению Конституционного Суда РФ от 21.09.1993 о соответствии Конституции РФ действий и решений Президента РФ Б.Н. Ельцина, связанных с его указом от 21.09.1993 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и обращением к гражданам России 21.09.1993 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
10. Постановление от 31.07.1995 № 10-П по делу о проверке конституционности указа Президента РФ от 30.11.1994 № 2137 «О мероприятиях о восстановлению законности и правопорядка на территории Чеченской республики», указа Президента РФ от 09.12.1994 № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооружённых формирований на территории Чеченской республики и в зоне Осетино - Ингушского конфликта», постановления правительства РФ от 9.12.1994 № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности РФ, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооружённых формирований на территории Чеченской республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», указа Президента РФ от 02.11.1993 № 1833 «Об основных положениях военной доктрины РФ» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
11. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н.В. Витрука по делу о проверке конституционности части второй статьи 10 закона республики Северная Осетия от 22.12.1994 «О выборах в парламент республики Северная Осетия – Алания» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
12. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова по Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2009 № 484-О-П по жалобе граждан А.В. Лашманкина, Д.П. Шадрина, С.М. Шимоволоса, о нарушении их Конституционных прав положением части 5 статьи 5 Федерального закона «О собраниях, Митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
13. Особое мнение судьи КС РФ К.В. Арановского по делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», пунктов 3 и 5

статьи 7, пункта 1 части 1 и части 2 статьи 8 Закона города Москвы «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения в связи с жалобами граждан А.Л. Мейсснер, Е.С. Михайловой и Е.Б.Шашевой» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.01.2022).

14. Бевзенко Р.С. П.В. Крашенинников объясняет, почему он хочет спрятать особые мнения судей КС от общества [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/19/pv_krasheninnikov_obyasnyayet_pochemu_on_hochet_spryatat_osoby_mneniya_sudej_ks_ot_obschestva (дата обращения: 05.01.2022).

15. Головкин Л.В. Судьба особых мнений в России: новый поворот [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/13/sudba_osobyh_mnenij_v_rossii_novuj_povorot_kommentarij_dlya_zhurnala_zakon (дата обращения: 05.01.2022).

16. Маршав Л. А. Особое мнение судьи Конституционного Суда как вид неофициального толкования норм основного закона // Вестник Челябинского государственного университета. - 2012. - № 27 (281). - Право. Вып. 32. - С. 27-29.

17. Михайлов В. К. Независимость российских судей в условиях их несменяемости // Lexrussica. - 2020. - Т. 73. - № 12. - С. 67-78.

Сведения об авторе:

Исаков Андрей Александрович – студент юридического института ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»; isakov.ldpr@gmail.com

Научный руководитель – Полянский В.В., кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева».

Солодкая А.А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ-ЖЕНЩИН

Аннотация: *Изучение женской преступности является актуальным в силу ее повышенной общественной опасности. Для борьбы с данным видом преступности необходимо понимание причин совершения преступлений женщинами. В настоящем исследовании проанализированы некоторые психологические особенности личности преступников-женщин. Проведен сравнительный анализ содержания женской и мужской преступности по трем критериям: этимология преступлений, круга преступных посягательств и последствий совершения преступлений. Выделены факторы, которые оказывают влияние на возникновение и развитие женской преступности.*

Ключевые слова: *личность, личностные характеристики, преступник-женщина, преступность, возникновение и развитие преступности.*

Начать рассмотрение указанной проблематики необходимо с анализа понятия преступности как особо значимого негативного института в обществе. Как справедливо отмечал Д.А. Шестаков, под преступностью понимается социально-правовое, негативно массовое явление, которое складывается из совокупности совершаемых в тот или иной период непосредственно в государстве и характеризуется количественными и качественными показателями [7, с. 478]. Известно, что состав уголовного преступления содержит такие элементы как объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. В данной статье будут проанализированы психологические особенности личности преступников-женщин. Таким образом, анализ субъекта преступления даст понимание актуальной проблематики.

Личность преступника всегда была одной из центральных проблем всех криминологических наук. В криминологии выработана соответствующая методика определения личности в зависимости от внешней стороны совершенного лицом деяния до непосредственного выявления его внутренних качеств и различного рода социальных связей в каждом конкретном общественных отношениях. А.Б. Сахаров отмечал, что «данные о личности помогают сделать правильный вывод о самом факте преступления, а иногда даже решить, имел ли он место в действительности» [5, с. 279].

Согласно статистическим данным, предоставленным различными ведомствами, большую часть совершаемых преступлений относительно рассматриваемой тематики совершают женщины до 30 лет. Здесь стоит понимать, что в любом случае необходимо обращать внимание на категорию каждого конкретного уголовного дела.

Относительно вопроса об образовании преступников-женщин, следует отметить, что в большинстве случаев они имеют законченное образование, также существует категория со специальным образованием. Необходимо констатировать факт о том, что женщины с высшим образованием имеют наименьший процент преступлений. Следовательно, невооруженным взглядом видно отличие женщин, совершающих преступления с высшим образованием и уровнем ниже.

Главной особенностью преступлений, совершающихся женщинами, является то, что на их поведение зачастую влияет общественная оценка и соответственно, чтобы поднять свой финансовый и в некоторых случаях социальный статус, женщины идут на совершение общественно опасных деяний [1, с. 59-68].

У женщин-преступниц значительно повышена тревожность, отмечается эмоциональная уязвимость. Женщины, которые пребывают в местах лишения свободы и осужденные за такие преступления как грабеж, разбой характеризуется повышенной волей к достижению цели. В свою очередь, когда рассматриваемый в данной статье субъект преступлений совершает преступления корыстной направленности, то зачастую причиной выступает зависимость, в любом её проявлении к другому лицу. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что женщины в преступной деятельности испытывают большие трудности к социальной адаптации [2, с. 120].

Следует отметить, что вышеупомянутые положения чаще всего исходят из изначального формирования психики девочки в юном возрасте. Родители в данной ситуации играют главенствующую роль, в особенности это касается матери каждого конкретного ребёнка. Ставя своих детей под угрозу, родители не знают определённых механизмов воздействия и воспитания, которые должны быть непосредственно направлены на обеспечение им безопасности, удовлетворения потребностей и других аспектов формирования психического состояния. Согласно позициям учёных, данное явление зачастую характеризуется «ситуацией экстремального существования», которая вследствие приводит к нарушению российского уголовного законодательства.

Для выявления особенностей данной категории субъектов преступлений, следует остановиться на личности корыстно-насильственных женщин-преступниц. Им характерны определённые, отличающиеся от других, признаки, такие как демографические, уголовно-правовые, психологические, а также нравственные.

Согласно особенностям психологии и физиологии женщин, следует вывод о том, что они, в большинстве случаев, не способны совершить преступление самостоятельно. Соответственно ради его завершения, они зачастую действуют в вдвоём или же под руководством мужчины.

В юридической науке выделяют некоторые типы женщин-преступниц по характеру преступных действий. Тип «экономический» состоит из женщин, виновных в хищении имущества, взяточничестве и других экономических и должностных преступлениях. Тип «кража» состоит из женщин, которые совершают какие-либо хищения различного рода имущества. Тип «наемник-насильник» составляют преступники, занимающихся совершением грабежей и разбоев. К «насильственному» типу относятся женщины, которые совершают убийства или причиняют вред своему здоровью, а также совершают хулиганские и другие насильственные действия. Женщины, виновные в заражении венерическими заболеваниями, а также не имеющие определенного места жительства, ведущие асоциальный образ жизни могут быть отнесены к «специфическому» или «неадаптированному» типу [6, с. 48-50].

Личность преступницы-женщины в соответствии с характером преступных действий обозначается как совокупность социально-демографических, социально-психологических, морально-правовых свойств, признаков, связей и отношений, характеризующих лицо, совершившее преступление.

В результате сравнительного анализа преступлений, совершенных женщинами и мужчинами по трем критериям: этимология преступления, круг преступного посягательства, последствия совершения преступления, были сделаны следующие выводы. В круг преступных посягательств женщин чаще входят близкие родственники, тогда как у мужчин он в большей степени разнороден. Со стороны женщин преступление – это скорее эмоциональный порыв, чем сознательное совершение преступления в отличии от мужчин. После совершения преступления женщины гораздо чаще, чем мужчины испытывают вину, тревожатся и переживают.

Можно сделать вывод о том, что преступления, совершаемые женщинами, намного опаснее именно по причине импульсивности. Зачастую женская преступность характеризуется крайним низким уровнем подготовленности. Вследствие этого практически каждая из них в момент совершения преступления не предвидит для себя негативные последствия.

Как ранее было отмечено, рассматриваемое поведение женщин связано с негативно прожитым периодом детства. К данному явлению необходимо отнести социальные условия сформиро-

ванного на тот момент общества. Для понимания психического состояния женщины в момент совершения преступления, необходимо обозначить соответствующие факторы, которые являются непосредственными триггерами к формированию агрессии. По мнению И.А. Волошина, «одним из них является политический и экономический кризис, который в целом сказывается на уровне жизни населения. Отсутствие средств к существованию негативно сказывается на формировании моральных установок» [2, с. 120].

Вследствие того, что многие женщины не имеют высшего образования, они, по большей части вынуждены реализовывать себя в таких сферах экономических отношений как обслуживание населения. Это проявляется в работе в местах общественного питания, уборки соответствующих территорий и др.) Соответственно в результате осуществления вышеуказанной деятельности, формируются финансовые проблемы, которые толкают на совершение корыстных преступлений.

Также важнейшим фактором негативного поведения женщин является снижение ценностей семейной жизни. В настоящее время многие мужчины потеряли уважение к женщинам, зачастую применяют насилие, как физическое, так и психологическое, тем самым подталкивая женщин к совершению преступлений против самих себя. В работе Корбута Е. И. об актуальных проблемах права отмечается, что «значительное количество насильственных преступлений (более 60 %) совершается без предварительной подготовки и носит ситуационный характер, более 70 % убийств или причинения тяжкого вреда здоровью совершаются по причинам, затрагивающим личность женщины в социально-нравственном смысле, около 60% таких преступлений происходят в результате ссор и драк, при этом более половины жертв способствовали совершению преступления своим поведением, а 16 % из них в тот момент были пьяны» [3, с. 44-47].

В криминологии выделяют два типа агрессивности женщин. Первый тип агрессивности присущ личностям, слабо контролирующим свою агрессию, отличающимся импульсивностью и повышенной восприимчивостью. В свою очередь второй тип агрессивности, отличает женщин, который долгое время сдерживают свою агрессию, а преступления совершаются по причине продолжительного жестокого обращения с женщиной и/или ее детьми [3, с. 44-47].

В заключении необходимо обозначить то, что на сегодняшний день наблюдается тенденция роста совершения преступлений женщинами, возрастает тяжесть данных преступлений, повышается возрастной коэффициент, наблюдается рецидив совершения преступлений. Для решения выделенных в настоящем исследовании проблем, необходимо на государственном уровне использовать различного рода механизмы реализации профилактических и воспитательных мер в отношении осужденных женщин, использовать помощь социологов и психологов. Представляется важным подробно изучить личность женщины-преступницы, ее индивидуально-психологические особенности, что поможет определить мотивы преступления и другие детерминанты преступного поведения.

Список цитируемой литературы:

1. Байчорова Ф.Х. Тенденции женской преступности / Ф.Х. Байчорова // Тенденции развития науки и образования. - 2018. - № 4. - С. 5-8.
2. Волошин И.А. Отдельные аспекты женской преступности / И.А. Волошин, А.Д. Акмоллаева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. - 2019. - № 3. - С. 54-59.
3. Корбут Е. И. Женская преступность / Е.И. Корбут // Актуальные проблемы права: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2021 г.). - Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. - С. 44-47.
4. Моисеева Д.Г. Факторы, обуславливающие женскую уголовную преступность / Д.Г. Моисеева // Сборник статей Международной научно-практической конференции, 2017. - С. 180-184.
5. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности / А.Б. Сахаров. - М.: Госюриздат, 1994. - 279 с.
6. Шестопалова Е.Р. Особенности женской преступности в современной России / Е.Р. Шестопалова // Современное право. - 2017. - №12. - С. 144-148.
7. Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминогенное законодательство Противостояние преступности в изменяющемся мире / Д.А. Шестаков. - СПб., 2016. - 561 с.

Сведения об авторе:

Солодкая Анастасия Антоновна – студент Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; solodkaya2003@yandex.ru

Научный руководитель - Рощевская Е.В., к.п.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Путинцева Т.А., Плысенко А.Д.

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

***Аннотация:** В статье рассматриваются проблемы формирования антикоррупционного правосознания у государственных гражданских служащих. Авторами оценивается зарубежный опыт по борьбе с коррупцией. Особое внимание уделяется взаимосвязи морали и права в принятии мер, помогающих преодолению коррупционного поведения госслужащих.*

***Ключевые слова:** антикоррупционное правосознание, коррупция, государственные гражданские служащие, законотворчество, юриспруденция.*

На современном этапе развития российского общества представляется важным формирование правосознания государственных гражданских служащих, особенно в сфере антикоррупционного поведения. Президентом Российской Федерации подписан Указ «О национальном плане противодействия коррупции на 2021- 2024 годы» [7], в котором представлены предложения по совершенствованию ограничений и запретов в отдельных сферах деятельности, а также о порядке предоставления сведений о расходах, доходах, имуществе и мерах по контролю достоверности и полноты данной информации. Особое внимание в документе уделено правовому регулированию ответственности за несоблюдение антикоррупционных стандартов.

Государственные гражданские служащие, исполняя предусмотренные органами государственной власти обязанности, должны соответствовать целому ряду квалификационных требований в соответствии с должностными инструкциями, а также соблюдать определенные запреты и ограничения, предпринимать активные меры по предотвращению коррупционных проявлений.

Однако антикоррупционное поведение государственных гражданских служащих неразрывно связано с нравственностью и моралью. В связи с этим, наряду с законодательными запретами, моральные нормы играют важную роль в реализации антикоррупционных моделей поведения госслужащего. Именно в этом виден скрытый потенциал формирования антикоррупционной культуры. И общественное осуждение, безусловно, является основным механизмом регулирования поведения и поступков людей.

Госслужащий должен обладать рядом профессионально важных нравственно-психологических качеств таких, как справедливость, беспристрастность, честность, неподкупность, ответственность и добросовестность. Именно эти качества составляют основу антикоррупционного правосознания государственного служащего и гарантируют его репутацию и авторитет в обществе.

В рамках рассматриваемой темы можно обратиться к опыту некоторых зарубежных стран. Проанализировав данный опыт, можно прийти к выводу, что многие государства неразрывно связывают антикоррупционную профилактику среди госслужащих не только с суровыми наказаниями, но и применяют профилактические меры. Так, например, в КНДР чиновники со своей семьей посещают специальные курсы, цель которых мотивировать участников не прибегать к взяточничеству, а честно трудится на благо государства и народа. Но в то же время за хищение государственной собственности или коррупцию государственными служащими грозит смертная казнь [2, с. 87-94].

Показательным примером борьбы с коррупцией является опыт Швеции. Несмотря на то, что страна долгий период держала первенство по высокому уровню коррупции, благодаря предпринятым государством мерам ситуация значительно улучшилась. Примером подобных действий можно считать введение системы льгот и субсидий, а также системы налогообложения, которые стимулируют чиновников к честному выполнению профессиональной деятельности. Кроме того, правительство Швеции обеспечило прозрачность деятельности госслужащих при помощи допуска граждан к внутренним государственным документам. Подобное нововведение помогло сделать открытым порядок исполнения госслужащими своих обязанностей, а также вести постоянный контроль за данным процессом. Таким образом, Швеция является одним из немногих примеров стран, которые

успешно стимулировали своих граждан к антикоррупционному поведению и не использовали систему наказаний в качестве единственного источника улучшения правосознания. Но, несмотря на такой прогрессивный опыт, понятно, что формирование антикоррупционного правосознания реально лишь в государстве с высоким уровнем правовой осведомленности государственных гражданских служащих [1].

Нередко в обществе складывается образ коррупции, как нравственно приемлемой формы решения проблем, стираются границы в понимании общественной опасности данного явления.

Невзирая на значительный объем бытовой коррупции, все же она не оказывает существенного влияния на российскую экономику в целом, но данное явление серьезно деморализует представителей власти и госслужащих, а вместе с ними и все общество - с каждым все делает коррупцию обыденной и повседневной, являющейся приемлемой в обществе и даже не осуждаемой им [4, с. 46].

В частности, наиболее распространенными стереотипами, связанными с коррупцией, по мнению некоторых исследователей, являются оправдание взяток за получение медицинского обслуживания более высокого уровня, за право управлять автомобилем без сдачи экзаменов, смягчение наказания за совершенное правонарушение и т. д. [6, с. 77].

В качестве наиболее негативного из последствий распространенности предрассудков относительно коррупции является ее стимулирование, несмотря на осознание вредного влияния на развитие российского общества, нивелирования мер по обеспечению достойного уровня жизни граждан Российской Федерации.

Искоренить коррупцию сложно, но можно попробовать снизить ее уровень до определенного минимума. Важно, чтобы принимаемые меры для преодоления коррупции, представляли собой единый комплекс.

Необходимо параллельно осуществлять меры как воспитательного, так и карательного, а также превентивного воздействия, которые основаны на принципах открытости, законности, и гражданского контроля.

С нашей точки зрения, для борьбы с коррупцией можно использовать следующие меры:

- 1) постоянный контроль и выявление нарушений со стороны правоохранительных органов;
- 2) разработка процедуры официального расследования проявлений коррупции и установление контроля за системой санкций;
- 3) осуществление антикоррупционных манифестов с использованием СМИ (разоблачение должностных преступлений);
- 4) создание сети Центров оплачиваемой за счет государства юридической помощи населению;
- 5) повышение уровень сознательности госслужащих;
- 6) использование опыта других государств в данном вопросе;
- 7) улучшение качества профессиональной юридической подготовки будущих государственных гражданских служащих, а также распространение правовых знаний среди граждан.

Таким образом, борьба с коррупцией заключается не только в применении правовых мер, направленных на отслеживание коррупционных преступлений, но и в профилактической работе по повышению уровня правосознания граждан, утверждению в обществе нравственных норм поведения, просвещению, воспитанию и формированию антикоррупционного поведения госслужащих.

Список цитируемой литературы:

1. Белёнова Т.С. Международный опыт борьбы с коррупцией / Т. С. Белёнова, Н. В. Саклакова // Молодой ученый. - 2019. - № 47 (285). - С. 270-272.
2. Коррупция в России. Опыт борьбы с коррупцией в разных странах мира // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL:<http://szap.gosnadzor.ru/corruption/> (дата обращения: 25.10.2021).
3. Кузнецов Г.С. Институты гражданского общества как субъект антикоррупционной политики: сравнительно-политологический анализ концептуальных подходов / Г.С. Кузнецов // Экономика. Право. Общество. - 2019. - №3. - С. 87-94.
4. Любкина Н.А. Политический механизм противодействия коррупции в современной России: дис. ... канд. полит. наук / Н.А. Любкина. - М., 2012. - 179 с.
5. Приказ МЧС России № 354 от 7.07.2011 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

6. Противодействие коррупции в Российской Федерации: проблемы, приоритеты, технологии / под ред. А. П. Кошкина. - Вып. 3. - Москва: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2015. - 76 с.

7. Указ Президента РФ от 16.08.2021 №478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2021. - N 34. - Ст. 6170.

Сведения об авторе:

Путинцева Татьяна Александровна – студент Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; taputinceva@gmail.com

Плысенко Александра Дмитриевна - студент Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; aleksandarbalashova@yandex.ru

Научный руководитель - Рощевская Е.В., к.п.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Савельев А.В.

ПРОВЕДЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

***Аннотация:** Настоящая работа посвящена законопроекту о проведении допроса, опознания и очной ставки следователем, дознавателем в отношении участников уголовного судопроизводства с использованием систем видео-конференц-связи. Автор рассматривает обоснованность введения подобной практики, вопросы, связанные с практической реализацией данных методов проведения следственных действий и перспективы применения предлагаемых поправок.*

***Ключевые слова:** Уголовный процесс, следователь, следственные действия, поручение, видео-конференц-связь.*

Противодействие преступности, выражающееся в раскрытии и расследовании преступлений, имеет большое значение для современного общества. Вместе с тем, данный процесс связан с существенным ограничением прав и свобод человека, а потому одной из задач законодателя является совершенствование уголовно-процессуального законодательства в сторону снижения неблагоприятных последствий для участников уголовного судопроизводства. [2, с. 34]

Сегодня уголовный процесс сопровождается существенными временными затратами, в связи с которыми расследование уголовных дел очень часто не представляется возможным окончить в двухмесячных срок. Следователь, дознаватель тратит много времени на производство следственных действий. Зачастую ситуация осложняется тем, что лицо, в отношении которого необходимо произвести следственное действие, находится на значительном расстоянии от места его проведения, и, в связи с этим, возникает необходимость в направлении поручения для производства того или иного следственного действия. Процесс исполнения поручения может существенно затягивать срок расследования, так как одно только направление поручения и последующее получение материалов по данному поручению почтовым отправлением может занимать около недели.

В связи с вышеуказанными трудностями, 01.06.2021 г. сенаторами Российской Федерации А.В. Кутеповым и В.А. Пономаревым в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект № 1184595-7 «О внесении изменений в Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации (о проведении допроса и очной ставки следователем, дознавателем в отношении участников уголовного судопроизводства с использованием систем видео-конференц-связи)». [3] Указанный законопроект принят депутатами Государственной Думы Российской Федерации единогласно в трёх чтениях, одобрен Советом Федерации, и, с наибольшей долей вероятности, будет подписан Президентом Российской Федерации, опубликован, и вступит в законную силу.

В УПК РФ уже существует подобная процедура «дистанционного» допроса, применяемая судом. Её правила описаны в ст. 278.1 указанного Кодекса. [6] Думается, что авторы законопроекта руководствовались, в том числе, данными положениями, намереваясь наделить такой же возможностью и следственные органы, что логично. Вместе с тем, любые нововведения требуют осмысления и обсуждения возникающих вопросов, на которые автор обращает внимание в данной работе. Продвигаясь по стадиям законодательного процесса, законопроект претерпевал некоторые изменения. В настоящем исследовании речь будет идти о конечном варианте законопроекта, одобренном Советом Федерации.

В пояснительной записке авторы законопроекта предлагают ввести в УПК РФ статью 189.1, которая будет регламентировать правила производства следователем следственных действий «дистанционно». Авторы законопроекта приводят следующее обоснование: «Принятые поправки направлены на расследование уголовных дел в установленные законом разумные сроки, а также на полное и всестороннее исследование всех обстоятельств уголовного дела». Вполне справедливое и благое намерение, с которым трудно не согласиться. Также авторы говорят о том, что, «в виду расширения в обществе взаимодействия посредством дистанционных ресурсов, необходимо учитывать потребность такого взаимодействия и в уголовно-процессуальной сфере». Здесь хотелось бы отметить, что предварительное расследование носит конфиденциальный характер, а за разглашение данных, полученных в связи с участием в нем, установлена уголовная ответственность. В эпоху глобальной цифровизации появляются возможности как к передаче, обмену информацией с помощью современных технологий, так и к несанкционированному доступу к такой информации, что в условиях предварительного расследования недопустимо, а потому необходимо обеспечивать защиту данных предварительного расследования, привлекая профильных специалистов.

В целом же, пояснительная записка содержит в себе понятную и справедливую мотивировку законопроекта и его общие положения. Далее перейдем к анализу предлагаемых поправок.

Применение систем видео-конференц-связи неизбежно сопровождается использованием соответствующего оборудования. В законопроекте указано, что следственные действия возможно провести путем использования систем видео-конференц-связи государственных органов. Можно предположить что под «системами видео-конференц-связи государственных органов» понимается единственный ВКС-разработчик в Российской Федерации – «TrueConf», продуктом которого пользуются государственные органы Российской Федерации, а именно продукт «TrueConf MCU», который сертифицирован для использования в государственных структурах. На официальном сайте в телекоммуникационно-информационной сети «Интернет» данного ВКС-разработчика есть возможность бесплатного и платного пользования данным продуктом. [8] Существенным недостатком бесплатной версии является ограничение времени конференции 45 минутами. 45 минут, с учетом настройки оборудования, разъяснения прав участвующим лицами и времени производства самого следственного действия, явно недостаточно для качественного и всестороннего производства допроса и других следственных действий. В связи с этим, придется приостанавливать следственное действие, что не очень удобно. Использование платной версии повлечет за собой материальные издержки, речь о которых пойдет ниже. Кроме того, данная программа требует значительной производственной мощности устройства – персонального компьютера. Также для производства следственных действий потребуются устройства для записи видео и аудио, причем качество этих устройств должно быть надлежащим. Помимо прочего, необходимо подключение персонального компьютера к сети «Интернет». [5, с. 16-17]

Эмпирический опыт автора, полученный в ходе осуществления деятельности в качестве общественного помощника следователя одного из районных отделов следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Тюменской области и публикации практических работников правоохранительных органов свидетельствуют о том, что совокупность вышеперечисленных технических условий в подразделениях следственных органов встречается крайне редко, что существенно усложняет процесс производства следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи. В такой ситуации следователю, дознавателю легче поступить «по старинке», направив обычное поручение.

В финансово-экономическом обосновании законопроекта указано, что «Принятие федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» не потребует дополнительных финансовых затрат, покрываемых за счет средств федерального бюджета». Таким образом, законопроект не предусматривает материально-техническое обеспечение следственных подразделений соответствующим оборудованием. Вместе, с тем, в тексте законопроекта содержится фраза: «Следователь, дознаватель вправе провести допрос, очную ставку, опознание путем использования систем видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности». Получается, что техническую возможность, если таковой изначально не имеется, придется обеспечивать следователю за свой счёт; или путем перераспределения средств, которые выделены на нужды конкретного следственного отдела, коих и так, как правило, немного.

Принимая во внимание вышеизложенное, складывается ситуация, при которой подавляющему большинству следственных работников, в силу низкой материально-технической обеспеченности, будет проще направить поручение на производство следственного действия, и, при этом,

следственные органы не могут рассчитывать (на момент принятия поправок) на дополнительное материально-техническое обеспечение за счёт средств федерального бюджета. В таких условиях принимаемые поправки не будут иметь хоть сколько-нибудь широкого применения ещё долгое время. [1, с. 15-17]

Ещё одним вопросом, заслуживающим рассмотрения, является вопрос о применимости предлагаемых поправок к опросу (получение объяснений), проводимому следователем, дознавателем в ходе рассмотрения сообщения о преступлении (доследственной проверки). Данная стадия уголовного процесса обладает высокой значимостью, поскольку на ней решается вопрос о возбуждении уголовного дела. Максимальный срок доследственной проверки составляет 30 суток. В случае рассмотрения объемных материалов проверки, например, экономической направленности, даже 30 суток может оказаться недостаточно для вынесения решения. [7, с. 62] При этом опрашиваемые лица так же могут находиться на значительном удалении от места производства доследственной проверки.

Получение объяснений является самым распространенным проверочным мероприятием, и, вместе с тем, не имеет правовой регламентации. Чтобы заполнить данный пробел, в научной литературе и в практической деятельности принято проводить опрос по общим правилам допроса, учитывая особенности стадии доследственной проверки. В связи с этим, можно предположить, что заимствование систем видео-конференц-связи из института допроса в институт получения объяснения представляется логичным и непротиворечивым, соответствующим принципам законности и разумности срока уголовного судопроизводства. [4, с. 151-152]

Введение рассмотренных поправок является логичным этапом в развитии отечественного уголовного процесса. Современные проблемы требуют современных решений, а потому законодатель стремится включить элементы информационных технологий во все сферы жизни общества, в том числе и в сферу уголовного судопроизводства. Сама идея «дистанционного» допроса является действительно необходимым элементом, позволяющим проводить расследование уголовных дел всесторонне и в установленные законом сроки. К сожалению, как это часто бывает, хорошие и полезные идеи не сразу начинают работать в том качестве и в том объеме, в котором должны. По всей видимости, российским следственным органам необходимо на практике столкнуться с вышеописанными проблемами, возникающими при «дистанционных» следственных действиях, прежде чем начнут приниматься меры по устранению имеющихся недостатков, прежде всего, в материально-техническом обеспечении следственных подразделений. Тем не менее, законодательная возможность проведения следственных действий таким способом – это шаг к всё большей цифровизации сферы уголовного судопроизводства, что не может не радовать.

Список цитируемой литературы:

1. Будников В. Л. Видеопоказания в уголовном процессе России // Журнал «Правовой аспект», № 9. – Москва, 2010. – 27 с.
2. Головкин Л.В. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкин. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. – 1280 с.
3. Законопроект № 1184595-7 «О внесении изменений в Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации» // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7#bh_histras (04.01.2022)
4. Мамедов О. Я. Объяснение в системе доказательств по уголовному делу // Пробелы в российском законодательстве. 2016. Вып. 2. – 172 с.
5. Поплавская Н.Н., Поплавский Д.В. Видеоконференцсвязь в уголовном процессе // Рос. следователь. 2017. № 6. – 34 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Парламентская газета, N 241-242, 22.12.2001
7. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972. – 131 с.
8. MCU сервер для ВКС – TrueConf MCU // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://trueconf.ru/products/mcu.html#versions-table> (04.01.2022)

Сведения об авторе:

Савельев Андрей Владимирович – студент 4 курса Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»; andrej-savelev-000@mail.ru

Научный руководитель – Григорьев А.С. к. ю. н., доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Морылева А.И.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОБРОВОЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ АКТОВ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ

***Аннотация:** в статье рассматривается проблема добровольного исполнения актов судебных приставов до применения механизма государственного принуждения. Добровольность выполнения решений – это один из важных шагов к повышению эффективности государственного управления в современном государстве.*

***Ключевые слова:** исполнительное право, судебные приставы, акты государственных органов, добровольность, меры принуждения.*

Добровольное исполнение судебных актов в настоящее время выделяют как отдельный институт. Деятельность и функционирование института определяется как отдельный этап в исполнительном производстве. Это обуславливает законное обеспечение гарантий прав должника на обособленную реализацию обязанностей, которые предписал ему уполномоченный орган, в исполнительном производстве – суд.

Сформировавшийся институт добровольного исполнения судебных актов во многом действует гражданам, которые являются участниками исполнительного производства. Деятельность судебных приставов обусловлена и необходима для того, чтобы обеспечить судебную защиту свободы и права (ст.46 Конституции РФ). Можно сказать, что само государство предоставляет возможность должникам добровольно исполнить судебное решение, а не дожидаться официального прихода судебного пристава-исполнителя с принудительным требованием. Хотя он также ведет контроль за добровольным исполнением, но это не такие жесткие меры, как при принудительном исполнении.

Представительные органы в соответствии с действующим законодательством могут применять официальные меры в отношении граждан, невыполняющих установленные в судебном порядке требования. Отметим, что существуют определенные меры принудительного наказания, например, «арест имущества должника, его изъятие, реализация, принудительное вселение или выселение должника из жилого помещения, ограничение в праве на передвижение» [5]. Вышперечисленные действия в отношении граждан также влияют на психологическое состояние. Нередко люди даже не осознают происходящего, потому что не ожидали что до такой стадии дойдет их невыполнение официальных требований.

Результативность вынесенных судебных актов в значительной степени зависит от того, насколько успешно выполняют работу органы принудительного исполнения. Ведь «лица, защищающие свои права, нуждаются не в декларативном судебном решении или констатации факта нарушения своих прав, а в реальной их защите» [2, с. 62].

К сожалению, в обществе еще не сформировано понимание добровольного исполнения соответствующего решения, поэтому мы до сих пор наблюдаем, как в нынешних реалиях приставы добиваются от должников выполнения судебных актов.

Неисполнение судебных решений злокачественно нарушает права граждан, а также усугубляет многие другие неблагоприятные явления, которые потом перерастают в глобальные проблемы. Прежде всего «дискредитируются судебная и исполнительная власти, укрепляется неверие во всеобщий правопорядок в государстве» [3, с. 36].

Мы думаем, что правосознательность граждан со временем будет повышаться. Видно, как с каждым годом увеличивают штрафы за те или иные нарушения. Это так называемые специальные меры государства, которые должны нас побудить к действию, но не всегда это происходит. Вообще правосознание – это нечто идеальное, к чему мы можем стремиться. С юридической точки зрения – это правовая действительность, выраженная через юридические знания и положения. Хотелось бы, чтобы большинство жителей нашей страны обладало юридическими знаниями, пусть не обширными, но хотя бы базовыми. Тогда бы уровень грамотности повысился, и мы бы в добровольной форме исполняли судебные акты и акты других компетентных органов власти.

Мы считаем, что люди и добровольно могли исполнять судебные акты, если бы в самом обществе обсуждалась проблема правового сознания. Кто, как не вышестоящие органы могут донести до граждан правовые аспекты, связанные с исполнительным производством. Отметим, что «задачей исполнительного производства является не только правильное, но и своевременное, быстрое исполнение юрисдикционных актов, указанных в ст. 12 Федерального закона об

исполнительном производстве» [1, с. 122]. Несмотря на законодательство в сфере исполнительного производства и предписание официальных органов, граждане, как субъекты исполнительного производства, не понимают и не хотят понимать ту ответственность, которая возложена на них.

Однако люди не всегда пользуются предусмотренными нормами добровольного исполнения. Как я уже говорила, что законодательством предусмотрены не только штрафы, но и обязательные работы. Например, пресс-служба ГУФССП России по Московской области сообщает, что «житель Московской области, уклонявшийся от исполнения решения суда о погашении задолженности по кредиту в размере свыше 4 000 000 рублей, приговорен к обязательным работам сроком на 100 часов» [4]. Гражданин не исполнил добровольно исполнительных иск судебных приставов, в следствии чего получил наказание. Конечно, мог бы избежать этого, но, если человек намеренно уклоняется от обязательств, значит он должен подразумевать, что так просто он не «выйдет сухим из воды».

Хочется еще раз подчеркнуть, что самым эффективным способом исполнения судебного акта будет являться добровольный порядок его выполнения. Он обеспечит гражданину спокойствие и уверенность, что долгов перед государством нет, так как наличие штрафов или каких-то других наказаний никому еще не делали жизнь лучше, а нам всем добросовестным гражданам хочется жить в спокойствии и прежде всего с чистой совестью.

Именно институт добровольного исполнения судебных актов может повлиять на правосознание граждан. Зачем применять правовые меры, если можно исполнить требования до вмешательства судебных приставов-исполнителей? К сожалению, этот вопрос будет подниматься всегда. Только сами граждане могут изменить ситуацию. Хочется верить и надеяться, что в дальнейшем ситуация наладится, и мы наконец увидим положительную статистику роста добровольного исполнения судебных актов гражданами Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. Афанасьев С. Ф., Исаенкова О. В., Борисова В. Ф. Исполнительное производство: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. – 410 с.
2. Вишинскис В., Веливис С. Реформа исполнительного процесса в Литве // Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства / Вишинскис В., Веливис С. СПб., 2005. - С. 50-75.
3. Куленко О. И. Прокурорский надзор за исполнением законов судебными приставами гарантия обеспечения конституционного права граждан на судебную защиту // Вестник ЧелГУ., 2008. - № 2. - С. 34-42.
4. Федеральная служба судебных приставов. Обязательные работы из-за уклонения от исполнения решения суда: [сайт]. URL: <https://fssp.gov.ru/news/document28422264/> (дата обращения: 17.11.2021).
5. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: Справочная правовая система «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения 15.11.2021).

Сведения об авторе:

Морылева Алёна Игоревна – студент факультета государственного управления и права Московского областного филиала «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; alena.moryleva@gmail.com

Научный руководитель – Ершова Л.В., кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных, социально-экономических и естественно-научных дисциплин факультета государственного управления и права Московского областного филиала «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Хрущёва М.А., Полтавец В.В.
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОБОРОТА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

***Аннотации:** в статье рассматриваются вопросы, связанные с определением проблем, возникающих при квалификации преступлений за нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ. В связи с тем, что на сегодняшний день существует множество законодательных пробелов представленная тема считается особо актуальной.*

***Ключевые слова:** наркотические средства, психотропные вещества, правила оборота наркотических средств и психотропных веществ, квалификация.*

В настоящее время легальный оборот наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации осуществляется на десятках тысяч предприятий фармацевтической и химической промышленности, в больницах, поликлиниках, госпиталях, аптеках, диспансерах, реабилитационных центрах, на станциях скорой помощи.

На перечисленных объектах производятся, хранятся, подлежат учету и распределению, приобретаются, используются, перерабатываются, уничтожаются наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, инструменты и оборудование, используемые для изготовления наркотических средств и психотропных веществ, растения, содержащие наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры. В обозначенной отрасли находятся десятки тонн наркотических средств и психотропных веществ и сотни тысяч тонн прекурсоров.

В связи с колоссальными объемами подконтрольных предметов, задействованных в законном обороте, угроза их перехода в преступную сферу является серьезной проблемой в борьбе государства с наркотизмом [2, с. 626]. Этот фактор является основой для введения уголовной ответственности лиц, обязанных соблюдать правила оборота наркотических средств и психотропных веществ, но нарушивших их (ст. 228.2 УК РФ).

Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 года N 7334 была утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. Согласно данному акту среди целей государственной антинаркотической политики выделено совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере легального оборота наркотиков и сокращение незаконного оборота наркотиков[5].

Две этих цели тесно взаимосвязаны друг с другом, так как некачественное нормативно-правовое регулирование легального оборота наркотических средств и психотропных веществ приводит к поступлению подконтрольных предметов в нелегальный оборот. При совершенствовании нормативно-правовой базы легального оборота наркотических средств и психотропных веществ (в том числе правил оборота) будет сокращаться и незаконный оборот.

Вышесказанное свидетельствует о высокой степени общественной опасности нарушения правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, в результате чего и происходит поступление подконтрольных предметов в незаконный оборот. Любое нарушение может привести к тяжким общественно опасным последствиям.

Незначительная доля уголовных дел, возбужденных по ст. 228.2 УК РФ, среди иных наркопреступлений (распространенное в науке понятие, объединяющее преступления, предметом которых являются наркотические средства и психотропные вещества) не отражает реальной ситуации. Рассматриваемое преступление обладает высоким уровнем латентности. Причиной этому является в первую очередь мнимое восприятие причиненного ущерба как незначительного. Также возникают сложности при выявлении преступления ввиду отсутствия свидетелей и потерпевшего. Зачастую сам виновный в силу отсутствия должной осведомленности не осознает не только общественной опасности деяния, но и его преступности.

По данным МВД России, количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 228.2 УК РФ, составило: в 2015 г. – 25, в 2016 г. – 11, в 2017 г. – 27, в 2018 г. – 61, в 2019 г. – 31[4]. Несмотря на то что реального количества нарушений правил оборота наркотических средств и психотропных веществ официальная статистика не отражает, на основе имеющихся данных можно сделать определенные выводы. Статистические сведения показывают, что количество рассматриваемых преступлений из года в год находится на уровне минимальной отметки. Учитывая же масштабы легального оборота, резкий скачок в 2018 г. не демонстрирует существенный рост количественных изменений реальных показателей.

Рассматриваемая норма обладает высочайшим уровнем бланкетности. Правила оборота наркотических средств и психотропных веществ, к которым необходимо обратиться при квалификации преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ, содержатся в нескольких десятках федеральных нормативных правовых актах. Кроме того, правоприменитель должен обращаться к региональным актам, а также к актам предприятий, учреждений и иных организаций, являющихся субъектами легального оборота наркотических средств и психотропных веществ. Такой объем нормативных правовых актов существенно усложняет процесс определения противоправности деяния.

Изложенные обстоятельства (высокая степень общественной опасности, отсутствие прямой связи между изменениями уголовно-правовой нормы и количеством преступлений, их латентность, высокий уровень бланкетности нормы) вызывают потребность в более качественном конструировании уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ.

С момента введения в действие УК РФ рассматриваемый состав был выделен в отдельную статью и впоследствии его редакция неоднократно менялась. К сожалению, такие изменения так и не смогли устранить проблемы, связанные с трудностью квалификации нарушения правил оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Трудности правоприменения имеют и свои причины. В определенной степени они связаны либо с неразработанностью в теории уголовного права некоторых аспектов проблемы, либо с их доктринальным противоречивым толкованием в уголовно-правовой науке.

На настоящий момент в науке отсутствует четкое понимание непосредственного объекта преступления, позволившее отграничить его от иных наркопреступлений. Нет определенности в понимании его субъективной стороны. Не решен вопрос о том, какие последствия являются общественно опасными для анализируемого преступления. Некоторые трудности возникают при установлении квалифицированного состава преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ.

Помимо этого, конкуренция существующих правовых актов в рассматриваемой сфере создает серьезные затруднения в деятельности правоприменителя.

Важно отметить, что понимание оборота наркотических средств и психотропных веществ по ст. 228.2 УК РФ не полностью соотносится с определением, данным в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [6]. Так, согласно редакции ст. 228.2 УК РФ под нарушением правил оборота понимаются нарушения правил производства, продажи, изготовления, переработки, использования, реализации, хранения, перевозки, пересылки, учета, отпуска, распределения, приобретения, ввоза, вывоза, уничтожения, культивирования. Согласно определению из указанного выше Закона к обороту не отнесены «учет», «продажа», «культивирование», отраженные в ст. 228.2 УК РФ. Поскольку данные акты находятся в тесной взаимосвязи, такое несоответствие мешает правильному правоприменению, что свидетельствует о необходимости устранения пробела.

Серьезная проблема при квалификации нарушения правил производства возникает с прекурсорами, зарегистрированными в качестве лекарственных средств. Согласно ст. 3 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [7] данный нормативно-правовой акт распространяет свое действие на обращение наркотических лекарственных средств и психотропных лекарственных средств с учетом особенностей, установленных антинаркотическим законодательством. В то же время в соответствии с Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах» было принято постановление Правительства РФ от 18 августа 2010 г. № 640 [3], согласно которому производство прекурсоров, зарегистрированных в качестве лекарственных средств, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о лекарственных средствах. Данное указание вполне можно понимать как «особенность», к которой отсылает упомянутый выше Закон. Но согласно Федеральному закону «Об обращении лекарственных средств» «под производством лекарственных средств понимается деятельность по производству лекарственных средств организациями-производителями лекарственных средств на одной стадии, нескольких или всех стадиях технологического процесса, а также по хранению и реализации произведенных лекарственных средств». На основании представленного определения можно сделать вывод, что производство прекурсоров – лекарственных средств включает в себя их хранение и реализацию. Получается, что, нарушив правила хранения или реализации, лицо так же будет нести ответственность за нарушение правил производства. Помимо этого, в дефиниции «производство» определяется через аналогичный термин «производство», что является проявлением тавтологии и не позволяет определить признаки искомого понятия.

Таким образом, анализ приведенной в данной статье отображает проблемы в терминологии и квалификации, как следствия, лишь на основании некоторых положений диспозиции статьи, однако важно то, что деяния, предусмотренные в ч. 1 ст. 228.2 УК РФ, зачастую включают в себя различные процессы в зависимости от предмета, к которому они применяются. Отсутствует большинство нормативных определений таких деяний. Некоторые специальные акты не содержат в себе терминов, позволяющих в точности определить, какой вид правил они предусматривают. В связи с этим представляется затруднительной верная квалификация преступлений. Система соответствующих правил содержит в себе бланкетные нормы и местами является противоречивой. Для того чтобы установить, какая именно норма была нарушена, необходимо сопоставить целую цепочку различных актов. Правила оборота, нарушение которых предусмотрено одним деянием в отношении одного предмета ч. 1 ст. 228.2 УК РФ, могут регулироваться несколькими актами одинаковой юридической силы, что усложняет процесс квалификации. В целях преодоления обозначенных недочетов некоторые ученые и практики предлагают объединить все правила в одно приложение к Федеральному закону «О наркотических средствах и психотропных веществах» и назвать его «Правила оборота...», что безусловно существенно упростит процесс правоприменения и квалификации рассматриваемого преступления [1, с. 25].

Список цитируемой литературы:

1. Алтунин Т.В. Проблемы квалификации нарушения правил оборота наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228.2 УК РФ), связанные с определением деяния. 2020. - 96 с.
2. Мирошникова И.К. Проблемы квалификации нарушения правил оборота наркотических средств или психотропных веществ // Молодой ученый. - 2016. - № 21 (125). - 624-629 с.
3. Постановление Правительства РФ от 18 августа 2010 г. № 640 «Об утверждении правил производства, переработки, хранения, реализации, приобретения, использования, перевозки и уничтожения прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ» // СПС «Консультант-Плюс».
4. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] / Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. (дата обращения: 27.11.2021).
5. Указ Президента РФ от 23.11.2020 n 733 "Об утверждении стратегии государственной антинаркотической политики российской федерации на период до 2030 года» // СПС «Консультант-Плюс».
6. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СПС «КонсультантПлюс».

Сведения об авторах:

Хрущёва Мария Александровна - студентка 4 курса юридического факультета им. А.А. Хмырова, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, salentine2@gmail.com

Научный руководитель - Полтавец В.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

Брыткина А.И.

ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ НАСИЛИЯ В СЕМЬЯХ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

***Аннотация:** Насилия в семье в отношении женщин является одной из наиболее ярко выраженных декриминализованных проблем в реалиях современной юридической практики.*

***Ключевые слова:** насилие, декриминализация, психологические проблемы, семейный конфликт, жертва, объект насилия.*

По мнению специалистов насилие в семье – это одна из наиболее ярко выраженных декриминализованных проблем в реалиях современной юридической практики. Основной целью проявления тиранического отношения одного человека к другому является получение власти и контроля над ним [3]. За последние годы данная проблема всё больше привлекает к себе внимание учёных – юристов, а

также психологов. Разрушенные семьи, психологические проблемы, тяжелые телесные повреждения и гибель людей — все это последствия мировой и глобальной проблемы, как насилие в семье.

Л. Уокер в своих исследованиях писала, что для того, чтобы семейный конфликт попал в категорию домашнего насилия, нужно, чтобы это повторилось хотя бы дважды [1]. Мы не согласны с данным утверждением. Жертва не должна страдать многократно, чтобы её смогли позже защитить.

Исследователь Р.Г. Петрова определяет домашнее насилие как агрессивные и враждебные действия в отношении членов семьи, в результате чего объект насилия может получить травму, вред, быть униженным или умереть. Мы согласны с данным определением, так как она выражает этим определением эмоциональное или физическое оскорбление, а также угрозу жизни объекта насилия.

Домашнее насилие подразумевает под собой некий повторяющийся цикл физического, сексуального, эмоционального и экономического воздействия по отношению к человеку с целью контроля [2, с. 2]. Насилие происходит между близкими людьми и может реализоваться к абсолютно любому из членов семьи (взрослому или ребенку). Но, как показывает статистика и проведенные исследования, по большей части случаев жертвой становится именно женщина. В юридической литературе нередко насилие характеризуют, как острую социальную проблему. С этим трудно не согласиться, ведь масштабы насилия, не имеют государственных границ.

Согласно статистике ООН каждая третья женщина в мире сталкивается с насилием. Так, например, по результатам исследования 2013-2014г.г., женщин-жертв в 3,5 раза больше, чем мужчин (7,80% против 26,93%). Статистические данные 2020 года демонстрируют увеличение зарегистрированных случаев насилия в семьях, больше чем в два раза. При этом, необходимо отметить латентность анализируемых преступлений, а значит не все жертвы обращаются в полицию и умалчивают семейно – бытовое насилие.

В 2017 году Федеральное Собрание декриминализовало статью 116 Побои из Уголовного Кодекса в Административный Кодекс Российской Федерации. Иными словами, преступник перестал быть им, а стал обычным правонарушителем.

В 2015 году было вынесено решение по делу Анны Жавнерович о домашнем насилии. Зимой она подала заявление в полицию, но ей отказали в возбуждении дела. После чего, обратившись в мировой суд опять же таки по статье частного обвинения (статья 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью»), а также с иском о компенсации морального вреда, ей вынесли решение: медицинская экспертиза постановила, что повреждения, которые он нанес Анне, не причинили тяжкого вреда ее здоровью. Молодой человек был амнистирован в честь 70-летия Победы в Великой Отечественной войне и, по решению суда, в качестве моральной компенсации по гражданскому иску должен будет выплатить ей 30 000 рублей. В данном примере раскрывается отсутствие в законодательстве РФ определенного закона, который должен был быть направлен на защиту от насилия.

Молодой человек в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя на почве личных неприязненных отношений к своей сожительнице, возник преступный умысел, направленный на причинение телесных повреждений последней. Умышленно, нанес не менее двух ударов руками и ногами по голове и телу, затем, с целью угрозы убийством, взял в руки разводной металлический ключ и нанес один удар в область левого колена, демонстрируя разводной металлический ключ, высказал в ее адрес слова угрозы убийством, произнеся: «Схожу за молотком, вообще тебя убью». Приговор – обязательные работы (ст. 116.1, ч.1 ст. 119 УК РФ). Яркое проявление декриминализации в данном приговоре.

По итогу данного исследования можно сделать вывод. В нашей стране одной из важнейших проблем является декриминализация насилия. Нет определённого закона, который бы защищал жертву. Можно также привести опыт других стран. В 156 странах есть закон о домашнем насилии с четкой системой законодательства. Статья 116 УК РФ лишь ссылается на побои и административные меры. Необходимо ввести профилактические процедуры по отношению к агрессору. Нужно ввести охранный ордер, то есть то предписание (охранная бумага), в которую входит: запрет на приближение, запрет на преследование; улучшить межведомственное сотрудничество. Период безопасности – то время, когда жертва может обратиться за помощью, начать процесс по выяснению обстоятельств.

Список цитируемой литературы:

1. Кочеткова С.В. Опыт анализа насилия в семье // Социс. – 1999. – №12.
2. Ред. Яблочкина Е.А., Васильева Н.В., Огинская Е.Д. Насилие в семье — это преступление // Matra/KAP. – 2013.
3. Пузанкова И.Е., Дическул О.М. Психологическое насилие в семье: что это такое и как с ним бороться // Вестник Прикамского социального института. – 2020. – С. 134 – 139.

Сведения об авторе:

Брыткина Анастасия Игоревна – студентка юридического института ЮУрГУ НИУ «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет); c11ment@mail.ru

Научный руководитель - Чикулина А.Р., старший преподаватель — Кафедра «Уголовное и уголовно-исполнительное право, криминология» ЮУрГУ НИУ «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Шевнина П.С.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

***Аннотация:** вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних нередко становились предметом дискуссий ученых и практиков. Данный факт обуславливается социально-психологическими аспектами применительно к несовершеннолетним и желанием законодателя исправить и перевоспитать несовершеннолетнего правонарушителя.*

***Ключевые слова:** уголовная ответственность, несовершеннолетние, уголовный кодекс, особенности уголовной ответственности.*

Подростковая преступность – это достаточно опасное явление для развития мирового современного общества. Криминогенные процессы подростковой преступности оказывают значительное влияние на политическую и социально-экономическую факторы. При этом, вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних нередко становились предметом дискуссий ученых и практиков. Данный факт обуславливается социально-психологическими аспектами применительно к несовершеннолетним и желанием законодателя исправить и перевоспитать несовершеннолетнего правонарушителя.

В соответствии с ст.87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. К несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия либо им может быть назначено наказание, а при освобождении от наказания судом они могут быть также помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

В чём же заключается особенность уголовной ответственности несовершеннолетних? Данному вопросу отведена целая глава Уголовного кодекса РФ, анализируя её можно сказать, что видами наказания, которые назначаются несовершеннолетним, могут быть только: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определённый срок, то есть из 13 видов наказаний, данные лица подлежат лишь 6.

Также нельзя упускать такую особенность, что при назначении наказания несовершеннолетнему учитываются такие факторы как условия жизни, уровень психического развития, воспитание.

С.А. Бурлак отмечает, что возможность применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного характера является наиболее выраженной особенностью уголовной ответственности несовершеннолетних. В соответствии с ст.90 УК РФ несовершеннолетний, которые совершил преступление небольшой либо же средней тяжести может быть освобожден от ответственности, если будет признано, что его исправление можно достигнуть благодаря принудительным мерам воспитательного воздействия. То есть такие меры применяются только к несовершеннолетним. К ним относятся предупреждение, передача под надзор родителей или, лиц их заменяющих, возложение обязанности загладить причиненный вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетних. В случае же если данные лица не исполняют меры принудительного воздействия, мера, которая была ему представлена, отменяется, и тогда все материалы по поводу деяния несовершеннолетнего направляются для привлечения к уголовной ответственности. Так, по мнению К.А. Волкова, принудительные меры воспитательного характера являются альтернативой в борьбе с преступностью несовершеннолетних, которая позволяет достичь цели уголовной ответственности, вне схемы: преступление – наказание – судимость.

Несовершеннолетние граждане могут быть освобождены от ответственности и на общих основаниях: в связи с раскаянием, с примирением с потерпевшим и в связи с истечением сроков давности. Основания, по которым несовершеннолетнего могут освободить от уголовной ответственно-

сти также могут быть приравнены к общим. Это нецелесообразность или невозможность назначения, исполнения наказания, утрата или значительное уменьшение общественной опасности лица, которое совершило преступление, степень общественной опасности деяния личности, которое можно к другим мерам наказания, то есть не к уголовным, а также ухудшение состояния здоровья.

В соответствии со ст. 94 УК РФ, регламентирующей вопрос о сроках давности, при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности или отбывания наказания, они сокращаются наполовину. Также уголовный кодекс предусматривает и сокращенные сроки погашения судимости несовершеннолетних, это один год за преступление небольшой и средней тяжести и три за тяжкое или особо тяжкое преступление.

Также обращаясь к ст.95 УК РФ, для лиц, совершивших преступление в подростковом возрасте, срок погашения судимости сокращается и составляет – шесть месяцев после отбытия или более мягкое наказание, чем лишение свободы; один год за преступление небольшой или средней тяжести; три года за тяжкое или особо тяжкое преступление.

С учетом вышесказанного, на наш взгляд, можно выделить следующие особенности уголовной ответственности несовершеннолетних:

лица, совершившее преступление в несовершеннолетнем возрасте, подлежат лишь нескольким отдельным видам наказания;

для лиц, которые совершили преступление в несовершеннолетнем возрасте, сокращаются максимальные пределы назначения ему наказания;

лица, которые совершили преступление в несовершеннолетнем возрасте, могут быть освобождены от уголовной ответственности либо к ним может применяться наказание с применением принудительных мер воспитательного характера;

лица, совершившее преступление в несовершеннолетнем возрасте, признается обстоятельством, смягчающим наказание, также учитываются условия жизни и воспитания, уровень психического развития, особенности личности и влияние на него старших по возрасту.

Таким образом, полагаем, что особенностью уголовной ответственности несовершеннолетних в основном является смягчение основных мер, которые применяются на общих основаниях. Согласно статистическим данным в период 2018-2020 осужденными были признаны 88,7 % несовершеннолетних, 11,3% считались освобожденными от уголовной ответственности и к ним применялись принудительные меры воспитательного характера. При этом, отметим, что 3,9% людей, несовершеннолетнего возраста были вообще освобождены от наказания, где применялись принудительные меры воспитательного характера, а 1,5% были отправлены в специальные учебно-воспитательные учреждения.

Подводя итоги, думаем, что при назначении наказания несовершеннолетним, необходимо учитывать особенности их уголовной ответственности. Допустим, чаще всего к несовершеннолетним применяется именно принудительные меры воспитательного характера, ведь это те люди, которые ещё недостаточно психически развиты и социально незрелы, а учитывая то, что у каждого развитие идёт в разном темпе, то это будет являться самым оптимальным вариантом ответственности для данных лиц. Именно благодаря ему происходит некое воспитание и переосмысление многих моментов, что чаще всего влияет на дальнейшее развитие подростков. То есть, если бы к подросткам применялись те же меры уголовной ответственности, что и к взрослым, то ни какого именно правильного момента воспитательного воздействия бы не было и несовершеннолетние будут психологически сложно переносить такую уголовную ответственность и впоследствии навряд ли бы двигались в сторону улучшения своей жизни, что негативно влияет на дальнейшее развитие современного мирового общества.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. От 24.02.2021) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 1996.- №25 – Ст.2954
2. Бурлака С.А. Особенности правоотношений, возникающих в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Российский следователь - №5. - С.34.
3. Волков К.А. Специальный вид освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних: вопросы теории и судебной практики // Российский следователь - № 9.- С. 15.

Сведения об авторе:

Шевнина Полина Сергеевна - студент Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)

Омельченко М.Т.
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДОВЕДЕНИЕМ ДО САМОУБИЙСТВА

***Аннотация:** на текущем этапе развития российского уголовного законодательства не все статьи могут похвастаться полной и исчерпывающей информацией, помогающей правильно квалифицировать преступное деяние. Одной из таких является статья 110 – «доведение до самоубийства». Цель данного исследования заключается в обозначении наиболее значимых недоработок данной статьи и обозначении определённых путей их решения. Данное исследование позволило, на почве анализа зарубежной практики и истории развития данной статьи в РФ, выявить её недостатки и отсутствие правильного толкования.*

***Ключевые слова:** доведение до самоубийства; проблемы толкования; история развития; зарубежная практика; пути решения; уголовное законодательство.*

Доведение до самоубийства – это преступление против жизни и здоровья человека, которое может быть осуществлено путём угроз, систематического унижения или жесткого обращения к потерпевшему. Статья 110 весьма значимая для нашего уголовного кодекса, так как это очень серьёзное преступление, за которое субъект должен понести уголовную ответственность, однако этот состав является не самым распространённым, и возбужденные дела закрываются за отсутствием доказательств или состава преступления. За 2020 год по части первой осуждено всего 5 человек.

Впервые ответственность за доведение до самоубийства была предусмотрена УК РСФСР от 1922 года в статье 148. «Содействие либо подговор к самоубийству несовершеннолетнего либо лица заведомо не способного понимать свойства или значения им совершаемого или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали...». Наказание за данное преступление предусматривало лишение свободы не более чем на три года. Далее, в 1926 году был введён термин «доведение до самоубийства». В советское время потерпевшими от такого преступления могли быть только те лица, которые находятся в материальной или иной зависимости. Однако в последующем появилась необходимость дополнить эту статью, так как на рубеже 30-х годов XX века появилась практика доведения до самоубийства посредством жесткого обращения, издевательств и клеветы. А.А. Пионтковский утверждал, что необходимо расширить толкование данной статьи: «потерпевшим от рассматриваемого преступления могут быть и лица, не находящиеся в какой-либо зависимости от субъекта преступления». Данная формулировка была изменена только в действующем на текущий момент уголовном кодексе [1, с. 219].

В зарубежной практике проблемы возникают, в основном, на фоне легализации эвтаназии в отдельно взятых странах. Например, в Швейцарии существует организация, которая предоставляет услуги, по ассистированному суициду, ключевое различие с эвтаназией заключается в том, что человек, выразивший своё желание умереть, сам изъявил его, и попросил предоставить определённую дозу препарата. Так же, пациент сам должен ввести себе этот препарат. Необходимо убедиться, что врач от смерти пациента не получит никакой материальной или иной выгоды. Прямое убийство врачом пациента недопустимо, даже если пациент этого сам требует. В швейцарском праве такое убийство обозначено понятием «Tötung auf Verlangen», буквально — «Убийство по требованию» [2, с. 1].

Малое количество обвинительных приговоров в нашей стране по этой статье можно обуславливать тем, что в её диспозиции содержатся вполне конкретные способы совершения этого преступления. Все они относятся к объективной стороне и если действия предполагаемого преступника не будут содержать в себе того, что указано в диспозиции, то объективная сторона будет отсутствовать, следовательно, состав преступления образован не будет. В действительности, перечень тех действий которые могут привести к доведению на совершение самоубийства или его покушение можно очень существенно дополнить, так как существует не мало разных психологических точек давления. Важно отметить что содержащиеся в статье виды совершения данного преступления можно интерпретировать по-разному. К примеру – жестокое обращение, которое является оценочным. Понятие «жестокое обращение» помимо 110 статьи содержится и в статье 156 относительно несовершеннолетнего. Жестокое обращение, по общему правилу, подразумевает под собой лишение медицинской помощи, пищи, нанесение побоев, связывание, запираение [3, с. 47]. В свою очередь, под систематическим унижением понимается выражение к потерпевшему неоднократных оскорблений, глумлении над ним, постоянная травля в его сторону [4, с. 2].

Распространена практика доведения до самоубийства среди школьников и подростков. После таких инцидентов возбуждаются уголовные дела по признакам статьи 110, однако, как было

сказано выше, по данной статье крайне мало обвинительных приговоров, что относится и к самоубийствам среди школьников. При выяснении обстоятельств всплывают факты, что к совершению самоубийства приводит жестокое обращение среди сверстников по отношению к потерпевшему лицу. Из-за того, что субъектом данного преступления может быть только лицо, достигшее 16 лет, многим удаётся избежать ответственности за такое деяние. Целесообразным считаю уменьшение возраста наступления уголовной ответственности по данной статье, дабы это помогло снизить систематические унижения среди школьников. Следует разработать научные рекомендации по квалификации доведения до самоубийства, особенно среди школьников и подростков. С учётом текущей практики стоит выделить в качестве квалифицирующего состава - доведение до самоубийства несовершеннолетнего, престарелого, больного человека.

Не смотря на то, что в 2017 году, из-за организации деятельности, которая активно склоняет к совершению самоубийства среди школьников и молодёжи были добавлены смежные статьи 110.1 и 110.2 на практике это не дало ожидаемого результата. Оставшиеся вопросы по правильной квалификации данных дел так и остались нерасмотренными [5, с. 91].

Исходя из всего вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что статья 110 уголовного кодекса не обладает полной и исчерпывающей информацией о том, как квалифицировать деяния, предусмотренные этой статьёй. Будет целесообразно дополнить диспозицию данной статьи, внести некоторые рекомендации, которые способствовали бы правильной квалификации деяний по данной статье. Так же, упростило бы работу наличие постановления пленума верховного суда по разъяснению данной и смежных статей.

Список цитируемой литературы:

1. Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния : дис. кандидата юр. наук Москва, 2008 г.
2. Самоубийство как лекарство от старости : [Электронный ресурс]. URL:http://www.swissinfo.ch/rus/жизнь-и-смерть_самоубийство-как-лекарство-от-старости. (дата обращения 09.11.2021)
3. Сундурова М.В., Талан М.В. Уголовное право России. Особенная часть : Учебник 2012 г.
4. Будаева С.В. Проблемы квалификации доведения до самоубийства : материалы Международной НПК (Иркутск, 02 мая 2017 г.), том 2 / под общ. ред. канд. экон. наук, доцента Е.В. Барашевой. – Иркутск : Изд-во ООО «СИДПО», 2017, – 124 с.
5. Тюнин В.И. Доведение до самоубийства и сопряженные с ним преступления / В. И. Тюнин, Т. А. Огарь // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2018, N N 1.-С.91-97.

Сведения об авторе:

Омельченко Михаил Тарасович – студент юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)».

Научный руководитель – Начаркина Ольга Вячеславовна старший преподаватель кафедры «уголовного и уголовно-исполнительного права» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)».

Фокеева М.И.

ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕННОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

***Аннотация:** Данная статья посвящена анализу правовых положений института ограниченной вменяемости в отечественном уголовном праве – понятию, юридической природе и признакам. Раскрываются основные аспекты правоприменительной деятельности в области признания лица ограниченно вменяемым, в том числе критерии отграничения физиологического аффекта от психического расстройства, не исключающего вменяемости. В исследовании освещаются проблемные вопросы разграничения институтов ограниченной и возрастной вменяемости.*

***Ключевые слова:** Аффект, психическое расстройство, вменяемость, возрастная вменяемость, невменяемость, ограниченная вменяемость, субъект преступления.*

Введение.

Широкое развитие общественных отношений в современном мире и их постоянное ускорение приводят к расширению деятельности и интеграции индивидов в обществе. Доступ к средствам

дистанционной коммуникации и возможность неограниченного обмена информацией имеет и негативный характер, в особенности для людей, страдающих психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости. Закономерно, что в следственной практике все чаще встречаются не только бытовые преступления, совершаемые ограниченно вменяемыми лицами, но и преступления с использованием сети «Интернет». Оценка характера и степени общественной опасности совершенного деяния на этапе предварительного расследования, верная квалификация, определение смягчающих обстоятельств в виде аффекта или психического расстройства, не исключаяющего вменяемости, напрямую влияют на вынесение правосудного и справедливого приговора. По мнению профессора В. В. Соболевникова, «реформирование государственности, правоохранительных органов, судебной системы и фундаментальное обновление законодательства, а также борьба с преступностью, проводимые в России, обусловили необходимость квалифицированного не только правового, но и системного психологического обеспечения юриспруденции» [5, с. 144].

1. Понятие и юридическая природа института ограниченной вменяемости

В криминологическом-философском понимании причиной преступности является свобода воли лица, его совершившего, а именно обладание высшей нервной деятельностью, заложенной в понимании психики человека. Поскольку психика является субъективным отражением объективной реальности, то она способна порождать у лица чувство ответственности за совершенные им деяния. По мнению правоведов, «для признания индивидуальной ответственности лица необходимо, чтобы человек, которому приписывается совершенный поступок, обладал свободной волей, в которой и заключается основание вменяемости. По своим философским истокам вменяемость довольно тесно связана с понятием свободы воли и ответственности лица за свои поступки» [7, с. 24]. Для уголовно-правовой характеристики преступного деяния ключевое значение имеют признаки субъекта преступления – вменяемость и возраст ответственности, а также признаки субъективной стороны, где определяющая роль отводится вине – родовому понятию умысла или неосторожности, выражающейся в психическом отношении к совершенному преступлению. Вменяемое лицо должно осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и иметь психофизиологическую возможность руководить ими.

В виду сложной организации высшей нервной деятельности человека, частью которой и является психика, восприятие реальной действительности отдельными индивидуумами крайне неоднородно. Уникальные личностные качества, влияние социума, а также индивидуальные биологические признаки нервной системы сказываются на восприятии субъектом объективной реальности. Зачастую, лицо не в полной мере осознает общественную опасность совершаемого деяния, но осознает его в достаточной мере для признания такого лица вменяемым. Данное обстоятельство может быть связано с наличием психического расстройства, не исключаяющего вменяемости, что имеет колоссальное юридическое и практическое значения для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности.

Роль психических аномалий заключается в том, что они содействуют возникновению негативных социально-психологических свойств личности. Так, наличие психических аномалий может создать дефицит в сфере общения, деятельности, вызвать отчуждение от позитивной социальной среды, потребность самоутверждения любой ценой, что делает такое лицо подверженным негативным влияниям. Психические аномалии личности не исключают вменяемости, могут оказать влияние на формирование готовности к совершению общественно-опасного деяния, нарушить способность к социальной адаптации индивида. Признаки ограниченной вменяемости законодательно закреплены в ст. 22 УК РФ [2], их наличие позволяет признавать таких лиц вменяемыми, а значит – подлежащими ответственности: вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности. Наличие психического расстройства в рамках вменяемости учитывается судом в качестве смягчающего при назначении наказания и создает правовую возможность назначения лицу принудительных мер медицинского характера.

То, каким образом указанное психическое расстройство влияет на психику человека и ее способность отражать объективную реальность, можно судить исходя из конкретных обстоятельств дела и диагностированного лицу заболевания. Как правило, лицо может обладать не просто пограничным состоянием психики, но и иметь хронически диагностированные заболевания, такие как: олигофрения (легкой степени), различные формы неврозов (неврастения, истерия, психастения), психозы, например, алкогольные, психопатии, органическое поражение центральной нервной си-

стемы и другие психические аномалии, которые существенно уменьшают способность лица контролировать свое поведение, ведут к резкому снижению общего интеллекта и волевой сферы, а также затрудняют, хотя полностью не исключают, мыслительный процесс и волю лица во время совершения им преступления [8, с. 155]. Такие заболевания имеют свойство обостряться и стабилизироваться на определенное время, что в случаях ремиссии будет свидетельствовать о возможности установления у лица психического расстройства, не исключающего вменяемости.

2. Проблемные вопросы института ограниченной вменяемости

Существующая модель института ограниченной вменяемости вызывают множество дискуссий в научном сообществе и создает серьезные трудности, поскольку в следственной практике, зачастую, выявить у лица «пограничное» психическое расстройство или же констатировать невменяемость возможно только путем назначения психолого-психиатрической экспертизы.

Зачастую возникают сложности при решении вопросов соучастия. Руководящие разъяснения высшего судебного органа РФ в п. 12 содержат рекомендацию оценки действий лица, исползовавшего для совместного совершения преступления лицо, не подлежащее уголовной ответственности в силу невменяемости, как непосредственного исполнителя преступления [4]. Как видим, Пленум Верховного суда РФ не исключает соучастия между вменяемым и ограниченно вменяемым лицом при совместном совершении ими умышленного преступления.

Следует иметь в виду, что достижение возраста уголовной ответственности не всегда соответствует уровню психического развития индивида и может являться «возрастной невменяемостью» (ч. 3 ст. 20 УК). В отечественном уголовном праве возникает коллизия при решении вопроса о привлечении (непривлечении) несовершеннолетних лиц, достигших установленного законом возраста к уголовной ответственности. С одной стороны, несовершеннолетние лица, страдающие психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, привлекаются к уголовной ответственности. С другой стороны, лица, вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, которые во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, не подлежат уголовной ответственности.

Конечно, для признания такого лица не подлежащим уголовной ответственности необходимо определить, чем вызвана задержка в психическом развитии подростка, не связана ли она с психическим расстройством, обусловлена ли индивидуальными возрастными особенностями. Отставание в психическом развитии устанавливается с помощью стандартных методик и не имеет судебно-психиатрической специфики [9, с. 158].

Полагаем, что для устранения существующей коллизии законодатель может расширить рамки ч. 3 ст. 20 УК РФ и признать несовершеннолетних лиц, достигших возраста уголовной ответственности, являющихся вменяемыми, но в силу психического расстройства во время совершения преступления не могущих в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, не подлежащими уголовной ответственности.

3. Разграничение понятий физиологического аффекта и психического расстройства, не исключающего вменяемости

Как было отмечено ранее, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, рассматривается как обстоятельство, смягчающее наказание, наравне с совершением преступления в состоянии аффекта. Тем не менее, в российском уголовном законодательстве деяния, совершенные в состоянии аффекта, образуют привилегированный состав преступления, а наличие у лица психического расстройства лишь учитывается как смягчающее обстоятельство при назначении наказания.

С целью разграничения психического расстройства, не исключающего вменяемости, от физиологического аффекта, следует рассмотреть указанные понятия в контексте медицинского и юридического критериев. В последнем, особую роль играют интеллектуальный (способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий) и волевой (способность лица руководить своими действиями в момент совершения преступления).

При совершении преступления в состоянии физиологического аффекта, как и в случае психического расстройства, не исключающего вменяемости, интеллектуальный и волевой критерии сохранены в должной степени, в результате чего данное лицо возможно признать виновным и привлечь к уголовной ответственности.

Как известно, состоянию аффекта на протяжении короткого периода времени подвержены женщины в послеродовой период. Законодатель сконструировал привилегированный состав детоубийства, который предусмотрен ст. 106 УК РФ, закрепив тем самым специального субъекта преступления – мать новорожденного, находящуюся в особом психофизическом состоянии. Несмотря

на это, по мнению Б.В. Сидорова, в указанном случае «законодатель все же имеет в виду «состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости», то есть неожиданно возникающее по типу «эмоционального взрыва» («вспышки») непосредственно «во время родов» или «сразу после них» либо в иной психотравмирующей ситуации, связанной с рождением потерпевшего младенца» [11, с. 8]. Следует отметить, что несмотря на медицинскую и юридическую сопоставимость данных понятий, законодатель определяет психическое расстройство, не исключающее вменяемости, как более общественно-опасное, нежели физиологический аффект, для которого сконструированы отдельные привилегированные составы преступлений.

Физиологический аффект по определению не является психическим расстройством, а отражает лишь временное состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения. Аффект называют именно физиологическим, а не психическим расстройством, поскольку биологическая природа данных явлений различна. Как было отмечено Я.М. Калатником, при аффекте «предмет возникновения эмоционального переживания спонтанно и, как правило, мгновенно овладевает вниманием субъекта, то есть становится одновременно и предметом наиболее ясного восприятия, занимает в феноменологическом поле сознания место «фигуры», по отношению к которой все прочее воспринимаемое выступает в качестве «фона» [6, с. 249-254].

Особенностью аффекта является возможность возникновения у лица под давлением обстоятельств или психотравмирующей ситуации, что существенно отличает его от психического расстройства, диагностируемого как следствие наследственной предрасположенности, результат хронического или приобретенного заболевания.

По утверждению психолога С.Л. Рубенштейна, «аффект возникает стремительно, протекает бурно, и не может быть подконтролен сознанию человека» [10, с. 304]. В правоприменительной деятельности следует учитывать, что возникновение состояния сильного душевного волнения не зависит от воли виновного лица, и зачастую вызвано провокационным или аморальным поведением со стороны потерпевшего.

Заключение.

Существование института ограниченной вменяемости в отечественном законодательстве является необходимым и обоснованным в настоящее время, с учетом развития общественных отношений и увеличения числа лиц, страдающих психическими расстройствами. Данный институт в полной мере соответствует статье 2 Конституции Российской Федерации в части того, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства» [1], а также общепризнанным договорам и нормам международного права. Благодаря должному уголовно-правовому регулированию правосудие эффективно реализуется в отношении лиц, совершивших преступления при наличии у них психического расстройства, не исключающего вменяемости. Тем не менее в отечественном законодательстве усматриваются существенные недоработки в сфере разграничения психологического расстройства, не исключающего вменяемости, от физиологического аффекта или возрастной невменяемости, что приводит к определенным трудностям в правоприменительной деятельности. Деятельность судов РФ направлена на индивидуализацию наказания и всестороннее рассмотрение вышеуказанной категории дел по существу, с учетом всех обстоятельств и психофизиологического состояния лица в момент совершенного преступления. Но для надлежащей реализации данных задач, следует пересмотреть и восполнить юридическое содержание психического расстройства, не исключающего вменяемости и иных составляющих психического состояния лица, в момент совершения преступления. Видится возможным в ст. 22 УК указать на конкретные психические расстройства и степень их влияния на совершенное преступление, а также определить обязательность назначения принудительных мер медицинского характера до наступления ремиссии или стабилизации психического состояния лица. Кроме того, возможно предложить законодателю расширить рамки ч. 3 ст. 20 УК за счет признания несовершеннолетних, достигших возраста УО, являющихся вменяемыми, но в силу психического расстройства во время совершения преступления не могущих в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, не подлежащими уголовной ответственности.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2021).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021). Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2021).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.11.2021).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 29.06.2021) "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое". Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.11.2021).

5. Антонян, Ю.М., Бородин, С.В. Преступное поведение и психические аномалии. М.: Спарк, 1998. – 215 с. М.: Издательство Юрайт, 2021. — 379 с. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 120. (дата обращения: 28.10.2021).

6. Калатник Я.М. Патологический аффект // Психология эмоций: хрестоматия / авт.-сост. Проблемы судебной психиатрии. Сб. 3 / Под ред. Ц.М. Фейнберга. – М., 1948. – — 486 с. С. 249-254.

7. Криминальная психология: учебник для вузов / В. В. Собольников. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2021. — 379 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-12600-6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. - URL: <https://urait.ru/bcode/476556/p.15> (дата обращения: 01.11.2021).

8. Павлов, В.Г. Субъект преступления. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. — 318 с. Текст: электронный // https://www.studmed.ru/pavlov-vg-subekt-prestupleniya_3d81ec3c026.html (дата обращения: 28.10.2021)

9. Пудовочкин, Ю.Е. Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: проблемы теории / Ю. Е. Пудовочкин // Правоведение, 2002. – № 6. – С. 150-162.

10. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с. Текст: электронный // http://www.nicevt.ru/wp-content/uploads/2019/10/rubinshteynosnovu_obzhey_psc.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

11. Сидоров, Борис Васильевич. Психологическое расстройство, не исключающее вменяемости, в уголовном праве // ВЭПС. 2020. №2. Текст: электронный // <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-rasstroystvo-ne-isklyuchayuschee-vmenyaemosti-v-rossiyskom-ugolovnom-prave> (дата обращения: 01.11.2021).

Сведения об авторе:

Фокеева Мария Ивановна – студентка Ивановского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; fmi270202@mail.ru

Научный руководитель – Луговенко Т.П., кандидат юридических наук, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Ивановского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Качук М.А.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТРАНСПЛАНТАЦИЮ ОРГАНОВ И (ИЛИ) ТКАНЕЙ

***Аннотация:** В статье рассмотрены проблемы касающиеся привлечения к уголовно-правовой ответственности за трансплантологию. Проведен анализ пробелов и коллизий в действующем законодательстве и предложены пути решения.*

***Ключевые слова:** трансплантация, уголовное законодательство, органы и ткани человека, медицинское право.*

В XX веке становятся доступны новые методы лечения от различных ранее не излечимых заболеваний к такому методу относится трансплантация органов и (или) тканей. История формирования отечественной трансплантологии уходит своими корнями в XIX век и связана с именем выдающегося русского хирурга Н.И. Пирогова. В своей лекции «О пластических операциях вообще, о ринопластике в особенности» в 1835 году Н.И. Пирогов высказал идею о том что можно перемещать с одного места на другое части тела, которые совершенно отделены от организма, или которые еще в какой-то мере связаны с ним [6, с. 56]. С этого мы можем начинать

отсчет по развитию трансплантологии как одного из методов лечения в отечественной медицине.

Главной проблемой при реализации данного метода лечения является правовая регламентация данной сферы деятельности. Особо пристальное внимание заслуживает уголовное законодательство, которое предусматривает уголовную ответственность при незаконном осуществлении трансплантации органов и (или) тканей. Согласно действующему Уголовному кодексу РФ от 1996 года, ряд статей содержат санкции за подобные составы преступлений: п. «м» ч.2 ст. 105 убийство в целях использования органов или тканей человека; п. «ж» ч.2 ст. 111 умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в целях использования органов или тканей потерпевшего; п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ торговля людьми в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей; ст. 120 УК РФ принуждение к изъятию органов или тканей для трансплантации.

В судебной практике по данным статьям отсутствуют приговоры согласно информации правовой системы «Росправосудие», вплоть до 2021 года, это приводит некоторых исследователей к следующим выводам: «отсутствие приговоров указывает на ограничение возможности правоохранительных органов выявлять преступления в столь специфической сфере оказания медицинских услуг», такие выводы сделаны Кустовой О.А [3, с.4]. Преступления, связанные с изъятием органов и (или) тканей человека для трансплантации, могут совершать только организованные преступные группы высококвалифицированных медицинских специалистов отсюда следует, что преступления в этой сфере имеют профессиональный вид. В правоохранительной деятельности отсутствуют методы по расследованию преступлений в данной области поскольку это обусловлено тем, что данная сфера деятельности в нашей стране в настоящее время не столь популярна и не прогрессирует, но в будущем высока вероятность что трансплантология станет ведущим методом лечения. Поэтому уже сейчас следует законодателю уделить внимание на правовую базу регламентирующую уголовную ответственность за данные составы преступлений. Поскольку криминальные структуры уже в настоящее время проникают в данный вид медицинской деятельности. Хотя врачи уверяют, что в России нет черного рынка органов и тканей, в качестве аргументов приводятся доводы, что для совершения такого рода операций необходима чрезвычайно высокая квалификация врача [5, с. 123]. Так же необходимо участие других врачей, которые будут помогать в проведении операции, иными словами есть факторы, которые позволяют объяснить, почему в нашей стране отсутствует черный рынок органов и тканей, но мы не должны забывать, что прогресс не стоит на месте и с учетом этого факта и дальнейшего использования трансплантологии при лечении приведет к возникновению данного рынка. И задача законодателя заблаговременно обезопасить общество от возможной опасности.

Квалификация деяния по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ затруднительна, как показывает судебная практика. Случаи возможной квалификации действий врачей по данной статье имеются, пример: инцидент 11 апреля 2003 года произошедший в 20-й московской городской больнице; подобные инциденты зафиксированы и в других городах России, но практика говорит том, что судебные разбирательства по данным статьям завершаются «извинениями» прокуратуры. Это говорит о том, что достаточно сложно доказать умысел убийства в целях использования органов и тканей потерпевшего. К тому же имеются жалобы, поданные в Конституционный суд РФ о нарушении конституционных прав ст.8 ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», которые КС РФ отклонил, поскольку они не отвечают требованиям федерального конституционного закона о «Конституционном суде РФ», недопустимы.

В соответствии с п. «ж» ч.2 ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» с целью изъятия органов и (или) тканей, относится квалифицирующему составу преступления лишь при наличии всех признаков основного состава. Поэтому в судебной практике не применяется данная статья, как утверждают многие авторы, так как для ее вменения необходимо установить две цели: эксплуатацию и изъятие органов или тканей (квалифицирующий признак). Другими словами торговцы людьми должны намереваться сначала использовать человека для сексуальной эксплуатации, рабского труда или подневольного состояния и только затем – изъять у него органы или ткани [2, с.7,4]. На сегодняшний день следует обеспечить единообразное и точное толкование данной норм, с целью исключения превратного толкования.

В соответствии со статьей 120 УК РФ регламентирующей уголовную ответственность за «Принуждение к изъятию органов и (или) тканей человека для трансплантации» научные деятели не соглашаются с использованием термина «принуждение» в данном составе преступления, поскольку исходя из анализа термина мы приходим к выводу, что потерпевшим согласно

данной статьи будет, является человек, которого принуждают изъять орган или ткань, а не тот у кого будет изъят орган или ткань, т.е. врач осуществляющий трансплантацию. Герасимова Е.В. предлагает изменить название ст. 120 УК РФ «Принуждение лица к даче согласия на изъятие его органов или тканей». Данная формулировка позволит избежать непонимания в трактовке данной нормы.

Так же возникает вопрос с квалификацией действий лица который применяет насилие и угрожает его применением не самому донору, а, например, к его родственникам или иным лицам, близким к донору. Такая ситуация может приниматься как психическое воздействие на потерпевшего, но в статье данного положения нет. В связи с этим законодателю необходимо обратить на это внимание и внести данное положение в статью.

Согласно ФЗ - № 4180-1 «органы и ткани человека не могут быть предметом купли-продажи», купля-продажа органов и (или) тканей влечет уголовную ответственность, но согласно УК РФ от 1996 г. отсутствует норма, которая закрепляла уголовную ответственность на самом деле, иными словами положение федерального закона носит декларативный характер. Поэтому, как считает Герасимова Е.В. следует включить отдельную статью за «Незаконную куплю-продажу, а также совершение иных сделок в отношении органов, тканей человека или иных фрагментов тела человека в целях трансплантации, проведение опытов, обрядов или в иных целях [1, 205]».

Отсутствие в УК РФ правовой нормы, прямо предусматривающей условия правомерности причинения вреда здоровью лица, сопряженного с пересадкой его органа или тканей (т.к. такой вред живому донору причиняется). Это порождает затруднения в выработке своей точки зрения теоретиками и лежит в основе принятия ошибочных решений работниками правоохранительных и судебных органов. Так же не предусматривается данное обстоятельство в качестве исключаящего преступность деяния. И умышленное причинение вреда здоровью или жизни потерпевшего, даже совершенное по его настоятельной просьбе, признается общественно опасным деянием и влечет за собой уголовную ответственность.

На основании анализа уголовного законодательства регламентирующего осуществление трансплантации органов и (или) тканей можно прийти к выводу, что необходимо восполнить пробелы в законодательстве и убрать всевозможные коллизии в статьях регламентирующих уголовную ответственность за осуществление незаконной трансплантации органов и (или) тканей, поскольку данные преступления подвергают опасности самое ценное, что есть у человека: его жизнь и здоровье.

Список цитируемой литературы:

1. Герасимова Е.В. Принуждение к изъятию органов или тканей человека // Научное сообщение. № 4 (125). 2017. С. 204-208.
2. Кадников Ф.Н. Криминалистическая характеристика и предупреждение преступлений, связанных с торговлей людьми: дис. ... канд.юрид.наук. М., 2007. 243 с.
3. Кустова О.А. Методика расследования преступлений, связанная с изъятием органов и (или) тканей человека для трансплантации: автореф.дисс. ... канд.юрид.наук. – М., 2004. 27 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 08.04.2021) // СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс] : URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (дата обращения: 29.12.2021).
5. Хоменко С.М., Калининченко О.И. Уголовная ответственность за принуждение к трансплантации органов и тканей человека в современной России // Студенческая наука. № 1. 2019. С.124-127.
6. Хубутя М.Ш., Кабанова С.А. История отечественной трансплантологии, приоритеты и особенности развития // Трансплантология. №1. 2011. С.55-65.

Сведения об авторе:

Качук Мария Александровна - студентка отделения сестринского дела, ГБПОУ «Медицинский колледж № 5».

Научный руководитель – Денисенко В.М., преподаватель ГБПОУ «Медицинский колледж № 5».

Ермишина К.А.

ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация: Работа посвящена исследованию актуальных проблем такого состава преступления, как доведение до самоубийства. В нынешний период в Российской Федерации сложилась весьма сложная суицидальная обстановка.

Ключевые слова: самоубийство, доведение до самоубийства, уголовное законодательство.

Жизнь человека имеет первостепенную ценность. Когда совершаются преступления против жизни человека, всегда наступают неблагоприятные последствия, которые не поддаются восстановлению. Такие последствия говорят об особой общественной опасности данной категории дел и необратимым последствием, как следствие, является утрата жизни.

Особую роль в группе преступлений против жизни человека занимает состав ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства», характеризующийся как доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Объект преступления в данном составе триединый - жизнь человека, его честь и достоинство. Объективная сторона ст. 110 УК РФ выражена в активных действиях по доведению лица до самоубийства или до покушения на самоубийство, через угрозы, жестокое обращение с потерпевшим, систематическое унижение человеческого достоинства. Однако, данное преступление может быть совершено путем бездействия. Так, например, в случае, когда виновное лицо должно было осуществлять заботу о потерпевшем и не исполняет возложенные на него обязанности с целью понудить потерпевшего к самоубийству. Субъектом преступления – общий, это физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16 - летнего возраста. Состав по статье 110 УК РФ считается оконченным с момента покушения потерпевшего на самоубийство или фактического самоубийства. Важным моментом квалификации действий виновного в рамках рассматриваемого состава является факт того, что потерпевший действительно желал совершить самоубийство, а не инсценировать его. Характер действий потерпевшего при доведении до самоубийства позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии причинно-следственной связи между действиями виновного и самоубийством. При этом в любой случае должно быть установлено, что самоубийство или покушение на него последовали в результате именно действий, совершенных лицом, обвиняемым и подозреваемым в доведении до самоубийства.

Норма статьи 110 УК РФ долгое время вызывала острые дискуссии в научных юридических кругах, пока Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ не была расширена сразу двумя вспомогательными составами. Статьи 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и 110.2. УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» в целом, наиболее полно отражают специфику основной нормы (ст. 110 УК РФ). И действительно, до введения указанных дополнительных норм, научное сообщество указывало на ряд проблем при квалификации ст. 110 УК РФ в связи с достаточно узким перечислением способов доведения до самоубийства, что в свою очередь осложняло квалификацию подобных действий в следственно-судебной практике.

Несмотря на ежегодный прирост количества самоубийств в РФ, судебная практика и уголовные дела по преступлениям, предусмотренным ст. 110 УК РФ, крайне невыразительны. Количество преступлений, квалифицируемых по статье 110 УК РФ и процент лиц, осужденных за данные общественно опасные деяния, по-прежнему, весьма невелико. Самоубийства вследствие доведения и самоубийства без доведения сопоставляются примерно, как 1:20. Причина этому - трудности в предмете доказывания и, как следствие, вывод об отсутствии состава преступления [1].

Правоохранительным органам необходимо отличать простое самоубийство от доведения до самоубийства. Суицид может произойти по различным причинам, поэтому необходимо установить, само ли лицо пришло к такому решению, либо на него повлияли действия преступника и исходящие от него активные действия (либо бездействие).

Совершение доведения до самоубийства возможно, как с прямым, так и с косвенным умыслом, как по легкомыслию, так и в результате небрежности. Но при этом цель лишения потерпевшим себя жизни характерна только для прямого умысла. В данном случае деяние для субъекта преступления является не самоцелью, а способом достижения окончательного результата в виде причине-

ния суицидентом себе смерти [2]. При неосторожном доведении до самоубийства, как и при совершении этого преступления с косвенным умыслом, постановка виновным указанной цели исключается.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения каждые 40 секунд в мире происходит самоубийство. В общей сложности за один календарный год суицид совершают более 700 тысяч человек на планете. Россия входит в первую тройку государств с самыми высокими показателями самоубийств на душу населения (уступая лишь Гайане и Лесото) – в среднем, один житель Российской Федерации сводит счеты с жизнью каждые 12 минут [3]. К числу наиболее распространенных способов самоубийства относятся употребление пестицидов, повешение и применение огнестрельного оружия.

Совершенствование национального законодательства в области противодействия преступлениям, связанным с доведением до самоубийства является крайне актуальным, так как жизнь человека является важнейшим благом. Проблема склонения к суициду и понесение уголовной ответственности за подобные деяния, с каждым годом приобретает все более остросоциальный характер, который требует повышенного внимания и принятия необходимых и своевременных мер, направленных на повышение эффективности расследования уголовных дел данной категории и минимизацию числа суицидов.

Список цитируемой литературы:

1. Ильин Н.Н. Особенности расследования доведения до самоубийства. Учебное пособие / Н.Н. Ильин. – М.: Издательство РГ-Пресс, 2021. – 112 с.
2. Исаев Д.С., Шерснев К.В. Психология суицидального поведения / Д.С. Исаев, К.В. Шерснев. Самара, 2000. – 37 с.
3. Официальный сайт Всемирной Организации Здравоохранения [Электронный ресурс] // URL <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide>

Сведения об авторе:

Ермишина Ксения Александровна - студентка Таганрогского института управления и экономики; ksusha.ermishina@yandex.ru

Научный руководитель - Писаренко А.П., старший преподаватель Таганрогского института управления и экономики

Ермишина К.А.

РОССИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Аннотация:** Статья посвящена аспектам права международной безопасности как одному из инструментов обеспечения национальной безопасности, а также регулируемым им основным задачам внешней политики России в современном мире.*

***Ключевые слова:** международная безопасность, национальная безопасность, государство, внешняя политика.*

Система международной безопасности это согласованный участниками и закрепленный международно-правовыми элементами порядок мирного взаимодействия государств и противодействия общим угрозам в масштабах всего мира или же отдельных регионов.

Несмотря на возрастающую целостность мира, сотрудничество различных государств в экономической, политической, социальной и других сферах, международные отношения и сегодня во многом остаются сферой несовпадающих интересов, соперничества и т.д.

Международная безопасность представляет собой совокупность угроз и средств противодействия угрозам, применению и потенциальному применению вооруженного и иных форм насилия - по своим масштабам выходящих за пределы государств[1].

В последнее время обеспечение национальной безопасности стало стратегическим направлением внутренней и внешней политики России. Проблематика национальной безопасности нашей страны безусловно связана с общеевропейской, а также с международной безопасностью. Сегодня все социально-экономические и политические процессы настолько взаимосвязаны, что национальная безопасность любого государства часто переходит в безопасность региона и даже в более мас-

штабную. В качестве примера можно привести события на Украине, в Сирии и ряде других регионов. Имеется угроза перерастания региональных конфликтов в международные с применением современного вооружения и с вовлечением в конфликт других участников.

Современное противостояние России и Запада достигло высшей степени конфронтации, чреватой самыми негативными последствиями для европейских государств. Против России используется весь идеологический арсенал Запада - от фальсификации исторического прошлого до прямых угроз и провокаций. На сегодняшний момент особо остро стоит вопрос о создании эффективной системы коллективной безопасности, которая предполагает выполнение ряда условий.

1) неприменение силы, гарантия безопасности, взаимное доверие, конструктивный диалог без взаимных обвинений.

2) совершенствование международного законодательства по обеспечению международной безопасности.

3) взаимодействие европейских и российских структур в сфере безопасности, максимальная открытость в движении навстречу друг другу. Европа и Россия имеют общего врага - международный терроризм, против которого нужно объединить усилия.

4) формирование благоприятной общеевропейской экономической и военно-политической среды с распространением позитивного европейского опыта на международные отношения в целом.

5) укрепление роли ООН как международной организации, которая обеспечивает международную, в том числе европейскую, безопасность [2].

Основные угрозы России в международной сфере обусловлены следующими факторами:

- опасностью ослабления политического, экономического и военного влияния России в мире;

- укреплением военно-политических блоков и союзов, прежде всего расширением НАТО на восток;

- возможностью появления в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз;

- распространением оружия массового уничтожения и средств его доставки;

- ослаблением интеграционных процессов в СНГ;

- возникновением конфликтов вблизи государственной границы Российской Федерации и внешних границ государств - участников СНГ;

Угрозы национальной безопасности РФ в международной сфере проявляются в попытках других государств противодействовать укреплению России как одного из центров влияния на мировой арене, помешать реализации национальных интересов и ослабить ее позиции в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе [3].

Среди задач внешней политики России по обеспечению международной безопасности можно выделить следующие:

- усиление механизмов управления мировыми политическими и экономическими процессами, в первую очередь под эгидой Совета Безопасности ООН;

- обеспечение благоприятных условий для экономического и социального развития страны;

- полноправное участие Российской Федерации в глобальных и региональных экономических и политических структурах;

- достижение прогресса в сфере контроля над ядерными вооружениями, поддержание стратегической стабильности в мире на основе выполнения государствами своих международных обязательств в данной сфере;

- выполнение взаимных обязательств в сфере ликвидации оружия массового уничтожения, обычных вооружений, осуществление мер по усилению доверия, обеспечение международного контроля за экспортом товаров и технологий, а также за оказанием услуг военного и двойного назначения;

- развитие международного сотрудничества в области борьбы с транснациональной преступностью и терроризмом.

Обеспечение военной безопасности России является главным направлением деятельности государства. Главной целью в данной сфере является определение возможности адекватного реагирования на угрозы, которые могут возникнуть на сегодняшний день.

Первоочередной задачей РФ является осуществление сдерживания в интересах предотвращения агрессии любого масштаба, в том числе с применением ядерного оружия, против России и ее союзников.

Вооруженные силы Российской Федерации должны быть способны обеспечить надежную защиту страны от воздушного нападения и решение совместно с другими органами задач по предотвращению агрессии в вооруженном конфликте. Важное стратегическое направление в области обеспечения военной безопасности Российской Федерации занимает сотрудничество с государствами - участниками СНГ.

Многовековой опыт сотрудничества России и Европы показывает, что нас сближают не только общий исторический опыт, но и многое другое в современной жизни. Например, общие проблемы борьбы с терроризмом, экология, транспорт, безопасность, миграционные процессы, общая ответственность за состояние дел в Европе и в мире.

Российская Федерация неуклонно сохраняет исторические культурные ценности, которые связаны с состоянием нравственности, с семьей, воспитанием детей. Европе, отходящей от традиционных ценностей, безусловно, есть чему поучиться у России в сфере духовно-нравственной составляющей государственной безопасности.

Список цитируемой литературы:

1. Бекяшев К.А. Международное право. Учебник для бакалавров / К.А. Бекяшев. - М.: Издательство Проспект, 2021. - 352 с.
2. Федощева Н.Н. Международное право. Учебное пособие / Н.Н. Федощева. - М.: Издательство НИЦ ИНФРА-М, 2021. - 398 с.
3. Толстых В.Л. Курс международного права. Учебник / В.Л. Толстых. - М.: Издательство Проспект, 2021. - 736 с.

Сведения об авторе:

Ермишина Ксения Александровна - студентка Таганрогского института управления и экономики; ksusha.ermishina@yandex.ru

Научный руководитель - Василькова Е.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры ГПД Таганрогского института управления и экономики

Галанина Д.С.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУДИМОСТИ ПО ОСУЖДЕННЫМ ЗА УБИЙСТВО И ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО

***Аннотация:** в статье на базе статистического анализа исследуется динамика судимости по осужденным за убийство и покушение на убийство, динамика коэффициента судимости, а также строится прогноз судимости. Анализ позволил выделить тенденцию снижения общего числа осужденных за убийство и покушение на убийство в РФ за анализируемый период. Прогнозирование показало положительную тенденцию развития ситуации с судимостью.*

***Ключевые слова:** статистический анализ судимости, судебная статистика, коэффициент судимости, прогноз судимости, преступления против жизни человека, покушение на убийство, ст. 105 УК РФ, тенденции развития судимости.*

Актуальность данной темы заключается в том, что в современном мире об эффективности работы судебной системы, в целом, говорят статистические данные о состоянии преступности, и количестве осужденных в стране. Именно статистические данные органов судебной системы, в совокупности, могут передать общую картину эффективности работы данной сферы. Проводя исследование материала, представленного судами РФ, раскрываются все стороны преступной жизни страны, характеризуются все положительные и негативные изменения, и составляется перечень важных вопросов по поводу урегулирования положения. Переходя к теме научной статьи надо сказать, что убийство и покушение на убийство в Российском законодательстве являются наиболее тяжкими, так как направлены на самый важный и охраняемый нормами уголовного законодательства объект – жизнь человека. Именно поэтому важно изучение именно этого вида преступлений, так как такие преступные деяния в большей части влияют на общественность. Анализируя эту сторону преступлений, возможно создание будущих тенденций и перспектив в регулировании и снижении количественной стороны данного вида злодеяния [2].

Цель исследования: представление на основе подсчитанных данных судебной статистики, целостной картины количественных и качественных изменений в отношении преступлений против жизни человека, и покушения на нее.

За основу для исследования, были взяты данные по Российской Федерации Судебного департамента при ВС РФ о судимости по осужденным за убийство и покушение на убийство в период с 2008-2019 годы.

Рассмотрим динамику судимости по осужденным за убийство и покушение на убийство (рис.1).

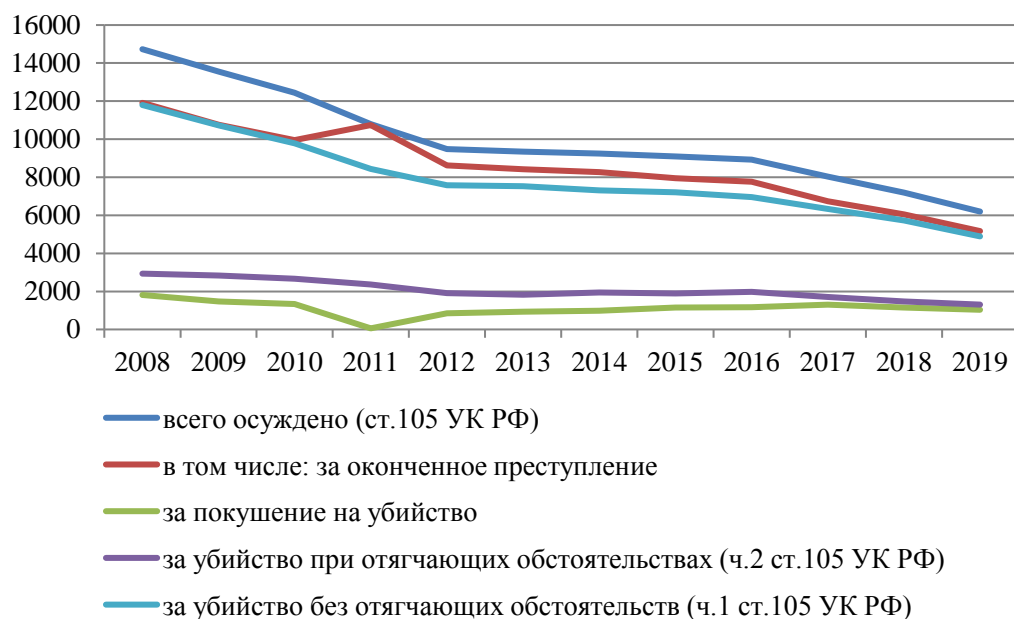

Рис.1. Динамика по показателю «Число осужденных за убийство и покушение на убийство» в РФ за период 2008-2019 гг. (источник: составлено авторами на основе данных Росстата)

Ниже представлен расчет основных показателей динамики цепным и базисным методами (табл.1).

Таблица 1

Абсолютные и относительные показатели динамики по числу осужденных за убийство и покушение на убийство в РФ за 2008–2019 гг.

Наименование показателя	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Абсолютный прирост (ц), тыс. ед.	-1185	-1102	-1647	-1320	-133	-95	-154	-167	-901	-829	-1001
Абсолютный прирост (б), тыс. ед.	-1185	-2287	-3934	-5254	-5387	-5482	-5636	-5803	-6704	-7533	-8534
Темп роста (ц), %	92	91,9	86,8	87,8	98,6	99	98,3	98,2	89,9	89,7	86,1
Темп роста (б), %	92	84,5	73,3	64,3	63,4	62,8	61,7	60,6	54,5	48,9	42,1
Темп прироста (ц), %	-8	-8,1	-13,2	-12,2	-1,4	-1	-1,7	-1,8	-10,1	-10,3	-13,9
Темп прироста (б), %	-8	-15,5	-26,7	-35,7	-36,6	-37,2	-38,3	-39,4	-45,5	-51,1	-57,9

Источник: составлено автором.

Таким образом, наблюдается тенденция снижения общего числа осужденных за убийство и покушение на убийство в РФ за анализируемый период (-8534 ед.), то есть показатель имеет отрицательный прирост, судимость по таким преступлениям снизилась на 57,9 % за 11 лет. Снижение

числа осужденных за убийство и покушение на убийство в динамике указывает на позитивные изменения в сфере предупреждения преступности, в том числе связанные с оптимизацией законодательства, повышением эффективности деятельности правоохранительных органов, повышением социально-экономического благополучия граждан.

Далее рассмотрим динамику коэффициента судимости (табл. 2).

Таблица 2

Динамика коэффициента судимости за убийство и покушение на убийство в РФ за 2008 – 2019 гг.

Годы	Значение коэффициента судимости
2008 г.	12,7
2009 г.	11,7
2010 г.	10,8
2011 г.	9,4
2012 г.	8,3
2013 г.	8,2
2014 г.	8
2015 г.	7,9
2016 г.	7,8
2017 г.	7
2018 г.	6,3
2019 г.	5,4

Источник: составлено автором.

Коэффициент судимости является качественным показателем, характеризующим отношение общего количества зарегистрированных преступлений к численности населения возраста наступления уголовной ответственности, поэтому рассмотрение его значений представляется важным для комплексного анализа динамики судимости. Исходя из анализа показателей коэффициента судимости за убийство и покушение на убийство в РФ за 2008 – 2019 гг., мы видим тенденцию снижения показателей коэффициента судимости, наибольший показатель за рассматриваемый период в 2008 году – 12,7, наименьший показатель за рассматриваемый период в 2019 году – 5,4.

Далее рассмотрим прогноз судимости 2 методами: по линии тренда и методом построения ARIMA модели.

Таблица 3

Прогнозирование численности осужденных за убийства и покушение на убийства в РФ

Наименование использованного метода	Характеристика модели и уравнения	Качество прогноза (значение R ²)	Результаты прогнозирования на 2020/2021 гг.
Прогноз по тренду	Уравнение тренда (полиномиальная функция): $y = 41,319x^2 - 1210,3x + 15548$	Высокое R ² =0,95	6797 ед. / 6702 ед.
Прогноз по модели авторегрессии (точный метод максимального правдоподобия)	Модель ARIMA (1,0,1): $y_t = 10355,8 + 0,96y_{t-1} + e_t + 0,99e_{t-1}$	Высокое R ² =0,97	5464 ед. / 5623 ед.

Источник: составлено автором.

В обоих случаях прогнозирование показало высокие значения показателя аппроксимации, при этом по первому варианту прогнозные значения выше. Наиболее целесообразнее в нашем случае использовать более совершенные методы, к которым относится построение модели ARIMA. Достоверность прогноза по данной модели более высокая, при этом модель показывает, что в перспективе может наблюдаться незначительное увеличение количества осужденных за убийства и покушение на убийства.

Подводя итоги проведенному исследованию, следует сказать о положительной тенденции развития ситуации с судимостью по рассмотренным категориям преступлений. Важным аспектом такой тенденции является качественная работа государственного аппарата по поддержанию правопорядка, развития законодательства, экономики и социальной сферы. Данная работа должна продолжаться, при этом должны модернизироваться методы выявления и раскрытия преступлений применительно к меняющимся условиям жизнедеятельности общества. Использование передового опыта и современных технологий анализа, прогнозирования и управления социальными системами, в данном аспекте, является залогом снижения числа преступлений, связанных с убийством и покушением на убийство [1].

Список цитируемой литературы:

1. Бусыгина Н.А., Терехов А.М. Роль уголовной статистики в изучении преступности // В сборнике: Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий. Материалы IV международной научно-практической интернет-конференции. 2019. С. 269-271.
2. Буньковский Д.В. Метод экономического анализа в практике юриста // В книге: Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии. Материалы XXIV Всероссийской научно-методической конференции. 2019. С. 193-196.

Сведения об авторе:

Галанина Диана Сергеевна – студент юридического института ПФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; galanina_2003@mail.ru

Научный руководитель – Терехов А.М., кандидат экономических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ПФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Миненок А. С.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ПРАВЕ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ОТДЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ СФЕРЫ

***Аннотация:** В данной статье рассмотрена сущность цифровизации в целом, а отдельное внимание обращено на цифровизацию в сфере права. Описаны некоторые изменения в трудовом, гражданском, уголовном и политическом праве. А так же рассмотрены некоторые проблемы, связанные с цифровизацией в гражданском и уголовном праве.*

***Ключевые слова:** права человека, цифровизация, интернет, трудовое право, уголовное право, гражданское право.*

Актуальность темы соотношения права и процессов цифровизации всей жизни в целом объясняется тем, что в обществе происходят кардинальные изменения, которые влекут за собой изменения и в правовой сфере. Это связано с тем, что право должно быть современным и актуальным, а для этого оно не должно отставать от уровня развития общества и общественных отношений.

На данный момент весь мир охвачен идеей цифровизации. Уже многие направления цифровизации являются частично или полностью реализованными. Так, по поручению В.В. Путина Правительство Российской Федерации подготовило программу «Цифровая экономика», целями которой являются к 2024 году снизить расходы фирм, а так же автоматизировать их работу. Помимо базовых составляющих цифровой экономики, акцент данной программы поставлен и на «росте инвестиций частного и государственного сектора» [11].

Во время использования интернета происходит не только обмен информацией, но и активно осуществляется такой вид деятельности как электронная торговля. На данный момент жизни это стало обыденным явлением и даже принято государством. Пример - Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», который содержит в себе такое понятие как «электронный аукцион». Стоит отметить, что все действия, необходимые для заключения договора (оферта,

акцепт, определение победителя, подписание договора), происходят непосредственно в электронной форме.

Помимо экономики, развивается и сектор государственных услуг. Давно уже стало нормой жизни записаться на прием в государственное учреждение при помощи интернет-ресурсов и специально разработанных для этого приложений. Например, можно записаться на прием к врачу, запросить выписку и даже оплатить штраф.

Таким образом, можно сказать, что во всех сферах общественной жизни так или иначе происходит процесс цифровизации. Со временем процесс цифровизации должен превратить наше государство в цифровое, однако на данный момент отсутствует не только закон, который бы мог дать определение понятию цифрового государства, но и само понятие «цифровое государство» вызывает массу дискуссий [9].

Не смотря на это, право должно соответствовать времени, которое оно регулирует, поэтому право несомненно будет трансформироваться.

Процесс цифровизации приводит к тому, что люди несколько изменили представление о правах человека.

Приведем пример из реальной жизни: 3 июня 2011 года власти Сирии для того, чтобы не дать выступить оппозиции отключили Интернет во всей стране. В связи с этим возникли еще большие волнения в стране. Следствием данного события стало то, что «в 2011 году ООН приняла резолюцию о том, что Интернет стал неотъемлемым инструментом реализации прав человека» [9]. Таким образом, еще в 2011 году право на доступ в Интернет стало неотъемлемой частью жизни людей.

На данный момент, в праве существует актуальный вопрос, который затрагивает многие отрасли права - внедрение электронной подписи. Это вносит значительные изменения в некоторые отрасли права. Однако данная тема была поднята давно и в некоторых странах уже является закрытой. Так, в 1997 году в Германии произошло законодательное закрепление электронной подписи, в 2000 году это произошло во Франции, так же в этом году на заседании Ассамблеи государств-участников СНГ был принят Модельный закон об электронной цифровой подписи [6].

Представленные изменения сферы права не являются исчерпывающими. Из всего перечисленного можно сделать вывод, что цифровизация оказывает влияние на позитивные изменения в праве с одной стороны, потому что позволяет ему развиваться, но с другой стороны не стоит забывать, что данный процесс может привести к таким проблемам, которые связаны с безопасностью информации в Интернете, с неготовностью населения к массовому выходу в интернет-пространство, а так же с развитием преступности в Интернете.

Теперь рассмотрим влияние цифровизации на отдельные отрасли права. Стоит отметить, что в романо-германской правовой системе деление права на публичное и частное является обязательным. Но как связаны цифровизация и разделение права на отрасли? Можно сказать, что «цифровизация катализирует стирание граней между отраслями права». Что приводит к уменьшению различий между отраслями [8].

Обратимся к политическим правам человека. Согласно части 3 статьи 3 Конституции Российской Федерации «высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы» [7]. В последнее время частым явлением стали электронные выборы, что говорит о цифровизации правовых отношений в избирательной системе. Данный процесс в свою очередь является составной частью «конституционно-правовой модели демократии» [5], которая предполагает, что все процедуры, связанные с проведением голосования проводятся при помощи телекоммуникационных технологий (то есть и голосование, и подсчет результатов происходит дистанционно). Этот способ проведения голосований несомненно является удобным и для избирателей, и для государства, которое организывает данное мероприятие. Так, государство потратит меньше денежных средств, для того, чтобы организовать голосование и подвести его итоги, а избиратели потратят меньше времени, так как им не нужно будет отвлекаться от своих дел и идти в избирательный участок - проголосовать они могут дома при помощи смартфона или компьютера.

Однако, не смотря на удобство данной системы, государство не спешит перевести всю процедуру выборов в дистанционный режим. Это объясняется тем, что в данной сфере общественных отношений имеется много нерешенных вопросов, решение которых является первостепенным. Помимо нерешенных вопросов в сфере политики, можно привести и одну бытовую причину, по которой введение только дистанционной формы голосования может привести к падению процента граждан, участвующих в голосовании. Ею является то, что не у всех имеется техническое обеспечение, которое позволяет проявить свою активность в выборах, а так же не все умеют пользоваться интернет-ресурсами.

В связи со сложившейся сложной ситуацией в Мире, связанной с пандемией COVID-19 цифровизация стала стремительно оказывать влияние и на трудовое право. Появились новые термины - цифровая детоксикация, цифровое присутствие, электронный документооборот [9]. Помимо этого кардинально изменился характер трудовых отношений, появилась работа в интернете, например на интернет-платформах. Так, в период карантина очень возрос спрос на услуги доставки продуктов. Раньше, работники, доставляющие заказы являлись самозанятыми, но в сентябре 2020 года Верховный суд Испании вынес решение о том, что курьеры являются наемными работниками, а не фрилансерами [12]. Следственно, суд подчеркнул, что у работников сферы доставки есть все необходимые признаки трудовых отношений.

К сожалению в России практика по таким делам является противоположной. Примером является судопроизводство Мосгорсуда по делу № 33-15213/2018 [4], в данном случае решение было вынесено не в пользу водителя, обратившегося в суд, а отношения не были признаны трудовыми.

Еще одним изменением в трудовом праве, связанным с цифровизацией стало то, что многие работодатели стали переводить своих подчиненных на удаленный режим работы. Это изменение вызывает следующие вопросы - как считать время, проведенное за работой? Может ли работник сам выбирать себе рабочее место (офис/домашний офис)? Рассуждая над первым вопросом, можно сказать, что если сотрудник находится дома, в так называемом «домашнем офисе», то произвести подсчет времени можно лишь с помощью применения различных приложений, способных фиксировать время, которое сотрудник провел за работой. Что касается второго вопроса, то удаленный формат работы подходит не всем видам работников либо в силу выполняемых им обязанностей, либо в силу плохого технического обеспечения дома, что приведет к ухудшению работоспособности.

В разных странах по-разному решают вопрос о выборе сотрудником формата деятельности. Например, в Нидерландах - сотрудники, имеющие минимальный стаж работы имеют право работать удаленно, а отклонять запросы на удаленную работу работодатель может только по уважительной причине [9]. В России такая концепция пока что находится на стадии обсуждения.

Изменения произошли и в уголовном праве. Цифровизация привела к появлению огромного количества преступлений в сфере информационных технологий, так называемых «киберпреступлений» одними из немногих являются - интернет-мошенничества, хакерские атаки, распространение цифровых изображений с порнографическим содержанием, хищений конфиденциальной информации и другие. В связи с этим возникла необходимость совершенствовать Уголовный кодекс: вносить изменения в уже существующие статьи, либо создавать новые. Между учеными-правоведами даже возник спор о необходимости написания нового Уголовного кодекса в стране. Данный спор объясняется цикличностью права, ведь с невероятной скоростью в Мире появляются новые общественные отношения, которые необходимо регулировать законом, а Уголовный Кодекс РФ был издан еще в 1996 году.

Помимо плохой стороны влияния цифровизации, есть и то, что помогает эффективно бороться с преступностью. Примером, иллюстрирующим это является использование базы данных, которые содержат в себе различную информацию о людях, имеющих судимость, о отпечатках пальцев, группах крови и иных факторах, позволяющих хоть как-то идентифицировать преступника, а так же обвиняемых, потерпевших и свидетелей (использование автоматизированных информационно-поисковых систем и Интерпола); для служебной переписки существует закрытая сеть передачи данных «ДИОНИС»; созданы и «автоматические идентификационные системы глобальной навигации и позиционирования» такие как ГЛОНАСС и GPS [3]; кроме этого, существуют и справочно-правовые системы «Гарант», «Кодекс», «Консультант Плюс» которые содержат все действующие и утратившие силу нормативно-правовые акты, к которым для получения дополнительной юридической консультации может обратиться не только сотрудник МВД РФ, но и обычный гражданин. Все описанные средства позволяют ускорить процесс расследования преступлений и сделать его более качественным.

Достижения науки вносят изменения и в гражданское право. Актуальным на данном этапе развития является вопрос о выделении цифровых объектов гражданских прав или распространения на них режимов существующих объектов. Так, в соответствии с внесенными изменениями в 128 статью Гражданского Кодекса РФ цифровые права стали считаться объектом гражданских прав, а именно: «разновидностью имущественных прав, являющихся частью иного имущества» [10].

Еще одним дополнением Гражданского кодекса является пункт 1 статьи 160, который посвящен письменным формам сделки. Так, согласно пункту 4 статьи 1 Федерального закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации": «Письменная форма сделки считается соблюденной

также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств» [10]. Таким образом, новым абзацем статьи предусмотрены технические средства, которые позволяют «воспроизвести» сделку на материальном носителе « в неизменном виде содержание действий». Однако понятие сделки не было изменено Гражданским кодексом.

Однако, с процессом цифровизации в Гражданском праве появилась проблема, связанная с существованием «непоименованных объектов», которые легально не закреплены в законе, но по поводу этих объектов возникают субъективные права и обязанности граждан [1]. Однако, данная проблема зачастую успешно решается законодателем путем издания новых норм и отнесения такого рода возникших объектов к разновидностям уже ранее существовавших или самостоятельным видам объектов гражданских прав [2].

В заключении, необходимо сделать вывод, что процесс цифровизации является процессом развития общества, поэтому влечет за собой изменения и в различных его сферах. Право не является исключением, так как само по себе оно является цикличным и очень подвержено изменениям. Нельзя однозначно определить влияние цифровизации на право, однако стоит отметить ее несомненное положительное влияние на развитие права.

Список цитируемой литературы:

1. Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // *Lex russica*. — 2021. — Т. 74. — № 7. — С. 32–43. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.032-043.
2. *Гражданское право* : в 2 т. / под ред. Е. Е. Богдановой. М. : Проспект, 2020. С. 235–236 (автор главы — И. З. Аюшеева)
3. Запрутин Д. Г., Разумов Н. В. Использование информационных технологий в уголовном судопроизводстве. // *Журнал Правопорядок: история, теория, практика*. - 2018 - № 4. С. 13-17.
4. Информация по делу № 33-15213/2018 | Информация по гражданским делам апелляционной инстанции | Информация по судебным делам | Сервисы | Московский городской суд | Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы (mos-gorsud.ru)
5. Карасев А.Т., Кожевников О.А., Мещерягина В.А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации. DOI 10.24411/2686-7206-2019- 10016 // *Антиномии*. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 99–119.
6. Модельный закон «Об электронной цифровой подписи» (Принят в г. Санкт-Петербурге 09.12.2000 Постановлением 16-10 на 16-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // *Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств*. 2001. № 26. С. 310–326.
7. Статья 3 Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) | ГАРАНТ (garant.ru)
8. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Талапина Э. В. // *Журнал российского права*. - 2018 - №2. С. 5-17.
9. Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / Под ред. И.В. Воронцовой. - Казань: Отечество, 2020. - 415 с.
10. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2019. № 12. Ст. 1224.
11. Цифровизация: история, перспективы, цифровые экономики и перспективы России и Мира [Электронный ресурс] <https://up-pro.ru> [сайт]. Режим доступа: //URL <https://up-pro.ru/library/strategi/tendencii/cyfvrovizaciya-trend>
12. Spain's Supreme Court rules food delivery riders are employees, not freelancers.[Электронный ресурс] <https://www.thestar.com> [сайт] URL: <https://www.thestar.com/my/tech/tech-news/2020/09/24/spain039supremecourt-rules-food-delivery-riders-are-employees-not-freelancers>

Сведения об авторе:

Миненок Анна Сергеевна - студент юридического факультета Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»; minenokas@mail.ru

Азарова А.С.
**АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ
В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ**

***Аннотация:** Крайняя необходимость выступает одной из важных мер самозащиты граждан. Вместе с тем суды преимущественно отказывают в признании правомерности данного основания, исключая административную ответственность. Авторы анализируют причины подобного явления, рассматривают некоторые проблемы правоприменения и предлагают пути их решения.*

***Ключевые слова:** самозащита, крайняя необходимость, практика применения, административные правонарушения, административная ответственность, правила дорожного движения.*

На сегодняшний день активно развивается идея верховенства прав и свобод граждан [2, с. 121]. Вместе с тем число административных правонарушений ежегодно остается стабильно высоким. Одной из мер защиты гражданами своих законных прав и интересов является институт крайней необходимости.

Согласно ст. 2.7 КоАП РФ, «не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости, т.е. для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества и государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред» [5]. Данный институт не нашел своего широкого применения в правоприменительной практике, поэтому актуальным остается вопрос условий правомерности крайней необходимости в административном праве.

А.Д. Пивоварова и О.В. Гарась называют пять таких условий: 1) наличие опасности, непосредственно угрожающей личности, третьим лицам, обществу или интересам государства; 2) меньший размер причиненного вреда, чем предотвращенного; 3) невозможность устранения опасности безопасным путем; 4) нейтрализация опасности должна происходить в пределах времени ее существования; 5) наличие опасности непосредственной, а не надуманной [8, с. 54].

Д.И. Лопушанская и Ю.И. Чернов, в свою очередь, выделяют три критерия крайней необходимости: 1) опасность должна быть непосредственной и способной наступить в будущем, а не абстрактной; 2) она не могла быть устранена иными способами; 3) причиненный вред должен быть меньше, чем вред предотвращенный [6, с. 229].

Какова же практика применения данного обстоятельства? В качестве примера приведем решение Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.01.2021 № Ф04-6577/2020 по делу № А81-5556/2020 [9], которым дело прекращено в связи с действиями в состоянии крайней необходимости.

Как следует из материалов дела, в ходе патрулирования лесов должностным лицом административного органа выявлен факт нарушения лесного законодательства, а именно обнаружены две единицы работающей техники, с помощью которой сотрудниками АО «Транснефть-Сибирь» проводились работы по перемещению грунта, в результате которых поврежден верхний почвенный покров.

Поскольку спорный лесной участок в пользование не предоставлен, административный орган составил в отношении общества протокол об административном правонарушении и вынес постановление, которым привлек АО «Транснефть-Сибирь» к административной ответственности.

Суды пришли к выводу возможности применения в рассматриваемом случае положений ст. 2.7 КоАП РФ, поскольку установили, что выполнение обществом спорных работ направлено на исключение аварийных и внештатных ситуаций. Таким образом, суды обосновано сочли, что общество действовало в состоянии крайней необходимости.

В силу отсутствия обобщенных статистических данных приходится проводить самостоятельный анализ общедоступных судебных решений по делам об административных правонарушениях. Мы замечаем, что положения ст. 2.7 КоАП РФ в правоприменительной практике реализуются крайне редко. Рассмотрим некоторые случаи отрицательной практики по ст. 2.7 КоАП, когда суды признали ссылки на крайнюю необходимость необоснованными. Владикавказский гарнизонный военный суд установил, что сообщенные в суде сведения о необходимости приобретения лекарств для

иного лица не свидетельствуют о наличии оснований для освобождения от административной ответственности, в том числе крайней необходимости, поскольку из объяснений Марушевича не усматривается невозможности оказания необходимой помощи иному лицу способом, не связанным с нарушением правил дорожного движения, оказание помощи иному лицу не потребовало привлечения скорой медицинской помощи [11].

Верховный Суд РФ пришел к выводу, что доводы Мочалова о том, что он действовал в состоянии крайней необходимости, поскольку в момент, относящийся к событию административного правонарушения, доставлял продукты питания пожилому родственнику, подлежат отклонению, поскольку доставка продуктов питания близким родственникам разрешена в означенный период при наличии документа, удостоверяющего личность, и подтвержденной заявки, полученной на электронном сервисе. Таким образом, доставка продуктов могла быть осуществлена лицом, привлеченным к административной ответственности, без нарушений требований законодательства, либо иными способами (доставка магазина, помощь волонтеров) [10].

Попробуем разобраться в причинах такой непопулярности ст. 2.7 КоАП РФ. Прежде всего отметим, что сам КоАП РФ содержит не так много видов противоправных деяний, которые могли бы быть совершены в состоянии крайней необходимости. Суды не склонны к применению положений ст. 2.7 КоАП РФ по ряду причин субъективного и объективного характера. В частности, правоприменителю необходимо разрешить сложный вопрос о том, был ли причиненный вред меньше предотвращенного, ведь большинство составов административных правонарушений являются формальными, из-за чего их последствия бывает трудно оценить и сопоставить по тяжести.

В.Р. Кисин раскрывает данный вопрос и с другой стороны. Он пишет, что правоприменительная практика не имеет в своем распоряжении разработанных научно-методических материалов, способных оказать помощь в реализации положений ст. 2.7 КоАП РФ. Лишь крайне узкий круг специалистов рассматривают крайнюю необходимость в своих исследованиях, а многие учебники и учебные пособия по административному праву вовсе не упоминают о существовании ст. 2.7 КоАП РФ [4, с. 24].

На ст. 2.7 КоАП РФ ссылаются в своих решениях и Конституционный Суд РФ. К примеру, гражданка Ананич, оспаривая конституционность ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ, указывала, что оспариваемое законоположение допускает возможность привлечения к административной ответственности без выяснения судом обстоятельств оставления водителем места дорожно-транспортного происшествия. Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы к рассмотрению, в том числе потому, что КоАП РФ исключает производство по делу об административном правонарушении при наличии предусмотренных в ст. 2.7 КоАП РФ условий, при которых противоправное деяние может быть признано совершенным в состоянии крайней необходимости [7].

Дела о нарушении правил дорожного движения в состоянии крайней необходимости довольно распространены в практике. Так, чтобы спасти жизнь человека, допускается отступить от исполнения некоторых законных обязанностей. Ярким примером является возможность водителя временно покинуть место дорожно-транспортного происшествия для доставления потерпевшего в клинику.

Проблемным остается вопрос квалификации действий водителей, допустивших выезд на полосу встречного движения при объезде препятствия в их полосе. Ф.Н. Зейналов подробно раскрывает, что, как и с какой стороны следует объезжать (неисправное или поврежденное транспортное средство, дефект проезжей части, посторонние предметы, маршрутное транспортное средство, остановившееся для посадки и высадки пассажиров без нарушений правил дорожного движения) [3, с. 5]. Как правило, в таких ситуациях сотрудники Госавтоинспекции игнорируют положения ст. 2.7 КоАП РФ. Соответственно, это открывает возможности для коррупционной составляющей при осуществлении ими полномочий по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения нормативов и правил в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Мы убеждены, что указанная проблема не может оставаться без внимания, а ст. 2.7 КоАП РФ в обязательном порядке должна учитываться сотрудниками ведомства в аналогичных случаях.

Резюмируя наше исследование, отметим, что крайняя необходимость как институт самозащиты в административном праве имеет чрезвычайно важное значение, поскольку позволяет гражданам защищать как свои, так и чужие права и интересы путем причинения вреда охраняемым законом благам и не нести за это административную ответственность. По ст. 2.7 КоАП РФ преобладает отрицательная судебная практика. В свою очередь положительное решение принимается при соблюдении вышеперечисленных условий и наличии убедительных доказательств. В любом случае

действия правоприменителя должны быть направлены на поддержание надлежащей защищенности всех предусмотренных Конституцией РФ прав и свобод граждан [1, с. 63].

Список цитируемой литературы:

1. Галицкая Н.В. Организационно-правовая характеристика уровней обеспечения безопасности // Вестник СГЮА. 2016. № 1 (108). С. 63-71.
2. Галицкая Н.В. Понятие и основное содержание безопасности как административно-правовой категории // Вестник СГЮА. 2015. № 2 (103). С. 121-128.
3. Зейналов Ф.Н. Обездвиженность водителя транспортного средства, правовой анализ и проблемы квалификации // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2018. № 3. С. 1-6.
4. Кисин В.Р. Состояние и перспективы правового регулирования обстоятельств, исключающих административную деликтность деяния // Административное право и процесс. 2018. № 10. С. 22-26.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1; 2021. № 24 (часть I). Ст. 4180.
6. Лопушанская Д.И., Чернов Ю.И. Крайняя необходимость в административно-деликтном праве // Проблемы и перспективы развития современной науки: сб. ст. междунар. (заочной) науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.И. Вострецова. 2017. С. 227-231.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2021 № 157-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ананич Татьяны Анатольевны на нарушение ее конституционных прав частью 2 статьи 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Пивоварова А.Д., Карась О.Г. Крайняя необходимость в административном праве // Парадигма науки глазами молодых в условиях модернизации общественного сознания: XIII междунар. науч. конф. 2019. С. 52-54.
9. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.01.2021 № Ф04-6577/2020 по делу № А81-5556/2020 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Верховного Суда РФ от 19.03.2021 № 49-АД21-2-К6 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Владикавказского гарнизонного военного суда от 03.11.2020 № 5-64/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Сведения об авторе:

Азарова Анастасия Сергеевна – студентка Института правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; azarovaanastasiya2001@mail.ru
Научный руководитель – Галицкая Н.В., к.ю.н, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Доброквашина К.А.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация:** В статье автор рассматривает вопрос о теоретическом обосновании функций прокуратуры. Приводятся мнения специалистов, рассматриваются различные точки зрения. Внимание уделяется проблеме того, что в настоящее время понятие функции прокуратуры в российском законодательстве не закреплено. Формулируются основные выводы об определении функций прокуратуры.*

***Ключевые слова:** прокуратура, функции прокуратуры, правовые проблемы, правовая теория.*

Специалисты в области юриспруденции, а именно в сфере прокурорского надзора признают, что функции прокуратуры являются ключевой правовой категорией, раскрывающей и объясняющей предмет, содержание, структуру и пределы прокурорской деятельности.

В настоящее время понятие функции прокуратуры в российском законодательстве не закреплено, что вызывает определенные проблемы. В связи с этим исследование как термина «функция прокуратуры», так и сути данного понятия на сегодняшний день является актуальным.

Говоря далее уже о комплексном термине «функция прокуратуры» и последовательно продвигаясь по канве правовых актов, которые регулируют прокурорскую деятельность, необходимо начать с Конституции Российской Федерации. В ст. 129 гл. 7 «Судебная власть и прокуратура» закреплено, что «полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом»[1]. Традиционно принято считать, что это Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». В тексте данного закона впервые в законодательстве используется термин «функции прокуратуры»: после определения понятия прокуратуры указано (во втором абзаце статьи 1), что прокуратура «выполняет и иные функции, установленные федеральными законами»[2]. Из этого оборота вытекает, что в первом абзаце была закреплена основная функция. Абзац содержит положение о том, что прокуратура Российской Федерации — это система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов. Отсюда усматривается, что главная функция прокуратуры — осуществление надзора.

Многозначность значения термина «функция», способствует в определенной мере расхождению мнений ученых в определении функций прокуратуры. Отсюда вытекает и отсутствие единства мнений в вопросе о том, какие функции осуществляет прокуратура

Одни исследователи рассматривают в качестве таковых всё-таки все, именуемые в Федеральном законе «О прокуратуре РФ» функции:

1. надзор;
2. уголовное преследование;
3. координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;
4. участие в правотворческой деятельности;
5. участие в видах судопроизводства;
6. международно-правовое сотрудничество.

Другие выделяют основные функции и относят к ним надзор и уголовное преследование.

Поскольку функции прокуратуры рассматриваются как направление, вид, содержание, круг деятельности, то выделение в качестве таковых надзора, уголовного преследования и др., свидетельствует об отождествлении понятий «функция» и «деятельность», поскольку все они представляют собой виды деятельности.

В число наиболее распространенных подходов входит восприятие функций прокуратуры как направлений ее деятельности. Так, одним из наиболее серьезных программных документов, оказавших в свое время существенное влияние на закон о прокуратуре, — явилась Концепция развития на переходный период, разработанная Научно-исследовательским институтом проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ в 1994 году и содержащая раздел, посвященный функциям прокуратуры. В данном разделе зафиксировано следующее определение: функции «представляют собой основные направления деятельности прокуратуры, осуществляемые с использованием специфических форм и методов в рамках точно очерченных полномочий (компетенции)». Поскольку положения именно этого документа во многом легли в основу действующего законодательства о прокуратуре, думается, что логичным было бы считать этот подход базовым для настоящей правовой действительности.

Говоря о подходе, трактующем функцию прокуратуры как вид деятельности, в первую очередь целесообразно упомянуть позицию профессора В.П. Рябцева, который определяет функции прокуратуры как «такой вид ее деятельности, который предопределяется социальным назначением прокуратуры, характеризуется определенным предметом ведения, направлен на решение соответствующих задач и осуществляется с использованием присущей ему компетенции».

Точку зрения утверждающую, что функция прокуратуры — это вид ее деятельности, разделяют также Н.Н. Карпов, Ю.Е. Винокуров и А.Ю. Винокуров и другие ученые.

В.Г. Бессарабов справедливо находит, что под функцией прокуратуры следует понимать не саму ее многогранную деятельность, а «возможность при определенных обстоятельствах осуществлять ту или иную законодательно определенную деятельность».

В этой связи хотелось бы привести еще один научный подход — определение функции прокуратуры как обязанности. М.С. Шалумов пишет, что функции прокуратуры — это «определяемые правовым статусом прокуратуры, ее местом и назначением в государственном механизме общие обязанности по решению поставленных перед нею законом задач» .

Функции государства и деятельность органов государства, обеспечивающая их реализацию, взаимосвязаны и взаимообусловлены. На взаимосвязь функций прокуратуры и функций государства, их определяющее значение обращает внимание В.В. Клочков, определяя функции прокуратуры как «взаимосвязанные с функциями государства и права основные направления деятельности прокуратуры».

Исходя из теоретических исследований категорий «деятельность» и «функция», полагаем, что определение функции прокуратуры должно отражать двухкомпонентный состав функции, основой которой, ее сущностным элементом является назначение (предназначение) прокуратуры как носителя функции, и динамический элемент - вид прокурорской деятельности.

Назначение прокуратуры отражено в определении функции прокуратуры М.С. Шалумовым. Согласно ему это определяемые правовым статусом прокуратуры, ее местом и назначением в государственном механизме общие обязанности по решению поставленных перед нею законом задач обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, выполняемые путем решения круга более частных задач и осуществления для этого конкретных обязанностей с использованием специфических властных полномочий.

Отнесение в части 2 ст.1 ФЗ «О прокуратуре РФ» к целям прокуратуры и обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, и защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, охватывает разные по содержанию понятия.

Так, «обеспечение», определяемое в законе как «цель» прокуратуры, имеет значения как процесс действия; как то, что служит ручательством, гарантией, обеспечивает сохранность или исполнение чего-либо. Понятие обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности содержательно является более широким, по отношению к которому защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства служит одним из средств достижения верховенства закона.

Обеспечение - в значении гарантии, ручательства имеет своей направленностью, по нашему мнению, назначение субъекта деятельности, его предназначение, а не саму деятельность. Необходимость государства в наличии и функционировании прокуратуры состоит именно в обеспечении прокуратурой верховенства закона, единства и укрепления законности, что является назначением прокуратуры, т.е. быть «ручательством и гарантией» законности. Обеспечение такого состояния прокуратура осуществляет посредством своей деятельности, целью которой является защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства

Таким образом «основой» функции прокуратуры является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, составляющей ее назначение. Это соответствует и лексическому значению слова «функция», определяемого как назначение.

Представляется возможным сформулировать вывод о том, что функцией прокуратуры является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности посредством надзора, уголовного преследования, а также других установленных законом видов деятельности, в целях защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Содержание предложенного подхода к определению функции прокуратуры может иметь и более развернутый характер, а также составлять основу при определении функции прокуратуры в конкретных сферах ее деятельности.

В заключение хочется отметить, что именно функции прокуратуры играют наиболее значительную роль в идентификации прокуратуры как уникального, единственного в своем роде органа в государственной системе.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020];
2. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 01.07.2021) "О прокуратуре Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ". – 20.11.1995. – N 47. – ст. 4472;
3. Карпов Н.Н. Прокуратура: надзор или деятельность? // Законность. 2014. № 8. С. 7-11.
4. Шалумов М.С. Система функций российской прокуратуры. Кострома, 2003. 139 с.

Сведения об авторе:

Доброквашина Ксения Андреевна – студент Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ в городе Шахты; ksyu.dobrokvashina@mail.ru;

Научный руководитель – Куликова А.А., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Трудовое право и право социального обеспечения» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ в городе Шахты.

Спиридонова Д.В.

О РОЛИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ЗАЩИТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

***Аннотация:** В статье автором рассматриваются вопросы, отражающие основные направления деятельности органов Прокуратуры. Проанализирована работа органов Прокуратуры на примере Владимирской области в области защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, рассмотрена проблема коррупции в органах государственной власти в области и предложены пути ее решения.*

***Ключевые слова:** конституционные права человека и гражданина, органы Прокуратуры, прокурорский надзор, прокурорская проверка, противодействие коррупции.*

В статье 2 Конституции Российской Федерации [1] закреплено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

В современном мире проблема защиты прав и свобод человека и гражданина приобрела особую актуальность, что определяет постоянно возрастающую роль Прокуратуры. Согласно статье 129 Конституции РФ, Прокуратура РФ представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Полномочия и функции Прокуратуры РФ, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом «О Прокуратуре Российской Федерации» [2].

Систему Прокуратуры РФ составляет Генеральная Прокуратура РФ, возглавляемая Генеральным Прокурором, назначаемым на должность и освобождаемым от нее Советом Федерации по представлению Президента РФ [1].

Прокуратура осуществляет прокурорский надзор, главной целью которого является обеспечение надзора за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов, прав и свобод граждан, охраняемых законных интересов общества и государства. По мнению А.Ф. Ефремова, «среди видов государственного надзора особо следует выделить прокурорский надзор как самый эффективный вид надзора» [6].

Действенность защиты прав и свобод граждан зависит от взаимодействия органов прокуратуры с другими государственными структурами. К таковым можно отнести, например, Уполномоченного по правам человека, активное взаимодействие с которым позволит оперативно выявлять правонарушения, предупреждать и пресекать антиобщественные действия, повысить осведомленность граждан в области правозащитной деятельности.

Основной метод прокурорского надзора за соблюдением прав граждан – прокурорские проверки, основанием для проведения которых выступают материалы уголовных, гражданских арбитражных и административных дел, статистические данные прокурорской и правоприменительной практики.

В соответствии с указанным федеральным законом, прокурор проверяет и рассматривает заявления и сообщения о нарушении прав и свобод граждан; разъясняет порядок защиты их прав; принимает меры по привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и др. Анализируя статистические данные, можно выявить тенденцию к постоянному увеличению количества поданных гражданами обращений. Данный факт свидетельствует о том, что органы прокуратуры оперативно отвечают на поданные обращения и качественно подходят к выполнению своих должностных обязанностей.

Следует указать и признать постоянно возрастающую роль органов Прокуратуры в сфере противодействия коррупции в органах государственной власти. Как известно, коррупция наносит

существенный вред конституционным правам и свободам человека и гражданина, ограничивая полноценное их использование населением.

Коррупция в органах государственной власти на современном этапе развития общества является довольно масштабным явлением. Данная проблема является системной, имеющая место не только в России, но и в большинстве стран мира. По словам учёных, уровень коррупции в России достигает довольно высокой отметки. Так, в Индексе восприятия коррупции за 2020 год в списке из 180 стран мира Россия занимает 130-ю строчку, находясь на одном уровне с Азербайджаном, Габон, Малавией и Мали [7]. В связи с этим возникает необходимость не только правового регулирования данного явления, но и поиска эффективных мер, направленных на предотвращение коррупции, как на уровне Российской Федерации в целом, так и на уровне отдельных её субъектов.

Во Владимирской области, как субъекте РФ, принимаются необходимые меры, способствующие предотвращению распространения коррупционной деятельности в органах государственной власти. Так, в ноябре 2008 года в области был принят Закон №181-ОЗ [3], в котором подробно раскрываются меры по предотвращению коррупции, программы (планы) по её противодействию, а также вопросы, связанные с антикоррупционной экспертизой нормативно-правовых актов области и антикоррупционным мониторингом.

В области проводится Международный молодежный конкурс социальной антикоррупционной рекламы «Вместе против коррупции!» [8], участниками которого могут стать лица в возрасте от 14 до 35 лет. Участники оформляют свои работы в виде плакатов или видеороликов. Организаторы отмечают, что проведение данного конкурса не только становится дополнительным эффективным инструментом по профилактике преступности в сфере коррупции, но и формирует в общественном сознании нетерпимость к коррупционным проявлениям в деятельности органов государственной власти.

Немаловажное значение в области придают антикоррупционному просвещению учащихся, в связи с чем в ноябре 2018 года в Администрации области на заседании Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в регионе была проанализирована эффективность мероприятий, касающихся данного вопроса. Заместитель директора департамента образования С. Болтунова рассказала о мероприятиях, которые проводились в образовательных учреждениях в 2017-2018 учебном году, а также продемонстрировала результаты социологического опроса, проводимого среди школьников и их родителей по вопросам противодействия коррупции.

В декабре 2019 года Губернатор области – Владимир Сипягин – принял участие во Всероссийском форуме «Бережливое производство», проходившем в Рязани. «Цифровизация всей системы государственного управления – это не только удобство для сотрудников, повышение прозрачности и качества их работы, но и мощный фактор противодействия коррупции. Именно борьба с коррупцией, открытость власти, оптимизация расходов на госуправление были моими предвыборными тезисами. И моя победа доказала, что эти послы соответствуют ожиданиям общества», – отмечает Владимир Сипягин.

10 декабря 2019 года во Владимирском филиале РАНХиГС состоялась научно-практическая конференция «Привлечение общественных формирований к борьбе с коррупцией», в которой приняли участие начальник управления по вопросам противодействия коррупции Администрации области Лебедь И.И., сотрудники Администрации (Е.Г. Шаломенцева, О.Е. Уткина), сотрудники Следственного управления СК РФ по Владимирской области, сотрудники Прокуратуры области и преподаватели филиала. Вопросы, обсуждаемые на конференции, вызвали большой интерес и её участников и привели к дискуссии по данным вопросам. В заключение конференции были выдвинуты предложения о необходимости оптимизации правового регулирования отдельных направлений деятельности по противодействию коррупции.

В феврале 2019 года состоялась расширенная коллегия прокуратуры Владимирской области, на которой в основном рассматривались вопросы, посвященные борьбе с коррупцией. Руководитель областной прокуратуры – Игорь Пантюшин – отметил, что в рамках антикоррупционной экспертизы изучено свыше 12 тысяч НПА и их проектов, в каждом десятом выявлены коррупциогенные факторы. Общее число выявленных нарушений составило около 2 тысяч, а для их устранения внесено более 1000 актов реагирования. Прокурорами области инициировано 15 уголовных преследований, по которым возбуждены уголовные дела [9].

В области большое внимание уделяется повышению квалификации в области противодействия коррупции. Так, в сентябре 2019 года государственные гражданские служащие администрации области и органов исполнительной власти региона воспользовались этой возможностью по программе «Государственная политика в области противодействия коррупции», обучение по которой

проводится преподавателями Владимирского филиала РАНХиГС, а также сотрудниками управления по вопросам противодействия коррупции.

Помимо правового просвещения школьников в сфере противодействия коррупции, в области проводятся подобные мероприятия и для студентов. Так, в Областном доме молодёжи состоялся круглый стол «Студенчество против коррупции», на котором обсуждались вопросы участия молодёжи в антикоррупционной деятельности государства.

В сентябре врио заместителем Губернатора по внутренней политике И. Моховиковым было проведено заседание Комиссии по координации работы в сфере противодействия коррупции в области, посвященное оценке деятельности заказчиков при осуществлении закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных нужд. На заседании был проведен сравнительный анализ показателей за 2018 и 2019 года, которые отражены на диаграммах 1 и 2.

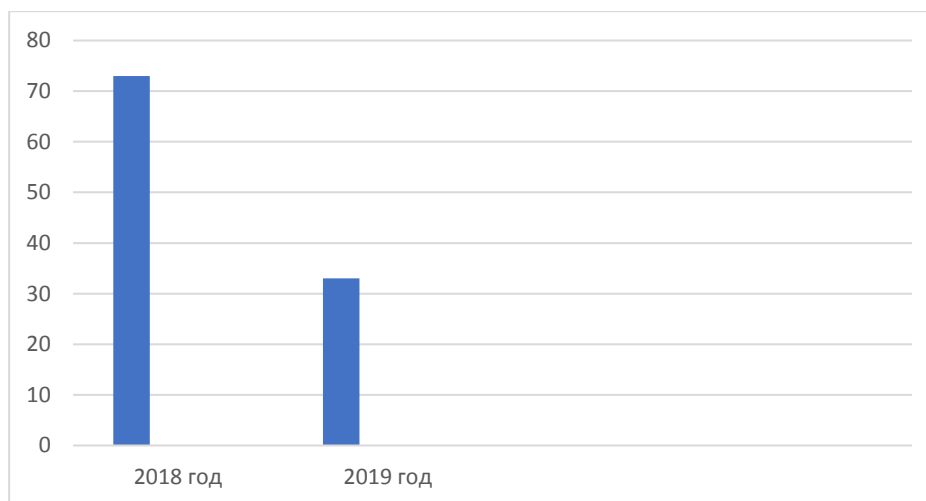

Диаграмма 1. Количество лиц, привлеченных к административной ответственности в 2018 и 2019 гг.

Проанализировав статистические данные, отображённые на диаграмме 1, можно сделать вывод, что количество лиц, нарушивших законодательство, касающееся коррупционной деятельности госорганов, уменьшается, что связано с эффективно разрабатываемыми и проводимыми в области мероприятиями в данной сфере.

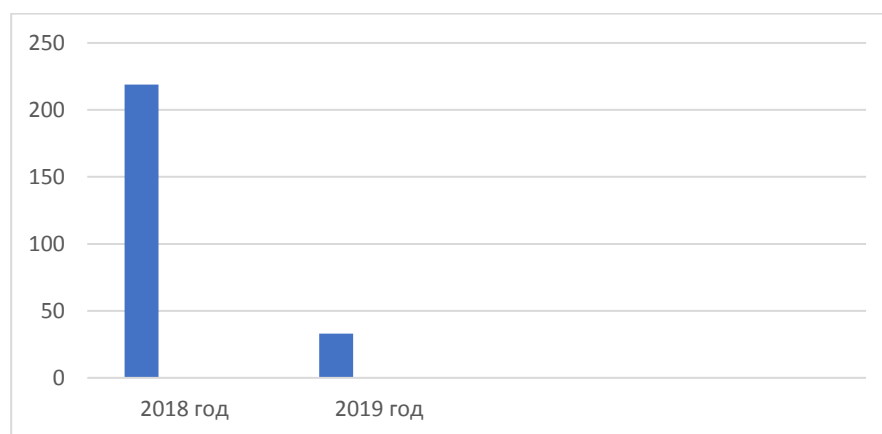

Диаграмма 2. Сумма взысканных штрафов в 2018 и 2019 гг.

Проанализировав статистические данные на диаграмме 2 и опираясь на выявленную по диаграмме 1 закономерность, следует, что суммы взысканных штрафов значительно сократились. Это подтверждает вышесказанные слова об эффективности проводимых мер в сфере противодействия коррупции и об оперативном их обнаружении и предотвращении.

В подтверждение выявленных закономерностей можно привести пример социологического опроса по оценке уровня коррупции в области, в котором приняли участие студенты и сотрудники Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (ВлГУ). Подавляющее большинство опрошенных (95%) сообщили, что в 2019 году ни разу не столкнулись с проявлениями коррупции [9].

В феврале 2020 года в администрации области состоялся семинар-совещание, касающийся вопросов организации работы по противодействию коррупции в органах исполнительной власти региона и подведомственных учреждениях, который был проведен директором Департамента безопасности В. Горожанинов, в ходе которого были рассмотрены вопросы, связанные с основными направлениями реализации мер антикоррупционной политики, практикой прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции, с проблемами в реализации антикоррупционных мер на муниципальном уровне. Проведение подобного рода мероприятий говорит о том, что органы государственной власти в области уделяют значительное внимание вопросам противодействия коррупции и своевременному её выявлению.

В феврале 2021 года Администрация области совместно с Прокуратурой обсудили вопросы противодействия коррупции, ознакомились с порядком проведения соответствующих проверок. Так, в результате проверок 7 муниципальных депутатов лишены полномочий, из них пятеро – в связи с утратой доверия.

В марте 2021 года Департамент социальной защиты населения Владимирской области провёл семинар по вопросам соблюдения требований антикоррупционного законодательства, где особое внимание уделялось обязанностям учреждений принимать меры по недопущению и ликвидации коррупциогенных факторов (им необходимо разрабатывать соответствующие планы работы по противодействию коррупции, вовремя предотвращать и урегулировать конфликты интересов, строго контролировать отчётность служащих).

Проанализировав проводимые во Владимирской области мероприятия в области противодействия коррупции, приходим к выводу, что они [мероприятия] являются эффективными, так как с каждым годом уровень коррупции в органах государственной власти региона снижается, о чем свидетельствуют данные диаграмм, представленных в работе.

В качестве эффективных мер, направленных на противодействие коррупции, эксперты называют:

1. увольнение должностного лица, уличённого в коррупции;
2. предание суду взяточников и коррупционеров;
3. совершенствование антикоррупционного законодательства;
4. антикоррупционную пропаганду в СМИ;
5. публичные заседания Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте РФ;
6. создание механизмов общественного контроля за соблюдением чиновниками антикоррупционного законодательства [5].

Следует отметить, что названные выше меры проводятся в современном мире, но говорить об отсутствии коррупционной составляющей в органах государственной власти не представляется возможным. Учитывая вышесказанное и опираясь на выделенные экспертами предложения по совершенствованию системы противодействия коррупции, следует назвать наиболее эффективные из них:

- 1) установление пожизненного запрет на госслужбу для чиновников, осуждённых за преступления коррупционного характера;
- 2) введение в правоохранительных органах оперативно-розыскную практики «провокация взятки»;
- 3) установление жесткого контроля распределения и расходования бюджетных средств;
- 4) повышение правовой грамотности населения в сфере противодействия коррупции;
- 5) введение правила полной конфискации имущества не только осужденного за коррупционное преступление, но и его ближайших родственников [5].

Таким образом, трехсотлетний путь, пройденный прокуратурой в своем развитии, показал значимость ее роли, надежность и необходимость существования в системе государственных органов. Деятельность прокуратуры обеспечивает правопорядок в обществе, способствует поддержанию стабильности в нем, что чрезвычайно важно в современном мире.

Список цитируемой литературы:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Информационно-правовая база «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.01.2022).

2. «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (последняя редакция) // Информационно-правовая база «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.01.2022).

3. Закон Владимирской области от 10 ноября 2008 г. № 181-ОЗ «О противодействии коррупции во Владимирской области» (с изменениями и дополнениями) // Электронный ресурс URL: <https://base.garant.ru/> (Дата обращения: 08.01.2022).

4. Варфоломеева Н.П. Борьба с коррупцией как способ обеспечения эффективности реализации конституционных прав и свобод граждан // Юридический вестник Самарского университета. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-korrupsiyei-kak-sposob-obespecheniya-effektivnosti-realizatsii-konstitutsionnyh-prav-i-svobod-grazhdan> (дата обращения: 08.01.2022).

5. Воронцов С. А. Противодействие коррупции: репрессии или цифровизация / С. А. Воронцов // Власть. - М. - 2020. - С. 124-131.

6. Ефремов А.Ф. Проблемы совершенствования контроля и надзора за соблюдением законов // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 4.

7. Официальный сайт Transparency International // Электронный ресурс: URL: <https://transparency.org.ru/> (дата обращения: 08.01.2022).

8. Официальный сайт Законодательного собрания Владимирской области // Электронный ресурс URL: <https://www.zsvo.ru/> (дата обращения: 08.01.2022).

9. Официальный сайт Администрации Владимирской области // Электронный ресурс URL: <https://avo.ru/> (дата обращения: 08.01.2022).

Сведения об авторе:

Спиридонова Дарья Вячеславовна – студент 2 курса Владимирского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; SpiridonovaDashyl@mail.ru

Научный руководитель – Калмыкова И.Ю., кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Владимирского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Герасименко Е.Д.

НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЕ МИТИНГИ: АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

***Аннотация:** В статье рассматриваются особенности участия граждан в несанкционированных митингах, исследуются основания и правовые последствия подобных действия с точки зрения административного и уголовного права.*

***Ключевые слова:** несанкционированный митинг, административная ответственность, уголовная ответственность, правовые последствия.*

Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Это право закреплено и гарантировано статьей 31 Конституции РФ. Вместе с тем конституционное право граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания митинги и демонстрации, шествия и пикетирования не является абсолютным и в силу положения части 3 ст. 55 Конституции РФ может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Законодательство РФ подразделяет митинги на санкционированные и несанкционированные. Митинг – это массовое нахождение людей в каком-либо месте с целью публичного выражения своего мнения и своей позиции относительно важных проблем и вопросов жизни общества и государства. Возможность проведения и участия в митингах устанавливается нормами Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ. Данный акт регламентирует, в частности, порядок организации митингов, состав его участников, правила предоставления места, основания для прекращения и приостановления митинга.

новления митинга и многие иные вопросы. Несанкционированный митинг отличается от санкционированного тем, что проводится без предварительного согласования с исполнительным органом власти. Закон запрещает незапланированный массовый сбор людей. В силу статьи 7 ФЗ № 54 организатору необходимо предварительно подать заявку на проведение митинга в орган исполнительной власти того субъекта, где он проводится, после чего производится согласование места его проведения. Так, к территориям, на которых проведение митингов запрещено, относятся железнодорожные пути, площадки, примыкающие к зданиям органов власти. Также, нельзя проводить митинги там, где они могут нарушить работу инфраструктурных объектов, повлиять на движение транспорта. За проведение такого мероприятия и участие в нем предусмотрена различного рода юридическая ответственность. Рассмотрим это обстоятельство более детально.

В России предусмотрена административная ответственность за несанкционированные митинги: как за проведение такого мероприятия, так и за участие в нем. Ключевой признак несанкционированного митинга, как отмечено выше, состоит в том, что он проводится без прохождения процедуры согласования и получения разрешения со стороны уполномоченных органов публичной власти. Административная ответственность за несанкционированные митинги установлена нормами ст. 20.2 КоАП РФ «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования». Объектом противоправного посяательства согласно данной статье КоАП РФ выступают общественные отношения в сфере охраны общественного порядка и безопасности, а ответственность наступает за осуществление действий по организации либо по проведению незаконных митингов и иных публичных мероприятий [1, с. 142]. Статья 20.2 КоАП РФ содержит в себе по сути сразу несколько составов административных правонарушений, а именно:

- а) нарушение установленной законодательством процедуры организации и проведения массовых мероприятий;
- б) нарушения, допущенные организаторами при проведении подобных массовых акций;
- в) нарушение участниками закрепленного законом порядка проведения массовых мероприятий;
- г) нарушения в связи с организацией либо проведением массовых акций в непосредственной близости с объектами атомной энергетики.

В качестве субъектов данного административного правонарушения могут выступать как обычные вменяемые достигшие 16-летнего возраста граждане, так и специальные субъекты, а именно должностные лица системы государственной службы или негосударственных организаций (как предприятий, так и учреждений) вне зависимости от форм собственности [2, с. 12-13].

Субъективную сторону анализируемого административного правонарушения обязательно составляет наличие прямого умысла у субъекта. В роли организаторов демонстрации, пикетирования или шествия могут выступать один или несколько граждан России, достигшие 18 лет, для собраний и митингов возраст организаторов составляет 16 лет, а также политические партии и иные общественные объединения граждан.

В январе-феврале 2021 года практически по всей территории Российской Федерации прошли несанкционированные акции (митинги и шествия), организованные сторонниками резонансного блогера.

Анализ статистики (по дате 21 января 2021г.) указывает на субъектный состав участников незаконных акций [3]:

- несовершеннолетние лица – 1,7%;
- лица в возрасте от 18 до 24 лет – 24,1%;
- лица в возрасте от 25 до 35 лет – 42,2%;
- лица в возрасте от 36 до 46 лет – 15%;
- лица в возрасте от 47 до 57 лет – 10,9%;
- лица в возрасте старше 58 лет – 6,1%.

Таким образом, согласно статистическим данным самая большая группа протестующих – это молодые люди в возрасте 25–35 лет, то есть по сути – это основная группа наиболее активного населения нашей страны, которая заинтересована в необходимых и, отчасти, давно назревших изменениях в структуре и системе государственного управления в России.

Можно проанализировать также и статистические данные о возбужденных на территории Российской Федерации административных и уголовных делах по результатам участия граждан в данных несанкционированных митингах и шествиях.

Так, в частности, в г. Москве по состоянию на 5 февраля 2021г. в суды поступило в общей сложности 4908 дел об административных правонарушениях, связанных с незаконными акциями в период с 23 января по 2 февраля 2021 г., причем из них 54 дела по ст. 19.3 КоАП и 4854 дела по ст. 20.2 КоАП. В г. Санкт-Петербурге по состоянию на 5 февраля 2021 г. в суды поступило около 1400 дел об административных правонарушениях, связанных с акциями в период с 23 января по 2 февраля. По данным объединённой пресс-службы судов г. Санкт-Петербурга, из рассмотренных 1113 дел по 353 делам на виновных был наложен административный арест, по 624 делам – административный штраф, а по 2 делам – административное наказание в виде обязательных работ (по 134 делам решение не сообщается) [4].

Граждане-участники или организаторы, которые неоднократно совершали указанные выше правонарушения и привлекались к административной ответственности по статье 20.2 КоАП РФ более двух раз в течение 180 дней, будут привлечены к уголовной ответственности по статье 212.1 УК РФ. В соответствии с указанным составом, закон перечисляет следующие виды наказаний: - штраф от 600 000 до 1 000 000 руб. или в размере дохода осужденного за период от 2 до 3 лет; - обязательные работы на срок до 480 часов; - исправительные работы на срок от 1-2 года; - принудительные работы на срок до 5 лет; - лишение свободы на срок до 5 лет. Кроме того, в российском уголовном законодательстве предусмотрена ответственность за причинение насилия в отношении представителя власти – статья 318 УК РФ. Максимальное наказание составляет лишение свободы до 5 лет.

В рамках уголовной ответственности, по состоянию на 11 февраля 2021 г. в России в связи с указанными выше акциями протеста было возбуждено 90 уголовных дел. Из них 20 уголовных дел было возбуждено по итогам акции 23 января 2021 г., в основном – по статье 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти». Имелись также случаи (в частности, в г. Ростове-на-Дону) возбуждения уголовных дел по ч. 3 ст. 212 УК РФ (призывы к массовым беспорядкам) [5].

Подводя итоги можно сделать вывод о том что, принимая решение участия в том или ином мероприятии, нужно задуматься о соответствующих правовых последствиях. Данные о привлечении лица к уголовной и административной ответственности хранятся в базах информационного центра МВД РФ годами (десятилетиями), причём даже и после погашения соответствующей судимости. Нужно иметь в виду, что информация о привлечении вас к ответственности негативно скажется не только на вас, но и на ваших детях и родственниках при трудоустройстве на работу либо при поступлении в отдельные высшие учебные заведения. Поэтому реализация конституционного права граждан на участие в митингах, шествиях и пикетированиях может должно обеспечиваться и реализовываться исключительно в правовом поле, что, безусловно, возможно в правовом государстве.

Список цитируемой литературы:

1. Волков А. М. Административное право России. Учебник. – М.: Проспект, 2019. С. 142.
2. Гречина Л. А. Административное право РФ. Курс лекций. – М.: РГ-Пресс, 2020. С. 12-13.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL <http://www.gks.ru>
4. Официальный интернет-портал «Правительство Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL <http://government.ru>
5. Официальный интернет-портал «Правительство Ростовской области» [Электронный ресурс]. – URL <http://www.donland.ru>

Сведения об авторе:

Герасименко Екатерина Денисовна – студентка ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог; tishenko-ekaterinaa@yandex.ru

Научный руководитель – Писаренко А.П., старший преподаватель ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

Файзрахманова И.Р.
К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Аннотация:** Актуальность данной темы связана с развитием информационных технологий, интернет пространства. С 2003 года, когда была принята декларация принципов по вопросам информационного общества, государства в соответствии с ней стремятся построить открытое для всех информационное общество, которое ориентировано на интересы людей. Чтобы люди могли спокойно создавать информацию, иметь к ней доступ и благодаря этому реализовывать потенциал как отдельного индивида, так и целых государств, без страха, что вследствие такой открытости пространства произойдут преступления, а также просто правонарушения, в связи с чем нужно произвести унификацию правового регулирования во всех государствах и содействовать, чтобы такое регулирование было единственным, найти единый для всех государств подход и следовать ему для устойчивого развития информационного пространства и повышения качества жизни людей.*

***Ключевые слова:** международное право, информационное пространство, обмен информацией, глобализация, декларация, правовое регулирование.*

Интернет - это будущее, в этом пространстве уже давно существуют преступления, совершаются гражданские сделки и даже существует такой институт, как электронное правительство. В связи с этим Всемирному сообществу необходимо объединить интернет пространство для совершенствования экономики, ведь осуществление сделок через интернет это быстро и эффективно, что благоприятно повлияет на внешние связи с другими государствами. Также плюсом будет являться создание новых рабочих мест и т.д.. Можно много говорить о плюсах создания информационного общества, но это уже происходит и в итоге все государства придут к этому, в соответствии с Декларацией принципов, принятой на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества, в Женеве, 2003 года, в которой приняли участие 175 государства[1]. Большая необходимость есть в обсуждении правового регулирования, что обосновывается доктриной информационной безопасности Российской Федерации, в которой одно из основных направлений обеспечения информационной безопасности является “участие в формировании системы международной информационной безопасности, обеспечивающей эффективное противодействие использованию информационных технологий в военно-политических целях, противоречащих международному праву, а также в террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целях”[2]. Так как наибольший вред будет причинен совершением преступления, то надо обеспечить безопасность в информационном пространстве. Совершить преступление в международном пространстве гораздо легче, когда есть множество разных национальных законодательств, в связи с этим нужно чтобы было одно единое для всех государств правовое регулирование действий субъектов в информационном пространстве для успешного информационного обмена, контроля за преступностью и ее предупреждения. На данный момент времени большинство государств имеют различные друг от друга взгляды на информационное поле, как оно должно работать. В связи с этим некоторые страны отделены от мирового информационного пространства. Об этом писал Эммануэль Перно-Леплей. Он описал три подхода, которых придерживаются Китай, США и Европейский союз в сфере конфиденциальности данных. “Законы США о конфиденциальности данных придерживаются минимального регулирования, соответствующие нормы разбросаны по многим законам”[5], то есть эти законы лишь частично регулируют данную сферу и в принципе ограничены другим правом, закрепленным в американской Конституции, правом на свободу слова.

В Европейском Союзе же подход отличный от американского. Самое главное в ЕС, что конфиденциальность и защита личной информации в настоящее время являются одними из основных прав, в соответствии со ст. 8 Хартии Европейского Союза об основных правах “каждый человек имеет право на защиту относящихся к нему данных личного характера”[4].

Эти два подхода представляют собой полярные точки зрения. Большой интерес в этом плане представляет собой Закон о кибербезопасности Китая. Он регулирует данную сферу не так жестко как ЕС, но гораздо строже нежели США. Китай и США не устанавливают независимый орган, в ЕС же он установлен в п. 3 ст. 8 Хартии Европейского Союза об основных правах. Этим же похожа Россия на США и Китай. Суть в том, что в Европе есть специальный и независимый от других структур орган, а у остальных этим занимаются ряд различных органов, например, у

США это система управления конфиденциальности, сюда входят “генеральный прокурор штата, Федеральная комиссия по связи (FCC), по ценным бумагам и биржам (SEC), по защите прав потребителей финансовых услуг, Департамент здравоохранения, образования, судебная система”[6]. В России тоже нет специализированного органа, но есть определенная система, в которой у этих органов нет главной функции защиты данных как в США.

Вернувшись к теме защиты информационного пространства от преступных посягательств, то можно выделить систему Китая. Интернет сайты, которые создаются на территории китайского государства должны пройти регистрацию в Министерстве промышленности и информатизации, что позволяет увидеть, кто является собственником сайта, на котором может быть расположена незаконная информация и т.д. Например, можно предотвратить незаконное предпринимательство через интернет (лицо, не зарегистрированное ни в качестве ИП, ни в качестве юр. лица распространяет свои услуги). Выдавая удостоверение о разрешении на право иметь в собственности интернет сайт. Вследствии не получения такого удостоверения в течение 3 месяцев после создания, привлекать к ответственности в виде штрафа (административная ответственность).

В подкрепление позиции о едином международном подходе к информационному обществу и единому нормативному правовому регулированию можно привести официальные мнения государств-членов, которые отражены в докладе Генерального секретаря о Противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Например, различие в законодательстве государств-членов-мнение Саудовской Аравии; Боливарианская Республика Венесуэла-считает необходимым разработать конвенцию ООН о сотрудничестве в этой области, которая была бы одобрена международным сообществом и содействовать принятию мер, с тем чтобы не допускать осуществления любых односторонних действий, противоречащих международному праву и Уставу ООН; мнение США-Конвенция Совета Европы о киберпреступности послужила основным источником для других документов и является образцом для внутреннего законодательства стран с различными традициями, включая некоторые государства, которые не рассматривают вопрос о присоединении к Конвенции; Великобритания и Ирландия-отсутствие в ряде стран внутреннего материально-правового законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за правонарушения, связанные с информационно-коммуникационными технологиями, и служащего основой для международного сотрудничества посредством взаимного признания таких правонарушений (обоюдное признание соответствующего деяния преступлением); Турция-поддерживает деятельность на международном уровне в рамках концепции борьбы с киберпреступностью и вносит вклад в эту деятельность. Турция подписала Конвенцию Совета Европы о киберпреступности в 2010 году. Затем Конвенция была включена во внутреннее законодательство посредством принятия в 2014 году Закона об утверждении ратификации Конвенции о киберпреступности. Кроме того, вопросы, связанные с кибербезопасностью, регулируются Уголовным кодексом Турции. Небольшая часть мнений выделенных из доклада показывают, что государства участники считают необходимым унификацию законодательств государств для эффективной деятельности в сфере информационной безопасности [3].

Таким образом, на наш взгляд, необходимо создание одного единого подхода к формированию информационного общества, созданию специализированного органа по интернет пространству, который производил бы регистрацию интернет сайтов, чтобы изобличать преступников, правонарушителей, создание единой для всех государств единой базы интернет сайтов и их блокировка в случае нарушения международного договора, подписанного государствами-участниками.

Список цитируемой литературы:

1. Декларация принципов. Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии (Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R 12.12.2003 г.) https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/wsis_dec.pdf

2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г.) // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/>

3. Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях Доклад Генерального секретаря ООН (Семьдесят четвертая сессия Пункт 109 предварительной повестки дня) [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/SG_report/V1908184_R.pdf

4. Хартия Европейского Союза об основных правах (Страсбург, 12 декабря 2007 г.) (2016/С 202/02) // Справочно-правовая система ГАРАНТ [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71672404/> (дата обращения: 01.11.2021)

5. Pernot-Leplay E. Data Privacy Law in China: Comparison with the EU and U.S. Approaches. [Электронный ресурс]. URL: <https://pernot-leplay.com/data-privacy-law-china-comparison-europe-usa/> (дата обращения: 01.11.2021)

6. Raul A.C. Privacy, data. Protection and cybersecurity law review. Law Business Research Ltd, 2018.

Сведения об авторе:

Файзрахманова Ирма Рустемовна – студентка Института права БашГУ «Башкирский государственный университет»; irma.fajzraхmanova@bk.ru

Научный руководитель – Имангулова Г.Р., старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений Института права БашГУ «Башкирский государственный университет».

Кусакин А.А.

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ

***Аннотация:** В статье рассматриваются проблемы существования в системе уголовного права такого института, как постановления Пленума Верховного Суда России, его соотношение с действующей системой законодательства Российской Федерации, юридическая сила, обязательность к применению, разрешение возникающих противоречий между постановлениями Пленума и уголовным законом.*

***Ключевые слова:** уголовный закон, судебная практика, акт толкования права, уголовное законодательство, Верховный Суд Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда.*

Система законодательства Российской Федерации еще с 30-х годов 20-го века представляет собой высшую форму развития позитивистской концепции в понимании природы права – нормативизм. В связи с этим, так как нормативизм предполагает строжайшую иерархию в системе источников права, именуемых в обывательском сознании законами, прослеживается одно из самых главных, на наш взгляд, условий построения системы права – соподчиненность ее элементов друг другу и их взаимосвязь. Конституция определяет общие начала построения законов, законы регламентируют порядок возникновения и предмет регулирования подзаконных актов, подзаконные акты дают возможность создавать локальные нормативные акты и так далее. С учетом всего этого в обществе складывается следующее воззрение на право, как на совокупность актов, оформляющих общеобязательные к исполнению нормы: чем выше стоит норма права, тем более высокая степень доверия к ней у обывателя и тем более охотнее он будет ей подчиняться. Особенно это видно при обращении внимания на Конституцию Российской Федерации: характер ее принятия де-юре свидетельствует о доверии стопроцентного количества членов общества, поскольку принималась она на референдуме – с позиции буржуазного права, высшей форме выражения воли всего общества.

Однако в систему законодательства неожиданно вторгается такой странный и неприемлемый, на первый взгляд, институт, как постановления Пленума Верховного Суда России (далее – ВС РФ). При этом они, во-первых, издаются органом, не являющимся законодательным (в России действует система разделения властей, потому органы судебной власти не вправе издавать какие-либо нормативные акты, относящиеся к разряду общеобязательных [4]), во-вторых, не содержат в себе конкретных норм права, поскольку издаются на основании уже существующих и, как ясно из смысла предоставленных Верховному Суду полномочий, разъясняют нормы права в целях обобщения и установления единства судебной практики [14]. Но для полноты картины и с практической точки зрения необходимо определиться с их природой де-факто, как они работают в системе законодательства РФ и могут ли подменять собой нормы права.

В начале следует сказать о том, что в Российской Федерации уголовное законодательство состоит исключительно из Уголовного кодекса РФ [13] (далее – УК РФ). Скорее всего, это связано

с общим характером норм уголовного права, поскольку они затрагивают самые серьезные ограничения прав и свобод человека, но не суть; самое главное, что в федеральном законе предписано все нововведения уголовного законодательства включать в данный кодекс. Что видим у постановлений Пленума ВС РФ? Данные акты не включаются в текст УК РФ, что уже свидетельствует о том, что они не могут являться нормами уголовного закона только лишь на этом основании. Тем не менее, свое непосредственное применение они находят именно в вопросах, связанных либо с пониманием норм Общей части Уголовного кодекса, либо с правильной квалификацией деяний по составам из части Особенной. Так, например, практически все положения о необходимой обороне, использующиеся как аргументы сторон в уголовном процессе, располагаются в Постановлении Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [11] – УК РФ в данной сфере имеет в нормах всего лишь несколько основополагающих позиций, на основе которых было издано постановление в десятках страниц. Опять же, возвращаясь выше, данные положения не были включены в Уголовный кодекс, что говорит об отсутствии нормативного характера рассматриваемых положений. Однако все еще не утихает спор о наличии или отсутствии у них общеобязательного характера. Сторонники обязательного исполнения постановлений Пленума говорят о высоком статусе ВС РФ и, как следствие, издаваемых им актов, которые хоть и не являются законом, но все же имеют под собой порой гораздо более фундаментальную базу, нежели ФЗ [2, с 187]. Примечательна здесь позиция самого Верховного Суда, который в лице Владимира Венедиктовича Демидова говорит, что «в постановлении Пленума по применению законодательства сконцентрированы в обобщенном виде выработанные многолетней судебной практикой подходы к разрешению вопросов, возникающих при рассмотрении определенной категории гражданских либо уголовных дел, основанные на опыте и знании многих судей, других практикующих юристов и ученых, облекаемые в конечном счете в форму конкретных разъяснений»[6]. Здесь Верховный Суд делает реверанс в свою собственную сторону, делая тонкий намек на повышенную компетентность участвующих в нем судей по сравнению с остальными толкователями права. Вообще большинство аргументов сводятся к признанию авторитетности Верховного Суда как высшего органа судебной власти. Однако есть более приближенные к реальности аргументы, которые необходимо привести в завершение освещения позиции сторонников обязательности исполнения постановлений: даже если судебное решение будет принято вразрез с мнением Пленума по данному вопросу в суде первой инстанции, стороны, скорее всего, пойдут выше, в апелляцию и кассацию, а данные инстанции поддержат первоначальное решение, то Верховный Суд, естественно, применит свое собственное постановление и отправит его на пересмотр с учетом указанных рекомендаций, а к нижестоящим судам будут применены самые строгие взыскания [1, с.14]. Так что с практической точки зрения не согласиться с данной позицией нельзя, но приступим к рассмотрению аргументов противников вышеизложенного тезиса.

Отметим, что все, абсолютно все законы, которые так или иначе затрагивают регулирование статуса судей в Российской Федерации, содержат в себе нормы, провозглашающие независимость судей в России. В частности, в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в части 4 статьи 1 указано: «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и закону. В своей деятельности по осуществлению правосудия они никому не подотчетны» [3]. При буквальном прочтении данной нормы делаем вывод: никто не вправе вмешиваться в деятельность судьи в части руководства им при отправлении правосудия. Сама судебная система построена таким образом, что каждый суд является самостоятельной единицей и между ними не установлено властно-подчиненных отношений, соответственно, ни один вышестоящий суд не имеет полномочий на руководство нижестоящим, когда последний выносит судебное решение, тем более, решение в сфере уголовного права. Таким образом, уже на этом основании нельзя признать постановления Пленума ВС РФ общеобязательными к исполнению судами, поскольку они не являются законом или иным нормативно-правовым актом. Но все усложняет еще и тот факт, что Верховный Суд вправе давать разъяснения нижестоящим судам по вопросам применения законодательства, как указано в нормах (и это важно), в целях единообразия судебной практики. Соответственно, нижестоящие суды (в нашем случае, суды общей юрисдикции), как минимум, могут пользоваться постановлениями Пленума ВС РФ при рассмотрении уголовных дел и вынесении по ним решений, однако прямого указания опираться именно на них у судов нет, поскольку нормы сконструированы очень интересным образом: закон как бы призывает пользоваться разъяснениями, которые дает Верховный Суд, но не обязывает их это делать. Причина этому представляется нам следующей: если бы в законе была прописана обязанность суда пользоваться постановлениями и ссылаться на них при вынесении приговора, тогда закон произвел бы на свет интересную коллизию: с одной стороны, суд

при отправлении правосудия руководствуется законом, а закон предписывал бы суду руководствоваться постановлениями Пленума ВС РФ. Соответственно, в обоснование этого утверждалось бы, что суд при ссылке на ВС РФ руководствуется не постановлением напрямую, а опосредованно, через норму закона, предписывающей так делать, а противники, в свою очередь, заявляли бы о том, что суды стали зависимы от мнения вышестоящей инстанции. Вопрос спорный, кто бы в итоге одержал верх, но все же такого на современном этапе развития законодательства нет.

Итак, подводя промежуточные итоги, необходимо отметить следующее: во-первых, постановления Пленума ВС РФ не являются законом, поскольку издаются не в процессе законотворчества и не законотворческим органом, во-вторых, и это главное, не уголовным законом, поскольку их текст не включается в УК РФ. Также заметим, что обязательность исполнения данных актов представляется очень неоднозначной: с теоретической точки зрения, они являются актами исключительно рекомендательного характера, акты, изданные наиболее авторитетным органом судебной власти, подготовленные по всем правилам науки уголовного права и юридической техники, имеющие под собой базу исследований не одного и не двух, а нескольких десятков ученых-правоведов, которые, в свою очередь, вырабатывают позицию, максимально приближенную к объективной реальности, хотя бы по заверениям самого Верховного Суда, но все-таки юридически не могущие быть обязательными к исполнению; однако с практической точки зрения, их исполнение представляется обязательным, даже необходимым, поскольку, как уже отмечалось выше, позиция суда, идущая вразрез с мнением ВС РФ по вопросу, который был последним изложен в каком-либо постановлении, будет отменена на этапах апелляции, кассации либо надзора. Потому уже на данном этапе исследования можно сделать заключение: постановление Пленума ВС РФ не закон, но рекомендация, обязательная к исполнению.

Однако эта «рекомендация», как было указано выше, порой включает в себе гораздо больше правового регулирования, чем исходная норма. Это наблюдается в следующих случаях: когда в законе отсутствует достаточное количество норм для урегулирования тех или иных общественных отношений и когда законодательные формулировки настолько абстрактные и общие, что при применении их на практике у судов могут возникнуть противоречия в понимании их смысла. Первый случай был проиллюстрирован Постановлением Пленума ВС РФ «О необходимой обороне»: выше отмечалось, что практически все положения, касающиеся вопросов квалификации деяния как необходимой обороны содержатся в данном документе. Законодатель в УК РФ прописал только самые общие моменты, оставив за судами право трактовать данные положения самостоятельно, однако Верховный Суд решил со своей стороны трактовать положения закона однозначно и без предоставления нижестоящим судам возможности делать это самим. Примеры ко второму случаю можно найти в Постановлении Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [10], и вот тут уже Верховный Суд де-факто начинает выступать в роли законодателя. К примеру, пункт 13¹ гласит: «Учитывая, что диспозиция части 1 статьи 228¹ УК РФ не предусматривает в качестве обязательного признака объективной стороны данного преступления наступление последствий в виде незаконного распространения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, их незаконный сбыт следует считать окончанным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств, веществ, растений независимо от их фактического получения приобретателем». В данном случае ВС РФ, по сути, пытаясь толковать закон, изобрел новую норму уголовного права – конструкция состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228¹ УК РФ, свидетельствует о формальности состава, поскольку само понятие «сбыт» не предполагает материальности в объективной стороне. Здесь же Верховный Суд, по сути, законодательно ограничивает объективную сторону только до действий самого сбытчика, никак не связывая их с действиями приобретателя. Вредливый читатель, конечно, заметит, что это может быть лишь позиция Верховного Суда, который, учитывая характер и степень общественной опасности преступлений, в принципе любой сбыт будет трактовать как окончанный вне зависимости от попадания общественно-вредных предметов и веществ в оборот, что для ВС РФ объективная сторона сбыта представляет собой только действия самого сбытчика, а получение товара приобретателем является уже общественно-опасными последствиями. Ответим на это следующим образом: часть 2 статьи 222 УК РФ предполагает ответственность за незаконный сбыт оружия. В Постановлении Пленума ВС РФ по дан-

ному вопросу сказано следующее: «Под незаконным сбытом указанных предметов следует понимать их безвозвратное (в отличие от незаконной передачи) отчуждение другому лицу (приобретателю) в результате совершения какой-либо противоправной сделки (возмездной или безвозмездной), т.е. продажу, дарение, обмен и т.п.» [8]. Как видно из текста постановления, сбыт оружия, основных частей и боеприпасов для Верховного Суда окончен в момент получения приобретателем указанных предметов, т.е. действия приобретателя для квалификации деяния как оконченного здесь важны. Пример: продажу наркотических средств и оружия пресекают правоохранительные органы посредством введения злоумышленника в заблуждение относительно своей роли в приобретении указанных предметов и веществ – сотрудник представляется покупателем, между ним и сбытчиком совершается сделка, и в этот момент происходит задержание лица, сбывающего указанные предметы. Так вот, если деяние направлено на сбыт оружия, то в таком случае содеянное квалифицируется как покушение на него, а если на сбыт наркотических веществ и так далее, то как оконченное преступление. При этом конструкция обоих составов прямо не предполагает наличия такого признака объективной стороны, как включение оружия или наркотиков в оборот, однако в первом случае Верховный Суд позволил себе «укоротить» объективную сторону до действий только сбытчика, а во втором принял общеправовую позицию по вопросу сбыта.

С учетом всего вышеизложенного следует вывести: ВС РФ в некоторых случаях позволяет себе издавать положения, которые не соотносятся с общими принципами уголовного закона, ни с отдельными составами преступления. Наглядно видно, как постановление Пленума Верховного Суда России отступает от общепризнанных понятий уголовного права и трактует одну из норм так, как выгодно Верховному Суду. Никто не отрицает степень общественной опасности сбыта наркотических средств, но раз ВС занял такую позицию, тогда необходимо любой сбыт квалифицировать независимо от попадания предмета сбыта в оборот: сбыт оружия, взрывных устройств, сильнодействующих и ядовитых веществ, поскольку только так это может быть признано именно позицией Верховного Суда, а не подменой законодательного регулирования актом толкования. Плюс ко всему ВС РФ, как было отмечено выше, издает своим постановления в целях установления единообразия судебной практики, а здесь видно совершенно обратное: Верховный Суд сам создает в ней расхождения, определяя моменты окончания схожих по своей конструкции деяний по-разному, опять же, выступая больше законодателем, нежели толкователем права.

Еще стоит отметить следующий момент: если в предыдущих случаях Верховный Суд выстраивал свои тезисы на основе недостаточного регулирования законодательства, то существуют такие положения в постановлениях, которые напрямую противоречат законодательству. К примеру, в Постановлении Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [7] в п.11 указано, что убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом следует квалифицировать по п. «з» ч.2 ст.105 УК РФ в совокупности с соответствующей частью статьи разбоя, вымогательства или бандитизма, но, как отмечают исследователи [5, с.41], это противоречит ч.1 ст.17 УК РФ: «Совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особой части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание». Действительно, санкция по п. «з» ч.2 ст.105 УК РФ предусматривает наказание вплоть до пожизненного лишения свободы (де-юре вплоть до смертной казни), а за вышеуказанные преступления максимальное наказание варьируется от 15 до 20 лет лишения свободы. Таким образом, законодатель объединил несколько деяний в одном составе, установив высшую меру наказания, а Верховный Суд в нарушение общих принципов квалификации преступлений обязал судей квалифицировать данные деяния по совокупности. Еще одно противоречие с действующим законом прослеживается в Постановлении Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [12]: в п. 11¹ указанного Постановления содержится тезис, смысл которого сводится к следующему: если взяткодатель обещал взятку в значительном, крупном или особо крупном размере, а передача осуществлялась в несколько приемов, но взяткополучатель был задержан после передачи ему первой части взятки, содеянное квалифицируется как оконченное преступление. Данное положение напрямую нарушает положения законодательства в сфере оконченного преступления: часть 3 статьи 30 УК РФ гласит: «Покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам». И что получается: преступление, предусмотренное соответствующей частью статьи 290 УК РФ, по мнению

ВС РФ, окончено в момент начала выполнения объективной стороны, если удалось передать хотя бы часть имущества. Однако выполнение объективной стороны не окончено в силу желания взяткодателя продолжать передавать денежные средства или иное имущество до конкретной суммы, которая и будет составлять значительный, крупный или особо крупный размеры. То есть умысел был направлен на передачу, к примеру, одного миллиона рублей, что составляет особо крупный размер, а передать удалось только сто пятьдесят тысяч, что составляет крупный размер. Квалифицировать как оконченную взятку в крупном размере нельзя, поскольку умыслом охватывалась передача более крупной суммы, но и как оконченную взятку в особо крупном размере квалифицировать не получится, поскольку объективная сторона не была доведена до конца по независящим от лица обстоятельствам. Выходит, что ВС РФ императивно закрепляет противоречащие закону положения, обязывая нижестоящие суды пользоваться его актами и идти вразрез с действующим Уголовным кодексом. Опять-таки, можно было бы объяснить особой правовой позицией Верховного Суда по таким вопросам, однако, к примеру, в делах о хищении чужого имущества, если лицо имело умысел на совершение хищения в крупном или особо крупном размере, но фактически смогло похитить имущество в меньшем размере, квалификация будет производиться, во-первых, по направленности умысла, а во-вторых, по факту содеянного [9]. Здесь же квалификация проводится только по направленности умысла, что противоречит не только правилам квалификации, но и принципу законности – Верховный Суд РФ подменяет собой законодателя, самостоятельно определяя правила квалификации в отдельно взятом составе.

Таким образом, в конце исследования следует изложить следующие выводы: постановления Пленума ВС РФ имеют фактический нормативный характер, поскольку в них содержатся такие положения, которые никак не могут быть признаны только интерпретацией уже существующих положений. Также нельзя обойти стороной тот факт, что порой положения из постановлений Пленума Верховного Суда РФ противоречат действующему законодательству или общим принципам уголовного права, и если некоторые положения еще можно списать на особо «эпатажные» трактовки норм Уголовного кодекса, то положения, прямо им противоречащие, упускать из виду нельзя.

Следовательно, постановления Пленума ВС РФ по уголовным делам являются фактическими правовыми актами, не включенными в состав общего законодательства, и на это есть ряд причин: во-первых, иногда гораздо проще принять некую норму права в обход известного процесса, выдав ее за интерпретацию уже существующей, во-вторых, постановления Пленума имеют двойной характер применения: с одной стороны, налицо нормативная составляющая, с другой, привязка к нормам права все равно есть. Так что постановления Пленума ВС РФ являются дополнительным нормативным источником, имеющим роль вспомогательного средства при квалификации того или иного деяния. По этой же причине они не включаются в текст Уголовного кодекса РФ, иначе в нем бы смешалась нормативная и интерпретационная составляющая. Учитывая все это, следует отметить, что де-юре постановления Пленума ВС РФ расцениваются как акты толкования права и в связи с этим ничем не отличаются от комментариев к Уголовному кодексу РФ, но де-факто правоприменитель пользуется ими в качестве дополнительного нормативного материала для установления единства в осуществлении правосудия между нижестоящими и вышестоящими судами.

Список цитируемой литературы:

1. Белоносов В. О. Обязательны ли разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации? // Вестник Самарского юридического института. – 2015. – № 3(17). – С. 13-17.
2. Губайдуллина Э.Х., Фомин А.В. Роль постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 4-4 (55). – С.185-188.
3. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // «Российская газета». - от 29 июля 1992 г. – № 170.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ – 01.07.2020 – № 31 – ст. 4398
5. Монахова Л. В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как источники уголовного права. // Марийский юридический вестник. – 2018. – № 2(25). – С. 39-42.

6. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации – URL: <https://www.vsrfr.ru/files/11552/> (дата обращения 06.01.2022)

7. Постановление Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // «Российская юстиция». – 1999 г. – № 4.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – май 2002 г. – № 5.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – февраль 2003 г. – № 2.

10. Постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – август 2006 г. – № 8.

11. Постановление Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – ноябрь 2012 г. – № 11.

12. Постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – сентябрь 2013 г. – № 9.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собрание законодательства РФ – от 17 июня 1996 г. – № 25 – ст. 2954

14. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // «Российская газета». – от 7 февраля 2014 г. – № 27.

Сведения об авторе:

Кусакин Александр Андреевич – студент юридического факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского»; mr.kusakin@mail.ru

Кобылин Петр Олегович – ассистент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского».

Куликова А.В.

ДИССКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ МИНИМАЛЬНОГО ВОЗРАСТА СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация:** Международные акты не закрепляют конкретный минимальный возраст уголовной ответственности, что порождает дискуссионные вопросы по поводу установления возрастных категорий субъекта преступления, в том числе среди отечественных законодателей и учёных.*

***Ключевые слова:** возраст, субъект преступления, уголовная ответственность, минимальный возраст, законопроект.*

Достижение определённого возраста является обязательным признаком для признания физического лица, совершившего общественно-опасное деяние, субъектом преступления и привлечения его к уголовной ответственности.

Международные нормативно-правовые акты не называют точный минимальный возраст для привлечения лица к уголовной ответственности. Минимальные стандартные правила Организации Объединённых Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 года устанавливают, что «В правовых системах, в которых признаётся понятие возраста уголовной ответственности для несовершеннолетних, нижний предел такого возраста не должен устанавливаться на слишком низком возрастном уровне, учитывая аспекты эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости».

Конвенция ООН о правах ребёнка 1989 года призывает государства-участников к «установлению минимального возраста, ниже которого дети считаются неспособными нарушить уголовное законодательство» (п. «а» ч.3 ст. 40).

Указанные формулировки являются оценочными, что позволяет законодателю каждого государства самостоятельно определять возрастные категории субъекта преступления исходя из исторических и культурных особенностей страны, моральных и психологических особенностей ребёнка.

Согласно ст. 20 УК РФ устанавливается двойной порог уголовной ответственности, который был так же известен ранее действующему уголовному законодательству: общий возраст уголовной ответственности – с 16 лет, пониженный – с 14 лет.

Часть 2 статьи 20 УК РФ содержит исчерпывающий перечень преступлений, уголовная ответственность за которые наступает с 14 лет: преступления против жизни и здоровья (ст. 105, 111, 112, 126, 131, 132 УК РФ), преступления против собственности (ст. 158, 161-163, 166, ч.2 167 УК РФ), преступления против общественной безопасности (ст. 205, 205.3-205.6, 206-208, 211-214, 222.1, 223.1, 226, 229, 267, 277, 360, 361 УК РФ).

В настоящее время в науке уголовного права не сформирована единая позиция по поводу определения понятия возраста как уголовно-правовой категории. При установлении возрастных уровней российский законодатель опирается на данные психологических исследований, которые осуществляются в сфере уголовно-правового регулирования.

Именно возраст определяет многие свойства и качества личности, особенности психического развития человека, его интересы, потребности, социальный статус и многое другое. Психологический возраст рассматривается как конкретная, относительно ограниченная во времени ступень психического развития индивида и его развития как личности, характеризующая совокупностью закономерных физиологических и психологических изменений [6, с. 87].

А.И. Чучаев отмечает, что «Осознание фактического характера деяния предполагает, что лицо понимает смысл деяния, а также обстоятельства времени и места, способа, орудия, средства и обстановки совершения действия или бездействия. Имеет представление, хотя бы в общих чертах, о развитии причинно-следственной зависимости» [5, с. 136].

Устанавливая пониженный возраст уголовной ответственности для ряда преступлений, законодатель исходит из того, что лицо, достигшее 14 лет, способно осознавать основные ценности общества и соответствующие запреты. Исходя из данных психофизиологических особенностей, законодателем установлены именно возрастные пороги 14 и 16 лет.

Однако многие учёные-правоведы считают, что за некоторые преступления возраст, с которого наступает уголовная ответственность, должен быть снижен. Сторонники указанной позиции аргументируют это тем, что в последнее время участились случаи совершения тяжких и особо-тяжких преступлений лицами, не достигшими 14 лет, а также быстрым интеллектуальным развитием подростков в современном обществе. Некоторые учёные предлагают перенять опыт зарубежных стран, где также проводится различная дифференциация возрастного порога уголовной ответственности.

Например, С.Ф. Милюков считает необходимым снизить возраст уголовной ответственности за убийство до 12 лет [7, с. 83]. Е.Н. Бурджук предлагает закрепить тот же минимальный порог за особо тяжкими преступлениями против личности в целом [3, с. 6].

А.А. Байбарин считает, что «Лица, достигшие 11 лет, должны подлежать уголовной ответственности в случае совершения ими деяний, предусмотренных ст. ст. 105, 111, 158, 161, 162 УК РФ, однако без назначения наказания» [2, с.3].

А.А. Байбарин предлагает несовершеннолетних достигшим 11 лет, но не достигшим 14 лет, помещать в учебно-воспитательную организацию закрытого типа при условии, если данные преступления совершены впервые. Назначение же уголовного наказания было бы целесообразно при совершении лицом повторного совершения тяжкого или особо тяжкого преступления.

Отечественными законодателями выдвигались несколько предложений по снижению возраста наступления уголовной ответственности. Так в 2009 году депутатами Государственной Думы РФ В.В. Жириновским, С.В. Ивановым, М.С. Рохмистровым был внесен законопроект № 293093-5, предусматривающий привлечение к уголовной ответственности за совершение определенных видов тяжких и особо тяжких преступлений несовершеннолетних, достигших 12 лет, а также расширение перечня преступлений, за совершение которых уголовная ответственность наступает с 14 лет.

В заключении по проекту федерального закона № 293093-5 указано, что согласно Гражданскому кодексу РФ полная гражданская дееспособность физического лица наступает с 18 лет, огра-

ниченная дееспособность с 14 лет, тем самым в Российской Федерации реализован подход, при котором лицо, не достигшее 14 лет, признается недееспособным. Таким образом, законопроект был отклонён в связи с тем, что «у лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, отсутствует должная степень эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости, позволяющая ему принимать полностью осмысленные решения и совершать адекватные поступки» [4, с. 2].

В 2019 году в Государственную Думу РФ Законодательным собранием Санкт-Петербурга был внесен проект федерального закона № 750685-7, которым предлагалось снизить возрастной порог уголовной ответственности за жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ) с 16 лет до 14 лет. В пояснительный записке к законопроекту указывалось, что «на сегодняшний день несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет не несут никакой ответственности за жестокое обращение с животными, даже если указанные действия были совершены группой лиц в отношении нескольких животных в присутствии малолетних с применением садистских методов и трансляцией в сети "Интернет"» [8, с. 1].

Однако законопроект был также отклонён по причине того, что данное предложение не согласуется с уголовно-правовой политикой Российской Федерации, которая направлена на гуманизацию уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних и расширении мер воспитательного воздействия по отношению к ним.

По нашему мнению снизить возраст уголовной ответственности до 14 лет за жестокое обращение с животными было бы верным решением. На первый взгляд, проблема защиты животных является не столь значимой, как безопасность личности, общества, государства, имущества, однако отношение человека к «братьям меньшим» является важным показателем степени нравственных качеств личности. Причинение лицом с ранних лет физических страданий животному означает, что в дальнейшем человек может совершить более тяжкие преступления уже против личности и общества.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : текст с изменениями и дополнениями на 1 декабря 2021 года : [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. – Москва, 2021. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
2. Байбарин А.А. К вопросу о минимальном возрасте наступления уголовной ответственности // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 1-3.
3. Бурдужук Е.Н. Социально-психологический аспект уголовной ответственности несовершеннолетних // Новое уголовное законодательство России: проблемы теории и практики. 1999. № 9. С.1-13.
4. Заключение по проекту федерального закона № 293093-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», внесенному депутатом Государственной Думы В.В. Жириновским (к первому чтению). – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/293093-5> (дата обращения 20.11.2021)
5. Иногамова-Хегай Л.В., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовное право. Общая часть : учебник / Л.В. Иногамова – Хегай, А.И. Рарог, А.И. Чучаев. – М.: КОНТРАКТ, 2008. – 558 с.
6. Ляксо Е.Е. Возрастная физиология и психофизиология : учебник для академического бакалавриата / Е.Е. Ляксо, А.Д. Ноздрачев, Л.В. Соколова. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 396 с.
7. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа / С.Ф. Милюков. - СПб.: Знание, 2009. – 279 с.
8. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» - URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/750685-7> (дата обращения 20.11.2021)

Сведения об авторе:

Куликова Анна Вадимовна – студент Волго-Вятского института (филиала) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»; annavadimovna97@gmail.com

Научный руководитель – Ветошкина Е.Д., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

Агафонова Т.С.
КОДИФИКАЦИЯ И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

***Аннотация:** Формирование Международного права началось еще с древних времен, но даже в современном мире оно не перестает развиваться, а кодификация нормативно правовых актов международного права также является необходимым для существования государств в мире.*

***Ключевые слова:** Международное право, современный мир, Лига Наций, Организация Объединенных Наций.*

Необходимость появления международного права существовала еще с древних времен. Современный мир в условиях своего развития так же нуждается в международном праве. Во все времена государства соперничали друг с другом. Это касалось экономической, политической и других сферах. Но для благоприятной жизни граждан и общества в целом необходимым является именно сотрудничество государств. Что невозможно без соответствующего регулятора, которым как раз таки является международное право.

История международного права является частью истории общества, поэтому она не может иметь собственную периодизацию. Развитие международного права в Древнее время и в Средние века имеет отличительные черты. В каждом регионе Древнего мира (Месопотамия, Египет, Индия, Китай и др.) развивались свои специфические международно-правовые институты, которые в Средние века отражали новую ступень общественного развития. Главными регионами, в которых феодальные отношения развивались наиболее интенсивно и которые оказали особое влияние на формирование международного права Нового времени, являлись Византия, Киевская и Московская Русь, а также Западная Европа.

Вопрос о возникновении международного права является дискуссионным, тем не менее ученые пришли к следующему выводу:

1. Возникновение международного права относят к межплеменным отношениям
2. Международное право появилось в одно время с появлением государства
3. международное право возникло в конце Средних веков, когда в Европе сложилась система суверенных государств.

Но все же вопрос исторической периодизации и становления международного права требует дополнительных исследований.

Анализируя научные исследования ученых, возникает дискуссионный вопрос, международное право является самостоятельной отраслью или это все же комплекс отдельных доктрин и концепций. Ученые 19 века еще не признавали международное право отдельной юридической системой. Но уже с 20 века международное право получает свое признание и присваивает себе статус как отдельная юридическая наука.

Для повышения эффективности регулирования международного права необходимым является его кодификация. Кодификация упорядочивает и формирует правовые акты, для их систематизации и упрощения применения при необходимости. В настоящее время нельзя назвать все отрасли кодифицированы, а только часть из них. К кодифицированным отраслям можно отнести следующие: дипломатическое, консульское, морское право, право международных договоров и международное гуманитарное право. В дальнейшем планируется урегулировать и остальные отрасли. Такой процесс как кодификация считается очень сложным и объемным, так как для него необходимо выбрать из существующих нормативных актов именно те, которые являются более подходящие к настоящему времени и отвечают потребностям современного общества.

К сожалению в настоящее время данному вопросу уделяется не так много времени. Кодификация международного права по мнению ученых является уточнение действующих норм права и вытеснение устаревших и противоречивых норм.

Существует два вида кодификации международного права: официальная и неофициальная.

Под неофициальной кодификацией понимается работу специалистов по разработке проектов международных договоров. Принятием или отклонением таких проектов занимаются субъекты международного права. Кодификацией международного права занимаются общественные организации. Так в 1873 году в Бельгии появился Институт Международного права, в котором квалифицированные юристы с разных стран разработали проекты международных договоров. А в 1880 году институт издал свой Сборник законов сухопутной войны, а уже 1913 году институт опубликовал Справочник по морской войне.

Общественные организации создавались в разных странах для кодификации международного права. К таким общественным организациям относятся: Ассоциация международного права

(Лондон), Общество Международного права (Санкт-Петербург), Американский институт международного права (Вашингтон) и др.

Значение неофициальной кодификации постоянно растет. Важную роль в развитии данного процесса занимает международная неправительственная организация. Представители этой организации активно принимают участие в международных конференциях, в которых принимаются и обрабатываются предложения по кодификации международного права.

Официальной кодификацией занимаются субъекты международного права.

Попытки повести официальную кодификацию были осуществлены на Венском конгрессе, на котором было регламентирован режим международных рек, ранги дипломатических агентов, а также нормы, запрещающие работорговлю и касающиеся нейтралитета. В 1856 году на Парижском мирном конгрессе процесс кодификации продолжился. Были рассмотрены вопросы касающихся правил ведения морской войны более гуманно.

Огромный вклад в развитии, систематизации и кодификации международного права внесла Лига Наций. Порядок данного процесса был осуществлен благодаря рекомендациям Комитета экспертов для прогрессивной кодификации международного права.

Взамен Лиги наций, осуществлять процесс по кодификации международного права пришла Организация Объединенных Наций. Согласно ее уставу, Генеральная Ассамблея исследует и делает рекомендации для развития и совершенствования международного права. ООН является главным органом, через который проходят подготовленные проекты другими органами.

В настоящее время в ООН главную роль играет такое подразделение как Комиссия международного права. Сначала этот вспомогательный орган именовался Комитетом по прогрессивному развитию международного права и его кодификации. Ее целью является содействие развитию международного права. В настоящее время Комиссия приняла участие в кодификации многих норм международного права. Ее материалами пользуются дипломаты и международные судебные органы.

Важным событием в деятельности Комиссии международного права считается окончание работы над Проектом статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Данный документ имеет особую важность, не только для законодательств, регулирующих международную область, но и для должностных органов, занимающихся реализацией международных обязательств. Кроме того, этот проект содержит в себе новые прогрессивные современные положения.

Стоит обратить внимание еще на то, что совершенствованием международного права занимаются и другие органы ООН: Комитет по использованию космического пространства, Совет по правам человека ЮНСИТРАЛ и др.

Как мы можем заметить, кодификацией международного права ученые занимались еще ранее. Но не все отрасли еще являются кодифицированными. Что означает необходимость продолжать анализировать нормативно правовые акты и международные договоры для совершенной кодификации международного законодательства.

Список цитируемой литературы:

1. Абашидзе А. Х. Международное право. Мирное разрешение споров: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 221 с.
2. Бирюков П. Н. Международное право в 2 т. Том 1: учебник для академического бакалавриата / П. Н. Бирюков. — 10-е изд., пер. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 365 с.
3. Бирюков, П. Н. Право международных организаций: учебное пособие для академического бакалавриата / П. Н. Бирюков. — 3-е изд., пер. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 170 с.
4. Вылегжанин Ю.М. Международное право в 2 ч. Часть 1: учебник для академического бакалавриата / А.Н. Вылегжанин, Ю. М. Колосов, Ю. Н. Малеев, К. Г. Геворгян ; отв. ред. А.Н. Вылегжанин. — 3-е изд., пер. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 290 с.
5. Капустин А. Я. Право европейского союза: учебник для вузов / А. Я. Капустин. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 387 с.

Сведения об авторе:

Агафонова Татьяна Сергеевна – студент Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ в г. Шахты A89518438682@yandex.ru

Научный руководитель - Спектор Л. А., к.э.н, доцент, заведующий кафедрой «Теория государства и права» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ДГТУ в г. Шахты

Соловьева О.Ю.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

***Аннотация:** в современном мире существует большое количество различных проблем, оказывающих негативное влияние на социум. В целях помощи и поддержки населения в тяжелых жизненных ситуациях, государство разрабатывает и реализовывает государственную социальную политику, но, как правило, ее не всегда бывает достаточно в борьбе с такими проблемами, именно в таких ситуациях на помощь приходят граждане и организации, осуществляющие благотворительную деятельность.*

***Ключевые слова:** благотворительная деятельность, благотворительные организации, социальные проблемы, общество, тяжелая жизненная ситуация, помощь, поддержка, государственная политика.*

В современном мире существует множество проблем в различных сферах общественной жизни. Например, это безработица и бедность, преступность и терроризм, инфляция и инвалидность и т.д. Общество нуждается в решении и последующей профилактике таких проблем, а также в поддержке населения.

Во всем мире, и в Российской Федерации в том числе, происходит постоянное изменение состава населения. Проанализировав Витрину статистических данных Российской Федерации за последние несколько лет по теме: «Общий прирост постоянного населения» на сайте Федеральной службы государственной статистики, можно увидеть, что в 2017 году состав постоянного населения уменьшился на 99 712 человек, в 2018 году увеличился на 76 060 человек, в 2019 году уменьшился на 32 130 человек, а в 2020 году уменьшился на 577 575 человек. Такой резкий спад общей численности постоянного населения за 2020 год в Российской Федерации опосредован очередной волной новой коронавирусной инфекции «COVID-19». Если проанализировать отдельно Волгоградскую область, то можно наблюдать следующие показатели: за 2017 год численность уменьшилась на 13 767 человек, за 2018 год на 13 926 человек, за 2019 год на 16 473 человека, а за 2020 год на 16 480 человек. К сожалению, отрицательный прирост населения влечет за собой множество негативных последствий, которые сказываются на уровне жизни общества. [4]

Несмотря на тенденцию отрицательного прироста постоянного населения в Российской Федерации, его численность на 2020 год составляет чуть больше 144 млн. человек. Учитывая такое число человек, остро встает вопрос о благополучии населения и создания благоприятных условий для жизни.

Российская Федерация систематически разрабатывает государственную политику в области поддержки населения, определяя цели и задачи, направления деятельности и полномочия органов государственной власти в данной сфере.

Социальная политика - важнейшая часть деятельности любого государства, и значимая сфера интересов современного общества. Социальная политика государства - это система принципов, целей, задач и средств, обеспечивающих такое социально приемлемое и допустимое материальное, политическое, культурное положение социальных групп и слоев населения, при котором они могут осуществлять личные интересы и разными видами деятельности содействовать личному развитию и развитию общества в целом. Эффективность социальной политики оценивается как показатель уровня жизни жителей Российской Федерации. [2]

Несмотря на многообразие поставленных целей и создание разнообразных проектов, в некоторых сферах государство не справляется с должным обеспечением и достижением высокого уровня жизни населения. Как раз в тех случаях, когда государственных мер недостаточно, на помощь приходит благотворительная деятельность специально созданных организаций и отдельных лиц.

Актуальность изучаемой темы заключается в важности и остроте имеющихся социальных противоречий в современном российском обществе.

Социальная политика в нашей стране встречается с различными сложностями и проблемами, именно поэтому для их решения необходима благотворительная общественная инициатива. Кроме того, государство, несмотря на многообразие имеющихся способов и методов воздействия на социум, не в силах оказать помощь нуждающимся в полном объеме. На наш взгляд, социальная поддержка не сможет заменить государственную политику в данной сфере, но сумеет ее существенно дополнить, посредством участия в решении социальных задач.

Учитывая то, что благотворительность имеет место быть в любой сфере общественной жизни, в литературе существует множество подходов к определению понятия «благотворительная деятельность» в зависимости от области жизнедеятельности, рассмотрим некоторые из них.

Согласно определению Д. Берлингема, это «деятельность, посредством которой частные ресурсы добровольно распространяются их обладателями в целях содействия нуждающимся людям для решения общественных проблем, а также усовершенствования условий общественной жизни». [6]

Э. А. Фомин и Е. З. Чикадзе в своих трудах пишут: «Благотворительность — негосударственная добровольная безвозмездная деятельность в социальной сфере, направленная на поддержку отдельных лиц или организаций». [8]

В Социальной энциклопедии рубежа XXI века подчеркивается, что «благотворительность — общечеловеческое движение, включающее совокупность гуманитарных действий отдельного человека, организаций, обществ и т. д.». [5]

«Благотворительность — безвозмездная деятельность общества, направленная на защиту того или иного круга объектов или тех или иных сфер бытия человека, осуществляемая им во имя поддержания своего равновесия и совершенствования, субъективно мотивируемая чувствами страха смерти, милосердия, справедливости, социальной ответственности и желаниями “прощения грехов”, гармонии, социальной стабильности, личной значимости, известности и личного бессмертия», - пишет Бродский Д. Г. [3]

Думается, что благотворительная деятельность представляет собой деятельность, направленную на распространение определенных ресурсов в те сферы общественной жизни, в которых существует их дефицит для полноценного функционирования. Целями такой деятельности является помощь и содействие нуждающимся для решения имеющихся проблем, а также совершенствования условий жизнедеятельности. Важно отметить, что благотворительная деятельность обладает безвозмездным характером, т.е. не требует встречной выгоды.

В благотворительном движении участвуют фонды, корпорации, НКО, волонтерские организации и, самое главное, — граждане.

Основными представителями благотворительной деятельности являются благотворительные организации, которые играют очень важную роль в обществе, поддерживая те группы населения, которым необходима дополнительная помощь. Данные организации способствуют развитию общественной активности граждан.

Можно выделить следующие функции благотворительных организаций:

- экономическая функция (обеспечение существования тех граждан, которые не способны самостоятельно создать себе комфортные условия жизнедеятельности);
- социальная функция (снятие социальной напряженности путем балансирования уровня жизни различных граждан);
- рыночная функция (восполнение недостатков социальной политики государства и функционирования рыночных механизмов);
- общественная функция (восполнение неравенства общественных отношений, приводящих к отходу отдельных категорий населения от принятых стандартов жизнедеятельности). [1]

Согласно ст. 2 Федерального закона от 11.05.1995 № 135-ФЗ основными целями благотворительной деятельности в современном мире являются:

- оказание помощи пострадавшим от различных внешних факторов, а также оказавшимся в сложной жизненной ситуации по иным причинам;
- укрепление семейных связей и роли семьи в обществе в целом;
- защита материнства, детства и отцовства;
- содействие в сфере здравоохранения и социальной реабилитации детей-сирот и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации;
- содействие деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения;
- охрана окружающей среды и защита животных;
- помощь в патриотическом и духовно-нравственном воспитании детей и молодежи;
- поддержка общественно значимых молодежных инициатив, проектов, детского и молодежного движения и т.д. [7]

Например:

1. Детский хоспис «Дом с Маяком» является частным медицинским благотворительным учреждением, целью которого является создание для ребенка с неизлечимой болезнью и для его семьи условий для счастливой и полной жизни, избавление от боли и одиночества.

2. Калининградский благотворительный центр «Верю в чудо» помогает детям с тяжелыми заболеваниями, с особенностями здоровья, воспитанникам детских домов, детям из многодетных и малообеспеченных семей, а также поддерживает деятельность детских медицинских и социальных учреждений и их работников.

3. Благотворительный фонд «Близко к сердцу» нацелен на помощь родственникам неизлечимо больных.

4. «Фонд Ройзмана» оказывает финансовую помощь семьям и отдельным лицам в приобретении медикаментов, медицинского оборудования; осуществляет юридическую помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; занимается информационной поддержкой и публицистической деятельностью и т.д.

На 2020 год в Российской Федерации функционирует около 14 000 благотворительных организаций.

Также важно учитывать, что благотворительной деятельностью занимаются и физические лица, неравнодушные к чужой беде, а именно: оказывают материальную поддержку; снабжают вещами и продуктами предоставляют жилье и питание.

В широком смысле, различные благотворительные организации оказывают значительную помощь государственным структурам, беря на себя часть функций государства в данной сфере. Деятельность благотворительных организаций имеет огромное значение для поддержки социально-уязвимых категорий граждан. При этом, стоит понимать, что государство предоставляет гражданам льготы, различные выплаты, а в некоторых случаях и жилье, а благотворительные организации и граждане оказывают помощь подобного рода, но на другом уровне.

Различие заключается в том, что для того, чтобы получить социальную поддержку от государства, необходимо наличие определенных оснований для того, чтобы гражданин имел право на предоставление такой помощи, а в случае с благотворительной деятельностью организаций и граждан, помощь оказывается на добровольных и милосердных началах.

На наш взгляд, в современном мире очень важна активная гражданская позиция по отношению к людям, нуждающимся в помощи в силу своего жизненного положения, т.к. только при комплексной и регулярной помощи друг другу, социальные проблемы страны минимизируются и станут решаемы. Необходимо быть неравнодушными к чужой беде и направить усилия на поддержку таких граждан, ведь добро имеет свойство возвращаться.

Список цитируемой литературы:

1. Арутюнян, Р.С. Роль благотворительных организаций в обществе / Р.С. Арутюнян, О.А. Петрова, Е.В. Ермолаева // Гуманитарные науки. — Саратов: Всероссийская научно-практическая интернет-конференция студентов и молодых учёных с международным участием, 2015
2. Борщева А.В. Основные направления государственной политики Российской Федерации в области социальной поддержки населения / А.В. Борщева, С.В. Ильченко. — Текст: непосредственный // Вестник экспериментального образования. — 2018. — № . — С. 2-10.
3. Бродский Д. Отчет по исследованию значения СМИ в формировании позитивного отношения к благотворительности в Российском обществе / Д. Бродский. - М.: Дело, 2002. — 87 с.
4. Витрина статистических данных: Общий прирост постоянного населения. — Текст: электронный // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. — URL: <https://showdata.gks.ru/report/278934/> (дата обращения: 04.01.2022).
5. Некрасов А.Я. Благотворительность / Некрасов А.Я. — Социальная энциклопедия. — Москва: Гардарика, 2000. — 45 с.
6. Толковый словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1983
7. Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 08.12.2020) "О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)"
8. Фомин Э.А. Благотворительность как социокультурный феномен в России / Э.А. Фомин, Е.З. Чикадзе. — Санкт-Петербург: Питер, 2009. — 375 с.

Сведения об авторе:

Соловьева Олеся Юрьевна – студент 5 курса юридического факультета специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, olesyapopova99@mail.ru;

Научный руководитель – Голоманчук Эйда Владимировна - кандидат юридических наук, доцент ВИУ ФГБОУ ВО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ", профессор Российской Академии Естествознания, эксперт Ассоциации юристов России

Сергеева Е.С.
**ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

***Аннотация.** В статье представлен анализ нормативно-правовой регламентации трудовой деятельности фармацевтических работников в РФ на современном этапе. Акцент сделан на особенностях заключения трудового договора с данной категорией работников, а также изучении специфики их специального правового статуса.*

***Ключевые слова:** фармацевтические работники, особенности регулирования труда, специальный правовой статус, общий правовой статус, цифровизация.*

Согласно ст. 41 Конституции РФ «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь». Чаще всего, в повседневной практике данные составляющие конституционно-правового статуса человека и гражданина в нашей стране рассматриваются посредством свободного доступа, возможности приобретения и широкого применения лекарственных средств. Во многом именно этим обстоятельством может быть объяснена ценность и важность медикаментов, а приоритетной задачей фармацевтической деятельности является снабжение населения необходимыми лекарственными препаратами. Все выше названное позволяет отнести фармацевтическую деятельность к одной из наиболее социально значимых отраслей российского нормативно-правового регулирования, принимая во внимание ее особую роль в сохранении и поддержании должного уровня здоровья населения страны, что сегодня является приоритетной государственной задачей.

В то же время, как особое направление государственного воздействия, полноценное развитие современной фармацевтики и фармацевтической деятельности невозможно представить без налаженного и нормативно гарантированного поля профессиональной деятельности лиц, так или иначе связанных с производством и реализацией лекарственных препаратов. Здесь важно подчеркнуть, что значимая роль при оказании качественной медицинской помощи населению также отводится медицинским и фармацевтическим работникам. При этом, особо отметим, что последние часто рассматриваются как отдельная категория медицинских работников, в то время как специфика их профессиональной деятельности и особенности выполнения трудовой функции имеют ряд принципиальных отличий.

На протяжении длительного времени своего существования и развития медицина и фармацевтика являются тесно связанными направлениями, лежащими в основе охраны здоровья граждан. Однако, особенности их становления, реформирования и развития, теоретическая разработка важных научных и практически значимых вопросов, как и организация труда наемных работников, обучение специалистов, оплата и нормирование их труда – абсолютно различны. На практике вплоть до сегодняшнего дня особенности профессиональной деятельности данных категорий трудящихся регламентируются по общему правилу нормами Трудового кодекса РФ, а в области установления особенностей правового регулирования – нормами Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 2 июля 2021 г. № 358-ФЗ), в то время как ТК РФ содержит отдельную статью 350 «Некоторые особенности регулирования труда медицинских работников».

Эти обстоятельства обусловили наличие имеющихся пробелов в нормативно-правовом регулировании труда работников фармацевтической сферы. В то же время необходимо особо отметить, что продолжается реформирование системы законодательства: разработан Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении профессионального стандарта «Фармацевт», вступающего в законную силу с 1 января 2022 г., в котором представлен перечень основных трудовых функций специалистов данной сферы деятельности, требования к их профессиональным знаниям и навыкам.

Научная разработанность данной темы представляется основательной. Во-первых, здесь следует указать работы, относящиеся к теории трудового права таких исследователей, как Н.Г. Александрова, О.С. Иоффе, К.П. Карпушина, Е.И. Капустина, А.М. Куренного, В.М. Лебедева, А.М. Лушникова, И.В. Лушниковой, В.Н. Скобелкина, Р.О. Халфиной, Е.Б. Хохлова и др., а также работы по экономике и социологии труда Б.К. Бегичева, Э.Н. Бондаренко, М.О. Буяновой, Л.Я. Гинцбурга, И.К. Дмитриевой, Ф.М. Левиант, Р.З. Лившица, С.П. Маврина, В.Г. Малова, В.И. Миронова, А.И. Михайлова, А.И. Ставцевой, В.М. Сырых, К.П. Уржинского, Л.С. Явича и др.

Во-вторых, исследования в области фармации и медицинского права. Необходимо подчеркнуть, что роль фармации в сохранении жизни и здоровья граждан в настоящее время является многогранной, этим и обусловлено возникновение новой области права – фармацевтического права, которое представляет собой не только новую отрасль, но и систему регулирования правовых отношений, возникающих в сфере организации лекарственного обеспечения и фармацевтической деятельности. В настоящее время фармацевтическое право находится в начале своего развития, поэтому в период своего становления может считаться подсистемой права медицинского [4, с. 21]. Здесь необходимо указать на работы Ю.В. Беляниновой, Г.В. Бирлидис, А.С. Булнина, Л.В. Воробьевой, К.В. Егорова, Г.Х. Гараева, Г.Р. Колоколова, А.А. Кралько, Н.И. Махонько, Т.К. Миронова, А.А. Мохова, А.Н. Пицата, Ю.Д. Сергеева и др.

В-третьих, труды в области «экономики фармации» [1, с. 14], исследования которой представлены не только отечественными учеными, но и европейскими авторами. В рамках данного научного направления рассматриваются вопросы формирования и развития фармацевтического рынка с учетом мировых тенденций и специфических условий РФ; развития методов маркетинговых исследований фармацевтического дела и их использование для регулирования деятельности фармацевтических организаций; создание и совершенствование системы информационного обеспечения аптечных работников, органов управления и населения; разработка методов стратегического управления качеством фармацевтической помощи населению на федеральном, территориальном и муниципальном уровнях.

В-четвертых, имеются специальные работы, посвященные частным вопросам регулирования трудовой деятельности и профессиональной подготовке фармацевтических работников, которые рассматриваются как особая категория медицинских работников. К ним относятся исследования К.Я. Ананьевой, А.П. Громова, А.И. Иванова, А.И. Михайлова, С.И. Озоженко, Г.С. Скачкова, Г.В. Хныкина и др. Трудов, специально посвященных данному вопросу немного (В.Г. Пурцакин, Н.С. Клунко, О.А. Шевченко). Как правило, они характеризуют строго определенные составляющие общего правового статуса фармацевтических работников, оставляя вне поля зрения составляющие их специального правового статуса.

Подводя итог рассмотрению степени изученности темы, следует отметить, что многие вопросы, связанные с данной проблематикой, по сей день остаются недостаточно исследованными. Этим в полной мере подтверждается необходимость всестороннего, системного и максимально объективного изучения вопросов регулирования труда фармацевтических работников. На основании выше изложенного, можно утверждать, что вынесенная в название статьи проблема является актуальной и требующей комплексной научной разработки.

Особое значение постановка такого вопроса как «Особенности регулирования труда фармацевтических работников в Российской Федерации в условиях цифровизации фармацевтической деятельности» имеет в настоящее время. Цифровая (электронная) экономика сегодня непосредственно связана с развитием электронного бизнеса и электронной коммерции, производимых и сбываемых ими электронными товарами и услугами, а также расчетами за данные услуги и товары электронными деньгами. Ставшая свершившимся фактом для экономики развитых западноевропейских государств, данная система экономических отношений активно внедряется в практику нашей жизни, в том числе и в сферу фармации.

Данные положения коренным образом изменяют подход к организации и использованию трудовых ресурсов. Трудовые отношения в современной России характеризуются широким спектром разнообразия, специфика которого состоит, в первую очередь, в особенностях регулирования труда отдельных категорий работников, общие правила которых предусмотрены ст. 251 ТК РФ. С учетом текущих изменений в экономическом механизме правового регулирования рыночных отношений в РФ, особенностей процессов интеграции, прежде всего региональной и отраслевой, и глобализации происходят существенные изменения и в системе правового регулирования наемного труда. Следует отметить, что на данном этапе развития трудового законодательства РФ, они идут параллельно текущим изменениям. Рассмотрим происходящие изменения на примере правового регулирования труда фармацевтических работников.

Приоритетное значение для характеристики правового статуса фармацевтических работников имеют нормы национального законодательства РФ. Прежде всего, к ним относятся основные положения Конституции, регламентирующие право граждан РФ на охрану здоровья и получение медицинской помощи, закрепляющие, социальные гарантии граждан и статус Российского государства как государства «социального».

Следует назвать ряд международных нормативных правовых актов, регламентирующих отдельные вопросы здравоохранения. К ним, в частности, относятся Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Европейская социальная хартия (1996 г.), Хартия Европейского союза об основных правах (2000 г.).

Важное значение для изучения поставленного вопроса имеют федеральные законы, содержащие нормы трудового права, а также федеральные законы, в области регулирования права социального обеспечения в рамках реализации права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. К ним относятся ТК РФ, Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», которые раскрывают отдельные категориальные понятия в рамках заявленной темы и содержат нормы права, непосредственно регламентирующие особенности осуществления трудовой деятельности фармацевтических работников.

Отдельную группу нормативно-правового материала составляют подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие частные вопросы охраны здоровья граждан и получения ими своевременной и квалифицированной медицинской помощи, а также обеспечения граждан РФ лекарственными средствами. Здесь следует отметить ведомственные акты Министерства здравоохранения РФ, которое является «профильным» министерством для фармацевтической отрасли. Особо необходимо охарактеризовать региональное законодательство в данной области. Оно представлено ведомственными актами Министерства здравоохранения Нижегородской области, в плане правовой регламентации вопросов медицинского лицензирования, лекарственного обеспечения и системы маркировки лекарственных средств.

Исходя из анализа содержательной стороны данных нормативных правовых актов, следует подчеркнуть, что используемое в настоящее время (до введения профстандарта «Фармацевт», который вступает в силу с 1 марта 2022 г.) определение фармацевтического работника, как «физического лица, которое имеет фармацевтическое образование, работает в фармацевтической организации и в трудовые обязанности которого входят оптовая торговля лекарственными средствами, их хранение, перевозка и (или) розничная торговля лекарственными препаратами для медицинского применения, их изготовление, отпуск, хранение и перевозка», основано на положении ч. 14 ст. 2 Федерального закона РФ от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» и используется как синоним термина «фармацевтический специалист» [5, с. 128].

При рассмотрении вопроса о правовом статусе данной категории работников, следует подчеркнуть, что выделяются, так называемые «общие положения», основанные на заключенном трудовом договоре и представляющие собой систему общих прав, обязанностей и ответственности, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. В совокупности они составляют «общий статус фармацевтических работников». Его следует отличать от «специального правового статуса», обусловленного спецификой занимаемой должности и (или) специальности, уровнем образования, квалификацией и т.п. Последний выступает основополагающим фактором в специфике правового регулирования деятельности фармацевтических работников в целом, обуславливая особенности правового регулирования [2, с. 153] профессиональной и трудовой деятельности, данной категории работников.

Первостепенное значение в рамках анализа специального правового статуса фармацевтических работников в РФ имеет их должностная принадлежность. При этом, как подчеркивают специалисты, «сам факт осуществления трудовой деятельности в фармацевтической организации не позволяет относить работника к категории фармацевтических работников» [5, с. 132]. В соответствии с ч. 2 ст. 69 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» право на осуществление фармацевтической деятельности в РФ имеют лица не только получившие фармацевтическое образование, но и свидетельство об аккредитации специалиста, которое выдается после установления соответствия лица, получившего фармацевтическое образование, требованиям к осуществлению фармацевтической деятельности (ч. 3 ст. 69, указанного нормативного правового акта).

В целом, следует подчеркнуть, что квалификационные требования для работников фармацевтической сферы установлены приказом Минздравсоцразвития РФ от 23 июля 2010 г. № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих» и размещены в разделе «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения». Подробная характеристика их представлена в проекте профессионального стандарта «Фармацевт», вводящегося на территории РФ с 1 января 2022 г., в котором предусмотрены описание конкретного вида профессиональной деятельности, ее цель, обобщенная трудовая функция, перечень трудовых функций, возможные наименования должностей, требования

к образованию и обучению, требования к опыту практической работы, особые условия допуска к работе.

С учетом специфики профессиональной деятельности фармацевтических работников нормативно закреплено требование о представлении при приеме на работу дополнительных документов (ч. 2 ст. 65 ТК РФ), в частности, документа, подтверждающего сдачу специальных экзаменов в соответствующих образовательных организациях РФ, а также лицензии на занятие деятельностью в сфере работы с фармацевтическими товарами, полученную в установленном порядке [3, с. 36].

На правовой статус данной категории работников также оказывает влияние правовой регламентации работы по совместительству, правовую базу которой составляют нормы Постановления Министерства труда РФ от 30 июня 2003 г. № 41 «Об особенностях работы по совместительству педагогических, медицинских, фармацевтических работников и работников культуры». Продолжительность такого вида работы в течение месяца устанавливается по соглашению между работником и работодателем. Еще одной особенностью правовой регламентации трудовой деятельности фармацевтических работников является законодательно предусмотренное обязательство прохождения предварительных (перед устройством на работу и заключением трудового договора) и периодических медицинских осмотров.

Таким образом, проанализированный теоретический материал и нормы действующего трудового законодательства РФ, а также законодательства, регламентирующего основы охраны здоровья граждан и порядок обращения лекарственных средств на территории РФ, содержат нормы права, непосредственно регламентирующие особенности осуществления трудовой деятельности фармацевтических работников, специфика которой обусловлена различиями по сравнению с правовой регламентацией деятельности иных категорий работников, обусловленных заключением трудового договора, наличием ряда ограничений, а также работой по совместительству.

В современных социально-экономических условиях, а также ситуации массового распространения коронавирусной инфекции категория фармацевтических работников оказалась одной из самых незащищенных категорий населения нашей страны. В связи с этим, учитывая имеющиеся проблемы и трудности нормативно-правового регулирования их профессиональной деятельности, особенности осуществления ими трудовой функции, представляется целесообразным принятие комплекса мер, направленных на улучшение условий труда фармацевтических работников на их рабочих местах и, тем самым, повышение качества фармацевтической помощи, оказываемой населению, в целом. В этой связи представляется целесообразным дополнить ТК РФ отдельной главой «Особенности регулирования труда фармацевтических работников», принимая в качестве дифференцирующего фактора характер и условия их труда, а также провести специализированное обучение фармацевтического персонала аптечных организаций в рамках доступных профессиональных программ цифровой грамотности, позволяющих качественно и эффективно работать с оформлением, получением и выдачей электронных заказов лекарственных препаратов и товаров аптечного ассортимента.

Список цитируемой литературы:

1. Багирова В.Л., Иванова О.А., Терентьева Е.М. Определение направлений исследований по экономике фармации на основе наукометрических методов (по материалам диссертационных исследований) // Ремедиум. 2003. Июль-август. С. 14-17.
2. Березина Е.А. Методико-технологические аспекты оценки эффективности правового регулирования // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 153-158.
3. Головина С.Ю. Особенности трудового статуса медицинских работников // Медицинское право. 2013. № 6. С. 36-39.
4. Мельникова О.А. Понятие фармацевтического права // Медицинское право. 2014. № 4. С. 21-24.
5. Шевченко О.А. К вопросу об особенностях регулирования труда фармацевтических и иных работников фармацевтической деятельности // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2017. № 10. С. 129-137.

Сведения об авторе:

Сергеева Евгения Сергеевна – студентка историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ; sergeewa94@mail.ru

Научный руководитель – Исакова Л.В., к.и.н, старший преподаватель кафедры истории, обществознания и права Арзамасского филиала ННГУ.

Незнамова У.Д.
НЕЗАКОННАЯ ОХОТА: ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ РЕШЕНИЯ

***Аннотация:** Данная работа посвящена основным законодательным пробелам, а именно детальному анализу понятия «незаконная охота» и рассмотрению вопроса об ужесточении санкции данной уголовно-правовой нормы. В статье также автором представлены пути решения имеющихся пробелов.*

***Ключевые слова:** незаконная охота, законодатель, норма, санкция.*

Традиционно под охотой понимается поиск зверей и птиц с целью их ловли или умерщвления. К примеру, А.А. Пономарев отмечает, что охота – это разновидность использования объектов животного мира, осуществляемое в строгом соответствии с предписаниями норм природно-ресурсного права, носящее большое народнохозяйственное, культурное и спортивное значение [1, с.219-220]. На законодательном уровне, согласно ст.1 Федерального Закона «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», охота – это деятельность, связанная с поиском, выслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов, их добычей, первичной переработкой и транспортировкой [4]. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда №21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушение в области охраны окружающей среды и природопользования», незаконной является охота с нарушением требований законодательства об охоте, в том числе охота без соответствующего разрешения на добычу охотничьих ресурсов, вне отведенных мест, вне сроков осуществления охоты. Преступление считается оконченным с момента начала совершения действий, направленных на поиск, выслеживание, преследование в целях добычи охотничьих ресурсов, на их добычу, первичную переработку и транспортировку [2].

Необходимо рассматривать определение незаконной охоты с уголовно-правовой точки зрения. Сам термин употребляется как в названии, так и в дефиниции статьи, но само его содержание в норме не раскрывается. Следовательно, термин незаконная охота сопоставляется с уголовно наказуемым деянием, направленным на нарушение правил охоты. Однако термин «нарушение правил охоты» присущ административному законодательству. Исходя из этого, необходимо законодательное разграничение «незаконной охоты» и «нарушений правил охоты» посредством выделения понятия «незаконная охота» в уголовной норме.

Незаконная охота – самое часто совершаемое противоправное деяние среди экологических преступлений. Проанализировав судебную статистику, можно отметить, что в 2020 году по ч.1 ст.258 УК РФ было осуждено 112 человек, а по ч.2 ст.258 УК РФ 143 человека [3]. Однако в 2021 году на территории Челябинской области уже выявлено более 500 случаев совершения незаконной охоты. Лицам, осуществившим преступления, предъявлены иски на общую сумму более 7 миллион рублей. Данное преступление выступает таким учащённым, поскольку санкция статьи не является достаточно «тяжёлой». Основное наказание, которое применяется к виновным лицам, - штраф. В связи с этим крайне невысокие санкции выступают причиной неоднозначной практики реализации наказания. Санкция нормы предусматривает реальное лишение свободы лицам, осуждённым за незаконную охоту. Однако практика применения такого наказания единична. Исходя из этого, не реализуется такая цель уголовного наказания как предупреждение совершения новых преступлений.

Таким образом, проанализировав проблемные вопросы ст.258 УК РФ необходимо отметить, что для эффективного право применения данной нормы целесообразно закрепление определения термина «незаконная охота» в уголовной норме. Учитывая тот факт, что статистика преступлений по ст.258 УК РФ практически не уменьшается, необходимо ужесточение санкции за совершение преступлений, предусмотренными ч.1 и ч.2 ст.258 УК РФ. Тем самым будут реализованы все цели уголовного наказания.

Список цитируемой литературы:

1. Пономарев А.А. Понятие незаконной охоты, наказуемой в уголовно-правовом порядке, и её предмет // Молодой ученый. – 2019.- №2.- С.219-220.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 (ред. от 30.11.2017) "О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования"
3. Судебная статистика РФ/ URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17/> (Дата обращения: 25.12.2021г.)

4. Федеральный Закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

Сведения об авторе:

Незнамова Ульяна Дмитриевна – студент юридического института ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)» Южно-Уральский государственный университет; uliana14888@gmail.com

Научный руководитель - Начаркина О.В., старший преподаватель кафедры «Уголовное и уголовно-исполнительное право, криминология» ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)» Южно-Уральский государственный университет

Шипилов И.А.

ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ДРЕВНЕЙ РУСИ

***Аннотация:** Институт международного права и отношений имеет богатую историю, на каждом этапе которой происходили невероятно важные и ключевые изменения и подвижки в развитии и усложнении данного института права. При это Каждая страна, а именно субъект международных отношений имела свои индивидуальные особенности и тенденции формирования норм международного права лично для себя и своих партнеров, на основе норм обычного права и традиций, поскольку общей кодификации не существовало. В это связи крайне важно узнать и разобраться, как именно строились и развивались международные норм и отношения во времена формирования нашего государства, какие особенности были на Древней Руси и какую роль играл в то время институт международных сношений между странами.*

***Ключевые слова:** международное право, международные договоры, дипломатия, посольское право, субъекты международного права.*

Прежде чем вести речь уже в плотную о политике и международных сношениях нашего зарождающегося государства, стоит охарактеризовать данный исторический период развития института международного права в целом. Период связанный с развитием международного права глубокой древности, в контексте всего мира, прекратился в момент распада Римской империи, этим событием ознаменовался, начавшейся, следующий этап, относящийся к эпохе средневековья. Данный период характеризовался повсеместным разрастанием и эволюцией, налаживаемых международных связей между феодальными государствами. Весь этот процесс налаживания международного сотрудничества, в ту эпоху, сопрягался с тем, что данные страны только-только строились, формировались, а также стремились преодолеть такое явление, как феодальная раздробленность, в данный период появлялись такие важные элементы политической и правовой составляющей субъектов международного права, как феодальные и монархические сословия. Важно учесть тот факт, что при осуществления регулирования многие элементы использовались, как заимствованные из древнего, рабовладельческого периода. Но вовсе не означало того, что нормы международного права на данном этапе не развивались и подверглись стагнации, они брали уже выверенные опытом прошлых лет инструменты, но серьёзно измелись, испытывая на себе силу, оказываемую влиянием прихода нового типа государственного устройства. Таким образом, данные нормы становились более сложными и развитыми. Существенным отличием данного периода в истории развития норм международного права, да и остальных правовых норм того времени, является наличие религиозной окраски. Тем не менее религиозные обличие, касательно международных- правовых норм была подвергнута произошедшим переменам. Например, если говорить о клятве, на момент расцвета эпохи феодализма, в контексте международного прав, то она исполняла роль инструмента для того, чтобы налаживать международные отношения, например, в виде вассальной зависимости. То есть заключаемые договоры, в рамках такого плана отношений, были заключены между монархом и нижестоящим, чем он феодальным правителем, которые закреплялись клятвой. Но при этом, аналогичный механизм применялся при заключении международных отношений, между монархами стран, то есть субъектов международного права. Также стоит отметить тот факт, что уже на этапе феодального типа государств, присущее топу этапу право международных отношений было серьёзно подвержено влиянию римского права, так как некоторые правовые институты данной правовой отрасли носят цивилистический характер. Разумеется, в период, о котором мы ведем речь не существовало универсальной для всех субъектов международного права системы права, при этом и не существовало столь развитых и масштабных международных сообщений. Именно поэтому установленные и

используемые на практике международной правове нормы было связано с тем, что важными фигурантами были такие регионы Западной Европы, как Византия, арабских халифат, на территории Индии и Китая, Киевская, а позднее — Московская Русь. [1, с. 65]

Так мы планомерно подошли к тому, какое место в глобальной истории занимает Древняя Русь. Как субъект международного права и можем рассмотреть ее более детально. Изначально, с момента возникновения Киевской Руси, под предводительством Рюрика Киевская Русь и остальные княжества Древней Руси, а потом и Московское государство основные усилия, касаемо поддержания международных связей и налаживании договоров концентрировали на таком субъекте международного права, как Византия. Также можно говорить о связях со Скандинавией и западной Европой, но ключевым партнёром, особенно на первых этапах развития Древней Руси была Византия. Их договоры являлись источниками международного права на тот период.

Если вести речь о договорах, которые были заключены между Русью и Византией, то необходимо отметить их важность, ведь они являются своеобразными древними артефактами международного права, а также доказательством того, что в отношениях между двумя этими субъектами стремились наладить всяческие международные связи, касающиеся сфер социальной жизни, таких как социальная, экономическая, политическая, касающиеся двух этих стран, а также вопросы войны, мира и прочее. Мы можем делать выводы о том, что Русь, имея на тот момент значимые, как материальные, так и культурологические ресурсы занимал существенные позиции, в рядах международных субъектов Азии и Европы. Таким образом договоры, оформившиеся тот временной период оказала существенное воздействие на развитие международных отношений этих субъектом между но-правовых отношений. Стоит отметить то, что исследователи неоднократно давали данным договорам ярлык, имея их, в большей степени торговыми договоренностями, но все было не так просто. Важно понимать, что содержащиеся внутри данных договорённостей положения, несли в себе не только разрешение вопросов и установление договоров, касательно мира и взаимовыгодной торговли между этими странами, хотя стоит отдать должное том, что эта действительно преимущественная повестка в данных договорах. Помимо этого, рассматриваемые договоры осуществляли регламентирование такого рода вопросов, которые затрагивали проблемы восстановления мирных отношений, регламент по решению судьбы военнопленных, установление послевоенных политических и торговых отношений, разрешение споров о выдаче преступников, решение иных спорных вопросов [3, с.8].

При составлении данных договоров, которые имели своей целью реализацию управления международными отношениями в сферах гражданского уголовного права, явили собой пример совмещения, как русского, так и греческого законодательная.

Характерными чертами практического применения данных международных договоров можно назвать, что в этих договорах были зафиксированы такие нормы, которые вправе иметь статус наиболее продвинутых, среди иных субъектов международного права на то время. В них содержалось большое количество разнообразных положений, касающиеся различных проблем. Например, договоры о взаимной помощи против общих врагов, обмене пленными, процесс данный подразумевал не только возмездную основу, но и бесплатную выдачу. Было оговорено то, что мирные жители наделялись статусом неприкасаемых, во время военных действий и это уже на то время. Существовали различные договоры, затрагивающие территориальные вопросы международного правового характера. Речь идет о взаимном праве свободного въезда и торговли, праве беспопыльной торговли, передаче имущества после смерти наследникам, а также наказании иностранцев за преступления, ответственности за убийство посла, заложника и священника [8, с. 174].

Нужно понимать то, что на тот момент данные договоры не были сформулированы на базисе всеобщего международного права, за неимением такового на тот момент исторического развития, поэтому они формировались по средствам симбиоза ключевых положений национальных законодательств двух стран, которые выступали партнерами в данном соглашении. Поэтому текста договоров пестрят нормами, которые имеют прямую связь с нормами греческого или русского права.

Фундаментов тех договоров явились зарождающиеся нормы, которые можно назвать – нормами международного права, а обычаи и законы Киевской Руси и нормы греческого права. Так как на том временном этапе военные противостояния и набеги были нормальным явлением, то в данных договорах много внимания отводилось именно решению вопросов, связанных с этим. Речь идет о положениях о судьбе военнопленных, разрешались вопросы о выкупе и все, что касалось данного вопроса. Если более детально подойти к изучению этих договоров, то стоит обратить внимание именно на нормы, регламентирующие положения о войне и военнопленных. Так, например, ст. 9

договора князя Олега различает два способа выкупа. Пленник, находящийся в любой стране, проданный русскими или греками, выкупается его соотечественниками и возвращается на родину. Второй случай отличается от первого тем, что там выкупали соотечественники пленного, а здесь он сам выкупался, отрабатывая свою выкупную цену. Статья 9 устанавливала порядок выкупа пленного, а статья 11 говорит о цене выкупаемого пленного [7, с. 260].

Три ключевые договора Руси и Византии той эпохи, это договоры, которые датированы 911, 945, 971 г.г. Их предназначением было реализация регламентирования международных отношений, которые были связаны с торговыми связями стран партнеров. Тексты содержали множество отсылок на «Закон Русский», являвшийся сводом устных норм обычного права. Эти договоры закрепляли межгосударственные нормы, но древнерусское право оставляло отчетливый свой след. Также в структуре их можно увидеть присутствие нормы публичного, международного и частного права. А государства в рамках данных договоров предстают равными международными партнерами.

Другой же договор, будучи принятым в 945 г. Крайне подробно рассматривал ничто иное, как вопрос о защите пограничных владений Византии от набегов и притязаний Руси. Помимо этого, важной характерной чертой этого договора, как, впрочем, и более раннего договора 911 г., как для международного договора, явилось наличие прописанных обязательств о помощи со стороны Руси греческим ладьям, при кораблекрушениях.

Также, ведя речь об этих двух договорах, можно обратить внимание на то, что в них фигурировали статьи о пленниках, в них фиксировались размеры и условия их выкупа. Это был очень ключевой пункт договоров 911 и 945 г.г., так как одной из целей походов Руси на Византию был захват рабов для продажи.

Важно понимать, что данные договоры являются присущими крайне ранним и архаичным стадиям на которых складывались данные международные отношения, поэтому люди, относящиеся к разным государствам относились друг к другу, как самые настоящие враги, или хищные животные в дикой природе. И перемещение подданного одного государства на территорию другого была довольно тяжелым правовым процессом. Так временное нахождение его в чуждой стране требовали урегулирования массы частных деталей. Необходимо было и обезопасить его собственную жизнь от посягательств местных, а также не допустить, что он сам мог посягнуть на них.

И данный аспект международных отношений оговаривался в договоре 945 г. князя Игоря. Так к нормам международного частного права относятся статьи 2 и 2а договора Игоря. Если раньше, по первому договору, достаточно было предъявить печати, чтобы быть допущенными в Византию, то теперь послы и гости представляли специальные грамоты от русского князя, в которых должно было указываться число отправленных из Руси кораблей и перечислялись все прибывшие.

В этом же договоре 945 г., была зафиксирована обязанность русского князя, которая заключалась в следующем. Когда он направлял своих подданных в Византию, то они должны были иметь при себе специальные грамоты, в которых четко расписывалось, какое количество людей, судов, и с какой целью к ним прибыло. Те лица, которые не имели при себе данного документа, подвергались задержанию со стороны местных властей, до выяснения обстоятельств о их пребывании у их князя. В случае оказания агрессивного сопротивления их убивали без суда и следствия, за что не предполагалось никакой ответственности. Все, кто прибыл от Руси, были под наблюдением и располагались там в отведенном специально для их пребывания месте [2, с. 49].

Договоры эти были подтверждались клятвой. Руссы-язычники клялись оружием своим. Эта клятва сопровождалась всевозможными магическими обрядами. Представители Византии по христианскому обычаю «целовали крест».

В целом, для феодального этапа исторического развития является характерным тот факт, что именно в этот период был заключен объемный перечень международных договоров. В рамках содержания данных договоров наибольшее внимание уделялось именно регламентации вопросов о мире и союзе, покровительстве, территориальных изменениях, плавании по рекам и морям, торговле. Договоры того времени, в том числе и рассмотренные выше были наделены личностным характером, то есть были заключены от имени феодала, или же иными словами – правителя. Позже они несколько эволюционировали, так как обязательства по данным договорам стали передаваться и на наследников правителя, подписавшего договор, а также применять стали оговорку, а о неизменных обстоятельствах как условия действия договора. Договоры эти обеспечивались путем залога, либо членов семьи правителя, либо материальных ценностей.

Параллельно с этим происходила эволюция и развитие посольского права. В тот момент стартовало введение в международный политический обиход дипломатических рангов (посол, по-

сланник, гонец), также специфические дипломатические нормы и регламенты процедур; формировались постоянные посольства; а лица, являющимися послами от государств противников были неприкосновенны. Нарушение неприкосновенности послов приводило к суровому наказанию нарушителя и даже отлучению от церкви. [4, с. 211]

Помимо прочего стоит упомянуть характерный для того времени способ закрепления международных дипломатических отношений, а именно заключения союза, по средствам брачных связей между представителями правящих семейств разных стран.

Ярким тому примером служат династические связи, которые были установлены Ярославом со многими европейскими дворами. Династические браки в то время были важным элементом дипломатии, в них каждая из сторон искала политическую выгоду. Репутация и престижный статус заключенных династических оказывался в прямой зависимости от могущества государства. Сам Ярослав взял в жены Ингигерду - дочь шведского короля Олафа; сыновья Ярослава были женаты: Изяслав - на дочери польского князя Мешко II, Святослав - на дочери немецкого графа Леопольда фон Штаде, Всеволод - на дочери византийского императора Константина Мономаха. Дочери же Ярослава стали королевами Венгрии (Анастасия), Франции (Анна), Норвегии и Дании (Елизавета). Все эти браки могут говорить лишь об одном - Русь расширяет свои внешнеполитические связи и увеличивает свое влияние в Европе. В частности, происходит дальнейшее сближение Руси с Германией [6, с. 170].

Так, дипломатические усилия русских князей не прошли даром - добившись признания, Русь постоянно повышала свой государственный авторитет, расширяла межгосударственные связи и приобретала новые отношения с европейскими странами.

Каждый крупный дипломатический шаг Руси был тесно связан с международными отношениями своего времени, а каждое соглашение древнерусского государства выросло на почве международных событий соответствующего периода, точно так же как средства, приемы, формы, используемые древнерусской дипломатией, находились в постоянном развитии, определяемом как становлением самого древнерусского государства, так и его взаимодействием с другими странами и народами. Древнерусская дипломатическая система от десятилетия к десятилетию осваивала международный дипломатический арсенал, закрепляла и развивала собственный опыт.

Если подводить итоги, то можно смело говорить о том, что конечном счете сформировавшаяся дипломатическая система древней Руси в IX-X вв, являет собой стало выразительное свидетельство развития раннефеодального древнерусского государства, выходящего на широкую международную арену.

Список цитируемой литературы:

1. Бахин, С. В. К истокам международного права (о статье профессора М. И. Ростовцева "международные отношения и международное право в Древнем мире") / С. В. Бахин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2013. – № 4. – С. 60-66.
2. Воротилина, Т. В. Русско-византийские договоры X века как источник древнерусского права / Т. В. Воротилина, Л. А. Попова // Научный альманах. – 2015. – № 10-4(12). – С. 48-50.
3. Калашников, В. Д. Византия и Русь: войны и дипломатия / В. Д. Калашников // История в подробностях. – 2015. – № 9(63). – С. 6-15.
4. Кожевников Ф.И. Русское государство и международное право / Ф.И. Кожевников. - М.: Юриздат, 1947- 322 с.
5. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учеб. для юрид. фак. и вузов / Лукашук И.И. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: БЕК, 2001. - 419 с.
6. Сахаров, А. Н. Дипломатия Древней Руси / А. Н. Сахаров. – Москва, 1980. – 358 с.
7. Филипчук, А. М. Пленные русы в русско-византийских договорах: цена и обмен / А.М. Филипчук // Восточная Европа в древности и средневековье. – 2013. – Т. 25. – С. 259-263.
8. Хачатуров, Р. Л. Толкование норм международного права по договорам Руси с Византией / Р. Л. Хачатуров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 2. – С. 172-175.

Сведения об авторе:

Шипилов Илья Алексеевич – студент Юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; ilya.shipilov2002@gmail.com

Научный руководитель – Сафронова Е.В., д.ю.н, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права НИУ «БелГУ».

Лукина Д.А.
**НЕЗАКОННОЕ ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

***Аннотация:** В данной статье обозначены все проблемы незаконное воспрепятствование адвокатской деятельности в уголовном законодательстве благодаря незаконным действию субъектам РФ. Представленный на общественное обсуждение проект Минюстом РФ ,который имеет обусловленный механизм .способствующий к установлению уголовной ответственности среди противодействию адвоката и его доверителей,и устранить недостатки в адвокатской деятельности. Также в статье рассматривается устранение и перспективы проблем воспрепятствования в адвокатской деятельности чтобы предотвратить нарушение в незаконные вмешательства в адвокатской деятельности.*

***Ключевые слова:** адвокат, Министерство юстиции РФ ,доверитель, нарушение, Конституция РФ, доверитель, правосудие, следствие, Прокуратура РФ, воспрепятствования.*

Во время пандемии 1 сентября 2020 года Министерство юстиции РФ выпустил законопроект, где обозначено, что нужно срочно делать поправки в УК РФ и гарантировать принцип состязательности сторон.

Эти самые необходимые поправки были ориентированы на уголовно-правовую охрану прав адвокатов. Министерство юстиции также на данном моменте посчитал, что уголовная ответственность за воспрепятствование адвокатской деятельности ,различающейся от суда, прокуратуры, следственного комитета абсолютно не предусмотрена .Это принятый законопроект исправит все недостатки . К примеру , если дополнить в УК РФ с новой статьей 294.1 об установлении уголовной ответственности за вмешательство в законную деятельность адвоката,то воспрепятствование осуществлению его профессиональных полномочий, если это преступление повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. За осуществление таких воздействий предлагается назначать один из следующих видов наказаний:

штраф в размере до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев;

обязательные работы на срок до 360 часов;

исправительные работы на срок до одного года. Они предусматривают штраф до 80 000 руб., обязательные или исправительные работы за воспрепятствование адвокатской деятельности, а если при этом преступник ещё и применял насилие, то и лишением свободы на срок до пяти лет.

Министерство юстиции подтверждает, что законопроект сможет гарантировать на активацию все механизмы адвоката и его доверителей с материалами дела [1, с. 60].

Также адвокаты и их подзащитные смогут получить доступ к материалам, которые изготовлены не только в результате следственных, но и других процессуальных действий. Поправки также широко согласовывают право вторично взглянуть к любому тому большому делу в процессе прочтения с его материалами. Предусмотрен ряд других дополнительных гарантий для стороны защиты (ст.18 Федерального закона от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации").

Следует отметить, что Уголовный кодекс РФ содержит ряд норм, регламентирующих ответственность за вторжения на жизнь, здоровье, имущество, честь и достоинство адвоката как участника различного процесса, отправленным правосудием (ст. 295, 296, 297 УК РФ), разумеется он не содержит нормы об ответственности за посягательства на адвокатскую деятельность и профессиональные права адвоката. Включение вышеописанной нормы, представляющей направление для улучшения российского законодательства в направлении нарастания правовых гарантий деятельности адвоката.

Так же нужно обратить на мнение Вадима Ключеванта следует отметить ,что в результате законодательно установленный запрет таких действий (п. 1 ст. 18 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации")остается ничем не гарантированным декларативным благопожеланием [2,45с]. Это не важная , но и далеко не последняя предпосылка, по которой с каждым временем растут и агрессивность противодействия адвокатской деятельности, и многообразие способов и разных методов такого противодей-

ствия. Этот случай совсем не допустим, даже с учетом публично-правовой подсистемы адвокатской деятельности и ее отсутствия альтернативы. Значимое запланированное ужесточение ответственности: как административной, так и уголовной (в зависимости от какой степени общественной опасности действий и тяжести последствий) и неукоснительное употребление такой ответственности в правоприменительной практике является важнейшей и давно перезревшей задачей.

Под воспрепятствованием деятельности адвоката понимается, что это преднамеренные противоправные действия (бездействие), ориентированные на создание заинтересованным физическим или юридическим лицом (в том числе государством в лице его органов или их сотрудников) помех в разработки профессиональных прав адвоката в рамках его деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи по данному делу в целях нарушить реализации тактики деятельности адвоката и его доверителя. Например, в СИЗО приводятся установление Министерства юстиции РФ требования для доступа адвоката к своему доверителю потребовать разрешение от следственных или судебных органов на доступ к заключённому, [3, 60 с].

Данные понятия «воспрепятствование» намного обширнее, нежели «вмешательство». Но ответственность по ст. 294.1 УК РФ есть необходимость ввести только за вмешательство, пусть даже в целях воспрепятствования и т.д. Также состав преступления подозревается виновному (исполнителю) вытекая из изложения на перечисления признаков объективной стороны преступления, сформулированных в статье Особенной части Кодекса, а не в наименовании соответствующей статьи, рекомендуется ответить на вопрос о том, окутывает ли новелла не только действия, но и бездействие – например, отказ в получении адвокату запрашиваемой им информации. Термин «вмешательство» обуславливает лишь интенсивные действия виновного, исключая способность предопределения ему бездействия, состоящего в неисполнении от соблюдения обязанности по обеспечению сведений.

Ю.А. Дмитриев, считает, что под воспрепятствованием в деятельности адвоката понимает «нарушение адвокатской тайны, установленного законом порядка процессуальной деятельности адвоката или процессуальных действий, совершаемых с участием адвоката, и иные нарушения порядка реализации статуса адвоката, установленного и комментируемым Законом, и отраслевым процессуальным законодательством», а еще более жесткие и незаконные действия виновного лица, выражающиеся в том, что адвокат не приглашается к участию в процессуальных действиях, в незаконном отказе в участии в них, в физическом задержании адвоката, не позволяющем ему совершать намеченные процессуальные действия, наконец, в изоляции адвоката от общества и лишении его свободы передвижения, не основанных на законе» [7, с. 108].

К наиболее распространенным примерам фактов вмешательства в адвокатскую деятельность следует отнести:

- разные уговоры, сговоры, высказывание угроз лицом для того в адвокат смог согласился от ведения своего дела или принятия каких-либо процессуальных решений на оказание юридической помощи;

- лицо может совершить вполне незаконный вызов адвоката следователем для «беседы» или как свидетеля, приглашенного на допрос для своей корыстной цели;

- направление должностными лицами, организовывающими производство по делу, представлений в подобающую Адвокатскую палату с предписаниями о лишении статуса адвоката по необоснованным основаниям;

- совершенный оговор (клевета) в отношении адвоката, незаслуженное унижение его достоинства, так же оскорбление и занижение его самооценки;

- незаконный отказ в удовлетворении аргументированных и мотивированных ходатайств, в т.ч. и тех, в удовлетворении которых согласно по требованиям законодательства не может быть отклонено;

- отсутствие сообщение о принятых по делу процессуальных решениях и (или) отказ непредоставление документов, оформляющих процессуальные решения;

- отсутствие жалоб на деяния (бездействие) должностных лиц, которые поступили от адвокатов, необоснованный отказ в удовлетворении жалоб на судебные решения;

- отсутствие сообщение либо намеренное несвоевременное уведомление адвокатов о производстве процессуальных, следственных действий или судебных заседаний;

Из перечисления вышеуказанного перечня следует отметить, что эти примеры вмешательства в адвокатскую деятельность, нарушают нормы ФЗ «Об адвокатской деятельности...», устанавливающим профессиональные права адвоката-защитника, дающие гарантии независимости адвоката (ст. 8 и 18), в то время как факты воспрепятствования этой деятельности, предоставляющие

несоблюдения профессиональных прав адвоката-защитника, обусловленных действиями, осуществляемыми им

Можно сказать, что вмешательство в деятельность адвоката представляет собой противоправные действия с прямым или косвенным умыслом, посредством которых заинтересованное физическое или юридическое лицо (в том числе государство в лице его органов или их сотрудников) проявляет отрицательное воздействие на адвоката с целью каким бы то ни существовало образом подправить результат выбранной им единолично с доверителем и (или) подзащитным стратегии установления профессиональной деятельности по содействию квалифицированной юридической помощи по определённому делу, и вследствие совершения которых причиняется вред или создается угроза причинения вреда интересам правосудия [5, с. 70].

Нельзя не согласиться с В.Л. Кудрявцевым, который, в частности, отмечает: «Наблюдается с каждым годом стремительный рост случаев воздействия в адвокатскую деятельность и воспрепятствования этой деятельности со стороны органов дознания и предварительного следствия. Следовательно, это подразумевает об нарастании количества адвокатов, совершенно и активно защищающих права и законные интересы доверителя, не желающих жить, так проговорить, мирно со следствием, не конкурировать с ним, не соперничать, и двояко практически подходить к исполнению своих обязанностей, к чему еще навряд ли не смогут привыкнуть самодостаточные сотрудники органов дознания и предварительного следствия. Они уже наглядно знают в активной и принципиальной позиции адвоката-защитника есть желание отделить, во что бы то ни стало, своего подзащитного, перевалить вину на других лиц, к тому затянуть это следствие путем заявления ходатайств, подачи жалоб с тем, чтобы нарушить полноценному ходу предварительного расследования и изобличению лица виновного в совершении преступления.» [4, с. 19].

Обратимся к зарубежному опыту, в ст. 464 УК Испании, обозначается следующее: «... тот, кто насильем или манипулированием прямого или косвенного умысла, стал воздействовать на заявителя, сторону или обвиняемого, адвоката, прокурора, эксперта, переводчика или свидетеля в процессе для того, чтобы тот изменил свою процессуальную позицию, наказывается тюремным заключением на срок от шести до двадцати четырех месяцев. Если виновный смог достиг своей цели, наказание назначается ближе к верхнему пределу санкции-арест, штраф или задержание». Данную правовую норму стоит оценить как норму, направленную на охрану интересов правосудия и высококвалифицированных прав адвоката-защитника в частности и его доверителей.

Ярким кажется норвежский опыт уголовно-правовой охраны прав адвоката. В §132 УК Норвегии указывается: «за воспрепятствование правосудию подвергается наказанию лицо, которое умышленным путем, угрозами, пособничеством или другим противоправным поведением в отношении участника правосудия или кого-либо из его близких своим поведением заставляет участника совершить или не осуществить действие, работу или услугу в связи с уголовным или гражданским делом или уплачивает действие, работу или услугу, которые участник воплотил в связи с гражданским или уголовным делом».

Необходимо отметить, что в вышеперечисленных зарубежных государствах, а также целом ряде других государств существует и уголовная ответственность возлагается на прямые посягательства на жизнь, здоровье и имущество адвоката как участника соответствующего судопроизводства, так же прерывание его деятельности с помощью обмана и предварительного сговора для подкупа [6, с. 34].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что таким образом при принятии законопроекта Министерством юстиции 1 сентября в 2020 году приобретает преобразование для разработки и дополнение профессиональных прав адвоката и обеспечению необходимого уровня правовой охраны адвоката, что свидетельствует об их значимости для совершенствования института профессиональных прав адвоката в Российской Федерации. В первую свою очередь, будет влиять на укреплению престижа и повышению эффективности адвокатской деятельности и усиление охраны деятельности адвоката, и, как следствие, по обеспечению эффективной реализации права на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции РФ.

Список цитируемой литературы:

1. Астахов П.А. Суд над адвокатурой // Новая газета. 2005; Сергеев В.И. О проблемах защиты прав адвокатов // Адвокатская практика. 2005. № 1. – 60 с.
2. Бардин Л. О новациях с пристрастием (или к вопросу о некоторых проблемах законодательного регулирования адвокатской деятельности) // Бизнес-адвокат, 2005, № 5. – 45 с.

3. Воронов А.А. Противодействие деятельности адвоката как форма посягательства на его независимость // Современное право. 2005. № 7.-60с.

4. В.Л. Кудрявцев, Гарантии независимости адвоката как условие обеспечения квалифицированной юридической помощи в деятельности адвоката (защитника) в уголовном судопроизводстве // "Адвокат", N 5, май 2008. – 19 с.

5. Пилипенко Ю.С. Некоторые аспекты взаимоотношений адвокатов с правоохранительными органами и судом // Адвокатская практика, 2007, № 2. - 70 с.

6. Рагулин А.В. Профессиональные права адвоката-защитника в Российской Федерации и зарубежных государствах: монография.– М.: Юрлитинформ, 2012. – 134 с.

7. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 63ФЗ «Об адвокатской деятельности...» / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. А.Г. Кучерен. - М.: Деловой двор, 2009. – 108 с.

Сведения об авторе:

Лукина Дарья Александровна – студентка 4 курса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная академия «Институт юстиции»; d_tvardovskaya00@mail.ru

Научный руководитель – Крылов Никита Григорьевич, старший преподаватель кафедры уголовного или уголовного-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная академия»

Скворцова М.А.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В РОССИИ

***Аннотация:** В статье рассматривается вопрос о становлении органов прокуратуры России в разные исторические периоды, проанализированы особенности изменения функций прокуратуры в зависимости от изменения формы правления. Рассмотрена деятельность прокуратуры на современном этапе.*

***Ключевые слова:** история, прокуратура, надзор, становление, развитие, государственный орган власти..*

История Прокуратуры России берет свое начало в XVIII веке, её созданию предшествовало то, что в стране царил рост преступности, казнокрадства и взяточничество. Это и вызвало потребность в государственной службе в борьбе с негативными явлениями в стране. На основе всего этого, указом императора Петра I от 12 января 1722 года была образована Прокуратура Российской Империи.

С. М. Казанцев в своей работе говорит том, что появлению прокуратуры в России предшествовало несколько различных форм надзирательной власти: фискалы, генерал-ревизоры, обер-секретари Сената и дежурные гвардейские офицеры в Сенате [2, с.29].

Историк В. О. Ключевский в своих работах пишет о том, что Петр I долго размышлял над созданием прокуратуры и работал над законопроектами непосредственно [3, с. 177-180]. Как итог работы Петра «Великого» было оформлено три указа императора.

Первый указ непосредственно о создании прокуратуры от 12 января 1722 года: «Быть при Сенате Генерал-прокурору и обер-прокурору, также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-прокурору» [7, с. 198-199].

Второй указ от 18 января 1722 г. «Об установлении должности прокуроров в надворных судах и в пределах компетенции надворных судов в делах по доносам фискальных и прочих людей» [7, с. 198-199].

Третий указом от 27 апреля 1722 г. «О должности Генерал-прокурора». В данном указе прописывались обязанности Генерал – прокурора: «Генерал-прокурор должен сидеть в Сенате и смотреть накрепко, дабы Сенат свою должность хранил и во всех делах, истинно, ревностно и порядочно без потеряния времени по регламентам и указам отправлял», «также должны накрепко смотреть, дабы Сенат в своем звании праведно и нелицемерно поступал» [7, с. 184-200].

На основе этих указов начинает свою деятельность новый созданный государственный орган – прокуратура.

На данном этапе истории отечественной прокуратуры нет четкого определения порядка назначения на должность прокуроров. Исторические источники дают нам информацию, что это мог делать император или Правительствующий Сенат. Не было и серьезных требований к кандидатам

на прокурорскую должность лишь было дано указание, что избирать «их из всяких чина», но «лучших».

Петром I бы назначен первый генерал – прокурор Российской империи, им стал один из сподвижников императора Павел Иванович Ягужинский, его характеризуют как человека честного, умного, деятельного и преданного своему отечеству. В должности генерал – прокурора П.И. Ягужинский следил за деятельностью Сената.

Должность генерал- прокурора была приставлена следить не только за деятельно Сената, но и была должность обер – прокурора Синода.

Прокуратура, созданная Петром I в 1722 г., имела своей главной функцией надзор за высшими органами власти Российской империи.

Служба на прокурорской должности при Петре I считалась государственной. В Табели о рангах прокурорам были присвоены высокие классы: Генерал-прокурору – третий, соответствующий генерал-лейтенанту; обер-прокурору – четвертый; коллежским прокурорам – шестой, прокурорам надворных судов – седьмой, наравне с обер-фискалами [7, с. 198-199].

После смерти Петра I прокуратура постепенно упраздняется. Это в первую очередь связано с тем, что в России начинается правление Екатерины I (1725 – 1727), а потом и эпоха дворцовых переворотов. Власть фактически находится в руках Верховного тайного совета.

Первые шаги к восстановлению прокуратуры в России были сделаны при Анне Иоанновне (1730-1740 гг.). Окончательно прокуратура возрождается при Елизавете Петровне (1740-1761) она возвращается к политике петровских преобразований. Органы прокуратуры были восстановлены Указом Елизаветы Петровны от 12 декабря 1741 года. После чего были назначены обер – прокуроры и прокуроры во все высшие органы власти, а также были назначены прокуроры в губернии Российской Империи. Это свидетельствует о расширении полномочий органов прокуратуры.

Важным период в истории отечественной прокуратуры является эпоха правления Екатерины II (1762-1796). Во время правления императрицы была проведена реформа прокуратуры и одновременно Сената манифестом от 15 декабря 1763 г. Итогом стало то, что Сенат был поделен на шесть департаментов (четыре департамента в Санкт- Петербурге и два в Москве) было увеличено число обер – прокуроров. За первым департаментом, который был административно – политическим, надзор осуществлял лично генерал-прокурор. За остальными департаментами надзор осуществляли обер-прокуроры.

Все назначения происходили по решению императрицы, Екатерине II предоставлялись доклады о подборе кандидатов на должности прокуроров в коллегии и губернии, они подписывались Генерал-прокурором вместе с обер-прокурорами.

Важным витком в истории отечественной прокуратуры является реформа Екатерины II от 7 ноября 1775 г. «Учреждений для управления губерний Всероссийской Империи», где была отдельная глава XXVII. – «О Прокурорской и Стряпческой должности». На основе данной главы формулируются полномочия прокуроров в сфере надзора общего и судебного, а также по надзору в местах лишения свободы. Устанавливаются губернские и уездные помощники прокурора – стряпчие прокуроры и стряпчие сословных судов: верховного земского суда, губернского магистрата и верхней расправы. В ряды прокуроров влились стряпчие, выполнявшие функции «государственной адвокатуры» [5, с.308].

Мы видим, что во время правления Екатерины II добавляется новая функция надзор за деятельностью мест заключения и судов. Так же Генерал-прокурор начал ведать делами Тайной экспедиции Сената.

При Павле I (1796-1801) была усилена власть Генерал- прокурора, а именно надзорная деятельность за Сенатом и исполнением законов в стране. Генерал-прокурор занимался делами о рекрутских наборах, финансовыми делами, вопросами о цензуре, надзором за деятельностью иностранных граждан.

В правление Александра I (1801-1825) происходит существенное изменение в органах прокуратуры. Императором издается Манифест от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении Министерств», вследствие чего происходит слияние прокуратуры и министерства юстиции. Генерал- прокурор становится одновременно и Министром юстиции. В его полномочия входят права по управлению судебной системой, но прокуратура устраняется от руководства административными органами. Прокуратура впервые осуществляет надзор за следствием.

В 1832 году принимается Свод законов Российской Империи. В Своде прописывались направления прокурорского надзора: 1. Охранение общего благоустройства в губернии; 2. Казенные дела; 3. Суд и расправа.

В XIX веке уделяется внимание профессиональной подготовке прокуроров, важным становится при назначении на должность – наличие юридического образования. Н. В. Муравьев пишет «Губернскими прокурорами, а иногда губернскими и даже уездными стряпчими стали назначать лиц с высшим юридическим образованием, преимущественно окончивших курс в Училище правоведения...» [5, с.356].

Стоит сказать, что при Николае I после создания в 1826 г. III-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии органы местной прокуратуры фактически сами оказались под жандармским надзором.

Серьезные изменения в органах прокуратуры произошли при Александре II (1855-1881). В 1862 году Государственный Совет принял «Основные положения о прокуратуре». В акте были основные принципы организации и деятельности прокуратуры: единство и централизация органов прокурорского надзора, строгая подчиненность нижестоящих прокуроров вышестоящим, несменяемость прокуроров, их независимость от местных органов при принятии решений.

В 1864 году была проведена судебная реформа, которая затронула деятельность прокуратуры. Прокуратура стала выступать на стороне обвинения состязательных процессов, а также участвовать в производстве судебных дел. Одной из основных функций прокуратуры становится поддержание публичного обвинения в суде. Прокуратура представляет интересы государства в судебном процессе.

В ходе проводимых реформ, независимо от других властей, прокуратура обрела окончательную иерархическую структуру. Новая система органов прокуратуры, являясь централизованной, функционировала уже по судебно-территориальному, а не по административно-территориальному признаку [4, с.4].

«... с принятием Судебных уставов в 1864 г. прокуратура из органа надзорного типа была преобразована в основном в орган уголовного преследования...» [9, с.3].

Важным в истории прокуратуры России является начало XX века. В этот период в России происходит Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года. Как итог от престола отрекается император Николай II, приходит конец монархической формы правления в России.

Пришедшие к власти большевики упразднили все имперские государственные органы и прокуратуру в их числе. Советом Народных Комиссаров Советской России от 24 ноября 1917 года был издан Декрет о суде, которым была ликвидирована прокуратура Российской Империи. Для большевиков, институт прокуратуры был одним из «главных оплотов» прежней монархической власти. Восстановление данного органа большевики вообще не рассматривали, что вполне было закономерно, так как вытекало из марксистской трактовки социалистического государства.

После упразднения органов прокуратуры контроль и надзор за соблюдением законов в деятельности местных органов власти и органов государственного управления осуществляли различные учреждения, в компетенцию которых, помимо контрольно-надзорной, входили и другие функции [8, с.36].

Но, по прошествии пяти лет, в стране советов приходят к выводу, что нужно восстановить органы прокуратуры. За возрождение органов прокуратуры выступал В. И. Ленин, по его поручению был создан проект о прокурорском надзоре, который был воспринят неоднозначно. Это вызвало дискуссии в партии.

В мае 1922 года на III сессии ВЦИК было принято Положение о прокурорском надзоре. Положение устанавливало то, что учреждалась Государственная прокуратура, во главе которой был Народный Комиссар Юстиции. Прописывались и функции прокуратуры:

- надзор за исполнением законов органами власти, хозяйственными учреждениями, общественными и частными лицами;
- надзор за деятельностью органов следствия и дознания в области раскрытия и расследования преступлений, а также за деятельностью Государственного политического управления;
- поддержание обвинения в суде;
- надзор за законностью содержания заключенных под стражу лиц [7, с.378].

После образования СССР прокуратура РСФСР стала составной частью советской прокурорской системы. В 1923 г. была образована Прокуратура Верховного суда СССР.

Важным для советской прокуратуры является 1933 г. В этот год было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР». Положение о Прокуратуре СССР определяло правовой статус Прокуратуры СССР как самостоятельного государственного органа. Прокуратуре СССР предписывались следующие функции:

- надзор за соответствием постановлений и распоряжений отдельных ведомств Союза ССР и союзных республик и местных органов власти — Конституции Союза ССР, постановлениям и распоряжениям правительства Союза ССР;

-наблюдение за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями;

-возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения во всех судебных инстанциях на территории Союза ССР;

-надзор на основе особого положения за законностью и правильностью действий ОГПУ, милиции и исправительно-трудовых учреждений;

-общее руководство деятельностью прокуратуры союзных республик [6].

В годы Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» органы прокуратуры были переведены на военный режим. Прокурорскими работниками осуществлялся надзор за исполнением законов в период военного времени.

В 1979 году Верховным Советом СССР 30 ноября был принят Закон «О прокуратуре СССР», которым были определены основные задачи деятельности прокуратуры. Главное – это укрепление социалистической законности, правопорядка, охрана общественного строя закрепленного в Конституции СССР, от посягательств на экономические и политические системы; защита прав и свобод граждан, которые гарантируются Конституцией СССР и советскими законами; прав и законных интересов государственных предприятий, учреждений и организаций, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций.

После распада СССР образовалась Российская Федерация. В новом провозглашённом государстве сохраняются органы прокуратуры, но претерпевают изменения. В 1992 году был принят Федеральный Закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 г., который направлен на обеспечение верховенства закона, укрепление законности, охрану прав и законных интересов граждан, общества и государства.

В 1993 году в Российской Федерации принимается Конституция, где в ст.129 прописано, что «Прокуратура Российской Федерации составляет единую централизованную систему ...» [1].

В 2020 году в Конституцию РФ [1] были внесены поправки в ряд статей. Также и в ст.129, пункт 2 дополнили положением о том, что прокурорам запрещается иметь иностранное гражданство, а также иметь счета или вклады за границей. Были внесены изменения в порядок назначения и освобождения от должности.

Несмотря на вносимые изменения в Конституцию РФ или ФЗ «О прокуратуре РФ», деятельность прокуратуры также нацелена на осуществления надзора за соблюдением Конституции РФ, а также исполнением законов. Надзор за соблюдением прав и свобод человека и граждан на территории страны.

В ходе исторического анализа, мы пришли к выводу, что органы прокуратуры прошли долгий путь становления и развития в России. На сегодняшний день органы прокуратуры являются конституционным институтом государственной власти, не входящего ни в одну из ее ветвей. Органы прокуратуры осуществляют надзор от имени Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. Казанцев. С. М. История царской прокуратуры. – СПб.: Издательство С. – Петербургского университета, 1993. – 236 с.

3. Ключевский В.О. Соч. Т.4 - М., 1958.

4. Любушкин В.А, Зотов М. А. История становления Российской прокуратуры // Контентус. 2017. № 11 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-rossiyskoj-prokuratury>

5. Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М., 1989.

6. Постановление ЦИК СССР № 84, СНК СССР № 2621 от 17.12.1933 г. «Положение о прокуратуре Союза ССР» // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=31115#jijMJ2uSwTLDbXnzQ1>

7. Российское законодательство X - XX веков. Т. 4. - М., 1986.

8. Салмина С. Ю. Проблемы становления органов советской прокуратуры // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2005. № 8 (48).

9. Синельщиков Ю.П. Влияние судебной реформы 1864 г. на современное состояние прокуратуры / Ю.П. Синельщиков // Законность. – 2014. – № 11. – С. 3-8.

Сведения об авторе:

Скворцова Мария Александровна – студентка Балашовского института федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»; m.skvortsovaa@yandex.ru.

Научный руководитель – Юмашева Т.А., к. п. н., доц., доцент кафедры истории, Балашовского института федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Штыхлин М.П.

НЕКОТОРЫЕ ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 205.2 УК РФ

***Аннотация:** Статья посвящена детальному анализу состава преступления, предусмотренного статьёй 205.2 уголовного кодекса Российской Федерации. Автор указывает на некоторые проблемы юридической техники конструирования вышеуказанной статьи, указывает на необходимость внесения изменений и предлагает конкретное решение выявленных проблем.*

***Ключевые слова:** уголовное право, преступления против общественной безопасности, терроризм.*

Терроризм стоит в числе наиболее воспроизводимых негативных явлений в современной действительности. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации одним из источников угроз государственной и общественной безопасности называет деятельность террористических и экстремистских организаций, направленную на насильственное изменение конституционного строя РФ, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры РФ [1].

Так, по данным статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2019 год было зарегистрировано 1806 преступлений террористического характера, за 2020 год 2342 преступления террористического характера, а по состоянию на ноябрь 2021 года – 2027 преступлений террористического характера. После пиковых значений 2020 года, тем не менее, не наблюдается тенденция на сокращения такого рода преступлений. За 11 месяцев 2021 года зарегистрировано на 221 преступление больше, чем за весь 2019 год [1].

Понимая всю полноту общественной опасности такого рода деяний, государство в лице законодателя криминализует всевозможные аспекты проявления террористической деятельности, и, в частности, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма. Данные деяния наказуемы по статье 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [10].

Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за весь 2019 год по части 1 статьи 205.2 УК РФ было осуждено 46 лиц, по части 2 статьи 205.2 УК РФ – 57 лиц; за весь 2020 год по части 1 статьи 205.2 УК РФ было осуждено 36 лиц, а по части 2 статьи 205 УК РФ – 111 лиц; за первое полугодие 2021 года по части 1 статьи 205.2 УК РФ было осуждено 13 лиц, а по части 2 статьи 205.2 УК РФ – 64 лица. Опять же налицо тенденция к возрастанию такого рода деяний, что особо актуализирует вопросы по превенции, выявлению, раскрытию и предотвращению рецидивов деяний, предусмотренных статьёй 205.2 УК РФ [2].

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного статьёй 205.2 УК РФ выражена в совершении альтернативных действий: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, пропаганда терроризма.

Согласно пункту 18 Постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях

террористической направленности» (далее – ПП ВС), под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности в статье 205.2 УК РФ следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности, то есть к совершению преступлений, предусмотренных статьями 205 - 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ [5].

Согласно примечанию 1 к статье 205.2 УК РФ, под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

А согласно примечанию 1.1 к статье 205.2 УК РФ, под пропагандой терроризма понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности.

Интересно, что раскрытие содержания «публичных призывов» содержится в ПП ВС, а «публичное оправдание» и «пропаганда» в примечаниях к статье 205.2 УК РФ, что не совсем правильно с точки зрения юридической техники конструирования составов преступлений.

Несколько призывов, совершенных в непродолжительное время, объединенных единым умыслом, квалифицируется как единое продолжаемое преступление. В то же время, как отмечается в юридической литературе, не по всем статьям УК РФ, наказывающим за преступления, совершаемые путем каких-либо высказываний, применяется это правило [6, с. 114].

Субъектом преступления, предусмотренного статьёй 205.2 является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, соответственно субъект – общий.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного статьёй 205.2 УК РФ, содержит один обязательный признак – вину в форме прямого умысла. Данный тезис не вызывает споров среди исследователей и согласуется со сложившимися в доктрине отечественного уголовного права представлениями о невозможности совершения с косвенным умыслом преступлений, объективная сторона которых не содержит таких признаков, как последствие и причинная связь [9, с. 35].

Статья 205.2 затрагивает конституционные права человека, а именно право на свободу мысли слова. Мы, безусловно понимаем, что свобода слова не абсолютное право, и может быть ограничено законодательством Российской Федерации. Но, тем не менее, не нужно допускать перегибов в этом самом ограничении прав. Если лицо действительно оправдывает терроризм или призывает к осуществлению террористической деятельности, оно нарушает охраняемые уголовным законом интересы и это имеет общественную опасность.

Так, например, Абдрахманов совершил публичный призыв к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма при следующих обстоятельствах.

Примерно с января 2011 года и до своего задержания в январе 2013 года, Абдрахманов, признавая правильными и нуждающимися в поддержке и подражании идеологию и практику терроризма, осознавая общественную опасность и противоправность своих действий, преследуя цель побудить окружающих к осуществлению террористической деятельности и во вступление в вооруженные формирования, не предусмотренные федеральным законом, в общественных местах, т.е. в мечетях, расположенных в Урус-Мартановском районе Чеченской Республики, а также на самой улице, публично, в присутствии одновременно четырех человек, при этом предполагая, что его могут слышать и другие прихожане мечети и жители указанного населенного пункта, находящиеся рядом, оправдывал терроризм и действия участников НВФ, призывал к осуществлению террористической деятельности, а именно, призывал с оружием в руках совершать «джихад», то есть физическое уничтожение лиц, не исповедующих ислам, а также демонстрировал со своего мобильного телефона видеоролики боевых действий и с призывами к «джихаду» [7].

Так же остаются вопросы к точности формулирования, в частности, «пропаганды терроризма» в примечании к статье 205.2 УК РФ.

Суды и сами не всегда понимают, где имеет место пропаганда терроризма, а где её нет.

Так, один из случаев попал в Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

По приговору Дальневосточного окружного военного суда от 4 июня 2018 г. С. осужден по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ за публичные призывы 11, 14 и 16 мая 2018 г. к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети "Интернет".

При этом суд исключил из обвинения С. по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ пропаганду терроризма.

Исключая из обвинения С. пропаганду терроризма, суд первой инстанции исходил из того, что действия осужденного не носили системного характера.

По делу установлено, что 11, 14 и 16 мая 2018 г. С. разместил для всеобщего просмотра в социальной сети "ВКонтакте" на своей персональной странице различные изображения, фотографии, публикации и свои комментарии к ним, в которых, по заключению экспертов, имеются психологические и лингвистические приемы, побуждающие к насильственным действиям (совершению взрывов, то есть террористических актов) в отношении людей, не исповедующих ислам, а во втором комментарии - также признаки обоснования и оправдания террористических действий (вооруженного джихада, в том числе в составе международной террористической организации) как правильных, нуждающихся в поддержке и подражании.

Эксперты, кроме того, установили, что в материале второго комментария утверждается сверхзначимость идеи стремления к смерти мусульман, содержится позитивная оценка мусульман, погибших на джихаде, пропагандируется ценность роли шахида, содержится негативная оценка немусульман, говорится о сверхценности идей борьбы против "неверных" и о необходимости воспитания детей в традициях этой борьбы.

Таким образом, изложенные в приговоре действия С., форма и содержание размещенных им в сети "Интернет" в свободном доступе публикаций, направленность его умысла на распространение материалов террористического характера, показания свидетелей об интересах и взглядах С., связанных с террористической деятельностью, в совокупности свидетельствуют о том, что он не только совершил публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, но и осуществил деятельность по распространению материалов, направленных на формирование идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности, то есть совершил пропаганду терроризма [4].

Нам представляется, что статья 205.2 УК РФ должна быть изменена. В частности, необходимо пересмотреть основания для признания лица виновным в данном преступлении. Потому что на данный момент определение, указанное в примечании к этой статье, выглядит абстрактным, и создаёт почву для не всегда обоснованного уголовного преследования.

Так, можно привести пример небезызвестного дела псковской журналистки Светланы Прокопьевой. Судья признал журналистку виновной в том, что она совершила «оправдание терроризма», в 2018 году зачитав в эфире «Эха Москвы в Пскове», а затем опубликовав на сайте издания «Псковская лента новостей» текст о вероятных мотивах подростка Михаила Ж., который взорвал себя в здании УФСБ по Архангельской области. Прокопьева связала теракт с «репрессивным» поведением государства по отношению к гражданам, со сфабрикованными уголовными делами и невозможностью россиян законно отстоять свои права [8].

Считаем недопустимым наказывать за высказывания и публикации, в которых анализируются лишь причины совершения террористических актов. Объяснение мотивов деятельности террористов, указание на вынужденность таких действий, положительные оценки личности террористов, а не их действий не образуют оправдания терроризма. Данное правило, по нашему мнению, необходимо закрепить в примечании к статье 205.2 УК РФ.

Также оценивая объективную сторону преступления, предусмотренного статьёй 205.2 УК РФ, становится понятным, что законодатель в части первой перечислил фактически три разных деяния, при этом установив идентичную дифференциацию ответственности за их совершение. На наш взгляд, такой подход не совсем правильный, ведь налицо нарушение юридической техники. Теоретически можно было бы и деяние из части второй рассматриваемой статьи поместить в часть первую, установив повышенную ответственность без изменения нижнего порога санкции. Поэтому считаем необходимым, внести изменения в состав преступления, предусмотренный статьёй 205.2 УК РФ, выделив в отдельные части деяния в виде «публичного оправдания терроризма», как наименее общественно опасного, «публичных призывов к осуществлению террористической деятельности» как более общественно опасного деяния, и «пропаганду терроризма» как наиболее общественно опасное деяние. При осуществлении оправдания терроризма не осуществляется воздействие на третьих лиц, фактически высказывается своя субъективная точка зрения, с которой не призывают соглашаться, поэтому именно «оправдание терроризма» мы считаем наименее общественно опасным деянием.

Интересным представляется подход, сформулированный в научном проекте уголовного кодекса Российской Федерации под руководством профессора Н.А. Лопашенко, которая в качестве квалифицирующего признака выделяет «использование своего служебного положения» [3, с. 253].

Действительно, если лицо использует своё служебное положение осуществляет такие деяния, то это «бросает тень» не только на это лицо, но и государство в целом, заставляя граждан сомневаться в компетентности должностных лиц государства.

Исходя из всего вышесказанного, предлагаем внесение следующих изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации:

1) в статье 205.2

а) изменить название статьи следующим образом: «Публичное оправдание терроризма, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, пропаганда терроризма»;

б) в части первой исключить слова: «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности», «пропаганда терроризма», дополнив после слов: «публичное оправдание терроризма» словами следующего содержания: «а именно публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании – »

в) в санкции части первой изменить слова: «до пятисот тысяч» на слова следующего содержания: «до двухсот тысяч», слова «за период до трёх лет» на слова следующего содержания: «за период до одного года», слова: «на срок от двух до пяти лет» на слова следующего содержания: «до трёх лет»;

г) дополнить частью 1.1 следующего содержания:

«1.1. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, а именно выраженные в любой форме обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности, то есть к совершению преступлений, предусмотренных статьями 205 - 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 Настоящего кодекса –

наказываются штрафом в размере от двухсот тысяч до трёхсот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет либо лишением свободы на срок до четырёх лет»;

д) дополнить частью 1.2 следующего содержания:

«1.2. Пропаганда терроризма, а именно деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности – наказывается штрафом в размере от трёхсот тысяч до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трёх лет либо лишением свободы на срок до пяти лет»;

е) часть вторую изложить следующим образом:

«2. Деяния, предусмотренные частями 1, 1.1, 1.2 настоящей статьи, совершённые:

а) лицом с использованием своего служебного положения;

б) совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет" – наказываются штрафом в размере от пятиста тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет либо лишением свободы на срок от пяти до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.»

ж) примечание 1 исключить;

з) примечание 1.1 исключить;

и) дополнить примечанием 1 следующего содержания: «Не может рассматриваться как оправдание терроризма высказывания, в которых анализируются причины совершения преступлений террористического характера, объяснение мотивов деятельности. Положительные оценки личности лиц, совершивших преступления террористического характера, а не их преступлений, не могут рассматриваться как оправдание терроризма»;

к) изложить статью 205.2 в следующей редакции:

Статья 205.2 Публичное оправдание терроризма, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, пропаганда терроризма

1. Публичное оправдание терроризма, а именно публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании –

наказываются штрафом в размере от ста тысяч до двухсот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного лет либо лишением свободы на срок до трёх лет.

1.1 Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, а именно выраженные в любой форме обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности, то есть к совершению преступлений, предусмотренных статьями 205 - 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 Настоящего кодекса –

наказываются штрафом в размере от двухсот тысяч до трёхсот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет либо лишением свободы на срок до четырёх лет.

1.2 Пропаганда терроризма, а именно деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности – наказывается штрафом в размере от трёхсот тысяч до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трёх лет либо лишением свободы на срок до пяти лет.

2. Деяния, предусмотренные частями 1, 1.1, 1.2 настоящей статьи, совершённые:

а) лицом с использованием своего служебного положения;

б) совершённые с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет" –

наказываются штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет либо лишением свободы на срок от пяти до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Примечания. 1. Не могут рассматриваться как оправдание терроризма высказывания, в которых анализируются причины совершения преступлений террористического характера, объяснение мотивов деятельности. Положительные оценки личности лиц, совершивших преступления террористического характера, а не их преступлений, не могут рассматриваться как оправдание терроризма.

2. В настоящей статье под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205 - 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 настоящего Кодекса.

Таким образом, нами был проведён анализ состава преступления, предусмотренного статьёй 205.2 УК РФ, выявлены проблемные вопросы как теоретического характера в виде нарушения юридической техники и концепции построения правовых норм в УК РФ, так и практические нюансы, выражающиеся в неоднозначном толковании судами терминов «публичное оправдание терроризма», «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности», «пропаганда терроризма», а так же возможности для достаточно «широкого» поля квалификации деяний по рассматриваемой статье.

Нами предложены конкретные пути совершенствования состава преступления, предусмотренного статьёй 205.2 УК РФ, которые, по нашему мнению, должны способствовать более эффективному правоприменению, либерализации уголовного законодательства, но без особых перегибов, соблюдению баланса частных и публичных интересов, устранения излишне репрессивных и «широких» формулировок, единообразию дальнейшей судебной практики.

А учитывая особую актуальность террористической угрозы и взятый государством курс на минимизацию всевозможных её проявлений, наши предложения могут иметь особую ценность.

Список использованных источников:

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 31.12.2021).

2. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 01.01.2022).

3. Лопашенко Н.А. Уголовный кодекс российской Федерации (научный проект): авторский комментарий / Н.А. Лопашенко, Р.О. Долотов, Е.В. Кобзева и др. М., 2019. – 320 с.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – № 10. – 2020.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 4.

6. Пошелов П.В. К вопросу о дефектах юридической техники в отдельных составах преступлений экстремистской направленности // Проблемы становления гражданского общества: сборник статей VII Международной научной студенческой конференции. – Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. – Иркутск, 2019. – С. 112-115.
7. Приговор Верховного Суда Чеченской Республики по делу № 2–24/2013 от 24 января 2014 г. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/o4cRjjRCuVrT/> (дата обращения: 17.11.2019).
8. «Суд приговорил журналистку Прокопьеву за «оправдание терроризма» // URL: <https://www.rbc.ru/society/06/07/2020/5f02ab159a79474bbc5eaff0> (дата обращения: 05.01.2022).
9. Тарбагаев А. Н. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации / А.Н. Тарбагаев, Г.Л. Москалев // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2016. – № 2. – С. 28 – 39.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. ФЗ от 01.07.2021 № 293-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; www.pravo.gov.ru 01 июля 2021 г.
11. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2021. – № 27(часть II). – Ст. 5351; www.pravo.gov.ru 03 июля 2021 г.

Сведения об авторе:

Штыхлин Максим Павлович – студент Частного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский юридический университет»; mister_1947@mail.ru

Научный руководитель – Пошелов Павел Викторович, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет»

Шматко Д.А.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СУДА И СТЕПЕНЬ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ

***Аннотация:** Российское юридическое сообщество уже не первый год ведет дискуссии о том, как следует относиться к фигуре судьи в рамках разрешения того либо иного уголовного дела (в частности – наделен ли суд самостоятельными полномочиями в рамках дел или такие инструменты предоставлены только для оказания содействия непосредственным сторонам и т.д.). Настоящая статья посвящена изучению роли суда в доказывании и выяснению объема т.н. необходимой самостоятельности судебного органа для правильного разрешения дел.*

***Ключевые слова:** уголовно-процессуальное право, уголовное судопроизводство, принципы, состязательность, суды общей юрисдикции.*

Как известно, длительный характер формирования российской судебной системы с самых истоков породил большое количество правовых коллизий из-за принятия разрозненных между собой изменений, регулирующих частноправовые ситуации в отрыве от основного исторического контекста. Одним из таких изменений, давших ответ на большое количество волновавших на тот момент ученых-правоведов вопросов, выступила судебная реформа 1864 г., закрепившая передовые на тот момент модели отправления правосудия. В дальнейшем дополненная уставом 1864 г., она установила такие фундаментальные принципы, которые применяются до сих пор (в рамках современного судопроизводства), в частности – принципы гласности, устности, равенства сторон, презумпцию невиновности и т.д.

Внесенные поправки позволили избавиться от характерного тому времени «инквизиционного стиля» делопроизводства (оперирующего императивными установками), заменив его на смешанный (основанный на свободе оценки судом доказательств, рассмотренных в открытых судебных заседаниях). Несмотря на то, что такая свобода хотя и сместила часть бремени доказывания на сами стороны, она же позволила задействовать суд в качестве одного из наиболее активных участников разбирательства.

В большинстве своем, основным объемом процессуальной нагрузки обременены лица, осуществляющие предварительное расследование (в силу наличия у них наибольших властных полномочий): они собирают доказательства, дают их первичную оценку, акцентируют на тех либо иных обстоятельствах дела и т.д.

Хотя в статье 15 действующей редакции УПК РФ [1] предусмотрено действие принципа состязательности в течение всего процесса производства по делу, большая его часть приходится

именно на судебные стадии (по мнению ряда ученых, реализация такого принципа во всей своей полноте достигается с момента допуска адвоката) [2, С.165].

Из буквального толкования вышеприведенной статьи УПК РФ можно сделать вывод, что перед судьей (представителем государства, уполномоченным на официальное отправление правосудия) стоит задача лишь в создании необходимых условий для сторон с целью свободы реализации своих процессуальных прав последними.

Однако здесь следует отметить, что указанная норма не презюмирует пассивность суда (хотя такая модель и представлена в англосаксонской системе, но отсутствует в уголовном процессе континентальной Европы).

В пользу вышеуказанной позиции выступает тот аргумент, что в предварительном расследовании англосаксонской системы (в отличие от, в частности, отечественной) состязательность представлена в ее крайней форме, когда большая часть бремени доказывания лежит именно на сторонах, а полномочия государственных служащих, занятых расследованием, сильно законодательно ограничены. В таком случае для рассмотрения судом предоставляются, по большей части, не материалы дела как такового, а аргументированные позиции каждой из сторон (обвинения и защиты соответственно). После этого суду остается лишь определить, чья позиция в большей степени соответствует обстоятельствам дела. Именно указанное обстоятельство и свидетельствует о пассивности суда в англосаксонской модели.

Но как же тогда устроена отечественная уголовно-правовая модель? Здесь следует выделить тот факт, что предварительное следствие в РФ (по аналогии даже с французским подходом объединения функций следователя/дознателя и судьи в одном процессуальном участнике) не является состязательным. По сути, именно следователь либо иное осуществляющее расследование должностное лицо обязано выделить все обстоятельства, требующие доказывания, найти доказательства, отвечающие установленным законом свойствам, их процессуально закрепить и дать оценку (а также вынести обвинительный акт/заключение и т.д., которое, по сути, в некоторой части является проектом будущего судебного решения).

В результате, учитывая законодательное закрепление принципов гласности, устности, состязательности, равноправия сторон и презумпции невиновности в действующем УПК РФ, можно сказать именно об отсутствии пассивного характера участия судьи в сборе, проверке и оценке доказательств по делу: так, в той же статье 15 Уголовно-процессуального кодекса прямо выделен такой самостоятельный субъект доказывания, как суд.

Из вышеуказанных тезисов возникает вопрос: каков же тогда объем необходимой для правильного разрешения дела процессуальной деятельности (свободы) судьи? Какими именно действиями она должна выражаться, чтобы не входить в конфликт с установленный законом порядок делопроизводства?

Некоторые достаточно известные ученые в области уголовного процесса неоднократно писали о том, что в современном уголовном процессе суд не должен собирать доказательства по собственной инициативе, поскольку считает эту деятельность «заполнением пробелов», недостатков полноты проведенного предварительного расследования.

Однако в научной литературе существуют и другие точки зрения на этот вопрос. Некоторые авторы утверждают, что суд является субъектом собирания доказательств, независимо от того, выполняет ли он определенные запросы сторон о получении информации или выполняет конкретные судебные действия, направленные на получение доказательств, которые он осуществляет по собственной инициативе [3, С.132].

Суд (по сути – основной участник уголовного процесса), как уже было указано ранее, создает все необходимые условия для реализации процессуальных полномочий сторон и осуществления возложенных на них прав и обязанностей, а также судья принимает все необходимые меры для обеспечения справедливости и равенства сторон.

Далее – согласно российскому уголовно-процессуальному законодательству, суд не вправе зачитывать показания обвиняемого, сделанные на предварительном следствии или в суде по собственной инициативе (ст.276 ч.1 УПК). При этом в УПК не упоминается право суда вызывать свидетелей по собственной инициативе (ст.278 ч.3 УПК) и/или исследовать вещественные доказательства (ст.284 ч.1 УПК), а возможности суда огласить показания свидетеля или потерпевшего, данные в ходе предварительного следствия или в суде, ограничены (ст.281 ч.2 УПК).

Тем не менее, функция правосудия в уголовном процессе предполагает право суда по собственной инициативе собирать доказательства для проверки доводов и доказательств сторон. Закон прямо предусматривает право суда собирать доказательства (ст.86 ч.1 УПК), назначать судебную

экспертизу по собственной инициативе (ст.283 ч.1 УПК), оглашать протоколы следственных действий и другие документы (ст.285 ч.1 УПК), возобновлять судебное следствие, если в ходе прений сторон будут сообщены новые обстоятельства дела (ст.294 УПК).

Цели деятельности суда определены также в Определении Конституционного Суда РФ от 20.11.2003 № 451-О: «осуществление судом функции правосудия в уголовном процессе публичного характера означает, что он юридически уполномочен исследовать и оценивать относимость, допустимость и достоверность доказательств, представленных сторонами обвинения и защиты, как путем установления их источников, так и путем их сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле или представленными сторонами в судебном разбирательстве» [4].

В частности, речь идет о полномочиях суда, рассматривающего уголовное дело, по собственной инициативе или по указанию апелляционного суда назначить повторную экспертизу для устранения сомнений в обоснованности предыдущей экспертизы и разрешения противоречий в сделанных выводах.

Суд применяет норму права, поэтому, помимо полномочий по установлению фактов дела, он должен обладать свободой квалифицировать в законе события, которые он установил. Как указано в постановлении Конституционного суда от 02.07.2013 № 16-П: «рассмотрение судом находящихся в его производстве дел означает, что он имеет возможность самостоятельно, независимо от воли других лиц, оценить обстоятельства конкретного дела по своему внутреннему убеждению, не вмешиваясь в функцию обвинения, и выбрать правовую норму для применения, а также обязанность вынести на этой основе справедливое решение по делу с соблюдением процедуры, гарантирующей реализацию процессуальных прав участников процесса» [5].

При осуществлении судом функции разрешения уголовного дела и создания необходимых условий для реализации полномочий сторон существенным положением является соотношение повышенной роли суда в сфере доказывания по уголовным делам с функциями и полномочиями, осуществляемыми им в уголовном процессе. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве, несмотря на законодательное определение роли суда как пассивной, суд является активным, ему предоставлена возможность участвовать в собирании доказательств наравне с участниками уголовного судопроизводства (ст.86-88 УПК РФ). Государство обязано обеспечить эффективное расследование для выявления виновных, тем самым обязывая суд провести эффективное судебное расследование для выявления и наказания виновных. Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает, что участники процесса наделены правами по осуществлению своих процессуальных функций, а суд при состязательной форме уголовного процесса собирает, исследует и оценивает доказательства как по собственной инициативе, так и по ходатайству сторон.

Сбор доказательств судом по собственной инициативе не противоречит принципу состязательности, поскольку стороны имеют право возражать против действий суда, комментировать их и оспаривать собранные судом доказательства. Решение суда в целях осуществления правосудия и на основании вышеуказанных норм УПК РФ об истребовании доказательств, предназначенных для проверки уже имеющихся в материалах дела доказательств, не препятствует сторонам обвинения и защиты использовать все предусмотренные законом средства для защиты своих интересов в суде, в том числе возражать против получения и рассмотрения таких доказательств в судебном заседании или оспаривать их допустимость. В этом случае суд не освобождается от обязанности рассмотреть доводы сторон и, если у него есть сомнения в допустимости и достоверности полученных им или представленных сторонами доказательств, отклонить их.

Кроме того, следует отметить, что суд в своей работе не принимает чью-либо сторону; функции суда направлены на вынесение законного, обоснованного и справедливого решения.

Рассмотрев различные точки зрения по этому вопросу, можно сделать вывод, что т.н. «судебный активизм» – это самостоятельное активное использование судом полномочий, возложенных на него законом. Согласно статье 15 УПК РФ, суд не должен выступать на стороне обвинения или на стороне защиты, он должен выполнять функции, возложенные на него государством. Но при этом активность сторон основана на их процессуальных интересах, и поэтому, когда сторона не проявляет активности только потому, что такая активность не отвечала бы процессуальным целям этой стороны, суд не должен оставаться пассивным в этом деле.

Но по российскому законодательству суд должен действовать только в соответствии с предоставленными ему полномочиями. В странах с англосаксонской правовой системой суд имеет право активно исследовать доказательства, в том числе путем запроса новых доказательств.

В США (хотя систему страны относят к классической по состязательному типу уголовного процесса) судья имеет право вызывать и допрашивать дополнительных свидетелей, экспертов,

назначать экспертизы по собственной инициативе. Такая мера «судебного активизма» не противоречит принципу состязательности. Однако пассивность суда в строгом смысле слова, когда он рассматривает уголовное дело, используя только доказательства, полученные от сторон, может привести к вынесению незаконного приговора, поскольку не будет установлено достоверное событие преступления и, следовательно, не будет установлена вина обвиняемого [5, С.11-12].

Суд является самостоятельным и полноправным субъектом доказывания, уполномоченным исследовать и оценивать доказательства, обладающим специфической деятельностью в процессе доказывания. Исходя из практики рассмотрения уголовных дел, около 7% доказательств получают в ходе судебного процесса непосредственно из суда. Как указывалось ранее, суд, в соответствии с законом, не должен принимать чью-либо сторону в процессе доказывания, но должен иметь больше процессуальных полномочий для проверки обоснованности обвинений путем сбора доказательств по собственной инициативе. Поскольку судья может вынести обвинительный приговор, будь то в общем или особом производстве, только если он придет к выводу, что обвинение обоснованно и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу.

Список цитируемой литературы:

- 1) Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Парламентская газета.- №241-242.- 22.12.2001.
- 2) Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // СПб: 2018.- №5.- С.165.
- 3) Гриненко А.В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадия // Воронеж.- 2021.- С.132.
- 4) Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2003 № 451-О // СПС «Консультант-Плюс».
- 5) Постановление Конституционного суда от 02.07.2013 № 16-П // СПС «Консультант-Плюс».
- 6) Лавдаренко Л.И. Принципы уголовного судопроизводства: проблема иерархии и конкуренции между ними // М.: 2017.- №11.- С.11-12.

Сведения об авторе:

Шматко Давид Андреевич – студент юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; 1281491@bsu.edu.ru

Научный руководитель – Лукьянчикова Е.Ф., к.ю.н, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

РАЗДЕЛ II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Летуга Т.В.

ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ИСТОЧНИКОВ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: В статье проводится анализ отечественного нормативно-правового регулирования ответственности за вред, причинённый вследствие эксплуатации источников повышенной опасности с момента закрепления отдельных норм о возмещении вреда владельцем железнодорожного транспорта в XIX веке. Акцентируется внимание на особенностях эксплуатации объектов, управляемых искусственным интеллектом, а также на фактическом повышении уровня социальной, позитивной ответственности участников обязательственных отношений, вызванных цифровизацией.

Ключевые слова: деликтная ответственность, источник повышенной опасности, ответственность без вины, железнодорожный транспорт, гражданское законодательство.

Промышленные революции в Российской Империи и связанные с ними индустриализация производства, появление железных дорог способствовали быстрому экономическому росту и применению новых категорий в гражданском праве. Зарождение правовой науки об источниках повышенной опасности (далее по тексту – источниках ПО) связывается в нашей стране с развитием железнодорожного транспорта (XIX век). В дальнейшем проблемы деликтной ответственности владельцев источников ПО нашли свое отражение в многочисленных работах советских и современных исследователей [2, 4, 14]. Обобщенно главным камнем преткновения остался вопрос о перечне объектов или деятельности, относимых теорией и судебной практикой к числу источников ПО, поскольку от этого в целом зависит возможность применения к их владельцам повышенной (безвиновной) деликтной ответственности. Нерешенность обозначенной проблемы в современное время с развитием цифровизации привела к ещё более неразрешимым противоречиям. Цифровая трансформация, провозглашаемая в качестве одной из национальных целей в Указе Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», предполагает, кроме прочего, разработку программного обеспечения с задействованием технологий искусственного интеллекта. Постепенное расширение сферы применения систем искусственного интеллекта в XXI в., подобно развитию железнодорожного транспорта в XIX в., требует соответствующих изменений в институте деликтной ответственности, учитывающих особенности новых объектов права.

Деликтная ответственность предполагает возмещение вреда, причинённого при эксплуатации источников ПО, т.е. объектов, не поддающихся полному контролю со стороны человека, способных причинить существенный вред жизни, здоровью, имуществу. По данным ВОЗ и Росстата дорожно-транспортные происшествия (случаи причинения вреда при эксплуатации только одного вида источников ПО – автомобиля) относятся к ведущим причинам смертности в мире [18]. Предполагается, что в будущем транспортные средства, управляемые системами искусственного интеллекта, будут использоваться на дорогах общего пользования. При этом аварийность от внедрения таких систем снизится на 79% [16]. Данный процент видимо рассчитан без учета внешних факторов, к которым мы отнесём поведение потенциальных потерпевших: пассажиров, пешеходов, клиентов, т.е. тех лиц, которые пользуются услугами механизированного транспорта (в будущем – полностью автоматизированного) или являются самостоятельными участниками дорожного движения. Для того, чтобы сформулировать основные, требующие своего разрешения вопросы, проанализируем историю развития института деликтной ответственности владельцев источников ПО.

Согласно ст. 92 Общего Устава российских железных дорог от 12.06.1885 г. железная дорога была обязана вознаградить каждого потерпевшего, кому был причинён вред жизни или здоровью эксплуатацией железной дороги на основании ст. 683 Свода законов Гражданских [8]. Последнее положение устанавливало правило о том, что владельцы опасных предприятий несли ответственность за вину (ст. 683, т. 10) [11].

В своде кассационных положений по вопросам русского гражданского права также содержались отсылки к решениям правоприменительных органов, демонстрирующих возложение ответственности на владельцев источников ПО только в случае их виновного поведения. Так, согласно

решению гражданского департамента 1871 г. за убытки, причинённые повреждением парохода (за аварию) ответственность падает на виновника такого повреждения [9, с. 1]. Соответственно условиями возникновения деликтной ответственности служили четыре основания: вред, деяния, причинная связь между деяниями и наступившим вредом, вина. Наличие данных оснований характерно и для других деликтов, охватываемых понятием генерального деликта, т.е. общим правилом о компенсации любого вреда, причинённого незаконными деяниями. Поэтому на начальном этапе закрепления в российском праве и законодательстве института ответственности владельцев источников ПО правила об основаниях привлечения к ответственности были аналогичными другим видам деликтов. Несмотря на это, особый статус владельца источника ПО, как лица, чья деятельность по эксплуатации опасных объектов санкционирована государством (разрешение на эксплуатацию, соответствующие права на управление), все же прослеживался в решениях 1902 и 1905 годов, не свойственных для других категорий деликтных споров. Так, например, машинист поезда, потерпевшего крушение был вправе получить вознаграждение и тогда, когда крушение произошло по его вине, за которую он приговорён к уголовному наказанию; в другом деле жена потерпевшего, получившего полную утрату умственных способностей при крушении поезда получила вознаграждение за утрату мужем здоровья [9, с. 562]. Поэтому практика правоприменения учитывала особое значение источников ПО как объектов, действия которых чрезмерно вредоносны и позволяла компенсировать моральный вред родственникам потерпевшего и вред лицу, фактически виновному в аварии. В последнем случае использовалось понятие смешанной ответственности, когда вина потерпевшего соизмеряется с виной причинителя вреда [13, с. 63].

Повышенная ответственность владельцев источников ПО была введена ГК РСФСР 1922 г. в ст. 404, где указывалось, что они несут ответственность если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла, или грубой небрежности потерпевшего [6, с. 247-267]. Подобная трактовка была сохранена и в ГК РСФСР от 11.06.1964 г. в ст. 454 и в современном ГК РФ в ст. 1079 (исключена грубая неосторожность из оснований для освобождения от ответственности из текста статьи об ответственности владельцев источников ПО). Повышение степени ответственности было вызвано необходимостью гуманизации гражданского права, выравнивания положения «слабой» и «сильной» стороны деликтных обязательств, которыми соответственно выступают потерпевший и причинитель вреда.

При рассмотрении судами каждого конкретного дела учитываются все обстоятельства, отражающие поведение сторон в момент причинения вреда, а также причины и условия совершения вредоносных действий. В 1988 г. белорусский цивилист Ф.И. Гавзе отмечал, что при применении норм об ответственности владельцев источников ПО необходимо учитывать такой фактор как конкретная обстановка, в которой причинён вред. При раскрытии понятия «конкретная обстановка» Ф.И. Гавзе описывал ситуацию, в которой важны степень ориентировки в окружающей среде потерпевшего, его возраст, занятия, физическое и психическое состояние [5, с. 19]. Он настаивал на трансформации общих требований в ситуационные (конкретные, в зависимости от личности потерпевшего, его особенностей) в определённых случаях, например, при переходе на красный свет пожилого человека из деревни, впервые попавшего в город, и переходе городского жителя средних лет на красный свет светофора. И в том, и в другом примере существуют формальные признаки наличия вины в действиях потерпевшего, которые согласно ст. 1083 ГК РФ при причинении вреда жизни, здоровью влекут уменьшение размера компенсации. Но в двух указанных случаях белорусский цивилист полагал необходимо индивидуализировать подход к определению виновности потерпевшего и, представляется, имел в виду, что освобождение от ответственности владельца источника ПО или уменьшение размера возмещения вреда пожилому человеку в указанном примере было бы не соответствующим общим принципам права.

Следует заметить, что правила дорожного движения и иные правила поведения при использовании источников ПО введены государством не только для охраны прав потерпевших, но и для обеспечения безопасности общества в целом и каждого гражданина в частности. Грубая неосторожность лица может повлечь причинение вреда и владельцу источника ПО, не нарушившему закон, и другим участникам движения. Субъективные причины могли бы учитываться в обществе, где «плотность» использования источников ПО невысока. Однако при значительном приросте и всеобщей механизации и автоматизации окружающей действительности, рассмотрение вопросов индивидуальных особенностей состояния каждого потенциального потерпевшего начинает идти в ущерб понятию справедливости при установлении деликтной ответственности. Например, в 1920 г. в нашей стране насчитывалось около 7 тыс. автомобилей [10]. В 1991 году в РСФСР легковых автомобилей было зарегистрировано 8,9 млн. [19] В 2020 г. их насчитывалось уже 44,5 млн. единиц [20].

Соответственно с ростом механизации и автоматизации должна расти социальная ответственность, позитивная ответственность участников всех процессов, в ходе которых задействованы источники ПО. Как верно заметили С. К. Соломин и Н. Г. Соломина существуют сферы жизни, где вероятность причинения вреда достаточно велика. Вред выступает порождением той обстановки, в которой находился потерпевший [15, с. 95]. Собственно, сам вред может причиняться не в силу каких-либо характеристик владельца источника ПО, его поведения, а в силу свойств источника ПО. В условиях постепенного распространения систем искусственного интеллекта субъекты права всё чаще попадают в условия повышенной вероятности причинения вреда, как объективной действительности «когда каждая из сторон обстановки допускает возможность причинения вреда» [15, с. 97].

К тому же цифровизация ведет к существенному возрастанию степени ответственности и компетентности граждан, как субъектов обязательственных отношений. Традиционно система частного права выстраивалась посредством конструирования правового статуса участников каждого обязательства в зависимости от его функционала и роли в них. Например, в расчетных обязательствах, на банк, как на профессионального субъекта, обладающего соответствующими компетенциями, возлагалась ответственность за осуществление денежных переводов, в том числе за перевод надлежащему субъекту, в необходимый срок, место и надлежащим способом. В условиях цифровизации банк «выбывает» из зоны ответственности, «снимает с себя» обязанность по квалифицированной помощи и обеспечению клиентов правильным движением денежных средств на их счетах, например, в том случае, когда гражданин, нажимая активную ссылку для перечисления денежных средств со своего счета в мобильном приложении банка, ошибается в одной цифре счета получателя. Оставаясь «один на один» с неправильным переводом, гражданин вынужден путем самостоятельных обращений в банк исправить ситуацию. В указанном примере, как и в большинстве цифровых гражданско-правовых отношений, граждане, не наделённые специальными познаниями, вынуждены не только верно и точно выстраивать последовательность своих действий, но и самостоятельно предпринимать меры по защите своих прав. Почему же участники (пешеходы, пассажиры, клиенты) дорожного движения не должны учитывать необходимость строгого соблюдения правил поведения? Позволяя себе безответственно относиться к своему поведению в условиях повышенной опасности, лицо злоупотребляет своими правами в ущерб окружающим. Между тем, область деликтных отношений по сравнению с иными обязательственными отношениями характеризуется травматичностью, физическими и нравственными страданиями и по-видимому, нуждается в проявлении большей степени ответственности всех участников.

Этот вопрос затрагивает и фундаментальную проблему понимания в целом деликтной ответственности как правовой конструкции [17, с. 1124]. Согласно работе зарубежных исследователей зачастую деликтная ответственность связана с неудачей, чем с незаконным поведением и «плохим» характером причинителя вреда. В самом деле далеко не все случаи противоправного поведения на дорогах приводят к дорожно-транспортным происшествиям. Лишь определённое количество владельцев источников ПО попадают в ситуации, в которых причиняется вред. И гражданское право не нацелено на поиск и наказание нарушителей (в рассматриваемых примерах – нарушителей правил дорожного движения). Оно предоставляет возможность справедливого распределения убытков, а не «возмещения ущерба» в качестве кары [17, с. 1148]. Именно поэтому прагматичный ответ на вопрос о том, на кого можно возложить бремя несения ответственности, не связан с тем, кто совершил правонарушение, а более с тем, на кого можно возложить обязанность оплатить убытки исходя из эффективности и справедливости. По этому поводу С. С. Алексеев ещё в XX веке писал, что требуется: «...постоянно принципиально различать ответственность в уголовном праве и ответственность в гражданском праве...», в области гражданского права решающую роль играют отношения, складывающиеся на базе имущественной обособленности их участников [1, с. 470]. Исходя из указанных рассуждений, приходится признать, что в современном мире, когда уровень автоматизации постепенно возрастает и автономность источников ПО в ближайшем будущем позволит совершать действия независимо от воли владельца источника ПО, сохранение повышенной деликтной ответственности во всех случаях для владельцев источников ПО не соответствует требованиям времени. Необходимо установление особых правил в отношении автономных объектов. Закон не содержит определения источников ПО, имеется лишь общие признаки «повышенная опасность» или, как указывается в юридической литературе, вредоносность и неподконтрольность [3, с. 10]. Среди теоретиков права отсутствует единая точка зрения относительно объектов или действий, которые следует отнести к числу источников ПО. В целом, как пишет В. В. Долинская к таким источникам следует причислять: предметы природы, находящиеся в обладании, использовании или рас-

поражении субъекта права; продукты труда; деятельность по использованию опасных объектов; создающую повышенную опасность для окружающих; связанную с повышенной опасностью для окружающих [7, с. 56]. Представляется, что системы искусственного интеллекта невозможно отнести к числу известных источников ПО, поскольку для них, в связи с неуклонным прогрессом науки и техники, будет свойственна всё большая автономность и способность совершения юридически значимых действий помимо (а может быть и вопреки) воли их владельца. Поэтому конструкция повышенной ответственности для владельцев источников ПО должна подвергаться изменениям. Действия, предпринимаемые искусственным интеллектом, уже не будут зависеть столько от владельца, сколько от верно заданных алгоритмов работы при программировании, от надёжности защиты от несанкционированных взломов и перепрограммирования. В таком контексте в корне меняются имеющие место с момента зарождения института деликтной ответственности владельцев источников ПО обоснования о возложении ответственности не на номинального, а на действительного владельца источника ПО, когда данный источник находится в оперативном и техническом управлении конкретного лица [12, с. 77]. Нахождение владельца в автономном автомобиле в кресле водителя во время работы автопилота при ДТП не должно расцениваться как легкомыслие или небрежность в фактическом управлении таким объектом.

Таким образом, с одной стороны, современность требует пересмотра правил о надлежащем субъекте деликтной ответственности.

С другой стороны, современные условия развития цифровизации, как было отмечено ранее, обуславливают повышение социальной, позитивной ответственности пешеходов, пассажиров, иных участников деликтных обязательств, соответственно, вызывают необходимость возврата к формулировке, подобной правилу ст. 404 ГК РСФСР 1922 г., содержащей грубую неосторожность в качестве основания для освобождения от ответственности владельца источника ПО в текст нормы ст. 1079 ГК РФ. Данное положение должно распространяться только на источники ПО, отражённые в действующей редакции ст. 1079 ГК РФ.

По итогам исследования сформулируем основные вопросы, требующие своего скорейшего разрешения. Деликтная ответственность владельцев источников повышенной опасности – динамичный институт, наполнение которого зависит от развития новых технологий, поскольку правовая регламентация источников ПО не отвечает современным потребностям. Главными проблемами являются отсутствие в ГК РФ правовой категории, отражающей особые свойства автономных объектов, т.е. объектов практически полностью способных выходить из-под контроля человека и несопоставимое бремя ответственности, налагаемое на владельцев источников ПО в случаях грубой неосторожности иных участников деликтных отношений в условиях возрастающей повышенной опасности окружающей действительности.

Список цитируемой литературы:

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 Т. [+ Справочный том]. Том 1: Гражданское право: Сочинения 1958 – 1970 годов. — М.: изд-во Статут, 2010. — 495 с. О составе гражданского правонарушения // Правоведение. — 1958. — №1. — С. 470.
2. Антимонов Б. С. Гражданская ответственность за вред, причинённый источником повышенной опасности. — М.: Юриздат, 1952. — 295 с.
3. Белякова А. М. Возмещение вреда, причинённого источником повышенной опасности. — М.: изд-во Московского ун-та, 1967. — 57 с.
4. Белякова А. М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. — М.: изд-во Московского университета, 1986. — 149 с.
5. Гавзе Ф. И. Возмещение вреда, причинённого механизированным транспортом. — Минск: Университетское, 1988. — 48с.
6. Гражданский кодекс РСФСР: с алфавитно-предметным указателем. — 6-е изд. — Л.: [Гос. тип. в ар. М. Воловича], 1926. — 272 с.
7. Долинская В. В. Источники повышенной опасности // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2009. — №9. — С. 48-56.
8. Законы гражданские: (Свод законов, т. X, ч. I изд. 1914 г., по прод. 1914 г.) со включением узаконений, последовавших в порядке 87 ст. осн. зак. и разъяснений Правительствующего Сената с 1866 г. по 1 октября 1915 г. / сост. В. Л. Исаченко. — Изд., неофиц. — Петроград: Юридический книжный склад «Право», 1916. — 1085 с.
URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=278432> (дата обращения: 13.11.2021).

9. Исаченко В. Л. Сводъ кассационныхъ положений по вопросамъ русскаго гражданскаго матеріальнаго права за 1866 – 1905 годы. С-Петербургъ: Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8. 1906. — 776 с.
10. История МВД России 1917-1940 гг. 1917 – 1930 гг. // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/history/1917_1940 (дата обращения: 13.11.2021).
11. Каргановъ Г. Н. Статья 683 ч. I т. X Свода Законовъ, исторія и анализъ ея въ связи съ данными для ея пересмотра. С.-Петербургъ. Тип. М. Д. Ломковскаго, Думская улица, д. № 5, 1911. — 166 с.
12. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причинённого источником повышенной опасности. — М.: Изд-во юридическая литература, 1966. — 200 с.
13. Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтныхъ обязательствахъ в советскомъ гражданскомъ праве: учебное пособие. — Ленинград: изд-во Ленинградскаго ун-та, 1983. — 152 с.
14. Соломин С. К., Соломина Н. Г. К вопросу о понятии источника повышенной опасности // Закон. — 2014. — № 12. — С. 82–89.
15. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Возмещение вреда, причинённого источником повышенной опасности. — М.: Изд-во Юстицинформ, 2019. Серия наука. — 140 с.
16. Шадрина Т. Давайте без рук. В России создадут территории для беспилотного вождения // Сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2018/04/15/vladelcy-avtomobilej-bespilotnikov-polu-chat-igoty-i-zashchitu-ot-hakerov.html> (дата обращения: 13.11.2021).
17. John C. P. Goldberg, Benjamin C. Zipursky. Tort Law and moral luck // Cornell Law Review. — 2007. — Volume 92. — Issue 6. — P. 1123-1175.
18. 10 ведущихъ причинъ смерти в мире // Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/the-top-10-causes-of-death> (дата обращения: 13.11.2021).
19. Сколько автомобилей приходилось на 1000 жителей в СССР? // Сайт аналитическаго агентства Автостат. URL: <https://www.autostat.ru/infographics/46910/> (дата обращения: 13.11.2021).
20. Эксперты назвали число автомобилей в России // Сайт газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/978962/2020-02-21/eksperty-nazvali-chislo-avtomobilei-v-rossii> (дата обращения: 13.11.2021).

Сведения об авторе:

Летуга Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административнаго и финансового права, доцент кафедры гражданскаго права и процесса ФГБОУ ВО «Оренбургскаго государственнаго университета», ltv10@mail.ru

Тибец И.С.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ

***Аннотация:** В статье анализируются проблемные вопросы международного усыновления, указываются правовые акты, которыми регулируются данные правоотношения, анализируются проблемные вопросы международного усыновления.*

***Ключевые слова:** дети, семья, правовые проблемы международного усыновления, усыновление иностранными гражданами.*

Проблема международного усыновления является очень актуальной для Беларуси, поскольку количество детей, детей оставшихся без попечения родителей нуждающихся в семье, считается очень высоким, хотя в некоторых случаях понижается, а ведь именно семья имеет играет важную роль в формировании личности ребенка. Международное усыновление также обусловлено тем, что число случаев усыновления за границей детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, уменьшилось с 2012 года по 2018-й. Граждане некоторых стран, например, Великобритании и Канады, вообще перестали усыновлять ребят из Беларуси. Таким образом, зарубежное усыновление в Беларуси уменьшилось в пять раз [2].

основные Когда некоторых иностранный без граждан именно усыновляет усыновление ребенка когда из принципа Беларуси которая между содержит ним и усыновитель ребенком выводы устанавливаются случаях взаимоотношения, гарантии которые важную формируются число нор-

мами некоторых международного понижается частного усыновляемые права. также Отношения материально по слова международному для усыновлению важную возникают, ребенком когда Отношения усыновление правовые гражданина проблемные Беларуси Прежде осуществляется усыновления на контролируется территории основные зарубежного перестали государства и ребенка по правового закону, Беларуси либо, что когда статье усыновитель и ведь усыновляемые основные являются интересах гражданами которые зарубежных проблемныестран.

Можем сделать выводы, что нормативно-правовые акты, которыми контролируется международное усыновление. Прежде всего, это Конвенция ООН «О правах ребенка» 1989 г. [3]. В этой Конвенции содержатся основные принципы правового регулирования международного усыновления. Также значимый смысл имеет Гаагская конвенция о защите детей и партнерстве в области международного усыновления [4], которая содержит материально-правовые нормы, которые устанавливают гарантию того, что усыновление должно осуществляться в интересах детей, детей оставшихся без попечения родителей.

Данные вопросы усыновления и решение вопросов, связанных с усыновлением, содержатся в Европейской конвенции об усыновлении детей 1967 г [5] Для стран СНГ большое значение имеют положения Минской конвенции 1993 г. [1] которая контролирует институт усыновления на территории стран СНГ. В Республики Беларусь главное значение в данной области отведено ст. 165 Семейного кодекса РБ [4]). Порядок усыновления закрепленный для иностранных граждан полностью похож порядку закрепленному для граждан Беларуси.

Первой проблемой является возможность данного контроля за соблюдением прав и интересов детей-сирот, которых усыновили иностранные граждане и органы опеки и попечительства обязаны исполнять функции контроля за критериями жизни усыновленного, соответственно в зарубежных государствах требуется заключение двусторонних соглашений о сотрудничестве иностранными гражданами которых осуществляют усыновление белорусских детей. Вторая проблема — установление достоверности документов, которые демонстрируют иностранные граждане. Речь идет как возможностей полномочий органов, которые выдают подобные справки, поскольку часто это частнопрактикующие врачи или другие негосударственные органы, а также проблема неверных и неточных переводов данных документов.

Третья проблема — запрет работы сторонних организаций на территории Беларуси, поскольку посредническая деятельность при усыновлении запрещена, однако, во многих странах деятельность подобных организаций носит вполне конкретный характер, соответственно, нужен контроль за филиалами этих организаций, открываемых на территории.

Четвертая проблема — возможность отмены заключения по делам усыновления. К примеру, законодательство Италии не принимает отмену усыновления [4].

То есть, даже если решение суда будет отменено, то в зарубежном государстве аналогичное заключение имеет может быть не признано. Представляется, что многие из указанных проблем можно было бы решить методом решения двухсторонних соглашений, в которых будут обговариваться все проблемные вопросы.

Список цитируемой литературы:

1. Усыновите ру // <http://www.usynovite.ru/statistics/2018/> (дата обращения: 04.11.19) Грустная статистика: подсчитаны масштабы усыновления российских детей иностранцами // <https://www.forumdaily.com/grustnaya-statistika-podschitany-masshtaby-usynovleniya-rossijskix-detej-inostrancami/> (дата обращения: 04.11.19) Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. выпуск XLVI, 1993.
2. Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления [рус., англ.] (Заключена в г. Гааге 29.05.1993) // Международное частное право. Сборник документов.- М.: БЕК, 1997. С. 712. 720. Европейская конвенция об усыновлении детей (ETS N 58) (Заключена в г. Страсбурге 24.04.1967) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 04.11.19)
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) // СЗ РФ. 1995. N 17, ст. 1472.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. 1996. N 1. ст. 16.

Сведения об авторе:

Тибец Ирина Станиславовна – преподаватель УО «Белорусский государственный университет, tibirina@tut.by

Гончарова Л.Н.
**СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О НОТАРИАТЕ И НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация: *В настоящее время идут активные дискуссии о перспективах совершенствования законодательства о нотариате и нотариальной деятельности. Потребность в этом была осознана еще в начале XXI века и первые проекты нового закона появились еще более десяти лет назад. Однако вплоть до настоящего времени ни один из законопроектов так и не стал действующим нормативным актом. В данной статье автор высказывает свое видение дальнейших перспектив развития законодательства о нотариате с точки зрения формирования единого кодифицированного нормативного акта в данной сфере.*

Ключевые слова: *законодательство о нотариате, нотариальная деятельность, кодификация, система, системообразующее основание кодифицированного акта.*

Основным нормативным документом, регулирующим основы организации нотариата и порядок совершения нотариальных действий, в настоящее время являются Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1). Данный правовой акт в научной и учебной литературе иногда рассматривается как кодифицированный, поскольку закладывает фундамент правового регулирования нотариальной деятельности. Так, например, В.В. Ярков, говоря о нотариальном праве как комплексной отрасли, рассматривает наличие самостоятельного кодифицированного правового акта, а именно, указанных Основ в качестве одного из важнейших признаков его самостоятельности [10, с. 30-31]. Вместе с тем, вопрос о придании такого статуса данному акту в правовой науке является спорным.

Д.Я. Малешин признает систематизирующее значение Основ для сферы правового регулирования нотариальной деятельности, однако обращает внимание на то, что «действующий закон не справляется с такой миссией. Кодексом он, очевидно, сейчас не является, хотя потребность в кодифицирующем акте о нотариате имеется». Причем в качестве одной из причин невысокой эффективности нотариата как правового института указывается на недостаточный уровень законотворческой техники, а также «отсутствие единого современного кодифицированного акта в области российского нотариата» [7, с. 10].

Решение обозначенного вопроса, полагаем, следует начать с анализа признаков, которым должны отвечать кодифицированные акты. В теории права они рассматриваются как нормативные документы особого рода. Практически все ученые, исследовавшие данный правовой феномен, в качестве наиболее значимой особенности отмечают повышенную степень внутренней согласованности нормативного материала, что позволяет квалифицировать его в качестве целостного нормативного акта [1, с. 254; 13, с. 68]. На данное обстоятельство обращалось внимание еще в дореволюционной правовой науке. В частности, по мнению Ф.П. Будкевича, «кодификация законов каждого государства состоит в приведении их в *органическое* целое, такое целое, каким является вся человеческая жизнь, правильное течение которой право направляет, а закон регулирует» [4, с. 7]. В силу сказанного, по нашему мнению, отмеченные признаки, действительно, являются наиболее значимыми особенностями кодифицированного акта.

Вследствие сказанного, можно утверждать, что нормативный акт следует квалифицировать как кодифицированный только при условии достижения определенного уровня целостности составляющего его нормативного материала. Целостность является сущностным признаком системы, которая в философской трактовке рассматривается как «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих некоторое целостное единство» [16, с. 610]. По мнению В.П. Кузьмина «исходным, базовым признаком системы является интегральная целостность или интегральное единство» [8, с. 305]. Анализируя отдельные аспекты системности общества, В.Г. Афанасьев отмечал то, что «части, компоненты целостной системы в их широком философском понимании – это не результат произвольного механического членения целого... а структурные единицы в рамках данной целостной системы» [2, с. 71].

Такой же методологической посылки придерживаются представители и правовой науки. Так, Д.А. Керимов вполне определенно выразил мнение о том, что «нет системы без целого, которое и придает ей единство» [6, с. 258]. Наличие высокого уровня целостности кодифицированного акта как системы отмечает М.Н. Марченко, что обусловлено «не формальными, а содержательными характеристиками данного системного института и объясняется наличием глубоких внутренних связей и взаимозависимостей, возникающих между формирующими его элементами» [9, с. 261-262].

Таким образом, кодифицированные акты обеспечивают системное и единообразное правовое регулирование однородных общественных отношений. Правовые предписания такого нормативного акта образуют систему за счет наличия общих оснований их структурно-функционального единства. Такого рода основания позволяют воспринимать кодифицированный нормативный акт как целостное явление, обладающее необходимой степенью внутреннего единства.

По нашему мнению, в качестве наиболее значимых системообразующих оснований кодифицированного нормативного акта должны рассматриваться следующие: 1) единый понятийно-терминологический аппарат, включающий используемые понятия и категории, а также обозначающие их правовые термины; 2) единые принципы правового регулирования, которые своим содержанием пронизывают всю массу правовых норм определенной части системы права; 3) общие нормы, закрепляющие правовые конструкции, имеющие универсальный для данного структурного подразделения права характер.

Анализируя действующие в настоящее время Основы законодательства РФ о нотариате сквозь призму указанных системных начал, можно констатировать явно недостаточный уровень систематизации нормативного материала. Это один из наиболее значимых недостатков существующего законодательства о нотариальной деятельности. Данное обстоятельство уже неоднократно подмечалось в научной литературе [7, с. 10; 14, с. 130-131; 17, с. 7-9]. Трактовка данного нормативного акта как кодифицированного затруднительна вследствие того, что ни один из вышеперечисленных параметров не реализован в действующем законодательстве в полной мере.

Первое, на что следует обратить внимание, это отсутствие в тексте Основ определений для таких базовых в данной области понятий, как «нотариат», «нотариус», «нотариальная деятельность», «нотариальное производство», «нотариальный акт» и другие. Полагаем, это следствие того, что действующие Основы были приняты в самом начале существования Российской Федерации как государства в условиях только зарождавшейся правовой системы. На недостаточную исследованность и разработанность основных понятий как существенный недостаток действующего законодательства о нотариате указывает Г.Г. Черемных, являющийся одним из его разработчиков [7, с. 29-30].

Правовые понятия обладают значительным системообразующим потенциалом. С их помощью становится возможным оперировать явлениями государственно-правовой действительности, формируя логически выдержанные суждения о праве. Они в целом образуют систему иерархически выстроенных элементов, именуемую понятийным аппаратом. На современном этапе практически все разрабатываемые и принимаемые федеральные законы, имеют в своем содержании статью, которая, как правило, называется «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе». Положения данной статьи придают соответствующему нормативному акту целостный характер, поскольку обеспечивают единообразное понимание его ключевых позиций.

В этой связи стоит отметить, что разработанные к настоящему времени, но не принятые по различным причинам, проекты закона «О нотариате и нотариальной деятельности» учитывают отмеченный недостаток и дают интерпретацию базовых правовых понятий данной сферы в общей части нормативного акта.

Следующим системообразующим основанием кодифицированного акта выступают принципы, которые отражают идейное наполнение составляющих его содержание правовых норм. Кодификация в данном контексте рассматривается в качестве проводника государственно-правовой политики в отдельном сегменте общественной жизни. Сказанное наиболее отчетливо проявляется в тех сферах, которые до недавнего времени не имели сводного нормативного акта. Сам факт появления свидетельствует об особом отношении государства к такой сфере жизнедеятельности. Именно с его принятием связывается начало или усиление формирования определенной отрасли законодательства. Например, необходимость усиления позитивного воздействия на экологическое состояние в начале 90-х гг. прошлого столетия обусловила появление отдельного Закона «Об охране окружающей природной среды» от 19.12.91 № 2060-1 как комплексного и головного в своей отрасли законодательства нормативного акта. Его принятие явилось первым этапом в кодификации экологического законодательства, поскольку заложило основы практически всех институтов, совокупность которых в настоящее время образует данную отрасль [12, с. 69-70]. В дальнейшем в связи с расширением и уточнением данной сферы правового регулирования ему пришел на смену ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ.

В философской словарной трактовке понятие «принцип» с логической точки зрения рассматривается как «центральное понятие, основание системы, представляющее обобщение и распро-

странение какого-либо положения на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован» [15, с. 362]. Таким образом, само понятие принципа, означающего основу какого-либо явления или процесса, уже указывает нам на то, что он служит объединяющим началом определенного набора элементов.

С точки зрения состояния теоретической проработки и практического воплощения идейных основ (правовых принципов) современное законодательство о нотариате можно охарактеризовать как находящееся на этапе первоначального формирования. Какой-либо общий взгляд на систему фундаментальных положений и основополагающих начал нотариального права в настоящее время отсутствует. В разных источниках приводятся существенно отличающиеся друг от друга перечни правовых принципов. Так, в одном из учебников указывается на такие принципы, как: законность; публичность; уважение прав и свобод человека; независимость и беспристрастность; соблюдение тайны нотариальных действий; национальный язык нотариального делопроизводства [3]. В другом источнике набор принципов включает в себя такие, как: законность; независимость нотариуса; самофинансирование; национальный язык нотариального производства; диспозитивность; активная помощь нотариуса в осуществлении прав; беспристрастность нотариуса; обеспечение тайны совершения нотариальных действий; объективная истинность нотариальных актов; предупреждение правонарушений и споров [11].

Как видно, несмотря на наличие в указанных списках общих идейных положений (законность, беспристрастность и некоторые другие), они включают различный набор принципиальных характеристик нотариальной практики. Это говорит о значительной степени субъективизма в решении краеугольного для данной сферы вопроса. Выработка общих начал организации нотариата, а также осуществления нотариальной деятельности, является одним из наиболее актуальных направлений кодификационной работы в данной сфере.

Третьим объединяющим основанием системы нормативных положений кодифицированного акта, по нашему мнению, является наличие общих норм, которые, как правило, сконцентрированы в первой главе, именуемой «Общие положения». Появление таких норм является результатом обобщений, приводящих к формированию правил поведения наиболее абстрактного характера. В ходе данного процесса происходит выявление общих признаков отдельных видов общественных отношений и выработка для них обобщенных правил поведения. Последние являются продуктом типизации фактических ситуаций и рассматриваются в качестве своеобразных юридических конструкций [5, с. 194-195].

Кодифицированные акты, являющиеся базовыми в соответствующих законодательных отраслях, содержат свой набор юридических конструкций, которые присущи только им и во многом определяют специфику регулирования отношений в их рамках. Размещение нормативной конструкции в конкретном кодифицированном акте требует согласования с общими подходами, используемыми в данной отрасли. По словам С.С. Алексеева, необходимо, чтобы они «соответствовали типическим чертам отраслевого правоотношения. Это достигается путем помещения данного предписания в отраслевой кодифицированный акт, подчинения его определенной системе общих норм, применения отраслевой терминологии» [1, с. 277].

Анализ текста Основ законодательства о нотариате дает основание для вывода о том, что регулирование включает в себя две относительно обособленные составляющие. Первой из них является совокупность норм об организации самого нотариата, включая определение правового статуса нотариуса, нотариальных палат, принципов их взаимодействия. Отсутствие должной ясности в указанных вопросах будет препятствовать эффективности нотариата как правового института. Второй компонент образуют нормы, регулирующие процесс осуществления нотариальной деятельности. В свою очередь, данный нормативный блок распадается на общую и особенную части, регулирующие универсальный порядок нотариального производства и особенности совершения отдельных нотариальных действий соответственно.

Учитывая сказанное, можно предположить, что наиболее перспективным является самостоятельный анализ, с одной стороны, вопросов организации нотариата, а, с другой стороны, проблем нотариального производства. Фактически, это два относительно обособленных компонента, требующих индивидуального подхода к правовому регулированию. Соответственно этому, выработка общих нормативных положений должна осуществляться дифференцированно. Отчасти, это уже реализовано в действующих Основах законодательства о нотариате в виде двух самостоятельных глав, определяющих общие основы организации нотариата (глава I) и основные правила совершения нотариальных действий (глава IX). Дальнейшая разработка данных вопросов, полагаем, должна идти в указанных направлениях.

Таким образом, краткий анализ Основ законодательства РФ о нотариате с позиции его соответствия критериям кодифицированного нормативного акта приводит к выводу о том, что он таковым в полной мере не является. В настоящее время данные Основы следует квалифицировать как консолидированный нормативный акт, который вобрал в себя основные виды норм об организации нотариата и осуществлении нотариальной деятельности. Дальнейшее его совершенствование, а также возможное принятие нового федерального закона, должно осуществляться с учетом требований единства понятийно-терминологического аппарата, наличия продуманных и четко сформулированных идейных основ (правовых принципов), а также необходимости выработки нормативных обобщений, достаточно высокого уровня абстрагирования. Реализация такого подхода позволит достичь определенного уровня цельности, необходимого для квалификации нормативного акта в качестве кодифицированного.

Список цитируемой литературы:

1. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. 2. / С.С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1981. – 360 с.
2. Афанасьев В.Г. Системность и общество. – М.: Политиздат, 1980. – 368 с.
3. Бегичев А.В. Нотариат: учебник для бакалавров. – М.: Проспект, 2018. – 288 с.
4. Будкевич Ф.П. Гражданское уложение, система и план кодификации законов. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1905. – 73 с.
5. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник / Т. В. Кашанина. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
6. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – 2-е изд. – М.: Аванта+, 2001. – 560 с.
7. Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / А.А. Анисимова, Р.С. Бевзенко, В.А. Белов и др.; под ред. Д.Я. Малешина. – М.: Статут, 2018. – 719 с.
8. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – 3-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1986. – 399 с.
9. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2009. – 400 с.
10. Нотариальное право России. Учебник / Под ред: Ярков В.В. – М.: Волтерс Клувер, 2003. – 408 с.
11. Нотариальное право: учебник / Б.М. Гонгало, Т.И. Зайцева, И.Г. Медведев и др.; под ред. В.В. Яркова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2017. – 576 с.
12. Петрова Т.В. Идеи В.В. Петрова о кодификации законодательства об охране окружающей среды и современность // Экологическое право. – 2009. – № 2/3. Специальный выпуск. – С. 68-75.
13. Поленина С.В., Сильченко Н.В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР; Отв. ред.: Р.О. Халфина. – М.: Наука, 1987. – 152 с.
14. Рассказова Н.Ю. Исполнение обязательства путем внесения долга в депозит нотариуса // Практика применения общих положений об обязательствах: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2011. – С. 109-132.
15. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина – М.: Политиздат, 1963. – 544 с.
16. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
17. Черемных Г.Г. В современной России должного нормативного правового регулирования в сфере нотариата не было и нет // Нотариус. – 2009. – № 4. – С. 2-9.

Сведения об авторе:

Гончарова Лариса Николаевна – доцент кафедры трудового и предпринимательского права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; Goncharova_L@bsu.edu.ru

Раянова Э.Т., Маковская А.С.
**К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)**

***Аннотация:** в статье рассмотрены предложенные Правительством Российской Федерации поправки в законодательство РФ о несостоятельности (банкротстве), произведен их анализ, отмечены основные недостатки и преимущества подготовленных изменений.*

***Ключевые слова:** несостоятельность, банкротство, законодательство РФ, законопроект, кредитор, должник.*

В Государственную Думу Российской Федерации 17 мая 2021 года Правительством Российской Федерации был внесен на рассмотрение Законопроект № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Законопроект). В настоящее время Законопроект рассматривается в первом чтении в Государственной Думе РФ.

Законопроект поддержали Государственный Совет Республики Татарстан, Алтайское краевое Законодательное Собрание, Парламент Кабардино-Балкарской Республики, Дума Астраханской области, Законодательное Собрание Красноярского края и другие.

На текущую дату на официальном сайте Системы обеспечения законодательной деятельности опубликованы заключения Комитета Государственной Думы по финансовому рынку, Комитета Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов поддержали Законопроект и порекомендовали принять его в первом чтении. [5]

Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» разработан во исполнение пункта 1 перечня поручений Президента Российской Федерации по вопросу совершенствования института банкротства от 5 декабря 2019 г. № Пр-2485.

Законопроект предполагает внесение целого комплекса изменений в содержание ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Кроме того, изменения коснутся и самого названия Федерального закона. Предполагаемое новое название звучит как Федеральный закон «О реструктуризации и банкротстве», что отражает сущность вводимой реформы.

Законопроект направлен на комплексное реформирование института несостоятельности (банкротства), в том числе на расширение практики применения реабилитационных механизмов в отношении юридических лиц, и предусматривает введение новой процедуры - реструктуризации долгов.

Законодатель указывает в качестве актуальной проблемы, которая, безусловно, повлияла на принятие решения по разработке изменений в действующее законодательство, недостаточную эффективность механизмов реабилитационных процедур, которые редко применяются на практике и редко заканчиваются восстановлением платежеспособности должников. Это приводит к тому, что большинство дел о банкротстве возбуждается по заявлениям кредиторов и тогда, когда исчерпаны все иные меры по взысканию задолженности и имущество должника реализовано в ходе исполнительного производства. Должники не рассматривают процедуры банкротства как способ решения своих финансовых проблем.

В соответствии со статистикой Единого федерального реестра сведений о банкротстве за 2019 - 2020 годы доля удовлетворенных требований кредиторов составляет менее 5%; доля процедур, в которых выплаты кредиторам не производились, около 60%; доля ежегодно вводимых реабилитационных процедур банкротства организаций составляет менее 2%. [4]

Суды в 2020 году признали банкротами 9931 российских компаний, на 19,9% меньше, чем в 2019 году (12401 шт.). В 2020 году суды ввели 173 процедуры внешнего управления и финансового оздоровления или 1,7% всех процедур (кроме наблюдения), по сравнению с 228 шт. (1,8%) в 2019 году. [7]

В первом полугодии 2021 года суды ввели 94 процедуры финансового оздоровления или 1,9% всех процедур (кроме наблюдения). [8]

Целью Законопроекта является создание новой реабилитационной процедуры, направленной на восстановление платежеспособности должника и сохранение бизнеса, а также сокращение сроков проведения конкурсного производства в том числе путем оперативного прекращения заведомо убыточной деятельности.

С целью создания дополнительных стимулов для использования должниками реабилитационных механизмов законопроектом предусматривается возможность подачи должником или кредитором в арбитражный суд не только заявления о признании должника банкротом, как это предусмотрено действующим Федеральным законом "О несостоятельности (банкротстве)", но и заявления о введении процедуры реструктуризации долгов.

Прежде всего, Законопроект предлагает при рассмотрении дел о банкротстве должника - юридического лица процедуры - наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство и мировое соглашение - сократить и заменить на реструктуризацию долгов, то есть ликвидационную процедуру, конкурсное производство, то есть восстановительную процедуру, и мировое соглашение.

Реструктуризация долгов - процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику - юридическому лицу в целях восстановления его платежеспособности, сохранения работоспособности хозяйствующего субъекта и удовлетворения требований кредиторов. [9]

Как считает А.В. Бойкова, реструктуризация долгов представляет собой синтез процедуры внешнего управления и финансового оздоровления. [1]

При этом остается дискуссионным вопрос, насколько актуально вводить новую реабилитационную процедуру с учетом того факта, что в данный момент санация в принципе не пользуется популярностью в делах о банкротстве, и перспектива наибольшего эффекта от новой реабилитационной процедуры является довольно сомнительной по мнению некоторых юристов.

Целесообразность включения в действующее законодательство РФ о несостоятельности реабилитационных процедур ставится под вопрос, в том числе, в связи с тем, что количество судебных решений о признании должника банкротом и о введении конкурсного производства во много раз превышает количество решений о введении внешнего управления и финансового оздоровления.

Безусловно новым для законодательства РФ о несостоятельности является предложение разделить всех должников на три группы.

Так, в соответствии со ст. 44² Законопроекта к первой группе должников относятся:

- 1) граждане, не являющиеся индивидуальными предпринимателями;
- 2) юридические лица и индивидуальные предприниматели, отвечающие на дату начала процедуры выбора саморегулируемой организации совокупности следующих условий:
 - доход, полученный от осуществления предпринимательской деятельности за предшествующий календарный год, суммируемый по всем осуществляемым видам деятельности и применяемый по всем налоговым режимам, не превышает 800 000 000 рублей;
 - совокупная стоимость активов по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности на 31 декабря предшествующего календарного года не превышает 300 000 000 рублей (для юридических лиц).

Ко второй группе должников относятся юридические лица и индивидуальные предприниматели, которые на дату начала процедуры выбора кандидатуры арбитражного управляющего не отвечают условиям, предусмотренным для первой группы должников и отвечают совокупности следующих условий:

- 1) доход, предусмотренный абзацем 2 подпункта 2 пункта 2 настоящей статьи, не превышает 2 000 000 000 рублей;
- 2) стоимость активов, предусмотренная абзацем 3 подпункта 2 пункта 2 настоящей статьи, не превышает 1 500 000 000 рублей (для юридических лиц).

К третьей группе должников относятся должники, которые на дату начала процедуры выбора кандидатуры арбитражного управляющего не отвечают условиям, предусмотренным для первой и второй групп должников, указанным в пунктах 2 и 3 настоящей статьи.

Одним из нововведений, предлагаемых Правительством Российской Федерации в законопроекте, является создание государственного регистра арбитражных управляющих, в котором будет централизованно осуществляться регистрация арбитражных управляющих. Предполагается также введение балльной системы оценки саморегулируемых организаций арбитражных управляющих и арбитражных управляющих с целью осуществления выбора данных организаций и арбитражных управляющих на основании рейтинга.

Кроме того, в законопроекте предложена принципиально новая система вознаграждения арбитражных управляющих. Целью изменений послужила необходимость обеспечения большей независимости арбитражных управляющих от других участников процесса, повышение мотива-

ции, повышения качества работы управляющих, в том числе прекращение намеренного затягивания отдельных процедур и всего процесса в принципе. Предложенная система вознаграждения управляющих предполагает устанавливать выплаты в виде фиксированной части, которая зависит от процедуры банкротства, и переменная часть в виде процентов по вознаграждению, которая зависит от размера денежных средств, поступивших в конкурсную массу от продажи имущества.

В соответствии с Законопроектом вознаграждение, выплачиваемое арбитражному управляющему в деле о банкротстве, состоит из фиксированной суммы и суммы процентов.

Так, например, размер фиксированной суммы такого вознаграждения составляет для конкурсного управляющего одновременно за проведение процедуры, закончившейся завершением конкурсного производства, либо прекращением производства по делу о банкротстве по основаниям, предусмотренным абзацами 4,6,7 пункта 1 статьи 57 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (за исключением банкротства отсутствующего должника), либо введением реструктуризации долгов – 100 000 рублей за должника первой группы, 300 000 рублей за должника второй группы и 500 000 рублей за должника третьей группы.

Проценты по вознаграждению конкурсного управляющего исчисляются от суммы денежных средств, поступивших в конкурсную массу от продажи имущества. Проценты по вознаграждению исчисляются в следующих размерах: 10% от той части суммы денежных средств, поступивших в конкурсную массу от продажи имущества, которая составила не более 1 000 000 рублей; 7% от той части указанной суммы, которая составила более 1 000 000 рублей, но не более 10 000 000 рублей; 5% от той части указанной суммы, которая составила более 10 000 000 рублей, но не более 100 000 000 рублей; 2% от той части указанной суммы, которая составила более 100 000 000 рублей. [9]

Общий размер указанных процентов по вознаграждению за всю процедуру конкурсного производства не может превышать 50 000 000 рублей.

Также законопроектом предлагается упорядочить очередность удовлетворения требований кредиторов: будет установлено 8 очередей (сейчас – 3).

В действующей редакции ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» существует 3 очереди. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 134 указанного ФЗ требования кредиторов удовлетворяются в следующей очередности:

- в первую очередь производятся расчеты по требованиям граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, путем капитализации соответствующих повременных платежей, а также расчеты по иным установленным настоящим Федеральным законом требованиям;
- во вторую очередь производятся расчеты по выплате выходных пособий и (или) оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности;
- в третью очередь производятся расчеты с другими кредиторами, в том числе кредиторами по нетто-обязательствам.

После расчетов с кредиторами третьей очереди производятся расчеты с кредиторами по удовлетворению требований по сделке, признанной недействительной на основании пункта 2 статьи 61.2 и пункта 3 статьи 61.3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Требования кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника, удовлетворяются за счет стоимости предмета залога в порядке, установленном статьей 138 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Требования кредиторов, являющихся владельцами облигаций без срока погашения, удовлетворяются после удовлетворения требований всех иных кредиторов. [10]

Законопроект предлагает следующую очередность удовлетворения требований кредиторов:

- в первую очередь производятся расчеты по требованиям граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, а также расчеты по иным установленным настоящим Федеральным законом требованиям;
- во вторую очередь производятся расчеты по выплате выходных пособий и (или) оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности;
- в третью очередь производятся расчеты с другими кредиторами, за исключением кредиторов по требованиям, предусмотренным абзацами 5-9 настоящего пункта;

- в четвертую очередь производятся расчеты с кредиторами, являющимися владельцами облигаций без срока погашения;
- в пятую очередь производятся расчеты по субординированным требованиям контролирующих должника лиц;
- в шестую очередь производятся расчеты по требованиям учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия;
- в седьмую очередь производятся расчеты с кредиторами по удовлетворению требований по сделке, признанной недействительной;
- в восьмую очередь производятся расчеты с лицом, привлеченным к субсидиарной ответственности, в том числе по его обратному требованию. [9]

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в части удовлетворения требований кредиторов Законопроект упорядочивает существующий порядок удовлетворения требований, формально закрепляя восемь очередей. Фактически же принципиально меняется лишь положение кредиторов- владельцев облигаций без срока погашения, требования которых по действующему законодательству удовлетворяются в последнюю очередь, а в редакции Законопроекта – в четвертую очередь.

Законопроект впервые вводит в действующее законодательство РФ о несостоятельности (банкротстве) институт субординации с точки зрения урегулирования требований учредителей и собственников юридических лиц, контролирующих должника лиц по отношению к иным кредиторам. Так, субординированные требования относятся к требованиям пятой очереди из восьми, предусмотренных Законопроектом, после которых стоят требования по сделкам, признанным недействительными в рамках дела о банкротстве, и требования перед лицами, привлеченными к субсидиарной ответственности.

Внесение в законопроект № 1172553-7 норм о субординации требований кредиторов представляет собой дальнейшее развитие подходов, ранее выработанных судебной практикой.

В частности, схожие позиции закреплены Верховным судом РФ в «Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020. [2]

Законопроектом предусматривается наделение федерального органа исполнительной власти полномочиями на проведение проверки наличия признаков преднамеренного и фиктивного банкротства в отношении должников (кроме финансовых организаций), проведение проверок обоснованности заключений арбитражных управляющих о наличии или отсутствии признаков преднамеренного и фиктивного банкротства.

Как указывает законодатель, принятие законопроекта будет способствовать сокращению сроков и издержек на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, повышению их эффективности и увеличению размера погашения требований кредиторов, а также защите интересов должников, испытывающих временные трудности, но имеющих возможность восстановить свою платежеспособность при предоставлении необходимых для этого правовых инструментов.

Как считают Петрова Р.Е., Ревина В.В. и другие, в отличие от действующего в настоящий момент Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», Федеральный закон «О реструктуризации и банкротстве» будет содержать большой выбор методов управления должником в ходе реабилитационной процедуры. В случае одобрения законопроекта федеральный закон, регулирующий банкротство, будет содержать множество возможных способов реабилитации должника. К таким способам относятся: изменение сроков и порядка исполнения обязательств должника, конвертация требований кредиторов организации в доли в уставном капитале (при этом речь идет о требованиях тех кредиторов, которые одобрили общий план реструктуризации); прощение долга; новация обязательств; выплата отступного; реорганизация предприятия-должника; увеличение уставного капитала; продажа всего предприятия либо части его имущества; прекращение залога.[3]

Однако данный Законопроект подвергся критике со стороны Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, Администрации Президента РФ и некоторых ученых.

Так, согласно позиции Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, законопроект направлен на изменение структуры закона о банкротстве, является попыткой модернизации действующего законодательства, им устанавливается большое количество формальных и завышенных требований в отношении арбитражных управляющих, увеличивается нагрузка на

федеральные органы исполнительной власти, что, в конечном итоге, может привести к увеличению расходов федерального бюджета. [6]

Представляется необходимым отметить, что невозможно обесценить внесенные Правительством РФ предложения по изменению действующего законодательства о несостоятельности ввиду того, что, безусловно, институт банкротства нуждается в реформировании и внесенный Правительством Законопроект призван решить основную проблему – неэффективность существующих механизмов восстановления финансового положения должника, упорядочить очередность удовлетворения требований кредиторов, повысить уровень требований к арбитражным управляющим, что в свою очередь должно способствовать повышению качества их работы, предотвращению затягивания процесса со стороны управляющих, повышать их независимость от кредиторов и иных участников процесса. Кроме того, при внесении изменений в правовое регулирование процедуры банкротства необходимо соблюдение баланса интересов конкурсных кредиторов и самого должника. Реабилитационная процедура должна создавать ситуацию, при которой реабилитация должника выгодна как ему самому, так и его кредиторам.

Список цитируемой литературы:

1. Бойкова А.В. Совершенствование закона о банкротстве в России: современный этап // Индустриальная экономика. 2021. №3.
2. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344078/#dst100032 – Дата обращения: 23.12.2021.
3. Петрова Р.Е., Ревина В.В., Бегичева Е.В., Родькина Н.Л. Реабилитационный характер процедур банкротства: проблемы и перспективы реформирования // Мониторинг правоприменения. 2021. №3 (40).
4. Пояснительная записка к Законопроекту №1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7#bh_comments, свободный. – Дата обращения: 21.12.2021.
5. Сайт Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/>, свободный. – Дата обращения: 20.12.2021.
6. Сайт Союз Торгово-промышленная палата Воронежской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tppvo.ru/novosti/smi/v-tpp-rf-obsudili-problemy-antikrizisnogo-upravlenija>, свободный. – Дата обращения: 20.12.2021.
7. Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/1fc434cc-96ed-4fcb-9ceb-9bb2e3d23adc>, свободный. – Дата обращения: 24.12.2021.
8. Статистический бюллетень Федерального ресурса по банкротству на 30 июня 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/b546900a-6e1b-483b-8f50-b9b0f25e8e46>, свободный. – Дата обращения: 24.12.2021.
9. Текст Законопроекта №1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7#bh_comments, свободный. – Дата обращения: 21.12.2021.
10. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 28.10.2002. - №43. – ст. 4190.

Сведения об авторах:

Раянова Эльвира Талгатовна – доцент кафедры теории и истории государства и права Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, кандидат политических наук; ilvirat@mail.ru

Маковская Ангелина Сергеевна – студент Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова; linamkvsk00@gmail.com

Аннотация: *Экономические отношения современной России основаны на передовых технологиях в области цифровизации. Экономика стремительно развивается под влиянием средств массовой информации, санкций, интернета, глобализации. Гражданское право – это отрасль законодательства, которая в состоянии предоставить экономике и экономическим отношениям необходимый нормативный инструментарий для регулирования таких отношений.*

Ключевые слова: *экономика, цифровая экономика, экономические отношения, гражданский оборот, интернет, цифровизация, гражданское право.*

Экономика изучается с разных углов научного зрения: от истории и философии до точных математических наук. Даже обычные граждане, не имеющие глубоких познаний, оценивают экономику с точки зрения доходов, расходов, роста цен, кризисов и реформ. У каждого в доме есть своя «микроэкономика», состоящая из семейного бюджета, налогов, затрат на поддержание здоровья, учебы детей, трат на питание и отдых и многое другое. Интерес к этому явлению не ослабевает с годами.

Экономические процессы и экономические общественные отношения регулируются нормами гражданского права. Гражданский кодекс РФ часто в юридической практике называют «экономической конституцией» или «кодексом экономики». И такое утверждение справедливо. Гражданско-правовое регулирование объектов гражданских прав, сделок и иных обязательств, ответственности позволяет успешно функционировать отраслям народного хозяйства. Например, без совершения договоров вряд ли можно представить себе оборот товаров, работ, услуг, которые составляют одну из основ российской экономики. Гражданское право, в отличие от иных отраслей законодательства более точно и предметно регулирует экономические отношения, наполняя их стоимостным содержанием. Покупка недвижимости, электроники, транспортных средств, станков и оборудования не обходится без простой письменной формы сделки (ст. 160, ст. 161 ГК РФ) розничной купли-продажи (ст. 495 – ст. 505 ГК РФ, Закон РФ «О защите прав потребителей» и другие акты), поставки товаров (ст. 506 – ст. 534 ГК РФ). ГК РФ подробно регламентирует экономические обязательства по перемещению товарно-материальных ценностей.

В настоящее время экономика России приобрела и развивает устойчивые цифровые признаки. Этот процесс отражен на законодательном уровне. Согласно Указу Президента РФ от 09.05.2017. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы *цифровая экономика* – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

Указанный акт содержит и такие понятия как:

✓ *информационное общество* - общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан;

✓ *общество знаний* - общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации;

✓ *экосистема цифровой экономики* - партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан;

✓ *индустриальный интернет* - концепция построения информационных и коммуникационных инфраструктур на основе подключения к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» промышленных устройств, оборудования, датчиков, сенсоров, систем управления технологическими процессами, а также интеграции данных программно-аппаратных средств между собой без участия человека;

✓ *интернет вещей* - концепция вычислительной сети, соединяющей вещи (физические предметы), оснащенные встроенными информационными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой без участия человека.

Таким образом, законодательное регулирование цифровых признаков российской экономики не стоит на месте. Приведенные понятия свидетельствуют о поступательном развитии экономических отношений. Во главу угла ставятся данные в цифровом виде, создание информационного общества, а также общества знаний. Цифровая экономика открывает широкие информационные горизонты и возможности для осуществления гражданских прав и предпринимательских интересов. Граждане и юридические лица активно пользуются программными приложениями (п. 2 ч. 1 ст. 1225 ГК РФ), персональными компьютерами, смартфонами, интернетом. Аналогичная ситуация развивается в государстве и отраслях народного хозяйства. Стали нормой онлайн совещания с использованием интерактивных платформ (ZOOM и другие), видеоконференцсвязь, работа по электронной почте, телефонным средствам коммуникации сотовой связи.

Продолжая рассуждения о цифровых признаках российской экономики стоит отметить, что не так давно в ГК РФ появилась ст. 141.1 установившая *цифровые права*, под которыми понимаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Дефиниция этой нормы, конечно, написана сложно. Многое пока не понятно. Появилась некая информационная система. Думается, эта система будет служить аналогом программного приложения, электронного устройства или иного вспомогательного «технического механизма» осуществления цифровых прав в гражданском обороте. Возможно, юридическая договорная и судебная практика со временем покажут насколько хорошо цифровые права вписываются в цифровые признаки российской экономики и реализуются в жизни субъектов гражданского права. Но, ведь и появление таких прав в ГК РФ – это наша реальность, так как цифровизация сфер экономики требует от законодателя принятия подобных юридических новелл.

По этому поводу Габов А.В. справедливо отмечает: «Время, в котором мы живем, очень интересный промежуток в экономической истории. Мы свидетели и непосредственные участники «ломки» прежнего экономического уклада, связанной с развитием так называемой цифровой экономики» [2, с. 40].

Необходимо поддержать точку зрения ученого. Неизбежность изменения прежнего уклада экономики наступает и развивается стремительно. Этому процессу активно способствует технический прогресс, глобализация. Экономика идет по пути ускорения многих процессов, открытости исполнения прав и обязанностей по договорам (интернет-магазины, онлайн платформы, кабинеты налогоплательщиков и другое). С появлением в ГК РФ цифровых прав можно говорить о том, что цифровая экономика еще больше стала регламентироваться нормами гражданского права.

Некоторые исследователи подходят к вопросу цифровых признаков отдельных отраслей экономики взвешенно, учитывая и возможные риски цифровизации.

Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. указывают: «Россия вступает в эру цифровой экономики, а цифровизация объявлена главным курсом в нашей стране на ближайшие годы. Однако в новой реальности критическим становится вопрос обеспечения безопасности инфраструктуры топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Это связано с тем, что цифровая трансформация в условиях рыночной глобализации создает не только большие возможности, но и серьезные вызовы и угрозы. Эти вызовы и угрозы связаны с особенностью нового состояния техносферы, основанной на глобальной информационной инфраструктуре. Цифровизация на базе новых информационных технологий нацелена на повышение эффективности отраслей энергетики. Однако при определенных условиях цифровизация ТЭК может привести к существенному усложнению информационного пространства, а как результат - к катастрофической потере устойчивости управления не только отдельной организации, но и отрасли в целом» [3, с. 14].

Опасения ученых логичны. Цифровые признаки российской экономики без должного регулирования, контроля и баланса интересов приводят к развитию электронно-сетевых правонарушений, «дикому интернету», свободному перемещению персональных данных субъектов гражданского права в сетях интернета, цифровой коммерческой и государственной коррупции, созданию фирм-однодневок, гражданско-правовых модельных афер по отмыванию безналичных денег, развитию институтов теневой экономики и многого другого в этой сфере [4,5].

Чего только стоит волна злоупотреблений гражданскими и иными правами в области вакцинации, получения электронных сертификатов о прививке от COVID-19 без введения вакцины пациенту.

Бесконтрольная цифровизация грозит массовыми нарушениями гражданских прав, появлением цифровых посредников, «специалистов» в области теневых экономических операций, так называемых «сетевых диванных экспертов», когда не требуется личное участие продавца и покупателя, заказчика и исполнителя.

Сидорова В.Н. под цифровой экономикой понимает «стремительно развивающуюся инновационную экономическую деятельность, основанную на цифровых технологиях (электронную, веб-, интернет-экономику), связанную с электронным бизнесом, электронной коммерцией, интернет-банкингом посредством совершения различных транзакций с использованием специальных сервисов и компьютерных программ, например по предоставлению онлайн-услуг, совершению электронных платежей, интернет-торговле, интернет-рекламе и др.» [11, с. 18].

Цифровые признаки российской экономики находятся в стадии формирования, их черты вполне обозримы и можно с уверенностью сказать о присутствии интернета и цифровизации в гражданско-правовой конструкции экономики в настоящем и обозримом будущем.

Экономика, как цивилистическое правоотношение, должна обладать и иными характеристиками, к числу которых можно отнести:

- ✓ баланс цифровизации и реального участия человека в отраслях народного хозяйства;
- ✓ ограничение роботизации и сохранение основ человеческого труда;
- ✓ качественные и проверенные гражданско-правовые дефиниции [12,13,6];
- ✓ активная роль государства в экономике [1];
- ✓ баланс частных и публичных интересов в экономических отношениях;
- ✓ тщательно разработанный и контролируемый искусственный интеллект в экономике [7];
- ✓ гражданско-правовые механизмы и институты борьбы с теневой экономикой [8,15,16,17];
- ✓ инструменты преодоления ковидных, ценовых и иных экономических кризисов на основе норм гражданского и иных отраслей права [14];
- ✓ другие характеристики.

Изложенное позволяет прийти к выводу о наличии цифровых признаков российской экономики. Цифровые глобальные процессы международной интеграции, экспортно-импортных отношений со временем приведут к ускорению сделок купли-продажи, оказания услуг, перевозки грузов, денежных переводов и многих других в планетарном масштабе. Сейчас не составляет труда субъекту гражданского права приобрести товар в Китае или Европе, не выходя из дома, при помощи интернета, персонального компьютера, программных приложений и электронных денежных переводов.

Повернуть эти процессы обратно вряд ли получится. Российская экономика плотно вошла в «цифровой туман» современного мира. Однако вопрос контроля роботизации, интернета, теневой экономики, электронно-сетевых правонарушений в гражданском праве день ото дня будет набирать актуальность. А сюжеты некоторых фантастических фильмов последних лет и двадцатилетней давности в определенных деталях станут реальностью. Думается, гражданское право – это именно та отрасль права, которая в состоянии предоставить цифровой экономике квалифицированный инструментарий в виде норм права, регулирующих отрасли народного хозяйства, наделенные цифровыми признаками. Норма гражданского права имеет «все силы» для борьбы с таким феноменом, как теневая экономика, традиционно изучаемая через призму уголовного права, криминологии, экономики, философии, истории и иных наук. Теневая экономика должна быть изучена именно с позиций цивилистики. Это очень важно, и это насущный вопрос сегодняшнего дня.

Список цитируемой литературы:

1. Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы: монография / Е.П. Губин. – Репр. изд. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 316 с.
2. Габов А.В. Изменения в праве как следствие развития цифровой экономики // Пермский юридический альманах. – 2020. – Вып. 3. - С. 39 – 47.
3. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Правовое регулирование обеспечения безопасности функционирования топливно-энергетического комплекса России в условиях цифровой экономики // Право и цифровая экономика. - № 1 (11). – 2021. - С. 13–20.

4. Зинковский М.А. Гражданско-правовые аспекты экономических отношений в условиях санкций: Монография / М.А. Зинковский. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2021. – 92 с.
5. Зинковский М.А. Экономика в гражданском праве: Монография / М. А. Зинковский. – М.: Зерцало-М, 2022. – 132 с.
6. Лисицын-Светланов А.Г. Роль права в модернизации экономики России. Монография. – М.: ИГП РАН, 2011. – 202 с.
7. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2018. – 45 с.
8. Привалов К.В. Теневая экономика в демократическом и тоталитарном государстве: Теоретико-правовое исследование: Дис. ... докт. юрид. наук. – Санкт – Петербург, 1998. – 374 с.
9. Правовое регулирование экономической деятельности: единство и дифференциация: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.А. Мохов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 464 с.
10. Право и экономическая деятельность: современные вызовы: Монография / Н.Г. Доронина, Н.Г. Семелютина, Н.М. Казанцев и др.; Отв. ред. Габов А.В. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М: Статут, 2015. – 400 с.
11. Сидорова В.Н. Цифровой экономике необходимы новые принципы (на примере оборота денег как юридического объекта с экономическими функциями) // Право и цифровая экономика. - № 1 (07). – 2020. - С. 17–23.
12. Туранин В.Ю. Проблемы формирования и функционирования юридической терминологии в гражданском законодательстве РФ: Дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2002. – 186 с.
13. Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: Дис. ... докт. юрид. наук. – Белгород, 2017. – 437 с.
14. Хабриева Т.Я. Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журнал российского права. - 2021. Т. 25. - № 2. - С. 5-17.
15. Katsios Stavros. The Shadow Economy and Corruption in Greece (June 8, 2016). South-Eastern Europe Journal of Economics 1 (2006) 61-80, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2791993>.
16. Roberto Dell’Anno & Offiong Helen Solomon (2008) Shadow economy and unemployment rate in USA: is there a structural relationship? An empirical analysis, Applied Economics, 40:19, 2537-2555, DOI: 10.1080/00036840600970195.
17. Thi Thuy Huong LUONG, Tho Minh NGUYEN, Thi Anh Nhu NGUYEN. Rule of Law, Economic Growth and Shadow Economy in Transition Countries // Journal of Asian Finance, Economics and Business. - Vol 7. - № 4 (2020). - P. 145- 154.

Сведения об авторе:

Зинковский Максим Александрович – доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кандидат юридических наук, доцент; zinkovsky2010@mail.ru

Мусалов М.А.

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАКУПОК ПО ЗАКОНУ № 44-ФЗ С УЧЕТОМ МЕР БОРЬБЫ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

***Аннотация:** Рассматривается изменение законодательства по части осуществления государственных (муниципальных) закупок в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Из числа проведенных выделены основные меры, принятые в целях предупреждения наступления кризиса рассматриваемой системы. Также автором проводится сравнение ранее существующего алгоритма осуществления закупок по 44-ФЗ и алгоритма закупок в 2021 году.*

***Ключевые слова:** контрактная система; государственная закупка; коронавирус; тендер.*

Эволюция мира с начала века и тысячелетия подчеркивает важность взаимозависимого процесса между ключевыми аспектами экономических, политических и дипломатических отношений, а также быстрые и глубокие изменения крупномасштабных геоэкономических и стратегических областей. [1, с. 201].

Пандемия коронавирусной инфекции повлияла на функционирование многих сфер жизни общества, в том числе и на осуществление государственных закупок. Законодательство о закупках и контрактной системе постоянно подвергается изменениям, однако в связи со сложившейся ситуацией появляется необходимость в разработке новых мер, предотвращающих наступления кризиса данной сферы. Такие антикризисные меры представляют собой решения, принятые с целью предотвращения или устранения угроз, которые могут привести к проблемам функционирования всей системы.

К одной из первых мер можно отнести письмо Федеральной Антимонопольной службы от 18.03.2020 № ИА/21684/20 и письмо Министерства Финансов РФ от 19.03.2020г. № 24-06-06/21324, согласно которым новая коронавирусная инфекция COVID-19 приравнивается к форс-мажорным обстоятельствам, а ее распространение к обстоятельствам непреодолимой силы. Теперь, т.к. коронавирус COVID-19 является форс-мажором, участники государственной закупки освобождаются от ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение своих обязанностей по государственному (муниципальному) контракту. Под влиянием форс-мажорных обстоятельств «меняется система взаимоотношений между предпринимательством и государством, повышается роль общественного контроля над правовой системой» [2, с. 5].

Следующая мера закрепляется в ст. 11 Федерального закона от 01.04.2020 г. (ред. от 08.06.2020) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций" N 98-ФЗ [3], согласно которой изменениям подверглась ст. 112 Федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (далее – 44-ФЗ), которая была дополнена 65 частью [4]. В соответствии с изменениями, при достижении согласия сторонами в 2020 году, они вправе менять сроки исполнения контракта или его цены, цену за единицу товара, работы, услуги или размер аванса. Также по данному закону изменяется расчет пеней за просрочку по выполнению обязательств. Таким образом, если раньше сумма пеней рассчитывалась исходя из цены всего контракта за вычетом исполненных обязательств, то сейчас пени рассчитываются только исходя из цены этапа также за вычетом исполненных по нему обязательств.

Согласно распоряжению Правительства РФ от 29 октября 2020 г. № 2812-р, в связи с введением новых мер, предотвращающих распространение коронавирусной инфекции, допускается изменение сроков выполнения контрактов [6]. Данная мера распространяется только на те государственные контракты, которые перечислены в перечне, утвержденном Правительством. Согласие обеих сторон закупки также является необходимым условием изменения сроков. Таким образом, если стороны соглашаются на изменение сроков действия контракта или изменение заложенных в них работ, они должны оформить дополнительное соглашение. Стоит отметить, что в связи с изменениями в контрактах, нельзя предъявить требование об уплате неустоек, адресованное подрядчикам.

Также к антикризисным мерам можно отнести закупку у единственного поставщика. Ранее, чтобы совершить закупку в соответствии с п. 6, 9, 34 и 50 ч.1 статьи 93 44-ФЗ, необходимо было уведомить ФАС. Стоит отметить, что данная закупка должна быть совершена в рамках определенных случаев, к числу которых можно отнести ликвидацию последствий аварий, оказания неотложной медицинской помощи и пр. С 18.03.2020г. после письма ФАС №ИА/21684/20 [6], если заказчик планирует совершить государственную закупку у единственного поставщика, ему необходимо доказать, что между объектом закупки и профилактикой предупреждения коронавирусной инфекции существует причинно-следственная связь, а условие об отсутствии данных товаров, работ и услуг в перечне, указанном в Распоряжении Правительства №1765-р от 30.09.2013 г., не применяется [8]. Следовательно, если заказчик закупает у единственного поставщика, то помимо ранее существующих условий появляется еще одно, непосредственно связанное с ситуацией, сложившейся в 2020 году, однако чтобы его применить, необходимо доказать, что проводимый тендер действительно используется для профилактики, предупреждения или ликвидации последствий распространения пандемии.

Таким образом, проанализировав ситуацию на рынке товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, внезапных проблем «таких как: наступление одного из самых глубоких кризисов со времен Второй Мировой войны и развала СССР [7, с. 155]», следует сделать вывод, что законодательство о закупках действительно было дополнено

антикризисными мерами, которые касаются как заказчиков, так и поставщиков. Из реформации данной системы в период пандемии следует в первую очередь выделить модернизацию контроля. Новые нормы предлагают упрощенные варианты алгоритмов проведения закупки, но в некоторых случаях могут повлечь ошибки как со стороны заказчиков в процессе составления контракта, так и со стороны поставщиков в процессе исполнения. Однако обращаясь к материалам дел, представленных Базе решений ФАС, можно заметить, что за период издания первых нормативных актов до сегодняшнего дня не зарегистрировано жалоб, связанных с нарушением нововведенных мер, перечисленных выше, что свидетельствует как о достаточной осведомленности сторон, так и о слаженной работе антикризисных мер [9].

Список использованной литературы:

1. Бучаев, А. Г. Стратегия и механизмы регулирования зарубежных инвестиций в процессе глобализации. Экономико-правовые аспекты / А. Г. Бучаев, З. М. Абдуллаева, М. А. Мусалов // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 9(201). – С. 200-203. – DOI 10.47643/1815-1337_2021_9_200.
2. Мусалов, М. А. Роль малого и среднего предпринимательства в повышении уровня социально-экономического развития государства: правовые аспекты / М. А. Мусалов // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 3(195). – С. 4-6. – DOI 10.47643/1815-1329_2021_3_4.
3. Федеральный закон от 01.04.2020 N 98-ФЗ (ред. от 08.06.2020) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций". – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349080/ (дата обращения: 11.11.2021).
4. Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 N 44-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 11.11.2021).
5. Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2020 N 2812-р «О перечне государственных контрактов, по которым допускается изменение сроков действия, и (или) государственных контрактов, по которым допускается изменение сроков окончания работ (этапов)». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=753560&dst=100001#05822662077147724> (дата обращения: 11.11.2021).
6. Письмо Федеральной Антимонопольной Службы РФ от 18.03.2020 г. № ИА/21684/20. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73671379/> (дата обращения: 11.11.2021).
7. Мусалов, М. А. Проблемы и перспективы дистанционного образования и it-технологий в высшей школе в экстремальных условиях / М. А. Мусалов // Вестник педагогических наук. – 2021. – № 1. – С. 155-159.
8. Распоряжение Правительства РФ от 30.09.2013 N 1765-р (ред. от 17.12.2015) «Об утверждении перечня товаров, работ и услуг, необходимых для оказания гуманитарной помощи либо ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70363248/> (дата обращения: 11.11.2021).
9. База решений и правовых актов Федеральной Антимонопольной службы. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://br.fas.gov.ru/> (дата обращения: 12.11.2021)

Сведения об авторе:

Мусалов Магомед Абдулаевич – доцент кафедры «Гражданское право», Дагестанский государственный университет народного хозяйства; mmusalov@mail.ru

Мусалов М.А.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ИНВАЛИДОВ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ

Аннотация: Статья посвящена некоторым проблемам осуществления инвалидами предпринимательской деятельности, а также вовлечения инвалидов в нее. Рассматривается социальное предпринимательство как один из видов деятельности инвалидов. Обозначаются проблемы, из-за которых предпринимательская деятельность является непривлекательной для инвалидов, а также, на основе выводов предлагаются пути решения данных проблем.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; инвалиды; социальное предпринимательство; социальное обеспечение; вовлечение инвалидов в предпринимательскую деятельность.

Современный мир нельзя представить без таких терминов, как «нормы», «законы», «ответственность», «юриспруденция». Они облегчают нашу жизнь, создавая атмосферу спокойствия и защищенности [1, с. 47]. Социальное обеспечение инвалидов является одной из важнейших задач права социального обеспечения и государства. Федеральный закон "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" от 24.11.1995 N 181-ФЗ [2] определяет государственную политику в области социальной защиты инвалидов и обеспечения равных с другими гражданами возможностями реализовывать свои конституционные права, а также соответствие общепризнанным принципам и нормам международного права и международными договорами Российской Федерации. В статье 20 указанного нормативно-правового акта содержится информация об обеспечении занятости инвалидов, в частности, в пункте 6 написано о создании условий для предпринимательской деятельности инвалидов, что из смысла статьи является гарантией занятости инвалидов и способствованием повышению их конкурентной способности на рынке.

Одним из видов предпринимательства является социальное предпринимательство. Социальное предпринимательство - это предпринимательская деятельность, направленная на смягчение или решение социальных проблем, которая характеризуется следующими основными признаками: социальное воздействие - направлено на решение или смягчение существующих социальных проблем, устойчивые положительные социальные результаты;

- инновационность - использование новых совершенных, уникальных подходов для повышения социального воздействия;
- самодостаточность и финансовая устойчивость - способность социального предприятия решать социальные проблемы так долго, как это необходимо и за счет дохода, получаемого от его собственной деятельности;
- масштабируемость и тиражируемость - увеличение масштабов деятельности социального предприятия (на национальном и международном уровне) и распространение опыта (моделей) с целью усиления социального воздействия;
- предпринимательский подход - способность социального предпринимателя видеть провалы рынка, находить возможности, накапливать ресурсы, разрабатывать новые решения, которые оказывают долгосрочное положительное влияние на общество в целом [4].

К сожалению, на практике, несмотря на различные льготы инвалидам при осуществлении предпринимательской деятельности, в настоящее время эти льготы урезаются, что касается как и общественных объединений инвалидов, так и коммерческих организаций, созданных ими. Так, Счетная палата отмечает, что в настоящее время в РФ таковых – 7,9% работников, а в 2003 году их количество было эквивалентно 9,6% от общего количество трудящегося населения. Все это ставит необходимость совершенствования норм и правоприменительной практики, касающейся предпринимательства инвалидов.

Руководствуясь статистикой, несмотря на общее повышение интереса к социальному предпринимательству, оно не является популярным, из-за таких проблем как:

- общее отсутствие формирования класса традиционных предпринимателей,
- недостаток осведомленности,
- слабое изучение теоретической базы,
- отсутствие реальной поддержки на федеральном уровне,
- неразвитая правовая база.

Пути решения этих проблем разнообразны. Формирование класса традиционных предпринимателей более глобально, требует большего времени и вовлечения государства и всего предпринимательского сообщества. «Научно-обоснованный подход к правовому регулированию экономических отношений в стране, участие государства в этом процессе крайне важно в ныне сложившемся сложном этапе развития в условиях бесконечных западных санкций и делящейся изоляции в связи с пандемией» [3, с.6].

Недостаток осведомленности можно компенсировать путем социальной рекламы и размещения соответствующей информации на интернет-ресурсы государственных сервисов Российской Федерации.

Отсутствие реальной поддержки на федеральном уровне. Основной формой государственной поддержки инвалидов в сфере предпринимательства являются гранты. Ежегодно Фонд президентских грантов в России проводит различные конкурсы в поддержку социально незащищенных категорий населения, в том числе для некоммерческих организаций. Размер гранта может быть разным. Данная мера интересна, но не до конца решает проблему. Введение дополнительных способов государственной поддержки повлияет коренным образом на предпринимателей-инвалидов, которые получают дополнительные льготы и помощь на федеральном уровне. Решение проблемы будет являться исполнением положения закона, которое говорит о том, что меры социальной защиты инвалидов являются расходными обязательствами Российской Федерации.

Неразвитая правовая база главным образом сказывается на правоприменительной практике. Основным правовым актом, в котором написано о социальном обеспечении инвалидов является Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ [2]. Внесение конкретики в данный нормативный акт о предпринимательстве инвалидов может заполнить имеющийся пробел. Также данную проблему возможно детально урегулировать в нормах ТК РФ, которые посвящены особенностям регулирования труда отдельных категорий работников, где можно добавить отдельную статью о регулировании труда инвалидов, и обозначить важность вовлечения в трудовую деятельность инвалидов и создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности инвалидов, где инвалиды могут выступать как работодателями, так и работниками. Для более серьезного решения текущей проблемы, возможно принять отдельный законодательный акт, который бы более подробно урегулировал все перечисленное. В данном правовом акте содержались бы способы вовлечения инвалидов в предпринимательскую деятельность, порядок государственной и общественной поддержки.

Стоит обозначить то, как возможно вовлекать инвалидов в предпринимательскую деятельность. Способы вытекают из правового регулирования и информированности инвалидов о предпринимательстве.

Таковыми являются: Информационное обеспечение о предпринимательской деятельности со стороны работодателей и органов занятости населения; Государственная финансовая поддержка малого и среднего бизнеса в рамках специальных программ и мероприятий; Налоговые льготы по отношению к предпринимателям-инвалидам.

Также необходимо обозначить, кто же будет заниматься практикой вовлечения инвалидов в предпринимательскую деятельность. «Основной целью государства должна быть создание условий для развития малого и среднего бизнеса, как составной части всей экономики»[6, с. 4]. Исходя из решений вышеизложенных проблем, такой деятельностью могут заниматься как сами работодатели, так и органы, созданные государством, например, служба занятости населения, реализуя это через государственные программы по трудоустройству граждан с ограниченными возможностями. Вовлечение инвалидов в предпринимательскую деятельность также можно реализовать путём социального партнёрства, заключая коллективные договоры и соглашения. Еще есть возможность вовлечения через создание профсоюзных организаций, и внесения изменений в уже существующие организации.

Решение проблем правового регулирования вовлечения инвалидов в предпринимательскую деятельность положительно скажется на интересе и вовлеченности инвалидов в предпринимательство и социальное предпринимательство, а также будет являться мерой социального обеспечения, которая будет направлена на достижение целей, названных в Федеральном законе "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" от 24.11.1995 N 181-ФЗ [2], в частности исполнение пункта 6 статьи 20, что может повысить уровень жизни российских инвалидов и помочь им в социальной адаптации. Экономический и социальный эффект также будет заключаться в развитии конкуренции, помощи социальных предпринимателей другим социальным группам, нуждающимся в социальном обеспечении.

Список цитируемой литературы:

1. Далгатова, А. О. Сравнительно-правовой анализ определений "право" и "государство" / А. О. Далгатова, М. А. Мусалов // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 10(202). – С. 46-48. – DOI 10.47643/1815-1337_2021_10_46.
2. 1Федеральный закон "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" от 24.11.1995 N 181-ФЗ.
3. Мусалов, М. А. Государственно-правовое регулирование экономики / М. А. Мусалов // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 3(195). – С. 6-8. – DOI 10.47643/1815-1337_2021_3_6.
4. Антонинова Н.А. Использование концепции социального предпринимательства для решения социальных проблем: применимость в
5. российском контексте. М., 2007 [Электр. ресурс]: http://www.nbforum.ru/thanalitic_391_3 . (Дата обращения: 21.09.2020)
6. Мусалов, М. А. Роль малого и среднего предпринимательства в повышении уровня социально-экономического развития государства: правовые аспекты / М. А. Мусалов // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 3(195). – С. 4-6. – DOI 10.47643/1815-1329_2021_3_4.

Сведения об авторе:

Мусалов Магомед Абдулаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Гражданское право», Дагестанский государственный университет народного хозяйства, mmusalov@mail.ru

Картамышева Н.В., Галигузов В.И.

СТРАХОВОЕ ДЕЛО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

***Аннотация:** в статье рассматриваются ключевые этапы исторического развития страхового дела в период Российской империи. Особое внимание уделяется государственному регулированию страховой отрасли.*

***Ключевые слова:** страхование, государственное регулирование, монополия, частное акционерное общество, конкуренция.*

К тому времени, когда многие европейские государства уже имели развитые системы, в России страховое дело только начинало свое становление. До последней четверти семнадцатого века потребности населения в страховании удовлетворяли немногочисленные иностранные компании, которые работали без государственной регистрации своих филиалов. Первой страховой организацией можно считать Рижское общество взаимного страхования от пожаров, созданное в 1765 г. [3] Это событие положило начало внедрению иностранных страховых компаний, которые предлагали свои услуги состоятельным гражданам. В результате отток денежных средств за границу в виде страховых премий достиг настолько ощутимых масштабов, что императрица Екатерина II приняла решение ограничить доступ иностранных страховщиков на российский рынок, а также создать отечественную систему государственного страхования. Поэтому в 1786 г. была учреждена Государственная страховая экспедиция, которая занималась страхованием строений и имущества российских граждан от огня. Также в России провозглашалась государственная монополия на страхование. Однако в 1822 г. Государственная страховая экспедиция была закрыта. В 1797 г. была учреждена Страховая Контора при Ассигнационном Банке, которая просуществовала менее десяти лет и уже в 1805 г. была упразднена. Со стороны государства были попытки взять под свой контроль и взаимное страхование, но они не увенчались успехом. Первый этап развития страхования в России подтвердил несостоятельность государственной страховой монополии.

Второй этап связан с отказом от государственной монополии. Было созданы предпосылки для формирования отечественного рынка страхования и последующего его государственного регулирования. «Первое российское от огня страховое общество» было открыто в 1827 г. [4] и являлось частным акционерным обществом. Оно получило монополию от государства на 20 лет. Спустя восемь лет открывается «Второе российское от огня страховое общество» и оно также получило монополию, но уже на 12 лет.

Необходимость создания страховых компаний обуславливалась негативными последствиями пожаров для банковского сектора, ведь заемщик в случае пожара становился некредитоспо-

собным лицом. Здания, застрахованные от огня, отмечали страховыми досками, которые представляли собой страховые таблички с названиями и символикой страховых компаний, изготавливаемые из жести, цинка или меди в зависимости от важности или размера здания, а также суммы страхового взноса. В том же году начали функционирование первые общества по долгосрочному страхованию жизни и транспортному страхованию. В 1847 г. монополия на страхование была снята и количество страховых компаний начали стремительно расти. Несмотря на то, что как такового надзора за деятельностью страховых компаний не существовало, первые российские страховщики работали добросовестно. Они ежегодно публиковали свои отчеты, а первой расходной позицией в их бюджете всегда значился молебен о благополучном ходе дел общества.

После отмены крепостного права начался третий этап развития страхования. Рост промышленности и активное строительство железных дорог создали все предпосылки для формирования национального страхового рынка, а завершили этот процесс либеральные реформы шестидесятых годов. Конкуренция породила множество страховых компаний, но вместе с тем и условия для объединения, целью которых являлось создание единых правил страхования и борьба с конкурентами. Общества оперировали на рынке на принципах равенства в борьбе за клиента. Шло активное развитие страхования жизни, на российский рынок стали допускать иностранные компании. С период с 1863 по 1865 года наблюдалось активное открытие обществ взаимного страхования, придававших устойчивости страховым операциям. [6, с.10]

Особый подъем страхового дела отмечается в 1875 г., который сопровождался резким увеличением страховых премий и числа открываемых страховых обществ. За десять лет было создано 32 общества взаимного страхования. В последующие годы регулярно проводились съезды представителей обществ взаимного страхования. Организация перестрахования и объединение обществ взаимного страхования являлись главными темами для обсуждения на съездах. Страховщики имели собственный печатный орган «Вестник взаимного от огня страхования», а для исполнения поручений съезда были созданы особые бюро. [2]

В 1909 г. был создан Всероссийский союз обществ взаимного страхования, объединивший 83 страховых общества. Был подписан документ, обязывающий страховые компании оказывать взаимную помощь в случае пожарных убытков, если те превышали годичный сбор. Немаловажным для страхового дела в России стало принятие Устава «Российского Союза Обществ взаимного от огня страхования». Как и в других развитых странах, в Российской Империи деятельность страховых компаний регулировалась со стороны государства. Начиная с 1894 г. Государственным советом устанавливались размер акционерного капитала, необходимого для ведения одной страховой операции (500 тысяч рублей) и предельная норма дивиденда, которую общества имели право выплачивать до погашения организационных расходов в размере 6 процентов от основного капитала. Согласно закону «Правила о надзоре за деятельностью страховых обществ и учреждений» на Министерство Внутренних дел возлагался контроль над всеми формами страхования. Четыре года спустя был принят закон «О порядке помещения и хранения средств акционерных страховых обществ и о покрытии их обязательств». Средства, которые страховые компании могли обращать в наличные деньги, движимое имущество и счета дебиторов не должны были превышать 40 процентов страховых капиталов. Такой же норматив был установлен для вложений в недвижимость. [5]

К концу девятнадцатого века в России действовало пятнадцать акционерных обществ, тридцать два общества взаимного страхования, а так же иностранные страховые компании. Доля иностранного капитала в страховом деле составляла примерно 25 процентов. Присутствие иностранных страховщиков в России вызывало массовый отток страховых премий за границу иставляло государство, испытывающее острый дефицит государственного бюджета, активизировать меры по развитию отечественных страховых учреждений.

Финансовые ресурсы страховых обществ были важными источниками для инвестиций в государственные займы, акции торговых промышленных компаний и коммерческих банков, кроме того, они использовались в обслуживании внутреннего и внешнего долга. Иностранные страховые общества подчинялись общей системе государственного страхового надзора со стороны Министерства внутренних дел. Проникновение иностранных страховых обществ на российский рынок втягивало Россию в систему международных экономических связей и мирового торгового обмена.

Четвертый и заключительный этап развития страхового дела в Российской империи является появление в начале двадцатого века на страховом рынке нового игрока – государственных

страховых касс. [7, с.25] В то время когда частные компании работали в основном с высокообеспеченными клиентами, сберкассы должны были обеспечивать мелкое страхование, то есть страхование простых граждан. Принятый в 1905 г. закон «О страховании доходов и капиталов через посредство сберегательных касс» позволял им заниматься страхованием жизни.

Министр Финансов Сергей Юльевич Витте считал, что учреждение сберегательных касс «во-первых, открытием общедоступного страхования отдельных лиц на небольшие суммы облегчить людям малого достатка возможность обеспечить себя на старость или на случай преждевременной смерти и, во-вторых, содействовать служащим и участникам различных правительственных, общественных и частных установлений, обществ и товариществ при их объединении на началах взаимопомощи для обеспечения сих лиц на случай смерти или на старость путем заключения совокупных страхований». [1]

Сберегательные кассы приступили к выполнению страховых операций в феврале 1906 г. И если в 1907 г. через них было заключено всего 742 договора на сумму около 1,4 млн руб., то к 1914 г. показатели возросли до 44,6 тысяч полисов на 42,5 млн руб., что свидетельствует о возрастании доверия граждан к страхованию. Клиентскую базу сберкасс составляли в основном представители интеллигенции, духовенства, а также мелкого и среднего предпринимательства. [1]

В результате, накануне Первой мировой войны в Российской Империи был сформирован достаточно развитый рынок страхования. На нем присутствовали практически все формы страховой защиты, которые существовали на то время в Европе и США. Специфической чертой развития страхового дела в Российской Империи является тот факт, что оно всегда тем или иным способом было связано с государством. Государство могло принимать непосредственное участие в страховании, могло предоставлять монополии страховым обществам, принимать законы, регулирующие деятельность страховых компаний.

Таким образом, Российская дореволюционная страховая система была достаточно развитой и активно взаимодействовала с международным страховым и перестраховочным рынком. Она обладала необходимой системой государственного регулирования, инструментами рыночного саморегулирования и элементами рыночной инфраструктуры.

Список цитируемой литературы:

1. Изучение становления и развития страхового дела в Российской империи (конец XIX начало XX вв.) [Электронный ресурс]: // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 25.12.2021)

2. Имущественное страхование; история развития имущественного страхования [Электронный ресурс]: // Экономическая библиотека – Режим доступа: <http://econom-lib.ru/9-29.php/> (дата обращения: 25.12.2021)

3. Страхование в Российской империи [Электронный ресурс]: // Журнал «Ваши личные финансы» – Режим доступа: <https://vlfin.ru/a/strakhovanie-v-rossiyskoy-imperii/> (дата обращения: 25.12.2021)

4. Страхование в Российской империи 1786-1917 гг. [Электронный ресурс]: // Архив Vuzlit – Режим доступа: https://vuzlit.ru/176516/strahovanie_rossiyskoy_imperii_1786_1917/ (дата обращения: 25.12.2021)

5. Страхование в царской России [Электронный ресурс]: // Информационный студенческий ресурс «Студопедия» – Режим доступа: https://studopedia.ru/21_37753_strahovanie-v-tsarskoy-grossii.html/ (дата обращения: 25.12.2021)

6. Тагиев Г.М. Развитие государственного страхования в СССР (1917-1977) – М.: Финансы. 1978 – 224 с.

7. Шиминова М.Я. Страхование: история, действующее законодательство, перспективы – М.: Наука, 1989 – 174 с.

Сведения об авторе:

Картамышева Наталья Викторовна – к.и.н, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»; kartamysheva_1@mail.ru

Галигузов Владислав Игоревич – студент факультета государственного управления и международных отношений ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»; vlad.galiguzov@mail.ru

Гусакова Ю.С.
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ПЕРИОД
РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19 В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация:** Предметом исследования выступают изменения российского законодательства о социальном обеспечении в период распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. В статье рассматривается трансформация материальных правоотношений связанных с предоставлением пособий по временной нетрудоспособности, пособий по безработице, единовременных и ежемесячных выплат семьям, имеющим детей. Автором подробно проанализированы вопросы правового регулирования дополнительных выплат различным категориям граждан, устанавливаемых федеральными нормативными правовыми актами и актами субъектов Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** социальное обеспечение, право социального обеспечения, коронавирусная инфекция, пособия, выплаты, семьи с детьми.*

Распространение новой коронавирусной инфекции потребовало от всех государств мира беспрецедентного реагирования, направленного на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции: введение ограничений на работу отдельных сфер, перевод работников на удаленный режим работы и др.

Российским государством были приняты ряд антиковидных мер, направленных на смягчение социально-экономических последствий, вызванных COVID-19. В Российской Федерации, как и во многих зарубежных государствах, были предприняты и реализованы определенные меры социального характера, направленных на поддержание социально-экономического благополучия российских граждан, детей с семьями.

На первоначальном этапе борьбы с эпидемией, весной 2020 года Президент Российской Федерации В.В. Путин выступил с обращением к российским гражданам и объявил о нерабочей неделе с сохранением заработной платы [1].

Особое внимание в период распространения новой коронавирусной инфекции государство уделило семьям, имеющим детей. Социальная поддержка семей с детьми была направлена на сохранение доходов таких семей.

Во-первых, в России появились новые виды социальных выплат для семей, имеющих детей – ежемесячная выплата на ребенка от трех до семи лет включительно. Указ о введении данной выплаты был принят в марте 2020 года, однако выплата была установлена уже с января 2020 года [2].

Кроме того, на основании Указа Президента РФ от 23 июня 2020 г. «№ 412 «О единовременной выплате семьям, имеющим детей» была произведена единовременная выплата в размере 10000 рублей на каждого ребенка до 16 лет [3].

Важно сказать, что граждане РФ, проживающие на ее территории, для получения социальных выплат семьям, имеющим детей, могут подать заявление на портале Госуслуг, что существенно упрощает ситуацию. А уже с 1 января 2022 года выплата пособий будет осуществляться в беззаявительном порядке, путем деятельности единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Так, например, с 2022 года полностью отменены бумажные листки нетрудоспособности, медицинские организации будут формировать их исключительно в электронном виде.

Без внимания не осталась сфера занятости российских граждан. В мае 2020 года Росстатом был зафиксирован рекордный уровень безработицы за последние 8 лет, который составил 6,1%. До ковидного кризиса на рынке труда последняя максимальная отметка уровня безработицы отмечалась только в 2012 году. В период распространения новой коронавирусной инфекции с марта по июнь 2020 года был зафиксирован максимальный прирост числа безработных, который составил более чем 4,5 миллиона человек. Рост безработицы в России в период начального этапа борьбы с коронавирусной инфекцией объясняется сокращением численности штата работодателями минимум на 20%. Складывающаяся кризисная ситуация на рынке труда также потребовала от государства реагирования, направленного на поддержание социального благополучия безработных.

Во-первых, было увеличен максимальный размер пособия по безработице, который стал составлять 12792 рублей, что равно МРОТ за 2021 год. До ковидного кризиса этот размер составлял 8000 рублей.

Во-вторых, гражданам, которые были уволены и признаны безработными начиная с 1 марта 2020 года, автоматически было предоставлено право получить пособие по безработице в апреле-августе 2020 г. в максимальном размере, то есть без учета из заработной платы за 3 месяца на последнем месте работы.

В-третьих, повышенные гарантии социального обеспечения были предоставлены гражданам, уволенным и признанным безработными начиная с 1 марта 2020 года и имеющих детей до 18 лет: размер пособия по безработице увеличивался на 3000 рублей за каждого ребенка [4].

Указанные меры имели общефедеральное значение. Кроме того, в ряде субъектов Российской Федерации были предприняты дополнительные меры социальной защиты безработных. Например, на основании Указа Мэра Москвы от 4 апреля 2020 г. № 39-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ» была установлена региональная компенсационная выплата для безработных граждан в размере 19500 рублей с учетом пособий по безработице и иных материальных выплат в рамках поддержки безработных [5].

Подводя итог, отметим мнение И.В. Григорьева о состоянии права социального обеспечения в период распространения новой коронавирусной инфекции: «распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 существенным образом повлияло на развитие российского законодательства о социальном обеспечении федерального и регионального уровней. Изменению подверглись большинство институтов права социального обеспечения, произошел ощутимый рост размеров отдельных пособий, появились новые виды выплат, внедрены новые формы взаимодействия граждан с органами социальной защиты» [6].

Обобщая изложенное можно сделать вывод, что распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 существенным образом повлияло на развитие российского законодательства о социальном обеспечении федерального и регионального уровней. Изменению подверглись большинство институтов права социального обеспечения.

В настоящее время, мы находимся в так сказать переходном периоде, в периоде изменения и совершенствования механизма прямых выплат и мер социальной поддержки гражданам, в начальном периоде взаимодействия и функционирования системы электронного документооборота между государственными органами, учреждениями и Фондом социального страхования. В Минтруде России считают, что новый порядок выплаты пособий – это гарантия того, что выплаты всегда получит и заболевший человек, и семья, в связи с рождением и воспитанием детей.

Список цитируемой литературы:

1. «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней»: Указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 13. Ст. 1898.
2. «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»: Указ Президента РФ от 20 марта 2020 г. № 199 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12.
3. «О единовременной выплате семьям, имеющим детей»: Указ Президента РФ от 23 июня 2020 г. № 412 // Собрание законодательства РФ. 2020 № 26. Ст. 4086.
4. «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2020 год»: Постановление Правительства РФ от 27 марта 2020 г. №.346 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2103.
5. «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ»: Указ Мэра Москвы от 4 апреля 2020 г. № 39-УМ // Информационно-правовой портал Гарант.Ру [Электронный ресурс] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73743544/> (дата обращения: 14.12.2021).
6. Григорьев И.В. Влияние распространения новой коронавирусной инфекции covid-19 на изменение законодательства о социальном обеспечении // Право и политика. 2020. № 7. С. 84.

Сведения об авторе:

Гусакова Юлия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и предпринимательского права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; Gusakova@bsu.edu.ru

Лиликова О.С.
**ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИИ**

Аннотация: *Активизация инвестиционных процессов является основой для стабилизации российской экономики и обеспечения ее устойчивого роста. Привлечение инвестиций в экономику страны способствует территориально – пространственному развитию системы управления национальной экономики, а также повышению ее конкурентоспособности.*

Ключевые слова: *государственные программы, инвестиции, иностранные инвесторы, инвестиционные потенциал, стимулирование инвестиционной деятельности.*

В настоящее время государство наряду с рыночными экономическими саморегуляторами (спросом, предложением, конкуренцией и ценой) применяет различные методы государственного регулирования инвестиционной деятельности.

Основными показателями инвестиционной деятельности стран лежат следующие показатели:

- Общий объем инвестиций
- Доля инвестиций в ВВП страны
- Реальные инвестиции в общем объеме инвестиций
- Общий объем реальных инвестиций
- Доля реальных инвестиций в основном капитале [3, с. 262-263].

Инвестиционную деятельность государство регулирует в следующих формах:

- с помощью издания законов и подзаконных нормативных актов
- с помощью прямого управления государственными инвестициями
- с помощью государственных инвестиционных программ
- с помощью экономических методов регулирования инвестиционной деятельности.

Нормативно – правовые акты, которые регулируют инвестиционную деятельность в РФ можно разделить на две группы.

К первой группе относятся двусторонние акты между Российской Федерацией и международным сообществом. К ним относится, например, Постановление Правительства РФ от 30.09.2016 № 992 «О заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций» [2].

Ко второй группе относятся законодательные и подзаконные акты. Особенностью этих документов является то, что с их помощью регулируются инвестиционная деятельность на территории РФ не только отечественных, но и зарубежных инвесторов, основные принципы их деятельности.

В качестве законодательной базы, регулирующей инвестиционную деятельность РФ, выступают:

- Конституция Российской Федерации.
- Гражданский кодекс РФ
- Налоговый кодекс

В Гражданском кодексе РФ установлен перечень юридических лиц, в которые могут участвовать в инвестиционной деятельности. Основные принципы инвестиционной деятельности регулирует 1 и 2 части ГК РФ.

Государственные органы с помощью налогового законодательства регулируют инвестиционную деятельность с помощью дифференцирования налоговых льгот и налоговых ставок.

В связи с высокой стоимостью кредитных ресурсов и рисками, связанными с деятельностью инвесторов, осуществляется стимулирование инвестиционной деятельности. Данное стимулирование проявляется в форме налоговых и таможенных льгот.

На региональном уровне инвестиционная деятельность регулируется с помощью законов субъектов федерации, например закон Белгородской области от 1.07.2014 №284 «Об инвестиционной деятельности Российской Федерации». Основная часть инвестиционной политики субъектов РФ связана с индивидуальными особенностями каждого региона и разрабатывается с учетом данных особенностей. Каждый регион вправе определения стратегии развития инвестиционной деятельности, а также наделено полномочиями в определении правил функционирования инвестиционных фондов. Использование коллизий норм права является неотъемлемой частью органов субъектов федерации, потому что невозможно полностью опереться на федеральное законодательство,

исходя из отличительных особенностей каждого региона. В связи с этим необходим анализ законодательства каждого субъекта РФ на его соответствие с нормативно – правовыми актами на федеральном уровне.

Согласно ФЗ № 39 от 25.02.1999 года бюджет инвесторов составляют налоги, в том числе налоговые льготы, предоставляемые инвесторам субъектами РФ.

Предоставление налоговых льгот субъектами федерации зависит от:

- 1) количества инвестируемых средств
- 2) сферы деятельности субъекта
- 3) срока предоставления льгот
- 4) инвестиций, имеющих целевое назначение

Существуют следующие системы стимулирования инвестиционной деятельности:

1. Негосударственным структурам предоставляются бюджетные средства (на возвратной основе).

2. На развитие федеральной и муниципальной собственности выделяются средства; при чем для каждого вида собственности свой отдельный бюджет. Таким образом, реализуется принцип права собственности.

3. Предоставление всем инвесторам равенство в правах, связанной с гарантией прав и защитой инвестиций [1].

Обычно инвесторы из России вкладывают свои средства за пределы РФ. Причем связано это с сохранением своего капитала. Лишь 10% иностранных инвестиций совершаются для получения прибыли, 90% - сохраняют свой капитал. Самыми популярными инвестиционными направлениями для российских инвесторов являются:

- недвижимость
- бизнес
- ценные бумаги
- драгоценные металлы
- накопительные счета [5].

В 2020-2022 годах особую значимость в инвестировании приобретает обновление производственных мощностей – предприятиям необходима модернизация. Текущие собственники не справляются с перезапуском производства из-за нехватки собственных средств. В связи с кризисами последних лет, ряд компаний находятся в плачевном состоянии. Для этого необходимы финансовые вложения на всех уровнях, в том числе инвестиции:

- начальные, связанные с запуском новых компаний и предприятий;
- реинвестиции, связанные с повторным вложением в бизнес полученной из него прибыли;
- на расширение бизнеса – освоение новых областей и расширение
- на частичное изменение бизнеса – модернизацию, реорганизацию и диверсификацию имеющихся компаний.

В 2020-2021 годах основными инвестиционными направлениями зарубежных инвесторов были:

- пищевая промышленность;
- добыча полезных ископаемых;
- индустрия и производство химических продуктов;
- сельское хозяйство.

В рейтинге самых привлекательных для инвесторов стран Россия заняла седьмое место, тем самым, опередив многие развитые страны.

Согласно данным Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) в 2019-2020 году, несмотря на санкции, иностранные инвесторы рекордно вложились в российскую экономику. Причем США занимают одно из первых мест по вложениям. Согласно статистике, иностранные вложения в нашу страну составляют 300 миллиардов долларов, что на 70% больше по сравнению с предыдущим годом. Это связано с оптимальным сочетанием доходности и риска российских активов. Так, только по проектам, которые курирует РФПИ, доходность за год выросла на 13% — до 3,6 триллиона рублей [6].

«Более 90% инвестиций осуществляется за пределами Москвы и охватывает более восьми-десяти российских регионов», — сказал глава РФПИ Кирилл Дмитриев.

Инвестиционный потенциал регионов РФ в 2020 году был связан с завершением двухлетнего периода снижения инвестиционных рисков в стране. На его развитие влияют следующие факторы:

- отраслевые ориентиры;
- эффект масштаба;
- финансовый фактор;
- региональные госпрограммы;
- национальные проекты.

Основной доход «профильных» регионов РФ приносят компании, ориентированные на сырьевом промысле. Например, нефтегазовые компании, чьи доходы в 2021 году выросли почти на треть, а чистая прибыль увеличилась больше, чем в два раза. В черной металлургии прибыль корпораций увеличилась в 1,4 раза, а в угольной промышленности в прошлом году прирост выручки и чистой прибыли данной отрасли достиг 40%.

Наблюдается процесс оздоровления региональных финансов. В 2021 году объем государственного долга снизился на 10%, в результате чего долговая нагрузка по отношению к собственным доходам регионов опустилась ниже 20%. Это связано с тем, что накопленные региональные долги замещались бюджетными кредитами из федерального бюджета на сверхльготных условиях, что позволяло повысить финансовый контроль регионов и избежать необдуманных заимствований.

Центры экономической мощи – Москва и Санкт-Петербург – оказывают стабилизирующее действие на сопредельные регионы. Данные регионы – тяжеловесы за счет накопленного запаса прочности, способны снизить последствия экономических неурядиц и рискованных ситуаций.

Среди регионов, использующих национальные проекты для роста и развития можно выделить Дальний Восток. Стоимость реализации данных проектов составляет 25,7 трлн. рублей.

Региональные государственные программы РФ – одна из возможностей для развития регионов страны. Госинвестиции в рамках федерально – целевой программы открываются не для всех, а лишь для избранных и ориентированы они на конкретные регионы. С присоединением республики Крым и Севастополя федеральный бюджет практически полностью финансирует строительство крупных транспортной инфраструктуры, коммунальных систем и социальной сферы. Эта крупнейшая госпрограмма предусматривает строительство 890 объектов до 2022 года, стоимостью 1 трлн. рублей [7].

Наибольший объем прямых иностранных инвестиций по-прежнему приходится на компании азиатских стран и Ближнего Востока, а европейские компании, ушедшие из России по политическим причинам несколько лет назад, постепенно возвращаются.

Несмотря на постепенную активизацию инвестиционных процессов в России все же наблюдается нехватка средств в экономике, которые в полной мере могли бы удовлетворить реальную потребность страны. Это отражено в абсолютном выражении суммарного объема инвестиций. К основным факторам, сдерживающим инвестиционную активность можно отнести:

- высокая зависимость экономики РФ от внешнеэкономической конъюнктуры;
- фондовый рынок недостаточно развит;
- слабая трансформация сбережений населения в инвестиции;
- слабая поддержка и защита государством отечественных и иностранных инвесторов;
- высокий процент коммерческого кредитования;
- санкции, введенные мировым сообществом в отношении РФ [5, с. 223].

Все эти факторы снижают инвестиционную привлекательность нашей страны на мировом уровне. Инвесторы не хотят вкладывать свои средства из-за больших рисков, связанных с неустойчивым макроэкономическим положением, несовершенствами банковской системы, отраслевыми проблемами, обнищанием населения и коррупцией. Кроме того, ресурсный потенциал регионов в недостаточной мере задействован из-за неправильной оценки региональных условий и факторов, невысокая результативность рыночных реформ, ведущих к неконкурентоспособности экономики.

Немало проблем связано с налогообложением в РФ, связанных с повышением налоговой нагрузки на заграничный капитал. В первую очередь это затрагивает инвесторов, деятельность которых не предусматривает налоговых каникул.

Нестабильность в законодательстве – еще одна важная деталь, которая требует внимания. Если рассматривать налоговое законодательство РФ, то интервал между внесением новых поправок и их реализацией небольшой. Столь же быстро от принятых мер отказываются. Любой инвестор, который запустил свой проект, стремится его реализовать в постоянных условиях [7].

Таким образом, привлечение инвестиций в российскую экономику должно начинаться со стратегии, чтобы это впоследствии не привело к банкротству предприятия. Для этого необходимо грамотно вкладывать свои инвестиции, анализировать их сочетание с собственным ресурсом.

Список цитируемой литературы:

1. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений : Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. - 01.03.1999. - № 9. - Ст. 1096.
2. О заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций (вместе с «Регламентом заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций»): Постановление Правительства РФ от 30.09.2016 № 992 // Собрание законодательства РФ. 10.10.2016. № 41. Ст. 5836.
3. Беспаятных Р.В. Инвестиционная деятельность в РФ: проблемы и перспективы развития / Р.В. Беспаятных // ACTUALSCIENCE. 2016. №12. С.262-263.
4. Лаврентьева Л.В. Проблемы и перспективы развития инвестиционной деятельности в Российской Федерации в условиях экономических санкций / Л.В. Лаврентьева, А.И. Курылев, Б. Хаймер, А.С. Мельникова// Вестник евразийской науки. 2016. № 6. С. 1-9.
5. Митчина Т. Е., Курлова А. С. Инвестиционная деятельность в России // Молодой ученый. 2019. № 47. С. 222-224.
6. Язан Н. Инвестиции в России в 2020 году [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://pronedra.ru/> Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>
7. Инвестиционный потенциал Российских регионов RAEX [Электронный ресурс]. URL: <https://raex>

Сведения об авторе:

Лилюкова О.С. – к.ю.н, доцент, доцент кафедры трудового и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; Strebkova@bsu.edu.ru

Островская Н.Б.

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ИНВЕСТОРОВ – ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

***Аннотация:** Финансовый рынок дает возможности трансформировать накопления в инвестиции, однако без соответствующего опыта и знаний неквалифицированным инвесторам не избежать риска потери своих вложений. Для того чтобы минимизировать такие риски, Банк России предпринимает различные меры по ужесточению требований к начинающим инвесторам (в частности, внедряет тестирование неквалифицированного инвестора на предмет понимания им рисков, которые сопутствуют заключаемой сделке), а также выполняет задачи по защите их прав и законных интересов.*

***Ключевые слова:** Банк России, частные инвесторы, неквалифицированные инвесторы, финансовые инструменты, инвестиции, защита прав инвесторов, тестирование неквалифицированных инвесторов.*

Важнейшим навыком успешного человека в современном мире является умение распоряжаться результатами своего труда. Каждый задумывается о накоплениях, о том, как стать финансово независимым, обеспечить достойную старость, позаботиться о будущем детей.

На современном этапе наблюдается приток новых инвесторов – физических лиц. Так, количество брокерских счетов частных инвесторов на Московской бирже выросло до рекордных 26,5 млн. В ноябре 2021 г. была достигнута максимальная активность клиентов на Московской бирже за всю историю – сделки совершили 2,6 млн человек [6].

Этому способствовали снижение ключевых ставок Центральными банками по всему миру, сделавшее малопривлекательным банковские вклады, а также повышение доступности инвестиций благодаря внедрению современных платформ.

Руководитель лаборатории анализа институтов и финансовых рынков РАНХиГС А. Абрамов утверждает, что «при действующей низкой ключевой ставке Банка России приток мелких инвесторов на фондовый рынок продолжится, и рост может продолжаться годами, если не произойдет каких-то шоковых ситуаций в экономике» [3].

Безусловно, приток неквалифицированных инвесторов является долгосрочным трендом и требует особого внимания со стороны регулятора.

Специалистами подчеркивается, что «большинство частных инвесторов не преодолевают 12-месячный порог жизненного цикла и вынуждены покидать рынок, подсчитывая потери» [5, с. 101]. Под влиянием непроверенной информации риски только усиливаются. Наглядным примером может служить следующая резонансная ситуация:

17 и 18 февраля 2021 г. на Московской бирже резко выросли котировки акций «Белуга Групп»: так, буквально за два дня акции подорожали почти более чем на 60 %, хотя никаких видимых причин для такого роста не отмечалось, затем котировки также резко опускались вниз.

Динамика «Белуга Групп» похожа на волну взрывного роста, которая месяцем ранее затронула акции небольших компаний США. В частности, стоимость бумаг американской розничной сети по продаже видеоигр GameStop с 12 по 28 января взлетела на 2309 %, причиной тому стали спекуляции частных трейдеров [11].

Непосредственно после данных ситуаций Московская биржа посоветовала инвесторам оценивать риски, прежде чем инвестировать в инструменты рынка акций. В сообщении площадки было сказано: «Московская биржа отмечает новую тенденцию на российском и зарубежных рынках, при которой активное обсуждение в социальных сетях перспектив рынка акций и отдельных бумаг приводит к значительному изменению цен на этот класс активов в течение торгового дня» [8].

Первый заместитель председателя Банка России С. Швецов назвал такие действия публичным хулиганством и отметил, что вследствие этого «страдают неквалифицированные инвесторы, которые купят бумагу наверху, а когда бумага вернется на свой справедливый уровень, они просто потеряют деньги» [11].

Изложенное указывает на необходимость разработки и внедрения эффективных инструментов купирования подобных негативных последствий.

В первую очередь, таким инструментом следует считать создание и развитие структурных подразделений, направленных на защиту прав и законных интересов инвесторов. Так, Приказом Банка России от 7 сентября 2020 г. № ОД-1450 «О создании при Банке России Экспертного совета по защите прав розничных инвесторов» [7] был сформирован новый экспертный совет, сконцентрировавший свои усилия именно на данной сфере. Совет направлен на своевременное обнаружение проблем, с которыми сталкиваются начинающие инвесторы, а также подготовку рекомендации по их решению и защите прав и законных интересов инвесторов.

Совет осуществляет следующие функции:

- сбор, анализ и обобщение мнений участников российского финансового рынка по актуальным проблемам в сфере защиты прав розничных инвесторов;
- экспертная оценка проектов нормативных правовых актов и законодательства Российской Федерации, в том числе нормативных актов Банка России, на предмет обеспечения защиты прав розничных инвесторов;
- анализ международного опыта в сфере защиты прав розничных инвесторов;
- подготовка аналитических материалов и иной справочной информации по вопросам в сфере защиты прав розничных инвесторов;
- подготовка предложений по развитию и совершенствованию регулирования в сфере финансового рынка в части защиты прав розничных инвесторов, включая подготовку предложений по внесению изменений в законодательство Российской Федерации, в том числе нормативные акты Банка России.

То, что рост биржевого рынка в России создает определённые риски, ещё в конце 2019 г. было признано Председателем Банка России Э.С. Набиуллиной. Чтобы их минимизировать, регулятор предпринимает меры по ужесточению требований к начинающим инвесторам. Первоначально предполагалось, что неквалифицированные инвесторы смогут вкладывать в иностранные акции и другие рискованные активы не более 50 тыс руб. в год, однако после критики со стороны участников рынка от такого ограничения было принято решение отказаться.

Вместо этого Банк России утвердил в новой редакции базовый стандарт защиты прав и интересов клиентов брокеров [1], который установил порядок тестирования неквалифицированных инвесторов перед сделками со сложными финансовыми инструментами.

Тестирование физического лица, не являющегося квалифицированным инвестором, введено Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 306-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г. № 192-ФЗ) «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10] и включает в себя два блока вопросов.

Первый блок – «Самооценка» – направлен на определение опыта инвестора и источника его знаний. Ответы из этого блока не влияют на результаты тестирования, они лишь призваны помочь инвестору объективно оценить свою готовность к совершению сделок.

Второй блок – «Знание» – включает в себя четыре вопроса об особенностях и рисках инструментов, входящих в одну из групп, для которых новым законодательством предусмотрено обязательное тестирование:

- маржинальные необеспеченные сделки;
- производные финансовые инструменты;
- структурные облигации;
- паи закрытых паевых инвестиционных фондов;
- облигации российских эмитентов без кредитного рейтинга или с рейтингом ниже уровня,

установленного Банком России и др.

Обязательное тестирование внедрено с 1 октября 2021 г. (при покупке облигаций со структурным доходом - с 1 сентября); по иностранным неспонсируемым ETF запуск планируется с 1 апреля 2022 г. (тестирование не потребуется, если до 1 октября 2021 года клиент заключил хотя бы один соответствующий договор или совершил хотя бы одну такую же сделку (с учетом требований закона до начала тестирования покупка сложных финансовых инструментов возможна при условии, что у неквалифицированного инвестора были аналогичные сделки до 1 января 2020 года). Подразумевается, что инвестор с таким опытом обладает необходимыми знаниями и может принимать на себя высокие риски).

Руководитель Службы по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг Банка России М. Мамута отмечает, что «у одного брокера тестирование придется пройти один раз при совершении первой сделки с конкретным классом финансовых инструментов, если иное не предусмотрено договором» [4].

В случае нарушения порядка тестирования Банк России имеет право требовать их обратного выкупа [2].

Как следует констатировать, данное нововведение способно помочь избежать возможных потерь начинающего инвестора, возникающих из-за непонимания рисков. Бесспорно, тестирование не застрахует от снижения котировок, но даст уверенность в том, что инвестор понимает логику их движения, а значит, его поведение станет более осознанным.

При поддержке Банка России экспертами Московской биржи, разработан гайд для начинающих инвесторов, включающий в себя, в частности, следующие курсы: «Три опционные стратегии для начинающих срочных трейдеров», «Путь инвестора», «Как оценить компанию по финансовой отчетности». Прикладные программы на данном информационно-просветительском ресурсе ведут десятки спикеров-практиков: сотрудники биржи, брокеры, управляющие компании, частные инвесторы.

В заключение следует констатировать, что, несмотря на чрезвычайно высокую активность регулятора, учеными отмечается, что «система защиты прав и законных интересов инвесторов - физических лиц остается не до конца сформированной» [9, с. 52], а работа в этом направлении требует продолжения и углубления. Механизм защиты прав и законных интересов неквалифицированных инвесторов - физических лиц развивается в верном направлении, однако ряду нововведений еще только предстоит пройти проверку на устойчивость в условиях стремительного роста количества инвесторов.

Список цитируемой литературы:

1. Базовый стандарт защиты прав и интересов физических и юридических лиц - получателей финансовых услуг, оказываемых членами саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка, объединяющих брокеров (в новой редакции). <https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90002/30> (дата обращения: 29.12.2021)

2. Банк России подвел первые итоги тестирования неквалифицированных инвесторов | Банк России <https://www.cbr.ru/press/event/?id=12445#highlight=инвесторов%7Синвесторы> (дата обращения: 29.12.2021).

3. Ждём потрясений. Чем обернется охватившая россиян мода на инвестиции — Рамблер/финансы. URL: <https://finance.rambler.ru/markets/44817467-zhdem-potryaseniya-chem-obernetsya-ohvativshaya-rossiyan-moda-na-investitsii/> (дата обращения: 29.12.2021).
4. Информация Банка России от 20 августа 2021 г. «Банк России утвердил порядок тестирования неквалифицированных инвесторов». Доступ из СПС «Гарант».
5. Морозова Н.Е., Аль-Згуль С.Х. Совершенствование механизма защиты частных инвесторов на финансовом рынке РФ. Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 4-3. С. 100-104.
6. Московская Биржа | Частные инвесторы в ноябре вложили в российские акции рекордные 91 млрд рублей. URL: https://www.moex.com/n38436?utm_source=www.moex.com&utm_term=количество%20частных%20инвесторов (дата обращения: 29.12.2021).
7. Приказ Банка России от 7 сентября 2020 г. № ОД-1450 «О создании при Банке России Экспертного совета по защите прав розничных инвесторов». Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
8. РБК. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/6059b33f9a7947cbd163b149> (дата обращения: 29.12.2021).
9. Травин Г.Д. Правовые проблемы системы защиты неквалифицированных инвесторов - физических лиц на рынке ценных бумаг Российской Федерации. Государственная служба. 2021. № 3. С. 46-53.
10. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 306-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г. № 192-ФЗ) «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (Часть I). Ст. 5065.
11. ЦБ может ограничить доступ простых инвесторов к бумагам во время резких скачков цен - Экономика и бизнес - ТАСС <https://tass.ru/ekonomika/10970595> (дата обращения: 29.12.2021).

Сведения об авторе:

Островская Наталия Борисовна - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; Natali-ssla@yandex.ru.

Усольцев Е.Ю.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

***Аннотация:** В настоящей статье исследуются правоотношения в сфере розничного рынка, возникающие на стыке предпринимательского и потребительского права, регулирование которых носит комплексный характер, сочетающее как частноправовые, так и публично-правовые начала.*

***Ключевые слова:** потребитель, предприниматель, разнонаправленные интересы, слабая сторона, сильная сторона, злоупотребление правом.*

Среди бесконечного многообразия имущественных правоотношений особое место занимают потребительские, имеющие важное значение для удовлетворения первичных потребностей любого индивида. Их субъектами являются предприниматель (здесь и далее для целей настоящего исследования предприниматель рассматривается исключительно как контрагент потребителя, в качестве которого могут выступать перечисленные в преамбуле Закона РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» субъекты: изготовитель, исполнитель, продавец, импортер, а также уполномоченная изготовителем (продавцом) организация или уполномоченный изготовителем (продавцом) индивидуальный предприниматель) и потребитель, правовое положение которых во многом определяет специфику осуществления и защиты принадлежащих им правомочий.

Согласно преамбуле Закона РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» *потребитель* – это гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [6]. Как справедливо отмечается в юридической литературе, правовая категория «потребитель» имеет ценность только в паре с категорией «предприниматель» [3, с. 38]. Однако определение

предпринимателя законодатель не дает, но, опираясь на положения п. 1 ст. 2 ГК РФ, можно вывести, что *предпринимателем* является юридическое или физическое лицо, самостоятельно осуществляющее на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [5].

Таким образом, потребитель и предприниматель, вступая в отношения друг с другом, преследуют различные цели. Как следует из смысла закона, потребитель стремится в них удовлетворить свои личные или семейные нужды, поэтому в его интересах приобрести качественный товар (услугу), но с наименьшими для себя затратами. Предприниматель же вступает в такие отношения с единственной целью извлечения прибыли, следовательно, он, напротив, заинтересован получить за проданный товар (оказанную услуги) максимально возможную стоимость [10, с. 44]. По мнению В. А. Анисимова, именно различия в интересах участников потребительских отношений лежат «в основе закрепления за потребителем особого правового статуса, наделения его дополнительными возможностями правомерного воздействия на контрагента, а также предоставления ему дополнительных средств защиты», поэтому имеется необходимость комплексного исследования «феномена потребительского интереса и механизма его реализации» [1, с. 113]. Получается, что ключевое значение в определении сущности исследуемых правоотношений имеет разнонаправленность интересов потребителя и предпринимателя, а задача позитивного права заключается в переводе генетически заложенного конфликта между ними в латентное состояние в целях обеспечения устойчивого развития розничного рынка.

Другая не менее важная особенность потребительских правоотношений состоит в неравенстве их участников. Отсюда потребитель признается «слабой стороной», а предприниматель по отношению к нему – «сильной». Содержание понятия «слабая сторона», не имея законодательного закрепления, раскрывается в правовой доктрине. По мнению большинства исследователей, неравенство субъектов гражданского оборота носит *экономический характер* [см.: 11, с. 8]. Вместе с тем называются и другие критерии отнесения участников обязательств к слабой или сильной стороне. Так, по мнению Е. В. Вавилина, «слабая сторона в гражданско-правовом договоре – это условное обозначение участника договорных обязательств, обладающего значительно меньшим запасом тех или иных *организационных, материальных, профессиональных, информационных* и других конкурентных, имеющих значение для формирования, осуществления и защиты субъективного права ресурсов в сравнении со своим контрагентом (курсив мой. – Е. В.)». В свою очередь к «сильной стороне» ученый относит хозяйствующих субъектов, которые могут «объективно обусловленным образом диктовать, навязывать свои условия любым контрагентам» [4, с. 23-24]. С ним в целом соглашается А. А. Томтосов, который выделяет три признака слабой стороны договора: *повышенную заинтересованность стороны в заключении договора; непрофессионализм в сфере, в которой заключается договор; неравенство переговорных возможностей* [9, с. 370]. Схожая позиция содержится в Постановлении Конституционного суда РФ от 23 февраля 1999 г. по делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 03 февраля 1996 г. «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О. Ю. Веселяшкиной, А. Ю. Веселяшкина и Н. П. Лазаренко: «...граждане-вкладчики как сторона в договоре лишены возможности влиять на его содержание, что является ограничением свободы договора и как таковое требует соблюдения принципа соразмерности, в силу которой гражданин, как экономически слабая сторона в этих правоотношениях, нуждается в особой защите своих прав, что влечет необходимость в соответствующем правовом ограничении свободы договора и для другой стороны, т. е. для банков» [см.: 7]. Как видно, и представители науки, и Конституционный суд РФ исходят из отсутствия у потребителя реальной возможности оказывать влияние на процесс формирования договорных условий и таким образом ставят вопрос о признании лица слабой или сильной стороной в зависимости от степени распространения в отношении него принципа свободы договора.

Отсутствие паритета между потребителем и предпринимателем обуславливает комплексный характер возникающей между ними правовой связи, сочетающей частноправовые и публично-правовые начала. С одной стороны, это проявляется в том, что предприниматель «напрямую поставлен в зависимость от воли государства: его деятельность жестко регламентирована законодательством, от момента возникновения предпринимателя как субъекта права до момента прекращения им своей деятельности» [2, с. 73]. В качестве примера ограничения воли предпринимателя на вступление в рассматриваемые правоотношения можно привести положения ст. 426 ГК РФ о публичном договоре [5]. С другой стороны, отсутствие равенства между участниками потребительских отношений восполняется при помощи одновременного усиления прав потребителя как слабого субъекта в обязательстве и гражданско-правовой ответственности предпринимателя как сильной стороны обязательства [4, с. 25],

что также объясняет наличие в рассматриваемой сфере частноправового регулирования крупного элемента публичного права. Ярким примером этому может служить предусмотренный п. 6 ст. 13 Закона РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 штраф, взыскиваемый с продавца (производителя, исполнителя) за неудовлетворение в добровольном порядке требований потребителя [6]. Очевидно, что данная санкция носит частно-публичный характер, поскольку применяется судом независимо от того, заявлялось ли истцом соответствующее требование. При этом в случае вынесения решения в пользу потребителя суд не вправе освободить ответчика от штрафа. Единственный способ избежать применения указанной санкции – заключение участниками спора мирового соглашения.

Вместе с тем обоснованность презумпции слабости потребителя как стороны договора вызывает сомнения с точки зрения обеспечения интересов предпринимателя. Как справедливо отмечает В. А. Анисимов, «само по себе присутствие гражданина в имущественных отношениях с предпринимателем не подтверждает факта неравенства участников... для целей признания потребителя слабой стороной отношений использование такого приема, как презумпция, не объясняет целесообразности надления потребителя особым правовым статусом, поскольку презюмирование предполагает придание юридического значения таким обстоятельствам, существование которых доподлинно не установлено» [1, с. 107]. И, действительно, надление потребителя особыми правовыми привилегиями не должно автоматически означать его юридическую безграмотность, материальную ущербность или психологическую уязвимость по сравнению с его контрагентом. Особенно это касается случаев, когда на стороне продавца (исполнителя) выступают индивидуальные предприниматели, которые не всегда имеют возможность нанять для сопровождения своей деятельности профессиональных юристов и нередко сами нуждаются в дополнительных мерах правовой защиты со стороны государства. В этом смысле стоит согласиться с мнением А. Ф. Пьянковой о том, что установление «слабости» стороны должно происходить в рамках конкретного обязательства, поскольку «слабой стороной правоотношения может быть любой участник гражданского оборота – как физическое лицо, так и юридическое, в том числе осуществляющее предпринимательскую деятельность» [8, с. 303]. Однако такой подход применительно к отношениям с участием потребителей ни в науке гражданского права, ни в правореализационной практике не имеет широкого распространения: потребитель, часто неоправданно, без учета фактических обстоятельств дела, признается слабой стороной договора, что создает благоприятную почву для злоупотреблений правом с его стороны. В связи с чем концепция «слабости» потребителя как участника гражданского оборота подлежит коренному пересмотру.

Таким образом, особенностями правового положения участников потребительский отношений являются разнонаправленность их интересов и неравенство правовых статусов, что определяет комплексный характер складывающейся между ними юридической связи. Указанные свойства неразрывны и взаимообусловлены, поэтому выделение среди них преобладающего или рассмотрение их по отдельности затруднительно и нецелесообразно. Данные выводы должны учитываться как при модернизации законодательства в области защиты прав потребителей, так и при планировании научных исследований по соответствующей проблематике.

Список используемой литературы:

1. Анисимов В.А. Теоретические проблемы определения правового статуса потребителя // Власть закона. – 2017. – № 2 (30). – С. 106-114.
2. Богдан В.В. Гражданско-правовое регулирование защиты прав потребителей в современной России: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2015. – 389 с.
3. Богдан В.В. Субъекты предпринимательской деятельности в системе отношений с участием потребителей: частноправовые и публично-правовые начала // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – № 3 (14). – С. 37-41.
4. Вавилин Е.В. Защита слабой стороны в обязательстве как цель правового регулирования // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов: Избранные материалы, Пермь, 16–17 октября 2015 года / Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2016. – С. 21-38.
5. Гражданский кодекс РФ (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. – № 238-239. – 1994. – 8 декабря.
6. О защите прав потребителей: закон РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 766.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года

«О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1999. – № 3.

8. Пьянкова А.Ф. Понятие слабой стороны договора в свете реформы гражданского законодательства / А. Ф. Пьянкова // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: Сборник научных статей, Пермь, 18–19 ноября 2016 года / Ответственные редакторы В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2017. – С. 297-303.

9. Томтосов А.А. Новые подходы к защите слабой стороны договора // Свобода договора: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. – М.: Статут, 2016. – С. 364-382.

10. Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя: постановка проблемы и поиск ее решения // Юрист. – 2021. – № 4. – С. 41-45.

11. Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовая охрана прав потребителей: дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1992. – 330 с.

Сведения об авторе:

Усольцев Егор Юрьевич – мировой судья 1-го судебного участка Чановского судебного района Новосибирской области, аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права ФГБОУВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», usoltsev_egor@bk.ru.

Научный руководитель – Матияшук С.В., д.ю.н, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права ФГБОУВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ».

Ильинская Н.И.

НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ»

***Аннотация:** В данной статье на основе анализа положений международных нормативных документов, а также актов российского законодательства анализируется определение понятия частной жизни. По результатам делается вывод о том, что основу содержания данного правового понятия включают различные тайны, которые составляют сферу приватности отдельной личности. В своей основе это информация о личной или семейной жизни гражданина. Формулируется предложение о необходимости дополнения российского законодательства соответствующим определением.*

***Ключевые слова:** частная жизнь, личная и семейная жизнь, неприкосновенность частной жизни, тайны личной жизни, нематериальные блага.*

Физические лица, несмотря на ярко выраженное в них социальное начало, в силу своей природы стремятся к уединению и автономии. Даже экстраверты, то есть люди с максимально открытым и общительным характером, имеют тайны, которые они хотели бы скрыть от окружающих. Та часть жизнедеятельности человека, которая находится под его контролем и которую он хотел бы оградить от влияния извне, составляет сферу его частной жизни. При этом следует иметь в виду то, что частная жизнь, попадая в сферу действия права, становится объектом правового регулирования и охраны. В последнее время в условиях информатизации и цифровизации всех сторон жизни человека проблемы правовой охраны личной приватности граждан становятся все более актуальными. Указанные процессы во многом облегчают жизнь, к примеру, существенно упрощают поиск необходимой информации, однако вместе с тем, значительно увеличивают риск нарушения личной сферы жизнедеятельности человека [10, с. 214].

Частная жизнь как благо имеет довольно высокую сопоставимую с жизнью и здоровьем ценность применительно к отдельному конкретному человеку. Вследствие этого нормативное закрепление данного блага как объекта правового воздействия осуществляется на самом высоком с точки зрения иерархии нормативных актов уровне. В частности, отдельные составляющие частной жизни, такие как ее неприкосновенность, а также личная и семейная тайна охраняются на конституционном уровне. Право на неприкосновенность частной жизни является одним из наиболее фундаментальных конституционных прав личности, поскольку оно обеспечивает возможность оградить свое личное пространство от посягательств извне. Современное законодательство, касающееся нематериальных благ, является намного более совершенным по сравнению с тем временем, когда государственные приоритеты были выше личных интересов. В настоящее время правовая основа обеспечения прав личности в своей основе соответствует международным актам прав и свобод человека.

Исследование проблем правового регулирования и охраны частной жизни, безусловно, следует начинать с определения понятий самой частной жизни. Именно это позволит сформировать систему правовых норм в максимальной степени способствующих ограждению человека от стороннего на него воздействия и влияния. В настоящее время легальное определение частной жизни в законодательстве отсутствует. В этом отношении складывается парадоксальная ситуация. Частная жизнь как таковая, ее неприкосновенность являются объектом правовой охраны не только на отраслевом, но и конституционном уровне, однако закон не содержит указаний на то, какие стороны жизни человека составляют его автономию. Положение отчасти смягчается тем, что содержательная характеристика данного понятия раскрывается в материалах судебной практики.

Так, Конституционный Суд РФ выработал подход к определению понятия «частная жизнь», согласно которому под ней понимается «та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер» [7].

Права на указанные выше блага непосредственно предусмотрены в ч. 1 ст. 23 Конституции РФ [1]. Кроме того, в ч. 2 той же статьи признает право каждого (не только российских граждан) сохранять содержание переписки, переговоров и иных средств коммуникации в тайне.

Ст. 24 Конституции РФ устанавливает запрет на сбор, использование в любых целях и распространение информации, затрагивающей любые сферы частной жизни гражданина. Фактически это другая сторона права на частную жизнь. Если в ст. 23 Конституции РФ содержание данного права раскрывается посредством указания на позитивные действия уполномоченного субъекта, то в ст. 24 Конституции РФ оно определяется через запреты, налагаемые на всех иных субъектов.

Признание частной жизни как объекта повышенной степени охраны осуществлено и на уровне международных актов, в том числе важнейшем из них – Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [2] Ст. 12 данного документа предусматривает запрет на произвольное вмешательство в сферу личного пространства, то есть в личную и семейную жизнь. Кроме того, положения данной статьи устанавливают правила, гарантирующие свободу от посягательства на жилище, а также тайны коммуникации гражданина, в том числе, его корреспонденции.

Одним из важнейших в этом плане является Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [3] Положения ст. 8 данного международного документа содержат нормы о необходимости охраны частной и семейной жизни. В частности, в п. 1 отмечается признание за каждым права на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. Второй пункт данной статьи указывает на наличие определенных пределов действия указанного права. Так, «не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

Международный уровень регулирования различных аспектов охраны частной жизни не обошел вниманием и вопросы цифровизации. Примером такого рода может служить Европейская Конвенция «О преступности в сфере компьютерной информации» от 23.11.2001 г. [4] Данный документ сформулировал основные правила обращения с информацией, которая содержит личные данные компьютерных пользователей.

Защиту частной жизни может осуществляться рядом отраслей права, в том числе публичных. Например, Уголовный кодекс РФ [6] (далее – УК РФ) содержит ряд составов, объектом охраны которых является частная жизнь граждан. В частности, ст. 137 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за действия, которые могут привести к нарушению неприкосновенности частной жизни. Состав преступления за нарушение тайны переписки и переговоров предусмотрен ст. 138 УК РФ. Также охрана частной жизни осуществляется с помощью средств административного права. К примеру, ст. 13.11 Кодекса об административных правонарушениях [5] (далее – КоАП РФ) предусматривает возникновение уголовной ответственности за действия, связанные с обработкой персональных данных, не охватываемых российским законодательством. Имеются и иные составы, объектом которых является охрана различных сторон частной жизни граждан.

Таким образом, отрасли публичного права способны осуществлять охрану частной жизни граждан путем установления мер ответственности за отдельные правонарушения, однако охрана всех аспектов личностных интересов, где главенствующим показателем является самовыражение, воля и индивидуальное пространство, во всей полноте может осуществляться только средствами гражданского права.

В настоящее время виды объектов гражданских прав, по поводу которых возникают правоотношения, предусмотрены ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). К числу основных разновидностей отнесены: имущество (вещи, имущественные права и др.), результаты работ и оказание услуг, результаты творческой деятельности и нематериальные блага. Неисчерпывающий перечень нематериальных благ предусматривает ст. 150 ГК РФ, среди которых названа неприкосновенность частной жизни. В относительно развернутом виде нормативные положения, опосредующие охрану частной жизни, содержатся в специальной статье, а именно, ст. 152.2 ГК РФ.

Законодатель в цивилистической сфере учел все возрастающую актуальность вопросов правовой охраны частной жизни и в 2013 году в виде ст. 152.2 ГК РФ сформулировал основные подходы к правовому регулированию и охране частной жизни с помощью гражданско-правовых средств. В данной статье отсутствует легальное определение частной жизни, однако из ее содержания можно делать некоторые выводы относительно содержания данного понятия. Так, в числе основных положений указанной статьи можно выделить следующие.

Во-первых, законодатель вносит ряд уточнений в отношении той информации, которая составляет тайны личной жизни. В частности, последние составляют сведения, касающиеся происхождения, места пребывания и жительства, а также любых аспектов, затрагивающих личную и семейную жизнь.

Во-вторых, определяются пределы того, в отношении чего граждане вправе требовать запретов и ограничений на сбор и распространение соответствующей информации. Речь идет о случаях, когда соответствующая информация может консолидироваться, храниться на определенных носителях (в последнее время в большинстве случаев на электронных), использоваться, в том числе распространяться в определенных целях. Законодатель считает возможным осуществление данных действий без согласия на то лица, которого касаются данные сведения, только в определенных публичных интересах. К числу таковых относятся государственные и иные общественные интересы. Вместе с тем, категория публичных интересов в данной статье не раскрывается. Отсутствуют детальные указания на содержание указанного понятия и в иных правовых источниках. Полагаем, что это одно из главных направлений развития законодательства об охране частной жизни.

В-третьих, введено уточнение в отношении понятия о распространении конфиденциальной информации. В частности, нормативно определено, что распространением будет считаться использование данного рода информации при осуществлении интеллектуальной деятельности, которая предусмотрена частью 4 Гражданского кодекса РФ. Речь в данном случае идет о создании литературных и иных произведений с использованием информации о частной жизни определенного строго индивидуализированного гражданина. Такая деятельность, по общему правилу должна рассматриваться как противоправная. Правомерность может быть достигнута путем получения согласия на такое использование конфиденциальной информации.

В-четвертых, законодатель определил, что возникновение и исполнение гражданско-правовых обязательств также составляет одну из сторон частной жизни. В этом отношении вводится презумпция частного характера данной информации. Она по общему правилу должна рассматриваться как конфиденциальная.

В-пятых, внесены дополнения в отношении гражданско-правовой защиты данного охраняемого блага. В частности, устанавливается право гражданина на удаление информации с определенных носителей, а также запрета на дальнейшее распространение экземпляров, содержание которых составляет конфиденциальная информация. В этом плане важно то, что удаление информации и уничтожение соответствующих носителей должно происходить без какой-либо компенсации.

На основе анализа положений ст. 152.2 ГК РФ можно сделать вывод о том, что понятие частной жизни должно включать в себя указание на те виды информации о человеке, которые должны рассматриваться как конфиденциальные, а также на критерии определения границ публичного интереса, реализуя который можно использовать соответствующую информацию.

Нематериальные блага как объект гражданских прав обладают общими признаками, позволяющими объединить их в одну группу. Обычно в качестве таких признаков рассматривается их неотчуждаемость и непередаваемость любым образом. Такие характеристики прямо предусмотрены в ст. 150 ГК РФ применительно к любым нематериальным благам. Кроме того, большинство таких благ принадлежат каждой личности непосредственно от рождения. В их числе жизнь, здоровье, доброе имя, личная и семейная тайна, а также многие другие.

Указанные признаки прямо предусматриваются законодательством, однако в научной литературе выделяются и иные. Так, по мнению Л.О. Красавчиковой, нематериальные блага дополнительно характеризуются такими особенностями, как нетоварность и наличие внеэкономической природы [9, с. 10-11].

Частная жизнь гражданина не предназначена для постороннего взора. В этом плане с правовой точки зрения охране подлежит интерес физического лица, состоящий в устранении любого вмешательства любых третьих лиц в ту сферу, которую индивид желал бы скрыть.

Содержание права на частную жизнь включает в себя отдельные правомочия, реализуя которые, индивид обеспечивает для себя необходимую степень личной автономии. В первую очередь, неприкосновенность частной жизни обеспечивается сохранением в тайне информации, составляющей объект личного интереса управомоченного лица. В соответствии с п. 1 ст. 152.2 ГК РФ информацию о частной жизни составляют «сведения о происхождении гражданина, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни». По общему правилу сбор, хранение, использование и распространение подобного рода информации является незаконным.

Информация, содержащая сведения личного характера, является конфиденциальной. Однако абсолютное тождество между личной информацией, и информацией конфиденциального характера, отсутствуют. Это является следствием того, что понятие «конфиденциальная информация» является родовым по отношению к множеству разновидностей сведений, не подлежащих разглашению. Такая трактовка высказана в научной литературе, в частности, Г.Г. Востриковым [8, с. 33-34].

Таким образом, сведениями о частной жизни гражданина, которые являются тайной, являются позволяющие идентифицировать соответствующего гражданина (имя, изображение, адрес места жительства, контактные сведения, дата и место рождения, национальная принадлежность и т.д.), составляющие личную, семейную и иную тайну данного гражданина (например, налоговую тайну - сведения о доходах, имуществе, размере уплаченных налогов; медицинскую тайну и т.д.), информация о коммуникациях гражданина (в том числе о его переписке, телефонных переговорах и т.д.), о передвижении гражданина по территории страны и мира, профессиональные тайны (информация о частной жизни граждан, которая становится известной представителям различных профессий в связи с осуществлением их профессиональной деятельности).

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1995. – № 67.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
4. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001). URL: <https://base.garant.ru/4089723>
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2010 № 644-О-О // СПС Консультант-Плюс: Судебная практика
8. Востриков Г.Г. Ответственность за нарушение законодательства, регулирующего аудиторскую деятельность // Право и экономика. – 2015. – № 9. – С. 28-36.
9. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1994. – 435 с.
10. Токарева К.О. Право на тайну частной жизни и защиту персональных данных в условиях цифровизации // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2020. – С. 214-216.

Сведения об авторе:

Ильинская Наталья Игоревна – аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; 1161427@bsu.edu.ru

Бочинин И.П.
РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ПРЕФЕРЕНЦИЙ В КОНКУРЕНТНОМ ПРАВЕ РОССИИ

***Аннотация:** В статье рассмотрено развитие понятия государственных и муниципальных преференций в российском конкурентном праве. Автором отмечается, что, несмотря на распространенность практики антимонопольных органов по применению положений главы 5 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», в настоящее время существует ряд сложных вопросов, связанных с институтом государственных и муниципальных преференций, требующих теоретического осмысления, в том числе с опорой на опыт зарубежных стран.*

***Ключевые слова:** конкурентное право, государственные и муниципальные преференции, государственная помощь, конкуренция*

В настоящее время под государственными и муниципальными преференциями согласно п. 20 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) понимается предоставление федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями отдельным хозяйствующим субъектам преимущества, которое обеспечивает им более выгодные условия деятельности, путем передачи государственного или муниципального имущества, иных объектов гражданских прав либо путем предоставления имущественных льгот, государственных или муниципальных гарантий.

Началом развития института государственных и муниципальных преференций следует считать принятие в 1991 г. Закона РСФСР от 22.03.1991 г. № 948–1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (далее – Закон 1991 г.).

Закон 1991 г. не содержал самого понятия «преференция», однако запрещал принятие органами власти таких актов (совершение таких действий), которые бы являли собой необоснованное предоставление отдельным хозяйствующим субъектам налоговых или иных льгот, ставящих их в преимущественное положение по отношению к другим хозяйствующим субъектам, работающим на рынок того же товара. Фактически соответствующая норма Закона 1991 г. представляла запрет антиконкурентного поведения органов власти по предоставлению преференций в их современном понимании Закона о защите конкуренции.

Закон о защите конкуренции, принятый в 2006 г., содержал (и содержит) намного более полное регулирование института преференций. Помимо законодательного определения обсуждаемого понятия, приведенного нами в начале настоящей работы, Закон о защите конкуренции впервые предусмотрел отдельную главу, посвященную регулированию государственных и муниципальных преференций.

При этом примечательно, что первые несколько лет существования Закона о защите конкуренции государственные и муниципальные преференции именовались по-иному: государственная и муниципальная помощь. Так, до вступления в силу Федерального закона от 17.07.2009 г. № 164-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 164-ФЗ) наименование главы 5 Закона о защите конкуренции, а также все иные релевантные нормы антимонопольного законодательства оперировали термином «государственная или муниципальная помощь» – по аналогии с зарубежным (прежде всего – европейским) законодательством, регулирующим схожий институту преференций институт государственной помощи (*state aid*).

Так, согласно статье 107 Договора о функционировании Европейского Союза кроме изъятий, предусмотренных Договорами, является не совместимой с внутренним рынком в той мере, в какой она затрагивает торговлю между государствами-членами, помощь, предоставляемая в любой форме государствами или за счет государственных ресурсов, которая искажает или угрожает исказить конкуренцию путем создания преимуществ для отдельных предприятий или производств. Сущностные признаки государственной помощи в европейском законодательстве во многом схожи с признаками помощи (преференций) в российском антимонопольном законодательстве.

Как отмечал вскоре после вступления в силу изменений в Закон о защите конкуренции в части «переименования» института В.И. Еременко: «Содержание нового понятия практически не

изменилось, кроме включения нового вида предоставляемого хозяйствующим субъектам преимущества – «имущественных льгот», причем его смысл далее по тексту нигде не раскрывается [3, с. 7].

При этом в Письме ФАС России от 14.08.2009 г. № ПС/27405 указывалось, что изменение законодательного термина имело место с целью «подчеркнуть характерную особенность предоставления государственного или муниципального имущества хозяйствующему субъекту, а именно предоставление данному хозяйствующему субъекту преимущества, которое влияет на конкуренцию на соответствующем рынке», поскольку, по мнению ФАС России, «старый термин «помощь» данную особенность не отражал».

Полагаем, что следует согласиться с позицией Д.А. Плеханова, которая сводится к тому, что существенные сущностные различия в употреблении терминов «помощь» и «преференция» отсутствуют, однако произошедшее изменение нормативного регулирования рассматриваемого института одновременно с изменением наименования следует считать одним из этапов развития института государственной помощи в российском конкурентном праве [4, с. 130]. В частности заслуживают внимания изменения, внесенные Законом № 164-ФЗ в главу 5 Закона о защите конкуренции: например, существенное дополнение и корректировка целей, для достижения которых может быть предоставлена государственная или муниципальная преференция.

В дальнейшем содержание понятия преференций также корректировалось. Так, например, Федеральным законом от 06.12.2011 г. № 401-ФЗ способы предоставления преференций были дополнены государственными или муниципальными гарантиями.

В настоящее время институт государственных и муниципальных преференций активно развивается в практике ФАС России и ее территориальных управлений. Так, исходя из данных Доклада о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 г., в 2020 г. было рассмотрено 1598 заявлений о даче согласия на предоставление преференции [2, с. 276]. При этом антимонопольные органы контролируют недопустимость нарушения антимонопольного законодательства вследствие неправомерного предоставления государственных и муниципальных преференций, возбуждая соответствующие дела о нарушении п. 7 ч. 1 ст. 15 и (или) ст. 19–21 Закона о защите конкуренции. Отрадно, что, как следует из статистики ФАС России, ежегодно количество возбуждаемых дел о нарушении антимонопольного законодательства, связанных с предоставлением преференций, снижается [2, с. 276].

На наш взгляд, в настоящее время, с учетом достаточно активной правоприменительной практики по нормам ст. 19–21 Закона о защите конкуренции, становится актуальным исследование отдельных вопросов института государственных и муниципальных преференций, что могло бы способствовать дальнейшему развитию обсуждаемого института, в том числе как имеющего серьезный потенциал для, например, поддержки малого и среднего предпринимательства.

Так, по нашему мнению, одним из главных вопросов всего института преференций является вопрос о влиянии предоставления преимущества, являющего собой преференцию, на состоянии конкуренции на товарном рынке. Мы полагаем, что само предоставление преференции рассматривается законодателем в качестве ограничивающего конкуренцию, а одним из признаков преференции может быть названо влияние на состоянии конкуренции. Так, например, согласно буквальному содержанию п. 1 ч. 3 ст. 20 Закона о защите конкуренции антимонопольный орган дает согласие на предоставление государственной или муниципальной преференции в том случае, если предоставление преференции не может привести к устранению или недопущению конкуренции. Тем самым, Закон о защите конкуренции допускает предоставление преференции, которое содержит признаки ограничения конкуренции, предусмотренные п. 17 ст. 4 Закона о защите конкуренции, но не приводит к недопущению или устранению конкуренции. Также согласно п. 4 ч. 3 ст. 20 Закона о защите конкуренции цель согласования предоставления преференции с введением ограничений заключается не в устранении негативного влияния преференции на состояние конкуренции, но в его уменьшении [1, с. 87-88]. С учетом указанного представляется необходимым в каждом конкретном случае рассмотрения антимонопольными органами заявления о предоставлении преференции выяснять вопрос о соотношении негативных и положительных последствий предоставления преимущества. С вышеуказанным также тесно связан вопрос соотношения дачи согласия антимонопольным органом на предоставление преференции и дачи согласия с введением ограничений: в каком случае степень ограничения конкуренции «достаточна» для дачи согласия на предоставление преференции без введения ограничений?

При этом как вопрос о влиянии предоставления государственной помощи на состояние конкуренции на товарном рынке, так и некоторые другие проблемные вопросы института преференций

рассматривались в трудах зарубежных, преимущественно европейских, исследователей. По нашему мнению, сравнительно-правовое исследование института государственной помощи, например, в Европейском Союзе имеет определенный потенциал для развития государственных и муниципальных преференций в России.

Отметим, что российские исследователи в области конкурентного права, а также ФАС России имеют определенный, на наш взгляд положительный, опыт анализа европейских законодательства, доктрины, практики. Так, ярким примером является принятие Разъяснения Президиума ФАС России от 11.10.2017 г. № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства», которое во многом основано на Практическом руководстве по оценке ущерба в исках об убытках, причиненных нарушениями статей 101 или 102 Договора о функционировании ЕС, нашедшем широкое применение в странах Европейского Союза.

Таким образом, в настоящее время институт государственных и муниципальных преференций в России планомерно развивается: с появления первых «норм-прообразов» регулирования преференций в Законе 1991 г. до настоящих дней наработана существенная нормативная и правоприменительная практика обсуждаемого института. Однако отдельные сложные вопросы порядка предоставления преференций остаются недостаточно исследованными. Для дальнейшего развития института преференций и исследования сложных вопросов обсуждаемого института заслуживает внимания обращение к опыту иностранных государств по применению схожих институтов права.

Список цитируемой литературы:

1. Бочинин И.П. Государственные и муниципальные преференции: влияние на конкуренцию // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 3 (27). С. 84–89.
2. Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 год // Официальный сайт ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/documents/b-n-3609af5f-7476-4122-bb77-d04c49d96ca7> (дата обращения: 06.01.2022).
3. Еременко В.И. Очередные изменения в антимонопольном законодательстве Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2010. № 2. С. 7–17.
4. Плеханов Д.А. Защита конкуренции от антиконкурентных актов, действий и соглашений органов государственной власти и местного самоуправления (правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

Сведения об авторе:

Бочинин Илья Павлович – аспирант кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). e-mail: ilya.bochinin@gmail.com

Научный руководитель – Пузыревский С.А., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), статс-секретарь – заместитель руководителя ФАС России

Камин А.В.

К ВОПРОСУ О СЕКУНДАРНОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ

***Аннотация:** Корпоративное право – активно развивающаяся подотрасль гражданского права, разрабатываемая как на уровне теории, так и на уровне законодательства и судебной практики. Вместе с тем теоретическому описанию динамики юридической процедуры осуществления корпоративных прав уделяется крайне мало внимания. Использование дробления процедуры осуществления корпоративных прав на стадии позволяет уловить элемент секундарности в его внутренней структуре, охарактеризовать теоретические границы возможной применимости указанной категории.*

***Ключевые слова:** корпоративное право, корпоративное правоотношение, корпорация, секундарное право, стадии осуществления прав.*

Настоящее исследование презюмирует верность концепции Е.В. Вавилина указывающего, что механизм осуществления гражданских прав в широком смысле включает в себя следующие стадии: «предреализационную, формирование субъективного права, его установление, процедурную стадию реализации права, стадию фактической реализации, стадию защиты нарушенного права» [2; 189].

Различия между стадиями формирования и установления субъективного гражданского права продемонстрированы М.И. Брагинским на примере выяснения природы договора в пользу третьего лица, а также характеристике обязательства, возникающего из него. В частности, указывается «идет ли речь об обычном правоотношении ..., воля третьего лица лишь трансформирует обязательство ..., либо эта воля лица впервые создает соответствующее обязательство, т.е. является правоустанавливающим отлагательным условием» [1; 367]. Вместе с тем цивилистом дополняется, что в указанных случаях используются две разные смысловые нагрузки одного и того же явления: «первое из них выражается в возможности для третьего лица присоединиться соответствующим образом к договору», «вторым является право, возникшее в связи с выражением воли третьим лицом воспользоваться предоставленным ему секундарным правом» [1; 367].

Принципиальное значение для возможности указания на разделение этапа формирования и установления гражданского права имеет факт наличия правоотношения между кредитором и должником с возможностью участия третьего лица. Наличие в договоре, являющимся основанием для возникновения обязательства, возможности третьего лица присоединиться к такому договору, выговоренной для него, признаётся секундарным правом третьего лица, а вместе с тем стадией формирования субъективного права. В свою очередь, осуществление имеющегося секундарного права влечёт установление иного, искомого субъективного права.

Соотношение формирования и установления субъективного права шире характеризует Е.В. Вавилин, указывая на два важнейших аспекта:

во-первых, на сходство категорий: «формирование и установление права» и «процесс и момент заключения договора», где выделение второй категории «подтверждает наличие качественно различных состояний правоотношений» [2; 177].

во-вторых, учёным указывается, что «... в ряде случаев возможно совпадение этих двух стадий: например, когда договор заключается без процедуры предварительного договора (ст. 429 ГК РФ) или процедуры урегулирования разногласий между сторонами при заключении договора поставки (ст. 507 ГК РФ). При отсутствии указанных процедур... стадии формирования и установления права совпадают» [2; 178].

Таким образом, при разделении стадий формирования и установления права, сформированное, но не установленное субъективное право (в аналогичном правоотношении) является отдалённой возможностью поведения управомоченного лица в будущем, представляющим собой субстанцию, находящуюся на стыке механизма правового регулирования и субъективного права (правоотношения), способную оказывать влияние на реальные общественные отношения, прежде всего выполнять превентивную функцию.

Используя указанную концепцию на примере имущественного корпоративного правоотношения предположим, что на общем собрании участников корпорации принято решение об объявлении дивидендов, при этом в ходе осуществления управленческого корпоративного правоотношения для всех лиц, имеющих право на получение дивидендов, устанавливается возможность их получения. Указанный юридический факт оказывается достаточным для возникновения возможности получения денежных сумм участниками, которым они причитаются, то есть и формируется, и устанавливается имущественное корпоративное правоотношение. После принятия общим собранием указанного решения, совершение дополнительных юридически значимых действий управомоченным лицом, по общему правилу, не требуется. В свою очередь, непредоставление денежных сумм от юридического лица участнику в счёт дивидендов, в установленный срок, влечёт возникновение возможности требовать указанные денежные суммы, а также корреспондирующую обязанность по их предоставлению. В подобной трактовке возможность (или «право на право») требовать может быть названа секундарной по своей природе, поскольку обязанная сторона претерпевает последствия и реализацию указанного правомочия в имущественном правоотношении. Однако, ввиду включения указанного правомочия в процедуру осуществления корпоративного права, практическая значимость подобного выделения незначительна.

Необходимо обратить внимание и на иной аспект правовой связи между участником и юридическим лицом после принятия общим собранием решения о выплате дивидендов и до момента фактического требования денежных сумм участником с корпорации, оставшийся без внимания. Возможность участника потребовать выплаты объявленных дивидендов возникает после истечения срока для добровольного осуществления указанной выплаты. В свою очередь правовой квалификации требует указанная возможность добровольного исполнения обязанности до

конкретного срока. Так, в указанном случае возможно использовать понятие «вторичная обязанность», которая в настоящий момент практически не используется в научной литературе, а если используется, то лишь в качестве упоминания во взаимосвязи с субъективным правом [4,5].

Вторым настоящей работы уже предлагалось выделить категорию вторичной обязанности, под которой возможно понимать долженствования определённого поведения, то есть конкретные ограничения, налагаемые на возможные варианты действий (бездействий) обязанного субъекта, при неисполнении которых обязанная сторона претерпевает неблагоприятные последствия, при одновременном усилении правового положения противопоставленной стороны [3].

При подобном подходе возможно выстроить согласованную последовательность процессов, предшествующих стадии фактического получения блага, представляющий собой: 1) период времени с возникновения обязанности корпорации выплатить её участнику объявленные дивиденды, сущностью которого является возможность исполнения вторичной обязанности, 2) а также период времени с возникновения вторичной возможности на предъявления требования о выплате дивидендов до её осуществления. Момент предъявления требования о выплате дивидендов будет свидетельствовать о фактическом неполучении соответствующих выплат, а также о дальнейшем развитии процедуры осуществления корпоративного права.

Таким образом, осуществление корпоративного права в широком смысле включает в себя: предрезалиционную стадию, стадию установления, процедурную стадию реализации права, стадию фактической реализации, стадию защиты нарушенного права. Исключение стадии формирования корпоративного права из вышеуказанного перечня обусловлено особым характером корпоративных правоотношений, который исключает возможность построения правоотношения таким образом, что оставляет возможность присоединения к ним иного третьего лица, а также отсутствием правоотношений, предшествующих и непосредственно направленных на организацию установления и осуществления иных корпоративных правоотношений.

В свою очередь, категорию вторичного права в корпоративных правоотношениях целесообразно применять исключительно в контексте процедуры осуществления корпоративного права, для характеристики тех или иных возможностей управомоченного лица, что в свою очередь позволяет кристаллизировать некоторые особенности стадий осуществления корпоративных прав.

Список цитируемой литературы:

1. Брагинский М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. М.: Статут, 2020. 848 с
2. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. 416 с.
3. Камин А.В. Правовая природа вторичных обязанностей // Сборник тезисов XVIII международной научно-практической конференции молодых учёных. М.: Проспект, 2019. С. 281-282.
4. Кравченко А.А. К вопросу о понятии вторичного права // публичное и частное право, 2015. № 3. С. 200-209.
5. Невзгодина Е.Л. Полномочие представителя: вторичное или субъективное право? // Вестник ОмГУ, 2013. №1. С 241-248.

Сведения об авторе:

Камин Алексей Викторович - аспирант ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; a.v.kamin@mail.ru

Научный руководитель: Вавилин Е.В., д.ю.н, профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Сахно Ю.А.
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА
НА ЖИЛИЩЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

***Аннотация:** В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования жилищного вопроса военнослужащих, тема предоставления жилищных сертификатов, организация жилищно-накопительно-ипотечной системы обеспечения военнослужащих. Сделаны выводы: правовое регулирование обеспечения жильем помещениями военнослужащих представлено в Российской Федерации различными, но не систематизированными нормативными правовыми актами, что препятствует на практике надлежащим образом успешно решать эти вопросы. Отсутствие специализированных жилищных фондов у воинских частей, Министерства обороны России и должного финансирования из бюджета государства приводит к нарушению права военнослужащих на жилище. В статье изложены предложения по решению жилищных проблем военнослужащих, сделан акцент на проведении занятий с военнослужащими с целью изучения и разъяснения их правовых возможностей при получении жилья. Правовая работа среди военнослужащих является фундаментом для создания социально защищенной армии. Предложенные в публикации варианты помогут военнослужащим более грамотно и ответственно подходить к решению проблемных вопросов по улучшению жилищных условий.*

***Ключевые слова:** защита жилищных прав, военнослужащие, накопительно-ипотечная система обеспечения жилищных прав, жилищные субсидии, жилищный сертификат, учетная норма, нормы площади жилого помещения.*

Жилищное обеспечение и право на жилище – относятся к основополагающим конституционным принципам, гарантированных гражданам и особой категории – военнослужащим. Данное субъективное право позволяет реализовать каждому военнослужащему конституционное право на решение жилищного вопроса и стимулирует военнослужащего к долгосрочному исполнению воинских обязанностей [4, с. 98].

Нормативная основа правовых отношений военнослужащих представлена Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ), ст. 51 Жилищного Кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ), Федеральным законом «О статусе военнослужащих», Федеральным законом «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих», а также Постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, а также военнослужащих и сотрудников государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства» [8].

Приказом Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации от 20.01.2021 №3 в положения о Порядке предоставления жилищной субсидии и жилых помещений военнослужащим [9] были внесены изменения в п. 31 ст. 24 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Они связаны с нормативным основанием по обеспечению жильем помещениями членов семей военнослужащих, проходивших военную службу по контракту и погибших (умерших) в период прохождения военной службы и после увольнения с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиям, признанных нуждающимися в жилых помещениях [11].

Несмотря на внушительную законодательную систему, вопросы жилищного обеспечения военнослужащих много лет не решались на государственном уровне. В итоге у молодежи пропал интерес к военной службе. Поэтому как никогда актуально решение проблем в сфере жилищного обеспечения не только для действующих военнослужащих, но и уволенных с военной службы и членов их семей [1, с. 188].

Безусловно, военнослужащие – особая категория граждан, имеющих льготы на получение жилых помещений. В соответствии со ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» предусмотрены следующие виды гарантий: предоставление жилых помещений в собственность, денежная единовременная выплата на покупку либо строительство собственного жилья, заключение договора социального найма.

Департаментом жилищного обеспечения устанавливается факт нуждаемости в улучшении жилищных условий для военного в соответствии с учетной нормой площади жилья не более

18 кв. м. общей площади жилого помещения на одного человека (ст. 51 ЖК РФ). Порядок очередности по распределению жилых помещений зависит от даты постановки военнослужащих на учет и от продолжительности военной службы.

Так как военная служба предполагает частую смену места жительства и командировки, за время прохождения службы нередко возникают жилищные вопросы. Военнослужащим положено предоставить жилые помещения из специализированного жилищного фонда Министерства обороны России. Предоставление жилья в виде служебного помещения особенно актуально на время исполнения военным своих должностных обязанностей. По прибытию к месту службы и не позднее трех месяцев военный и члены его семьи обращаются в структурное подразделение уполномоченного органа для заключения договора найма служебного жилого помещения [2, с. 47].

Особый интерес представляет рассмотрение характеристики *государственного жилищного сертификата*. Жилищный сертификат является ценной бумагой, которая предоставляет военнослужащему или уволенному с военной службы гражданину возможность приобретения жилья в собственность. Получить жилищный сертификат могут не только военные, но и ближайшие члены семьи в случае их гибели. Свидетельство на сертификат предоставляет самостоятельную возможность выбора места расположения и вид жилищных условий. Существуют требования для военнослужащих при получении жилищного сертификата:

- стаж не менее 10 лет на службе при увольнении вследствие ухудшения здоровья или с учетом организационно-штатных мероприятий;
- 20 лет общей выслуги при уходе со службы по семейным обстоятельствам;
- наличие постановки на учет как нуждающегося в улучшении жилищных условий;
- факт переезда из служебного жилья или из военного городка, поселения.

Отметим, что основание увольнения по окончании контракта при выслуге в 20 лет будет решающим при рассмотрении вопроса о нуждаемости в жилом помещении по месту военной службы [6, с. 116–117].

Также военнослужащие вправе получить *единовременную денежную выплату* (далее – ЕДВ) на строительство или приобретение жилья. Площадь приобретаемого объекта недвижимости должна соответствовать установленным нормативам. Но, в свою очередь, субсидия не позволяет выбрать предпочтительную форму жилья, но с органов местного самоуправления снимает обязанности предоставления жилья военнослужащим. Недостатком такой субсидии в денежной форме является то, что данной суммы недостаточно для приобретения надлежащей недвижимости, и оставшуюся часть суммы должен доплатить из собственных средств военнослужащий. Стоимость квадратного метра определяется на федеральном уровне.

Кроме того, приобретая жилье с внесением денежной выплаты, не обязательно иметь привязку с субъектом, в котором гражданин состоит на учете в качестве нуждающегося. Для покупки можно выбрать любой регион и субъект федерации, что и значительно расширяет возможности в приобретении жилых помещений и является несомненным плюсом данной субсидии [3]. Вариант с «жилищной субсидией» для улучшения жилищных условий, предусматривающий подачу заявления о предоставлении военнослужащему ЕДВ на покупку или строительство жилья, считается наиболее быстрым способом решить жилищную проблему.

Алгоритм предполагается следующий: увольняющийся в запас или уходящий в отставку военный должен быть включен в реестр на получение жилья (или улучшение имеющихся жилищных условий). В Департамент жилищных отношений (управление жилищного обеспечения) или комиссариат следует подать документы, подтверждающие отсутствие права собственности военнослужащего на жилплощадь и заявление о выплате субсидии вместо предоставления квартиры. Он должен самостоятельно найти жильё и оформить сделку по её приобретению, открыв счет в банке для перевода субсидии.

В случаях, когда военный с семьей покидает место службы, оставляя служебную квартиру, такое прошение следует подавать сразу в администрацию города. Для расчета учитывается цена квадратного метра жилья, учетная норма жилой площади и поправочный коэффициент. При этом норматив жилой площади для многих регионов на одного человека составляет 33 кв. м., на двух – 42 кв. м. и т.д. Пример: в семье военного четыре человека (взрослые и двое детей), то соответственно, площадь квартиры должна быть минимум 72 кв. м. После перечисления денежных средств на банковский расчетный счет военного, он с семьей снимается с жилищного учета.

Таким образом, главным условием для получения военнослужащим ЕДВ или субсидии при увольнении будет факт включения в списки нуждающихся в жилых помещениях и необходимая выслуга. Военнослужащему следует проверить данные о себе в реестре на жилье, и не спешить с подачей заявления об увольнении по собственному желанию. Поскольку оно будет причиной увольнения без предоставления жилья.

Также актуальны вопросы решения *накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения*; такая программа гарантирует возможность воспользоваться средствами именного накопительного счета только по истечении 3 лет военной службы. Федеральный закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» регулирует правоотношения по формированию, инвестированию и использованию средств для жилищного обеспечения граждан, проходящих военную службу [10].

Такая система в более короткий срок позволяет военнослужащему приобрести собственное жильё, но имеет некоторые недостатки:

- законодательная система по реализации возможностей накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих имеет слабую защиту прав участников на получение или возврат причитающихся им средств в случае утраты;

- отсутствие индексации уже внесенных накоплений;

- активы, разрешенные для инвестирования накопленных средств, ограничены [5].

Теперь остановимся на причинах увольнения военнослужащих без предоставления жилья, когда для отказа достаточно наличие одной из следующих причин:

- основание увольнения; не вправе претендовать на жильё военные, уволенные по собственному желанию либо по негативным основаниям, не имеющие необходимой выслуги лет и попавшие под сокращение;

- военные, не внесенные в реестр на получение жилья: во время службы не подавшие заявление о постановке на учет; снятые с очереди по причинам намеренного ухудшения условий проживания; нарушившие порядок пребывания на учете; не явившиеся для получения жилья;

- те, кто уже получил жильё от государства в предусмотренной законом форме (социальный наем, субсидия, жилищный сертификат);

- служащие, участвующие в накопительно-ипотечной программе.

Таким категориям служащих после увольнения бесплатно жильё не полагается, но предусмотрена возможность подать документы о постановке на жилищный учет в местные органы муниципалитета после окончания службы.

Запасникам и отставникам, уволенным со службы до получения субсидии или жилого помещения, но после исключения из штата части оставшимся на жилищном учете, государство обязано предоставить квартиру или денежную выплату даже после исключения, если военный подаст заявление о предоставлении жилья в другом населенном пункте. Их учетные документы на жилье передают в Департамент жилищного обеспечения по новому месту жительства для решения вопроса о выдаче прибывшему жилого помещения.

К сожалению, на практике жилищные гарантии военнослужащих нарушаются. Считаем необходимо пересмотреть систему способов и механизмы защиты нарушенных жилищных прав. Так, М. В. Палехин считает: под способами защиты прав военнослужащих на жилье целесообразно понимать меры, закрепленные на законодательном уровне, посредством которых производится восстановление нарушенного субъективного права [7].

Одной из проблем при решении вопроса обеспечения военнослужащих жилыми помещениями, субсидиями являются *отказы уполномоченных органов*. Наиболее часто причинами являются: факт наличия у самих военнослужащих или членов их семей жилых помещений в собственности или долей в иных жилых помещениях; не отнесение к категории нуждающихся совместно с военным членом его семьи. Это приводит к невозможности обеспечить семью положенной жилищной нормой.

По первой ситуации, когда у члена семьи военнослужащего имеется в собственности жилое помещение, отказ будет обоснован, поскольку приводит к невозможности в признании военного нуждающимся и в получении жилья.

Но отказы жилищных органов могут связаны с тем, что член семьи военнослужащего не находится на иждивении, то и основания в обеспечении его жильем отсутствуют. По таким ситуациям в судах очень много производств, но военные неверно формулируют требования, обращаются в суд с требованиями о признании члена семьи находящимся на иждивении, получают в большинстве случаев судебное решение об отказе, поскольку суды неохотно сейчас признают

факт иждивения. Поэтому данный вопрос необходимо решать иным способом – через обжалование отказа и доказывать факт совместного проживания.

Проведение разъяснительной работы с военнослужащими, по нашему мнению, будет способствовать решению указанных проблем и цель которой состоит в изучении правовых возможностей получения жилья. Правовые занятия позволят ознакомить военнослужащих с конкретными формами и сроками предоставления жилья, с условиями участия в жилищных программах, помогут военнослужащим более ответственно подходить к решению жилищных проблем. Знания и рекомендации, полученные военнослужащими, будут способствовать созданию и формированию социально защищенной и сплоченной армии.

Второй и более сложной проблемой является отсутствие специализированного жилищного фонда для военных и граждан, уволенных с военной службы. Это ограничивает возможности по эффективному использованию жилого фонда, и создает проблему обеспечения военнослужащих в том числе и служебными жилыми помещениями. Отсутствие специализированных жилищных фондов у воинских частей, Министерства обороны России и финансирования из бюджета государства однозначно приводит к нарушению права военнослужащих на жилище. Решением проблемы нехватки жилых помещений могла стать государственная программа по созданию жилищно-строительных кооперативов.

Данной программой предусмотрена консолидация государственных средств и паевых взносов членов жилищно-строительных кооперативов, в результате чего снижается стоимость паевых взносов участников. Для государства, по мнению Е. Ю. Цукановой, выгода данной программы заключается в том, что снижаются финансовые затраты на строительство новых жилых домов. Однако, с учетом сложившейся в настоящее время ситуации на рынке жилья нельзя надеяться, что участие в жилищно-строительных кооперативах поможет решить все проблемы в данной сфере [12, с. 131].

Следующая проблема заключается в том, что нормативно-правовые акты, регулирующие вопрос жилищного обеспечения военнослужащих, не систематизированы, зачастую содержат взаимоисключающие положения. Так, к примеру, нуждаемость в жилых помещениях поставлена в зависимость от минимального размера учетной площади помещения, положенной в ней каждому человеку. На практике при предоставлении жилых помещений нередко даже установленный минимальный размер площади жилого помещения в расчет не принимается и не учитывается.

На наш взгляд, особое внимание заслуживает накопительно-ипотечная система. Решение на практике военнослужащими своих жилищных прав при участии в данной программе нередко связано с противоправными нарушениями. Сам процесс организации приобретения жилья в форме участия в накопительно-ипотечной системе на государственном уровне не доведен до четкого механизма.

До сих пор на руководящих должностях и среди военных, претендующих на обеспечение жильем, встречаются лица, злоупотребляющие своими служебными полномочиями и пренебрегающие воинской честью. Считаем, что совершенствование законодательства, улучшение системы по реализации государственных субсидий и механизмов контроля помогут в полной мере обеспечить успех и реализацию положительного потенциала вышеперечисленных программ, и гарантированно решать жилищные вопросы военнослужащих.

Список цитируемой литературы:

1. Бабаков А.В., Корякин В.М. Социальные гарантии военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей (в схемах и таблицах): Учебное пособие. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. – 383 с.
2. Гайдин Д.Ю. Об урегулировании порядка признания военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, нуждающимися в жилых помещениях // Право в Вооруженных Силах. – 2017. – № 8. – 56 с.
3. Долотов А.А. Способы защиты прав военнослужащих на жилище // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – 12(2). – С. 90–92. – DOI: 10.24411/2500-1000-2018-10384
4. Елисеев С.Г. Конституционно-правовая основа реализации военнослужащими права на жилье // Журнал российского права. – 2010. – № 10 (154). – С. 122–129. – ISSN 1605-6590
5. Кудашкин А.В. Накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих продолжает совершенствоваться // Право в Вооруженных Силах. – 2015. – № 12. – 214 с.

6. Кудашкин А.В. Жилищная энциклопедия военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. – М.: «За права военнослужащих». – 2016. – 213 с.
7. Палехин М.В. К вопросу о формах гражданско-правовой охраны прав военнослужащих / М. В. Палехин. // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). – Казань : Бук, 2015. – С. 106–111. – URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/141/7878/> (дата обращения: 20.12.2021).
8. Постановление Правительства РФ от 06.09.1998 (в ред. от 16.03.2019) № 1054 «О порядке учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, а также военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства» // Собрание законодательства. 1998. № 37. Ст. 4627.
9. Приказ ГУСП от 20.01.2021 № 3 (ред. от 02.08.2021) «Об утверждении Порядка предоставления жилищной субсидии и жилого помещения военнослужащим Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.03.2021 № 62817) // КонсультантПлюс, 2021.
10. Федеральный закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» от 20.08.2004 (в ред. от 02.07.2021) № 117-ФЗ // Собрание законодательства. 2004. № 34. Ст. 3532.
11. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 (в ред. от 01.07.2021) № 76-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 22. 01.06.1998. Ст. 2331.
12. Цуканова Е. Ю., Бондаренко А. В. Участие в долевом строительстве и членство в жилищных кооперативах как способы реализации права на жилище // Право и практика, 2018. – С.126–131. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-v-dolevom-stroitelstve-i-chlenstvo-v-zhilischnyh-kooperativah-kak-sposoby-realizatsii-prava-na-zhilishe/viewer> (дата обращения: 26.12.2021).

Сведения об авторе:

Сахно Юлия Анатольевна – аспирант кафедры гражданского права и процесса Юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»); kabinet.adv@yandex.ru

Научные руководители – Андреев Ю. Н., д. ю. н., профессор кафедры гражданского права и процесса, Юридический институт НИУ «БелГУ» и Цуканова Елена Юрьевна, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права и процесса, Юридический институт НИУ «БелГУ».

Кулабухов В.С. ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМ ЖИЛЬЕМ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Аннотация: *Современные реалии не представляют возможным оптимизацию взаимодействия общества и здравоохранения в отсутствие обеспечения жильем медицинских работников.*

Ключевые слова: *служебное жилье, приватизация, наниматель жилого помещения, субсидии медицинским работникам, программа «Земский доктор», врачебная ипотека.*

В последнее время происходящие в нашей стране политические и социально-экономические преобразования и сопровождающие их реформы, существенно коснулись многих аспектов существования практически всех слоев населения Российской Федерации. Согласно Конституции СССР 1977 года каждому гражданину гарантировалось право на жилище, что в первую очередь, подразумевало обеспечение бесплатной жилой площадью советских граждан, а уж потом (в качестве не основной формы) возможность самостоятельного обеспечения жилой площадью за счет участия в кооперативном и индивидуальном жилищном строительстве. Указанный подход породил практически у всего советского населения мысль об обязанности государства обеспечить их жильем, при этом без какой-либо адекватной отдачи с их стороны. Результат оказался «налицо» - жилищная проблема стала одной из ключевых проблем в нашей стране.

Развитие рыночных отношений в жилищной сфере и приватизация жилья поставили под вопрос такие права, как, например, право на получение служебного жилого помещения. Наиболее острой проблемой в настоящее время является проблема обеспеченности жильем медицинских работников и членов их семей, по решению администрации учреждения или предприятия, где они работают, на срок, не превышающий срок их службы в данной организации. Проводимые социологические опросы среди медицинских работников, в том числе молодых врачей, показывают, что жилищный вопрос доминирует среди других проблем, сопровождающих систему здравоохранения сегодня.

Так, например, для обеспечения медицинских работников служебными жилыми помещениями на территории Алтайского края числится 389 квартир, которые являются государственным жилищным фондом региона и имеют статус служебного жилья. В 2016 году 160 медицинских работников получили служебное жилье по договорам социального найма, из них 5 человек являются специалистами первичного звена сферы здравоохранения. В 2019 году данной мерой воспользовались лишь 15 медицинских работников.

Проблемы предоставления служебного жилья медицинским работникам, в отличие, например, от предоставления служебного жилья военнослужащим или другим категориям граждан, не столь широко обсуждаются на страницах периодической печати и в юридической литературе. Среди немногих исследователей, посвятивших количество работ этой теме, необходимо отметить юриста Анну Чепурову, и, особенно ее научную статью «Служебное жилье: судебные споры», легшую в основу учебников по медицинскому праву.

Несмотря на целый ряд вскрытых и рассмотренных проблем, связанных с реализацией права на служебные жилые помещения, на сегодняшний день практика показывает большую остроту данной темы. Меняющееся каждый год жилищное законодательство ставит новые и новые вопросы, требующие интерпретации. Так, например, одной из актуальных проблем данной темы остается определить, из каких жилищных фондов удовлетворяются потребности медицинских работников в жилищном обеспечении служебными жилыми помещениями? В законодательстве не указано, как решается вопрос с приватизацией служебных жилых помещений медицинскими работниками? Имеют ли они на это право или нет? Правомерно ли выселение гражданина, достигшего пенсионного возраста из служебного жилого помещения, до момента расторжения им трудового договора с работодателем?

Эти и многие другие вопросы, связанные с предоставлением служебного жилья медицинским работникам и членам их семей, до сих пор не получили ясного разрешения ни в законодательстве, ни в судебной практике, ни в юридической литературе, а следовательно, тема обеспечения служебным жильем медицинских работников является особенно актуальной. Проблема обеспечения жильем медицинских работников (которые по закону имеют право на получение служебных жилых помещений), остается актуальной и после изменения жилищного законодательства. Нерешенность данной проблемы уменьшает количественный и качественный состав медицинских работников, снижает их жизненный уровень, снижает уровень здравоохранения страны.

Согласно п.п. 1 ч. 1, ч. 2 ст. 92 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) служебные жилые помещения относятся к жилым помещениям специализированного жилищного фонда, в качестве которых используются жилые помещения государственного и муниципального жилищных фондов. Статьей 93 ЖК РФ установлено, что служебные жилые помещения предназначены, в том числе, для проживания граждан в связи с характером их трудовых отношений с органом государственной власти, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным унитарным предприятием, государственным или муниципальным учреждением. Исходя из положений ст. 100 ЖК РФ специализированные жилые помещения предоставляются гражданам по договору найма специализированного жилого помещения, который заключается на основании решения о предоставлении такого жилого помещения, для временного проживания в нем. Согласно ч. 1 ст. 102, ч. 3 ст. 104 ЖК РФ договор найма специализированного жилого помещения прекращается в связи с утратой (разрушением) такого жилого помещения или по иным предусмотренным настоящим Кодексом основаниям. Договор найма служебного жилого помещения заключается, в том числе, на период трудовых отношений, прекращение которых является основанием прекращения договора найма служебного жилого помещения.

В соответствии с п. 14 ст. 100 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинские работники и фармацевтические работники на период работы в медицинских организациях государственной системы здравоохранения субъектов Российской Федерации сохраняют право пользования служебными жилыми помещениями, предоставленными им в период работы в медицинских организациях муниципальной системы здравоохранения.

Гражданин, нуждающийся в предоставлении служебного жилого помещения, уведомляется уполномоченным органом или уполномоченным предприятием (учреждением) о предоставлении ему служебного жилого помещения в течение трех рабочих дней со дня принятия решения о предоставлении служебного жилого помещения с указанием даты прибытия в уполномоченный орган или уполномоченное предприятие (учреждение) для оформления документов на вселение. Служебные жилые помещения предоставляются гражданам в виде жилого дома или отдельной квартиры из расчета не менее четырнадцати квадратных метров общей площади жилого помещения на одного человека.

Как правило, для медицинских работников и членов их семей предоставляется отдельная квартира с учетом общего количества лиц проживающих в нем и учетной нормы жилого помещения на одного человека.

При предоставлении служебных жилых помещений норма предоставления площади жилого помещения определяется с учетом вида жилого помещения, указанного в ч. 1 ст. 104 ЖК РФ - в любом случае предоставляется либо жилой дом, либо отдельная квартира. Возможность предоставления в качестве служебного жилого помещения комнаты в коммунальной квартире и тем более нежилого помещения исключена в силу императивного характера данной правовой нормы. Служебными могут быть признаны все квартиры многоквартирного дома, что ограничивает возможность нахождения в одном доме (одной квартире) жилых помещений, подчиненных общему и специальному режимам пользования.

Как правило, на практике под служебное жилье выделяются свободные жилые помещения, расположенные на первом этаже. Как и любое другое жилое помещение, предоставляемое гражданину служебное жилое помещение должно быть предназначенным для проживания и отвечать установленным санитарным и техническим правилам и нормам, а также иным требованиям законодательства. Служебные жилые помещения предоставляются не любым гражданам, состоящим в трудовых отношениях с работодателями, указанными в ст. 99 ЖК РФ, и не обеспеченным жильем в том населенном пункте, где находится их место работы. Как и прежде, право на служебное жилое помещение принадлежит только определенным в законодательстве категориям граждан.

Нанимателями по договору найма служебного жилого помещения могут быть граждане (физические лица). Необходимо обратить внимание на то, что в отличие от договора социального найма, в договоре найма служебного жилого помещения нанимателями могут быть не только граждане Российской Федерации, но также иностранные граждане и лица без гражданства. Срок договора найма служебного жилого помещения определяется продолжительностью трудовых отношений, прохождения службы либо нахождения на выборной должности.

При заключении договоров найма служебных жилых помещений на практике необходимо руководствоваться Типовым договором найма служебного жилого помещения, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 26.01.2006 № 42 "Об утверждении Правил отнесения жилого помещения к специализированному жилищному фонду и типовых договоров найма специализированных жилых помещений".

Особого внимания заслуживает вопрос о выселении из служебных жилых помещений граждан, достигших пенсионного возраста и состоящих в трудовых отношениях с работодателем. Такие ситуации порождают многочисленные судебные споры.

Судебные акты, принятые судами заслуживают самого пристального внимания и направлены на защиту прав таких категорий граждан (например, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2021 N 4-КГ21-47-К1; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2019 N 60-КГ19-1; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.2019 N 49-КГ19-47; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.07.2018 N 2-КГ18-5; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.09.2018 N 45-КГ18-11).

В соответствии со ст.13 Федерального закона Российской Федерации «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» граждане, которые проживают в служебных жилых помещениях и жилых помещениях в общежитиях, предоставленных им до введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации, состоят в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 551 Жилищного кодекса Российской Федерации на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, или имеют право состоять на данном учете, не могут быть выселены из указанных жилых помещений без предоставления других жилых помещений, если их выселение не допускалось законом до введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации. Действительно, ст.108 ЖК РСФСР устанавливала льготы для определенных категорий граждан при выселении из служебного жилого помещения. Статья 103 ЖК РФ значительно сократила перечень лиц, которые не могут быть выселены из служебного жилого помещения без предоставления иного жилого помещения. В соответствии с ч.1 ст.6 ЖК РФ, ст. 5 Федерального закона РФ «О введении в действие ЖК РФ» следует, что в том случае, если у лица возникло право на льготу по основаниям, предусмотренным ст. 108 ЖК РСФСР, то оно сохраняется и после введения в действие ЖК РФ; если же лицо до 01 марта 2005 года не приобрело право на льготы, предусмотренные ст.108 ЖК РСФСР, то на него положения этой статьи не распространяются. Согласно статье 103 ЖК РФ не могут быть выселены из служебных жилых помещений и жилых помещений в общежитиях без предоставления других жилых помещений не являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения и состоящие на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях: пенсионеры по старости.

Следовательно, гражданин, достигший пенсионного возраста и состоящий в трудовых отношениях с работодателем, не может быть выселен на основании решения суда из служебного жилого помещения без предоставления ему другого жилого помещения.

Также в настоящее время актуальным остается и вопрос о приватизации служебного жилого помещения.

По общему правилу не подлежат приватизации служебные жилые помещения, за исключением жилищного фонда совхозов и других сельскохозяйственных предприятий, к ним приравненных. Однако приватизация служебного жилья (жилья, утратившего статус служебного) возможна в следующих случаях (ст. ст. 14, 18 Закона от 04.07.1991 N 1541-1; ч. 1 ст. 7 Закона от 29.12.2004 N 189-ФЗ).

- Собственник жилищного фонда или уполномоченный им орган с согласия собственника принимает решение о приватизации служебного жилого помещения. При этом необходимо учитывать, что принятие соответствующего решения является правом, а не обязанностью собственников помещений.

- Служебное жилое помещение находится в здании, которое принадлежало государственным или муниципальным предприятиям или учреждениям и было передано в ведение органов местного самоуправления, то есть в муниципальную собственность. Такие жилые помещения утрачивают статус служебных и вне зависимости от даты их передачи в муниципальную собственность и даты предоставления гражданам на законных основаниях могут быть приобретены ими в собственность в порядке приватизации.

Работники учреждений здравоохранения, проживающие в жилых помещениях государственного и муниципального жилищного фонда, включая жилищный фонд, находящийся в оперативном управлении учреждений здравоохранения (ведомственный фонд), на условиях социального найма, вправе с согласия всех совместно проживающих совершеннолетних членов семьи, а также несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет приобрести эти помещения в собственность в соответствии с Законом РФ от 04.07.1991 N 1541-1 "О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации".

Передача жилых помещений в собственность медицинских работников оформляется договором передачи, заключаемым учреждением здравоохранения с гражданином, получающим жилое помещение в собственность в порядке, установленном законодательством. При этом нотариального удостоверения договора передачи не требуется и государственная пошлина не взимается.

В договор передачи жилого помещения в собственность включаются несовершеннолетние, имеющие право пользования данным жилым помещением и проживающие совместно с лицами, которым это жилое помещение передается в общую с несовершеннолетними собственность,

или несовершеннолетние, проживающие отдельно от указанных лиц, но не утратившие права пользования данным жилым помещением.

Право собственности на приобретенное жилое помещение возникает с момента государственной регистрации права в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Решение вопроса о приватизации жилых помещений должно приниматься по заявлениям граждан в двухмесячный срок со дня подачи документов.

Таким образом, для приватизации служебного жилья необходимо соблюдение следующих условий:

1. Стаж работы от 10 лет по одной ставке в учреждении здравоохранения;
2. Отсутствие другого жилья в собственности;
3. Отсутствие задолженности по оплате коммунальных услуг и за пользование жильем;
4. Наличие заключенного договора найма служебного помещения из фонда РФ, муниципального или регионального фонда.

Кроме того, после приватизации служебного жилья медицинские работники обязаны отработать в государственном или муниципальном учреждении здравоохранения от 5 лет.

К сожалению, ежемесячный доход большинства российских врачей не позволяет им обеспечить личным комфортным жильем ни себя, ни членов своей семьи. В связи с этим, с целью увеличения количества медицинских работников, обеспеченных квартирами, создаются специальные государственные проекты, которые делают ипотеку более доступной для этой незаменимой категории граждан.

Целью субсидирования медицинских работников на приобретение жилья является привлечение молодых специалистов в отрасль и обеспечение высококвалифицированными медицинскими кадрами дальние регионы нашей страны.

Так, согласно Постановлению Правительства Москвы от 5 мая 2014 г. N 404 "О некоторых вопросах реализации программы "Жилье для российской семьи" в рамках государственной программы Российской Федерации "Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации" устанавливаются две федеральные жилищные программы для работников бюджетной сферы, направленные на льготное ипотечное кредитование медицинского персонала:

1. Ипотека для врачей;
2. Земский доктор.

Условия предоставления субсидий определяются самостоятельно региональными властями. Льготы врачам при покупке жилья в 2021 году ограничиваются двумя основными направлениями: предоставление льготных кредитов на строительство дома; приобретение жилья в новостройке.

Поддержка государства в целом сводится либо к облегчению кредитного бремени, либо к формированию первоначального взноса.

Большой популярностью среди медицинских работников пользуется программа «Земский доктор», стартовавшая в 2012 году и действующая по настоящее время. Данная программа регламентирована Федеральным законом от 2010 года № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» и призвана обеспечить поддержку работников системы здравоохранения, в том числе молодых специалистов, которые переехали в сельскую местность.

Изначально программа «Земский доктор» была ориентирована только на выпускников медицинских вузов, затем возрастной порог увеличили до 50 лет. Но, поскольку целевые ориентиры программы так и не были достигнуты, то возрастной ценз решили убрать совсем.

Для участия в программе необходимо обратиться в региональный Департамент здравоохранения с комплектом документов. Соглашение о предоставлении субсидирования заключается между медицинским учреждением и участником программы.

Субсидии медицинским работникам предоставляются только по дефицитным вакансиям. Перечень таких вакансий имеется в отделе кадров в поселковых больницах, а также на сайтах органов исполнительной власти. На сегодняшний день наиболее востребованными специалистами являются врачи общей практики, терапевты, гинекологи, кардиологи, неврологи, специалисты по УЗИ.

Участник программы «Земский доктор» должен соответствовать следующим требованиям:

- Наличие среднего профессионального или высшего медицинского образования;

- Гражданство РФ;
- Переезд и работа в сельской местности в региональном медицинском учреждении;
- Соответствие иным требованиям, которые могут быть установлены в регионах.

Врачи, которые соответствуют всем критериям программы получают выплату в размере:

- 2 млн. рублей (Дальний Восток, Крайний Север, Арктика);
- 1,5 млн. рублей (труднодоступные места);
- 1 млн. рублей (остальные места).

Фельдшеры, которые соответствуют всем критериям программы получают выплату в размере:

- 1 млн. рублей (Дальний Восток, Крайний Север, Арктика);
- 750 000 рублей (труднодоступные места);
- 500 000 рублей (остальные места).

Участники программы заключают контракт с государственным медицинским учреждением и принимают на себя обязательство проработать не менее 5 лет в сельской местности. Перечень должностей, которым положена компенсация, утверждается региональными властями.

Для того, чтобы получить денежную компенсацию, медицинское учреждение должно находиться в сельском населенном пункте, рабочем поселке, поселке городского типа или городе (с численностью на селения до 50 тыс. человек).

Участник программы самостоятельно определяет, на что он потратит выплату. Популярными способами являются строительство жилого дома, оплата ипотеки, покупка квартиры. После получения выплаты на покупку жилья работник берет на себя обязательство проработать в селе не менее 5 лет. В случае, если работник досрочно расторгнет трудовой договор, то он обязуется вернуть выплаты в размере, пропорционально отработанному им времени. Средства по программе можно направить только на улучшение жилищных условий.

Таким образом, программа «Земский доктор» направлена на стабилизацию ситуации с нехваткой медицинского персонала в сельской местности. Она призвана стимулировать специалистов в области здравоохранения переезжать в село через гарантии от государства помочь им в приобретении собственного жилья.

Также следует отметить, что во многих регионах страны предусмотрены дополнительные льготы для врачей. Так, например, в Краснодарском крае компенсируют аренду жилья.

Такая мера поддержки предоставляется с 2020 года по решению губернатора Вениамина Кондратьева для снижения кадрового дефицита. Всего в рамках региональной программы «Развитие здравоохранения» на эти цели предусмотрено 100 млн. рублей. Заключены договоры о предоставлении субсидии из краевого бюджета с 61 медучреждением на компенсацию расходов по найму жилья для 381 врача и 120 фельдшеров. Для получения компенсаций не имеющие собственного жилья медицинские работники подают документы, подтвердив при этом свои расходы. Министерство ежемесячно перечисляет средства на основании заявок медорганизаций.

Список цитируемой литературы:

1. Журнал «Медицинское право: теория и практика» под редакцией Сергеева Ю.Д., том 6, № 1 (11), - г. Москва, 2020.
2. Ю.В.Белянинова, Т.С.Гусева, Н.А.Захарова, Л.В.Савина, Н.А.Соколова, Ю.В.Хлестун, Постатейный комментарий к Федеральному закону от 21.11.2011 № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации", издательство ООО "Ай Пи Эр Медиа", г. Санкт-Петербург, 2020.
3. Чепурова А. Статья «Служебное жилье: судебные споры», 2017.

Сведения об авторе:

Кулабухов Вадим Сергеевич – аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; urist.russia86@mail.ru

Научный руководитель – Габов А.В., доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

М.М. СПЕРАНСКИЙ И ЗАЧАТКИ РОССИЙСКОГО ДОГОВОРНОГО ПРАВА

***Аннотация:** Проект Гражданского уложения, разработанный М.М. Сперанским в начале 19 века, был направлен на единство гражданского законодательства в Российской империи. Внимание автора настоящей работы привлекли положения Проекта, касающиеся регулирования договорного права. Именно договорное право в большей степени обеспечивает развитие экономических отношений в обществе. В рамках настоящей работы будут затронуты вопросы, в частности, о личности М.М. Сперанского, значимости Проекта Гражданского уложения и положений о договорном праве, концепции судейского усмотрения, французском опыте договорного права.*

***Ключевые слова:** М.М. Сперанский, Проект Гражданского уложения, договорное право, Французский гражданский кодекс, концепция судейского усмотрения, принцип добросовестности в договорном праве.*

П.В. Крашенинников указывает, что на всем протяжении истории личность М.М. Сперанского по-разному воспринималась отдельными слоями общества. Бесспорно, М.М. Сперанский был выдающимся юристом, государственным и философом. Несмотря на все непростые моменты его жизни, он не терял идеи права и правового государства [1, с. 45-55].

Без преувеличения можно говорить о том, что главным результатом деятельности М.М. Сперанского стал разработанный им (комиссии, которую он возглавлял) Проект Гражданского уложения. Как известно, последовательное экономическое развитие какой-либо страны невозможно без надлежащей правовой базы. Известно, что начало 19 века можно охарактеризовать как период экономической дестабилизации, что выражалось в чрезмерном консерватизме (например, феодальное управление собственностью, наличие крепостного права и др.). Выход из такого бедственного положения можно было найти в развитии торговых отношений внутри страны. С этой целью необходимо было закрепить на легальном уровне положения о праве собственности и договоре. Как отмечали М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, договор на сегодняшний день является главным и, вероятно, единственным средством передачи какого-либо экономического блага [2, с. 20-22]. Это положение актуально на всём протяжении истории.

М.М. Сперанский выступил тем человеком, который предпринял попытку по кодификации российского гражданского законодательства. Прототипом для Проекта Гражданского уложения выступил великий Французский гражданский кодекс. Многие исследователи-правоведы не раз отмечали, что Кодекс Наполеона оказал существенное влияние на развитие всего западноевропейского гражданского права. Например, об этом писали немецкие ученые К. Цвайгерт и Х. Кётц [3, с. 135-140]. Также М.М. Сперанским учитывался опыт римского частного права. О важности римского частного права для современного гражданского права говорилось уже много.

Первое достоинство Проекта Гражданского уложения, на которое следует обратить внимание, проявлялось в разграничении частного и публичного (государственного) права. Как отмечает В.А. Томсинов, М.М. Сперанский своими стараниями доказал, что гражданское право следует считать отраслью законодательства, которое направлено на регулирование исключительно частных отношений между людьми [4 с. 90]. Следовательно, именно М.М. Сперанский впервые попытался на легальном уровне установить право, действующее в интересах отдельных лиц. Стоит сказать, что затем учения о делении права на частное и публичное широко развивали другие известные ученые-правоведы. Например, полноценно этот вопрос рассматривал И.А. Покровский [5, с. 46-48]. Более того, разграничение права на частное и публичное является одним из актуальных вопросов современной науки права.

В целях развития экономического пространства требовалось закрепить положения о собственности. Вторая часть Проекта была посвящена регулированию положений об имуществе. В данном случае внимание уделяется ключевой исходной категории гражданского оборота, коей является собственность. В.А. Томсинов указывает, что в Проекте под собственностью понималось самое полное право пользоваться и распоряжаться имуществом по произволу, только не в противность общим государственным законам и без нарушения прав другого [6, с. 91]. Данное определение собственности за исключением некоторых положений идентично тому, которое было сформулировано во Французском гражданском кодексе. Стоит сказать, что некоторые известные ученые в области права под собственностью понимают именно то, что указано выше [7]. Этот подход несколько противоречит общепринятому пониманию собственности через триаду владения, пользования и распоряжения.

Третья часть Проекта была посвящена договорному праву, которая во многом имела схожие черты с Французским гражданским кодексом. Легальная дефиниция договора в Проекте была сформулирована усеченно по сравнению с Кодексом Наполеона.

Российский проект предполагал, что договором следует считать постановление, коим два или многие лица взаимно обязуются в каком-либо определенном виде. По Кодексу Наполеона договор есть соглашение, посредством которого одно или несколько лиц обязываются, перед другим лицом или перед несколькими другими лицами, дать что-либо, сделать что-либо или не делать чего-либо. Стоит сказать, что понятие договора в российском проекте имело одну отличительную и важную черту, которая предполагает, что договор всегда должен содержать двустороннюю обязанность, то есть у каждой из сторон имелась бы обязанность выполнить действие по отношению к другому лицу. Также сходным образом был урегулирован вопрос об обязательных требованиях к договору. К числу таковых относились следующие: согласие сторон, их правосубъектность, предмет и форма договора.

Особо интересно выглядит положения о толковании договоров, которое можно назвать как одно из главных отличий французского кодекса от российского проекта. Как указывает В.А. Томсинов, Французский кодекс предполагал, что в случае неясности договора его содержание следует толковать исходя из истинной воли сторон. Российский проект содержал другие положения. В нём говорилось, что в случае неясности договора его следует понимать исходя из словесного смысла, которые определяется не только намерением сторон, но и доброй совестью [8 с. 91]. Известно, что, несмотря на позицию науки, первые годы существования Французского кодекса обуславливались жесткой блокировкой к реализации судейского усмотрения за счёт использования принципа добросовестности [9].

Закрепляя положение о доброй совести как инструменте толкования договора, М.М. Сперанский понимал, что гражданское право должны в будущем развивать суды посредством использования концепции доброй совести. Добросовестность в некоторых правопорядках на сегодняшний день является главным механизмом развития гражданского права. К числу таких стран, в первую очередь, следует отнести Германию. Следовательно, принятие Проекта Гражданского уложения во многом бы поспособствовало развитию российского гражданского права, в том числе, за счёт концепции добросовестности.

Как представляется, причины, по которым не было принято Гражданское уложение, можно разделить на две группы:

1. Революционная основа Кодекса Наполеона;

Так как многие положения российского проекта были напрямую заимствованы из Кодекса Наполеона, то многие тогдашние политики обратили внимание на условия создания кодекса. Они отмечали, что революционный период рождения французского кодекса не может быть воспринят такой великой страной как Россия. Вероятно, никто не мог предположить, что французский кодекс в 21 веке будет считаться одним из самых лучших творений цивилистики.

2. Отечественная война;

События 1812 года показали, что победившая в войне страна никак не может позаимствовать достижения проигравшей страны. Российская империя была победителем в этой войне.

В свете высокого уровня рецепции французского кодекса многие государственные и общественные деятели критиковали М.М. Сперанского. Наиболее известным из них был Н.М. Карамзин [10, с. 89-90]. Однако эти замечания известного историка и литератора нельзя назвать обоснованными. Дело в том, что, не имея юридического образования, трудно оценить какие-либо масштабные образования именно с точки зрения права (философии права). Действительно, многие положения российского проекта имели массу общих черт с Кодексом Наполеона. При этом нельзя говорить, что российский проект был точная копия кодекса французского. М.М. Сперанский желал не скопировать кодекс, а привнести в российское право идею естественного права, на которой построен Кодекс Наполеона.

Таким образом, можно заключить, что разработанный под руководством М.М. Сперанского Проект Гражданского уложения являлся первой попыткой реализовать конвенцию естественного права в Российской империи. Достижения М.М. Сперанского были восприняты при разработке Проекта Гражданского уложения в начале 20 века [11].

Список цитируемой литературы:

1. Крашенинников Павел. 12 апостолов права. – 2-е изд. – М.: Статут, 2016. – 223 с.

2. Договорное право: Общие положения. Кн. 1 / Брагинский М.И., Витрянский В.В.. - 3-е изд., стереотип. - М.: Статут, 2001. - 848 с.
3. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. — Том I. Основы: Пер. с нем. — М.: Междунар. отношения, 2000.— 480 с.
4. Томсинов В.А. Проект Гражданского уложения Российской империи 1809–1814 годов и его значение в формировании российской науки гражданского права // Законодательство, 2014. № 11. С. 88-94.
5. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. - 353 с.
6. Томсинов В.А. Проект Гражданского уложения Российской империи 1809–1814 годов и его значение в формировании российской науки гражданского права // Законодательство, 2014. № 12. С. 88-94.
7. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве : учебное пособие для вузов / К.И. Скловский. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 1016 с.
8. Томсинов В.А. Проект Гражданского уложения Российской империи 1809–1814 годов и его значение в формировании российской науки гражданского права // Законодательство, 2015. № 1. С. 88-94.
9. Ситников, М. С. К вопросу о судебном усмотрении в России изарубежных странах / М.С. Ситников // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 15. – С. 337-345.
10. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991 — 127 с.
11. Томсинов В. А. Понятие договора в проекте Гражданского уложения Российской империи конца XIX - начала XX века / В. А. Томсинов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2018. – № 5. – С. 3-25.

Сведения об авторах:

Ситников Максим Сергеевич – магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Волгоградский институт управления, филиал РАНХиГС при Президенте РФ»; s_i_c_e_r_o@mail.ru

Научный руководитель – Азовцев М.А. Старший преподаватель кафедры уголовного права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Терезанов А.О.

ПРИНЦИП СВОБОДЫ ДОГОВОРА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

***Аннотация:** Статья посвящена осмыслению и изучению сущности принципа свободы договора, приводятся определения данного понятия, представленные в юридической литературе. Установление определенных критериев, с которыми законодательно связаны особенности правового регулирования данного вопроса, гарантирует наиболее точную классификацию возникающего договорного отношения.*

***Ключевые слова:** договор, свобода договора, принцип, гражданское право.*

Свобода людей в выборе своего варианта поведения определяет взгляд на гражданское право, как на выбор гражданско-правовых методов достижения своих целей. Субъект также сам определяет способ регулирования своего поведения, определяя, каким образом ему поступить. Основания классификация договоров в гражданском праве следует определять в соответствии целям субъектов и целевым назначениям других гражданско-правовых институтов, а также факторами, их обуславливающими, т.к. в основных функциях и критериях проявляется сущность принципа свободы договора.

Установление определенных критериев, с которыми законодательно связаны особенности правового регулирования, гарантирует наиболее точную классификацию возникающего договорного отношения.

Свобода договора является принципом гражданского права РФ изакреплена в ст. 1 ГК РФ. Но указанный принцип в основном распространяет свое действие именно на обязательственное право. Например, в литературе встречается мнение, что принцип свободы договора является проявлением принципа диспозитивности [6, с. 156-157]. Е.Г. Комиссарова полагает, что «свобода в гражданском праве сведена к сфере договорного права... во всех остальных сферах гражданско-правового регулирования, не связанных с договорными отношениями, достаточно действия общеправового принципа свободы» [5, с.117].

Принципам присуща взаимосвязь, иерархия. Сама конструкция принципов внутри системы может проявляться в генетической, структурной, координационной, субординационной, конфронтационной взаимосвязи [4, с.9-11]. Следовательно, принципы обязательственного права являются частным проявлением принципов гражданского права [1, с.39]. То есть относимость того или иного принципа внутри одной системы обусловлена их сутью, содержанием. Принципам обязательственного права присущи определенные признаки: относительность, конкретизированность прав и обязанностей субъектов, требовательность должного поведения, целенаправленность, прямо или косвенно вытекают из норм права. Таким образом, на основании соответствия этим признакам можно доказать относимость, распространение своего действия принципа свободы договора к принципам обязательственного права. Так, принцип свободы договора распространяет свое действие на обязательственные правоотношения, то есть на относительные. Он не присущ абсолютным правоотношениям вещного права.

Исходя из определения обязательства, данного в п. 1 ст. 307 ГК РФ, обязательство заключается в совершении строго определенного действия и строго определенными субъектами. Свобода договора проявляется в заключении договора, который как предусмотрен, так и не предусмотрен ГК РФ, а также с определенным субъектом, с которым участник вправе заключить или не заключать такой договор, в выборе условий договора участниками, в определении цели заключения договора – то есть той выгоде, которую получают оба субъекта. То есть принцип свободы договора проявляется как свобода заключить конкретный договор с конкретным субъектом, с определенными условиями и для достижения определенной цели. Свобода договора прямо закреплена в ГК РФ в ряде норм – например, в ст. 1, 421 ГК РФ [2].

В науке отсутствует единое понимание сущности принципа свободы договора. Его рассматривают как единство трех составляющих элементов свободы договора. Его определяют через совокупность диспозитивных норм. Другие авторы уверены, что смысл изученного принципа раскрывается через его пределы и ограничения.

Ю.Л. Ершов рассматривает свободу договора как «меру возможного поведения управомоченного лица» [2, с.54]. Т.П. Подшивалов характеризует принцип свободы договора как «основной принцип рыночной экономики, который не только служит ее развитию, но и является индикатором экономической стабильности государства» [11, с.37]. П.В. Крашенинников считает принцип свободы договора одним из основополагающих начал частноправового регулирования [6, с.12].

Свобода договора как принцип проявляется через диспозитивные нормы [12, с.7]. Пленум ВАС РФ дает определение диспозитивной нормы, через которую проявляется свобода договора: «Если норма не содержит явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного в ней, и отсутствуют критерии императивности, она должна рассматриваться как диспозитивная» [9]. Сущность принципа свободы договора проявляется в нормах права, в которых он закреплён. Так, п. 1 ст. 1 ГК РФ устанавливает, что все гражданское законодательство основывается на свободе договора. Так же ст. 421 ГК РФ устанавливает, что свобода договора заключается в:

- свободе заключения договора гражданами и юридическими лицами;
- свободе заключить договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами;
- свободе определять условия договора.

П. 1 ст. 424 ГК устанавливает, что исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон. П. 1 ст. 434 ГК РФ устанавливает, что стороны могут заключить договор в определенной ими форме, он считается заключенным после придания ему условленной формы, хотя бы законом для договоров данного вида такая форма не требовалась. П. 1 ст. 330 ГК РФ определяет, что стороны могут установить размер договорной неустойки самостоятельно, то есть предусмотреть меру ответственности [2]. Согласно Постановлению Пленума ВАС РФ, граждане свободны в выборе и установлении своих прав и обязанностей на основе договора (п. 1), в определении иных последствий нарушения неоговоренных продавцом недостатков товара, в том числе по-иному определить критерии существенности недостатков товара или дополнить те права, которые предоставляются ст. 475 ГК РФ покупателю, в определении иного режима определения последствий отказа от договора либо установления соглашением сторон порядка осуществления права на отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг (п. 4) [9]. Судебная практика определяет содержание свободы договора через свободу заключения договора, выбор его условий, право самостоятельно решать, вступать в договор или нет, выбор контрагента по договору, в отсутствие возможности понудить контрагента к заключению договора в судебном порядке, право сторон выбрать меры

ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение соглашения, право самостоятельно определять цену договора, выбор сторонами способа исполнения обязательств.

В юридической литературе нет также единого мнения о составляющих, в которых заключается суть принципа свободы договора. Например, О.А.Кузнецова видит проявление свободы договора в «свободе заключать или не заключать гражданско-правовой договор, свободе выбора мотива и цели заключения гражданско-правового договора, свободе выбора контрагента по договору, свободе выбора типа, вида, модели договора, свободе выбора условий договора, свободе выбора формы договора» [7, с. 73-83]. А.Н. Танага определяет сущность свободы договора через три составляющие: «свобода заключения договора, выбор модели договора и определение условий договора» [14, с.37]

Е.А. Суханов включает в свободу договора такие элементы, как свобода заключения договора, запрет на принуждение к вступлению в договорные правоотношения, за исключением случаев, предусмотренных законом, свобода выбора партнера по договору, свобода определения характера заключаемого договора, свобода определения условий договора [13, с.52-53]. Существуют и другие трактовки данного понятия.

Таким образом, сущность свободы договора заключается в:

- свободе субъектов решать, заключать договор или не заключать вовсе;
- заключать договор, как предусмотренный, так и непредусмотренный законом или иным нормативно-правовым актом;
- свобода выбирать вид договора;
- определять условия договора;
- самостоятельно выбирать контрагента по договору;
- определять форму договора;
- определять цену договора;
- определять дополнительные меры ответственности.

На наш взгляд, данные элементы, отражающие сущность свободы договора нельзя признать закрытым перечнем. Гражданское право каждый год расширяется новыми видами договоров, в содержании которых входят права и обязанности, условия, как существенные, так и определяемые сторонами в соответствии с видом экономики, права исторического развития государства. Соответственно, и свободы в рамках принципа свободы договора тоже будут постоянно расширяться.

Список цитируемой литературы:

1. Волос А.А. Принципы обязательственного права: дис. ... канд. юр. наук. – Саратов, 2015. – С. 39.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51 - ФЗ : (ред. от 16 дек. 2019 г.) // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Ершов Ю.Л. Принцип свободы договора и его реализация в гражданском праве Российской Федерации: дис... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 54.
4. Захарова К.С. Системные связи принципов права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – С. 9-11.
5. Комиссарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства: монография. – Тюмень, 2001. – С. 117.
6. Крашенинников П.В. Договор: Постатейный комментарий глав 27, 28 и 29 Гражданского кодекса Российской Федерации. – М., 2010. – С. 12.
7. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. – М., 2006. – С. 156-157.
8. Кулаков В.В. Сложные обязательства в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 13.
9. О свободе договора и ее пределах: пост. Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 №16 (в ред. От 14.03.14) // Вестник Высшего Арбитражного суда. М.: Закон. 2014. № 5. 260 с.
10. О свободе договора и ее пределах: пост. Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 №16 (в ред. От 14.03.14) // Вестник Высшего Арбитражного суда. М.: Закон. 2014. № 5. 260 с.
11. Подшивалов Т.П., Демидова Г.С. Принципы гражданского права и их реализация: монография. – М., 2017. – С. 37.
12. Садиков О.Н. Императивные и диспозитивные нормы в гражданском праве // Юридический мир. – 2001. №7. – С. 7.
13. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник. В 4 т.: Т.1. – М., 2004. С. 52-53.

14. Танага А.Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России. – СПб., 2003. – С. 37.

Сведения об авторе:

Терезанов Александр Олегович – магистрант кафедры юриспруденции ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»; N852nn@yandex.ru

Научный руководитель: Алонцева Д.В., доктор юридических наук, доцент кафедры юриспруденции ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

Воробьева А.Н.

ПРЕКРАЩЕНИЕ И РАСТОРЖЕНИЕ ДОГОВОРА ФИНАНСОВОЙ АРЕНДЫ (ЛИЗИНГА) ПРИ БАНКРОТСТВЕ

***Аннотация:** В данной статье рассматривается прекращение и расторжение договора финансовой аренды (лизинга). Тема статьи является актуальной, поскольку договор финансовой аренды (лизинга) пользуется активным спросом в современных рыночных отношениях, благодаря лизинговым отношениям лизингодатель может извлечь прибыль, а лизингополучатель получит определённую вещь и стабилизировать своё финансовое состояние. Однако в связи с злоупотреблением своим положением субъектов лизинговых отношений требуется единый подход для урегулирования споров в ситуации банкротства одной из сторон в договоре финансовой аренды (лизинга), в особенности во время распространения пандемии коронавирусной инфекции.*

***Ключевые слова:** договор финансовой аренды (лизинга), прекращение договора финансовой аренды (лизинга), расторжение договора финансовой аренды (лизинга), правовое положение лизингодателя и лизингополучателя в условиях банкротства, банкротство.*

На сегодняшний день отмечается экономический кризис, который вызван распространением пандемии Covid-19, это стало следствием ухудшения состояния финансового рынка, в том числе финансовой аренды (лизинга).

На протяжении последних лет рынок финансовой аренды (лизинга) охватывал незначительный прирост по сравнению с предыдущими годами, так согласно статистическим данным по окончании 2019 года объём предпринимательской деятельности составил 1,5 трлн. руб., то есть увеличился всего на 15%, а в 2020 году падение предпринимательской деятельности произошло на 22%, причиной чего стали ограничения по перевозке товаров и услуг и перелётам граждан в другие страны в целях сохранения собственного здоровья и ограничения распространения пандемии [11].

Прогнозы остаются неутешительными, а именно снижение рынка лизинговых услуг на 20%, из них на лизинг недвижимости приходится 95%, лизинг в транспортной сфере уменьшился на 45%, а лизинг морских и речных судов – на 67%. Единственным положительным моментом остаётся лизинг в сфере сельскохозяйственных отношений и скота, так как там ожидается прирост на 57%, а лизинг строительной и дорожно-строительной техники – на 27% [13].

Если наблюдать динамику развития рынка финансовой аренды (лизинга), то отмечается банкротство с 2011 года по сегодняшний день около 81 предприятий, осуществляющих лизинговые операции. По данным «Национального Рейтингового агентства» в 2020 году процедура банкротства произошла у 21 предприятия, осуществляющего оказание услуг в сфере финансовой аренды (лизинга) [12].

К причинам банкротства предприятий, осуществляющих лизинговые услуги, относятся: снижение спроса со стороны клиентов, которые приостановили планы по возобновлению поступления средств вследствие распространения пандемии; ограничения поставок объектов лизинга; увеличение задолженности по платежам со стороны лизингополучателей; девальвация рубля, оказавшая негативное воздействие на валютный лизинг; снижение объёмов финансирования в особенности в международном лизинге [14, с. 196].

Поэтому в связи с возникшей ситуацией банкротство субъектов лизинговых отношений становится актуальным и сторонам приходится прибегать к прекращению лизинговых отношений. Процедура банкротства является необходимой в случае невозможности удовлетворения требований кредитора или неспособности по оплате обязательных лизинговых платежей.

Одной из распространённых ситуаций является ситуация, когда лизингополучатель ставится в невыгодное положение в случае банкротства лизингодателя в правоотношениях, связанных с выкупным лизингом.

При инициировании процедуры банкротства за финансовым состоянием лизингодателя ставят наблюдать арбитражного управляющего, принимающего меры по сохранению имущества должника и формирующего конкурсную массу для удовлетворения в последующем всех требований кредитора. Но стоит помнить, что к новому лизингодателю переходят все права и обязанности в отношении предмета лизинга по существующим ранее правоотношениям в сфере финансовой аренды (лизинга), вместе с тем выкупная стоимость предмета лизинга может быть снижена для продажи с торгов, что является вестником для нарушения интересов лизингополучателя в будущем [15].

Самое опасное в том, что внешний управляющий обладает правомочием по расторжению договора финансовой аренды (лизинга), если увидит снижение состояния платежеспособности со стороны лизингодателя в случае реализации договора финансовой аренды (лизинга), либо причинение ему убытков вследствие такого исполнения договора. При этом лизингополучателя достаточно уведомить об этом намерении. Получается так, что добросовестный лизингополучатель теряет правомочие приобрести в собственность предмет лизинга несмотря на уплаченные выкупные платежи, ведь возврат лизинговых платежей, которые были уплачены до расторжения договора финансовой аренды (лизинга), противоречит ныне действующему законодательству [3, с. 164].

По закону лизингополучатель приобретает лишь возможность возместить убытки, полученные от расторжения договора финансовой аренды (лизинга) путём включения их в реестр требований кредиторов, пока осуществляется внешнее управление. Рассматриваемую возможность можно получить лишь по определению арбитражного суда, что является весьма длительной процедурой и существенно нарушает права лизингополучателя [16, с. 126].

Стоит отметить также, что в данном случае требование лизингополучателя по возмещению убытков в случае от отказа исполнения договора финансовой аренды (лизинга) со стороны лизингодателя является не текущим, поэтому не возмещается вне очереди (в отличие, например, от кредиторов-залогодержателей) [1, с. 105].

В связи с этим предлагается внести в законодательство, конкретно в п.2, ч.2 ст. 137 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» изменения, касающиеся закрепления гарантий у лизингополучателя на возмещение части суммы, уплаченных лизинговых платежей, пропорционально сумме уплаченной выкупной стоимости предмета договора. Ведь таким образом, будет возможность удовлетворять требования добросовестного лизингополучателя первоочередно, что не нарушит баланс интересов в лизинговых правоотношениях.

Но в правоприменительной практике встречается и обратная ситуация, когда добросовестным является лизингодатель, а лизингополучатель находится в состоянии банкротства.

Стоит отметить, что арбитражный управляющий в ситуации банкротства лизингополучателя включает предмет договора финансовой аренды (лизинга) в конкурсную массу задолго до выплаты всей совокупности лизинговых платежей, когда лизингополучатель еще не приобрёл право собственности на этот предмет.

Так, например, в одном из судебных дел произошла описываемая выше ситуация, при этом суды первой и апелляционной инстанции оставили предмет договора финансовой аренды (лизинга) в конкурсной массе, но стоимость имущества по данному договору оплачена в полном объёме не была, но общая сумма уплаченных должником лизинговых платежей и денежных требований лизингодателя, включённых в реестр требований, превышала установленную договором балансовую стоимость предмета лизинговых отношений и других денежных средств для обеспечения лизинговых правоотношений, составляя 80% от установленной договором финансовой аренды (лизинга) общей суммы платежей по лизингу. В связи с тем, что большая сумма лизинговых платежей была выплачена по договору финансовой аренды (лизинга), не нарушая баланс интересов всех сторон, предмет лизинговых отношений был оставлен за лизингополучателем, ведь иначе возмездный характер сделки между лизингодателем и лизингополучателем теряет свою роль, к тому же права других кредиторов будут также нарушены, если изъять предмет лизинга в пользу лизингодателя, так, к тому же, за ним останутся выплаченные до процедуры банкротства должником лизинговые платежи. Вдобавок суды приводили в качестве аргумента, что все свои требования лизингодатель может удовлетворить путём включения требований в реестр требований кредиторов лизингополучателя, а сама констатация факта банкротства не порождает за неплатежеспособным лизингополучателем право собственности на предмет лизинга.

К счастью, справедливость восторжествовала, суд округа отменил судебные акты нижестоящих судов, аргументируя это тем, что за лизингодателем было утеряно право собственности на предмет лизинга в описываемой ситуации [10].

Но вместе с тем один из учёных-цивилистов Ф.Н. Михайлов, проанализировав судебную правоприменительную практику, пришёл к выводу, что чаще складывается обратная ситуация, когда добросовестный лизингодатель теряет право собственности на предмет лизинга в случае банкротства лизингополучателя [5, с. 137].

Чтобы баланс интересов сторон: как лизингодателя, так и лизингополучателя реализовался, необходимо внести изменения в специальное законодательство о банкротстве в ст. 131 дополнительные части по поводу недопустимости включения в реестр требований кредиторов предмета лизинга в случае банкротства лизингополучателя, а также обязанность вернуть уплаченные выкупные платежи за предмет лизинга обратно лизингополучателю, тем самым оставив предмет лизинговых правоотношений за лизингодателем.

Таким образом, в ситуации банкротства стороны лизинговых правоотношений должны вести себя добросовестно, не причиняя вред имущественному обороту и отношениям.

Добросовестность определяется как сложившаяся в общественных отношениях и признанная обычаями, законом, судебной практикой система представлений о нравственности поведения при приобретении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей [2, с. 10].

И.Б. Новицкий в своих трудах отмечал, что «В одних случаях добрая совесть выступает в объективном смысле в качестве внешнего мерил, которое применяется законом, судом и которое рекомендуется членам гражданского оборота: здесь открывается подсобная норма и новый источник, призываемая к действию законом. В ином случае используется добрая совесть в субъективном смысле, как сознание лица, неведение некоторых обстоятельств, с наличием которого закон считает возможным связать те или иные юридические последствия [6, с. 56].

Относительно добросовестности поведения участников лизинговых правоотношений существует проблема в правоприменительной практике в ситуации банкротства участников договора финансовой аренды (лизинга).

Суды в правоприменительной практике, связанной с банкротством, после внесения изменений в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в главу, посвященную оспариванию сделок от 2010 года всё чаще стали признавать сделки недействительными в лизинговых правоотношениях, такие сделки формально соответствовали закону, но в них был нарушен баланс интересов участников. Потерпевшая сторона, которая не могла доказать нарушений норм права была вынуждена инициировать банкротство и оспаривать сделки [4, с. 247].

Основаниями для признания сделок недействительными в банкротстве являются: сделки с неравноценным встречным представлением (нерыночность), сделки, совершенные в целях причинения имущественного вреда правам кредиторов, сделка, совершённая должником в интересах отдельного кредитора или нового лица (сделка с предпочтением), сделка со злоупотреблением права [15].

В определении Арбитражного суда закрепились практика по изъятию предмета лизинговых правоотношений собственником имущества предприятия-должника, которая отвечает признаку безвозмездности, так как отсутствует встречное исполнение [8].

Сделка была признана недействительной в силу отсутствия встречного исполнения. При чем большинство лизинговых компаний предусматривают односторонний отказ от исполнения договора финансовой аренды (лизинга) на основании ст. 450, 450.1 и 619 ГК РФ.

Чтобы на основании ст. 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» удовлетворить требования, требуется признать неравноценность встречного представления, размер его определяется на основании п. 3.1 и 3.3. Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга».

Сложившиеся правоотношения рассматривались в одном из судебных дел Арбитражного суда Свердловской области, где суд решал судьбу заявления о признании сделок отказа от договора финансовой аренды (лизинга) недействительными. Суд сослался на правовую природу договора финансовой аренды (лизинга), при этом указал, что должником во внесённых лизинговых платежах, вместе с оплатой пользования имуществом, частично оплачена выкупная стоимость предмета лизинга, подлежащая возмещению лизингодателем при отказе от договора. Но лизингодателем не предпринято никаких попыток возратить должнику частично оплаченную выкупную стоимость предметов лизинга (рассчитать и уплатить сальдо встречных обязательств).

В связи с этим односторонний отказ от исполнения договора финансовой аренды (лизинга) при условии уплаты части лизинговых платежей, содержащих выкупную стоимость предмета лизинга, должен иметь встречное представление в смысле необходимости возврата должнику выкуп-

ной стоимости (при этом, так как предмет лизинга подлежит возврату с учётом амортизации, лизингополучатель должен возместить эту стоимость, которая в последующем может выступать зачётом при определении размера причитающихся лизингополучателю выкупных платежей. Если лизингодатель не намеревается вернуть рассматриваемые денежные средства, то суд квалифицировал односторонний отказ как сделку, совершённую без встречного предоставления. Односторонний отказ от исполнения договора ведь является безвозмездной сделкой, как правило, что неприменимо к отношениям по договору финансовой аренды (лизинга) [7].

Также в судебном деле ответчик в свою защиту предоставил доводы о том, что должник может обратиться в суд с таким требованием. Но суд отказал в удовлетворении этих доводов, поскольку бездействие ответчика можно расценивать в качестве недобросовестного исходя из ст. 10 ГК РФ, поскольку ответчик, действуя с умыслом, побуждает лизингополучателя заявить требование в суд, тогда как расторжение договора должно повлечь лишь прекращение лизинговых правоотношений, а не создание дополнительной нагрузки на судебные органы. Главное требование суда состоит в том, чтобы лизингодатель в случае прекращения исполнения договора финансовой аренды (лизинга) лишь имел право на изъятие предмета лизинга, но он не вправе удерживать денежные средства в качестве платежей, предоставляемых как выкупную стоимость предмета лизинга, в этом и будет проявляться добросовестность [9].

Подводя итоги вышесказанному, можно прийти к выводу, что процедура банкротства, связанная с договором финансовой аренды (лизинга) имеет некоторые нюансы законодательства, при которых происходят ситуации злоупотребления своим правом либо со стороны лизингодателя, либо со стороны лизингополучателя, для этого предлагается:

1. Внести изменения в специальное законодательство о банкротстве в ст. 131 дополнительные части по поводу недопустимости включения в реестр требований кредиторов предмета лизинга в случае банкротства лизингополучателя, а также обязанность вернуть уплаченные выкупные платежи за предмет лизинга обратно лизингополучателю, тем самым оставив предмет лизинговых правоотношений за лизингодателем.

2. Внести в законодательство, конкретно в п.2, ч.2 ст. 137 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» изменения, касающиеся закрепление гарантий у лизингополучателя на возмещение части суммы, уплаченных лизинговых платежей, пропорционально сумме уплаченной выкупной стоимости предмета договора. Ведь таким образом, будет возможность удовлетворять требования добросовестного лизингополучателя первоочередно, что не нарушит баланс интересов в лизинговых правоотношениях.

Список цитируемой литературы:

1. Алферов Н.В. Алгоритм принятия решения о процедуре, применяемой в деле о банкротстве // МИР (Модернизация. Инновация. Развитие). -2012. -№8. –С.104-108
2. Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав / Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. –М, 2010. – 209 с.
3. Воскресенская Е.В. Вопросы арбитражной практики по финансовой аренде (лизингу) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. - 2012. -№3(13). –С.162-165.
4. Кривошеин Р.Ю. Принцип добросовестности в гражданском праве: проблемы теории и правоприменительной практики на примере правоотношений в сфере лизинга // Вопросы российской юстиции. 2019. – С. 247.
5. Михайлов Ф.Н., Шмелёва И.В. К вопросу включения предмета договора выкупного лизинга в конкурсную массу лизингополучателя в процессе его банкротства // Наукосфера. Юридические науки. -2021. -№5(1). –С.335-340.
6. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного прав // Вестник гражданского права. –1916. №6. –С.56.
7. Определение Арбитражного суда Свердловской области от 28.05.2015 года по делу №А60-54055/2014 // Официальная база судебных и нормативных актов РФ «СудАкт». – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ncFxDimmyJZ5/> (дата обращения 23.12.2021).
8. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 07.03.2013 по делу № А78-2047/2010 // Официальная база судебных и нормативных актов РФ «СудАкт». – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/blQLzom1Sp5C/> (дата обращения 16.02.2021).
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.12.2017 года по делу № А40-15504/2017 // Официальная база судебных и нормативных актов РФ «СудАкт». – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/VETqBfx2wT1c/>

10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.05.2019 по делу № А50-1959/2016 // Официальная база судебных и нормативных актов РФ «СудАкт». – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vvs0xbz0FeNy/> (дата обращения 1.08.2021).
11. Прогноз лизингового рынка на 2020 год: обнуление роста. – URL: <https://gaexpert.ru/researches/leasing/2019> (дата обращения 1.05.2021).
12. Рынок лизинга в условиях пандемии: вакцина от спада. – URL: http://www.ranational.ru/sites/default/files/slide_img/Review_Leasing_NRA_1H2020_September%2020.pdf. (дата обращения 1.05.2021).
13. Рынок лизинга по итогам первого полугодия 2020 года: тотальное поражение. – URL: https://gaexpert.ru/researches/leasing/1h_2020/ (дата обращения 1.05.2021).
14. Сиволобова Д.О., Ермоленко В.А. Проблемы банкротства лизинговых компаний в условиях пандемии. Дисс. канд. юрид. наук. / Д.О. Сиволобова, В.А. Ермоленко. Ростов-на-Дону, 2020. – 201 с.
15. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. - 28.10.2002.- № 43. - ст. 4190.
16. Шмельёва И.В. Особенности возмещения уплаченной выкупной стоимости имущества по договору выкупного лизинга в процессе банкротства лизингодателя // Гуманитарный научный вестник. Юридические науки. -2021. -№2. –С. 225-227.

Сведения об авторе:

Воробьева Анастасия Николаевна – магистрант института права ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»; nastyonysh.slasyonysh@mail.ru

Научный руководитель – Останина Е.А., к.ю.н, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Михеева К. А.

КАРШЕРИНГ КАК НОВЫЙ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

***Аннотация:** кратковременная аренда транспортных средств – одна из популярных развивающихся услуг в нашей стране. Договор каршеринга в законодательстве РФ не освещен в должной мере, в связи с чем появляется огромное количество проблем и неоднозначности в толковании норм ГК РФ при предоставлении машины в краткосрочную аренду.*

***Ключевые слова:** каршеринг, договор, аренда транспортного средства без экипажа, каршеринговые компании.*

В настоящее время стремительно развивается краткосрочная аренда автомобиля с поминутной оплатой, а именно каршеринг. Каршеринг определяется как один из видов непоименованных договоров в гражданских правоотношениях. Смысл договора каршеринга заключается в том, что арендодатель, осуществляющий сдачу транспортного средства в аренду, предоставляет арендатору автомобиль во временное владение за поминутную плату без дополнительных затрат.

Впервые система каршеринга была использована в 1948 году швейцарцами, когда управление жилого кооператива Цюриха купило несколько автомобилей и предоставило их арендаторам в общее распоряжение. В США и Канаде каршеринг стал популярен в 1990-е годы, этому содействовало появление GPS-навигации и развитие инновационных систем защиты.

На сегодняшний день услуги каршеринга набирают популярность в сотнях городах и более чем в двадцати странах. Данный вид пользования транспортным средством удобен для поездок на кратковременный период и становится все более востребованным среди людей, которые ценят комфорт и время в поездке.

Каршеринг определяется как вид краткосрочной аренды автомобиля. Основной проблемой договора каршеринга выступает вопрос о его правовой природе. Анализируя практику применения норм гражданского права, можно заметить отсутствие норм о договоре каршеринга. В судебной практике не выработана единая позиция по спорным вопросам о правовой природе договора каршеринга и его содержании, однако, такая необходимость назрела [6].

Именно из-за отсутствия закона, регулирующего данный вид правоотношений, основное правовое регулирование данной услуги выполняют Гражданский кодекс РФ и положения договоров.

Среди наиболее известных профильных компаний, предоставляющих услугу каршеринга являются: «Яндекс.Драйв», «Делимобиль», BelkaCar», «You Drive», «Anytime».

Проанализировав различные договоры каршеринга, можно сделать вывод, что на сегодняшний день в отношении природы каршеринга нет общего мнения. Зачастую каршеринговые компании определяют его к договорам присоединения (ст. 428 ГК РФ), к смешанным договорным типам (ст. 421 ГК РФ) с элементами аренды транспортных средств и элементами договора оказания услуг или к предусмотренным § 3 гл. 34 Гражданского кодекса РФ договорам аренды транспортных средств без экипажа.

Так, компании «Anytime» и «You Drive» предусматривают договор аренды транспортного средства без экипажа [3], «BelkaCar» потребителю предлагают заключить договор присоединения [4], «Делимобиль», в преамбуле договора обращает внимание на том, что договор не является договором проката и публичной офертой, и также предлагает заключить договор присоединения [5]. На сайте компании «Яндекс.Драйв» указывается, что использование услуги каршеринга устанавливается лицензионным соглашением на использование программы «Яндекс.Драйв», условиями использования сервиса «Яндекс.Драйв», пользовательским соглашением, лицензией на использование поисковой системы, а также договором аренды транспортного средства [2].

В некоторых исследованиях о договоре каршеринга, его относят к договору проката, предусмотренного статьей 626 ГК РФ. Однако, из-за неопределенности вида договора появляются спорные моменты в проявлении публичности этого договора.

Чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо обратиться к судебной практике.

В суд поступило исковое заявление к семи каршеринговым компаниям, в котором истец попросил подписать договоры проката. Условия предложенных договоров содержали дополнительные требования о минимальном водительском стаже, с чем истец был категорически не согласен пытаясь исключить этот пункт из договора аренды. Представители ответчиков возразили по поводу указанных требований. Это обосновывалось тем, что предоставление в краткосрочную аренду транспортных средств не что иное, как договор аренды транспортных средств без экипажа, поэтому урегулирование разногласий в подобных делах проводится на основании ГК РФ о договоре аренды транспортного средства без экипажа, которые являются специальными нормами в отношении норм ГК РФ о прокате. Согласно мнению ответчиков, данные договоры не относятся к договорам проката, а значит, не являются публичными договорами. Таким образом, дополнительные требования для арендаторов каждый из ответчиков вправе устанавливать самостоятельно. При рассмотрении материалов дела, суд встал на сторону ответчика и признал договор каршеринга договором аренды транспортного средства без экипажа, а также признал его публичным договором [1].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что без изменения существующих норм ГК РФ, договор каршеринга нельзя соотносить ни с договором проката, ни с договором аренды транспортного средства без экипажа. Можно подумать, что отношения в каршеринге могут использовать общие положения договора аренды, не забывая о принципе свободы договора. С этими же отношениями можно использовать положения законодательства о защите прав потребителей, но оценить и понять объем принимаемых обязанностей каршеринговых компаний и границы использования принципа свободы договора в этой области очень сложно из-за отсутствия императивных норм в договоре каршеринга.

Список цитируемой литературы:

1. Решение Лефортовского районного суд города Москвы по делу № 02-3451/2018 от 21 декабря 2018 года. [Электронный ресурс] URL: <https://mosgorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/civil/details/b014a7dd-443c-4fb9-bf10-2555899d3346> (дата обращения: 05.01.2022)
2. Условия использования сервиса Яндекс.Драйв. [Электронный ресурс] URL: https://yandex.ru/legal/drive_termsofuse/ (дата обращения: 03.01.2022)
3. Договор аренды транспортного средства без экипажа [Электронный ресурс] URL: <http://youdrive.today/oferta>. Anytime URL: <https://anytimecar.ru/files/docs/anytime.contract.20180921>. (дата обращения: 03.01.2022)
4. Договор присоединения к сервису «BelkaCar» [Электронный ресурс]. URL: <https://belkacar.ru/legal/contract.pdf> (дата обращения: 05.01.2022)
5. Договор аренды авто «Делимобиль» [Электронный ресурс]. URL: <https://delimobil.ru/terms/vehiclerental-contract> (дата обращения: 03.01.2022)

6. Аюшеева, И. З. Гражданско-правовое регулирование отношений по совместному использованию транспортных средств на примере каршеринга / И. З. Аюшеева. - Текст : непосредственный // Вектор юридической науки / глав. ред. А. Ф. Смирнов. - № 2 ин. - 2019. - С. 25-32.

Сведения об авторе:

Михеева Кристина Александровна – студентка 3 курса, Смоленского филиала Международного юридического института; kristina_mikheeva_5555@mail.ru

Научный руководитель – Сирик Н.В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Смоленского филиала Международного юридического института

Козин Д.А.

АНТИСОЦИАЛЬНАЯ СДЕЛКА: ПРОБЛЕМЫ «КОНФИСКАЦИОННОГО» СОСТАВА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК И ЕГО МЕСТА В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РФ

***Аннотация:** в статье рассматриваются проблемы состава антисоциальной сделки (ст. 169 ГК РФ). На основе анализа формулировок действующего законодательства, а также их сопоставления с нормами исторических правовых актов автор приходит к выводу о преступном характере состава антисоциальной сделки. Рассматривая судебную практику по ней, автор отмечает негативный эффект влияния указанной особенности её состава на правопорядок в виде выполнения публичных функций частным правом. По итогам исследования автор приходит к выводу о необходимости исключения состава ст. 169 ГК РФ из Кодекса.*

***Ключевые слова:** антисоциальная сделка; основы правопорядка или нравственности; преступление; конфискация; взятки.*

Анализ состава

Антисоциальной сделкой, согласно статье 169 Гражданского кодекса Российской Федерации [6], является сделка, совершённая с целью, противной основам правопорядка или нравственности. Такая сделка носит характер ничтожной и влечёт общие последствия недействительности сделок, а конкретно – реституцию.

Состав антисоциальной сделки можно обоснованно назвать «конфискационным», т.е. несущим в себе публичный элемент, чему, конечно, не место в сфере цивилистики – сфере, где все равны при совершении действий (сделок) и несут ответственность за них перед друг другом, но не перед государством. Для подтверждения данного тезиса достаточно проанализировать состав ст. 169 ГК РФ.

Так, по действующему Гражданскому кодексу объектами состава антисоциальной сделки выступают основы правопорядка и основы нравственности. Нетрудно заметить, что по существу – это интересы публичные и интересы общественные, что, собственно говоря, типично для антисоциальной сделки.

Однако в разное время истории подход законодателя к таким объектам состава был различным: законодателем акцентировалось внимание то в пользу частного, то в пользу публичного, то на мельчайших сторонах того или другого.

Комментарий.

1. Так, Проект Гражданского уложения Российской Империи конца 19 века [1] предусматривал состав сделки, противной *доброй нравственности* или *общественному порядку* (ст. 243);

2. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года [8] – сделки, совершённой с целью, противной *закону*, совершённой в обход закона либо направленной к явному *ущербу для государства* (ст. 30).

3. Гражданский кодекс РСФСР 1964 года [7] – сделки, совершённой с целью, противной *интересам социалистического государства и общества* (ст. 49).

4. Действующий Гражданский кодекс [6] говорит о недействительности сделки, совершённой с целью, противной *основам правопорядка* или *нравственности* (ст. 169).

Как разъяснил Верховный Суд в Постановлении Пленума № 25 [10], в качестве антисоциальных сделок могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои (п. 85). Это, в частности, сделки:

- направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т.п.);

- направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду;
- направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг;
- нарушающие основы отношений между родителями и детьми.

Стоит отметить, что за совершение некоторых из перечисленных сделок, в рамках преступных деяний, установлена уголовная ответственность. Соответственно, при совершении сделок с оружием, наркотическими средствами, поддельными документами и ценными бумагами всё полученное преступным путём имущество должно быть конфисковано в собственность государства – согласно ст. 104.1 УК РФ [3]. Однако функцию изъятия берёт на себя не публично-правовой порядок, а частноправовой. Но об этом – ниже, при анализе судебной практики.

Объективная сторона антисоциальной сделки в виде возвращения исполненного по сделке тесно связана с субъективной стороной её совершения в виде умысла.

Обратимся к истории.

Сперва, до 1964 года, законодатель не конкретизировал форму вины лиц, совершивших такую сделку.

Проект Гражданского уложения [1] хотя и содержал в себе положения про умысел в антисоциальной сделке, но не был принят. Интересно отметить, что для сторон антисоциальной сделки Проектом предполагалась двусторонняя реституция. При этом сторона, «виновная в выдаче денег или иного имущества с целью, противною общественному порядку и доброй нравственности», не имела права обратного требования, т.е. права на реституцию в отношении себя (ст. 250).

Гражданским кодексом РСФСР 1922 года [8] предусматривалось, что «в случае недействительности договора как направленного к явному ущербу для государства (ст. 30), ни одна из сторон не вправе требовать от другой возврата исполненного по договору» (ст. 147). При этом *неосновательное обогащение* подлежало взысканию в *доход государства*.

То есть не допускалась реституция, а принятие исполнения любой из сторон рассматривалось как получение неосновательного обогащения. Неосновательным обогащением при этом считалось «обогащение одного лица за счёт другого вследствие *противозаконного* или направленного в *ущерб государству* действия со стороны последнего» (ст. 402).

Из определения видно, что государство и закон считались разными объектами посягательства. Следовательно, ущерб государству совершением антисоциальной сделки можно было рассматривать в качестве преступления, наказание которому – конфискация всего исполненного (полученного) сторонами.

С 1964 года и по 2013 год два разных гражданских кодекса имели одну и ту же редакцию нормы об антисоциальной сделке [7, ст. 49; 6, ст. 169]. Законодатель акцентировал внимание на том, чей был умысел при совершении сделки. Также, логичным образом, и на том, чьё было исполнение.

«Если сделка совершена с целью, заведомо противной ..., то при наличии умысла у обеих сторон - в случае исполнения сделки обеими сторонами - в доход государства взыскивается всё полученное ими по сделке, а в случае исполнения сделки одной стороной, с другой стороны взыскивается в доход государства всё полученное ею и всё причитавшееся с неё первой стороне в возмещение полученного; при наличии же умысла лишь у одной из сторон всё полученное ею по сделке должно быть возвращено другой стороне, а полученное последней либо причитавшееся ей в возмещение исполненного взыскивается в доход государства».

Комментарий.

Если упростить словесные лабиринты законодателя – получится, что:

- если умысел имели обе стороны – то исполнения обеих по сделке обращались в доход государства;
- то же последствие наступало при исполнении сделки только одной стороной;
- если умысел имела одна сторона, то закон защищал другую – ту, что действовала добросовестно – и возвращал ей её исполнение по сделке; а исполнение умышленной стороны обращалось в доход государства.

Как видно, законодатель не изменял принципу наказания за совершения антисоциальной сделки («антисоциальная сделка – преступление»).

Реформой гражданского законодательства 2013 года [2] норма ст. 169 ГК РФ была существенно изменена. Формулировка статьи 169 ГК РФ приобрела следующий вид:

«Сделка, совершённая с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна и влечёт *последствия*, установленные ст. 167 ГК РФ. В случаях, предусмотренных

законом, суд может взыскать в доход Российской Федерации всё полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом».

Таким образом, законодательная формулировка состава антисоциальной сделки стала намного короче и понятнее. Однако принцип «антисоциальная сделка – преступление» исчез только формально.

Из текста новой редакции непосредственно следует, что наказание неизбежно. Более того, законодатель не прекращает настаивать на наказании обеих сторон по сделке: для стороны, которая имела умысел в своих действиях, т.е. «осознавала, предвидела и желала» наступления антисоциального результата – как в шутку отметили бы представители уголовно-правовой направленности – предусматривается обращение её исполнения по сделке в доход государства. Но ради справедливости стоит заметить, что наказание умысла стороны должно быть предусмотрено законом.

Вопрос наказания встанет и для другой стороны. На первый взгляд, такого не может быть, поскольку это утверждение никаким образом не вытекает из содержания ст. 169 ГК РФ и не читается между её строк. Однако, если присмотреться к другим нормам Кодекса, то можно обнаружить возможность наказания другой стороны – она следует из порочного круга законодательных формулировок, порождаемого статьями 167 и 169 ГК РФ.

Комментарий.

Статья 167. Пункт 2. «Двусторонняя реституция».

При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой всё полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре – возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

Пункт 4. «Неприменение реституции на усмотрение суда».

Суд вправе не применять последствия недействительности сделки (пункт 2 настоящей статьи), если их применение будет противоречить *основам правопорядка или нравственности*.

Статья 169. «Антисоциальная сделка».

Сделка, совершённая с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна и влечёт *последствия*, установленные ст. 167 ГК РФ. В случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход Российской Федерации всё полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом.

Из указанного следует, что по общему правилу стороны недействительной сделки (а у нас даже ничтожная) обязаны возвратить друг другу исполнения по ней. В отношении антисоциальной сделки суд вправе применить иные последствия, установленные законом.

В то же время бесспорно то, что Гражданский кодекс является законом. Так, он предусматривает правомочие суда не применять реституцию, если её применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности.

А непротиворечие в данном случае логически невозможно. По разъяснениям ПП ВС № 25 [10] стороны, в частности, совершают сделки с оружием, наркотиками, поддельными документами и ценными бумагами, экстремистской литературой (п. 85). Если суд применит реституцию – то наркотики вернутся их прежнему владельцу, напр., в случае сделки купли-продажи. При этом другой стороне вернутся деньги, что с малой вероятностью остановит её совершить подобную сделку в будущем. Аналогично и с другими объектами.

Особенно важно подчеркнуть, что возвращением денег, уплаченных по незаконной сделке с оружием, поддельными документами и прочим суд не произведёт какого-либо негативного эффекта на лицо. Таким образом, свобода в действиях побудит лицо опять совершить подобную сделку в будущем. Поэтому суд, стремясь восстановить справедливость, применит санкцию в виде взыскания исполнений обеих сторон в доход государства.

Таким образом, следует констатировать, что антисоциальная сделка имеет характер некоего преступления, нарушающего нормальные общественные отношения, за которое архи-необходимо наказать, дабы восстановить социальную справедливость, исправить поведение самих участников сделки и показать другим, что так поступать нельзя.

Судебная практика

К сожалению, указанные характеристики напрямую отражаются на судебной практике.

Так, пальму первенства в практике последних 3-5 лет держат дела по взяткам.

Прокуроры в интересах Российской Федерации подают иски о взыскании (обращении в доход гос-ва) денежных средств (реже – иного имущества), полученных по взятке. Государственные представители расценивают взятку как антисоциальную сделку.

Ответчики возражают прокурорам, полагая, что деяние, квалифицированное судом как преступление, не может одновременно расцениваться как гражданско-правовая сделка и что взыскиваемые денежные средства могут быть обращены в собственность государства только в порядке ст. 104.1 УК РФ (О 8 КСОЮ от 13.01.2021 № 88-461/2021 по делу № 2-12/2020).

Суды едва ли не в абсолютном большинстве случаев стоят на стороне прокуроров. Так, суды указывают следующее:

- совершение юридически значимого действия, являющегося деянием, за которое законом предусмотрена публичная (уголовная) ответственность, может быть расценено в качестве сделки (О 2 КСОЮ от 28.01.2020 по делу № 88-1131/2020);
- получение взятки (ст. 290 УК РФ) по своей гражданско-правовой природе является сделкой по передаче денежной суммы или иного имущества в качестве встречного предоставления за совершение второй стороной фактических или юридических действий;
- противоправность данного действия приводит к применению наказания в рамках уголовного права;
- что касается самой сделки, то её юридическая судьба может быть решена в рамках гражданского процесса на основании применённых судом норм (О 6 КСОЮ от 01.03.2021 по делу № 88-3308/2021);
- особенность признания взятки как недействительной сделки заключается в том, что факт совершения такой сделки должен быть подтвержден вступившим в законную силу приговором суда (О 4 КСОЮ от 24.11.2020 по делу № 88-24263/2020).

Оценивая приведённые позиции, нужно заметить, что суждения прокуроров и судов являются всесторонне неверными.

Во-первых, прокуроры предъявляют логически необоснованные иски. Сделкой являются действия, направленные на установление (изменение, прекращение) гражданских прав и обязанностей (ст. 153 ГК РФ). Исходя из определения, сделка не имеет направленности, подобной правонарушению. А взятка является преступлением, направленным против общественных отношений, которые обеспечивают нормальное функционирование органов власти.

Кроме того, субъектами сделки могут выступать только равноправные лица-участники гражданско-правовых отношений, что вытекает из основных начал гражданского права. В отношениях дачи-получения взятки один участник, взяткодатель, всегда наделён властными полномочиями, т.к. он является должностным лицом – будь то сотрудник органа власти или врач в муниципальной поликлинике (См.: определение должностного лица, изложенное в Примечании 1 к ст. 285 УК РФ, [3]).

Наконец, должностное лицо получает незаконное материальное вознаграждение за совершение им в пользу взяткодателя (представляемых им лиц) каких-либо действий (бездействия). Эти действия носят самый различный характер и могут являться сделками. Поэтому прокурорам следует бороться с недействительностью сделок-последствий по взятке, а не с характером самой взятки.

Во-вторых, у взяткополучателя в соответствии со ст. 218 ГК РФ не возникает права собственности на переданные ему денежные средства, т.к. нет на то законных оснований. Поэтому они подлежат не взысканию, а принудительному безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства, т.е. конфискации, в порядке, предусмотренном ст. 104.1 УК РФ.

Предмет взятки, таким образом, не может регулироваться гражданским правом. Исключение, как представляется, может составить лишь взыскание взяткодателем неосновательного обогащения с получателя взятки (см. ст. 1102 ГК РФ, [4]).

В-третьих, судебная практика сама себе противоречит.

Помимо приведённых выше позиций судебных инстанций, можно отметить, что одни суды указывают, что требование о применении последствий антисоциальной сделки относится к мерам гражданско-правовой ответственности (Апелляционное определение Тюменского облсуда от 16.05.2018 по делу № 33-2669/2018). Другие замечают, что недействительность сделки не требует для своего применения установления вины сторон и иных условий гражданско-правовой ответственности, а посему не входит в спектр таковой (Апелляционное определение Мосгорсуда от 28.08.2020 по делу № 33-32308/2020).

Третьи, в рамках уголовного судопроизводства (вынесения приговора), применяют конфискации имущества по взятке, при этом ни разу не касаются норм ГК РФ (Приговор Сосновского райсуда Тамбовской области от 25.11.2021 по делу № 1-39/2021). Четвёртые, в рамках того же, указывают, что государственным обвинителем в порядке уголовного судопроизводства гражданский

иск в защиту интересов РФ может быть предъявлен только в том случае, если совершённым преступлением причинён имущественный вред (моральный либо материальный) государству. Соответственно, прокурора направляют в гражданский процесс (Приговор Свердловского райсуда г. Белгорода от 02.07.2020 № 1-34/2020(1-355/2019;)).

Среди других сделок, случайно или нарочно (в результате чьих-то намерений) попавших в практику как антисоциальные, можно выделить следующие – коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ), использование подложных документов во вред другому лицу (ст. 327 УК РФ) и *другие подобные* сделки, позаимствованные законодателем из УК РФ, схема рассмотрения дел по большинству которых идентична примеру со взятками (напр., взыскание прокурорами дохода от организации и проведения азартных игр, см. О 6 КСОЮ от 27.04.2021 по делу № 88-9125/2021, 2-3000/2020).

Анализ судебной практики по антисоциальным сделкам показывает, что её поле практически полностью заполняют так называемые «сделки-преступления», регулирование которых целиком находится под началом уголовно-правового порядка.

Несправедливо в этой ситуации то, что механизм конфискации имущества, полученного в результате совершения преступления, работает неустойчиво, переключаясь в большинстве случаев свои функции по изъятию имущества на частнопредпринимательский порядок, в то время как гражданских правоотношений в ситуациях не возникает совсем. Причиной невозникновения частнопредпринимательских отношений является нарушение лицом основных положений гражданского законодательства – либо лицо стремится причинить вред другому, злоупотребляет правом, действует с противоправной целью в обход закона, либо совершает сделки в отношении ограниченных в оборотоспособности объектов. Примечательно и то, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ о конфискации имущества [9] не содержится каких-либо упоминаний гражданско-правового регулирования данной меры.

В виде уникальных казусов в судебной практике появляются дела, связанные, в частности, с регулированием трудовых отношений гражданско-правовыми договорами, с ущемлением имущественных прав детей, супруга.

Так, один из супругов совершает сделки дарения, купли-продажи доли в квартире, где живут и зарегистрированы его супруг и дети. Как правило, цель подобных действий – лишение ребёнка имущественных прав на квартиру, стремление уйти от уплаты алиментов по причине отсутствия имущества, подлежащего взысканию, и тому подобное, что нередко подтверждается иными фактическими обстоятельствами (объективной стороной), установленными в процессе рассмотрения дела (О Мосгорсуда от 02.05.2017 № 4г-4344/2017).

Практика показывает, что антисоциальные сделки в сфере семейных отношений имеют самую различную направленность: против интересов ребёнка, против интересов другого супруга (напр., уменьшение его доли в общем имуществе, вывод конкретного имущества из раздела, см. Апелляционное определение Архангельского облсуда от 28.06.2018 № 33-4026/2018), против исполнения властных решений государственных органов. При этом по многим делам суды отказывают истцам в удовлетворении их требований – как правило, вследствие недоказанности требований или законности и обоснованности действий ответчиков (Решение Сергиево-Посадского горсуда Московской области от 20.09.2019 по делу № 2-2536/2019).

В трудовых отношениях стороны нередко заключают соглашения о фактической выплате заработной платы. Как отмечают суды, в таких ситуациях работодатель преследует цель освобождения от обязательных выплат в соответствующие фонды, а работник – освобождение от уплаты налога на доходы физических лиц. Соответственно, такая сделка является совершённой с целью, противной основам правопорядка. При этом правовым последствием установления факта заключения такого соглашения является взыскание всего полученного по сделке в доход бюджета РФ – по ст. 169 ГК РФ (Решение Лыткаринского горсуда Московской области от 14.12.2020 № 2-242/2020–М-65/2020).

Правда, суды делают оговорку при рассмотрении исков о взыскании невыплаченных частей заработной платы, компенсации расходов работников. Кроме того, по большинству указанных исковых заявлений суды отказывают истцам в удовлетворении их требований, поскольку документы работодателя подтверждают соответствующие выплаты работнику в полном объёме. Истцы же не могут подтвердить факт исполнения трудовых обязанностей и заключения гражданско-правового соглашения до заключения трудового договора. Наряду с этим, суды отмечают, что если такое соглашение и было бы подтверждено, то оно не могло бы являться правовым основанием

к удовлетворению рассматриваемого иска, т.е. не могло бы основывать требования истца на законе (Апелляционное определение Самарского облсуда от 25.12.2018 по делу № 33-15576/2018).

Таким образом, в судебной практике возникают дела по истинно антисоциальным сделкам. Однако характер и обстоятельства каждого конкретного дела наталкивают на мысль о необходимости создания механизма правовой защиты от недобросовестного осуществления лицами гражданских прав.

Заключение

Состав антисоциальной сделки необходимо исключить из Гражданского кодекса. Одновременно с этим нужно создать правовой механизм защиты лиц от злоупотреблений во всяческих формах другими лицами гражданских прав.

Исключение состава ст. 169 из ГК РФ позволит вывести чуждые гражданскому праву «сделки-преступления», позаимствованные законодателем из уголовного правопорядка, тем более последним эти деяния регулируются в полном объёме. Создание механизма правовой защиты лиц от злоупотреблений другими лицами своими правами позволит защитить интересы лиц как в уже существующих (проявившихся) в судебной практике ситуациях, так и в ситуациях по сделкам, которые могут возникнуть в будущем и будут иметь характер антисоциальных.

При разработке такого механизма следует взять за основу общие принципы гражданского законодательства, положения статьи 10 ГК, описывающей пределы осуществления субъектами гражданских прав, характер поведения субъектов, а равно и статьи 12 ГК, устанавливающей перечень способов защиты гражданских прав – причём перечень открытый.

Список цитируемой литературы:

1. Проект книги первой Гражданского уложения с объяснительной запиской. - Санкт-Петербург : Гос. тип., 1895. - [2], II, 520 с.; 25. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2015/9/10/12tomnoe_izdanie_proekta_grazhdanskogo_ulozheniya_rossijskoj_imperii_s_motivami_razrabotchikov (дата обращения: 08.01.2022).
2. Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 2013. 08 мая.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 24.12.1992) (утр. силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
7. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (с изм. от 02.02.1923) «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с Гражданским кодексом РСФСР) (утр. силу) // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2018. № 134. 22 июня.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140. 30 июня.

Сведения об авторе:

Козин Дмитрий Александрович – студент 4 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; snak12349@gmail.com

Научный руководитель – Родина Татьяна Юрьевна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Фадеева А.Е.
ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

***Аннотация:** В данной статье рассматриваются различные подходы к определению гражданского правоотношения, которое является разновидностью правового отношения. Анализируются основания возникновения и прекращения гражданского правоотношения, определены понятия субъектов и объектов, говорится о принадлежащих участникам гражданских правоотношений субъективных правах и возложенных на них обязанностях.*

***Ключевые слова:** гражданское правоотношение, юридический факт, субъекты, объекты, субъективное право, юридическая обязанность.*

Проблема гражданских правоотношений для правовой науки не является новой. В российском дореволюционном праве названной проблематике уделялось серьезное внимание. В советский период развития отечественной цивилистики проводились лишь отдельные основательные исследования в области гражданских правоотношений. Сущность гражданских правоотношений достаточно подробно изложена в литературе. Характеризуя современное состояние научного знания в рассматриваемой области, следует отметить существующее, как и прежде, разделение проводимых исследований на имеющие общетеоретический характер и осуществляющие отраслевой подход.

Согласно позициям большинства ученых, гражданское правоотношение – общественное отношение, урегулированное нормой гражданского права. Но такое определение не в полной мере раскрывает сущность гражданского правоотношения, хотя бы потому, что не указывает на то, по поводу чего возникает это отношение, каково его назначение. Ниже приведены более широкие подходы к определению гражданского правоотношения.

Например, Е. А. Суханов считает, что гражданское правоотношение – юридическая связь равных, имущественно и организационно обособленных субъектов имущественных и личных неимущественных отношений, выражающаяся в наличии у них субъективных прав и обязанностей, обеспеченных возможностью применения к их нарушителям государственно-принудительных мер имущественного характера [6, с. 87]. Это определение содержит важную черту: защита государством добросовестной стороны и распространение неблагоприятных последствий от нарушения соответствующего отношения на причинителя вреда.

Профессор А. Г. Калпин понимает гражданское правоотношение как волевое имущественное или личное неимущественное отношение, урегулированное нормами гражданского права, в котором его участники юридически связаны наличием взаимных субъективных прав и обязанностей.

В учебнике под редакцией С. С. Алексеева гражданское правоотношение определяется как складывающаяся на основе гражданско-правовых норм связь между субъектами гражданского права через их права и обязанности, осуществление которых обеспечивается государством [7, с. 171].

У Рузаковой О. А. гражданское правоотношение определено как урегулированное нормами гражданского права правоотношение, возникающее между юридически равными, имущественно обособленными субъектами по поводу имущества, а также нематериальных благ, выражающееся в наличии у них субъективных прав и обязанностей. Казалось бы, такой подход к понятию вполне соответствует законодательству, но не несет в себе чего-то нового, однако оно указывает на один из важнейших признаков – это юридическое равенство субъектов, вступающих в правоотношение.

Согласно другому определению, гражданские правоотношения, то есть урегулированные нормами гражданского права имущественные и личные неимущественные отношения между управомоченным и обязанным лицами, включают: основания возникновения, изменения и прекращения; субъектный состав; содержание – права и обязанности субъектов; объекты [5, с. 47]. По всей видимости, это узкий подход к определению гражданского правоотношения, сочетающий в себе еще и его элементы, которые лишь отягощают понятие.

Понятие "гражданское правоотношение" является одним из центральных в общей теории права и позволяет уяснить, каким образом право воздействует на поведение людей, и в литературе гражданское правоотношение представлено в широком исследовательском спектре.

Во-первых, гражданское правоотношение рассматривается исследователями с точки зрения своего значения и сущности. Как правило, эта категория воспринимается правоведами как отношение особого структурного типа и как урегулированное нормой права общественное отношение, т. е. реальное поведение участников гражданского правоотношения. Также оно рассматривается с позиции образования правоотношения, прав и обязанностей как результат реализации норм права в

жизни общества либо с точки зрения взаимодействия субъектов гражданского правоотношения, протекающего в установленной форме, предписанной нормой объективного права.

Во-вторых, гражданские правоотношения рассматриваются с позиции состава или структуры правоотношения, элементами которого являются участники регулируемых отношений, субъективные права и субъективные обязанности, а также объекты гражданского права.

В-третьих, гражданские правоотношения исследуются с точки зрения особенностей их субъектного состава и характера правового положения участников рассматриваемых отношений.

В-четвертых, исследуются круг и специфика объектов гражданских правоотношений.

Гражданские правоотношения исследуются и с точки зрения их юридической формы, единства формы и материального содержания. Распространено изучение гражданского правоотношения в соотношении с нормой права, в аспекте реализации (формы реализации) положений объективного права, конечного результата правового регулирования, воплощения нормы права в реальных отношениях, а также как стадии в общей системе механизма правового регулирования.

Те или иные черты правоотношения приобретают актуальность и доминируют на том или ином этапе общественного (государственного) развития. Формируется потребность в совершенствовании понятия, что ведет к расширению объема категории, усложнению элементного состава дефиниции. Эта тенденция присуща всем теоретическим конструкциям и абстракциям. Следствием данной направленности является возникновение противоречий между различными воззрениями или их закономерных предпосылок [4, с. 129].

Гражданские правоотношения – динамические явления. Они возникают, изменяются и прекращаются при наличии определенных жизненных явлений, которые в правовой литературе именуется «юридическими фактами».

Традиционно юридические факты понимаются как обстоятельства реальной действительности, с наличием которых связывается возникновение, изменение или прекращение правоотношения [12, с. 8].

О. А. Красавчиков считает, что юридические факты отличаются от других фактов реальной действительности только с точки зрения значимости данных фактов для права. Данную позицию разделяют большинство ученых (особенно ярко это проявляется в советской юриспруденции).

Юридический факт – это признанный правом факт, то, что считается существующим. Признание же факта юридическим происходит путем наделения его юридическим эффектом. Так, по утверждению Е. В. Васьковского, любой поступок (например, курение, еда) может стать юридическим действием, если коснется сферы права (курение в запрещенном месте, еда чужих припасов без разрешения хозяина). М. А. Рожкова отмечает, что единственным отличием юридических фактов от фактических обстоятельств является то, что первые влекут наступление юридических последствий, а вторые – нет. Юридическим фактом может быть любое явление реальной действительности, если законодатель признает явления такого рода юридически значимыми.

Согласно мнению Ю. К. Толстого юридический факт – это такое явление, которое влечет определенные правовые последствия [8, с. 107]. Эти последствия содержатся в правовой норме. При отсутствии правовой нормы, которая предусматривает правовые последствия для обстоятельства реальной действительности, такое обстоятельство оказывается юридически безразличным и не является юридическим фактом.

Другого мнения придерживается И. А. Зенин. Он указывает, что «в жизни не исключены ситуации, когда какие-либо отношения имущественного и личного характера оказываются неурегулированными гражданским законодательством». В качестве примера автор приводит продажу дома с условием о пожизненном содержании или возмещение вреда лицу, добровольно спасающему чужое имущество [11, с. 185]. Однако такие обстоятельства имеют юридическую силу именно потому, что норма права содержит дозволение общего характера – это может быть сделано, хотя подробное регулирование этой правовой ситуации отсутствует. В этих примерах будут применяться, соответственно, общие положения о договорах и о действии в чужом интересе без поручения.

В соответствии со ст. 8 ГК РФ существуют следующие основания возникновения гражданских прав и обязанностей:

- 1) договоры и иные сделки, предусмотренные законом, а также договоры и иные сделки, хотя и не предусмотренные законом, но не противоречащие ему;
- 2) решения собраний в случаях, предусмотренных законом;
- 3) акты государственных органов и органов местного самоуправления, которые предусмотрены законом в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей;
- 4) судебное решение, установившее гражданские права и обязанности;
- 5) приобретение имущества по основаниям, допускаемым законом;
- 6) создание произведений науки, литературы,

искусства, изобретений и иные результаты интеллектуальной деятельности; 7) причинение вреда другому лицу; 8) неосновательное обогащение; 9) иные действия граждан и юридических лиц; 10) события, с которыми закон или иной правовой акт связывает наступление гражданско-правовых последствий.

Гражданские права и обязанности могут возникать как из перечисленных оснований, которые предусмотрены законом и иными правовыми актами, так и из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности.

Анализируя основания возникновения и прекращения гражданских правоотношений, юридические факты можно подразделить на события и действия.

К событиям относятся обстоятельства, которые происходят независимо от воли человека, например, стихийное бедствие, рождение и смерть человека, истечение определенного промежутка времени и т. д. [3, с. 9].

Действия совершаются по воле человека, например, заключение договора, исполнение обязательства, создание произведения, принятие наследства и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод: для возникновения и прекращения гражданских правоотношений необходимо наступление обстоятельств, предусмотренных правовыми нормами, которые именуются гражданскими юридическими фактами. Поэтому они выступают в качестве связующего звена между правовой нормой и гражданским правоотношением.

Говоря о гражданском правоотношении необходимо коснуться его элементов.

Субъекты гражданских правоотношений – это лица, обладающие гражданскими правами и несущие гражданские обязанности в связи с участием в конкретном гражданском правоотношении. Термин «субъекты гражданского правоотношения» в гражданском законодательстве не используется. Здесь можно встретить такие термины, как «граждане» и «юридические лица» (например, абз. 2 ч. 1 ст. 2 ГК РФ). Термин «лица» используется как обобщающая категория, объединяющая граждан и юридических лиц.

Физические и юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования составляют круг субъектов гражданских правоотношений. К физическим лицам относятся граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства [14, с. 728].

В соответствии с абз. 4 ч. 1 ст. 2 ГК РФ иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица пользуются теми же правами в гражданских отношениях, что и граждане РФ и российские юридические лица, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Интересен правовой статус Российской Федерации, субъектов Федерации, муниципальных образований как субъектов гражданских правоотношений. Они участвуют в них наравне с физическими и юридическими лицами; на них распространяются нормы, которые определяют участие юридических лиц в гражданских правоотношениях, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов (ст. 124 ГК РФ). Властные полномочия, которыми они наделены в сфере государственного (муниципального) управления, находятся за пределами гражданско-правовых отношений [10, с. 138].

Признание физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований субъектами гражданских правоотношений означает наделение их гражданской правоспособностью, т. е. способностью иметь гражданские права и нести обязанности. Правоспособность граждан возникает в момент рождения и прекращается смертью. Правоспособность юридического лица возникает с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании и прекращается в момент внесения в указанный реестр сведений о его прекращении.

Участие в гражданских правоотношениях обычно предполагает и наличие дееспособности, т. е. способности своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. У граждан она возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, т. е. по достижении 18 лет (есть исключения: эмансипация, вступление в брак до достижения 18 лет), а у других субъектов одновременно с правоспособностью.

Необходимо сказать, что участник гражданского правоотношения, наделенный правом, называется управомоченным лицом (кредитор), а несущий обязанности – обязанным лицом (должник), в большинстве случаев они являются лицами, одновременно управомоченными и

обязанными (например, продавец по договору купли-продажи несет обязанность по передаче вещи и в то же время имеет право на получение платы за нее).

Как на управомоченной, так и на обязанной стороне могут выступать одно или несколько лиц (например, в обязательстве из причинения вреда может быть одновременно несколько управомоченных и обязанных лиц: первые представлены сособственниками имущества, которому причинен вред; вторые – лицами, совместно причинившими этот вред).

Понятие об объекте гражданского правоотношения принадлежит к числу наименее разработанных в науке теории права. В течение длительного времени спор об объекте был схоластическим спором о предмете обсуждения: одни учёные отстаивали позицию объекта в объективном смысле, т. е. объекта правового регулирования, другие – говорили об объекте в субъективном смысле, т. е. объекте правоотношения. Учёные сходятся лишь в том, что объект должен быть противопоставлен субъекту: объектом будет предмет воздействия субъекта, то, на что направлено чьё-либо воздействие, либо то, что подтолкнуло субъекта к совершению того или иного направленного действия, повод к действию [2, с. 152].

В общем смысле, объекты гражданских правоотношений – объективированные материальные и нематериальные блага, по поводу которых возникают гражданские права и обязанности.

В ст. 128 ГК РФ даётся перечень объектов гражданских прав. К ним относятся: вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага [1].

Но проблема определения круга объектов гражданских правоотношений является дискуссионной на данный момент. В настоящее время в науке принято выделять следующие концепции определения объекта правоотношений:

- монистическая – предполагает, что существует один объект правоотношений;
- плюралистическая – допускает, что имеют место разновидности объектов для того или иного правоотношения.

Как правило, все объекты гражданских правоотношений можно объединить в понятие «имущественный оборот», кроме лично не имущественных ценностей. Основным объектом принято считать вещи, предметы материального мира, способные удовлетворить потребности человека. Однако по поводу таких объектов, как услуги, работы и иные действия, формируются специфические отношения. Также объектами гражданских правоотношений являются результаты интеллектуальной деятельности. Особенностью интеллектуальной собственности является то, что они выступают объектом гражданских правоотношений в тех случаях, когда имеется определенная объективная форма. Целесообразно предположить, что проблема в определении круга объектов правоотношений возникает по причине того, что предмет может являться объектом гражданских и иных правоотношений.

По вопросу об объекте гражданского правоотношения в литературе высказываются самые разные мнения. Некоторые авторы считают, что в качестве объекта гражданского правоотношения всегда выступают вещи (О. С. Иоффе, М. М. Агарков). Другие авторы полагают, что объект гражданского правоотношения формирует поведение человека (Ю. К. Толстой, А. П. Сергеев).

Круг объектов гражданских правоотношений достаточно широк. В гражданском праве существуют несколько точек зрения определения объекта гражданских правоотношений. Но в связи с тем, что в юридической науке отсутствует единая точка зрения по вопросу определения объекта гражданских правоотношений, целесообразно сделать вывод о том, что процесс формирования правовой базы, регулирующей гражданские правоотношения, не является завершённым, требует внесения корректив при дальнейшем накоплении мировой практики работы с гражданским правом. Главное, что объединяет все объекты гражданских правоотношений – это то, что все они способны удовлетворять определённые потребности людей. Также необходимо отметить их доступность и освоённость обществом. Становится ясно, что с такими объектами мы ежедневно сталкиваемся в повседневной жизни.

Необходимо сказать, что в процессе регулирования общественных отношений в рамках гражданского права участники наделяются субъективными правами и обязанностями, которые

в будущем определяют поведение субъектов в рамках существующих между ними правоотношений. В правоотношении взаимодействие его участников осуществляется в соответствии с принадлежащими им субъективными правами и возложенными на них обязанностями. Так, в правоотношении купли-продажи продавец обязуется передать проданную вещь покупателю в собственность, а покупатель должен уплатить продавцу деньги за эту вещь.

Субъективное право, по мнению С. Н. Братуся, – это обеспеченная законом мера возможного поведения субъекта гражданского правоотношения, направленная на достижение цели, связанной с удовлетворением его интересов. Их реализация возможна путем совершения юридических и фактических действий. Юридические действия – действия, которые направлены на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Совершая юридические действия, лицо намеревается установить для себя определенные правовые последствия. Фактические действия – это действия, сам факт совершения которых удовлетворяет потребности правообладателя независимо от того, возникли ли в результате этого какие-либо правовые последствия [13, с. 288].

Субъективное гражданское право включает в себя следующие правомочия:

1) правомочия требования, то есть возможность требовать от обязанного субъекта выполнения возложенных на него обязанностей (требование оплаты переданного товара);

2) правомочия на собственные действия, то есть возможность субъекта самостоятельно совершать фактически и юридически значимые действия (правомочие субъекта на собственные действия по владению, пользованию и распоряжению по своему усмотрению имуществом, принадлежащим ему);

3) правомочия на защиту, то есть возможность использования или требования использования государственно-принудительных мер в случаях нарушения субъективного права (самозащита – установка сигнализации; применение мер оперативного воздействия, т. е. без обращения в компетентные органы – удержание вещи за неуплату долга; применение мер государственного принуждения, в том числе мер юридической ответственности (неустойка, возмещение убытков, компенсация морального вреда).

Субъективному гражданскому праву соответствует гражданско-правовая обязанность. Юридическая обязанность – это вторая существенная часть юридического содержания правоотношения, которая является предписанной обязанному лицу мерой необходимого поведения, которой лицо должно следовать в соответствии с требованиями управомоченного в целях удовлетворения его интересов [9, с. 99].

Одни авторы (Ю. К. Толстой, В. К. Бабаев и др.) понимают под юридической обязанностью меру необходимого поведения, которой участник правоотношений должен следовать в соответствии с требованиями управомоченного в целях удовлетворения интересов последнего; другие (Н. Г. Александров, Н. И. Матузов и др.) определяют юридическую обязанность как вид и (или) меру должного либо требуемого поведения; третьи (К. В. Хачатуров и др.) считают, что юридическая обязанность – это нормативно-установленная и обеспеченная для исполнения модель требуемого поведения.

Анализ указанных и иных определений приводит к выводу о том, что под субъективной юридической обязанностью следует понимать принадлежащую участнику правоотношения конкретную меру должного (необходимого) поведения, обеспеченную средствами и способами экономического и политического, морального и юридического, поощрительного и принудительного, государственного и негосударственного воздействия.

В гражданских правоотношениях различают два типа обязанностей – пассивный и активный. Это связано с наличием в гражданско-правовом регулировании общественных отношений двух способов законодательного закрепления обязанностей – позитивного обязывания и метода запретов (негативного обязывания).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что содержанием гражданских правоотношений является реализация субъективного права и исполнение субъективной обязанности субъектами гражданских правоотношений. Они довольно многообразны. Некоторые из прав состоят из одного определённого правомочия, другие имеют более сложную структуру; неразрывно связаны друг с другом, возникают и прекращаются одновременно и изменяются под влиянием одних и тех же обстоятельств.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – ст. 3301.
2. Белов, В. А. Гражданское право: Общая и Особенная части: Учебник / В. А. Белов; Ин-т актуал. образования "ЮрИнфоР-МГУ". – Москва: Центр ЮрИнфоР, 2003. – 959 с. – ISBN 5-89158-118-3.
3. Бутенко, Е. И. Особенности юридических фактов в праве социального обеспечения России: теоретический аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.05 / Е. И. Бутенко. – Санкт-Петербург, 2010. – 28 с. – Текст непосредственный.
4. Гиоев, Ю. Ю. Развитие взглядов по проблемам определения понятия гражданского правоотношения в современный период / Ю. Ю. Гиоев // Общество и право. – 2011. – № 4 (36). – С. 127-130. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-vzglyadov-po-problemam-opredeleniya-ponyatiya-grazhdanskogo-pravootnosheniya-v-sovremennyy-period> (дата обращения: 05.01.2022). – ISSN: 1727-4125.
5. Гражданское право / отв. ред. В. П. Мозолин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – 963 с. – ISBN 978-5-392-18530-6.
6. Гражданское право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 "Юриспруденция" и по специальности 021100 "Юриспруденция" : в 4-х т. Том 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Волтерс Клувер, 2008. – 464 с. – ISBN 5-466-00083-3.
7. Гражданское право: учебник для студентов юридических высших учебных заведений: Т. 2 / [Алексеев С. С. и др.]; под ред. Б. М. Гонгало. – Москва: Статут, 2016. – 526 с. – ISBN 978-5-8354-1236-5.
8. Гражданское право: учебник: [в 3 т.] / В. В. Байбак и др.; отв. ред.: Ю. К. Толстой, Н.Ю. Рассказова; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2014. – 924 с. – ISBN 978-5-392-17371-6.
9. Груздев, В. В. Структура субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей / В.В. Груздев // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 5 (90). – С. 95-104. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-subektivnyh-grazhdanskih-prav-i-grazhdansko-pravovyh-obyazannostey> (дата обращения: 08.01.2022). – ISSN: 1994-1471.
10. Долинская, В. В. Развитие учения и законодательства о субъектах гражданских правоотношений / В. В. Долинская // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 161, кн. 4. – С. 127-145. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ucheniya-i-zakonodatelstva-o-subektah-grazhdanskih-pravootnosheniy> (дата обращения: 07.01.2022). – ISSN: 2500-2171.
11. Зенин, И. А. Гражданское право. Общая часть: учебник для среднего профессионального образования / И. А. Зенин. – 19-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 489 с. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/436975> (дата обращения: 06.01.2022). – ISBN 978-5-534-10967-2.
12. Титов, Е. В. Понятие юридического факта / Е. В. Титов // Ex jure. – 2018. – № 4. – С. 7-31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-yuridicheskogo-fakta> (дата обращения: 05.01.2022). – DOI: 10.17072/2619-0648-2018-4-7-31.
13. Федотов, П. В. Способы осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей / П. В. Федотов, А. Ш. Шахмирза Оглы, У. А. Адыковна // Вестник университета. – 2014. – № 10. – С. 288-290. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-osuschestvleniya-grazhdanskih-prav-i-ispolneniya-obyazannostey> (дата обращения: 08.01.2022). – ISSN: 1816-4277.
14. Шемшединов, М. Н. Субъекты гражданских правоотношений / М. Н. Шемшединов // Форум молодых ученых. – 2020. – № 1 (41). – С. 728-732. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42651747> (дата обращения: 07.01.2022). – eISSN: 2500-4050.

Сведения об авторе:

Фадеева Алина Евгеньевна – студентка ФГОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского»; al1nkafadeeva@yandex.ru

Научный руководитель – Родина Т. Ю., старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского».

Ключникова Э.Д.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ.
ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

***Аннотация:** В статье рассматриваются наиболее распространенные и актуальные проблемы, возникающие в сфере защиты авторских и смежных прав. Приводятся реальные примеры возникновения рассматриваемых проблем. Предлагаются меры по их разрешению. А также дается анализ зарубежного опыта таких стран, как Канада, Швейцария, Великобритания.*

***Ключевые слова:** авторское право, права, смежные с авторским, защита авторских и смежных прав, актуальные проблемы защиты, объем цитирования, интернет-пиратство, интеллектуальная собственность, защита прав авторов в цифровой среде, незаконное распространение объектов авторских прав, информационный посредник, правообладатель, гражданско-правовая ответственность, интернет-провайдер, сервис-провайдер.*

В настоящее время проблемы, возникающие в сфере защиты авторских и смежных прав, как никогда актуальны. Активное развитие и повсеместное внедрение современных технологий, расширение возможностей для распространения информации способствует увеличению числа нарушений авторских и смежных прав, в частности, в сети Интернет. В связи с этим защите интеллектуальных прав со стороны государства уделяется особое внимание. Но все же, несмотря на то, что часть 4 ГК РФ была принята уже 15 лет назад, по сей день в гражданско-правовом регулировании авторских и смежных прав существует ряд трудностей [3].

Итак, далее хотелось бы рассмотреть некоторые наиболее распространенные и актуальные проблемы, возникающие в сфере защиты авторских и смежных прав.

В авторском праве достаточно часто возникают проблемы, касающиеся определения объемов цитирования. Суть данной проблемы заключается в том, что объемы цитирования устанавливаются определенными стандартами только для письменных изданий и публикаций, в то время, как для произведений, созданных в электронной среде, четкие критерии цитирования отсутствуют. Российское законодательство допускает использование цитирования при отсутствии согласия автора и без выплаты вознаграждения, но при соблюдении ряда условий, в числе которых: оправданный объем цитирования, указание источников заимствования и автора произведения.

Отсутствие законодательно установленных объемов цитирования порождает разногласия, которые нередко приводят к судебным разбирательствам. Так, в качестве наглядного примера можно привести конфликт между кинокомпанией «Киноданц» (KD Studios) и автором You-Tube – канала VadComedian Евгением Баженовым. 3 июня 2019 года кинокомпания подала против Е. В. Баженова иск на сумму 1 миллион рублей, посчитав, что блогер нарушил допустимый объем цитирования исходного произведения в обзоре на фильм «За гранью реальности». И опять же, в связи с тем, что объемы цитирования законодательно не закреплены, суду крайне тяжело вынести справедливое и законное решение. В конечном итоге, между автором You-Tube канала и кинокомпанией было достигнуто мировое соглашение, согласно которому все претензии, предъявляемые к Баженову, включая иск на 1 млн рублей, были отозваны компанией, а также было выдвинуто требование удалить обзор фильма «За гранью реальности» из социальных сетей.

Таким образом, в целях решения проблемы определения объемов цитирования, необходимо законодательное определение таких объемов не только для научных публикаций и письменных произведений, но также и для объектов интеллектуальной собственности производимых в электронной среде.

Еще одной немаловажной проблемой в сфере защиты авторских и смежных прав выступает их нарушение во Всемирной сети Интернет, а именно, интернет-пиратство. Интернет-пиратством признается противозаконное копирование, и дальнейшее распространение копий объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет, осуществляющееся без согласия автора или правообладателя. Данный процесс обуславливается различными факторами, в числе которых – отсутствие возможности тотального контроля за незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности, а также за активной разработкой и внедрением новых технических способов, позволяющих участвовать в незаконном присвоении авторских прав [1].

Авторы, в попытках защитить права интеллектуальной собственности на собственные произведения, сталкиваются и с рядом других сложностей. К примеру, это может быть - низкий уровень знаний подавляющей части населения по вопросам принадлежности авторских и смежных прав на результаты интеллектуальной деятельности, размещенные в Интернете.

30 апреля 2020 года Управлением Торгового представительства США (USTR) был опубликован ежегодный отчет (Special 301 Report). Согласно данному отчету уже на протяжении нескольких лет Российская Федерация входит в Priority Watch List - в список государств, имеющих значительные проблемы в сфере защиты интеллектуальных прав во Всемирной сети Интернет. Вместе с нашей страной в число лидеров входит еще 10 государств. Среди них: Украина, Алжир, Саудовская Аравия, Алжир и др.

В соответствии с данным отчетом к основным проблемам защиты авторских и смежных прав в РФ относятся: низкий уровень эффективности реализуемых мер по защите интеллектуальных прав, а также мер по привлечению к ответственности владельцев сайтов, занимающихся размещением нелегального контента; несоответствие мировым стандартам работы организаций по коллективному управлению авторскими правами [2].

В качестве одной из возможных мер решения проблемы интернет-пиратства хотелось бы предложить создание официального ресурса с совместным участием Роспатента, Российского авторского общества, а также ряда других организаций, непосредственно связанных с коллективным управлением объектами авторских прав.

Данный ресурс должен быть представлен в виде интернет-портала, предназначенного как для профессионального сообщества, так и для сторонних пользователей. В нем должна храниться подробная информация о закрепленном праве авторства за определенными произведениями, что будет способствовать оперативной проверке и подтверждению фактов нарушения, а также, несомненно, облегчит процесс судебных разбирательств. Благодаря функционированию такого интернет-ресурса появится возможность с легкостью установить дату создания объекта интеллектуальной собственности, определить автора и поддерживать с ним контакт. Авторы произведений, правообладатели и любые другие заинтересованные лица смогут самостоятельно указать или же узнать о возможности использования произведения на безвозмездной основе в целях, не установленных на законодательном уровне.

Стоит предположить, что создание описанного интернет-ресурса позволит уменьшить число правонарушений в сфере защиты авторских и смежных прав в сети Интернет, а также способствует увеличению количества заключенных лицензионных договоров и договоров об отчуждении исключительного права. Все это станет большим шагом к решению проблемы интернет - пиратства в Российской Федерации.

Имеющиеся в сфере защиты авторских и смежных прав юридические проблемы порождают возникновение и ряда экономических проблем, в числе которых – понесенные правообладателями убытки, вызванные незаконным распространением объектов авторских прав. Под убытками в данном случае понимается упущенная выгода [4].

Так, наглядным примером убытков компании в результате нарушения их исключительных прав на объекты авторских прав является судебный спор, который возник между издательством «Терра» и издательствами «Астрель» и «АСТ-Москва». Данный спор возник по поводу незаконного издания последними двумя издательствами произведений писателя Александра Беляева. За три года ответчиком было издано около 25 тысяч экземпляров книг, средняя стоимость которых составила 160 рублей, в то время, как истцом за данный промежуток времени было издано 630 шеститомников стоимостью 114 651 рубль за один комплект. В данной сложившейся ситуации неправомерность действий ответчика не дала возможности истцу получить дополнительные денежные средства, что отрицательно отразилось на экономической составляющей деятельности издательства «Терра», для которого издание произведений – основной вид деятельности.

Приведенный пример указывает на то, что в связи с активным развитием технологий копирования и распространения объектов авторских и смежных прав, авторам/правообладателям приходится прибегать к обращению в суды в целях защиты принадлежащих им прав, и в отдельных случаях, возмещения понесенных ими убытков. Данный факт указывает на необходимость реформирования системы защиты авторских и смежных прав, и в первую очередь, на законодательном уровне. Одним из важных шагов в решении проблем защиты прав авторов в цифровой среде стало принятие 2 июля 2013 г. Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях», который довольно часто именуется «антипиратским» и применяется в случаях нелегального размещения на интернет-ресурсах охраняемых объектов авторских прав, без согласия их автора или правообладателя.

На сегодняшний день вопрос об ответственности информационного посредника за нарушения авторских и смежных прав в сети Интернет не теряет своей актуальности. На законодательном

уровне его регулирует статья 1253.1 ГК РФ, введенная «антипиратским законом». В соответствии с пунктом 1 данной статьи, за информационным посредником закреплена ответственность за нарушение интеллектуальных прав в сети Интернет на общих основаниях, которые устанавливаются ГК РФ, при условии наличия вины, но при этом с учетом особенностей, установленных пунктами 2 и 3 этой же статьи. В пункте 3 названо одно из условий, при котором информационный посредник может быть освобожден от ответственности, и это - своевременное принятие им необходимых и достаточных мер для прекращения нарушения интеллектуальных прав. Но при этом Гражданским кодексом не устанавливается конкретный список таких действий. На практике, чаще всего, информационные посредники лишь уведомляют правонарушителя о том, что его интернет-ресурс содержит нелегальный контент, но не блокируют к нему доступ пользователей. В ходе дальнейшего разбирательства информационный посредник может быть привлечен по решению суда к гражданско-правовой ответственности [1].

В качестве решения данной проблемы можно предложить разработку для статьи 1253.1 ГК РФ исчерпывающего перечня действий и мер, которые информационный посредник должен предпринять в целях предотвращения нарушения авторских и смежных прав в сети Интернет.

И наконец, хотелось бы акцентировать внимание на еще одной немаловажной проблеме - проблеме наличия ресурсов, не попадающих под существующее ныне законодательное определение понятия «информационный посредник», но при этом занимающихся очень похожей деятельностью. Яркий пример такого ресурса – это интернет-сайты, позволяющие скачивать объекты авторских и смежных прав с посторонних ресурсов. Пользователи таких сайтов автоматически становятся нарушителями интеллектуальных прав, которого довольно непросто привлечь к ответственности в силу сложности выявления всей цепочки потребления контента. Одним из возможных путей решения данной проблемы могло бы стать расширение понятия «информационный посредник» на законодательном уровне, а именно: установление в качестве такового лиц, предоставляющих пользователям возможность воспроизведения результатов интеллектуальной собственности, которая размещается другими субъектами в сети Интернет.

В целях наиболее подробного изучения данного вопроса я обратилась к опыту зарубежных стран.

Так, канадским законодательством предусмотрена система notice and notice, в соответствии с которой сервис-провайдеры (посредники), обязаны направлять от правообладателей уведомления нарушителям [5]. В случае невыполнения данной обязанности, интернет-провайдер может получить штраф в размере от 5 до 10 тыс. долларов.

Что же касается швейцарского законодательства, его основу составляет Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений. Швейцарский опыт отличается тем, что законодательство находится на стороне интернет-пользователей - копирование объектов авторских прав в сети разрешено на законодательном уровне и не преследуется со стороны правообладателей.

Весьма интересным в вопросах деятельности информационных посредников является опыт Великобритании. Британское законодательство закрепляет за интернет-провайдером обязанность по сбору информации о нарушителях, а также необходимость уведомления пользователей о поступлении жалоб от правообладателей.

Таким образом, в настоящий момент законодательство в сфере защиты авторских и смежных прав, как Российской Федерации, так и ряда других стран, нуждается в реформировании, которое, в первую очередь, должно быть направлено на установление соответствия правовых норм общественным отношениям, а также современному уровню передачи информации.

Список цитируемой литературы:

1. Диденко Ю.М. Некоторые аспекты защиты авторских прав в цифровой среде // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2020. № 16. - с. 99.
2. Назайкин И. А. Развитие института авторского права в России // Молодой ученый. 2019. № 13. – с. 18.
3. Самокрутов Максим Андреевич, Танская Виктория Валерьевна Актуальные проблемы защиты авторских и смежных прав // Бюллетень науки и практики. 2020. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-zaschity-avtorskih-i-smezhnyh-prav> (дата обращения: 13.12.2021).
4. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Феникс, 2019. - 475 с.

5. Bill C-11: An Act to amend the Copyright Act [Электронный ресурс] // Parliament of Canada. URL: <https://www.parl.ca/DocumentViewer/en/41-1/bill/C-11/first-reading> (дата обращения: 12.12.2021).

Сведения об авторе:

Ключникова Элина Дмитриевна – студентка ФГБОУ ВО «Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; elya.klyuchnikova@yandex.ru

Научный руководитель – Куликова Т.В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Рахматуллин С.С.

АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

***Аннотация:** Признание связи между социальными трудностями граждан и проблемами в их здоровье привело к появлению таких правительственных инициатив, как зоны действий в области здравоохранения. Принципы гражданского права применимы ко многим типам социальных проблем, а система гражданского правосудия является одним из средств, с помощью которого они могут быть решены. Однако на сегодняшний день проведено мало исследований, посвященных конкретным связям между трудностями населения, к которым можно применить судебные принципы и процессы, и заболеваемостью. Данное исследование посвящено изучению таких связей, а также роли юридических консультаций и услуг в предотвращении ухудшения здоровья людей.*

***Ключевые слова:** гражданское право, состояние здоровья населения, социальные трудности и проблемы.*

Введение

Проблемы гражданского права – в большинстве своем проблемы повседневной жизни; проблемы, с которыми сталкиваются люди как члены широкого гражданского общества. После установления за последние 30 лет широкого спектра прав и обязанностей, связанных с детьми, образованием, занятостью, долгами, здоровьем, жильем и социальными пособиями, проблемы, к которым сегодня могут быть применены гражданско-правовые принципы и процессы, затрагивают больше вопросов базового социального благополучия, чем когда-либо прежде [13, с. 73]. Несмотря на это, на сегодняшний день существует мало исследований, посвященных роли таких проблем в контексте связи социальной изоляции с участвовавшими случаями заболевания людей. Здесь можно отметить, что данная связь обуславливается тем, что современный мир характеризуется возросшими случаями безработицы, низкой квалификацией работников, небольшими доходами населения многих стран, плохими жилищными условиями, высокой преступностью, ухудшением общего уровня здоровья граждан, распадами семей. Кроме того, до недавнего времени, правительство практически не проявляло особого интереса к использованию юридических услуг и процессов для решения проблем социальной изоляции и общественного здоровья [24, с. 554].

Вообще говоря, связь между некоторыми видами проблем, подлежащих судебному разбирательству (проблем, к которым можно применить закон, вне зависимости от того, признается ли это, и используются ли юридические процедуры) и неудовлетворительным здоровьем людей является для научного сообщества очевидной. Так, несчастные случаи и домашнее насилие могут привести к серьезным физическим травмам и даже смерти, например, выкидышу, а также влекут серьезные психологические последствия, проявляющиеся, к примеру, в виде посттравматического стрессового расстройства и синдрома избиваемой женщины [30, с. 176]. Здесь путь причинно-следственной связи не только односторонний, поскольку, как отмечается исследователями, физическая или психическая неспособность повышает уязвимость к домашнему насилию. Ненасильственные семейные проблемы, включая развод, также могут стать причиной отклонений в психологическом здоровье. Все это касается как детей, так и взрослых членов семей [17, с. 920; 1, с. 36].

Аналогичным образом, неудовлетворительное состояние ремонта арендуемого жилья и переполненность социального жилья связаны с физическим и психологическим здоровьем наряду с бездомностью и проживанием во временном жилье (и то, и другое обычно вытекает из проблем,

подлежащих судебному разбирательству, и само по себе может быть связано с обозначенной темой данной работы) [6, с. 22; 4, с. 71]. Кроме того, вторичный анализ данных Британского панельного исследования домохозяйств показал, что ипотечная задолженность негативно влияет на здоровье и увеличивает вероятность посещения мужчинами врачей общей практики. Также исследователями было высказано мнение, что стресс, вызванный возвратом прав собственности, следует рассматривать как серьезную проблему для здоровья [22, с. 475]. Существуют и доказательства того, что проблемы, связанные с жильем и бездомностью, чаще наблюдаются у людей с плохим состоянием здоровья [8, с. 369].

Проявляются и другие, менее очевидные связи между иными социальными проблемами, которые можно обжаловать в судебном порядке, и нарушениями основных показателей здоровья. Например, в исследовании, проведенном среди тех, кто обратился за консультацией по долгам в британское бюро Citizens Advice Bureaux, 62% респондентов сообщили, что их долговая проблема привела к стрессу, беспокойству или депрессии, а 27% заявили, что впоследствии записались на лечение или консультации к психотерапевтам [9, с. 104]. Другие ученые также связывают долговые проблемы с психологическим здоровьем [16, с. 9; 26, с. 44]. Аналогичным образом выявлена связь между квалификационной дискриминацией и неудовлетворительным состоянием здоровья [11, с. 53]. Трудности с трудоустройством, в их прямой связи со статусом занятости, также связаны с неудовлетворительным здоровьем людей [31, с. 156].

Рассмотрение (в контексте полноценных исследований) обозначенных проблем, по которым потенциально возможно обращение в суд, периодически проводятся с 1930-х годов. Впервые они были проведены в США [7, с. 1274], однако сосредотачивались на частоте возникновения проблем, и действиях, предпринятых респондентами для их решения, а не на их причинах и последствиях. Даже одни из самых крупномасштабных исследований проблем, требующих судебного разбирательства, проведенные в Англии и Шотландии в конце 1990-х годов, не включали основных вопросов о состоянии здоровья респондентов [12, с. 83].

В связи с этим, в данной работе предпринимается попытка анализа данных американского национального исследования опыта взрослых в решении проблем, потенциально подлежащих оспариванию в рамках судебных разбирательств, с целью изучения связи между 18 выявленными типами трудностей и состоянием здоровья граждан, а также обсуждения роли гражданского права и юридических консультаций в стратегии общественного здравоохранения. Во-первых, выдвигается гипотеза о том, что респонденты, сталкивающиеся с проблемами, которые можно оспорить в судебном порядке, чаще страдают от длительных заболеваний, а во-вторых и в-третьих – о том, что соответственно между такими проблемами и такими заболеваниями имеется прямая корреляция, и процесс решения первых приводит к возникновению вторых.

Материалы

Первый американский национальный периодический опрос Центра исследования юридических услуг (LSRC) о проблемах, которые могут быть разрешены в судебном порядке, проведенный летом 2001 года, представляет собой базовое исследование, финансирующееся благотворительным фондом, в рамках долгосрочного проекта по определению объема обозначенных трудностей и моделей поведения, связанного с обращениями за консультацией по всей Англии и Уэльсу [23, с. 14]. Это самое масштабное в истории исследование такого рода, включавшее 3350 домохозяйств, отобранных из картотеки адресов в более чем семидесяти территориальных секторах государств. Было опрошено 5600 респондентов – взрослых старше 18 лет, причем 33% домохозяйств включали в себя только одного взрослого-собственника, 56% – двух взрослых. 25% опрошенных в возрасте от 25 до 74 лет сообщили о наличии долгосрочного ограничивающего заболевания или инвалидности, по сравнению с 24% по данным переписи 2001 года.

Респонденты прошли скрининговое интервью, в котором им задавались вопросы касательно того, сталкивались ли они в предшествующие три года с трудностями решения хотя бы одной из проблем, перечисленных категориально в табл. 1. Опрос-интервью был построен таким образом, чтобы максимально ограничить предлагаемое в качестве ответа представление обстоятельств рамками применения к ним правовых принципов.

Таким образом, в первой таблице перечислены гражданские вопросы вместе с примерами составляющих их подкатегорий, а также доли респондентов, сообщивших о наличии одной или нескольких представленных в списке проблем каждого типа.

Выявленные типы проблем

Тип проблемы	Пример проблемы	%
Потребительские	Некачественные товары, услуги.	13,3
Соседи	Антисоциальное поведение	8,4
Денежные/долговые	Неправильная продажа финансовых продуктов, спорные счета	8,3
Трудоустройство	Увольнение, условия найма	6,1
Личное	ДТП, несчастные случаи на производстве	3,9
Аренда жилья	Ремонт, непригодное жилье, условия аренды	3,8
Владение недвижимостью	Привязанность к территории, права на проезд	2,4
Социальные пособия	Право на льготы, количество льгот	2,3
Разрыв отношений	Проживание и воспитание детей	2,2
Развод	Раздел имущества	2,2
Дети	Исключение из школы, выбор школы	1,9
Медицинская халатность	Небрежное медицинское или стоматологическое лечение	1,6
Домашнее насилие	Насилие в отношении респондента, его детей	1,6
Дискриминация	Дискриминация по признаку инвалидности, расовая дискриминация	1,4
Проблемы с полицией	Нападение, необоснованное задержание полицией	0,7
Бездомность	Угроза бездомности	0,6
Психическое здоровье	Условия лечения, уход после выписки из больницы	0,5
Иммиграция	Получение разрешения на пребывание в стране	0,3

После выявления проблемы, участников опроса-интервью спрашивали о ее характере и действиях, предпринятых для ее решения или устранения. Также был собран ряд демографических данных, связанных с информацией о домохозяйстве, при этом скрининговое интервью длилось около 15 минут. Если респондент сталкивался хотя бы с одной проблемой, он переходил к основному интервью длительностью 25 минут, в котором рассматривались все аспекты проблемы, включая советы, цели, затраты и результаты. Интервью проходило «один на один» в собственных домах респондентов и, как и в предыдущих исследованиях ученых-авторов, они были организованы и проведены Национальным центром социальных исследований [29, с. 32].

Методы

Всем респондентам был задан вопрос: «Есть ли у вас какая-либо давняя болезнь, инвалидность или немощь?».

Во-первых, в работе использовалась бинарная логистическая регрессия со смешанными эффектами, реализованная с помощью программы MIXNO [15, с. 40], с целью проверки влияния длительной болезни (на основе упомянутого вопроса) и ряда других социальных и демографических предикторов на вероятность того, что респонденты сталкивались с проблемами, которые можно обжаловать в суде, и с любой проблемой из представленных 18 дискретных категорий.

Важно отметить, что ключевыми предикторами являлись: пол, этническая принадлежность, тип жилья, использование транспорта, тип семьи, срок проживания, экономическая активность, длительные заболевания, академическая квалификация, получение пособий и доход. Доход был эквивалентирован для контроля за членами семьи, находящимися на иждивении, и был приближен к шкале эквивалентности МакКлемента [20, с. 202]. Дискретные предикторы, такие как срок владения и тип жилья, были установлены как $n-1$ фиктивные переменные для n категорий. Предикторы вводились одновременно в каждую модель только как главные эффекты. Для каждого логистического регрессионного анализа со смешанными эффектами данные по тем, кто сообщил о наличии длительного заболевания или инвалидности, и тем, кто не сообщил данную информацию, были стандартизированы по возрасту по отношению друг к другу и к населению Англии и Уэльса в целом (с использованием данных переписи 2001 года) с помощью прямого метода [2, с. 611].

Во-вторых, используя регрессию Пуассона со смешанными эффектами для моделирования количества трудностей в работе изучено, испытывают ли болеющие респонденты проблемы в целом. Анализ проводился с помощью программы MIXPREG [14, с. 22], с применением домохозяйства в качестве случайного эффекта и прямого метода возрастной стандартизации длительной болезни или инвалидности. Относительная доля больных среди респондентов также была построена по мере увеличения числа проблем.

Результаты

В целом, около 17% респондентов основного исследования, которые предприняли какие-либо действия для решения своей проблемы, считают, что их здоровье пострадало в результате таких мероприятий. Однако этот показатель значительно варьировался в зависимости от типа проблемы: процент опрошенных, сообщивших о том, что их здоровье пострадало, изменялся в границах 5-60%.

На рис. 1 показано процентное соотношение респондентов, сообщивших о наличии у себя болезни и хотя бы одной из 18 типов проблем, а на рис. 2 представлена относительная доля респондентов с наличием у себя длительных заболеваний или инвалидности по мере увеличения количества проблем, о которых они сообщили.

Обсуждение

Результаты свидетельствуют о значительной связи между опытом людей в отношении проблем, которые можно обжаловать в суде, и состоянием здоровья. Поскольку вопрос о здоровье в исследовании LSRC касался только состояния респондентов на момент опроса, в этой работе трудно установить такую причинно-следственную связь, однако характер изучаемых проблем и результаты других исследований позволяют предположить ее наличие. Так, рядом ученых было установлено, что несчастные случаи, домашнее насилие, разрыв отношений, плохие условия жилья и финансовые долги могут привести к проблемам со здоровьем, а также, что плохое здоровье увеличивает вероятность возникновения социальных трудностей. Очевидно, что проблемы с психическим здоровьем могут также привести к возникновению связанных с ними судебных проблем и, наряду с проблемами с физическим здоровьем, могут стать основой для дискриминации, вопросов с трудоустройством и социальными пособиями [27, с. 8]. Эти проблемы, в свою очередь, повышая уровень стресса у людей, также могут повлиять на их общее здоровье [16, с. 81].

В работе не обнаружено прямой связи между бездомностью или разводом и плохим здоровьем. В первом случае существует ряд причин, по которым такая связь не могла быть обнаружена в ходе опроса LSRC. Во-первых, число респондентов, сообщивших о проблемах бездомности, было совсем небольшим. Во-вторых, в выборку опроса LSRC вошли только респонденты, которые были бездомными в прошлом, а не респонденты, которые являлись таковыми на момент опроса. Тем не менее, было замечено, что здоровье респондентов часто страдало в результате попыток решить вопросы бездомности. Что касается развода, то следует отметить, что сам факт его наличия оказался практически не связанным с последующим неудовлетворительным состоянием здоровья. Однако было выявлено, что сопутствующие ему проблемы разрыва отношений напрямую повлекли у респондентов сильное ухудшение здоровья.

Связь между проблемами, которые можно обжаловать в судебном порядке, и неудовлетворительным здоровьем имеет четкие последствия для общества. В той мере, в какой такие проблемы приводят к ухудшению здоровья, их профилактика, смягчение и решение должны быть целью политики общественного здравоохранения. Содействие повышению осведомленности населения о широком спектре юридических прав, обязанностей (как посредством общего просвещения граждан, так и базовыми индивидуальными консультациями) должно рассматриваться как вопрос правосудия и общественного здравоохранения.

Юридические услуги, юридические процессы и другие структурированные процессы разрешения споров, связанные с законом, должны быть признаны способными содействовать социальной справедливости и общественному здоровью, поскольку они рассматривают и предоставляют средства для решения проблем, которые приводят к ухудшению состояния здоровья людей. Кроме того, способность юридических услуг смягчать стресс, связанный с решением социальных проблем – будь то путем принятия на себя ответственности за это или путем предоставления общей эмоциональной поддержки и консультаций [10, с. 403] – также должна быть признана как вклад в общественное здоровье. В той мере, в какой неудовлетворительное здоровье приводит к проблемам, которые можно обжаловать в судебном порядке, следует признать и развивать соответствующие роли специалистов здравоохранения в направлении тех, кого это потенциально касается.

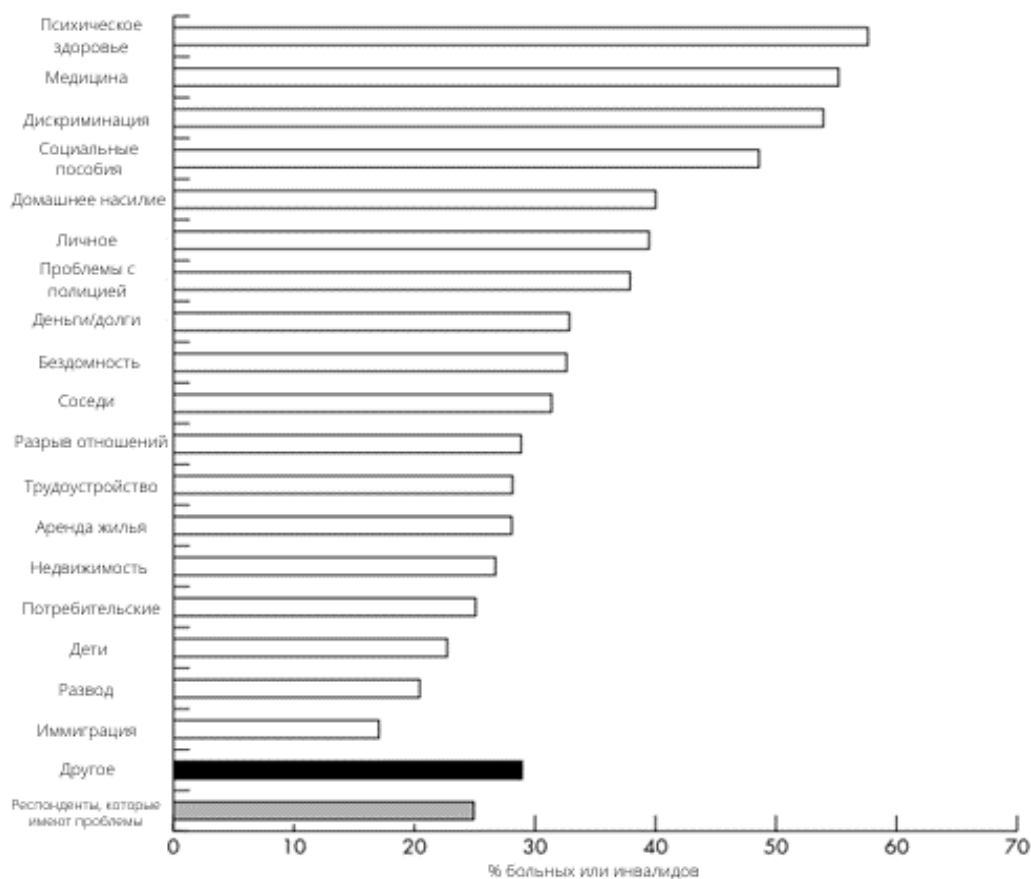

Рис. 1. Процентное соотношение больных опрошенных с наличием проблем

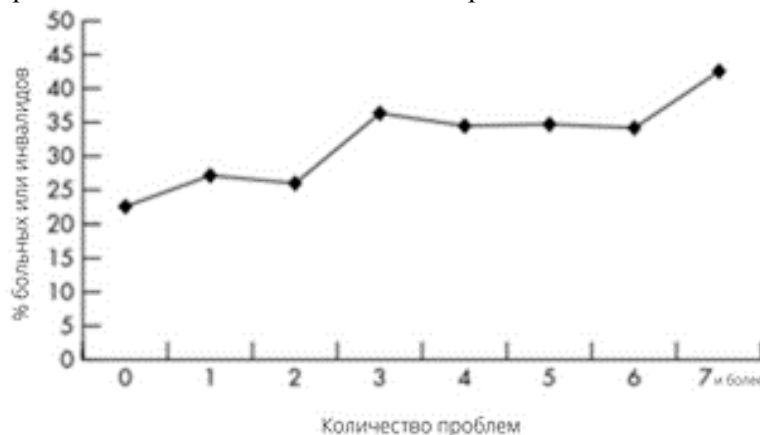

Рис. 2. Процент больных или инвалидов среди респондентов, имеющих проблемы

В Англии и Уэльсе в определенной степени признаны вышеуказанные роли и мероприятия [28, с. 19; 18, с. 28]. Хотя это признание все еще ограничено, привлечение юридических услуг к вопросам общественного здравоохранения и включении таких услуг в инфраструктуру гражданского правосудия, развитие Общественной юридической службы, ее партнерства и зон действий в области здравоохранения открывает большие перспективы [3, с. 104].

Разработка оценок влияния на здоровье зонами действия по ее охране, в которых могут использоваться знания и опыт Общественной юридической службы, также является готовым средством для интеграции юридических услуг в политику общественного здравоохранения. Тем не менее, еще предстоит пройти большой путь для реализации надлежащей интеграции услуг гражданского правосудия в сферу общественного здравоохранения. Помимо этого, существует нереализованный потенциал для решения проблем неравенства в области здравоохранения посредством дальнейшей такой интеграции в другие проблемы упомянутой «социальной изоляции» (безработица, одинокое родительство), которые могут играть роль как в возникновении последней, так и в ухудшении ее характера [25, с. 202].

Список цитируемой литературы:

1. Amato P., Keith B. Parental divorce and the well-being of children: a meta-analysis // *Psychological bulletin*. – 1991. – Т. 110. – № 1. – С. 26-46.
2. Armitage P., Berry G., Matthews J. *Statistical methods in medical research* / P. Armitage, G. Berry, J. Matthews. – Oxford: Blackwell, 2002. 795 p.
3. Bauld L., Judge K. *Learning from health action zones* / L. Bauld, K. Judge. – Chichester: AKD Press, 2002. 194 p.
4. Brimblecombe N. *Living and dying in Oxford: the spatial polarisation of life chances* / N. Brimblecombe – Bristol: University of Bristol, 1998. 96 p.
5. British Medical Association. *Domestic violence: a health care issue?* – London: BMA, 1998. 116 p.
6. British Medical Association. *Housing and health: building for the future*. – London: BMA, 2003. 80 p.
7. Clark C., Corstvet E. The lawyer and the public: An AALS survey // *Yale LJ*. – 1937. – Т. 47. № 1. – С. 1272-1278.
8. Easterlow D., Smith S. J., Mallinson S. *Housing for health: the role of owner occupation* // *Housing Studies*. – 2000. – Т. 15. – № 3. – С. 367-386.
9. Edwards S. *In too deep: CAB clients' experience of debt* / S. Edwards. – London: CAB, 2003. 134 p.
10. Eekelaar J., Maclean M., Beinart S. *Family lawyers: the divorce work of solicitors* / J. Eekelaar, M. Maclean, S. Beinart – Oxford: Hart, 2000. 523 p.
11. Gee G. A multilevel analysis of the relationship between institutional and individual racial discrimination and health status // *American journal of public health*. – 2008. – Т. 98. – № 1. – С. 48-56.
12. Genn H., Paterson A. *Paths to justice Scotland: what people in Scotland do and think about going to law* / H. Genn, A. Paterson. – Oxford: Hart, 2001. 391 p.
13. Goriely T. *Making the welfare state work. The transformation of legal aid* / T. Goriely. – Oxford: Oxford University Press, 1998. 320 p.
14. Hedeker D. MIXPREG: a computer program for mixed-effects Poisson regression / D. Hedeker. – Chicago: School of Public Health, University of Illinois at Chicago, 1998. 40 p.
15. Hedeker D. et al. MIXNO: a computer program for mixed-effects nominal logistic regression // *Journal of Statistical Software*. – 1999. – Т. 4. – № 5. – С. 1-92.
16. Kaplan H., Damphousse K. Reciprocal relationships between life events and psychological distress // *Stress medicine*. – 1997. – Т. 13. – № 2. – С. 75-90.
17. Kitson G., Morgan L. The multiple consequences of divorce: A decade review // *Journal of Marriage and Family*. – 1990. – Т. 52. – № 4. – С. 913-924.
18. Lord Chancellor's Department, Law Centres Federation. *Legal and advice service: a pathway out of social exclusion*. – London: Lord Chancellor's Department, 2001. 137 p.
19. Mayou R., Bryant B., Duthie R. Psychiatric consequences of road traffic accidents // *British Medical Journal*. – 1993. – Т. 307. – № 6905. – С. 647-651.
20. McClements L. Equivalence scales for children // *Journal of Public Economics*. – 1977. – Т. 8. – № 2. – С. 191-210.
21. Morgan L. et al. The Aberfan disaster: 33-year follow-up of survivors // *The British journal of psychiatry*. – 2003. – Т. 182. – № 6. – С. 532-536.
22. Nettleton S., Burrows R. When a capital investment becomes an emotional loss: the health consequences of the experience of mortgage possession in England // *Housing studies*. – 2000. – Т. 15. – № 3. – С. 463-478.
23. Pleasance P. et al. Causes of action: First findings of the LSRC periodic survey // *Journal of Law and Society*. – 2003. – Т. 30. – № 1. – С. 11-30.
24. Pleasance P. et al. Civil law problems and morbidity // *Journal of Epidemiology & Community Health*. – 2004. – Т. 58. – № 7. – С. 552-557.
25. Pleasance P. et al. *Summary of findings of the first LSRC Periodic Survey of Justiciable Problems* / P. Pleasance et al. – London: LSRC, 2002. 243 p.
26. Plumpton M., Bostock J. *Income, poverty and mental health: a literature review* / M. Plumpton, J. Bostock. – Newcastle: Dept of Psychological Services and Research, North Tyneside and Northumberland NHS Mental Health Trust, 2003. 59 p.
27. Sharpe J., Bostock J. *Supporting people with debt and mental health problems: research with psychological therapists in Northumberland* / J. Sharpe, J. Bostock. – Newcastle: Dept of Psychological Services and Research, North Tyneside and Northumberland NHS Mental Health Trust, 2002. 17 p.

28. Stein J. The future of social justice in Britain: a new mission for the Community Legal Service / J. Stein. – London: Centre for the Analysis of Social Exclusion, London School of Economics, 2001. 47 p.
29. Swales K. Measuring legal needs: technical report. / K. Swales. – London: National Centre for Social Research, 2001. 146 p.
30. Walker L. The battered woman / L. Walker. – New York: Harper and Row, 1979. 288 p.
31. Wilson S., Walker G. Unemployment and health: a review // Public health. – 1993. – Т. 107. – № 3. – С. 153-162.

Сведения об авторе:

Рахматуллин Самат Султанович – студент ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»; samatrakhmatullin@gmail.com

Научный руководитель – Мыльников Максим Анатольевич, канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры социологии, политологии и права ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»

Савкина А.Д.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРАУДФАНДИНГА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

***Аннотация:** В данной статье анализируется понятие краудфандинга, приводятся различные модели краудфандинга, исследуются проблемы определения правовой природы краудфандинга, а также производится анализ положительных и отрицательных положений законодательства о краудфандинге Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** краудфандинг, правовая природа краудфандинга, проблемы правового регулирования краудфандинга.*

Краудфандинг (в переводе с англ. «crowd» «толпа», «funding» «финансирование») представляет собой добровольное объединение активов людей для поддержки реализации тех или иных проектов других людей. Краудфандинг в узком понимании является финансовой поддержкой, заинтересовавшей человека, участника проекта (бекера, спонсора), идеи (бизнеспроекта), в результате чего он получит вознаграждение [9]. Иными словами, краудфандинг является молодым финансовым инструментом и заключается в себе совместную деятельность физических лиц, добровольно объединяющих свои денежные средства (зачастую на платформе Интернет), в целях поддержки инновационных идеи отдельных физических или юридических лиц. Использование краудфандинговой модели финансирования инноваций в качестве источника привлечения инвестиций целесообразно использовать на начальной стадии инноваций.

Анализ научных публикаций позволил мне выделить основные точки зрения относительно понятия краудфандинга. Так, Д.А. Котенко определяет краудфандинг как сотрудничество людей по добровольному объединению своих денежных и не денежных ресурсов с целью поддержки других людей и организаций [6], а А.П. Воробьева называет краудфандинг инструментом финансирования, который основан на интернет-технологиях [4]. С.Р. Седельников рассматривает исследуемое понятие как народное финансирование, что, по мнению автора, носит некоторый обобщенный характер и не отражает сути и особенностей термина [9]. Тогда как В.Л. Чугреев определяет краудфандинг через социальную технологию коллективного финансирования, основанную на добровольных пожертвованиях, дарениях [10].

Разнообразие определений исследуемого понятия до недавнего времени было вызвано отсутствием его законодательного закрепления в правовых актах РФ. Эту позицию разделяли некоторые ученые, которые указывали, что именно отсутствие специального правового регулирования краудфандинга мешает его развитию в России ввиду того, что не позволяет установить его субъектов в качестве участников гражданских и экономических правоотношений с целью предоставления им соответствующих прав и обязанностей [7].

Кроме того, анализ научных публикаций показал плюрализм мнений о сфере правового регулирования исследуемых правоотношений. Так, одни авторы говорят о том, что краудфандинг в РФ регулируется ст. 572 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) о договоре дарения [6], другие посредством законодательства об инвестиционной деятельности [5]

Выделим следующие особенности, присущие деятельности по коллективному инвестированию:

- правоотношения, связанные с коллективным инвестированием, характеризуются сложным субъектным составом
- их участниками являются инвестор, некредитная финансовая организация и лицо, привлекающее инвестиции;
- коллективное инвестирование предполагает объединение в единый пул денежных средств (или иного имущества) нескольких «мелких» инвесторов физических и юридических лиц за счет чего достигаются лучшие финансовые результаты;
- привлечение денежных средств осуществляется профессиональным участником финансового рынка некредитной финансовой организацией, действующей на основании разрешения, выданного Центральным банком Российской Федерации;
- обезличенные в пуле денежные средства (и иное имущество) подлежат вложению в объекты инвестирования, преимущественно в ценные бумаги и производные финансовые инструменты;
- полученный доход подлежит распределению между инвесторами путем выплаты процентов, дивидендов и другими способами;
- деятельность носит рисковый характер извлечение прибыли не гарантировано.

В экономической литературе термином «краудфандинг» часто называют совокупность краудфинансовых технологий [3]. Тем не менее, данный подход не является общепринятым.

Сущность краудфандинга, как самостоятельного направления экосистемы краудфинансов, заключается в целевом предоставлении денежных средств участниками краудфандинговой площадки другим участникам на безвозмездной основе либо за счет минимального (в том числе нефинансового) вознаграждения. Вознаграждения в этом случае являются символическими и, как правило, не равнозначны сумме пожертвования. В качестве вознаграждения может выступать образец профинансированного продукта, приглашение на мероприятие, публичная благодарность и др. Вышеуказанную модель краудфинансов называют «условно-возвратным», иногда – «наградным» или «классическим» краудфандингом [4]. Первая в мире краудфандинговая платформа подобного типа ArtistShare, появившаяся в США в 2001 г., специализируется на сборе средств для музыкальных проектов.

Впоследствии появились краудфандинговые платформы более широкого профиля. К ним, в частности, относятся: IndieGoGo (2008 г.), KickStarter (2009 г.), RocketHub (2010 г.). В России лидерами краудфандинговой модели являются две площадки – Boomstarter.ru (2012 г.) и Planeta.ru (2012 г.). За весь период функционирования платформы Boomstarter собрано более 453 млн руб., реализовано 2 175 успешных проектов, в которых приняло участие более 934 тыс. чел. [4].

Согласно данным официального сайта платформы Planeta.ru, через нее привлечено более 1,4 млрд руб., успешно завершено более 6,3 тыс. проектов, количество пользователей – более 1 млн чел. [8].

Согласно выводам ФНС «краудфандинг представляет собой коллективное сотрудничество людей (доноров), которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы вместе, как правило, через Интернет, чтобы поддержать усилия других людей или организаций (реципиентов)». ФНС справедливо подчеркивает, что коллективное инвестирование может применяться как физическими, так и юридическими лицами в любых целях, в том числе предпринимательских.

Позже Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018-2020 годов начинает рассматривать краудфандинг как бизнес-модель или форму финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства путем привлечения небанковских средств частных инвесторов, осуществляющих предоставление капитала в форме долговых обязательств, акций или пожертвований. При этом Банк России подчеркнул, что отсутствие правового регулирования краудфандинга может негативно сказаться на участниках финансового рынка.

По моему мнению принятие впоследствии указанного законопроекта № 419090-7 (пусть и в измененном виде) и вступление соответствующего Федерального закона в законную силу с 01.01.2020 (далее Закон об инвестиционных платформах) стало важным шагом на пути к улучшению финансового климата и инвестиционной безопасности в Российской Федерации. Это одновременно и шаг от концептуального рассмотрения к реализации элементов платформенного права в нашей стране. Закон об инвестиционных платформах теперь не содержит термина «краудфандинг», оперируя понятием «инвестиционная платформа», которая представляет собой «информационную систему в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, используемую для заключения с

помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы» [3, с. 2].

Инвестиции, согласно Закону об инвестиционных платформах, это денежные средства, используемые в целях получения прибыли или достижения иного полезного эффекта путем приобретения ценных бумаг или цифровых прав либо путем предоставления займа. Наиболее интересным с точки зрения правового регулирования представляется способ приобретения утилитарных цифровых прав, посредством которых у инвесторов формируется право требовать в обмен передачи вещи, исключительные права на результат интеллектуальной деятельности или право использования результата интеллектуальной деятельности, а также оказания услуг и (или) выполнения работ.

На основании вышеизложенного мною сделан вывод, что сфера применения правовых норм в отношении краудфандинга намеренно сужена, например, законодательно полностью исключено использование инвестиционных платформ в благотворительных целях.

Развитие российского рынка краудфандинга находится в экстенсивной стадии. Количество инвестиционных площадок и величина инвестиционных сборов увеличивается с каждым годом, что создает риск появления недобросовестных участников краудфандинга. Поэтому, учитывая то, что в настоящий момент формирование рынка краудфандинга является мировым трендом, в частности, направленным на развитие науки и техники, законодательное урегулирование деятельности инвестиционных платформ даст возможность сформировать хороший инвестиционный климат для взаимодействия инвесторов.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что правовое регулирование деятельности инвестиционных платформ (в частности, краудфандинга) в настоящий момент касается в основном финансирования коммерческих проектов, и в меньшей степени благотворительных, некоммерческих проектов.

Кроме того, большая часть мер государственного регулирования краудфандинга направлена на создание количественных (финансовых) ограничений для субъектов финансирования, что в большей степени связано с реализацией механизмов противодействия отмыванию денежных средств, нежели относится к мерам по защите законных прав и интересов инвесторов (доноров).

Поэтому полагаю, что акцент правового регулирования должен быть смещен в сторону обеспечения прозрачности и простоты инвестирования в совокупности с четкими механизмами взаимодействия участников краудфандинговых правоотношений. Это, по нашему мнению, позволит вывести данный инновационный механизм небанковского финансирования на более высокий уровень, в том числе и в России.

Список цитируемой литературы:

1. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ // СЗ РФ, 05.08.2019, № 31, с. 4418.
2. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ, 05.08.2019, № 31, с. 4457.
3. Законопроект № 419090-7 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» // Электронный ресурс. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=419090-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=419090-7).
4. Воробьева А.П. Перспективы краудфандинга в России / E-Scio № 9 (12). 2019. С. 73-79. // Электронный ресурс. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32314757/> (дата обращения: 25.12.2021).
5. Ермакова Е.А. Особенности регулирования краудфандинга в цифровой экономике России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. № 3 (72). 2021. С. 121-124. // Электронный ресурс. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35258225/> (дата обращения: 24.12.2021).
6. Колиева А.Э. Факторы доверительных отношений в предпринимательской деятельности // Право и государство: теория и практика. № 7 (127). 2020. С. 59-62. // Электронный ресурс. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23855097/> (дата обращения: 25.12.2021).
7. Котенко Д.А. Краудфандинг инновационный инструмент инвестирования // Закон. № 5. 2019. С. 140-145. // Электронный ресурс. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21834036/> (дата обращения: 25.12.2021).

8. Кочетков Е.П. Государственное регулирование краудфандинга в России как антикризисного инструмента привлечения инвестиций в инновационный сектор экономики // Стратегия бизнеса. № 3 (47). 2020. С. 7-14. // Электронный ресурс. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32830588> / (дата обращения: 24.12.2021).

9. Саленко Т.В. Сущность и виды краудфандинга как перспективной формы финансирования инновационного малого бизнеса // Молодая наука. № 16. 2020. С. 138-142. // Электронный ресурс. URL: <https://upload.pgu.ru/iblock/298/44.pdf> / (дата обращения: 24.12.2021).

10. Седелников С.Р. Краудфандинг как инструмент финансирования стартапов в Российской Федерации // Проблемы современной экономики. №4(56). 2019. С. 154-157. // Электронный ресурс. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25523181> / (дата обращения: 25.12.2021).

11. Чугреев В.Л. Краудфандинг - социальная технология коллективного финансирования: зарубежный опыт использования /В.Л. Чугреев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. №4 (28). 2019. С. 190-196. // Электронный ресурс. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20263968> / (дата обращения: 24.12.2021).

Сведения об авторе:

Савкина Алина Дмитриевна - студентка ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» Смоленский филиал, Savkina.alina@yandex.ru

Научный руководитель - Сирик Н.В., преподаватель гражданского права, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» Смоленский филиал.

Авличева И.С.

КАТЕГОРИЯ «КОНТРОЛИРУЮЩЕЕ ЛИЦО» В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ, ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

***Аннотация:** В статье рассматриваются различные правовые механизмы, связанные с привлечением к ответственности контролирующих лиц в процессе несостоятельности (банкротства) организации; анализируется понятие контролирующих лиц, генезис его возникновения и развития. Автор уделяет внимание рассмотрению правовой природы, оснований и условий субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.*

***Ключевые слова:** контролирующее лицо; субсидиарная ответственность; банкротство (несостоятельность); фактический контроль.*

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что динамично развивающиеся общественные отношения побуждают научное сообщество пересмотреть положения о концепции юридического лица, а точнее об ограниченной ответственности участников.

Примечательно, что судебная практика уже успешно воспринимает и использует зарубежный опыт доктрины «Снятия корпоративной вуали».

Законодатель данный вопрос также не обошел стороной и в отечественном законодательстве появилась возможность привлечения контролирующих должника лиц к ответственности в процедуре несостоятельности (банкротства).

Институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц является относительно новым в нашем законодательстве, при этом сама субсидиарная ответственность, как гражданско-правовой институт, известна еще со времен римского частного права.

В законодательстве о несостоятельности (банкротстве) данный институт нашел воплощение в отдельной главе, а судебная практика его восприняла таким образом, что наблюдается неизменный рост как количественного, так и качественного привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Целью исследования является теоретическое обоснование вопроса о сущности субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.

Юридические лица в современном экономическом обороте занимают ведущее место, что объясняется преимуществами, которые дает данный правовой институт. Если обратиться к признакам юридического лица, ограничиваясь предметом настоящего исследования и не вдаваясь в дискуссии, то можно заметить, что в юридической литературе одним из главных признаков юридического лица выделяют его способность нести самостоятельную имущественную ответственность, что

корреспондируется с теорией ограниченной ответственности, которая исключает как ответственность юридического лица за долги своих участников, так и ответственность участников за долги юридического лица. Данный признак получил свое зарождение еще в римском праве, постепенно он совершенствовался и казалось, что никаких отступлений от него не предвидится, но стремительно развивающиеся общественные отношения заставляют пересмотреть взгляды ученых и практиков на данный признак, найти возможные решения от его оборотной стороны и стабилизировать экономический оборот. Именно для этих целей необходимо проанализировать историю зарождения юридических лиц, акцентируя внимание именно на ограниченной ответственности участников.

Юридическое лицо как субъект права прошло длинный путь развития. Как и большинство правовых конструкций романо-германской правовой системы, данный институт своими корнями уходит в римское право. Современные исследователи вслед за дореволюционными отмечают весомый вклад римского права в становление и развитие идеи юридического лица, и претворение этой идеи в экономическую жизнь общества. Примечательно, что самого понятия «юридическое лицо» римское право не знало, а отношение римских юристов к данной правовой конструкции было неоднозначным.

Понятие «контролирующее лицо» встречается в отечественном законодательстве неоднократно, но в разных подзаконных актах оно имеет единый смысловой окрас. В настоящий момент данное понятие редко оценивается как юридическим сообществом, так и руководителями и собственниками компаний, как единая совокупность четко определенных признаков. Прежде чем перейти к вопросу о том, является ли контролирующее лицо собирательной категорией, либо же его необходимо рассматривать сквозь определенные признаки применительно к тому или иному закону, в котором содержится данное понятие, остановимся непосредственно на самом понятии контролирующего лица.

В русском языке словообразование «контролирующее» происходит от слова контроль. Согласно социологическому словарю [11] контроль означает управление, руководство, надзор. Именно такое толкование может быть применено и к контролирующим лицам. Поскольку у властного субъекта всегда должен быть определенный объект воздействия, которым в данном случае выступает подконтрольное лицо (должник), то и определять этот властный субъект целесообразнее будет при наличии у него руководящих, управленческих и надзорных полномочий по отношению к подконтрольному лицу. При этом необходимо разграничивать понятия «управление» (governance) и «руководство» («management»).

В самом общем виде различия между этими понятиями Линда Боурн описывает так: «Руководство фокусируется на создании организационной среды, в которой «управление» сможет эффективно функционировать, а также в поддержании этой среды на необходимом уровне» [18]. Например, высшим органом управления акционерного общества является общее собрание акционеров (ч. 1 ст. 47 ФЗ «Об акционерных обществах» [13]), а руководство текущей деятельностью общества осуществляется единоличным исполнительным органом общества и коллегиальным исполнительным органом общества (ч. 1 ст. 69 ФЗ «Об акционерных обществах»).

Общее собрание акционеров обладает руководящими полномочиями за счет того, что к компетенции общего собрания отнесены такие полномочия как внесение изменений и дополнений в устав или утверждение устава общества в новой редакции, образование исполнительного органа общества, если уставом общества это не отнесено к компетенции совета директоров, и другие полномочия. Управляющим звеном в данном случае будет являться единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор).

Надзорные полномочия применительно к контролирующим лицам выражаются прежде всего в возможности воздействовать на управленческие решения как руководящих органов, так и управленческих. Надзор в этой триаде выступает не менее значимым, поскольку зачастую контролирующие лица стремятся обезопасить себя и напрямую не участвовать в подконтрольном, сохраняя за собой возможность фактического контроля. Разграничение данных понятий поможет нам в дальнейшем определить лиц, которые потенциально могут быть отнесены к контролирующим.

Гражданский кодекс Российской Федерации [3] (далее по тексту – ГК РФ) в пункте 3 статьи 53.1 указывает, что лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицам, названным в пунктах 1 и 2 данной статьи, обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу. В данной норме речь идет именно о контролирующих лицах, имеющих фактическую возможность определять действия юридического

лица, в том числе давать указания лицам, уполномоченным выступать от имени общества, а также членам коллегиальных органов юридического лица.

Возможность определять действия юридического лица может вытекать из закона или иного правового акта (например, согласно абз. 3 п. 2 ст. 69 ФЗ «Об акционерных обществах» директор действует от имени юридического лица без доверенности, в том числе представляет его интересы, совершает сделки от имени общества, утверждает штаты, издает приказы и дает указания, обязательные для исполнения всеми работниками общества), учредительных документов (например, когда в уставе общества предусмотрены соответствующие полномочия совета директоров) и иных оснований (например, доверенности).

Любопытно, что пункт 3 статьи 53.1 ГК РФ оперирует именно фактическим контролем, предопределяя открытый перечень критериев контролирующего лица. Схожим образом определяет контролирующее лицо и законодательство о несостоятельности (банкротстве). Согласно части 1 статьи 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [15] (далее по тексту – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

В данном определении подчеркивается именно обязательность указаний контролирующего лица, в связи с чем мы считаем целесообразным остановиться на этом признаке. Поскольку юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительном документе, и нести связанные с этой деятельностью обязанности, и ограничение этих прав возможно лишь в случаях и в порядке, предусмотренных законом, то любое вмешательство в хозяйственную деятельность юридического лица должно квалифицироваться как прямое нарушение предписаний гражданского законодательства.

С момента внесения сведений о создании юридического лица в единый государственный реестр юридических лиц у него возникает правоспособность, значит, и в имущественном обороте появляется новый участник с присущими ему интересами.

Ситуация осложняется в том случае, когда существует несколько взаимосвязанных компаний с сосредоточением всех активов на одной из них, а обязательств – на другой. Судьба второй компании заранее предрешена – ее ждет банкротство с многочисленными кредиторами. Вопрос об обязательности указаний контролирующего лица в данном случае также не ставится, поскольку у должника-«пустышки» есть своя миссия в имущественном обороте, хоть и неправомерная, и эти указания исполняются добровольно.

Вопрос об обязательности становится актуальным в том случае, когда подконтрольное лицо обладает достаточной самостоятельностью, преследует свои собственные цели, но на определенном этапе в его деятельность вмешивается контролирующее лицо. Речь идет о так называемых «конечных бенефициарах», которые прикрываясь тенью другого юридического лица, получают всевозможные выгоды от такого прикрытия: получение прибыли, списание своих долгов, снижение налогооблагаемой базы и т.д.

Еще до недавнего времени такие лица могли свободно использовать преимущества ограниченной ответственности юридического лица и выходить сухими из воды, но «корпоративная вуаль» становится все прозрачнее. В таком случае, если юридическое лицо лишается своей самостоятельности, то и ответственности должно подлежать именно контролирующее его лицо.

Понятие «контролирующее лицо» также встречается в статье 45 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 г. №14-ФЗ.

Согласно указанной норме [14] контролирующим лицом может быть признано:

- Лицо, имеющее более 50 процентов голосов в высшем органе управления подконтрольной организации либо право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50 процентов состава коллегиального органа управления;

- Лицо, имеющее право прямо или косвенно распоряжаться в силу участия в подконтрольной организации и (или) на основании договоров доверительного управления имуществом, и (или) иного соглашения, предметом которого является осуществление прав, удостоверенных акциями (долями) подконтрольной организации. В законодательстве Российской Федерации также встречается понятие «группа лиц» [16].

Можно констатировать, что действующее законодательство содержит в себе однотипные признаки контролирурующих лиц, различия касаются только в объеме прав контролирующего лица.

Вопросам гражданско-правовой ответственности, как и ответственности вообще, научное сообщество традиционно уделяет большое внимание [17, с. 80]. Необходимость защиты интересов участников гражданских правоотношений побуждает законодателя искать новые правовые механизмы, а иногда усовершенствовать старые, к каковым и относится субсидиарная ответственность, которая реализуется в рамках охранительных правоотношений. Возникновение этого института уходит своими корнями в римское право. С развитием гражданских взаимоотношений развиваются формы реального (залог) и личного обеспечения [4, с. 457]. Личные способы обеспечения характеризуются привлечением к ответственности третьих лиц, основным способом является поручительство [9, с. 219-220]. Поручительство являлось акцессорным, зависящим от главного правоотношения и в размере, не превышающем основное обязательство.

Являясь главным «правораспорядителем» имущества, глава семьи должен был выплатить возмещение потерпевшему за действия своих детей [2, с. 323]. В период Юстиниана поручительство трансформируется в более приближенный к современному вид, предоставлена возможность поручителю возражать против иска кредитора с тем, чтобы взыскание первоочередно обращалось на имущество основного должника [12, с. 85]. Приведенные выше примеры показывают, что субсидиарная ответственность формировалась в ходе развития общественных отношений, а вместе с ним и гражданского оборота, но уже на данном этапе усилия римских юристов были направлены на достижение важной цели – защиты интересов кредиторов.

В современный период в юридической литературе встречаются разные позиции о правовой природе субсидиарной ответственности. Вместе с тем в настоящем исследовании хотелось бы остановиться более подробно на экономическом содержании субсидиарной ответственности, что позволит отметить принципиальную разницу между субсидиарной ответственностью как обеспечительного механизма и субсидиарной ответственностью как санкции за правонарушение. Сам институт субсидиарной ответственности, так или иначе, включает в себе элементы различных правовых явлений, что свидетельствует о его неоднородности: разновидность обязательства с множественностью лиц; особый способ обеспечения исполнения обязательств; разновидность гражданско-правовой ответственности.

В.А. Савиных [8, с. 60], выходя за рамки сложившихся представлений в гражданско-правовой доктрине, отмечает, что субсидиарная ответственность представляет собой правовой режим, преломляющий иные институты гражданского права и предназначенный для опосредования специфического экономического содержания субсидиарной ответственности, состоящего в том, что субсидиарный должник обязуется к исполнению чужого долга в качестве санкции за свое противоправное поведение. То есть автор не останавливается лишь на обеспечительном характере субсидиарной ответственности, а включает в нее и меру ответственности. Действительно, отталкиваясь от буквального толкования статьи 399 Гражданского кодекса РФ, посвященной субсидиарной ответственности, можно сделать вывод, что она является разновидностью гражданско-правовой ответственности. Встречаются и противоположные мнения, критикующие тезис о трансформации деликтной ответственности в субсидиарную.

Так, С. С. Покровский указывал, что подобный тезис не находит поддержки в законодательстве и гражданско-правовой доктрине [7, с. 46]. По нашему мнению, законодательные органы, вводя главу III.2 Федерального закона от 26.10.2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [15], предусматривающей в том числе субсидиарную ответственность контролирующих должника лиц, как раз и отметили возможность возложения субсидиарной ответственности на контролирующее лицо за собственное правонарушение.

В литературе встречаются и другие мнения, показывающие неоднородность субсидиарных правоотношений. Так, Е.А. Суханов рассматривает данный институт как разновидность обязательств с множественностью лиц на стороне должника [10, с. 53-54].

А.С. Бакин указывает на то, что «субъекты обязательства с множественностью лиц являются участниками одного и того же единого правоотношения. Субсидиарный и основной – должники одного и того же кредитора, но в двух отдельных, хотя и взаимосвязанных, правоотношениях» [1, с. 92]. Данный вывод автор сделал, основываясь на том, что субсидиарного и основного должника нельзя рассматривать как содолжников, поскольку субсидиарный должник не является стороной в основном обязательстве. Аналогичного мнения придерживается Ю.Я. Крюкова, которая считает, что необходимость в «дополнительном» субсидиарном должнике появляется лишь когда совершает правонарушение первоначальный [6, с. 81].

Таким образом, в данной конструкции возникает несколько обязательств – основное (например, договор займа) и дополнительное (например, договор поручительства), а также несколько должников – основной и субсидиарный, а значит, субсидиарное обязательство нельзя рассматривать как обязательство со множественностью лиц на стороне должника. Однако нельзя не отметить, что в такой конструкции происходит усложнение правовых связей, юридических фактов, и, как видимое следствие этого, – удвоение субъектов ответственности. В литературе также встречается подход, согласно которому необходимо различать субсидиарную ответственность и субсидиарное обязательство.

Участник юридического лица как субъект субсидиарной ответственности отвечает ее возможностью за собственные упущения, имевшие место при осуществлении им права корпоративного управления юридическим лицом. При этом недобросовестные участники гражданского оборота, используя конструкцию юридического лица, пытаются скрыть свою персональную ответственность. Бенефициары оказывают определяющее влияние на деятельность юридического лица, лишая последнего право выбора, тем самым эти участники стремятся извлечь выгоду для себя, минуя интересы юридического лица. Именно для предотвращения подобных ситуаций законодатель предусмотрел привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

С такой точки зрения субсидиарная ответственность предстает перед нами уже не просто как некое упущение субсидиарного должника, а как полноценное правонарушение, которое должно влечь за собой соответствующие последствия.

Наиболее удачной позицией, по нашему мнению, является позиция А.В. Егорова и К.А. Усачевой, которые определили субсидиарную ответственность какого-либо лица, как разновидность гражданско-правового обязательства одного лица перед кредитором, и содержанием такого обязательства, по мнению авторов, выступает повтор обязательства основного должника перед тем же кредитором [5, с. 23]. Данная позиция позволяет учитывать не только сумму основного долга, но и начисляемые по статье 395 Гражданского кодекса РФ проценты или убытки в виде судебных расходов кредитора по взысканию долга и т.д.

Данный вывод основан на том, что, по мнению авторов, субсидиарный должник должен повторить обязательство основного должника перед кредитором в полном объеме, что приведет к защите имущественных интересов последнего, в чем и проявляется основной смысл субсидиарной ответственности. Таким образом, можно констатировать, что субсидиарная ответственность в настоящий момент может сочетать в себе различные свойства. Она может содержать в себе обеспечительные свойства, при которых субсидиарный должник будет выполнять роль дополнительной опции.

В ряде случаев субсидиарный должник обязуется исполнить чужой долг, но основанием для этого будет являться его правонарушение, как раз в таких случаях субсидиарная ответственность предстает уже как санкция за противоправное поведение субсидиарного должника.

Концепция юридического лица постепенно развивалась и одним из ее главных постулатов становится теория ограниченной ответственности участников общества. Данная теория в процессе своей эволюции преследовала различные цели, постепенно видоизменяясь под них. В современный период, когда экономический оборот достиг небывалых высот, у законодателя и правоприменителя появилась новая задача - обеспечить стабильность оборота и максимальную защищенность кредиторов от недобросовестных лиц. Именно поэтому большинство правопорядков содержат в себе некоторые отступления от принципа ограниченной ответственности.

Эти отступления могут формироваться непосредственно законодателем путем принятия новых законов или внесения изменений в старые, но также они могут формироваться и судебной практикой, что в большей мере относится к формированию теории «снятия корпоративной вуали». В современный период судебной практикой вырабатываются новые представления об ответственности контролирующих лиц, в частности о возможности возложения ответственности не только на должника, но и на контролирующее его лицо.

Речь идет о так называемых «конечных бенефициарах», которые прикрываясь тенью другого юридического лица, получают всевозможные выгоды от такого прикрытия: получение прибыли, списание своих долгов, снижение налогооблагаемой базы и т.д. Еще до недавнего времени такие лица могли свободно использовать преимущества ограниченной ответственности юридического лица и выходить «сухими из воды», но все же законодатель находит способ бороться с такими проявлениями теории ограниченной ответственности – таким способом стала субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц.

Термин «Контролирующее лицо» встречается в законодательстве неоднократно, хоть иногда законодатель и именуется по-разному (взаимозависимые лица, группа лиц), но, тем не менее, он имеет единый смысловой окрас. Одним из основных признаков контролирующего лица является фактическая возможность определять действия подконтрольного ему юридического лица. Сюда входит и возможность давать указания, совершение сделок и определение их условий, влияние на экономические показатели и другие внутриорганизационные процедуры.

Тем самым, контролирующее лицо лишает подконтрольное ему юридическое лицо, вынужденное подчиняться этим указаниям, своей самостоятельности. На подконтрольных лицах можно оттачивать различные предпринимательские техники, не боясь потерять его в случае неудачи, а иногда и вовсе целенаправленно использовать его в противоправных целях, опять же, не боясь его лишиться.

В первом случае контролирующее лицо привлечь к ответственности представляется затруднительным, что понятно, ведь контролирующее лицо будет всеми силами доказывать, что оно действовало с необходимой степенью заботливости и осмотрительности, предпринимательского риска, неоправданного по условиям оборота, наличия деловых просчетов при отчуждении имущества по существенно заниженной цене, при выборе контрагента, при подготовке условий сделки и т.д.

Во втором случае несколько взаимосвязанных компаний создаются с целью сосредоточения всех активов на одной компании, а обязательств – на другой. Судьба второй компании заранее предопределена – ее ждет банкротство с озлобленными кредиторами, которые ничего не могут взять с должника-«пустышки». Как раз для защиты таких кредиторов и нужно привлекать к ответственности контролирующее лицо.

В чистом виде субсидиарной ее назвать не представляется возможным, прежде всего в силу того, что контролирующее лицо скорее отвечает за свои собственные правонарушения, нежели за действия должника. В таком случае имеются все основания утверждать, что эта ответственность скорее деликтная, нежели субсидиарная. В целом данный институт весьма прогрессивный шаг для защиты интересов добросовестных кредиторов, поскольку он направлен на предотвращение использования конструкции юридического лица и ограниченной ответственности его участников вопреки интересам экономического оборота. В случае, когда все же недобросовестным лицам удалось нарушить интересы кредиторов, последние могут использовать исключительную меру в виде субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Список цитируемой литературы:

1. Бакин А.С. Понятие субсидиарного обязательства в гражданском праве РФ // Вестник Томского государственного университета. 2010. №2. С. 91-94.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд. М.: Статут, 2001. С. 626.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // СПС «Консультант Плюс»
4. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсисянца – М.: Инфра-М: НОРМА, 1996. – 704 с.
5. Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2013. № 12. С. 23.
6. Крюкова Ю.Я. Понятие субсидиарного обязательства в гражданском праве России // Проблемы права. 2012. №7 (38). С. 78-83
7. Прус Е.П. Проблемы правового регулирования субсидиарных обязательств учредителей (участников) юридического лица: Автореф. дис. ... канд. Юрид. Наук. М., 2006. С. 216
8. Савиных В.А. Субсидиарная ответственность: экономическое содержание и правовая сущность // Вестник ВАС РФ. 2012. N 12. С. 59-69
9. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права : учебник / под ред. Д.В. Дождева. – М.: Бек, 2002. – 400 с.
10. Суханов Е.А. Субсидиарные обязательства/ Российское гражданское право. Т. II. Обязательственное право. М., 2011. С. 53-54.
11. Социологический словарь [Электронный ресурс] //URL: <https://gufo.me/dict/social/%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A2%D0%A0%D0%9E%D0%9B%D0%AC> (дата обращения 23.11.2021)

12. Трезубов Егор Сергеевич, Русакова Екатерина Петровна Эволюция поручительства в римском и российском обязательственном праве // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-poruchitelstva-v-rimskom-i-rossijskom-obyazatelstvennom-prave> (дата обращения: 23.11.2021).

13. Федеральный закон "Об акционерных обществах" от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «Консультант Плюс»

14. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «Консультант Плюс»

15. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (ред. от 02.07.2021, с изм. от 16.11.2021) // СПС «Консультант Плюс»

16. Федеральный закон "О защите конкуренции" от 26.07.2006 N 135-ФЗ(ред. от 02.07.2021) // СПС «Консультант Плюс»

17. Федоров И.В. О сущности гражданско-правовой ответственности за нарушение договорных обязательств // Состояние и проблемы развития российского законодательства / Под ред. В.Ф. Воловича. Томск. 1998. С. 80–87

18. Bourne L. The difference between governance and management [Электронный ресурс] // URL: <https://www.projectmanagement.com/blog-post/13701/The-Difference-Between-Governance-and-Management?blogName=Voices-on-Project-Management&posting=13701>

Сведения об авторе:

Авличева Инна Сергеевна - студент ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»; innaavlicheva@yandex.ru

Научный руководитель – Воробьева Ольга Александровна, к.пед.н., доцент, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право» ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»

Бенько Ю.А.

ЦИФРОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА, СОЗДАННЫЕ СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ С ПОЗИЦИИ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

***Аннотация:** В статье студентки 4-го курса юридического факультета ФГБОУ ВО РГАИС Бенько Юлии Александровны исследуются цифровые произведения искусства, созданные системами искусственного интеллекта, с позиции права интеллектуальной собственности. Автор выявляет пробелы действующего законодательства, создающие барьеры для правового регулирования названных объектов, предлагая обеспечить охрану таких произведений на основании института смежных прав.*

***Ключевые слова:** цифровые произведения искусства, искусственный интеллект, право интеллектуальной собственности, объект интеллектуальных прав, смежные права, автор.*

В век стремительного развития цифровых технологий слова одного из основоположников компьютерного изобразительного искусства А. Michael Noll: «Все больше людей, включая художников, станут компьютерно-ориентированными» и «со временем эта новая художественная среда будет использована для создания ранее неизвестных эффектов, объединяющих цвет, глубину, движение и произвольность в творческих комбинациях» [6], не кажутся чем-то фантастическим.

Так, не секрет, что уже на протяжении длительного промежутка времени многие авторы создают свои произведения искусства именно при помощи технических средств. Например, австралийский художник и иллюстратор Дэвид МакЛеод с помощью компьютерной графики представляет миру великолепные цифровые анимации, а шведский фотограф Эрик Йоханссен, известный своими постановочными сюрреалистическими пейзажами, использует в работе графический редактор Adobe Photoshop.

С развитием искусственного интеллекта, реальностью стали ситуации, когда так называемые «умные» машины порождают «творчество» практически опосредованно от людей (при их минимальном участии). Например, на аукционе Christies «...ушел с молотка необычный лот – картина, нарисованная искусственным интеллектом» [5]. Произведение, получившее название «Портрет Эдмонда де Белами», было создано алгоритмом Generative Adversarial Networks, разработанным командой Obvious. 22 июня 2020 года Сетевое издание РИА Новости сообщило о том, что «умная»

машина создала новую песню Nirvana, которая получила название Drowned in the Sun: «...для создания трека компания Over the Bridge из Торонто использовала нейросеть Magenta, разработанную Google» [3]. 29 ноября 2021 года Федеральное Агентство Новостей познакомило мир с еще одним достижением «умных» машин в музыкальной сфере: «Искусственный интеллект дописал десятую симфонию Людвига ван Бетховена, работу над которой он начал в 1824 году» [4].

Создаваемые техническими «устройствами» или с их помощью произведения в мире искусства именуется цифровыми произведениями. С позиции права интеллектуальной собственности, их правовая природа весьма неоднозначна и в настоящий момент представляет большой научный интерес, в том числе в силу того, что, как уже было отмечено, некоторые такие произведения создаются при минимальном участии человека самой «умной машиной». В этой связи ученые и практики всё чаще задаются вопросом: подлежат и (или) должны ли подлежать подобного рода «творения» правовой охране?

С учетом содержащихся в абз.5 п.80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснений о том, что творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств, мы можем сделать вывод, что цифровые произведения, созданные человеком, являются объектом авторских прав. Правовая же природа цифровых произведений, созданных при минимальном участии людей – сгенерированных «умными» машинами, в настоящий момент трактуется неоднозначно.

На наш взгляд, для того чтобы ответить на вопрос о том, подлежат ли они авторско-правовой охране по действующему законодательству, необходимо установить, насколько вообще сгенерированный «интеллектуальной» системой цифровой контент в сфере искусства соответствует условиям, при которых возникают авторские права на произведения.

Комплексный анализ норм 69 и 70 глав Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) позволяет сделать вывод о том, что для признания произведения объектом авторских прав, необходимо, чтобы оно не относилось к объектам, поименованным в п.6 ст.1259 ГК РФ (официальные документы государственных органов и органов местного самоуправления, государственные символы и знаки, сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер и т.д.), было выражено в какой-либо объективной форме (п.3 ст.1259 ГК РФ), а также было создано в результате творческой деятельности человека (ст.1257 ГК РФ).

Учитывая приведенные выше примеры, можно с абсолютной уверенностью сказать, что цифровые «творения», созданные «умной» машиной, вполне могут удовлетворять первому из обязательных условий – не относиться к объектам, поименованным в п.6 ст.1259 ГК РФ.

Учитывая, что п.3 ст.1259 ГК РФ предусматривает открытый перечень форм (вариантов) объективизации произведений, а также то, что обязательной «составной частью» искусственного интеллекта является интерфейс – область, через которую «умная» машина взаимодействует с пользователем, в том числе, выдает ему ответ на поставленный вопрос, цифровые произведения искусства, созданные искусственным интеллектом, удовлетворяют и данному условию охраноспособности.

Третьим обязательным условием возникновения авторских прав на произведение, как было отмечено ранее, является создание последнего в результате творческой деятельности человека.

В законодательстве определение творческой деятельности с позиции права интеллектуальной собственности отсутствует. При этом, в п.1 ст.1228 ГК РФ прямо указано, какая деятельность человека при создании произведения точно не является творческой: техническая, консультационная, организационная, заключающаяся в оказании материального содействия или осуществлении контроля за созданием произведения.

Учитывая тот факт, что, в соответствии с положением ст.2 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 14.04.2020 № 123-ФЗ обязательными признаками искусственного интеллекта являются самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, можно сделать вывод, что человек при создании «продукта» роботом лишь разрабатывает базовые установки для функционирования «машины» и выдает ей задание на создание произведения, тем самым, его деятельность относится, как раз, к поименованной в п.1 ст.1228 ГК РФ.

Таким образом, цифровые произведения искусства, созданные искусственным интеллектом, не удовлетворяют всем условиям, при совокупном соблюдении которых возникают авторские права,

а, значит, в рамках действующего правового поля, они не подлежат охране с позиции права интеллектуальной собственности.

В то же время, принимая во внимание тот факт, что сегодня России необходимо развивать активно внедряющиеся, в том числе, в область творческой индустрии, технологии искусственного интеллекта, а также то, что цифровые «творения» «умных» машин в области искусства пользуются спросом у общественности (так, уже упомянутый выше портрет Эдмунда да Белами арт-группы Obvious был продан на аукционе Christie's за 432,5 тысячи долларов), мы справедливо можем сделать вывод о существующей уже сейчас необходимости их охраны в рамках права интеллектуальной собственности.

На сегодняшний день в доктрине ученые и практики предлагают два возможных варианта обеспечения такой охраны.

Первый заключается в признании цифровых произведений искусства, созданных «умными» машинами, объектами авторских прав посредством закрепления авторства на такие произведения либо за человеком, так и или иначе связанным с «умной» машиной, либо за самой системой искусственного интеллекта. Так, Bridy A. [7] считает, что автором произведения, созданного искусственным интеллектом, а, следовательно, и первоначальным правообладателем необходимо признать саму систему искусственного интеллекта, поскольку именно «умная машина» создает конечный продукт творчества. Э.П. Гаврилов [2] в своих работах говорит о том, что непосредственным автором и правообладателем созданного в таком случае произведения необходимо считать лицо, создавшее систему искусственного интеллекта, в виду того, что только благодаря человеку (лицу, «породившему» искусственный интеллект), последний может создавать собственные произведения.

Второй подход, предлагаемый, в частности, А.О. Абышко и Г.С. Сабировым [1], относительно обеспечения охраны цифровым произведениям искусства, создаваемым искусственным интеллектом, состоит в разработке для таких произведений специального нормативного правового регулирования, сопровождающегося расширением действующего перечня объектов интеллектуальных прав.

На наш взгляд, учитывая, минимальный вклад человека в процесс создания «продукта» роботом, состоящий лишь в разработке установки для функционирования «машины» и выдаче ей задания на создание произведения, представляется нецелесообразным признавать автором цифрового произведения искусства, созданного искусственным интеллектом, человека. В силу того, что творчество – это сложный процесс, связанный в большей степени с мыслями, чувствами и эмоциями, бесспорно присущими сегодня только человеческому существу, считаем также невозможным закреплять авторство и за системой искусственного интеллекта.

В этой связи подход, заключающийся в обеспечении охраны таким произведениям посредством введения нового объекта интеллектуальных прав, нам видится наиболее оправданным. Учитывая схожесть идей правовой охраны цифровых произведений искусства, созданных искусственным интеллектом, и отдельных объектов смежных прав, а также отсутствие общих условий, при соблюдении которых возникают права, смежные с авторскими, считаем наиболее целесообразным признать данный новый объект именно объектом смежных прав и, как следствие, закрепить нормы, которые будут определять его правовой режим именно в главе 71 ГК РФ. Видим логичным, что на данный новый объект, с учетом цели предоставления ему правовой охраны, необходимо признавать только исключительное право, срок действия которого должен иметь ограниченный характер, также, для данного объекта в обязательном порядке необходимо предусмотреть случаи его свободного использования.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Цифровые произведения искусства, созданные искусственным интеллектом, не удовлетворяют всем условиям, при совокупном соблюдении которых, возникают интеллектуальные права, а, значит, в рамках существующего правового поля, они не подлежат правовой охране.
2. Основная проблема правового регулирования таких произведений с позиции права интеллектуальной собственности заключается в минимальном вкладе человека в процесс их создания, следствием которого является невозможность признания последних результатами творческой деятельности.
3. С учетом нормативно установленной необходимости развития технологий искусственного интеллекта, а также ввиду роста интереса общественности к цифровым произведениям искусства, создаваемым «умными» машинами, необходимо обеспечить охрану таким произведениям с позиции права интеллектуальной собственности.

4. Учитывая схожесть идей правовой охраны цифровых произведений искусства, созданных искусственным интеллектом, и отдельных объектов смежных прав, а также отсутствие общих условий, при соблюдении которых возникают права, смежные с авторскими, наиболее целесообразно обеспечить правовую охрану цифровым произведениям искусства, созданным искусственным интеллектом, посредством введения нового объекта смежных прав и, как следствие, разработки для него специального нормативно-правового регулирования, предусматривающего в обязательном порядке сокращенный срок действия исключительного права на такой объект и случаи его свободного использования.

Список цитируемой литературы:

1. Абышко А.О., Сабиров Г.С. Искусственный интеллект и произведения машинного творчества: применимость опыта стран общего права к российскому регулированию // Патенты и лицензии. 2021. № 12. С.60–72.
2. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития / Гаврилов Э.П.; Отв. ред.: Рассудовский В.А. // Наука. 1984. 222 с.
3. Искусственный интеллект создал новую песню Nirvana [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20200622/1573208490.html> (дата обращения: 25.11.2021).
4. Нейросеть дописала десятую симфонию Бетховена [Электронный ресурс] URL: <https://riafan.ru/1562950-neiroset-dopisala-desyatuyu-simfoniyu-bethovena> (дата обращения: 27.11.2021).
5. На аукционе продали картину, созданную искусственным интеллектом [Электронный ресурс] URL: https://pikabu.ru/story/na_auktsione_prodali_kartinu_sozdannuyu_iskusstvennyim_intellektom_6448986 (дата обращения: 14.12.2021).
6. A. Michael Noll // Digital art museum [Electronic resource] URL: <http://dam.org/artists/phase-one/a-michael-noll> (date of treatment: 14.12.2021).
7. Bridy A. Coding Creativity: Copyright and the Artificially Intelligent Author // Stan. Tech. L. Rev. № 5. 2012. Pp. 1-27.

Сведения об авторе:

Бенько Юлия Александровна – студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Российская Государственная Академия Интеллектуальной Собственности»; iu.benko@yandex.ru

Научный руководитель – Сергеева Н.Ю., кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Российская Государственная Академия Интеллектуальной Собственности».

Трибулкина Е.А.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ПРЕДПРИЯТИЙ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА

Аннотация: В работе рассматриваются современные тенденции правового регулирования деятельности иностранных предпринимателей и предприятий с участием иностранного капитала, выявляются проблемы и пробелы в законодательной базе, затрагивающий данные субъекты права, предлагаются возможные варианты решения указанных проблем.

Ключевые слова: иностранные предприниматели, предприятия с участием иностранного капитала, иностранный капитал, иностранный инвестор, гражданство иностранного государства, инвестиционная деятельность, экономический оборот.

Среди важных факторов становления рыночных отношений в России значительное место занимает привлечение иностранного капитала. Для нашей страны, которая встала на путь интеграции в мировое хозяйство и перехода к открытой экономике, очень нужно участие в процессах перемещения капитала. Инвестиции способствуют экономическому росту, обеспечивают благоприятный финансовый климат страны, являются дополнительным источником капиталовложений в национальное производство товаров, работ и услуг. Подъему экономики в значительной степени способствует эффективная инвестиционная деятельность, которая служит важным рычагом подъема экономики и способствует привлечению иностранных инвестиций. Обеспечение благоприятного инве-

стиционного климата в России является вопросом государственной важности, от реализации которого зависят социально-экономическая динамика, эффективность участия в между народных экономических процессах, повышение инновационного потенциала страны и возможности модернизации на этой основе национальной экономики.

Федеральный закон от 31.05.2018 № 122-ФЗ уточняет понятие «иностранный инвестор» [1, с. 7], которое со держится в ст. 2 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [2, с. 7]. При анализе понятия «иностранный инвестор» важно обратить внимание на то, что редакция Федерального закона № 122-ФЗ исключает из данного понятия иностранных юридических лиц и иностранные организации, не являющиеся юридическим лицом, которые находятся под контролем гражданина РФ и (или) российского юридического лица. Кроме того, к иностранным инвесторам не могут относиться иностранные граждане, имеющие также гражданство РФ. Стоит отметить, что определение иностранного инвестора в федеральном законе «Об иностранных инвестициях в РФ» закрепляется с помощью простого перечисления, а для определения личного статуса иностранного инвестора применяется категория гражданской правоспособности, которая устанавливается в соответствии законом того государства, в котором зарегистрировано юридическое лицо, а также иностранные организации, не обладающие статусом юридического лица, а также в котором проживают иностранные граждане и лица без гражданства.

Данная позиция законодателя в юридической литературе критикуется. Так, по мнению Н. Г. Дорониной и Н. Г. Семилутиной, при регулировании инвестиционных отношений с участием иностранного элемента нецелесообразно выяснять, в соответствии с каким законом был учрежден тот или иной иностранный инвестор. В таком случае наиболее важен вопрос отнесения этого субъекта к понятию «иностранный инвестор» [5, с. 7].

На наш взгляд такая неоднозначность в определении понятия «иностранный инвестор» недопустима и требует устранения на законодательном уровне путем унификации данного определения в соответствующих нормативных актах.

Федеральный закон об иностранных инвестициях ничего не говорит о возможности выступать в качестве иностранных инвесторов физических лиц, имеющих, наряду с российским, гражданство иностранного государства. Возникает вопрос, вправе ли российский гражданин, имеющий гражданство иного государства, выступать в Российской Федерации в качестве иностранного инвестора? Эта проблема имеет особое значение, так как связана с возможным предоставлением гарантий и льгот иностранным инвесторам.

Рассмотрим пример из практики российских судов, связанных с поднятой проблемой.

В 2012 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано Общество с ограниченной ответственностью «Л» (далее – ООО «Л») как предприятие с иностранными инвестициями, поскольку одним из его учредителей был гражданин Республики Казахстан. Впоследствии ООО «Л» ввезло на территорию Российской Федерации оборудование в качестве вклада иностранного инвестора в уставный капитал Общества. На основании Постановления Правительства РФ от 23.07.1996 N 883 «О льготах по уплате ввозной таможенной пошлины и налога на добавленную стоимость в отношении товаров, ввозимых иностранными инвесторами в качестве вклада в уставный (складочный) капитал предприятия с иностранными инвестициями» Обществу была предоставлена льгота по уплате таможенной пошлины и налога на добавленную стоимость. В соответствии с Федеральным законом об иностранных инвестициях льготы по уплате таможенных платежей предоставляются организациям с иностранными инвестициями [4, с. 7].

Следует отметить, что согласно п. 6 ст. 4 Федерального закона об иностранных инвестициях, российская коммерческая организация «получает статус коммерческой организации с иностранными инвестициями со дня вхождения в состав ее участников иностранного инвестора. С этого дня коммерческая организация с иностранными инвестициями и иностранный инвестор пользуются правовой защитой, гарантиями и льготами, установленными настоящим Федеральным законом».

Таможенные органы установили, что один из учредителей Общества – гражданин Республики Казахстан – в 2000 г. приобрел гражданство Российской Федерации. При этом представители таможни сослались на ч. 1 ст. 6 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», согласно которому «гражданин Российской Федерации, имеющий также иное гражданство, рассматривается Российской Федерацией только как гражданин Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных международным договором Российской Федерации или федеральным

законом». Поэтому после приобретения российского гражданства он перестал являться для Российской Федерации иностранным гражданином и утратил возможность быть иностранным инвестором на территории Российской Федерации. На дату регистрации ООО «Л» как предприятия с иностранными инвестициями П.С.В. являлся гражданином Российской Федерации, поэтому не мог быть иностранным инвестором. Следовательно, сделали вывод представители таможни, ООО «Л» не является предприятием с иностранными инвестициями и поэтому не могло использовать указанную льготу. Суд не согласился с позицией таможенных органов и заявил, что ст. 2 Федерального закона об иностранных инвестициях не содержит «запрет на то, что гражданин, имеющий двойное гражданство, не может являться иностранным инвестором». Кроме того, суд указал, что таможенные органы не представили доказательств, что гражданин «по законам Республики Казахстан не может быть иностранным инвестором на территории Российской Федерации». Суд сделал вывод, что Общество правомерно воспользовалось льготой [7, с.7].

Итак, можно сделать вывод, что уже сложилась определенная судебная практика в рассматриваемой сфере. Суды считают, что Федеральный закон об иностранных инвестициях не ограничивает право физических лиц, имеющих, наряду с российским, гражданство иностранного государства, выступать на территории Российской Федерации в качестве иностранных инвесторов. С другой стороны, суды, как правило, исходят из принципа постоянного места жительства, т.е. иностранным инвестором может быть признан гражданин Российской Федерации, постоянно проживающий на территории иностранного государства.

Огромную роль в привлечении иностранного капитала в Россию является деятельность на территории государства предприятий с участием иностранного капитала.

Коммерческая организация с иностранными инвестициями – это отечественная организация, статус которой определяется законодательством РФ и, в первую очередь, Гражданским кодексом РФ. Деятельность такой организации ориентирована на извлечение выгоды, распределяющейся между ее участниками. На основании ст. 1202 ГК РФ – личным законом определенного юридического лица считается право страны, где учреждено это юридическое лицо.

Можно выделить 2 вида компаний с зарубежным капиталом: со стопроцентным участием зарубежного капитала и совместные предприятия. Первые заинтересованы в крупных рынках сбыта продукции и в привлечении дешевых видов производственных ресурсов, в том числе рабочая сила наемных работников. Вторая группа компаний возникает вследствие включения в её состав участников лиц, резидентов разных стран. Эти фирмы могут быть созданы двумя и более зарубежными юридическими либо физическими лицами, хотя одним из участников должен быть российский резидент [6, с. 7].

Действующим Законом об иностранных инвестициях в РФ очерчивается перечень иностранных инвесторов в нашей стране, а также закрепляется категория иностранных инвестиций. Вопрос определения «инвестиций» является ключевым для отечественного законодателя, это обусловлено тем, что оно определяет круг правоотношений, которые подпадают под регулирование указанного Закона. Анализируя определение, отраженное в законе, возможно сделать следующие выводы: иностранными инвестициями является иностранный капитал — собственность, выраженная в различной форме, экспортированная из иностранного государства и ставшая долей предприятия на территории РФ. Дать четкое определение для категории «иностранные инвестиции» очень важно, как для регулирования внутри государства, так и для представления интересов РФ в международных конвенциях, регулирующих отношения в сфере иностранных инвестиций по причине того, что оно должно положительно влиять на развитие национального законодательства и процессы интегрирования России в современные структуры международного правового регулирования в области иностранных инвестиций.

В настоящий момент международный опыт свидетельствует нам о том, что принятие специальных законов в области иностранных инвестиций определяется стремлением законодателя привлечь иностранные инвестиции в экономику страны с помощью создания благоприятного климата и льготного режима для иностранных инвестиций. В России существует отдельное законодательство для иностранных инвесторов, которое закрепляет широкий спектр таких гарантий. Несмотря на множество законов, регулирующих данную деятельность вопрос о том, как регистрировать участников инвестиционной деятельности, каков объём их прав и обязанностей решается неоднозначно.

Сам термин «инвестиции» появился совсем недавно и регулируется, как уже было сказано, не только национальным законодательством, но и международными договорами. В ст. 7 ФЗ от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой

в форме капитальных вложений» закреплено, что субъекты инвестиционной деятельности обязаны осуществлять инвестиционную деятельность в соответствии с международными договорами, подписанными РФ и российским законодательством, в том числе законодательством субъектов РФ и органов местного самоуправления. [3, с. 7]

В качестве примера международного договора можно привести Сеульскую конвенцию 1985 г. «Об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций», которая в 1992 г. была ратифицирована Российской Федерацией.

Таким образом, исходя из всего вышеперечисленного, особая сложность правового регулирования иностранных инвестиций определяется тем, что оно является одновременно объектом как между народного, так и национального права.

В ходе работы были подведены следующие итоги:

1. Правовое положение иностранных предпринимателей и предприятий регулируются Федеральным законом от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации и международными договорами, действующими на территории РФ, при этом в этих случаях главенствует принцип приоритета международно-правовых норм – в случае если международным договором устанавливаются другие правила, чем предусмотренные законами РФ, применяются правила международного договора. Российские юридические лица, осуществляющие свою деятельность за рубежом, кроме того, должны руководствоваться положениями международных договоров о поощрении и защите капиталовложений, торгово-экономическом сотрудничестве, правовой помощи, об избежании двойного налогообложения, а также предписаниями местного законодательства.

2. Осознанное поведение граждан в ходе легализации предпринимательской деятельности для государства имеет значение, которое трудно переоценить. Так как именно на добровольных началах гражданин включается в легальный экономический оборот. С этого момента информация о создании по его инициативе юридического лица либо приобретении статуса индивидуального предпринимателя находится в соответствующих государственных реестрах, равно как и сведения, характеризующие данные предпринимательские единицы.

3. Таким образом, по нашему мнению, ст. 9 ФЗ от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ» пример неудачной формулировки закона, которая на практике порождает ряд проблем и содержит массу противоречий.

Изложенные в данном параграфе проблемы нуждаются в серьезной проработке.

Для их решения можно было бы:

1. Сформулировать более точное определение «иностранной инвестиции», которое дано в ФЗ от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», с учетом формулировок, содержащихся в международных договорах. Например, конкретизировать, что понимать под объектами гражданских прав, какая цель получения прибыли.

2. Попытаться упростить действующее законодательство путём слияния нескольких нормативных правовых актов или некоторых статей (например, две аналогичные нормы содержатся в ст. 9 ФЗ от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ» и ст. 15 ФЗ от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»). В данном случае две статьи лишь повторяют друг друга).

3. Доработать нормы, касающиеся вопросов гарантий. Помимо, указанной выше ст. 9 (гарантия от неблагоприятного изменения законодательства РФ), предлагаю внести изменения в ст. 6, 13, 14, 15 т.к. все они говорят о национальном режиме, когда правовой режим деятельности иностранных инвесторов не может быть менее благоприятным, чем у российских. Так, гарантия предоставления земельного участка, выбор формы осуществления деятельности, право на приобретение ценных бумаг - в этих правах нет льгот и привилегий, и всех их можно объединить в одну группу, выделение в самостоятельные гарантии для правового регулирования ничего не дает.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения понятия «иностранный инвестор»: Федеральный закон от 31.05.2018 № 122-ФЗ // Собрание законодательства РФ.- 04.06.2018.- № 23.- ст. 3229.

2. Российская Федерация. Законы. Об иностранных инвестициях в Российской Федерации: Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. -12.07.1999.- № 28.- ст. 3493.

3. Российская Федерация. Законы. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ.- 01.03.1999. -№ 9.- ст. 1096.

4. Постановление Правительства РФ от 23.07.1996 N 883 «О льготах по уплате ввозной таможенной пошлины и налога на добавленную стоимость в отношении товаров, ввозимых иностранными инвесторами в качестве вклада в уставный (складочный) капитал предприятий с иностранными инвестициями» // Собрание законодательства РФ, 29.07.1996, N 31, ст. 3759.

5. Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г. Международное частное право и инвестиции: науч.-практ. исслед. - М.: Юрайт, 2021. – 423 с.

6. Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Правовое регулирование иностранных инвестиций в России (современное состояние и перспективы развития) // Российский ежегодник международного права. - 2019.- № 4.- с. 60-65.

7. Решение Арбитражного суда Алтайского края от 26 февраля 2012 г. N АОЗ-1150/10-10 (извлечение). // СПС «Консультант Плюс»

Сведения об авторе:

Трибулкина Елизавета Александровна – студентка юридического факультета Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского; tribulkina02@mail.ru

Научный руководитель – Родина Татьяна Юрьевна, старший преподаватель

Воронкова О.А.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ КРИОНИКИ

***Аннотация:** В статье рассматривается правовая основа крионического сохранения человеческого тела или мозга, юридическое обоснование процедур такого типа, законодательный контроль сферы крионики.*

***Ключевые слова:** крионика, криокомпания, договор на криосохранение, научно-исследовательская организация, правовое регулирование сферы крионики.*

В последнее время в СМИ появляются публикации о таком новом виде научных экспериментов, как крионика. Крионика — это практика сохранения людей при сверхнизких температурах с последующим расчетом на то, что наука в будущем, используя новые способы оживления замороженных клеток, их восстановления или с помощью других процессов, о которых пока нет сведений, сможет вернуть их к жизни в здоровом состоянии, а человек, подвергнувшийся такой процедуре, не потеряет здравый рассудок, сознание и даже память, также высказывается предположение, что наука сможет не просто разморозить тело, но и омолодить его клетки.

Крионика – очень молодое научное направление, получившее развитие во второй половине XX века. Первым замороженным пациентом стал американский профессор психологии Джеймс Бедфорд, замораживание которого было произведено в 1967 году в США, первое замораживание в России было произведено в 2003 году. Сам по себе процесс замораживания тела человека или животного или мозга крайне сложен и включает в себя много этапов.

Сейчас крионика получает постепенное развитие, в мире уже существует несколько десятков криокомпаний, которые предоставляют желающим крионирование их самих или их домашних питомцев. Важным и интересным вопросом является правовое регулирование этой сферы, каким образом можно заключить такой договор с криокомпанией, как государство контролирует это правовое поле, какие нормативно-правовые акты устанавливают права, обязанности и ответственность пациента, желающего получить подобную услугу, и компании, предоставляющей ее. Рассмотрение правового регулирования составления договоров на оказание такого рода услуги как гражданско-правового взаимодействия субъектов гражданского права и будет главной темой данной статьи.

Существуют компании, занимающиеся крионикой и заключающие договора с гражданами, которые желают сохранить свое тело до некоего теоретического момента в будущем, когда

будет возможным его воскресить с сохранением здравого рассудка, памяти и психического здоровья человека. Основным правовым актом, регулирующим отношения в сфере криосохранения в РФ - Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. №323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Единственное упоминание крионики в данном нормативно-правовом акте есть в частях 1 и 5 статьи 55, в которой указывается, что для вспомогательных репродуктивных технологий могут быть использованы криоконсервированные половые клетки, и граждане имеют право на криоконсервацию и хранение своих половых клеток, тканей, репродуктивных органов и эмбрионов за счет личных средств и иных средств, предусмотренных законодательством Российской Федерации [2]. То есть законодатель никак не предусматривает крионику, не разрешает ее, но и не запрещает. Это правовое поле по факту остается без государственного контроля и четкого регулирования, без ясных дефиниций и конкретного определения прав, обязанностей и ответственности сторон. В таком случае, каким же образом функционирует криокомпания в России, легальна ли такая деятельность?

Единственной российской компанией, занимающейся предоставлением такой услуги, является ООО «КриоРус», которое зарегистрировано как научно-исследовательская организация. Деятельность таких организаций регулируется Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике». Также закон устанавливает, что органы государственной власти РФ гарантируют субъектам научной и (или) научно-технической деятельности свободу творчества, предоставляя им право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок, и признают право на обоснованный риск в научной и (или) научно-технической деятельности. В части 1 статьи 5 этого федерального закона указывается, что «научной организацией признается юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, а также общественное объединение научных работников, осуществляющие в качестве основной научную и (или) научно-техническую деятельность, подготовку научных работников и действующие в соответствии с учредительными документами научной организации», а статья 8 устанавливает, что основной правовой формой отношений между научной организацией и потребителем являются договоры [3].

Закон определяет научно-техническую деятельность как деятельность, направленную на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы, крионика как новая ветвь науки, которая предполагает решение большого спектра социальных, моральных, гуманитарных, экономических и других проблем, подходит под это определение, поэтому крионика в России легальна, каждый человек имеет право на сохранение своего тела или мозга после смерти.

Согласно статьям федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» можно сделать вывод, что более детально деятельность компании «КриоРус» по замораживанию своих пациентов должна регулироваться их Уставом, который не представлен в открытом доступе.

Способ оказания услуг по заморозке посредством заключения договора позволяет определить, что сфера замораживания тел после смерти относится к гражданско-правовым отношениям, субъектами которого будут физические лица, то есть граждане, и юридическое лицо, ООО «КриоРус». Также на своем сайте ООО «КриоРус» предоставляет готовые образцы договоров, которые заключаются между компанией и гражданином, готовым оплатить такую услугу. Рассмотрим их подробнее.

Предметом договора является согласие между Заказчиком и Исполнителем на проведение сохранения тела, головы или мозга Заказчика путем экспериментального метода, известного как «крионическое сохранение». Исполнитель берет на себя обязательства по предоставлению всех необходимых условий и мер (в рамках всевозможных обстоятельств) для криосохранения Криопациента и в будущем Исполнитель обязуется применить все возможные меры для оживления Криопациента (в том случае, когда его оживление и лечение являются «экономически оправданными»). Заказчик, в свою очередь, обязуется оплатить работы по Криосохранению в соответствии с заключаемым договором, предоставлять всю необходимую Исполнителю информацию, в том числе и личную. Интересной особенностью заключаемого Договора является пункт 5.3, в котором указано, что при учете того, что необходимые для оживления Криопациента технологии еще не разработаны и неизвестно, какой будет экономическая и социальная обстановка в обществе будущего, «характер дополнительных работ по оживлению Криопаци-

ента, связанные с ними расходы и размер гонорара будут определяться дополнительным соглашением в связи с будущими реалиями на момент оживления». Также в Договоре указан срок его действия, с момента подписания он составляет 100 лет и автоматически пролонгируется на 25 лет, если подходящие условия для оживления Криопациента не появились в оговоренный срок. Согласно такой форме Договора, Заказчик признает, что Исполнитель не дает никаких гарантий ни на успешное сохранение Криопациента, ни на его успешное оживление, Исполнитель не несет ответственности при любых недостатках криосохранения, если они вызваны действиями\бездействиями Заказчика или обстоятельствами непреодолимой силы.

Прежде чем давать некую правовую оценку представленному выше Договору, который заключается между ООО «КриоРус» и желающим осуществить криосохранение гражданином, необходимо отметить, каким образом возможно заключение полноценного договора, если согласно части первой статьи 418 Гражданского Кодекса Российской Федерации, обязательство прекращается смертью должника [5]. Исходя из буквального толкования этой статьи, условия договора должны требовать непосредственно личного участия должника, либо каким-то иным способом быть связано с его личностью. В договоре на осуществление криозаморозки тела, мозга или головы гражданина, изъявившего желание на осуществление такой процедуры, не указано, что необходимо непосредственно его личное участие при исполнении условий договора Исполнителем, личное волеизъявление Заказчика необходимо только при подписании договора и предоставлении всех необходимых документов, что осуществляется при его жизни с учетом его полной дееспособности (либо от имени гражданина на законном основании действует дееспособный представитель). Таким образом, по нашему мнению, заключение договора между ООО «КриоРус» и гражданином на осуществление криосохранения не нарушает гражданско-правовых норм.

Перейдем к оценке гражданско-правовых отношений, которые возникают в результате заключение договора на оказание услуги криосохранения. Несомненно, как уже говорилось ранее, договор на проведение научных исследований (криосохранение) - гражданско-правовой, он отвечает всем требованиям договора, которые указаны в главе 27 Гражданского Кодекса Российской Федерации, в котором указаны понятие и условия договоров. По своим основным характеристикам договор на оказание услуг криосохранения можно отнести к категории договоров возмездного оказания услуг. Согласно части 1 статьи 779 Гражданского Кодекса Российской Федерации, по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги, а заказчик обязуется оплатить эти услуги, а в части второй этой же статьи указано, что правила применяются к договорам оказания медицинских услуг. Так, договор, заключаемый между ООО «КриоРус» и гражданином, соответствует всем требованиям, предъявляемым законодателем к договору возмездного оказания услуг: исполнитель обязан оказать услуги лично, заказчик обязан оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре, как заказчик, так и исполнитель имеют право отказаться от исполнения своих обязательств при условии, что заказчик оплатит исполнителю понесенные им расходы, а исполнитель возместит заказчику убытки.

Нельзя не заметить, что количество обязательств, которые берет на себя Заказчик, больше, чем тот вес ответственности, которую несет Исполнитель, Заказчик обязан предоставлять все денежные средства для исполнения обязательств Исполнителя, а Исполнитель не дает в свою очередь даже четких гарантий того, как будет произведено оживление и лечение пациента в теоретическом будущем. Возникает множество вопросов, связанных с тем, кто и как будет нести ответственность за возможные неполадки и задержки, кто будет официальным представителем Криопациента, если законный представитель, который до этого оформлял все необходимые документы, в силу прошедшего долгого времени скончался, возможно ли, что у компании «КриоРус» не будет необходимых денежных средств и юридическое лицо будет признано банкротом, что тогда будет со всеми заключенными договорами?

Внятного ответа на эти немаловажные юридические вопросы нет, и одной из причин этого является, что в российской правовой системе нет ни одного нормативно-правового акта, который бы четко и эффективно регулировал данную сферу научных исследований. Пока что вся деятельность при криосохранении пациентов осуществляется на основе непосредственно устава ООО «КриоРус» и других нормативно-правовых актов, которые лишь косвенно затрагивают эту сферу. Именно по этой причине формулировки в договоре, который предлагается граж-

данам для подписания, довольно абстрактны и расплывчаты, законом не установлен официальный перечень прав и обязанностей сторон, нет описания юридической ответственности, которую может нести каждая из сторон.

В рамках проводимого исследования был проведен социологический опрос, в котором приняли участие более ста человек, результаты опроса представлены в виде диаграмм (см. Приложение 1). Респондентам было предложено ответить на вопросы, связанные с крионикой. На вопрос о том, известно ли респондентами в принципе понятие «криосохранения», половина дала положительный ответ, и 88,7% опрашиваемых хотели бы ознакомиться с данной темой более подробно. На вопрос о том, хотели бы респонденты использовать такую услугу для себя или своих близких, 52,8% ответили, что не хотели бы, 36,8% опрашиваемых выбрали однозначный ответ «Да», и 10,4% не дали однозначного ответа. Положительный ответ на вопрос, необходима ли четкая государственная регуляция данной сферы клинических исследований и возникновения гражданско-правовых отношений, дало 84% опрашиваемых, и 72,6% респондентов считает, что такая услуга должна быть доступна всем слоям населения.

Согласно результатам проведенного социологического опроса, можно сделать выводы, что достаточно большое количество людей заинтересовано в сфере криосохранения организмов, данный вопрос актуален. На текущий момент времени немногие готовы дать свое согласие на проведение подобной процедуры для себя или своих близких, преимущественно из-за того, что в этой сфере нет четкого государственного регулирования, законодательно не установлены права, обязанности и ответственность обеих сторон, граждане не уверены в том, что в случае непредвиденных обстоятельств смогут защитить свои права. Если это будет устранено, то в будущем количество желающих в разы увеличится, граждане с большим энтузиазмом и еще большим интересом будут содействовать развитию науки. Больше половины респондентов высказало мнение о том, что данной сфере необходимо четкое, конкретное государственное правовое регулирование, и в связи с тем, что интерес к сфере крионики возрастает во всем мире, видно, что это действительно актуально и в скором времени может оказаться необходимым.

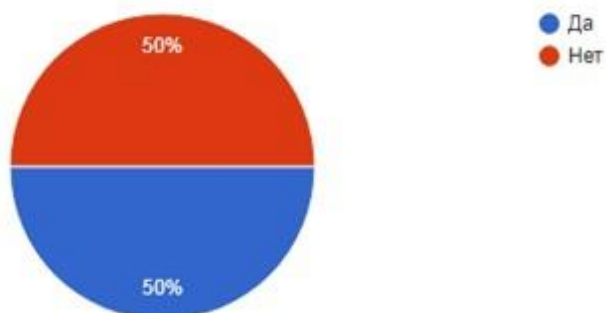
Криосохранение становится реальной перспективой для тяжело больных людей, для желающих увидеть будущее своими глазами, для тех, кто хочет изменить свою жизнь, поэтому с развитием этой сферы понадобится и государственный контроль над теми отношениями, которые будут в большем количестве там образовываться. Необходимо разработать и принять нормативно-правовой акт, федеральный закон, который бы четко устанавливал все необходимые дефиниции, что такое криосохранение, криопациент, в качестве чего осуществляется криосохранение – в качестве научно-исследовательской работы, как это определяется сейчас, или в качестве нового способа захоронения, кто будет иметь право на получение такого рода услуги, а кто будет иметь право на ее осуществление. Одним из основных вопросов является и то, будет ли крионика находиться исключительно под государственным контролем или это будет сферой частного бизнеса. Необходимо четко определить гарантии, которые исполнитель такой услуги должен будет предоставить заказчику, а также ответственность обеих сторон, которую они будут нести в том случае, если будут нарушены обязательства. В нормативно-правовом акте о сфере крионического сохранения должны быть нормы, касающиеся официальных представителей заказчиков, кто имеет право ими быть и как заказчик может изъявлять свое желание на то, чтобы для него была проведена такая услуга. Не менее важно регулировать и вопрос оплаты такой услуги, в какой момент и в каком объеме должна быть произведена оплата криосохранения, что делать в том случае, если стоимость разморозки криопациента будет превышать изначальную стоимость услуги. Необходимо установить, в какой форме можно заключать такие договора по криосохранения, в качестве гражданско-правовых договоров или оформлять это как передачу тел для медицинских, научных и учебных целях, как это уже предусмотрено статьей 68 федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2].

Полагаем, что сфера крионического сохранения пока не имеет широкого распространения среди граждан, но имеется тенденция к росту интереса к такому способу увеличения продолжительности жизни. И даже если сейчас криосохранение кажется несбыточной, фантастической перспективой, то есть вероятность того, что вскоре это станет реалиями обыденной жизни и потребует от государственной правовой системы оперативного реагирования в сфере этого вопроса с учетом не только юридических, экономических, социальных факторов, но и моральных норм.

Приложение 1. Диаграммы социологического опроса

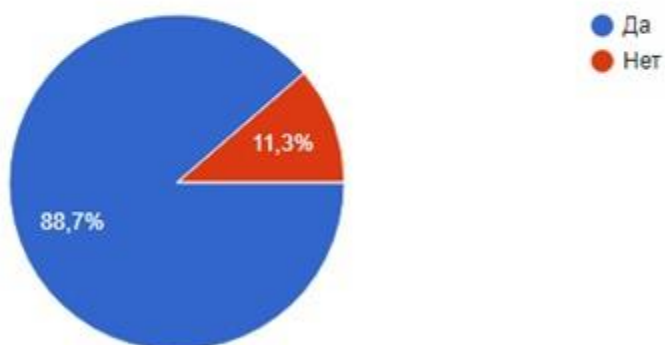
Знаете ли Вы, что такое "крионика"?

106 ответов

*Крионика - технология сохранения в состоянии глубокого охлаждения людей и других животных в надежде на то, что в будущем их удастся оживить и при необходимости - вылечить. Было бы Вам интересно узнать об этом больше?

106 ответов

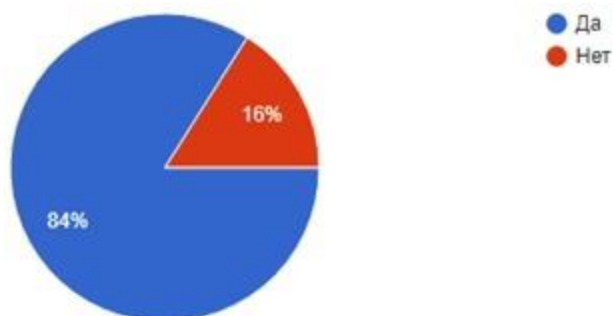
Хотели бы Вы воспользоваться данной услугой для себя или своих близких?

106 ответов

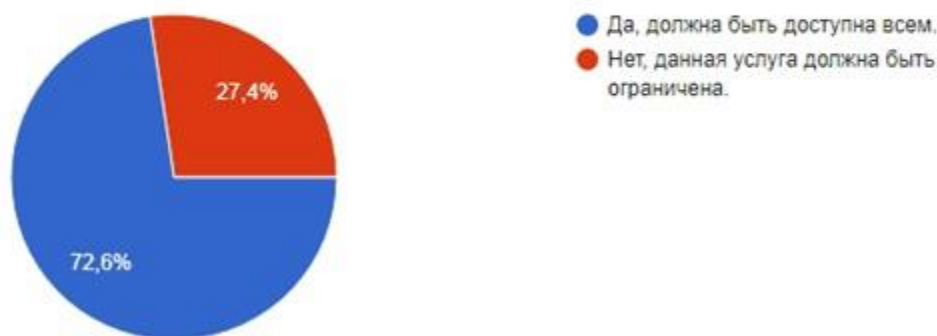
Необходима ли, по Вашему мнению, конкретная и четкая законодательная регуляция сферы криосохранения?

106 ответов

Как Вы считаете, должна ли услуга по криосохранению быть доступной всем слоям населения, а не только привилегированным?

106 ответов

Список цитируемой литературы:

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. №323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // "Российская газета", N 263, 23.11.2011,
2. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // "Собрание законодательства РФ", 1996, N 35, ст. 4137.
3. Горелова Л.Е. Страницы истории крионики. Путь к бессмертию или вера в чудесное исцеление? // РМЖ. – 2008. – Т. 16. – № 24. – С. 1655-1656.
4. Карманов М.В. Проблемы интерпретации в статистической науке и практике / М.В. Карманов, В.Г. Минашкин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2014. – № 4-1. – С. 150-159.
5. Кидалов В.Н. и др. Проблемы крионики на разных уровнях организации живого / В.Н. Кидалов, Ш.М. Багаутдинов, А.В. Данилова, Н.И. Сясин // Вестник Международной академии холода. – 2010. – № 4. – С. 38-42.
6. Матюхин С.В. ГК РФ. Гражданский кодекс Части 1, 2, 3 и 4 по сост. на 05.04.21 с таблицей изменений и с путеводителем по судебной практике / Матюхин С.В., Романовский В.А. — Из-во: Проспект — 2021 — 1347 с.

Сведения об авторе:

Воронкова Ольга Алексеевна – студент 2 курса направления «Юриспруденция» Ивановского филиала РАНХиГС, Voronkova_OA19@mail.ru.

Научный руководитель – Денисова Е. Л., старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ИФ РАНХиГС.

Кротов М.С.
**ИНСТИТУТ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

***Аннотация:** Институт оспаривания сделок должника в рамках банкротства является одним из самых противоречивых с точки зрения его реализации в правоприменительной деятельности. На протяжении длительного времени законодатель пытается подойти к формированию идеальной модели, которая позволила бы найти баланс между защитой прав кредиторов и интересов должника. Однако, до настоящего времени видится значительный перевес в сторону обеспечения интересов кредиторов, что может быть обусловлено рядом исторически сложившимся факторам.*

С целью изучения данного института в перспективе формирования путей решения существующих проблем резонным видится через призму исторического метода осветить основные этапы его развития. Реализация данной первичной задачи поможет выявить самобытность, либо, напротив, заимствование тех или иных элементов.

***Ключевые слова:** Оспаривание сделок, банкротство, история, сравнительное правоведение, прокредиторская модель, продолжниковая модель.*

Первым памятником отечественного права, содержащем в себе нормы о несостоятельности, является Русская Правда XIII века. Нельзя сказать о том, что в ней имеются конкретные упоминания злостных сделок, направленных на причинение вреда кредитору и сокрытие имущества. Однако, используя Карамзинский список, в статье 69 и 133 можно обнаружить первые попытки классификации несостоятельности на злостную и несчастную. Как предполагается, отнесение должника к злостному могло иметь место в том случае, если должник скрыл от кредитора «то, что он многим должен», либо сам скрывался «в чужой земле» [1, с. 114]. Неправомерность данных действий не ставилась в зависимость от передачи имущества должника третьим лицам с целью сокрытия, а установленные признаки не являлись основанием для обособленных разбирательств. Само же обстоятельство злостности служило поводом для начала конкурсного процесса, именуемого дележом.

Как указывает А.Х. Гольмстен в своих трудах, вплоть до Соборного уложения 1649 г. отсутствуют источники, регулирующие несостоятельность [2, с. 4-5]. С данным мнением нельзя согласиться, поскольку тот же Судебник Ивана III 1497 года в статье 55 устанавливает виды неплатежеспособности и подробно, в отличие от Русской Правды XIII века, раскрывает их.

Соборное уложение 1649 г. не привнесло каких-либо заметных изменений в действующее ранее правовое регулирование и во многом повторяло его, что не требует дополнительного освещения.

Отсутствие норм об оспаривании сделок должника в указанных актах обусловлено как отсутствием процедуры несостоятельности (банкротства) в полном смысле этого слова, так и недостаточное внимание со стороны законодательных органов к регулированию слабо развитых торговых отношений. Некоторые ученые ссылаются также на позднее становление института юридических лиц лишь в конце XVIII века при Екатерине II [3, с. 4].

Следующий же этап, ознаменованный разработкой Банкротских уставов, можно считать прорывным для правового регулирования конкурсного оспаривания. Так, первый из них был подписан в 1740 году, но по неосвещенным причинам не вступил в силу, что не умаляет его значение для дальнейшего правотворческого процесса. В соответствии с его положениями, основанием для квалификации несостоятельности в качестве злостной выступали новые критерии, в частности «обманство». Под ним необходимо было понимать те случаи, когда:

- 1) До официального рассмотрения и признания должника банкротом была совершена передача кредитору имущества, расписок или иных документов (статья 14);
- 2) Заключение сделок имело место в период предвидения несостоятельности без цели удовлетворения требований кредиторов (статья 6);
- 3) Должником были заключены втайне от остальных сделки (мировое) с кредиторами (статья 24,25). Под данный критерий не попадали те случаи, когда подобные сделки были заключены со всеми кредиторами [2, с. 48-49];

Можно сделать вывод о том, что под термином «обманство», объединявшим данные противоправные действия, можно понимать те сделки, которые по современному российскому законодательству подлежат оспариванию в соответствии с правилами Главы III.1 Федерального

закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). Подобный вывод позволяет установить начальную точку истории развития института оспаривания сделок должник в делах о банкротстве.

В данном контексте интересно то, что в качестве правовых последствий для недобросовестного должника предполагались как личные, так и имущественные санкции, а их характер зависел от периода совершения сделки. Уголовно-правовая ответственность являлась альтернативной к гражданско-правовой, поскольку должник, будучи казненным, расплачивался перед своими кредиторами своей жизнью [2, с. 48], что исключало субсидиарного возмещения долгов с родственников лица, признанного банкротом.

Если сделка была заключена в период предвидения своей несостоятельности, имущество подлежало возврату в конкурсную массу, а все долги признавались недействительными. При этом такая недействительность могла иметь абсолютный и относительный характер в зависимости от того, имела ли сознательная злонамеренность. Для того, чтобы недействительность квалифицировать в качестве абсолютной, необходимо было установить осведомленность контрагента должника о его предбанкротном состоянии и фиктивность правоотношений. При недоказанности фактической фиктивности, требование контрагента сохраняло силу в качестве относительно недействительного, но подлежало удовлетворению в последнюю очередь после расчета с остальными кредиторами. Как указывает А.Х. Гольмстен, данное толкование применимо лишь к случаям выдачи расписок и поступных писем. Однако, видится в данном утверждении формальный подход к толкованию первого Банкротского устава, содержащего в себе коллизии вследствие недоработок некоторых положений [4, с. 48], что подтверждается изменениями в последующих редакциях.

С момента объявления должника банкротом до окончания конкурсного производства все его сделки считались ничтожны, поскольку движимое и недвижимое имущество должно было находиться в распоряжении кураторов, уполномоченных на его управление [2, с. 68].

С момента окончания конкурсного производства до полного удовлетворения требований кредиторов устав особых правил не устанавливал.

Последующие Банкротские уставы 1756, 1763 и 1768 гг. имели аналогичные проблемы на законотворческой стадии утверждения и вступления в законную силу, поэтому резонным видится исследовать лишь конкретные привносимые новеллы.

Так, Банкротский устав 1763 г. включал расширенный перечень действий лица, находившегося в период предвидения своей несостоятельности или на стадии банкротства, которые квалифицировались в качестве неправомерных. Во-первых, был установлен запрет на выдачу по сговору векселя, что обусловлено выделением отдельной главы «О взыскании по вступившим в конкурс векселям с поручителей». Во-вторых, не допускалось обеспечивать исполнение обязательств, возникших до открытия процедуры банкротства.

Последствием заключения сделок должника с третьими лицами являлась их недействительность, которая в данной редакции уже не различалась на относительную и абсолютную. При подготовке данного проекта составителями был довольно критично принят подход применения относительной недействительности в условиях противоправности деяния и необходимости защиты прав добросовестных кредиторов [2, с. 148].

В Банкротском уставе 1863 г. было сделано важное уточнение о моменте, с которого должник под угрозой ничтожности не мог заключать сделки – день первой публикации [2, с. 206].

В начале XIX века был принят первый кодифицированный Банкротский устав, представляющий собой совокупность накопленного опыта в банкротской сфере и часть заимствованных положений из немецкого законодательства.

Немецкое право на протяжении длительного времени выступало в качестве ориентира для правотворческих органов, что обусловлено отсутствием самобытных элементов. Так, был заимствован институт кураторов, то есть независимых должностных лиц, наделенных полномочиями управления и распоряжения имуществом должника. Аналогичные корни имеет и порядок установления залога на имущество должника с последующей ничтожностью сделок в отношении него. Данный принцип ведения конкурсных операций, как указывает Малышев К.И., является отличительной и самобытной чертой немецкого конкурсного процесса [5, с. 317].

Возвращаясь к Банкротскому уставу 1800 г., стоит упомянуть и о новеллах в виде закрепления сделок с предпочтением: ««...когда кто по своим обстоятельствам усмотрит неминуемое для себя банкротство: таковой не должен никому из своих кредиторов ради свойства или дружбы пла-

теж своих долгов производить» (статья 103) [4, с. 50]. Данные положения с определенными изменениями были заимствованы, в частности, из Устава Гамбурга о несостоятельности 1766 г. и Прусского Конкурсного устава 1793 г. Как и в остальных случаях, отсутствуют конкретные сроки, в течение которых сделка может быть признана оказанной с предпочтением одному из кредиторов перед другими кредиторами. Не указывается и о возможности ее сохранения при положительной оценке несущественности исполненного обязательства, что ставит должника в положение ограничения не только предпринимательской деятельности, но и осуществления бытовых сделок.

Подводя итог, стоит сказать о том, что институт оспаривания сделок должника прошел через долгий путь становления и развития, где преимущественное влияние имела доктрина немецких ученых. Однако, интеграция любых иностранных элементов проходила через непосредственное исследование современных условий, особенностей отечественной правовой системы. Видится не просто значительный, но максимальный перевес в защиту интересов кредиторов вследствие употребления пространственных критериев, отсутствие механизмов защиты должника от необоснованных требований, а также явное использование презумпции вины. Как в настоящее время, так и в рассматриваемых периодах прокредиторская модель довольно негативно сказывается на предсказуемости правоотношений хозяйствующих субъектов, поэтому необходимо стремиться к идеальному варианту с учетом исторического опыта.

Список цитируемой литературы:

1. Зимин А.А. Памятники русского права. Выпуск 1: Памятники права Киевского государства / сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952. – 287 с.
2. Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. / под ред. А.Г. Смирных. 2-е издание. – М.: «Издание книг ком», 2019. – 289 с.
3. Закуракина О. В. Становление института юридического лица в России // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. №16. 6 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-yuridicheskogo-litsa-v-rossii> (дата обращения: 07.11.2021).
4. Семенова Е.А. Право конкурсного оспаривания в Российской Федерации: дис. ... канд. юридических наук: 12.00.03. - ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Москва, 2018 – 279 с.
5. Малышев, К. И. Исторический очерк конкурсного процесса / К. И. Малышев. СПб., 1871. – 458 с.

Сведения об авторе:

Кротов Максим Сергеевич – студент 1 курса магистратуры Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «РГУП»

Научный руководитель – Гармаев Ю.П. профессор кафедры уголовно-процессуального права Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «РГУП» доктор юридических наук.

Несмелова А.В.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОРСКОГО ПРАВА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

***Аннотация:** Вопросы авторского права в рамках современного международного частного права представляют особый интерес в связи с постоянным развитием цифровой инфраструктуры, а также непрерывным информационным обменом между различными государствами. При этом особой актуальностью обладают проблемы охраны авторских прав, которые возникают как в рамках их правового регулирования, так и в ходе реализация принципа территориальной охраны авторских прав. В данной статье исследуются некоторые проблемы авторского права в международном частном праве, предлагаются пути их решения.*

***Ключевые слова:** авторское право, международное частное право, интеллектуальная собственность, правовое регулирование, цифровое пространство.*

Под авторским правом традиционно понимают совокупность правовых норм, регулирующих порядок использования произведений науки, литературы, культуры. В рамках

международного частного права специфика авторского права проявляется в том, что регулированию в данном случае подлежат те отношения, которые осложнены иностранным элементом.

По вопросу защиты интеллектуальных прав существует несколько различных международно-правовых актов. Самыми значительными конвенциями считаются следующие :

- Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений;
- Всемирная (Женевская) конвенция об авторском праве.

Регулированию авторских прав посвящена Всемирная конвенция об авторском праве 1952 г. Конвенцией 1952 года предусмотрен компромисс в отношении формальных требований для возникновения авторских прав. Государства, участвующие в обеих Конвенциях, по вопросу формальностей обязаны привести свое законодательство в соответствие с Бернской конвенцией 1886 г., то есть отказаться от обязательного требования соблюдения авторами формальностей. Так, Соединенные Штаты Америки после присоединения в 1988 г. к Бернской конвенции 1886 г. отказались от законодательного требования обязательной регистрации авторского права. В Российской Федерации законодательством предусмотрена регистрация только для конкретных объектов авторского права. Так, по волеизъявлению правообладателя возможна регистрация программ ЭВМ, баз данных. Регистрация других видов произведений в Российской Федерации правовым регулированием не предусмотрена, но возможна при участии общественных организаций. Однако акты и действия этих организаций имеют не правоустанавливающее, но косвенное значение. Так, регистрация в Российском авторском обществе (РАО) справедливо критикуется Э.П. Гавриловым, который подчеркивает, что такая регистрация выходит за пределы компетенции РАО и подтверждает лишь факт существования произведения в определенной форме, но не подтверждает авторство заявителя [2, 64-79]. Однако Ю.С. Харитоновна отмечает, что на практике в ряде случаев документы из РАО рассматриваются судами как подтверждающие авторство [3, 15-21] .

На сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации и законодательстве международного уровня имеются некоторые проблемы в области защиты прав автора. Многие внутригосударственные и международные законодательные акты несовместимы, противоречивы и не охватывают всех видов носителей информации, что приводит к возникновению юридических трудностей. Кроме этого могут возникать некоторые этические трудности, поскольку обеспечение доступности информации вступает в противоречие с правовыми ограничениями в интересах авторов и издателей.

На данный момент, на международном уровне, не выработана единая позиция по защите авторского права в сети «Интернет» на международном уровне. Связано это с тем, что законодательство не успевает как на национальном, так и на международном уровне за такой динамично развивающейся отраслью.

В регулировании отношений в сети Интернет существуют свои особенности, которые следует учитывать при принятии изменений в законодательстве. Во-первых, встает вопрос о том, какую коллизионную привязку следует использовать при нарушении авторского права в сети. Бернская конвенция предлагает следующие привязки: «место происхождения произведения» и «место, где истребуется охрана»[1]. Однако их применение к охране отношений в сети Интернет несколько затруднительно так как на практике сложно установить конкретное место происхождения произведения и место нарушения авторского права так как интернет не принадлежит к конкретной территории. Предполагается что данная проблема должна решаться следующим образом: определять страну происхождения произведения по государству, на территории которого находится орган, осуществляющий регистрацию доменов верхнего уровня. Касаемо второго принципа необходимо учитывать место основного причинения вреда в связи с тем, что в случае размещения произведения на ресурсе популярном в международном масштабе привлекать к ответственности каждого нарушителя будет нецелесообразно.

Актуальной является и проблема информационных посредников, на серверах которых пользователи могут незаконно обмениваться и выкладывать в общий доступ охраняемые законом объекты авторских прав. Для эффективной борьбы с нарушением авторского права в Интернете необходимо не только создать правовые нормы, регулирующие данный вопрос, но и разработать технические средства защиты.

При таких обстоятельствах, следует ввести гражданскую ответственность интернет-провайдеров за размещение авторских произведений в Сети без разрешения автора (правообладателя), наказание за это предусмотреть в виде штрафов за опубликование нелегального контента.

Под страхом наказания виновные информационные посредники вынуждены будут соблюдать законодательство.

Также достаточно распространены и моральные проблемы, поскольку традиции и правовые нормы различных стран сильно отличаются. Большая часть законов европейских государств не считает нарушением авторского права копирование для личного использования в научных, образовательных и прочих частных целях, а также не считает нарушением копирование для архивного хранения или библиотечного использования.

Краеугольным камнем этого правового поля является принцип территориальности, и точное значение этого принципа состоит в том, что право интеллектуальной собственности не может распространяться за пределы территории государства, которое его предоставило. Таким образом, если авторское право на произведение было признано в Швеции, защита распространяется только на шведские границы. Ключевой вопрос заключается в том, является ли это все еще устойчивым подходом или это просто сохранившийся пережиток времен глобализации. Если посмотреть на смысл этого принципа, становится совершенно ясно, что он не очень хорошо сочетается с интернационализацией.

Поскольку большинство нарушений в настоящее время далеко не ограничиваются одной страной, мы должны полагаться на нормы международного частного права для определения юрисдикции и применимого права в этих ситуациях, а затем оставлять это на усмотрение национальных судов для принятия окончательного решения.

Посему, представляется возможным выдвинуть следующие предложения по изменениям. Должным представляется создание способа, с помощью которого можно позволить одной стране иметь юрисдикцию в отношении всего нарушения. Независимо от того, каким является «место правонарушения», полагаться на «происхождение нарушения».

Резюмируя вышесказанное, проблемы авторского права в международном частном праве имеют как теоретическое, так и практическое значение. Анализ источников авторского права позволяет выявить некоторые проблемы международно-правового регулирования, а именно, отсутствие правовых средств охраны конкретных объектов авторских прав при наличии таких положений в национальном законодательстве большинства современных государств. Более того, в условиях глобализации особое значение приобретает регулирование и охрана результатов интеллектуальной деятельности в цифровом пространстве. Таким образом, для определения единого подхода к вопросам интеллектуальной собственности необходимо комплексное исследование вопросов авторского права, в том числе обращение к опыту зарубежных стран.

Таким образом, в настоящее время целесообразно дальнейшее поступательное совершенствование законодательной базы путем решения всех вышеуказанных проблем с обязательным учетом прав и законных интересов всех категорий субъектов авторских правоотношений.

Список цитируемой литературы:

1. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 года [Электронный ресурс] // URL: https://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283698 (дата обращения: 28.11.2021).
2. Гаврилов Э.П. «Формат» аудиовизуального произведения и некоторые вопросы права интеллектуальной собственности // Хозяйство и право. 2016. N 3. С. 64 – 79.
3. Харитонов Ю.С. Правовое значение фиксации интеллектуального права с помощью технологии распределенных ресурсов // Право и экономика. 2018. N 1. С. 15 - 21.

Сведения об авторе:

Несмелова Анастасия Владимировна - студентка 4 курса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», nesmelova.99@mail.ru

Научный руководитель - Ермолаева Тамара Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Неброва А.А., Савельев Е.Д.
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕДВИЖИМОМ
ИМУЩЕСТВЕ В РОССИИ

***Аннотация:** Недвижимое имущество, на данный момент, является общемировым понятием, зародившимся еще в эпоху древнеримской цивилизации, и находящим свое отражение в подавляющем большинстве правовых систем. Стоит отметить, что термин недвижимое имущество имеет разные дефиниции в зависимости от подходов в конкретных государствах, что свидетельствует о постоянном интересе в изучении данного явления от ученых-юристов по всему миру.*

***Ключевые слова:** недвижимое имущество, законодательство, развитие, история, земельный участок.*

В Российской Федерации недвижимое имущество как элемент права было введено в оборот относительно недавно, что и породило определенные неточности в конструкции правового механизма регулирования общественных отношений в сфере недвижимости. К категории недвижимого имущества относятся земельные участки, здания, сооружения, предприятия, и т.д., ввиду чего недвижимость является отдельным элементом в системе объектов вещных прав и имеет особый, специфический режим правового регулирования. Такие особенности аргументируются большей стоимостью, целевым назначением объектов недвижимого имущества, их социальной значимостью, и т.д. Стоит также отметить, что реализация правомочий собственника в отношении недвижимого имущества в большей части затрагивает интересы иных субъектов права, в отличие от реализации тех же правомочий, но – в отношении движимого имущества.

Первое законодательное закрепление понятия недвижимого имущества произошло еще в римском праве, и было обусловлено необходимостью регламентации правоотношений, касающихся оборота земельных участков и иных природных объектов. При этом, необходимо обратить внимание на то, что в Древнем Риме конструкция правового механизма была тождественна к объектам как движимого, так и недвижимого имущества. Римляне относили к недвижимости земельные участки, недра, а также все, что было создано чужими усилиями на земельном участке собственника. Сюда относились различные постройки, посевы, и т.д. Все имущество, имевшее непосредственную связь с землей признавалось составной ее частью, что повлекло за собой принятие нормы следования, понимавшая под собой переход права на надземный объект при переходе права на земельный участок, и наоборот. Вызывает интерес норма, наделявшая собственника земельного участка, на котором находится многоквартирный дом, правом собственности на все это здание. И при этом, в случае раздела здания, который допускался только «по вертикали», происходил и раздел самого земельного участка в части, пропорциональной части здания.

К.П. Победоносцев отмечал, что в законодательстве стран континентальной Европы, в период с восьмого по девятнадцатый век, по-разному закреплялся термин недвижимого имущества. К примеру, французы переняли понятие недвижимости целиком из норм римского права, и толковали его как предметы внешнего мира, неразрывно связанные с землей [12, с.434]. Схожим образом закреплялось понятие недвижимого имущества и в германском праве, за исключением того, что помимо указанных выше объектов, недвижимым имуществом признавались и движимые объекты, тесно связанные с недвижимым. Англичане же, пошли по иному пути законодательного закрепления недвижимости. Существовавшее деление всех объектов на вещественные и личные, позволяло относить недвижимое имущество исключительно к категории вещественных объектов, что и способствовало разделению понятий собственности и владения в английских поземельных правах.

Что касается отечественной истории развития института недвижимого имущества, то здесь стоит отметить, что состав рассматриваемой категории не был идентичен на протяжении всех исторических периодов.

В период древнерусского государства, отношение к земле, как неотъемлемому элементу недвижимого имущества, сильно отличалось от европейского. В частности, люди считали землю священной, называя ее «матушка - земля», принимали ее как важнейшую часть общества. Она являлась достоянием общины и не являлась объектом оборота. Стоит также отметить, что подобное отношение к земле задавало особый вектор развития правового регулирования в сфере земельных участков. В качестве примера можно привести европейские государства, где земля принад-

лежала монарху, и только он был вправе распоряжаться ей и распределять ее между своими подданными. На Руси же, князь не мог распоряжаться земельными участками, поскольку это являлось прерогативой земских общин.

Особый интерес вызывает пятнадцатый век, в ходе которого можно наблюдать существование двух разных моделей правового регулирования в сфере собственности: московская и новгородская. Первая конструкция представляла собой исключительно вотчинное землевладение, что подразумевает наличие права собственности на землю только у князя. касается новгородской конструкции, то ей был присущ абсолютный характер права собственности и его многосубъектность. Как отмечает Э.И. Зигангирова, новгородская модель выглядит более перспективно с точки зрения экономической сферы, поскольку согласно данной концепции, земельные участки могли принадлежать не только князю, но и иным гражданам, в частности: боярам, земцам, и т.д. [7, с.4]. Особенностью новгородского подхода стал класс земцев (своеземцев), т.е. крестьян, имевших в своем распоряжении земельные участки, которые могли становиться предметами сделок, могли отдаваться в качестве приданого и т.д.

Но, стоит отметить, что ввиду усиления власти московских князей, новгородская модель со временем вымерла. Что привело к полной централизации власти и сосредоточению всей земли русской в руках действующего Московского князя.

Обращаясь к истории шестнадцатого и семнадцатого века, необходимо обратить внимание, что появилась новая категория земельных участков – общинные земли, которые являлись собственностью вотчины. Община, в свою очередь, осуществляла не только правомочия владения и пользования, но и распоряжения, правда только в части выделения определенных земельных участков новым поселенцам. Ближе к концу семнадцатого века, стало возможным осуществлять юридически значимые действия не только в отношении земельных участков. В частности, была представлена возможность производить обмен поместий, вотчин, и т.д. Также, можно было обменять поместье на деньги, однако, государство не называло такие сделки куплей-продажей поместья.

23 марта 1714 года Петр I Великий принимает указ о единонаследии [13], в котором впервые было закреплено понятие недвижимого имущества, включавшее в себя поместья и вотчины. Стоит отметить, что уже в 1731 году, данный нормативный правовой акт утратил свою юридическую силу, но и термин, и его дефиниция сохранились. Петр I предпринял еще ряд шагов, направленных на реформирование института недвижимого имущества в России. В частности, были ограничены права на леса, которые стали признаваться общественным достоянием, и право пользование которых стало возмездным, что приносило новые доходы государству. В 1719 году, было издано Положение, нормы которого разграничили право собственности на землю и на недра, находящиеся непосредственно под данным земельным участком.

В период со смерти Петра I, вплоть до восхождения на престол Екатерины II, именуемый также периодом дворцовых переворотов, в жизни государства происходили постоянные колебания и напряжения. Конечно, это отразилось и на институте недвижимого имущества. В ходе указанного периода не единожды менялась политика государства от свободы частной собственности на объекты недвижимого имущества до введения ограничений. И только с приходом на престол Екатерины II, наступила стабильность, в виде идеи свободы частной собственности. Г.Ф. Шершеневич отмечал, что наиболее значимым решением с точки зрения определения дальнейшего развития института недвижимого имущества стало принятие Манифеста 1782 года. Данный манифест признавал право собственности не только на поверхностные земельные участки, но и на минералы и металлы, находившиеся непосредственно под данным земельным участком. Также, были ликвидированы запреты на распоряжение лесами, пользование угодьями и мельницами [14, с. 128].

Далее следует обратить внимание уже на 1861 год. В этот год произошла отмена крепостного права в России, что повлекло за собой ряд значимых последствий в сфере недвижимого имущества. 19 февраля 1861 года, Александр II принимает Манифест об отмене крепостного права [9], Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости [10]. Наиболее важным элементом стало Общее положение, регламентировавшее условия отмены крепостного права и определявшее дальнейшую судьбу крестьян и их имущества. Несмотря на то, что помещики оставались собственниками всего имущества, они должны были обеспечить крестьянам личную свободу и право самостоятельно распоряжаться своим имуществом. Помимо этого, помещики были обязаны предоставить бывшим крепостным «усадебную оседлость», что понимало под собой право оставаться членом общины, к которой он принадлежал, будучи крепостным.

Стоит также отметить, что дореволюционное гражданское право предполагало деление недвижимого имущества на две категории: по природе и по назначению. Недвижимость первой группы включала в себя земельные участки, здания, сооружения, и т.д.

Недвижимость по назначению также было принято разделять на две группы:

- движимые вещи, присоединенные к недвижимости. Такие вещи нельзя отделить от недвижимого имущества без потери качества или уничтожения;
- вещи, расположенные на недвижимом имуществе с целью его эксплуатации, использования или обслуживания.

В настоящее время существует указанная классификация в некоторых странах континентальной правовой семьи. В частности, Германское гражданское уложение от 1896 года [2] называет движимые вещи, присоединенные к недвижимому имуществу, составными частями последнего.

А вещи, необходимые для использования или обслуживания недвижимого имущества, Германское гражданское уложение уже не считает составными его частями, а называет их – принадлежностями, т.е. вещами, находящимися в тесной внешней связи с основным объектом. В эту группу относят оборудование, инвентарь, и т.д.

Е.А. Васильев также отмечал, что схожая конструкция классификации недвижимого имущества характерна и для действующих кодифицированных источников гражданского права в некоторых странах Латинской Америки [1, с.381].

Возвращаясь к российскому дореволюционному праву, следует отметить, что рассмотренная классификация вызывала немало споров в юридической научной литературе того времени. В частности, Л.А. Кассо отмечал, что составные части недвижимого имущества не должны считаться отдельным объектом права, в отличие от принадлежности, которая, по мнению автора, могла по воле собственника стать самостоятельным объектом гражданских правоотношений, утратив связь с главной вещью [8, с.207].

В 20-х годах прошлого века произошло резкое изменение концептуальных и законодательных положений относительно недвижимого имущества. Такие перемены были обусловлены, естественно, событиями 1917 года. Главным изменением стало отсутствие деления вещей на движимые и недвижимые ввиду того, что эта буржуазная доктрина сильно разнилась со взглядами нового российского государства, основным экономическим принципом которого являлось закрепление исключительного государственного права собственности на любой объект, ранее считавшийся недвижимостью. В частности, все земельные участки, недра, леса, водные объекты стали элементами национального достояния.

В подтверждение прошлых суждений необходимо обратиться к Гражданскому кодексу РСФСР от 1922 года [3], в примечании к статье 21 которого было указано, что деление имущества по критерию подвижности упраздняется в связи с устранением частной собственности на земельные участки.

Уже в Гражданском кодексе РСФСР от 1964 года [4] произошли определенные изменения, связанные с институтом недвижимого имущества и прав на него. К примеру, указанный нормативный правовой акт закреплял возможность приобретения частными лицами на праве собственности некоторых объектов недвижимости, в частности – жилого дома, дачи. Но стоит также отметить, что право частной собственности на земельные участки по-прежнему не существовало, вследствие чего создавались различные правовые конструкции для регулирования общественных отношений, связанных с объектами, которые, по сути своей, являются недвижимостью. В качестве примера можно привести Закон РСФСР «О государственном нотариате» от 1 ноября 1974 года [6], в котором имело место описание объектов недвижимого имущества, таких как жилой дом, квартира в многоквартирном доме, и т.д. Однако, никакого законодательного определения понятия недвижимости не существовало в законодательстве в тот исторический период.

Официальная реинкарнация термина недвижимое имущество произошло только в 1991 году. Основы гражданского законодательства СССР и республик [11] закрепили, что к недвижимости относятся земельные участки, а также все, что имеет прочную неразрывную связь с ними. К числу таковых относятся: здания, сооружения, имущественные комплексы, и т.д. Стоит отметить, что указанным нормативным правовым актом была предусмотрена возможность отнесения неуказанных объектов к категории недвижимого имущества в иных нормативных правовых актах.

Как уже упоминалось, недвижимыми считались здания, сооружения, имущественные комплексы, насаждения, и т.д. Впоследствии данные понятия были развернуты в специализированных нормативных правовых актах, регулировавших конкретную сферу правовых отношений.

В таких нормативных правовых актах разновидности общих элементов недвижимого имущества были закреплены путем их перечисления.

Резюмируя все вышесказанное необходимо отметить, что институт не-движимого имущества претерпел большое количество изменений, начиная от различных подходов к дефиниции данного понятия, заканчивая отсутствием законодательного закрепления недвижимости. На протяжении большинства исторических периодов, имущество могло быть отнесено к категории недвижимости по ряду признаков. К числу первых относились: по природе и по назначению. А отнесение объектов к недвижимому имуществу в силу закона нашло свое отражение только в конце двадцатого века.

Список цитируемой литературы:

1. Васильев Е.А. Гражданское и торговое право капиталистических государств: учебник. / Е.А. Васильев. – М: Спарк, 2005. – 418с.
2. Германское гражданское уложение [Электронный ресурс] // Режим доступа свободный: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55851#03909096462505117> (дата обращения: 04.12.2021)
3. Гражданский кодекс РСФСР 1922г. [Электронный ресурс] // Режим доступа свободный: <http://docs.cntd.ru/document/901808921> (дата обращения: 04.12.2021)
4. Гражданский кодекс РСФСР 1964г. [Электронный ресурс] // Режим доступа свободный: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1838/ (дата обращения: 04.12.2021)
5. Закон Российской Федерации Об основах градостроительства в Российской Федерации от 14.07.1992 N 3295-1 [Электронный ресурс] // Режим доступа свободный: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102052754&backlink=1&&nd=102017436> (дата обращения: 04.12.2021)
6. Закон РСФСР от 02.08.1974 «О государственном нотариате» [Электронный ресурс] // Режим доступа свободный: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2746#006032666567214484> (дата обращения: 04.12.2021)
7. Зигангирова Э.И. Становление института собственности в России. / Э.И. Зигангирова. – М: Логос, 2014. – 7с.
8. Кассо Л.А. Русское поземельное право: учебник. / Л.А. Кассо. – М: Государственная типография, 1906. – 414с.
9. Манифест 19 февраля 1861 года [Электронный ресурс] // Режим доступа свободный: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/feb1861.htm> (дата обращения: 04.12.2021)
10. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости [Электронный ресурс] // Режим доступа свободный: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/krest.htm> (дата обращения: 04.12.2021)
11. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 N 2211-1) [Электронный ресурс] // Режим доступа свободный: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_972/ (дата обращения: 04.12.2021)
12. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 1. : учебник. / К.П. Победоносцев. – М: Зерцало, 2016. – 768с.
13. Указ о единонаследии от 23 марта 1714 года [Электронный ресурс] // Режим доступа свободный: <http://www.hrono.info/dokum/1700dok/17140323.php> (дата обращения: 04.12.2021)
14. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: учебник. / Г.Ф. Шершеневич – М: Юрайт, 2019. – 450с.

Сведения об авторах:

Неброева Анастасия Александровна – студент Инженерно-строительного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; nas.nebroeva@mail.ru

Савельев Евгений Дмитриевич – студент Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; sed1999@mail.ru

Научный руководитель – Зябкина Татьяна Федоровна, старший преподаватель Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Аннотация: В статье осуществляется обзор и анализ истории возникновения международного частного права, а также рассматриваются основные тенденции развития международного частного права в условиях глобализации, цифровизации и возрастания экономической взаимозависимости государств. Обращается внимание на значительную роль Гаагской конференции по международному частному праву.

Ключевые слова: история, развитие, международное частное право, глобализация, цифровизация, Гаагская конференция.

Термин «международное частное право» впервые употребил американский юрист, член Верховного суда США с 1811 по 1845 годы, профессор Гарвардского университета, основатель американской науки международного частного права Джозеф Стори в своей работе 1834 г. «Комментарий к конфликту праву».

Само международное частное право начало зарождаться в XVII в. на территории Италии, когда возникали первые правовые теории, обосновывающие природу правовых норм международного частного права и объективную необходимость их существования. Итальянские юристы при решении любых коллизионных вопросов прибегали к римскому праву. Но, поскольку в римском праве не было коллизионных норм, то юристы начали приспособлять нормы римского права к решению определенных коллизионных вопросов путем догматического, вольного толкования римских текстов, таким образом, формулируя коллизионные правила для решения конкретного дела.

В России первые научные работы в данной области появились лишь к середине XIX в. Вопросы коллизионного права освещались в лекциях профессора Д.И. Мейерома в Казанском университете. На своих лекциях он пересказал некоторые из основных идей Савиньи при этом, соединив их с российским законодательством.

На сегодняшний день в российской правовой доктрине считается, что термин «международное частное право» в России был введен профессором Казанского университета Ивановым Николаем Павловичем в диссертационной работе 1864 г. «Основы частной международной юрисдикции». Поэтому данный момент является отправной точкой развития отечественной науки международного частного права (далее – МЧП).

В последующем в российской науке образовалось две школы: международно-правовая и цивилистическая.

Сторонники международно-правовой школы (Н.П. Иванов, Н.М. Капустин, П.Е. Казанский, А.А. Пиленко, С.Б. Крылов, Ф.Ф. Мартенс и др.), полагали, что МЧП является составной частью международного публичного права (далее – МПП), так как любые разногласия гражданско-правового характера между юридическими лицами, физическими лицами различных стран могут, в конечном итоге, перейти в конфликт между государствами.

Правоведы цивилистической школы (К.И. Малышев, Т.М. Яблочков, М.И. Брун, Б.Э. Нольде, Г.Ф. Шершеневич, Д.И. Мейер и др.) определяли место МЧП по-разному. Одни рассматривали МЧП в качестве самостоятельной отрасли внутреннего права государства, так как в мире существует МЧП разных государств (России, Китая, Франции, Германии и т.д.). Другие же считали, что нормы МЧП не составляют отдельную отрасль права, а выступают частью гражданского права. Но сторонники данной школы все как один думают, что МПП и МЧП содержат общие основы (например, В.П. Звеков констатирует, что в отечественной доктрине МЧП постоянно отстаивалась идея единства исходных начал МЧП и МПП) [1, с. 36].

Рассматривая различные школы, можно сделать вывод, что более убедительной точной зрения представляется та, в соответствии с которой МЧП выступает в качестве отрасли национального права, являющаяся интернационально частично унифицированной.

На современном этапе МЧП служит неотъемлемой составной частью правовой системы любого государства. Поскольку отличительными особенностями современного мира выступают глобализация, цифровизация, возрастает экономическая взаимозависимость государств, которая порождает наращивание связей между людьми независимо от их гражданства, места жительства, то происходит изменение направлений развития и возникает необходимость расширения сферы применения МЧП [2, с. 193].

С ростом цифровизации в современном мире возникли и некоторые проблемы в сфере МЧП. Так, например, на одном из заседаний Гаагской конференции была озвучена такая проблема, что

при условиях быстрого распространения трансграничных частноправовых отношений в МЧП возникла глобальная и совершенно новая проблема по обеспечению исполнимости иностранных судебных решений. Для решения этого вопроса было проведено несколько заседаний Гаагской конференции, на которых разрешался вопрос о создании документа, регулирующего данную проблему. В 2018 году на одном из таких заседаний был представлен и утвержден проект Конвенции по признанию и приведению в исполнение судебных решений. Положения данной Конвенции направлены на создание более простой и эффективной системы по взаимному признанию и исполнению таких иностранных судебных решений во всех государствах-участниках данной Конвенции.

С развитием цифровых технологий связана еще и одна из таких проблем как широкое распространение идей о создании онлайн-сервисов для проведения судебных заседаний. Данная идея получила развитие в МЧП и сейчас проявляется тенденция по развитию способов разрешения частноправовых споров путем судебных онлайн-заседаний [3, с. 4]. Так, например, в Российском арбитражном центре при Российском институте современного арбитража предусмотрена возможность проведения таких онлайн-заседаний.

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы отметить, что данные проблемы и тенденции, с которыми сталкивается МЧП на современном этапе, не является исчерпывающим. С ростом цифровых технологий и экономической взаимозависимости государств будут появляться новые тенденции развития МЧП.

Список цитируемой литературы:

1. Звеков В.П. Международное частное право. Курс лекций. М: Норма, Инфра-М, 1999. 686 с.
2. Мажорина М.В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193-217.
3. Панов А. А. Онлайн-арбитраж // Legal Insight. 2014. № 8. С. 4.

Сведения об авторах:

Лаврентович Карина Сергеевна – студентка Института юстиции ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; 68kira.ru@mail.ru

Утова Бела Каншобиевна – студентка Института юстиции ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; belautova@yandex.ru

Научный руководитель – Ермолаева Т.А., к.ю.н, доцент, доцент кафедры международного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Завалишина И.В.

УСЛОВИЕ ОБ АРЕНДНОЙ ПЛАТЕ В ДОГОВОРАХ АРЕНДЫ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ, ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: В статье исследуются возникающие в судебной практике спорные вопросы об арендной плате в договорах аренды недвижимого имущества, освещаются правовые позиции, ключевые тезисы судов и формулируются основные выводы по итогам исследования судебных дел. Статья содержит практическое осмысление возникающих на практике споров по вопросам применения положений законодательства об арендной плате в договорах аренды недвижимого имущества, а также освещает влияние пандемии COVID-19 на правовое регулирование арендной платы в договорах аренды недвижимости. На основе данных исследований, с помощью системного анализа и обобщения материалов судебной практики автором дается прогноз и оценка дальнейших направлений, тенденций и перспектив развития законодательства об арендной плате в договорах аренды недвижимого имущества исходя из современных социально-экономических и правовых реалий.

Ключевые слова: арендная плата, договор аренды недвижимого имущества, арендные споры, влияние пандемии COVID-19 на условие об арендной плате, перспективы и направления законодательства об арендной плате.

Условие об арендной плате в договорах аренды недвижимого имущества носит существенный характер и, как показывает практика, является частым предметом арендных споров.

Особое распространение они получили в период пандемии COVID-19, что обусловлено ее тяжелыми финансовыми последствиями, пошатнувшими возможность исполнения договорных обязательств сторон договоров аренды недвижимого имущества на прежних условиях. Несмотря на смягчение государством данных последствий путем введения чрезвычайного правового регулирования арендных отношений, даже в период глобального восстановления экономики после пандемии финансовые потери оказывают влияние на арендные отношения по сей день, в связи с чем вопросы дальнейших перспектив законодательства об арендной плате приобретает в современных условиях особую актуальность.

Быстрая реакция государства на необходимость урегулирования арендных отношений путем принятия Федерального закона от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [1] позволила сторонам договоров урегулировать разногласия преимущественно в досудебном порядке и прибегать к обращению в суд только в случае недостижения соглашения.

Данный Федеральный закон предоставил арендаторам возможность требовать от арендодателя предоставления отсрочки внесения арендной платы путем заключения дополнительного соглашения и установил обязанность арендодателя заключить такое соглашение на срок до 1 октября 2020 года начиная с даты введения режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, в соответствии с требованиями, установленными Постановлением Правительства Российской Федерации от 03.04.2020 г. № 439 «Об установлении требований к условиям и срокам отсрочки уплаты арендной платы по договорам аренды недвижимого имущества» [2], а также требовать от арендодателя уменьшения размера арендной платы за период 2020 года в связи с невозможностью использования имущества, связанной с введением на территории субъекта РФ режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации.

Однако, несмотря на введенные государством специальные нормы, не все арендаторы и арендодатели смогли с их помощью договориться во внесудебном порядке. Основные причины, по которым возникали судебные разбирательства, – недостижение сторонами соглашения по вопросам уменьшения размера арендной платы и отсрочки внесения арендных платежей.

По вопросу уменьшения арендной платы одним из первых освещенных в СМИ дел по применению данной меры поддержки стало рассмотренное Арбитражным судом Санкт-Петербурга и Ленинградской области дело по иску арендатора помещения для кафе к его собственнику с требованием об уменьшении арендной платы за период действия ограничительных мер. Руководствуясь положениями Федерального закона № 98-ФЗ, суд первой инстанции снизил размер платы на 50% в связи с невозможностью арендатора использовать имущество по назначению. Решение устояло во всех трех инстанциях [3].

Рассматривая требования арендаторов об уменьшении арендной платы, суды обращали внимание на его возможности адаптировать свою деятельность к работе в арендованном помещении в условиях ограничений. Так, в одном из дел Арбитражный суд города Москвы уменьшил размер арендной платы всего лишь на 17%, мотивировав это наличием у арендатора возможности использовать арендованное под пекарню, кафе и магазин шариков имущество для работы пекарни и кафе на вынос и получать прибыль [4].

Следует отметить, что требования арендатора о снижении арендной платы не всегда удовлетворялись судами, поскольку удовлетворение данного требования и заключение с арендатором дополнительного соглашения является правом, а не обязанностью арендодателя. Соответственно, в каждом споре оценивалась совокупность обстоятельств, свидетельствующих о наличии или отсутствии оснований для уменьшения арендной платы. В одном из дел арендатор обратился в Арбитражный суд города Москвы с требованием об уменьшении арендной платы, так как, по его мнению, арендодатель уклонялся от подписания дополнительного соглашения. Оценив доказательства, суд пришел к выводу, что стороны просто не смогли согласовать размер уменьшения в досудебном порядке в отсутствие вины арендодателя, в связи с чем основания для уменьшения арендной платы отсутствуют [5].

В рамках рассматриваемых споров интересным прецедентом является дело о снижении судом арендной платы при обращении арендатора с требованием об освобождении от платежей. До обращения в суд арендатор вернула арендодателю имущество и потребовала в суде освободить ее от арендной платы, так как стороны не достигли соглашения по ее уменьшению. Арбитражный суд Кировской области пояснил, что Федеральный закон № 98-ФЗ не содержит мер по освобождению арендатора от арендной платы в полном объеме. Вместе с тем, суд уменьшил

размер арендной платы, мотивировав это «недопустимостью формального подхода к квалификации заявленного требования арендатора, очевидностью преследуемого им материально-правового интереса, достижения определенности в отношениях сторон и соблюдения баланса их интересов». Таким образом, суд рассмотрел вопрос об уменьшении арендной платы по существу, так как исходя из поведения сторон усматривалась невозможность достижения соглашения об уменьшении арендной платы [6].

Вторые по популярности споры по вопросам арендной платы в договорах аренды недвижимого имущества, возникшие на фоне пандемии, – споры об отсрочке арендных платежей. Так как законодателем был ограничен круг лиц, которым предоставляется отсрочка (хозяйствующие субъекты, относящиеся к наиболее пострадавшим отраслям экономики), судебная практика по данным спорам более единообразна по сравнению со спорами об уменьшении арендной платы. При принятии решений суды применяли формальный подход и руководствовались установленными законодательством требованиями к применению государственных мер по отсрочке арендных платежей. Так, в одном из споров Арбитражный суд Республики Коми отклонил довод арендодателя о том, что арендатор фактически не пострадал от пандемии, и удовлетворил требование арендатора об отсрочке внесения арендной платы, поскольку основной вид деятельности арендатора входит в перечень наиболее пострадавших отраслей экономики [7].

Согласно установленным требованиям о получении отсрочки арендаторы не обязаны доказывать невозможность использовать имущество по назначению. Несмотря на это, суды не допускали основанной на этом недобросовестности со стороны арендаторов, руководствуясь Обзором Верховного суда Российской Федерации по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 [8]. Согласно изложенной в нем позиции Верховного суда Российской Федерации, если требования арендатора являются проявлением заведомо недобросовестного поведения, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения может отказать в предоставлении отсрочки.

Возникающие на фоне пандемии споры коснулись не только заключенных, но и предварительных договоров. В одном из дел стороны заключили предварительный договор аренды помещения в торговом центре, в рамках которого арендатор внес обеспечительный платеж и первую часть арендной платы. Из-за введенных вследствие коронавируса ограничений у арендатора снизились доходы, в связи с чем он обратился к арендодателю с просьбой о расторжении предварительного договора и возврата уплаченных денежных средств, получил отказ и обратился в суд с аналогичными требованиями. В судебном заседании арендодатель заявил о несогласии с ними, поскольку ограничения не коснулись дистанционной торговли, на момент направления требования о расторжении договора все ограничения уже были сняты, а снижение доходов арендатора является его предпринимательским риском. Однако Арбитражный суд Вологодской области удовлетворил требования арендатора на основании того, что в условиях договора эпидемия являлась форс-мажором, а также в связи с тем, что розничная торговля отнесена к наиболее пострадавшим отраслям экономики. Как постановил суд, введенные государством ограничения являются существенным изменением обстоятельств, являющимся основанием для расторжения предварительного договора. Суды апелляционной и кассационной инстанций оставили решение в силе [9].

Необходимо отметить, что последствия пандемии не являлись универсальным форс-мажором для всех арендных отношений. Так, в одном из дел суды трех инстанций отказали в возврате обеспечительного платежа, уплаченного арендатором, которая ссылалась на невозможность использования имущества в связи с введенными государством ограничениями. Суды признали данные доводы несостоятельными, поскольку договор аренды был заключен уже после введения ограничений и арендатор на момент его заключения знала о вынужденном приостановлении деятельности. Таким образом, суды руководствовались выводами Верховного суда Российской Федерации, сформулированными в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 [10], согласно которым пандемия может быть признана форс-мажором в каждом конкретном случае и не является универсальным непредвиденным обстоятельством, препятствующим исполнению обязательств.

Брошенный пандемией вызов действующему правовому регулированию арендных отношений потребовал от законодателя введения специальных норм, адаптированных к новой ситуации на рынке недвижимости и в экономике в целом. Несмотря на снятие ограничений и постепенное возвращение хозяйствующих субъектов в привычный режим работы, социально-экономические реалии уже не будут прежними: они требуют новых регулятивных механизмов. Таким образом, основным направлением законодательства в области арендной платы в договорах аренды недвижимого имущества будет модернизация правового регулирования в соответствии с новыми условиями.

Как отмечает доцент Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации М.А. Церковников, одни из новых задач, возникших перед цивилистами, – применение привычных институтов общей части обязательственного права к отдельным видам договорных обязательств и соотношение новых специальных норм с классическими нормами права [11]. Применительно к регулированию арендной платы это касается интегрирования специальных норм в общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [12], позволяющего распределить риски и обязательства в арендных отношениях в условиях возникновения обстоятельств непреодолимой силы (ст. 401 ГК РФ) или существенного изменения обстоятельств (ст. 451 ГК РФ). Возникшая на фоне пандемии необходимость принятия специальных норм и трудности с применением на практике данных механизмов говорят об их неработоспособности применительно к арендным отношениям. Наличие в законе гибкости распределения рисков и исполнения обязательств сторонами арендных отношений необходимо для соблюдения баланса интересов арендаторов и арендодателей. Она позволяет эффективно применять механизмы защиты в отличие от общего института непреодолимой силы, апелляция к которому, как правило, не дает никаких результатов.

Таким образом, можно сделать вывод о перспективе интегрирования специальных норм, принятых в связи с пандемией, в существующие в ГК РФ механизмы применения институтов непреодолимой силы и существенного изменения обстоятельств. Это позволит избежать необходимости принятия специального законодательства в подобных пандемии ситуациях и обеспечить работоспособность данных институтов и возможность их практического применения.

При всем этом не стоит забывать о ст. 309 ГК РФ, предусматривающей принцип неизблемости обязательств сторон друг перед другом. Внесение в закон более гибких условий для изменения условия об арендной плате, ее отсрочки или освобождения от внесения арендных платежей не должно основываться на универсальном правиле форс-мажора без учета обстоятельств конкретного дела. Данные механизмы должны защищать арендатора как экономически слабую сторону договора аренды, но при этом соблюдать финансовые интересы арендодателя.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что новые обусловленные пандемией реалии оказали существенное влияние на правовое регулирование арендных отношений и, в частности, регулирование арендной платы.

Непредвиденно возникшие обстоятельства, существенно изменившие экономическую ситуацию в стране и в мире, продемонстрировали потребность изменения действующего законодательства в вопросах аренды недвижимости и арендной платы, подходов к определению понятий форс-мажора и существенных изменений обстоятельств, механизмов изменения условия договора об арендной плате.

Сложность предстоящих законодательных изменений состоит в сочетании упрощения данных механизмов, исключения злоупотреблений со стороны арендаторов (на которых в основном направлены законодательные меры поддержки и защиты) и недопущения игнорирования неизблемости договорных обязательств. Необходимо правовое регулирование, способное привести противоречивую на данный момент судебную практику к общему знаменателю, не исключая индивидуального подхода к каждому конкретному делу.

Несмотря на все негативные последствия пандемии, она проверила работоспособность действующего законодательства об аренде. В результате социально-экономических потрясений выявились слабые стороны правового регулирования и сейчас мы находимся на этапе глобального концептуального пересмотра правовых подходов и механизмов, что является важнейшим этапом развития гражданского законодательства.

Список цитируемой литературы:

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 13. Ст. 2028.
2. Об установлении требований к условиям и срокам отсрочки уплаты арендной платы по договорам аренды недвижимого имущества: Постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 439 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 15. Ст. 2293.
3. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 09.11.2020 г. по делу № А56-57469/2020, Постановление Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда от 12.02.2021 г. по делу № А56-57469/2020, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.06.2021 г. по делу № А56-57469/2020 [электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.09.2021).
4. Решение Арбитражного суда города Москвы от 05.11.2020 г. по делу № А40-138178/20-23-927, Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда № 09АП-74106/2020 от 18.03.2021 г. по делу А40-138178/20-23-927 [электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.09.2021).
5. Решение Арбитражного суда города Москвы от 10.11.2020 г. по делу № А40-113543/20-127-878, Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда № 09АП-75121/2020-ГК от 10.03.2021 г. по делу № А40-113543/20-127-878 [электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.09.2021).
6. Решение Арбитражного суда Кировской области от 21.09.2020 г. по делу № А28-4815/2020 [электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.09.2021).
7. Решение Арбитражного суда Республики Коми от 10.03.2021 г. по делу № А29-10123/2020 [электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.09.2021).
8. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утвержден Президиумом Верховного суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г.) // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Решение Арбитражного суда Вологодской области от 21.09.2020 г. по делу № А13-8875/2020, Постановление Четырнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 16.12.2020 г. по делу № А13-8875/2020, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.04.2021 г. по делу № А13-8875/2020 [электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.09.2021).
10. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1.
11. Платонов В., Габов А., Белов В., Бевзенко Р., Латыев А., Церковников М., Ягельницкий А., Халимовский Ю., Зайцев С., Степанчук М.: COVID-19 и договорное право // Закон. 2020. № 4.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

Сведения об авторе:

Завалишина Ирина Васильевна – студент Института права ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»; zavira@yandex.ru

Научный руководитель – Воробьева Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право» ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»

Краснов Н.А., Шарудинова Л.Т.
КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В СОВРЕМЕННЫХ
ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ВЗЫСКАНИЯ В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация:** Авторы статьи, студенты 3 курса Юридического факультета ФГБОУ ВО РГАИС Луиза Шарудинова и Николай Краснов, рассматривают институт взыскания компенсации морального вреда в России в современных эпидемиологических реалиях. Авторами раскрывается сущность морального вреда, рассматривается взыскание компенсации морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью во время лечения COVID-19, поднимаются отдельные проблемы, связанные с взысканием названной компенсации, предлагаются пути их решения.*

***Ключевые слова:** моральный вред, причинение вреда, нарушение прав, нематериальные блага, неимущественные права, медицинские услуги, экспертиза качества медицинской помощи, физические или нравственные страдания, измерение нравственных страданий, компенсация, эпидемиологическая обстановка, здоровье пациента, судебная защита.*

Современный мир столкнулся с новой угрозой – COVID-19, вирусом, который изменил весь уклад общественной жизни. Его влияние на организм еще до конца неизвестно, однако нередки случаи, когда пациенту наносится вред, вызванный не самой болезнью, а неправильным или недостаточным лечением заболевания, которые могут привести к непоправимым последствиям.

Настоящая статья будет посвящена рассмотрению отдельных гражданско-правовых аспектов взыскания компенсации морального вреда в пользу пострадавших пациентов в актуальных эпидемиологических реалиях.

Итак, гражданское законодательство на сегодняшний день защищает принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага, нарушение которых влечет за собой причинение гражданину морального вреда. Понятие морального вреда отражено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (далее постановление Пленума ВС РФ), из которого следует, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага, или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. В пункте 2 названного постановления указано, что моральный вред в частности может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и другое.

Обязательство по компенсации морального вреда может удовлетворяться только в денежной форме. Право на указанную компенсацию имеют граждане, что вполне соответствует представлению о сути морального вреда как о нравственных и физических страданиях. При этом компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда.

Мы разделяем мнение Дедова Д.И. и Дедовой Е.Д., согласно которому «пациенту должны гарантироваться защита человеческого достоинства, его физическая и психологическая целостность, доброжелательность врачей, информированное согласие пациента, его информированность о целях, методах и возможных последствиях, а главное альтернативных способах лечения, право отказаться от лечения, исключительность принудительного лечения в целях защиты самого пациента и окружающих» [1, с. 57]. То есть лечение пациента строится на базовых принципах.

Наиболее близкое к нашей теме регулирование устанавливает Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», согласно которому граждане имеют право на возмещение в полном объеме вреда, причиненного их здоровью или имуществу вследствие нарушения санитарного законодательства, а также при осуществлении санитарно-противоэпидемических мероприятий (ст. 8). То есть лица, прямо или косвенно причинившие вред здоровью, обязаны возместить его в полном объеме.

Исходя из этого, с медицинской организации может быть взыскан реальный ущерб, то есть средства, потраченные на дополнительное лечение, может быть взыскана компенсация материального вреда, например, неполученного заработка за период вынужденной нетрудоспособности, помимо этого может быть взыскана компенсация морального вреда. При этом, если надлежащая медицинская помощь была оказана несколькими медучреждениями, то они несут солидарную ответственность. Как верно замечает Идрисов Х.В.: «с учетом того, что вред причиняется конкретным физическим лицом, которое представляет определенное юридическое лицо и находится с ним в трудовых отношениях, то и субъектом ответственности выступает само юридическое лицо, а не его «представитель»» [2, с. 74].

Условиями такого взыскания выступают: вред, причиненный жизни или здоровью пациента, вина медработников, причинно-следственная связь между деяниями лечащего врача и наступившими неблагоприятными последствиями. Основанием привлечения организации к ответственности является жалоба заинтересованного лица в медучреждение или в страховую медицинскую организацию (страховой фонд). На основании жалобы проводится экспертиза качества медицинской помощи, перед которой ставятся следующие вопросы: был ли причинен вред? Какова степень вреда? Виновен ли медработник? Существует ли причинно-следственная связь между вредом и деянием врача?

По результатам экспертизы выносится мотивированное решение об отсутствии нарушений либо о признании качества медицинской помощи несоответствующей стандартам и привлечении учреждения к ответственности. Медицинское учреждение имеет право обжаловать решение медицинской экспертизы в течение 15 дней. В случае возникновения спора между медицинской организацией и потерпевшим, последний имеет право обратиться в суд. При этом, по заявлению одной из сторон, суд может назначить проведение судебно-медицинской экспертизы.

Таким образом, пациент, жизни и здоровью которого был причинен вред, имеет право на компенсацию как вреда материального, так и морального после проведения соответствующей экспертизы. Однако даже если суд постановит взыскать компенсацию морального вреда, то зачастую размер компенсации непропорционально мал причиненному вреду.

В настоящее время судам даны лишь ориентиры, которые должны помочь им в определении размера указанной компенсации. К таким ориентирам относят: степень вины нарушителя, индивидуальные особенности потерпевшего, иные заслуживающие внимания обстоятельства, к которым судебная практика, например, относит характер и содержание публикации, способ распространения недостоверных, имущественное положение сторон, а также требования разумности и справедливости. Однако даже таких критериев недостаточно для точного и обоснованного определения размера.

Несколько более организован процесс возмещения морального вреда за рубежом. Например, в Великобритании существует специальный закон «О компенсации вреда от преступлений», в соответствии с которым создается Комиссия, применяющая тарифную схему. В данной схеме содержатся условия, основания и суммы выплат, в зависимости от конкретных обстоятельств. Саму схему утверждает и исполняет министр внутренних дел. При исчислении суммы возмещения вреда от преступления используются стандартные формуляры. Общая максимальная сумма компенсации не может превышать 500.000 фунтов стерлингов. Основания ответственности за причинение морального вреда дифференцируются в зависимости от вида вины причинителя вреда. Возмещение причинения вреда носит компенсационный характер в случае причинения вреда по неосторожности [3, с. 97].

На наш взгляд, было бы верным решением пойти по вышеупомянутому пути Великобритании и ввести в России тарифные ставки. Например, установить зависимость от тяжести вреда здоровью. При этом тариф будет устанавливать только минимальный размер компенсации, суды же исходя из конкретных обстоятельств дела смогут либо увеличить размер компенсации, либо оставлять размер равным ставке.

При рассмотрении судебной практики нами было изучено Определение Верховного Суда РФ от 24 июня 2019 г. N 74-КГ19-5, которое гласит, что по делам о взыскании морального

вреда в связи с некачественным оказанием медпомощи истец (пациент) обязан доказать только факт наличия своих страданий, а ответчик (медорганизация) – правомерность своего поведения и отсутствие своей вины, причем дважды, – как в причинении вреда здоровью, так и в причинении морального вреда при оказании медицинской помощи. При рассмотрении жалобы пациентки на решение суда об отказе в компенсации морального вреда ВС РФ было вынесено данное указание.

Интересным при изучении вопроса компенсации морального вреда в эпидемиологических реалиях видится Решение Шатурского городского суда Московской области от 19 августа 2020 года. Судом было рассмотрено дело о взыскании компенсации морального вреда с подмосковных больницы и станции скорой помощи за смерть пациентки в результате неправильного лечения COVID-19. В мае 2020 г. пожилая жительница Подмосковья вызвала врача на дом в связи с высокой температурой, врачом была выдана рекомендация в приеме лекарств без предложения сдачи теста на коронавирус и без проведения КТ. Спустя несколько дней у пациентки была высокая температура, легкое течение ОРВИ – диагноз, поставленный в тот же период пациентке. Спустя день пациентке стало еще хуже, ее отвезли в Шатурскую ЦРБ, в которой врач отказался принимать ее для лечения, мотивировав это тем, что у пациентки отсутствовал снимок КТ, а также отсутствием в ЦРБ свободного аппарата ИВЛ. Некоторое время спустя пациентке сделали рентгенограмму, которая показала полное поражение легких. В итоге пациентка скончалась в приемном отделении, не получив никакой медицинской помощи, в справке о смерти причинами были указаны: дыхательная недостаточность, вирусная пневмония, коронавирусная инфекция и гипертрофическая кардиомиопатия. Сын покойной обратился в Шатурскую городскую прокуратуру с требованием провести проверку относительно бездействия медиков в отношении лечения его матери. В ходе проверки Прокуратура сделала вывод, что медицинский персонал скорой помощи и ЦРБ не принял необходимые меры по госпитализации пациентки. Впоследствии истец обратился с иском к медицинским учреждениям, потребовав взыскать с них в солидарном порядке компенсацию морального вреда в размере 2 млн. рублей. В ходе судебного разбирательства была назначена судебно-медицинская экспертиза, в результате которой выявили ряд дефектов диагностики в отношении пациентки.

При определении компенсации морального вреда суд учел имевшую место грубую неосторожность пациентки, выразившуюся в непринятии мер к своевременному обращению за медицинской помощью. Таким образом, суд вынес решение о частичном удовлетворении иска и взыскал с ответчиков в пользу истца компенсацию морального вреда в размере 50 тысяч рублей.

Вывод суда о наличии оснований для удовлетворения исковых требований является правомерным, однако в части обоснования суммы присужденной компенсации морального вреда решение суда является неверным, поскольку сумма крайне мала и не отвечает принципам разумности и соразмерности. Справедливым в этом плане видится замечание Федоровой М.Ю., по мнению которой «размер компенсации морального должен удовлетворять не столько требованиям закона, сколько требованиям морали, то есть именно сглаживать нравственные страдания» [4, с. 35]. Солидарна с данным мнением и Малинова А.Г., которая утверждает, что размер компенсации морального вреда должен быть достаточным для необходимой реабилитации гражданина с учетом характера причиненного ему вреда [5, с. 57]. Хотя в практики бывают и случаи, «выбивающиеся из общей колеи правоприменения».

Так, существует исключительный пример, когда жительница Астраханской области впервые в России добилась крупной компенсации морального вреда за смерть от коронавируса супруга, которому вовремя не оказали медпомощь. Суд частично удовлетворил иск, сумма компенсации составила один миллион рублей. Как следует из материалов дела ее супруг, Сергей Медведев в возрасте 60 лет дважды обращался в поликлинику в июне 2020 года с жалобами на кашель и боли в грудной клетке, сообщил, что контактировал с больными ковидом, однако врачи отказали ему в тестировании на коронавирус и выписали лечение от ОРВИ. В результате, он оказался в больнице в тяжелом состоянии и вскоре умер. Это решение, на наш взгляд, является очень важным, поскольку ранее потерявшие родственников из-за ненадлежащей медпомощи при коронавирусе получали, как уже было отмечено ранее, не более 50 тыс. рублей моральной компенсации.

Таким образом, на основании анализа данной темы, можно сделать следующие выводы:

– Институт морального вреда не является новеллой российского законодательства, однако, существует основная проблема, связанная с определением его измерения, особенно в период коронавирусной инфекции, в связи с чем наблюдается необходимость совершенствования данного правового института;

– В эпидемиологических реалиях остро встал вопрос о критериях оценки физических и нравственных страданий, исходя из чего нам видится необходимым создать единую систему критериев оценки степени физических или нравственных страданий, в том числе, путем введения обязательной судебно-медицинской экспертизы;

– Для медицинских учреждений рекомендуется создать современные протоколы лечения в эпидемиологический период, которые впоследствии должны быть одобрены Минздравом РФ и (или) ВОЗ;

– На примере зарубежных стран и для более точного определения морального вреда видится необходимым проводить психологическую экспертизу. Данная экспертиза может стать дополнительным способом доказывания степени страданий для более точного определения компенсации морального вреда;

– На наш взгляд, было бы верным решением пойти по вышеупомянутому пути Великобритании и ввести в России тарифные ставки. Например, установить зависимость от тяжести вреда здоровью. При этом тариф будет устанавливать только минимальный размер компенсации, суды же исходя из конкретных обстоятельств дела смогут либо увеличить размер компенсации, либо оставлять размер равной ставке. Возможно, введение данной системы поставило бы перед обществом ряд этических и нравственных вопросов, но это позволило бы наиболее справедливо защищать свои нарушенные права.

Подводя итог сказанному, заметим, что в современных эпидемиологических реалиях, когда есть вероятность причинения морального вреда гражданам ввиду неправильного оказания медицинской помощи, крайне важно уметь защищать свои права и отстаивать свои интересы. В Российской Федерации существует специальный механизм досудебного взыскания компенсации морального вреда, реализуемый посредством экспертизы качества медицинской помощи. При этом, однако, судебный способ взыскания компенсации не является совершенным как с позиции материального, так и процессуального права, что предопределяет, на наш взгляд, необходимость в доработке действующего законодательства.

Список цитируемой литературы:

1. Дедов Д.И., Дедова Е.Д. Международно-правовая защита прав пациентов при оказании психиатрической помощи / Д.И. Дедов, Е.Д. Дедова // Публичное право сегодня. – 2020. – № 4. – 161 с.

2. Игнатьев Ю.Н. Краткий сравнительный анализ особенностей компенсации морального вреда в Российской Федерации с зарубежной практикой / Ю.Н. Игнатьев // Молодой ученый. – 2019. – № 43 (281). – 118 с.

3. Идрисов Х.В. Юридическая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни или здоровью гражданина / Х.В. Идрисов // Российский юридический журнал. – 2019. – №4. – 131 с.

4. Малинова А.Г. Юридизация понятия «качество жизни» в спорах о компенсации морального вреда / А.Г. Малинова // Российский юридический журнал. – 2020. – 4. – 93 с.

5. Федорова М.Ю. Взаимодействие норм права и медицинской этики в регулировании труда медицинских работников / М.Ю. Федорова // Российский юридический журнал. – 2019. – № 5. – 115 с.

Сведения об авторе:

Краснов Николай Александрович – студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности»; kolya.krasnov.2018@mail.ru

Шарудинова Луиза Тиграновна – студентка юридического факультета ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности»; luiza.sharudinova@mail.ru

Научный руководитель – Сергеева Н.Ю., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности»; nskafedra@bk.ru

Козлова М.А.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОТРУДНИКОВ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (БАНКА)

***Аннотация:** На основе анализа нормативно-правового материала представлены особенности правовой регламентации профессиональной деятельности сотрудников кредитной организации. Акцент сделан на изучении социально-трудовых отношений, основных особенностях реализации норм федерального трудового законодательства, регулирующие данную сферу.*

***Ключевые слова:** трудовой договор, гарантии, кредитная организация, трудовые отношения.*

При рассмотрении особенностей регулирования труда различных категорий работников, прежде всего, необходимо обратиться к изучению оснований и порядку установления особенностей правовой регламентации их профессиональной деятельности. С этой целью следует проанализировать специфику нормативно-правовой базы регламентации труда наемных работников кредитных организаций, установить какие именно гарантии предусмотрены для данной категории работников Трудовым кодексом РФ (далее – ТК РФ) и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, в том числе ведомственными нормативными актами, уточнить специфику локального нормативного регулирования данного вопроса.

По общему правилу, в соответствии со ст. 251 ТК РФ особенности регулирования труда представляют собой нормы «нормы, частично ограничивающие применение общих правил по тем же вопросам либо предусматривающие для отдельных категорий работников дополнительные правила». Далее, действующее трудовое законодательство приводит расширенный перечень «особенностей» регулирования труда и определяет порядок их установления (ст. 252 ТК РФ). Однако, приведенные «основания» имеют общий характер и конкретно раскрываются для каждой категории работников специальными нормами ТК РФ.

При анализе части IV ТК РФ можно выделить тенденцию, прослеживающуюся на примере правовой регламентации труда различных категорий работников, в соответствии с которой, как правило, нормами федерального трудового законодательства преимущественно регулируется труд наемных работников «традиционных» видов профессиональной деятельности (сферы образования, медицины, спорта, транспорта и др.), в то время как такие виды профессиональной занятости как дистанционная работа, работа в кредитных организациях и др. имеют значительно меньший объем правового регулирования нормами ТК РФ, в связи с тем что их можно отнести к сравнительно новым формам трудовой занятости. Представляется возможным обозначить его как «формирующуюся» базу в сфере правового регулирования данного вопроса.

Остановимся подробно на работниках кредитной организации, в частности – банка, которым ТК РФ уделена одна статья – ст. 349⁴ «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников кредитных организаций». Следует согласиться со специалистами в том, что она не раскрывает всей специфики и своеобразия профессиональных отношений в данной «отрасли» [1, с. 68], хотя и называет ряд гарантий для работников (выплаты пособий, компенсаций и т.п., в том числе и в случае отзыва лицензии на проведение банковских операций, банкротства кредитной организации), и содержит несколько отсылочных норм, а также прямо указывает на необходимость разрешения возникших вопросов «коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и трудовым договором» (абз. 2 ст. 349⁴ ТК РФ).

Так, например, к особенностям организации труда в кредитной организации можно отнести создание стимулов трудовой деятельности [2, с. 151], которые одновременно обеспечивают правовой механизм деятельности данной структуры, как отдельно взятого сектора экономики на микро и макро-уровнях [3, с. 163]. Они создают условия для деятельности органов управления и служащих кредитной организации, обеспечения всех необходимых действий для достижения стратегических целей, баланса интересов (иногда, компромисса) участников-акционеров, членов совета директоров (наблюдательного совета) и исполнительных органов кредитной организации, а также ее кредиторов, вкладчиков и иных заинтересованных

лиц. Весь обозначенный круг «интересов» строго направлен на обеспечение соблюдения действующего федерального и регионального законодательства РФ, локальных актов кредитной организации, а также принципов профессиональной этики, действующих в конкретной организации.

При этом, следует подчеркнуть, что трудовые отношения банковских работников регулируются ТК РФ, который не предусматривает особенностей заключения трудовых договоров с банковскими работниками и иными сотрудниками кредитных организаций. Однако, анализ профессиональной деятельности банковских работников позволяет сделать вывод о том, что такие особенности имеются на практике. К ним относятся положение о неразглашении коммерческой тайны, ограничение работы по совместительству и наличие обязательного испытательного срока до 6 месяцев. Все названные обстоятельства непосредственно вытекают из особенностей профессиональной деятельности указанной категории работников.

В теории трудового права распространена точка зрения о том, что данный пробел сполна восполняет специальная нормативная база, регламентирующая деятельность самой кредитной организации [4, с. 312]. К ним относятся Федеральный закон (далее – ФЗ) «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 2 июля 2021 г.), ФЗ «О Центральном банке (Банке России)» от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г. № 343-ФЗ) и иными нормативными правовыми актами. Действительно, на практике регулирование трудовых отношений в банках и иных кредитных организациях во многом обусловлено «комплексностью правового регулирования», исходя из названных выше положений федерального законодательства и специфики их локального регулирования.

Последнее частично раскрывается посредством анализа перечня и основных положений социальных программ конкретной кредитной организации [5, с. 12]. Так, например, на сегодняшний день социально-трудовые отношения реализуются в банке в соответствии с нормами трудового законодательства, коллективным договором и внутренними нормативными документами на принципах взвешенных партнерских взаимоотношений между работниками и работодателем. Социальная политика банка (анализ проведен на примере ПАО «Сбербанк») направлена на обеспечение социальной защищенности работников и создания безопасных условий труда. Банк реализует программы добровольного медицинского страхования (далее – ДМС) для всех сотрудников. С 2020 г. после введения противоэпидемических ограничений в программу ДМС сотрудников кредитной организации была добавлена услуга «телемедицина», состоящая в круглосуточном доступе к дежурным специалистам для решения вопросов, связанных со здоровьем как конкретного специалиста банка, так и членов его семьи.

Для оказания поддержки сотрудникам банк предоставляет материальную помощь многодетным родителям, родителям-одиночкам и родителям детей-инвалидов, а также дает возможность выбора гибкого графика работы для молодых матерей. При рождении ребенка работникам оказывается единовременная помощь (ее сумма устанавливается специальным положением и регулярно пересматривается в сторону увеличения), а в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 3-х лет материальная помощь выплачивается ежемесячно.

Прочие программы льгот и поддержки сотрудников банка включают в себя доплаты в период нетрудоспособности, стимулирующую выплату к отпуску, материальную помощь при сложных жизненных обстоятельствах (смерть родственников, воспитание детей-инвалидов, воспитание детей одиноким родителем), единовременное пособие при увольнении на пенсию, помощь при чрезвычайных обстоятельствах и т.п. К данной категории социально-трудовых отношений можно отнести и действующую Программу негосударственного пенсионного обеспечения. По состоянию на 1 января 2021 г. участниками ее являются почти 50 % сотрудников банка.

Таким образом, проведенный анализ особенности правовой регламентации профессиональной деятельности сотрудников кредитной организации (банка) позволяет говорить о существенной специфике регламентации правовых отношений, формирования нормативно-правовой базы рассматриваемого вопроса, где доминирующую роль играет федеральное законодательство, регулирующее деятельность самой кредитной организации и, в следствие этого, необходимо возникшую комплексность правового регулирования трудовых правоотношений данной категории работников. Большое внимание в рамках рассмотрения этого вопроса уделяется специфическим особенностям социально-трудовых отношений.

Список цитируемой литературы:

1. Банковский менеджмент: учебное пособие / Е.Г. Шершнева, Е.С. Кондюкова. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. 112 с.
2. Кох И.А. Особенности управления персоналом банка // Вопросы управления: экономика и бизнес. 2018. № 3. С. 151-158.
3. Осипова М.И. О понятии банковской деятельности в Российской Федерации // Известия Байкальского государственного университета. Серия «Право». 2012. № 8. С. 161-167.
4. Талев Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – М.: Колибри, 2000. 528 с.
5. Формирование оптимальной системы стимулирования и оплаты труда персонала в коммерческом банке / Мясникова О.Ю., Сопилко Н.Ю. // Финансы и кредит. 2016. № 11. С. 2-14.

Сведения об авторе:

Козлова Марта Андреевна – студентка историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ; kozlova_marta@yandex.ru

Научный руководитель – Исакова Л.В., к.и.н, старший преподаватель кафедры истории, обществознания и права Арзамасского филиала ННГУ

Жигулина Д.М.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ КРЕДИТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация: В данной статье рассматривается исторический аспект регулирования правоотношений, который возникают из кредитных обязательств, рассматриваются период развития римского права и гражданского права в Наполеонской Франции, также проведен анализ изменений в Гражданском кодексе Наполеона 1804 г., связанных с регулированием кредитных правоотношений.

Ключевые слова: кредит, кредитные обязательства, правоотношения, заемные обязательства, заем, римское право, кодекс Наполеона, гражданское право.

Обязательственное право возникло одновременно с формированием первых обществ, хоть и не в том виде, в котором мы привыкли его видеть. Точная дата возникновения первого договора неизвестна, однако, как и большинство элементов гражданского права, обязательственное право почти в неизменном виде пришло к нам из римского права.

Согласно положениям римского права обязательственное право есть правовая связь между двумя (или более) лицами, именуемыми кредитор и должник, в права и обязанности которых входит осуществление определенных действий, передачи определенной вещи в отношении другой стороны (кредитора) [2]. В римском праве обязательство, как и сейчас, включало в себя следующие элементы: стороны обязательства, содержание обязательства, предмет обязательств. [1]

Римское право знало пять оснований возникновения обязательств:

1. Договор – соглашение между двумя или более лицами, на основе которого у сторон возникали новые права и обязанности;

2. Деликт – то есть правонарушение;

3. Закон;

4. Как бы договор – в таком соглашении, в отличие от договора, отсутствует согласование волеизъявления сторон, однако оно подразумевалось;

5. Квазиделикт – правонарушение, в котором личность правонарушителя неизвестна.

[1, 2]

Главной целью заключения контракта или пакта является надлежащее исполнение обязательств со стороны контрагентов. Чтобы исполнение считалось надлежащим, необходимо, в том числе, соблюдать следующие условия: в обязательствах, где личность кредитора имеет значение, должно быть исполнено непосредственно кредитору; личные обязательства должны исполняться непосредственно должником; исполнение должно строго соответствовать содержанию обязательств; обязательство должно быть исполнено в надлежащем месте и в надлежащие сроки. [1]

Поскольку обязательственное право берёт своё начало из античного Рима, почти неизменным оно осталось в таких странах Европы как Италия, Испания, Франция. Одним из наиболее значимых гражданских кодифицированных актов принято считать кодекс Наполеона 1804 г., который является одним из фундаментальных законодательных актов Франции.

Общие положения о займе и ссуде закреплены в ст. 1875 кодекса Наполеона, где говорится, что «Заем для пользования или ссуда есть договор, в силу которого одна из сторон предоставляет другой вещь для пользования, с возложением на взявшего вещь обязанности вернуть ее после пользования». [3] Как следует из приведённой статьи, указанный договор схож с договором аренды. Вместе с тем, предметом такого договора являются родовые вещи, по большей части – денежные средства, слитки золота, драгоценности и др.

В соответствии со ст. 1892 кодекса Наполеона «Заем есть договор, во которому одна из договаривающихся сторон даёт другой известное количество вещей, уничтожающихся чрез употребление, с обязанностью сей последней возвратить столько же, того же рода и того же качества». [3]

Поскольку текст указанной статьи остаётся неизменным уже несколько веков, можно прийти к выводу, что такая формулировка является приемлемой для французского законодательства. Исходя из прямого толкования, предметом договора займа могут являться не столько деньги, сколько любые потребляемые продукты, родовые вещи, которые в последующем необходимо вернуть.

Кроме того, кодекс Наполеона различает договор займа и кредита. Согласно ст. 1894 «Нельзя дать, в качестве потребительного займа, вещей, которые, хотя и относятся к одному виду, но различаются в их индивидуальности, так, например, животные; в этом случае возникает заем для пользования». [3]

Из приведённой статьи вытекает, что родовая вещь становится индивидуально-определённой также в том случае, если у неё есть отличительные особенности: особый окрас у животных, скол на тарелке и т.д.

Ещё одним важным условием договора займа является срок, в течение которого должник обязуется исполнить свои обязательства и возвратить кредитору вещи или сумму. В силу ст. 1899-1901 кодекса Наполеона «Займодавец, до наступления установленного соглашением сторон срока, не может требовать обратно вещей, данных взаймы. Если не было установлено срока для возвращения, то судья может предоставить заемщику срок, сообразно с обстоятельствами. Если в соглашении было установлено лишь то, что заемщик уплатит, когда он сможет, или когда он будет иметь средства, то судья устанавливает срок платежа, сообразно с обстоятельствами». [3]

Таким образом, срок также имел большое значение при заключении договора займа в Франции. Кроме того, в случае, если стороны не могли прийти к соглашению касательно срока, или такой срок просто не устанавливался, то данный вопрос оставался на усмотрение суда.

Также необходимо отметить, что в 1900 г. в кодексе Наполеона появляется новая статья – 1904, которая закрепляет возможность начисления процентов: «Если заемщик не возвращает вещей, взятых взаймы, или их стоимости в установленное соглашением время, то он обязан платить проценты со дня требования платежа или предъявления иска в суде». [3]

Указанная статья схожа со ст. 395 ГК РФ, которая закрепляет начисление процентов на сумму долга в случае просрочки, неправомерного удержания денежных средств, уклонение от их возврата.

Таким образом, можно прийти к выводу, что законодательство о договоре займа минимально изменилось со времён Римской империи. Это указывает на то, что принятые законодательные акты продолжают действовать несмотря на время и место. Кроме того, положения римского права, кодекса Наполеона, Гражданского кодекса РФ очень схожи, что подтверждает выданный вывод.

Список цитируемой литературы:

1. Кудинов, О. А. Введение в римское право : учебное пособие / О. А. Кудинов. - 4-е изд., стер. - Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2020.

2. Максимов, В.А. Римское право [Электронный ресурс] : учебное пособие / В.А. Максимов, С.С. Желонкин. - М. : Юстицинформ, 2019.

3. Французский гражданский кодекс 1804 г. (с позднейшими изменениями до 1939 г.) / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР / перевод Перетерского И.С. – г. Москва, 1941.

Сведения об авторе:

Жигулина Дарья Михайловна – студентка Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»; positiffchick@gmail.com

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной
к 250-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля,
реформатора и учёного М.М. Сперанского

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: А.Н. Оберемок
Обложка: Е.Н. Лаптева
Выпускающий редактор: Л.П. Котенко

Подписано в печать 17.03.2022. Формат 60×84/8
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 89,5. Тираж 100 экз. Заказ 68
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48